This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Ct. Jan. 1931.

HARVARD LAW LIBRARY

Received Sept. 4, 1930.

Digitized by Google

58
10.5
Stoiznov, Andrei Nikolaevich 1830- Dissertacy
От автора.

ОЧЕРКИ

ИСТОРІИ

И

ДОГМАТИКИ

МЕЖДУНАРОДНАГО ПРАВА.

Ocherki istorii i dogmatiki mezhdunarodnago prava

Ординарнаго профессора

А. Н. Стоянова.

Лекціи, читанныя въ $18^{73}/_{74}$ акад. году въ Харьковскомъ университетѣ.

Харьковъ.

Въ университетской типографіи.

1875.

Digitized by Google

Напечатано по опредѣленію совѣта Императорскаго харьковскаго университета.

Ректоръ *А. Питра 2-й.*

APR 4 1939

Digitized by Google

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Издаваемая мною книга «Очерки исторіи и догматики международнаго права» сложилась путемъ устнаго изложенія, на каѳедрѣ родного мнѣ университета въ тотъ годъ, когда, по смерти Д. И. Каченовскаго, возложено было на меня, какъ на магистра международнаго правовѣдѣнія, преподаваніе этого предмета. Три четверти всего напечатаннаго текста представляютъ собою стенограмму лекцій, очень-тщательно, съ любовью къ предмету и съ неутомимою энергіею составлявшихся бывшимъ моимъ слушателемъ, нынѣ кандидатомъ правъ, К. Ѳ. Виноградовымъ. При печатаніи литографированнаго текста записокъ сдѣланы всѣ примѣчанія и нѣкоторыя добавленія.

Пользуюсь этимъ случаемъ, чтобы высказать здѣсь убѣжденіе, подкрѣпленное личнымъ опытомъ, о пользѣ литографированія профессорскихъ лекцій какъ для студентовъ, такъ и для профессоровъ. — Первые своевременно пріобрѣтаютъ точный и полный матеріалъ для изученія, вмѣсто искаженныхъ записокъ, цѣлыя стопы которыхъ съ великимъ трудомъ, съ немалыми денежными пожертвованіями и съ тратою времени, накоплялись не ранѣе какъ къ концу академическаго года. — Послѣдніе не губятъ безслѣдно

Digitized by Google

своего труда, который бываетъ немалъ при составленіи курсовъ по различнымъ наукамъ. Бѣдность нашей литературы, представляющей лишь немного монографій и почти до послѣдняго времени не имѣвшей ни общихъ курсовъ, ни даже сжатыхъ конспектовъ, — бѣдность эта заставляла профессора читать всякій разъ непремѣнно общій курсъ цѣлаго предмета. Но весь этотъ Сизифовъ трудъ, хорошо извѣданный каждымъ преподавателемъ нашихъ университетовъ, оставался подъ-спудомъ, не выходя изъ стѣнъ аудиторіи.

Обычай литографированія выводитъ уже, до извѣстной степени, на свѣтъ божій работу каждаго профессора, а главное— подготовляетъ и значительно облегчаетъ самое дѣло печатанія.

Думаю, что гласность и публичность и здѣсь должны приносить тѣ-же плоды, какіе приносятъ онѣ повсюду: факты менѣе будутъ искажаться кривыми толками и инсинуаціями; особый міръ, гдѣ будто бы возможны всяческія блага и привилегіи для людей, не признающихъ для себя обязанностей, — этотъ міръ сведется, для вѣрнаго глаза и честнаго сужденія, къ дѣйствительнымъ и простымъ своимъ очертаніямъ. Люди, которыхъ такъ давно уже и съ такимъ ожесточеніемъ преслѣдуетъ извѣстная часть прессы нашей за полное бездѣйствіе на одномъ изъ очень важныхъ постовъ, — люди эти предстанутъ на судъ общественнаго мнѣнія съ доказательствами посильнаго и постояннаго труда своего.—Какъ-бы строго, по обычаю, ни отнеслись къ этимъ работамъ, никто не въ силахъ отвергнуть самаго факта изданнаго труда. И за-то спасибо послѣ всего того, что печаталось въ современной нашей прессѣ, или, по-крайней-мѣрѣ, въ особыхъ уголкахъ ея. Давно уже пора считаться у насъ съ такимъ порядкомъ вещей, который лучше всего можно выразить слѣдующею сентенціею: «Quia in professores omnibus licent omnia, jus quoque vitae ac necis penes quemlibet esse, nemo dubitaverit».

Digitized by Google

И такъ, убѣжденіе въ томъ, что необходимо освѣщать полнымъ свѣтомъ всякую общественную дѣятельность, не исключая профессорской, и что этого требуютъ интересы дорогихъ, для каждаго изъ насъ, университетовъ: вотъ одинъ изъ общихъ мотивовъ, внушившихъ смѣлую мысль о печатаніи настоящихъ лекцій по международному праву. — Но были и другія соображенія и поводы, которыми, надѣюсь, у меня никто не отыметъ права поддерживать однажды принятое рѣшеніе: тотъ, кто всходилъ на каѳедру международнаго права послѣ Каченовскаго, принималъ на себя великую нравственную отвѣтственность передъ университетомъ, передъ студентами, передъ своею совѣстью. И опять-таки, лишь свѣтъ гласности и объективный судъ тѣхъ, кто зналъ и безпристрастно цѣнилъ Каченовскаго и профессорскую дѣятельность его, способны снять бремя отвѣтственности съ бывшаго ученика и временнаго преемника покойнаго профессора. – Записки Д. И. Каченовскаго по международному праву представляютъ громадную работу, извѣстную нѣсколькимъ поколѣніямъ студентовъ харьковскаго университета. О напечатаніи этихъ записокъ (или, по крайней мѣрѣ, части ихъ) происходили, въ моментъ, когда я начиналъ свои лекціи, переговоры между душеприказчиками покойнаго профессора и однимъ изъ извѣстныхъ нашихъ петербургскихъ издателей. — Что-же и какъ сдѣлано мною? Есть ли въ издаваемыхъ лекціяхъ какая-нибудь доля собственной профессорской работы? — Вотъ вопросы, рѣшать которые будетъ теперь легко всякому, безъ ущерба для нравственнаго достоинства автора лекцій и безъ умаленія крупныхъ преподавательскихъ заслугъ учителя многихъ поколѣній харьковскихъ студентовъ.

Наконецъ, издавая лекціи эти съ возможно-полными библіографическими указаніями и ссылками, мнѣ хотѣлось принести пользу, главнымъ образомъ, студентамъ родного университета. Этотъ университетъ лишился профессора, болѣе 20 лѣтъ руководившаго занятіями молодежи по одному изъ важнѣйшихъ пред-

Digitized by Google

метовъ въ государственныхъ наукахъ. Кто бы ни сдѣлался постояннымъ преемникомъ Каченовскаго, каковы бы ни были его дарованія и знанія, не слѣдовало допускать перерыва въ занятіяхъ наукой, которой съумѣлъ придать такой живой интересъ покойный профессоръ. Я взошелъ на осиротѣлую каѳедру для того, чтобы, сохраняя безусловную свободу метода, мнѣній и убѣжденій въ частныхъ вопросахъ, поддержать добрыя научныя преданія учителя, который вполнѣ заслуживаетъ уваженія и имя котораго останется выдающимся въ исторіи харьковскаго университета. Далѣе всего сказаннаго не идутъ ни мои притязанія, ни мое честолюбіе.

А. Н. Стояновъ.

Харьковъ.
21 Іюля 1875 г.

Digitized by Google

СОДЕРЖАНІЕ КНИГИ.

Введеніе.

Стр.

Понятіе о международномъ союзѣ. Санкція. Источники. Область дѣйствія международнаго права. Содержаніе международнаго права по различію опредѣляемыхъ имъ отношеній . . . . . 1.

Глава первая.

Исторія международныхъ отношеній, понятія о международномъ союзѣ и судьба науки международнаго правовѣдѣнія. Востокъ. Греція. Римъ. Средніе вѣка и новый періодъ отъ реформаціи до нашего времени.

§ 1. Зародыши международнаго права у дикихъ народовъ. Востокъ. Греція. . . . . 40.

§ 2. Римъ . . . . . 59.

§ 3. Средніе вѣка. Христіанство, западная церковь и ихъ вліяніе на международныя отношенія . . . . 66.

§ 4. Германско-феадальный міръ и значеніе его для международныхъ отношеній. Рыцарство. Города. Морская торговля и источники морскаго торговаго права. . . 73.

§ 5. Періодъ реформаціи и предшественники Г. Гроція. 88.

§ 6. Г. Гроцій. Біографія его . . . . . 95.

§ 7. Разсмотрѣніе сочиненія «De jure belli ac pacis libri tres» . . . . . 103.

Digitized by Google

Стр.

§ 8. Вестфальскій конгрессъ и его вліяніе на политическія и международныя отношенія Европы. . . . 120.

§ 9. Очеркъ международныхъ отношеній и литературы международнаго права отъ вестфальскаго конгресса до утрехтскаго мира . . . . . 130.

§ 10. Очеркъ международныхъ отношеній отъ утрехтскаго мира до 1789 года . . . . . 144.

§ 11. Важнѣйшіе вопросы международнаго права въ промежутокъ времени отъ утрехтскаго мира до 1789 г. 151.

§ 12. Проекты вѣчнаго мира въ XVIII стол. и перечень литературы международнаго права отъ половины XVIII стол. до революціи 1789 года . . . . 159.

§ 13. Очеркъ исторіи международныхъ отношеній отъ революціи 1789 года до нашихъ дней, и въ-особенности о вѣнскомъ конгрессѣ . . . . . 175.

§ 14. Германскій союзъ по вѣнскому конгрессу и позже, до событій 1866 — 1870 годовъ включительно. Швейцарія и ея устройство въ 1815 и 1848 годахъ. 207.

§ 15. Краткій заключительный обзоръ исторіи международныхъ отношеній отъ 1815 — 1818 г. до нашихъ дней. . . . . 240.

§ 16. Очеркъ литературы международнаго права отъ 1769 года до нашихъ дней. . . . . 260.

Глава вторая.

Особенная часть.

§ 17. Субъекты международнаго права. . . . . 279.

§ 18. Различные виды государства. . . . . 287.

§ 18[a]. Вліяніе гражданскихъ войнъ на самостоятельность и тождество государствъ . . . . . 296.

Digitized by Google

Стр.

§ 19. Основныя права государствъ какъ членовъ международнаго союза. . . . . 308.

§ 20. Независимость государствъ въ дѣлахъ законодательства и суда. Самоохраненіе. Равенство государствъ и права на честь. Международный церемоніалъ въ сношеніяхъ государей и правительствъ . . . . . 325.

§ 21. Территоріальная власть государствъ.—Способы пріобрѣтенія и отчужденія территоріи. . . . . 341.

§ 22. О территоріальномъ владѣніи надъ морями . 356.

§ 23. Законодательная власть и юрисдикція государствъ. Случаи столкновенія той и другой власти между различными государствами . . . . . 370.

§ 24. О подданствѣ и о состояніи иностранцевъ вообще. . . . . 437.

§ 25. О правѣ посольства и о связанныхъ съ нимъ учрежденіяхъ . . . . . 443.

§ 26. Консульства. . . . . 456.

§ 27. О международныхъ трактатахъ и соглашеніяхъ. 482.

§ 28. Соглашенія или конвенціи о литературной, художественной собственности и проч. Навигаціонные акты и другіе виды конвенцій и трактатовъ . . . . . 498.

§ 29. О международныхъ повинностяхъ и обязанностяхъ:

a) Международныя повинности . . . . . 544.

b) Международныя обязанности . . . . . 549.

§ 30. О международныхъ спорахъ и различныхъ способахъ рѣшенія ихъ, независимо отъ войны. Медіація. Посредничество и проч. . . . . 557.

§ 31. О правѣ войны.—Общія понятія о войнѣ. Различныя категоріи войнъ . . . . . 604.

§ 32. Дѣйствія войны на лица и вещи. О закон-

Digitized by Google

Стр.

ныхъ врагахъ. Театръ войны. Торговыя связи подъ вліяніемъ военныхъ дѣйствій. . . . . 611.

§ 33. Вліяніе войны на территорію. Военное положеніе и проч. Дозволенныя и недозволенныя средства вредить врагу . . . . . 623.

§ 34. О правахъ воюющихъ на имущество непріятеля. 645.

§ 35. О морской войнѣ . . . . . 663.

§ 36. Трактаты и конвенціи, имѣющіе отношеніе къ военному праву. . . . . 679.

§ 37. Нейтралитетъ . . . . . 687.

§ 38. Торговля нейтральныхъ государствъ. Права нейтральнаго флага. Контрабанда. Блокада. Осмотръ кораблей . . . . . 701.

§ 39. Мирные трактаты.—Jus postliminii. . . . 719.

Приложеніе.

Перечень собраній трактатовъ и конвенцій, заключенныхъ отъ древнѣйшей эпохи до нашего времени. . . 735.

Digitized by Google

ВВЕДЕНІЕ.

Понятіе о международномъ правѣ и международномъ союзѣ. Санкція. Источники. Область дѣйствія международнаго права. Содержаніе международнаго права по различію опредѣляемыхъ имъ отношеній.

Наука международнаго права представляетъ много трудностей, едва-ли не превосходящихъ собою все, что выпало въ этомъ отношеніи на долю остальныхъ отдѣловъ государство- и обществовѣдѣнія.

Въ настоящее время почти на каждомъ шагу слышится тотъ укоръ наукамъ общественнымъ, что—не говоря уже объ основныхъ принципахъ и объ ученіяхъ, на нихъ построенныхъ,—самое содержаніе или объектъ ихъ представляетъ величину безпрестанно и безконечно измѣняющуюся. Кирхманъ — авторъ извѣстной брошюры «Ueber die Werthlosigkeit der Jurisprudenz als Wissenschaft» (т. е. О несостоятельности и слабости правовѣдѣнія какъ науки)—указалъ еще въ 1848 году, какъ далеко отстала, *по методу* и по результатамъ своимъ, юриспруденція отъ тѣхъ *областей* знанія, гдѣ началось еще со времени Бэкона *приложеніе* метода индуктивнаго.

Digitized by Google

Обращаясь къ международному праву, не трудно открыть здѣсь, едва-ли не въ превосходной степени, быструю измѣнчивость фактовъ и неопредѣленность началъ,—измѣнчивость и неопредѣленность, которыя отнимаютъ возможность не только вывести эмпирическій, а тѣмъ болѣе научный законъ, но даже сдѣлать вѣрное наблюденіе съ однимъ рѣшительнымъ выводомъ.

Примѣры на нашихъ глазахъ: по-видимому западная Европа сдѣлала уже до 1870 года рѣшительный шагъ къ смягченію и очеловѣченію войны. Осада Рима французами при президентѣ Лудовикѣ Наполеонѣ показала, что можно щадить, даже при бомбардированіи, благотворительныя заведенія, музеи и памятники искусствъ въ осаждаемомъ городѣ. Но прусскія пушки подъ Парижемъ направлялись противъ больницъ, отмѣченныхъ однакоже флагами съ женевскимъ крестомъ, и грозили сожженіемъ Люксамбургской галлереи. Трактатъ 1856 года, окончившій крымскую войну, рекомендовалъ европейскимъ націямъ «во имя христіанской цивилизаціи, справедливости и человѣколюбія» прибѣгать къ посредничеству съ тѣмъ, чтобы упреждать или погашать международныя столкновенія. Но приняты ли были Бисмаркомъ не только посредническія, но даже скромныя «bons offices» (добрыя услуги) Англіи въ пользу Франціи?

Портальсъ, одинъ изъ знаменитыхъ правовѣдовъ Франціи, выросшихъ подъ вліяніемъ гуманной философіи XVIII вѣка, сказалъ: «La guerre est une relation d'état à état et non d'individu à individu. Entre deux ou plusieurs nations belligérantes, les particuliers dont ces nations se composent ne sont point ennemis comme hommes; ils ne le sont pas comme citoyens; ils le sont uniquement comme soldats» (т. е. война есть отношеніе между государствами, но отнюдь не между частными лицами. Подданные воюющихъ націй враждуютъ между собою случайно, не какъ люди, не какъ граждане, но единственно какъ солдаты).

Digitized by Google

Монтескьё, а за нимъ философъ Кантъ отстаивали, съ горячностью человѣчныхъ сердецъ и съ силою возвышенныхъ умовъ, что «въ войнѣ цивилизованные народы должны причинять другъ другу наименьшее количество зла».

По-видимому, принципы и правила эти нашли себѣ полное признаніе въ наше время, такъ-какъ всѣмъ извѣстны слова въ прусской прокламаціи изъ Саарбрюка: «мы ведемъ войну съ солдатами, но не съ гражданами Франціи» (Je fais la guerre aux soldats et non aux citoyens français—возвѣщалъ король Вильгельмъ всему образованному міру). Но точно такъ-же всѣ должны помнить, какъ, съ одной стороны, пруссаки отрицали качество солдатъ у «вольныхъ стрѣлковъ», и какъ, съ другой стороны, умерщвляли они, холодно и систематически, словно для военно-научныхъ опытовъ, крестьянъ и даже женщинъ въ тѣхъ деревняхъ, гдѣ подымалась чья-либо рука противъ нѣмецкаго солдата. — Представляется немаловажная трудность для того, кто вздумалъ бы примирить начало поголовнаго ополченія, давно введенное пруссаками у себя, съ поголовнымъ разстрѣливаніемъ цѣлыхъ отрядовъ французскихъ стрѣлковъ — ополченцевъ. Не легко также согласовать съ требованіями международнаго права рѣчь прусскаго генерала Фалькенштейна къ мэру города Понтуаза: «Что дѣлать? въ войнѣ есть одно право, которое надъ всѣмъ первенствуетъ: это — право сильнаго» (Que voulez vous, Monsieur, en guerre il y a un droit, qui prime tout: c'est celui de la force).

И такъ, въ 1870 году, видимъ мы открытое отрицаніе того начала, ради котораго работалъ надъ своимъ безсмертнымъ трудомъ Гуго-Гротъ, а именно: «что въ войнѣ, какъ и во всѣхъ *другихъ* международныхъ отношеніяхъ, право должно имѣть перевѣсъ надъ грубою силою». — Мудрено ли, что теорія прусскаго генерала вызвала, 27 іюня 1872 года, энергическій протестъ со стороны извѣстнаго итальянскаго юриста графа Скло-

Digitized by Google

писа (Sclopis), участвовавшаго въ ту пору на посредническомъ судѣ (по поводу споровъ Англіи съ сѣверо-американскими штатами) въ Женевѣ: «Nous avons entendu ce cri terrible — la force prime le droit! C'est un défi porté à la civilisation» (Т. е. мы слышали ужасающій возгласъ—«сила господствуетъ надъ правомъ!». Но вѣдь это вызовъ, брошенный въ лицо всей цивилизаціи). И за-тѣмъ графъ Склописъ прибавилъ: «De cruels démentis ont été donnés aux aspirations des âmes d'élite; mais l'autorité morale des principes ne s'est point affaiblie»... (Горькія разочарованія выпали на долю лучшихъ людей; но тѣмъ не менѣе сила нравственныхъ принциповъ не ослабѣла). Дѣйствительно, нѣтъ другаго исхода для людей науки; приходится тѣснѣе сомкнуться вокругъ нравственныхъ началъ международнаго права, отказавшись, до болѣе счастливыхъ дней, отъ полнаго ихъ приложенія.

«Не слѣдуетъ отступать передъ софизмами», говорилъ въ началѣ 1873 г. извѣстный французскій ученый Люкасъ (Lucas) въ засѣданіи академіи нравственныхъ и политическихъ наукъ въ Парижѣ: «борьба противъ нихъ необходима. Основные принципы цивилизованной войны (и всего вообще международнаго права) особенно нуждаются въ подтвержденіи, когда дерзкіе и опасные нововводители стараются поколебать своими теоріями корень нравственныхъ началъ... Если существуетъ школа софистовъ, то слѣдуетъ разоблачать ихъ на ученыхъ конгрессахъ, передъ цѣлымъ образованнымъ міромъ.... Пусть попробуютъ они доказать, что законъ и правда должны быть рабами грубой силы,—что націи не принадлежатъ самимъ себѣ, что онѣ лишены самобытности, и что судьбами ихъ можно распоряжаться, какъ вещами въ юридическихъ сдѣлкахъ,—что непріятель, вторгнувшись въ чужую землю, можетъ безнаказанно разстрѣливать, какъ разбойниковъ и мародеровъ, тѣхъ гражданъ, которые захотятъ защищать свою родину,—что, наконецъ, не

Digitized by Google

нужно прибѣгать къ посредничеству для устраненія поводовъ къ войнѣ, такъ-какъ высшее начало въ этомъ мірѣ есть сила, способная отыскать для самой себя судъ и расправу».

Спрашивается, можно ли предполагать у всѣхъ представителей науки международнаго права тѣ убѣжденія и чувства, которыя воодушевляютъ графа Склописа и Люкаса? Въ настоящее время, сент. 1873 года, когда только-что прошли три года послѣ систематическихъ нарушеній военнаго права пруссаками во Франціи, происходитъ въ Гентѣ (въ Бельгіи) международная конференція европейскихъ ученыхъ, профессоровъ и публицистовъ. — 10 сент. (новаго ст.) 1873 г., конференція эта утвердила уставъ «института международнаго права», т. е. ученаго общества изъ лучшихъ представителей науки и практики международнаго права. Цѣлью общества признано: 1) содѣйствовать успѣхамъ международнаго права и сдѣлаться органомъ юридическаго сознанія всего образованнаго міра; 2) способствовать, посредствомъ печатныхъ изданій, публичнымъ преподаваніемъ и всѣми другими способами торжеству тѣхъ началъ правды и человѣколюбія, которыя должны управлять международными отношеніями; 3) формулировать и распространять общія начала науки и правила, изъ нихъ вытекающія; 4) поддерживать всякую серіезную попытку постепенной и прогрессивной кодификаціи международнаго права; 5) добиваться оффиціальнаго признанія тѣхъ началъ, которыя будутъ признаны соотвѣтствующими потребностямъ современнаго общества; 6) стараться по мѣрѣ силъ и компетенціи общества о поддержаніи мира и о соблюденіи законовъ войны; 7) разбирать тѣ затрудненія, которыя будутъ возникать при истолкованіи или приложеніи международнаго права, и высказывать, если потребуется, мотивированныя юридическія мнѣнія относительно спорныхъ или сомнительныхъ случаевъ.

Такова, во многихъ отношеніяхъ замѣчательная, программа

Digitized by Google

международной конференціи въ Гентѣ 1873 г. Подобное постоянство и вѣрность началамъ международнаго права, не смотря ни на какія нарушенія ихъ торжествующею и грубою силою, заслуживаютъ глубокаго уваженія. Все это должно быть отмѣчено исторіею.

Конечно, енергическія усилія образованныхъ и гуманныхъ людей не скоро увѣнчаются успѣхомъ. Но горе, если мы станемъ доискиваться лишь одного того, что даетъ скорые и непосредственные результаты. Нужно прежде всего блюсти принципы и идеи, припоминая то правило, которое, говорятъ, любилъ высказывать Вашингтонъ: «неразрывная связь соединяетъ честную и великодушную политику съ благомъ народовъ».

I. Международное право составляетъ необходимый элементъ современной гражданственности, каковы бы ни были недостатки его въ теоріи и на практикѣ. Не даромъ американскій ораторъ и публицистъ Даніилъ Вебстеръ (Daniel Webster) сказалъ, что «существованіе и примѣненіе международнаго права на-столько же выгодно для государствъ, на-сколько частное право—для отдѣльныхъ лицъ въ обществѣ (A law whose existence and application is as advantageous to states, as the existence of private law to the citizens of a country)[1]. Ни одинъ скептикъ не станетъ отрицать того, что существуетъ такъ называемый международный союзъ, т. е. болѣе или менѣе тѣсная связь и общеніе, въ формѣ самыхъ разнообразныхъ отношеній,

---

[1] Можно смѣло спросить, въ-слѣдъ за многими публицистами: какое значеніе имѣло бы частное право при современномъ развитіи космополитическаго общенія, если-бы самыя законныя требованія чужеземца зависѣли, при первомъ переходѣ его за отечественную границу, отъ одного произвола иностраннаго суда и правительства? Ясно, что правоспособность отдѣльныхъ лицъ получаетъ законченность и полную дѣйствительность лишь подъ условіемъ гарантій международныхъ, т. е. такихъ обезпеченій, которыя имѣютъ силу охранять права и за предѣлами мѣстнаго законодательства.

Digitized by Google

между самостоятельными государствами и націями образованнаго міра. Необходимость и дѣйствительность такого порядка есть дѣло очевидное. Нужно только припомнить, что люди, разсѣянные по лицу земнаго шара, подчиняются тому высшему закону, что силы человѣческія ограниченны, а потребности разнообразны до безконечности,—и что, слѣдовательно, жизнь какъ отдѣльныхъ людей, такъ и цѣлыхъ націй возможна только при взаимномъ обмѣнѣ тѣхъ благъ и средствъ, которыми располагаютъ одни изъ нихъ, но которыхъ лишены другіе. «Естественная необходимость, говоритъ въ сочиненіи своемъ (Political Ethics. P. 154) недавно умершій сѣверо-американскій профессоръ международнаго права Либеръ (Lieber), заставляетъ нѣмца получать рисъ отъ жителя Каролины и посылать свое льняное полотно въ сѣв. Америку»... «Для человѣка нѣтъ середины: онъ долженъ или коснѣть въ варварствѣ и прозябать въ слабости, если останется изолированнымъ, или же быть цивилизованнымъ и могучимъ, если вступитъ въ крѣпкое общеніе съ другими людьми. Значеніе общества, какъ фактора цивилизующаго и усовершающаго, дѣлается очевиднымъ для людей съ каждымъ новымъ ихъ успѣхомъ въ гражданственности»[1].

Нѣтъ надобности останавливаться на подробномъ развитіи этихъ общеизвѣстныхъ положеній. Разъ люди доказали, всею своею исторіею, что общеніе есть высшій законъ для человѣка,—разъ понята и высказана была аксіома, что государство не можетъ, не посягая на свое благо, отдѣлить китайскою стѣною собственныхъ подданныхъ отъ всемірногражданскаго оборота съ членами другихъ націй: и само собою представляется заключеніе, что для международнаго права имѣется весьма твердое основаніе. Солидарность и общеніе между народами имѣютъ весьма глубокіе и отдаленные корни; то и другое дѣйствовало, независимо отъ воли людей, отъ ихъ раздоровъ и столкновеній, да-

[1] Сравн. in extenso изложеніе этихъ мыслей у Либера: U. S. p. 130—137.

Digitized by Google

же въ то время, когда никто и не помышлялъ о международномъ правѣ. «Изъ исторіи узнаемъ мы—говоритъ бывшій берлинскій профессоръ Гольцендорфъ—что не пропадаетъ даромъ трудъ самыхъ отдаленныхъ, давно уже угасшихъ народовъ. Понятія о нравственности, выработанныя совмѣстно монотеистическими религіями востока и греческою философіею, — признаніе гражданской правоспособности за всѣми людьми, безъ различія расы и мѣстожительства (результатъ правоваго развитія римлянъ), — принципъ свободы совѣсти въ дѣлахъ религіи, — свобода торговли и мореплаванія, — высокая польза всемірнаго общенія идей, научныхъ открытій и истинъ при международномъ обезпеченіи ученой и литературной собственности: вотъ какими путями подготовлено было и вкоренилось убѣжденіе образованнаго міра, что нѣтъ такого государства и народа, которые могли бы, безъ существеннаго ущерба, отказаться отъ общенія съ прочими народами и государствами»[1].

И такъ международный союзъ, примиряющій космополитическую идею съ началомъ народности и съ независимостью отдѣльныхъ государствъ, есть фактъ очевидный до несомнѣнности. Но повсюду, гдѣ есть союзъ между людьми, тамъ должны быть нормы или правила для того, чтобы союзъ могъ существовать и достигать своей цѣли. Аксіома эта вытекаетъ изъ кореннаго понятія «юридическаго отношенія», элементами котораго являются: субъектъ, объектъ и норма, устанавливающая правовую связь между лицомъ и предметомъ. Такимъ образомъ повсюду, гдѣ только сталкиваются между собою нѣсколько правоспособныхъ лицъ, сейчасъ-же возникаетъ — и должна возникать — извѣстная система правилъ, устанавливающая между ними modus vivendi. Въ юридическихъ отношеніяхъ между независимыми государствами и націями такую роль играетъ международное право.

Что же такое международное право? И какія опредѣленія ему

[1] См. *Holtzendorff*, Encyclopädie der Rechtswissenschaft etc. SS. 763, 764.

Digitized by Google

выставлены современною литературою? Здѣсь вполнѣ примѣчимо замѣчаніе: «Quot capita, tot sensus».

Обращаясь къ извѣстному сочиненію Кента (Commentary on international law. Cambridge, 1866), мы видимъ, что у него подъ международнымъ правомъ разумѣется «совокупность правилъ, установленныхъ обычаемъ, соглашеніемъ и судебными приговорами, къ которымъ (правиламъ) прибѣгаютъ независимыя государства для опредѣленія правъ, обязанностей и всѣхъ вообще отношеній въ мирѣ и въ войнѣ». Къ этому подробному описанію признаковъ и источниковъ международнаго права прибавлено замѣчаніе, что, между прочимъ, право это опирается на общественное мнѣніе цивилизованнаго міра. Однако-же, не смотря на подробность свою, дефиниція Кента упускаетъ ту сторону международнаго права, на которую обращаетъ вниманіе Робертъ Ф. Моль въ своемъ сочиненіи Staatsrecht, Völkerrecht und Politik. I, 1860. pp. 579, 580 etc., а именно: кромѣ отношеній между государствами, какъ юридическими и собирательными лицами, въ международныхъ сношеніяхъ современнаго міра участвуютъ различныя ассоціаціи, товарищества и учрежденія, какъ представители и носители интересовъ общества, независимо отъ принадлежности послѣдняго къ тому или другому государству (напр. акціонерныя, промышленныя общества, — банки, — желѣзно-дорожныя компаніи, — религіозныя, ученыя учрежденія и пр.). За-тѣмъ усиленіе общенія между людьми — явленіе неизбѣжное при желѣзныхъ дорогахъ, телеграфахъ и при могущественномъ развитіи торговли, установившей тѣснѣйшую связь между Лондономъ, Парижемъ и любымъ уголкомъ Америки, Австраліи и Африки — такое усиленное общеніе завязываетъ массу юридическихъ и экономическихъ отношеній между отдѣльными гражданами различныхъ государствъ и народностей. Отсюда важность въ наукѣ международнаго права тѣхъ правилъ, которыми опредѣляются многообразные случаи подобныхъ отно-

Digitized by Google

шеній обществъ къ обществамъ и лицъ къ лицамъ за предѣлами отечества — (такъ называется частное международное право, Privat-Völkerrecht, Droit international privé), а слѣдовательно и необходимость — внести этотъ элементъ въ дефиницію международнаго права. Такую задачу выполняетъ дефиниція, данная международному праву французскимъ юристомъ Феликсомъ[1], а именно: «международное право есть совокупность началъ, принятыхъ образованными и независимыми націями для опредѣленія взаимныхъ отношеній и для разрѣшенія столкновеній въ управляющихъ ими (различными націями) законахъ и обычаяхъ (L'ensemble des principes admis par les nations civilisées et indépendantes pour régler les rapports qui existent ou peuvent naître entre elles, et pour décider les conflits entre les lois et les usages divers qui les régissent). Въ опредѣленіи южно-американскаго публициста Белло (Bello, † 1863 г.) сказано, въ видахъ уясненія цѣли международнаго права, что «право это есть совокупность законовъ и общихъ правилъ, которыя должны быть соблюдаемы народами въ интересахъ ихъ безопасности и общаго благосостоянія». Не считаемъ нужнымъ останавливаться на всей массѣ сдѣланныхъ въ новѣйшей литературѣ опредѣленій; изъ нихъ самое сжатое принадлежитъ американскому писателю Галлеку[2], а именно: «международное право содержитъ правила, управляющія отношеніями между государствами»[3]. Профессоръ Д. И. Каченовскій (см. Курсъ международнаго права. Вып. 1-й стр. 19) говоритъ: «международное право обнимаетъ внѣшнюю жизнь са-

---

[1] *Fœlix*, Traité de droit international privé, 1860. 4-е изд.

[2] The laws of nations *Halleck*, S. Francisco, 1861.

[3] P. 42. Chapt. II. «International law, or the law of nations, may be defined to be, The rules of conduct regulating the intercourse of States». Тамъ-же подробное указаніе публицистовъ и юристовъ, отъ Г. Гроція, Пуффендорфа и Ваттеля до новаго времени, дающихъ различныя опредѣленія международнаго права, ср. *Heffter*, Das Europ. V.-R. Einleitung. § 1.

Digitized by Google

мостоятельныхъ государствъ или юридическія отношенія ихъ между собою... Цѣль международнаго права состоитъ въ томъ, чтобы обезпечить порядокъ и спокойствіе на землѣ, поддержать всемірно-гражданскій оборотъ, защитить личность за предѣлами отечества и такимъ образомъ способствовать развитію гражданственности».

Въ общемъ выводѣ можетъ быть сдѣлано такое опредѣленіе: международное право есть совокупность общихъ началъ и правилъ, которыми опредѣляются взаимныя отношенія самостоятельныхъ государствъ и разрѣшаются столкновенія въ законахъ и обычаяхъ отдѣльныхъ народовъ, для упроченія и развитія всемірно-гражданскаго оборота. Разсматривая содержаніе международнаго права, какъ матеріалъ, который связанъ въ систематическое цѣлое одною общею идеею и разрабатывается посредствомъ извѣстныхъ пріемовъ ума человѣческаго, мы получимъ понятіе о наукѣ международнаго правовѣдѣнія.

II. Но если отношенія международныя опредѣляются правовыми нормами, то гдѣ же санкція его? Гдѣ та принудительная и верховная сила, которая не только заботится о соблюденіи началъ, предписанныхъ международнымъ правомъ, но и ставитъ въ необходимость — исполнять ихъ, подъ страхомъ суда и наказаній? Нужно сознаться, что здѣсь заключается одинъ изъ самыхъ щекотливыхъ вопросовъ въ международномъ правовѣдѣніи. Въ этомъ пунктѣ представляется точка приложенія, и притомъ наиболѣе удобная, для того скептицизма относительно международнаго права, различныя проявленія котораго разобраны съ такою полнотою въ курсѣ профессора Каченовскаго (см. Вып. I-й §§ 8, 9). Между прочимъ — мнѣніе Савиньи о санкціи международнаго права скептическаго свойства, а именно: международное право есть право положительное, но несовершенное: 1) по причинѣ неопредѣленности его началъ; 2) по отсутствію органа такой власти,

Digitized by Google

которая могла бы господствовать надъ цѣлымъ международнымъ союзомъ. Нельзя не признать трудностей вопроса о санкціи, но обойдти его также невозможно, потому что наука только теряетъ въ своемъ достоинствѣ, когда боязливо минуетъ щекотливые и спорные вопросы. Трудность этихъ вопросовъ не пугала лучшихъ представителей международнаго правовѣдѣнія ни за границей, ни у насъ въ Россіи; такъ, между прочимъ профес. Каченовскій и прежде его излагавшій международное право въ харьковскомъ университетѣ проф. Степановъ обстоятельно разсмотрѣли возраженія: Степановъ — Пуффендорфа, а Каченовскій — многихъ другихъ писателей противъ положительности международнаго права. Идя къ иностранной литературѣ, можно было бы привести множество замѣчаній о шаткости и пробѣлахъ международнаго правовѣдѣнія. Ограничимся цитатою изъ новаго англійскаго изданія Кента (*Kent*, Commentary on international law, т. е. Толкованія на международное право), который говоритъ, что «область, основы, самые элементы международнаго права представляютъ спорные пункты». Замѣтимъ еще, предварительно нашего мнѣнія о санкціи, что лишь въ недавнее время установилось на западѣ самое названіе «международное право». Еще въ XVIII ст. до Бентама, господствовало смѣшеніе международнаго права съ правомъ естественнымъ и съ римскимъ jus gentium. На различіе между jus gentium и международнымъ правомъ первый указалъ въ самомъ названіи оксфордскій проф. Зѣчъ (Zouch, по-латыни Zuchæus) 1650 года — «Juris et judicii fecialis, sive juris inter gentes explicatio». Что касается Россіи, то лишь въ новѣйшее время принято названіе «права международнаго», составляющее буквальный переводъ jus inter gentes. У насъ, въ харьковскомъ университетѣ, до профессора Каченовскаго преобладало названіе «право народовъ». Проф. Степановъ читалъ международное право подъ именемъ «права народовъ». Отсылая къ 8 и 9 §§ 1 вып. курса Каченовскаго, гдѣ подробно

Digitized by Google

разобраны скептическіе взгляды на международное право, выскажемъ здѣсь по вопросу объ основахъ санкціи, о положительномъ характерѣ международнаго права слѣдующія замѣчанія: 1) скептическія возраженія никогда не могутъ поколебать и уничтожить естественныхъ и всемірно-историческихъ основъ международнаго права, т. е. высшихъ законовъ общенія и солидарности образованныхъ націй; 2) скептическія возраженія не могутъ уничтожить необходимости правовыхъ нормъ въ сношеніяхъ между отдѣльными, самостоятельными народами, какъ членами космополитическаго міроваго союза. Афоризмъ: ubi societas, ibi jus est — всегда останется такимъ-же твердымъ относительно международнаго союза, какимъ онъ былъ, есть и будетъ относительно семейнаго союза и для государства, управляемаго единою властью. 3) Не всегда и не всѣ правовыя нормы обязаны своимъ происхожденіемъ писанному, вынуждающему закону; свободныя соглашенія, даже юридическая автономія (правовое творчество), когда правила установляются и выполняются разумною волею единичныхъ лицъ, имѣютъ значеніе въ области гражданскаго права; тѣмъ болѣе нѣтъ основанія отвергать правовую автономію въ международныхъ сношеніяхъ. Пусть же международное право было и будетъ самымъ свободнымъ правомъ въ томъ смыслѣ, что оно произошло не по предписанію власти, а путемъ соглашенія, путемъ обычаевъ и разумнаго сознанія общихъ нуждъ между народами. Но не смотря на это, международное право нельзя назвать «ни государственною моралью — говоритъ Геффтеръ — ни безсвязнымъ соединеніемъ правилъ политической мудрости, ни произвольнымъ результатомъ разрозненныхъ трактатовъ и обычаевъ. Съ первымъ нельзя согласиться, потому что международное право не лишено вполнѣ и всякихъ средствъ для своего принудительнаго выполненія: здѣсь, въ международномъ правѣ, можно достигнуть такихъ безпристрастныхъ посредническихъ приговоровъ, какими не по-

Digitized by Google

хвалится ни одинъ высшій судъ въ любомъ государствѣ. Со вторымъ нельзя согласиться потому, что высшій, коренной источникъ международнаго права заключается въ сознательной разумной волѣ, слѣдовательно въ юридическихъ убѣжденіяхъ цѣлаго человѣчества». 4) Всемірная исторія указываетъ примѣры, какъ карались завоевательныя стремленія, нарушавшія коренныя основы международнаго права: независимость и свободное общеніе націй. Но если и допустить, что независимыя націи и самостоятельныя государства не признаютъ вынуждаемости правилъ, вытекающихъ изъ договоровъ, то 1) есть не мало цивилистовъ, которые доказываютъ, что вынуждаемость дѣйствій не мыслима, во всей полнотѣ своей, и въ области гражданскаго права. Во 2-хъ, въ отсутствіи вынуждающаго и карающаго закона и заключается причина, почему правила, которыя установляются между народами и диктуются общимъ юридическимъ убѣжденіемъ, трактатами и обычаями образованныхъ націй, пріобрѣли силу, близкую къ обязательности закона. Функціи и общественная роль правилъ международныхъ если не вполнѣ тождественны, то очень сходны съ функціями закона, предписаннаго властью въ отдѣльномъ государствѣ. Почти всѣ дѣйствія и отношенія, которыя опредѣляются международнымъ правомъ, совершенно аналогичны съ дѣйствіями, которыя нормируются положительнымъ правомъ въ отдѣльномъ государствѣ. Международное право предписываетъ уважать права собственности, неприкосновенность территорій, уваженіе къ договорамъ etc. Даже война имѣетъ (конечно болѣе отдаленное) сходство съ судебною борьбою въ формѣ процесса. (Извѣстно, что у римлянъ процессъ долгое время былъ обставленъ торжественностями, сближавшими его съ войною. Феодализмъ ввелъ на судахъ поединокъ). Rationes, мотивы, которые обосновываютъ правила, дѣйствующія въ международномъ союзѣ, аналогичны съ мотивами правилъ, предписанныхъ частнымъ положительнымъ правомъ. Наконецъ, сила и значеніе, ко-

Digitized by Google

торое получаютъ международныя правила путемъ общаго признанія, при тяжкихъ послѣдствіяхъ, которыми чаще всего сопровождается неисполненіе ихъ, очень близки къ силѣ постановленій положительнаго права, дѣйствующаго внутри государствъ. Оставивъ въ-сторонѣ указаніе на отдаленный, хотя и неизбѣжный судъ исторіи противъ нарушителей международнаго права и на принципъ политическаго равновѣсія, напомнимъ, что война, посредничество и репрессаліи допускаются въ международномъ правѣ именно для того, чтобы поддержать практическую силу этого права. Вообще могущественная сила вещей и потребность обезпеченнаго всемірно-гражданскаго оборота придаютъ международному праву санкцію, которая, не будучи безусловно-крѣпкою, можетъ достигать своей цѣли въ громадномъ большинствѣ отдѣльныхъ случаевъ и столкновеній. Трудно повсюду добывать абсолютныя истины, особенно трудно это въ общественныхъ наукахъ, и вотъ еще одна изъ причинъ, по которымъ можно довольствоваться относительнымъ и условнымъ понятіемъ о санкціи международнаго права, какъ такой системы началъ и правилъ, которая несомнѣнно съ большою пользою и ради этой именно пользы дѣйствуетъ два-три вѣка въ средѣ образованныхъ народовъ. Геффтеръ (Берлинскій профессоръ, авторъ руководства по международному праву: «Das Europäische Völkerrecht der Gegenwart») говоритъ, что международное право въ своихъ исходныхъ пунктахъ опиралось на внѣшнюю необходимость и матеріальную пользу націй, но въ дальнѣйшемъ развитіи привзошли въ него начала моральныя, и постепенно, но неуклонно исключили изъ сферы его все безнравственное, все безправое. «Справедливо думаютъ, говоритъ онъ, что, будучи однимъ изъ позднѣйшихъ продуктовъ европейской цивилизаціи, международное право составляетъ главную опору для той-же самой цивилизаціи въ будущемъ». Нельзя скрывать, однако-же, что полному и скорѣйшему его развитію, къ сожалѣнію, находятся

Digitized by Google

препятствія въ современномъ политическомъ состояніи Европы. Она, очевидно, переживаетъ тяжелый кризисъ, который сказался въ событіяхъ 1870-го г., но и до этого времени, когда, по видимому, господствовалъ миръ и развивались культурныя отношенія, можно бы указать такіе факты въ международныхъ сношеніяхъ и во внутренней государственной жизни разныхъ державъ, которые служатъ вѣрнымъ симптомомъ болѣзненнаго состоянія. Вопросы національностей, скученіе государствъ въ обширныя монархіи, перевороты въ Испаніи, во Франціи указываютъ на то, что общественныя и политическія стороны жизни западно-европейской переживаютъ и могутъ еще далѣе испытать новыя потрясенія. Такое состояніе политическаго міра не позволяетъ думать, чтобы международное право могло представлять на всѣ случаи готовый уже кодексъ правилъ, чтобы международное право порѣшило своимъ вліяніемъ всѣ тяжелые, жгучіе вопросы. Кто относится строго къ нашей наукѣ, тотъ забываетъ, что всѣ общественныя науки имѣютъ и силу и слабость въ томъ, что слишкомъ тѣсно связаны съ жизнью. Отсюда понятно то вліяніе, которое оказываютъ на нихъ частыя столкновенія силъ, борьба безконечно мѣняющихся, дробящихся интересовъ: при такихъ условіяхъ, абсолютныхъ рѣшеній наука дать не можетъ. Въ заключеніе можно привести разсказъ графа Сегюра, посла Лудовика XVI при петербургскомъ дворѣ, о томъ, какъ охарактеризовалъ ему тогдашнее положеніе международныхъ отношеній знаменитый своею опытностью и остроуміемъ испанскій дипломатъ Аранда: «Всѣ государства Европы, большія и малыя, представляютъ неправильныя очертанія: при взглядѣ на карту, легко замѣтить массу выдвигающихся угловъ и брешей. Взглянемъ на Россію: возлѣ нея на югѣ — Крымъ, Молдавія и Валахія тянутъ къ Черному морю, но они были бы по вкусу для московской политики. Если пойдемъ къ сѣверу, то такимъ выступомъ выдвигается Польша, еще далѣе къ сѣверу—Финляндія; она те-

Digitized by Google

перь принадлежитъ Швеціи, но и она очень близка къ Петербургу. Норвегія тянетъ къ шведской территоріи, но составляетъ теперь принадлежность Даніи. Пруссія представляетъ особенно много вырѣзовъ, которые не мѣшало бы дополнить со стороны Саксоніи, Силезіи и Рейна. Австрія владѣетъ Голландіей, которая собственно есть національность германская, между тѣмъ какъ она ближе къ Франціи. Венеція и Пьемонтъ слишкомъ близко находятся къ территоріи Австріи». Нельзя сказать, чтобы картина эта примѣнялась къ теперешней Европѣ, но никто не рѣшится утверждать, чтобы уничтожены были совершенно тѣ вырѣзки и уступы въ очертаніяхъ государствъ, на которыя указывалъ графъ Аранда Сегюру. Между тѣмъ международное право есть система правилъ, которыя должны примѣняться въ данный моментъ. Можетъ ли международное право, основанное въ существѣ своемъ на правдѣ, общей пользѣ, требующее высшаго и человѣчнаго развитія націй и политической ихъ жизни, разсчитывать на полное свое примѣненіе, когда система политики международной въ данную минуту представляетъ еще многія несовершенства, когда на картѣ Европы все еще задержалось столько взаимной несправедливости, когда предѣлы государствъ представляютъ наглядную исторію захватовъ, военнаго или юридическаго грабежа? Для отмѣны всего ненормальнаго нужны событія. которыя не совершаются одною наукою; конечно, только начала и идеи чести, законности и справедливости могутъ сдѣлать характеры и умы людей способными дѣйствовать на пользу прогресса въ данную минуту, но моментъ, удобный для приложенія этихъ идей и началъ, не зависитъ отъ науки. Слѣд. нѣтъ надобности нападать на одну науку, а лучше подумать, нѣтъ ли такихъ общихъ и сложныхъ причинъ, скрытыхъ въ исторіи, которыя мѣшаютъ развитію и примѣненію болѣе твердаго и вѣрнаго природѣ своей международнаго права[1].

[1] Сравн. замѣчаніе *Поля Жанѣ*, высказанное въ Revue des Deux Mon-

Digitized by Google

Но спрашивается, можно ли сомнѣваться въ абсолютной силѣ санкціи международнаго права въ виду тѣхъ средствъ, которыя выработаны политическою практикою? Если политическая единица (держава) не можетъ быть наказуема, какъ граждане въ государствѣ, за нарушеніе законовъ международнаго права, то нельзя ли предупредить правонарушенія системою постоянныхъ союзовъ или примѣненіемъ начала политическаго равновѣсія? Не явится ли здѣсь такое закрѣпленіе, которое придастъ абсолютную силу санкціи международнаго права? Но ничто такъ не обманывало политиковъ, какъ устарѣвшая система постоянныхъ союзовъ между государствами. Новѣйшая исторія Европы не представляетъ такого равномѣрнаго теченія событій, которое было бы неизбѣжнымъ при правильномъ соединеніи государствъ въ отдѣльныя, постоянныя группы, связанныя прочными узами неизмѣнныхъ общихъ интересовъ. Но, можетъ статься, лучше обратиться къ XVIII ст., этой эпохѣ политическихъ союзовъ по преимуществу. Были ли эти союзы постоянны? преслѣдовали ли эти союзы извѣстныя общія цѣли? были ли обезпечены этими союзами миръ и всѣ другіе интересы и начала международнаго права? Послѣ утрехтскаго мира, Англія и Франція, бывшія во враждѣ со времени вступленія на престолъ Вильгельма Оранскаго, отстаиваютъ общими силами статьи утрехтскаго трактата.

---

des (1 Nov. 1874) по поводу «Введенія въ соціологію» *Герберта Спенсера* (Bibliothèque scientifique internationale. Paris, 1874. Germer-Baillère). Указавши, что однимъ изъ послѣдствій сравненія біологіи съ соціологіею является у англійскаго философа понятіе о прогрессѣ какъ «объ органическомъ саморазвитіи», П. Ж. говоритъ: «La conséquence très-solide de ces principes, c'est qu'on ne peut agir artificiellement sur les sociétés par des plans abstraits et théoriques, et opérer rapidement et brusquement des changemens radicaux du mal au bien; c'est que les changemens ne peuvent etre que lents et que chaque génération n'y contribue que pour une tres-faible part» etc. Текстъ лекціи (стр. 17) избавляетъ отъ обязанности доказывать, что цитированный выводъ изъ теоріи г. Спенсера не ведетъ безусловно къ ученію о полномъ безучастіи отдѣльныхъ личностей и цѣлыхъ націй въ дѣлѣ прогресса международнаго права.

Digitized by Google

Но за-то германскій императоръ въ 1719 году приступаетъ къ четверному союзу (Quadruple alliance), а въ 1725 г. уже оставляетъ этотъ союзъ и соединяется съ государствами, которыя враждебны съ прежними постоянными его союзниками. Испанія заискиваетъ союза съ Австріею, по-видимому, забывъ вражду къ этой державѣ; въ 1725 году достигается заключеніе союза между Австріею и Испаніею; но въ 1729 г. союзъ этотъ расторгается. Пруссія, 1725 г., составляетъ союзъ съ Франціею и Англіею, но чрезъ два года, 1727 г., Пруссія передается врагамъ своихъ союзниковъ и т. д. до конца столѣтія. Результатомъ подобныхъ комбинацій были не миръ и вѣчный союзъ, но войны, пока революція не соединила консервативныя правительства, чтобы противодѣйствовать Франціи. Даже на нашихъ глазахъ совершаются событія, которыя весьма поучительны по вопросу о союзахъ: между Турціею и Россіею были продолжительныя войны; 1856 годъ извѣстенъ своими событіями и послѣдствіями ихъ въ военномъ и политическомъ отношеніи: до послѣднихъ дней, ограничено было вліяніе Россіи на Черномъ морѣ. Но любопытно, что Турція—этотъ вѣковой врагъ Россіи—сближается съ нею въ настоящую минуту, при чемъ замѣтно желаніе отставить на второй планъ Францію и Англію, т. е. союзниковъ Турціи во время крымской войны. За-тѣмъ Италія, которая цѣлые вѣка враждовала съ Австріею, теперь перемѣняетъ свою политику. Австрія вмѣстѣ съ Италіей стремятся побороть общаго врага — римскій ультрамонтанизмъ. Наконецъ, что сдѣлало «сердечное согласіе» между Франціею и Англіею въ 1870 г.? Ничего; а между-тѣмъ и французскіе и англійскіе государственные люди серьезно думали, что это согласіе могло и должно было выразиться цѣлымъ рядомъ серьезныхъ мѣръ содѣйствія, поддержки, соучастія. И такъ, политическіе союзы государствъ оказывались мало надежными и во многихъ случаяхъ принесли болѣе вреда, чѣмъ пользы для международ-

Digitized by Google

наго союза. И понятно—почему. Что бы ни говорили о большой политической зрѣлости западно-европейскихъ націй, о конституціонномъ ихъ прогрессѣ, въ дипломатіи играютъ еще сильную роль династическіе интересы, на направленіе политики вліяютъ личности ловкихъ министровъ. Конечно, интриги въ духѣ кардинала Альберони и Елизаветы Пармской, которыя повлекли за собою страшныя послѣдствія, теперь невозможны; но можно напомнить ту роль, которую играла императрица Евгенія съ своими личными династическими разсчетами передъ тѣмъ, когда Франція объявила войну Пруссіи. Побѣда надъ Пруссіею могла дать новую славу наполеоновской фамиліи.

Допустимъ, однакожъ, что въ современномъ международномъ союзѣ дѣйствительно достигли большаго значенія, чѣмъ прежде, общія цѣли и интересы, что въ политикѣ общія государственныя цѣли и выгоды составляютъ главное и только какъ исключеніе проявляется дѣйствіе личныхъ династическихъ интересовъ. Тогда можно спросить, что же такое государственные и національные интересы? Можно ли всегда составить опредѣленное, конкретное понятіе о томъ, что именно въ данную минуту составляетъ «интересъ» для государства? Есть ли эти интересы нѣчто неизмѣнно-реальное, или же такъ называемый государственный интересъ есть нерѣдко величина обманчивая и призрачная? Нужно замѣтить, что часто интересы эти бываютъ крайне сложны и запутаны, что они не идутъ согласно съ интересами другихъ государствъ, а сталкиваются враждебно, и что, слѣд., государственные интересы представляютъ такіе факторы международныхъ отношеній и политическихъ событій, которые не ведутъ за собою, какъ нѣчто неизбѣжное, ни водворенія мира, ни упроченія общественнаго прогресса. Профессоръ Бернардъ замѣчаетъ въ одной изъ своихъ лекцій, что для англичанъ «очень трудно не только дать оцѣнку, но даже понять силу идей и убѣжденій, которыя преобладаютъ въ данное время по политическимъ

Digitized by Google

вопросамъ во Франціи, и что, съ другой стороны, французы приписываютъ англичанамъ такіе мотивы, которыхъ въ сущности не бывало»[1]. Но если въ нашъ вѣкъ общенія между націями самые просвѣщенные представители международнаго права на образованномъ западѣ высказываютъ такія истины, то, идя далѣе, мы должны будемъ встрѣтить еще большую трудность въ томъ, чтобы общіе интересы однихъ государствъ и народовъ были отчетливо понимаемы и уважаемы у другихъ народовъ. Въ общемъ выводѣ, государственные интересы не могутъ служить основаніемъ, на которомъ было бы построено твердое зданіе постоянныхъ союзовъ, главнымъ образомъ по той причинѣ, что самые политическіе интересы націй и государствъ бываютъ измѣнчивы, сложны и неопредѣленны, что интересы эти часто оказываются обманчивыми и враждебно сталкиваются съ интересами другихъ государствъ и народовъ. А отсюда ясна невозможность искать въ системѣ постоянныхъ союзовъ закрѣпленія того, что называется санкціею международнаго права.

Что же такое принципъ политическаго равновѣсія? — Есть публицисты, которые справедливо находятъ неточнымъ обозначеніе политическаго равновѣсія принципомъ. Политическое равновѣсіе есть довольно неопредѣленное выраженіе для такого правила политической мудрости, что «никакое государство не должно становиться на-сколько могущественнымъ, чтобы перевѣшивать собою силу остальныхъ государствъ». Отсюда вывели слѣдующія положенія: 1) подъ равновѣсіемъ нужно разумѣть такое распредѣленіе политическихъ силъ, при которомъ могло бы оставаться ненарушимымъ наличное состояніе (status quo) государствъ, участвующихъ въ международномъ союзѣ. 2) Всякое увеличеніе силы, наносящей опасность status quo, разсматривается, какъ нѣчто вредное, и должно быть устранено. Правила эти древнѣе

[1] Four lectures on subjects connected with diplomacy. 1868. II. 79, 80.

Digitized by Google

чѣмъ обыкновенно полагаютъ. Англичанинъ Юмъ говоритъ[1], что еще у Демосѳена можно найдти очень тонкое и вѣрное пониманіе правила о политическомъ равновѣсіи[2]. Нѣтъ спору, что есть зерно истины въ понятіи о политическомъ равновѣсіи: не только инстинктъ, но и необходимость самосохраненія присущи государственному союзу, какъ и всякому другому живому организму; отсюда одни государства не могутъ относиться съ равнодушіемъ къ завоевательной политикѣ и къ захватамъ другихъ государствъ. Но ученіе о политическомъ равновѣсіи было преувеличено нѣкоторыми утопистами. Руссо полагалъ, что сила политическаго равновѣсія представляетъ такой совершенный механизмъ, который дѣйствуетъ самъ собою каждую минуту, какъ только возникаетъ явленіе, которое идетъ въ-разрѣзъ съ этимъ механизмомъ. Но исторія XVIII ст. должна дать сильное доказательство, что это воззрѣніе Руссо было самымъ наивнымъ изъ его увлеченій. Совершенно правы тѣ, которые полагаютъ, что ученіе о политическомъ равновѣсіи не представляетъ такой прочной гарантіи, которая давала бы серьезную санкцію международному праву. Геффтеръ называетъ политическое равновѣсіе «случайною гарантіею» (die zufällige Garantie); мы же назовемъ его правиломъ, которое внесено въ науку международнаго права, но которое не можетъ быть непогрѣшительнымъ руководствомъ, чтобы въ интересахъ мира устранить дѣйствительную опасность для status quo государствъ. Часто принципъ политическаго равновѣсія бываетъ предлогомъ въ рукахъ честолюбцевъ къ нарушенію гармоническаго распредѣленія политическихъ силъ въ международной системѣ. Вообще если спросить о средствахъ возстановлять равновѣсіе, то прійдется прибѣгать къ войнѣ, т. е. къ величайшему бѣдствію, ко-

---

[1] Essays, II, 42. Basel. 1793.

[2] Whoever will read Demosthenes oration for the Megalopolitans may see the utmost refinements on this principle which ever entered the head of a Venetian or English speculatist» etc.

Digitized by Google

торое можетъ постигнуть человѣчество; такое средство влечетъ за собою много послѣдствій, которыя не всегда ладятъ съ понятіемъ о прогрессѣ, и едва-ли можно останавливаться серьезно на софизмѣ Бэкона, который говоритъ, будто «война походитъ на правильное и полезное упражненіе для государственнаго организма, будто она будитъ народныя силы, а миръ портитъ нравы народа». И такъ, правило политическаго равновѣсія, какъ случайная гарантія съ невѣрными и обоюду-острыми послѣдствіями, также не можетъ вести къ закрѣпленію санкціи международнаго союза. Единственная надежда на упроченіе международнаго союза и на закрѣпленіе санкціи международнаго права заключается не въ военныхъ усовершенствованіяхъ, не въ искусственныхъ союзахъ, не въ отвлеченныхъ измышленіяхъ устарѣвшей дипломатіи въ духѣ XVI и XVII ст., а въ мирныхъ стремленіяхъ современнаго человѣчества. Для международнаго права гораздо важнѣе общее убѣжденіе, что война — неизбѣжный результатъ нарушенія законовъ международнаго союза, обогащая иногда отдѣльныя лица, всегда влечетъ за собою общее государственное банкротство, обнищаніе цѣлыхъ классовъ людей. Въ настоящее время торговля и промышленность составляютъ такіе рычаги, на которыхъ опирается не только благосостояніе, но и существованіе цѣлаго міра. За-тѣмъ не лишено значенія распространеніе правильно развитыхъ, усовершенствованныхъ формъ правленія. Нѣтъ надобности и основанія утверждать, будто есть какая-либо форма правленія единственно-годная для развитія международнаго союза; международное право безразлично относится къ формѣ правленія, лишь бы извѣстное государство признавало коренныя условія международной жизни, не оскорбляло пословъ, соблюдало неприкосновенность территоріи государствъ и т. д. Но за тѣмъ нельзя не сказать, что культурное развитіе прочныхъ государственныхъ учрежденій составляетъ одно изъ выгодныхъ условій для того, чтобы международный союзъ и начала между-

Digitized by Google

народнаго права примѣнялись съ бо́льшею правильностью. Прочная и усовершенствованная форма правленія съуживаетъ значеніе личнаго произвола въ государственныхъ дѣлахъ и разширяетъ точку приложенія общественнаго мнѣнія, національной воли къ государственнымъ дѣламъ. Такая страна какъ Англія, гдѣ каждый вопросъ подвергается перекрестному разсмотрѣнію соединеннымъ усиліемъ лучшихъ головъ въ цѣломъ государствѣ, не позволитъ себѣ что-либо сдѣлать необдуманно. Если-бы Наполеонъ передъ 1870 г. далъ Франціи серьезную государственную жизнь, то общественное мнѣніе высказалось бы иначе. Но не было самостоятельныхъ органовъ ни въ печати, ни въ политической сферѣ, а если и были, то имъ противопоставлялась масса несамостоятельныхъ, и одинъ — два независимыхъ голоса терялись въ нестройномъ хорѣ подкупныхъ голосовъ, которые, получивъ деньги изъ кошелька Руэра, говорили, что нужно идти въ Берлинъ, возстановить естественныя границы Франціи и т. п. Парламентская система не разъ спасала Англію отъ чрезвычайныхъ по своимъ послѣдствіямъ войнъ; примѣръ — отношенія Англіи съ Соединенными американскими штатами. Благодаря своимъ политическимъ учрежденіямъ, Англія осуществила такое правило, что лучше отказаться отъ извѣстной части территоріи, или отъ какихъ-либо другихъ правъ и выгодъ, чѣмъ вступать въ тяжелыя военныя отношенія (примѣръ — іоническіе острова, отъ протектората которыхъ Англія отказалась). Сколько извѣстно, Англія высказывала такое убѣжденіе, что если одна изъ ея колоній (напр. Канада) захочетъ полной независимости, то ей будетъ это дозволено, потому что устраненіе формальной связи съ метрополіей ни мало не ослабило бы солидарности въ интересахъ торговли, промышленности и мирнаго прогресса между обѣими землями и дало бы такую массу благъ, которыхъ не можетъ уравновѣсить титулованіе Канады неотъемлемою частью государственной территоріи.

Digitized by Google

Изъ сказаннаго слѣдуетъ, что лучшимъ обезпеченіемъ соблюденія международнаго права должно быть усиленіе общественнаго мнѣнія, которое найдетъ себѣ опору въ болѣе равномѣрномъ возвышеніи политическаго уровня народовъ, при болѣе ясномъ пониманіи солидарности и при ослабленіи дипломатическихъ вліяній, которыя такъ долго и исключительно управляли международными отношеніями. Совершенно справедливо замѣтилъ Бернардъ, что отъ развитія общественнаго мнѣнія мы ждемъ возвышенія нравственности и справедливости, просвѣщенныхъ правительствъ, улучшенія законовъ, всего, что составляетъ побѣду добра надъ зломъ[1]. Въ настоящее время общественное мнѣніе Европы по международнымъ вопросамъ пріобрѣтаетъ хорошаго союзника въ томъ обществѣ, которое, подъ названіемъ «Института международнаго права», выработало свою программу на конференціи юристовъ въ Гентѣ. Въ этой программѣ говорится, какъ давно уже господствуетъ сознаніе, что отношенія международныя должны подчиняться законамъ правды, но не было надлежащаго органа у этого сознанія. Наука международнаго правовѣдѣнія двигалась, благодаря трудамъ отдѣльныхъ ученыхъ и дипломатовъ, но эти труды не составляютъ того, чего можно желать для истиннаго прогресса международнаго права. Ученые часто съ твердостію ставили общія начала; но они были отдѣльными, изолированными личностями, а такіе люди не всегда пользуются оффиціальнымъ значеніемъ передъ правительствами. Что касается дипломатовъ, то они пользуются громаднымъ оффиціальнымъ значеніемъ, хотя вѣкъ дипломатіи въ смыслѣ интригъ прошелъ. Но дипломаты не имѣютъ времени, чтобы отнестись серіезно къ научнымъ трудамъ по международному праву; за-тѣмъ дипломаты не могутъ служить научнымъ органомъ международнаго права

[1] L. C. IV. 205. «For higher morality, for wiser, juster, more enlightened government, for better laws, for an improved condition of society... we all look mainly to the progress of opinion» etc.

Digitized by Google

еще потому, что они тѣсно связаны съ извѣстнымъ правительствомъ; ясно, что при такомъ положеніи дипломатъ не всегда рѣшится высказать то, что онъ думаетъ въ данный моментъ по данному вопросу. Что-же остается дѣлать? Здѣсь пришли къ убѣжденію въ разныхъ странахъ Европы, что необходимо составить ассоціаціи изъ ученыхъ и дипломатовъ, не на дѣйствительной службѣ находящихся, а изъ отставныхъ, — ассоціаціи, лишенныя всякаго оффиціальнаго значенія, но сильныя своимъ собирательнымъ и нравственнымъ могуществомъ. Главная цѣль этихъ ассоціацій состоитъ въ томъ, чтобы, какъ замѣчено выше (см. стр. 5), пропагандировать начала международнаго права, вкоренившіяся въ юридическомъ сознаніи народовъ образованнаго міра. — Но изъ того, что нравственный элементъ и общественное мнѣніе играютъ большую роль въ международномъ правѣ, нельзя выводить заключенія, будто международное право не существуетъ, какъ право, а будто оно есть лишь международная нравственность или мораль. Такое положеніе высказывалось между прочимъ въ послѣднее время ученымъ Остиномъ, а прежде Реневалемъ; но этотъ софистическій взглядъ, вредный для международнаго права, нашелъ антагониста въ лицѣ Треверсъ Твисса[1], который говоритъ, что «коль скоро находятся какія-нибудь средства, чтобы опредѣлить съ точностью сущность международныхъ отношеній и вынуждать исполненіе, то международное право получаетъ характеръ юридическій»[2]. Есть, однакоже, многіе вопросы, которые

---

[1] *Trawers Twiss,* Law of Nations, p. 140. Сравн. *Austin,* Province of Jurisprudence determined, p. 208. — *Rayneval,* Institututions du droit de la nature etc. Chap. I. §§ 9, 10; Nota 10.

[2] Текстъ Рейневаля таковъ: «.... il n'y a point de droit où il n'y a point de loi; et il n'y a point de loi là, où il n'y a point de supérieur; sans loi il n'existe pas d'obligation proprement dite; il n'y a qu'une obligation morale resultante de la raison naturelle: c'est là le cas de nation à nation». — У Остина мы читаемъ: «...That the Law of Nations obtaining between Nations is not Positive Law, for every Positive Law is set by a given Sovereign to a person or persons in a state of subjection to its author».

Digitized by Google

ближе всего затрогиваютъ международную нравственность, и въ такомъ случаѣ начала нравственности дополняютъ собою юридическія правила международной системы. Законъ, въ смыслѣ правоваго и вынуждаемаго опредѣленія, можетъ предупредить зло, но онъ не всегда обезпечиваетъ полную цѣлость правовыхъ началъ, и въ такомъ случаѣ нравственность вступаетъ въ міръ отношеній между отдѣльными людьми и народами. Такимъ образомъ это не есть черта, ослабляющая международное право, а скорѣе усиливающая. Канцлеръ Кентъ, писатель по международному праву въ Америкѣ, говоритъ, что «международное право есть сложная система, составленная изъ весьма разнородныхъ ингредіентовъ; есть здѣсь и общія начала справедливости, которыя въ одинаковой степени пригодны для отношеній между отдѣльными лицами и для отношеній между народами и государствами; есть обычаи и цѣлые кодексы правилъ въ трактатахъ и соглашеніяхъ, которые могутъ подойдти къ положительному закону; но при недостаткѣ такихъ постановленій отношенія между народами могутъ быть опредѣляемы началами, выводимыми изъ нравственности» [1].

III. Здѣсь мы пришли къ вопросу *объ источникахъ* международнаго права, гдѣ сейчасъ-же встрѣчаются весьма многія разногласія, которыя идутъ касательно классификаціи и сравнительной важности источниковъ. Нельзя сказать, чтобы установилось въ наукѣ самое понятіе «источника международнаго права». Профессоръ Каченовскій предлагаетъ совершенно откинуть терминъ «источникъ права» въ отношеніи обычаевъ и трактатовъ; онъ полагаетъ, что единственнымъ источникомъ международнаго права должно быть юридическое убѣжденіе цѣлаго человѣчества, *все же*, что называютъ источникомъ, есть только форма, памятники международнаго права. Въ этомъ замѣчаніи есть та доля

[1] *Kent's*, Commentaries of American Law. Part 1. Lecture 1.

Digitized by Google

истины, что ученіе объ источникахъ права вообще страдаетъ слабостью, но слабость эта не есть специфическій недостатокъ одного международнаго права; есть основанія, по которымъ нельзя откинуть самый терминъ — источникъ права. Во 1-хъ, не одни юридическія убѣжденія, но и нравственныя начала, даже соображенія общей пользы вызываютъ не малое количество правилъ и постановленій въ международномъ правѣ; 2-е, юридическія убѣжденія не представляютъ величины абсолютной, однородной и неизмѣнной; юридическія убѣжденія различны, какъ различны законы и обычаи, которыми управляются народы; 3-е, международное право нуждается для своего научнаго обихода въ установленіи терминовъ, которые имѣли бы значеніе ходячей монеты, хотя бы и не выдерживали строгой критики. Эти причины заставляютъ насъ, вслѣдъ за большинствомъ публицистовъ, называть источниками международнаго права: прежде всего трактаты и обычаи, управляющіе международными отношеніями. Разногласіе по вопросу о томъ, слѣдуетъ ли считать источникомъ международнаго права рѣшенія призовыхъ судовъ, видно главнымъ образомъ между публицистами Англіи и сѣверной Америки съ одной стороны и публицистами континентальной Европы съ другой[1]. Объясняется такое явленіе причинами глубокими, лежащими въ политическомъ строѣ Англіи и Америки. Рѣшенія призовыхъ судовъ въ Англіи и Америкѣ заносятся всѣми писателями въ категорію источниковъ международнаго права, по особымъ политическимъ условіямъ, въ которыхъ находятся Англія и Америка; здѣсь судья пользуется полнѣйшею независимостью, предсѣдатель призовыхъ судовъ есть лицо, котораго правъ и обязанностей не смѣетъ коснуться никакая власть въ обществѣ; передъ правами англійскихъ и американскихъ судей цѣлая конституція оказывается безсильною. При такихъ условіяхъ, рѣшенія судовъ получаютъ наибольшую вѣроятность безпристрастія, что особенно

[1] См. *Calvo*, Le Droit international etc. Paris. 1870. P. 107, 108.

Digitized by Google

цѣнится при разборѣ международныхъ столкновеній. Нельзя сказать того-же о судьяхъ въ государствахъ континентальной Европы (хотя бы напр. Франціи). Если возьмемъ положеніе французскихъ судовъ, то увидимъ контрастъ съ положеніемъ англійскихъ судовъ. При томъ вліяніи, которое оказываетъ администрація на рѣшенія французскихъ судовъ, не можетъ быть полнаго довѣрія и къ тѣмъ судамъ, которые составляются по международнымъ вопросамъ.

Вообще же къ источникамъ международнаго права слѣдуетъ отнести: 1) общія начала (принципы) или аксіомы, соблюдаемыя неизмѣнно государствами, принадлежащими къ международному союзу. Это тѣ аксіомы, которыя, по словамъ Гроція, логически выведены изъ самой природы вещей: recta illatio ex naturæ principiis procedens. Бенкерсгукъ, голландскій писатель, также стоитъ весьма энергично за значеніе этого источника международнаго права. Извѣстно его положеніе, что «разумъ вещей составляетъ душу международнаго права». Но Бенкерсгукъ требуетъ, чтобы это ratio было подтверждено практикой международнаго права; и обычаи являются у него способомъ для закрѣпленія аксіомъ, внушаемыхъ самою природою государствъ и отношеній, между ними существующихъ. Юридическія аксіомы, дѣйствующія въ международномъ правѣ, суть слѣдующія: самостоятельность государствъ, неприкосновенность ихъ территоріи, право государства на честь,—неприкосновенность государей, дипломатическихъ агентовъ и проч. Эти начала не разъ высказывались и въ трактатахъ и въ другихъ дипломатическихъ актахъ. Такъ, въ 1753 г. дана была отвѣтная нота британскаго правительства Пруссіи; ноту эту Монтескьё назвалъ «отвѣтомъ, недопускающимъ возраженія» (réponse sans réplique»). Въ нотѣ британскаго правительства говорится, что «международное право основывается на справедливости, взаимной пользѣ націй, а также на природѣ вещей (and the reason of the things) и под-

Digitized by Google

тверждается долговременнымъ обычаемъ». 2) Источники международнаго права суть трактаты или международные договоры. По вопросу о трактатахъ также встрѣчаются многія разнорѣчія. Кальво (Calvo), дипломатъ южной Америки, высказываетъ, что трактаты или международные договоры представляютъ собою главный источникъ международнаго права, что во всѣхъ случаяхъ, какова бы ни была сущность и цѣль договоровъ, они составляютъ неоспоримый источникъ международнаго права[1]. Въ этой абсолютной постановкѣ вопроса о значеніи трактатовъ и заключается натяжка. Мнѣніе это самое рѣшительное изъ тѣхъ, которыя налегаютъ съ особенною силою на значеніе трактатовъ. Но есть и противоположное мнѣніе; оно высказано англійскимъ писателемъ Редди[2], занимающимъ видное мѣсто въ литературѣ международнаго права. «Очевидно, говоритъ онъ, что нельзя вывести общихъ, правовыхъ началъ (законовъ) изъ отдѣльныхъ трактатовъ, каково бы ни было между ними сходство». Но ясно, что и здѣсь мы имѣемъ дѣло съ крайнимъ мнѣніемъ. Болѣе здравое ученіе о значеніи трактатовъ можетъ быть сведено къ слѣдующимъ положеніямъ: не всѣ трактаты имѣютъ одинаковую силу; условія, при которыхъ трактаты получаютъ силу источниковъ международнаго права, слѣдующія: 1) трактаты должны заключаться на продолжительное время; 2) контрагентами должны являться не одно государство, и не два, а по-возможности больше, причемъ можетъ быть призвано другое государство въ качествѣ поручителя; 3) трактаты не должны отступать отъ коренныхъ началъ или аксіомъ международнаго права и за-тѣмъ не могутъ также расходиться съ началами, уста-

---

[1] Ср. *Calvo*, L. c. § 19. Dans tous les cas et quelle que soit la nature ou la portée de leurs stipulations, les traités sont incontestablement la source la plus importante et la plus irrécusable du droit international». Сравн. по вопросу о трактатахъ, какъ источникѣ международнаго права: *Martens*, Précis du Droit des Gens, Introduction. § 7. — *Klüber*, Droit des Gens, § 2. — *Bernard*. L. c. IV.

[2] Inquiries in International Law, pp. 157; 339.

Digitized by Google

новленными практикою. Филиморъ (Phillimore) замѣчаетъ, что «трактаты, къ которымъ приступали въ различные періоды многія націи, имѣютъ большую важность и во всякомъ случаѣ служатъ очень положительнымъ доказательствомъ согласія народовъ относительно доктрины или начала, которое выражено въ трактатѣ». Но ту-же мысль, что и Редди, высказываетъ еще неизвѣстный авторъ анонимнаго сочиненія: Traité complet de diplomatie: «очевидно, говоритъ онъ, что невозможно извлечь началъ положительнаго права изъ совокупности отдѣльныхъ трактатовъ, каково бы ни было ихъ сходство; но эти соглашенія могутъ служить матеріаломъ для того, чтобы построить на немъ науку, если въ этихъ трактатахъ подтверждается то, что признано за базу международнаго права, а такою базой является то, что принято обычаемъ всѣхъ образованныхъ націй»[1]. Неоспоримое значеніе трактатовъ заключается въ томъ, что они служатъ доказательствомъ существованія международнаго союза и правовыхъ отношеній между государствами. Слѣд., при осуществленіи нѣкоторыхъ условій, трактаты могутъ быть занесены въ разрядъ источниковъ международнаго права и не только для практики, но и для науки. 3) Обычаи составляютъ источникъ международнаго права. Со стороны формы они могутъ казаться уступающими трактатамъ, такъ-какъ послѣдніе выражаются открыто, пишутся, ратифицируются, а обычаи дѣйствуютъ молчаливо, незамѣтно. Но тѣмъ не менѣе, уже Гроцій утверждаетъ, что обычаи могутъ получать силу, равную съ трактатами. Бенкерсгукъ съ особенною энергіей настаиваетъ на значеніи обычаевъ. На обычай, какъ на источникъ, ссылаются въ дипломатическихъ актахъ, а также въ рѣшеніяхъ англійскихъ судовъ, гдѣ обычаи объявляются главною «отраслью международнаго права».

---

[1] *Traité* complet de Diplomatie. T. 1. P. 41. — Сравн. *Schmalz*, Europäisches Völkerrecht. B. 1. §§ 10, 28. — *Travers Twiss*, I, 130, 131.

Digitized by Google

Примѣч. Въ одномъ изъ приговоровъ знаменитаго адмиралтейскаго судьи лорда Стоувеля (Lord Stowell) сказано: «The practice of mankind forms one great branch of the law of nations»[1].

Исторія международныхъ сношеній показываетъ, что обычаи имѣютъ благодѣтельную роль въ вопросѣ о смягченіи военныхъ жестокостей, при огражденіи неприкосновенности дипломатическихъ агентовъ etc. Филиморъ замѣчаетъ, что «государства могутъ отказать въ принятіи пословъ, въ допущеніи консуловъ; но разъ допустивши посланниковъ, государства должны выполнять относительно пословъ обычаи, которые установлены старинною практикою; всѣ права дипломатическихъ лицъ должны составлять для государства святыню»[2]. Но обычаи также не имѣютъ безусловнаго значенія. Чтобы обычаи имѣли значеніе источника права не только для практики, но и для науки, нужно: чтобы они были долговременными, чтобы они подтверждались рядомъ дѣйствій, часто совершавшихся, чтобы они были опредѣлены и примѣнены съ большею сознательностью, нежели обычаи частные. Это зависитъ отъ того, что субъектами международнаго права являются не темные классы народа, нерѣдко по инстинкту творящіе обычное право въ частныхъ отношеніяхъ, но правители и посланники ихъ. Лица эти, по высокому своему положенію и образованію, способны къ составленію самаго отчетливаго понятія о свойствахъ устанавляемаго правила[3]. Наконецъ, только тѣ обычаи могутъ быть признаны источникомъ права, за которыми есть взаимность, которые повсюду выполняются сходно различными народами; если же государство само по себѣ держится обычая, то это не есть обычаи sensu stricto, а не болѣе, какъ

---

[1] Ср. *Phillimore*, Commentaries upon International Law. I. P. 40 etc.

[2] L. C. § 44. P. 38. — Сравн. *Travers Twiss* I. § 87. — *Halleck*, L. c. §§ 8, 9. — *Heffter*, L. c. Einleitung. — *Holtzendorf*, L. c. § 12. S. 767 etc.

[3] «Въ международномъ правѣ — говор. Гольцендорфъ, стр. 766 — обычай и практика большею частію подтверждаютъ то, чему учили и что рекомендовали, за цѣлыя столѣтія впередъ, самые прозорливые и разумные знатоки дѣла».

Digitized by Google

правила дипломатическаго этикета. 4) Въ категорію источниковъ международнаго права можно поставить, съ извѣстными оговорками[1], рѣшенія призовыхъ судовъ. Это такіе суды, которые во время войны учреждаются на территоріи воюющей державы, чтобы разбирать вопросы о морскихъ призовыхъ захватахъ. Призовые суды имѣютъ большой интересъ для нѣкоторыхъ отраслей международнаго права, напр. для нейтралитета. Англійскіе и американскіе судьи имѣютъ возвышенное понятіе о призовомъ судѣ[2]. 5) Рѣшенія третейскихъ посредническихъ судовъ и даже смѣшанныхъ коммисій, какъ источникъ международнаго права, должны возбуждать менѣе споровъ, нежели рѣшенія призовыхъ судовъ, которые учреждаются во время войны и произносятъ приговоры, въ которыхъ можетъ быть заподозрѣно пристрастіе національное. Посредническіе суды имѣютъ въ свою пользу особенно много доводовъ и основаній. Здѣсь являются въ одной коллегіи, при соблюденіи полнѣйшаго равенства и независимости мнѣній, представители и защитники интересовъ спорящихъ націй; каждая сторона имѣетъ возможность и право подать свой голосъ. Вотъ почему эти суды начинаютъ болѣе и болѣе входить въ международную политику, и можно надѣяться, что настанетъ періодъ, когда они получатъ еще большее практическое примѣненіе. Есть также поводъ полагать, что международное общество юристовъ (Institut de droit international), только-что основанное въ Гентѣ, будетъ содѣйствовать повсемѣстному приложенію посредническаго разбора, чѣмъ и осуществится несомнѣнный прогрессъ въ области международнаго права. *6)* Могутъ быть еще названы въ нѣкоторыхъ случаяхъ источниками международнаго права дипломатическіе акты, заключаю-

---

[1] *Ср. Halleck*, §§ 22, 23.

[2] *См.* 52 стр. соч. Филлимора, который приводитъ in extenso мнѣніе лорда Стоуэлля.

Digitized by Google

щіе въ себѣ прочныя, на нѣсколько лѣтъ установленныя начала международнаго права, на-подобіе того, что было сдѣлано на вестфальскомъ конгрессѣ. За-тѣмъ 7) коллективныя и даже единичныя мнѣнія юристовъ получаютъ большую силу въ тѣхъ случаяхъ, когда имѣютъ за себя презумпцію полнѣйшаго безпристрастія: такъ бываетъ, когда, положимъ, англійскій юристъ высказываетъ мнѣніе, несогласное съ оффиціальными заявленіями администраторовъ и дипломатовъ своего государства. Важенъ также ученый авторитетъ лица, подающаго мнѣніе по извѣстному международному вопросу. По-крайней-мѣрѣ американскій юристъ Кентъ сказалъ, что «пренебречь ученымъ мнѣніемъ, имѣющимъ свойства истины и безпристрастія, можетъ лишь такое государство, которое играетъ справедливостью и закономъ»[1]. Значеніе юридическихъ мнѣній по международному праву получитъ большую твердость, если удастся выполнить кодификацію и свести въ одно цѣлое основныя начала международнаго права. Эта идея высказана еще въ эпоху революціи 1789 г. аббатомъ Грегуаромъ; въ наше время за кодикифацію стоялъ Каченовскій передъ собраніемъ англійскихъ юристовъ, и его защита была встрѣчена сочувственно. За-тѣмъ Додлефильдъ провелъ ту-же идею и встрѣтилъ такое-же сочувствіе. Профессоръ Блунчли (въ Гейдельбергѣ) въ 1868 году попытался даже изложить основныя начала для обще-европейскаго кодекса международнаго права. За кодификацію стоялъ также знаменитый ораторъ и публицистъ сѣверо-американскихъ штатовъ Либеръ, имя котораго нѣсколько разъ уже приводилось выше. Наконецъ, программа гентской ассоціаціи юристовъ для развитія международнаго права поставила одною изъ задачъ своихъ — «содѣйствовать постепенной и прогрессивной кодификаціи международнаго права» (см. выше). Въ заключеніе замѣтимъ, что исторія въ свою очередь даетъ матеріалъ — и

[1] *Kent*, Comm. on Am Law, I. p. 19.—Подробно изложенъ вопросъ у Филимора. I. § 69.

Digitized by Google

матеріалъ весьма цѣнный—заключая въ себѣ множество прецедентовъ, выражающихъ и подтверждающихъ извѣстныя начала и правила международнаго права.—Что касается римскаго права, то мнѣніе, будто и оно можетъ служить въ настоящее время однимъ изъ главныхъ источниковъ для международнаго права, болѣе оригинально, чѣмъ основательно; едва-ли стоитъ подробно и спеціально излагать или опровергать его. Но несомнѣнно, что римское правовѣдѣніе, оказавшее большое вліяніе на работы первыхъ писателей по международному праву въ западной Европѣ, имѣетъ до сихъ поръ извѣстное значеніе при разсмотрѣніи нѣкоторыхъ вопросовъ частнаго международнаго права[1].

IV. Область дѣйствія международнаго права далека еще отъ того космополитическаго, всемірнаго идеала, къ которому стремится наука. Но тѣмъ не менѣе эта область захватываетъ уже всѣ европейскія государства, всю территорію Америки, мало того—къ международному союзу привлекаются мало-по-малу азіатскіе и африканскіе народы. Такъ, трактатъ 1856 года сдѣлалъ Турцію органическимъ членомъ въ системѣ государствъ, признающихъ международное право; при чемъ гарантію того status quo Турціи, въ которое она поставлена этимъ трактатомъ, приняли на себя важнѣйшія изъ европейскихъ державъ. Китай заключаетъ договоры съ европейскими державами, правительство китайское дѣлаетъ переводъ руководства Уитона (Wheaton) по международному праву, конечно, съ практическими цѣлями. Что касается до Японіи, то всѣмъ извѣстны тѣ близкія сношенія съ Европою, въ которыя вступила эта страна въ послѣднее время и на которыя указываютъ намъ выставки и слѣдующія одно за другимъ посольства (первое въ 1864 г.) Японіи. Эти посольства

[1] Сравн. *Heffter*, L. c. 6, 10. — *Phillimore*, L. c. I. 38: «The Roman Law may in truth be said to be the most valuable of all aids to a correct and full knowledge of international jurisprudence, of which it is indeed, historically speaking, the actual basis» etc.—*Halleck*. § 21.

Digitized by Google

имѣютъ своею цѣлью не одни усовершенствованія механической техники, къ которой японцы весьма способны, но главнымъ образомъ — изученіе европейской жизни. И вотъ, мы видимъ, что японцы намѣреваются учредить у себя 8 университетовъ, что японцы желаютъ поставить на твердомъ основаніи грамотность и образованіе всего народа, не исключая низшихъ сословій, и для этой цѣли тысячами приглашаютъ къ себѣ педагоговъ. Если мы перейдемъ теперь къ Африкѣ, то здѣсь достаточно вспомнить трактатъ англійскаго правительства съ зангебарскимъ султаномъ о прекращеніи рабства и торговли неграми (въ іюлѣ 1873 г.).

V. Каковы бы ни были возраженія скептиковъ, нельзя отрицать того, что мирныя отношенія составляютъ общее правило, а война исключеніе. Вотъ почему въ наукѣ международнаго правовѣдѣнія должны быть выведены и поставлены на первомъ планѣ начала и правила для мирнаго оборота, дѣйствіемъ которыхъ поддерживаются самостоятельность, честь, неприкосновенность и полнѣйшее равенство государствъ. Здѣсь надо вспомнить совершенно справедливое замѣчаніе Блунчли, что «международное право опредѣляетъ условія, формы и дѣйствія международнаго оборота одинаково для государствъ колоссальныхъ и микроскопическихъ, и что попытка обойдти или нарушить эти правила вызываетъ сопротивленіе, которымъ не могутъ пренебречь государства безъ явной для себя опасности». Но, съ другой стороны, при теперешнемъ положеніи дѣлъ нельзя думать о состояніи вѣчнаго мира: не только отдѣльныя лица, но и цѣлыя государства погрѣшаютъ одно противъ другаго,—а отсюда возникаетъ война, привлекающая грубую силу для разрѣшенія различныхъ споровъ между государствами. Явленіе это очень печально; никогда нельзя согласиться съ парадоксомъ[1], будто «justum

[1] *Baco*, Serm. fidel. T. X. p. 86.—См. *Heffter*, L. c. § 4.

Digitized by Google

atque honorificum bellum loco salubris exercitationis est». Но для насъ важно то, что международное право входитъ съ принципами своими даже въ самый разгаръ грубой борьбы и старается подчинить эту борьбу юридическимъ и нравственнымъ началамъ. Международное право говоритъ, что побѣдитель не долженъ забывать умѣренности, справедливости, иначе грозитъ ему осужденіе отъ лица всего образованнаго міра. И никто не будетъ отрицать того, что международному праву удалось уже смягчать, въ извѣстныхъ случаяхъ, дикую энергію военной силы: что было возможно 100 лѣтъ тому назадъ, не говоря уже о болѣе отдаленномъ времени, то теперь немыслимо. Особенно ясно это изъ инструкціи сѣверо-американскаго правительства (1863 г.), во главѣ котораго стоялъ тогда Абраамъ Линкольнъ. Инструкція эта была дана воюющей арміи въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1863 г. и состоитъ изъ 157 параграфовъ, гдѣ изложены весьма точныя предписанія по всѣмъ пунктамъ военнаго права, при чемъ послѣдовательно проводится слѣдующій принципъ: преслѣдуя военныя цѣли, бережно охранять интересы частныхъ лицъ, религіи, искусства и науки. Здѣсь ставятся для военной власти извѣстные предѣлы, переходъ за которые влечетъ за собою весьма сильныя взыскательныя мѣры. Вотъ почему нѣкоторые публицисты не безъ основанія усматриваютъ въ американской инструкціи 1863 г. любопытную попытку кодифицировать военное право. Авторомъ этого замѣчательнаго акта былъ проф. Либеръ, который удалился въ Америку, недовольный реакціоннымъ движеніемъ послѣ 1848 г. въ Германіи. Желательно, чтобы составленный имъ кодексъ военнаго права перешелъ за предѣлы Америки и чтобы ни одно государство не отказывалось отъ его началъ въ случаѣ войны. Итакъ, международное право, нормируя самую физическую силу, когда послѣдней приходится рѣшать споры между государствами, непремѣнно должно заключать въ своей системѣ, какъ 2-ю часть, отдѣлъ о войнѣ и о военномъ правѣ. Оба эти от-

Digitized by Google

дѣла, т. е. отдѣлы о мирѣ и о войнѣ, существуютъ въ международномъ правѣ, потому что существуютъ соотвѣтствующія имъ явленія въ жизни. Возлѣ этихъ двухъ главныхъ частей системы международнаго права стоитъ и 3-я, это — правила такъ называемаго нейтралитета. Ученіе о нейтралитетѣ весьма важно, если взять въ соображеніе, что война обыкновенно не охватываетъ (а если и охватываетъ, то весьма рѣдко) всей системы государствъ; напротивъ, численный перевѣсъ находится почти всегда на сторонѣ державъ, отстранившихся отъ войны и наложившихъ на себя обязанность полнаго безпристрастія къ воюющимъ. Изъ этого явленія вытекаетъ необходимость — внести въ систему международнаго права тѣ начала, которыми опредѣляются права и обязанности какъ воюющихъ, такъ и нейтральныхъ державъ, — и эти начала имѣютъ весьма важное значеніе для политическихъ, военныхъ, экономическихъ и другихъ интересовъ. Вотъ почему 3-й отдѣлъ въ системѣ международнаго права есть и долженъ быть отдѣломъ о нейтралитетѣ, и притомъ о нейтралитетѣ сухопутномъ и морскомъ, такъ-какъ существенное различіе между войнами сухопутною и морскою повліяло и на возникновеніе отличій въ правилахъ нейтралитета.

Что касается дипломатіи, то здѣсь видимъ мы одну только технику и, въ крайнемъ случаѣ, политическое искусство, которое не должно никогда становиться въ-разрѣзъ съ международнымъ правомъ. Нельзя сказать, чтобы дипломатія въ настоящее время отвѣчала уже вполнѣ этому требованію теоріи: разница между послѣднею и практикою существуетъ и здѣсь, какъ и вездѣ, хотя нельзя сомнѣваться въ дѣйствительности нѣкоторыхъ улучшеній. Понятно, что вѣка Медичи, Макіавели прошли, но все-таки не только XVI, XVII, XVIII вѣка, но даже и начало нашего столѣтія представляютъ примѣры дипломатіи, которою въ-прахъ уничтожались самыя возвышенныя начала международнаго права. Да и теперь развѣ дипломатія не дѣйствуетъ иногда, главнымъ

Digitized by Google

образомъ, въ видахъ своекорыстія и узкихъ политическихъ разсчетовъ, забывая объ истинныхъ и серіезныхъ интересахъ государствъ? А между-тѣмъ дипломатія не имѣетъ уже того значенія, которое было у нея лѣтъ 100 тому назадъ; въ современной западной Европѣ рѣшаютъ вопросы не совѣтники посольства, а конституціонныя правительства, отъ которыхъ можно потребовать отвѣта, а при подобныхъ правительствахъ, хотя и являются извѣстные дипломатическіе авторитеты, но у послѣднихъ не бываетъ особенно сильнаго, абсолютнаго вліянія. И можно предполагать, что въ будущемъ еще болѣе умалится опасность злоупотребленій отъ дипломатіи, когда силою вещей, подъ вліяніемъ закона солидарности, установятся европейскія начала и въ другихъ частяхъ свѣта, когда крѣпче водворится дѣло политическаго прогресса, и дипломаты сдѣлаются слугами государствъ съ твердыми основными законами, съ крѣпкими гарантіями для правъ и интересовъ цѣлой націи.

Примѣчаніе. Касательно цѣлей и задачъ современной дипломатіи можно найдти нѣсколько превосходныхъ замѣчаній, кромѣ Геффтера §§ 227, 228, у *Бернарда*: «Lectures. III. Diplomacy past and present». Здѣсь представляется читателю живой, интересный и вѣрный анализъ тѣхъ особенныхъ условій, которыя вліяли на судьбы прежней и могутъ вліять на судьбу нынѣшней дипломатіи. Подвергнувъ объективному обсужденію тѣ обвиненія, которыя высказывались нерѣдко противъ «дипломатическихъ» характеровъ и нравовъ, Бернардъ приходитъ къ слѣдующему заключенію: «Resident missons and professional diplomacy have their evils, as other things have. But they have by no means a monopoly of these evils whilst they possess great countervailling advantages (P. 145 etc.).—Литература предмета поименована: у *Моля*, Gesch. u. Litt. der Staatswissenschaften. V, SS. 366 etc.—Много библіографич. замѣчаній помѣщено въ указанныхъ §§ учебника Геффтера.—Ср. также *Calvo*, L. c. §§ 425—434.

Digitized by Google

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Исторія международныхъ отношеній, понятіе о международномъ союзѣ и судьба науки международнаго правовѣдѣнія.

Востокъ. Греція. Римъ. Средніе вѣка и новый періодъ, отъ реформаціи до нашего времени.

§ 1. Зародыши международнаго права встрѣчаются не только у образованныхъ народовъ, но и у дикихъ туземцевъ Африки и Америки. Такъ мы можемъ наблюдать у дикарей извѣстнаго рода уваженіе и страхъ, какъ-бы религіозный, къ личности посла и герольда, идущихъ отъ чужаго племени. Здѣсь-же соблюдается гостепріимство, есть практика мирныхъ договоровъ, военныхъ перемирій, которыми сканчиваются или пріостанавливаются войны. Наиболѣе ясно обозначаются эти зародыши международнаго права у кафровъ, у которыхъ есть даже нѣчто въ родѣ manière de guerre (извѣстныхъ правилъ веденія войны), такъ напр. на ночь прекращаются военныя дѣйствія; плѣнныя женщины и дѣти не убиваются, а возвращаются назадъ, личность герольда неприкосновенна и т. д.[1]. Даже у краснокожихъ индѣйцевъ существуетъ нѣчто подобное правиламъ войны, доказательствомъ чего

[1] Подробности о кафрахъ и обычаяхъ ихъ можно найдти въ извѣстн. изданіи Рутледжа: The Natural History of Man. О другихъ дикихъ народахъ, кромѣ извѣстнаго сочин. *Fallati* (въ Tübinger Zeitschrift für Staatswissenschaft. 1850. S. 150 etc.), встрѣчается масса подробностей въ обширной литературѣ по этнографіи и землевѣдѣнію.

Digitized by Google

можетъ служить обычай, по которому нельзя убивать бѣгущаго врага. Конечно, эти правила отрывочны и неполны, но во всякомъ случаѣ и въ нихъ видна попытка—ввести законъ и правило туда, гдѣ рѣшеніе принадлежитъ грубой силѣ.

Обратимся теперь къ такъ называемымъ культурнымъ, цивилизованнымъ народамъ востока [1].

Индія. На основаніи источниковъ законодательства и другихъ памятниковъ, не трудно замѣтить, что отношенія индобраминскихъ государствъ между собою совершенно отличны отъ ихъ отношеній къ иноземнымъ государствамъ. Сводъ Ману даже не предусматриваетъ никакихъ сношеній между исповѣдниками Брамы и тѣми людьми, которыхъ индусы считали самыми нечистыми существами, т. е. иностранцами. Правда, Индія, щедро надѣленная естественными богатствами, находилась въ торговыхъ связяхъ съ Китаемъ, съ Аравіею, Финикіею и съ островами Индійскаго океана, но эта торговля, какъ видно изъ изслѣдованій Лассена, была главнымъ образомъ вывозною, въ которой дѣятельную роль играли не индусы, но сами иностранцы: китайцы, аравитяне, финикіяне пріѣзжали сюда на своихъ корабляхъ (китайцы вели и континентальную торговлю) и увозили на нихъ индійскіе товары. Индусы же весьма неохотно садились на корабли, хотя море, по ихъ ученію, считалось даже разливомъ священной рѣки Ганга; нелюбовь индусовъ къ морскимъ путешествіямъ можно объяснить тѣмъ, что сводъ Ману хотя прямо и не запрещалъ морской торговли, но косвенно ограничилъ ее однимъ своимъ постановленіемъ (въ 3-й книгѣ), по которому профессія моряковъ устранялась отъ жертвоприношеній, на-равнѣ съ убійцами. Изъ всего сказаннаго слѣдуетъ, что заграничная торговля индусовъ не могла служить для международныхъ сношеній. Если мы обратимся теперь къ войнамъ

[1] О литературѣ этого предмета. См. *Rob. v. Mohl.* I, 342 etc. *Каченовскаго*, Курсъ международн. права. Выпускъ 2-й, §§ 11—12.

Digitized by Google

Индіи съ иностранными государствами, то нужно сказать, что онѣ рѣдко имѣли завоевательный характеръ и большею частію были чисто оборонительными (война Пора съ Александромъ Македонскимъ), а слѣдовательно здѣсь не могло развиться во всей полнотѣ военное право. Что же касается того, существовала ли тѣсная связь между государствами браманской и потомъ буддійской системы, то на подобный вопросъ надо отвѣтить отрицательно. Ни въ одномъ моментѣ своей исторіи Индія не представляла даже слабой тѣни союзовъ и никогда не была федеративнымъ государствомъ, не смотря на единство религіозное. Вотъ почему между государствали Индіи были весьма частыя войны, вотъ почему въ законахъ Ману находится цѣлая система постановленій о дипломатіи, основанной на обманѣ и своекорыстіи. «Дипломатическіе агенты, говоритъ этотъ сводъ, должны употреблять шпіонство, козни, подкупы, заискиванія, и когда эти средства окажутся негодными, не помогутъ, тогда нужно прибѣгать къ войнѣ»[1]. Ближайшій и могущественный сосѣдъ есть естественный врагъ; нейтральными же могутъ быть только тѣ государства, которыя не сильны и лежатъ далеко, а слѣдовательно вѣчная война — bellum æternum — съ близкимъ и сильнымъ государствомъ. Ману держится того взгляда, что война должна быть оборонительною, но она можетъ сдѣлаться и наступательною, если не помогутъ средства, рекомендуемыя дипломатическимъ агентамъ. Изъ всѣхъ этихъ постановленій можно ясно видѣть, что въ Индіи не было ничего похожаго на идею международнаго союза. Сводъ Яйнавалькія говоритъ, что государь, разширившій свою территорію на-счетъ сосѣдей, заслуживаетъ у Брамы то-же, что̀ заслуживаетъ мудрый правитель, устроившій внутреннее благосостояніе своихъ подданныхъ. Понятно, что

[1] Всѣ наиболѣе характеристическія опредѣленія по этому предмету находятся въ VII книгѣ свода Ману. См. ст. 63—66, 68, 158, 163, 177, 180, 197, 198, 199 etc.

Digitized by Google

сводъ, глядящій на войну, какъ на похвальное средство, необходимо долженъ былъ заняться правилами войны; и дѣйствительно, не смотря на свою малочисленность, эти правила весьма любопытны, такъ-какъ въ нихъ заключаются ограниченія и смягченія военныхъ жестокостей. Вотъ что говорятъ предписанія Ману: «нужно избѣгать безчестныхъ средствъ вредить врагу, не употреблять зазубренныхъ, отравленныхъ стрѣлъ, огненныхъ снарядовъ» и т. п.; воину, сидящему на колесницѣ или управляющему слономъ, запрещается нападать на пѣшаго; солдату предписывается щадить земледѣльцевъ, давать пощаду людямъ, молящимъ о помилованіи; не убивать утомленныхъ людей, спящихъ, сдающихся; не наносить ранъ человѣку, тѣло котораго обнажено, не покрыто панцыремъ; наконецъ запрещается добивать раненныхъ и даже преслѣдовать бѣгущихъ. Говоря о военномъ завладѣніи (occupatio bellica — по Гуго Гроцію), Ману ставитъ въ обязанность государю, занявшему страну: издать немедленно прокламацію или манифестъ къ побѣжденному народу, успокоить его, призвать къ обычнымъ занятіямъ и поставить правительство въ странѣ, при чемъ строго запрещается нарушеніе мѣстныхъ законовъ[1]. Всѣ эти правила, по-видимому, примѣнялись на практикѣ, доказательствомъ чего служатъ разсказы Діодора, Арріана и другихъ грековъ. Арріанъ говоритъ, что войны въ Индіи касаются однѣхъ только военныхъ кастъ, и что земледѣльцы среди самыхъ сраженій спокойно пашутъ землю и убираютъ жатву, — что индусы, ведя войну, не разрушаютъ городовъ, щадятъ жителей, не употребляютъ вреднаго оружія и т. д. Если мы прибавимъ сюда правила гостепріимства въ отношеніи всѣхъ странниковъ безъ различія кастъ, то получимъ такой выводъ: памятники и источники

[1] Вопросы военнаго права см. въ книгахъ VII и X-й свода Ману (въ англійскомъ переводѣ или во французскомъ Луазелёра). — *Лассена*, Indische Alterthumskunde, Т. 1, 2.—Кратко въ извѣстныхъ сочиненіяхъ Дункера и А. Вутке

Digitized by Google

индійскаго законодательства не представляютъ международнаго права въ полномъ и современномъ смыслѣ этого слова. Здѣсь есть только зародыши нѣкоторыхъ институтовъ и слышится первый протестъ противъ дикаго варварства истребительныхъ войнъ на востокѣ. У буддистовъ проявляются даже космополитическія идеи. Они учатъ, что нѣтъ иной высшей обязанности, какъ благо цѣлаго міра. «Каждый добрый человѣкъ, говоритъ одинъ изъ буддійскихъ законодателей,—есть сынъ мой». Терпимость и милосердіе должны быть оказываемы даже относительно иновѣрцевъ и чужеземцевъ. Запрещаются войны съ единовѣрцами, а также войны завоевательныя: поднимать оружіе можно лишь для защиты (*Lassen*, II, 418 etc.). Особенно выигрываетъ способъ веденія войны индусами, если мы его сопоставимъ со способами веденія войны, которыхъ держались другіе завоевательные и торговые народы Азіи. Въ этомъ отношеніи мы находимъ потрясающіе разсказы о войнахъ карѳагенянъ, а по различнымъ дошедшимъ до насъ надписямъ и картинамъ на камняхъ (надписи эти занимаютъ иногда цѣлыя стѣны) можно заключить о тѣхъ нечеловѣческихъ жестокостяхъ, которыми преизобиловали войны вавилонянъ и ассиріянъ. Относительно египтянъ нужно сказать то-же самое[1].

Евреи. Военное право евреевъ не вполнѣ отвѣчало требованіямъ гуманности, и войны въ Палестинѣ отличаются ужасными жестокостями: здѣсь истребляются города, не щадятся женщины, дѣти и т. п. Но во Второзаконіи (послѣдней части пятикнижія) мы видимъ уже прогрессъ: здѣсь попадаются постановленія, напоминающія намъ военныя правила свода Ману—щадить дѣтей, женщинъ, не убивать плѣнныхъ, не рубить плодоносныхъ деревьевъ, и, что особенно любопытно, Второзаконіе вмѣняетъ

[1] Подробности см. у *Каченовскаго*. Вып. 2-й стр. 141 etc. *Laurent*, Histoire du droit des gens etc. I. P. 220 etc. Особенно стр. 248, 257—267, 429—442, 473—475—503, 504, 508, 512.

Digitized by Google

въ обязанность не сражаться во время религіозныхъ праздниковъ, а соблюдать Божій день какъ общее перемиріе. Касательно международныхъ сношеній нужно отмѣтить тотъ фактъ, что евреи не относились къ иностранцамъ съ безусловнымъ недовѣріемъ и не держали ихъ внѣ правового и религіознаго общенія (прозелиты, какъ мы знаемъ, были пріобщены къ правовому и религіозному общенію евреевъ). Въ пятикнижіи, у пророковъ Исаіи, Захаріи и Михея встрѣчаются даже проблески идей о вѣчномъ мирѣ и космополитическія мысли объ общеніи между всѣми людьми. Эти идеи получили философское значеніе у Филона, послѣдователя греческой философіи. Его космополитизмъ представляетъ цѣлую систему. «Вся земля, говоритъ онъ, и весь родъ человѣческій есть единое государство, которое должно управляться однимъ закономъ и однимъ правительствомъ, и при томъ правительствомъ демократическимъ, обезпечивающимъ свободу и равенство для гражданъ». Какой же это законъ, и кто будетъ представителемъ, осуществителемъ его? На эти вопросы Филонъ отвѣчаетъ, что такимъ закономъ долженъ быть законъ Моисеевъ, въ которомъ, по его мнѣнію, находится болѣе, чѣмъ гдѣ-нибудь, началъ свободы и равенства, какъ главныхъ условій для блага людей въ государствѣ, а осуществителемъ этого закона будетъ Мессія. Здѣсь, какъ мы видимъ, Филонъ ниспадаетъ съ своихъ возвышенныхъ понятій въ утопію. Такова высшая форма космополитическихъ идей, до которыхъ дошли евреи, не осуществивъ ихъ въ международныхъ отношеніяхъ[1].

Греція. Единство религіи, языка, сознаніе того, что между всѣми эллинами существуетъ братская связь,—все это дало бы намъ право заключать, что эта избранная страна достойна была служить мѣстомъ развитія международнаго союза. Имена Платона, Аристотеля говорятъ сами о себѣ въ политическихъ нау-

[1] Кромѣ источниковъ и пособій, извѣстныхъ изъ литографированнаго курса восточн. законодательствъ, см. *Каченовскаго* (L. c.), *Лораша*, I, стр. 336—395.

Digitized by Google

кахъ, созданныхъ именно здѣсь, въ Греціи. Но была ли Греція страною, въ которой развивались международныя связи, создала ли она науку международнаго права? Обратимся за отвѣтомъ къ религіознымъ и политическимъ учрежденіямъ Греціи[1].

Религіозныя учрежденія Греціи. Согласно сходству коренныхъ основъ религіи, у грековъ были общія учрежденія: оракулы, олимпійскія игры, амфиктіоніи, экклезіи (религіозныя собранія). Что же сдѣлали эти учрежденія для политическаго объединенія греческихъ племенъ и для установленія международныхъ сношеній? Олимпійскія игры имѣли то значеніе, что, съ открытіемъ ихъ, прекращались на одинъ мѣсяцъ для всей Греціи войны, и наступало священное перемиріе, повторявшееся черезъ каждую олимпіаду, а слѣдовательно бывшее не такъ часто, какъ напр. у евреевъ. Но олимпійскія игры не сдѣлали ничего другаго для международныхъ сношеній; не было трактатовъ, которые дѣлали бы обязательными эти перемирія, соблюдавшіяся по одному религіозному чувству грековъ. Вліяніе оракуловъ точно такое-же. Правда, греческіе оракулы вмѣшивались иногда въ споры между республиками, но эти случаи не получили надлежащаго опредѣленія и гарантіи въ формѣ трактатовъ. Что касается до амфиктіоній, то до конца XVIII ст. имъ приписывали весьма важное значеніе многіе ученые, какъ Монтескье, Мабли и даже осторожный Гоге (*Goguet*, De l'origine des lois etc. III, 58—60). Монтескье и Мабли придавали амфиктіоніи при дельфійскомъ оракулѣ значеніе федеральнаго правительства и общаго конгресса Греціи; а Гоге глядитъ на нихъ такъ: «Гре-

[1] См. по этому отдѣлу библіограф. указанія у *Каченовскаго*, стр. 161 etc.— Сочиненіе Лорана вполнѣ замѣняетъ собою историческіе очерки международныхъ сношеній у грековъ, которые (очерки) находятся въ книгахъ Уарда, Миллеръ Іохмуса, Уитона, Кента (см. выше, изд. въ Кембриджѣ).—Ср. *Laurent*, весь второй томъ Histoire du droit des gens et des relations internationals.— Очень обстоятеленъ, не смотря на сжатость свою, очеркъ международныхъ сношеній у грековъ въ книгѣ *Каченовскаго*.

Digitized by Google

ческія амфиктіоніи были верховнымъ собраніемъ, представлявшимъ всю Грецію; онѣ надѣлены были полномочіемъ дѣйствовать и средствами исполнять свои рѣшенія; амфиктіоніи создали единую Грецію изъ отдѣльныхъ республикъ: учрежденіе это было мастерскимъ произведеніемъ политики» и т. д. Но въ началѣ XIX столѣтія, именно въ 1804 году, появилось сочиненіе Сент-Круа (Des anciens gouvernements fédératifs), установившее совершенно другой взглядъ на амфиктіоніи, взглядъ, который въ новѣйшее время еще болѣе развился и обосновался такими изслѣдованіями, какъ напр. Фримана, Лорана и др.; амфиктіоніи, по этому взгляду, никогда не были федераціями; онѣ — не что иное, какъ духовные съѣзды (соборы), на которыхъ присутствовали не депутаты, а скорѣе посланцы отъ различныхъ племенъ Греціи. Компетенція амфиктіоній не переходила за религіозные вопросы, и все, что ими было сдѣлано по международному праву, можетъ быть сведено къ слѣдующимъ правиламъ о войнѣ: запрещается во время войнъ разрушать города, принадлежащіе къ союзу амфиктіоніи, запрещается лишать ихъ воды во время осадъ и повелѣвается охранять общими силами храмовыя имущества. Но отсюда видно, что кругъ дѣйствій и вліяніе амфиктіоній на международныя отношенія Греціи были до крайности тѣсны и ограниченны. Есть даже случай, который указываетъ на отрицательное значеніе амфиктіоній въ этомъ отношеніи, именно — первая священная война начата была по приказанію этого совѣта, при чемъ Кирра была срыта до основанія. Наконецъ, ничтожное значеніе амфиктіоній въ дѣлѣ политики и международныхъ сношеній доказывается a contrario еще тѣмъ, что о нихъ ничего не говорятъ въ этомъ отношеніи Ѳукидидъ, Ксенофонтъ и другіе историки; но писатели эти никакъ бы не могли пройдти молчаніемъ амфиктіоній, если-бы послѣднія дѣйствительно имѣли серіезное значеніе для Греціи. Итакъ, мы видимъ, что ни одно изъ религіозныхъ учрежденій ничего не сдѣлало для

Digitized by Google

федеративной идеи въ Греціи. Частыя войны послѣдней были очень жестоки, и жестокостью этою руководили тѣ-же религіозныя учрежденія своими декретами. Что касается морскихъ войнъ, то о нихъ не извѣстно намъ ни одного постановленія. Пираты представляли чрезвычайное зло, являясь цѣлыми флотиліями, и нужно сказать, что самыя греческія республики, напримѣръ — аѳинская, давали иногда порученія этимъ флотиліямъ отправляться на разбой. Изъ всего сказаннаго до сихъ поръ ясно слѣдующее: вліяніе религіозныхъ союзовъ въ разбираемомъ нами отношеніи сводится къ такимъ ничтожнымъ результатамъ, что не даетъ намъ права распространяться о нихъ.

Политическія учрежденія. Окончивъ разсмотрѣніе религіозныхъ учрежденій Греціи, обратимся къ политическимъ, юридическимъ учрежденіямъ ея и къ нѣкоторымъ институтамъ международнаго права. Говоря о политическихъ учрежденіяхъ Греціи, мы прежде всего встрѣчаемся съ вопросомъ о гегемоніяхъ. Подъ гегемоніями никакъ нельзя разумѣть военныхъ союзовъ sensu stricto, такъ-какъ цѣль ихъ была гораздо шире; вѣрнѣе признавать ихъ подобіемъ политическихъ союзовъ (коалицій), именно «подобіемъ» только, потому что нѣтъ никакихъ основаній установлять тождество между гегемоніею и нынѣшнею коалиціею. Онѣ существенно отличаются другъ отъ друга тѣмъ, что гегемоніи, въ противоположность коалиціямъ, не были основаны на началахъ полнаго равенства, и устраивались обыкновенно между соплеменными государствами. Здѣсь даже довольно рѣзко проявлялась тираннія господствующаго государства, примѣрами чего служатъ аѳинская и 2-я спартанская гегемоніи. Такимъ образомъ эти греческія гегемоніи, во главѣ которыхъ стояли то Аѳины, то Спарта, не сдѣлали ничего существеннаго для развитія международнаго права и международныхъ сношеній. Результатами ихъ были не миръ, не единеніе между государствами, а розпь, вражда и войны, что легко можно до-

Digitized by Google

казать, вспомнивъ нѣсколько фактовъ изъ исторіи Греціи. Что мы увидимъ въ дѣйствіяхъ Аѳинъ, какъ первенствующаго члена союза? Совершаются ли они въ интересахъ мира, политическаго объединенія и благосостоянія всей Греціи? Нѣтъ, дѣйствія эти явно доказываютъ иное. И даже такой человѣкъ, какъ Периклъ, нисколько не стѣсняясь, проводитъ слѣдующую мысль: «если гегемонія и есть тираннія, то все-таки опасно оставлять ее; у аѳинской гегемоніи есть противники, но это потому, что всегда существуетъ вражда противъ тѣхъ, кто имѣетъ власть» (Ѳукидидъ)[1]. Дѣйствительно, Аѳины, опираясь на свою власть, распоряжаются членами союза, какъ имъ угодно, увеличиваютъ поборы на военныя издержки съ 460 тал. до 1300 и болѣе, переносятъ къ себѣ союзническую казну съ Делоса и затрачиваютъ общія деньги на украшеніе своего города. Ихъ укоряютъ за это, имъ говорятъ, что союзныя средства должны идти на удовлетвореніе общихъ цѣлей, и вотъ отвѣтъ аѳинянъ: «Аѳины побороли персовъ и избавили Грецію отъ погибели; за это онѣ должны получить вознагражденіе»[2]. Наконецъ, что аѳинская гегемонія была настоящею тираніею, видно изъ отношеній къ тѣмъ государствамъ, которыя имѣли не одинаковую съ Аѳинами форму правленія (т. е. не демократическую). Аѳины навязывали свою демократію союзникамъ противъ ихъ воли, при чемъ прибѣгали къ насильственнымъ мѣрамъ, къ лишенію отдѣльныхъ городовъ самоуправленія, къ обращенію въ клерухіи и т. п. Такимъ образомъ совершенно ясно, что подобныя гегемоніи не могли сдѣлать ничего для международныхъ отношеній. Если это замѣчаніе вѣрно для аѳинской гегемоніи и притомъ въ такое время, когда во главѣ Аѳинъ стоялъ Периклъ, то тѣмъ полнѣе можно примѣнить его ко 2-й спартанской гегемоніи, кото-

[1] II. 63, 74.—Ср. *Laurent*, 196.

[2] *Сравн. Grote*, History of Greece VI, P. 5, прекрасныя и вѣрныя замѣчанія объ эгоистической политикѣ Аѳинъ и лучшихъ людей республики этой.

Digitized by Google

рая еще болѣе злоупотребляла средствами союза. Еще большаго порицанія заслуживаетъ аѳинская гегемонія, позднѣйшая изъ греческихъ, такъ-какъ она тяготѣетъ къ персамъ и знаменуетъ себя постыднымъ дѣломъ — разрушеніемъ віотійскихъ городовъ. Что касается до устройства гегемоній, то у членовъ союза были общія собранія, на которыхъ рѣшались вопросы о мирѣ и войнѣ. — Въ 1-й спартанской гегемоніи не было суда, разбиравшаго спорные вопросы между государствами, но аѳинская гегемонія имѣла уже центральный судъ для членовъ союза.

Перейдемъ теперь къ федераціямъ, а именно: къ этолійскому и ахайскому союзамъ[1]. — Время возникновенія этолійской федераціи относится къ глубокой древности, и нѣкоторые думаютъ, что началомъ ея были коаліціи для пиратской цѣли. При болѣе полномъ развитіи этого союза, устройство его было слѣдующее: во главѣ стоялъ конгрессъ, собиравшійся разъ въ годъ, обыкновенно осенью; вѣдомство его было сходно съ вѣдомствомъ обще-гелленской экклезіи: онъ вѣдалъ вопросы о войнѣ, мирѣ и о сношеніяхъ съ иностранными державами, назначалъ федеральныхъ сановниковъ и проч. Цѣлью федеративнаго союза была военная защита и всѣ общія предпріятія. Въ видѣ исполнительной власти, здѣсь былъ особый комитетъ апоклетовъ, выбиравшихся изъ конгресса и, быть можетъ, на конгрессѣ; предсѣдателемъ же конгресса былъ стратегъ. — Что касается до дѣятельности этолійскаго союза, то она далеко не безупречна. Эта федерація вовсе не уважала автономіи своихъ членовъ, далеко не проводила началъ справедливости и равенства, а напротивъ того стремилась къ завоеваніямъ и поддерживала пиратовъ. — Ахайская федерація тоже началась довольно рано, но окончательное ея развитіе относится къ III столѣтію до Р. Хр.

---

[1] Библіографич. указанія, съ оцѣнкою трудовъ Титмана, Дройзена, Шорна, Фишера, Грота и Фримана можно найдти у Качеровскаго 178.—Ср. *Laurent*, 277—286.

Digitized by Google

Сначала ее составляли 4 города: Димы, Патры, Тритея и Фары, потомъ сюда присоединился Сикіонъ, а впослѣдствіи въ этотъ союзъ вступили Аѳины, Мегара и почти весь Пелопоннезъ. Оставалось только примкнуть сюда Спартѣ и нѣсколькимъ другимъ городамъ, чтобы осуществилось объединеніе всей Греціи. Но когда ахайская федерація, благодаря Арату, достигла наибольшаго могущества, Спарта съ своимъ царемъ Клеоменомъ не выдержала себя, вмѣшалась въ дѣла ахайской федераціи и вызвала со стороны Арата, опасавшагося гегемоніи, обращеніе къ македонскому царю. Македоняне вмѣшались для своихъ интересовъ. Устройство ахайской федераціи гораздо поляѣе этолійской; оно имѣетъ характеръ Bundes-Staat'a и напоминаетъ собою С.-А. соединенные штаты: каждый городъ пользуется полною автономіею во внутреннихъ дѣлахъ. Между федеральными учрежденіями мы находимъ власти съ совѣщательнымъ и исполнительнымъ характеромъ. Такъ, здѣсь есть конгрессъ, собиравшійся два раза въ годъ; за-тѣмъ, здѣсь же мы находимъ учрежденіе, близкое къ аѳинскому пробулевтическому совѣту[1], гдѣ обсуждались проекты, которые должны были разсматриваться и рѣшаться на конгрессѣ. Во главѣ федераціи былъ президентъ — стратегъ съ гипостратегомъ (помощникомъ его), съ секретаремъ и съ 10-ю подчиненными ему деміургами, которые нѣсколько напоминаютъ собою министровъ С.-А. соединенныхъ штатовъ. Стратегъ выбирался на годовой срокъ, ему принадлежала иниціатива законовъ, предлагаемыхъ собранію, и при томъ такимъ образомъ, что обсуждалъ онъ ихъ вмѣстѣ съ министрами, а потомъ уже вносилъ въ конгрессъ. Полибій, одинъ изъ немногихъ древнихъ писателей, понимавшихъ важность федераціи, говоритъ, что на всемъ пространствѣ территоріи ахайскаго союза членамъ его были сообщены гражданскія права; мало того, здѣсь

[1] Ср. *Грота* (History of Greece), Изложеніе конституцій Солона и Клисѳена.

Digitized by Google

была общая монета, общіе вѣсы и мѣры, что, какъ извѣстно, и теперь составляетъ существенное условіе для федеративнаго и международнаго общенія европейскихъ государствъ и сѣверо-американскихъ штатовъ. Нигдѣ, говоритъ Полибій, невозможно было найдти болѣе полнаго примѣненія равенства и свободы, какъ въ ахайскомъ союзѣ[1]. Поэтому-то очень грустно явленіе тѣхъ обстоятельствъ, которыя помѣшали собою этой федераціи. Но, конечно, особенно крупныхъ результатовъ для государственнаго объединенія и международныхъ сношеній въ Греціи не могла дать и не дала эта федерація.

Скажемъ теперь нѣсколько словъ о колоніяхъ. Греки распространили далеко свои колоніи; не ограничиваясь одними только сосѣдними островами Архипелага, они пошли на сѣверъ, въ Черное море, а также въ Азію и даже въ Африку. Греческія колоніи представляютъ совершенно своеобразное явленіе: связь ихъ съ метрополіею была патріархальною и религіозною, на что указываетъ напр. тотъ обычай, по которому переселенцы, покидая родную землю, брали съ собою священный огонь и боговъ. Но крѣпкаго политическаго единенія между ними не было. Разладъ между метрополіею и ея колоніями весьма частъ, и нерѣдко послѣднія отказываются идти по слѣдамъ первой, чтобы достигнуть цѣли существенно необходимой для Греціи. Такимъ образомъ и колоніи не могли быть могущественнымъ проводникомъ началъ международнаго права въ Греціи[2].

---

[1] *Polyb.* II, 38; 6, 8.—Сравн. у того-же писателя (II, 37, 9) замѣчанія совершенно противоположнаго характера о попыткахъ къ объединенію Греціи со стороны Спарты, Аѳинъ и Ѳивъ.—Въ жизнеописаніи Арата, Плутархъ тоже выступаетъ горячимъ сторонникомъ федеративнаго устройства. Ср. *Laurent*, II, 283, 284, Nota 7, гдѣ приведено слѣдующее мѣсто: «Tout ce qui rompt la société des villes les conduit à leur dissolution, au lieu qu'elles s'accroissent lorsque, devenues parties d'un corps puissant, elles participent aux avantages d'une sagesse commune». У того-же автора спеціально о колоніяхъ стр. 312 etc.

[2] У Геродота (I; 14—18. VI, 42) представлены примѣры политическаго разъединенія и слабости іонійскихъ и эолійскихъ колоній. Ср. *Laurent*, II. 282. Ли-

Digitized by Google

Что касается юридическихъ институтовъ, относящихся къ частному праву, то Грецiя, подобно древнему Риму, имѣла гражданское право, которое очень близко къ древне-квиритскому по своему узко-національному характеру. Древне-греческое право не признавало никакой юридической связи между грекомъ одного города, одного государства и грекомъ другаго государства —иноземцемъ и, тѣмъ болѣе, не могло это право опредѣлять отношеній между греками и варварами (т. е. людьми, которые не произносили правильно греческаго языка). Не говоря уже о Спартѣ, установившей институтъ ксенеласіи (т. е. изгнанія иностранцевъ), сами Аѳины, этотъ прославленный гостепріимствомъ своимъ городъ, оказываются суровыми и замкнутыми. Въ Аѳинахъ издавна жили массы иностранцевъ; но каково ихъ юридическое положеніе? Было ли у нихъ полноправіе гражданское, не говоря уже о политическомъ? Нѣтъ. Составляя особый классъ (метойковъ), эти люди были ограничены въ своихъ правахъ: они не могли владѣть домами на свое имя; на судъ, подобно неразумнымъ дѣтямъ или женщинамъ, они не могли являться сами, а должны были обращаться къ представительству законныхъ опекуновъ—простатовъ. Но не имѣя никакой политической правоспособности и имѣя лишь ограниченныя гражданскія права, метойки однакоже несли различныя повинности: изъ нихъ составлялись отряды гоплитовъ, которымъ приходилось быть во время битвъ впереди, т. е. на самомъ опасномъ мѣстѣ; далѣе, они платили личныя подати, что считалось у грековъ признакомъ подчиненнаго, служебнаго состоянія, и отъ чего изъяты были полные аѳинскіе граждане, несшіе болѣе почетныя, хотя и дорогія повинности (такъ назыв. лейтургіи самаго разнообразнаго вида)[1]. Аѳинская жизнь знала и другія учрежденія еще болѣе

тература по вопросу о колоніяхъ означена довольно подробно у Каченовскаго.

[1] Сравн. *Wachsmuth*, Hellenische Alterthumskunde aus dem Gesichtspunkte des Staates; Halle. 1826—1830. *Hermann*, Lehrbuch der griechischen Staats- und Rechtsalterthümer, 2-e Ausgabe. 1852. *Laurent*, II, 107 etc.

Digitized by Google

противныя международному общенію—андролепсію, видъ грубой репрессаліи. По этому обычаю, позволялось захватывать и наказывать иностранцевъ—подданныхъ того государства, гдѣ совершалось какое-либо преступленіе надъ аѳинскимъ гражданиномъ. Гостепріимство, быть можетъ, въ-частности смягчало суровость къ иностранцамъ, но оно, конечно, не могло совершенно ослабить вреднаго дѣйствія такихъ обычаевъ и институтовъ, какъ напр. неправоспособность метойковъ, которые существовали въ теченіе долгихъ вѣковъ. Вслѣдствіе такого порядка вещей, и права иноземныхъ гражданъ опредѣлялись и обезпечивались не иначе, какъ по особеннымъ договорамъ; и вотъ почему вопросъ о конвенціяхъ получаетъ большой интересъ въ Греціи. Греческіе договоры весьма сходны съ римскими трактатами о правахъ латинскихъ и другихъ италійскихъ сосѣдей; такъ напр. аѳиняне уступаютъ этолійцамъ право брака—эпигамію, т. е. jus connubii, со всѣми вытекающими отсюда послѣдствіями, или предоставляютъ жителямъ того или другаго государства извѣстныя имущественныя права (что похоже на предоставленіе jus commercii у римлянъ). За-тѣмъ нѣкоторыя изъ конвенцій касаются вопросовъ о судѣ, которому подлежали тяжебныя дѣла между иностранцами и мѣстными гражданами. Торговыя отношенія грековъ требовали точнаго опредѣленія подсудности и правилъ судопроизводства, и такую роль выполняютъ symbola—символы. Въ Аѳинахъ издревле существовалъ особый архонтъ—полемархъ, напоминающій собою римскаго претора для перегриновъ, который разбиралъ и судилъ дѣла между аѳинскими гражданами и иностранцами. Тѣми же конвенціями опредѣлялось дѣйствіе коммиссій, весьма близкихъ къ римскому институту recuperatores.

Что касается посольствъ, то въ этомъ отношеніи греческая практика выработала тѣ общія начала, которыя мы находимъ повсюду, напр. неприкосновенность герольдовъ и т. п. Наконецъ,

Digitized by Google

у грековъ были въ употребленіи различные акты, декларацiи и письменныя заявленія, посредствомъ которыхъ велись переговоры съ иностранными правительствами и народами Европы и Азіи.

Военные обычаи грековъ, занимавшихся пиратствомъ, какъ молодечествомъ, не могли поэтому отличаться особенною гуманностью; вся исторія Греціи показываетъ намъ, напротивъ, что цѣль войны состояла здѣсь не въ завоеваніи, не въ порабощеніи, а въ истребленіи непріятелей. Въ этомъ можно совершенно убѣдиться, вспомнивъ героическій періодъ Греціи: въ троянской войнѣ стѣны Трои сравниваются съ землею, жители вырѣзываются, а самое мѣсто города предается проклятію; Ахиллъ умерщвляетъ плѣнныхъ надъ кострами своихъ падшихъ соотечественниковъ; Агамемнонъ безжалостно убиваетъ Адраста, когда того пощадилъ Менелай. Греческіе герои не только убиваютъ своихъ враговъ, но даже издѣваются надъ трупами: головы убитыхъ троянцевъ перекатываются по полю, подобно глыбамъ земли. Греки не хотятъ дать погребенія непріятелямъ; и Ахиллъ, убивъ Гектора, восхищается тѣмъ, что трупъ его съѣдятъ хищные звѣри и расклюютъ птицы. Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда войны ведутся между самими же греками, насъ также поражаетъ жестокость, причины которой весьма многочисленны: извѣстно, что вражда между единокровными гражданами, если они вступаютъ въ борьбу, всегда достигаетъ ужасныхъ размѣровъ. Во-вторыхъ, въ войнахъ между греками всегда имѣло большое вліяніе политическое соперничество; здѣсь сталкивались аристократическій и демократическій принципы, а политическая рознь, доходя до вражды, опять-таки не знаетъ удержа своимъ страстямъ[1]. Наконецъ, въ-третьихъ, у грековъ какъ вообще у всѣхъ древнихъ народовъ, религія не только не была смягчающимъ началомъ въ войнѣ, но порождала еще большую рознь и вра-

[1] Ср. замѣчаніе Демосѳена, Pro Rhodior. lib. 17, p. 195, у Лорана, L. C. II. p. 121 etc.

Digitized by Google

жду. Здѣсь, что ни отдѣльный городъ, что ни отдѣльное государство, то и особый культъ; но по вѣрованіямъ грековъ, при войнахъ между отдѣльными государствами и племенами загоралась вражда и между ихъ богами. Совершенно вѣрно замѣчаніе Фюстеля Куланжа (Fustel Coulange), который, говоря о твердомъ убѣжденіи всѣхъ народовъ древности, будто каждое войско влекло къ участію въ войнѣ своихъ боговъ, прибавляетъ, что тамъ, гдѣ религія сталкивается съ религіею, войны неизбѣжно получаютъ священный характеръ, а такія войны весьма жестоки[1]. Вотъ почему греческая военная практика представляется намъ въ такомъ видѣ: войны здѣсь влекутъ за собою опустошеніе селъ, городовъ, земель, полей по всей завоеванной территоріи; пощада земледѣльцамъ дается только по особымъ договорамъ между воюющими государствами. Примѣромъ этому служитъ судьба Кирры или Криссы, срытаго до основанія по повелѣнію религіознаго авторитета — дельфійской амфиктіоніи. Пиза, Микены, Оивы тоже подвергались въ разное время жестокостямъ военнаго права. Стратагемы, или военныя хитрости и обманы непріятелей, производятся не только обыкновенными, дюжинными полководцами, а даже такими, какъ напр. Александръ Македонскій. Избіеніе плѣнныхъ горожанъ, поголовное изгнаніе побѣжденныхъ изъ ихъ отечества,—все это случается очень часто. Правда, указываютъ на нѣкоторые проблески гуманности у лучшихъ изъ грековъ, но отсюда нельзя заключать еще, чтобы у цѣлаго народа было ясное понятіе о военномъ правѣ. Совершенно вѣрно замѣчаетъ проф. Каченовскій, что «греки щадили врага, увлекаясь невольнымъ чувствомъ милосердія въ добрую минуту, но не сознавали юридической обя-

[1] *Fustel Coulange*, La cité antique. 1864 г., превосходная и общеизвѣстная книга, многія страницы которой развиваютъ и доказываютъ вышеприведенное положеніе.

Digitized by Google

занности воздерживаться отъ безполезнаго кровопролитія»[1]. И такъ, мы приходимъ къ слѣдующему общему выводу: строго говоря, военнаго права, которое могло бы подойдти подъ требованія нашего международнаго права, у грековъ не было, и вообще слабость международныхъ институтовъ у грековъ несомнѣнна. Конечно, нельзя сказать того, чтобы здѣсь не было зачатковъ феціальнаго права, права убѣжища, посредничества, перемирій и т. п., но всего этого весьма мало, да и это малое находилось только въ зародышѣ. Все сказанное до сихъ поръ относится къ греческому международному праву sensu stricto, т. е. къ отношеніямъ только между самими-же греками. Какъ же относились греки къ варварамъ? Картина представляется здѣсь еще болѣе рѣзкою, такъ какъ всякое общеніе между греками и тѣми, кого они называли варварами, безусловно отвергается. И лучшіе представители греческой интеллигенціи проповѣдуютъ это: такъ, Исократъ сравниваетъ варваровъ съ животными; Аристотель, считая ихъ естественными врагами грековъ, выражаетъ убѣжденіе, что варвары по природѣ своей предназначены къ рабству и что относительно ихъ дозволены всякіе обманы и хитрости. Платонъ, извѣстный возвышеннымъ философскимъ ученіемъ, совершенно уединяетъ въ своемъ «государствѣ» гражданъ, крайне неблагосклонно относясь къ морской торговлѣ. Правда, въ другомъ сочиненіи — «о законахъ», онъ смотритъ нѣсколько иначе на иностранцевъ; но все-таки считаетъ опаснымъ надѣлять многихъ иноземцевъ правомъ гражданства и совѣтуетъ давать его только за особыя заслуги. Насъ поражаетъ такое воззрѣніе въ теоретическомъ сочиненіи Платона «о законахъ», которое, какъ извѣстно, имѣло цѣлью реформировать греческое государство. Съ точки зрѣнія международнаго права, какъ началъ, построенныхъ на гуманности, на равенствѣ, эти взгляды

[1] L. C. II, стр. 171. Ср. *Ward*, Ch. VI, 171—184. — *Kent's* Comment. on Intern. Law, P. 11—14.

Digitized by Google

Платона совершенно расходятся съ его воззрѣніями, высказанными имъ въ другихъ сочиненіяхъ. Вѣрно слѣдуя ученіямъ Сократа, что отечество людей есть не одно государство, не одинъ городъ, а вся земля — Платонъ еще яснѣе допускаетъ въ отдаленномъ будущемъ вѣчный миръ и явно стремится къ космополитическимъ идеямъ. Но дальнѣйшее развитіе этихъ философскихъ идей Сократа и Платона не поддерживается школами циниковъ, эпикурейцевъ и даже самихъ стоиковъ. Отдѣльныя проявленія космополитическихъ идей находятся еще у Демосѳена, у Исократа, вооружавшагося, какъ извѣстно, противъ гегемоній. Нельзя также обойдти молчаніемъ историка Полибія, такъ прекрасно понимавшаго сущность международныхъ союзовъ и такъ сильно защищавшаго федеральныя стремленія лучшихъ политиковъ Греціи. Полибій открыто порицаетъ военныя жестокости, вѣроломство и обманы своихъ соотечественниковъ и проповѣдуетъ безусловную вѣрность данному слову[1]. Тѣмъ не менѣе, въ общемъ выводѣ, мы имѣемъ право сказать слѣдующее: не смотря на отдѣльныя вѣрныя мысли о космополитизмѣ, о войнѣ, о смягченіи ея суровостей, о правдѣ и гуманности, — не смотря на сознаніе необходимости международнаго порядка и правосудія, не смотря, наконецъ, на пониманіе политическаго равновѣсія (Демосѳенъ), греки не создали науки международнаго права; и едва-ли не сильнѣе подѣйствовали эти идеи на западную Европу XV и XVI ст., чѣмъ на самую Грецію. Незначительное число тѣхъ правилъ, которыя дѣйствовали на практикѣ, не можетъ быть названо системою международнаго права, и, примѣняя такія неполныя правила, греки никоимъ образомъ не въ-правѣ сказать, что у нихъ дѣйствовалъ международный союзъ. Напротивъ того, рознь и вражда, — вотъ тѣ отличительныя черты, которыми характеризуется вся исторія, всѣ политическія и международныя отношенія грековъ.

[1] Ср. *Laurent*, L. C. II, 354—501.

Digitized by Google

§ 2. Римъ. Римляне — народъ, всемірно-историческая заслуга котораго заключается въ томъ, что онъ впервые разграничилъ области морали и права, впервые создалъ правовѣдѣніе, независимое отъ теологіи, и основалъ всемірную державу, объединившую, на нѣсколько столѣтій, разрозненные и враждебные другъ другу народы древняго міра. — Что же сдѣлалъ римскій народъ для международнаго права? Почти на первыхъ строкахъ исторіи римскаго законодательства встрѣчается jus gentium. Но въ немъ нѣтъ никакого тождества съ международнымъ правомъ, такъ-какъ jus gentium дѣйствовало внутри государства, сначала для однихъ иностранцевъ, а потомъ и для римскихъ гражданъ. Правда, здѣсь были правила, установленныя путемъ взаимныхъ, какъ-бы международныхъ, сношеній римлянъ съ италійскими народами, но большинство правилъ juris gentium выработалось посредствомъ судебной практики[1]. Но тѣмъ не менѣе у римлянъ можно найдти нѣсколько институтовъ международнаго права, которые были формулированы гораздо полнѣе и яснѣе, чѣмъ у грековъ. На первомъ планѣ встрѣчаемъ мы учрежденіе феціаловъ и jus feciale. У многихъ древнихъ писателей и у нѣкоторыхъ изъ новѣйшихъ, господствуетъ весьма невѣрный взглядъ на этотъ институтъ: такъ, Цицеронъ (De officiis, I, 2, 36) говоритъ, будто феціалы рѣшали вопросы о справедливости и несправедливости войнъ; у Плутарха и Діонисія Галикарнасскаго то-же самое съ добавкою, что отъ воли феціаловъ зависѣли вопросы войны и мира, и что феціалы посредничали между римлянами и иностранцами[2]. Тѣ-же взгляды мы находимъ у Гуго

[1] Ср. *Maine*, Ancient Law, Chapt. III, pp. 48 etc.; также извѣстныя сочиненія по исторіи римскаго права: *Арнольда*, *Вальтера*, *Рудорфа* etc.—Кунце (Cursus des römischen Rechts, 1869, § 360) говоритъ «... Im 3. Jahrh. v. Chr. (wird) ein Thor für den Weltverkehr gebrochen, durch welches der Strom des Jus Gentium eindringt... Dieses Eindringen erfolgt in zwei Canälen: durch den Mos Civitatis und das Edictum Prætoris etc.

[2] *Plutarch.* Numa XII.—*Dion. Hal.* Ant. Rom. II. 72. Сравн. *H. Grot.* II,

Digitized by Google

Гроція, Ваттеля и др., и только въ послѣднее время было заявлено сомнѣніе касательно исторической вѣрности такихъ мнѣній. Конституція римской республики давала, какъ намъ извѣстно, право рѣшать вопросы о войнѣ и мирѣ комиціямъ и сенату; феціалы же были ни болѣе, ни менѣе, какъ коллегіею жрецовъ, выполнявшею роль военныхъ герольдовъ. На отдѣльныхъ феціаловъ возлагалось совершеніе извѣстныхъ обрядовъ: justa et pia, необходимыхъ для законности войны и предшествующихъ ея начатію,—justa et pia было подобіемъ судебнаго процесса: феціалы являлись къ тому народу, съ которымъ предполагалась война, и дѣлали ему вызовъ, какъ-бы in jus vocatio, т. е. заявляли свои претензіи и ждали, въ теченіе опредѣленнаго срока, отвѣта. Если этотъ послѣдній былъ въ удовлетворительномъ смыслѣ для римской политики, то война не начиналась; въ противномъ же случаѣ феціалы, произнося извѣстныя verba solemnia, объявляли сейчасъ-же войну, т. е. бросали копье за межу непріятельской земли. Послѣ такихъ формальностей, всѣ враждебныя дѣйствія противъ этого народа считались законными, и война была bellum justum. Но объявленіе войны, гдѣ одна обрядность лежитъ на феціалахъ, не есть актъ воли этихъ послѣднихъ; напротивъ, феціалы, не рѣшая въ существѣ вопроса о войнѣ и мирѣ, исполняли только mandatum тѣхъ учрежденій, которыя имѣли власть опредѣлять войну или установлять миръ у римскаго народа съ сосѣдями. За-тѣмъ самое jus feciale есть только совокупность правилъ и обрядовъ, которые должны были выполняться феціалами, по полномочію народа и правительства, и ни въ какомъ случаѣ не можетъ считаться полною системою началъ международнаго права. Такимъ образомъ мы видимъ, что тѣ взгляды на институтъ феціаловъ, о которыхъ было сказано выше, совершенно ошибочны. Правда, феціалы даютъ совѣты

23, 4.—*Vattel*, II, 14; 209.—*Ward*, L. C. I. P. 184.—*Maine*, L. C. P. 53.—*Osenbrüggen*, De jure belli et pacis Romanorum, P. 25.—*Laurent*, III. P. 16 etc.

Digitized by Google

консуламъ и даже сенату, но эти совѣты касаются опять-таки однѣхъ обрядностей. Кромѣ того, по показанію нѣкоторыхъ древнихъ писателей, ничѣмъ неопровергнутому, коллегія феціаловъ имѣла извѣстное отношеніе къ иностраннымъ посольствамъ; такъ, феціалы наблюдали, чтобы послы были неприкосновенны, чтобы относительно ихъ выполнялись правила гостепріимства и т. п.[1]

Другой институтъ международнаго права у римлянъ есть такъ называемая рекуперація, подъ которою нужно разумѣть международный судъ, разрѣшающій споры и недоразумѣнія не только между подданными иностранныхъ государствъ, но и между римскими гражданами и иностранцами. Нельзя согласиться съ тѣмъ мнѣніемъ, которое предполагаетъ механическое заимствованіе этого института римлянами; напротивъ, учрежденіе «recuperatores» развилось въ Римѣ совершенно самостоятельно изъ зачатковъ, свойственныхъ всѣмъ греко-италійскимъ народамъ[2]. Recuperatio производилась въ Римѣ по особеннымъ трактатамъ съ иноземными государствами, и здѣсь мы видимъ весьма сильное сходство этихъ трактатовъ съ греческими— о судѣ. Тяжущіяся стороны выбирали извѣстное число судей— recuperatores, которые, въ свою очередь, выбирали изъ себя по большинству голосовъ одного общаго recuperator'a[3]; цѣль этого суда заключалась въ возвращеніи какого-либо предмета, составляющаго спорный вопросъ—«ut res reddantur et recuperantur». Рекуперація была институтомъ международнаго суда съ гражданскимъ оттѣнкомъ.

---

[1] *Dion. Hal.* II. 72.—*Plutarch.* Camillus, 17, 18.

[2] *Mommsen*, R. G. I B. См. особенно превосходную характеристику древне-римскаго быта сравнительно съ бытомъ грековъ и другихъ индо-европейскихъ народовъ.

[3] *Ср. Gai*, IV. 104. 105. 109. 141. Также *Plin.* Epist. 33. 7, гдѣ подтверждаются эти родовые признаки рекуперации во всѣхъ ея видахъ.

Digitized by Google

Гостепріимство (hospitium) составляетъ предметъ заботливости не только частныхъ лицъ, но и государства. Это можно видѣть въ нѣкоторыхъ сенатскихъ постановленіяхъ и договорахъ[1]. Патронатъ, вызвавшій въ Греціи учрежденіе проксеновъ и простатовъ, получилъ у римлянъ болѣе полное развитіе и держался до временъ имперіи. Патроны выбирались не только отдѣльными иностранцами, но провинціями и цѣлыми націями (Цицеронъ, напримѣръ, былъ патрономъ Арменіи. Другіе, извѣстные адвокаты, бывали патронами Испаніи, Лузитаніи и т. д.). Утвержденіе патрона зависѣло отъ сената, но иногда случалось, что и самъ сенатъ назначалъ извѣстному народу защитника. Обязанности патрона заключались въ защитѣ правъ выбравшаго его народа передъ сенатомъ и передъ судами; большинство процессовъ о злоупотребленіи властей было возбуждаемо этими патронами провинцій.

Трактаты у римлянъ съ иностранными государствами были очень развиты; всѣ они носятъ общее названіе — foedera (foedus), подъ чѣмъ нужно разумѣть торжественные договоры о мирѣ, утвержденные сенатомъ и народомъ. Соглашенія же или обѣщанія иностранныхъ агентовъ и агентовъ римскаго государства суть только sponsiones. Наконецъ, третій видъ договоровъ представляютъ собою такъ называемыя pactiones — капитуляціи и конвенціи съ побѣжденными народами. Самое важное значеніе въ исторіи международныхъ сношеній римлянъ имѣютъ foedera, древнѣйшіе изъ которыхъ весьма близки къ греческой изополитіи (надѣленіе иностранцевъ наибольшею правоспособностью) и носятъ названіе foedera æqua. Эти договоры давали наибольшія права подданнымъ другихъ государствъ, но полнаго, абсолютнаго приравненія иностранцевъ съ римлянами не было даже и въ этихъ foedera æqua. Гораздо чаще встрѣчаются foedera non æqua, предметъ которыхъ составляли ограниченія политической

[1] *Laurent*, III, 74, 75. —*Liv.* V, 28.—*Diod.* XIV, 93.

Digitized by Google

независимости дружественныхъ и союзническихъ съ Римомъ государствъ, отъ которыхъ этими-же договорами требовалось уваженіе къ «величеству Рима» (majestas populi Romani).[1]

Относительно посольскаго права у римлянъ надо сказать, что оно тоже отличалось гораздо большею полнотою, сравнительно съ греческимъ. Права и гарантіи пословъ были опредѣлены точнѣе, и законодательство стремилось сохранить священный и неприкосновенный характеръ пословъ даже во время войнъ. Посолъ могъ спокойно выѣзжать изъ Рима и задерживался лишь тогда, когда безъ дозволенія своего правительства проѣзжалъ черезъ римскую территорію въ какое-либо третье государство. Вообще посламъ римляне оказывали полное гостепріимство и полный почетъ. Къ концу республиканскаго періода, когда весь тогдашній европейскій, азіятскій и африканскій міръ былъ покоренъ римлянами, послѣдніе запретили побѣжденнымъ народамъ посылать къ нимъ пословъ; тогда начала посольскаго права потеряли свое международное значеніе и посольства сдѣлались ненужнымъ учрежденіемъ.

Что касается военнаго права римлянъ, то и здѣсь мы находимъ гораздо больше правильности, дисциплины, чѣмъ у грековъ. Конечно, веденіе войны у римлянъ отличается еще большою суровостью и разсчитанною жестокостью, но у римлянъ мы не встрѣтимъ той страстности, въ которую впадали греки. Примѣровъ подобной холодной жестокости римлянъ мы можемъ найдти въ исторіи очень много, и здѣсь совершенно достаточно указать на разграбленіе Сиракузъ по распоряженію того-же самаго Метелла, котораго считаютъ однимъ изъ самыхъ гуманныхъ рим-

[1] См. in extenso объ этомъ предметѣ *Laurent*, L. C. PP. 22—24; 190—200. —*Каченовскій*, II, стр. 194—196. «Въ заголовкѣ трактатовъ римскихъ, говоритъ Лоранъ, стоятъ слова: миръ, дружба, гостепріимство, прекрасно выражающія истинную теорію международныхъ отношеній. Но идеалъ этотъ не идетъ дальше словъ: углубляясь въ сущность дѣла, приходится испытать полное разочарованіе». Ср. *Ward*, L. C I. 191, 192.

Digitized by Google

скихъ полководцевъ. Далѣе, Ливій, разсказывая о второй пунической войнѣ, приписываетъ Марцеллу такое изрѣченіе, что относительно непріятелей нѣтъ ничего запретнаго[1]. Къ концу республики римляне оставляютъ уже совершенно мысль о соблюденіи какихъ бы то ни было обязанностей по отношенію къ своимъ врагамъ, потому что на послѣднихъ они смотрятъ, какъ на отрицателей величія римскаго народа, и попытки сопротивленія считаютъ за возмущеніе. Достаточно вспомнить походы Ливія, Друза, Германика, Тита и т. д. Римское военное право не знало, въ правилахъ о добычѣ, различія между обыкновенными вещами и тѣми, которыя назывались res sanctæ et sacræ. Истребленіе не только непріятельскихъ воиновъ, но и побѣжденныхъ жителей, обращеніе ихъ въ рабство (правда, съ возможностью выкупа), убіеніе побѣжденныхъ царей и полководцевъ послѣ тріумфальныхъ шествій, — вотъ что представляетъ намъ римская практика. — Посмотримъ теперь, каковы были воззрѣнія на военное право у представителей римской интеллигенціи. Взгляды Ливія, который даетъ войнѣ полный просторъ и не ограничиваетъ никакими правилами, почти тѣ-же, что у Тацита, и только у Цицерона мы встрѣчаемъ идеи, близкія къ идеямъ Пиѳагора, Сократа и Платона: «Всѣ люди равны, говоритъ онъ, и отечество ихъ вся земля!»; далѣе, онъ требуетъ обезпеченія законами гостепріимства и съ энергіею возстаетъ противъ военныхъ жестокостей. Еще полнѣе высказываются космополитическія и гуманныя идеи Сенекою, который очень отчетливо выражается о солидарности между всѣми народами[2].

---

[1] *Liv.* XXVI. 31.—Сравн. для поясненія замѣчанія касательно разсчитанной жестокости римлянъ *Sallust.* Bellum Jugurth. 91: «Oppidum incensum, Numidæ puberes interfecti, alii omnes venumdati. Illud facinus contra jus belli admissum,... quia locus Jugurthæ opportunus, nobis aditu difficilis etc.

[2] Ср. *Laurent*, L. C. PP. 25, 252—261. 323—331. 401—453 etc. до конца III-го тома.—Юридическія воззрѣнія римлянъ на предметы международнаго права отрывочно изложены въ нѣкоторыхъ книгахъ Дигестъ, напр. Dig. 49; 15; 12, 24. —50; 16; 118.

Digitized by Google

Изъ всего сказаннаго выше мы можемъ видѣть, что у римлянъ не было системы международнаго права, что приведенныя нами начала и идеи, высказываемыя нѣкоторыми римлянами, никакъ не могутъ быть названы наукою международнаго права. Постановленія римскаго государства касательно гостепріимства, посольства и нѣкоторыхъ другихъ институтовъ международнаго права были все-таки малочисленны и не имѣли полной гарантіи касательно практическаго ихъ примѣненія. Совершенно понятно, почему у римлянъ не могло возникнуть ни науки, ни системы международнаго права: это былъ народъ завоевательный, который враждебно относился къ политической независимости другихъ націй. Римъ вѣчно помнилъ заповѣдь своихъ политиковъ и историковъ о покореніи вселенной. И дѣйствительно, послѣ ряда войнъ, въ тогдашнемъ мірѣ не стало даже независимыхъ государствъ, съ которыми бы Римъ могъ установить международное общеніе, такъ-какъ общеніе—это есть союзъ между свободными и равноправными государствами.

Изъ всего сказаннаго о международныхъ сношеніяхъ грековъ и римлянъ видно, что гордость, эгоизмъ, взаимное отчужденіе и стремленіе къ господству, безъ всякой идеи о равноправности государствъ и народовъ, представляютъ собою характеристическія черты греческой и римской политики. Общіе результаты совмѣстной исторической работы грековъ и римлянъ по международному праву чисто отрицательные и сводятся къ такимъ послѣдствіямъ: 1) ослабленіе умственной и религіозной розни между народами южной Европы, западной Азіи и сѣверной Африки, вслѣдствіе распространенія идей греческой философіи, греческаго искусства и науки, и 2) уничтоженіе правоваго обособленія, особенно рѣзко проведеннаго въ Греціи, развитіемъ римскаго jus gentium, которое распространилось между всѣми народами. Общенародное частное право, какимъ было jus gentium, послужило первою ступенью для развитія космополитической системы международнаго права въ далекомъ будущемъ. —

Digitized by Google

Средніе вѣка. Христіанство, западная церковь и ихъ вліяніе на международныя отношенія.

§ 3. Средніе вѣка начинаются съ паденія западной римской имперіи и со времени вторженія сѣверныхъ варваровъ въ южную Европу. Съ этими фактами связано появленіе двухъ новыхъ могущественныхъ силъ — христіанства и германскихъ народовъ. Посмотримъ теперь, каково дѣйствіе этихъ элементовъ на международное право. Христіанскія понятія, существенно противоположныя языческимъ, но отчасти подходящія къ ученіямъ лучшихъ представителей греческой философіи, были весьма благопріятны для международнаго права. У христіанъ — единый Богъ, а не то множество боговъ и культовъ, которое служило главною причиною обособленія и вело къ ожесточенной ненависти между племенами и государствами языческаго міра. Христіанскій Богъ есть «Богъ мира на землѣ и благоволенія къ человѣкамъ», по словамъ извѣстнаго церковнаго гимна; онъ не нисходитъ на землю ни для вмѣшательства въ распри людей, ни для борьбы съ непризнающими его, но объявляетъ себя творцомъ всего человѣчества. Библейскій разсказъ о первомъ человѣкѣ, какъ единомъ праотцѣ для всѣхъ людей, имѣлъ своими необходимыми послѣдствіями признаніе равенства всѣхъ племенъ и народовъ, уничтоженіе отличій между соотчичами и иностранцами, между господами и рабами. Высшая заповѣдь христіанства — любовь къ ближнему, доходящая до любви и милосердія къ врагу. Уважая власть правительства — кесарево кесареви, послѣдователи христіанской церкви проповѣдуютъ религіозное равенство всѣхъ людей, безъ оговорокъ, въ пользу какихъ-либо случайныхъ преимуществъ однихъ надъ другими. «У алтаря Христова, говоритъ Мильманъ[1], предъ лицемъ Всевышняго, король и рабъ стоятъ на одномъ уровнѣ; оба они слушаютъ одно и то-же проповѣди, оба

[1] Исторія западно-латинскаго христіанства, IX, стр. 35.

Digitized by Google

крещены въ одной купѣли, оба, наконецъ, бракосочетаются и погребаются по однимъ и тѣмъ-же обрядамъ». Зная тѣ космополитическія идеи, тѣ человѣколюбивыя чувства, которыя проповѣдуются евангеліемъ, мы можемъ легко понять, почему у отцевъ церкви — Лактанція, Златоуста, Августина, Амвросія, Тертуліана и др.[1] — является полное порицаніе войны; послѣдняя сравнивается ими съ разбоемъ и считается бѣдствіемъ, посылаемымъ людямъ въ наказаніе за ихъ грѣхи. Главный источникъ войны, по воззрѣнію христіанъ, есть ненависть между людьми, порожденная дурными ихъ страстями. Св. Августинъ, возставая противъ кровопролитія, совѣтуетъ христіанамъ держать слово, данное непріятелю, не грабить и щадить побѣжденныхъ. Всѣ отцы церкви проповѣдуютъ космополитическія идеи полнаго общенія и братскаго союза между людьми, безъ отличія еврея отъ еллина. Изрѣченіе евангелія: «вѣра безъ дѣлъ мертва есть» — объясняетъ намъ, почему представители христіанства не остановились на однѣхъ теоретическихъ идеяхъ о любви, о равенствѣ и т. п. принципахъ, но вступили въ область практической дѣятельности. Вліяя на государей западной Европы, церковь вызываетъ рядъ законоположеній о гостепріимствѣ, при чемъ сама очень ревностно заботится объ учрежденіи при монастыряхъ гостинницъ и странноприимныхъ домовъ — ксенодохій, гдѣ получали пріютъ не только богомольцы, но купцы и вообще всѣ путешественники. Здѣсь-же были устраиваемы и первыя школы, необходимость которыхъ вытекала у христіанъ изъ ихъ ученія — «не о хлѣбѣ единомъ живъ будетъ человѣкъ». Считая, что всѣ люди должны находиться въ общеніи между собою, называя море «доброю стихіею», представители христіанства сильно поддерживаютъ морскую торговлю и вліяютъ на огражденіе безопасности купцовъ и мореходцевъ. Порицая войну и примиряясь съ нею только какъ съ неиз-

[1] См. прекрасную и полную характеристику ихъ ученій у *Каченовскаго*, Вып. 2-й, стр. 213 — 225.

Digitized by Google

бѣжнымъ зломъ, первые христіане много заботятся о выкупѣ плѣнныхъ; они добиваются отмѣны правилъ, запрещавшихъ отчуждать церковныя имущества, такъ-что епископы, съ цѣлью собрать деньги для выкупа, продаютъ церковныя драгоцѣнности, утварь, облаченія и самыя чаши [1]. Съ этою-же цѣлью устраиваются въ различныхъ странахъ «благотворительныя братства» или «общества милосердія», члены которыхъ даютъ обѣтъ — всѣми силами стремиться къ освобожденію плѣнныхъ. Согласно своимъ основнымъ идеямъ, согласно тѣмъ цѣлямъ, которыми задались христіане, церковь ихъ достигла весьма стройнаго устройства своихъ учрежденій, независимыхъ отъ государства. «Духовенство составляетъ единое и нераздѣльное тѣло во всемъ христіано-латинскомъ мірѣ, замѣчаетъ Мильманъ, и въ этомъ духовенствѣ нашла свое единство церковь». Повсюду духовенство говорило и церковь отправляла богослуженіе на одномъ языкѣ. Такимъ средствомъ церковь сплотила европейскіе народы у средоточія папской власти и тѣмъ отклонила политическій міръ отъ двухъ опасностей — внутренней и внѣшней. Первая изъ нихъ состояла въ томъ, что универсальная монархія Карла Великаго легко могла перейдти въ восточный деспотизмъ; вторая же заключалась въ исламѣ и его поборникахъ, которые съ VII ст. являются весьма сильнымъ врагомъ западно-христіанскаго міра. Далѣе, организація церкви, наиболѣе усовершонная съ V по X ст., для европейскихъ народовъ того времени, въ нѣкоторой степени, служила замѣною плохихъ административныхъ порядковъ той эпохи, и ея учрежденія — консисторіи и соборы — были прототикомъ болѣе совершенныхъ государственныхъ учрежденій. Церковные соборы, на которые собирались представители всѣхъ тогдашнихъ государствъ, напоминаютъ собою международные конгрессы. Разбирая нерѣдко различнаго рода споры

[1] Ср. литографированный Курсъ исторіи западныхъ законодательствъ (Франція), гдѣ изложены любопытныя постановленія собора въ Агдѣ (VI стол.).

Digitized by Google

и недоразумѣнія между государями Европы, представители западнаго христіанства рѣшали такимъ образомъ вопросы съ международнымъ характеромъ. Институтъ папскихъ легатовъ является также первообразомъ и школою для посольскихъ учрежденій въ будущемъ. Уважая папскаго легата, соблюдая его «sacrosanctitas» и глядя на него какъ на посланника отъ намѣстника Божія, правительства цѣльнѣе и серьезнѣе признали неприкосновенность пословъ вообще и установили тѣ необходимыя начала, безъ которыхъ немыслимо право посольское. Значеніе папской дипломатіи вообще было очень велико, и дѣломъ ея (въ теченіе многихъ вѣковъ) были крестовые походы, имѣвшіе массу столь важныхъ послѣдствій. Каноническое право — одинъ изъ источниковъ общеевропейскаго права, выработанное подъ вліяніемъ церкви, имѣетъ также несомнѣнный интересъ для международнаго права. Въ немъ мы находимъ постановленія о «pax et treuga Dei» (божье перемиріе); въ немъ мы знаемъ цѣлую систему правилъ, запрещающихъ во время войны грабить церкви, уничтожать поля и жатвы; здѣсь-же, наконецъ, мы находимъ постановленія о правѣ убѣжища для иностранныхъ купцевъ — jus asyli, о нейтралитетѣ церковныхъ земель и т. п. Подъ божьимъ перемиріемъ (treuga Dei) разумѣлась нейтрализація дней и времени въ срокахъ, которые измѣнялись; но вообще это перемиріе обыкновенно бывало въ слѣдующіе дни: въ дни отъ субботы до понедѣльника, въ недѣлю, предшествующую крещенію со включеніемъ 6 дней послѣ него, въ промежутокъ времени отъ великаго поста до Троицы и, наконецъ, во всѣ господскіе праздники. Это перемиріе имѣло и гарантію, состоящую въ присягѣ вассаловъ и сюзереновъ (jurer la paix), и санкцію — эпитимію, церковное отлученіе и проклятіе. Мало того, церковь содѣйствуетъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, городамъ въ заключеніи договоровъ о союзахъ со взаимнымъ поручительствомъ для охраны отъ феодаловъ, что весьма важно для торговыхъ и промышленныхъ

Digitized by Google

классовъ, содѣйствовавшихъ развитію сношеній государствъ запада между собою и съ жителями востока. Далѣе, церковь устанавливаетъ quarantaine de l'église, церковное сорокадневье, которое заключалось въ томъ, что лицо, желающее начать съ кѣмъ-нибудь войну, должно было, за 40 дней до объявленія ея, представить свой споръ на посредничество церковнаго суда. Это quarantaine de l'église гораздо древнѣе quarantaine du roi, т. е. королевскаго сорокадневья. Церковь и ея представители энергично осуждаютъ многіе варварскіе обычаи, вкравшіеся въ нравы среднихъ вѣковъ изъ древняго міра; такъ, жестокости Фридриха Барбаруссы, Ричарда Львинаго Сердца и т. п. предаются сильному порицанію со стороны христіанъ. Кромѣ того, церковь осуждаетъ всѣ квалифицированныя средства вредить врагу, осуждаетъ бросанье камней и стрѣлъ машинами въ осаждаемые города, осуждаетъ такимъ образомъ баллистаріевъ и сагиттаріевъ и проклинаетъ отравленныя стрѣлы, которыя въ то время были въ большомъ ходу (говорятъ, Ричардъ Львиное Сердце умеръ отъ подобной стрѣлы). Droi de bris ou de naufrage, по которому прибрежные владѣльцы присваивали себѣ не только грузъ и обломки потерпѣвшаго крушеніе судна, но и брали въ плѣнъ его экипажъ, это право, какъ извѣстно, было проклято Гильдебрандомъ. Наконецъ, вліяніе церкви можно прослѣдить, нѣкоторымъ образомъ до нашихъ дней, и на обрядахъ дипломатіи: то положеніе, по которому папскому нунціюдается предпочтеніе на аудіенціяхъ, такъ-что онъ имѣетъ право перваго голоса и къ нему первому обращаются католическіе государи, — это положеніе есть обычай, унаслѣдованный отъ среднихъ вѣковъ[1].

И такъ, несомнѣнно, что законодательство церкви и ея представители имѣли весьма сильное и во многомъ положительное вліяніе на международное право. Но есть и отрицательная сторона

[1] Ср. *Ward's* History of the Law of Nations. I, 322 etc. *Laurent*, IV, V. *Milman*, IV—VIII. — *Кайеновскій*, II. § 15—20.

Digitized by Google

во вліяніи западной церкви: въ общемъ выводѣ, каноническое право не могло сдѣлаться и не сдѣлалось системою международнаго права въ современномъ его значеніи; папы не могли стать главою международнаго европейскаго союза и не были настолько сильны, чтобы навсегда удержать высшую юрисдикцію и посредничество, которыми они обладали только въ періодъ крестовыхъ походовъ. Препятствіемъ этому служили: во 1-хъ, антагонизмъ могущественныхъ партій, съ императорами во главѣ, какъ съ представителями гибеллинской теоріи, и, во 2-хъ, многіе серіёзные недостатки и папъ, и самаго каноническаго права. Недостатки папъ весьма многочисленны: эти намѣстники Христовы, подъ видомъ желанія стать посредниками между всѣми европейскими государствами, явно стремятся къ теократіи, т. е. къ самой губительной формѣ господства надъ людьми. Если папы, съ одной стороны, сдѣлали то, что имперія Карла Великаго не обратилась въ восточную деспотію, то, съ другой стороны, императоры не допустили западную Европу сдѣлаться теократіею. И если-бы теорія папъ осуществилась, то они сдѣлали бы повсюду то, что дѣлали въ нѣкоторыхъ государствахъ въ XIII, XIV, XV и слѣд. столѣт., опираясь на фанатическихъ доминиканцевъ, на іезуитизмъ и т. п. Между-тѣмъ свобода совѣсти была необходимою ступенью для развитія европейскаго прогресса, о которомъ нельзя было бы помышлять при безусловномъ водвореніи папскаго владычества надъ государствами Европы. На это указываетъ намъ лучше всего реформація съ своимъ политическимъ, умственнымъ и религіознымъ значеніемъ. Обнаруживъ притязаніе быть верховными судьями между государями Европы, папы, когда имъ это было нужно, далеко не осуществляли началъ справедливости, законности и правды, а напротивъ того, совершали замѣчательныя злоупотребленія, противъ которыхъ должны были дѣйствовать судебныя учрежденія и законодательства европейскихъ народовъ, напоминаніемъ

Digitized by Google

чему могутъ служить Appel comme d'abus и Edit de petites dates въ исторіи французскаго законодательства[1]. Далѣе, папы были часто главною причиной нарушенія различныхъ договоровъ между государствами. И подобныя вѣроломства вызвали, наконецъ, то, что европейскіе государи согласились и даже обязались удерживаться отъ всякой интерпретаціи папами заключаемыхъ свѣтскими монархами договоровъ[2]. Въ нѣкоторыхъ каноническихъ постановленіяхъ по международному праву есть явное противорѣчіе христіанскимъ началамъ равенства и справедливости: церковь и ея представители съ канонистами допускали сношенія лишь между одними исповѣдниками христіанской вѣры, въ отношеніи же иновѣрцевъ проповѣдывалась вѣчная война; все, не исповѣдывавшее началъ католической церкви, считалось внѣ закона, и противъ всего этого исключеннаго міра дозволялись всякія средства. Начавши свое историческое дѣло съ высокихъ принциповъ свободы и равенства, съ принциповъ чисто космополитическихъ, каноническое право, въ концѣ концовъ, пришло къ отрицанію человѣчества у множества людей. И подобно тому, какъ римляне и особенно греки, по своей языческой гордости, дошли до убѣжденія, что иноземцы—неправоспособные субъекты, такъ точно западное христіанство выставило сходное ученіе относительно людей, не исповѣдующихъ католической религіи или уклоняющихся отъ нея. Вотъ почему международное право не могло найдти себѣ вполнѣ вѣрнаго и могущественнаго союзника въ системѣ кано-

---

[1] См. литографированный Курсъ французскаго законодательства, отдѣлы: судоустройство, судопроизводство и законодательство въ періодѣ абсолютной монархіи. Ср. *Pardessus*, Essai sur l'histoire de l'organisation judiciaire, p. 390 etc. *Schäffner, Warnkönig* (Geschichte der Rechtsverfassung Frankreichs. Französische Staats- und Rechts-Geschichte).

[2] *Ward*, II. 125... «Oaths, which are an invocation of the Deity, ... were peculiarly subject to the papal influence; and it was sufficient that an oath should be construed to be contrary to the interests of the Holy See, to make it null and void ab initio etc.

Digitized by Google

ческаго права и въ учрежденіяхъ западно христіанской церкви [1].

Мы видѣли такимъ образомъ, что ни классическая древность, ни католическое христіанство не создали международнаго права, какъ системы, построенной на идеяхъ о безусловномъ единствѣ, равенствѣ и братствѣ людей, — идеяхъ, направляющихъ все человѣчество къ высшимъ цѣлямъ его бытія. И заслуга христіанства въ дѣлѣ международныхъ отношеній и международнаго права имѣла значеніе только для будущаго времени.

Германско-феодальный міръ и значеніе его для международныхъ отношеній. Рыцарство. Города. Морская торговля и источники морскаго торговаго права.

§ 4. Обратимся теперь ко второму элементу — къ германцамъ и посмотримъ, какое значеніе имѣли они въ занимающемъ насъ вопросѣ. Нравы и обычаи германцевъ очерчены впервые и весьма талантливо у Цезаря, потомъ у Тацита; но даже у такого писателя, какъ Тацитъ, весьма трудно опредѣлить, гдѣ у него находится историческая истина, а гдѣ идеализація — съ цѣлью покарать тогдашнее римское общество сравненіемъ его недостатковъ съ достоинствами германцевъ. Что же касается новѣйшихъ историческихъ писателей, то о нихъ нужно сказать, что какъ, съ одной стороны, нѣмцы впадаютъ въ крайнія патріотическія идилліи, разсказывая о первыхъ германцахъ, такъ точно, съ другой стороны, французы отыскиваютъ въ нихъ зародыши недостатковъ и крайностей теперешней нѣмецкой политики. Какъ бы то ни было, но изучая нравы и обычаи этого народа, мы можемъ видѣть, что Тацитъ имѣлъ полное право понимать его «свободнымъ племенемъ съ сильнымъ сознаніемъ

[1] *Ward*, II. 6—11; 126. *Laurent*, весь V-й томъ, особенно же: стр. 34—39; 64—71; 100—129; 247—251; 318—331. — *Garden*, Histoire etc. I. pp. XIX—XX. *Halleck*, § 9.

Digitized by Google

индивидуальности», а такое сознаніе, какъ мы знаемъ, имѣетъ весьма важное значеніе для нашего вопроса. Нація съ подобнымъ характеромъ способна къ установленію твердаго порядка во всѣхъ отношеніяхъ своей жизни; и при такихъ психическихъ свойствахъ — легче возникнуть международному праву, которое не можетъ существовать безъ сознанія взаимности и равенства между людьми. Древніе германцы, раздѣленные на многія мелкія племена и общины, крѣпко держась за свое дѣдовское право, не отвергаютъ въ то-же время и права иноземцевъ, откуда возникаетъ система личныхъ правъ—personalitas legum въ законодательствахъ тѣхъ государствъ, которыя явились на развалинахъ западной римской имперіи. Такимъ образомъ господствовала въ средневѣковой Европѣ первыхъ столѣтій этого періода система, которая имѣетъ отдаленное сходство съ частнымъ международнымъ правомъ. Гостепріимство, вѣрность слову, великодушіе и взаимное довѣріе — были отличительными чертами германскихъ народовъ по словамъ не только Тацита, но и Сальвіана, наблюдавшаго германцевъ гораздо позже, при ихъ вторженіи въ предѣлы западн. рим. имперіи. Терпимость тоже была однимъ изъ качествъ этого народа, и при томъ въ такое время его жизни, когда еще не вліяло особенно сильно духовенство. (Примѣры нетерпимости мы можемъ найдти въ вестготскомъ кодексѣ, при составленіи котораго участвовали епископы). Взглядъ древнихъ германцевъ на войну напоминаетъ собою идеи о поединкѣ, о судѣ божіемъ, а такого рода понятія легко могли дойдти до весьма важной идеи о томъ, что даже военная сила должна управляться извѣстными обычаями и законами чести. Наконецъ, рабство здѣсь никогда не имѣло восточнаго или греко-римскаго характера. Всѣ эти черты — если даже принять во вниманіе нѣкоторую идеализацію у Тацита, Сальвіана и другихъ писателей — все-таки существовали, а, слѣдовательно, германская жизнь представляла весьма благопріятные шансы для развитія

Digitized by Google

международныхъ отношеній. Тѣмъ не менѣе ошибочно думать, что германцы и тѣ учрежденія, которыя ими построены, создали международное право Европы. Нравы германцевъ все-таки были весьма грубы, военные обычаи весьма суровы. Лѣтописи того времени наполнены разсказами о жестокостяхъ этихъ племенъ. Не говоря уже о вандалахъ, обратившихъ с. Африку— лучшую часть тогдашняго міра — въ совершенную пустыню, не говоря о норманнахъ, лонгобардахъ и другихъ, даже франки отличаются большою жестокостью. Лонгобарды, напр., были, какъ извѣстно, народомъ въ высшей степени жаднымъ къ стяжанію и кровопролитію, и у Іорнанда мы читаемъ, что тогдашнія легенды приписывали этому племени волчьи и собачьи головы. Гиббонъ разсказываетъ, будто тюринги, потерпѣвъ неудачу при Шалонѣ, избили всѣхъ непріятельскихъ заложниковъ и плѣнныхъ и растерзали 200 дѣвушекъ казнью Брунегильды[1]. Чувства честности, вѣрности слову и уваженія къ врагу были очень далеки отъ Хлодвига и другихъ королей меровингской и карловингской династій, хотя, быть можетъ, многіе недостатки и пороки были усвоены германцами прежде всего отъ порабощеннаго и испорченнаго римскаго населенія. Такова судьба дикаго народа, столкнувшагося съ цивилизованнымъ; отъ послѣдняго онъ прежде всего заимствуетъ пороки и недостатки; но были народы, которые выдерживали эти послѣдствія и доходили потомъ до величайшихъ успѣховъ прогресса, — народомъ подобнаго рода оказались германцы. Рознь между германскими племенами не уничтожилась геніальными усиліями Карла Великаго, образовавшаго изъ всего латино-германскаго міра одну имперію. Эта имперія носитъ названіе священной римской и служитъ наглядньмъ доказательствомъ того, какъ велико было обаяніе Рима, удержавшееся какъ преданіе. Хотя титулъ священной римской

[1] *Ward*, I. 216, 217. *Gibbon*, Decl. and Fall etc. Chapt. 35, 42.

Digitized by Google

имперіи поддерживалъ вѣру въ идеалъ имперіи, но все-таки онъ не создалъ общенародной монархіи для средневѣковой Европы. Обезпеченіе личныхъ и имущественныхъ правъ населенія, устройство почтъ, маяковъ, несомнѣнно способствующихъ торговому обороту, возникновеніе, скоро потомъ погибшихъ, дружественныхъ сношеній запада съ востокомъ—вотъ результаты имперіи Карла Великаго. При его непосредственныхъ преемникахъ все это погибло, и во всѣхъ сторонахъ государственной жизни мы видимъ полную анархію и полное разложеніе. Священная имперія Карла Великаго, съ ея стремленіемъ сдѣлаться общеевропейскою, была замѣнена феодализмомъ, который «уничтожилъ государство ради множества мелкихъ государствъ», по выраженію одного историка[1]. Но не смотря на то, что феодальная система раздробила Европу, все-таки она принесла извѣстнаго рода заслугу: ленная система установила какой-либо государственный бытъ и спасла Европу отъ дальнѣйшей и безповоротной неурядицы, отъ деспотизма императоровъ и теократіи папъ. Феодализмъ со своимъ военно-аристократическимъ устройствомъ былъ очень кстати въ то время, когда съ востока, сѣвера и юга грозили норманны и арабы. И такъ, военное устройство феодализма имѣло культурное значеніе. Феодальная система, далѣе, прикрѣпила бродячее населеніе къ землѣ, купивъ такой результатъ, правда, дорогою цѣною крѣпостничествомъ; но тѣмъ не менѣе для тогдашнихъ государственныхъ и общественныхъ потребностей и это учрежденіе принесло на-время нѣкоторую пользу, такъ-какъ иначе, безъ этой юридической спайки между высшимъ и крестьянскимъ сословіемъ, нельзя было избѣжать анархіи. Вассалъ-крестьянинъ пользовался какою-нибудь защитою, что было бы невозможно при сопоставленіи воинственныхъ дворянъ и мелкихъ собственниковъ безъ всякой связи, въ формѣ

[1] Гервинуса.

Digitized by Google

патроната, между собою. Далѣе, чувство собственнаго достоинства, сознаніе личности достигло высшей степени у барономъ, а это весьма важно, хотя-бы и въ одной части общества, въ одномъ его уголкѣ, и только если нигдѣ нѣтъ такого чувства, подобное общество осуждено на вѣрную гибель. Проходитъ нѣсколько времени, и то-же чувство (хотя въ корпоративной формѣ) проявляется въ итальянскихъ, французскихъ и германскихъ муниципіяхъ. Въ договорахъ сюзереновъ съ городами, которыми соглашеніями опредѣлялись права послѣднихъ, лежатъ тѣ ограниченія, изъ которыхъ возникло, впослѣдствіи, при примѣненіи ихъ къ цѣлымъ государственнымъ сословіямъ, представительное правленіе въ Европѣ. Такимъ образомъ нельзя не признать заслугъ феодализма для государственнаго европейскаго права, но опять таки совершенно неосновательно утверждать, что существующее международное право создано германцами и ленною системою. Феодализмъ, напротивъ, много убивалъ Европу своими наборами, федами, «и, говоритъ Лоранъ, людямъ не сдѣлалось легче отъ того, что война стала поэзіею для барона и что на турнирахъ проявлялись ловкость, изящество и искусство въ рѣзаніи головъ». Очень хорошо охарактеризовалъ тогдашняго барона средневѣковой поэтъ во Франціи, вложивъ въ уста его слѣдующія слова: «я люблю наблюдать какъ во время войны смущенные земледѣльцы и пастухи бродятъ, не зная, гдѣ приклонить головы свои, когда начинается война, открывается полная возможность грабить мужиковъ и купцовъ; на дорогахъ нѣтъ тогда ни одного буржуа; нигдѣ не встрѣтите вы пріюта, — и тогда-то можно нажиться и быть богатымъ тому, кто съумѣетъ брать»[1]. Феодализму же принадлежатъ тѣ антиобщественныя учрежденія, которыя выражаются въ словахъ: droit d'aubaine, droit de bris, Wildfangsrecht и т. п. (Droit d'aubaine, т. е. право на на-

[1] Ср. *Laurent*, VII. 231 — 257. *Ward*, I, Chapt. IX.

Digitized by Google

слѣдство иностранцевъ, droit de bris — право на обломки кораблей, Wildfangsrecht — право, по которому въ извѣстныхъ странахъ иностранцы подлежали закрѣпленію), здѣсь какъ-бы самый воздухъ дѣлалъ человѣка несвободнымъ; вообще иностранцы могли жить на землѣ какого-либо барона только 1 годъ и 1 день, не теряя свободы (т. е. не подлежа принятію ленной присяги). Жестокость феодальныхъ и рыцарскихъ войнъ есть фактъ несомнѣнный, и доказать его можно многими примѣрами. Такъ, норманны не только въ IX ст., когда они были просто пиратами, но и въ то время, когда шли съ Вильгельмомъ Завоевателемъ для покоренія Англіи, отличались неимовѣрною свирѣпостью. Они уничтожали все: поля, жатвы, не щадили ничего въ домахъ частныхъ людей и, если чего нельзя было взять, то истребляли безъ всякой цѣли. При смерти какого-нибудь иностраннаго или даже собственнаго вождя, они сей-часъ же грабили оставшееся послѣ него имущество, а самый трупъ бросали на съѣденіе дикимъ звѣрямъ. Такъ былъ ограбленъ и Вильгельмъ Завоеватель послѣ своей смерти[1]. Почти всѣ полководцы среднихъ вѣковъ отличались звѣрскими подвигами: такъ, Ричардъ Львиное Сердце имѣлъ поистинѣ львиное сердце по своимъ животнымъ жестокостямъ, по своему инстинкту разрушать, когда поставилъ во главѣ войска отрядъ brûleurs (поджигателей). О Филиппѣ Августѣ разсказываютъ, что «онъ опустошалъ земли именно по-королевски, истребляя все направо и налѣво». Точно такъ-же дѣйствовалъ и Генрихъ англійскій во Франціи, «содрогаясь отъ радости» — (tressaillant de joie), «при видѣ страны, ограбленной, уничтоженной и покрытой дымомъ». Подобными же подвигами ознаменовалъ себя и Фридрихъ Барбарусса, раз-

[1] Ср. *Laurent*, VII, 244, Nota 3. Ссылка на *Duchesne*, Historiae Normannorum scriptores. — *Ward*, I, 295, гдѣ разсказаны возмутительныя и взаимныя жестокости, въ видѣ репрессалій, англичанъ и нормандцевъ (въ концѣ XIII стол.).

Digitized by Google

рушавшій въ завоеванныхъ земляхъ до тла виноградники, фруктовые сады и т. д. Тотъ фактъ, что Ричардъ Львиное Сердце, не получивъ выкупа отъ Саладина, приказалъ вывести въ поле и истребить всѣхъ плѣнныхъ, — далеко не говоритъ о примѣненіи рыцарскихъ правилъ на практикѣ[1]. Что касается до выполненія слова — etiam hosti fides servanda est, — то объ этомъ часто забывали средневѣковые полководцы-рыцари. Еще худшій характеръ приняла война, когда феодальная система ополченія привела по своимъ недостаткамъ къ системѣ наемныхъ воиновъ (ландкнехты): свирѣпость этихъ солдатъ достигала ужасныхъ размѣровъ, и въ Grande Chronique находятся разсказы о томъ, какъ брабансоны, врываясь въ городъ, уничтожали все безъ пощады, въ церквахъ хватали священные сосуды, парчу и раздавали это пьянымъ любовницамъ, слѣдовавшимъ за ними; служителей церкви они иронически называли «пѣвцами» и обыкновенно послѣ пытки кричали этимъ несчастнымъ: «пой, пѣвецъ». Наконецъ, буйство и неистовство этихъ солдатъ доходятъ до-того, что сами короли ведутъ противъ нихъ войны, и только Дюгесклену (во Франціи) удалось уничтожить отряды этой сволочи. Такова печальная картина военныхъ обычаевъ средневѣковой Европы. Реакція, конечно, была; она имѣла своихъ представителей въ лучшихъ членахъ духовенства, опиравшихся на твердыя начала евангельскія, и въ городахъ, установившихъ много хорошихъ и полезныхъ правилъ войны, — во Флоренціи была особая башня «Martinella», съ высоты которой объявлялась война за мѣсяцъ до начала федъ; затѣмъ итальянскіе города раньше, чѣмъ дворяне, стали посылать перчатку, какъ знакъ объявленія войны — «кровавую перчатку войны» «il guanto sanguinoso della battaglia». Наконецъ, органами реакціи противъ военнаго варварства были и рыцари съ своими

[1] Не менѣе жестокъ былъ поступокъ Ричарда съ французскими плѣнными во время войны съ Филиппомъ-Августомъ. Отсюда замѣчаніе современника: «Leoninam feritatem in vultu atque in gestu praetenderet»

Digitized by Google

уставами. Правила рыцарскаго устава о войнѣ заключали въ себѣ наставленія о честности, вѣрности слову, храбрости, великодушіи, гуманности и т. д., и весьма вѣроятно, что эти правила сформировались подъ вліяніемъ христіанскихъ идей, такъ-какъ они носятъ несомнѣнный духовный характеръ. Но вліяніе рыцарства на войну не было далеко всеобщимъ явленіемъ, которое дало бы намъ возможность сказать, что установилась повсемѣстно и прочно цивилизованная «manière de guerre»; правда, уваженіе къ врагу, особенно если онъ былъ изъ равнаго сословія, высказывалось, но не всегда, и несомнѣнно, что не уваженіе, но презрѣніе обнаруживалось къ войску изъ roturiers, т. е. къ солдатамъ не дворянскаго званія. Правда также, что плѣнные не избивались, не обращались въ рабство, имѣли право выкупа и, что важнѣе всего, рыцари установили размѣнъ. Далѣе, рыцари во многихъ случаяхъ соблюдали договоры и установили извѣстныя формальности объявленія войны черезъ герольдовъ. Но этимъ собственно и ограничивалось то, что сдѣлали рыцари[1]. Разсматривая вліяніе рыцарства въ его цѣлости, мы наталкиваемся на вопросъ: не было ли оно однимъ изъ стремленій человѣчества къ идеалу права, равенства и братства? Надъ средневѣковою Европою часто и въ различныхъ формахъ носился этотъ идеалъ, но, къ несчастію, онъ и оставался только идеаломъ. По неотразимымъ законамъ человѣческой природы, люди, которымъ тяжело было жить, часто приходили къ идеямъ о возможности лучшаго, и вотъ почему появлялись статуты орденовъ, раждались чувства и фантазіи, гдѣ высказывались благородныя требованія братской любви, равенства и справедливости между людьми.

Въ главномъ выводѣ изъ всего сказаннаго, мы можемъ ясно видѣть, что рыцарство не сдѣлало много существеннаго для

[1] «Cruauté et perfidie, voilà les taches qui souillent la chevalerie et les guerres du moyen âge» — говор. Лоранъ, VII, 253.

Digitized by Google

улучшенія международныхъ отношеній, а на вопросъ о томъ— создалъ ли германскій феодализмъ систему международнаго права, нужно отвѣчать совершенно отрицательно. Причины этого весьма различны: такъ, не смотря на свое правильное устройство, рыцарство не улучшило (особенно много) военныхъ обычаевъ, потому что: 1) тогда были слишкомъ суровы нравы цѣлаго общества, привыкшаго къ грабежамъ, насилію и грубой силѣ, и 2) сами рыцари весьма сильно увлекались духомъ касты. Рыцарскіе уставы соблюдались только немногими личностями, въ родѣ, напр., Людовика IX Святаго во Франціи или Генриха VII Люксембургскаго, который, по замѣчаніямъ историковъ, жилъ идеалистомъ и не понималъ дѣйствительности, защищая бѣдныхъ, преслѣдуя строго зло и карая тирановъ. Въ священной римской имперіи Генрихъ VII видѣлъ царство законности, а на самого императора смотрѣлъ, какъ на коронованнаго рыцаря, служащаго вѣрности, правдѣ и человѣколюбію. Отсюда понятна радость Данте, встрѣтившая походъ этого императора въ Италію, когда поэтъ говоритъ тономъ пророка и патріотическаго, глубокоубѣжденнаго политика: «Наконецъ-то вкусимъ мы веселія, наконецъ-то взойдетъ надъ нами солнце мира и возстанетъ правда; левъ изъ племени іудина прислушался къ стонамъ Италіи. Возвеселись же, Италія, ибо женихъ твой (Генрихъ VII) поспѣшаетъ къ тебѣ для свадьбы!» [1]. Эта выдержка очень хорошо характеризуетъ гибеллинскія воззрѣнія на власть императора, которая, по мнѣнію многихъ, должна была сокрушить и феодальную неурядицу, и папскую теократію. Но эта теорія также была однимъ изъ идеаловъ среднихъ вѣковъ и, не смотря на предсказанія Данте, Марсилія Падуанскаго, Оккама, Эннея Сильвія Пикколомини и др. подобныхъ имъ защитниковъ имперіи, вла-

[1] Выдержка эта взята изъ Дантова письма у *Лорана* (VI, pp. 310 — 311) по тексту, переведенному съ подлинника Бартольдомъ (*Barthold*, Der Römerzug König Heinrichs von Lützelburg. I, p. 339—343).

Digitized by Google

дичество единаго императора въ интересахъ всемірной правды не осуществилось. Мечтательный планъ Генриха Люксембургскаго о водвореніи твердыхъ началъ христіанской религіи и о союзѣ гвельфовъ и гибеллиновъ, который онъ думалъ привести въ исполненіе съ 2000 своихъ воиновъ, — этотъ планъ совершенно не удался; скоро возсталъ италіанскій народъ, скоро стали раздаваться крики: смерть варварамъ-нѣмцамъ, и болонскій магистратъ постановилъ даже казнь за единое слово — императоръ. Самымъ ловкимъ, сильнымъ и неумолимымъ врагомъ этихъ идей было папство, которое погубило Генриха VII, чтобы тверже обосновать свою теократію надъ Европою. Такимъ образомъ идея объ общей имперіи, унаслѣдованная отъ римлянъ, раздѣлила на двѣ враждующія группы все средневѣковое человѣчество и тѣмъ сильно мѣшала развитію международнаго права. Да и въ самыхъ этихъ идеяхъ были также зародыши, весьма противодѣйствовавшіе этому развитію: идея папскаго единодержавія слишкомъ враждебно относилась къ независимости государей, къ свободѣ умственной и религіозной, чтобы допустить безпрепятственное развитіе сношеній между народами; идея же римской имперіи, хотя и не заключала въ себѣ такихъ сильныхъ задатковъ угнетенія, однако никто не могъ бы поручиться, чтобы и она впослѣдствіи не обратилась во всемірную монархію, и, слѣдовательно, не повредила бы развитію международнаго права. Устройство священной имперіи было очень слабо, и результатомъ ея въ международномъ правѣ было только то, что римское право стало источникомъ, съ помощью котораго рѣшались вопросы о плѣнныхъ, о jus postliminii и т. д.; слѣдовательно, немного сдѣлала священная римская имперія для международнаго права, да и вся эта малая заслуга принадлежитъ римскому праву, имѣвшему весьма важное значеніе для культурнаго развитія тогдашней Европы.

Какъ ни враждебны были между собою императоры и папство,

Digitized by Google

какъ ни сталкивались феодализмъ и клерикальная система, но обѣ эти стороны сошлись въ одномъ—и сошлись крѣпко; здѣсь надо разумѣть ту вражду къ городамъ и международной торговлѣ, которая все болѣе и болѣе проявлялась и у свѣтскихъ властителей, и у римской куріи. Послѣдняя вредила торговлѣ своимъ религіознымъ фанатизмомъ по отношенію къ иноземцамъ (къ жителямъ востока), своими монастырями и церквами, которые поглощали богатства, не возвращая ихъ въ имущественный оборотъ (biens de mainmorte) и мѣшая массѣ людей (монаховъ, монахинь) заниматься производительнымъ трудомъ. Наконецъ, римская курія вредила торговлѣ своимъ законодательствомъ, стѣсняя имъ денежный оборотъ и умаляя производительность капиталовъ запрещеніемъ процентовъ. Феодализмъ, съ другой стороны, мѣшалъ много торговлѣ своею страстью къ фискальнымъ поборамъ и таможеннымъ стѣсненіямъ. Тѣмъ не менѣе, не смотря на всѣ эти помѣхи, города, возникшіе частью на новыхъ мѣстахъ, частью на обломкахъ римской муниципіи, получили отъ IX по XI и XII ст. особенное развитіе, благодаря крестовымъ походамъ и своему умѣнью соединяться въ союзы съ цѣлью общей охраны[1]. Такъ, города скоро разширили свою торговлю за предѣлы Средиземнаго моря и по берегамъ Испаніи, Португаліи, Франціи и Германіи. Результаты подобнаго развитія городовъ весьма значительны и важны: повсюду, гдѣ возникаютъ они, является большое обезпеченіе для спокойнаго отправленія торговли; мореходцы не ѣздятъ уже въ-одиночку, а идутъ цѣлыми флотиліями, сопровождаемыми конвойными судами (le voyage de conserve); опасность потерять во время переѣздовъ дорогія цѣнности изощряетъ умы и вызываетъ изобрѣтеніе векселей (евреями или ломбардскими купцами); банки (Венеція XII ст.) и развитіе денежныхъ операцій (Флоренція) тоже обязаны своимъ происхожденіемъ городамъ. Торговая юстиція является те-

[1] См. союзъ Ганзы во 2 вып. «Международнаго права» *Каченовскаго.*

Digitized by Google

перь уже самостоятельною отраслью, независимою отъ государственныхъ судовъ, и руководится обычаями, которые или, въ большинствѣ случаевъ, составлялись автономически, или, въ незначительной части дѣлъ, опирались на торговыя преданія грековъ и римлянъ. Судьями при разборѣ торговыхъ столкновеній служатъ уже не государственные чиновники, а выборные посредники, въ родѣ recuperatores, которые получаютъ значеніе защитниковъ въ дѣлѣ торговли и даютъ начало консульствамъ, имѣющимъ столь громадное значеніе для международной торговли. Наконецъ, биржи также принадлежатъ среднимъ вѣкамъ, и мѣстомъ ихъ происхожденія служатъ города. По неодолимой силѣ вещей, по тому принципу свободы, безъ котораго нѣтъ торговли, послѣдняя получаетъ несомнѣнный космополитическій и международный характеръ, хотя нравы купцовъ, производящихъ эту торговлю, носили во многомъ феодальный оттѣнокъ: раздѣленные на цехи, купцы напоминаютъ феодаловъ, и италіянскіе popolani grassi были настоящими аристократами по своему презрѣнію къ «худородному плебсу» (populo minuto). Ихъ военные пріемы, способы вооруженія, объявленія войны, — все это близко къ феодализму, и купцы, особенно богатые, были нѣчто среднее между баронами и настоящими купцами. Въ одной рукѣ вексель, въ другой мечъ — вотъ лучшая характеристика тогдашняго купца. За торговыми судами, какъ сказано уже, шли обыкновенно цѣлыя военныя флотиліи, въ которыхъ сидѣли тѣ-же купцы, закованные въ желѣзо. И благодаря всему этому, морская торговля не только устояла въ средніе вѣка, но передала новымъ временамъ торговое законодательство.

Перечислимъ теперь источники этого торговаго законодательства: 1) амальфійскія таблицы — tabulæ amalfitanæ IX в. въ городѣ Амальфѣ. До послѣдняго времени объ этомъ сборникѣ было извѣстно только по сочиненію итальянца Мартина Фреччіа (Freccia), но въ наше время высказаны сомнѣнія относительно

Digitized by Google

содержанія амальфійскихъ таблицъ, а также относительно того — принадлежали ли эти таблицы городу Амальфѣ. Эти сомнѣнія, раздѣляемыя между прочимъ и Пардéссю, были разрѣшены манускриптомъ Фоскарини (въ 1843 г.; напечатанъ въ 1846 г. въ юридическомъ италіанскомъ архивѣ), на основаніи котораго амальфійскія таблицы были дѣйствительно составлены въ томъ городѣ, имя котораго онѣ носили до нашихъ дней. Относительно же содержанія ихъ не прибавилось ничего и послѣ манускрипта Фоскарини. 2) Гораздо полнѣе, богаче и извѣстнѣе другой сборникъ — Consolato del mare, о времени и мѣстѣ редакціи котораго было очень мало извѣстно до изданія работъ Пардессю; одни ученые приписывали его Испаніи, другіе законодательству аррагонскихъ королей и т. д. Пардессю, отвергая всѣ высказанныя до него мнѣнія, установилъ слѣдующій взглядъ на Consolato del mare: это есть сборникъ обычаевъ и постановленій, возникшихъ автономически въ торговыхъ городахъ южн. Франціи (по ліонскому заливу) и въ Каталоніи. И есть достаточныя основанія держаться подобнаго взгляда, такъ-какъ подлинный текстъ Consolato написанъ на каталонскомъ или романскомъ нарѣчіи. Особенной системы и порядка, конечно, нельзя предполагать въ этомъ сборникѣ; но во всякомъ случаѣ содержаніе его очень богато. Называется онъ добрыми морскими обычаями, и въ началѣ каждой главы находится обыкновенно фраза: «здѣсь начинаются добрые морскіе обычаи» по такому-то вопросу (açi començen les bons costumbres de la mar)[1]. Содержаніе Consolato del mare касается морскаго торговаго права на время войны и мира; здѣсь-же находятся постановленія о нейтралитетѣ и о каперахъ или корсарахъ, получавшихъ особое полномочіе — lettre de marque — захватывать непріятельскую собственность, съ которою они будутъ встрѣчаться. Эти правила относительно призовъ, нейтралитета и многихъ предметовъ призоваго суда дѣй-

[1] T. e. Ici commencent les bonnes coutumes de la mer.

Digitized by Google

ствовали частью какъ обычаи — tacite, частью же въ формѣ трактатовъ были признаны и подтверждены многими державами отъ XIII до XV в. Но, конечно, чаще они примѣнялись tacito consensu во многихъ мѣстностяхъ Франціи, Италіи, Испаніи, Голландіи и Англіи. Знаменитый ordonance de la marine Людовика XIV—1681 г. заимствовалъ весьма многое изъ этого сборника[1].

3. Третій сборникъ морскаго права составляютъ Олеронскія постановленія (Rôles d'Oleron), которыя до Пардессю приписывались законодательной дѣятельности Элеоноры Гіенской, жены Людовика VII; но Пардессю опровергаетъ это предположеніе и признаетъ Олеронскія постановленія также обычаями морскаго права, собранными многими лицами въ продолженіе нѣсколькихъ вѣковъ. Тѣмъ не менѣе Олеронскія постановленія имѣли значеніе и во Франціи (для Ordonnance de la marine), въ Испаніи, Португаліи, Англіи, Шотландіи и Голландіи.

4. Въ XV и даже въ XVI стол. появился во Франціи частный сборникъ — Guidon de la mer (морской путеводитель), который далеко не имѣетъ достоинствъ предыдущихъ сборниковъ. Его содержаніе касается контрактовъ морскаго страхованія, призовъ и выдачи lettres de marque. Нѣкоторые думаютъ, что Guidon de la mer возникъ въ Нормандіи и составленъ по требованію нормандскихъ купцевъ неизвѣстно кѣмъ. Этотъ сборникъ вліяетъ также и на нѣкоторыя постановленія Ордонанса 1681 г. Имъ оканчивается рядъ памятниковъ по торговому праву, возникшихъ автономически.

5. Между памятниками морскаго междунар. права нельзя обойдти молчаніемъ голландскихъ сборниковъ: Jugements de Damme, Jugements d'Amsterdam, но эти амстердамскія рѣшенія не имѣютъ самостоятельности, а заимствованы изъ олеронскихъ постановленій.

---

[1] Ср. *Wheaton*, Histoire des progrès du droit des gens. 3-ème édit. I, pp. 69—80.—*Pardessus*, Collection des lois maritimes etc. T. II, Chap. XII.—*Azuni*, Système univers. des principes du droit maritime etc. T. I. Chap. 3, art. 8.

Digitized by Google

6. Гораздо важнѣе сборникъ висбійскаго права, возникшій, по мнѣнію однихъ ученыхъ, въ Голландіи, по мнѣнію же другихъ — въ Германіи, именно въ Любекѣ; послѣдній взглядъ раздѣляется и Пардессю. По содержанію своему висбійское право не самостоятельно и представляетъ собою компиляцію изъ олеронскихъ, амстердамскихъ и другихъ статутовъ.

Примѣчаніе. Смотр. очень подробно объ источникахъ морскаго права въ прекрасной главѣ, которою заканчивается 2-й выпускъ Курса *Каченовскаго*. Ср. *Halleck*. §§ 12, 13.—*Calvo*, pp. 12—15.—*Hautefeuille*, Histoire. pp. 149—152.

И такъ, въ торговомъ правѣ средневѣковой Европы мы видимъ элементы, послужившіе основою морскаго международнаго права не для одной только страны, не для одного государства, а перешедшіе, въ новое время, въ законодательства Франціи, Германіи и другихъ государствъ Европы. Слѣдовательно, здѣсь мы должны ограничить нашъ выводъ касательно отрицательнаго вліянія среднихъ вѣковъ на международное право. И такъ, средніе вѣка не прошли безплодно для международнаго права и дали, благодаря торговому праву, такой фундаментъ, на которомъ возникло спеціальное законодательство Европы по этому отдѣлу; кромѣ того, среди феодальной анархіи и борьбы изъ-за разныхъ вопросовъ выработалось европейское государство, секуляризованное и построенное на идеѣ національности. А такой результатъ очень важенъ для международнаго права: послѣднее дѣйствуетъ только между отдѣльными и самостоятельными государствами. Чтобы подготовить господство международнаго права, сначала нужно было обезпечить существованіе субъектовъ его. И вотъ явилось понятіе государства, поборовшее средневѣковую разрозненность. Дальнѣйшее развитіе объекта или содержанія международнаго права и выводъ идеи его принадлежитъ времени реформаціи и вестфальскаго мира.

Digitized by Google

Періодъ реформаціи и предшественники Г. Гроція.

§ 5. Первый серіезный успѣхъ въ великомъ движеніи къ независимости свѣтской власти отъ духовной принадлежитъ французскому королю Филиппу IV. Идея о національности и о самостоятельности государства проснулась въ Европѣ, какъ реакція притязаніямъ германскихъ императоровъ и особенно папской власти. Неизвѣстный авторъ «Сна въ вертоградѣ» (Songe de verger) XIV стол. отвергаетъ всемірную монархію и не допускаетъ, чтобы она опиралась на божественное право: «Всемірная монархія, говоритъ этотъ авторъ, есть, напротивъ, дѣло несправедливости и насилія, противорѣчащее велѣніямъ Бога. Сами націи идутъ отъ Бога, и, значитъ, нельзя посягать на ихъ независимость»[1]. Но еще гораздо ранѣе этого сочиненія, европейскіе народы, обезсиленные феодализмомъ, узнали, какъ горьки плоды отъ римской теократіи: жадность называлась въ средневѣковой Европѣ «обычаемъ римскимъ»; лучшіе изъ папъ писали, что никто не можетъ сдѣлать ни одного дѣла въ римской куріи, не затрачивая громаднаго количества денегъ и даровъ. XIII стол. принадлежитъ интересная сатира противъ римской куріи, которая изображается подъ владычествомъ императрицы—респиѣ. Іоаннъ Салисбюрійскій характеризуетъ такъ римскую церковь: «Римская церковь, которая имѣетъ притязаніе называться матерью всѣхъ церквей, однако же болѣе походитъ на мачиху ихъ; сидятъ здѣсь книжники и фарисеи, радуясь, что грабятъ христіанъ въ другихъ странахъ, и считая прибыль бла-

[1] До сихъ поръ еще не рѣшено, кѣмъ именно написана эта книга, въ свое время имѣвшая блестящій успѣхъ, переведенная на лат. и англ. языки, перепечатанная въ XVI столѣт. по особому постановленію парижскаго парламента. Приписывали ее попеременно Алану Шартье, Раулю де-Преслю, Жану Демарѣ, Филиппу Мезьеру и нѣкоторымъ другимъ извѣстнымъ юристамъ XIV столѣтія. Ср. статью *Лабулэ* въ Revue de législation, T. 13, p. 1 etc.

Digitized by Google

гочестіемъ. Дворцы духовенства, правда, блещутъ великолѣпіемъ, но омрачается отъ этого церковь Христова» и т. д. Отъ такихъ убѣжденій, начавшихся весьма рано, уже близко было до идеи о реформѣ, которая привела сначала къ отрицанію свѣтскаго авторитета папы, а потомъ къ отпаденію отъ Рима Лютера. Послѣдній результатъ былъ точно предсказанъ Св. Бернардомъ въ одномъ изъ его писемъ къ папѣ: «нѣтъ такого яда, нѣтъ такого меча, который былъ бы для тебя, папа, болѣе опасенъ, чѣмъ твоя страсть владычествовать надъ міромъ. Ты долженъ стремиться къ чему-нибудь одному: или быть намѣстникомъ Христа, служителемъ Его церкви, или же властелиномъ міра; отъ чего-нибудь тебѣ надо отказаться, иначе ты можешь потерять и то, и другое» (Si utrumque habere voles, perdes utrumque)[1]. Первый сильный погромъ папскому авторитету нанесенъ былъ сначала Виклефомъ, а потомъ германскою реформаціею, которая занимаетъ исходный пунктъ во всеобщей исторіи. Съ реформаціею пали теократія и ленное государство, мѣшавшее во многихъ отношеніяхъ развитію международныхъ сношеній и возникновенію международнаго права. Съ принятіемъ и распространеніемъ римскаго частнаго права у германскихъ народовъ, съ распространеніемъ греческой литературы, вошли въ жизнь европейскихъ націй весьма сильные и однородные элементы. Въ это время получили полное распространеніе идеи Платона, Сенеки, Цицерона, Марка Аврелія и др., принципъ, что правоспособность гражданская принадлежитъ всѣмъ, безъ различія ихъ происхожденія, ученія греческой философіи о нравственномъ достоинствѣ человѣка, подкрѣпляемыя лютеранскимъ воззрѣніемъ на человѣка, какъ на существо свободное въ религіозномъ отношеніи, такъ-какъ вѣра пріобрѣтается не только откровеніемъ, но и разумомъ. Все это получило особенное значеніе, благодаря книгопечатанію

[1] Сравн. *Лорана*, Т. V, VI, особенно стр. 64—77 послѣдняго тома, какъ дополненіе къ исторіямъ фактамъ, приведеннымъ выше въ текстѣ.

Digitized by Google

и латинскому языку, оказавшему услугу тѣмъ, что ни одна книга по вопросамъ религіознымъ, государственнымъ и юридическимъ не оставалась неизвѣстною для образованныхъ людей всѣхъ націй. Вообще, умственный кругозоръ Европы разширился еще вслѣдствіе открытія новыхъ странъ; колонизація потянулась изъ Европы за океанъ и, благодаря продуктамъ теплыхъ странъ, распространился невиданный дотолѣ комфортъ. Европейскія государства, сконцентрировавъ въ рукахъ государей свои силы, окрѣпли и стали съ необыкновеннымъ рвеніемъ распространять свое владычество въ новооткрытыхъ странахъ на З. и В. Европы.—Послѣ того, какъ папа Александръ VI далъ Испаніи право завладѣвать землями на пространствѣ 100 м. къ западу отъ Азорскихъ острововъ и Зеленаго мыса, что вызвало ссоры между Испаніею и Португаліею, въ 1494 г. между правительствами обоихъ государствъ былъ заключенъ тордезильскій договоръ о судьбѣ вновь открытыхъ земель. На основаніи этого договора, Португалія и Испанія отодвинули за 370 миль отъ острововъ Зеленаго мыса линію, опредѣленную лишь въ 100 миль къ западу по буллѣ Александра Борджія. Отсюда видно, что политика и дипломатія въ это время уже могли заняться и другими вопросами, кромѣ брачныхъ договоровъ и временныхъ союзовъ. Въ это-же время поднялись споры о владѣніи надъ морями, о mare liberum vel clausum, о политическомъ равновѣсіи, такъ-какъ вся Европа замѣтила, что Испанія, усилившись еще болѣе, вслѣдствіе открытія Америки, обратилась въ колоссальное государство, въ которомъ, какъ тогда говорили, никогда не заходитъ солнце. Войны потеряли характеръ федъ, и ими рѣшаются уже крупные вопросы по дѣламъ политики, религіи и международной экономіи. Понятно, что при всемъ этомъ необходимо должны были явиться и явились попытки начертать теорію международныхъ отношеній. Авторы этихъ попытокъ принадлежатъ къ испанской національности: Доминикъ Сото, Суарецъ, Францискъ Викторія,

Digitized by Google

Бальтазаръ Айяла и Альберико Джентилли[1]. Разсмотримъ кратко ихъ ученія: 1) Франциско Викторія († 1546) былъ доминиканскимъ монахомъ и профессоромъ саламанкскаго университета; написалъ онъ нѣсколько (13) relectiones theologicæ (т. е. богословскихъ лекцій), изъ которыхъ весьма интересны для нашей цѣли двѣ: 1) De Indiis, и 2) De bello. Въ первомъ трактатѣ онъ обсуждаетъ послѣдствія завладѣнія Америкою и отвергаетъ ученіе объ универсальной монархіи въ чьихъ бы то ни было рукахъ, какъ у папъ, такъ и у императоровъ. Надо сказать, что подобной независимости нельзя неудивляться у доминиканскаго монаха, профессора одного изъ средневѣковыхъ университетовъ, которые были, какъ извѣстно, въ полномъ подчиненіи отъ папы и даже отъ его легатовъ, и, что болѣе удивительно, Франциск Викторія оспариваетъ и безусловно отвергаетъ притязанія папы распоряжаться вновь открытыми землями, населенными язычниками, хотя бы съ этимъ распоряженіемъ соединено было распространеніе началъ христіанской религіи. «Жители Америки, говоритъ Викторія, имѣютъ полное право оставаться на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ ихъ поселилъ Богъ, и владѣть ими. Европейскія же державы могутъ вступать съ ними въ общеніе на основаніи естественнаго права, нисколько не вредя ихъ самостоятельности и интересамъ», — и «отказывать какому-либо народу, говоритъ онъ далѣе, въ правѣ мореплаванія и торговли совершенно незаконно, — это есть casus justi belli». — Въ своемъ разсужденіи De jure belli Франциск Викторія говоритъ что «христіанское государство можетъ вести только оборонительную войну, и то —

[1] См. о предшественникахъ Г. Гроція: *Kaltenborn*, Die Vorläufer des Grotius auf d. Gebiete des Jus Naturæ et Gentium etc. 1848. — *Thiercelin*, Les précurseurs de Grotius, Revue de législation. 1859. — *H. Wheaton*, Histoire. I, P. 32 etc. — *Cauchy*, Le droit international. II, P. 11 etc. — *Halleck*, § 14. — Кромѣ того: *Hallam*, Introduction to the literature of Europe. Vol. II, Ch. 4; *Hautefeuille*, Histoire etc. p. 267 etc. — *Fiore*, Nouveau droit international, T. I. pp. 31 etc.

Digitized by Google

въ крайнихъ случаяхъ; война же наступательная возможна лишь при явномъ нарушеніи правъ государства. Субъектами права вести войну могутъ быть и частныя лица, и государства: первые — въ предѣлахъ крайней обороны, права же вторыхъ гораздо шире». Мысль о томъ, что разность религіи можетъ быть законнымъ основаніемъ для объявленія войны, безусловно отвергается Викторіею, который, такимъ образомъ, является противникомъ ученія папъ о войнѣ противъ иновѣрцевъ. Далѣе онъ выводитъ слѣдующее: цѣлью политики европейскихъ державъ должны быть миръ и доброе согласіе; война есть крайнее зло, вынуждаемое необходимостью; цѣль войны не разрушеніе, а причиненіе зла въ той мѣрѣ, какая ускоритъ заключеніе мира; слѣдовательно вести ее надо человѣколюбиво, щадить женщинъ, дѣтей, и т. д. 2) Другой испанецъ Доминикъ Сото (Dom. Soto † 1560), ученикъ Франциско Викторія, написалъ сочиненіе De justitia et jure и посвятилъ его Донъ-Карлосу. Этотъ ученый былъ, по-видимому, очень вліятельнымъ человѣкомъ, потому что Карлъ V поручилъ ему предсѣдательство въ спорѣ между Ласъ-Казасомъ и Сепульведою по вопросу о томъ, дѣлать ли негровъ рабами и ввозить ихъ въ Америку для облегченія участи индѣйцевъ. Доминикъ-Сото, по-видимому, вполнѣ раздѣлялъ взгляды Ласъ-Казаса, порицалъ жестокости войны, религіозную пропаганду и торговлю неграми, хотя рѣшеніе суда и повело за собою впослѣдствіи эту торговлю. 3) Фр. Суарецъ († 1617) въ своемъ сочиненіи — De legibus et Deo legislatore — старался дать международному праву болѣе положительныя основанія, доказывая, что не одни только общіе принципы взаимной любви, братства и т. п. должны быть источниками международныхъ сношеній, но обычаи и практика. 4) Бальтазаръ Айяла († 1584) написалъ сочиненіе — De jure et officiis belli — въ которомъ является сторонникомъ римскаго феціальнаго права. Вотъ выводы изъ его ученія: варварства не

Digitized by Google

должны быть допускаемы въ войнѣ; послѣдняя лишь тогда будетъ bellum justum, когда при ея объявленіи соблюдены всѣ правила; субъектами войны могутъ быть только государства (слѣд. онъ гораздо яснѣе, чѣмъ Викторія, склоняется къ тому, что феды не должны быть допускаемы); точно такъ-же исключительное право въ дѣлѣ репрессалій принадлежитъ государству; ни пираты, ни инсургенты не могутъ объявлять и вести войны; для нихъ нѣтъ военнаго права, и добыча, захваченная ими, принадлежитъ прежнему хозяину, тогда какъ, на-оборотъ, все отнятое у нихъ сей-часъ же переходитъ въ полную собственность къ отнявшей сторонѣ; слѣдовательно, ни право добычи, ни право призовъ, ни jus postliminium не существуютъ для того, кто не можетъ называться законнымъ врагомъ. Различіе религій не считается Айялою законнымъ основаніемъ для войны. Въ его сочиненіи довольно полонъ отдѣлъ о трактатахъ, которые дѣлятся на военные, мирные и союзные, вслѣдствіе различія трактатовъ, возникающихъ послѣ войны, отъ трактатовъ, заключаемыхъ независимо отъ нея (это именно союзные, которые могутъ имѣть различныя цѣли). Говоря о сторонахъ или контрагентахъ въ договорахъ, Айяла исключаетъ изъ числа ихъ бунтовщиковъ, инсургентовъ и узурпаторовъ, проходя совершеннымъ молчаніемъ вопросъ о пиратахъ въ роли контрагентовъ. — Вообще ученія Айялы не могутъ быть поставлены на-равнѣ съ предыдущими, потому что у него нѣтъ ни объективности, ни безпристрастности, какою отличался, напримѣръ, Викторія. По всему видно, что Айялу стѣсняло его оффиціальное положеніе въ качествѣ главнаго судьи въ арміи, дѣйствовавшей противъ возмутившихся провинцій; ясно, что онъ желалъ угодить своему правительству, имѣя въ виду Вильгельма Оранскаго. Въ отдѣлѣ о посольствѣ Айяла повторяетъ старыя правила о sacrosanctitas пословъ, распространяя ее даже на семейства послѣднихъ. За-тѣмъ онъ признаетъ также неприкосновенность посла 3-й

Digitized by Google

державы, проѣзжающаго черезъ извѣстное государство, но не допускаетъ права посольства для инсургентовъ и возмутившихся провинцій. 5) Альберикъ Джентилли (умеръ въ первой четверти XVII вѣка) написалъ сочиненіе «De jure belli», выставленное самимъ Г. Гроціемъ за такое, которое побудило его заняться вопросомъ о войнѣ и мирѣ и написать свою книгу «De jure belli ac pacis». Нельзя отрицать извѣстной доли вліянія на Г. Гроція со стороны Джентилли, хотя оказалось это вліяніе болѣе всего въ систематикѣ, въ расположеніи матеріала. Но нужно сказать, что у Джентилли далеко нѣтъ такой полноты и законченности, какая находится у Г. Гроція: Джентилли, подобно и 4 первымъ предшественникамъ Г. Грота, былъ только піонеромъ, открывавшимъ путь для дальнѣйшаго развитія науки международнаго права. Отецъ Джентилли, будучи протестантомъ — итальянцемъ, бѣжалъ въ Англію вмѣстѣ съ сыномъ, гдѣ послѣдній и остался на-всегда, окончивъ курсъ въ оксфордскомъ университетѣ. Чрезъ нѣсколько времени мы встрѣчаемъ Альберико-Джентилли въ англійскомъ призовомъ судѣ, но адвокатомъ со стороны испанцевъ. Въ своемъ сочиненіи о посольскомъ правѣ, Джентилли развилъ довольно послѣдовательно взглядъ Айялы на посольское право и отвергнулъ его для инсургентовъ. Но Джентилли сдѣлалъ то смягченіе, что допустилъ это право для иновѣрческихъ правительствъ, напримѣръ, для турокъ и другихъ государствъ востока. Въ разсужденіяхъ своихъ о посольскомъ правѣ онъ вычисляетъ качества и условія для посланниковъ; но здѣсь нѣтъ ничего новаго, и все это можно сопоставить съ отрывками восточныхъ законодательствъ о качествахъ пословъ.

Всѣ до сихъ поръ исчисленныя сочиненія должны быть непремѣнно отмѣчены въ исторіи науки международнаго права: въ нихъ высказаны были съ большею или меньшею силою слѣдующіе 4 коренные принципа: 1) право войны не есть право част-

Digitized by Google

ныхъ лицъ или обществъ, а лишь однихъ законныхъ правительствъ и государствъ, — т. е. право федъ, столь частыхъ въ средніе вѣка, совершенно уничтожается теоріею еще до Г. Гроція; 2) война между народами, будучи привилегіею однихъ только законныхъ правительствъ, должна быть опредѣлена и ограничена началами справедливости и обычаями, принятыми во всѣхъ государствахъ Европы, въ интересахъ человѣколюбія; 3) теоріею международнаго правовѣдѣнія принято было изъ практики начало sacrosanctitas пословъ, и 4) ученіе о международныхъ договорахъ и обязательствахъ вышло изъ сферы римскаго частнаго права и сдѣлалось отдѣломъ того права, которое въ скоромъ времени получило смыслъ, а потомъ и названіе международнаго. Дальше мы будемъ видѣть, какое значеніе имѣли эти 4 результата на развитіе международнаго союза и науки.

§ 6. Гуго Гроцій. Прадье Фодерэ (Pradier Fodéré), авторъ новѣйшаго и лучшаго перевода Гроціеваго труда — «De jure belli ac pacis», совершенно правильно замѣчаетъ, что нельзя отдѣлять великихъ людей отъ ихъ вѣка. И, дѣйствительно, историческая жизнь въ то время, когда жилъ Гроцій, богата великими или громкими именами—Коперника, Галилея, Ришелье и т. п. Картина той эпохи поражаетъ насъ соединеніемъ свѣтлыхъ тѣней съ густыми и мрачными. Съ одной стороны, Бэконъ создаетъ († 1626 г.) индуктивный методъ; въ 1635 г. открывается французская академія; основываются на далекомъ берегу западной Европы университеты; открываются новые астрономическіе и физическіе законы; изобрѣтаются телескопы, термометры, микроскопы; мореплаваніе, торговля и колонизація идутъ далеко за предѣлы Европы. Но, съ другой стороны, льется человѣческая кровь, штурмуются и истребляются не только крѣпости, но и мирные города; развиваются всѣ ужасы 30-лѣтней войны. По замѣчанію историковъ, Германія въ 1618 г. была

Digitized by Google

такъ-же богата, какъ и въ 1818 г., но война уничтожила все. Параллельно съ этимъ свирѣпствуютъ гражданскія войны, и страсти, накаленныя религіознымъ фанатизмомъ многихъ сектъ, вызываютъ цѣлый рядъ крупныхъ политическихъ преступленій: пороховой заговоръ въ Англіи, убійство Вильгельма Оранскаго въ Голландіи; во Франціи убійство Гизовъ, Генриха III и IV; инквизиція чуть-чуть не сжигаетъ Галилея, и дѣйствительно сжигаетъ философа Джіордано Бруно (въ нач. XVII ст.). Въ политикѣ появляется макіавелизмъ, эта умная и блестящая система вѣроломства, приспособленная къ личнымъ и эгоистическимъ цѣлямъ. Оставивъ въ-сторонѣ вопросъ о томъ, былъ ли Макіавелли творцомъ и почитателемъ своей системы, или же, оставаясь справедливымъ, честнымъ патріотомъ, онъ лишь подвергнулъ анализу современность и вывелъ формулы для этой современности въ политическомъ и нравственномъ отношеніи,— оставивъ этотъ вопросъ, замѣтимъ только, что его ученія примѣнялись въ то время почти вездѣ, и писатели XVI и XVII ст. одобряютъ ихъ; такъ, Гвичіардини (ум. въ половинѣ XVI ст.), монархистъ и противникъ демократическихъ идей Макіавелли, защищаетъ ту мысль, что государь, желая обмануть другаго государя, долженъ сначала ввести въ заблужденіе своего посланника, который тогда самъ будетъ отъ того искреннѣе обманывать другихъ. «Честность, откровенность и чистосердечіе, говоритъ онъ, восхищаютъ всѣхъ, но онѣ часто неудобны и иногда гораздо полезнѣе ихъ обманъ. Осторожнымъ должно быть даже съ близкими друзьями, и каждаго нужно окружить разными стратагемами, чтобы знать его сокровенныя мысли». Венеціанецъ Пауло Сарпи (Paulo Sarpi), рекомендуя средства къ усиленію олигархіи, говоритъ, что нужно угнетать и держать въ черномъ тѣлѣ народъ, потому что даже «змѣи дѣлаются смирными, если ихъ замораживаютъ холодомъ и голодомъ»[1]. Въ по-

[1] См. библіографію по вопросу о Макіавелли у *Роб. Ф. Моля* въ его Gesch.

Digitized by Google

добное-то время работалъ Гуго Гроцій, который заслуживаетъ особенно высокаго положенія въ наукѣ уже потому, что, въ виду подвиговъ Гизовъ, Катерины Медичи, Ришелье, Фердинанда австрійскаго и т. п., онъ открыто заговорилъ о довѣріи между націями и о справедливости [1]. Соглашаясь вполнѣ съ принципомъ — кесарево кесареви, онъ, однако же, дѣлалъ воззванія къ совѣсти государей и нападалъ на все, противное законамъ правды, чести и гуманности. Его твердыя, возвышенныя убѣжденія, высокое образованіе и мягкость въ характерѣ поражаютъ всѣхъ, съ кѣмъ онъ встрѣчался. Вотъ что пишетъ Казобонъ къ Гейнзіусу, другу Гроція, изъ Англіи, гдѣ послѣдній былъ по порученію своего правительства: «Въ то время, какъ я пишу это письмо, я наслаждаюсь обществомъ Гуго Гроція и поздравляю себя съ этимъ. Какой онъ удивительный человѣкъ! Я зналъ это уже по-наслышкѣ, но обаяніе и величіе его генія понятны только тогда, когда услышишь его. Въ чертахъ лица его проглядываетъ глубокая честность, онъ обладаетъ обширными знаніями, и ни я одинъ имъ увлеченъ, но весьма многіе и даже самъ король — sed omnes docti et pii, rex ipse primus (Іаковъ 1)». Фамилія Гроція вы-

---

und Litteratur der Staatswissenschaften. III, 521 — 591. — Сравн. *Hallam*, Introd. I, 401. *Cantu*, Hist. Univ. XIX, pp. 389 etc. — *Laurent*, X etc. *C. Heron*, History of jurisprudence и др.

[1] См. о Г. Гроціѣ у *Роб. Ф. Моля* U. S. — За-тѣмъ *Luden*, Hugo Grotius, nach seinen Schicksalen und Schriften dargestellt, 1806. — *Marquardsen*, въ госуд. лексиконѣ Роттека и Велькера, 3-е изд. Т. VII. — Изложеніе доктрины его можно найдти во всѣхъ учебникахъ исторіи философіи права, напр. у Шталя и т. д. — Переводы: на франц. языкѣ. *Pradier-Fodéré*) новѣйшій 1867 г.), на нѣмецк. — Кирхманъ 1869 г. Перечисленіе прежнихъ переводовъ и изданій сочиненія Г. Грота см. у Прадье-Фодерэ въ введеніи. — См. также о Гроціѣ: *Hallam*, II; 3; 4. — *Laurent*, X, 447 etc. — *Fiore*, I, 2. — *Garden*, I, p. 59. — *Ompteda*, Litteratur etc. II. — *Блюнчли*, О значеніи и успѣхахъ новѣйш. междунар. права etc. изд. Ламанскаго 1867. — *Caumont*, Etude sur la vie et travaux de Grotius, 1862. Не смотря на очень строгій отзывъ объ этой книгѣ нѣмецкихъ критиковъ, здѣсь есть кое-какіе факты, нелишенные интереса для біографіи Г. Грота.

Digitized by Google

селилась изъ Франкфурта въ Голландію, въ Дельфтъ, гдѣ отецъ его, Іоаннъ Гроцій, былъ бургомистромъ. Іоаннъ Гроцій, куратеръ лейденскаго университета, употребилъ всѣ усилія, чтобы развить рано сказавшіяся геніальныя способности своего сына. Еще мальчикомъ Гуго зналъ въ совершенствѣ греческій, латинскій и еврейскій языки. Даніилъ Гейнзіусъ, образованный и высокопоставленный человѣкъ, сказалъ про него слѣдующее: «еще отрокомъ, Гуго Гроцій сдѣлался зрѣлымъ человѣкомъ, онъ рожденъ мужемъ, тогда-какъ остальные люди дѣлаются мужами» — vir natus est etc. Гроцій, будучи студентомъ лейденскаго университета, работалъ подъ руководствомъ Скалигера, и здѣсь-же съ блескомъ защищалъ три докторскія диссертаціи (по философіи, математикѣ и правовѣдѣнію), заставивъ черезъ это говорить про себя всю Голландію. Оставивъ университетъ, онъ сдѣлался адвокатомъ и, вѣроятно, былъ хорошимъ, на что указываютъ сохранившіяся его наставленія сыну (Петру) о томъ, какъ долженъ вести себя адвокатъ, и стихи объ обязанностяхъ адвокатовъ. Вотъ его наставленіе сыну: «при защитѣ нужно заранѣе предусмотрѣть, тщательно обсудить и привести въ систему аргументы той и другой стороны, запомнить эту систему и дѣлать возраженія на судѣ, придерживаясь ея въ главныхъ чертахъ. Если ты будешь держаться своей системы, то не запутаютъ тебя никакія неожиданныя возраженія твоего противника». Но адвокатура не пользовалась его сочувствіемъ: «что отъ нея, говоритъ онъ въ письмѣ къ Гейнзіусу, — ненависть противниковъ и неблагодарность кліентовъ, — вотъ награда за потраченное безъ результатовъ время; было бы гораздо лучше, если-бы я въ это время изучилъ поглубже греческую литературу и основательнѣе занялся философіею». Эта выдержка показываетъ намъ, что Гроцій былъ идеалистомъ, не гнавшимся за матеріальными выгодами; его геній какъ-бы предугадалъ свое назначеніе. Не задавайся Гроцій своими идеалами, жизнь его

Digitized by Google

навѣрно была бы лучшею, но за-то наука не получила бы того замѣчательнаго труда, который основалъ международное правовѣдѣніе. Гуго Гроцій бросилъ адвокатуру и сталъ заниматься литературою, стихотворствомъ и философіею. Интересно привести здѣсь одни его стихи, въ которыхъ онъ говоритъ объ обязанностяхъ адвоката: «Сдѣлайся достойнымъ твоего имени, жрецъ правды! Самъ изучай дѣло, обдумывай тяжбу и не полагай, что мнѣніемъ кліента можно измѣрить справедливость дѣла.... Много и неизбѣжно погрѣшаетъ тотъ, кто никогда не отрицаетъ — qui nunquam negat». Опять-таки и эта выдержка рисуетъ намъ идеальный характеръ Гуго Гроція. Въ 1604 году Гуго Гроцій получилъ званіе исторіографа батавской республики, а въ 1607 году назначенъ генералъ-адвокатомъ Голландіи, Зеландіи и западной Фрисландіи. Но его практическія занятія не мѣшали ему заниматься наукой, и въ 1609 году онъ написалъ свое знаменитое разсужденіе о свободѣ моря — Mare liberum, въ которомъ старался опровергнуть притязанія Португаліи и Испаніи на исключительную навигацію въ океанѣ. (Это связано съ буллою Александра Борджіа и съ тордезильскимъ трактатомъ). Еще въ 1604 году (до 1648 г. сочиненіе это не было напечатано) Гроцій написалъ о призахъ по порученію ость-индской торговой компаніи; это сочиненіе показываетъ его основательное знакомство съ морскимъ международнымъ правомъ. За-тѣмъ Гуго Гроцій является въ роли посланника въ Англіи для заключенія трактата о рыбной ловлѣ и здѣсь-то онъ сближается съ тѣми учеными — docti et pii, о которыхъ упоминается въ письмѣ къ Гейнзіусу. Съ возвращеніемъ въ отечество, когда дипломатическія порученія были окончены (1615 или 1616 г.), для Гуго начинается новый, несчастливый періодъ жизни. Въ Голландіи, долго бывшей свободною республикою, поднялись въ это время религіозные споры между арминіанами (ремонстранты) и гомаріанами (контраремонстранты) или гомаристами (отъ имени

Digitized by Google

профессора лейд. университета). Разница ихъ ученія касается коренныхъ вопросовъ о нравственной свободѣ человѣческаго духа и о благодати. Арминій держался ученія, высказаннаго и раньше католиками, которое не отвергаетъ свободы человѣка, но признаетъ необходимость благодати для достиженія спасенія. Гомаръ же (Gomarus) принялъ строгую доктрину Кальвина о томъ, что человѣческая натура въ корнѣ своемъ порочна и, въ силу первобытнаго грѣхопаденія, безсильна сама достигнуть спасенія; нужна для этого благодать свыше. Но эта благодать не достается всѣмъ: она свободна въ томъ смыслѣ, что Богъ даетъ ее избраннымъ (ученіе кальвинистовъ о предопредѣленіи). Слѣдовательно, эта теорія осуждаетъ на безвыходное положеніе массу христіанъ, и понятно, почему противъ такого ученія были Арминій и множество другихъ противниковъ. Но кальвинизмъ пустилъ въ Голландіи глубокіе корни. Религіозные споры, ограничивавшіеся сначала стѣнами университетскихъ аудиторій, скоро заинтересовали все населеніе, и генеральные штаты должны были вмѣшаться въ эти богословскія распри. Противники Гомара представили правительству ремонстрансы (отсюда ремонстранты). Большинство членовъ правительства были арминіанами, и кальвинисты, представивъ въ свою очередь возраженія, начали прямо войну, послѣ того какъ генеральные штаты призвали милицію для уничтоженія религіозныхъ смутъ. Такимъ-то образомъ богословскій вопросъ получилъ внутреннее политическое значеніе. Многія лица нашли возможнымъ пристать къ этимъ религіознымъ вопросамъ для своихъ цѣлей, и Морицъ Оранскій принялъ сторону гомаристовъ, чтобы свергнуть своего врага Ольденбарневельда, политическаго главу арминіанъ; онъ одолѣлъ своего врага, арестовалъ его и несчастный старикъ Ольденбарневельдъ сложилъ голову свою на плахѣ. Гуго Гроцій, который примкнулъ къ партіи Ольденбарневельда, былъ преданъ суду, и, не смотря на то, что твердость его убѣжденій вызвала крайнюю раздра-

Digitized by Google

жительность судей, онъ все-таки не былъ казненъ, а приговоренъ къ пожизненному заключенію въ крѣпости Лувенштейнъ. (Разсказываютъ объ его освобожденіи изъ крѣпости, благодаря хитрости его жены, при помощи сундука съ книгами). Вырвавшись изъ заточенія, Гуго Гроцій уже не остался въ Голландіи и началъ скитальческую жизнь. Поселясь въ Парижѣ, гдѣ онъ 16 лѣтъ былъ съ Ольденбарневельдомъ и гдѣ тогда король назвалъ его чудомъ Голландіи, Гуго Гроцій былъ представленъ Людовику XIII и заслужилъ его уваженіе, хотя Ришелье не могъ никакъ съ нимъ сблизиться вслѣдствіе глубокой разницы въ убѣжденіяхъ. Такой разладъ имѣлъ весьма невыгодныя послѣдствія для Гуго Гроція. За-то многіе государственные люди и юристы встрѣтили его весьма радушно. Президентъ Дememъ поселилъ его на своей дачѣ и снабдилъ большими книжными средствами (въ распоряженіи Г. Гроція была библіотека Демема и Дету), пользуясь которыми Гуго началъ въ 1623 г. свой знаменитый трудъ: De jure belli ac pacis libri tres, оконченный въ 1625 г. (Надо замѣтить, что далеко не всѣ тѣ цитаты, которыя встрѣчаются въ этомъ сочиненіи, выписаны изъ книгъ, а приведены просто на-память; это доказываетъ громадную память Гроція и заставляетъ удивляться тогдашней глубокой эрудиціи. Methodus nova discendæ docendæque jurisprudentiæ — Лейбница написанъ тоже на-память)[1]. Въ 1627 г. папская курія помѣстила книгу Гроція въ Index librorum prohibitorum, т. е. въ число запрещенныхъ сочиненій. Между-тѣмъ вскорѣ умеръ Морицъ Оранскій и новый штатгальтеръ Голландіи не относился уже такъ враждебно къ Гроцію. Вслѣдствіе этого, друзья уговаривали

[1] Уардъ говоритъ о Гроціѣ слѣдующее: «Человѣкъ этотъ обладалъ въ высокой степени всѣми качествами, необходимыми для благороднѣйшаго и благотворнѣйшаго дѣла. Къ первокласснымъ умственнымъ способностямъ присоединились у него изумительная ученость и начитанность почти по каждому предмету и на всѣхъ возможныхъ языкахъ». *Ward*, History. II. 616.

Digitized by Google

его вернуться въ Голландію, но такъ-какъ генеральные штаты постановили, чтобы онъ просилъ помилованія, то Гроцій протестовалъ и не вернулся. Вскорѣ послѣ того онъ появляется въ Гамбургѣ. Имя Гроція въ это время сдѣлалось уже извѣстнымъ; по дорогѣ ему оказывали пріемы, и многія правительства приглашали къ себѣ на службу. Изъ всѣхъ приглашеній Гуго принялъ предложеніе Оксенштирны, канцлера шведской королевы Христины, дочери Густава Адольфа, глубокаго почитателя книги De jure belli ac pacis (Густавъ Адольфъ приказалъ перевести это сочиненіе на шведскій языкъ и возилъ его повсюду съ собою; умирая онъ завѣщалъ Оксенштирнѣ пригласить Гуго Гроція въ Швецію). Прибывъ сюда, Гуго Гроцій въ 1635 г. получилъ предложеніе отправиться посланникомъ въ Парижъ съ обязанностію вступить въ негоціаціи о заключеніи союза между Швеціею и Франціею. Но его посольская дѣятельность въ Парижѣ не ознаменовалась особеннымъ успѣхомъ. Гуго Гроцій испыталъ много непріятностей и не достигъ цѣли. Препятствій ему здѣсь было не мало, и между ними главная — ненависть Ришелье, а также религіозная нетерпимость высшаго французскаго общества. Гуго Гроцій имѣлъ дѣло съ толпою фанатиковъ, и было хуже для него, что самъ онъ былъ умѣренъ въ своихъ религіозныхъ воззрѣніяхъ, стоя такимъ образомъ выше партій. У Гуго Гроція явилась идея о примиреніи враждующихъ церквей, и такая возвышенная, но утопическая цѣль повергла его въ заботы, въ писаніе различныхъ трактатовъ, въ изученіе богословія, при чемъ, конечно, была упущена изъ виду главная цѣль его пребыванія въ Парижѣ. Послѣднимъ, понятно, не было довольно шведское правительство, и хотя Оксенштирна дѣлалъ все, чтобы смягчить нетерпѣливую Христину, но дѣло приняло такое положеніе, что канцлеру пришлось самому ѣхать въ Парижъ. Гуго Гроцій обидѣлся, вышелъ въ отставку съ небольшою пенсіею и выѣхалъ, чтобы поселиться, по мнѣнію однихъ, въ одномъ изъ

Digitized by Google

городовъ Франціи, а по мнѣнію другихъ — въ Голландіи. Въ 1645 г. Гроцій ѣдетъ моремъ, выдерживаетъ страшную бурю и, выкинутый на пустынный берегъ Помераніи, серіёзно заболѣваетъ. Разстроенный еще раньше физически и нравственно отъ неудачъ, Гуго Гроцій не выдержалъ этого новаго испытанія и 28 или 29 августа скончался въ г. Ростокѣ.

Разборъ сочиненія Гуго Грота: «De jure belli ac pacis libri tres».

Главный мотивъ, побудившій Гуго Гроція написать свои три книги — De jure belli ac pacis, можно видѣть изъ слѣдующихъ словъ его: «Во всемъ христіанскомъ мірѣ видѣлъ я, что войны предпринимаются съ такою легкостью, какой должны бы стыдиться христіанскіе народы. Войны вездѣ ведутся безъ правилъ и законовъ, какъ будто-бы достаточно одного объявленія войны для оправданія всѣхъ ея жестокостей. Все это заставляло многихъ ученыхъ утверждать, будто христіане не имѣютъ права вести войну. Но подобное требованіе неосуществимо: со времени перваго грѣхопаденія не прекращается вражда между людьми, и сила является, во многихъ случаяхъ, помощницею права; крайнія требованія этихъ ученыхъ привели бы къ неменѣе крайнему отрицанію авторитета тѣхъ, кто заявляетъ такія требованія. Нужно, чтобы во время войны, когда смолкаютъ гражданскіе законы и запираются суды, дѣйствовали, по-крайней-мѣрѣ, тѣ законы, которые внушены природою и которые должны по праву народовъ прилагаться ко всякой puro pioque duello!»[1]. Такимъ образомъ Гроцій, признавая войну печальнымъ и неотразимымъ явленіемъ, требуетъ, чтобы она была справедлива. Слѣ-

[1] Сравн. in extenso изложеніе этихъ мыслей, résumé которыхъ приведено въ текстѣ лекціи, въ Prolegomena, §§ XXVIII, XXIX, XXX. — Въ переводѣ Барбейрака (лейденское изд. 1759 г.) сентенціи эти составляютъ §§ XXIX, XXX.

Digitized by Google

довательно, онъ долженъ былъ опредѣлить, что̀ такое bellum justum, а для этого ему нужно было разсмотрѣть, что такое право и справедливость. и гдѣ ихъ источники, чѣмъ онъ прежде всего и занялся. Разрѣшивъ эти вопросы, можно было уже смѣло идти къ постановкѣ правилъ о войнѣ и мирѣ для руководства правителямъ, военнымъ начальникамъ и т. п. лицамъ. Но у Гроція были и другія причины къ начатію своего сочиненія съ такой теоретической стороны: ему нельзя было не обратиться къ постановкѣ коренныхъ вопросовъ политики, которая, по словамъ Уитона, обратилась тогда въ систему обмана и кровожадности, въ систему, построенную на глубокомъ скептицизмѣ и отрицаніи добра, справедливости и человѣколюбія. Во введеніи Гуго Гроцій прежде всего устанавливаетъ понятіе о правѣ: «Ложно мнѣніе древнихъ скептиковъ и сатириковъ, говоритъ онъ, которые утверждаютъ, что справедливость не отличается отъ несправедливости. Если человѣкъ и животное и подчинены однимъ законамъ природы, то все-таки у одного человѣка есть стремленіе къ мирному общенію съ подобными ему, расположеніе къ общительности — appetitus societatis. Поддержаніе общежитія, сохраненіе общенія, вотъ что составляетъ источникъ естественнаго права; отсюда возникаютъ уваженіе чужаго имущества, возвращеніе того, что принадлежитъ другому, соблюденіе обѣщаннаго, вознагражденіе за причиненный вредъ и повинность наказанію»[1]. Послѣ этого Гроцію легко было перейдти къ тому, что такое justum et injustum. «Justum есть все то, что согласно съ общительною природою людей, какъ существъ разумныхъ, а injustum — что противно мирному обществу людей, какъ существъ разумныхъ»[2]. Тотъ-же самый критерій онъ прилагаетъ къ опре-

[1] Ср. in extenso Prolegomena, §§ VI, VIII и далѣе до § XVII-го включительно.

[2] Мысль эта особенно ясна въ книгѣ 1-й, § III-мъ. «Nam jus hic nihil aliud quam quod justum est significat... Est autem injustum quod naturæ societatis ratione utentium repugnat».

Digitized by Google

дѣленію справедливой войны. Такимъ образомъ его введеніе (Prolegomena) посвящено уясненію главныхъ, основныхъ началъ, для опредѣленія justum et injustum. За введеніемъ слѣдуетъ 1-я книга. Здѣсь Гроцій устанавливаетъ систему права и дѣлитъ его на естественное и положительное, или, какъ онъ его называетъ, jus voluntarium — право зависящее отъ воли. «Естественное право есть изреченіе человѣческаго разума (jus naturale est dictatum rectæ rationis), который указываетъ нравственную необходимость или нравственное безобразіе извѣстнаго дѣйствія, смотря потому, что̀ согласно съ разумною человѣческою природою, что̀ пригодно для общежитія и что̀ нѣтъ»[1]. Jus voluntarium есть система нормъ, постановленныхъ волею или божескою — jus divinum, или человѣческою — право гражданское, право по объему тѣснѣе гражданскаго и, какъ послѣдняя ступень, jus gentium — право народовъ, какъ онъ называетъ международное право. Различіе между jus naturale и jus gentium, которое ушло отъ анализа римскихъ юристовъ, подымается Гроціемъ, и онъ говоритъ, что естественное право a priori есть дедукція изъ основныхъ началъ человѣческой природы, а международное право установляется временемъ по общему согласію народовъ, путемъ обычая; средствами распознавать a posteriori естественное право служатъ свидѣтельства историковъ, философовъ, поэтовъ и ораторовъ. Когда люди различныхъ временъ и мѣстъ, несогласные во многомъ, признаютъ что-либо за истину, то въ этомъ кроется какая-либо всеобщая причина: или согласіе съ человѣческимъ разумомъ, или согласіе съ практикою всѣхъ народовъ[2]. За-тѣмъ въ 1-й книгѣ Гуго Гроцій опредѣляетъ по-

[1] Lib. I, § X.

[2] Въ § XII кн. 1-й Г. Гроцій доказываетъ и развиваетъ сентенцію Цицерона: «In re consensio omnium gentium jus naturæ putanda est». Jus gentium распознается, подобно неписанному гражданскому праву: постоянною практикою и свидѣтельствомъ людей свѣдущихъ (Lib. I, Cap. 1, § XIII, V).

Digitized by Google

нятія войны справедливой и несправедливой и подраздѣляетъ войну на частную и публичную. Здѣсь онъ согласенъ съ своими предшественниками. «Публичная война есть война одного государства съ другимъ, т. е. между правильно организованными обществами. Только тотъ есть законный врагъ, который имѣетъ правительство, суды, законы, призовое право» и т. д. Такимъ образомъ различіе между войною частною и публичною заключается въ субъектахъ ихъ. Отсюда была совершенно логична дефиниція верховной власти — Souverenität'a, suprematie, и Гроцій опредѣляетъ сущность ея слѣдующими признаками: независимость въ законодательномъ отношеніи, въ судебной юрисдикціи и въ дѣлѣ налоговъ. Pouvoir souverain у него есть такая власть, которая не подчинена никакой другой власти и дѣйствія которой не могутъ быть уничтожены волею другаго отдѣльнаго лица[1]. Надо замѣтить, что здѣсь у него — невыдержанное и спорное ученіе; опредѣляя власть, какъ общественную силу, неподчиненную никакому постороннему владычеству и вліянію, онъ, съ одной стороны, говоритъ, что главный источникъ власти есть воля народа, а съ другой стороны замѣчаетъ, что подданнымъ нельзя сопротивляться власти даже въ случаѣ тиранніи. Вообще вопросъ объ отношеніяхъ между правительствомъ и подданными, когда эти отношенія выходятъ за черту нормальныхъ, у него рѣшенъ очень слабо, потому-что тогда не было еще такихъ политическихъ событій, которыя дали бы матеріалъ для наблюденія и для выведенія общаго правила. Лишь въ крайнемъ случаѣ, если сопротивленіе тирану не грозитъ гибелью государству и многимъ членамъ его, можно сказать тиранніи veto. И тиранъ, замышляющій что-либо гибельное для народа, ipso facto теряетъ власть. Возстаніе же противъ узурпаторовъ дозволи-

[1] Lib. I. Cap. III, § VII. «Summa autem illa dicitur, cujus actus alterius juri non subsunt» etc.

Digitized by Google

тельно, если не прошла давность, закрѣпляющая ихъ власть. Слѣдуютъ, далѣе, краткія замѣчанія о лицахъ, которыя могутъ вести законную войну. Этимъ заканчивается 1-я книга[1].

Во 2-й книгѣ Гроцій занимается изслѣдованіемъ причинъ (causæ), по которымъ лица, признанныя имъ правоспособными для войны, могутъ вести ее. Главная причина для войны вообще — injuria, въ томъ смыслѣ, какъ ее понимали римскіе юристы, т. е. какъ всякое нарушеніе права[2]. И такъ, Гроцій долженъ былъ неизбѣжно сначала характеризовать и анализировать всѣ существующія права, чтобы за-тѣмъ уже вывести, что такое injuriæ, какъ причины войнъ въ-частности, — вотъ почему эта вся работа Гроція является цивилистическою и криминальною. При разсмотрѣніи частныхъ вопросовъ о сущности правъ вообще, онъ высказалъ такія положенія, которыя на-долго задержались въ наукѣ и на которыхъ многіе филос фы (Руссо) строили свои теоріи. «Первоначально, говоритъ Гроцій[3], люди жили блаженно, невинными, или, выражаясь словами Тацита, древніе люди не руководствовались никакими дурными страстями и не подвергались потому никакимъ наказаніямъ и взысканіямъ». Однимъ словомъ, онъ вѣритъ въ блаженное состояніе, въ золотой вѣкъ для первыхъ людей. «Тогда имущества были общія, не было частнаго владѣнія, не было dominium'a, а было communio omnium bonorum». Слѣдовательно, право собственности есть дѣло позднѣйшаго, развращеннаго времени. «Даже теперь, замѣчаетъ Гроцій, когда люди далеки отъ столь блаженнаго состоянія, сама натура устанавливаетъ правила объ общеніи: когда горитъ какой-либо домъ, его разрушаютъ, заботясь, чтобы не

---

[1] Ср. in extenso Lib. I. Cap. IV. §§ 1—V; IX etc. до XX-го включительно. Cap. V. §§ I—IV.

[2] Lib. II. C. 1. § IV.

[3] Lib. II. C. II. § II. «Vetustissimi mortalium nulla adhuc mala libidine, sine probro, scelere, eoque sine pœna aut coercionibus agebant» etc.

Digitized by Google

зажглись другіе дома; когда нѣсколько людей тонутъ, то всѣ хватаются за одну доску» и т. д. Однимъ словомъ, въ крайнихъ случаяхъ законъ общенія имуществъ возникаетъ, сказывается самъ собою; здѣсь necessitas omnem legem frangit (т. е. необходимость уничтожаетъ (ломаетъ) всякій юридическій законъ). Отсюда Гроцій дѣлаетъ, далѣе, слѣдующіе выводы. Нейтральныя государства должны пропускать черезъ свои территоріи арміи воюющей страны, если она имѣетъ цѣлью возстановить свое право, т. е. если эта армія двигается для продолженія или окончанія belli justi. Это правило имѣетъ связь съ вышесказаннымъ; настоящій случай рѣшается по тѣмъ-же общимъ началамъ: здѣсь для естественной справедливости нѣтъ даже права на государственную территорію, которое (право на государственную территорію) существуетъ лишь, пока нѣтъ necessitas, quæ omnem legem frangit. Точно такъ, на основаніи того-же правила, Гроцій требуетъ свободы отъ всякихъ поборовъ для международной торговли. И здѣсь necessitas legem civitatis frangit въ интересахъ цѣлаго міра. Отсюда-же Гроцій требуетъ и свободы моря[1]. (Въ 1609 году. какъ сказано уже, онъ отдѣльно защищалъ эту свободу въ своемъ сочиненіи — Mare liberum). Море должно быть свободно, хотя территоріальныя части морей подчинены юрисдикціи государствъ, но не настолько, чтобы мѣшать навигаціи, для мирныхъ и торговыхъ цѣлей, иностраннымъ кораблямъ. Наконецъ изъ того-же самаго правила Гроцій выводитъ (въ слѣд. главѣ той-же книги) то важное положеніе, по которому государство не имѣетъ права закабалять свободу передвиженія своихъ подданныхъ, т. е. защищаетъ свободу эмиграціи. Послѣ этихъ выводовъ, Гроцій переходитъ къ ученію о способахъ пріобрѣтенія права собственности; но это — заимствованіе изъ системы римскаго права. То-же самое, т. е.

---

[1] Ср. для всѣхъ сжато-изложенныхъ положеній Lib. II, §§ VI—XVI etc.

Digitized by Google

приспособленіе, для своихъ цѣлей, ученій изъ римскаго права, нужно сказать объ отдѣлѣ о договорахъ и обязательствахъ. Здѣсь болѣе всего интересны для нашей цѣли §§, касающіеся fœdera et sponsiones, гдѣ между прочимъ Г. Гроцій задается вопросомъ: возможно ли юридическое общеніе христіанъ съ неправославными, т. е. возможно ли заключать союзы православнымъ съ иновѣрцами? Практика, отвѣчаетъ онъ на этотъ вопросъ, не всегда говоритъ въ пользу такого общенія, но jus naturale милосердно ко всѣмъ безъ изъятія; и еврейское законодательство допускало уже общеніе для многихъ народовъ, а христіанская религія—для всѣхъ. Отсюда Гроцій выводитъ, что можно и должно заключать союзы со всѣми народами [1].

Для объясненія международныхъ трактатовъ Гроцій предлагаетъ правила изъ римской юриспруденціи и даетъ распространительное толкованіе тѣмъ, которыя полезны для какого-либо контрагента, и на-оборотъ. Для международнаго права и его системы имѣютъ значеніе во 2-й книгѣ §§ о правахъ посланниковъ. Между прочимъ говорится, что посланникъ одного государства не можетъ быть отвергнутъ правительствомъ другаго безъ достаточныхъ къ тому основаній; далѣе, у Гроція излагается здѣсь ученіе о внѣземельности (ex-territoріальность) посланниковъ, что и до сихъ поръ составляетъ коренную основу посольскаго права: посланники и ихъ свита изъемлются изъ юрисдикціи государства, въ которомъ они живутъ, даже въ случаяхъ важныхъ преступленій; и на основаніи этого «домъ посланника, говоритъ Гроцій, долженъ считаться также неприкосновеннымъ, какъ и личность его; однако этотъ домъ не долженъ служить убѣжищемъ для преступниковъ»,—что очень практиковалось въ то время, — «иначе можно взять оттуда преступниковъ силою, не касаясь при томъ личности посла и его сви-

[1] Ср. Lib. II. C. XV. §§ VII etc.

Digitized by Google

ты. Въ случаѣ совершенія посланникомъ какого-либо важнаго политическаго преступленія, государство можетъ арестовать его, но сейчасъ-же предаетъ арестованнаго суду законнаго его правительства. Требованіе вызова посланниковъ, высылка изъ своего государства, — вотъ все, что можетъ дѣлать иностранное правительство»[1]. Отдѣлъ уголовнаго права у Гроція, имѣющій больш й интересъ для исторіи догмы въ криминалистикѣ, можетъ быть затронутъ нами по отношенію къ вопросу объ extraditio преступниковъ. Extraditio, или выдача преступниковъ, выводится Гроціемъ логически изъ ученія о независимости государствъ и о политическомъ ихъ верховенствѣ: государства обладаютъ независимостью въ судебномъ отношеніи; они не позволяютъ другому правительству вмѣшиваться на своей территоріи въ дѣла уголовнаго и гражданскаго суда; но тѣмъ не менѣе они обязаны или наказывать преступниковъ, скрытыхъ въ ихъ территоріи, или же выгонять ихъ изъ своей страны. На этой аргументаціи Гроцій и обосновываетъ теоретическое понятіе о выдачѣ преступниковъ. На вопросъ: кого выдавать и какъ? — большое вліяніе имѣютъ мѣсто, эпоха и политическія событія, и контрастъ между гроціевою и нашею эпохами выражается хорошо такимъ отвѣтомъ Гуго-Гроція: можно отказать въ выдачѣ простого преступника, но непремѣнно обязательна выдача преступника государственнаго. Т. е. здѣсь мы видимъ систему радикально противоположную практикѣ и трактатамъ важнѣйшихъ государствъ Европы и Америки, а именно: Англіи, Швейцаріи и Сѣверо-американскихъ штатовъ. «Но если, съ одной стороны, продолжаетъ Гроцій, правительства отвѣчаютъ за тѣ преступленія своихъ подданныхъ, совершенію которыхъ можно бы было воспрепятствовать, то, съ другой стороны, всегда и вездѣ существуетъ обязанность давать jus asyli

[1] Ср. Lib. II. C. XVIII. §§ I—XI.

Digitized by Google

(право убѣжища) тѣмъ, которые преслѣдуются непріязнью своихъ соотечественниковъ»[1]. (Здѣсь онъ намекалъ на свою жизнь, на преслѣдованія собственныхъ гонителей). — Въ глав. отъ 22 до 26 Гроцій подробно и внимательно разсматриваетъ вопросъ о несправедливыхъ, сомнительныхъ и справедливыхъ причинахъ войны и кладетъ въ основу своего ученія правила, высказанныя еще бл. Августиномъ, въ его Civitas Dei: «Война безъ законныхъ причинъ равносильна разбою» — говоритъ Гуго Гроцій, и порицаетъ между прочимъ войну, за которую борется народъ, чтобы отстоять свою свободу, — и это bellum injustum[2]. Однако Г. Гроцій нападаетъ на стремленія ко всемірной монархіи у папъ и у императоровъ. Странно, что положеніе, по смыслу котораго война была injustum, когда народъ берется за оружіе для отстаиванія своей свободы, высказано имъ въ виду борьбы Голландіи съ Испаніею. «Война, говоритъ Гроцій далѣе съ большею вѣрностію и гуманностью, есть слишкомъ важное дѣло, чтобы приниматься за нее при сомнительныхъ причинахъ; при послѣднихъ она будетъ bellum injustum. Война порождаетъ безчисленныя бѣдствія, и вотъ почему въ случаяхъ сомнительныхъ всегда лучше склоняться къ миру, причемъ есть и средства для отклоненія войны: переговоры съ соперникомъ, посредничество, жребій и поединокъ. Еще Цицеронъ въ своемъ сочиненіи De officiis сказалъ: споры рѣшаются или обсужденіемъ, или физическою силою, но послѣднее свойственно звѣрямъ, и къ силѣ нужно прибѣгать только въ крайнихъ случаяхъ, — а потому, продолжаетъ Гроцій, очень полезны собранія изъ государей, гдѣ бы разбирались пререка-

---

[1] См. для всего этого вопроса in extenso Lib. II. Cap. XXI; §§ III—VI включительно.

[2] Lib II. Cap. XXII. §§ XI, XIII. — У Бирбейрака мы читаемъ: «Un autre sujet injuste de guerre c'est le desir de recouvrer sa liberté, soit quil s'agisse de celle des Particuliers ou de celle d'un état; comme si c'étoit un droit que chacun a naturellement et pour toujours... C'est à dire, que personne n'est naturallement esclave, mais que personne n'a droit de ne le devenir jamais» etc.

Digitized by Google

нія между государствами и принимались исполнительныя мѣры для умиротворенія ихъ». Слѣдовательно, Гроцій здѣсь требуетъ нѣчто въ родѣ конгрессовъ или посредническихъ судовъ, а такая мысль составляетъ и до сихъ поръ pium desiderium многихъ практическихъ людей и ученыхъ; почти та-же идея была цитирована Наполеономъ въ его знаменитой депешѣ 1864 года. «Лучше отказаться отъ своей претензіи, чѣмъ возбуждать войну» — совѣтуетъ Гуго Гроцій, и желаніе предотвратить войну такъ велико у него, что онъ высказываетъ между многими серіезными и благородными мыслями и такую: «если-бы непріятель истребовалъ выдачи даже невиннаго, то, для предотвращенія войны, не слѣдуетъ идти противъ этой выдачи»[1]. Эта мысль очень странна у Гроція, потому что, по смыслу его-же собственнаго ученія, всякій, кто вступаетъ въ общество, дѣлаетъ это свободно, въ видахъ наибольшаго обезпеченія личной безопасности и правоспособности, въ интересахъ общежитія, гдѣ разумъ долженъ брать перевѣсъ надъ грубою силою во всѣхъ частныхъ случаяхъ и столкновеніяхъ. Трудно примирить appetitus societatis съ убѣжденіемъ, что жестокій капризъ врага можетъ сдѣлать безсловесною жертвою каждаго гражданина. Однимъ изъ любопытныхъ параграфовъ 2-й книги De jure belli ac pacis долженъ быть признанъ тотъ, въ которомъ разсматривается вопросъ: обязано ли одно государство защищать другое въ случаѣ нарушенія правъ послѣдняго съ третьей стороны? Отвѣтъ дается Гроціемъ утвердительный на основаніи одного мѣста изъ De officiis Цицерона[2]: кто не защититъ другого отъ injuria, когда это можетъ сдѣлать, тотъ все равно, что оставилъ своихъ родителей и свое отечество. Слѣдовательно, здѣсь Г. Гроцій установляетъ принципъ для вопроса о политическомъ вмѣшатель-

---

[1] L. II. C. XXV. § III.

[2] De off. 1—7.

Digitized by Google

ствѣ. Въ-частности Г. Гроцій разрѣшаетъ послѣднее въ случаѣ тиранніи: «если-бы въ какомъ-либо государствѣ свирѣпствовалъ тиранъ, въ родѣ, напр., Фалариса, говоритъ онъ, и нарушалъ человѣческія права, то остальнымъ государствамъ слѣдуетъ вмѣшаться».

Въ слѣдующей, 3-й книгѣ Гроцій разсматриваетъ — что̀ можетъ быть запрещено или дозволено въ войнѣ: «Въ войнѣ, говоритъ онъ, дозволяется много такого, что не разрѣшается въ обыкновенное время; здѣсь гибнутъ и тѣ, которые не брались за оружіе, подобно тому, какъ на потопленномъ пиратскомъ кораблѣ идутъ ко дну женщины и дѣти. Тѣмъ не менѣе въ войнѣ слѣдуетъ дозволять лишь то, что необходимо для достиженія ея цѣли, а цѣль войны есть возстановленіе нарушеннаго права, т. е. того, что нужно для осуществленія общежитія; отсюда въ войнѣ допускается убійство, запрещаемое внѣ войны законами божественными и нравственными. Кромѣ того, война ведетъ къ тому, что нейтральныя государства обязываются не выполнять извѣстныхъ дѣйствій,—не подвозить, напр., припасовъ и т. п. Слѣдовательно черезъ войну ограничивается свобода цѣлыхъ обществъ; далѣе, въ войнѣ позволительны обманы»[1]. Здѣсь Гроцій, приводя и цитируя многихъ писателей, говоритъ, что обманы допускаться должны только тогда, напримѣръ, когда врагъ о чемъ-нибудь самъ спрашиваетъ; нарушеніе же даннаго слова, хотя бы и по отношенію къ пиратамъ, онъ порицаетъ. Имущества подданныхъ отвѣчаютъ за долги правительства, противъ котораго ведется война, и въ этомъ отношеніи jus gentium, замѣчаетъ Гроцій, отличается отъ jus civile, по которому отвѣтственность in solidum лежитъ только, помимо нѣкоторыхъ видовъ обязательствъ и договоровъ, на successores. Такимъ образомъ воюющая сторона можетъ свободно распоряжаться имуществами на непріятельской территоріи. Изъ солидарной от-

[1] Ср. in extenso III. C. I § 5 etc.

Digitized by Google

вѣтственности подданныхъ Гроцій выводитъ законность репрессалій. Но законная война можетъ быть только между государствами, и законнымъ врагомъ нельзя считать пиратовъ и неорганизованныя общества, которыя не имѣютъ правъ, законовъ и не выполняютъ трактатовъ. Слѣдовательно, благодѣяніями и гарантіями международнаго права пользуется лишь тотъ, кто или tacite или дѣйствительно состоитъ членомъ международнаго союза. Для законности войны Г. Гроцій требуетъ формальнаго объявленія ея и притомъ такъ, чтобы послѣ него проходилъ извѣстный промежутокъ времени. При законныхъ причинахъ, при формальномъ объявленіи, послѣ котораго прошелъ извѣстный промежутокъ времени, война будетъ bellum justum et solemne, и всѣ послѣдствія ея признаются законными и справедливыми. In bello justo ac solemni — законное дѣло убивать врага. У Гроція это право очень широко: во время войны можно убивать всѣхъ подданныхъ непріятельскаго государства, даже женщинъ и дѣтей; нельзя только умерщвлять ядомъ, отравлять колодцы и т. п. Всѣ имущества, со включеніемъ res sacræ et sanctæ, могутъ были истреблены, — отсюда для правительства, ведущаго войну, онъ выводитъ право occupatio, а для частныхъ лицъ въ арміи — право пріобрѣтенія движимыхъ имуществъ путемъ добычи; наконецъ, отсюда-же плѣнъ, въ который попадаютъ воюющіе и жители[1]. Но если война injustum, то она не влечетъ за собою никакихъ законныхъ послѣдствій, и Гроцій отвергаетъ за тѣми, кто ведетъ ее, право убійства, завоеванія, плѣна и т. д. Говоря о плѣнѣ, онъ высказываетъ ту мысль, которая была еще у римскихъ юристовъ, т. е. что плѣнъ есть смягченіе, введенное jure gentium для того, чтобы побѣдитель имѣлъ интересъ щадить побѣжденнаго. Сравнительно съ поголовнымъ избіеніемъ самое взятіе въ плѣнъ есть прогрессивное явленіе. Тѣмъ не менѣе такія правила войны у Гуго Гроція чрезвычайно суровы;

[1] Ср. L. III. Cap. III. § 13.— Ib. C. IV. C. V.

Digitized by Google

между-тѣмъ выше было сказано, что Гроцій былъ сторонникомъ и проповѣдникомъ началъ гуманности, и что ему обязано международное право смягченіями различныхъ жестокостей военной практики;—какъ же объяснить и понять эту суровость приведенныхъ положеній? Надо замѣтить, что въ параграфахъ, до сихъ поръ изложенныхъ, Гроцій касался jus voluntarium—положительнаго международнаго права, и, какъ наблюдатель, собиралъ и классифицировалъ практическія правила современныхъ ему государствъ; но личныя убѣжденія его высказываются въ такъ называемыхъ «смягченіяхъ» или moderamenta. Однимъ словомъ, возлѣ резюмировки военной практики онъ ставилъ рядомъ свои теоретическіе взгляды и благія пожеланія. Такова скромная форма, въ которой зачастую заявляла наука свои требованія отъ могущественной рутины и практики; теоріи принадлежитъ будущее лишь тогда, когда она войдетъ въ жизнь путемъ постепеннаго сознанія всѣхъ людей. Въ moderamenta Гуго Гроція мы находимъ слѣдующее: «нужно отличать главныхъ виновниковъ войны отъ тѣхъ, которые вовлечены въ нее и которые—какъ бы соучастники, т. е. нужно отличать подданныхъ отъ правительства». Справедливость и строгость, говоритъ Гроцій, не исключаютъ милосердія, и никакъ не слѣдуетъ доводить войну до крайности, а нужно уничтожать ею только несправедливость; вообще—жестокость должна соразмѣряться съ вызвавшимъ войну зломъ; слѣдовательно, безполезно умерщвлять женщинъ и дѣтей, потому что убивать нужно только сопротивляющихся; сдающихся нужно щадить; мщеніе не должно допускаться ни въ какихъ случаяхъ; личность заложниковъ должна быть неприкосновенна, за исключеніемъ развѣ того случая, когда они совершатъ какое-либо преступленіе. Вотъ смягченія, которыя выводитъ Гроцій съ цѣлью укротить, обуздать войну[1].—Въ отдѣлѣ объ имуществахъ онъ осуждаетъ безцѣльное

[1] Ср. L. III. Cap. XI. § 8. 18.— Ibidem, Cap. XII.— Cap. XIV.

Digitized by Google

истребленіе вражеской собственности и допускаетъ его (истребленіе) лишь на-столько, на-сколько этого требуетъ цѣль войны; но никакъ недолжно, говоритъ Гроцій, истреблять зданія, дома, деревья и т. п. въ мѣстностяхъ, не имѣющихъ военнаго характера: «самая добыча, говоритъ онъ, законна на-столько, насколько она нужна для возмѣщенія убытковъ и удовлетворенія притязаній на-счетъ врага». Взывая къ милосердію, требуемому самою справедливостью, Гроцій ссылается на мнѣнія нѣкоторыхъ римскихъ писателей и между прочимъ приводитъ слѣдующія слова Сенеки: «хотя относительно раба (а слѣдовательно и военно-плѣннаго) дозволительно все, но есть нѣчто, чего нельзя примѣнить къ человѣку, и что допускается лишь по отношенію къ животнымъ»[1].—Послѣдствіемъ войны бываетъ часто завоеваніе цѣлой страны, и здѣсь Гроцій рекомендуетъ побѣдителямъ осторожность, гуманность и разумное обращеніе съ побѣжденными. «Когда побѣдитель инкорпорируетъ, сливаетъ побѣжденныхъ съ своими подданными, то это очень раціональное дѣло; всячески хорошо, если онъ оставляетъ имъ ихъ мѣстные законы и обычаи; религія побѣжденныхъ также должна быть неприкосновенна». Послѣ этого Гроцій касается вопроса о договорахъ и трактатахъ съ врагомъ и здѣсь онъ налегаетъ съ особенною силою на правило, по которому etiam hosti fides servanda est. Весьма любопытны его разсужденія о тѣхъ договорахъ, по которымъ уступаются части территоріи какого-нибудь государства. «Государю нѣтъ никакой возможности распоряжаться даже частью территоріи безъ вѣдома своихъ подданныхъ; объ этомъ отчужденіи ему нужно запросить сначала представителей самой провинціи, которая отчуждается, а потомъ всѣхъ остальныхъ; тѣмъ болѣе это нужно сдѣлать, когда идетъ дѣло объ уступкѣ цѣлаго государства»[2]. Въ послѣдней главѣ 3-й книги Гроцій

[1] *Seneca*, De clem. C. XVIII.

[2] Cp. in extenso, L. III. Cap. XX. § 5 etc.

Digitized by Google

развиваетъ мысль о томъ, что миръ долженъ быть конечною цѣлью войны, и что онъ является общимъ и главнымъ интересомъ для всего человѣчества; здѣсь-же Гроцій говоритъ о значеніи взаимнаго довѣрія между людьми: по уничтоженіи этого довѣрія прекратятся всякія сношенія между людьми,—разрушить его значитъ разрушить самую жизнь; и наконецъ, послѣднія строки книги Гроція заключаютъ въ себѣ молитву: «Пусть всемогущій Богъ запечатлѣетъ это въ сердцахъ тѣхъ, которые управляютъ судьбами цѣлаго міра, и дастъ имъ разумѣніе божественныхъ и человѣческихъ правъ, дабы они поняли, что они избраны для управленія существами, милыми и дорогими самому Богу!».

Изданіе трактата De jure belli ac pacis составляетъ эру юридическихъ, политическихъ и общественныхъ наукъ. Таковъ взглядъ на книгу Гроція всѣхъ писателей. «Гуго Гроцій, говоритъ Шталь, былъ основателемъ той системы, которая называется естественнымъ правомъ (Naturrecht) и которая болѣе, чѣмъ 100 лѣтъ послѣ Гроція, признается единственно возможною. Естественное право является новою, неизвѣстною дотолѣ наукою, благодаря Гроцію, который отдѣляетъ право отъ морали и политики». Гуго Гроцій, замѣтимъ мы далѣе, первый между философами и публицистами Европы построилъ ученіе о государствѣ на теоріи общественнаго договора, т. е. взглянулъ на государство съ точки зрѣнія свободнаго союза между отдѣльными, независимыми личностями. «А въ этомъ ученіи, говоритъ Робертъ Ф. Моль, заключаются уже всѣ коренныя условія для идеи такъ назыв. правового государства (Rechtsstaat), а именно: воззрѣніе на государство, какъ на продуктъ внѣшней потребности для разумной человѣческой природы, какъ на средство для достиженія многочисленныхъ жизненныхъ цѣлей, при чемъ задача государства сводится лишь къ отрицательной роли: охранять, съ помощію права, полную свободу гражданъ, кото-

Digitized by Google

рые могутъ выбирать ту или другую форму учрежденій». Короче: ученіе Г. Гроція представляетъ фундаментъ, на которомъ позже построены были теоріи Руссо во Франціи и Канта въ Германіи; идеи Гроція повліяли, черезъ два вѣка, на событія, имѣвшія не только европейское, но и міровое значеніе. Не менѣе важенъ трудъ Гроція въ международномъ правѣ. «Слава быть основателемъ науки международнаго правовѣдѣнія выпала на долю Гроція», замѣчаетъ Pradier Fodéré [1]. Гроцій, по его мнѣнію, не только написалъ книгу, но соорудилъ памятникъ. «Мало было имѣть честную душу и благородныя стремленія, пишетъ Фодерэ, необходима была геніальность, чтобы написать такой трудъ для отдаленнаго потомства; нужно было отрѣшиться отъ политики и страстей, которыя она обыкновенно вызываетъ, имѣть въ виду одну чистую теорію права; спокойно бесѣдовать съ мудрецами всѣхъ вѣковъ о правахъ человѣческихъ; подвергнуть, съ хладнокровіемъ, это колоссальное дознаніе критеріуму совѣсти,— внести порядокъ въ хаосъ, свѣтъ во тьму кромѣшную; однимъ словомъ, произвести въ цѣлой области права такой-же переворотъ, какой сдѣланъ Галилеемъ въ наукахъ космологическихъ и Декартомъ въ философіи».

Отсюда видно, что позднѣшіе ученые сходятся въ почитаніи Гроція съ его современниками. Отъ 1625 г. до нашей эпохи идетъ рядъ изданій знаменитаго труда его [2].

Были у Гроція и противники какъ въ XVII стол., такъ и позже, до нашихъ дней. Защитниками Гроція въ нашемъ сто-

[1] *Прадье Фодерэ*, Essai biographique, LVIII.

[2] Франкфуртское 1626 г., амстердамское $16^{31}/_{32}$ г., амстердамское второе 1642 г.—послѣднее при жизни Гроція; 1720 г. съ примѣчаніями Барбейрака и Гроновія etc. До 1785 г., когда вышла книга барона Омптеды, оказалось уже 45 изданій. Были сдѣланы между прочимъ изданія въ 1759, 1768, 1772 и 1796 г. Переводы Г. Гроція сдѣланы были на шведскій, французскій, нѣмецкій и англійскій языки, отъ XVII стол. до нашихъ дней, когда Юэль (Whewell) перевелъ Г. Гроція по-англійски (1854), Прадье Фодерэ по-французски (1867) и Кирхманъ по-нѣмецки (1869).

Digitized by Google

лѣтіи были два знаменитыхъ англійскихъ писателя: Галламъ и Мэкинтошъ[1]. Впрочемъ самые порицатели Гроція (Дюгальдъ Стуартъ—Dugald Stewart) сознаются, что отъ Гроція ведутъ свое начало большинство лучшихъ англійскихъ писателей по вопросамъ нравственной философіи, и здѣсь-же корень лучшихъ (англійскихъ) изслѣдованій по психологіи; наконецъ, школѣ Гроція обязана Европа новою наукою—политическою экономіею.

Сказаннаго нами достаточно, чтобы оправдать выше сдѣланное замѣчаніе объ изданіи сочиненія Г. Гроція, какъ о началѣ новой эры для многихъ общественныхъ наукъ, хотя и Гроцій заплатилъ дань слабостямъ своего вѣка, какъ объ этомъ много разъ и подробно говорили противники великаго писателя[2].

Каково же было вліяніе Г. Гроція на современную ему и позднѣйшую практику международныхъ сношеній? Пусть и здѣсь скажетъ слово Pradier Fodéré. «Появленіе разсужденія о войнѣ и мирѣ, замѣчаетъ онъ, совершило большія измѣненія на сценѣ тогдашней политики. Макіавелизмъ Маріи Кровожадной въ Англіи, Цезаря Борджіа въ Италіи, Катерины Медичи во Франціи начинаетъ уступать мѣсто вліянію Гуго Гроція. Дипломатическіе документы XVII в. наполняются небывалыми дотолѣ обращеніями къ началамъ права и законности, къ тѣмъ высшимъ и всеобщимъ нормамъ справедливости, которыми ограждаются права слабаго противъ сильнаго. И если Макіавелли внушилъ идею о варѳоломеевщинѣ во Франціи и испанскія кровопролитія въ Нидерландахъ, то Гроцій сдѣлалъ возможнымъ вестфальскій конгрессъ, который, въ свою очередь, составилъ эру цивилизаціи и основалъ международное право современной Европы».

---

[1] См. объ нихъ, in extenso, въ исторіи *Уитона*.

[2] См. и здѣсь исторію международнаго права *Уитона*. Ср. также подлинный текстъ *Hallam's* Introduction to the literature of Europe (3. ed. 1847). III, 4. 3. *N. W. Senior* (77 томъ журнала Edinburgh Review) въ прекрасной статьѣ о международномъ правѣ.— *Maine* (Ancient Law, 2 ed. 1863) даетъ нѣсколько вѣскихъ страницъ для оцѣнки научнаго значенія Г. Гроція (pp. 96—112).

Digitized by Google

Вестфальскій конгрессъ и его вліяніе на политическія и международныя отношенія Европы.

§ 8. Однимъ изъ желаній Г. Гроція, которое высказано въ его De jure belli ac pacis, было, какъ мы знаемъ, созваніе амфиктіоній изъ христіанскихъ государствъ для разрѣшенія спорныхъ вопросовъ, въ видахъ предупрежденія войны. За нѣсколько дней до смерти знаменитаго философа собрался вестфальскій конгрессъ — первый въ Европѣ, знавшей до того времени одни только церковные соборы. Но вестфальскій конгрессъ не былъ амфиктіоніею: какъ у всѣхъ конгрессовъ вообще, не было и у него никакой принудительной власти; то былъ съѣздъ дипломатовъ христіанскихъ государствъ, которые собрались обсудить и привести къ соглашенію, путемъ переговоровъ, международные интересы Европы. Однако же, по общему мнѣнію, вестфальскій конгрессъ имѣетъ громадное значеніе, съ которымъ можетъ сравниться значеніе одного лишь вѣнскаго конгресса. Бернардъ говоритъ, что, «помимо существенныхъ различій въ характерѣ, цѣляхъ, функціяхъ, способахъ дѣйствія и послѣдствіяхъ, между этими двумя конгрессами есть аналогія: оба они составляютъ такія эпохи, которыми заканчивается одинъ долгій періодъ исторіи и начинается другой; каждый изъ нихъ замыкаетъ собою мрачный рядъ бѣдствій и почти безпрерывныхъ кровопролитій; каждый сдѣлалъ важное дѣло, произвелъ обширныя и существенныя перемѣны, и потому признавался, до извѣстнаго времени, основою того, что называютъ политическою системою Европы; тотъ и другой представляютъ величественное зрѣлище совѣта европейскихъ державъ, созваннаго для разсужденія о всеобщемъ благѣ. Наконецъ, тотъ и другой — если углубиться въ сущность дѣла — поразятъ насъ игрою темныхъ вліяній и эгоистическихъ интересовъ»[1]. Особенно

[1] Four lectures on subjects connected with diplomacy. I. 1, 2 etc. Литера-

Digitized by Google

велико значеніе вестфальскаго конгресса для Германіи, и здѣсь причина того вниманія, которое оказываютъ этому конгрессу не только ученые, но и вообще весь нѣмецкій народъ. «Никто не заботится знать, гдѣ засѣдалъ вѣнскій конгрессъ — замѣчаетъ Бернардъ — и между садами и виллами Рейсвика напрасно искали бы вы дома, гдѣ собирались дипломаты въ 1697 г.; напротивъ того — Friedenssaal въ Оснабрюкѣ и Мюнстерѣ до сихъ поръ сохраняется съ религіозною заботливостію». Вестфальскій миръ заключилъ собою 30-лѣтнюю войну, которая, въ промежутокъ времени отъ 1618 до 1648 г., такъ опустошила Германію, что лишь черезъ 200 лѣтъ эта страна снова пріобрѣла то благосостояніе, какимъ она пользовалась на-канунѣ битвы при Бѣлой Горѣ. Фрейтагъ въ своихъ картинахъ изъ прошедшаго Германіи говоритъ (III. 227), что «даже годы отъ 48 до 50, т. е. время отъ заключенія трактата до торжества мира, принадлежатъ къ самымъ тяжкимъ годамъ этого желѣзнаго періода. Положеніе Германіи было невыносимо: на народъ были наложены громадные поборы, и до уплаты ихъ повсюду стояли отряды армій, содержаніе которыхъ было весьма тяжело и вызывало крики цѣлаго населенія. Во всѣхъ земляхъ кишѣли толпы безначальной сволочи (Alle Länder wimmelten vom herrenlosen Gesindel), ватаги пьяныхъ солдатъ, сопровождаемыя публичными женщинами, шайки разбойниковъ блуждали по деревнямъ, сами крестьяне находили, что и имъ лучше грабить — католикамъ въ протестантскихъ земляхъ, а протестантамъ въ католическихъ. Число цыганъ утроилось. Вездѣ можно было видѣть ихъ таборы съ голыми ребятишками и съ накраденными лошадьми». Еще въ

тура вестфальскаго конгресса весьма значительна. Подробное перечисленіе ея находится у *графа Гардена* — Histoire générale des traités de paix. T. 1-er, Section III, pp. 73 etc. Здѣсь-же (отъ стр. 76—237) изложена Гарденомъ полная исторія и разборъ содержанія трактата. Короче о вестфальскомъ трактатѣ см.: *Schöll*, Histoire abregée des traités de paix. *Flassan*, Histoire de la diplomatie française. *Wheaton*, Histoire. pp. 98—106.

Digitized by Google

1636 г. папа Урбанъ VI увѣщавалъ воюющихъ прекратить кровопролитіе, впрочемъ имѣя въ виду свои собственныя цѣли, т. е. заботясь о судьбѣ габсбургскаго дома. Вскорѣ послѣ этого кардиналъ Джинети въ Кельнѣ заявилъ полномочіе отъ папы на посредничество между спорящими державами, и къ нему пріѣхали послы отъ мадритскаго и вѣнскаго дворовъ[1]. Завязались переговоры объ охранныхъ граматахъ, о различныхъ формальностяхъ, что тянулось въ теченіе 5 лѣтъ, и только въ 1641 г. послы обмѣнялись при посредничествѣ датскаго короля sauf-conduits, опасными, охранительными граматами и прелиминаріями (pacta de contrahendo), опредѣлявшими время, мѣсто и форму окончательныхъ переговоровъ. Мѣстами съѣзда дипломатовъ назначены были города Мюнстеръ и Оснабрюкъ, потому что между Франціею и Швеціею было соперничество, кому изъ нихъ имѣть первенствующее значеніе на конгрессѣ; ни Франція, ни Швеція не хотѣли уступить предсѣдательства, поэтому конгрессъ былъ раздѣленъ, при чемъ въ Оснабрюкѣ предсѣдательство получила Швеція, а въ Мюнстерѣ—Франція. Церемоніалы, вопросы о рангахъ пословъ, разстановка креслъ и даже расположеніе скамей въ церкви, въ которой долженъ былъ быть молебенъ предъ началомъ конгресса, все это сильно занимало дипломатовъ не только монархическихъ государствъ, но и республикъ. Голландскіе депутаты (8 отъ всѣхъ штатовъ)[2] оказались особенно педантичными въ этихъ мелочахъ и были похожи на выскочекъ изъ демократическаго общества, вошедшихъ въ аристократическій кругъ. Папскій нунцій, имѣвшій здѣсь значеніе презуса, улаживалъ такія пререканія цѣлые дни и ночи; разсказываютъ, что на-канунѣ конгресса онъ сидѣлъ до 2 часовъ ночи, чтобы порѣшить вопросъ о креслахъ и скамьяхъ[3]. Представители одной республики (Голландіи)[4] не

[1] *Garden*, I. 76. — [2] Ср. *Garden*, pp. 80—87.

[3] Фактъ этотъ взятъ Бервардомъ у *Леклерка*, Negotiations secrètes touchant la paix de Münster etc. II. 21.

[4] Ср. извлеченія изъ переписки d' Avo съ королевою (*Bernard*, I. p. 26).

Digitized by Google

хотѣли уступить первенства представителямъ другой (Венеціи). Бранденбургскій посланникъ, оставившій записки о вестфальскомъ конгрессѣ, говоритъ: «Мы бы еще поладили какъ-нибудь, не будь безбожной вещи — его превосходительства», т. е. того титула, итальянскаго происхожденія, который съ XV ст. присвоили себѣ всѣ дипломаты и очень гордились имъ[1]. Щеголеватые французы Сервьенъ и Давò презрительно относились къ неуклюжимъ докторамъ отъ австрійскаго и нѣмецкихъ правительствъ. Государственные люди занимались болѣе пиршествами, и бывали случаи, что имъ приходилось отказываться отъ рѣшенія дѣлъ послѣ сытныхъ обѣдовъ[2]. Многочисленные манифесты и воззванія къ общественному мнѣнію Европы нисколько не помогали, и конгрессъ, медленно начавшійся, еще медленнѣе продолжался. Кромѣ того, тогдашніе мемуары указываютъ намъ на другую весьма важную причину, мѣшавшую скорому окончанію конгресса, это — сплошь и рядомъ существовавшіе тогда подкупы. Деньги давались представителямъ какой-либо державы, и тѣ не заботились уже о выполненіи своего долга[3]. Далѣе, правительства, участвовавшія въ конгрессѣ, не уважали секретовъ дипломатической переписки. Курьеры повсюду перехватывались и за-тѣмъ съ распечатанными и прочитанными депешами отсылались на мѣста своего назначенія; такъ зачастую было во фландрскихъ провинціяхъ, гдѣ испанскіе солдаты ловили всѣхъ проѣзжавшихъ курьеровъ. Самый способъ обсужденія вопросовъ на конгрессѣ представляется очень неудобнымъ и совсѣмъ не походитъ на теперешній: пренія на вестфальскомъ конгрессѣ въ Мюнстерѣ происходили не на словахъ, а письменно, при чемъ написанныя бумаги вручались пре-

---

[1] Ср. *Pütter*, Geist des Westf. Friedens, P. 61: wenn nur der gottlose Excellenz nicht wäre.

[2] *Bernard.* L. C. p. 24.

[3] У *Гардена* можно найдти интересныя характеристики уполномоченныхъ всѣхъ державъ, участвовавшихъ въ конгрессѣ, см. 103, 104, 105; 121, 122, 123 и мног. друг.

Digitized by Google

зусу дипломатическаго корпуса, и тотъ уже отдавалъ ихъ по назначенію. Ясно, что для этого нужно было гораздо больше времени. Въ одномъ изъ французскихъ сочиненій XVIII ст. по исторіи войнъ и негоціацій, предшествовавшихъ вестфальскому конгрессу, Бужана, 1727 г., сказано слѣдующее: «Многія правительства не желали сами скораго замиренія, ловкость негоціаторовъ состояла не въ томъ, чтобы заключить выгодный договоръ, а въ томъ, чтобы отдалить его, сваливая всю вину на противниковъ»[1]. Наконецъ въ 1648 г. 24 окт. былъ подписанъ вестфальскій договоръ въ Оснабрюкѣ и Мюнстерѣ.

Посмотримъ теперь его содержаніе. Надо замѣтить, что въ то время каждый полный мирный трактатъ долженъ былъ заключать въ себѣ слѣд. части: 1) общія статьи (articles généraux), гдѣ объявляется, что война окончилась, и опредѣляется международная амнистія, т. е. объявляется уничтоженіе всѣхъ послѣдствій войны и военнаго положенія — in integrum restitutio; 2) вторая существенная часть есть постановленія объ устраненіи причинъ, вызвавшихъ войну, такъ назыв. gravamina mutua; 3) статьи о вознагражденіи, о контрибуціяхъ, требуемыхъ побѣдившею стороною, и 4) послѣдняя часть, напоминающая санкцію римскаго закона и заключающая въ себѣ обезпеченіе исполненія договора. Вестфальскій договоръ былъ тоже полнымъ трактатомъ и содержалъ въ себѣ всѣ эти 4 части. Новѣйшіе дипломаты не держатся пунктуально этой системы, и парижскій договоръ

[1] *Bougeant*, авторъ двухъ сочиненій: «Histoire des guerres et des négotiations qui précédèrent le traité de Westphalie», 1727, и другаго «Histoire du traité de Westphalie», 1743. Ср. *Гардена*, p. 88, о способѣ веденія переговоровъ въ Мюнстерѣ и Оснабрюкѣ. Les négotiations directes n'avaient lieu qu'entre les ambassadeurs de l'empereur, ceux de France et ceux de Suède; mais on y appela quelquefois ceux des états protestants. Les deux corps catholique et protestant, tenaient des conférences particulières et se communiquaient, le cas échéant, leurs déliberations par écrit. *Quelquefois* les ministres des Etats se reunissaient sans distinction de religion.... Au surplus, les questions relatives au céremonial furent traités... avec une grande importance etc.

Digitized by Google

1856 г. заключаетъ въ себѣ только двѣ первыя статьи и заключеніе. Перечислимъ теперь сжато тѣ статьи вестфальскаго договора, которыя наиболѣе заслуживаютъ вниманія и характеризуютъ его вліяніе на послѣдующія событія въ Европѣ. Здѣсь на первомъ мѣстѣ по значенію своему стоятъ статьи, которыя выговариваютъ вознагражденіе Франціи и Швеціи за ихъ участіе въ войнѣ. Безкорыстіе до сихъ поръ не составляетъ общаго правила у дипломатовъ, и тѣмъ менѣе его можно было ожидать отъ тогдашняго времени; іезуитъ Бужанъ замѣчаетъ: «не въ обычаѣ между нынѣшними государями оказывать своимъ сосѣдямъ столь важныя услуги безъ вознагражденія». Отсюда вытекло такое присужденіе вознагражденія Франціи[1]: 1) Франція по вестфальскому договору получила санкцію на владѣніе 3 епископствами въ Лотарингіи (съ городами Метцомъ, Тулемъ и Вердюномъ), которыя были захвачены французами за 90 лѣтъ назадъ—при Валуа; 2) французское правительство потребовало уступки новыхъ территорій: оно захотѣло взять долину между Рейномъ и Вогезскими горами — округъ Бризахъ, или Брейзахъ, составляющій отличную военную и политическую позицію: имѣя ее въ рукахъ, французы могли каждую секунду входить въ сердце Германіи; 3) далѣе, французское правительство потребовало для себя права держать гарнизоны въ Филипсбургѣ и Пиньеролѣ; послѣдній пунктъ представлялъ ключевую позицію по отношенію къ Италіи; 4) ландграфство верхняго и нижняго Эльзаса съ Зюндгау (Sündgau) и префектурой десяти имперско-эльзасскихъ городовъ. Темнота послѣдней статьи и важныя послѣдствія, которыя вытекли отсюда въ послѣдствіи при Людовикѣ XIV, весьма хорошо характеризованы граф. Гарденомъ (стр. 213—223). Тѣмъ не менѣе такія условія принесли существенныя выгоды Франціи и усилили ея политическое и международное значеніе. Вознагражденіе Швеціи было тоже не мало: къ землямъ, отошедшимъ къ ней отъ Даніи и Московіи — какъ

[1] § 69 и слѣд. мюнстерскаго трактата.

Digitized by Google

называли тогда Россію, она присоединила сѣверныя приморскія провинціи Германіи — Померанію и др.[1] По вестфальскому договору въ Оснабрюкѣ Швеція получила первенствующее значеніе въ Европѣ, которое, впрочемъ, она удержала не болѣе 50 лѣтъ, такъ-какъ ей нанесли окончательный ударъ послѣдующія событія и безумная политика Карла XII[2]. Голландская и швейцарская республики признаны независимыми государствами[3]. Относительно Германіи — были устранены тѣ gravamina, тѣ причины къ жалобамъ, которыя тяготѣли надъ нею и въ политическомъ и въ религіозномъ отношеніи. Что касается религіозныхъ gravamina, то на вестфальскомъ конгрессѣ были опредѣлены отношенія между католиками и протестантами, получившими полное равенство. Реформатская или кальвинская вѣра была тоже признана законнымъ исповѣданіемъ, но другія секты и другіе виды протестантизма не получили тѣхъ гарантій, которыя даны протестантамъ и реформатамъ. Разрѣшая въ-частности этотъ вопросъ, дипломаты установили особый срокъ — Normal-Jahr (1 января 1624 г.), сущность котораго состояла въ слѣдующемъ: всѣ епископіи, госпитали, школы, всѣ pia corpora, принадлежавшіе католикамъ или протестантамъ до 1 января 1624 г., остаются за своими владѣтелями. Въ территоріяхъ смѣшанныхъ (кат. и прот.)

---

[1] Россія принимала участіе въ вестфальскомъ конгрессѣ не непосредственно, но въ качествѣ союзника Швеціи.

[2] Шведскія пріобрѣтенія были: немедленная на правахъ имперскаго лена уступка части Помераніи со Штеттиномъ и нѣкоторыми другими городами по обоимъ берегамъ Одера; право на остальную Померанію (условно, въ случаѣ прекращенія мужской линіи бранденбургскаго дома); островъ Рюгенъ, городъ и портъ Висмаръ, архіепископство бременское и епископство верденское.

[3] Голландія была признана Испаніею по договору въ Мюнстерѣ 30 января 1648 г., съ уступкою голландскимъ штатамъ завоеванныхъ ими мѣстностей въ Брабантѣ, Фландріи и Лимбургѣ. 14-ю статьею договора Шельда объявлена закрытою.—Швейцарія, de facto давно уже бывшая республикою, формально признана въ Оснабрюкѣ вполнѣ независимою отъ феодальнаго верховенства императора. (См. *Garden*, I. 235, гдѣ приведенъ примѣръ юрисдикціи имперскаго суда надъ Базелемъ, 1631 г.).

Digitized by Google

этимъ нормальнымъ годомъ былъ принятъ тоже 1624 годъ. Точно такъ-же лица, бывшія до этого года католиками или протестантами, остаются ими съ полными правами. Всѣмъ диссидентамъ, далѣе, предоставлено гражданское полноправіе вездѣ, кромѣ доменовъ габсбургскаго дома. Послѣднее исключеніе повело къ весьма важнымъ послѣдствіямъ. Во внутренней политикѣ габсбурговъ, въ концѣ XVII ст., мы видимъ ужасные факты. Цѣлыя тысячи тирольскихъ семей эмигрируютъ въ 1685 г. Даже въ 1731 г., изъ долины Зальца 31.000 крестьянъ была принуждена къ эмиграціи въ Голландію, сѣверную Германію и, кажется, въ Америку[1].— Такова часть вестфальскаго конгресса несовершенная, правда, но самая важная для Германіи.

Политическое вліяніе этого трактата на Германію выразилось въ слѣд.: 1) имъ было завершено политическое ослабленіе габсбургскаго дома и остановлено стремленіе его къ объединенію Германіи подъ знаменемъ католицизма; 2) ослаблено чрезъ это вліяніе центральныхъ имперскихъ учрежденій на независимость нѣмецкихъ князей, ландграфовъ, курфюрстовъ; 3) бранденбургскій курфюрстъ вмѣстѣ съ саксонскимъ, сдѣлавшись главными представителями протестантскихъ интересовъ, усилились нравственно и политически и положили твердое основаніе для возвышенія той державы, которая скоро сдѣлалась естественною противницею габсбургскаго дома и около которой собралось все сильное въ протестанской Германіи (довершилъ это въ 1660 г. оливскій миръ). Слѣд., корень того, что мы видимъ на нашихъ дняхъ, принадлежитъ вестфальскому конгрессу[2]. Германія по этому конгрессу была оставлена въ раздробленномъ видѣ, и устройство имперіи изъ

[1] Ср. *Bernard*, I. 43, 44.— *Garden* I. 178, 179.—О нормальномъ годѣ и различныхъ примѣненіяхъ его см. *Garden*, 192—211.

[2] Территорія бранденбургская увеличена присоединеніемъ слѣдующихъ владѣній: епископствъ гальберштатскаго, минденскаго и каминскаго (секуляризованныхъ, т. е. обращенныхъ въ свѣтскія княжества), герцогства клевскаго и графства равенсбергскаго.

Digitized by Google

365 государствъ (или сильныхъ, или ничтожныхъ) было федеративное. Это устройство удержалось, впрочемъ, только до эпохи революціонныхъ войнъ, до 12 іюля 1806 г., когда былъ учрежденъ рейнскій союзъ, и до 6 августа (1806), когда пала германская имперія, т. е. когда австрійскій императоръ отказался отъ цезарскаго титула. Конституція германской имперіи по вестфальскому миру представляетъ весьма несовершенный видъ федераціи: власть законодательная и судебная принадлежитъ императору, который, впроч., дѣлитъ первую съ рейхстагомъ (коллегіи курфюрстовъ, принцевъ, городовъ) и вторую съ имперскими судами (начало ихъ относится къ концу XV стол.). Власть императора ограничена сословными представителями, между которыми наиболѣе вліянія имѣли двѣ первыя коллегіи. Голоса были или единичные, единоличные (Viril-Stimme, viriatim), или коллегіальные (Curial-Stimme). Собранія бывали полныя (Plenar-Sitzung) и малый сеймъ изъ 24 депутатовъ, при 4-хъ отъ городовъ. Что въ имперскомъ судѣ преобладалъ католическій элементъ,—это видно изъ того, что изъ 50 ассесоровъ, которые должны были по вестфальскому конгрессу быть въ составѣ суда, 26 были католики. Перевѣсъ же аристократовъ можно видѣть изъ того, что сеймъ, раздѣленный на коллегіи курфюрстовъ, принцевъ и имперскихъ городовъ, вотировалъ обыкновенно такъ, что коллегіи курфюрстовъ и принцевъ соединялись съ императоромъ и большинствомъ побивали среднюю коллегію. Кромѣ того, только членамъ коллегій курфюрстовъ и принцевъ принадлежало право подавать голоса viriatim, горожане же вотировали коллегіально. Но полное собраніе засѣдало очень рѣдко, и всѣ дѣла вѣдались малымъ сеймомъ. Права императора были крайне ограниченны, къ reservata imperatoria относилось право назначать нотаріусовъ и оказывать защиту иновѣрцамъ; императоръ не могъ объявлять войны или отчуждать территорію безъ сейма. Положеніе Landsherr'овъ, возвысившихся съ XIII ст., по вест-

Digitized by Google

фальскому договору еще болѣе усилилось и стало подходить, по выраженію Мозера, подъ понятіе безцеремоннаго деспотизма (sublimirter Despotismus). И такъ, отвѣчая на вопросъ—какую конституцію далъ вестфальскій договоръ Германіи, этому обширному политическому тѣлу, мы должны сказать, что эта конституція далеко не отвѣчаетъ истинному понятію о федеративномъ союзѣ. Пуффендорфъ, въ своемъ сочиненіи De statu imperii romani, изданномъ въ 1660 г. подъ псевдонимомъ *Северина де-Монзамбано* (гл. VI), затрудняется даже—къ какой формѣ отнести германскую конституцію: «это — неправильное и чудовищное (monstro simile corpus) тѣло, такъ-какъ, по причинѣ буйства и непокорности князей и епископовъ, Германію нельзя отнести ни къ неограниченной монархіи, ни къ системѣ федеративныхъ (соединенныхъ) государствъ; она представляетъ собою нѣчто среднее, колеблющееся между тѣмъ и другимъ». — Никто не станетъ отрицать недостатковъ въ политическомъ устройствѣ Германіи по вестфальскому миру, и ясно, что произошли они по двумъ причинамъ: 1) вслѣдствіе эгоизма и сепаративныхъ стремленій Landsherr'овъ, и 2) вслѣдствіе вліянія французской дипломатіи. Та политика, которая взяла перевѣсъ на вестфальскомъ конгрессѣ, политика Сервьена и Даво, есть вѣрное исполненіе завѣщанія Ришелье и Мазарини: Франція будетъ сильна, когда будутъ слабы сосѣди. Но нельзя упускать изъ виду, что если-бы габсбургскому дому удалось ослабить Landsherr'овъ и стать во главѣ болѣе объединенной германской федераціи, то подобный результатъ былъ бы весьма опасенъ для всей Европы. «Въ концѣ концовъ, говоритъ графъ Гарденъ[1], война и трактаты имѣютъ ту цѣль, чтобы установить такой порядокъ, при которомъ *сила могла бы предупреждать злоупотребленіе силою* (où la force previenne l'abus de la force). И въ этомъ смыслѣ можно основательно сказать, что миръ,

[1] I, 250.

Digitized by Google

окончившій 30-лѣтнюю войну, былъ благомъ для Европы и произвелъ желанное дѣйствіе: держава, долго угрожавшая всѣмъ прочимъ, была сдавлена въ болѣе тѣсныхъ предѣлахъ, и противовѣсомъ ея сдѣлались Франція и Швеція». Вообще, какъ бы строго ни судили дипломатію вестфальскаго конгресса, нельзя забывать, что здѣсь провозглашено равенство трехъ исповѣданій, закрѣплено политическое верховенство многихъ государствъ и въ томъ числѣ двухъ знаменитыхъ республикъ — голландской и швейцарской, гдѣ нашли для себя надежный пріютъ свобода совѣсти, печати и независимость трезвой политической мысли въ борьбѣ съ инквизиціею и хроническимъ терроромъ габсбурговъ и бурбоновъ. Небезразлично для будущаго развитія международнаго союза то обстоятельство, что въ центрѣ Европы поставлена была не абсолютная держава католическихъ цезарей, но федерація, при которой сдѣлалось возможнымъ возвышеніе Пруссіи, какъ представительницы протестантизма.

Очеркъ международныхъ отношеній и литературы международнаго права отъ вестфальскаго конгресса до утрехтскаго мира.

§ 9. Послѣ вестфальскаго конгресса начинается новый періодъ развитія международнаго права подъ вліяніемъ этого знаменитаго трактата между Австріею, Франціею, Швеціею и ихъ союзниками — князьями германской имперіи. Но не смотря на вестфальскій миръ, не были прекращены военныя дѣйствія между Испаніею и Франціею, вслѣдствіе честолюбія и эгоистическихъ разсчетовъ обоихъ правительствъ. Испанія надѣялась выполнить свои замыслы относительно Каталоніи и Португаліи, а Францію занимали разсчеты кардинала Мазарини, о которомъ Шелль (въ Исторіи трактатовъ, I. 15) говоритъ слѣдующее: «миръ, если-бы онъ наступилъ за предѣлами Франціи, казался для Маза-

Digitized by Google

рини вреднѣе, такъ-какъ тогда, внутри Франціи, могли бы начаться волненія, и потому-то кардиналъ желалъ войны, складывая всю отвѣтственность на Испанію»[1]. Испанія вмѣстѣ съ папою Иннокентіемъ X и нунціемъ Фабіо Чиги протестовали противъ вестфальскаго мира, и мотивами этого протеста были: для Испаніи — присоединеніе Эльзаса къ Франціи, а для папы — диссиденты и кальвинисты, приравненные къ католикамъ по вестфальскому миру. Успѣхи маршала Тюреня въ Дюнкирхенѣ и во Фландріи, пораженіе Донъ-Жуана австрійскаго и бѣгство Конде — склонили, наконецъ, Испанію къ примиренію. Начались переговоры въ 1656 году, и, черезъ 3 года, былъ заключенъ пиренейскій миръ (между С. Себастьяномъ и Сенъ-Жанъ-Делюцемъ), по которому Франція округлила линію своихъ владѣній пріобрѣтеніемъ земель къ югу отъ пиренейскихъ горъ и во Фландріи, а Людовикъ XIV былъ объявленъ женихомъ Маріи Терезіи. Этотъ миръ, по замѣчанію Шелля, былъ весьма выгоденъ и почетенъ для Франціи; независимо отъ территоріальныхъ приращеній, Франція взяла теперь еще большій перевѣсъ надъ габсбургами въ Австріи и Испаніи и получила такимъ образомъ сильное политическое преобладаніе въ Европѣ. Но, къ сожалѣнію, успѣхи эти не удовлетворили честолюбія правителей Франціи, — и, въ теченіе почти 60 лѣтъ послѣ вестфальскаго мира, международныя отношенія западно-европейскихъ государствъ были возмущаемы безпрерывными войнами вслѣдствіе притязаній Людовика XIV на прирейнскія земли, Голландію, Испанію съ ея фландрскими провинціями и колоніями. Дипломаты поглощены были заботами о политическомъ равновѣсіи, которому грозила опасность оттуда, откуда сдержаны были, въ свое время, не менѣе опасныя притязанія габсбургско-австрійскаго дома. Цѣлый рядъ войнъ окончился слѣдующими мирными трактатами: война Людовика XIV за фландрскія про-

[1] Ср. *Garden*, I. 166, 167.

Digitized by Google

винціи окончилась ахенскимъ трактатомъ 1668 года; война съ Голландіею — нюмвегенскимъ миромъ, въ 1678 году, и наконецъ война Людовика XIV противъ германцевъ и ихъ союзниковъ, составившихъ коалицію по поводу притязаній французскаго короля на части германской территоріи, заключилась рейсвикскимъ миромъ 1697 года. Надо замѣтить, что во все это время въ дипломатіи были въ большомъ ходу союзы и коалиціи, захватывавшія многія государства центральной, южной и западной Европы. Голландія соединялась то съ Франціею, то съ Испаніею, смотря потому, какая изъ этихъ державъ была болѣе опасна для нея. Главнымъ двигателемъ безпрестанно мѣнявшихся союзовъ была вышеуказанная идея политическаго равновѣсія, преемственно перешедшая, въ концѣ XV столѣтія, отъ итальянскихъ дипломатовъ къ французскимъ и инымъ западноевропейскимъ ученикамъ ихъ. Въ связи съ такою системою мѣръ (союзовъ etc.) къ сохраненію международнаго status quo находятся принципъ и практика вмѣшательства въ религіозныя дѣла чужихъ государствъ въ теченіе всего XVI и первой половины XVII столѣтій. По ахенскому миру 1668 г. Людовикъ XIV получилъ нѣсколько городовъ съ ихъ территоріями въ нынѣшнихъ сѣв. департаментахъ Франціи и отчасти въ нынѣшней Бельгіи, въ-замѣнъ Франшконте, возвращеннаго Испаніи. Нюмвегенскій миръ, заключенный между Франціею, Голландіею, Испаніею, императоромъ и имперскими князьями, призналъ вторично независимость Голландіи и далъ санкцію Франціи на владѣнія, пріобрѣтенныя ею по предыдущему миру. Людовикъ XIV подтвердилъ силу вестфальскаго договора въ Мюнстерѣ, который долженъ былъ составлять такимъ образомъ прочное основаніе взаимной дружбы, довѣрія и общаго спокойствія. Французскому правительству по нюмвегенскому миру воспрещено было держать гарнизонъ въ Филиппсбургѣ, но за-то оно получило герцогство Лотарингію, правитель котораго протестовалъ противъ нюмве-

Digitized by Google

генскаго мира и вмѣстѣ съ сыномъ уѣхалъ за границу, откуда возвратился лишь по рейсвикскому договору. Договоромъ въ Рейсвикѣ окончилась послѣдняя война Голландіи съ французами, подтверждено изгнаніе Іакова II и воцареніе Вильгельма Оранскаго въ Англіи. Противъ Франціи составилась коалиція изъ Англіи, Испаніи и Савоіи, и, не смотря на успѣхи французскаго оружія, Людовикъ XIV долженъ былъ уступить, предвидя новый, болѣе важный вопросъ: кому воспользоваться испанскимъ наслѣдствомъ? По рейсвикскому миру, Людовикъ XIV вновь призналъ политическую перемѣну въ конституціи Англіи и силу вестфальскаго договора, заявивъ объ окончаніи всякихъ споровъ съ Германіею относительно неясныхъ статей мюнстерскаго трактата. Всѣ пріобрѣтенія Франціи, сдѣланныя по приговорамъ присоединительныхъ камеръ и на основаніи ихъ кляузныхъ рѣшеній, были отобраны; господство Франціи было признано и утверждено надъ тѣми внутренними частями Эльзаса, которыя до 1697 года находились въ ленной зависимости отъ императора. Такимъ образомъ епископъ стразбургскій, дворяне верхняго, нижняго Эльзаса и жители 10 имперскихъ городовъ окончательно пріобрѣли новаго и полновластнаго сюзерена — Людовика XIV[1].

Война за испанскій престолъ. Людовикъ XIV, супругъ инфанты Маріи Терезіи, по пиренейскому трактату въ 1659 г. отказался за себя, за жену и за все свое потомство отъ правъ наслѣдованія на испанскій престолъ. Но слабый тѣломъ и духомъ Карлъ II, послѣдній изъ габсбурговъ, былъ близокъ къ кончинѣ, и вниманіе всѣхъ дипломатовъ, особенно французскихъ, обратилось на Испанію. У Карла II началась агонія за-долго до смерти, и европейскія державы у самой постели умираю-

[1] Ср. *Wheaton*, Histoire. I. 107—110 etc. *Garden*, Histoire. I. Introd. XXVI—XXXIII. *Laurent*, T. XI.

Digitized by Google

щаго заняты были интригами по поводу того, какъ поступить съ открывающимся богатымъ наслѣдствомъ. Претендентами на Испанію явились Людовикъ XIV въ интересахъ своихъ нисходящихъ, императоръ и курфирстъ баварскій. Несчастнаго Карла II окружали толпы придворныхъ, подкупленныя иноземною интригой, подъ вліяніемъ которой онъ объявилъ наконецъ своимъ общимъ, единственнымъ наслѣдникомъ (universus haeres) герцога анжуйскаго, а въ случаѣ его смерти—герцога беррійскаго (внука Людовика XIV); за ними поставленъ былъ наслѣдникомъ эрцгерцогъ австрійскій и послѣ всѣхъ герцогъ савойскій. Такимъ образомъ притязанія Людовика XIV получили противъ себя извѣстнаго рода corpus delicti въ завѣщаніи Карла II. Но австрійскій императоръ, курфирстъ баварскій и герцогъ савойскій, въ виду формальнаго отказа французскаго короля въ 1659 г., не могли уступить первенства бурбонской линіи, и началась война, закончившаяся послѣ продолжительныхъ кровопролитій миромъ 1713 г. въ Утрехтѣ. По этому миру, на престолъ испанскій допускался Филиппъ, внукъ Людовика XIV (бурбонская отрасль), съ тѣмъ условіемъ, чтобы никогда уже впредь испанская корона не соединялась съ французскою. Вмѣстѣ съ испанскою территоріею къ французско-бурбонской линіи переходили и заморскія колоніи, но Бельгія, Миланъ и королевство обѣихъ Сицилій были переданы австрійскимъ габсбургамъ. Вновь и окончательно признана политическая перемѣна въ Англіи (револ. 1688 г.) и корона ея за ганноверскимъ домомъ, и Людовикъ XIV на-всегда отказался отъ поддержки Стюартовъ. Важность утрехтскаго мира для Европы и Франціи несомнѣнна: послѣ всѣхъ войнъ Людовика XIV съ цѣлью захвата чужихъ владѣній, трактатъ утрехтскій для Франціи имѣлъ то-же значеніе, что и вестфальскій миръ для Австріи, т. е. онъ положилъ предѣлы честолюбію французскаго короля. Для Европы утрехтскій договоръ былъ новымъ примѣне-

Digitized by Google

ніемъ принципа политическаго равновѣсія и тѣхъ идей относительно вмѣшательства одного государства въ дѣла другого, которыя стали дѣйствовать въ европейской политикѣ со времени Гуго Гроція и особенно со времени вестфальскаго трактата. Вмѣстѣ съ подтвержденнымъ и въ 1713 году вестфальскимъ трактатомъ, договоръ утрехтскій составилъ эру для Европы. Мы видимъ, что всѣ договоры до половины XIX ст. подтверждаютъ статьи мира 1713 года. Частныя измѣненія его были въ 1738 г., когда королевство обѣихъ Сицилій вновь было уступлено бурбонской отрасли, за-тѣмъ только въ 1801 г. (люневильскій) и въ 1802 г. (амьенскій договоръ) не упоминались, съ подтвержденіемъ ихъ, статьи утрехтскаго мира. Однако вѣнскій конгрессъ 1814 г. вновь призналъ силу многихъ статей трактата 1713 г. Конечно, послѣ событій 1859, -66 и -70 г. статьи утрехтскаго договора потеряли свой raison d'être, такъ-что мы никакъ не можемъ считать этотъ договоръ (подобно Уитону) имѣющимъ значеніе и теперь для центральной Европы[1].—Не смотря на многія измѣненія къ лучшему въ европейской дипломатіи разбираемаго нами періода времени, не смотря на то, что дипломатія стремится, чаще прежняго, къ примѣненію началъ справедливости и равновѣсія, въ общемъ выводѣ мы не можемъ назвать эпоху эту свѣтлою. Мирныя идеи и pia desideria Гуго Гроція въ его третьей книгѣ De jure belli ac pacis раздѣлялись лишь немногими избранными людьми, а почти всюду преобладала школа политическихъ дѣятелей, которые подъ государственнымъ интересомъ разумѣли разширеніе территоріи и увеличеніе казны на чужой

[1] Ср. *Wheaton*, Histoire. I. 115 etc. 128. — *Schoell*, Histoire abrégée etc. I. 187 etc. — *Flassan*, Histoire. I. IV. 183 etc. *Mignet*, Négotiation, relative à la succession d'Espagne etc. I—IV (1835—1842). *Capefigue*, Louis XIV etc. IV, ch. LIII. — Его-же: Diplomatie de la France et d'Espagne etc. 1846. — *Giraud*, Le traité d'Utrecht, 1847 etc.

Digitized by Google

счетъ per fas et nefas. Не было конца кляузнымъ споламъ изъ-за наслѣдствъ и захватыванія различныхъ земель. Меркантильная система, торговыя компаніи, притѣсненія нейтральной торговли посредствомъ стѣснительныхъ правилъ о морскихъ призахъ,— вотъ картина конца XVII и первой четверти XVIII вѣковъ въ международныхъ отношеніяхъ западной Европы. Морское военное и морское торговое право получили въ этомъ періодѣ весьма важное значеніе и сдѣлались предметомъ научныхъ работъ, которыя, такъ-сказать, слѣдовали за практикою. Континентальныя войны между Испаніею, Голландіею, Франціею, Англіею и Португаліею не могли не переродиться въ морскія, которыя стали съ перваго раза отличаться большою суровостью, отчего обыкновенно терпѣли ни въ чемъ неповинные купцы нейтральныхъ государствъ. Даже система сборника Consolato del mare была лучше системы ордонанса Людовика XIV 1681 г. относительно морскихъ призовъ. На основаніи Consolato del mare, нейтральный грузъ на непріятельскихъ корабляхъ свободенъ, а непріятельскій грузъ на нейтральномъ кораблѣ составляетъ законный призъ; правило это принято выражать въ литературѣ морскаго международнаго права аористическимъ положеніемъ: «флагъ не покрываетъ (не защищаетъ) груза, но и не конфискуетъ его»[1]. Ордонансомъ же 1681 г. было проведено такое правило: не только нейтральный флагъ не спасаетъ непріятельскаго груза, но и нейтральный грузъ конфискуется на кораблѣ непріятельскомъ. Мало того: еще со времени пиренейскаго мира, Франція старалась ввести правило, подтвержденное въ 1681 г., что «La robe de l'ennemi confisque celle d'ami (т. е. нейтральное судно конфискуется вмѣстѣ съ перевозимымъ грузомъ непріятельскимъ). Испанія поспѣшила сейчасъ-же принять эту систему, но Голландія и другія нейтральныя госу-

[1] Le pavillon ne couvre pas la cargaison et ne la confisque pas.

Digitized by Google

дарства не могли допустить ея, потому что были чисто коммерческими державами, для которыхъ свобода морской торговли во время войны была вопросомъ жизни и смерти. Отсюда является цѣлый рядъ трактатовъ съ половины XVII ст. между Голландіею, Англіею, Скандинавіею, пытавшихся ограничить или уничтожить систему 1681 года: это договоры — 1654 г. между Англіею и Португаліею, 1677 г. между Англіею и Франціею и 1688 г. между Англіею и Голландіею[1]. Военная контрабанда также должна была сдѣлаться вопросомъ дня.

Подъ контрабандою до XVIII столѣтія разумѣли лишь припасы и товары, непосредственно служащіе цѣлямъ войны. Но въ этомъ столѣтіи, подъ вліяніемъ жестокихъ континентальныхъ и морскихъ войнъ, замѣтно стремленіе разширить понятіе о контрабандѣ; внутри государствъ издаются законы, которые относятъ сюда матеріалы, служащіе для постройки кораблей: дерево, пеньку, смолу, веревки и т. п. Но вопросъ о контрабандѣ составлялъ очень важный предметъ для торговли нейтральныхъ государствъ, и потому являются постановленія, въ которыхъ желаютъ точно опредѣлить, что такое военная контрабанда, и къ половинѣ XVIII ст. уже всѣ соглашаются, что не одни военные припасы, но и матеріалы, косвенно служащіе для военныхъ цѣлей, составляютъ контрабанду[2].

Третій коренной вопросъ въ морскомъ правѣ составляетъ блокада портовъ (подъ которою разумѣется такое положеніе приморскаго

---

[1] Ср. *Wheaton*, Histoire. I. 164 etc. Эпоха утрехтскаго трактата важна и для исторіи морскаго международнаго права, такъ-какъ послѣ подписанія главнаго договора, заключены были торговыя соглашенія между Англіею, Франціею и Голландіею и провозглашено правило: vaisseaux libres—marchandises libres; vaisseaux ennemis—marchandises ennemies (т. е. всѣ товары подъ нейтральнымъ флагомъ свободны, какъ несвободенъ всякій грузъ подъ флагомъ непріятельскимъ).

[2] *Wheaton*, I. 169 etc. *Heffter*, §§ 158—160.—*Hautefeuille*, Histoire, pp. 176 etc.

Digitized by Google

порта, когда въ него запертъ входъ съ моря наблюдающими [блокирующими] кораблями какой-либо воюющей державы). Когда блокада была дѣйствительною, т. е. когда de facto оцѣпленъ портъ, въ такомъ случаѣ она должна быть хранима. Споры изъ-за блокады возникли потому, что европейскія державы пытались установить фиктивную блокаду, т. е. ограничивались однимъ объявленіемъ извѣстнаго приморскаго города въ блокадномъ состояніи, чѣмъ и уничтожалось сношеніе его съ нейтральными государствами. Слѣдовательно, корсары, получившіе полномочіе морской полиціи, имѣли право безнаказанно схватывать корабли, входящіе въ подобный портъ. Понятно, что такой порядокъ былъ очень стѣснителенъ для морской торговли, и подобной блокады не могли потерпѣть нейтральныя государства. XVII столѣтію принадлежитъ много трактатовъ, гдѣ блокада вводится въ нормальные предѣлы[1]. Въ связи со всѣмъ этимъ стоитъ вопросъ о такъ называемомъ droit de visite (право осмотра), которое возникло изъ обычая захватывать непріятельскіе призы: въ самомъ дѣлѣ, прежде чѣмъ захватить корабли, нужно осмотрѣть ихъ, — и государства, посылавшія флотиліи каперовъ съ цѣлью добычи, давали имъ полномочіе на право осмотра или droit de visite. Но такой обычай — всходить на корабли для осмотра — уничтожалъ достоинство флага и велъ за собою много злоупотребленій; поэтому Англія не допускала его совсѣмъ, а Голландія — только въ нѣкоторыхъ случаяхъ. Надо замѣтить, что очень часто извѣстное государство, отказавшееся въ своихъ интересахъ отъ права осмотра, въ военное время опять возстановляло его. Какъ одно изъ средствъ ослабить и предупредить злоупотребленія правомъ осмотра былъ конвой изъ военныхъ кораблей заинтересованной державы. Конвоированіе так-

[1] Трактаты эти перечислены въ названныхъ уже сочиненіяхъ Уитова, Готфейля и др., подъ рубрикою «блокада». Ср. *Calvo*, pp. 34, 35.—*Kent's* Comment. Chapt. IX, pp. 353 etc.

Digitized by Google

же опредѣлялось по трактатамъ, между которыми первымъ былъ договоръ 1604 г. Франціи съ Оттоманскою портою. За нимъ слѣдовали другіе. Но въ половинѣ XVII ст. голландскіе корабли подвергались, не смотря на конвой, великимъ притѣсненіямъ со стороны корсаровъ англійскихъ. Свобода морей составляла въ это время вопросъ и трактатовъ, и научныхъ сочиненій, такъ-какъ мы знаемъ, что еще Гуго Гроцій въ 1609 году посвятилъ этому предмету свое сочиненіе Mare liberum. Черезъ 30 лѣтъ, противъ него выступилъ Сельденъ и издалъ книгу Mare clausum, съ цѣлью научно защитить притязаніе англійскаго правительства на исключительное господство въ британскихъ моряхъ. Противъ этого сейчасъ-же протестовала Франція, которая даже объявила Англіи войну, и Голландія. Послѣдняя однако должна была однажды подчиниться взгляду Англіи въ особо заключенномъ договорѣ, но всего только однажды, да и договоръ этотъ не составляетъ такого прецедента, который бы установлялъ общія начала. Споры между Испаніею и Португаліею относительно остъ-индскихъ морей закончились, какъ мы уже знаемъ, тордезильскимъ договоромъ. Данія также объявила свои притязанія на зундскій и бельтскій проливы, на что она отчасти имѣла основаніе, такъ-какъ проливы эти были ея территоріальными водами. Шпейерскій трактатъ XIV ст. призналъ это право за Даніею, но Ганза, въ интересахъ своей торговли, стремилась уничтожить пошлины, взимаемыя Даніею на этихъ проливахъ. Нужно было взять силою, и съ XVI ст. являются торговыя лиги, войны съ которыми заставляютъ Данію отказаться отъ своего права въ 1642 г. въ пользу голландскихъ судовъ, а въ 1644 году въ пользу Швеціи.

Примѣч. Не одни торговые и морскіе вопросы занимали сѣверъ Европы: доказательствомъ могутъ служить трактаты оливскій, копенгагенскій (1660) и кардисскій, замирившіе споры и войны между скандинавскими государствами, Польшею, Россіею

Digitized by Google

(Московіею—по тогдашнему выраженію всѣхъ дипломатовъ). Лучшій историкъ трактатовъ (*графъ Гарденъ*, XXVIII, XXIX) замѣчаетъ, что вышеупомянутые договоры были для сѣверныхъ народовъ тѣмъ-же, чѣмъ трактаты вестфальскій, ахенскій, нимвегенскій и рейсвикскій для запада и юга Европы. Немалое значеніе придаетъ имъ *Уитонъ* (Histoire. I, p. 100). Сходство оливскаго и кардисскаго договоровъ съ вестфальскимъ заключается между прочимъ въ томъ, что, подобно instrumenta pacis, которыми обмѣнялись представители западно-европ. державъ въ Мюнстерѣ и Оснабрюкѣ, рѣшенія и клятвы о вѣчной дружбѣ въ Оливѣ, Копенгагенѣ и Кардисѣ не могли предупредить неизбѣжныхъ и серіезныхъ столкновеній между сосѣдями. Столкновенія эти подготовлялись постепеннымъ разложеніемъ Польши и такимъ-же возвышеніемъ Россіи. Искра пожара зажглась при вступленіи на престолъ Швеціи талантливаго солдата Карла XII единовременно съ царствованіемъ въ Россіи величайшаго изъ геніевъ всемірной исторіи. Въ 1703 г. С.-Петербургъ внезапно возникъ въ виду Штокгольма на берегу Ингерманландіи. Въ 1709 г. бой полтавскій изумилъ Европу, которая должна была принять въ число членовъ своей политической системы обновленную Россію.

Таково, въ общихъ чертахъ, содержаніе международныхъ отношеній въ періодъ времени отъ вестфальскаго мира по 1714 годъ. Наука международнаго права, опираясь на Гуго Гроція, дѣлается уже болѣе или менѣе замѣтною величиною. Между публицистами въ то время являются ученики и почитатели Гуго Гроція, и съ другой стороны—его антагонисты. Къ первымъ принадлежитъ Пуффендорфъ († 1692 г.), «De jure naturæ et gentium» котораго нужно отнести къ числу строжайшихъ учителей естественнаго права, доказывающихъ, что источникъ международнаго права нужно искать въ одномъ разумѣ. Далѣе, къ почитателямъ Г. Гроція же принадлежитъ Лейбницъ, который впервые собралъ трактаты и издалъ ихъ съ своими замѣчаніями; но вообще его вліяніе на международное право не велико. За-тѣмъ можно назвать Зёча или Цухеуса (Zouch, Zucheus), впервые

Digitized by Google

употребившаго терминъ: международное право — jus inter gentes. Въ 1703 г. появилось замѣчательное сочиненіе Бенкерсгука (1673—1743) «De dominio maris» (О владычествѣ надъ морями), которое до послѣдняго времени считается капитальнымъ по морскому праву (между прочимъ Каченовскій обращаетъ на него особенное вниманіе). Послѣ утрехтскаго мира Бенкерсгукъ издалъ еще разсужденіе о подсудности пословъ и Quæstiones juris publici. Въ первой четверти XVIII ст. появился переводъ книги Грота француза Барбейрака. Между учеными, отступавшими отъ строгой системы естественнаго права, какъ единственной нормы международныхъ отношеній, можно назвать Рахеля, который, сходясь въ этомъ съ Бенкерсгукомъ, ищетъ основаній международнаго права отчасти въ началахъ разума, а отчасти въ обычаяхъ и трактатахъ. Томасъ Гоббсъ (1588—1679), авторъ сочиненія «О гражданинѣ» (De cive), хорошо извѣстнаго по своему воззрѣнію на естественное состояніе людей, какъ на вѣчную войну. Отсюда понятно ученіе Гоббса, что нѣтъ и не можетъ быть положительнаго международнаго права, единственнымъ источникомъ котораго долженъ служить естественный разумъ, или ratio. Другими словами: нѣтъ отличія между Jus gentium и Jus naturæ по существу, а только по субъекту: въ международномъ правѣ субъектъ — государство, а въ естественномъ правѣ — отдѣльный человѣкъ. Кромѣ Бенкерсгука, вопросами морскаго международнаго права и посольскаго права занимались въ это время: Локценіусъ (шведскій профессоръ †1677 г.), который часто цитируется въ англійскихъ сочиненіяхъ; Моллой (†1690) также очень популярный писатель въ Англіи; Ліолайнъ Дженкинсъ (Leoline Jenkins, †1684), судья высшаго адмиралтейскаго трибунала въ Англіи, рѣшенія котораго имѣли большое вліяніе на юриспруденцію англійскихъ призовыхъ судовъ; Абраамъ Викефоръ, уроженецъ Амстердама (†1719), сочиненіе котораго «О посланникѣ и его обязанно-

Digitized by Google

стяхъ» (L'Ambassade et ses fonctions) издано незадолго до смерти автора и имѣетъ такъ много достоинствъ, что до сихъ поръ считается однимъ изъ пособій по вопросамъ посольскаго права[1]. Для частнаго международнаго права имѣютъ значеніе (по вопросу о столкновеніи законовъ различныхъ государствъ): Доматъ (авторъ извѣстнаго сочиненія «Les lois civiles dans leur ordre naturel»), голландскіе цивилисты — Губеръ, Футъ, (Voet) и нѣкоторые другіе.

Замѣтка о барьерныхъ трактатахъ. Незадолго до утрехтскаго мира, 29 октября 1709 года, заключенъ былъ въ Гагѣ дотолѣ еще невстрѣчавшійся трактатъ — Traité de la barrière, который имѣлъ цѣлью—поставить преграды завоевательной политикѣ французскаго короля. Содержаніе его слѣдующее: 1) Голландія гарантируетъ обладаніе британскою короною въ протестантской линіи ганноверскаго дома на основаніи парламентскаго акта, передавшаго престолъ Вильгельму I Оранскому, и 2) Англія обязуется доставить Голландіи право держать гарнизоны въ нынѣшнихъ бельгійскихъ провинціяхъ, при чемъ извѣстная часть доходовъ съ этихъ провинцій должна идти въ кассу Голландіи для содержанія гарнизоновъ. Но трактатъ 1709 г. продержался недолго: въ 1711 году второй барьерный трактатъ ограничиваетъ число тѣхъ крѣпостей, гдѣ могли содержаться голландскіе гарнизоны, но удерживаетъ слѣдующую

---

[1] См. о Викефорѣ и его сочиненіи подробно у *Уитона*, Исторія международнаго правъ. I, 288: L'ambassadeur et ses fonctions. Cologne. 1679. — Ср. тамъ-же о *Бенкерсгукѣ* (244 стр.). Сочиненіе *Пуффендорфа* (De jure naturæ et gentium, 1672) разсмотрѣно Уитономъ: Histoire etc. I, 128, 129 etc.— *Зетъ* (Zouch) и его книга: «Juris et judicii fecialis, sive juris inter gentes et quæstionum de eodem explicatio», стр. 141. Сравн. *Ompteda*. § 64. 130. — *Лейбницъ*, Ibidem I, стр. 139 etc. — *Рахель* и его послѣдователи (*Текторъ*, † 1701 и *Штруве*) въ борьбѣ противъ Пуффендорфа у *Омптеды* §§ 73, 74, 75. — *Уитонъ*. I. стр. 145.—См. объ остальныхъ: *Halleck*. I, § 18.—*Phillimore*, Comm. I, Pref. XII, XIII.—*Heffter*, Einleitung, § 9.

Digitized by Google

статью изъ договора 1709 года: «никакая часть бельгійскихъ или фландрскихъ провинцій не можетъ быть присоединяема къ Франціи или уступлена французскому принцу»[1]. Въ 1715 году былъ заключенъ между Австріею и Голландіею третій барьерный трактатъ, 3-ею статьею котораго опредѣлялось право обѣихъ державъ содержать совмѣстно гарнизоны въ бельгійскихъ провинціяхъ, чтобы противиться вторженіямъ со стороны Франціи; $^3/_5$ корпуса (отъ 30 до 40 тысячъ) должны содержаться Австріею, а $^2/_5$ Голландіею. Голландія занимаетъ спеціально поименованныя крѣпости. Англійское правительство является гарантомъ трактата и обязуется, въ случаѣ надобности, выставить 10.000 солдатъ для войны съ Франціею. Такимъ образомъ барьерные трактаты, съ одной стороны, пополняютъ утрехтскій договоръ и даютъ ему гарантію, а съ другой стороны показываютъ, что европейская политика всецѣло поглощена заботами о политическомъ равновѣсіи. Возникнувъ въ концѣ XVI и въ началѣ XVII ст., политическое равновѣсіе, изобрѣтенное итальянскими и развитое французскими политиками, обратилось теперь противъ самихъ-же французовъ, благодаря честолюбію и жадности къ пріобрѣтеніямъ Людовика XIV[2].

---

[1] См. *Schœll*, II, 163, 164.

[2] См. *Garden*, Histoire etc. I, XXXII, гдѣ онъ объясняетъ происхожденіе барьерныхъ трактатовъ, которые наглядно изображаютъ одинъ изъ самыхъ смутныхъ періодовъ въ исторіи международныхъ отношеній Европы «Страсть Людовика къ войнѣ—говоритъ Гарденъ—придаетъ особенный характеръ дипломатіи. Повсюду бродятъ честолюбивые замыслы о пріобрѣтеніяхъ; отсюда, съ другой стороны, различныя мѣропріятія и планы защиты, непрерывный рядъ союзовъ и средства, надъ которыми не задумывался Людовикъ, а именно: огонь и мечъ, *крайняя* ловкость въ переговорахъ, подкупы и тайные посланцы». Замѣчая о многочисленности торговыхъ, морскихъ и навигаціонныхъ трактатовъ, гдѣ Гарденъ присовокупляетъ: «Les traités et articles secrets, les articles *séparés*, n'étaient point connus dans les premiers temps des relations politiques, mais toutes ces choses se reproduisent fréquemment parmi les actes de Louis XIV; et il faut ajouter qu'antérieurement, sous le ministère de Richelieu, on avait même imaginé *des traités simulés*».

Digitized by Google

Очеркъ международныхъ отношеній отъ утрехтскаго мира до 1789 года.

§ 10. Отъ утрехтскаго мира до 1789 г. идетъ долгій (три-четверти вѣка) періодъ, о которомъ справедливо замѣчаютъ, что никогда еще европейская политика не подвергалась подобнымъ колебаніямъ. То было полное царство тѣхъ «вѣчныхъ союзовъ», о которыхъ было уже сказано на одной изъ первыхъ лекцій. Заключались они по капризу правителей и не направлялись къ инымъ цѣлямъ, кромѣ неограниченнаго честолюбія министровъ и крайняго эгоизма династическихъ интересовъ. Вся Европа дивилась тому зрѣлищу, какъ Филиппу V испанскому, ради котораго Людовикъ XIV возбудилъ всеобщую войну, пришлось воевать съ лигою изъ Англіи и Франціи, хотя въ послѣдней странѣ царствовалъ также одинъ изъ внуковъ Людовика XIV. Можно сказать вслѣдъ за Шёллемъ, что въ ту пору Европа не знала болѣе важныхъ интересовъ, кромѣ доставленія коронъ сыновьямъ королевы Елизаветы. Планы Альберони извѣстны; этотъ человѣкъ сдѣлалъ кое-что для поддержанія ослабѣвшей Испаніи: колоніи, войско, внутреннее управленіе,—все это было улучшено, благодаря ему; но въ то-же время Альберони представляетъ намъ едва-ли не самый рѣзкій типъ безпокойнаго политика и дипломата, неразборчиваго на средства. Ему, фавориту Елизаветы Фарнезе (супруги Филиппа V), тяжело было паденіе Испаніи, и онъ напрягъ всѣ усилія, чтобы уничтожить нѣкоторыя коренныя статьи утрехтскаго договора, между прочимъ ту, которая запрещала соединеніе испанской и французской коронъ. Альберони разсчитывалъ, что пятилѣтній Людовикъ XV могъ заболѣть и умереть и что, въ такомъ случаѣ, слѣдовало бы позаботиться о новомъ сліяніи двухъ бурбонскихъ коронъ на головѣ Филиппа V. Но если-бы судьба и помогла планамъ Альберони относительно

Digitized by Google

ранней смерти Людовика XV, то все же нужно было сдѣлать еще многое: уничтожить регентство и значеніе герцога орлеанскаго; ниспровергнуть постановленіе, подтвержденное рядомъ трактатовъ, о томъ, что престолъ Англіи наслѣдственъ въ протестантской линіи ганноверскаго дома; забыть клятвы французскихъ королей, что они отказываются отъ поддержки Стюартовъ, и посадить послѣднихъ на англійскій престолъ. И Альберони, и Елизаветѣ не было дѣла до того, къ чему бы повело это, лишь-бы только достигнуть своихъ цѣлей. Но замыслы Альберони скоро стали извѣстны европейскимъ дипломатамъ, во 1-хъ, потому, что ихъ и не маскировали особенно тщательно, а во 2-хъ, потому, что тогда была въ большомъ ходу система взаимныхъ шпіонствъ и интригъ между правительствами,—и вызвали противъ Испаніи quadruple alliance — четверной союзъ изъ Англіи, Голландіи, Франціи и императора. Однако четверной союзъ не сразу приступилъ къ войнѣ, а сначала были предложены Елизаветѣ въ пользу ея сыновей троны въ великомъ герцогствѣ тосканскомъ, въ Пармѣ и Пьяченцѣ. Но королева не удовольствовалась этимъ, и началась война въ 1719 году. Испаніи не повезло: французы одержали нѣсколько побѣдъ недалеко около С.-Себастьяна, и Филиппъ V смутился; начались переговоры въ Мадритѣ, а въ 1721 г. Филиппъ V самъ уже состоялъ членомъ того четвернаго союза, противъ котораго недавно враждовалъ. Такъ непрочно было умиротвореніе Европы, произведенное утрехтскимъ миромъ[1]. Въ 1739 г. возгорѣлась снова война между Испаніею и Англіею, въ которую вовлечена была и Франція. Наступилъ 1740 годъ, который принесъ Европѣ бѣдствіе кровопролитій ради австрійскаго наслѣдства. Въ этомъ году умеръ Карлъ VI, который употребилъ передъ тѣмъ всѣ

[1] Ср. для болѣе полнаго ознакомленія съ наступающимъ періодомъ *Уитока*, Histoire. I, 216 etc.—Ср. *Гардена*, Histoire générale des traités. III, 201 etc. *Лорана*, Hist. T. XI, 232 etc.—*Шелля*, Histoire I, p. 269 etc.

Digitized by Google

дипломатическія средства, чтобы обезпечить наслѣдство за дочерью своею Маріею-Терезіею. Съ этою цѣлію онъ издалъ прагматическую санкцію, которая получила международную силу и соблюденіе которой гарантировали многія европейскія державы, между прочимъ Фридрихъ I Вильгельмъ прусскій и Людовикъ XIV. Но когда умеръ Карлъ VI, то гаранты и другія державы посмотрѣли иначе на дѣло: явились конкурренты, которые объявили притязанія и на австрійскія провинціи и на самую имперію. Такими конкуррентами были—Баварія, Сардинія, Испанія, Пруссія, Саксонія и, что особенно поразительно, во главѣ этой коалиціи, желавшей на клочки разорвать наслѣдство Маріи-Терезіи, стоялъ французскій король, который самъ-же гарантировалъ прагматическую санкцію. Въ дипломатической перепискѣ по этому предмету Флери говоритъ, что обязательство Людовика XIV относительно прагматической санкціи не имѣетъ силы, потому что у французскаго короля была оговорка въ пользу трехъ лицъ (Elle—la France—réservait les droits d'un tiers).

Примѣч. Ср. у *Гардена*, I. XXXVIII, XXXIX замѣтку о «тайной дипломатіи» и о «черномъ кабинетѣ» (Cabinet noir) при Людовикѣ XV: «Cette institution curieuse, cette piquante anomalie remonte à Louis XIV, mais son établissement régulier ne date que de 1743 et elle ne prit une véritable consistance qu'après la paix de 1748». Такое тайное министерство, надзиравшее надъ оффиціальнымъ министерствомъ иностранныхъ дѣлъ, имѣло главною цѣлью—преслѣдовать всѣми мѣрами преемственную политику Генриха IV, Ришелье, Людовика XIV и кардинала Флёри (La suspection constante de l'Angleterre et l'abaissement de la maison d'Autriche). Отсюда понятно толкованіе кардинала Флёри относительно гарантіи французскаго короля въ пользу прагматической санкціи Карла VI.

Дѣйствительно, формулы обязательствъ гарантіи отличались большою двусмысленностью, но все-таки общій смыслъ въ данномъ случаѣ былъ таковъ, что прагматическая санкція должна быть исполнена въ интересахъ дочери Карла VI. Не лучше поступилъ въ этомъ дѣлѣ и Фридрихъ II, о которомъ извѣст-

Digitized by Google

но такъ много хорошаго и который былъ между прочимъ авторомъ сочиненія «Антимакіавелли» (сочиненіе это было исправлено Вольтеромъ). Въ Антимакіавелли король прусскій является жаркимъ поклонникомъ честности и взаимнаго довѣрія; громя Макіавелли, Фридрихъ говоритъ: «государи, предназначенные къ тому, чтобы сдѣлать людей счастливыми, обязаны много-много думать, прежде чѣмъ вызывать войну, которой человѣчество должно опасаться болѣе всего. Государи, которые смотрятъ на своихъ подданныхъ, какъ на рабовъ, конечно, легко вовлекаютъ въ войну своихъ подданныхъ, и безъ сожалѣнія видятъ ихъ погибель; но государи, глядящіе на подданныхъ, какъ на подобныхъ себѣ людей, —какъ на тѣло, въ которомъ они душа: такіе государи бережливы относительно крови своего народа». Но этотъ-же самый Фридрихъ II, сейчасъ-же послѣ смерти Карла VI, вторгся въ Силезію, не смотря на то, что отецъ его былъ гарантомъ прагматической санкціи. Началась война; счастье повезло Фридриху, и злополучная Марія-Терезія должна была уступить Силезію по бреславскому договору въ 1742 г. Въ 1745 г. Марія-Терезія вынуждена была вторично признать эту уступку, и Фридрихъ II окончательно вырвалъ изъ рукъ ея одну изъ старѣйшихъ провинцій Австріи. Въ 1748 г. собрался мирный конгрессъ въ Ахенѣ. Надо сказать, что заключеніе мира ускорилось благодаря вмѣшательству русскихъ на основаніи конвенціи, заключенной съ англійскимъ правительствомъ (Бестужевъ - Рюминъ). Русскіе быстро пошли къ Рейну, дипломаты испугались, и миръ былъ заключенъ. Ахенскій миръ 1748 г. подтвердилъ вестфальскій и утрехтскій трактаты съ слѣдующими измѣненіями: 1) Силезія окончательно присоединялась къ Пруссіи; 2) герцогство пармское, Гвастала, сдѣлалось достояніемъ сыновей Филиппа V, 3) признана была прагматическая санкція, и снова подтверждалось право протестантской линіи ганноверскаго дома на англійскую корону. По

Digitized by Google

ахенскому трактату Пруссія была введена въ разрядъ первоклассныхъ державъ и получила съ этихъ поръ большое значеніе между ними. За-тѣмъ Россія, укрѣпленная реформами Петра и прославленная побѣдами надъ Швеціею, сдѣлалась также видными членомъ въ политикѣ европейскихъ державъ. Но и ахенскій трактатъ, не смотря на постоянныя увѣренія заключившихъ его государствъ въ вѣчномъ мирѣ и дружбѣ, содержалъ въ себѣ сѣмена раздора. Скоро у Англіи съ Франціею начались пререканія относительно границъ въ Остъ-Индіи, причемъ англичане позволили себѣ репрессаліи надъ французскими торговыми судами, и такимъ образомъ началась семилѣтняя война. Явились 2 лиги: англо-прусская и австро-французская, къ которой пристали Саксонія и Россія. Фридрихъ II захватилъ Дрезденъ и обнародовалъ документы, которые предназначались къ тому, чтобы оправдать дѣйствія Фридриха передъ общественнымъ мнѣніемъ Европы. Фридрихъ ссылался на то, будто ему грозила опасность отъ политическаго союза, тайно заключеннаго между Австріею, Саксоніею и Россіею. Документы были написаны очень искусно, но и тогда многіе не повѣрили Фридриху. Одинъ изъ министровъ Фридриха II говоритъ слѣдующее: «если и былъ на самомъ дѣлѣ этотъ союзъ, то онъ обусловливался извѣстными непріязненными дѣйствіями со стороны Фридриха II»[1]. Но новѣйшіе историки положительно утверждаютъ, что того договора о союзѣ, который такъ напугалъ Фридриха, совсѣмъ не было. Война началась и велась съ большимъ ожесточеніемъ, при участіи Россіи, на континентѣ Европы, на океанѣ и въ колоніяхъ. Но Англіи удалось задавить своихъ соперницъ Францію и Испанію послѣ ряда блестящихъ побѣдъ сухо-

[1] См. *Schöll*, Hist. abrégé des traités de paix etc. I. 337. III, 28. — *Raumer*, Geschichte Friedrich des II-ens und seiner Zeit. S. 55, 277, 294. Подробно объ этомъ времени также у *Уитона*, Исторія международнаго права. 1. 223 etc. Ср. также: *Laurent*, XI, 284 etc. — *Flassan*, Hist. VI. — *Garden*, IV, 27 etc.

Digitized by Google

путныхъ и морскихъ. Въ 1763 г. былъ заключенъ трактатъ парижскій о мирѣ между Англіею, Испаніею и Франціею, и въ томъ-же году другой — въ Губертсбургѣ между Австріею и Пруссіею. Условія парижскаго трактата слѣд.: Франція уступила въ сѣверной Америкѣ почти всѣ свои владѣнія Англіи, которая получила отъ Испаніи Флориду; французы, далѣе, отказались отъ всѣхъ своихъ завоеваній въ Остъ-Индіи съ 1749 г. и обязались срыть укрѣпленія Дюнкирхена[1]. Миръ въ Губертсбургѣ между Австріею и Пруссіею закрѣпилъ окончательно Силезію за Фридрихомъ II и подтвердилъ трактаты вестфальскій, утрехтскій и ахенскій. Пруссія сдѣлалась теперь слишкомъ могущественною соперницею Австріи и вліяніе ея пошло въ разрѣзъ съ политикою этой державы. Испанія окончательно пала, какъ морская и континентальная держава, не смотря на фамильный договоръ Бурбоновъ 1761 г., и политика ея потеряла самостоятельный характеръ, слѣдуя по пятамъ за Франціею, уступившею Англіи первенство на морѣ. Голландія была нейтральною въ этой войнѣ, потому что сознавала свою слабость. Въ какихъ-нибудь 50 лѣтъ, она снизошла въ разрядъ второстепенныхъ и даже третьестепенныхъ державъ и уже не поднималась никогда, продолжая жить тихою жизнью торговаго и банкирскаго государства. Спустя 9 лѣтъ послѣ парижскаго мира, произошелъ первый раздѣлъ Польши въ 1772 г., закрѣпленный петербургскимъ трактатомъ. Дальнѣйшая судьба Польши вытекала изъ этого факта. Въ 1793 г. послѣдовалъ 2-ой раздѣлъ, а въ 1799 — послѣдній, общій между Австріею, Пруссіею и Россіею. Послѣ 1-го раздѣла Польши, прошедшаго безъ войны, такъ-какъ Англія была утомлена отъ своихъ собственныхъ войнъ, а Франція

[1] Ср. *Р. фонъ-Моль* (I, 355), о литературѣ парижскаго трактата 1763, въ особенности о корреспонденціи герцога Бедфорда, изд. лордомъ Росселемъ (London. 1842—46). Самые трактаты можно найдти въ сборникахъ: *Мартенса* и *Кюсси* (Recueil des traités, 1-ère éd. t. I, pp. 33, 56; 2-e éd. t. I, pp. 104. 124); *Венка* (*Wenck*, Codex. T. III. p. 329) и др. (т. е. Неймана, Герцберга).

Digitized by Google

еще менѣе могла что-нибудь сдѣлать,—возгорѣлась война о баварскомъ наслѣдствѣ, которая заключилась миромъ 1779 года, въ Тешенѣ, подтвердившимъ, при посредничествѣ Россіи и Франціи, статьи вестфальскаго договора. Пререканія между Испаніею и Португаліею, вытекшія изъ тордезильскаго договора, повели къ новой войнѣ, которая длилась съ перерывами отъ начала XVIII ст. до 1777 года, когда заключенъ былъ ильдефонсскій трактатъ, закончившій несогласія между государствами иберійскаго полуострова. Въ 1780 году можно отмѣтить примѣръ вооруженнаго вмѣшательства одного государства въ дѣла другого: это вмѣшательство Пруссіи въ дѣла Голландіи. Между Голландіею, Пруссіею и Англіею былъ составленъ тройной союзъ 1788 г., чтобы порѣшить споръ между Голландіею и ея штатгалтеромъ (диктатура послѣдняго, поддержанная вмѣшательствомъ, имѣла мѣсто до революціи 1789 г.)[1]. Въ 1776 г. была провозглашена независимость Соединенныхъ штатовъ, вслѣдствіе чего возгорѣлась между ними и Англіею война, причемъ Франція, желавшая отмстить за 1763-й годъ, и Австрія сдѣлались союзницами новой республики. Версальскій миръ 1783 года провозгласилъ окончательно независимость федеративной республики Соединенныхъ штатовъ. Это очень крупный фактъ въ исторіи, такъ-какъ явилась новая политическая сила, которая, по своему могуществу и своеобразнымъ учрежденіямъ, заняла весьма видное мѣсто въ международной системѣ государствъ цивилизованнаго міра. Такимъ образомъ ясно, что мы имѣемъ полное право назвать этотъ періодъ временемъ неумолкавшей и кровавой борьбы, вызванной, за немногими исключеніями, часто-

[1] Ср. *Garden.* I. XXXVI. Объясненіе причинъ и интересовъ, вызвавшихъ triple alliance 1788 г. въ связи съ соперничествомъ Англіи и Франціи и съ отторженіемъ америк. колоній отъ британской метрополіи. См. также *Calvo*, p. 50. О важномъ международномъ значеніи этого союза, отразившагося на союзѣ Россіи съ Даніею въ войнѣ противъ Швеціи и ускорившаго заключеніе мира въ Рейхенбахѣ и въ Яссахъ (Турція съ Россіею и Австріею).

Digitized by Google

любіемъ и своекорыстною политикою династическихъ интересовъ. Союзы составлялись, разстраивались и снова возстановлялись съ неожиданностью и измѣнчивостью игры красокъ въ калейдоскопѣ. И никогда, какъ теперь, въ вѣкъ войнъ за австрійское, баварское наслѣдства и всеобщей апатіи при раздѣлѣ Польши, не казалась такою «случайною гарантіею» знаменитая идея о политическомъ равновѣсіи Европы. Изъ всѣхъ трактатовъ этого періода, съ наибольшимъ уваженіемъ можно остановиться на трактатѣ 1780 года о вооруженномъ нейтралитетѣ, главная роль въ которомъ принадлежитъ нашей Екатеринѣ II. Вооруженный нейтралитетъ провозгласилъ (и провозгласилъ съ силою) разумныя и либеральныя начала такого рода: нейтральные корабли плаваютъ свободно во время войны; нейтральный флагъ покрываетъ непріятельскій грузъ, и флагъ же конфискуетъ грузъ (т. е. все, что везется на нейтральномъ кораблѣ, свободно отъ конфискаціи, и, на-оборотъ, грузъ на непріятельскомъ кораблѣ можетъ быть конфискованъ). Далѣе, здѣсь-же была съ точностью опредѣлена сущность военной контрабанды, на основаніи трактата 1766 года между Россіею и Англіею. Наконецъ установлено такое понятіе о блокадѣ, что она тогда-лишь имѣетъ значеніе, когда есть blocus effectif, т. е., когда на самомъ дѣлѣ оцѣпленъ портъ. Къ вооруженному нейтралитету поспѣшили тотъ-часъ же пристать Голландія, Пруссія, Австрія, Португалія и сѣверо-американскіе Соединенные штаты.

Важнѣйшіе вопросы международнаго права въ промежутокъ времени отъ утрехтскаго мира до 1789 г.

§ 11. Великія войны до губертсбургскаго мира подали поводъ къ многочисленнымъ спорамъ по вопросамъ морскаго права. Франція въ большинствѣ случаевъ держалась суровыхъ началъ ордонанса 1681 г. и нисколько не заботилась о примѣненіи болѣе мягкихъ и справедливыхъ опредѣленій утрехтскаго договора. Другія государства

Digitized by Google

тоже держались своихъ собственныхъ мѣстныхъ постановленій и толкованій о призахъ, безъ соображенія обще-европейскихъ интересовъ. Болѣе уваженія заслуживалъ ордонансъ 1744 года, по которому Франція отказалась отъ захвата нейтральныхъ кораблей съ непріятельскимъ грузомъ, ограничиваясь конфискаціею послѣдняго и отнятіемъ контрабанды. Но здѣсь-же, въ ордонансѣ 1744 года, заключались двѣ статьи, которыя должны были упасть новою тяжестью на нейтральную торговлю: 1) объявлялись подлежащими конфискаціи всѣ мануфактурные, фабричные товары и естественные продукты непріятельской страны, хотя-бы они везлись на нейтральныхъ корабляхъ, если только послѣдніе плыли изъ непріятельскаго порта въ какой бы то ни было портъ, напр. въ портъ мирной, нейтральной державы; 2) ордонансомъ 1744 года запрещалось нейтральнымъ кораблямъ перевозить изъ одного непріятельскаго порта въ другіе какіе бы то ни было товары, слѣд. запрещалась нейтральнымъ государствамъ каботажная, береговая торговля въ предѣлахъ территорій воюющихъ державъ. Въ трактатахъ, заключенныхъ съ Ганзою въ XVIII ст., Франція удержала безусловно строгія начала 1681 г., и только, въ видѣ исключенія, для Даніи и Голландіи подтвердила начало «navires libres, marchandises libres», т. е., что грузъ подъ нейтральнымъ флагомъ свободенъ, а на непріятельскомъ кораблѣ — конфискуется. Но и такое правило не было выдержано Франціею: въ 1745 году всякія смягченія были уничтожены, а старая система 1681 г. принята въ ея первоначальномъ строгомъ смыслѣ. Такимъ образомъ мы замѣчаемъ рядъ колебаній по вопросамъ морскаго права у первоклассныхъ державъ, которыя вели тогда самыя большія войны и, слѣдовательно, должны были оказывать наибольшее вліяніе на морское право. Кольскоро подобной практики держались Голландія, Англія и Франція, то другія государства, далекія еще въ ту пору отъ союза для вооруженнаго нейтралитета, понятно, не могли перевѣсить

Digitized by Google

ихъ своимъ вліяніемъ. Даже обычное право Consolato del mare, т. е. средневѣковаго памятника, было гораздо мягче и становилось въ прямое противорѣчіе съ практикою и трактатами образованныхъ государствъ XVII и XVIII столѣтій. Въ исторіи международныхъ сношеній остались слѣды неопредѣленнаго и шаткаго положенія морскаго международнаго права. Мы разумѣемъ здѣсь споры въ европейской дипломатіи, изъ которыхъ важнѣйшій — переписка Пруссіи съ Англіею, кончившаяся союзнымъ трактатомъ 1756 года и извѣстная, въ числѣ causes célebres, подъ названіемъ дѣла о силезскомъ займѣ. Вотъ въ чемъ состояло это дѣло[1]. Фридрихъ Великій, который въ 1742 и 1745 годахъ пріобрѣлъ себѣ господство надъ Силезіею, тщетно пытался получить вознагражденіе за убытки, причиненные прусскимъ мореходцамъ дѣйствіями англійскихъ каперовъ, и потому объявилъ, что налагаетъ, въ видѣ репрессаліи, секвестръ на долги англійскимъ банкирамъ, которые перешли преемственно отъ Австріи къ Пруссіи и были обезпечены залогомъ доходовъ съ силезскихъ провинцій. Король назначилъ коммиссію изъ лучшихъ юристовъ, подъ предсѣдательствомъ канцлера Кокцея, и эта коммиссія, разсмотрѣвъ факты и провѣривъ ихъ началами международнаго права, пришла къ слѣд. результатамъ: 1) Море есть res communis omnium gentium, а слѣдовательно, нѣтъ основаній для притязаній на исключительное господство на морѣ со стороны какой бы то ни было націи, и война не можетъ прекращать свободы плаванія для нейтральныхъ кораблей. 2) Нейтральные корабли, имѣющіе грузъ подъ нейтраль-

---

[1] Ср. для болѣе полнаго изученія фактовъ, сжато изложенныхъ въ текстѣ лекціи: *Уитона*, Исторія (I. 260 etc.); *Мартенса*, Causes célèbres etc. T. II, III etc.— *Гюбнера*, De la saisie des batiments neutres. 1759.— *Готфёль (Hautefeuille)*, Histoire des origines, des progrès et des variations du droit maritime. 2 éd. 1869. *Сиртема-фанъ-Гровестинса*, Histoire des luttes et rivalités politiques entre les puissances maritimes et la France. Paris. 1851—1854.

Digitized by Google

нымъ флагомъ и ненарушающіе началъ нейтралитета, будучи продолженіемъ территоріи своего государства, должны быть неприкосновенны, слѣд. на палубу подобнаго корабля для захвата груза не могутъ всходить каперы для осмотра, ареста или конфискаціи груза. 3) Исключеніе изъ правила о безпрепятственности и свободѣ торговли бываетъ тогда, когда обязанности нейтралитета нарушаются торговыми кораблями. 4) Юрисдикція—адмиралтейскіе суды и высшій апелляціонный судъ—которая произнесла въ Англіи приговоръ надъ прусскими кораблями, не компетентна, потому что эти корабли были подъ флагомъ своей державы, и 5) изъ всего этого слѣдуетъ, что «репрессалія, въ видѣ секвестра силезскаго долга, вполнѣ законна и цѣлесообразна». Англійское правительство, съ своей стороны, прибѣгло къ участію коронныхъ юристовъ и отвѣчало на прусскій меморандумъ по пунктамъ. Но англичане опираются на практику и на тѣ самые трактаты, въ которыхъ замѣчается шаткость и неопредѣленность началъ, а слѣдовательно у нихъ не оказалось твердой опоры для обоснованія своихъ требованій. Впрочемъ, первый пунктъ англійскаго отвѣта весьма солиденъ, и противъ него нельзя возражать, а именно: судьи адмиралтейскіе и высшій апелляціонный судъ составляютъ единственную и вполнѣ компетентную инстанцію для вопросовъ о призахъ. Англійское правительство имѣло въ этомъ отношеніи полное право сказать, что адмиралтейскіе суды, отъ начала среднихъ вѣковъ до XVIII ст., разбирали случаи призовъ не произвольно, а на основаніи Consolato del mare, обычаевъ и трактатовъ,—что за-тѣмъ въ Англіи также издавна существовали и дѣйствовали апелляціонные суды, замѣщаемые независимыми и вліятельными судьями, передъ которыми недовольные могли всегда просить пересмотра и достигать перевершенія дѣлъ. Тѣмъ не менѣе, въ 1756 году, споръ двухъ правительствъ окончился тѣмъ, что Англія рѣшилась выдать Пруссіи 20.000 ф. ст., по-

Digitized by Google

слѣ чего Фридрихъ снялъ секвестръ съ силезскаго займа. Однако въ продолженіе семилѣтней войны англичане, не смотря на эту дипломатическую неудачу, держались прежней суровой политики морскаго права и пытались провести правило 1756 года, по которому должно считать законнымъ призомъ всякій товаръ, плывущій на нейтральномъ кораблѣ изъ колоній Англіи (т. е. правило, запрещавшее колоніямъ торговать съ кѣмъ бы то ни было во время мира). Во время войны постановленіе это было проведено неумолимо. Англичане напали съ особою яростью на морскую торговлю Голландіи; протестамъ со стороны послѣдней не было числа, но всѣ они оставались безъ послѣдствій. Къ счастію, правило 1756 г. не примѣнялось въ эпоху борьбы съ сѣверо-американскими Соединенными штатами, хотя и было возстановлено во время революціонныхъ войнъ. Кромѣ Пруссіи, нейтральная торговля пріобрѣла себѣ, въ этомъ періодѣ, защитницу въ Даніи, которая заявила черезъ Гюбнера свой протестъ противъ дѣйствій Англіи и Франціи. Выполняя дипломатическія порученія своего правительства, Гюбнеръ написалъ въ 1759 г. замѣчательное сочиненіе о захватѣ нейтральныхъ кораблей, въ которомъ онъ строитъ свои положенія на принципѣ полной свободы торговли. Вооруженный нейтралитетъ нашелъ для себя въ этомъ сочиненіи научныя основанія, тѣмъ болѣе, что Гюбнеръ былъ доступнѣе Г. Гроція, Бенкерсгука и др. публицистовъ, уже по той причинѣ, что написалъ свою работу въ легкой формѣ и на общедоступномъ языкѣ (французскомъ).

Кромѣ морскаго международнаго права, въ періодъ отъ утрехтскаго мира до 1789 г., политиковъ Европы много занимали вопросы о предсѣдательствѣ или о первенствѣ государствъ, или ихъ представителей, агентовъ—такъ назыв. споры о первенствѣ, questions de préséance. Споры, возникавшіе по поводу церемоніаловъ и т. д., были логическимъ послѣдствіемъ неяснаго пониманія того, что государство имѣетъ право на достоинство, честь и равенство

Digitized by Google

въ международномъ союзѣ, независимо отъ формы правленія. Повсюду въ то время преобладала абсолютная монархія, за исключеніемъ Англіи, успѣвшей тогда обезпечить парламентскія учрежденія и права своихъ гражданъ. Испанскіе фуэросы давно погибли послѣ войнъ городовъ съ Карломъ V. Франція была подъ ферулой самаго сильнаго абсолютизма. Правда, были еще итальянскія республики и нѣмецкіе муниципальные города, но ихъ было мало для того, чтобы внушить уваженіе къ тому политическому союзу, который называется республикою. А за-тѣмъ, какъ въ Италіи, такъ и въ Германіи, всѣ небольшія и среднія государства управлялись по теоріи Людовика XIV, усиленною до превосходной степени нѣмецкою грубостью, или же утонченною, какъ это было въ Италіи, систематическою тираніею по преданіямъ Макіавелли. Каково управлялась республика венеціанская—хорошо извѣстно каждому. Отсюда такое пренебреженіе къ республиканской формѣ правленія. Первенство между европейскими государствами принадлежало германскому императору, но въ XVI и XVII ст. возникли споры о первенствѣ между Франціею и Испаніею, поведшіе за собою нѣсколько столкновеній, напр. въ 1661 г. въ Лондонѣ между членами испанскаго и французскаго посольствъ. Споръ былъ рѣшенъ въ пользу Франціи. Болѣе существенное значеніе имѣлъ вопросъ о привилегіяхъ и преимуществахъ пословъ и ихъ свитъ въ различныхъ государствахъ. Мы знаемъ уже, что Гуго Гроцій, въ своемъ сочиненіи De jure belli ac pacis, защищалъ, между прочимъ, положеніе о внѣземельности или ex-территоріальности политическихъ агентовъ. Въ настоящемъ періодѣ ученіе Гроція сдѣлалось общимъ убѣжденіемъ, такъ-что, при совершеніи дипломатическими агентами какихъ-либо проступковъ и преступленій, правительства не запрашиваютъ уже юристовъ: какъ поступить имъ съ виновными? Такъ случилось, когда испанецъ Мендоза совершилъ въ Англіи преступленіе (политическій заговоръ) и англійское правительство запросило Альб.

Digitized by Google

Джентилли и француза Готомана. Оба юриста посовѣтовали однако-же послать Мендозу къ испанскому королю и просить у его величества суда надъ преступникомъ. Въ XVII ст. было только одно исключеніе изъ правила о неподсудности посланника чужому правительству: братъ португальскаго посла, Донъ Панталеоне Са, былъ казненъ въ Англіи за убійство (при Кромвелѣ), не смотря на то, что въ этомъ судѣ принималъ участіе извѣстный профес. оксф. университета Зёчъ (Zouch, или Цухеусъ). Но это дѣло подвергалось многимъ толкамъ и даже серіезному разбору Лейбница, и потомъ Бенкерсгука, которые защищали положеніе о томъ, что самая свита пословъ должна пользоваться правомъ внѣземельности. — Въ дополненіе къ сказанному замѣтимъ, что, въ настоящій періодъ, европейскихъ публицистовъ занимали еще вопросы: I) о независимости и самостоятельности государствъ (souveraineté d'état), вызванные тогдашними событіями въ Польшѣ и притязаніями Іосифа II на баварское наслѣдство; II) вопросы о вмѣшательствѣ иностранныхъ державъ во внутреннія дѣла государства; поводомъ къ послѣднему вопросу была политика Пруссіи относительно внутреннихъ дѣлъ Голландіи; за-тѣмъ III) вспыхнула революція сѣверо-американскихъ колоній противъ метрополіи, которая имѣла своими послѣдствіями отторженіе сѣверо-американскихъ Соединенныхъ штатовъ отъ Англіи и провозглашеніе новой республики (парижскій миръ 1783 г.). Въ это-же время былъ затронутъ IV) весьма важный вопросъ (рѣшенный, впрочемъ, позже) о свободномъ плаваніи по большимъ, или, какъ ихъ называютъ, по международнымъ рѣкамъ. Надо замѣтить, что низовыя части и устье рѣки Шельды были закрыты по вестфальскому миру для бельгійскихъ и фламандскихъ провинцій. На основаніи утрехтскаго трактата бельгійскими провинціями владѣла Австрія, а по барьерному трактату 15 ноября 1715 г. на эти провинціи былъ наложенъ международный сервитутъ — содержаніе голландскихъ

Digitized by Google

гарнизоновъ[1]. Понятно, что при такихъ условіяхъ было большою несправедливостью убивать торговлю бельгійскихъ провинцій закрытіемъ для нихъ плаванія по Шельдѣ, тѣмъ болѣе оттого, что Австрія по этимъ трактатамъ была солидарна съ Голландіею [по вышеупомянутому трактату 1715 года]. Не смотря на это, Шельда все-таки была заперта для бельгійскихъ провинцій, и не было никакихъ противодѣйствій такому порядку дѣлъ до того времени, пока Іосифъ II не объявилъ въ 1781 году, что онъ не считаетъ барьернаго трактата 1715 года настоятельною необходимостью для голландской республики, и пока не поставилъ вопроса въ 1784 году объ открытіи свободнаго плаванія по Шельдѣ. Въ отвѣтъ на это, Голландія обратилась къ посредничеству Англіи и Франціи; но Англія отклонилась отъ этого дѣла, и только одна Франція стала на сторону Голландіи. Къ несчастью, французскіе дипломаты не смотрѣли здѣсь такъ, какъ это было бы желательно для международныхъ интересовъ; они стояли на почвѣ положительныхъ трактатовъ и обосновывали отказъ Голландіи ея 150-годовымъ владѣніемъ низовьями Шельды (владѣніе это—разсуждали дипломаты—было обезпечено договорами, а слѣд. не подлежало никакимъ перемѣнамъ). Такова была доктрина оффиціальныхъ французскихъ дипломатовъ; но доктрину эту раздѣляли и частные люди, имѣвшіе однако сильное вліяніе на современное имъ общество. Въ своей брошюрѣ — «Сомнѣнія о свободѣ Шельды» — графъ Мирабо, говоритъ: «Общественный порядокъ есть священное право, служащее базою для всѣхъ другихъ правъ. Но оно вытекаетъ не изъ природы, а опредѣляется положительными трактатами. Отсюда слѣдуетъ выводъ, что справедливѣе всего отказать притязаніямъ Іосифа II, тѣмъ болѣе, что трактаты, запретив-

[1] См. *Уитонъ*, I, 345—347. *Calvo*, § 219.—Ср. *Schöll*, Histoire abrégée des traités de paix. IV, pp. 59—89. *Flassan*, Histoire de la diplomatie française. VII, pp. 399 etc.

Digitized by Google

ніе свободу плаванія по Шельдѣ, гарантированы Франціею совмѣстно съ Англіею. Допустить эту свободу можно было бы при одномъ только условіи провозглашенія бельгійскихъ провинцій федеративною республикою, которая служила бы лучшимъ барьеромъ для Голландіи». Ясно, что провозглашенію свободы плаванія по Шельдѣ мѣшали опасенія притязаній габсбургскаго дома, который могъ злоупотребить своимъ правомъ навигаціи и достигнуть цѣлей, вредныхъ для Англіи, Франціи и Голландіи. Споръ былъ покончен въ 1785 году сдѣлкою[1], въ которой признаны вновь статьи вестфальскаго договора о недопущеніи свободнаго плаванія по Шельдѣ, но отмѣненъ барьерный трактатъ 1715 г. и присуждено отъ Голландіи вознагражденіе Іосифу II, отказавшемуся отъ своихъ требованій. Такъ былъ оставленъ безъ послѣдствій вопросъ о плаваніи по международнымъ рѣкамъ, — и рѣшеніе его принадлежитъ уже первой четверти нашего столѣтія.

Проекты вѣчнаго мира въ XVIII ст. и перечень литературы международнаго права отъ половины XVIII ст. до революціи 1789 года.

§ 12. Кромѣ этихъ вопросовъ, весьма видныхъ въ исторіи международнаго права, слѣдуетъ коснуться еще одной характеристической черты XVIII ст., — это, именно, проектовъ вѣчнаго мира; они принадлежатъ Сенъ-Пьеру, Ж.-Ж. Руссо и Бентаму, хотя самый первый изъ проектовъ вѣчнаго мира былъ гораздо раньше (въ началѣ XVII ст.) предложенъ *Генрихомъ IV Бурбономъ* и его министромъ Сюлли. На связь своего проекта съ идеями Генриха и Сюлли указываетъ самъ Жанъ-Жакъ Руссо, а потому и нужно коснуться самаго ранняго образца въ длинномъ ряду однородныхъ явленій. Еще въ XV ст. произошли многія, указанныя нами выше, событія, которыя выдви-

[1] Трактатъ въ Фонтенбло, подъ гарантіею и при посредничествѣ Франціи.

Digitized by Google

нули на первый планъ вопросъ о политическомъ равновѣсіи. Елизаветѣ англійской принадлежитъ починъ движенія, связаннаго съ борьбою протестантовъ противъ габсбургскаго дома; преемникомъ этихъ идей былъ Генрихъ IV Бурбонскій. Главною цѣлью этого великаго короля было основать христіанскую республику изъ европейскихъ государствъ, поборовши габсбурговъ, которые съ двухъ сторонъ (Австрія и Испанія) занесли свою честолюбивую руку на Европу. Генрихъ IV думалъ раздѣлить всю Европу на 15, по возможности, равныхъ государствъ, съ точнымъ означеніемъ ихъ провинцій; въ числѣ этихъ 15 государствъ должны были быть 4 республики, изъ которыхъ двѣ — гельветическая или швейцарская и бельгійская удерживали демократическій характеръ, а другія двѣ — венеціанская и 4-я (составленная изъ Пармы, Лукки, Модены и другихъ городовъ) получали или сохраняли устройство аристократическое. Отъ австрійскихъ владѣній отдѣлялись королевства богемское и венгерское. Эти 15 государствъ, включая сюда германскую имперію, королевства, республики и вольные города, должны были, по плану Генриха IV, составить союзъ, или христіанскую республику. Для рѣшенія и предотвращенія споровъ между членами христіанской республики, долженъ быть учрежденъ общій совѣтъ или сенатъ, засѣдающій въ одномъ изъ центральныхъ городовъ Европы. Изъ опредѣленныхъ взносовъ членами союза предполагалось образовать общій фондъ, предназначаемый для борьбы Польши и Швеціи противъ турокъ, татаръ и «московитянъ». Надо замѣтить, что о Россіи, или о Московіи, какъ ее тогда называли, имѣлось въ то время весьма темное и невыгодное представленіе, такъ-что Генрихъ IV выключилъ ее даже въ своемъ проектѣ изъ числа членовъ христіанской республики. Покончивъ дѣла съ мусульманами и Московіею на европейскомъ и на болѣе далекомъ востокѣ, нужно было, по плану Генриха IV, общими силами предпринять крестовый походъ съ

Digitized by Google

цѣлью завладѣнія и уничтоженія Оттоманской порты. Таковы главныя черты перваго проекта вѣчнаго мира, о которомъ исторія уже сказала свой судъ. Нельзя пройдти безъ вниманія проявившуюся идею о международномъ посредничествѣ; нельзя отказать также въ большомъ политическомъ (строуміи и глубокомыслін плану: основать федеративную голландско-бельгійскую республику, которая должна была составлять крѣпкій оплотъ для равновѣсія Европы въ возможной борьбѣ противъ Габсбурговъ; то-же самое можно сказать относительно мысли — создать крѣпкое государство на сѣверѣ Италіи, какъ гарантію для южной Европы отъ честолюбія великихъ завоевательныхъ державъ. Но къ плану Генриха IV все-таки приложимо замѣчаніе Ансильона, который сказалъ слѣдующее: «установить новое политическое равновѣсіе силъ, раздѣлить Европу такъ, какъ дѣлятъ пустую, еще необитаемую территорію между переселенцами — значило не упрочить миръ, а, напротивъ, сдѣлать войну постояннымъ явленіемъ и предпринять трудную работу, которая встрѣтила бы неодолимыя препятствія». Короче, проектъ этотъ, построенный на искусственномъ планѣ, скоро повелъ бы къ 50-лѣтней, если не къ 100-лѣтней войнѣ[1].

Другой проектъ вѣчнаго мира принадлежалъ аббату *Сенъ-Пьеру* (S.-Pierre); онъ возникъ у него въ 1713 г. и былъ представленъ дипломатамъ, собравшимся на утрехтскомъ конгрессѣ. Нѣсколько лѣтъ спустя, именно въ 1729 г., Сенъ-Пьеръ обнародовалъ свой проектъ въ сжатомъ видѣ, а въ 1745 г. вышло полное его изданіе. Вотъ сущность проекта аббата Сенъ-Пьера: 1) Всѣ державы, допущенныя въ систему европейскихъ государствъ по утрехтскому трактату, составляютъ вѣчный союзъ или лигу— (христіанскую республику), которая заботится о безопасности ея членовъ, взаимно гарантирующихъ свои территоріи. (Въ этомъ

[1] Ср. in extenso *Уитона* I, 317 etc. до 332 включительно.

Digitized by Google

первомъ пунктѣ мы видимъ аналогію съ проектомъ Генриха IV и Сюлли относительно образованія христіанской республики; но разница здѣсь заключается въ томъ, что Сенъ-Пьеръ не рѣшается приступить къ новой передѣлкѣ политической карты Европы, а признаетъ ее въ томъ видѣ, какой она получила по утрехтскому трактату)[1]. Далѣе, перечисляя тѣ государства, которыя должны войдти въ составъ европейской христіанской республики, Сенъ-Пьеръ не исключаетъ отсюда Россіи; послѣднюю онъ называетъ уже не Московіею, а русскою имперіею. Включеніе Россіи въ число членовъ европейской христіанской республики объясняется тѣми громкими событіями, которыя прошли отъ Генриха IV до 1713 года. Россія въ это время уже отрѣшилась отъ той грубости и заключенности, въ которыхъ она пребывала столько столѣтій, а великая сѣверная война вывела ее въ число первостепенныхъ державъ и порѣшила такимъ образомъ вопросъ о политическомъ равновѣсіи на сѣверо-востокѣ Европы. Отрицать эти факты не было возможности и нужно было помириться съ выводами, слѣдовавшими изъ сущности важныхъ политическихъ событій. 2) Изъ взносовъ членовъ европейской лиги, по предположенію Сенъ-Пьера, долженъ былъ образоваться союзный фондъ, какъ необходимое средство для достиженія общихъ цѣлей. Но мы уже не видимъ никакого указанія на войну съ мусульманами, какъ это было въ проектѣ Генриха IV. 3) Члены союза отказываются на-всегда отъ права вести войну и рѣшаютъ свои споры и пререканія по большинству $^3/_4$ голосовъ общаго собранія, какъ постояннаго органа международнаго посредническаго суда. 4) Союзъ европейскихъ государствъ имѣетъ своимъ органомъ общее собраніе, которое силою вынуждаетъ членовъ союза повиноваться волѣ общеевропейской лиги. Общему же собранію, какъ представителю

[1] Ср. *Уитонъ*, I. pp. 325, 326.

Digitized by Google

европейской христіанской республики, принадлежитъ и власть законодательная касательно мѣръ, имѣющихъ отношеніе къ цѣлямъ, преслѣдуемымъ союзомъ; и 5) что касается до измѣненія основныхъ статей самой конституціи европейской республики, то для этого необходимо полное согласіе всѣхъ членовъ, и одного большинства $^3/_4$ здѣсь недостаточно. Мысли Сенъ-Пьера во всякомъ случаѣ заслуживаютъ вниманія, потому что онѣ явились какъ благородная реакція человѣколюбія и справедливости послѣ войнъ и интригъ, свирѣпствовавшихъ до того времени. Всякая гуманная и честная мысль имѣетъ весьма важное значеніе для науки и для исторіи цивилизаціи, хотя-бы осуществленіе самой идеи и откладывалось на далекое будущее. Въ наше время мы не можемъ уже остановиться на остротѣ Дюбуа, назвавшаго проектъ Сенъ-Пьера «сномъ, мечтою честнаго человѣка», — въ виду тѣхъ требованій международнаго посредничества, которыя раздаются теперь въ образованныхъ обществахъ западной Европы. И лишь недавно, нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, Франція привѣтствовала Ричарда, члена англійскаго парламента, который съ іюля мѣсяца 1873 г. съ энергіею честнаго и серіезнаго убѣжденія повелъ вопросъ о международномъ посредничествѣ[1]. Что вопросъ международнаго посредничества, составляющій главную суть проекта Сенъ-Пьера, становится на болѣе практическую почву сравнительно съ недавно-прошедшимъ временемъ, лучшимъ доказательствомъ этого служитъ ассоціація въ Гентѣ. Однимъ изъ основныхъ пунктовъ ея программы,

[1] См. Bulletin de la Société des amis de la paix. 2-e Série. № 4. — Août 1873. «Quant à la proposition de soumettre les diffirends internationaux à l'arbitrage, je pense que cette proposition est, par elle seule, un grand tromphe etc. (P. 104). Ср. *Laveley*, Des causes actuelles de guerre en Europe et de l'arbitrage, 1873. Chap. VII (La Haute Cour arbitrale est préparée par l'arbitrage): «... L'idée de recourir à la mediation pour régler les diferends internationaux a gagné sans cesse du terrain... Il n'y a qu'un pas de plus à faire pour arriver à l'arbitrage. (p. 187).

Digitized by Google

которую члены ассоціаціи рѣшились распространять и проводить всѣми силами, есть идея о международномъ посредничествѣ, въ-замѣнъ рѣшенія споровъ и преній между государствами оружіемъ. За-тѣмъ, въ историческомъ отношеніи въ проектѣ Сенъ-Пьера любопытны нѣкоторыя почти буквальныя совпаденія съ основными актами 1815 и 1820 годовъ, установившими германскій союзъ.

Въ 1761 году *Жанъ-Жакъ Руссо* напечаталъ небольшое сочиненіе подъ названіемъ: «Извлеченіе изъ проекта аббата Сенъ-Пьера». Но подъ этою скромною и непритязательною формою излагались мысли самого Руссо о многихъ политическихъ и соціальныхъ задачахъ того времени. Главныя положенія проекта Жанъ-Жакъ Руссо могутъ быть формулированы такимъ образомъ: «общественное устройство, болѣе или менѣе отвѣчающее задачамъ цивилизаціи, существуетъ въ данный моментъ лишь внутри государства; за предѣлами этого союза люди находятся уже въ естественномъ состояніи; человѣческія учрежденія и законы предотвратили лишь гражданскія войны, но сдѣлали неизбѣжными войны внѣшнія. Лучшее средство противъ послѣдняго зла: составить союзъ изъ государствъ, примѣры которыхъ (союзовъ) даетъ намъ и древняя и новая исторія; лучшіе образцы федерацій мы имѣемъ передъ собою въ германскомъ союзѣ, въ гельветической и голландской республикахъ. Недостатки здѣсь есть, но они указываютъ только несовершенства и слабость современной соціальной науки». Европейскій міръ, продолжаетъ дальше Руссо, потрясается войнами, а это противорѣчитъ религіи и основнымъ началамъ нравственности, мѣшаетъ обмѣну богатствъ между странами и вообще задерживаетъ цивилизацію. Публичное право Европы, не опираясь ни на какія твердыя начала, мѣняется и гнется подъ давленіемъ матеріальной силы; общее чувство тревоги заставило самыя миролюбивыя правительства предпринимать и поддерживать вооруже-

Digitized by Google

нія, которыя далеко превышаютъ финансовыя средства страны и не по-силамъ народу. Какъ же выдти изъ этого положенія? Невѣрно думать, будто Европу можетъ спасти сама естественная сила вещей, хотя современная система на-столько сильна и начало политическаго равновѣсія дѣйствуетъ съ такою вѣрностью, что колебанія (вибраціи) не опрокидываютъ цѣлаго зданія[1]. Но существующее равновѣсіе Европы есть болѣе дѣло природы, чѣмъ искусства, хотя стремленія къ универсальной монархіи и сдерживались этимъ равновѣсіемъ, при содѣйствіи нѣкоторыхъ политическихъ учрежденій и подъ вліяніемъ нравственныхъ средствъ». «Можетъ ли спасти Европу отъ этихъ ненормальностей насильственный переворотъ, революція?» — задаетъ себѣ вопросъ Руссо, — и здѣсь весьма интересно слышать отъ апостола позднѣйшихъ революціонеровъ такой отвѣтъ, что революціонный способъ не приведетъ ровно ни къ чему. И если посмотрѣть на международные результаты французской революціи, которая не только не установила, но даже опрокинула политическое равновѣсіе Европы, то должно согласиться съ Руссо. «Если же, продолжаетъ Руссо, недостаточно одной естественной силы вещей и того могущественнаго рычага, который называется политическимъ равновѣсіемъ; если революція не можетъ разрубить этого гордіева узла, то единственнымъ средствомъ разрѣшить трудную задачу международнаго прогресса и мира будетъ соціальная наука». Но что же диктуетъ эта наука самому Руссо? Изъ европейскихъ государствъ нужно установить прочный и сильный союзъ. (То-же, чего требуютъ Генрихъ IV и С.-Пьеръ). Далѣе Руссо предполагаетъ создать въ этомъ союзѣ такія учрежденія, которыя бы имѣли и законодательную, и исполнительную власть, принуждая членовъ своихъ избѣгать войны

[1] Le système actuel de l'Europe a précisement ce degré de solidité, qui le maintient dans un état d'agitation perpétuelle sans le renverser. См. *Wheaton.* Histoire etc. I. P. 327—332.

Digitized by Google

и повиноваться посредническимъ рѣшеніямъ союзныхъ установленій. «Осуществленіе такой федераціи, говоритъ Руссо, не должно встрѣтить неодолимыхъ препятствій; правительства должны только отречься отъ мелкаго честолюбія, отъ эгоистическихъ интригъ, имѣя въ виду общія цѣли, а націямъ нужно забыть тѣ предразсудки, порождаемые различіемъ языка, религіи и національности, которые ставятъ преграды для международнаго единенія». Таково содержаніе проекта Жанъ-Жакъ Руссо, въ которомъ глубина отдѣльныхъ мыслей, остроуміе, вѣрность нѣкоторыхъ наблюденій, горячая преданность высшимъ интересамъ и цѣлямъ человѣческой жизни стоятъ рядомъ съ невѣрными воззрѣніями, съ утопическими взглядами. Стоитъ припомнить его похвалы германскому союзу, его вѣру въ неотразимую, механически дѣйствующую силу политическаго равновѣсія[1] и обращеніе къ «чувствамъ правителей», съ цѣлью подчинить ихъ волю исполнительной власти союза, — стоитъ вспомнить все это, чтобы согласиться съ вышесдѣланнымъ замѣчаніемъ. Но тѣмъ болѣе насъ поражаетъ у Руссо, при общей непрактичности его плана, мѣткій анализъ того политическаго состоянія, которое тяготѣло надъ тогдашнею Европой; связь непомѣрнаго отягощенія бюджета съ постоянными войнами и вооруженнымъ миромъ высказана такъ правдиво, что не нуждается и теперь въ болѣе вѣрной формулѣ.

Примѣчаніе. Формулу Руссо, что «le sentiment d'insécurité générale a forcé, même les états les plus pacifiques, à maintenir des établissements militaires disproportionnés à leur ressources et onéreux pour leurs peuples» подтверждаетъ и возводитъ до значенія закона слѣдующее замѣчаніе Ричарда на основаніи книги *Ларрока (Larroque*, Les armées permanentes en Europe. Ouvrage couronné par la Société de Londres, 2-e édition): «Un soldat ne pro-

[1] Ср. *Уитонъ*, I. 329: «L'équilibre existant des forces entre les divers membres de la société européenne est plutôt l'œuvre de la nature que de l'art. *Il se maintient sans effort de manière que s'il penche d'un côté, il se rétablit bientôt de l'autre*».

Digitized by Google

duit rien; mais il contribue à consommer le fruit du travail des autres, et M. Larroque évalue cet article à 250 millions de livres sterling (6 milliards, 250 millions). Si nous ajoutons à cela l'intérêt et les frais d'administration des dettes nationales en Europe, dettes en presque totalité contractées pour la guerre... nous aurons *un total général de 550 millions de livres sterling (3 milliards 750 millions) enlevés chaque année au travail et à l'industrie des nations* (Bulletin de la soc. des amis de la paix. p. 96).

Въ концѣ XVIII ст. жилъ другой знаменитый философъ, англичанинъ *Іеремія Бентамъ*, который набросалъ отъ 1786 до 1789 г. нѣсколько этюдовъ по международному праву, посвятивъ одинъ изъ нихъ вопросу о вѣчномъ мирѣ [1]. «Война, говоритъ Бентамъ, есть постоянное и неумолимое отрицаніе того принципа, на которомъ должна зиждиться вся жизнь народовъ. Если же это такъ, то необходимо подумать о сокращеніи или полномъ уничтоженіи причинъ и поводовъ войны». Для подобной цѣли Бентамъ предлагаетъ такую систему средствъ: «весьма важно было бы сократить какъ морскія, такъ и сухопутныя силы европейскихъ государствъ; отдѣлить и освободить колоніальныя владѣнія европейскихъ державъ, такъ-какъ споры изъ-за нихъ въ XVII и XVIII ст. часто служили поводомъ къ войнамъ; наконецъ, учредить посредническій судъ, хотя-бы послѣдній и не имѣлъ абсолютной вынуждающей силы». Мы видимъ, что всѣ писатели, которые затрогивали вопросъ о войнѣ, приходили къ международному посредничеству. Цѣль Бентама—только уменьшить или ослабить войну. «Нѣтъ теперь такого трибунала, который давалъ бы возможность мирно и юридически рѣшать споры!... Установите посредническій судъ, говоритъ онъ, и война не будетъ возникать фатально изъ-за несогласій между государствами. Рѣшеніе посредническаго суда, вѣрное или невѣр-

[1] *Уитонъ*, I. 393, 403.—Проектъ вѣчнаго мира Канта относится къ періоду послѣ французской революціи 1789 г.

Digitized by Google

ное, будетъ спасать честь проигравшей на судѣ стороны». Далѣе онъ предлагаетъ учредить и конгрессъ изъ депутатовъ отъ европейскихъ государствъ, по два отъ каждаго. Конгрессъ будетъ произносить свои рѣшенія и приговоры, опубликовывать ихъ въ спорящихъ между собою державахъ и подвергать исключенію изъ системы европейскихъ государствъ, по прошествіи извѣстнаго срока, ту изъ державъ, которая не станетъ повиноваться рѣшенію конгресса. Такимъ образомъ Бентамъ совершенно своеобразнымъ путемъ приходитъ и къ международному посредничеству, и къ амфиктіоніи. Онъ не отнимаетъ власти у проектированнаго имъ конгресса, какъ посреднической инстанціи. Съ другой стороны, Бентамъ склоняется болѣе въ пользу воззваній къ общественному мнѣнію Европы посредствомъ журналовъ, прессы. «Этого было бы совершенно достаточно, чтобы помѣшать проигравшему на судѣ государству настаивать на удовлетвореніи, на требованіи правосудія». Сходство этого проекта вѣчнаго мира съ проектами С.-Пьера и Жанъ-Жакъ Руссо бросается въ глаза: и Бентамъ-утилитаристъ, и С.-Пьеръ, этотъ честный мечтатель, по выраженію Дюбуа, сошлись въ идеѣ уничтоженія и ослабленія права войны; стремленія Бентама, его идеи о мирѣ такъ-же благородны, какъ и стремленія его предшественниковъ. Но, при широтѣ политическаго взгляда, при силѣ политическаго предвѣдѣнія, Бентама, который всю свою систему построилъ на практическомъ началѣ общей пользы, можно бы упрекнуть въ томъ, что, подобно Сенъ-Пьеру и Руссо, онъ не рѣшилъ главнаго вопроса: какъ именно подчинить правамъ международной посреднической амфиктіоніи отдѣльное, независимое и могущественное государство? Посредническому суду не трудно придти къ тому или другому рѣшенію, но какъ заставить могущественное государство, на-подобіе, напр. германской имперіи, выполнить его? Вообще вопросъ о международномъ посредничествѣ остается у Бентама совершенно нерѣшеннымъ. Во

Digitized by Google

всякомъ случаѣ, Бентамъ, какъ и Мирабо[1], и Руссо, могутъ быть занесены въ категорію писателей-публицистовъ, потому что предметъ, ими затронутый, и нѣкоторыя высказанныя ими частности весьма вѣски для литературы международнаго права.

Но были еще и другіе писатели въ этомъ періодѣ:

Ученикъ и послѣдователь Лейбница, *Христіанъ Фридрихъ Вольфъ* (1679 — 1754) былъ профессоромъ въ Галле, гдѣ лекціи его (на нѣмецкомъ языкѣ), имѣвшія цѣлью распространять догматическую философію Лейбница, привлекали массу слушателей, но вызвали ненависть и преслѣдованіе со стороны всесильныхъ въ ту пору при бранденбургскомъ дворѣ піетистовъ. Вольфу, подобно Томазію, пришлось подвергнуться удаленію изъ университета и даже изгнанію изъ предѣловъ прусскаго королевства (Разсказываютъ, будто Фридрихъ Вильгельмъ 1-й грозилъ повѣсить оклеветаннаго философа). Со вступленіемъ на престолъ Фридриха II-го сдѣлалось возможнымъ для Вольфа возвращеніе къ профессорской дѣятельности. Въ 1740—1743 г. вышло его сочиненіе: «Jus naturae, methodo scientifica pertractatum». Черезъ 6 лѣтъ, появилось: «Jus gentium, methodo scientifica pertractatum» etc. Оставаясь вѣрнымъ послѣдователемъ естественно-философскаго направленія, Христіанъ-Фридрихъ Вольфъ отступилъ однакоже отъ самого Пуффендорфа въ томъ отношеніи, что обратилъ вниманіе на отличіе международнаго права отъ естественнаго и тѣмъ самымъ ограничилъ отрицательный взглядъ гейдельбергскаго профессора на значеніе трактатовъ и обычаевъ, какъ источниковъ международнаго права. На это указываетъ самое названіе книги Вольфа, гдѣ видна задача автора — отдѣлить «Jus gentium naturale ab eo, quod voluntarii, pacticii et consuetudinarii est». Главныя положенія Вольфа, изъ которыхъ виденъ въ-цѣлости весь взглядъ его на

[1] *Графъ Онорэ Мирабо*, 1749—1791, авторъ сочиненія «о прусской монархіи» и брошюры: Doutes sur la liberté de l'Escaut.

Digitized by Google

дѣло, могутъ быть выражены слѣдующимъ образомъ. Ясно, что на націи нужно смотрѣть какъ на отдѣльныхъ индивидовъ, пребывающихъ въ естественномъ состояніи. Къ народамъ приложимы всѣ тѣ права и обязанности, которыя даетъ и предписываетъ природа людямъ свободнымъ, хотя и связаннымъ между собою узами juris naturae. Но тѣмъ не менѣе націи и независимыя государства суть лица юридическія (personæ morales)..... Существо и видовое понятіе ихъ, по необходимости и во многихъ отношеніяхъ, отличаются отъ природы и сущности лицъ физическихъ. Отсюда слѣдуетъ, что примѣняя къ націямъ и государствамъ права и обязанности, вытекающія ex jure naturæ, нужно видоизмѣнить ихъ, приспособляясь къ своеобразному характеру политическихъ единицъ или особей. Отсюда, далѣе, явствуетъ, что международное право не тождественно съ правомъ естественнымъ, опредѣляющимъ дѣйствія отдѣльныхъ лицъ. Вотъ почему и научное изложеніе его должно быть независимо отъ права естественнаго[1]. Но какъ бы ни были тверды основы естественнаго права, для Вольфа кажется очевиднымъ дѣломъ — невозможность ограничиться однимъ естественнымъ закономъ и необходимость прибѣгать къ нормамъ установленнымъ или положительнымъ. Сказанное относится въ одинаковой степени къ отношеніямъ внутри и внѣ государства (Quemadmodum ea est hominum conditio, ut in civitate rigori juris naturæ per omnia ex asse satisfieri non possit, ac propterea legibus positivis opus sit.... ita similiter gentium ea est conditio, ut rigori juris gentium naturali per omnia ex asse satisfieri nequeat, atque ideo jus istud in se immutabile tantisper immutandum sit, ut neque in totum a naturali recedat, nec per omnia ei serviat). Отсюда слѣдуетъ у Вольфа установленіе тройственной системы положительныхъ правилъ, въ междугосударственной

[1] Ср. *Wolf*, Jus gentium etc. Præfatio.

Digitized by Google

жизни: 1) право народовъ произвольное (jus gentium voluntarium), выведеніе (дедукція) котораго опирается на априорическомъ предположеніи (вѣрнѣе даже — на фикціи) о великомъ союзѣ народовъ (civitas gentium maxima), установленномъ самою природою; 2) право народовъ договорное, pactitium, вытекающее изъ открытыхъ соглашеній (а не изъ предполагаемыхъ, какъ jus gentium voluntarium) между націями и государствами; 3) право обычное (consuetudinarium), устанавливающееся молчаливымъ согласіемъ (tacito consensu) между народами. Изъ сказаннаго видно, что Вольфъ гораздо тѣснѣе понимаетъ, чѣмъ Г. Гроцій, произвольное право народовъ (jus voluntarium), расходясь съ голландскимъ публицистомъ и во взглядѣ на источникъ juris voluntarii, и что, далѣе, точно такъ-же ограничена у Вольфа, сравнительно съ Гроціемъ, сфера дѣйствія обычнаго права народовъ.

Швейцарецъ *Ваттель* (1714 — 1767 гг.), современникъ, послѣдователь и почитатель Вольфа, продолжаетъ развивать систему своего учителя въ сочиненіи — «Le droit des gens, ou principes de la loi naturelle, appliqués à la conduite et aux affaires des nations et des souverains», 1758. Обращая вниманіе на популяризацію идей и ученій Вольфа, улучшая сухую и демонстративную діалектику философа, стремившагося вводить математическіе пріемы въ метафизику и юриспруденцію, Ваттель не всегда и не во всемъ сходится съ авторомъ книги «Jus gentium, methodo scientifica pertractatum». Съ выборомъ черпалъ я изъ этого источника — говоритъ Ваттель[1] — матеріалы, которые извлекалъ я оттуда и приспособлялъ къ собственному моему плану». Прежде всего расходится Ваттель съ Вольфомъ по коренному вопросу объ источникѣ и основахъ произвольнаго права народовъ (jus g. voluntarium), отвергая

[1] Droit des gens. Préf. Ср. тамъ-же p. 58 etc.; prélim., §§ 6—9.

Digitized by Google

предположеніе или философскій вымыслъ касательно «великой общенародной республики» и возстановляя во всей чистотѣ идею о правѣ народовъ какъ о естественномъ законѣ въ примѣненіи къ отношеніямъ между націями и государствами. Послѣднія столь-же самодержавны и независимы другъ передъ другомъ, какъ свободны и неподвластны одинъ другому люди, живущіе въ естественномъ состояніи. Естественное право есть норма, необходимая и безусловно-обязательная какъ для частныхъ лицъ, такъ и для государствъ и націй; собственно говоря, народы не должны измѣнять естественное право ни своими постановленіями, ни договорами.

Но здѣсь Ваттель нѣсколько-неожиданно уклоняется отъ строгой послѣдовательности собственнаго ученія и выводитъ изъ независимости и свободы націй право заключать договоры и соглашенія, хотя бы даже отступающіе отъ началъ и опредѣленій закона, продиктованнаго самою природою. И другія націи, уважая взаимную независимость, обязаны терпѣть подобныя постановленія не нарушающія совершенныхъ (parfaits) правъ ихъ, хотя бы сами по себѣ постановленія эти были въ разладѣ съ «необходимымъ правомъ народовъ»[1]. Такимъ путемъ происходитъ право произвольное, какъ видоизмѣненіе естественнаго закона (Во всемъ сказанномъ явственно обозначается серьезное разногласіе съ Вольфомъ по вопросу о томъ: гдѣ источникъ и санкція того juris voluntarii, установленіемъ и опредѣленіемъ котораго занимались, до Ваттеля, Вольфъ и Г. Гроцій). Право народовъ договорное у Ваттеля составляетъ тѣ нормы, которыя опредѣляются открытымъ соглашеніемъ между нѣсколькими націями; право это не имѣетъ общеобязательной силы. Право обычное, вытекающее изъ usus, имѣетъ такое-же частное значеніе между сторонами, соблюдающими обычай. Въ

[1] «Avec le droit des gens nécessaire suivant la loi interne». См. Droit des gens, prélim. § 9.

Digitized by Google

общемъ выводѣ изъ ученія Ваттеля, получившаго великое распространеніе между теоретиками и практиками XVIII стол., вытекало такое положеніе, что «главною основою международнаго права служитъ законъ естественный, хотя послѣдній можетъ и долженъ подвергаться различнымъ измѣненіямъ въ приложеніи своемъ къ отношеніямъ между націями и государствами на практикѣ».

Іоганнъ-Іаковъ Мозеръ (1701—1785), написавшій въ 1750 г. небольшое сочиненіе по международному праву и затѣмъ въ 1760 году издавшій «Опытъ новѣйшаго международнаго права Европы»[1]. Послѣднее сочиненіе сдѣлало его имя извѣстнымъ, такъ-какъ Мозеръ выступилъ въ своихъ работахъ органомъ новаго, правда — крайняго, направленія. Мозеръ сталъ въ-разрѣзъ главн. образомъ съ ученіемъ Пуффендорфа, но отчасти Вольфа и Ваттеля, т. е. со всею школою естественно-философскаго права; самъ онъ искалъ опоры международнаго права въ трактатахъ, обычаяхъ, подкрѣпляя историческими примѣрами свои выводы. Однимъ словомъ, Іоганнъ-Іаковъ Мозеръ можетъ быть названъ представителемъ позитивнаго направленія и живою противоположностью отрицательному воззрѣнію Пуффендорфа на значеніе трактатовъ въ ряду источниковъ международнаго права. Можно, однакоже, замѣтить, что Мозеръ чрезвычайно съузилъ тотъ историческій районъ, изъ котораго черпаетъ свои примѣры: по мнѣнію Мозера, достаточно опираться на факты и трактаты, начиная съ 1740 года. Но понятно, что отвергая всякую отвлеченную рефлексію и допуская одни только положительные источники, Мозеру слѣдовало выдти изъ тѣсныхъ предѣловъ 40-лѣтняго періода, отъ 1740 до 1780 г., и поискать примѣровъ и фактовъ, для установленія научныхъ началъ, въ цѣлой исторіи трактатовъ и международныхъ обычаевъ. Иначе предстояла опасность невѣрныхъ

[1] См. о Мозерѣ: *Уитонъ*, Histoire, 387—389. *Calvo*, 53, 54. *Halleck*, § 24.

Digitized by Google

выводовъ и заключеній отъ частнаго къ общему, и позитивизмъ, имѣющій свою хорошую сторону, легко выражался въ грубый эмпиризмъ, безъ всякой общей идеи, безъ истинно-научнаго значенія. Нападая на Пуффендорфа, Вольфа и Ваттеля, Мозеръ говоритъ: «Я не хочу писать ни схоластическаго, ни философскаго международнаго права, построеннаго на фантастическихъ идеяхъ (о международномъ правѣ); я не буду писать и политическаго международнаго права, подобно Сенъ-Пьеру, а попытаюсь изложить положительное, практическое международное право». Вообще у Мозера было много недостатковъ вслѣдствіе его односторонности. Тѣмъ не менѣе за Мозеромъ пошелъ рядъ послѣдователей въ лицѣ Мабли, Мозера-сына, Реаля, Ахенвалля и др.

Въ началѣ XVIII и даже въ концѣ XVII столѣт. явилось въ литературѣ международнаго права другое направленіе — соединительное, самымъ талантливымъ представителемъ котораго былъ Бенкерсгукъ[1]. Система Бенкерсгука такова: не всегда международное право можетъ выводить свои начала изъ принциповъ естественнаго права. Государство руководится разумомъ, но разумомъ, высказываемымъ не въ однихъ отвлеченныхъ положеніяхъ, а также въ обычаяхъ и трактатахъ, которые, въ свою очередь, повѣряются историческими примѣрами и судебными рѣшеніями спорныхъ случаевъ. Попытка примирить направленіе философское съ положительнымъ здѣсь несомнѣнна, и надо замѣтить, что она была выполнена Бенкерсгукомъ лучше, чѣмъ многими другими изъ послѣдователей соединительнаго направленія[1]. Къ послѣднимъ относится баронъ Георгъ Фридрихъ Мартенсъ, написавшій очень много сочиненій по международному праву, изъ которыхъ особенно пользовалось извѣстностію — «Со-

[1] См. in extenso у *Уитона*, I, 244 — 257. Ссылка на Бенкерсгука сдѣлана уже нами выше, при перечисленіи публицистовъ послѣ Гроція. О Мартенсѣ см. *Calvo*, p. 61, 62. — *Halleck*, § 27. — *Уитонъ*, I. 390—393. — *Роб. фонъ-Моль*, I, 392, 393.

Digitized by Google

кращенное изложеніе современнаго международнаго права»; это сочиненіе 1788 г. служило долгое время образцомъ систематики для французскихъ и особенно нѣмецкихъ учебниковъ международнаго права. Однако Мартенсъ справедливо укоряется новѣйшими критиками (Гагерномъ, Пиньеро-Ферейрой etc.) въ томъ, что и онъ рѣдко возвышается до общихъ началъ, довольствуясь состояніемъ современной политики. Лучшіе учебники и книги мартенсовой школы принадлежатъ Клюберу и Шмальцу. Въ послѣднюю четверть XVIII ст., передъ самою революціею, литература международнаго права представляетъ намъ еще два извѣстныхъ имени: Лампреди и Галльяни. Первый изъ нихъ написалъ въ 1778 г. сочиненіе «Jus naturale et jus gentium», въ которомъ глава о нейтралитетѣ вызвала критику аббата Галльяни въ его книгѣ: «О правахъ нейтральной торговли и о правахъ нейтральныхъ государствъ.

Очеркъ исторіи международныхъ отношеній отъ революціи 1789 года до нашихъ дней, и въ-особенности о вѣнскомъ конгрессѣ.

§ 13. Теперь займемся краткимъ обзоромъ тѣхъ событій, въ которыхъ рѣзко выразился протестъ противъ внутренней и внѣшней политики истекшихъ вѣковъ. «Философы, которые являются послѣ періода Людовика XIV, провозгласили — по замѣчанію Марка-дю-Фресса[1] — начала мира и безкорыстія въ международномъ правѣ. Вѣчный миръ есть утопія, но и этой утопіи не было бы, если-бы не мечтали о ней французы. Во многихъ письмахъ къ Фридриху Великому Вольтеръ осмѣиваетъ войну и завоеванія. Самъ счастливый игрокъ россбахскій (т. е. Фридрихъ II) говорилъ д' Аламберу, что предпочелъ бы писать трагедіи, чѣмъ вести войны. Нельзя вѣрить на-слово тому, что

[1] Histoire du droit de guerre et de paix. VI. 218 etc.

Digitized by Google

высказываетъ тонкій и саркастическій философъ потсдамскій; но все-таки слова его характеризуютъ тотъ вѣкъ, впервые заговорившій, серіезно и устами многихъ людей, противъ войны. И сама революція 1789 г. была, въ-началѣ, чужда завоевательныхъ стремленій. Люди учредительнаго и законодательнаго собраній не мечтаютъ о войнахъ, о захватахъ, а приглашаютъ своихъ сосѣдей къ миру, дружбѣ, къ уменьшенію вооруженій и т. п.». Эти лучшіе люди дѣйствительно были идеалистами. Они искренно вѣруютъ, что 1789 годъ есть реакція правды противъ грубой силы, свободы противъ деспотизма, добросовѣстности противъ коварства и обмана. И есть факты, которые имѣютъ значеніе сильныхъ доказательствъ противъ мнѣній Карлейля, Артура Юнга, Фридриха Генца, Шёлля и др., будто мятежное меньшинство законодательнаго собранія вызвало первую революціонную войну, видя въ ней средство опрокинуть монархію Людовика XIV. Такого рода мнѣнія высказываются издавна и доходятъ до нашего времени, такъ-что у Зибеля, напр., выражается мысль, будто война Франціи противъ Германіи была поднята по доброй волѣ революціонныхъ представителей французской націи. Но не войну, а миръ имѣло въ виду законодательное собраніе, потому что люди, питающіе завоевательные замыслы, не стали бы отказываться въ 1790 году отъ поддержки возстанія въ бельгійскихъ провинціяхъ противъ Іосифа II; еще менѣе можно было, повинуясь твердой рѣшимости: во что бы то ни стало вести войну и революціонную пропаганду, устранить отъ себя всякое содѣйствіе люттихскому народному движенію противъ епископа. Наконецъ, достаточно указать на статью уголовнаго кодекса, проектированную въ 1791 г., чтобы оцѣнить истинныя намѣренія людей начала революціи: «назначается смертная казнь противъ каждаго виновнаго въ начатіи враждебныхъ дѣйствій и въ нарушеніи трактатовъ съ цѣлью возжечь войну между Франціею и какою-либо иностранною державою» (Quiconque commetrait des agressions

Digitized by Google

ou infractions de traités, tendantes à allumer la guerre entre la France et une nation étrangère). «Происхожденія войны 1792 г., говоритъ Уитонъ, слѣдуетъ искать въ примѣненіи союзными державами вооруженнаго вмѣшательства по отношенію къ Франціи съ тою цѣлью, чтобы не дать развиться революціоннымъ началамъ. Исторія даетъ намъ примѣры, какъ опасно вносить въ кодексы международнаго права принципъ вмѣшательства, столь неопредѣленный въ теоріи и такъ легко поддающійся злоупотребленіямъ на практикѣ». Вотъ слова бывшаго берлинскаго, а теперь мюнхенскаго, профессора Гольцендорфа о французской революціи: «Сначала французская революція была движима самыми возвышенными космополитическими идеями о личной свободѣ, о незаконности рабства, о свободѣ совѣсти, допущенной тогда въ Германіи лишь для имперскихъ чиновъ извѣстныхъ исповѣданій; вотъ въ чемъ — международное значеніе французской революціи, которая, установивъ равенство передъ закономъ, разширила индивидуальныя права человѣка въ интересахъ международнаго единенія. Но, выдержавъ нападеніе со всѣхъ сторонъ, французская республика была быстро увлечена отъ побѣдъ къ побѣдамъ и, отправившись отъ космополитическихъ идей, фатально пришла къ общеевропейскому цезаризму»[1]. Во всякомъ случаѣ, французская революція оказалась такимъ событіемъ, которымъ были потрясены международные интересы Европы; ея вліяніе сказалось и на американскомъ континентѣ.

Примѣчаніе. Краткій очеркъ нашъ періода отъ 1789 по 1815 годъ коснется только главнѣйшихъ событій и трактатовъ, которыми совершенно закончились революціонныя и имперскія войны. О промежуточныхъ трактатахъ — кампоформійскомъ, люневильскомъ, аміенскомъ — можно найдти подробности: въ запискахъ проф. Ка-

[1] *Holtzendorf*, Das europ. Völkerrecht. См. Encyclop. der Rechtswissenschaft. S. 758.

Digitized by Google

ченовскаго, въ исторіи Уитона, въ сокращенной исторіи трактатовъ Шёлля. См. *Гервинуса*, Исторія XIX ст. Введеніе. Сравн. также: *Уитона*, II, p. 1 etc. Сочиненія по исторіи революціи Минье, Тьера.—*Jomini*, Les guerres de la révolution.

Первый вопросъ, которымъ занялись въ это время, былъ—вооруженное вмѣшательство одного государства во внутреннія дѣла другого. Выше уже замѣчено, какъ война 1792 произошла отъ того, что императоръ вмѣшался въ дѣла французской республики, вслѣдствіе уничтоженія ею феодальныхъ повинностей, связанныхъ съ интересами тѣхъ пограничныхъ германскихъ князей, которые были въ вассальной зависимости отъ Франціи. Весь періодъ времени отъ 1792-го до 1815 г. переполненъ вопіющими нарушеніями принциповъ международнаго права и законныхъ правъ малыхъ государствъ. Достаточно напомнить, что, возставая противъ вредныхъ для себя принциповъ революціи, Англія и ея союзники остановились на небываломъ способѣ принуждать врага къ покорности,—на такъ называемой системѣ голода—le système de la famine: они запретили подвозъ всѣхъ припасовъ къ французскимъ берегамъ. Это средство, будучи крайнимъ, трудно осуществлялось на практикѣ. Одна крайность вызвала другую, и конвентъ отплатилъ декретомъ 1793 г., по которому французскимъ корсарамъ давалось право захватывать и отводить въ порты республики всѣ корабли, не исключая притомъ даже нейтральнаго груза, если только онъ предназначался въ порты непріятельскіе. Декретомъ 1793 г. и системою голода уничтожалась всякая возможность нейтральной торговли. Чѣмъ ожесточеннѣе велась борьба, тѣмъ болѣе увлекались стороны; такъ, Англія возстановила знаменитое правило 1756 г., безусловно запрещающее во время войны кому бы то ни было торговлю съ колоніями. Слѣдовательно, не только прибрежныя моря, но и океанъ запирался для кораблей нейтральныхъ націй. Англійскіе корсары, многочисленные, ловкіе и дерзкіе, наносили страшный

Digitized by Google

вредъ. Франція обратилась къ вашингтонскому кабинету и предложила ему вмѣшаться въ это дѣло; но правительство сѣверо-американскихъ штатовъ отклонило предложеніе и отвѣчало, что никто не можетъ возбранить Англіи дѣйствовать согласно постановленіямъ своего мѣстнаго законодательства, — а слѣдовательно сѣверо-американскимъ штатамъ нѣтъ никакихъ основаній сопротивляться дѣйствіямъ англійскихъ корсаровъ на морѣ[1]. Тогда директорія, въ 1796 году, издала новый декретъ, который объявлялъ законнымъ призомъ грузъ, захваченный подъ американскимъ флагомъ, и только въ 1799 г., послѣ дипломатическаго спора между Пруссіею и Соединенными штатами, было высказано правило о томъ, что «грузъ на свободномъ, т. е. нейтральномъ, кораблѣ свободенъ отъ захвата» (Navires libres, marchandises libres; navires ennemis, marchandises ennemies). Злоупотребленія воюющихъ сторонъ и безцеремонное ихъ обращеніе съ интересами нейтральныхъ государствъ вызвали вторично идею о вооруженномъ нейтралитетѣ. Инціатива въ этомъ дѣлѣ и въ 1790 году, какъ это было десять лѣтъ тому назадъ, принадлежала Россіи. Русское правительство заключило союзъ съ Пруссіею, Швеціею и Даніею съ цѣлью охранять взаимные интересы общими силами, посылать для конвоированія судовъ эскадры и крейсеровъ. При этомъ возстановлены были коренные пункты нейтралитета 1780 г., а именно: 1) свобода плаванія нейтральныхъ кораблей между портами воюющихъ державъ; 2) нейтральный флагъ прикрываетъ отъ захвата всякій грузъ, за исключеніемъ военной контрабанды; 3) понятіе военной контрабанды опредѣлялось на основаніи трактата Россіи съ Англіею 1766 г.; 4) блокада тогда-только имѣетъ силу, когда она дѣйствительная, а не фиктивная, на бумагѣ (blocus sur papier); 5) плавающіе суда могутъ быть останавливаемы не иначе, какъ по

[1] См. *Уитонъ*, II. 47 etc.; *Ортоланъ*, Règles, II. 3. 143 etc.; *Кальво*, 56.

Digitized by Google

справедливымъ и очевиднымъ основаніямъ, держась при этомъ однообразнаго, быстраго и законнаго способа дѣйствій; 6) одного объявленія офицера, командующаго нейтральнымъ конвоемъ при торговыхъ судахъ, о томъ, что грузъ не содержитъ въ себѣ контрабанды, достаточно для устраненія осмотра со стороны кораблей воюющихъ державъ. Остальныя статьи петербургскихъ трактатовъ о вооруженномъ нейтралитетѣ касались военныхъ мѣръ и союза всѣхъ четырехъ контрагентовъ на случай взаимной защиты отъ нападенія на кого-либо изъ союзниковъ, а также для охраны интересовъ нейтральной торговли отъ возможныхъ нарушеній.

Понятно, что вооруженный нейтралитетъ не могъ нравиться Англіи, а отсюда протестъ и слѣдующее безпримѣрное дѣйствіе со стороны послѣдней: англійская эскадра явилась у береговъ Даніи и, послѣ короткихъ переговоровъ съ датскимъ правительствомъ объ отступленіи отъ вооруженнаго нейтралитета, начала битву у Копенгагена. Устрашенная Данія принуждена была отказаться отъ нейтралитета. Такія дѣйствія Англіи должны были вызвать всеобщую войну; но умеръ императоръ Павелъ, на престолъ вступилъ Александръ I,—и русская политика вступила въ новую фазу, предвидя необходимость скорой борьбы съ Бонапартомъ. Не мѣшало позаботиться о союзникахъ, между которыми первое мѣсто, конечно, должно было принадлежать самому заклятому врагу революціонной Франціи (т. е. Великобританіи). Въ 1801 г. между Россіею и Англіею было заключено перемиріе, перешедшее въ 1802 году въ миръ, къ которому присоединились Данія и Швеція[1]. Конвенція, установившая миръ между Англіею и сѣверными державами, любопытна въ томъ отношеніи, что представляетъ собою сдѣлку или компромиссъ между началами вооруженнаго нейтралитета и старинною, суровою по-

[1] См. in extenso *Уитонъ*, II, 86—94.

Digitized by Google

литикою Англіи. Притѣсненія нейтральной торговли вызвали въ 1812 году войну Англіи съ Соединенными штатами, которая закончилась въ 1814 г. миромъ въ Гентѣ. Но этотъ миръ ничего не сдѣлалъ для спорныхъ вопросовъ, касающихся нейтральной торговли.

Періодъ времени отъ 1790 г. по 1815 г. былъ обиленъ не только войнами, но и дипломатическими спорами касательно слѣдующихъ важныхъ вопросовъ: 1) о правѣ частной собственности во время сухопутныхъ войнъ, о добычѣ и о военной контрабандѣ; 2) о военномъ занятіи страны и военномъ завладѣніи; 3) о блокадѣ и осадѣ крѣпостей; 4) о военноплѣнныхъ и объ обращеніи съ ними, и 5) о нейтралитетѣ, о морской войнѣ и морской торговлѣ. При этомъ понятіе контрабанды все-таки было весьма широко[1], блокада была разширена до небывалыхъ размѣровъ, такъ-какъ воюющіе объявляли запертыми (на бумагѣ) всѣ порты въ территоріяхъ своихъ противниковъ. Колоніальная торговля была уничтожена совершенно; нейтральные корабли подвергались среди океана и морей постояннымъ задержаніямъ и осматривались съ цѣлью захвата призовъ, безъ всякаго уваженія къ достоинству ихъ флаговъ. Однимъ словомъ, какъ справедливо замѣчаетъ Галлекъ (стр. 27), всяческіе предлоги измышлялись, чтобы уничтожить торговлю нейтральныхъ государствъ и заставить ихъ присоединиться къ воюющимъ державамъ, которыя и безъ того уже деспотически властвовали на океанѣ.

Вообще, названіе *революціоннаго періода* вполнѣ и по заслугамъ принадлежитъ, въ исторіи международныхъ отношеній, времени отъ начала девяностыхъ годовъ прошлаго столѣтія до 1815 года. Никогда еще политическая система не подвергалась такимъ быстрымъ и серіёзнымъ измѣненіямъ, никогда событія европейской исторіи не высказывали, до такой степени,

[1] Ср. *Уитона*, Истор. II, стр. 1—106. Графа *Гардена*, I; XXXIX—LIII.

Digitized by Google

шаткость и ненадежность принципа равновѣсія, на установленіе котораго затрачено было столько дипломатическаго генія, столько денежныхъ средствъ и крови человѣческой. Пришлось дѣлать невѣроятныя усилія, чтобы бороться противъ французскихъ армій въ Италіи, Германіи, Испаніи и, наконецъ, въ Россіи. Отъ первой коалиціи 1792-го до 1815 г., одной Англіи война стоила до 72 милліардовъ франковъ, какъ замѣчаетъ графъ Гарденъ [1]. Франція, по разсчету Гервинуса, затратила, отъ 1802 по 1814 г., 5 милліардовъ денегъ и пожертвовала $^1/_6$ изъ трехъ милліоновъ солдатъ, отнятыхъ отъ земледѣлія и промышленности въ тотъ-же промежутокъ времени. Борьба принимаетъ самый ожесточенный и напряженный характеръ, линейныя войска и постоянныя арміи не достигаютъ цѣли; «каждый гражданинъ объявляется солдатомъ», и война становится «народною», со всѣми неизбѣжными ужасами этого кровопролитнѣйшаго изъ многихъ способовъ взаимнаго истребленія между людьми и государствами.—Результаты первой коалиціи, весьма грозной по числу и могуществу своихъ членовъ, оказались неудачными для союзниковъ: въ 1795 году, Пруссія и Испанія, по базельскому миру, устраняются отъ борьбы; итальянскія государства платятся территоріями и милліонными контрибуціями въ пользу французской республики. Одна Австрія, опираясь на англійскіе червонцы, не отступаетъ отъ состязанія, но терпитъ тяжкія пораженія въ Италіи. Россія, безъ серіёзныхъ результатовъ, но блистательно борется въ лицѣ своего Суворова противъ лучшихъ генераловъ и представителей военнаго генія французскаго народа. Трактатъ кампоформійскій (1797 г.) даетъ Франціи *естественную* границу — Рейнъ со стороны Германіи и окружаетъ, шатающуюся внутри, республику французскую цѣлою системою вассальныхъ республикъ, поставленныхъ въ тѣсную зависимость

[1] I. XLI, Nota 1.

Digitized by Google

отъ метрополіи, гдѣ генералъ Бонапартъ скоро долженъ былъ замѣнить тогу выборнаго сановника порфирою императорскою. Раштадтскіе переговоры съ германскими имперскими владѣтелями тянутся отъ 1797-го до 1799 года, но безъ послѣдствій. Франція смѣло заявляетъ претензію на весь лѣвый берегъ Рейна, послѣдовательно проводя опасную и знаменитую въ новѣйшей исторіи международныхъ отношеній теорію «естественныхъ границъ». Миръ дѣлается невозможнымъ вслѣдствіе возмутительнаго преступленія: избіенія французскихъ уполномоченныхъ. Состояніе политическихъ дѣлъ и международныхъ отношеній походитъ на волканъ, гдѣ незначительный слой охладѣвшаго пепла едва прикрываетъ готовое уже изверженіе.

Въ 1799 г. составляется вторая коалиція противъ Франціи, и членомъ этой коалиціи, кромѣ Россіи, Англіи, Австріи, всей германской имперіи, королевства обѣихъ Сицилій и Португаліи, становится даже Турція, желая отмстить за сирійскія и египетскія пораженія. Швейцарія оставалась безучастною; тѣмъ не менѣе нейтралитетъ ея нарушается Франціею; старинная федерація кантоновъ уничтожается; гельветическая республика, насильственно объединенная безцеремонною рукою сосѣда, не по своей волѣ пріурочивается къ французской политикѣ. Не смотря на коалицію, и быть можетъ даже пользуясь ею для своихъ цѣлей, Бонапартъ совершаетъ переворотъ 18 брюмера, поразившій республиканскую партію и конституцію Буассѝ д' Англà.— Первый консулъ является уже въ роли Цезаря передъ легіонами, воевавшими противъ варваровъ для завоеванія Рима. Побѣды легко даются генію Бонапарта, которому французскій шовинизмъ расточалъ нерѣдко льстивыя похвалы, называя Наполеона «самымъ блестящимъ маякомъ на океанѣ вѣковъ» («Le plus éclatant de ces phares animés que la Providence fait briller de loin en loin sur l'océan des ages pour montrer de quels prodiges est capable le développement le plus complet de l'in-

Digitized by Google

telligence humaine, secondé dans son action de toute la faveur de la fortune»). Французскій народъ, принявъ цезаризмъ Наполеона, поступилъ согласно тому наблюденію, которое высказалъ недавно благородный и вѣрный своимъ убѣжденіямъ Эдгаръ-Кине: «J'admire, comment les mêmes hommes, si exigeants, si impatients dans la liberté, deviennent aussitôt les plus patients des êtres sous l'oppression ou la terreur»[1]. Новая и страшная сила все болѣе и болѣе грозила Европѣ. Австрія, почти задавленная французскими побѣдами, заключила миръ въ Люневиллѣ (1801) и даже Великобританія подписала трактатъ въ Аміенѣ (1802 г.). За люневильскимъ и аміенскимъ трактатами послѣдовали, по рѣшенію имперской депутаціи 1803 г., секуляризація духовныхъ владѣній и медіатизированіе многихъ земель, что, de facto, составляло уже переходъ къ рейнскому союзу, формально заключенному нѣсколькими годами позже.

Въ 1804 г. Наполеонъ сдѣлался императоромъ; но еще въ 1803 году загорѣлась вновь война между Англіею и Франціею. Континентальныя государства остаются безучастными до 1805 года, когда образуется третья коалиція, связанная, въ воспоминаніяхъ европейскихъ народовъ, съ ульмскою капитуляціею, съ аустерлицкою битвою, и вообще наименѣе удачная уже потому, что она была прекращена, еще до окончательнаго образованія своего, миромъ въ Пресбургѣ (1805 г.). Трактату пресбургскому предшествовали переговоры въ замкѣ Никольсбургѣ (принадлежавшемъ принцамъ Дитрихштейнъ). И здѣсь-то проявилась дѣятельность знаменитаго Талейрана въ переговорахъ съ Лихтенштейномъ и Гаугвицемъ, уполномоченными отъ Австріи и Пруссіи, на такъ называемомъ «никольсбургскомъ конгрессѣ». Проекты французской дипломаціи—результатъ личной энергіи и военныхъ успѣховъ съ одной стороны, слабости характеровъ и

[1] La Révol. T. II. P. 228.

Digitized by Google

унныя отъ неудачъ съ другой — поражаютъ своею смѣлостію. «Союзный трактатъ съ Австріею, подъ условіемъ уступки этой державѣ Валахіи, Молдавіи, Бессарабіи и Болгаріи», читаемъ мы въ корреспонденціи Талейрана, «отвергнутъ, не смотря на тысячу основательныхъ причинъ въ пользу подобнаго плана. Предпочитаютъ у насъ: ослабивъ Австрію, сблизиться съ Россіей. *Не таково на этотъ счетъ мое мнѣніе*, да вѣдь оно откинуто» и т. д.[1]. Въ Пресбургѣ была почти совсѣмъ рѣшена участь Священной римской имперіи, раздробленіе и паденіе которой, въ связи съ фактическимъ подчиненіемъ прирейнскихъ земель Наполеону согласно любимому идеалу его о гегемоническихъ союзахъ Франціи на правахъ неравенства для socii et foederati, подготовлено было въ значительной степени международными и политическими актами 1801 и 1803 гг. Однимъ изъ ближайшихъ послѣдствій пресбургскаго трактата было формальное закрѣпленіе рейнскаго союза, 12 іюля 1806 года, протекторомъ котораго объявленъ Наполеонъ. Въ августѣ того-же

---

[1] Ср. *Гардена*, X. стр. 29, 30, 31 и слѣд. «Nous travaillons tous les jours»— говорилъ Талейранъ—«à des plans de pacification; en voici un nouveau... Plus d'empereur d'Allemagne! Trois empereurs en Allemagne: France, Autriche et Prusse. Plus de Ratisbonne! Le système fédératif de la France est composé de la Bavière telle qu'elle est... et tout le Tyrol, c'est-à-dire tout le Tyrol allemand. Tout le Tyrol italien serait réuni au royaume d'Italie, ainsi que Venise et toute la Côte Adriatique... L'Orténau et le Brisgau, ainsi que les villes de Constance et de Lindau seraient donnés à l'électeur de Bade,—l'Autriche antérieure à l'électeur de Würtemberg, ainsi que le Vorarlberg... Les biens domaniaux... seraient, par portions, érigés en principautés et chacune de ces principautés serait donnée par l' Empéreur à un maréchal de l'Empire ou à quelque homme qu'il voudrait récompenser et qui s'appellerait «prince», ce qui ne l'empêcherait pas de rester au service de la France» etc.—Приведенный нами отрывокъ весьма характеренъ: здѣсь мы видимъ лучшій образчикъ изъ старинной дипломатіи, распоряжавшейся, помимо заботъ о національности, судьбою государствъ и народовъ. Пресбургскій, шенбрунскій и другіе трактаты той эпохи едва-ли не превзошли, произвольностію и безцеремонностію своихъ статей, благочестивыя пожеланія Талейрана и другихъ ex-революціонеровъ, попавшихъ въ придворные дипломаты къ Бонапарту.

Digitized by Google

года, Францъ II-й сложилъ съ себя корону германскаго императора. При такихъ-то обстоятельствахъ сокрушилось одно изъ самыхъ крупныхъ политическихъ дѣлъ вестфальскаго трактата и сбылось, по-крайней-мѣрѣ отчасти, предсказаніе Талейрана: «не будетъ болѣе германскаго императора». Говоримъ: «отчасти», потому-что дальнѣйшій ходъ немедленно послѣдовавшихъ событій не оправдалъ восклицанія знаменитаго французскаго дипломата: «въ Германіи будутъ три императора: французскій, австрійскій и прусскій»[1]. Справедливо замѣчаютъ историки той печальной для международнаго права эпохи, что съ пресбургскимъ миромъ (1805 г.) окончательно устанавливается новый порядокъ вещей, т. е. такая мнимо-федеративная система, подъ маскою которой Наполеонъ хотѣлъ только скрыть свою диктатуру. «Я добивался владычества надъ міромъ» — сказалъ, въ одну изъ откровенныхъ минутъ, Бонапартъ *идеологу* Бенжамену Констану, — «и чтобы обезпечить его для себя, мнѣ была необходима власть безграничная» (J'ai voulu l'empire du monde, et pour me l'assurer, un pouvoir sans bornes m'était nécessaire»[2].

Дѣйствительно, воля французскаго императора служила уже въ ту пору закономъ для большей части Германіи, половина которой была занята войсками Наполеона. Пруссія, встревоженная и враждебная, но съ-виду нейтральная, составляла послѣдній пунктъ, гдѣ не погибла еще независимость государства. Здѣсь образовалась четвертая коалиція, разбитая ударомъ при Іенѣ (1806 г.); Пруссія разомъ потеряла то обаяніе военной и могущественной державы, которое было добыто побѣдами и дипломатіею Фридриха Великаго. Уничтожилась послѣдняя преграда между Россіею, замедлившею признать новаго Цезаря, и французскимъ императоромъ, о которомъ еще въ 1805 году писалъ угрожающимъ тономъ Талейранъ къ графу Кобенцелю,

[1] См. выше ноту съ отрывкомъ изъ переписки Талейрана.

[2] Ср. *Гарденъ*, X. U. S.

Digitized by Google

«что императоръ обиженъ Россіей, и что выноситъ новыхъ оскорбленій впредь не намѣренъ»[1]. Въ войнѣ четвертой коалиціи произошло уже столкновеніе при Эйлау и Фридландѣ между будущими борцами подъ Смоленскомъ, при Бородинѣ и на Березинѣ; но перемиріе, а потомъ тильзитскій миръ пріостановили кровопролитіе (1807 г.). Здѣсь былъ, можетъ статься, одинъ изъ самыхъ блестящихъ моментовъ въ жизни и владычествѣ Наполеона, когда онъ величаво выслушивалъ на спектакляхъ въ Эрфуртѣ привѣтствія европейскихъ государей подъ декламацію ad hominem изъ Эдипа:

«L'amitié d'un grand homme est un bienfait des dieux».

Россія вышла изъ конференцій для заключенія тильзитскаго мира, по-видимому, съ миролюбивымъ настроеніемъ относительно Франціи. При переговорахъ и соглашеніяхъ здѣсь, какъ и во многихъ другихъ международныхъ сдѣлкахъ той эпохи, все искусство дипломатовъ состояло въ томъ, чтобы приспособить взаимныя условія и статьи трактата къ плану, заранѣе начертанному рукою побѣдителя. На Вислѣ воздвигнуто было герцогство варшавское подъ эгидою дружественнаго Наполеону саксонскаго двора, съ очевидною цѣлью служить аванпостомъ для французской политики и, на всякій случай, опорнымъ пунктомъ для арміи не только противъ запуганной и ослабленной Австріи, но и противъ Россіи[2]. Рейнскій союзъ расширился; создано новое вассальное королевство — вестфальское, для Іеронима; другіе родственники и свойственники засѣли уже прежде на различныхъ престолахъ въ Италіи, и на престолѣ голландскаго королевства былъ посаженъ Людовикъ, отецъ императора Наполеона III. Повсюду, отъ Майна, Неккара и Рейна до Вислы и Одера,

[1] Ср. *Гарденъ*, VIII, стр. 426: «Depuis un an, l'Empereur n'a reçu du cabinet russe que des outrages. Son caractère et ses sentiments sont trop connus pour que l'on puisse croire qu'il s'exposera à des outrages nouveaux» etc.

[2] Ср. *Гарденъ*, X. 223, 224 и слѣд.

Digitized by Google

въ долинахъ По, Арно и Тибра, у самаго Везувія, были видны французскіе солдаты, а за легіонами гренадеровъ шли администраторы и правовѣды, съ Code Napoléon, закрѣпляя правительственною и юридическою связью тѣ узы, которыя наброшены были ударами оружія и дѣйствіемъ безцеремонной дипломатіи, заранѣе провозгласившей, что «титулъ владѣтельныхъ особъ не помѣшаетъ вассальнымъ государямъ остаться въ службѣ Франціи»[1].

Вскорѣ послѣ тильзитскаго мира, въ связи съ паденіемъ прусской монархіи, вышла на свѣтъ божій изъ бонапартовской канцеляріи *континентальная система*. Такъ называется совокупность мѣръ, большею частію несправедливыхъ, противныхъ духу и правиламъ международнаго союза, съ помощью которыхъ Наполеонъ хотѣлъ погубить торговлю и морское могущество Англіи. Передъ деспотическою волею Наполеона, чтобы ни одно произведеніе промышленности и колоній Великобританіи не находило для себя сбыта «отъ Лиссабона до Петербурга, отъ Кадикса до Константинополя» (по выраженію графа Гардена),— передъ такою волею блѣднѣли вражда и корысть, внушившія знаменитое правило 1756 г., въ эпоху семилѣтней войны. Континентальная система грубо нарушала основныя начала независимости государствъ, неприкосновенность публичной и частной собственности; система эта поражала не только англійскую, но и всемірную торговлю, и трудно обнять воображеніемъ всѣ тѣ послѣдствія, которыя имѣла бы мѣра, придуманная Наполеономъ, если-бы, по счастію для Англіи и для гражданственности всей Европы, мѣра эта не оказалась широкозадуманною утопіею. Политическое и международное значеніе Англіи слишкомъ велико, какъ бы мы строго ни смотрѣли на многія ошибки ея морской политики и на недостатки ея ди-

[1] . . S'appelerait «prince», ce qui ne l'empêcherait pas de rester au service de la France» etc.

Digitized by Google

ломатіи въ настоящее время; крайности современной манчестерской школы не должны уничтожать изъ памяти европейскихъ націй тѣхъ великихъ жертвъ, которыя понесла Англія въ борьбѣ противъ самой смѣлой и талантливой попытки основать всемірную монархію; не менѣе важна также дѣятельная роль Англіи въ эпоху возстановленія Бурбоновъ и реакціоннаго движенія въ Европѣ, въ долгій промежутокъ отъ 1815-го и до 1830, даже до 1848 года. Вотъ почему трудно останавливаться на оптимизмѣ того воззрѣнія, будто континентальная система «дала непомѣрно высокій полетъ промышленности Европы», и потому можетъ стать на одинъ уровень съ нѣкоторыми положительными и важными послѣдствіями отъ наполеоновской политики для европейскаго прогресса. Конечная гибель Англіи, задуманная французскимъ Цезаремъ, была бы несчастіемъ для всего міра. Такого результата не искупили бы собою: ни ускореніе послѣдняго часа разложившейся германской имперіи, ни секуляризація духовныхъ владѣній,—гдѣ, на пространствѣ почти двухъ тысячъ квадр. миль, болѣе трехъ милліоновъ людей выносили, въ теченіе цѣлыхъ столѣтій, дѣйствительно утонченный деспотизмъ (какъ говоритъ Мозеръ) своихъ властителей,—ни пробужденіе Италіи отъ 300-лѣтняго сна ея подъ сѣнью папской мантіи, прикрѣпленной штыкомъ швейцарца и кроата, ни административный порядокъ въ вассальныхъ земляхъ Франціи, принесшей въ подарокъ управляемымъ всесильную централизацію при равенствѣ гражданъ передъ закономъ. Наконецъ, коренной недостатокъ континентальной политики Наполеона заключался въ томъ, что она ставила въ зависимость отъ репрессаліи, и притомъ самой безцеремонной, интересы цѣлаго міра.

И никогда исторія международнаго права не произнесетъ одобрительнаго приговора надъ длиннымъ рядомъ статей берлинскаго декрета, отъ 21 ноября 1806 года, когда объявлены въ состояніи блокады всѣ острова британскіе, когда запрещены вся-

Digitized by Google

кія торговыя и даже почтовыя сношенія съ Англіею[1], — провозглашены военноплѣнными всѣ англійскіе подданные на континентѣ, признаны законнымъ призомъ всѣ товары, принадлежащіе англичанамъ и, наконецъ, удалены навсегда изъ портовъ Европы подъ страхомъ конфискаціи корабли англійскіе. За-тѣмъ начинается цѣлая вереница императорскихъ декретовъ и постановленій королевскаго совѣта, которыми продолжался небывалый еще до сихъ поръ, крайне-ожесточенный способъ борьбы. За британскимъ ордеромъ 7-го января, запрещавшимъ кому-бы то ни было приставать на судахъ къ портамъ Франціи или государствъ, состоящихъ подъ ея вліяніемъ, слѣдовалъ декретъ варшавскій, 25 января, которымъ предписывалась конфискація всѣхъ безъ различія англійскихъ товаровъ въ ганзейскихъ городахъ и т. д., пока декретомъ 1810 г. 15 октября не воздвигнуты были такъ называемые «костры торговой инквизиціи» (les bûchers de l'inquisition commerciale) для англійскихъ товаровъ[2]. Любопытно посмотрѣть, каково было дѣйствіе перечисленныхъ декретовъ на союзниковъ Наполеона: «государи рейнскаго союза — говоритъ Гарденъ (316), поторопились наперерывъ привести въ исполненіе статьи наполеоновскихъ приказовъ; одинъ изъ этихъ послѣднихъ обогащалъ ихъ казну, другой давалъ случай показать усердіе къ властелину, котораго имѣли они неблагоразуміе поставить надъ собою. Отъ Карлсруэ до Мюнхена, отъ Касселя

[1] См. *Гарденъ*, X. 307 и слѣд.: «Les lettres et paquets adressés ou en Angleterre, ou à un anglais, ou écrites en langue anglaise, n'auront pas cours aux postes et seront saisis».

[2] Вотъ статьи этого декрета: 1) Toutes les marchandises quelconques provenant de fabriques anglaises et qui sont prohibées *existant aujourd'hui* en France... seront brûlées publiquement; 2) *A l'avenir* toutes marchandises de fabriques anglaises... *seront brûlées*. Ср. *Гарденъ*, X. 315, и слѣд.—Статьи 3, 4, 5, 6 и 7 фонтенблоскаго декрета предписываютъ тѣ-же мѣры въ Голландіи, ганзейскихъ городахъ, въ Италіи, иллирійскихъ провинціяхъ, въ неаполитанскомъ королевствѣ, въ Испаніи и вообще во всѣхъ городахъ и мѣстностяхъ, занятыхъ французскими войсками.

Digitized by Google

до Дрездена и Гамбурга, отряды войскъ осматривали склады и магазины и зажигали праздничные костры, которыми пожиралось достояніе негоціантовъ, подавая при этомъ *утѣшительную надежду* англійскимъ фабрикантамъ, что, со-временемъ, они замѣнятъ уничтоженные товары новыми. Мы воздерживаемся отъ перечисленія многочисленныхъ указовъ, которыми кое-какія правительства опередили даже желанія своего протектора» и т. д.

Для характеристики людей и эпохи, которыхъ мы касаемся въ настоящемъ отдѣлѣ исторіи международныхъ отношеній, необходимо упомянуть о системѣ *лицензій* (licences), или изъятій отъ строгихъ правилъ континентальной системы,—изъятій, заимствованныхъ у Англіи, практиковавшей ихъ съ цѣлью выдти изъ предѣловъ навигаціоннаго акта. Въ силу наполеоновскихъ лицензій, дозволялось ввозить извѣстное количество колоніальныхъ товаровъ, подъ условіемъ равноцѣннаго вывоза французскихъ мануфактурныхъ (особенно шелковыхъ) произведеній и съ примѣненіемъ такъ называемаго *тріанонскаго тарифа* (1810 г. августа 5,—въ С.-Клу 11 сентября того-же года), т. е. съ уплатою пошлины 50% на 100. Послѣдствія континентальной системы за предѣлами вассальныхъ государствъ рейнскаго союза были весьма тяжелы; отъ этой системы страдали несказанно и матеріальные, и нравственные интересы всѣхъ европейскихъ націй, не исключая самой Франціи. Дороговизна колоніальныхъ произведеній, сдѣлавшихся предметомъ необходимости для европейцевъ со временъ Васко-де-Гамы и Колумба, соединялась съ развитіемъ контрабанды въ низшихъ и съ недостойнымъ барышничествомъ въ среднихъ и высшихъ слояхъ французскаго общества[1]. Большой рискъ, связанный съ операціею ввоза англій-

[1] *Гарденъ* (X, 317, Nota 1) говоритъ: »Les licences devinrent l'objet d'un trafic scandaleux; et le reproche en est monté jusqu'à Napoléon, sans qu'il en ait été jamais justifié. A Hambourg, le ministre de France, M. de Bourrienne, opérait sur la plus grande échelle. Il racontait, sans avoir toutefois con-

Digitized by Google

скихъ или французскихъ товаровъ, обращалъ въ смѣлаго контрабандиста почти каждаго купца-мореходца; но, не смотря на это, приходилось иногда кидать грузы въ море или же бросать ихъ, имѣя даже лиценцію въ рукахъ, на таможнѣ, по невозможности платить пошлину, при непомѣрно-высокихъ тарифахъ въ портахъ враждующихъ державъ. «Система лиценцій» — говорилъ въ особомъ докладѣ императору Наполеону честный финансистъ той эпохи, оставшійся анонимнымъ, — «не можетъ никого ввести въ забулжденіе; она наноситъ ущербъ достоинству торговли обманами и уловками, которые оказываются необходимыми; она вызываетъ неудовольствіе союзниковъ и собственныхъ подданныхъ, заставляя ихъ уплачивать пошлины, въ-пять разъ превышающія стоимость товаровъ». У того-же, рѣдкаго по своей честности и независимости, государственнаго человѣка замѣчено[1] о возможныхъ политическихъ невыгодахъ континентальной системы для Франціи и для ея преобладанія въ Европѣ. «Жалобы подданныхъ, и особенно законныя, никогда не остаются безъ вліянія на образъ дѣйствія правительствъ: въ первую минуту, конечно, уступаютъ необходимости; но тѣмъ не менѣе интересы неминуемо оказываютъ воздѣйствіе и скоро интересы эти начинаютъ говорить такъ громко, что волею-неволею приходится выслушивать ихъ. Въ этомъ отношеніи, нѣтъ ни одной державы, которая не была бы втайнѣ противъ насъ и въ сердечномъ союзѣ съ Англіею. Не произнося ни слова, онѣ понимаютъ другъ друга и, при первомъ случаѣ, не замедлятъ рѣзко высказаться. Въ-особенности заставляетъ опасаться за себя Россія, самая могущественная и наиболѣе

---

signé ce fait dans ses Mémoires, qu'en une seule matinée, dans la maison de somptueuses délices qu'il occupait dans le Holstein, 800,000 francs étaient tombés sur son bureau, en échange seulement de quelques signatures opposées au bas de licences».

[1] Ср. *Гарденъ*, X, 319—325 стран.

Digitized by Google

оскорбленная, уже по одному тому, что ей не подъ-силу выполненіе принятыхъ на себя обязательствъ. Я не сомнѣваюсь въ томъ, что для нея англійскія факторіи незамѣнимы. Потери тамъ громадныя и падаютъ онѣ на сильныхъ міра, а не на простой народъ. Но сильные люди распоряжаются при дворѣ и въ арміи, и одно какое-нибудь обстоятельство покажетъ вамъ, каковы ихъ истинныя намѣренія[1]. До континентальной блокады, 1 рубль стоилъ 3 франка, а теперь онъ едва держится на двадцати су» и т. д. — «Даже самый геній, государь, долженъ останавливаться передъ силою вещей», продолжалъ увѣщавать своего господина этотъ одинокій Лаэртъ среди многочисленныхъ Полоніевъ наполеоновскаго двора. Все было напрасно; правда, болѣе, чѣмъ многое другое, осердило императора то обстоятельство, что, наперекоръ континентальной системѣ и всеобщей блокадѣ, «англичане все продаютъ и ничего не покупаютъ на континентѣ» (Les anglais vendent tout au continent et n'en achètent rien). Но онъ упорно шелъ, нетерпѣливо слушая совѣты и предостереженія, къ однажды предположеннымъ и давно задуманнымъ цѣлямъ. Могущество Наполеона было такъ велико, что, за исключеніемъ Оттоманской порты и Португаліи, континентальная система принята была всѣми государствами. Не безъ связи съ вышесказаннымъ, въ Фонтенбло заключенъ былъ, почти единовременно съ тильзитскимъ миромъ, трактатъ между Франціею и Испаніею о раздѣлѣ Португаліи, въ-слѣдствіе чего и вступили туда войска обоихъ контрагентовъ. Королевская династія (домъ браганцскій), объявленная низверженною съ трона Португаліи, удаляется въ Америку и основываетъ тамъ нынѣшнюю бразильскую имперію. Черезъ годъ послѣ тайнаго трактата о раздѣлѣ Португаліи дошла очередь до Испаніи: Бурбоны низложены; королемъ про-

[1] Сравн. эту мысль съ замѣчаніемъ *Гервинуса* — Einleitung etc., изданіе 1853 г. въ Лейпцигѣ, стр. 148, 149.

Digitized by Google

возглашенъ, съ нарушеніемъ утрехтскаго трактата, братъ французскаго государя.

Къ этому времени относится попытка Австріи поднять оружіе и составить коалицію съ цѣлью освободить себя отъ тяжкихъ условій пресбургскаго мира, вынудившаго у габсбурговъ — признаніе Наполеона королемъ Италіи, утвержденіе титуловъ королевскихъ за бывшими курфюрстами баварскимъ и виртембергскимъ, согласіе на присоединеніе Пьемонта, Генуи, Пармы, Пьяченцы и части венеціанской области къ королевству итальянскому, сверхъ территоріальныхъ уступокъ въ Тиролѣ, Франконіи, Брисгау и въ констанцскомъ округѣ въ пользу союзниковъ Наполеона. Но результатомъ коалиціи было то, что военныя неудачи Австріи увеличились новымъ пораженіемъ при Ваграмѣ (1809 г.), за которымъ послѣдовало заключеніе еще болѣе тяжкаго шёнбруннскаго мира, поставившаго владѣнія габсбургскія въ беззащитное положеніе съ сѣвера и юга, окончательно замкнувшаго для Австріи Адріатическое море[1]. Тогда-же, по вѣнскому декрету Наполеона, присоединены папскія владѣнія къ французской имперіи. На отдаленномъ сѣверѣ Европы, король шведскій Густавъ IV, имѣвшій личную нелюбовь къ Наполеону, изнемогши въ неравной борьбѣ съ Россіей, заплатилъ тропомъ, а преемникъ его Карлъ XIII — обширною провинціею за вѣрность союзу съ Англіею противъ Бонапарта (фридрихсгамскій миръ 1809 г.). Россія, пріобрѣвши Финляндію, укрѣпилась въ стратегическомъ отношеніи; армія ея, закаленная уже походами и побѣдами въ Турціи, знакомая французскимъ орламъ по Швейцаріи и вызвавшая невольную похвалу самого Наполеона въ его извѣстной фразѣ Беннигсену: «Vous étiez très méchants à Eulau», — армія эта еще болѣе увеличила боевую свою силу и нравственно возвысилась отъ успѣха надъ такимъ соперникомъ, какимъ было всегда войско изъ соотечественниковъ Карла XII.

[1] *Гарденъ*, XII. 110—127; 136; 139.

Digitized by Google

Въ 1810 г. Наполеонъ—мужъ австрійской эрцгерцогини и отецъ ребенка, колыбель котораго осѣнила корона съ именемъ Рима, сдѣлался династомъ. Звѣзда императора взошла выше, чѣмъ когда-либо прежде. Только въ 1811 году поднялось, съ-виду небольшое, облачко на политическомъ горизонтѣ: французы заняли Ольденбургъ, и русскій императоръ отозвалъ своего посланника князя Куракина изъ Парижа. Наступала пора давно готовившагося столкновенія между двумя могущественными имперіями, изъ которыхъ одна мѣшала другой сдѣлаться универсальною монархіей. Минута была тѣмъ удобнѣе, что русскія войска были заняты на сѣверѣ и на югѣ (съ Турціею и Швеціею). Но, ловкимъ ходомъ дипломатіи, въ 1811 году заключенъ мирный трактатъ въ Бухарестѣ, а въ 1812 г. (весною) въ С.-Петербургѣ (послѣдній со Швеціею). Началась война 1812 года. Въ небольшой промежутокъ времени, отъ сент. 1812 г., когда французы вступили въ Москву, до 30 мая 1814 года, когда заключенъ былъ первый парижскій миръ, совершились великія событія. Смоленскъ, Бородино, Березина, Лютценъ, Бауценъ, Лейпцигъ, Виттoрія, Монмартръ стоятъ на различныхъ пунктахъ той громадной площади, гдѣ смѣшалась въ братоубійственной, но необходимой войнѣ кровь славянскихъ, кельтическихъ и германо-романскихъ народовъ. Планъ универсальной французской монархіи былъ опрокинутъ и вмѣстѣ съ нимъ погибли несбыточныя стремленія Наполеона «сдѣлать всѣхъ европейцевъ однимъ народомъ, при господствѣ единаго права и подъ юрисдикціею единаго амфиктіоническаго суда». Говорятъ, будто Наполеонъ былъ фаталистъ; во всякомъ случаѣ, онъ несомнѣнно вѣрилъ тому, что «его воля должна играть роль судьбы для народовъ», по глубоко вѣрному и картинному выраженію Гервинуса (Geschichte des XIX Jahrhunderts, Erst. B. S. 6 etc.). Но не слѣпая судьба, не русскіе морозы сразили его, скажемъ мы здѣсь словами того-же знаменитаго писателя:

Digitized by Google

«Виною въ томъ высокомѣрное преувеличеніе собственной силы... Надъ дерзкою задачей: сокрушить въ-прахъ народы, уничтожить время и пространство и втиснуть дѣло вѣковъ въ періодъ одной человѣческой жизни — надъ такою задачею сами сокрушились болѣе великіе завоеватели, болѣе человѣчные герои, чѣмъ Наполеонъ... Онъ издѣвался надъ идеей всегда, какъ-только она не подходила къ его личнымъ мнѣніямъ; искусству дозволялъ онъ только одну сферу — лесть; наукѣ — одно лишь служеніе личнымъ цѣлямъ и интересамъ его; онъ не только не уважалъ, но презиралъ и всегда подавлялъ всякое независимое проявленіе знанія и искусства въ школѣ, въ печати, въ обществѣ и на ораторской трибунѣ. Гражданская зрѣлость народа не сходилась съ собственными путями его... Революцію замѣнилъ онъ диктатурой; національность — всемірною монархіей; конституціонное государство — династіею; равенство передъ законами — феодальнымъ и наслѣдственнымъ дворянствомъ; равномѣрный дѣлежъ наслѣдства — майоратами и субституціями; самоуправленіе — единоличною дѣятельностію префектовъ»[1].—И едва-ли ошибались злѣйшіе враги Наполеона — австрійскіе дипломаты меттерниховской школы — называя французскаго императора «деспотомъ внутри и опаснѣйшимъ революціонеромъ за предѣлами государства». Никто не умѣлъ лучше Наполеона говорить языкомъ либерализма въ то время, когда замышлялъ какой-либо ловкій и чисто-эгоистическій ходъ своей политики. Однѣ прокламаціи его къ итальянцамъ способны возмутить нравственное чувство своими похвалами муниципальной свободѣ въ тотъ самый моментъ, когда надъ Венеціею и Генуею подымалась рука съ цѣлью нанести послѣдній ударъ ихъ республиканской независимости. Подобный образъ дѣйствій возможенъ лишь при господствѣ знаменитаго правила, что «цѣль оправдываетъ всякія средства», и обусловливается глубокимъ презрѣніемъ къ людямъ,

[1] *Гервинусъ*, U. S.

Digitized by Google

т. е. тѣмъ чувствомъ, на которое менѣе всего имѣютъ право, злоупотребивъ милліоны разъ преданностію людей, личности и характеры подобные Наполеону. Къ счастію тѣхъ, кто не потерялъ вѣры въ идеи добра и нравственности и въ возможность примѣненія ихъ даже въ области политики, судьба Наполеона заключаетъ въ себѣ великій психологическій и историческій урокъ. Судьба эта выдвигаетъ на первый планъ вопросъ о необходимости человѣчныхъ убѣжденій и стремленій для всякаго дѣятеля, высоко-поставленнаго въ средоточіи политическихъ и международныхъ отношеній. Прочнымъ оказывается лишь то, что увеличиваетъ мирные успѣхи гражданственности, что умножаетъ сумму благосостоянія человѣческаго. И по этой-то причинѣ лучшимъ дѣломъ Наполеона, пережившимъ и его самого, и вторичное паденіе его династіи, бездарно подражавшей геніальному родоначальнику, останутся навсегда: уничтоженіе феодализма въ Германіи и гражданскій кодексъ французскаго императора. Прочее международное и политическое созданіе Бонапарта распалось въ-прахъ; но еще поразительнѣе, по замѣчанію Гервинуса, человѣческое его паденіе. «Надменность Наполеона внушила ему глубокое презрѣніе къ человѣчеству. Та-же высокомѣрная гордость дала ему убѣжденіе, будто онъ обладаетъ глубочайшимъ знаніемъ людей, и въ этомъ пришлось ему горько разочароваться. Въ самомъ войскѣ, одни солдаты (т. е. народъ, о которомъ менѣе всего думалъ французскій Цезарь) съ самоотверженіемъ и удивительною вѣрностью до конца стояли за своего императора; за-то чѣмъ выше, тѣмъ рѣзче было отпаденіе. Храбрѣйшіе изъ храбрыхъ отреклись отъ него въ послѣдній часъ, любимѣйшіе изъ близкихъ отбѣжали и измѣнили; напротивъ, обиженные и отогнанные съ благородствомъ остались при немъ въ то самое время, когда родственники и свойственники отрекались и сторонились его въ Италіи. Отвергнутая супруга могла пережить только немногими недѣлями паденіе сво-

Digitized by Google

его обожаемаго мужа, а коронованная эрцгерцогиня скоро и легко поступилась столицею, мужемъ, своимъ царственнымъ и даже женскимъ достоинствомъ; наконецъ, сына постигла трагическая доля Астіанакса, — страшнѣйшая изъ всѣхъ возможныхъ долей для каждаго отца»[1].

Такъ закончился революціонный періодъ въ исторіи международныхъ отношеній Европы.

Начинается новое время, которое связано съ трактатами отъ 1814 г. по наши дни. Стремленія и цѣли союзниковъ, одолѣвшихъ Наполеона, высказались съ достаточною ясностію (для исторіи) и въ тѣхъ соглашеніяхъ, которыя были заключены среди самаго разгара войны за освобожденіе (1813 и въ началѣ 1814 г.), въ Калишѣ (Пруссіи съ Россіею), въ Рейхенбахѣ (Пруссіи съ Англіею), въ Тёплицѣ (Австріи съ Россіею и также съ Англіею) и въ Шомонѣ. Здѣсь уже намѣчены были нѣкоторые изъ пунктовъ, положенные потомъ въ основу актовъ и конференцій вѣнскаго конгресса. Такъ, конфиденціальная нота графа Нессельроде къ австрійскому и прусскому негоціаторамъ, отъ 11 ноября 1814 г. (см. *Klüber*, Acten des Wiener Congresses, I; 61, 64), указываетъ на то, что еще въ Калишѣ рѣшено было «расторженіе рейнскаго союза»; трактатъ шомонскій опредѣлилъ уже въ принципѣ федеративную форму для будущаго устройства Германіи. Мотивировка высказана графомъ Нессельроде сжато, но сильно и съ тою широтою взгляда, которою отличались многіе русскіе дипломатическіе акты александровскаго времени. Подкрѣпляя себя указаніемъ на одобреніе со стороны самого Императора Александра, Нессельроде гово-

---

[1] *Gervinus*, L. c. — SS. 8, 9. — «Es war ein Schicksalsfall voll tragischer Grosse» — говор. въ началѣ прекрасной первой книги своей Гервинусъ: «und nie hat die tragische Dichtung in schärferen Zügen, als es hier die Geschichte that, die Lehre von der selbsträchenden Verschuldung dargestellt: dass des Menschen Natur und Wandel die eigenste Werkstätte seiner Geschichte ist».

Digitized by Google

рить: «лишь въ такой системѣ можетъ обрѣсти Европа ручательство за внутреннее спокойствіе Германіи, а слѣдовательно и надежду, что тѣ силы, которыя доселѣ были подчинены единоличному распоряженію, будутъ впредь обращены на пользу общую, что раздраженіе, понынѣ существующее, прекратится совершенно, что злоупотребленія власти будутъ предупреждены, что отношенія дворянства будутъ установлены и что права всѣхъ и каждаго будутъ опредѣлены и защищены крѣпкими, разумными и либеральными учрежденіями»[1]. Въ томъ-же самомъ (шомонск.) трактатѣ (ст. XVI) подготовлено заключеніе Священнаго союза, пока еще въ такомъ смыслѣ, что, съ цѣлью «поддержать равновѣсіе Европы, обезпечить спокойствіе и независимость державъ и предупредить вторженія....., высокія договаривающіяся стороны согласились между собою: продлить настоящій оборонительный союзъ на 20 лѣтъ со дня подписанія онаго, предоставивъ себѣ право — войдти въ соглашеніе касательно продолженія союза на дальнѣйшее время, если-бы того потребовали обстоятельства, за три года до истеченія срока»[2]. Еще полнѣе и важнѣе, по исторической связи своей съ актами вѣнскаго конгресса, первый парижскій трактатъ 30 мая 1814 г. (Австріи, Россіи, Англіи, Пруссіи и союзниковъ съ реставрированными Бурбонами). Франція вводится въ границы 1792 г.[3]. Плаваніе по Рейну объявлено свободнымъ (ст. V), причемъ добавлено, что «*будущему конгрессу* предстоитъ опредѣлить примѣненіе того-же начала къ прочимъ рѣкамъ, для большаго сближенія и для облегченія сношеній между народами». Послѣ статьи (VI) опре-

[1] «...Et que les droits de tous soient determinés et protégés par des institutions fortes, sages et liberales»... «S. M. l' Empereur de Russie ne peut donc qu'y donner son entier assentiement, décidé à appuyer ce projet par son intervention».

[2] *Клюберъ*, I. 7.

[3] Съ точнымъ ихъ обозначеніемъ въ ст. III-й трактата. См. *Клюбер.* I; 10, 11 и слѣд.

Digitized by Google

дѣлившей призывъ Оранскаго дома на престолъ Голландіи, повторившей постановленіе шомонскаго трактата о федеративномъ устройствѣ Германіи, провозгласившей политическую независимость Швейцаріи и возстановленіе прежнихъ правительствъ Италіи, парижскій трактатъ 1814 г. поставилъ Мальту подъ покровительство Великобританіи (VII). За подробными опредѣленіями касательно разсчетовъ, взаимныхъ уступокъ и in integrum restitutiones въ заморскихъ владѣніяхъ, контрагенты (ст. XVI) высказываются въ пользу политической амнистіи. Союзники 1814 г., рѣзко отличаясь въ этомъ отношеніи отъ недавнихъ негоціаторовъ германскихъ во время франко-прусской войны, отказываются отъ всѣхъ тѣхъ денежныхъ суммъ, которыя имѣли бы право получить по контрактамъ, доставкамъ и по инымъ основаніямъ отъ Франціи, считая со времени 1792 года. Обращаетъ на себя вниманіе ст. XXVIII, подтверждающая, подъ условіемъ взаимности, уничтоженіе droit d'aubaine, jus detractus и другихъ остатковъ средневѣковаго варварства, мѣшавшихъ свободѣ международнаго оборота. Что касается дополнительныхъ статей (articles additionnels) явнаго трактата, то изъ нихъ важно еще для нашей цѣли обязательство со стороны Франціи — всѣми мѣрами содѣйствовать англійскому правительству въ усиліяхъ его касательно всеобщаго запрещенія торговли неграми. Но въ секретныхъ статьяхъ высказалась и обратная сторона медали: въ одной изъ нихъ (I-й), четыре первенствующія державы оговорили для себя право свободно распорядиться, безъ участія Франціи, тѣми территоріями, отъ которыхъ она отказалась по смыслу статьи третьей явнаго трактата; по статьѣ 2-й, предрѣшено было присоединеніе генуэзской республики къ Сардиніи; наконецъ въ статьяхъ 3 и 4 указаны были земли, предназначенныя для расширенія территоріи Пруссіи и Голландіи[1].

---

[1] Ср. *Wheaton*, II. p. 109.

Digitized by Google

Въ 1814 году 8 октября, издана была въ Вѣнѣ декларація, откладывавшая на 1-е ноября собраніе конгресса[1]. (Формальное обязательство созвать этотъ конгрессъ принято союзниками и контрагентами по 32-й ст. парижскаго трактата). Въ декларацiи сказано, что отсрочка сдѣлана въ видахъ болѣе точнаго установленія идей, согласованія мнѣній и уясненія вопросовъ, предназначенныхъ къ обсужденію и рѣшенію. Переводя этотъ дипломатическій языкъ на простую рѣчь, графъ Гарденъ[2], кажется намъ, имѣлъ право сказать, что истинная причина отсрочки заключалась въ глубокомъ разногласіи по многимъ кореннымъ вопросамъ въ лагерѣ самихъ союзниковъ. Впрочемъ, въ концѣ сентября, императоръ Александръ и король прусскій имѣли торжественный въѣздъ въ Вѣну, куда скоро съѣхалось болѣе 400 особъ изъ владѣтельныхъ фамилій, министровъ, уполномоченныхъ и иныхъ сильныхъ политическаго и дипломатическаго міра. При громадномъ различіи въ подробностяхъ, въ-слѣдствіе успѣховъ образованности и большей утонченности нравовъ, вѣнскій конгрессъ начался пиршествами, какъ и конгрессъ вестфальскій[3]. Сотни тысячъ иностранцевъ жадно слѣдили за блестящими каруселями, охотами, живыми картинами и спектаклями, среди которыхъ приготовлялись къ важнымъ трудамъ своимъ дипломаты. Независимо отъ внѣшняго блеска придворныхъ удовольствій, вѣнскій конгрессъ представлялъ собою невиданное зрѣлище перваго съѣзда почти всѣхъ государей Европы. Между дипломатами были звѣзды первой величины: Меттернихъ, Талейранъ, Кастельрэ, Веллингтонъ, Гар-

[1] Ср. *Klüber*, I. pp. 33, 34, 35.

[2] I, p. LVI.

[3] *Garden*, U. S. P. LVII. «La maison d'Autriche exerça l'hospitalité avec une magnificence digne d'elle.... Les dépenses extraordinaires occasionnées par les fêtes du congrès se sont élevées à 40 millions de francs. La table imperiale seule coûtait 300 mille francs par jours». — *Gervinus*, Geschichte d. XIX J.-H. I. 175, 176, 177.

Digitized by Google

денбергъ, Вильгельмъ Гумбольдтъ, Каподистрія, Нессельроде, Гагернъ и наконецъ Генцъ, наиболѣе талантливый изъ учениковъ меттерниховской школы[1]. Новый конгрессъ рѣзко отличался отъ прежнихъ въ томъ отношеніи, что совершенно устранилъ комическіе споры и пререканія о первенствѣ и предсѣдательствѣ. Это единогласно утверждаютъ Гарденъ, Клюберъ и всѣ другіе историки дипломатическихъ событій того времени. Самъ императоръ Александръ, съ обычною и изящною своею деликатностію высоко-образованнаго человѣка, провелъ такое начало: что должно существовать равенство между всѣми коронованными особами. Принятъ былъ алфавитный порядокъ французской азбуки и, въ-силу этого, Австрія получила первенство на конгрессѣ. Само собою разумѣется, что то-же начало, чуждое всякимъ излишнимъ формальностямъ и церемоніалу, допущено было во взаимныхъ отношеніяхъ министровъ и уполномоченныхъ негоціаторовъ отъ различныхъ правительствъ на конгрессѣ. Непосредственныя сношенія и личныя объясненія государей и дипломатовъ замѣнили собою тотъ, крайне-неудобный, способъ переговоровъ, на который указали мы выше въ историческомъ очеркѣ вестфальскаго конгресса.

При такихъ-то внѣшнихъ и обрядовыхъ условіяхъ происходила развязка великихъ военныхъ и политическихъ драмъ, болѣе 20 лѣтъ волновавшихъ не только Европу, но и другія части свѣта. Была ли развязка эта такою-же мирною, какою казалась постороннему и непосвященному наблюдателю оживленная и изящная картина почти годовыхъ конференцій, гдѣ собралось все, что было могущественнаго и талантливаго въ политической сферѣ и въ дипломатіи тогдашней Европы? Вотъ вопросъ, лучшимъ разрѣшеніемъ котораго будетъ краткое напоминаніе хода переговоровъ о польской, о саксонской терри-

[1] Ср. *Garden*, p. LV, etc. — *Klüber*, I. 38. etc.

Digitized by Google

торіяхъ и обо многихъ иныхъ земляхъ, отнятыхъ у узурпатора Наполеона, — земляхъ, населеніе которыхъ было въ-сложности свыше 30 милліоновъ жителей. Россія требовала присоединенія къ себѣ герцогства варшавскаго во всей цѣлости; Пруссія, ссылаясь на калишскій трактатъ, заявляла то-же самое относительно территоріи завоеваннаго саксонскаго королевства. Но здѣсь-же державы эти встрѣтили сильное сопротивленіе со стороны Англіи и Франціи. Высказывалась мысль о необходимости поставить сильное и независимое государство между тремя монархіями: Россіею, Австріею и Пруссіею. Оплакивались Талейраномъ многія уже совершившіяся событія въ сѣверо-восточной Европѣ за послѣднюю четверть XVIII столѣтія; доказывалась опасность для Австріи отъ присоединенія къ Пруссіи всей земли саксонской; указывалось на беззащитное положеніе (въ стратегическомъ отношеніи) Богеміи и т. д. Позволяемъ себѣ сомнѣваться, чтобы можно было касаться такихъ вопросовъ, не затрогивая свѣжихъ еще ранъ и не пробуждая неостывшихъ антипатій, не возбуждая многихъ и самыхъ сильныхъ страстей человѣческихъ. Ходила ли темными ходами своими интрига подъ богатыми паркетами совѣщательныхъ залъ, гдѣ собирались, съ-виду, безстрастные и всегда изящные дипломаты? и объ этомъ давно уже сказала свое слово анекдотическая исторія того событія, котораго касаемся мы въ нашемъ очеркѣ съ другой стороны. Небезразличенъ тотъ фактъ, что, единовременно съ конференціями, прусская и русская арміи держались на военномъ положеніи и въ полномъ составѣ, а графъ Нессельроде, въ особой нотѣ, заявилъ конгрессу, что «нѣсколько милліоновъ людей вооружались въ защиту своей независимости»[1]. Готовилось нѣчто грозное, во всякомъ случаѣ опасное для дѣла и цѣлей конгресса: въ январѣ 1815 г. тайно заключенъ былъ

[1] См. *Garden*, U. S. I. p. LXI.

Digitized by Google

уполномоченными Франціи, Англіи и Австріи союзъ, очевидно направленный противъ Россіи и Пруссіи,—союзъ, къ которому приступили бывшіе члены рейнской федераціи—Баварія и Виртембергъ. Не менѣе, если не болѣе, трудностей встрѣчало разрѣшеніе вопроса объ устройствѣ германскаго союза, не смотря на то, что были указаны и даже предрѣшены основныя начала предстоявшей организаціи политическаго центра Европы! И здѣсь притязаніе комитета по германскимъ дѣламъ—рѣшить вопросъ съ устраненіемъ Саксоніи и нѣкоторыхъ другихъ второклассныхъ державъ, вызвало протестъ и расколъ, при горячихъ заявленіяхъ, что «судьба германскаго народа можетъ и должна быть устроена только путемъ взаимнаго и общаго соглашенія». Споры и пререканія могли бы пойдти далѣе и повлечь за собою неизвѣстные результаты, если-бы конгресса вѣнскаго не поразила неожиданная вѣсть о бѣгствѣ Наполеона съ острова Эльбы и о быстромъ возстановленіи его (правда, лишь стодневнаго) владычества надъ Франціею. Пока опасный эпизодъ этотъ кончался кровавою развязкою при Ватерлоо, дипломаты приняли къ свѣдѣнію своеобразное memento mori, которое наслала на нихъ судьба среди споровъ, интригъ и шумныхъ удовольствій вѣнскихъ конференцій[1]. Вопросы пошли къ спѣшному окончанію путемъ сдѣлокъ и возможныхъ уступокъ. Старались на конгрессѣ всячески спасти въ будущемъ политическое равновѣсіе отъ новыхъ потрясеній и нарушеній его со стороны Франціи, которую окружили цѣлою цѣпью аванпостовъ въ интересахъ Австріи и Германіи. Для этой цѣли служили: во-первыхъ, голландское королевство, которому такъ легко было дать отпоръ

[1] Ср. *Gervinus*, I. 175 etc. «In einem steten Rausche wechselten Privatbälle und Hofredouten, Maskeraden und lebende Bilder, Feuerwerke und Carousselе, Jagden, Wagen- und Reiterzüge, Musterungen und Felduebungen der Truppen; heute ein wenig passendes Todtenamt für Ludwig XVI, am Abende Ball, am anderen Tage eine prachtüberladene Schlittenfahrt».

Digitized by Google

французамъ съ сѣвера, опершись одною рукою на Англію, а другою на Пруссію, удвоившую свою матеріальную силу путемъ присоединеній и вознагражденій, сравнительно съ тѣмъ, чѣмъ располагалъ самъ Фридрихъ Великій; за-тѣмъ, во-вторыхъ, увеличенная Швейцарія, о нейтралитетѣ которой составлено было рѣшеніе торжественною латинскою рѣчью въ особомъ протоколѣ[1]; наконецъ, въ-третьихъ, Сардинія съ трехъ-милліоннымъ населеніемъ, получившая въ свои руки ключъ къ Альпамъ для Австріи, которая пріобрѣла себѣ значительную и лучшую часть Италіи. Не осталось и тѣни тѣхъ тяжкихъ договоровъ, съ которыми связаны имена Кампоформіо Пресбурга, Тильзита и т. д. Іюня 5-го 1815 года, подписанъ былъ общій и заключительный актъ вѣнскаго конгресса (Acte général du congrès), состоящій изъ 121 статьи, кромѣ 17 приложеній (annèxe) къ протоколамъ, и на этомъ-то фундаментѣ воздвигнуто было зданіе новаго международнаго права и союза въ Европѣ.

Явною цѣлью вѣнскаго конгресса было установленіе и упроченіе мира во всей Европѣ. «По видимому — замѣчаетъ Гольцендорфъ — дипломаты желали формулировать юридически конецъ всемірной исторіи: все должно было установиться и неизмѣнно существовать по буквѣ трактатовъ; пять великихъ державъ провозглашены судьями и хранителями спокойствія и политическаго равновѣсія въ Европѣ». На самомъ дѣлѣ распоряженіе европейскими территоріями выступило на первый планъ въ программѣ конгресса[2]. Сначала, какъ мы видѣли выше, нѣкоторыя первенствующія державы хотѣли выполнить это важное дѣло безъ участія представителей отъ другихъ государствъ; но такое само-

[1] Ср. *Klüber*, Acten des Wiener Congresses, IX; 242, 243.

[2] См. *Gervinus*, Einleitung. S. 151: «... Auch jetzt ging sogleich die Lehre der Erfahrung verloren unter der Praxis des Verfahrens und die guten Grundsätze unter der Ausführung. Auf dem Wiener Congresse würfelte man die Staaten und Völker, für deren Unabhängigkeit man aufgestanden war, nach Willkühr und zufälligen Interessen wieder durcheinander».

Digitized by Google

властіе вызвало особенное неудовольствіе и протестъ со стороны Англіи; предвидѣлись еще болѣе серіезныя затрудненія, и потому назначены: комитетъ изъ представителей 8 державъ подъ руководствомъ Меттерниха и три подъ-комитета по дѣламъ Италіи, Швейцаріи и Германіи. Вотъ сжатый результатъ ихъ работъ: 1) всю Саксонію предположено было предоставить Пруссіи; но когда англійскіе дипломаты заявили протестъ и когда составилась даже лига изъ Австріи, Англіи и Франціи противъ Россіи и Пруссіи, тогда одна лишь часть Саксоніи была присоединена къ Пруссіи; 2) всѣ, состоявшіеся уже, раздѣлы Польши были утверждены, и къ Россіи отошелъ варшавскій округъ, которому Александръ I далъ конституцію. Краковская территорія была объявлена республикою подъ протекторатомъ Австріи, Пруссіи и Россіи. 3) Австрійская имперія была возстановлена въ своемъ прежнемъ значеніи и уничтожены невыгодныя для нея послѣдствія трактатовъ отъ 1796 г. до 1809 г. (трактаты кампоформійскій, люневильскій, пресбургскій, фонтенблоскій и вѣнскій годовъ—1797, 1801, 1805, 1807 и 1809). Къ Австріи присоединена была Ломбардія подъ названіемъ ломбардо-венеціанскаго королевства съ долинами Вальтелино, Борміо, Кіавена. Не возстановлено было только соединеніе съ австрійскою короною одного швабскаго округа—стариннаго лена габсбургскаго дома. 4) Парма, Піаченца (Plaisance) и Гвастала отданы были Маріи Луизѣ съ reversio, т. е. съ правомъ наслѣдованія Австріи послѣ ея смерти. 5) Модена, Масса и Каррара отошли къ дому д'Эсте, при чемъ и здѣсь была реверсія въ пользу Австріи. 6) Тоскана была преобразована въ великое герцогство и передана Фердинанду австрійскому; Лукка же отдана была инфантѣ Маріи Луизѣ и ея потомству; 7) Бурбоны были возстановлены въ Неаполѣ, корону котораго получилъ Фердинандъ IV; 8) король сардинскій получилъ Пьемонтъ, Савоію, увеличенную генуезскою республикою; 9) Людовикъ, отецъ Наполеона I, былъ

Digitized by Google

удаленъ изъ Голландіи, которая перешла къ оранскому дому и присоединила къ себѣ бельгійскія провинціи, 10) наконецъ пересмотрѣна была конституція Швейцаріи, и за-тѣмъ 11) порѣшены были слѣдующіе вопросы: I) установлены ранги дипломатовъ; II) торговля неграми подверглась осужденію, и III) большія рѣки, протекающія въ предѣлахъ нѣсколькихъ государствъ, были объявлены свободными для плаванія[1].

Германскій союзъ по вѣнскому конгрессу и позже до событій 1866—1870 г. включительно. Швейцарія и ея устройство въ 1815 и 1848 годахъ.

§ 14. Устройство германскаго союза было важнымъ дѣломъ для вѣнскаго конгресса. Когда, послѣ лейпцигской битвы и взятія Парижа, пала наполеонова имперія, то, вмѣстѣ съ нею, палъ возникшій въ 1806 году, по особому трактату, рейнскій союзъ изъ второстепенныхъ и мелкихъ государствъ западн. Германіи; государства эти отказались въ ту пору, какъ мы видѣли выше, отъ связи съ Священною римскою имперіею и признали надъ собою покровительство Наполеона I. На вѣнскомъ конгрессѣ, какъ замѣчено уже прежде (см. предыдущ. §), для германскихъ дѣлъ установленъ былъ особый комитетъ изъ уполномоченныхъ отъ Австріи, Пруссіи, Баваріи, Ганновера и н. д. Саксонія здѣсь не участвовала, такъ-какъ король ея находился еще въ плѣну, и судьба этого королевства не была рѣшена; нѣкоторыя германскія государства были также устранены и лишь впослѣдствіи были призваны къ подписанію акта уже совершенно готоваго.

---

[1] См. о вѣнскомъ конгрессѣ: *Klüber*, Acten des Wiener Congresses, I—IX. Erlangen. 1815—1835. — *Wheaton*, II. §§ 12—13. — Тамъ-же стр. 172, 173.— Histoire du congrès de Vienne, par l'auteur de l' Histoire de la diplomatie française (Flassan). 1829.—*Crétineau-Joly*, Histoire des traités de 1815. (1842).— *Schöll*, Histoire. III. — *Guizot*, Mémoires. I, chap. 3. — *Capefigue*, De congrès de Vienne. *Bernard*, Four lectures etc. — *Martens*, Nouveau Recueil. I, II.

Digitized by Google

8 іюля 1814 года былъ составленъ комитетомъ актъ, который былъ подписанъ въ 1815 году; Виртембергъ и Баденъ не подписали его въ это время, а приступили къ нему впослѣдствіи. Такъ возникла та союзная конституція, которую Германія сохранила въ главныхъ чертахъ до 1866 года. Нѣкоторыя частныя измѣненія акта 1814 г. были сдѣланы въ 1820, 1832 и 1834 г. и за-тѣмъ къ 1848 г. относится попытка построить болѣе объединенную и конституціонную Германію на иной ладъ, сравнительно съ актомъ вѣнскаго конгресса.

Разсмотримъ устройство германскаго союза по акту 1815 г. и по такъ-называемому acte final (заключительному акту), а также по дополнительному акту 1820 года. Хотя теперь этого устройства нѣтъ, но исторія международныхъ сношеній не можетъ обойдти такой союзной конституціи, которая была организована именно на основаніи началъ международнаго права. Извѣстно, что цѣлью германскаго союза было сохраненіе внѣшней безопасности, внутренняго порядка всей Германіи при независимости каждаго отдѣльнаго члена федераціи [1]. Отсюда видно, что составители акта имѣли въ виду союзъ между самостоятельными государствами, основанный на свободѣ и равенствѣ каждаго изъ нихъ. Одна (I-я) статья союзной конституціи говоритъ: «Государи и владѣтельные князья, а также вольные города составляютъ между собою федерацію на вѣчныя времена подъ именемъ германскаго союза», слѣдовательно сюда вошли и король датскій, по владѣніямъ своимъ въ Голштиніи (король датскій — герцогъ Голштиніи) и король Голландіи — по владѣнію Люксембургомъ (голландск. король — герцогъ Люксембурга) [2]. Вступленіе

[1] См. *Klüber*, L. c. II. S. 598 etc. Art. 2. Der Zweck desselben (deutsch. Bundes) ist: Erhaltung der äusseren und inneren Sicherheit Deutschlands und der Unabhängigkeit und Unverletzbarkeit der einzelnen deutschen Staaten». Ср. стат. 53 и слѣд. въ Acte final (*Klüber*, VI. 56 etc.).

[2] Статьею 3-ю провозглашены равенство всѣхъ членовъ и нерасторжимость союза (Ср. 55 ст. Acte final).

Digitized by Google

въ германскій союзъ новыхъ членовъ было возможно и послѣ подписанія акта, но непремѣнно на основаніи условій и началъ 1815 года. Члены союза взаимно гарантируютъ свои владѣнія, входящія въ составъ союза. (См. 63-ю ст. Acte final). Дѣла и интересы союза ввѣряются особому сейму, состоящему изъ двухъ засѣданій: изъ засѣданій сейма полнаго (Bundesversammlung im Plenum) и сейма тѣснаго, неполнаго или малаго (enger Rath), предсѣдательство на которыхъ принадлежитъ Австріи. Неполный сеймъ рѣшаетъ — слѣдуетъ ли вносить извѣстныя дѣла на обсужденіе и рѣшеніе полнаго собранія; но предложеніе извѣстной мѣры на обсужденіе и на рѣшеніе подлежащихъ учрежденій принадлежитъ каждому члену германскаго союза[1]. Большой сеймъ собирается только для важныхъ дѣлъ, и ему непремѣнно подлежатъ слѣдующіе вопросы: 1) дѣла о фундаментальныхъ законахъ союза, т. е.: a) всякія измѣненія въ устройствѣ союза; b) мѣры, имѣющія отношеніе къ союзному акту; 2) объявленіе войны и заключеніе мира; 3) дѣла о принятіи новаго члена въ союзъ, и 4) важныя религіозныя дѣла. На полномъ сеймѣ изъ 70 членовъ дѣла рѣшаются большинствомъ $^2/_3$ голосовъ, за исключеніемъ дѣлъ объ измѣненіяхъ союзной конституціи и о принятіи новаго члена въ союзъ, для которыхъ (дѣлъ) требуется единогласіе. Но большой сеймъ собирался рѣдко; обыкновенно же всѣ дѣла разсматривались и рѣшались абсолютнымъ большинствомъ голосовъ малаго собранія, такъ-же составленнаго изъ уполномоченныхъ отъ державъ союза. Распредѣленіе голосовъ на сеймѣ было таково, что отвѣчало политической важности государствъ; здѣсь не было равенства: были государства, надѣленныя 4 голосами (Австрія, Пруссія, Саксонія, Ба-

[1] Ср. «Grundvertrag», Art. 7. «In wiefern ein Gegenstand nach obiger Bestimmung für das Plenum geeignet sey, wird in der engeren Versammlung durch Stimmenmehrheit entschieden. Die der Entscheidung des Pleni zu unterziehenden Beschluss-Entwürfe werden in des engeren Versammlung vorbereitet» etc.

Digitized by Google

варія, Ганноверъ и Вюртембергъ); за-тѣмъ пять государствъ были надѣлены 3 голосами (Баденъ, Кургессенъ, Гессенъ, Голштинія и Люксембургъ); три государства имѣли по 2 голоса (Брауншвейгъ, Нассау и Мекленбургъ-Шверинъ) и, наконецъ, остальныя имѣли по 1 голосу; каждый вольный городъ (Любекъ, Франкфуртъ, Бременъ и Гамбургъ) имѣлъ по 1 голосу, слѣдовательно, всѣ ганзейскіе города имѣли 4 голоса[1].

Посмотримъ теперь, какое вліяніе имѣла эта конфедерація на международную правоспособность своихъ членовъ? Союзный актъ ограничивалъ въ извѣстной степени права внѣшнихъ сношеній государствъ—членовъ союза: война, объявлявшаяся отъ цѣлаго союза, естественно отнимала право у частныхъ государствъ по-одиночно вступать въ какія-бы-то ни было сношенія съ непріязненными государствами; нельзя было, далѣе, ни подъ какимъ видомъ одному члену союза воевать съ другимъ, и если возникалъ какой-либо споръ между членами союза, то обязательно было представлять его предварительно на обсужденіе сейма; причемъ, при неудовлетворительномъ рѣшеніи сейма, — для окончательнаго обсужденія и въ видахъ предотвращенія войны, споръ передавался аустрегальному суду (Austregalinstanz)[2]. Этотъ аустрегальный судъ представляетъ подобіе посредническаго суда, именно—подобіе, потому что учрежденіе посредническаго суда принадлежитъ уже акту 1834 г. Въ-случаѣ возстанія или какого-

[1] Ср. «Grundvertrag», Art. 4—6. Acte final, Art. 56—60.

[2] См. Acte final, Art. 63. — «Grundvertrag», Art. 11. — Правило «заключительнаго акта» вѣнскаго конгресса болѣе ограничиваетъ, чѣмъ «Grundvertrag», независимость членовъ федераціи въ дѣлѣ войны и заключенія трактатовъ. Ст. 63 въ Acte final говоритъ: «Lorsque la guerre est déclarée par la confédération, aucun membre ne peut entamer des négotiations particulières avec l'ennemi, ni faire la paix ou un armistice, sans le consentement des autres». Между прочимъ 11-я статья союзнаго акта (Grundvertrag) по-французски можетъ быть выражена такъ: «Les membres de la Confédération *en se réservant le droit de former des aillances de toute espèce*, s'obligent cependant à ne contracter aucun engagement qui serait dirigé contre la sûreté de la Confédération ou les êtats individuels qui la composent».

Digitized by Google

либо народнаго движенія въ государствахъ союза, въ-случаѣ отказа со стороны послѣднихъ отъ выполненія обязанностей, лежащихъ на нихъ по смыслу статей союзныхъ актовъ, — дозволяется вмѣшательство (интервенція) союзнаго правительства во внутреннія дѣла такихъ государствъ; причемъ союзная власть можетъ употребить экзекуціонныя мѣры. Далѣе, въ-случаѣ отказа въ правосудіи со стороны какого-либо государства союза своимъ подданнымъ, послѣднимъ позволяется обращаться къ союзному правительству, которое можетъ примѣнить въ этомъ случаѣ медіацію [1]. Послѣ этого въ союзной конституціи идутъ статьи о личныхъ правахъ гражданъ, — обывателей тѣхъ государствъ, которыя входятъ въ союзъ. Такъ, подданные государей и гражданъ вольныхъ городовъ: 1) имѣютъ право пріобрѣтать имущества во всей Германіи, хотя-бы и внѣ предѣловъ своихъ государствъ; 2) могутъ эмигрировать изъ одного союзнаго государства въ другое, безъ всякаго противодѣйствія со стороны своего правительства или общаго союзнаго; 3) право военной службы есть обще-германское право, и 4) при переселеніяхъ или эмиграціяхъ не дозволяется взимать никакихъ таможенныхъ сборовъ съ имуществъ эмигрантовъ; слѣдовательно gabella emigrationis отмѣнялась [2]. За-тѣмъ, сейму, по акту 1815 года, принадлежало право мѣропріятій для усиленія торговаго движенія и навигаціи по международнымъ рѣкамъ Германіи.

Изъ всѣхъ этихъ постановленій мы видимъ, что 1) государства, входящія въ составъ союза, сохраняютъ свой суверенитетъ: могутъ вѣдать внутреннія дѣла самостоятельно, и только какъ исключеніе

[1] Всѣ вышесказанныя опредѣленія принадлежатъ къ добавленіямъ, сдѣланнымъ послѣ карлсбадскаго декрета 1819 г. и по дополнительному акту 1820 г. Объ этомъ будетъ подробнѣе изложено дальше.

[2] Ср. «Grundvertrag», 8 Juni 1815, Art. 18 (a. b. c. d). Въ статьѣ 14-й опредѣлены права дворянства медіатизированнаго. Статья 16-я признаетъ полное равенство всѣхъ христіанскихъ исповѣданій и обѣщаетъ улучшеніе юридическаго положенія евреевъ.

Digitized by Google

дозволяется вмѣшательство союзнаго правительства; 2) онѣ могутъ начинать, вести и поддерживать международныя сношенія съ державами, не входящими въ союзъ, подъ однимъ только условіемъ, чтобы эти сношенія и связанныя съ нимъ дѣйствія и обязательства не сталкивались съ основными конституціонными законами союза и не вредили общегерманскимъ интересамъ; 3) союзная власть, болѣе объединенная по формѣ, чѣмъ это было по вестфальскому трактату, не можетъ дѣйствовать на подданныхъ каждаго изъ союзныхъ государствъ помимо ихъ правительствъ; если союзная власть и предпринимаетъ извѣстную мѣру, то правительство каждаго союзнаго государства само принимаетъ къ свѣдѣнію, публикуетъ и исполняетъ ее. Слѣдовательно, совершенно справедливо заключеніе о томъ, что германскій союзъ по актамъ 1815, -20, -32 и -34 годовъ былъ видомъ Staatenbund'a, т. е. такою формою федераціи, гдѣ общественная союзная власть представляется наименѣе объединенною.

Такъ разрѣшена была въ 1815 г. дипломатами вѣнскаго конгресса задача, которую высказывали, гораздо раньше, союзники въ войнѣ за освобожденіе: т. е. необходимость образовать изъ Германіи крѣпкую федерацію подъ руководствомъ уравновѣшенныхъ между собою державъ—Австріи и Пруссіи. Таково было устройство, которое далъ своей родной землѣ германскій комитетъ вѣнскаго конгресса, почерпая отдѣльныя положенія и основныя начала союзной конституціи «изъ кореннаго національнаго духа» (Aus dem ureigenen Geiste), по выраженію знаменитаго калишскаго воззванія 25 марта 1813 года, написаннаго подъ несомнѣннымъ вліяніемъ Штейна. И въ Германіи, и повсюду возлагали безконечно болѣе надеждъ на вѣнскій конгрессъ и на второй парижскій миръ (1815 года), чѣмъ на какое-либо другое международное соглашеніе въ теченіе всей многовѣковой исторіи Европы. Дѣйствительно, въ сравненіи съ вѣнскимъ конгрессомъ, самыя мюнстерскія и оснабрюкскія совѣщанія кажутся для исто-

Digitized by Google

риковъ собраніемъ представителей изъ немногихъ сильныхъ европейскихъ и многихъ мелкихъ (преимущественно германскихъ) государствъ. Сравненіе же конгрессовъ утрехтскаго, ахенскаго и нѣкоторыхъ другихъ съ вѣнскимъ конгрессомъ немыслимо по той простой причинѣ, что отъ совѣщаній 1815 года зависѣла судьба чуть-ли не каждаго вершка земли въ цѣлой Европѣ, за исключеніемъ Турціи. Впрочемъ и въ отношеніи къ послѣдней можно сказать, что планы (и весьма широкіе) о возможности близкаго изгнанія турокъ изъ Европы не были чужды многимъ вліятельнымъ личностямъ на конгрессѣ, и что отъ этихъ зарождавшихся филэлленскихъ мечтаній получили извѣстное направленіе и рѣшеніе многіе весьма важные союзы и вопросы тогдашней политики.

Но чѣмъ болѣе возлагалось надеждъ, тѣмъ сильнѣе высказалось то неудовольствіе, тѣмъ полнѣе было то разочарованіе, которыя проявились у современниковъ, когда они свели, съ текстомъ вѣнскихъ и парижскихъ трактатовъ въ рукахъ, итоги за послѣднее двадцатилѣтіе, переполненное потрясеній, кровопролитій, общественныхъ и частныхъ бѣдствій, пылкихъ стремленій народовъ въ политической независимости и твердыхъ упованій на внутреннее усовершенствованіе, сверху внизъ, а не революціоннымъ путемъ, государственныхъ учрежденій и международныхъ отношеній. Сознаніе общей неудовлетворенности результатами вѣнскаго конгресса видно даже у такихъ дипломатовъ, какимъ былъ сподручникъ Меттерниха Генцъ, т. е. человѣкъ, вышедшій изъ школы, гдѣ идеи Лейбница, Руссо, Бентама и Канта о космополитическомъ общеніи и о вѣчномъ мирѣ не встрѣчали (и не могли встрѣтить) ничего кромѣ сарказма и, въ крайнемъ случаѣ, снисходительной ироніи. Въ актахъ конгресса[1] есть проектъ «заключительной декларації», которую хотѣли приложить къ тексту дипломатическихъ актовъ восемь державъ, составлявшія главнымъ образомъ знаменитую вѣнскую

[1] См. *Клюбера*, IX, 191—194.

Digitized by Google

амфиктіонію. Декларація эта приписывается бойкому перу Генца, и въ ней мы между прочимъ читаемъ: «Европейскія государства собрались на вѣнскій конгрессъ съ тою цѣлью, дабы выполнить и закрѣпить соглашенія и условія, основа которыхъ положена парижскимъ конгрессомъ; задача этого конгресса была сложна и затруднительна... И если конгрессъ не выполнилъ всѣхъ преувеличенныхъ ожиданій современниковъ, — если онъ не могъ дать отвѣта на всѣ пожеланія, — если онъ не пособилъ всѣмъ нуждамъ, не излѣчилъ всѣхъ золъ, тяготѣвшихъ надъ отдѣльными лицами и цѣлыми націями, — если онъ, наконецъ, не въ силахъ былъ осуществить того идеальнаго совершенства въ общественномъ устройствѣ, къ какому идеалу напрасно стремились во всѣ вѣка просвѣщенные умы и человѣчныя души: то, по крайней мѣрѣ, конгрессъ сдѣлалъ все, что предписывало ему прямое назначеніе его» и пр.[1]. По причинамъ, не вполнѣ разъясненнымъ, декларація эта не получила той оффиціальной всенародности, къ которой готовили ее въ меттерниховой канцеляріи. И есть основанія, по которымъ можно было бы радоваться, съ точки зрѣнія австрійскаго патріотизма, подобному рѣшенію. Странно было бы читать и современникамъ, и потомству, фразы: «о стремленіяхъ къ идеаламъ», «о просвѣщенныхъ умахъ и человѣчныхъ душахъ», о пламенномъ желаніи «обезпечить вѣчный миръ и полное счастіе, физическую и нравственную культуру всѣхъ народовъ» и проч. со стороны Меттерниха и руководимаго имъ правительства, первенствовавшаго на конгрессѣ! Такой дипломатическій памятникъ только подкрѣпилъ бы собою строгій, но справедливый приговоръ Гервинуса: «Сравнительно съ Оснабрюкомъ и Мюнстеромъ, не доставало здѣсь (въ Вѣнѣ) крѣпкой и дѣловой серьёзности; но за-то выработались: ловкость

[1] «... Il a fait aumoins ce que sa mission directe lui enjoignait, ce que les bornes de sa durée, l'etendue et la variété de ses objets et les circonstances difficiles, dans lesquelles il était placé, lui permettaient de faire».

Digitized by Google

въ мистификаціи, искусство прикрывать тайныя козни кажущеюся откровенностію, недоброжелательство — личиною великодушія, своекорыстіе — звучными фразами о принципахъ»[1].

Дѣло въ томъ, что, по разнымъ причинамъ, никто болѣе Меттерниха не отклонилъ вѣнскій конгрессъ отъ «прямаго назначенія его» (sa mission directe, по вышеприведенному выраженію Генца) по отношенію къ цѣлой Европѣ и даже къ германскому отечеству. Едва-ли могли когда-нибудь дѣйствовать на нравственное чувство современниковъ вѣнскаго конгресса памфлеты Арндтса, Рейзаха, или полемическія статьи Рейнскаго Меркурія, какъ дѣйствуютъ, черезъ 60 лѣтъ послѣ начала такъ называемой «новой эры международнаго права Европы», тѣ немногія страницы, гдѣ благороднѣйшій изъ историковъ Германіи доказываетъ «наполеоновскій характеръ» въ дѣяніяхъ вѣнскаго конгресса[2]. Параллель эта, проведенная посредствомъ глубокаго и всегда-серіёзнаго анализа, тѣмъ сильнѣе достигаетъ своей цѣли у Гервинуса, что показываетъ, какъ сошлись между собою, двигаясь подъ давленіемъ эгоизма исполнителей и политической ихъ безнравственности, двѣ системы, изъ которыхъ одна (наполеоновская) имѣла въ принципѣ своемъ войну, завоеваніе, революціи, а другая (меттерниховская) тяготѣла къ началамъ законности, мира и консервативной охраны существующаго порядка.

Теперь ясно, почему работа комитета по германскимъ дѣламъ разрѣшилась тѣмъ трактатомъ объ вышеизложенномъ устройствѣ германскаго союза, который былъ поспѣшно разсмотрѣнъ и принятъ на майскихъ и іюньскихъ конференціяхъ вѣнскаго конгресса. Исходнымъ пунктомъ или, точнѣе, зерномъ этого важнаго дипломатическаго документа послужилъ австрійскій проектъ (Вессенберга), гдѣ находится уже, въ существѣ своемъ,

[1] *Gervinus*, Geschichte des XIX J.-H. I. 177 etc.

[2] Ср. Ibidem. 260—264.

Digitized by Google

все содержаніе актовъ вѣнскаго конгресса касательно союза. Ясно до очевидности, какъ замѣчаетъ Гервинусъ (I, 300), что «здѣсь (въ проектѣ Вессенберга) все устроено по началу союза государствъ, но не союзнаго государства[1]; обще-германскія гражданскія права почти совершенно исчезли; права сословно-представительныхъ учрежденій — отдѣльныхъ государствъ должны быть опредѣлены по мѣстнымъ обычаямъ и законамъ отдѣльныхъ территорій; члены союза получаютъ равныя политическія права и располагаютъ, одни — единичными, а другіе — коллективными голосами въ союзномъ сеймѣ, гдѣ руководительная роль предоставлена, въ видѣ опыта, Австріи». Въ самомъ дѣлѣ, въ приведенной выдержкѣ изъ проекта Вессенберга ярко обозначается родственное сходство съ «Grundvertrag» и «Acte final», содержаніе которыхъ представлено выше въ извлеченіяхъ изъ Клюбера, и гдѣ взамѣнъ крѣпкой федераціи установлена только довольно-слабая международная связь однихъ государствъ Германіи съ другими. — Не осуществились стремленія пылкаго и талантливаго Штейна, возставшаго со всею энергіею своихъ патріотическихъ пожеланій противъ малыхъ государствъ (Kleinstaaterei), мѣшавшихъ, по его мнѣнію, политической независимости Германіи отъ иностраннаго вліянія, — производившихъ и поддерживавшихъ порядокъ, при которомъ принижался и мельчалъ духъ націи, укрѣплялись мѣщанскіе нравы съ узкими мѣстными интересами, съ положительною неспособностью возвышаться до всеобщихъ и крупныхъ интересовъ, до серіёзнаго и вмѣстѣ трезваго политическаго развитія, до разумно-военнаго духа, до жажды подвиговъ и славы на пользу любимаго и великаго отечества. — Не прошли, кромѣ этой блестящей, но переполненной увлеченіями, теоріи Штейна, проекты о двойственной организаціи Германіи въ лицѣ Пруссіи и Австріи, о пятивластіи изъ тѣхъ-же двухъ державъ съ при-

[1] «... Hier ist alles schon staatenbündisch geordnet».

Digitized by Google

соединеніемъ трехъ важнѣйшихъ второстепенныхъ государствъ (бывшихъ членовъ рейнскаго союза).—Рушились также честные планы представителей мелкихъ владѣній Германіи, противъ которыхъ мы только-что видѣли филиппику Штейна,—планы, гдѣ ставился вопросъ «о крѣпкомъ союзномъ государствѣ съ императоромъ во главѣ».—Не достигли, наконецъ, никакихъ результатовъ проекты Гумбольдта и остальныхъ государственныхъ людей Пруссіи, помимо Штейна, касательно такого устройства союза, которое покоилось бы на крѣпкой военной организаціи, на сословно-представительныхъ учрежденіяхъ и на союзномъ судѣ. Побѣдила дилемма Меттерниха, которая говорила: «или Германія будетъ союзнымъ государствомъ (Bundesstaat), но не иначе какъ при господствѣ Австріи; или же составится изъ Германіи, по возможности слабый, союзъ государствъ (Staatenbund), въ которомъ отдѣльныя незначительныя части неизбѣжно будутъ повиноваться закону тяготѣнія къ сильнѣйшимъ членамъ союза»[1].—

Вотъ почему явилась Германія, послѣ 1815 года, не болѣе, какъ распространенною системою договоровъ и союзовъ между владѣтельными особами, съ цѣлью взаимной защиты, но безъ надлежащей внутренней связи, по мнѣнію разочарованныхъ и недовольныхъ представителей интеллигенціи и патріотизма въ тогдашней, да и въ позднѣйшей Германіи. Чувство національнаго достоинства оскорблялось сознаніемъ, что въ награду за великія жертвы вся страна осуждена была играть только роль неподвижнаго оплота и нейтральнаго хранителя обще-европейскаго мира во внѣшней политикѣ, и что во внутренней политикѣ ея оказался господствующимъ тотъ старо-бурбонскій произволъ, который взошелъ даже на одну стадію выше, благодаря наполеоновскому методу и примѣру, въ бывшихъ территоріяхъ рейнскаго союза, и особенно въ Баваріи и въ Виртем-

[1] *Гервинусъ*, I. 299.

Digitized by Google

бергѣ.—Виртембергскіе и баварскіе порядки той эпохи, прозванные «султанизмомъ» и «визиратомъ» со словъ остроумнаго Штейна, поддерживались: въ Виртембергѣ—личнымъ вліяніемъ короля Фридриха I, этого типическаго представителя своенравныхъ, самовластныхъ и жесткихъ Landesherr'овъ добраго стараго времени, а въ Баваріи — могуществомъ министра Монжелàса, любимца слабаго и распущеннаго правителя, Карла-Теодора.—Между прочимъ, стремленія къ сепаратизму, неразлучно существовавшія въ Виртембергѣ и Баваріи рука-объ-руку съ безцеремоннымъ деспотизмомъ и съ эксплуатаціею подданныхъ, составили одно изъ сильныхъ препятствій къ правильной и полной разработкѣ вопроса о «германскомъ союзѣ» на вѣнскомъ конгрессѣ. Старый король не понималъ современныхъ и, по его искреннему убѣжденію, вредныхъ идей объ обще-германскихъ интересахъ; онъ ясно и энергически сознавалъ лишь одну политику, выгодную для виртембергскаго королевскаго дома.—Излюбленный министръ Карла-Теодора, Монжеласъ, доходившій до крайнихъ предѣловъ униженія передъ бывшимъ протекторомъ рейнскаго союза, болѣе всего дорожилъ добытою въ ту пору возможностію: отдѣлившись отъ докучливой связи съ германскою имперіею, гдѣ все-таки существовалъ призракъ императорской юрисдикціи, распоряжаться по своему полному усмотрѣнію денежными средствами страны. На вѣнскомъ конгрессѣ, министра Монжеласа и короля Фридриха I страшили даже тѣ скромныя статьи или прибавленія союзнаго акта (послѣ ст. 11), гдѣ говорится «о правѣ четырехъ вольныхъ городовъ условиться касательно общаго и высшаго судилища», но въ-особенности ст. 13, гдѣ начертано: «In allen Bundes-Staaten wird eine landesständische Verfassung Statt finden» [1]. Противодѣйствію, шедшему изъ этого баварско-виртембергскаго источни-

[1] Ср. *Klüber*. U. S. II. 604, 605 etc.

Digitized by Google

ка и находившему опору въ скрытой поддержкѣ Австріи, приписываютъ замѣну словами—«Statt finden» слишкомъ сильнаго выраженія: «solle bestehen», первоначальной редакціи акта, въ статьѣ о представительныхъ учрежденіяхъ государствъ—членовъ германскаго союза.—Спрашивается: какъ могли осуществиться, при такихъ условіяхъ, независимо отъ опасеній за ближайшее будущее страны въ виду бѣгства Наполеона съ острова Эльбы, благочестивыя пожеланія Штейна и серіёзные политическіе разсчеты Гумбольдта? Для позднѣйшаго времени особенно-ясно то обстоятельство, что въ данномъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, люди, «умѣвшіе, прикрывать козни кажущеюся откровенностію,' недоброжелательство — личиною великодушія, своекорыстіе — звучными фразами о принципахъ», должны были одолѣть безпокойныхъ и непрактическихъ «идеологовъ». Какая изъ двухъ сторонъ одолѣла въ борьбѣ изъ-за тѣхъ-же капитальныхъ вопросовъ устройства современной Германіи — объ этомъ не рѣшимся мы сказать окончательнаго слова ни здѣсь, ни въ заключительныхъ страницахъ лекцій по исторіи международныхъ отношеній Европы.—

Сознаніе недостатковъ, которые существовали въ союзномъ актѣ, вызвало постановленія 1819-го, 1820, 1832 и 1834 годовъ, по карлсбадскому декрету, по дополнительному акту въ Вѣнѣ, наконецъ — по декретамъ германскаго сейма во Франкфуртѣ.—Согласно этимъ дополненіямъ, союзный сеймъ получилъ право вмѣшательства (интервенціи) съ цѣлью подавленія открытыхъ возстаній и всякихъ вообще движеній, опасныхъ для германской федераціи, и притомъ, во многихъ случаяхъ, не дожидаясь призыва со стороны заинтересованнаго правительства — члена союза. Обнаружилась попытка привести въ дѣйствіе статью 13-ю первоначальнаго текста союзнаго договора; но оговорки и ограниченія (см. 55, 56, 57, 58 акта 1820 г.) оставили поднятый и неудобный вопросъ въ прежнемъ положеніи, т. е. провозгласили

Digitized by Google

въ такихъ случаяхъ благоусмотрѣніе мѣстныхъ правительствъ[1]. Статья 60-я даетъ сейму право гарантировать мѣстную конституцію, возникшую вышеуказаннымъ путемъ въ томъ или другомъ государствѣ союза, откуда, далѣе, вытекаетъ в зможность улаживать споры по поводу такихъ конституцій толкованіемъ статей основнаго закона, медіаціею или посредническимъ разборомъ.—Статья 59-я заботится объ «установленіи и соблюденіи законныхъ предѣловъ для свободы мнѣній и слова» на публичныхъ засѣданіяхъ представительныхъ учрежденій въ чертѣ союза.— За-тѣмъ актъ 1820 года видимо сознаетъ невыгоды и опасности въ статьяхъ, касающихся международныхъ отношеній членовъ союза и особенно военныхъ столкновеній членовъ союза съ государствами не федеративными. При томъ порядкѣ, за установленіе котораго стояла Австрія съ хоромъ изъ Фридриха I-го виртембергскаго, Монжеласа и отчасти ганноверскаго дипломата на вѣнскомъ конгрессѣ, графа Мюнстера, существовала ничѣмъ не отвратимая, серіёзная и тяжкая возможность такихъ войнъ, гдѣ члены союза затрачивали бы германскія силы своихъ владѣній для не германскихъ владѣній (Данія какъ владѣтельница Голштиніи и Лауэнбурга, Англія—Ганновера, Голландія—Люксембурга, Австрія—эрцгерцогствъ, Тироля etc.). Ареною подобныхъ войнъ могли быть: Италія, славянскія земли, Португалія, наконецъ—заморскія колоніальныя владѣнія Великобританіи и нидерландскаго королевства[2]. Отсюда рядъ статей (35—

[1] Ср. между прочимъ слѣдующія слова акта: «... Le principe fondamental de cette union exige que tous les pouvoirs de la souveraineté restent unis dans le chef suprême du gouvernement, et que, par la constitution des états, le souverain ne puisse être tenu d'admettre leur coopération que dans l'exercice des droits spécialement déterminés».

[2] Стоитъ только вдуматься въ смыслъ, съ перваго взгляда успокоительный, статьи 11-й союзнаго акта 1815 г. «Die Bundesglieder behalten zwar das Recht der Bündnisse aller Art, verpflichten sich jedoch, in keine Verbindungen einzugehen, welche gegen die Sicherheit des Bundes, oder einzelner Bundes-Staaten gerichtet wären» (См. *Klüber*, II. 604).

Digitized by Google

49), гдѣ яснѣе подтверждается солидарность между членами союза, такъ-что нарушеніе независимости и достоинства части признается за casus belli для цѣлой федераціи; налагается, въ то-же время, обязанность на членовъ союза уклоняться отъ дѣйствій, имѣющихъ характеръ вызова какому-либо не-федеративному государству; установляется приложеніе юрисдикціи, добрыхъ услугъ и медіаціи со стороны союзной власти въ видахъ предупрежденія опасныхъ послѣдствій отъ случившагося уже вызова, или вообще отъ какого-либо спора и недоразумѣнія въ отношеніяхъ членовъ союза съ не-федеративными державами.— Объявленіе союзной войны обусловлено большинствомъ $^2/_3$, путемъ голосованія въ полномъ или большомъ собраніи сейма.—Но начало солидарности, полнѣе и яснѣе высказанное въ дополнительномъ актѣ, сравнительно съ «Grundvertrag» 1815 г., все-таки не выдержано до конца: дань обособленію заплачена въ статьѣ 46-й, предоставляющей полную свободу дѣйствій члену союза, имѣющему владѣнія за чертою федеративныхъ земель; война такого члена союза и вмѣстѣ члена обще-европейской системы государствъ оказывается безразличною для германской федераціи. За-тѣмъ 42 ст. оставляетъ лишь «самозащиту» тому члену союза, въ столкновеніи котораго съ иностраннымъ государствомъ не усмотритъ опасности для федераціи большинство голосовъ на сеймѣ.—

Союзныя постановленія 1832 года вызваны были конституціонными движеніями въ Саксоніи, курфиршествѣ гессенскомъ и Ганноверѣ, представитель котораго (Мюнстеръ) сильно отстаивалъ, еще на вѣнскомъ конгрессѣ, необходимость серіёзнаго выполненія манифестовъ во время войны 1813 и 1814 г. о конституціонныхъ учрежденіяхъ.

Состояніе общеевропейской политики того времени, послѣ событій 1830 года, усиливало опасенія и вызывало мысль объ энергическихъ мѣрахъ охраненія не только со стороны Австріи,

Digitized by Google

но и въ отечествѣ Штейна, Гумбольдта и Гарденберга. Предсѣдатель сейма, графъ Мюнхъ-Беллингаузенъ, заявлялъ въ своемъ рапортѣ о «самой живой заботливости императора австрійскаго касательно священной обязанности поддержанія порядка въ Германіи». Отсюда, послѣ преній, гдѣ ставилась на-видъ близкая гроза отъ демократіи для цѣлаго союза, принятъ рядъ статей, собственно-говоря только подтверждавшихъ и лишь отчасти развивавшихъ смыслъ и примѣненіе статей 57 и 59 дополнительнаго акта 1820 г. къ союзному акту вѣнскаго конгресса. Между прочимъ учреждена особая коммиссія для верховнаго контроля надъ преніями и сужденіями въ представительныхъ учрежденіяхъ у различныхъ государствъ германскаго союза[1]. Условлены также репрессивныя мѣры противъ злоупотребленій печати въ предѣлахъ федераціи. — Что касается декрета 1834 г., то предметомъ его было дальнѣйшее развитіе учрежденія союзнаго суда для всей Германіи. Декретъ 1834 г. создалъ институтъ посредническаго суда, который долженъ былъ разбирать главнымъ образомъ, кромѣ пререканій между членами федераціи, всѣ конституціонные споры въ земляхъ союза. Въ составъ коллегіи входятъ 6 членовъ изъ общаго списка кандидатовъ, выбранныхъ палатами; коллегія посредническая имѣетъ силу *аустрегальнаго* (austregal) суда въ видѣ смѣшанной коммиссіи изъ 3-хъ членовъ отъ короны и такого-же числа членовъ отъ представительнаго собранія подлежащей территоріи; этими шестью выборными назначается одинъ общій посредникъ.

Такова система учрежденій, созданная вѣнскими конгрессами и актами, дополнявшими текстъ и опредѣлявшими дѣйствіе рѣшеній и постановленій его на почвѣ Германіи. Вопросъ о томъ, каковы были практическіе результаты отъ германскаго союза въ ближайшее время и далѣе, до 1848 г., можетъ вызывать раз-

[1] Ср. *Wheaton*, II. 155, 156. — *Klüber*, Quellensammlung zu dem öffentlichen Recht des D. Bundes.

Digitized by Google

норѣчіе въ частностяхъ; напр. графъ Гарденъ не усматриваетъ ничего, кромѣ благотворнаго умиротворенія въ промежутокъ времени отъ 1815-го до 1818 г. (I, LXV). Но событія, которыя слѣдуютъ за послѣднимъ годомъ, вызываютъ даже у осторожнаго и консервативнаго дипломата указаніе на тотъ фактъ, что «политика господствующихъ державъ вступаетъ въ борьбу со стремленіями къ порядку конституціонному». Не такъ сдержанны многіе другіе историки: они прямо начинаютъ съ 1815 года поворотъ къ тому, что называется на политическомъ языкѣ «реакціею»[1].

Въ самомъ дѣлѣ, что сдѣлала хорошаго союзная конституція Германіи въ разсматриваемый нами промежутокъ времени? Нѣсколько законовъ объ ученой, литературной и артистической собственности, — вотъ и все, что выработала законодательная дѣятельность германскаго союза! Вліяніе Германіи на внѣшнія политическія дѣла, на ходъ событій въ Европѣ отъ 1815 до 1848 г., связано съ именемъ школы Меттерниха — этого коновода реакціи въ родной землѣ своей, гдѣ абсолютизмъ и канцелярская централизація уничтожили всякую тѣнь мѣстнаго самоуправленія и личной независимости отдѣльныхъ гражданъ. Разсказы Токвиля объ интендантахъ старой французской монархіи, доводившихъ до государственнаго совѣта «вопросы» о замѣнѣ старой черепицы новою на крышѣ какой-либо приходской церкви, находятъ для себя подобіе въ фактахъ внутренняго управленія австрійской имперіи. Іезуитамъ переданъ былъ полицейскій надзоръ надъ народною школою и университетами. Изъ программъ преподаванія исключены науки естественныя; доведены до minimum'а исторія, географія и древніе языки. По декрету 1821 года, даже профессора не могли получать безъ особаго разрѣшенія многихъ книгъ изъ университетской библіотеки. Католическій катехизисъ и механическое выполненіе обрядовъ за-

[1] Ср. *Гервинусъ*, Введеніе въ ист. XIX ст., 149 etc.

Digitized by Google

мѣняли собою науку, пріучая къ ханжеству, распложая, по общему правилу, скептиковъ и лицемѣровъ, какъ доказалъ это Руфини, говоря о Пьемонтѣ того-же времени, въ своей извѣстной книгѣ «Лоренцо Беннони».

И во внутренней политикѣ остальной Германіи, статья конституціи, дававшая право союзному правительству вмѣшиваться въ споры и пререканія между членами федераціи, принесла много вреда, опять-таки подъ вліяніемъ политики Меттерниха. Упомянутую статью часто употребляли противъ законныхъ требованій народа; университеты, подпавшіе полицейскому надзору, мелочно и неумолимо преслѣдовались за патріотическія движенія между молодежью, — движенія, которыя принесли столько пользы Германіи и безъ которыхъ не было бы сброшено иго Наполеона. — Но, не смотря на то, что германскій союзъ заслужилъ во многомъ осудительный приговоръ, онъ принесъ извѣстную пользу: какъ ни несовершенна была его организація, какъ ни достойна порицанія его внутренняя политика, все-таки онъ далъ, не впадая въ крайности объединеннаго цезаризма Австріи или военной гегемоніи Пруссіи, устойчивость центральной Европѣ. А это — заслуга, если имѣть въ виду, что политическое равновѣсіе было совершенно потрясено въ революціонный и наполеоновскій періоды, и что международный прогрессъ и международные интересы невозможны, если Германія станетъ игрушкою честолюбія и своекорыстія другихъ державъ Европы; по одному географическому своему положенію, она есть ключевой пунктъ политики.

Къ счастью, меттерниховская политика Австріи не могла водвориться на-всегда или даже на-долго, благодаря ея старинному соперничеству съ Пруссіею. Послѣ войнъ съ Наполеономъ, гдѣ Пруссія принимала такое видное участіе; послѣ расширенія ея владѣній по вѣнскому конгрессу, прусская монархія окрѣпла и вмѣстѣ съ тѣмъ возросло ея честолюбіе. Созна-

Digitized by Google

вая свои заслуги въ эпоху національныхъ войнъ, Пруссія не могла смотрѣть равнодушно на старинное вліяніе Австріи. Въ 1848 г. высказалось наглядно общее недовольство Германіи противъ Австріи; французская революція этого года имѣла сильное отраженіе во всѣхъ государствахъ Европы, за исключеніемъ Россіи. Вспыхнули волненія въ Берлинѣ, въ Вѣнѣ и въ другихъ городахъ Германіи. Между передовыми людьми того времени явился планъ совершенно измѣнить устройство союза, дать большую объединенность Германіи и облечь такое государство въ форму имперіи, причемъ корону императорскую предполагалось дать покойному прусскому королю, старшему брату нынѣшняго императора Германіи. Новая германская имперія должна была сдѣлаться болѣе объединеннымъ федеративнымъ союзомъ, но въ то-же время—конституціоннымъ и либеральнымъ въ учрежденіяхъ и политикѣ каждой отдѣльной части «великаго отечества» (Grosses Vaterland). Въ имперіи предполагались двѣ палаты, и законами какъ всей имперіи, такъ и каждаго государства, входящаго въ составъ ея, должна быть обезпечена свобода печати и политическаго слова на трибунахъ въ тѣхъ парламентскихъ учрежденіяхъ, которыхъ требовали руководители движенія 1848 г. Это движеніе, замѣчательное и по энергіи, и по личнымъ достоинствамъ вождей своихъ, во многомъ сходилось съ французскимъ движеніемъ 1789 г. уже и потому, что франкфуртскій конгрессъ поставилъ одною изъ своихъ задачъ: опредѣленіе и огражденіе основныхъ правъ личности (Grundrechte). Но Пруссія и другія державы незахотѣли поддержать это дѣло. Франкфуртскій парламентъ въ 1849 году былъ разогнанъ. Grundrechte отброшены въ-сторону, и прежній порядокъ скоро водворился въ международныхъ и въ государственныхъ отношеніяхъ Германіи. Самое соперничество между Пруссіею и Австріею нисколько не ослабѣло, оно только скрылось на-время, чтобы возгорѣться съ новою силою, при болѣе удобныхъ обстоятельствахъ.

Digitized by Google

Понятно, что все это не обѣщало прочности для того устройства, которое дано было Германіи по актамъ 1815, 1820, 1832 и 1834 годовъ. Въ 1863 году снова появилась попытка измѣнить конституцію Германіи подъ инціативою Австріи: австрійскій императоръ созвалъ конгрессъ во Франкфуртѣ, чтобы дать переустройство союзной германской конституціи, конечно подъ условіемъ гегемоніи для Австріи. И вотъ тутъ-то проснулось съ новою силою соперничество Пруссіи. Ловкая политика послѣдней въ этотъ серьезный моментъ для Германіи уничтожила всѣ ріа desideria Австріи. Скоро выступилъ, благодаря участію Бисмарка, столь знаменитый датскій вопросъ, который былъ поднятъ еще ранѣе — въ 1848 г. Теперь за него взялись Пруссія и Австрія, заявившія свои притязанія на Шлезвигъ-Голштейнъ, и объявили войну Даніи. Эта война продолжалась недолго: въ 1864 г. были подписаны въ Вѣнѣ предварительныя статьи мира, въ которыхъ несчастная Данія, подавленная неодолимыми силами, отказалась отъ Шлезвигъ-Голштиніи въ пользу своихъ побѣдителей. Но датскій вопросъ послужилъ сѣменемъ войны между Австріею и Пруссіею; дипломаты не могли поладить о дѣлежѣ добычи, и вопросъ долженъ былъ порѣшиться мечемъ[1]. Война 1866 г., связанная съ именемъ Кёнигсгреца и Садовой, кончилась еще скорѣе датской кампаніи: послѣ нѣсколькихъ недѣль непріязненныхъ дѣйствій былъ заключенъ пражскій миръ, и, вслѣдъ за этимъ крупнымъ событіемъ, произошли измѣненія въ самомъ германскомъ союзѣ, который преобразовался въ новый сѣверо-германскій союзъ.

Подробное изложеніе его устройства есть, собственно говоря, предметъ государственнаго права, но въ исторіи международнаго права нельзя не коснуться, хотя-бы сжато, этого вопроса,

[1] См. Staats-Archiv, XI. 1866. Juli bis December. №№ 2305, 2039, 2314 etc. Для датской войны и мира, окончившаго ее, ср. Archives diplomat. 1864. T. IV.

Digitized by Google

такъ-какъ рѣчь идетъ о современномъ положеніи одного изъ важнѣйшихъ членовъ политической системы въ Европѣ. Компетенція союза 1866 года значительно обширнѣе компетенціи германскаго союза 1815 года: союзное правительство вѣдаетъ вопросы объ эмиграціи и колонизаціи, торговыя, таможенныя дѣла, — вопросы о непрямыхъ налогахъ, имѣющихъ значеніе для федераціи; союзное правительство вліяетъ также на систему мѣръ и вѣсовъ; у него въ полномъ распоряженіи банковыя учрежденія и всѣ привилегіи на изобрѣтенія; союзное правительство гарантируетъ литературную, ученую, художественную собственность и имѣетъ законодательную власть по этимъ предметамъ; оно блюдетъ общегерманскіе торговые интересы, а также интересы германскаго флота и флага (явленіе, дотолѣ невиданное); ему, далѣе, принадлежатъ завѣдываніе и содержаніе общегерманскихъ консульскихъ агентовъ, наконецъ, желѣзно-дорожная регламентація и мѣры, касающіяся этого важнаго предмета, находятся въ рукахъ союзнаго правительства. Цѣль с.-германскаго союза — военная безопасность и развитіе общегерманской торговли. Слѣдовательно, этотъ союзъ сдѣлался большимъ подспорьемъ для таможеннаго союза, который былъ въ свою очередь важною приготовительною ступенью для объединенія Германіи въ настоящемъ видѣ. Таможенный союзъ, возникшій въ 1832 и 1833 годахъ, былъ преобразованъ, по трактату 1867 года, между сѣверными и южными государствами Германіи, которыя не были еще тогда объединены съ Пруссіею до такой степени, какъ теперь послѣ военныхъ конвенцій вслѣдъ за пораженіемъ Франціи. Трактатъ 1867 года далъ таможенному союзу, по образцу сѣверогерманскаго устройства, исполнительныя и административныя учрежденія (Bundesrath), т. е. союзный совѣтъ изъ 58 уполномоченныхъ отъ членовъ сѣверо-германскаго союза, а также отъ южныхъ государствъ, и законодательныя — таможенный парламентъ (Zollparlament) изъ членовъ сѣверо-германскаго рейхстага и

Digitized by Google

депутатовъ отъ южно-германскихъ государствъ, избранныхъ посредствомъ прямаго и всеобщаго голосованія. Вліяніе общихъ союзныхъ учрежденій Германіи и прусской короны, которой предоставлено президентство, на таможенный союзъ значительно. Международныя рѣки и плаваніе по нимъ, вопросы полиціи, почтъ, телеграфовъ, объединеніе гражданскаго судопроизводства, вексельнаго и банкротскаго устава, постановленія объ исполненіи судебныхъ рѣшеній—все это составляетъ, по конституціи 1867 г., предметы завѣдыванія федеральной власти. И во всемъ этомъ видна великая разница союза 1866 года и конституціи его, окончательно выработанной въ 1867 г., отъ того, который былъ устроенъ по актамъ 1815, 1820, 1832 и 1834 г. Союзному правительству принадлежитъ серьезная и объединенная власть, имѣющая своимъ предметомъ крупныя политическія, экономическія и международныя дѣла. Гегемонія въ этомъ союзѣ находится въ рукахъ у Пруссіи, и распредѣленіе голосовъ на сеймѣ выставляетъ самымъ поразительнымъ образомъ фактъ преобладанія этого государства. Пруссія имѣетъ 17 голосовъ въ числѣ 43, изъ которыхъ состоитъ, по конституціи 1867 года, союзъ сѣверной Германіи, слѣдовательно, ей принадлежитъ почти $^1/_2$ голосовъ (включая сюда Голштинію, Нассау и Франкфуртъ). Если взять въ разсчетъ, что Саксонія, связанная, послѣ войны съ Франціей, въ военномъ отношеніи съ Пруссіею, имѣетъ 4 голоса, и что много другихъ государствъ, имѣющихъ по 1 голосу, находятся также въ полной зависимости отъ Пруссіи, то окажется, что послѣдняя обладаетъ почти всѣми голосами. 11-я статья федеральнаго акта (о внѣшнихъ сношеніяхъ) говоритъ: «предсѣдательство въ союзѣ принадлежитъ прусской коронѣ, которая представляетъ союзъ во всѣхъ международныхъ сношеніяхъ, объявляетъ войну, подписываетъ миръ, заключаетъ союзные трактаты, посылаетъ и принимаетъ дипломатическихъ агентовъ». Король Пруссіи открываетъ и закрываетъ союзный сеймъ,

Digitized by Google

или Reichstag. Предсѣдательство въ союзномъ совѣтѣ (Bundesrath) принадлежитъ союзному канцлеру, назначаемому прусскою короной: «Das Präsidium ernennt den Bundes-Kanzler», говоритъ ст. 12-я проекта конституціи. Канцлеръ не отвѣтственъ передъ рейхстагомъ или союзнымъ сеймомъ, хотя послѣдній составляется изъ депутатовъ, избираемыхъ путемъ всеобщаго и прямаго голосованія. Законодательная власть въ тѣхъ предѣлахъ, въ какихъ установлена она для союза, принадлежитъ рейхстагу вмѣстѣ съ союзнымъ совѣтомъ. Для проведенія и изданія союзнаго закона, имѣющаго обязательную силу во всѣхъ государствахъ сѣверо-германской федераціи, нужно принятіе законопроекта большинствомъ голосовъ какъ въ совѣтѣ, такъ и въ рейхстагѣ. Изъ среды союзнаго совѣта избираются члены въ постоянные комитеты для завѣдыванія дѣлами, подлежащими вѣдомству союзныхъ властей. Члены рейхстага считаются представителями цѣлаго народа, но они не связаны, въ своихъ убѣжденіяхъ и въ образѣ дѣйствій, препорученіями и инструкціями избирателей, точно такъ-же члены рейхстага неотвѣтственны за мнѣнія и слова, выраженныя ими при отправленіи своихъ обязанностей. Послѣ ряда подробностей касательно дѣлъ и интересовъ таможенныхъ, торговыхъ, желѣзно-дорожныхъ, почтовыхъ, телеграфныхъ, морскихъ и судоходныхъ, консульскихъ, военныхъ и финансовыхъ, актъ союзной конституціи заканчивается правилами, ограждающими: существованіе, неприкосновенность, безопасность, конституцію и достоинство какъ цѣлаго сѣверо-германскаго союза, такъ и отдѣльныхъ, входящихъ въ органическое его устройство, учрежденій (Ст. 68, 69 проекта). Ст. 70 говоритъ о подсудности союзному совѣту (Bundes Rath) споровъ, между членами сѣверо-германскаго союза; наконецъ, ст. 71 затрогиваетъ, осторожно, подъ вліяніемъ различныхъ политическихъ обстоятельствъ и соображеній, вопросъ объ отношеніяхъ сѣверо-германскаго союза къ южно-германскимъ государствамъ, «кото-

Digitized by Google

рыя отношенія будутъ опредѣлены особыми, подлежащими представленіями въ рейхстагъ, трактатами»[1].

Такъ разрѣшенъ вопросъ о союзномъ устройствѣ Германіи черезъ полвѣка послѣ вѣнскаго конгресса. Если сопоставить содержаніе конституціи 1867 г. съ результатами многихъ дальнѣйшихъ политическихъ дѣйствій Пруссіи, а также съ дополнительными статьями мирныхъ договоровъ Пруссіи съ Австріею (23 августа 1866 г. въ Прагѣ), съ Виртембергомъ (13 августа того-же года), съ Баденомъ (17 августа 1866 г.), съ Баваріею (22 авг. 1866 г.)[2]; то окажется слѣдующее: Австрія окончательно потеряла свое прежнее мѣсто и значеніе въ германскомъ союзѣ; Габсбурги передали Гогенцоллернамъ всѣ свои притязанія на Шлезвигъ-Гольштейнъ, судьба котораго рѣшена, съ устраненіемъ правъ Аугустенбургской линіи, не согласно съ мнѣніями лучшихъ германскихъ публицистовъ, но по буквѣ приговора прусскихъ коронныхъ юристовъ; еще 17 августа 1866 года особымъ посланіемъ короля Вильгельма къ прусскому ландтагу потребовано и получено, при ничтожномъ меньшинствѣ, голосованіе касательно присоединенія къ прусской территоріи Ганновера, Кургессена, Нассау и Франкфурта, съ оговоркою, что земли эти будутъ подчинены королевской диктатурѣ до 1-го октября 1867 года, когда имѣетъ быть введена тамъ прусская конституція; въ ноябрѣ того-же года, рѣшено такимъ-же способомъ присоединеніе Шлезвигъ-Гольштейна; первенство (чтобы не сказать — гегемонія) въ сѣверной Германіи до Майна, исключая Люксембурга, перешло въ руки Пруссіи; наконецъ, южно-

---

[1] «Die Beziehungen des Bundes zu den süddeutschen Staaten werden sofort nach Feststellung der Verfassung des norddeutschen Bundes durch besondere dem Reichstage zur Genehmigung vorzulegende Verträge». Сравн. полный текстъ проекта союзной конституціи 1867 г. въ 8-й книгѣ *Schulthess*, Europäischer Geschichts-kalender, SS. 54—64.

[2] Сравн. in extenso Staats-Archiv, XI Band. 1866. Juli bis December.

Digitized by Google

германскія государства, связанныя таможеннымъ трактатомъ и военными конвенціями съ Пруссіею, очутились уже на дорогѣ къ неизбѣжному и болѣе близкому соединенію съ сильною массою сѣверо-германскаго союза. Оставалось подождать до 1870 г., чтобы въ-концъ прорубить мечемъ, по выраженію нѣмецкихъ публицистовъ, «запутанный клубокъ германскаго вопроса», («...Den Knäuel der deutschen Frage mit dem Schwerte zu zerhauen»). Такой способъ выраженія имѣетъ историческую связь съ знаменитымъ изреченіемъ Бисмарка, отказавшимся, въ виду затрудненій отъ соперничества Австріи и стремленій къ сепаратизму у второстепенныхъ государствъ германскаго союза, рѣшать вопросы нѣмецкой политики иначе какъ кровью и желѣзомъ (Blut und Eisen). Въ одной изъ многочисленныхъ рѣчей германскаго канцлера — рѣчей, которыя еще живо помнитъ Европа — Бисмаркъ заявилъ, съ обычною своею рѣзкою и саркастическою откровенностью, что въ дѣлѣ союзной конституціи онъ не стремился къ идеаламъ, не заботился, съ одной стороны, объ увѣковѣченіи единства Германіи, а съ другой стороны — о предоставленіи полнѣйшей свободы всяческимъ стремленіямъ къ сепаратизму. «Отыскать такой философскій камень — если только онъ дастся кому-нибудь въ руки — должны мы предоставить будущему; приблизить къ разрѣшенію задачу о квадратурѣ круга не есть дѣло правительства»[1]. Дѣйствительно, результатъ того, что сдѣлалъ Бисмаркъ, весьма существенъ: явилось, взамѣнъ той Пруссіи, которую создалъ Меттернихъ на вѣнскомъ конгрессѣ, могущественное государство съ населеніемъ, болѣе чѣмъ равнымъ населенію Франціи, съ яснымъ сознаніемъ своей силы по отношеніи къ остальной Германіи и къ цѣлой Европѣ, съ вѣрою въ безусловное превосходство своей цивилизаціи и въ

[1] Рѣчь Бисмарка 11 марта 1867 г. въ рейхстагѣ при обсужденіи союзной конституціи.

Digitized by Google

историческое призваніе свое — подвинуть «культурное» развитіе прочихъ народовъ. Рушилось одно изъ главнѣйшихъ дѣлъ вѣнскаго конгресса, и рушилось подъ ударами германской руки въ междоусобной войнѣ сѣвера и юга нѣмецкой земли. Насколько прочно и устойчиво зданіе, возведенное Бисмаркомъ? Что̀ можетъ быть въ-послѣдствіи вложено въ «крѣпкую конституціонную рамку» современной Германіи, по выраженію нѣмецкихъ публицистовъ? (Der ganzen Lage der Dinge entsprechend, dachte Graf Bismarck zunächst.... lediglich an die Schaffung eines festen Verfassungsrahmens», — говорила нерѣдко нѣмецкая журналистика той эпохи). Окажутся ли могущество и единство страны лишь средствами къ другимъ, болѣе высокимъ и гражданственнымъ цѣлямъ политики, законодательства и международныхъ интересовъ? Или же, на-оборотъ, всѣ эти цѣли будутъ навсегда подчинены тѣмъ средствамъ, съ помощью которыхъ внѣшній блескъ и внутреннее могущество замѣнили собою прежнюю слабость и незначительность вліянія на политическихъ вѣсахъ Европы? — Вотъ вопросы, относительно которыхъ возможны или предположенія, или же благія пожеланія. Вообще результаты всѣхъ охарактеризованныхъ выше измѣненій, которыя еще рѣзче обозначились послѣ провозглашенія въ 1871 г. германской имперіи, громадны не только для Германіи, но и для всей Европы. Здѣсь многое зависитъ отъ судьбы парламентской системы и внѣшней политики въ Пруссіи. Если конституціонныя учрежденія Пруссіи и остальной Германіи получатъ серьезное значеніе, а не будутъ простою формою, то можно безъ особенной тревоги смотрѣть на перемѣщеніе въ Берлинъ центра тяжести европейской политики. Если же, напротивъ, подъ вліяніемъ какихъ-нибудь событій, политика Пруссіи приметъ завоевательное и вмѣстѣ реакціонное направленіе, то подобное явленіе крайне болѣзненно и вредно отзовется на всѣхъ государствахъ Европы, въ томъ числѣ и на Россіи. «Всемірная

Digitized by Google

исторія — сказано недавно въ одномъ изъ вліятельнѣйшихъ журналовъ Германіи [1] — не знаетъ примѣра такого сочетанія политическихъ силъ въ системѣ европейскихъ государствъ, какое вызвано величавыми событіями французско-германской войны. Всеобщей исторіи извѣстны стремленія ко всемірной монархіи, быстро мѣнявшіеся союзы между державами; наконецъ, священный союзъ противъ либеральнаго движенія европейскаго запада: но чтобы судьба всей европейской исторіи была предана въ руки двухъ государей — этого не укажетъ исторія». Ясно, что здѣсь идетъ рѣчь о Пруссіи и Россіи. И едва-ли слышна въ приведенныхъ словахъ дружелюбная нота по отношенію къ обѣимъ державамъ. Едва-ли кто отыщетъ здѣсь твердую вѣру въ будущій миръ и спокойствіе Европы.

Вѣнскій конгрессъ занялся еще вопросомъ о гельветическомъ союзѣ, который былъ, какъ мы видѣли выше устроенъ императоромъ Наполеономъ 1-мъ, предложившимъ себя въ медіаторы швейцарскихъ кантоновъ. Наполеонъ 1-й далъ гельветической республикѣ союзный сеймъ, который долженъ былъ попеременно, въ теченіе года, засѣдать въ Фрейбургѣ, Бернѣ, Базелѣ, Цюрихѣ, Люцернѣ и Золотурнѣ. Предсѣдательствовалъ глава (бургмейстеръ) кантона того города, гдѣ пребывалъ сеймъ; и тотъ-же сановникъ сносился съ иностранными правительствами (Mediationsact 1803 года). Вѣнскій конгрессъ освободилъ Швейцарію отъ власти Франціи и далъ ей иное устройство, сравнительно съ конституціею 1803 года. Союзъ швейцарскихъ кантоновъ представляется теперь болѣе тѣсною федераціею: цѣль его — обезпеченіе внѣшней безопасности, внутренняго порядка и развитіе свободы и благосостоянія. По акту 1815 года мы видимъ взаимную гарантію конституціи и территорій каждаго кантона;

[1] Въ февралѣ 1874 года — Allgem. Zeitung. № 44.

Digitized by Google

для покрытія союзныхъ расходовъ федерація имѣетъ кассу, которая образуется изъ почтовыхъ и таможенныхъ сборовъ. Союзный сеймъ состоитъ изъ депутатовъ — по одному изъ каждаго кантона. Право дипломатическихъ сношеній принадлежитъ каждому кантону только по нѣкоторымъ предметамъ (напр. по предмету полиціи), и то подъ условіемъ, чтобы эти сношенія не вредили ни конституціи, ни интересамъ цѣлаго союза. Право войны и мира, jus belli ac pacis, право трактатовъ, договоровъ, jus legationis, — все это находится въ рукахъ союзной власти. — Революція 1830 г. отразилась и на Швейцаріи; недостатки союза ея — рѣзкое внутреннее различіе кантоновъ, изъ которыхъ одни чисто демократическаго устройства, другіе аристократическаго, съ преобладаніемъ клерикальнаго элемента, — вызвали волненія и разладъ. Клерикалы возбудили въ нѣкоторыхъ (католическихъ) кантонахъ попытку отдѣлиться отъ союза и составить (1846 г.) особую федерацію — Sonderbund. Вотъ почему, въ 1848 г., союзная конституція была пересмотрѣна и выработана новая, дѣйствовавшая до нашихъ дней. Недавнія политическія событія въ Европѣ дѣлаютъ и для Швейцаріи необходимою большую объединенность; ея военная слабость крайне опасна въ виду сильной Германіи, съ одной стороны, и затаившей свою месть и злобу Франціи — съ другой; а географическое положеніе Швейцаріи не даетъ ей возможности остаться въ-сторонѣ при столкновеніяхъ между этими государствами.

Устройство Швейцаріи (по закону 1848 г.) слѣдующее: 22 кантона во всѣхъ внутреннихъ вопросахъ, принадлежащихъ къ администраціи — за исключеніемъ нѣкоторыхъ дѣлъ, такъ-же независимы, какъ и Соединенные штаты Америки; отдѣльные кантоны имѣютъ право сноситься съ иностранными правительствами, но лишь на-столько, на-сколько эти сношенія не вредятъ интересамъ союза. Jus belli, pacis и право трактатовъ находятся во власти союзнаго правительства. Постоянной арміи

Digitized by Google

союзъ не имѣетъ, но созываетъ ополченіе въ случаѣ войны; союзъ, далѣе, имѣетъ почтовую, дорожную, монетную и нѣкоторыя другія государственныя регаліи (фабрикація пороху и пр.). Союзное правительство состоитъ изъ союзнаго собранія (assemblée fédérale) и союзнаго совѣта (исполнительная власть) conseil fédérai. Союзное собраніе (законодател. власть) дѣлится на два совѣта: Conseil national, національный совѣтъ, избираемый посредствомъ прямыхъ выборовъ на три года каждымъ двадцатилѣтнимъ швейцарцемъ, не лишеннымъ права участвовать въ дѣлахъ общественныхъ, изъ депутатовъ по 1 на 20.000 жителей, и совѣтъ кантоновъ — conseil des états, изъ 44 депутатовъ (по два отъ каждаго кантона, по одному отъ каждаго полукантона) [1]. Въ союзномъ собраніи вѣдаются законодательныя и высшія административныя дѣла. Федеральному или союзному собранію принадлежатъ между прочимъ: охрана внутренней и внѣшней безопасности Швейцаріи, трактаты, союзы, разборъ споровъ между кантонами, высшій надзоръ за союзною юстиціей, полицейскій надзоръ за иностранцами, дѣла воинской повинности, займы и бюджетъ, одобреніе или неодобреніе союзныхъ законовъ, декретовъ и постановленій. Правомъ иниціативы обладаетъ каждое изъ двухъ подраздѣленій союзнаго собранія (т. е. національный совѣтъ и совѣтъ кантоновъ) и даже каждый отдѣльный членъ въ составѣ этихъ учрежденій [2]. Власть исполнительная принадлежитъ союзному совѣту изъ 7 членовъ, избираемыхъ союзнымъ собраніемъ, и предсѣдатель его есть выборный представитель всего союза (président de la confédération), пользующійся властію всего одинъ годъ. На союзномъ совѣтѣ лежитъ надзоръ за исполненіемъ законовъ, обязанность — вести внѣшнія дипломатическія сношенія, поддерживать независимость и нейтралитетъ кантоновъ и союза, признанный и обезпеченный по вѣнскому конгрессу.

[1] Ст. конст. 61—65.

[2] Ср. стт. конст. 73, 75, 78, 79, 81, 94.

Digitized by Google

Статья 4-я конституціи подтверждаетъ и развиваетъ начало равенства передъ закономъ. Военная служба обязательна для каждаго (ст. 18-я. «Jeder Schweizer ist wehrpflichtig») [1]. Нельзя пользоваться политическими правами въ двухъ и болѣе кантонахъ (ст. 42). Право переселенія и водвореніе въ различныхъ кантонахъ, при извѣстныхъ ограниченіяхъ, доступны каждому швейцарцу. Окончательныя рѣшенія судовъ въ одномъ кантонѣ подлежатъ исполненію въ цѣломъ союзѣ. То-же повторяется въ проектѣ 1872 года [2]. Натурализація иностранцевъ въ союзѣ допускается не иначе какъ по освобожденіи ихъ отъ всякихъ связей съ тѣмъ государствомъ, къ которому они принадлежали до водворенія въ Швейцаріи (43 ст.) [3]. Иностранцы, нарушающіе внутреннюю и внѣшнюю безопасность союза, подлежатъ высылкѣ за границу (57 ст.) [4]. Іезуиты и связанныя съ ними общества не допускаются ни въ какую часть швейцарской территоріи (ст. 58) [5]. Въ составѣ швейцарской конституціи находится, по проекту 1872 года, союзный судъ съ компетенціею по гражданскимъ дѣламъ (Споры между союзомъ и кантонами, тяжбы союзовъ съ корпораціями, или даже, въ извѣстныхъ случаяхъ, съ частными лицами; тяжбы кантоновъ между собою или кантоновъ и корпорацій о предметахъ и отношеніяхъ, опредѣляемыхъ въ союзномъ законодательствѣ; споры и тяжбы общинъ въ различныхъ кантонахъ). Уголовная подсудность союзнаго суда по проекту 1872 г. не

---

[1] Ср. Staatsarchiv, XXII B. 1872.

[2] Ср. Staatsarchiv, V. S. 205.

[3] Въ проектѣ конституціи 1872 года вопросъ этотъ предоставляется разрѣшить союзному законодательству.

[4] Въ проектѣ конституціи 1872 г. удержана и эта статья, подъ № 64-мъ. «Dem Bunde steht das Recht zu, Fremde, welche die innere oder äussere Sicherheit der Eidgenossenschaft gefährden, aus dem schweizerischen Gebiete wegzuweisen».

[5] Ср. ст. 65 проекта пересмотрѣнной конституціи 1872 года.

Digitized by Google

менѣе значительна, а именно: здѣсь разбираются, съ участіемъ присяжныхъ, политическія преступленія — государственная измѣна, бунтъ, возстаніе противъ союзныхъ властей; преступленія и проступки противъ международнаго права; политическія преступленія и проступки, связанные, какъ причина или какъ послѣдствіе, съ тѣми безпорядками, которыми вызвано вмѣшательство посторонняго кантона или даже цѣлаго союза и др.[1].

Намѣреніе государственныхъ людей Швейцаріи — придать особенную важность союзному суду — видно изъ ст. 110-й проекта конституціи 1872 г.[2], гдѣ предположено подчинить разбору этого трибунала: всѣ случаи столкновеній и споровъ о подсудности между союзными и кантональными судами, — всѣ споры государственнаго характера (Streitigkeiten staatsrechtlichen Natur) между кантонами, всѣ дѣла о неисполненіи статей государственныхъ договоровъ и конкордатовъ и, наконецъ, дѣла по жалобамъ о нарушеніи конституціонныхъ правъ гражданъ.

Во всемъ этомъ высказывается идея о необходимости — по возможности закрѣпить федеративныя связи между членами союза. «Опытъ 50 лѣтъ показалъ потребность болѣе тѣснаго сближенія между нами и усиленія національной союзной власти», говоритъ прокламація швейцарскаго союзнаго собранія, 5-го мая 1872 года[3]. «Конституція 1848 г. убѣдила насъ живыми фактами въ той истинѣ, что объединенная, республикански-устроенная и національная власть составляетъ коренное условіе для политическаго значенія и благосостоянія какъ цѣлаго союза, такъ и кантоновъ.... Но нельзя считать и конституцію 1848 года за послѣднее завершеніе свободы, достоинства и благосостоянія страны. Напротивъ, опытъ показалъ, что кон-

[1] Ср. ст. 109 проекта конституціи, пересмотрѣнной въ 1872 году. Текста конституціи, принятой въ 1874 г., не было у насъ подъ-рукою.

[2] См. Staatsarchiv. XXII; 1872 года.

[3] Staatsarchiv. XXII, S. 215, 216 № 4650. Die Schweiz. (Verfassungs-Revision).

Digitized by Google

ституція эта недостаточна во многихъ отношеніяхъ... Поддержаніе дружественныхъ отношеній съ иностранными народами требуетъ болѣе широкихъ, всемірно-гражданскихъ воззрѣній. Между-тѣмъ, не смотря на свободу переселенія и водворенія, провозглашенную конституціею, даже швейцарскій уроженецъ оказывается иногда безправнымъ чужеродцемъ въ родной землѣ своей; нѣтъ у него здѣсь ни одинаковаго права, ни полнаго равенства передъ закономъ; чуть-ли не на каждой границѣ приходится простому гражданину освѣдомляться у свѣдущихъ людей: какой законъ, какое право дѣйствуютъ по переходѣ за межу кантона?».

Пересмотръ швейцарской конституціи, вызванный сложными причинами, оставляетъ однако-же неприкосновенными установившіяся уже основы федераціи: все дѣло законодателей — расширить и дополнить существующее, приспособивъ его къ новымъ потребностямъ и обстоятельствамъ. И теперь, какъ въ 1848 году, задачу внутренней и международной политики швейцарской республики составляетъ правильный переходъ къ наиболѣе законченному устройству федераціи въ формѣ «союзнаго государства» (des Bundes Staates). Швейцарцы, поставленные между двухъ огней — Пруссіею и Франціей, съ ужасомъ вспоминаютъ о той слабости, которою страдало ихъ государство по конституціи 1815 г. Подобно передовымъ людямъ и патріотамъ современной Германіи, президентъ Келлеръ и другіе составители проекта новой конституціи 1872 г. признали, что прежній союзъ ихъ былъ «одною формою безъ содержанія, такъ-какъ не доставало тамъ души народной»[1]. Останется ли форма, данная недавно республикѣ швейцарской (1874 г.), на долгое время «формою съ полнымъ содержаніемъ?». Пощадятъ ли судьба и будущія международныя событія *великую* душу сво-

[1] «Der Bund war ein loser Staatenbund, eine Form ohne Leben, weil ihr wiederum die Seele der Nation fehlte» etc.

Digitized by Google

бодной націи въ ея *маломъ*, но неувядающемъ тѣлѣ? Удержатся ли, какъ неприкосновенные принципы международнаго права при возможномъ столкновеніи великихъ военныхъ державъ, независимость и нейтралитетъ Швейцаріи — этого микроскопическаго подобія сѣверо-американскихъ штатовъ среди монархій западной Европы? Вотъ вопросы, на которые хотѣлось бы дать утвердительные отвѣты, по всѣмъ пунктамъ, въ очевидныхъ интересахъ международнаго союза, мирнаго развитія и спокойствія Европы. Во всякомъ случаѣ позднѣйшія событія, во многомъ измѣнившія дѣло дипломатовъ 1815 года, дали Швейцаріи ту удвоенную энергію патріотизма и ту живучесть національнаго чувства, которыя достаточно сказались во время опаснаго для республики нефшательскаго дѣла и которыя теперь говорятъ: «In ewiger Majestät ragt unser Hochgebirg aus den grünen Thälern zum Himmel empor. Es steht im Sturm der Zeiten um so fester da, je weiter sein Fuss in die Thäler niedersteigt. Je fester aber das Gebirg, desto sicherer die Thäler. So der Bund und die Kantone. Je tiefer und weiter der Bund in den Kantonen wurzelt, desto sicherer und reicher wird ihr heimisch Leben sich entfalten». (.... Чѣмъ крѣпче стоятъ горы, тѣмъ безопаснѣе долины. То-же съ союзомъ и кантонами: чѣмъ глубже и шире укоренится союзъ въ кантонахъ, тѣмъ обезпеченнѣе и богаче разовьется въ нихъ внутренняя жизнь)[1].

---

[1] Заключительныя слова въ прокламаціи къ швейцарскому народу о пересмотрѣ союзной конституціи, 5 мая 1872 г.

Digitized by Google

Краткій заключительный овзоръ исторіи международныхъ отношеній 1815—1818 г. до нашихъ дней.

§ 15. Теперь намъ остается сжато охарактеризовать дѣятельность германскаго союза въ связи съ священнымъ союзомъ (sainte alliance). Еще 1 августа 1814 г., въ Шомонѣ былъ заключенъ, на 20 лѣтъ, трактатъ между 4 государствами, съ цѣлію поддержать равновѣсіе, обезпечить спокойствіе и независимость государствъ и предотвратить войны, отъ которыхъ такъ долго страдалъ весь европейскій міръ. Но 26 сентября 1815 г. произошли событія, видоизмѣнившія характеръ задачи и политику контрагентовъ шомонскаго трактата: императоры австрійскій, прусскій и русскій заключили между собою лично, безъ участія полномочныхъ министровъ и дипломатовъ, священный союзъ, къ которому, въ ноябрѣ того-же года, приступилъ Людовикъ XVIII, а за реставраціоннымъ королемъ Франціи присоединились къ священному союзу и другіе государи Европы, за исключеніемъ короля Великобританіи: послѣдній отказался, сославшись на англійскую конституцію, которая требуетъ, чтобы трактаты контрасигнировались отвѣтственнымъ министромъ... (....La sainte alliance avait été conclue directement entre les souverains, et la constitution anglaise exige que les traités soient contresignés par un ministre responsable). — Многіе публицисты основательно замѣчаютъ, что священный союзъ есть скорѣе манифестъ, чѣмъ трактатъ, — манифестъ, заявляющій примѣненіе высшей морали и справедливости въ политикѣ. Намѣренія эти звучатъ хорошо; но, какъ бы то ни было, здѣсь сразу бросается въ глаза теоретическій и даже мистическій характеръ трактата, заключеннаго безъ опредѣленной практической цѣли, безъ точно выраженныхъ обязательствъ, безъ контрасигнированія и безъ всякой серьезной санкціи. Скоро однако-же цѣль священнаго союза опредѣлилась, а именно: возстановить и укрѣпить монархическую

Digitized by Google

систему, а отсюда оставался одинъ шагъ къ военному вмѣшательству для подавленія всего, что сталкивалось съ интересами возстановленныхъ династій. Иначе и быть не могло въ то время, когда жилъ Меттернихъ и когда въ наукѣ и литературѣ государственнаго права выступили философы реакціи — Галлеръ, Деместръ и Бональдъ.

Такимъ образомъ политика священнаго союза возвела въ принципъ государственнаго и международнаго права вооруженное вмѣшательство во внутреннія дѣла государствъ, — вмѣшательство, рядъ случаевъ котораго связанъ съ исторіею конгрессовъ: ахенскаго (1818 года), троппаускаго (1820 г.), лайбахскаго (1821 г.) и веронскаго (1822 г.). Результатомъ этихъ конгрессовъ было кровавое подавленіе народныхъ движеній въ Испаніи и Италіи противъ Бурбоновъ и пьемонтскаго правительства. Здѣсь былъ кульминаціонный пунктъ для политики вмѣшательства того періода, противъ которой возвысился въ Европѣ голосъ одной Англіи: по своему политическому устройству, по своему историческому развитію, держава эта не могла смѣшивать съ анархіею и революціею желаніе западно-европейскихъ народовъ имѣть у себя конституціонное устройство, тѣмъ болѣе, что это желаніе было вызвано отчасти обѣщаніями самихъ европейскихъ правительствъ, когда имъ приходилось раздѣлываться съ Наполеономъ 1-мъ. Въ Америкѣ—теорія вмѣшательства нашла себѣ противника въ знаменитомъ президентѣ Соединенныхъ штатовъ Монроэ (Монгоё). Правда, Англія сама не всегда выдерживала свои собственные принципы; но во всякомъ случаѣ было важно и то, что она высказалась съ энергіею и ясностію противъ политики, которая была опасна для самостоятельности государствъ и для международнаго мира въ Европѣ. Лучшимъ выраженіемъ взгляда Англіи на вооруженное вмѣшательство можетъ служить декларація 19 февраля 1821 года (лорда Кастельре). Вотъ что говорилось въ этой декларації: 1) внутреннія (политическія)

Digitized by Google

измѣненія въ какомъ-либо государствѣ могутъ быть предметомъ посторонняго вмѣшательства только тогда, когда отъ этихъ измѣненій угрожаетъ что-либо серьезное безопасности и другимъ существеннымъ интересамъ вмѣшивающихся государствъ; 2) вмѣшательство не можетъ быть возведено въ общее правило и не можетъ всегда примѣняться: оно есть quaestio facti не болѣе, и на немъ нельзя строить не только постоянныхъ союзовъ, но даже отдѣльныхъ трактатовъ; мало этого: 3) вмѣшательство равносильно отступленію отъ принциповъ международнаго права, и правительства, дозволяющія себѣ такую систему политики, играютъ въ опасную игру, подвергая себя многимъ серьезнымъ неудобствамъ; 4) отсюда, въ-частности, вмѣшательство въ дѣла Испаніи и Италіи не можетъ быть признано и одобрено англійскимъ кабинетомъ, не смотря на конгрессы, его дозволившіе.—Нельзя не пожалѣть, что Англія, провозгласивъ въ своей декларації такой взглядъ на политику вмѣшательства, сама отступила отъ этихъ принциповъ относительно Португаліи, ссылаясь на собственные интересы и на трактаты съ лиссабонскимъ кабинетомъ. Но намѣреніе нѣкоторыхъ европейскихъ державъ вмѣшаться въ дѣла южно-американскихъ колоній, провозгласившихъ свою независимость отъ Испаніи, было остановлено манифестомъ президента Монрое (см. выше). — Общихъ международныхъ столкновеній въ Европѣ въ этотъ періодъ не было, кромѣ вооруженнаго вмѣшательства въ дѣла Испаніи, Италіи и Греціи, при чемъ защитникамъ греческой независимости пришлось воевать съ Турціею; миръ Европы нарушился революціями въ Бельгіи, Польшѣ и Франціи 1830 года. Дѣло Греціи окончилось признаніемъ ея независимости, закрѣпленнымъ окончательно въ 1829 году по адріанопольскому миру Россіи съ Турціею. Въ дѣла Бельгіи дипломатическимъ путемъ вмѣшались: Австрія, Пруссія, Россія и Великобританія. Лондонская конференція въ 1831, 1839 годахъ провозгласила отдѣленіе отъ Голландіи, вѣчный нейтрали-

Digitized by Google

тетъ и новую конституцію Бельгіи. Что касается до французской и польской революцій, то здѣсь не было вмѣшательства: революція 1830 года провозгласила, съ самыми серьезными намѣреніями, непримѣнимость начала невмѣшательства относительно дѣлъ Франціи, старшая линія бурбонскаго дома была изгнана безъ всякой попытки иностранныхъ державъ остановить это, а на престолъ взошелъ Людовикъ-Филиппъ (орлеанскій домъ). Подъ вліяніемъ партіи виговъ, Англія первая признала новую династію на конституціонномъ престолѣ Франціи. За Англіею послѣдовала Пруссія, Австрія и Россія.—Талейранъ и Молэ, министры Людовика-Филиппа, провозглашаютъ себя противниками вооруженнаго вмѣшательства въ дѣла Бельгіи. Но вопросъ этотъ, какъ сказано выше, рѣшается 1839 г. мирнымъ путемъ, конференціею.

Въ 1831, 1833 и 1841 годахъ были заключены договоры по вопросу, имѣющему международный интересъ. Выше уже было замѣчено, что на вѣнскомъ конгрессѣ провозглашено осужденіе торговли неграми, которая позже (1840 года) признана морскимъ разбоемъ (пиратствомъ); но провозглашеніе одного принципа, безъ практическихъ мѣръ къ его осуществленію, имѣло послѣдствіемъ, что торгъ неграми упорно продолжался на берегахъ Африки (особенно на западномъ). Вотъ почему въ 1831 и 1833 годахъ, англійское правительство заключило конвенцію съ французскимъ съ цѣлію совмѣстнаго крейсерства, при чемъ крейсерамъ было предоставлено право осмотра (droit de visite) относительно всѣхъ кораблей, возбуждающихъ подозрѣніе въ торгѣ неграми. Трактатъ 1841 года имѣетъ болѣе широкое значеніе уже потому, что контрагентами его, кромѣ Англіи и Франціи, были еще Пруссія, Австрія и Россія; цѣль его — совершенное уничтоженіе торговли неграми — на всѣхъ пунктахъ. Но этотъ трактатъ не былъ ратификованъ; тѣмъ не менѣе его можно признать основаніемъ и поводомъ къ заключенію послѣдующихъ соглашеній о торгѣ неграми: 1) въ 1842 году Англія

Digitized by Google

и сѣверо-американскіе штаты заключили между собою конвенцію, по которой обязались, впредь до опредѣленія спорнаго вопроса о droit de visite, — недозволять негріерамъ (негро-торговцамъ) злоупотреблять флагомъ сѣверо-американскихъ штатовъ. (Надо замѣтить, что американцы не дозволяли крейсерамъ осматривать суда, плавающія подъ ихъ флагомъ; и потому-то негріеры обыкновенно выставляли флагъ штатовъ); 2) 2-й трактатъ, имѣющій историческую связь съ нератификованнымъ трактатомъ 1841 года, былъ заключенъ въ 1845 году и имъ были отмѣнены конвенціи 1831 и 1833 годовъ относительно совмѣстнаго крейсерства и права осмотра.

Между Франціею и Англіею установляется, при воцареніи Людовика-Филиппа, *сердечное согласіе* (entente cordiale). За-то между Россіею и Австріею — старинными союзниками на вѣнскомъ конгрессѣ — порождено замѣтное охлажденіе греческимъ вопросомъ. Дѣло греческое было первымъ замѣтнымъ звеномъ въ той долголѣтней цѣпи событій, которая можетъ еще протянуться гораздо далѣе нашего времени и называется «восточнымъ вопросомъ». Защитница христіанскихъ подданныхъ Турціи по трактатамъ въ Бухарестѣ (1812 г.) и Аккерманѣ (1826 г.), Россія является въ 1827 году контрагентомъ лондонскаго трактата съ Англіею и Франціею объ умиротвореніи Греціи. Посредничество въ видѣ медіаціи, отвергнутое портою, вызвало: наваринскій погромъ, занятіе Мореи французскими войсками и провозглашеніе независимости Греціи. — Но не успѣла Турція оправиться отъ Наварина, какъ пришлось ей бороться противъ честолюбія египетскаго паши, сынъ котораго (извѣстный Ибрагимъ) прославился кровавыми подвигами въ Морѣ. Въ 1833 году армія Мегемета-Али завоевываетъ Сирію, переходитъ черезъ Тавръ, бьетъ турецкую армію въ Малой Азіи при Коніи и угрожаетъ серіёзною опасностію самому Константинополю. — Западныя державы ограничиваются посылкою агентовъ въ

Digitized by Google

лагерь Ибрагима. Россія переправляетъ черезъ Босфоръ шестнадцатитысячный вспомогательный корпусъ. Миръ между сильнымъ вассаломъ и слабымъ сюзереномъ заключается 1833 года (Kutayah) съ уступкою Мегемету-Али сирійскихъ пашалыковъ и Кандіи, кромѣ Египта. Въ томъ-же году Россія вступаетъ съ портою въ оборонительный союзъ въ Ункіаръ-Скелесси, причемъ, въ особой и секретной статьѣ конвенціи, порта обязывается закрыть Дарданеллы для военныхъ кораблей иностранныхъ державъ. — Послѣдовалъ одинъ изъ самыхъ оживленныхъ дипломатическихъ турнировъ, столь частыхъ въ исторіи восточнаго вопроса: французскимъ правительствомъ представлена нота съ энергическимъ протестомъ противъ «вооруженнаго вмѣшательства» Россіи въ дѣла Турціи. Ловкій и уклончивый отвѣтъ русскихъ дипломатовъ не могъ, однакоже, предупредить новаго, болѣе серіёзнаго столкновенія въ 1840 году, когда въ Европѣ едва не загорѣлась всеобщая война изъ-за повторенныхъ попытокъ Мегемета Али достигнуть полной независимости отъ султана и почать раздробленіе территоріи Оттоманской порты. Франція поддерживаетъ вассала; Австрія, Пруссія и Россія защищаютъ Турцію, гдѣ въ это время умираетъ султанъ Махмудъ и на престолъ вступаетъ молодой Абдуль-Меджидъ. Послѣ соединенной англо-австрійской экспедиціи въ Сирію, Кандію и Аравію, откуда были изгнаны египетскія войска, Мегеметъ-Али уступилъ. Египетъ предоставленъ ему, «какъ делегату султана», на правахъ наслѣдственнаго пашалыка, подъ условіемъ вассальной зависимости отъ Оттоманской порты согласно статьямъ дополнительнаго акта къ лондонской конвенціи по турецко-египетскому вопросу, 15 іюля 1840 года. Черезъ годъ (въ іюлѣ 1841 года) заключена новая (также лондонская) конвенція между пятью великими державами и Оттоманскою портою касательно закрытія Дарданеллъ для военныхъ кораблей всѣхъ націй, но съ исключеніями, по особымъ фирманамъ, для небольшихъ военныхъ

Digitized by Google

судовъ, состоящихъ на службѣ посольствъ отъ дружественныхъ державъ при портѣ Оттоманской. — Такова была пріостановка восточнаго вопроса до новаго пробужденія его, въ размѣрахъ великой европейской войны, въ концѣ царствованія императора Николая I.

Доброе согласіе, существовавшее въ теченіе первыхъ годовъ царствованія Людовика-Филиппа между Франціею и Англіею, рушилось. Отношенія парижскаго и с.-джемскаго кабинетовъ еще болѣе испортились въ-слѣдствіе извѣстнаго дѣла объ испанскомъ бракѣ «французскаго принца» герцога Монпансье (Montpensier) и инфантою — сестрою королевы Изабеллы. Возникъ горячій дипломатическій споръ по этому вопросу, въ которомъ принималъ столь видное участіе Гизо [1].

Къ періоду между 1830 и 1848 годами относится начало «испанскихъ дѣлъ», т. е. кровавыхъ распрей карлистовъ съ изабеллистами, такъ-какъ въ 1833 году скончался Фердинандъ VII, отмѣнившій прагматическую санкцію 1713 года, т. е. салическій законъ, перенесенный въ Испанію изъ старыхъ парламентскихъ архивовъ Франціи внукомъ Людовика XIV. — Открытіе испанскаго вопроса произошло при грандіозныхъ условіяхъ четвернаго союза (Англіи, Франціи, Испаніи и Португаліи, 1834 года), вооруженнаго вмѣшательства англо-французскихъ силъ и ожесточенной борьбы съ шайками Дона-Карлоса и Донъ-Мигуеля (португальскаго претендента, находившагося въ одинаковомъ положеніи съ Карлосомъ послѣ отреченія отъ престола Донъ-Педро, 1825 г. въ пользу дочери своей, Донны-Маріи). Испанское дѣло породило нѣсколько практическихъ вопросовъ по международному праву (напр. о вербованіи подданныхъ одного государя на военную службу другаго), которые вызвали

[1] *Guizot*, Mémoires, T. VIII. — Ср. *Phillimore*, Commentaries, III, p. 675. — *Martens-Murhard*, Nouveau-Recueil. T. X. — *Urquardt*, The spanish marriage and the confiscation of Cracau (1847).

Digitized by Google

пренія въ англійскомъ парламентѣ при участіи извѣстныхъ дѣятелей — лорда Мэгона, Роберта Пиля и Пальмерстона.

Выше была указана причина неуспѣха идеи о вмѣшательствѣ въ дѣла испанскихъ колоній за океаномъ. Кромѣ теоріи Монроэ, отвѣтомъ на рѣчи дипломатовъ европейскихъ объ иностранной интервенціи въ южно-американскія дѣла была мысль правительствъ коломбійскаго и перувіанскаго, гдѣ дѣйствовалъ тогда знаменитый Боливаръ, объ оборонительномъ союзѣ или вѣчной лигѣ между латино-американскими государствами. Отсюда рядъ трактатовъ отъ 1822 года, на конгрессахъ въ Панамѣ (1824 г.)[1], въ Лимѣ (1847 года, 1848 г.) и здѣсь-же въ 1864 г. Что идея объ охранительной лигѣ южно-американскихъ республикъ имѣла практическое основаніе, на это указываютъ всѣмъ памятныя событія европейскаго вмѣшательства въ дѣла с.-доминг-ской республики (1861 г.), когда маленькое государство это было предано своимъ интригующимъ президентомъ (генераломъ Сантана, Santana) въ руки Испаніи[2]. То-же непрактическое увлеченіе устарѣвшими воспоминаніями о древнемъ колоніальномъ могуществѣ выказывается въ столкновеніи (1864 г.) Испаніи съ Перу, по поводу неудачной миссіи Мазарредо въ Лиму и захвата гуановыхъ острововъ.

Наконецъ, въ заключеніи новѣйшей исторіи международныхъ отношеній Европы къ Америкѣ стоитъ знаменитая мексиканская экспедиція, начавшаяся съ мартовскихъ праздниковъ С.-Клу̀ по случаю пріема эрцъ-герцога Макса Наполеономъ и окончившаяся трагически драмою 13 іюня 1866 г. въ Кверетаро. — Сѣверо-американская гражданская война, отъ 1860-го до 1865-го года, имѣетъ большой международный интересъ уже по одному тому, что здѣсь поставлена была на карту судьба одной изъ вели-

[1] Ср. *Gervinus*, Geschichte etc. X. SS. 143, 144 folg. *Martens*, Nouveau Recueil, VI, p. 786.

[2] Ср. *Schulthess*. L. C. — 5-er Jahrgang, SS. 419, 420.

Digitized by Google

чайшихъ республикъ, и при томъ — федеративныхъ, въ цѣлой исторіи человѣчества. Немаловажно также обще-историческое и международное значеніе этой великой борьбы по извѣстному отношенію ея къ вопросу о невольничествѣ. Къ различнымъ частностямъ и перипетіямъ этого событія — частностямъ, живо затрогивающимъ самые важные интересы и задачи международнаго прогресса, относится дѣло Алабамы. Этимъ, по-истинѣ, «cause célèbre» новѣйшей дипломаціи пояснены обязанности, отношенія и права нейтральныхъ державъ, а самый способъ разрѣшенія спора между Америкою и Англіею (о вознагражденіи первой изъ этихъ державъ за вредъ отъ дѣйствій корсарскаго суда Алабамы, построеннаго въ Ливерпулѣ и снаряженнаго въ Терсейрѣ) прибавилъ едва-ли не лучшую страницу къ исторіи международнаго посредничества въ Европѣ и Америкѣ. «Я полагаю, сказалъ лордъ Грей, что вашингтонскій трактатъ [т. е. тотъ договоръ, 8 мая 1871 г., которымъ прекращены, по присужденіи Англіи къ 75 милліонамъ франковъ вознагражденія, всѣ споры и удовлетворены требованія Америки по вопросу объ Алабамѣ (Alabama claims)], что трактатъ этотъ окажетъ великое вліяніе... Все то, чѣмъ международные споры изымаются отъ страшнаго способа разрѣшенія мечомъ, представляетъ собою неисчислимый успѣхъ гражданственности» [1].

Отношенія Европы и Америки къ отдаленному востоку имѣютъ международный и мирный интересъ, исключая Африки, гдѣ и теперь еще необходима борьба противъ торга неграми, въ Китаѣ и въ Японіи, гдѣ, соединенными усиліями Россіи, Англіи, Франціи и Америки, открыты порты для европейской торговли [2]. Съ ува-

[1] Ср. in extenso Staatsarchiv, XXI, №№ 4464 — 4497, весь ходъ дѣла объ Алабамѣ. Тамъ-же текстъ вашингтонскаго трактата. См. *Laveleye*, Des causes actuelles de guerre en Europe. Chap. VII. «La Haute Cour arbitrale est préparée par l'arbitrage».

[2] Ср. Annuaire des Deux Mondes 1857 — 1858. Ср. рядъ интересныхъ статей объ Японіи въ Revue des Deux Mondes трехъ послѣднихъ лѣтъ. Рус-

Digitized by Google

женіемъ должна остановиться исторія международнаго права передъ уничтоженіемъ невольничества въ одномъ изъ варварскихъ государствъ средней Азіи — результатомъ недавней экспедиціи русскаго войска въ Хиву.

Укажемъ теперь на симптомы ослабленія системы вѣнскаго конгресса, которая, по словамъ Гольцендорфа, имѣла въ виду увѣковѣчить политическій и международный строй Европы, согласно буквѣ соглашеній 1815 года. Симптомы, опасные для дѣла вѣнскаго конгресса, замѣтны уже въ указанныхъ нами событіяхъ во Франціи, Бельгіи и Греціи, такъ-какъ, строго говоря, революціи въ этихъ странахъ нарушали status quo, данный Европѣ вѣнскимъ конгрессомъ, и тѣ тенденціи, которыя были провозглашены и отчасти проведены на практикѣ священнымъ союзомъ.

Въ силу революціи 1830 года введена конституція во Франціи; тогда-же возникли новыя государства — греческое и бельгійское, имѣющія несомнѣнное значеніе для Европы, при чемъ и въ Бельгіи была утверждена весьма либеральная конституція. Такимъ образомъ оказалось, гораздо скорѣе, чѣмъ предполагали, что система вѣнскаго конгресса была такою-же условною и измѣнчивою, какъ и всякое дѣло рукъ человѣческихъ. Сама Австрія, которая была однимъ изъ гарантовъ независимости краковской республики и неприкосновенности ея территоріи и конституціи, скоро нарушила свое обязательство, и Краковъ былъ присоединенъ къ ней [1]. Этотъ фактъ весьма знаменателенъ. Меттерниху и Австріи принадлежитъ иниціатива священнаго союза и всѣхъ реакціонныхъ средствъ въ Германіи и въ другихъ странахъ Европы. Полицейскія преслѣдованія и экзекуціи въ Германіи,

---

ская журналистика также представила любопытныя статьи объ измѣненіяхъ, послѣдовавшихъ въ японской имперіи.

[1] См. *Wheaton*, II. *Perthes*, Krakau und die Schlussacte des Wiener Congresses. 1847.

Digitized by Google

вооруженное и кровавое вмѣшательство на иберійскомъ и апеннинскомъ полуостровахъ — все это было въ интересахъ той политики, которая составляла задачу вѣнскаго конгресса и священнаго союза. Но тутъ-же высказалось, въ исторіи краковскаго присоединенія, посягательство на собственное дѣло свое со стороны Австріи и нѣкоторыхъ другихъ руководящихъ державъ священнаго союза.

Революція 1848 года, подобно революціи 1830 года, отразилась на ходѣ политики и международныхъ сношеній не только въ Германіи; но и во всей Европѣ. И здѣсь снова убѣждаемся мы, что симптомы ослабленія вѣнскаго конгресса дѣлаются еще болѣе рѣзкими, и что не далекъ тотъ часъ, когда вѣнскій конгрессъ сдѣлается историческимъ фактомъ, безъ практическаго значенія. Революція 1848 года изгнала младшую отрасль бурбонскаго дома и провозгласила республику, построенную на suffrage universel, что радикально противорѣчило всѣмъ принципамъ, задачамъ и цѣлямъ вѣнскаго конгресса и священнаго союза. Такой-же смыслъ имѣетъ переворотъ въ декабрѣ 1852 года, когда явился на престолѣ Франціи Наполеонъ III, племянникъ того самаго императора, который былъ страшилищемъ монархическихъ правительствъ Европы 1815 года и противъ котораго дѣйствовали и шомонскій трактатъ, и вѣнскій конгрессъ, и sainte alliance. — 1848 годъ обнаружилъ во внутренней жизни Европы такіе факты, какіе еще не проявлялись въ ней съ равною отчетливостью. Многія обстоятельства вызвали въ это время значительный матеріальный и умственный прогрессъ, что повело къ усиленію общенія между европейскими государствами. Тутъ-же, въ 1848 году проявляется новый принципъ — національности, принципъ образованія политическихъ союзовъ на основаніи этнографическаго единства европейск. народностей. Рѣзкимъ признакомъ принципа національности въ новой формѣ его была война Германіи противъ Даніи за Шлезвигъ-Голштейнъ.

Digitized by Google

Періодъ отъ 1848-го до 1854 года представляетъ еще болѣе полный рядъ такихъ фактовъ, которые ведутъ къ неизбѣжному разложенію системы вѣнскаго конгресса. Война 1854 года и парижскій трактатъ 1856 г. нанесли особенно сильный ударъ этой системѣ: послѣдовали такія измѣненія въ политическомъ и международномъ состояніи Европы, которыя были уже неизмѣримо далеки отъ того, чего желали вѣнскій конгрессъ и священный союзъ. Общіе и главные результаты парижскаго конгресса 1856 года заключались въ слѣдующемъ: 1) Турція была окончательно провозглашена международнымъ членомъ Европы; 2) устье Дуная было освобождено отъ исключительнаго вліянія Россіи; 3) начала международной торговли получили, по трактату 1856 года, либеральный характеръ: a) Англія отказалась отъ старинной системы «Consolato del mare» и согласилась на уничтоженіе каперства, b) блокада, на бумагѣ, безусловно отвергнута, а принята только блокада дѣйствительная (blocus effectif), и наконецъ, 4) опредѣлилась и была ясно высказана мысль о международномъ посредничествѣ [1]. Что война эта, стоившая Европѣ $8^1/_2$ милліардовъ, не имѣла серіёзныхъ поводовъ и основаній, и что, на-оборотъ, вызвана она была болѣе всего династическими соображеніями Наполеона III, объ этомъ убѣдительнѣе всего говоритъ — если уже заподозрѣвать пристрастіе Кинглека — одинъ изъ солиднѣйшихъ публицистовъ французскихъ, Леруа-Болье: «Войны этой, говоритъ онъ на стр. 22 своей книги — Les guerres contemporaines, не желалъ с.-петербургскій кабинетъ; мы не затруднимся сказать это, хотя лично у насъ нѣтъ ничего, кромѣ антипатій къ Россіи»... Далѣе этотъ честный недругъ Россіи весьма-строго относится къ туркоманіи англичанъ и французовъ [2].

[1] См. *Martens-Samwer*, Recueil général de traités etc. Tome 2. 1857. pp. 520—794. Ср. также *Ф. Мартенса* (профессора С.-п.-б. университета) «О правѣ частной собственности во время войны. 1869 г., стр. 258—261.

[2] «A notre avis la France et l'Angleterre ont tenu et tiennent encore dans

Digitized by Google

Въ этотъ-же періодъ (отъ 1848-го до 1854 года) въ Европѣ происходитъ усиленная дѣятельность друзей мира, и международная практика по-видимому дѣлаетъ уступку новому началу, которое говоритъ, что война есть бѣдствіе, матеріальныхъ и нравственныхъ послѣдствій котораго даже нельзя предугадать. Принципъ національности послѣ восточной войны 1854 г. обозначился гораздо рѣзче и еще сильнѣе повліялъ на Европу. Въ Италіи онъ вызвалъ войну 1859 года между Австріею и Пьемонтомъ, въ которой приняла участіе Франція и которая закончилась миромъ въ Виллафранкѣ и цюрихскимъ трактатомъ, признавшимъ итальянское королевство, увеличенное отнятою у Австріи Ломбардіею [1]. Савоія уступлена Пьемонтомъ Франціи. Датскій вопросъ получилъ теперь окончательно разрѣшеніе въ пользу германской національности. Послѣ войны 1864 года, Шлезвигъ-Голштейнъ былъ сначала объявленъ общимъ достояніемъ Австріи и Пруссіи, но такая неопредѣленность повела къ столкновеніямъ между обѣими державами и къ войнѣ, которая связана съ именами Кенигсгреца и Садовой и окончилась пражскимъ миромъ [2]. Этотъ миръ имѣетъ громадное значеніе не только для Германіи, изъ которой образовался сѣверный германскій союзъ подъ супрематомъ Пруссіи съ устраненіемъ Австріи, но для Италіи и всей Европы. Италія является послѣ этого событія еще болѣе обширнымъ государствомъ, куда входятъ въ непродолжительномъ времени не только то, чѣмъ владѣла еще

la question d'Orient une conduite à contre-sens. Ce n'est pas en flattant perpétuellement le divan, en accablant le sultan d'égards et d'honneurs qu'on éloignera le danger. On inspire ainsi à la Turquie une quiétude périlleuse: on l'affermit dans sa politique pleine d'équivoques, d'incertitudes et de demi-mesures; on exaspère les populations chrétiennes..... On rend la crise plus imminente» (pp. 28, 29).

[1] О цюрихскомъ трактатѣ *Martens-Samwer*, III, 2; pp. 516, 525, 531. Ср. также Annuaire des Deux Mondes, 1858 — 1859, pp. 67 — 84; 95 etc.

[2] Ср. *Schalthess*. L. C. 7-er Jahrgang. SS. 463 etc. — Staatsarchiv. XI B. 1866. № 2298 — 2316.

Digitized by Google

до 1866 года Австрія (т. е. Венеція), но средняя и южная части апеннинскаго полуострова[1]; а отсюда не далекъ былъ шагъ и до Рима; оставленіе его французами, охранявшими права папы, и присоединеніе къ итальянскому королевству — произошли на нашихъ глазахъ, въ моментъ франко-прусской войны.

Австрія, устраненная изъ Италіи, гдѣ габсбурги, не смотря на побѣды при Кустоццѣ и Лиссѣ надъ арміею и флотомъ итальянскаго короля, отступились въ руки Наполеона отъ Венеціи, — побѣжденная въ Богеміи, исключенная изъ германскаго союза, должна была обратиться къ вопросамъ внутренняго устройства; и Венгрія первая воспользовалась этимъ, получивъ новую конституцію; теперь Австрія есть уже австро-венгерское и конституціонное государство, и лишь при такихъ условіяхъ возможно будущее вліяніе ея на дѣла Европы. Между-прочимъ, на-ряду съ очерченными событіями и, быть можетъ, въ сокровенной глубинѣ ихъ назрѣвали сложные и до сихъ поръ не вполнѣ уловимые поводы и причины къ франко-германской войнѣ. Предчувствіе касательно этого событія промелькнуло въ Европѣ еще въ тотъ моментъ, когда происходили битвы при Сольферино и Маджентѣ, когда Франція оторвала Ломбардію отъ Австріи, загнанной въ знаменитый свой четыреугольникъ твердынь. Національное чувство Германіи встрепенулось при видѣ того, какъ быстро пошло объединеніе итальянской народности. Въ 1867 году, послѣ блестящей кампаніи прусской арміи въ Богеміи, чувство зависти и тревоги выпали уже на долю Франціи. У Наполеона, игравшаго роль медіатора въ продолженіе событій 1866 года передъ пражскимъ миромъ, неотступно засѣла въ головѣ мысль о «восполненіи французской территоріи», въ видахъ возстановленія равновѣсія между Пруссіею и Франціею. Нравственное давленіе Франціи остановило прус-

[1] Ср. оцѣнку и сжатое изложеніе событій этихъ въ кембриджскомъ изданіи американскаго юриста Кента (Abdy) pp. 82—85.

Digitized by Google

скія «присоединенія» у береговъ Майна. — Вопросъ о прусскомъ гарнизонѣ въ Люксамбургѣ чуть-было не вызвалъ войны: прусскій корпусъ стоялъ уже эшелонами въ Трирѣ; графъ Мольтке перебиралъ въ архивахъ прусскаго генеральнаго штаба планы, давно заготовленные про случай похода на Парижъ. — Только ловкое вмѣшательство Англіи, опиравшейся на 23-й протоколъ парижскаго трактата, отклонило грозу. — Испанскій вопросъ и кандидатура Леопольда Гогенцоллерна зажгли искру въ давно-накопившемся горючемъ матеріалѣ. Вся Германія, связанная военными конвенціями послѣ пражскаго мира и возобновленнымъ таможеннымъ союзомъ, примкнула къ союзу съ Пруссіею. Сначала союзъ состоялся съ Баденомъ и Гессеномъ, 15 ноября 1870 г., нѣсколькими днями позже — съ Баваріею, при взаимныхъ и немаловажныхъ уступкахъ контрагентовъ. Совершились событія, излагать которыя мы не можемъ въ настоящемъ краткомъ очеркѣ. Вёртъ, Гравелотъ, Седанъ и Метцъ низвергли имперію во Франціи и провозгласили ее, по иниціативѣ баварскаго короля, въ 1871 году, въ Германіи. Судьба дозволила произойдти этому великому событію въ версальскомъ дворцѣ Людовика XIV. Франція заключила мирный договоръ съ германскою имперіею въ 1871 г. (30 мая) во Франкфуртѣ. Потеряны двѣ лучшія провинціи (заключающ. болѣе 200 квадр. миль и болѣе 1,500,000 жителей). Принята уплата 5 милліардовъ, подъ условіемъ занятія войсками германскими французской территоріи, до времени полной выплаты контрибуціи [1]. — Для Германіи сейчасъ-же наступила очередь окончательнаго устройства германской имперіи. Для Россіи сказалась возможность отмѣнить статьи парижскаго трактата, стѣснявшія ее на Черномъ морѣ [2].

[1] Ср. Staats-Archiv, XXI, 1871, гдѣ in extenso помѣщены дипломатическіе документы по этому предмету: №№ 4615—4620.

[2] См. Staats-Archiv, XX. Pontus-Frage, №№ 4222 — 4286 г., со включеніемъ протокола лондонской конференціи (№ 4286) объ измѣненіи статей парижскаго

Digitized by Google

Таковы крупные результаты войнъ, происходившихъ въ недавнее время, можно сказать на нашихъ глазахъ, и, конечно, главные изъ нихъ, это—скученіе прежнихъ малыхъ государствъ въ обширныя монархіи. Ясно для всѣхъ и каждаго, что мы переживаемъ моментъ возникновенія новой политической системы въ Европѣ. Явилось невиданное дотолѣ распредѣленіе силъ. Центръ политики передвинулся въ сѣверо-восточную Европу. Недавніе союзники (Италія и Франція) охладѣли, чтобы не сказать болѣе; недавніе соперники (Россія и Австрія) сблизились при посредствѣ Пруссіи. Эти факты таковы, что нельзя предусмотрѣть всѣ ихъ послѣдствія. Придавать возвышенію Германіи и униженію Франціи значеніе, приписываемое ему германскими оптимистами, по меньшей мѣрѣ, преждевременно и неосновательно. Кровопролитія послѣднихъ событій поражаютъ насъ, и многія лица, твердо вѣрившія до послѣдняго времени въ международный прогрессъ, потеряли эту вѣру. Но не желая останавливаться на однихъ безотрадныхъ или сомнительныхъ фактахъ, перейдемъ къ нѣсколькимъ свѣтлымъ точкамъ въ этомъ морѣ крови, гдѣ господствовала нерѣдко одна сила надъ правомъ.

Несомнѣнно-прогрессивными явленіями новѣйшаго періода международнаго права слѣдуетъ признать: во 1-хъ, женевскую конвенцію 1864 г. и общество попеченія о раненныхъ, въ организаціи котораго принимала участіе и Россія. Эта конвенція дѣйствовала уже во время франко-прусской войны; 2) сюда-же относятся попытки въ 1868 году распространить попеченіе о раненныхъ и на морскую войну; 3) усилія обезпечить полную неприкосновенность частной собственности во время морскихъ войнъ; въ войнѣ 1866 года эту неприкосновенность признали воюющія державы—Пруссія, Австрія, и Италія; 4) 11 декабря 1868 г.

трактата 30 марта 1856 года.—По вопросу объ устройствѣ германской имперіи, на русскомъ языкѣ, см. рядъ статей профессора Градовскаго въ Журналѣ министерства народнаго просвѣщенія 1874—1875 г. (Особенно январь 1875 г.).

Digitized by Google

въ Петербургѣ была заключена конвенція, осудившая и запретившая употребленіе разрывныхъ пуль, и 5) сюда, наконецъ, надо отнести трактаты по вопросамъ международной торговли, рѣчнаго плаванія, почтъ, мѣръ, вѣсовъ, монеты, желѣзныхъ дорогъ, телеграфовъ и т. д. 6) Мысль о кодификаціи началъ международнаго права, защищаемая на митингахъ и конгрессахъ учеными и публицистами, получила начало своего осуществленія въ попыткахъ начертать кодексъ коренныхъ принциповъ и правилъ международнаго права.

Примѣчаніе. «Не одинъ разъ—говоритъ Гольцендорфъ (Das europ. Völkerrecht, § 13. 767)—выставлялось такое требованіе просвѣщенными государственными людьми и учеными. Представляются также отдѣльныя подготовительныя работы. Уже Бентамъ приложилъ къ международному праву защищаемую имъ идею о кодификаціи (T. VIII его сочиненія, изданіе Бауринга, 1839). Каченовскій, профессоръ международнаго права въ Харьковѣ, сдѣлалъ конгрессу соціальныхъ наукъ, который служитъ соединительнымъ пунктомъ для первоклассныхъ юристовъ Англіи, предложеніе: подготовляться къ такому предпріятію.—Доддей-Фильдъ, извѣстный своимъ участіемъ въ законодательныхъ трудахъ въ Нью-Іоркѣ, вызвалъ здѣсь учрежденіе особой коммиссіи... Отдѣльные вопросы распредѣлены и разработываются многими членами этой коммиссіи[1]. Въ Германіи Блунчли, слѣдуя почину доктора Либера въ Нью-Іоркѣ, сдѣлалъ цѣнный вкладъ въ вопросъ о кодифика-

[1] Мысли о кодификаціи Доддея-Фильда, который считается теперь однимъ изъ крупнѣйшихъ авторитетовъ по международному праву въ Америкѣ, можно прочесть въ Law Magazine, p. 138.—1866. Ср. *Bara*, Mémoire sur la nécessité d'etablir un code du droit des gens (Couronné par le congrès des Amis de la paix), 1849. См. *Lucas*, «La nécessité d'un congrès scientifique international relatif à la civilisation de la guerre et à la codification du droit des gens» въ сочиненіи: «Le droit de légitime défense» etc. 1873. Ср. еще *Seebohm*, «On international reform», 1871 года, гдѣ на стр. 101 читаемъ: «...The international system requires, in order that it may work, the adoption by civilised nations of a just and uniform system of positive international law». Далѣе авторъ говоритъ о постепенной замѣнѣ международныхъ правилъ у юристовъ «однообразными, точно опредѣленными и общепринятыми международными законами».

Digitized by Google

ціи своею книгою: «Новое международное право, изложенное въ видѣ кодекса» (1868).

Но этого мало: на нашихъ глазахъ, вопросъ о постепенной кодификаціи международнаго права получилъ живое и практическое значеніе на брюссельской конференціи, о которой совершенно справедливо сказалъ, въ «Сборникѣ государственныхъ знаній», профессоръ Мартенсъ: «Въ исторіи не только международныхъ отношеній, но и самой Россіи, конференція, созванная нынѣшнимъ лѣтомъ въ Брюсселѣ, по почину нашего правительства, займетъ, безъ сомнѣнія, весьма почетное мѣсто».

И дѣйствительно, только эгоизмъ и систематическое предубѣжденіе могутъ сторониться отъ того гуманнаго и благороднаго призыва, который сдѣланъ русскимъ канцлеромъ, княземъ Горчаковымъ.

Въ циркулярной депешѣ князя Горчакова отъ 17 апрѣля 1874 г. мы читаемъ, что къ составленію проекта международнаго положенія, имѣющаго своею задачею установить законы и обычаи войны, «побудило чувство человѣколюбія, вполнѣ согласное съ общими желаніями, пользами и потребностями... Съ этою цѣлью, необходимымъ оказывается постановить съ общаго согласія правила, основанныя *на началѣ полной взаимности* и *обязательныя* для правительствъ и ихъ войскъ. По мнѣнію нашему, въ этомъ заключается *и долгъ, и польза* всѣхъ государствъ»[1].

Кривыя толкованія, духъ рутины и безучастіе къ почину русскаго правительства о кодификаціи военныхъ правилъ и обычаевъ нашли себѣ мѣсто, къ искреннему сожалѣнію, у великой и образованнѣйшей націи Европы. Фактъ этотъ замѣченъ, и лорду Дерби приходилось выслушивать, вмѣстѣ съ ясными и сильными возраженіями русскаго государственнаго канцлера, бѣглый огонь полусеріёзныхъ, полу-саркастическихъ замѣчаній со стороны вліятельныхъ органовъ западно-европейской политической прессы. «Всѣми прочитана депеша лорда Дерби къ лорду Августу Лофтосу для изложенія мотивовъ Англіи къ отказу ея отъ содѣйствія тому международному дѣлу, которое началось на брюссельскихъ конференціяхъ», пишутъ въ Journal des débats (февраля 25-го 1875 г.).

---

[1] Депеша эта была перепечатана изъ Journal de St.-Pétersbourg въ Правительств. вѣстникѣ и во всѣхъ другихъ русскихъ газетахъ.

Digitized by Google

«Мотивы эти—серіезны ли, искренни ли они на самомъ дѣлѣ? Въ русскихъ журналахъ есть нота князя Горчакова, которая дозволила бы намъ, если-бы только мы захотѣли это сдѣлать, дать полный отвѣтъ на эти вопросы..... Англія держится за свои преданія, и у нея есть резоны дѣлать это; не слѣдовало бы однако, чтобы привязанность къ старинѣ мѣшала согласію на реформы, необходимость которыхъ доказана недавними событіями».... «Читая депеши и ноты, продолжаетъ Journal des débats, поражаешься тѣмъ фактомъ, что одинъ изъ дипломатовъ говоритъ инымъ языкомъ, чѣмъ другой; разладъ по идеямъ и чувствамъ проявляется даже въ словахъ: международное право, прогрессъ, международныя соглашенія и проч.— все это такія выраженія, которыя имѣютъ въ Петербургѣ смыслъ противоположный значенію ихъ въ Лондонѣ».

А между-тѣмъ, замѣтимъ мы, что̀ можетъ быть яснѣе и проще доводовъ князя Горчакова въ замѣчаніяхъ на депешу лорда Дерби, отъ 25 генваря 1875 г.: «Именно потому, что международному праву не достаетъ точности и ясности, брюссельскій проектъ и пробуетъ устранить, сколько возможно, эту неопредѣленность, эти пробѣлы и эти противорѣчія. Именно потому, что этому праву не достаетъ санкціи, конференція и предполагала дополнить его единственно-возможною, на практикѣ, санкціею, истекающею изъ взаимнаго обмѣна деклараций, сдѣлавшихся основаніемъ инструкцій ихъ арміямъ... Успѣхи цивилизаціи и связь интересовъ могутъ только усилить чувства общей солидарности, которое клонилось бы къ доставленію нѣкотораго облегченія страданіямъ, причиняемымъ бичомъ войны. Русское правительство полагало и полагаетъ, что въ какой бы мѣрѣ ни былъ достигнутъ этотъ результатъ, онъ все-таки оказалъ бы истинную услугу человѣчеству». Вообще участіе русской дипломатіи въ вопросѣ о кодификаціи правилъ и обычаевъ войны составляетъ весьма крупный фактъ въ новѣйшей исторіи международныхъ отношеній. Изъ него могутъ выдти многія и серіезныя послѣдствія для прогрессивнаго развитія международнаго права не только теперь, но и въ будущемъ. «Война есть общественный фактъ, подобіе международной юрисдикціи, своего рода судопроизводство, которое должно быть управляемо точными правилами», говоритъ Леруа-Болье[1].

[1] Les guerres contemporaines, p. 192, 193 etc.

Digitized by Google

«По съ теченіемъ времени видоизмѣнились, смягчились и сдѣлались человѣчнѣе всѣ юрисдикціи, всѣ системы судопроизводства: лишь одна война удержала свою старинную строгость и суровость... Изъ трехъ главныхъ бѣдствій, которыя удручали когда-то, и столь губительно, человѣчество — чумы, голода и войны — двѣ первыя можно считать значительно-ослабленными и умаленными во вредныхъ дѣйствіи своемъ, благодаря усовершенію человѣческаго общежитія у образованныхъ народовъ. Одна только война не только удержала, но даже увеличила свою человѣкоубійственную силу; одна она становится все разрушительнѣе, по мѣрѣ того какъ расширяются средства ума человѣческаго». — Сличая языкъ дипломата и ученаго, не трудно открыть между ними то сродство, которое, въ данномъ случаѣ, составляетъ одинъ изъ рѣдкихъ праздниковъ науки. Говорятъ, что идеи (и особенно идеи нравственныя) управляютъ ходомъ всей исторіи, — и въ общемъ результатѣ, можетъ статься, противъ такого положенія не представится неодолимыхъ возраженій. Говорятъ также, что если идея истинна — то преданность малаго числа честныхъ людей достаточна для того, чтобы обезпечить ея торжество. Къ несчастію, благородный оптимизмъ этого воззрѣнія не всегда подтверждается исторіею. Между многими мыслителями, касавшимися, съ той или другой точки зрѣнія, вопроса объ упругой силѣ идеи, какъ идеи (an und für sich), наиболѣе ясно и рѣшительно высказалъ отрицательное свое мнѣніе Д.-С. Милль: «Поговорка, будто истина всегда торжествуетъ надъ препятствіями и преслѣдованіемъ, есть одинъ изъ тѣхъ видовъ пріятной лжи, которую люди до тѣхъ поръ повторяютъ одинъ другому, пока она станетъ общимъ мѣстомъ, опровергаемымъ опытомъ»[1]. Въ данномъ случаѣ, идея о точномъ установленіи или кодификаціи международныхъ правилъ и обычаевъ выходитъ на борьбу съ препятствіями (силу которыхъ такъ убѣдительно доказало недавнее поведеніе Англіи относительно брюссельской конференціи), опираясь на могущественную поддержку. И ясно, что въ такомъ, ничуть не-заурядномъ, сочетаніи внѣшней силы и внутренней справедливости представляется намъ лучшій

[1] Ср. *Laveleye*, L. C. 192. «Quand une idée est juste, le dévouement d'un petit nombre d'hommes de bien suffit pour la faire triompher. — *Mill*, On liberty, P. 10. (People's edition, 1865).

Digitized by Google

залогъ несомнѣннаго успѣха въ дѣлѣ, отъ котораго зависитъ, болѣе чѣмъ это можетъ представиться съ перваго раза, и облегченіе участи людей на европейскомъ континентѣ, и будущность международнаго права. Теперь уже можно надѣяться на то, что побѣда вѣрной мысли, недавно еще казавшейся утопіею, въ *части* поведетъ за собою то-же самое относительно *цѣлой* системы основныхъ началъ и правилъ для международнаго союза.

7) Международный институтъ, учрежденный въ Гентѣ 1873 г., также имѣетъ немалое прогрессивное значеніе для настоящаго и особенно для будущаго международнаго права. «Нѣтъ надобности настаивать на важномъ значеніи этого факта», пишутъ въ журналѣ международнаго права, № IV, 1873 года: «черезъ короткое время институтъ докажетъ дѣломъ свою великую и серьезную пользу». Одна изъ основныхъ цѣлей этого института есть содѣйствіе и поддержка «постепенной кодификаціи международнаго права»[1].

§ 16. Теперь намъ нужно коснуться литературы международнаго права въ этомъ періодѣ. Въ настоящемъ очеркѣ мы будемъ имѣть въ виду, въ большинствѣ случаевъ, лишь краткій библіографическій перечень важнѣйшихъ явленій въ литературѣ международнаго права отъ конца XVIII столѣтія до нашихъ дней[2].

Въ самомъ разгарѣ революціи, какъ-бы предчувствуя близость долголѣтняго періода всеобщихъ войнъ, написалъ *Кантъ* свою брошюру—«Къ вѣчному миру». Нѣсколько позже этого проекта вышли знаменитыя «Метафизическія основы правоученія»[3], гдѣ философъ кёнигсбергскій говоритъ о международномъ правѣ и, наконецъ, о космополитическомъ союзѣ всѣхъ народовъ.

Съ первыхъ словъ проекта Канта «о вѣчномъ мирѣ» виденъ одинъ изъ многочисленныхъ примѣровъ тѣхъ препятствій, кото-

---

[1] См. выше. Введеніе, стр. 5.

[2] См. выше § 12-й, стр. 161—175.

[3] Zum ewigen Frieden. Ein philosophisher Entwurf. Königsberg. 1795.— Metaphysische Anfangsgründe der Rechtslehre. 1797.

Digitized by Google

рыя встрѣчаетъ всякая идея, когда сталкивается съ фактомъ, и притомъ съ фактомъ неподатливымъ и грубымъ: говорить противъ войны и предлагать средства къ устраненію ея изъ среды человѣческихъ обществъ казалось небезопаснымъ для Канта, жившаго однако-же въ странѣ, которая имѣла своимъ королемъ автора Антимакіавелли! Практическіе политики снисходительны къ себѣ, замѣчаетъ Кантъ, и презрительно относятся къ теоретикамъ, глядя на послѣднихъ какъ на педантовъ, отъ которыхъ нѣтъ ни пользы, ни вреда для государства. Такъ пусть же практическіе государственные люди будутъ послѣдовательны и не признаютъ «опасными для государства» тѣ мнѣнія, въ которыхъ теорія разойдется съ практикою. Лишь послѣ этой «предохранительной оговорки» -- clausula salvatoria, по остроумному выраженію Канта, приступаетъ онъ къ изложенію своихъ мыслей противъ войны и о вѣчномъ мирѣ[1]. —Въ предварительныхъ статьяхъ къ вѣчному миру, Кантъ прежде всего касается мирныхъ договоровъ. Онъ требуетъ серіёзнаго заключенія и честнаго ихъ выполненія: ходъ мысли—вполнѣ правильный и въ логическомъ, и въ историческомъ отношеніи. Нельзя думать о всеобщемъ замиреніи, не разрѣшивъ частныхъ вопросовъ и несогласій путемъ договоровъ. Нельзя думать о томъ-же предметѣ, если сохранять практику тѣхъ «умственныхъ оговорокъ» (réserves mentales) и тѣхъ «мнимыхъ трактатовъ» (traités simulés), съ которыми мы встрѣчались въ исторіи международныхъ отношеній XVII и XVIII столѣтій. Видно, что въ данномъ случаѣ школьный педантъ (ein Schulweise), какъ обзываетъ себя Кантъ въ своей clausula salvatoria, мѣтко попалъ въ одно изъ больныхъ мѣстъ застарѣлой и закоснѣлой практики. Далѣе, Кантъ возстаетъ противъ присоединеній одного государства къ другому. Былъ ли

[1] «.... Durch welche clausula salvatoria der Verfasser dieses sich dann hiemit in der besten Form wider alle bösliche Auslegung ausdrücklich verwahrt wissen will».

Digitized by Google

и это голосъ утописта?—Защищаетъ, конечно, мысль свою Кантъ на обычный ладъ, свойственный его философскому методу и міровоззрѣнію. «Государство—не есть вотчина (patrimonium, Haabe), какъ та земля, на которой оно стоитъ», пишетъ Кантъ: «государство есть общество людей... Корень его въ самомъ себѣ; прививать его, какъ простой отводокъ (als Pfropfreis) къ другому государству значило бы уничтожать его какъ юридическое лицо и низводить до состоянія вещи».—Опять школьный учитель былъ правъ, но не правы государственные практики въ родѣ дипломатовъ на вѣнскомъ конгрессѣ. Здѣсь купля, дареніе и обмѣнъ территорій не установили ни неизмѣнной политической системы, ни прочнаго мира. Будущее рѣшитъ: обезпечивается ли въ современной Германіи устойчивость политической системы и прочность мира тѣмъ «крещеніемъ посредствомъ меча и крови» (Blut und Eisen), о которомъ сказано выше?

Въ третьемъ пунктѣ, Кантъ сходится отчасти съ Бентамомъ: « постоянныя войска (miles perpetuus) должны быть со-временемъ уничтожены.... Иное дѣло, если будутъ производиться военныя упражненія гражданами государства добровольно и съ тою цѣлью, чтобы охранить себя и отечество отъ опасности ».—Не имѣлъ ли здѣсь въ виду утопистъ Кантъ начало всенароднаго ополченія, которое однако-же существенно у него разнится отъ современной намъ военной системы соотечественниковъ его уже потому, что есть коренной разладъ во взглядѣ Канта и новыхъ «политическихъ практиковъ» въ Пруссіи на государство?—Въ параграфѣ 4-мъ Кантъ доказываетъ, что «не слѣдуетъ обременять народъ долгами съ тою цѣлью, чтобы затрачивать потомъ милліоны за предѣлами государства». Здѣсь у Канта высказано одно изъ правилъ, въ-корень уничтожающихъ необдуманное предпринятіе войны — т. е. такое бѣдствіе, отъ котораго страдала вся Европа отъ Канта до настоящаго времени. Можно смѣло отождествлять способъ начатія войны при Людовикѣ XIV и при Наполеонѣ

Digitized by Google

III, когда такъ самовластно и легкомысленно предпринята была крымская война, затратившая милліарды денегъ и сотни тысячъ жизней человѣческихъ для лавровъ Малахова кургана,—война, подготовившая весьма многія условія для катастрофъ въ Мексикѣ, въ Метцѣ и Седанѣ. Не беремся и здѣсь разграничить: гдѣ—утопія, а гдѣ—простое изреченіе честной души и здраваго смысла въ проектѣ у Канта.—Далѣе (пунктъ V) Кантъ думаетъ, что, въ интересахъ вѣчнаго мира, никакое государство не должно насильственно вмѣшиваться ни въ устройство, ни въ управленіе другаго государства, и заключаетъ изложеніе своихъ «прелиминарій къ трактату вѣчнаго мира» требованіемъ: «чтобы въ войнѣ непріязненныя дѣйствія не служили препятствіемъ къ возстановленію взаимнаго довѣрія, когда зайдетъ рѣчь о мирѣ». Ясно, что здѣсь философъ, прикрываясь своею clausula salvatoria, робко заговариваетъ о смягченіи войны, т. е. о томъ предметѣ, который составляетъ теперь совмѣстный интересъ и для теоретиковъ, и для практиковъ,—и для скромнаго члена международнаго института въ Гентѣ, и для знаменитаго канцлера могущественной имперіи съ территоріею въ двухъ частяхъ свѣта. Въ принципѣ, идя по слѣдамъ Гроція, осуждаетъ Кантъ жестокія военныя возмездія, контрибуціи и проч. темныя пятна, задержавшіяся еще въ современной гражданственности. Утопистъ Кантъ, школьный учитель, къ которому презрительно относились политическіе практики, прокладывалъ, издавна и издалека, дорогу для тѣхъ идей, которыми вызваны и женевскія общества для попеченія о раненыхъ, и инструкція Либера въ Америкѣ, и конвенціи о запрещеніи разрывныхъ пуль, и все дѣло брюссельской конференціи, о которой сказано уже нами выше.—Теперь намъ можно утвердительно отвѣтить, представляется ли какой интересъ въ идеяхъ утописта—Канта для современныхъ вопросовъ международнаго права? Даже изъ приведенныхъ отрывковъ ясна идея о независимости государствъ (Volkssouve-

Digitized by Google

renetät), какъ фундаментѣ для всего международнаго права. Далѣе, въ Метафизическихъ основахъ правоученія и въ другихъ сочиненіяхъ у Канта очень ясно поставленъ вопросъ о вліяніи представительной формы правленія на упроченіе мирныхъ и ослабленіе враждебныхъ отношеній между народами. И наконецъ, въ противовѣсъ крайнему, атомистическому примѣненію идеи о государствѣ, какъ объ отдѣльномъ союзѣ, ничѣмъ не связанномъ съ другими государствами, видимъ мы какъ одно изъ условій для вѣчнаго мира мысль о федераціи націй, о конгрессѣ съ судомъ, который бы устранялъ и предупреждалъ войны въ зародышѣ. Здѣсь выступаетъ у него, вслѣдъ за С.-Пьеромъ и Бентамомъ, идея международнаго посредничества.—Таковъ Эммануилъ Кантъ въ исторіи литературы международнаго права. Останавливаться далѣе на этомъ дѣятелѣ науки мы не можемъ по размѣру предпринятой работы, притомъ русская юридическая литература имѣетъ уже почтенные труды Неволина и др. ученыхъ, откуда можно извлечь болѣе полныя свѣдѣнія о самомъ крупномъ представителѣ философской школы въ наукѣ международнаго права.[1]—Мысли Канта о вѣчномъ мирѣ нашли себѣ противника въ *Гегелѣ*. Возраженія его Канту представляются блестящею діалектикою на тему, поставленную еще Бекономъ, а именно: вѣчный миръ есть застой; война замѣняетъ для государства полезное упражненіе, необходимое для политическаго и нравственнаго прогресса.

Что касается новыхъ публицистовъ, то перечисленіе наше коснется, съ цѣлью библіографическихъ указаній для начинающихъ, лишь важнѣйшихъ сочиненій. Ближе другихъ, по-времени, къ революціонному періоду стоитъ позитивистъ *Клюберъ* (1762—1837), авторъ «Актовъ вѣнскаго конгресса», а также

[1] *Неволинъ*, Энциклопедія законовѣдѣнія, 2, §§ 475—477. *Wheaton*, II, § 42. Для всей литературы международнаго права въ послѣд. четверт. XVIII стол. см. *Kamptz* Neue Litteratur der V.-R. seit 1784. (1817).

Digitized by Google

французскаго сочиненія «Droit des gens moderne de l'Europe», изданнаго потомъ по-нѣмецки (самимъ-же авторомъ) съ измѣненіями и дополненіями. Новѣйшее изданіе сдѣлано Отто (1861). Робертъ Моль, Кальво (всякій, кто возьметъ въ руки книгу Клюбера, долженъ будетъ согласиться съ этимъ) признаютъ обширность и глубину эрудиціи автора. Система предмета расположена по категоріямъ правъ государства «абсолютныхъ» и «условныхъ».— Баронъ *Карлъ Мартенсъ* продолжаетъ трудъ своего дяди (Георга Фр. Мартенса); направленіе тоже позитивное. Карлъ Мартенсъ—авторъ «Сборника знаменитыхъ случаевъ», или дѣлъ международной практики (Causes célèbres du droit des gens, 1827) и «Дипломатическаго руководителя» 1832 г. (Guide diplomatique ou Précis des droits et des fonctions des agents diplomatiques et consulaires). Всѣ признавали и до сихъ поръ признаютъ эту работу «настольною книгою» для начинающихъ дипломатовъ.—*Зальфельдъ* (Saalfeld), авторъ «Учебника положительнаго международнаго права» (Handbuch des positiven Völkerrechts, 1833), по направленію своему принадлежитъ къ школѣ Мартенса.—*Гефтеръ*—авторъ «Международнаго права современной Европы», имѣвшаго уже нѣсколько изданій (Das europäische Völkerrecht der Gegenwart, 1844 г. первое изд.). Имя это пользуется громкою извѣстностію (Оцѣнка его труда была сдѣлана недавно и въ нашихъ юридическихъ журналахъ, по поводу послѣдняго изданія учебника Гефтера). На западѣ Европы, за книгою Гефтера, написанною подъ вліяніемъ гегелевской школы, установился давно уже, и по отзывамъ первоклассныхъ знатоковъ дѣла, авторитетъ—«лучшаго по формѣ и по содержанію учебника, который только выходилъ на какомъ-либо языкѣ по международному праву»[1]. За учебникомъ Гефтера вышла,

[1] *Rob. v. Mohl*, Gesch. u. Litter. der Staatswissenschaften. I. 394, 395. Ср. *Каченовскаго*, «Papers read before the Jurid. society»; London. August 1862, p. 556.

Digitized by Google

черезъ годъ, далеко уступающая компендію берлинскаго профессора книга *Оппенгейма*—«Система международнаго права» (System des Völkerrechtes, 1845 г.; 2-е изд. 1866 г.). — *Бульмеринкъ*, дерптскій профессоръ, издалъ книгу: «Систематика международнаго права» (Die Systematik des Völkerrechtes, 1858). — *Пёцлю* (Pözl) также принадлежитъ компендіарная работа по международному праву (Grundriss zu Vorlesungen über europ. Völkerrecht, 1852 г.). — Послѣ книги Гефтера, безспорно, первое мѣсто должно быть уступлено превосходной работѣ *Блунчли*: «Новое международное право изложенное въ видѣ кодекса» (Das moderne Völker-Recht als Rechtsbuch dargestellt, 1858 г.). — *Гольцендорфу* (бывшему берлинскому, а теперь мюнхенскому профессору) принадлежитъ сжатый, но искусно-составленный очеркъ исторіи и въ особенности системы международнаго права[1].

Германская литература представляетъ множество другихъ работъ различнаго направленія и достоинства. Указанія и оцѣнка ихъ до 1855 г. сдѣланы у Роб. фонъ-Моля[2]. Здѣсь между прочимъ разобраны работы остроумнаго, талантливаго, но парадоксальнаго *Цахаріэ* (1769—1843), 5-я книга котораго (въ сочиненіи Vierzig Bücher vom Staate) посвящена международному праву. См. еще для библіографическихъ указаній въ новѣйшее время: выше указанное изданіе Гольцендорфа, а также (для литературы отъ 1869 г.) «Обозрѣніе международнаго права и сравнительнаго законодательства», журналъ, издаваемый *Ассеромъ*

[1] См. *Holtzendorff*, Encyclopädie der Rechtswissenschaft etc. 748—823.

[2] L. C. I. 404, 405 etc. Ср. также *Каченовскаго*: «О современномъ состояніи науки международнаго права» (On the present state of international Jurisprudence), въ запискахъ лондонскаго юридическаго общества, Vol. II. 553—559. Опытка трудовъ самого Моля, также Вурма, Марквардзена, Гальднера и Шюттера.—Особенно высоко ставитъ Каченовскій Вурма и Моля. О первомъ онъ говоритъ: «Этюды его, не смотря на свою отрывочность, заключаютъ въ себѣ болѣе драгоцѣнныхъ мыслей, чѣмъ всѣ разсужденія о суверенитетѣ и сліяніи націй у Шюттера, Кальтенборна» и проч.

Digitized by Google

и *Ролленомъ-Жекминсомъ* въ Гентѣ (Revue de droit international et de législation comparée etc). — Международные акты по текущимъ дѣламъ печатаются, кромѣ продолжающихся большихъ изданій трактатовъ (объ нихъ скажемъ особо и впереди), въ нѣмецкомъ сборникѣ «Staatsarchiv», а также въ бельгійскихъ Archives de droit international (I-ère année. 1874 г.). Нашъ русскій «Сборникъ государственныхъ знаній» подъ редакціей г. Безобразова включилъ въ программу свою критико-библіографическое обозрѣніе литературы по международному праву[1].

Богатства и достоинство англійской литературы по международному праву признаны самыми взыскательными спеціалистами въ цѣлой Европѣ. При незначительномъ числѣ писателей философскаго направленія (Мэкинтошъ)[2], здѣсь издана и издается масса не только монографій, но и общихъ сочиненій иного характера. Отсутствіе системы, въ германскомъ смыслѣ этого слова, и даже нерѣдко внутренней стройности въ духѣ французскихъ авторовъ вознаграждается у англичанъ практическимъ смысломъ, основательностію эрудиціи, отрезвленной историческимъ методомъ и хорошимъ юридическимъ образованіемъ. Позитивизмъ виденъ въ частомъ пользованіи случаями изъ судебной практики и въ

---

[1] См. Т. I. 85 и слѣд.

[2] Ср. *Уитона*, Histoire. II. § 44. Значеніе *Мэкинтоша* и С. *Уильяма Скотта* показано также въ нашей приведенной запискѣ *Каченовскаго* (pp. 564, 565, 566, 567). Особенно-полна характеристика Уильяма Скотта (лорда Стоуэля), какъ призоваго судьи. Съ откровенностію, достойною похвалы, высказалъ покойный профессоръ англичанамъ, которые слушали его въ лондонскомъ юридическомъ обществѣ, мнѣніе свое о суровости къ нейтральнымъ государствамъ и о нарушеніяхъ безпристрастія въ рѣшеніяхъ лорда Стоуэля. «An international judge—говоритъ Каченовскій—whatever authority he may have in the eyes of his countrymen, is responsible to all countries for his principles and acts. He is bound to render justice in mercy to all the world».—За-тѣмъ слѣдуетъ болѣе сжатая оцѣнка писателей практико-казуистической школы С. Уильяма Скотта, а именно—*Читти*, *Скъ-Мэншса*, *Редди* и *Уильдмана*. Редди укоряется за стремленія, въ духѣ Стоуэлля, пожалуй даже Джекинсона, расширять права воюющихъ въ ущербъ нейтральной торговлѣ.

Digitized by Google

постоянномъ обращеніи къ трактатамъ. Еще одна своеобразность англійскихъ сочиненій, легко объяснимая, заключается въ томъ вниманіи, съ которымъ авторы ихъ обращаются къ вопросамъ морскаго международнаго права.—Многія изъ англійскихъ сочиненій приведены уже нами въ различныхъ мѣстахъ предыдущаго изложенія. Укажемъ здѣсь однако, для полноты очерка, хотя на слѣдующія работы: *Окъ-Мэнингъ* (Oke-Manning), «Комментаріи на международное право» 1839; — *Уильдманъ* (Wildman), «Институціи международнаго права», 1849 г.;— *Филлиморъ* (Phillimore), «Комментаріи на международное право», 1854[1];—*Трэверсъ Твиссъ* (Travers Twiss), «Международное право» etc. (The Law of nations, considered as independent political communities, 1861). Книги Филлимора и Твисса могутъ быть признаны лучшими англійскими руководствами по международному праву, по фактической полнотѣ и даже по систематичности своей. Имена: оксфордскаго профессора *Бернарда*,—*Редди*, автора сочиненія по морскому международному праву, и нѣк. др. приводились выше. Пользуется вполнѣ заслуженною извѣстностію *Вестлэкъ* — авторъ сочиненія о частномъ международномъ правѣ — «A treatise on private international law, or the conflict of laws», 1858 года.

Непосредственно за англичанами слѣдуетъ поставить, по многимъ основательнымъ причинамъ, американскихъ писателей. Первое мѣсто по времени и по многимъ несомнѣннымъ достоинствамъ принадлежитъ *Уитону* (Henry Wheaton, 1785—1848). Въ 1815 году появилось первое сочиненіе его по морскому международному праву, которымъ онъ, какъ и многіе его соотечественники, интересуются на-равнѣ съ англичанами (это было—Digest of the law of maritime captures or prises). Въ 1836 году

[1] Ср. *Роб. Моль*, L. C. I. P. 398, очень полную оцѣнку Филлимора.—*Каченовскій* (On the present state of intern. jurisprudence, 567, 568). Тамъ-же о Трэверсъ-Твиссъ.

Digitized by Google

издано въ Лондонѣ сочиненіе общаго содержанія: «Начальныя основанія международнаго права» (Elements of international law); наконецъ, въ 1846 г. появилась «Исторія международнаго права въ Европѣ и въ Америкѣ до 1842 г.» (Histoire du droit des gens en Europe et en Amérique depuis les temps les plus reculés jusqu'au traité de Waschington en 1842;—въ 1853 г. вышло въ Лейпцигѣ третьимъ изданіемъ). — Изъ замѣчаній и добавленій *Лоренса* (Laurence, также бывшаго дипломата) къ двумъ главнымъ работамъ Уитона составилась особая книга—«Комментарій на начальныя основанія международнаго права и на исторію этого права» (Commentaire sur les éléments du droit international etc. 1868)[1]. — Въ 1866 году въ Бостонѣ появилось предпринятое г. Дана (R. H. Dana) новое изданіе догматическаго сочиненія Уитона. — Наиболѣе типичнымъ произведеніемъ англо-американской литературы представляется сочиненіе канцлера *Кента* († 1847): «Комментаріи на американское право» (Commentaries on american law, 1826). Здѣсь международное право излагается безъ соблюденія строго-внѣшней систематики, возлѣ правилъ юриспруденціи и мѣстныхъ законовъ въ различныхъ штатахъ американскаго союза. «Не много такихъ книгъ — замѣчаетъ Роб.-фонъ-Моль — которыя внушали бы въ равной степени съ сочиненіемъ Кента личное уваженіе къ автору; мало сочиненій, гдѣ матеріалъ былъ бы разработанъ съ равнымъ искусствомъ и точностію.... Если гдѣ умѣстно слово: «практическое» международное право, такъ это именно здѣсь». Бывали критическія замѣчанія касательно сжатости изложенія у Кента; но никто не отвергалъ при этомъ другихъ достоинствъ и ясности у этого превосходнаго практическаго юриста. Книга Кента выдержала уже, до 1867 года, одиннадцать изданій. — Въ 1866 году, изданъ въ Кембриджѣ англійскимъ юристомъ (про-

[1] Разборъ Уитона см. у Роб. *фонъ-Моля*, L. C. PP. 373, 374, 399, 400. Тамъ-же о *Кентѣ*.

Digitized by Google

фессоромъ *Абди*) «Комментарій Кента на международное право»—работа, которая вполнѣ достигла своей цѣли, тѣмъ болѣе, что въ ней встрѣчаются многія весьма полезныя добавленія англійскаго издателя. На это новое англійское изданіе Кента ссылались мы отъ самыхъ первыхъ страницъ настоящихъ лекцій.—Большія достоинства имѣетъ, какъ систематическое изложеніе началъ международнаго права, книга *Галлека (Halleck,* International law, or rules regulating the intercourse of states in peace and war, 1861). Въ работѣ этой есть и внѣшняя стройность, удовлетворяющая даже нѣмецкимъ требованіямъ касательно систематики. Догматическому изложенію предпосылается сжатый очеркъ исторіи международнаго права, отъ древнѣйшей эпохи до новѣйшаго времени. Видно здѣсь знакомство съ европейскою—нѣмецкою и французскою—литературой. Предпочтеніе морскому международному праву несомнѣнно и у Галлека, подобно Уитону и мн. др. Анализъ источниковъ международнаго права весьма полонъ. Слѣдуетъ обстоятельное изложеніе, при искусномъ пользованіи практикою и исторіею, отдѣловъ: о верховенствѣ государствъ, о независимости и самосохраненіи ихъ—о правѣ на равенство,—о правахъ территоріальныхъ,—о законодательствѣ и юрисдикціи (отдѣлъ этотъ менѣе полонъ, чѣмъ другіе); о посольствахъ и трактатахъ; о правахъ и обязанностяхъ дипломатическихъ агентовъ; о консулахъ и торговыхъ агентахъ; о взаимныхъ обязанностяхъ и международныхъ повинностяхъ; о способахъ прекращенія международныхъ споровъ. За-тѣмъ авторъ переходитъ къ отдѣламъ о войнѣ и нейтралитетѣ, гдѣ онъ съ такою-же подробностію и стройностію, какъ показано это на предыдущихъ главахъ книги, излагаетъ матеріалъ обширный и вполнѣ знакомый ему, какъ военному человѣку ex professo.—(См. главы XIII—XXXVI, отъ стр. 311—906). Книга Галлека показываетъ, что въ Америкѣ весьма серіезно занимаются международнымъ правомъ, и что, со-временемъ, от-

Digitized by Google

сюда можно, съ полною увѣренностію, ожидать наукѣ такихъ приращеній, которыя поставятъ ее по-возможности твердо на почвѣ положительнаго изслѣдованія. Галлекъ сдѣлалъ сокращенное изложеніе своей книги, въ видахъ педагогическихъ, и весьма удачно. Во многихъ отношеніяхъ, это образецъ яснаго и строгаго учебника.—Изъ южно-американскихъ авторовъ, конечно, первое мѣсто принадлежитъ, въ настоящее время, книгѣ дипломата *Кальво* «Теоретическое и практическое международное право» (Derecho internacional teorico es pratico, 1868).—Съ испанскаго подлинника сдѣлано французское изданіе (2-е) въ 1870 г.—О книгѣ Кальво писали довольно полно и обстоятельно въ одномъ изъ спеціальныхъ нашихъ журналахъ (въ Москвѣ). По матеріальной полнотѣ и по нѣкоторымъ другимъ чертамъ, Кальво можетъ стать на-равнѣ съ Галлекомъ. Кажется намъ, что Галлекъ вообще имѣлъ сильное вліяніе на работу своего соотечественника, но элементъ историческій у Кальво преобладаетъ надъ практикою, тогда какъ, по нашему убѣжденію, у Галлека оба они весьма удачно согласованы и приравнены между собою. По направленію своему, Кальво позитивистъ; онъ—сторонникъ положительнаго международнаго права: ищетъ его главнымъ образомъ въ трактатахъ и обычаяхъ, не отрицая нимало авторитета науки, идущей правильнымъ путемъ возможно-точнаго изслѣдованія.

О работахъ испанцевъ *Пандо* (Pando, 1843 г.), *Риквельмэ* (Riquelme, 1849 г.), см. у Роб.-фонъ-Моля замѣчанія (довольно строгія) въ Gesch. u. Litt. der St.-Wiss., I, SS. 400, 402. Суровый приговоръ того-же критика распространяется и на испанское сочиненіе *Белло* († 1863 года), уроженца и дипломата Венецуэлы: «Основныя начала международнаго права» (Principios de derecho de gentes).—Кальво держится противоположнаго воззрѣнія: «Белло, говоритъ онъ (стр. 85), пріобрѣлъ себѣ заслуженную извѣстность, какъ государственный человѣкъ и какъ

Digitized by Google

писатель: точныя науки, философія, юриспруденція, законодательства, — ко всему этому онъ приступалъ, обо всемъ говорилъ съ выдающимся талантомъ»[1].—Роль и значеніе Вестлэка по частному международному праву въ Англіи выпали, въ Америкѣ, на долю *Стори* и въ послѣднее время—*Додлею-Фильду*.

Нѣкоторые итальянскіе авторы систематическихъ работъ перечислены и оцѣнены у Роберта фонъ-Моля[2]. См. также библіографическія указанія у Гольцендорфа (S. 763). Изъ публицистовъ итальянскихъ, *Карнаццa Амари*, авторъ руководства: «Elementi di diritto internazionale», написалъ недавно разсужденіе о правѣ вмѣшательства, весьма интересную работу, которая напечатана въ «Revue de droit international» Ассера, Ролдена и Вестлэка. Извлеченія изъ монографическаго этюда Карнаццa Амари будутъ сдѣланы, на своемъ мѣстѣ, впереди.—Докторъ *Франческо Мордентu* (Francesco Mordenti) издалъ 1865 г. въ Миланѣ «Историческое введеніе въ науку международнаго права» (Il passato, il presente e l'avvenire delle nazioni. Introduzione allo studio di diritto internazionale). Въ небольшой книжкѣ этой видны слѣды солиднаго и разносторонняго образованія, чисто-итальянское умѣнье пользоваться философіею и исторіею для цѣлей публициста. Событія политическія и факты международные сводятся къ движенію идей. Не смотря на сжатость, высказаны интересныя замѣчанія о политическомъ развитіи древнихъ и современныхъ народовъ. Но есть много такихъ

---

[1] Ср. Papers of the Jurid. society. Vol. II, pp. 562, 563. Мнѣніе Каченовскаго, высказанное въ 1862 году въ запискѣ лондонскому юридич. обществу, сходится съ позднѣйшимъ сужденіемъ Кальво о книгѣ Пандо: «Это—одна изъ лучшихъ книгъ, которую я когда-либо читалъ по предмету международн. права», замѣчаетъ Каченовскій («It is imbued with a liberal and philosophical spirit, vast erudition, and an astounding knowledge of history», читаемъ мы далѣе въ текстѣ записки «On the present state of international jurisprudence).

[2] Ср. *Rob. von Mohl*, Gessch. u. Litteratur der Staatswissenschaft. I. S. 388. *Baroli*— авторъ сочиненія: «Diritto naturale privato e publico». 1837.—*Tolomei*, «Corso elementare di diritto naturale o razionale». 1848.

Digitized by Google

мѣній и взглядовъ, которые, оставаясь вполнѣ понятными и объяснимыми у итальянца, не могутъ быть признаны за объективную истину. Для примѣра, можно привести воззрѣніе Морденти на Наполеона 1-го: «Побѣды Наполеона поколебали всѣ троны и пробудили въ душахъ любовь къ славѣ и къ отечеству. Онъ сосредоточилъ въ умѣ своемъ всю сущность ученій энциклопедистовъ (?!): хотѣлъ совершить то, на что указывали философы и публицисты» [1]. — Какъ публицистъ, Морденти является, вмѣстѣ съ Манчини, съ графомъ Маміани и Карнаццa Амари, сторонникомъ принципа національности, введенной въ свои естественные географическіе предѣлы [2]. Сочувствіе къ протестантизму и дантовская строгость къ католицизму довершаютъ типическій обликъ Морденти, какъ современнаго итальянскаго публициста: «въ наукѣ международнаго права всѣмъ мы обязаны, говоритъ Морденти, на стр. 130, протестантизму». И онъ почти правъ, если вспомнить объ Альберико Джентилли, Гуго-Гроціи, Бенкерсгукѣ, Пуффендорфѣ, Вольфѣ и Кантѣ, съ оговоркою впрочемъ въ пользу Витторіи и Суареца. — Космополитическое общеніе народовъ — идея Канта и другихъ — привлекаетъ къ себѣ итальянскаго писателя. Но планъ этотъ возможно выполнить только по разрѣшеніи вопроса о національностяхъ [3]. —

[1] «Egli riassumeva in sè tutte le dottrine dell' Enciclopedia: egli volea fare ciò chè i filosofi i pubblicisti avevano insegnato» etc. (P. 117). Такое возведеніе Наполеона на высоту философскихъ идей XVIII вѣка тѣмъ болѣе кажется страннымъ у Морденти, что сейчасъ-же слѣдуетъ у него весьма вѣрная оцѣнка причинъ, сгубившихъ Наполеона. На этой страницѣ итальянецъ почти сходится во взглядѣ съ германскимъ историкомъ (Гервинусомъ). «Furono forse gli di Russia—спрашиваетъ Морденти — che rovinarono la sua fortuna? No. Se avesse ceduto parte dell'autorità che usurpò a quel popolo che l'aveva sostenuto ed era stato la causa principale della sua grandezza, avrebbe potuto regnare anche dopo. Ma egli voleva lá monarchia universale» etc.

[2] P. 171. Una nazione è una società di esseri ragionevoli, liberi et indipendenti, che parlano un medesimo linguaggio, ed occupano legittimamento uno stesso territorio circostritto solamente dai confini naturali etc.

[3] P. 178... «Ed affratellate dalla religione dell'amore e del lavoro, mentre cias-

Digitized by Google

Судьба французской литературы по международному праву во многомъ сходна съ судьбою той-же литературы по исторіи права и законодательства въ этой странѣ, т. е. нѣтъ здѣсь систематическихъ трудовъ и учебниковъ; философская система международнаго права, написанная на французскомъ языкѣ, принадлежитъ швейцарцу (Ваттелю); обширнѣйшая исторія международныхъ отношеній носитъ на себѣ громкое имя бельгійца *Лорана*[1]. Но было бы несправедливостію и односторонностію отрицать у Франціи видную долю въ наукѣ международнаго права. Французы слишкомъ живой и политически-талантливый народъ, чтобы снизойдти до буддійскаго равнодушія къ какой бы то ни было государственной наукѣ. Учебники и систематическія работы имѣютъ безспорное и почетное мѣсто въ литературѣ каждой науки. Но не въ нихъ вся наука. При этомъ не нужно забывать того, что французскій геній въ наукѣ есть геній аналитическій по преимуществу. Какъ, когда и при какихъ условіяхъ желаетъ французскій умъ примѣнять въ наукѣ синтетическій методъ: про то ясно говорятъ Августъ Контъ, Литтре и другіе.—До послѣдняго времени, дѣятельность французскихъ ученыхъ сосредоточивалась на монографическихъ работахъ. И здѣсь мы укажемъ на имена, заслужившія европейскую репутацію: *Maccè* (Le droit commercial dans ses rapports avec le droit des gens et le droit civil), *Ортолана* (Règles internationales et Diplomatie de la mer), *Готфёля* (Droits et devoirs des nations neutres etc. Histoire des origines)—Histoire des origines, des progrès et des

---

cuna sarà libera independente nella sua patria, costituiranno tutte una solo famiglia».

[1] См. оцѣнку Лорана у *Роберта Моля*, L. C. I. S. 374, 375, 376. — По-русски у Каченовскаго, 2-й выпускъ международнаго права. 1866 г. Его-же (на англ. языкѣ) въ запискахъ лондон. юридич. общества, II. p. 559 etc.—О голландскихъ публицистахъ (*De Wal, Den Tex, Vreede*—профессорахъ университетовъ утрехтскаго и лейденскаго) см. тамъ-же, P. 56.

Digitized by Google

variations du droit maritime international), *Кошй* (Le droit maritime international considéré dans ses origines et dans les rapports avec les progrès de la civilisation) и многія др., о которыхъ будетъ еще упомянуто въ отдѣльныхъ пунктахъ особенной части. Одну изъ очень счастливыхъ попытокъ примѣнить статистическій методъ къ разсмотрѣнію вопросовъ международнаго права сдѣлалъ редакторъ «Французскаго экономиста», проф. *Леруа-Больё* (Leroy-Beaulieu), талантливый авторъ сочиненія «О современныхъ войнахъ», котораго мы коснулись выше. Наконецъ, имя *Феликса* (*Fœlix*, Le traité de droit international privé; 3-ème ed. 1856) весьма вѣско въ отдѣлѣ частнаго международнаго права. —Теперешнія лекціи профессора *Франка* и *Жирò* представляютъ много достоинствъ сравнительно съ тѣми, какія приходилось намъ слушать 1864 г. въ École de droit. Немалаго можно ожидать отъ дѣятельности учредителей и профессоровъ недавно возникшей «Свободной школы государственныхъ наукъ» во Франціи (École libre de sciences politiques). Разработка и чтеніе международнаго права входитъ въ весьма серіёзную программу этого учрежденія [1].

Литература международнаго права въ Россіи вся почти обязана своимъ существованіемъ университетамъ. Дипломатія наша, имѣющая громкое европейское имя по преемственнымъ

[1] Въ программѣ конца 1874 года (слѣдов. на семестръ отъ 23 ноября по іюнь, мѣсяцъ) объявлены были лекціи и конференціи профессоровъ *Сореля* (Sorel) и *Рёнд* (Renault). Курсъ Сореля долженъ былъ коснуться слѣдующихъ вопросовъ: 1) Публичное право Европы въ 1789 г. 2) Французская революція въ Европѣ. 3) Французская имперія въ Европѣ. 4) Вѣнскій конгрессъ и трактатъ 1815. 5) Конгрессы: ахенскій, троппаускій лайбахскій, веронскій. 6) Независимость Греціи. Восточный вопросъ отъ 1820—1829. 7) Публичное право Европы въ 1830 году. Не менѣе интересна 2-я часть курса: Организація дипломатич. службы; ходъ и веденіе негоціацій; характеристика важнѣйшихъ дворовъ и кабинетовъ Европы. Политическая печать въ иностр. государствахъ.— Курсъ проф. Рёнò посвящается: международн. праву, вытекающему изъ трактатовъ, и консульствамъ.

Digitized by Google

талантамъ своихъ представителей отъ первой четверти XVIII столѣт. до настоящихъ дней, сосредоточивалась главнымъ образомъ на практической работѣ. Трудовъ, подходящихъ къ работамъ Клюбера, графа Гардена, Белло, Кальво у насъ еще не появилось. Само собою разумѣется, что и учено-литературная дѣятельность спеціалистовъ-теоретиковъ по международному праву въ Россіи не могла представить той массы результатовъ, какія даютъ совмѣстно западно-европейская и американская литература. Русскимъ ученымъ приходится бороться съ такими трудностями и условіями, преодолѣть которыя было бы подъ-силу любому дѣятелю на западѣ. Работа политическаго писателя и профессора государственныхъ наукъ есть дѣятельность общественная и практическая еще и въ томъ смыслѣ, что она должна находить для себя опору и питаніе въ живомъ участіи къ задачамъ и цѣлямъ государственныхъ знаній извнѣ, независимо отъ стѣнъ аудиторій и рабочихъ комнатъ образованныхъ государственныхъ дѣятелей и законодателей. Для международнаго права труднѣе, чѣмъ для другихъ отдѣловъ государствовѣдѣнія, найдти для себя благопріятныя условія среды, мѣста и времени. Профессоръ и писатель по международному праву въ Россіи есть и долженъ быть теоретикомъ по преимуществу: для него недоступно живое участіе въ призовыхъ судахъ, на-подобіе того, что сплошь и рядомъ встрѣчалось и встрѣчается въ Англіи, Америкѣ, во Франціи, въ Голландіи. До послѣдняго времени, т. е. до счастливаго исключенія въ видѣ приглашенія профессора с.-петербургскаго университета Мартенса на брюссельскую конференцію, не приходилось, сколько мы знаемъ, ни одному русскому профессору служить, въ такой формѣ, дѣлу спеціальной своей науки. И опять-таки, лишь въ настоящее царствованіе, увидѣли мы примѣры, что русскіе профессоры (Каченовскій, Капустинъ и нѣкоторые другіе) принимали участіе въ ученыхъ конгрессахъ спеціалистовъ западной Европы. Наконецъ, только съ конца

Digitized by Google

50-хъ и съ начала 60-хъ годовъ, университетскіе люди Россіи могли безпрепятственно сближаться съ учеными, съ государственными людьми и съ практиками-публицистами образованнаго запада. Матеріалъ для этого важнаго момента въ культурной исторіи нашей родины уже обиленъ: стоитъ пересмотрѣть отчеты о путешествіи за границу молодыхъ нашихъ ученыхъ. Любопытенъ также въ этомъ отношеніи отчетъ покойнаго профессора Д. И. Каченовскаго, изд. въ 1860 году. Еще важнѣе неизданный многотомный журналъ этого дѣятельнаго и честнаго представителя русской науки, — журналъ, тщательно веденный во время многократныхъ путешествій за границу.

Однимъ словомъ, новà въ Россіи наука международнаго права, своеобразны и не всегда приглядны были тѣ условія, при которыхъ наука эта должна была развиваться. Отсюда и вышеуказанная мною разность въ результатахъ. Но, сдѣлавъ эти оговорки, мы можемъ, не стѣсняя своей совѣсти, сказать, что литература международнаго права въ Россіи представляетъ рядъ такихъ отдѣльныхъ трудовъ и монографій, которые стоятъ совершенно на-уровнѣ западно-европейской науки, — что, далѣе, каѳедры русскихъ университетовъ были занимаемы преподавателями, вполнѣ отвѣчающими, по дарованіямъ и знаніямъ своимъ, требованіямъ отъ профессора международнаго права на западѣ. Съ болѣе или менѣе долголѣтнею профессорскою дѣятельностію въ Россіи связаны имена: Ивановскаго, Каченовскаго, Капустина, Незабитовскаго, Мюльгаузена, Лешкова и нѣкот. др.; недавно пріурочены къ университетской работѣ новые почтенные дѣятели. Имена тѣхъ и другихъ встрѣчаются на самостоятельныхъ и интересныхъ работахъ[1]. Заключимъ

[1] Въ хронологич. порядкѣ, русская литература можетъ выставить слѣдующія важнѣйшія работы по международному праву: *Лешкова*, Историч. изслѣдованіе началъ нейтралитета относительно морской торговли, 1841; *Зарембы*, Историч. развитіе понятія о военной контрабандѣ; *Спасовичъ*, О правахъ нейтральнаго

Digitized by Google

очеркъ этотъ слѣдующими словами Каченовскаго, сказанными въ Лондонѣ 1862 года о значеніи всей европейской и американской литературы по международному праву: «Каковы бы ни были ошибки и недостатки публицистовъ, они понимали практическія нужды каждой эпохи и сообразно этому вели свою работу. Когда для человѣчества было важнѣе всего опредѣлить привилегіи дипломатическихъ агентовъ и смягчить суровости войны, они нашли тѣ всеобщія правила естественной справедливости во взаимныхъ отношеніяхъ правительствъ, которыя, будучи приняты tacito consensu, установились теперь и уважаются повсюду... Разъ созданное положительное право должно быть предметомъ постоянныхъ и терпѣливыхъ улучшеній: ростъ его связанъ съ развитіемъ общества, которое дало ему жизнь и силу... Политическія бури и потрясенія могутъ измѣнить нѣкоторыя изъ постановленій этого права, но цѣлое зданіе устоитъ, скрѣпленное христіанскою религіею, философіею, опытомъ вѣковъ и мнѣніями честныхъ людей [1].

флага и груза, 1851; *Капустинъ*, Дипломат. сношенія Россіи съ зап. Европою, 1852; *Каченовскій*, «О каперахъ и призовомъ судопроизводствѣ, 1855; *Наумовъ*, Консульское право Европы и Америки, 1856; того-же автора: Судоходство по Шельдѣ, 1856; *Ренненкампфъ*, Исторія ученія публицистовъ о правѣ осмотра кораблей во время войны, 1858. — Въ Кіевѣ вышла въ 1860 году работа: Ученіе публицистовъ о междугосударств. владѣніи. — *Каченовскаго*, Курсъ международ. права, Выпускъ 1-й, 1863 г.; его-же, Курсъ международ. права, Вып. 2-й (1866 г.); *Мартенса*, О правѣ частной собственности во время войны, 1869 г. (тому-же автору принадлежитъ позднѣйшая монографія о консулахъ) и мн. др.

[1] Papers of the Jurid. society. August, 1862, pp. 573, 574.

Digitized by Google

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Особенная часть.

Субъекты международнаго права.

§ 17. Понятіе о субъектахъ международнаго права вытекаетъ изъ сущности международнаго права, какъ совокупности началъ и правилъ, дѣйствующихъ между самостоятельными государствами. Слѣдовательно, въ строгомъ смыслѣ и непосредственно, субъектами международнаго права могутъ быть только государства и правительства, а въ обширномъ смыслѣ и посредственно — подданные государства и слуги правительствъ — дипломатическіе агенты, какъ представители державъ. Частныя и юридическія лица, т. е. простые граждане, разнаго рода ассоціаціи, корпораціи, торговыя общества и т. п. участвуютъ въ космополитическомъ общеніи; но ихъ нельзя считать, въ строгомъ смыслѣ слова, субъектами международнаго права, хотя послѣднее и охраняетъ ихъ права и интересы. «При теперешнемъ порядкѣ вещей, говоритъ Гефтеръ, компаніи могутъ развивать политическую дѣятельность, но лишь подъ охраною и представительствомъ правительствъ и государствъ, подобно тому какъ частныя лица и общества получаютъ извѣстныя права и пользуются ими на основаніи и въ предѣлахъ внутреннихъ законовъ государства»[1].

[1] *Heffter*, Das europ. Völkerrecht etc. 5 Ausg. S. 34. «Gegenwärtig können sie nur unter dem Schutze u. der Vertretung eines Staates eine politische Thätigkeit enthalten, so wie als Private einzeln oder als Gesellschaft nach Massgabe der Staatsgesetze Rechte erlangen und geniessen».

Digitized by Google

Что же такое государство, какъ субъектъ международнаго права? Ученія международнаго и государственнаго права во многомъ опираются другъ на друга; но есть однако пункты, въ которыхъ они расходятся. Такъ, государства и правительства, по теоріи государственнаго права, представляются постоянными и вѣчными учрежденіями: «нѣтъ ни одной конституціи, которая предусматривала бы прекращеніе государственнаго союза», говоритъ Гольцендорфъ. Для международнаго же права, государства суть конкретные и преходящіе факты, какъ и все въ исторіи; государство возникаетъ, растетъ и развивается, подобно отдѣльному человѣку,—и вѣчно оно лишь въ томъ смыслѣ, что существованіе его не зависитъ отъ физической жизни отдѣльныхъ лицъ дотолѣ, доколѣ вновь нарождаются подданные или входятъ въ составъ государства путемъ эмиграціи, совершенно подобно тому, какъ въ римскомъ правѣ юридическое лице остается и существуетъ, не смотря на измѣненія въ составѣ отдѣльныхъ физическихъ лицъ: Universitas non moritur, sed conservatur in uno!

Разсматривая государство съ точки зрѣнія простаго, конкретнаго факта, международное право не должно задаваться никакими теоріями о возникновеніи и прекращеніи государствъ. Не его дѣло выяснять—какими способами и путями могутъ возникать и прекращаться государства. «Возникновеніе отдѣльныхъ государствъ, съ ихъ различными оттѣнками, есть историческій процессъ — говоритъ Гефтеръ (стр. 43), — иногда государства возникали изъ семейнаго, родоваго начала, подобно древнимъ патріархальнымъ государствамъ; иногда складывались подъ вліяніемъ религіозныхъ понятій и представленій, подобно теократическимъ государствамъ; то подымались они силою отдѣльнаго лица, какъ въ-древности — героическое, а позже цезарское и феодальныя государства, то, наконецъ, на ихъ возникновеніе вліяла воля народа. Можно сказать, что въ древніе вѣка возникали государства преимущественно путемъ колонизаціи, въ средніе—

Digitized by Google

путемъ узурпаціи и завоеванія, а въ новые — нерѣдко путемъ отложенія отъ государства части ихъ территоріи». — Отсюда видно, что для теоріи международнаго права не столько важно знать, какимъ путемъ возникали государства, сколько опредѣлить условія существованія ихъ. Здѣсь не чего приводить подробно всѣ существующія въ учебникахъ международнаго права опредѣленія государственнаго союза, да и опредѣленія эти не всегда удовлетворительны. Возьмемъ для примѣра опредѣленія государства у Ваттеля и Галлека. По ученію перваго, «нація или государство есть политическое тѣло или общество, составленное изъ людей, ищущихъ своего благосостоянія, взаимныхъ выгодъ и для этой цѣли соединившихъ свои силы». Опредѣленіе Галлека слѣдующее: «государство есть такое политическое тѣло, которое состоитъ изъ людей, соединившихся для взаимной пользы и безопасности». Конечно, менѣе возраженій можно сдѣлать на дефиницію Галлека, такъ-какъ онъ не говоритъ, подобно Ваттелю, «нація или государство», и все-таки оба эти опредѣленія обнаруживаютъ слѣдующіе недостатки: 1) онѣ не самостоятельны и представляютъ собою переводъ дефиниціи Цицерона: «Respublica est cœtus multitudinis, juris consensu et utilitatis communione sociatus»; 2) опредѣленія эти страдаютъ и темнотою, и излишнею широтою. Подъ понятіе государства, какъ союза людей, соединившихся для взаимныхъ выгодъ и благосостоянія, — подойдетъ любая торговая компанія и даже шайка пиратовъ, которые тоже соединяютъ свои силы для общаго благосостоянія въ томъ смыслѣ, какъ они его понимаютъ; 3) у Ваттеля же особенно сильный недостатокъ — это смѣшеніе государства съ націею. Сущность дѣла въ томъ, что государство есть общество или союзъ людей, живущихъ на извѣстномъ пространствѣ земли и имѣющихъ единую верховную власть въ той или другой формѣ политическаго устройства. — Такимъ образомъ въ понятіи государства оказываются слѣдующіе моменты: 1) въ базѣ государства должно быть общество людей,

Digitized by Google

надѣленныхъ средствами и силами для поддержанія своей самобытности, или, какъ говоритъ Кальво, «имѣющихъ силъ столько, сколько нужно, чтобы поддержать свою независимость собственными рессурсами»; 2) на вершинѣ государства необходима власть, какъ символъ политическаго единенія, какъ органъ общей воли, направляющей общество къ цѣлямъ политическаго общежитія, и 3) связь общества съ правительствомъ нуждается въ извѣстной географической аренѣ, т. е. въ землѣ или территоріи. Гдѣ нѣтъ общества, способнаго существовать самобытно и независимо,—гдѣ нѣтъ постоянной воли, организованной въ цѣлую систему политическихъ и юридическихъ учрежденій съ тою цѣлью, чтобы поддерживать и продолжать такое независимое существованіе,—гдѣ нѣтъ этнографическаго и территоріальнаго фундамента для извѣстной формы политическаго союза: тамъ нѣтъ и не можетъ быть государства. Кромѣ того, государство, служа, какъ установленіе или институтъ juris publici, извѣстнымъ цѣлямъ общежитія внутри союза, нуждается въ извѣстныхъ правахъ, какъ средствахъ для достиженія присущихъ ему цѣлей. Значитъ, въ понятіе государства необходимо входитъ понятіе о юридическомъ лицѣ. Далѣе, государство, служа тѣмъ-же цѣлямъ общежитія внѣ предѣловъ своей территоріи, является охранителемъ и носителемъ (иначе — субъектомъ) международнаго права. Отсюда на корнѣ общаго понятія о лицѣ юридическомъ выростаетъ понятіе о международной правоспособности. Таковы существенные признаки, входящіе въ понятіе государства. Возьмемъ, напримѣръ, какую-либо торговую компанію, анализируемъ сущность ея, и легко увидимъ, что здѣсь не будетъ вышесказанныхъ признаковъ. Но само собою разумѣется, что государству, какъ обществу людей, живущихъ на извѣстной территоріи и имѣющихъ верховную власть, нисколько не возбраняется преслѣдовать общія торговыя выгоды составляющихъ его лицъ.

Digitized by Google

Выше было замѣчено, что нельзя смѣшивать государство съ націею, и что такое смѣшеніе есть особенный недостатокъ той ваттелевой дефиниціи, которая до послѣдняго времени вліяла на понятія и опредѣленія, весьма существенныя для теоріи международнаго права. Напротивъ, государство отличается отъ націи и народа, и прежде всего въ смыслѣ этнографическомъ: т. е. государство можетъ состоять изъ различныхъ націй. У насъ, напримѣръ, на пространствѣ русской имперіи, живетъ множество различныхъ національностей; Австрія, Турція и Англія тоже могутъ служить въ данномъ случаѣ примѣрами; такъ, въ европейской Англіи на-ряду съ англосаксами мы видимъ шотландцевъ, ирландцевъ и галловъ; въ территоріяхъ Англіи за предѣлами Европы мы встрѣчаемъ почти-что вавилонское смѣшеніе народовъ: индусы-огнепоклонники, индусы-магометане, австралійскіе и африканскіе туземцы и т. д. За-тѣмъ, государство отличается не только отъ націи, но и отъ общества въ слѣдующемъ существенномъ отношеніи: государство не можетъ поглощать всѣхъ сторонъ въ общественной жизни; теперь государство есть только одна изъ граней народной жизни, куда (въ жизнь народа) входятъ еще многія другія стороны: религія, искусства, науки, право, и относительно послѣдняго (т. е. права) государство является не болѣе, какъ орудіемъ, какъ органомъ его приложенія[1]. И такъ, для существованія государства, какъ субъекта международнаго права, нѣтъ надобности, чтобы подданные его были одной національности, точно такъ, какъ, далѣе, нѣтъ надобности, чтобы территорія его составляла одно сплошное цѣлое.

Подъ государствомъ въ территоріальномъ смыслѣ разумѣются всѣ владѣнія, принадлежащія извѣстному народу и управляемыя

---

[1] In extenso *Каченовскаго:* «Взглядъ на исторію политическихъ наукъ въ Европѣ». Москва 1869 г. стр. 128 и слѣд. Также: «О современномъ состояніи политическихъ наукъ на западѣ Европы и въ Россіи». Харьковъ. 1862 г., стр. 121 и слѣд.

Digitized by Google

однимъ правительствомъ, каково бы ни было разстояніе между ними. Такимъ образомъ и всякая отдаленная колонія есть также интегральная часть государства. Но отсюда-же слѣдуетъ, что никакое заморское владѣніе, хотя бы организованное на автономическихъ началахъ, хотя бы имѣющее парламентскія учрежденія, не должно считаться независимымъ субъектомъ международныхъ отношеній. И въ Канадѣ, и въ австралійской колоніи существуетъ конституціонное устройство; здѣсь мы находимъ палаты, парламентъ; но тѣмъ не менѣе въ международныхъ сношеніяхъ интересы ихъ представляются Англіею[1]. Далѣе, возьмемъ бывшую ость-индскую компанію; она получила отъ англійскаго правительства хартію въ XVII стол. и мало-по-малу такъ расширила ея содержаніе, что могла вести самостоятельно войну и заключать миръ съ туземными владѣльцами; но не смотря на все это, ость-индская компанія не считалась самостоятельнымъ субъектомъ международныхъ отношеній и въ вопросахъ, выходящихъ за индійскую территорію, представлялась агентами англійскаго правительства.

Изъ понятія международнаго права, какъ совокупности началъ, дѣйствующихъ между независимыми государствами, слѣдуетъ весьма важное значеніе самостоятельности государства. Но форма правленія и территоріальный объемъ государства не имѣютъ здѣсь (для теоріи международнаго права) никакого значенія: для теоріи международнаго права все равно, будетъ ли государство безправная деспотія, или же монархія, управляемая законами; будетъ ли то конституціонная монархія, или имперія, построенная на suffrage universel съ слабыми гарантіями для политической жизни (имперія, которую ввелъ цезаризмъ Наполеона); будетъ ли то, наконецъ, республика федеративная или республика объединенная и т. д. Дѣло въ томъ, чтобы имѣлось

[1] *Чичеринъ*, О народномъ представительствѣ. 185, 186 и слѣд.

Digitized by Google

населеніе, чтобы была опредѣленная территорія и постоянная воля правительства и народа — вести политическую жизнь согласно обычаямъ, трактатамъ и правамъ цивилизованнаго міра. Коль скоро существуютъ такія три условія, то мы и имѣемъ правоспособный субъектъ международнаго права. — Точно такъ-же для теоріи международнаго права все равно, будетъ ли государство въ видѣ Россіи, съ ея колоссальнымъ географическимъ объемомъ, или же въ видѣ небольшой республики, даже такого микроскопическаго герцогства, какія были до послѣдняго времени въ Германіи. Изъ всѣхъ признаковъ и условій, которые мы вывели для государства, дѣйствительно существеннымъ является признакъ и условіе самостоятельности—souveraineté, или самодержавіе въ смыслѣ международнаго права, а не нашего законодательства[1]. Самодержавіе въ смыслѣ международнаго права не есть то, что разумѣютъ первыя статьи нашихъ основныхъ законовъ; самодержавнымъ называется такое государство, которое устанавливаетъ и ведетъ свои сношенія свободно и независимо отъ власти какого-либо другого государства и правительства. «Самодержавными, говорилъ на своихъ лекціяхъ Каченовскій, называются тѣ государства, которыя не повинуются никакой власти, кромѣ своей внутренней, которыя не имѣютъ ни внѣшнихъ повелителей, ни сюзереновъ, ни протекторовъ, не повинуются никому, кромѣ Бога и меча, и гдѣ верховная власть поддерживается своими подданными, а не оружіемъ иноземной власти».

[1] Ср. *H. Grot*, въ переводѣ Pradier Fodéré, L. C. Ch. III, §§ VI — VII. «La faculté morale de gouverner un État, qu'on désigne encore par le terme de puissance civile, est représentée par trois choses dans Thucydide, lorsque parlant d'un État, véritablement tel, il l'appelle: un corps qui a ses lois, ses tribunaux, ses magistrats»... «On la dit souveraine, lorsque ses actes ne sont pas dépendants de la disposition d'autrui, de manière à pouvoir être annulés au gré d'une volonté humaine étrangère» etc.—Ср. *Vattel*, I. Prélimimaires. § 20. Livre 1-er. §§ 1 -12. Des nations ou États souverains. Ср. *Bluntschli*, Das moderne V.-R. 2-es Buch. §§ 64-68, границы и содержаніе международнаго самодержавія въ современномъ смыслѣ слова.

Digitized by Google

«Souveraineté, говоритъ Кальво, есть власть, существующая у народа, — дать себѣ законы, установить правительство безъ вмѣшательства иностраннаго государства».

Но однако изъ сказаннаго не слѣдуетъ выводить, что международное право не считаетъ своимъ субъектомъ такое государство, которое во всей полнотѣ не подходитъ къ этой дефиниціи. Въ исторіи и въ современной политической системѣ мы встрѣчаемся съ такими государствами, которыя не могутъ, помимо всякаго посторонняго вліянія, установлять и вести международныя сношенія; но тѣмъ не менѣе ни практика, ни теорія не отказываются считать ихъ членами международнаго союза и защищать права ихъ. Такъ, часто одно государство бываетъ въ зависимости, или обязано выполнять относительно другого государства различныя обязательства. Для примѣра, здѣсь можно указать на краковскую республику, основанную въ 1815 году. Не смотря на то, что по вѣнскому конгрессу она была признана отдѣльнымъ государствомъ, какъ внѣшнія, такъ и внутреннія дѣла ея постоянно велись подъ вліяніемъ Австріи, Пруссіи и Россіи; тѣмъ не менѣе, до 1846 г. (т. е. до года присоединенія Кракова къ Австріи), никто не отказывалъ краковской республикѣ въ значеніи отдѣльнаго субъекта международной системы, и противъ присоединенія Кракова были высказаны протесты со стороны Англіи, Франціи, Швеціи и другихъ державъ. Итакъ, международное право не можетъ ограничивать сферу своихъ субъектовъ только тѣми государствами, которыя въ полномъ смыслѣ самодержавны, и должно вносить сюда также державы, которыя не пользуются полною самостоятельностію. Отсюда идутъ и различія въ субъектахъ международнаго права[1].

---

[1] Ср. *Heffter*, Das E. V.-R. 1-es Buch. Die Subjecte des Völkerrechts etc. *Bluntschli*, Das Moderne V.-R. etc.—2-es Buch. §§ 17—27; 28; 29; 39; 40; 46.— *Travers-Twiss*, The law of nations etc. I. Chapt. I. Nations as subjects of law. §§ 1 — 17. — *Phillimore*, Commentaries etc. I, §§ LXV, LXVI, LXVII

Digitized by Google

Различные виды государства.

§ 18. Для международнаго права важнѣе всего установить различіе между государствами по соображенію большей или меньшей ихъ самостоятельности, хотя здѣсь можно имѣть и другія основанія или соображенія; такъ, нѣкоторые писатели выводятъ различіе государствъ, принимая во вниманіе ихъ внутреннее устройство. Конечно, нельзя не согласиться, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ форма государственнаго устройства имѣетъ вліяніе на международныя отношенія (примѣръ — исторія вмѣшательства или интервенціи); но международное право можетъ относиться индифферентно къ формамъ правленія, лишь-бы эти формы не мѣшали общенію между государствами и націями. Вотъ почему вопросъ о различіи формъ правленія цѣликомъ относится къ государственному праву.—Нѣкоторые публицисты, далѣе, касаясь вопроса о различныхъ категоріяхъ государствъ, касаются отличій между историческими типами государствъ у разныхъ народовъ: типу европейскаго государства они противуполагаютъ восточный типъ, древне-классическое государство отдѣляютъ отъ романо-германскаго, феодальнаго государства и т. д. Но надо замѣтить, что и это все—вопросы исторіи законодательствъ и государственнаго права, откуда международное право беретъ уже готовые результаты для собственнаго своего отдѣла — исторіи международныхъ сношеній. Здѣсь, понятно, эти типы имѣютъ значеніе. Но въ ученіи о самостоятельности государствъ, при выведеніи дедуктивнымъ путемъ различныхъ правъ государствъ, они могутъ служить лишь въ качествѣ примѣровъ. При томъ, практика международныхъ и торговыхъ отношеній давно

---

etc. *Calvo*, Droit intern. L. II. §§ 29—32. *Halleck*, Chapt. III. §§ 1—7.—*Wildman*, Institutes, I. Chapt. II, pp. 38—40. *Rob. v. Mohl*, Encyclop. der Staatswissenschaften. § 57 (Die Grundgedanken des philosophischen Völkerrechts), § 58 (Die Souveränität).

Digitized by Google

уже захватила въ свою сферу государства самаго грубаго восточнаго типа, какими были, до послѣдняго времени, Оттоманская порта, Персія, Китай, Японія (до недавней революціи, низвергнувшей тайкунатъ и возвысившей микадо надъ дайміосами и т. д.)[1]. Тѣмъ не менѣе еще въ началѣ нашего курса сказано было, что будущность международнаго права связана, кромѣ умственнаго и экономическаго прогресса въ средѣ обществъ и націй, съ прогрессивнымъ развитіемъ современнаго или, по выраженію Геффтера, конституціоннаго государства, «въ которомъ есть гармонія между управляющими и управляемыми». «Государство такое — продолжаетъ берлинскій профессоръ — покоится или на идеѣ народнаго владычества (état populaire), или на верховной власти государя, при твердой гарантіи тѣхъ правъ, которыя принадлежатъ подданнымъ, или, наконецъ, на парламентскомъ господствѣ привилегированныхъ классовъ общества и т. д.».

Примѣчаніе. Къ завершенію и дополненію мысли этой у Геффтера, идетъ слѣдующее замѣчаніе у *Леруа – Больё* (Les guerres contemporaines, pp. 286, 287): «Les institutions comme les formules sont insuffisantes contre les grands abus, les erreurs populaires et les vieux préjugés. Pour qu'une réforme durable s'accomplisse, il faut qu'elle se détache comme un fruit mûr du tronc de la civilisation existante et que l'on n'ait besoin pour la cueillir que d'écarter quelques broussailles... A vrai dire, la garantie de paix la plus efficace, c'est la constitution économique et démocratique de nos sociétés modernes» etc.—Ср. также *Mordenti*, Introduzione etc. pp. 169, 170 «... Lo sviluppo florido della produzione e gli aumenti continui della ricchezza... non si possono avere tra le sofferenze della schiavitù e tra i timori della conquista, l'una et l'altra contrarie ale'industria ed al commercio».

Но какую же классификацію государствъ можемъ мы представить по соображенію самостоятельности или международнаго са-

[1] См. *Phillimore*, L. C. I. pp. 83 — 87, подробное перечисленіе и анализъ трактатовъ Оттоманской порты съ европейск. государствами, отъ конца XVII стол. до 1849 г.

Digitized by Google

модержавія? Во 1-хъ, типомъ полноправнаго государства будетъ всякая единичная держава, обладающая совершенною независимостью и несвязанная никакими постоянными узами, кромѣ обыкновенныхъ международныхъ связей съ какимъ-либо другимъ политическимъ тѣломъ. Такими государствами представляются Франція, Англія, Россія, Италія и многія другія, совершенно независимыя державы.—Ясно однако, что государства, пользующіяся, въ извѣстный моментъ исторіи, полнымъ самодержавіемъ, могутъ подвергать послѣднее извѣстнымъ ограниченіямъ въ пользу постороннихъ державъ, ни мало не теряя своей самостоятельности. Такъ, на государство можетъ быть наложено выполненіе извѣстныхъ сервитутовъ, обязательствъ, пошлинъ и т. д., примѣромъ чего могутъ служить отношенія Швеціи къ варварійскимъ владѣніямъ до 1840 года: Скандинавы, какъ извѣстно, платили варварійскимъ владѣніямъ 20,000 или 30,000 піастровъ ежегодной дани для избавленія отъ пиратскихъ набѣговъ варварійцевъ. Далѣе, всякое государство можетъ выплачивать другому извѣстныя ренты, консолидированные доходы, можетъ принимать на себя обязанности гарантіи, посредничества и т. д.— Но и такія отношенія суть только исключенія, подтверждающія общее правило независимости. Они представляютъ аналогію съ обязательствами, которыя заключаются частными лицами въ формѣ какого-либо свободнаго договора. Принимая на себя какое-либо обязательство, никто и нисколько не умаляетъ однимъ этимъ актомъ своей гражданской правоспособности, а, напротивъ, дѣйствіе свободнаго соглашенія о взаимныхъ правахъ и обязанностяхъ напоминаетъ о ней.—Но помимо ограниченій, зависящихъ отъ собственной воли и формулируемыхъ въ международныхъ соглашеніяхъ (трактатахъ), могутъ быть другія отношенія, которыя вліяютъ отрицательно на международное самодержавіе и самостоятельность государства. Иногда, въ-силу извѣстнаго международнаго акта, одно государство отказывается отъ непосредствен-

Digitized by Google

наго права объявлять войну и вступать непосредственно въ договоры съ другими государствами. Здѣсь уже нельзя говорить о государствѣ полноправномъ; но тогда возникаетъ, какъ говоритъ Мозеръ, «полунезависимое государство»[1].

Послѣднее выраженіе представляется нѣсколько темнымъ: самостоятельность есть такое конкретное понятіе, которое по-видимому не допускаетъ никакихъ ограниченій, никакихъ половинъ; но на самомъ дѣлѣ полусамостоятельныя государства бывали въ исторіи и даже остались въ настоящее время, правда, въ нѣсколько измѣненномъ видѣ. Примѣрами могутъ служить: въ древніе вѣка — союзники аѳинской республики, римскіе союзники, или «populi liberi, ut majestatem populi Romani comiter servarent»; въ средніе вѣка — масса феодальныхъ государствъ, которыя, пользуясь внутреннею автономіею, въ политическомъ и военномъ отношеніяхъ были зависимы отъ сюзерена (германскіе князья, покуда они не сдѣлались ландес-геррами). Въ новѣйшія времена — въ началѣ XIX стол. — полунезависимость существовала въ государствахъ, основанныхъ Наполеономъ I-мъ: въ невшательскомъ княжествѣ, въ Луккѣ, въ Беневенто и др., въ рейнскомъ союзѣ, гдѣ право войны и дипломатическихъ сношеній было ограничено въ интересахъ французскаго императора. Въ германскомъ союзѣ послѣ вѣнскаго конгресса такимъ государствомъ было графство Книпгаузенъ, находившееся сначала въ подвассальной зависимости отъ германскаго императора, а потомъ по соглашеніямъ 1825—29 и 1864 гг. — отъ ольденбургскаго герцога. Въ такомъ-же положеніи относительно Турціи находятся Молдавія и Валахія, конституція которыхъ установлена на основаніи трактата 1856 г., декретовъ 1859—61 и 1866 гг.[2]. Далѣе, Сербія есть та часть Балканскаго полуострова, къ которой можетъ быть

[1] См. *Мозеръ*, Beiträge zum Völkerrecht in Friedenzeiten. I, 508.

[2] См. въ періодическихъ журналахъ и газетахъ 1875 года недавній споръ о правѣ румынскаго правительства заключать торговые трактаты съ европей-

Digitized by Google

приложено понятіе полунезависимости со времени адріанопольскаго трактата и гатти-шерифа 1829 г., хотя въ послѣднее время эта полунезависимость менѣе чѣмъ номинальна для наслѣдственнаго (съ 1858 г.) князя, особенно когда послѣ продолжительныхъ и тревожныхъ переговоровъ въ 1867 году порта вывела свои гарнизоны изъ сербскихъ городовъ и даже изъ Бѣлграда. Вообще прогрессъ въ политическомъ развитіи, въ просвѣщеніи и въ экономическомъ отношеніи, при коллективной гарантіи европейскихъ державъ съ 1856 г., дѣлаетъ Сербію de facto почти независимымъ государствомъ: она имѣетъ даже консуловъ отъ первоклассныхъ державъ, хотя все-таки сама нѣсколько стѣснена въ международныхъ своихъ отношеніяхъ.—Въ составѣ турецкой имперіи есть еще другія территоріи съ характеромъ полунезависимости: это—варварійскія владѣнія (Алжиръ, Тунисъ и Триполи), которыя, впрочемъ, теперь зависятъ отъ Турціи почти-что номинально, и едва-ли эта зависимость не есть только «трибутарная», т. е. податная, по выраженію Опенгейма (Впрочемъ для трактатовъ съ правительствами варварійскихъ государствъ нужна ратификація Турціи).—Египетъ также можетъ служить намъ примѣромъ полунезависимаго государства, находящагося однако въ болѣе опредѣленномъ положеніи къ Турціи, чѣмъ варварійскія государства. Впрочемъ до сихъ поръ еще правитель или хедивъ Египта не имѣетъ права вести самостоятельно войну, и египетскій отрядъ составляетъ контингентъ турецкаго войска[1]; но, однако, въ настоящее время никого бы не удивила война между Египтомъ и Турціею. Дѣйствительно, несомнѣнный экономическій прогрессъ возвысилъ Египетъ на-столько,

---

сими державами. Также дипломатическое столкновеніе по поводу возведенія королемъ Альфонсомъ принцу гогенцоллернскому о своемъ восшествіи на престолъ.

[1] См. ст. 6-ю особаго акта, приложеннаго къ конвенціи лондонской 15 іюля 1840 г. Здѣсь-же (ст. 5) опредѣляется, что всѣ трактаты и законы порты обязательны для Египта.

Digitized by Google

что онъ скоро можетъ стать центромъ тяжести для магометанской цивилизаціи,—и можно предсказать, что восточный вопросъ долженъ быть разрѣшаемъ совмѣстно на берегахъ Дуная и на берегахъ Нила. Какъ бы то ни было, но все-таки Египетъ de jure подчиненъ Турціи. Трактаты, заключенные Оттоманскою портою, обязательны и для Египта. Впрочемъ слабую зависимость отъ Великой порты—не только Египта, но даже варварійскихъ владѣній лучше всего можно доказать тѣмъ, что когда французы заняли Алжиръ, то сама Турція отнеслась къ этому весьма равнодушно.

Современная форма полунезависимости государствъ вытекаетъ иногда изъ такъ называемаго протектората, который въ свою очередь (какъ говоритъ Опенгеймъ) есть послѣдствіе аристократическаго характера современной международной системы, гдѣ великія политическія державы рѣшаютъ съобща судьбу многихъ государствъ. Рейнскій союзъ, гельветическій союзъ при Наполеонѣ, отношенія Великобританіи къ іоническимъ островамъ съ 1815 по 1864 г. (Англія до 1864 г. утверждала всѣхъ чиновниковъ на іоническихъ островахъ, а лордъ-президентъ вмѣшивался во всѣ дѣла ихъ), т. е. до времени уступки ихъ греческой коронѣ,—все это примѣры протектората[1].

Кромѣ подобной полунезависимости, могутъ существовать и другія отношенія, результатомъ которыхъ будетъ то или другое ограниченіе международнаго суверенитета; а именно: различнаго рода соединенія между государствами, и здѣсь прежде всего мы разсмотримъ случай совпаденія коронъ двухъ-трехъ государствъ на главѣ одного вѣнценосца,—unio personalis, и притомъ или личное соединеніе *случайное* и *временное*, съ особыми законами престолонаслѣдія, какъ это было до кончины Уильяма IV между Англіею и Ганновером, или же личное соединеніе *постоянное*,

[1] См. in extenso о протекторатѣ Англіи надъ іоническими островами, потерявшемъ теперь практическое значеніе, у *Филимора*, L. C. I, pp. 94—99.

Digitized by Google

съ общимъ закономъ престолонаслѣдія, какъ это установлено въ 1814 году для Швеціи и Норвегіи.

Примѣчаніе. Ср. *H. Grot.* (L. I. Ch. III, p. 205, перев. П. Фодерэ): «... Il peut arriver que le chef soit le même pour plusieurs peuples, qui. cependant, forment chacun en particulier une société parfaite. Il n'en est pas en effet, d'un corps moral comme d'un corps naturel: une seule tête ne peut servir à plusieurs corps humains, mais à l'égard des États, une seule personne considérée diversement peut être le chef de plusieurs corps distincts. Une preuve certaine de cette proposition peut se tirer de ce que, à l'extinction de la maison régnante, le pouvoir souverain fait retour à chaque peuple séparement» *(Victor.* «De jure belli», n° 7 etc.). Здѣсь изложена вся сущность ученія о личномъ соединеніи. Ваттель кратко воспроизводитъ его (см. Droit des gens, I. Chap. 1, § 9. De deux états soumis au même prince).— Ср. *Heffter*, § 20.— *Calvo*, § 34.— *Travers Twiss.* I, § 37—40. — *Phillimore*, § 76. Сличивъ мнѣнія вышеуказанныхъ новѣйшихъ авторовъ, нетрудно убѣдиться въ серіёзныхъ противорѣчіяхъ между ними по вопросу о различіи и сущности личныхъ и реальныхъ соединеній. Одни (Филлиморъ и Кальво, а также Прадье-Фодерэ, Уитонъ) признаютъ личнымъ соединеніемъ отношенія Швеціи къ Норвегіи; другіе (Геффтеръ) считаютъ его реальнымъ; третьи (Трэверсъ Твиссъ) отыскиваютъ совершенно особенную форму (федерацію подъ владычествомъ одной династіи) для отношеній Швеціи къ Норвегіи и т. д. Выйдти изъ этихъ затрудненій и противорѣчій не легко. Полагаемъ, что невозможно свести къ одному типу всѣ случаи личнаго соединенія, какъ дѣлаетъ это Трэверсъ Твиссъ; необходимо и здѣсь допустить оттѣнки и видоизмѣненія, какъ допускаютъ это всѣ авторы относительно реальныхъ соединеній.

Личное соединеніе постоянное не заключаетъ въ себѣ инкорпорированія одного государства съ другимъ: каждое государство, находящееся въ подобномъ соединеніи, сохраняетъ политическую, законодательную, административную и юридическую самобытность; но въ то-же время признаетъ надъ собою и надъ другимъ государствомъ одного короля; такъ, норвежскій парламентъ (стортингъ)

Digitized by Google

сопоставленъ возлѣ шведской конституціи. Результаты этого соединенія въ международномъ отношеніи слѣдующіе: Швеція и Норвегія представляются однимъ правительствомъ. Отъ Норвегіи, сохранившей свою конституцію, администрацію, національность, не могутъ быть назначаемы отдѣльные посланники; военныхъ отношеній, понятно, тоже не должно быть между этими двумя странами, потому что шведскій и норвежскій король есть представитель войска того и другого королевства. Между прочимъ въ исторіи были примѣры, что (части) государства, лично соединенныя, готовы были начать войну другъ противъ друга; такъ, мы видѣли уже въ исторіи международныхъ отношеній, что невшательское княжество, находившееся въ личномъ соединеніи съ прусскимъ королевскимъ домомъ, близко было къ войнѣ съ Пруссіею, и лишь дипломатическое вмѣшательство державъ помѣшало этому. Расторженіе временнаго личнаго соединенія ipso facto возстановляетъ самодержавіе того государства, которое состояло въ такомъ отношеніи къ другому.

Кромѣ unio personalis, могутъ быть еще и такія соединенія государствъ, при которыхъ союзъ идетъ гораздо дальше: оба государства сливаются въ одну международную силу, представителемъ которой служитъ единое правительство; но при реальномъ соединеніи совершается уже полнѣе самое внутреннее объединеніе; здѣсь происходитъ какъ-бы переходъ къ инкорпорированію одного государства съ другимъ, — независимо отъ случайнаго соединенія коронъ на головѣ одного и того-же вѣнценосца. Впрочемъ unio realis, которое предполагаетъ не одну лишь временную или династическую связь, не исключаетъ возможности различій въ конституціи, администраціи и въ юридическомъ быту составныхъ частей; только части эти уже безусловно теряютъ всякую возможность вести войну и сноситься дипломатически. Примѣромъ такого соединенія можетъ служить австрійская имперія даже въ настоящемъ ея видѣ.

Digitized by Google

Наконецъ, къ реальнымъ соединеніямъ sensu strictissimo подходятъ присоединенія путемъ инкорпорированія въ родѣ, напримѣръ, такихъ случаевъ, какъ присоединеніе Шотландіи къ Англіи въ началѣ XVIII ст. Что касается до способовъ инкорпорированія одного государства съ другимъ, то они различны по времени: прежде такими способами были договоры, сдѣлки между государями, соглашенія путемъ конференцій и конгрессовъ безъ запроса населенія, а въ послѣднее время требуется suffrage universel жителей; такъ, Савоія инкорпорировалась съ Франціею посредствомъ голосованія. — Когда отдѣльныя самостоятельныя государства соединяются по договору, то возникаютъ два различныхъ вида федерацій: 1) система союзныхъ государствъ — Staatenbund и 2) союзное государство — Bundesstaat. Въ первомъ случаѣ мы будемъ имѣть такой видъ соединенныхъ государствъ, который немногимъ отличается отъ обыкновеннаго союза — alliance [1]; здѣсь сохраняется законодательная, административная, финансовая и даже, съ небольшими ограниченіями, международная автономія въ каждомъ изъ союзныхъ государствъ, и рѣшенія союзнаго сейма обязательны путемъ соглашенія лишь для союзныхъ правительствъ, но не для подданныхъ ихъ непосредственно. Если же общее и центральное правительство, установленное союзнымъ договоромъ, имѣетъ такую точно опредѣленную власть, что дѣйствуетъ непосредственно и независимо и на подданныхъ каждой отдѣльной части, то является уже Bundesstaat, или союзное государство. Итакъ, отличительною чертою въ этихъ двухъ видахъ федерацій будетъ то, что въ союзѣ государствъ (Staaten-Bund) нѣтъ центральной исполнитель-

[1] См. у *Гроція* (L. I. Ch. III, § VII. Seit. 2), въ переводѣ Прадье Фодерэ, такое опредѣленіе сущности союза государствъ (Staatenbund): «Il peut arriver encore que plusieurs États soient liés entre eux par une alliance très-étroite, qu'ils forment une sorte de système... et que cependant chacun séparément ne cesse pas de conserver sa situation d'État parfaite etc.

Digitized by Google

ной власти, которая могла бы непосредственно дѣйствовать внутри союза на подданныхъ отдѣльныхъ государствъ или штатовъ, а въ союзныхъ государствахъ (Bundesstaat) всегда есть такая власть, которая можетъ прямо вліять въ извѣстныхъ, конституціею опредѣленныхъ случаяхъ на подданныхъ каждаго отдѣльнаго штата, или государства. Отсюда понятно, почему члены союза государствъ — Staatenbund'a могутъ вступать въ особыя частныя сношенія съ третьимъ государствомъ, а въ Bundesstaat'ѣ не могутъ [1]. Типомъ союза государствъ Staatenbund служитъ германскій союзъ по вѣнскому конгрессу 1815 г. 8 іюня и дополн. 1820 г. (Acte finale). Образцемъ же союзнаго государства представляются сѣверо-американскіе Соединенные штаты послѣ международнаго признанія ихъ независимости по парижскому миру 1783 г. и послѣ обнародованія въ 1788 г. конституціи штатовъ, составленной въ маѣ 1787 г. Крѣпкая федерація сѣверо-американскихъ штатовъ послужила примѣромъ и для мексиканской, аргентинской и др. южно-американскихъ республикъ; но по многимъ причинамъ здѣсь федеративное государство далеко не дошло до тѣхъ результатовъ, которые оказываются на почвѣ сѣверо-американскихъ Соединенныхъ штатовъ.

Вліяніе гражданскихъ войнъ на самостоятельность и тождество государствъ.

§ 18. Выше было дано понятіе о самостоятельности государствъ, какъ такомъ положеніи политическихъ союзовъ, при которомъ они не повинуются ни чьей власти, кромѣ собственной, и, дѣйствуя автономически, поддерживаются своими подданными, а не иноземною силою. Разсмотримъ теперь слѣдующіе вопросы: *какое вліяніе имѣютъ гражданскія войны на самостоятель-*

[1] См. Art. I, Sect. X. Сѣв.-Ам. конституція 1787 г. Содержаніе in extenso: *Calvo*, § 48.—*Phillimore*, I, §§ 118—120.

Digitized by Google

мость и тождество государствъ? Гибнетъ ли государство въ гражданской войнѣ, или же сохраняется тождество государствъ? Слѣдуетъ ли признать, что государство, гдѣ происходитъ гражданская война, дѣлится сейчасъ-же на два отдѣльныхъ государства со всѣми вытекающими отсюда послѣдствіями? Можно ли иностраннымъ правительствамъ становиться на-сторонѣ одной изъ воюющихъ сторонъ въ гражданской войнѣ? И, наконецъ, когда можно признать за инсургентами право воюющей стороны?

Гуго Гроцій говоритъ, что нація, сдѣлавшаяся жертвой гражданской войны, должна быть разсматриваема, по прошествіи извѣстнаго времени, какъ-бы раздвоенною. Ваттель, не вѣрно понимая эту мысль Гроція, прибавляетъ, что «другія націи властны оказывать, по своему усмотрѣнію, пособіе даже инсургентамъ, даже возмутившейся провинціи»; но въ то-же время онъ сознается, что на практикѣ примѣненіе такого правила не удобно и опасно для политики [1]. Сѣверо-американскій дипломатъ Уитонъ въ наше время дословно повторяетъ ученіе Ваттеля съ слѣдующею добавкою: «какъ-только постороннее государство станетъ на-сторону инсургентовъ, то дѣлается eo ipso ихъ союзникомъ и принимаетъ на себя всѣ права, обязательства и послѣдствія войны». Есть однако и такіе публицисты, которые не соглашаются съ подобными доктринами. Такъ, Пинейро-Ферейра говоритъ, что «ученіе Ваттеля противорѣчитъ тѣмъ принципамъ, которые онъ самъ-же ставитъ въ своей системѣ международнаго права, и что этою доктриною Ваттель поддерживаетъ вмѣшательство одного государства во внутреннія дѣла другого». Галлекъ еще

[1] Ср. *Hug. Grotii*, Livre 2. Chap. 18 § 2. — *Vattel*, Liv. 2. Chap. IV. § 56. «Comment il est permis d'entrer dans la querelle d'un souverain avec son peuple» (pp. 314—316). Ограниченіе общаго правила у Ваттеля выражено такъ: «Mais on ne doit point abuser de cette maxime pour autoriser d'odieuses manœuvres contre la trainquillité des États» etc. — *Wheaton*, Elements etc. I. Ch 2. § 4. — *Halleck*, § 20. — *Bluntschli*, Das Mod. V.-R. § 24. — *Kent*, International law. pp. 92, 93 etc.

Digitized by Google

энергичнѣе въ своемъ опроверженіи: «Ваттель противорѣчитъ самому себѣ, своимъ воззрѣніямъ на вмѣшательство одного государства въ дѣла другого: допустить ученія Ваттеля о гражданской войнѣ и о ея международныхъ послѣдствіяхъ значило бы уничтожить всякія преграды постороннему вмѣшательству, значило бы уничтожить идею о самостоятельности государствъ»... «Инсургенты, продолжаетъ Галлекъ, могутъ пользоваться правами войны, могутъ блокировать порты, осаждать крѣпости; но иностранныя государства должны оставаться нейтральными. Каждую сторону въ гражданской войнѣ никакъ нельзя признать отдѣльнымъ государствомъ, а, слѣдовательно, нѣтъ основаній для иностранныхъ государствъ вмѣшиваться въ подобную войну и принимать на себя, какъ говоритъ Уитонъ, «всѣ права и обязанности воюющей стороны».

И такъ, на основаніи мнѣній современныхъ публицистовъ, ни возстаніе провинцій или колоній, ни гражданская война не уничтожаютъ самостоятельности и тождества государства или метрополіи, гдѣ произошло возстаніе, и помощь инсургентамъ есть открыто-враждебное дѣйствіе; пока длится гражданская война, посторонней державѣ лучше оставаться нейтральною, и только смотря по обстоятельствамъ признать, если нужно, за борющимися тѣ или другія права. «Въ чемъ состоятъ обязанности нейтральныхъ націй въ случаѣ войны между двумя частями или партіями въ государствѣ?» — спрашиваетъ Кентъ [1]. «Постоянною практикою въ Европѣ и въ сѣверо-американскихъ штатахъ было: *считать состояніе воюющихъ за фактъ, но не за принципъ*, соглашаясь съ Каннингомъ, что извѣстная степень силы и устойчивости въ борющейся части народа дастъ ей основаніе быть поставленною въ положеніе воюющей стороны» и проч. Само собою разумѣется, что пока

[1] Intern. law. 1866. 105.

Digitized by Google

идетъ открытая борьба, не можетъ быть и рѣчи объ обязанности (даже нравственной) со стороны нейтральныхъ державъ признавать инсургентовъ воюющею стороною. Но когда же — спрашивается — можно сдѣлать это? Когда дозволяется признать инсургентовъ законнымъ врагомъ, воюющею стороною? Опредѣленнаго начала, даже точнаго правила здѣсь нѣтъ, хотя этотъ вопросъ весьма важенъ, что доказывается между прочимъ долгою перепискою Адамса (Adams) съ лордомъ Д.-Росселемъ, въ которой Адамсъ выразилъ слѣдующія мысли, по поводу признанія англійскими и французскими правительствами американскихъ южанъ воюющею стороною въ борьбѣ 1861 — 64 гг.: 1) признаніе южанъ французскими и англійскими правительствами воюющею стороною, при данныхъ обстоятельствахъ дѣла, есть фактъ безпримѣрный; 2) при вспышкѣ возстанія противъ законнаго правительства, иностранныя государства обязаны воздерживаться отъ всякихъ дѣйствій, которыя могутъ усилить пожаръ внутри государства, и 3) только по прошествіи извѣстнаго времени, когда гражданская война затянется на-долго, — можно оправдать признаніе инсургентовъ воюющею стороною, и то лишь въ видахъ дѣйствительныхъ, а не мнимыхъ выгодъ и торговыхъ интересовъ иностранныхъ государствъ. Съ этою теоріею соглашается и лордъ Джонъ-Россель[1]. — И такъ, уже одна переписка двухъ государственныхъ людей Англіи и Америки даетъ возможность обосновать такой выводъ относительно мотивовъ признанія инсургентовъ воюющею стороною: единственнымъ, сколько-нибудь разумнымъ мотивомъ здѣсь будетъ то, что долговременная борьба затрогиваетъ, даже уничтожаетъ существенные интересы иностранныхъ государствъ. Но однако въ такомъ дѣлѣ должна быть соблюдаема великая осторожность, и достойна осужденія та необдуманность и поспѣшность, съ какою правительства

[1] *Calvo*, 176, 177.

Digitized by Google

Англіи и Франціи признали южанъ воюющею стороною. Волненія гражданской войны не могутъ быть сами по себѣ достаточною причиною уничтоженія единства, тождества и самостоятельности извѣстнаго государства. Отсюда: поспѣшное признаніе одной изъ воюющихъ сторонъ въ гражданской войнѣ—инсургентовъ—независимымъ государствомъ и даже скорое и безъ особенно-важныхъ и основательныхъ причинъ признаніе ихъ воюющею стороною противны интересамъ международнаго права и должны быть отвергнуты практикою.

Теперь спрашивается: что же дѣлать, если гражданская война затянется и приведетъ de facto къ отдѣленію провинцій или колоній? И если отторгнувшаяся часть дала себѣ извѣстное устройство, то можетъ ли этотъ фактъ быть признанъ достаточнымъ основаніемъ для признанія отдѣлившейся части, хотя бы метрополія или вообще то государство, отъ котораго произошло отдѣленіе, медлило своимъ признаніемъ? На эти вопросы можно дать слѣдующій отвѣтъ: не дожидаясь признанія новаго государства со стороны прежняго правительства, что, конечно, имѣетъ большее значеніе, чѣмъ подобный же актъ отъ державъ постороннихъ, иностранныя державы властны признать независимость отдѣлившейся части и вступать съ нею не только въ торговыя, но и въ дипломатическія сношенія.... «Фактическое обладаніе самостоятельностію принимается за обладаніе ею de jure, говоритъ англійскій публицистъ Уильдманъ: мало такихъ правительствъ, которыя бы опирались на избирательное начало и на всеобщее голосованіе (suffrage universel) народа; большая часть ихъ возникла при борьбѣ партій и насиліемъ. Въ международныхъ сношеніяхъ и сдѣлкахъ достаточно одного possessio. Иначе пришлось бы пускаться въ розыски о происхожденіи различныхъ державствъ и удостовѣряться въ томъ: основаны ли они на справедливыхъ, или же на беззаконныхъ титулахъ? Но подобное разслѣдованіе не повело бы ни къ какимъ добрымъ результатамъ и только бы

Digitized by Google

вѣчно волновало спокойную жизнь націй»[1].—Посмотримъ теперь, можно ли подкрѣпить историческими примѣрами вступленіе иностранныхъ государствъ въ торговыя и международныя сношенія съ новою державою, не дожидаясь ея признанія прежнимъ правительствомъ? Здѣсь мы вспомнимъ политику европейскихъ государствъ съ одной стороны, Испаніи съ другой — относительно штатовъ Голландіи: въ продолженіе 60 лѣтъ Испанія игнорировала голландскую республику, между-тѣмъ-какъ вся Европа вступила съ нею въ дипломатическія сношенія. Точно такъ-же Испанія не признавала въ продолженіе половины столѣтія, до лиссабонскаго трактата 1688 г., Португалію самостоятельнымъ государствомъ, а Англія сейчасъ-же послѣ отторженія ея вступила съ нею въ дипломатическія сношенія. Но за-то сама Англія не хотѣла признать французскую республику 1789 г., точно въ отплату того, что когда-то Франція не признала англійской республики Кромвеля. Бельгія тоже не была признаваема за самостоятельное государство голландскимъ правительствомъ въ продолженіе 10 лѣтъ до лондонской конференціи и до трактата въ 1839 году. Южно-американскія колоніи были признаны независимыми отъ Испаніи, и такое признаніе со стороны Англіи и сѣверо-американскихъ штатовъ оправдывалось доводами, что «борьба была упорна и продолжительна, что цѣлый океанъ

[1] *Wildman*, International law. I. P. 57. Общее положеніе у Уильдмана сходно съ тѣмъ, что изложено выше, а именно: «Where a republic is divided by civil war, neither party can be taken to represent the state, unless the sovereign authority continue unaltered». За-тѣмъ слѣдуетъ замѣчаніе, въ-видѣ ограниченія, помѣщенное нами въ текстѣ.—*Bluntschli*, Das m. V.-R. § 28, высказываетъ: «Das Völkerrecht erkennt die *dauerhaften* Ergebnisse der Weltgeschichte als rechtsbeständig an». Значитъ, и по мнѣнію этого публициста, дѣло здѣсь сводится къ волѣ и усмотрѣнію каждаго отдѣльнаго государства, подъ условіемъ потребностей международнаго общенія и при строгомъ соображеніи всѣхъ особенностей даннаго случая и собственныхъ своихъ правъ, обязанностей, выгодъ и опасностей. Мысль Каннинга вѣрна и здѣсь, какъ въ вопросѣ о признаніи инсургентовъ воюющею стороною.

Digitized by Google

раздѣляетъ колоніи отъ метрополіи, и что вообще для Испаніи не предвидится никакой возможности продолжать войну съ успѣхомъ». Защищая это признаніе, англійскій министръ Каннингъ (Canning) говоритъ: «всѣ государства несутъ извѣстныя обязанности и по нимъ подлежатъ отвѣтственности, если съ этими обязанностями связаны международные интересы. Но метрополія не отвѣчаетъ за такія дѣйствія своихъ колоній, которыхъ она не можетъ предотвратить или предвидѣть. Признать въ подобныхъ случаяхъ отвѣтственность нелѣпо. Слѣдуетъ ли отсюда, чтобъ жители странъ, de facto независимыхъ, не отвѣчали самостоятельно за свои дѣйствія предъ иностранными правительствами? Нужно ли считать такихъ жителей бандитами или пиратами? Первое изъ этихъ двухъ предположеній нелѣпо; второе чудовищно. Ни того, ни другого нельзя прилагать, въ теченіе неопредѣленнаго времени, къ значительной части человѣческаго рода. Остается такимъ образомъ одно средство: признать вновь образовавшіяся государства, распространивъ на нихъ сферу тѣхъ правъ и обязанностей, которыя взаимно чтутъ и осуществляютъ образованные народы».

Вотъ нѣкоторыя правила (если не начала, такъ-какъ они не имѣютъ абсолютной силы) для вновь образовавшихся государствъ: 1) актъ признанія есть дѣло политической мудрости каждаго правительства, тѣмъ болѣе, что лишь одно правительство властно и способно совершить актъ признанія: не только граждане, но и подчиненные органы управленія одного государства не имѣютъ и не должны имѣть на то никакого права. Встрѣчаются у новѣйшихъ публицистовъ и такія мнѣнія, что актъ признанія *свободенъ*, но не *безгранично-произволенъ*, такъ-какъ международное единеніе есть необходимый законъ для всѣхъ существующихъ государствъ. 2) Возникновеніе государства и его существованіе должны стоять внѣ воли не только одного посторонняго государства, но и цѣлаго союза такихъ государствъ. Здѣсь невольно прихо-

Digitized by Google

дить на-мысль нота Наполеона 1-го по поводу упорныхъ отказовъ европейскихъ государствъ признать французскую республику, относительно которой онъ говоритъ, что «эта республика на столько-же нуждается въ признаніи, сколько нуждается въ томъ солнце». 3) Международное право относится совершенно индифферентно къ формамъ и способамъ возникновенія государствъ: уже одно существованіе государства предполагаетъ и даже окончательно рѣшаетъ права его на самостоятельность, самодержавіе; однимъ словомъ, сюда былъ бы приложимъ принципъ: «L'existence vaut titre», похожій на извѣстное начало гражданскаго права: «Possession vaut titre». Слѣдовательно, фактъ признанія одного государства другими не есть надѣленіе правами, не есть необходимое условіе для существованія его, а просто вводъ одного государства въ систему другихъ державъ; это есть форма заявленія существующихъ уже государствъ, что новый членъ можетъ осуществлять права и выполнять обязанности, которыя ему принадлежатъ, какъ одной изъ живыхъ частей международнаго организма. 4) Наконецъ, до внутреннихъ вопросовъ новаго государства, до вопросовъ конституціи нѣтъ и не можетъ быть никому никакого дѣла. Выше уже было замѣчено, что форма правленія есть фактъ, не входящій въ интересы постороннихъ государствъ; слѣдовательно, будетъ ли новое государство имѣть форму федеративнаго государства, будетъ ли то конституціонная монархія, построенная на suffrage universel, или опирающаяся на господство привилегированнаго класса и т. д., — международная система должна признать его субъектомъ правъ и обязанностей, необходимыхъ для *commercium juris*, для установленія правовыхъ отношеній съ прочими членами той-же системы.

Что же касается до формъ и способовъ признанія, то они различны: признаніе это можетъ быть, во 1-хъ, открытымъ, когда государства чрезъ своихъ дипломатовъ, въ извѣстныхъ ак-

Digitized by Google

тахъ, съ извѣстными церемоніями, признаютъ вновь образовавшееся государство. Но нѣтъ необходимости въ открытыхъ признаніяхъ, такъ-какъ можетъ быть еще и косвенное признаніе, — tacite. Правда, для подразумѣваемаго признанія еще не достаточно того, чтобы подданные одного правительства вступили въ торговыя сношенія съ новымъ государствомъ; но достаточно будетъ, если какая-нибудь держава вступитъ въ дипломатическія сношенія съ новымъ государствомъ, или если будутъ утверждены консулы отъ этого государства. Равносильнымъ признанію будетъ объявленіе войны этому новому государству, такъ-какъ съ инсургентами и съ пиратами не ведется правильной войны именно потому, что они стоятъ внѣ международнаго права.

Какими же способами прекращается самостоятельность государствъ? Способы прекращенія государствъ на-столько же разнообразны, какъ и способы возникновенія ихъ: одно государство можетъ быть завоевано, инкорпорировано, поглощено другимъ; одно можетъ слиться съ другимъ или въ формѣ союза государствъ или въ формѣ союзнаго государства. Но никакимъ образомъ не измѣняется и не теряется ни самостоятельность, ни тожество государства отъ измѣненія его формы правленія: какова бы ни была послѣдняя, государство все-таки остается тождественнымъ самому себѣ, какъ юридическое лице, какъ союзъ людей, живущихъ на одной территоріи и повинующихся одному правительству [1]. Отсюда можно уже предусмотрѣть начало для разрѣшенія вопросовъ о томъ, какое дѣйствіе оказываютъ перемѣны династій и конституціи на международныя отношенія,

[1] Положеніе это очень ясно и сильно выражено у Гроція во 2-й кн., 9-й главѣ, § VIII: «мало нужды до того, какъ именно нація управляется — монархіею, аристократіею или массою народною. Единымъ и тождественнымъ остается римскій народъ и при царяхъ, и при консулахъ, и при императорахъ..... Верховная власть, пребывающая въ рукахъ у правителя, какъ у главы, живетъ въ народѣ, какъ въ цѣломъ тѣлѣ, частью котораго является голова».

Digitized by Google

на трактаты, договоры даннаго государства съ другими, на имущественныя отношенія его и т. д., какое вліяніе производитъ перемѣна формы правленія, напр., на долги государства и т. п., и что будетъ съ этими долгами и обязательствами, если государство раздробится на нѣсколько государствъ или вступитъ въ союзъ съ другими по началамъ Staatenbund или Bundesstaat? Относительно этихъ вопросовъ существуютъ различныя мнѣнія. Между послѣдними неправильно мнѣніе Кальво, который полагаетъ, что здѣсь все зависитъ отъ обстоятельствъ, отъ сущности трактатовъ, отъ характера соглашеній и т. д. Конечно, нельзя отрицать значенія въ особенностяхъ отдѣльныхъ трактатовъ; но однако и не слѣдуетъ принимать безусловно доктрину Кальво, потому-что тогда прійдется отказаться отъ тожества государства и отъ важнаго, въ интересѣ международнаго права, начала, что права и обязанности не умираютъ, а переходятъ преемственно. По многимъ основательнымъ причинамъ, successio juris приложимо какъ для частныхъ, такъ и для государственныхъ отношеній. Противъ мнѣнія Кальво говоритъ сама практика: кредитъ государства, какъ и частнаго лица, зависитъ отъ честнаго выполненія тѣхъ или другихъ обязательствъ, — и такое государство, которое откажется отъ ихъ выполненія, нанесетъ себѣ существенный вредъ.

По всѣмъ этимъ соображеніямъ, можно скорѣе склониться къ правилу, которое, допуская, при измѣненіи конституціи, при новой династіи, тождество государства, требуетъ преемства въ правахъ и обязанностяхъ. Слѣдовательно, торговые трактаты и иные реальные договоры одного правительства обязательны и для другого [1]. То-же самое нужно сказать и относительно долговъ,

[1] Ср. *Ваттель*, Droit des gens, II, Chap. XII, XIV, гдѣ весьма хорошо развиты начала, высказанныя Гроціемъ. *Бенкерсгукъ*, Quaestiones juris publici. L. II, CX. «Договоры между частными лицами охраняетъ законъ гражданскій, но договоры между государями — одна честность и вѣрность данному слову. Если уничтожить добросовѣстность и довѣріе, то уничтожается всякое между-

Digitized by Google

государственныхъ доменовъ и. т. д. — Но коль-скоро это такъ, то слѣдуетъ допустить отвѣтственность новаго правительства и за тѣ дѣйствія, за которыя отвѣчало бы прежнее правительство, если только, измѣнивъ свою форму правленія, государство хочетъ остаться государствомъ. И даже во внутреннихъ государственныхъ дѣлахъ признается эта отвѣтственность. Здѣсь можно напомнить дѣло о вознагражденіи французскимъ правительствомъ за имущества, конфискованныя у эмигрантовъ и проданныя третьимъ лицамъ. Послѣ продажи прошло много лѣтъ, владѣльцы, пріобрѣтшіе эти имущества, имѣли уже, можетъ быть, и другую генерацію; но произошла реставрація, и стали входить къ французскому правительству требованія о томъ, чтобы всѣ революціонныя отчужденія были кассированы и чтобы произошло, такъ сказать, in integrum restitutio прежнихъ владѣльцевъ. Естественно — разумнымъ рѣшеніемъ для французскаго правительства по этому дѣлу было бы: признать отчужденія за фактъ совершившійся; но въ то-же время вознаградить прежнихъ хозяевъ имуществъ, владѣвшихъ ими до революціи.

Теперь спрашивается: если есть на извѣстной отторгнувшейся части государства долги, то слѣдуетъ ли вновь установившемуся правительству платить ихъ? Отвѣтъ здѣсь долженъ быть положительный; но за-тѣмъ, съ своей стороны, правительство можетъ искать отъ 3-й державы уплаты долговъ, полученіе которыхъ приходилось на долю территоріи или провинціи, образовавшей изъ себя отдѣльное государство [1]. Въ свою очередь, Кальво [2] говоритъ: «Между европейскими націями, вопросъ о государственныхъ долгахъ, въ случаѣ политическихъ перемѣнъ, почти всегда рѣшался трактатами и по тому принципу, что для новаго

народное общеніе, опирающееся на договоры, рушится и самое международное право и проч.

[1] Ср. *Галлекъ.* III, § 26.

[2] *Кальво,* § 85.—186, 187.

Digitized by Google

государства обязательно принять на себя часть долга, сдѣланнаго прежнимъ правительствомъ, сообразно цифрѣ своего населенія или же по стоимости залога и заклада, оставшихся у него въ рукахъ. Достаточно сослаться на трактаты о территоріальныхъ присоединеніяхъ 1815 г., — на трактатъ 1839 г. касательно отдѣленія Бельгіи отъ Голландіи, — на цюрихскій трактатъ 1859 г., соединившій съ уступкою Ломбардіи ликвидацію австро-ломбардскаго долга, — на трактатъ 1866 г. объ уступкѣ Венеціи и на цѣлый рядъ актовъ, по которымъ, послѣ пражскаго мира, присоединены были къ Пруссіи различныя государства германскія».

Если одно государство раздѣлится на два, то долги[1] должны быть разложены пропорціонально на обѣ части, такъ-какъ одна половина не можетъ принять на себя весь долгъ, а другая устраниться отъ всякаго обязательства. Если, далѣе, государство вступитъ въ федеральный союзъ съ другими государствами; то и здѣсь не прекращаются — ни обязательство платить долги, заключенное прежнимъ правительствомъ, ни право на требованіе уплаты долговъ въ свою пользу. Такое правило вполнѣ отвѣчаетъ началу справедливости и взаимному довѣрію между государствами и націями. Но слѣдуетъ замѣтить, что на обязанность платить долги, какъ и на право получать ихъ вліяетъ форма федеративнаго соединенія: гдѣ Staatenbund, — тамъ является долевое обязательство для правительствъ каждаго отдѣльнаго члена федераціи; гдѣ Bundesstaat, — тамъ нѣтъ ни долеваго, ни корреальнаго обязательства для отдѣльныхъ частей федеративнаго государства, а есть только одно *обязательство*

[1] См. *Г. Гроцій*, II, 9, § 10, гдѣ положенъ фундаментъ всему позднѣйшему ученію, высказанному между прочимъ у канцлера *Кента* (Comment. I, p. 25, 26), у *Стдри*, въ различныхъ рѣшеніяхъ, которыя перечислены у *Филлимора*, Comment. I, P. 158. *Гефстеръ*, § 25, гдѣ указывается также — каково вліяніе отъ прекращенія и раздробленія государства на частныя правоотношенія, долги и обязательства. *Блюнчли*, § 59.

Digitized by Google

для общаго союзнаго правительства. Таково правило, которое логически выводится изъ общихъ, теоретически поставленныхъ положеній. Но, само собою разумѣется, государства, соединяющіяся въ федерацію, властны дать иное рѣшеніе вопросу о долгахъ и примѣнить долевую отвѣтственность даже къ членамъ Bundesstaat'a, т. е. союзнаго государства.

Основныя права государствъ какъ членовъ международнаго союза.

§ 19. Теперь разсмотримъ главнымъ образомъ основныя права государствъ. Всѣ почти писатели по международному праву принимаютъ двѣ группы правъ государствъ: 1) права основныя или абсолютныя (первоначальныя — по Кальво, общія — по Геффтеру, абсолютныя — по Галлеку), мы ихъ назовемъ — основными, и 2) относительныя, условныя или гипотетическія. Подъ первыми разумѣются права, которыя необходимы для государства, т. е. безъ которыхъ оно не можетъ существовать, какъ членъ международнаго союза. Вторыя же суть права, вытекающія изъ особенныхъ, даже случайныхъ обстоятельствъ и не составляющія conditio sine qua non для существованія государства. — Въ первой категоріи правъ нужно различать слѣдующіе виды: 1) у каждаго государства есть право на самобытное существованіе, на независимую дѣятельность въ своей территоріи безъ всякаго посторонняго контроля и вмѣшательства; 2) каждое государство имѣетъ право на самоохраненіе, и 3) каждое государство имѣетъ право полнаго равенства по отношенію къ другимъ (droit d'égalité des états). Разсмотримъ каждый изъ этихъ видовъ.

Право на независимое существованіе въ предѣлахъ своей территоріи естественно и логически вытекаетъ изъ природы государства, какъ члена международнаго союза; самый фактъ самодержавія влечетъ эту независимость; иначе государство не

Digitized by Google

можетъ идти къ своимъ цѣлямъ, подобно тому, какъ не можетъ этого и частный гражданинъ, если не опредѣлена и необезпечена сфера его правъ и обязанностей. Другими словами: безъ права на независимость территоріи и на неприкосновенность ея, не можетъ быть и рѣчи объ участіи государства въ международномъ общеніи. Полнотѣ права государства на независимость и неприкосновенность территоріи ставится предѣломъ лишь такая-же независимость другихъ государствъ, какъ членовъ международнаго союза.

Изъ началъ, на которыя только-что указано, вытекаютъ слѣдующія серьезныя послѣдствія: каждое государство имѣетъ право установлять, перемѣнять и отмѣнять форму своего государственнаго устройства, т. е. переходить отъ монархическаго правленія къ республиканскому, деспотическому и т. д., до тѣхъ поръ — можемъ мы прибавить вслѣдъ за многими писателями и публицистами — пока переходъ изъ одной формы въ другую не повліяетъ необходимо, неизбѣжно и непосредственно на независимость, свободу и безопасность другихъ государствъ. То-же самое можно сказать и о правѣ государства выбирать себѣ того или другого правителя. И здѣсь учредительная власть націи (pouvoir constituant) находитъ себѣ предѣлы лишь въ томъ, чтобы изъ осуществленія ея не вытекало немедленной, неизбѣжной и неотразимой опасности для другихъ государствъ. Слѣдовательно, при измѣненіяхъ, совершаемыхъ государствомъ въ формѣ правленія, въ выборѣ правителей, нѣтъ основанія вмѣшиваться другимъ государствамъ, хотя бы даже была отдаленная опасность для нихъ, такъ-какъ лишь немедленная, неизбѣжная и неотразимая опасность для международныхъ интересовъ принимается здѣсь въ соображеніе[1].

И такъ, по-видимому современная теорія международнаго права не можетъ выставлять въ качествѣ общаго и абсолютнаго

[1] Ср. *Bluntschli*, Das moderne V.-R. §§ 471, 472.

Digitized by Google

правила то, что по справедливому замѣчанію Кента принималось за аксіому у грековъ, римлянъ и даже позже, а именно будто одни государства могутъ и должны вмѣшиваться въ дѣла внутренней политики другихъ [1]. Но ни въ теоріи, ни на практикѣ вопросъ этотъ не имѣетъ желанной простоты и ясности. «Никогда и ни одинъ вопросъ международнаго права не былъ изучаемъ, обсуждаемъ и рѣшаемъ со столь различныхъ точекъ зрѣнія, какъ вопросъ о вмѣшательствѣ, говоритъ италіянскій публицистъ Карнацца Амàри [2]. И что особенно тяжело, это — отсутствіе яснаго, опредѣленнаго и однообразнаго принципа, не смотря на измышленія философовъ и оживленныя пренія дипломатовъ, — принципа, который бы далъ народамъ абсолютное и положительное правило, способное осуществиться въ данный моментъ». — Чтобы показать это, возьмемъ примѣромъ слѣдующее мѣсто изъ сочиненія Кальво: «государство, свободное и самостоятельное, имѣетъ право безпрепятственно увеличивать свое населеніе, свои богатства, территорію, армію и флотъ, однако-же обладаніе такимъ правомъ подчиняется уваженію и осуществленію тѣхъ правъ, которыя принадлежатъ другимъ государствамъ» [3]. Въ этомъ «однако-же» есть ограниченіе, и ограниченіе, выраженное неясно. Далѣе, самое право — измѣнять форму правленія, выбирать себѣ правителей — принадлежитъ государству съ оговоркою — «если нѣтъ отъ этого опасности» (правда, болѣе ясно обозначенной, т. е. неизбѣжной); но опредѣленіе того, что составляетъ «немедленную» и «неотразимую» опасность отъ извѣстнаго факта, зависитъ отъ произвола заинтересованной стороны. И здѣсь видна великая шаткость общаго правила. Несомнѣнно, что даже въ теоріи, со включеніемъ со-

[1] Ср. *Kent*, Commentaries on Americ. law. I 21—48. *Phillimore*, I. §§ 389, 390 et cet.

[2] Проф. въ катанскомъ университетѣ, см. Revue de droit intern. III. 1872.

[3] Ср. американскаго писателя *Kent* — Commentaries (1866. Cambridge), pp. 88, 89, гдѣ почти до-словно выражается то-же самое положеніе.

Digitized by Google

временныхъ италіянскихъ публицистовъ, по-видимому отвергающихъ вмѣшательство, правило о томъ, что не должно быть вмѣшательства, подвергается исключеніямъ, — и что бываютъ иногда основанія для интервенціи. И такъ, если въ теоріи трудно поставить какія-нибудь опредѣленныя начала; то на практикѣ это еще труднѣе. Думаемъ однако-же, что была масса примѣровъ, и есть немало юридическихъ и нравственныхъ основаній, заставляющихъ склоняться на-сторону принципа невмѣшательства. Лишь немногіе случаи были таковы, когда можно было не только объяснить, но и оправдать открытое участіе въ войнѣ, оставивъ прежнее нейтральное положеніе, но безъ маски подъ формою вмѣшательства (наприм. возстаніе Греціи противъ Турціи). По той долговременности, съ какою тянулась эта борьба, при подавляющемъ неравенствѣ силъ, нельзя было христіанскимъ государствамъ оставаться равнодушными къ страданіямъ Греціи, заливаемой кровью подъ ударами Ибрагима-паши. Здѣсь дѣйствовали съ полною силою гуманныя, религіозныя соображенія и цѣли политическія; но съ легальной стороны вмѣшательство въ дѣла Греціи вызывало противъ себя серіёзныя возраженія. Турція ловко воспользовалась ими, опираясь на доктрину Кастльре и другихъ государственныхъ людей Англіи, въ своей извѣстной нотѣ 9 іюня 1827 года, отвѣтомъ на которую служило дѣло наваринское.

Не чего говорить о томъ, гдѣ можетъ находиться наше личное сочувствіе въ данномъ вопросѣ о Греціи. Но во всякомъ случаѣ, рѣшая общій вопросъ, нужно помнить, что вмѣшиваться значитъ вступаться во внутреннія политическія дѣла государства, и что вмѣшательство, во 1-хъ, вызываетъ войну съ неизвѣстными послѣдствіями, а во 2-хъ, непремѣнно предполагаетъ употребленіе такой силы, которая могла бы дать перевѣсъ волѣ иностраннаго правительства надъ законнымъ въ чужой территоріи. Такимъ путемъ самостоятельность одного государства

Digitized by Google

подавляется властію другого, и вмѣшавшійся чужеземецъ рѣшаетъ судьбу націи. — Вотъ почему практика требуетъ великой осторожности при всѣхъ случаяхъ, когда поднимается вопросъ о вмѣшательствѣ. Въ 1863 г., въ англійскихъ газетахъ печатался рядъ писемъ «Историка», изданныхъ особымъ изданіемъ [1]. Псевдонимъ — « Historicus » приписывали сначала автору капитальнаго сочиненія «О методахъ въ наукахъ политическихъ» — Корнвалю Льюизу. По всему видно, что анонимный авторъ — противникъ вмѣшательства, и вотъ что говоритъ онъ въ своихъ письмахъ: « Вмѣшательство не есть дѣтская игрушка: оно обыкновенно складывается изъ болѣе суроваго матеріала. Единственнымъ основаніемъ и цѣлью для вмѣшательства должно считать — достиженіе общаго мира». И если вмѣшательство состоялось, то оно должно уже быть, по мнѣнію «Историка», серьезнымъ дѣломъ: недостаточно предлагать одни добрые совѣты, медіацію и болѣе ничего; со стороны вмѣшавшагося государства непремѣнно должна быть война, за вмѣшательствомъ идутъ армія и флотъ, и кто вмѣшивается, тотъ уже заранѣе долженъ считать себя воюющею стороною и заблаговременно принять на себя всѣ обязанности и послѣдствія войны (Эти письма были написаны во время борьбы сѣверныхъ и южныхъ штатовъ и по поводу плановъ Наполеона о совмѣстномъ вмѣшательствѣ Англіи и Франціи) [2].

---

[1] Letters by Historicus on some questions of international law. London and Cambridge. Macmillan and Co. 1863 года. Въ послѣднее время есть болѣе основаній приписывать письма «Историка» *Вернону Гаркорту*.

[2] Коснувшись плана императора Наполеона, который предлагалъ Англіи вмѣшаться, «чтобы вынудить 6-мѣсячное перемиріе и снятіе блокады», анонимный Историкъ остроумно замѣчаетъ: «странное предложеніе это не предусматриваетъ ничего на случай отказа. Въ данномъ случаѣ, Канутъ не оказался мудрѣе своихъ царедворцевъ.... Случилось мнѣ читать у Виргилія о томъ, какъ разъяренныя пчелы умиротворяются *pulveris exigui jactu;* но въ болѣе прозаичныхъ страницахъ «Годичной хроники событій» не трудно замѣтить, что порошокъ, употребляемый для умиротворенія людей, пахнетъ селитрой» (L. C. p. 42). — Ср. *Vattel.* L. II. Chap. IV, § 56.

Digitized by Google

Любопытно также общеизвѣстное мнѣніе, высказанное во французскомъ парламентѣ Шатобріаномъ въ 1823 г. во время испанской войны: «Имѣетъ ли право одно правительство вмѣшиваться въ дѣла другого? Этотъ вопросъ рѣшается различно: кто склоняется къ ученіямъ и идеямъ Бэкона, Пуффендорфа, Гроція и пр., тотъ думаетъ, что разумно — взяться за оружіе противъ тѣхъ, кто нарушаетъ естественное право, подобно тому какъ въ отдѣльныхъ государствахъ наказуются преступники. Но кто смотритъ съ точки зрѣнія положительнаго права, тотъ считаетъ, что ни одно правительство не должно безусловно вмѣшиваться... Я принимаю послѣдній принципъ, потому что, если его отвергнуть, то ни одна нація, особенно установившая конституцію, не можетъ считать себя безопасною. Было бы всегда возможно безнравственному министру или честолюбивому правителю напасть на государство, которое пожелало улучшить свое политическое устройство. Отсюда — умноженіе войнъ; отсюда — начало вѣчной вражды въ международныхъ сношеніяхъ. Каждый могъ бы сказать своему сосѣду: мнѣ не нравятся ваши учрежденія; измѣните ихъ, или между нами должна быть война». (Надо припомнить, что то время было эпохою знаменитыхъ конгрессовъ — ахенскаго, троппаускаго, лайбахскаго, веронскаго и др., опредѣлившихъ вмѣшательство въ дѣла Испаніи и Италіи). «Но если современные писатели и отвергли вмѣшательство», продолжаетъ Шатобріанъ, «за-то они скоро почувствовали великія затрудненія отъ своей безусловной теоріи; для нихъ стало ясно, что встрѣчаются такіе случаи, когда не возможно невмѣшаться, не подвергая опасности собственнаго государства».

Такимъ образомъ Шатобріанъ въ теоріи тяготѣетъ къ принципу невмѣшательства; но на практикѣ считаетъ это невозможнымъ и дѣлаетъ ограниченія. Съ одной стороны, онъ отрицалъ, съ другой утверждалъ право интервенціи. «En politique, говоритъ онъ

Digitized by Google

на веронскомъ конгрессѣ, il n'y a pas de principe exclusif, l'on intervient ou l'on n'intervient pas selon que le conseillent les exigences de son propre pays».—Геффтеръ признаетъ принципъ невмѣшательства за общее правило; но съ извѣстными оговорками: «1) вмѣшательство возможно, если существуютъ относительно его формальные договоры; 2) оно возможно, когда есть опасность вмѣшивающемуся государю потерять право на наслѣдованіе, право феодальнаго владѣнія и т. п. (но этотъ пунктъ у Геффтера подлежитъ особенно сильнымъ возраженіямъ[1]); 3) есть основаніе къ вмѣшательству, когда война, которая свирѣпствуетъ внутри государства, оскорбляетъ или затрогиваетъ общіе международные интересы; 4) наконецъ, вмѣшательство возможно, когда оно направлено къ цѣли уничтожить другое незаконное вмѣшательство». Съ этимъ пунктомъ тоже нельзя безусловно согласиться какъ съ примѣромъ типическаго вмѣшательства въ томъ отношеніи, что здѣсь представляется, собственно говоря, случай союзной войны противъ угнетателей политической независимости. За-тѣмъ: всегда ли можно положиться на безпристрастное и вѣрное сужденіе о незаконности чужаго «вмѣшательства» и о законности своей интервенціи?—Галлекъ (гл. IV, § 7) говоритъ: «принципъ естественнаго права, по которому нельзя вмѣшиваться во внутреннія дѣла чужихъ государствъ, не подлежитъ сомнѣнію. Начало такое подтверждено разумомъ и мнѣніями знаменитыхъ публицистовъ всѣхъ временъ и націй. Тѣмъ не менѣе слѣдуетъ допустить нѣкоторыя

[1] Ср. *Филлимора*, I, § 400, PP. 468 etc. Указавъ на теоретическія и практическія затрудненія отъ признанія и осуществленія патримоніальныхъ и эвентуальныхъ правъ иностранныхъ государей на земли и государства, бывшія уже независимыми владѣніями подъ господствомъ какого-либо законнаго правительства, Филлиморъ замѣчаетъ: «It is to be hoped that the notion, and the term of «Patrimonial States», are banished for ever from the theory and practice of International law». По-видимому, Филлиморъ вполнѣ раздѣляетъ взглядъ Роттека, что нельзя считать націи «als das blosse Pertinenzstück des regierenden Hauses».—Вотъ почему невозможно признать патримоніальное притязаніе за законное основаніе къ вмѣшательству.

Digitized by Google

исключенія изъ общаго правила»..... Однимъ изъ такихъ исключеній признаетъ Галлекъ «угрожающую и неотразимую опасность» (threatening and immediate danger).—Что касается вмѣшательства по договорамъ, то Галлекъ отвергаетъ его для независимыхъ и самостоятельныхъ государствъ и допускаетъ только въ отношеніяхъ между федеративнымъ правительствомъ и членами союза, а также между протекторомъ или сюзереномъ и полусамостоятельными государствами. Вмѣшательство съ цѣлію остановить кровопролитіе внутри государства допускаетъ Галлекъ, безъ возраженій и ограниченій, но лишь въ формѣ мирнаго предложенія добрыхъ услугъ (bons offices).—Ваттель, популярный истолкователь ученія Гроція и Вольфа, допускаетъ участіе одного правительства въ дѣлахъ другого лишь въ формѣ bons offices и отвергаетъ военное вмѣшательство кромѣ случаевъ тиранніи[1]. — Мартенсъ яснѣе и рѣшительнѣе допускаетъ вмѣшательство, а Кальво говоритъ: Есть случаи, которыми оправдывается вмѣшательство какъ отношеніями того государства, куда вмѣшиваются, такъ и правами тѣхъ, кто вмѣшивается. Затрудненія должна рѣшать сама практика[2].

Отсюда видна справедливость замѣчанія итальянскаго ученаго Карнацца Амари (Carnazza Amari), что «едва-ли какой нибудь другой вопросъ международнаго права остается до сихъ поръ столь неяснымъ и шаткимъ, не смотря на энергическую разработку его различными писателями, какъ вопросъ о вмѣшательствѣ» (см. выше). Но дѣло въ томъ, что ни Карнацца Амари, ни другіе итальянскіе публицисты, высказавшіе обвиненіе всѣмъ авторамъ различныхъ мнѣній о вмѣшательствѣ, не уста-

[1] Ясно, что здѣсь Ваттель почти дословно повторяетъ Гроція, кн. II, § VIII, пункты 1, 2, 3 (Ср. выше § 7, стр. 113). «Pour ce qui est de ces monstres — говоритъ Ваттель кн. 2, § 56 — qui, sous le titre de souverains, se rendent les fléaux et l' horreur de l'humanité, ce sont des bêtes féroces, dont tout homme de coeur peut avec justice purger la terre» etc.

[2] Ср. *Calvo*, § 93.

Digitized by Google

новили сами вполнѣ-ясной и послѣдовательной теоріи. Положеніе, что «вмѣшательство должно быть понимаемо въ тѣсномъ смыслѣ (т. е. относиться только ко вступательству во внутреннія дѣла чужого государства),—не составляетъ новизны въ литературѣ международнаго права. Отрицая безусловно вмѣшательство: противъ революцій, опасныхъ для сосѣдняго государства, гражданской или религіозной войны,—въ силу требованій и просьбъ чужаго правительства,—противъ народа, попирающаго законы справедливости и человѣколюбія,—противъ тиранніи въ сосѣднемъ государствѣ,—въ защиту политическаго равновѣсія,—въ интересахъ «будущаго» вѣчнаго мира: отрицая вмѣшательство во всѣхъ подобныхъ случаяхъ, итальянскіе публицисты оставляютъ для него весьма широкую дверь. Они говорятъ: «Нельзя считать вмѣшательствомъ, если народы одной національности помогаютъ другъ другу освободиться отъ иностраннаго владычества. То-же самое относится къ случаямъ, когда одно государство вступается во внутреннія дѣла другого съ цѣлью уничтожить уже состоявшееся иностранное вмѣшательство». Выводъ отсюда таковъ, что вмѣшательство вполнѣ законно, если оно совершается въ интересахъ начала національности.—Но не трудно увидѣть всю шаткость и вмѣстѣ опасность подобныхъ правилъ. Примѣняя ихъ, можно допустить безнаказанно вооруженное вмѣшательство Бисмарка во внутреннія дѣла балтійскихъ и даже иныхъ провинцій Россіи[1],—султана въ вопросы, касающіеся крымскихъ и даже казанскихъ татаръ,—Россіи въ Турцію и т. д. Путаница отъ приложенія подобныхъ правилъ еще болѣе увеличивается, если сообразить, что Карнацца Амари даетъ безусловную свободу вмѣшиваться съ цѣлью уничтоженія послѣдствій уже «состоявшагося вмѣшательства». И все это дѣлается итальянскими публицистами

[1] По статистическимъ свѣдѣніямъ (за 1870 г.), напр. въ одной саратовской губ. (1.751.268 д.) считалось 111.797 нѣмецкихъ колонистовъ, а во всемъ прибалтійскомъ краѣ (1.827.268 д.) 126,355 д. германскаго происхожденія.

Digitized by Google

въ видахъ того, чтобы обезпечить возникновеніе и упроченіе нѣсколькихъ большихъ государствъ (со включеніемъ конечно Италіи) на началѣ національности, или на племенномъ единствѣ народовъ.

Но, при такомъ ученіи о вмѣшательствѣ, лучше уже держаться менѣе притязательной теоріи Галлека, Кальво и отчасти Геффтера, хотя и противъ ихъ мнѣній и заключеній можно сдѣлать возраженія.— Посмотримъ на случаи вмѣшательства, когда они были весьма часты, хотя быть можетъ рѣже, чѣмъ въ XIX столѣтіи, въ эпоху между 1815 и 1848 годами. Въ XVI стол. вмѣшательство, не подходящее къ современному тѣсному понятію объ этомъ актѣ, вызывалось честолюбіемъ габсбургскаго дома, вопросами реформаціи, вопросами объ отношеніяхъ между протестантами и католиками. Велика была опасность отъ габсбургскаго дома, отъ угнетеннаго положенія протестантовъ, а слѣдовательно, случаи вмѣшательства въ интересахъ равновѣсія отчасти могутъ быть объяснены и даже оправданы, хотя несомнѣнны многія злоупотребленія и крайности со стороны тѣхъ, кто вмѣшивался. Въ концѣ XVII и въ началѣ XVIII стол., поводъ ко вмѣшательствамъ подало честолюбіе Людовика XIV, слѣдовательно, и здѣсь оно оправдывается до извѣстной степени. Нельзя было предать въ жертву Франціи тѣ договоры, въ интересахъ политическаго равновѣсія заключенные, которые закончились утрехтскимъ трактатомъ.—Но отъ конца XVIII стол. до вѣнскаго конгресса и до 1823—1824 г. вмѣшательство получило свой типическій характеръ интервенціи во внутреннія дѣла и вызывалось боязнью французской революціи и ея послѣдствій. Здѣсь уже несомнѣнно произошелъ вредъ отъ интервенціи, состоявшейся подъ вліяніемъ политическихъ предубѣжденій, династическихъ интересовъ, застарѣлой вражды. Въ-особенности можно и должно отнестись со строгимъ порицаніемъ къ тѣмъ случаямъ вмѣшательства, которые были послѣ ахенскаго, лайбахскаго, троппаускаго и веронскаго конгрессовъ, въ духѣ зна-

Digitized by Google

менитой циркулярной ноты Меттерниха 12 мая 1821 г. Эти случаи, собственно говоря, и заставили многихъ государственныхъ людей Америки и Англіи (л. Кастельре и Монроэ) прійдти къ отрицательному взгляду на принципъ вмѣшательства. Въ нотѣ л. Кастельре прямо высказано такое ученіе, что вмѣшательство одного государства во внутреннія дѣла другого есть отрицаніе тѣхъ основъ, на которыхъ зиждется самостоятельность или международное верховенство государствъ. Въ Америкѣ тоже высказался противъ вмѣшательства президентъ Монроэ. Вотъ сущность этой деклараціи: «ни подъ какимъ видомъ нельзя допустить вмѣшательства въ американскія дѣла со стороны европейскихъ правительствъ, хотя между ними невозможно отвергать международнаго общенія и взаимныхъ интересовъ. Политическая система Европы существенно отлична отъ той, которую мы себѣ усвоили въ Америкѣ, вслѣдствіе кореннаго различія въ самой конституціи. Добросовѣстность и узы дружбы заставляютъ насъ объявить, что мы будемъ смотрѣть, какъ на опасную для насъ, на всякую попытку европейскихъ державъ распространить свою политическую систему въ нашемъ полушаріи. Американское правительство никогда не вмѣшивается въ дѣла колоній Европы. Но что касается до тѣхъ изъ нихъ, которыя уже провозгласили свою независимость и теперь поддерживаютъ ее, и которыхъ эманципацію мы, послѣ зрѣлаго обсужденія, признали за совершившійся фактъ, то мы будемъ считать за явную опасность для насъ всякое вмѣшательство Европы. Въ войнѣ колоній съ Испаніею мы остались и останемся вѣрными нейтралитету, если только не произойдутъ тѣ явленія, которыя могутъ вызвать измѣненіе въ нашей политикѣ. Политика эта относительно Европы была всегда такова: никогда не вмѣшиваться во внутреннія дѣла государствъ древняго міра, но завязывать сношенія съ правительствами, образовавшимися de facto, признавать ихъ, равно принимая справедливыя требованія всѣхъ державъ и недопуская обидъ съ

Digitized by Google

ихъ стороны. Но коль-скоро европейскія правительства захотѣли бы перемѣнить конституцію въ нашихъ территоріяхъ, тогда уже рѣшительно невозможно оставаться индифферентными ко вмѣшательству, въ какомъ бы видѣ оно ни происходило»[1].

Во время недавней интервенціи Наполеона III во внутреннія дѣла Мексики, доктрина Монроэ была въ умахъ и на устахъ всѣхъ государственныхъ людей и ученыхъ публицистовъ Америки. Трагическая развязка мексиканскаго дѣла, когда французское правительство отказалось отъ Максимиліана, когда Базенъ удалился и несчастный императоръ былъ разстрѣлянъ, достаточно покарала наполеоновскую политику.

И такъ, вопросъ о вмѣшательствѣ есть до сихъ поръ вопросъ спорный, который требуетъ величайшей осторожности какъ отъ теоретиковъ, такъ и отъ практиковъ. Большинство историческихъ примѣровъ показываетъ, что вмѣшательство пролило потоки человѣческой крови и наносило удары принципу самостоятельности государствъ. Но есть (правда, не многіе) случаи, гдѣ вмѣшательство защищало слабаго отъ сильнаго. Ни дипломатія, ни ученія политиковъ и правовѣдовъ до сихъ поръ еще не дали вполнѣ точнаго и опредѣленнаго правила. Въ различное время и у различныхъ писателей бывали возведены въ принципы — то вмѣшательство, то невмѣшательство во внутреннія дѣла чужаго государства, съ исключеніями изъ того и другого начала или общаго правила. Даже Д.-С. Милль требуетъ отступленій отъ политики невмѣшательства, «отъ вѣчнаго повторенія жалкаго припѣва» (of this shabby refrain): «мы не мѣшались, потому что дѣло не касалось ни одного англійскаго интереса,» — «мы не должны мѣшаться туда, гдѣ ничѣмъ не затрогиваютъ англійскихъ интересовъ»[2]. Защищая націю свою отъ укоровъ въ эгоизмѣ,

[1] О доктринѣ Монроэ весьма полное изложеніе представляетъ учебникъ Кальво §§ 98—101.

[2] См. статью: «A few words on non-intervention», въ томѣ 3-мъ разсужденій Милля, стр. 158 и проч. У насъ по-русски вышла недавно въ Москвѣ моно-

Digitized by Google

сдѣлавшихся общимъ мѣстомъ континентальной журналистики и литературы, Милль затрогиваетъ вопросъ о вмѣшательствѣ какъ-бы вскользь, лишь для главной патріотической цѣли своей. Отсюда краткость и незаконченность замѣтки знаменитаго философа. По его мнѣнію, ни война съ цѣлью покоренія, ни вмѣшательство не могутъ быть допущены среди народовъ единой христіанской цивилизаціи, признающихъ взаимность и другія начала и требованія международнаго права. Таково общее правило. Но есть здѣсь ограниченія: и завоеваніе, и вмѣшательство возможны и даже полезны относительно народовъ варварскихъ, съ которыми нѣтъ взаимности, для которыхъ независимость и верховенство суть только условія для большаго коснѣнія въ дикости. Здѣсь завоевать—значитъ цивилизовать; вмѣшаться—значитъ произвести улучшеніе во внутреннемъ, анархическомъ состояніи.—За-тѣмъ, переходя къ миру цивилизованному, Милль допускаетъ изъятія изъ начала невмѣшательства въ особенныхъ случаяхъ гражданской войны — для блага враждующихъ, для прекращенія кровопролитія, для собственной безопасности вмѣшивающихся правительствъ, для низверженія иноземной или даже туземной деспотіи, поддерживаемой иностраннымъ вмѣшательствомъ. Послѣднее исключеніе, отвѣчающее извѣстному положенію Abyssus abyssum vocat, встрѣчается, какъ мы видѣли и у другихъ писателей.

Гораздо болѣе отвѣчаетъ требованіямъ строго юридическаго анализа работа оксфордскаго профессора Бернарда, который въ лекціи своей «О принципѣ невмѣшательства»[1] возстаетъ, подобно американцу Кенту[2], противъ теоріи исключеній. Ясно и живо аргу-

---

графія *графа Комаровскаго*, которой, къ-сожалѣнію, не имѣли мы въ рукахъ даже во время печатанія этихъ лекцій, читанныхъ въ $18^{73}/_{74}$ акад. году.

[1] On the principles of non-intervention, 1860.

[2] См. кембриджское изданіе комментаріевъ на международное право, стр. 88 и слѣд.

Digitized by Google

ментируетъ Бернардъ, разбирая различные случаи, которыми ограничивали, болѣе или менѣе часто, коренное правило независимости и невмѣшательства, а именно: ограниченія въ видахъ необходимой обороны, на основаніи трактатовъ о реверсіяхъ и гарантіяхъ, въ случаѣ призыва законнаго государя ко вмѣшательству, въ случаѣ гражданской войны, защиты національности и нѣкотор. друг. У Бернарда несомнѣнно видно убѣжденіе въ неосновательности нѣкоторыхъ и въ опасной эластичности всѣхъ этихъ исключеній. Такимъ образомъ не найдутъ для себя поддержки во взглядахъ Бернарда ни ученіе Карнацца Амари, ни болѣе ранняя доктрина Луи-Блана о законности вмѣшательства при каждомъ нарушеніи справедливости и свободы. И дѣйствительно, разсуждая съ точки зрѣнія осторожнаго Бернарда, для узаконенія вмѣшательства въ духѣ луи-блановской теоріи, нужно было бы прежде всего установить народамъ соглашеніе о томъ, какая форма правленія лучше, — условиться въ томъ, что признавать справедливымъ; но пока такого соглашенія нѣтъ, пока націи и племена различаются между собою геніемъ, нравами и понятіями, люди всегда найдутъ причину для спора и вмѣшательства. — Вѣрно, что миръ не составляетъ величайшаго блага для людей; справедливость и свобода стоятъ выше его. Но возникаетъ вопросъ: можетъ ли удержаться свобода, когда нѣтъ мира? И не грозитъ ли всегда война — эта неизбѣжная спутница вмѣшательства — независимости націй? Между-тѣмъ независимость есть коренное начало, необходимое условіе для жизни и развитія народовъ; слѣдовательно, и невмѣшательство есть основное правило международнаго порядка. — Но или международное право есть система общихъ правилъ, и тогда всѣ эти общіе принципы должны быть соблюдаемы, со включеніемъ начала невмѣшательства; или же международное право есть накопленіе произвольныхъ и педантическихъ опредѣленій, и тогда все это, со включеніемъ началъ независимости и невмѣшатель-

Digitized by Google

ства, должно быть откинуто: вотъ дилемма, къ которой, очевидно, наклоняетъ вопросъ сильная логика Бернарда, желавшаго опредѣлить, чего именно требуетъ международное право— вмѣшательства, или невмѣшательства? —Въ общемъ выводѣ, Бернардъ рѣшительно становится на сторону начала полнаго невмѣшательства [1].

Ближе многихъ другихъ публицистовъ къ принятію начала полнаго невмѣшательства стоитъ Блунчли [2].—Въ принципѣ гейдельбергскій профессоръ отвергаетъ вмѣшательство, приводя очень ясные историческіе примѣры вреда отъ интервенцій и доказывая непригодность этой системы даже къ тѣмъ цѣлямъ, для которыхъ она служила средствомъ. Разнорѣчіе съ Бернардомъ оказывается главнымъ образомъ тамъ, гдѣ Блунчли (§ 480) безусловно допускаетъ вмѣшательство федеральныхъ правительствъ въ конституціонныя распри внутри территорій сочленовъ союза. По одному изъ рѣдкихъ случаевъ, англійскій ученый является болѣе строгимъ систематикомъ, чѣмъ германскій профессоръ.— Вмѣшательство по призыву дружественнаго государя какъ-бы для союза съ общею цѣлью, о чемъ также говоритъ Блунчли, не ослабляетъ силы общаго правила по понятнымъ причинамъ. Наконецъ, не оказываютъ такого дѣйствія на общее правило и тѣ случаи, которые касаются вмѣшательства (и притомъ коллективнаго) въ видахъ защиты обще-признанныхъ законовъ международнаго права и союза [3] отъ явныхъ нарушеній. Такими дѣйствіями объявляетъ Блунчли пиратство, нарушенія государствомъ человѣческихъ и гражданскихъ правъ иностранцевъ, посягательство на свободу океана, поддержку и узаконеніе торга неграми

[1] ... The doctrine of non-intervention is a corollary from a cardinal and substantial principle of International Law, and, as such, has a prima facie claim to a place in the system, the burden of proof lying with those who would dislodge it etc. L. C. R. 9.

[2] Das mod. V.-R. §§ 474—480.

[3] §§ 478; 471; 472.

Digitized by Google

и т. д. Всѣ подобныя преступленія правительствъ и націй вызываютъ, по мнѣнію Блунчли, вмѣшательство со стороны всѣхъ и каждаго члена международнаго союза, на-подобіе того, какъ въ древнемъ Римѣ установлены были обще-гражданскіе иски (actiones populares) для преслѣдованія извѣстныхъ правонарушеній.

Противъ этого можно возразить лишь слѣдующее: подобная интервенція теряетъ свой типическій характеръ, вызывавшій порицанія правовѣдовъ и публицистовъ; она перестаетъ быть вмѣшательствомъ во внутренніе вопросы государственнаго права, нарушающимъ коренное начало независимости, и становится исполнительною мѣрою космополитическаго союза образованныхъ націй на защиту обще-признанныхъ законовъ положительнаго международнаго права. Такъ понимаетъ разграниченіе между вмѣшательствомъ и невмѣшательствомъ и новѣйшій англійскій публицистъ *Сибомъ*[1]. Но здѣсь касаемся мы такой стороны дѣла, гдѣ вопросы права не отдѣлились еще съ надлежащею ясностью ни отъ фактовъ международной жизни, ни отъ благородныхъ пожеланій тѣхъ немногихъ людей, которые стремятся къ организаціи космополитическаго союза съ кодифицированнымъ международнымъ правомъ, съ правильными органами судебной и исполнительной власти. Изъ всего сказаннаго слѣдуетъ, что, полное теоретическое разрѣшеніе всѣхъ трудностей въ вопросѣ о вмѣшательствѣ предстоитъ еще впереди. За-то на практикѣ нужно признать несомнѣннымъ успѣхомъ тотъ фактъ, что правительства отбросили, еще съ 30 годовъ настоящаго столѣтія, политику вмѣшательства въ меттерниховскомъ духѣ, и что, напротивъ, установилось мало-по-малу признаніе начала невмѣшательства съ изъятіями, которыя опредѣляются особенностями отдѣльныхъ случаевъ.

Отъ вооруженнаго вмѣшательства—interventio—нужно отличать мирное вмѣшательство—mediatio, которое также называется

[1] *Seebohm*, On international reform, PP. 108—111. London. 1871.

Digitized by Google

иногда предложеніемъ—не рѣшенія, но лишь совѣта, мнѣнія, вообще—добрыхъ услугъ, bons offices. Подобная медіація установилась уже давно въ международной практикѣ какъ средство для умиротворенія тѣхъ державъ, между которыми существуютъ какія-либо несогласія[1]. Часто bons offices предлагались въ самомъ разгарѣ войны, и иногда даже въ гражданской войнѣ.—Но государства и стороны, къ которымъ обращаютъ эти добрыя услуги, могутъ отказаться отъ нихъ, и такой отказъ не считается обиднымъ. Примѣровъ на подобные случаи существуетъ много: такъ, въ 1847 г. Англія предложила медіацію для окончанія разногласій между португальскимъ правительствомъ и городомъ Опорто; Португалія отклонила предложеніе; тѣмъ не менѣе отношенія обѣихъ державъ остались дружественными. Въ 1849 г. Англія и Франція предложили свои bons offices правительству обѣихъ Сицилій, чтобы покончить его отношенія къ инсургентамъ, и въ этомъ случаѣ предложеніе было отвергнуто. Наконецъ, русское и французское правительства безуспѣшно предлагали bons offices для умиротворенія сѣверныхъ штатовъ съ южными; но дружелюбныя отношенія обѣихъ державъ къ вашингтонскому кабинету остались неизмѣнными.—Медіація еще можетъ послѣдовать вслѣдствіе призыва и при томъ такъ, что призывъ будетъ сдѣланъ или одною изъ сторонъ, между которыми существуютъ разногласія, или обѣими.

Международное право и практика знаютъ и допускаютъ еще медіацію по трактатамъ и по обязанности поручительства (гарантіи). Иногда медіація вытекаетъ изъ конституціи даннаго государства или изъ его исторіи: такъ, папское правительство, пока de facto владѣло Церковною областью, считалось совершенно самостоятельнымъ; между-тѣмъ Австрія, Франція и Испанія постоянно принимали участіе въ избраніи папы, и когда заговорили

[1] См. о медіаціи *Галлекъ*, главы IV, XII.—*Блунчли*, §§ 483—487.—*Кальво*, §§ 128, 129.—*Гефстеръ*, §§ 46, 88. *Кентъ* (изд. 1866 г.), 174—176.

Digitized by Google

о смерти Пія IX, то были слухи, что эти державы заявили свои права на участіе въ избраніи. Вмѣшательство въ такое дѣло, чисто внутреннее, объясняется тѣмъ, что представители католическаго мира не могутъ быть равнодушны къ факту избранія главы своей церкви. Такимъ образомъ, здѣсь вліяютъ особыя историческія причины. — Что касается до эвентуальной медіаціи по трактатамъ союзнымъ или по гарантіямъ, то примѣровъ ея можно привести нѣсколько: Франція и Швеція по вестфальскому трактату гарантировали цѣлость и неприкосновенность германской имперіи и опредѣлили заранѣе, что, въ данномъ случаѣ, онѣ явятся посредниками и, если нужно, съ вооруженною силою, чтобы отстоять цѣлость и неприкосновенность Германіи. Другимъ примѣромъ можетъ служить медіація великихъ европейскихъ державъ въ учредительномъ актѣ швейцарской (гельветической) реснублики, подготовленномъ еще 1813 года. За-тѣмъ, одна статья[1] конституціи сѣверо-американскихъ штатовъ гарантируетъ республиканское устройство каждому отдѣльному штату, а отсюда вытекаетъ обязанность не только медіаціи, но даже и вооруженнаго вмѣшательства въ случаѣ какихъ-либо внѣшнихъ вторженій или внутреннихъ безпорядковъ, которые бы направлялись къ измѣненію конституціи 1787 г.

Независимость государствъ въ дѣлахъ законодательства и суда. Самоохраненіе. Равенство государствъ и права на честь. Международный церемоніалъ въ сношеніяхъ государей и правительствъ.

§ 20. Изъ международнаго самодержавія государствъ логически вытекаетъ независимость ихъ въ отношеніи законодательномъ и судебномъ. Эта независимость абсолютна, коль-скоро мы имѣемъ дѣло съ территоріею даннаго государства; но она видо-

[1] Art. IV. Sect. 4. «The United States shall garantee to every State in this union a republican form of government» etc.

Digitized by Google

измѣняется и ограничивается, когда сталкиваются законы и суды одного государства съ законами и судами другого государства, и когда эти ограниченія происходятъ на основаніи особыхъ соглашеній, трактатовъ и обычаевъ. Соглашенія и трактаты особенно-сильно вліяютъ на дѣло законодательства и суда, когда идетъ рѣчь о союзныхъ государствахъ. Исключеніе изъ правила о подчиненіи судебной юридикціи даннаго государства представляетъ такъ называемая внѣземельность или экстерриторіальность не только государей и членовъ царственныхъ фамилій, но и дипломатическихъ агентовъ, тамъ, гдѣ они аккредитованы. Кромѣ того, неподсудностью по началу внѣземельности пользуются армія и флотъ въ предѣлахъ иностранныхъ государствъ, по той фикціи, что они какъ-бы представляютъ собою часть территоріи своего государства. Внѣземельность или экстерриторіальность можетъ быть также уступлена и признана по трактатамъ.

Изъ независимости законодательной и судебной государствъ въ предѣлахъ ихъ территорій слѣдуетъ, что каждое государство властно награждать, судить и карать своихъ подданныхъ, издавать законы и учреждать суды съ извѣстными процессуальными правилами, осуществляя такую власть не только въ территоріи своей sensu stricto, но и на океанѣ, такъ-какъ, по фикціи, корабль считается продолженіемъ отечественной территоріи. Государство не можетъ осуществлять своей уголовной и карательной власти иначе, какъ въ предѣлахъ вышеуказанныхъ, и арестъ подданнаго на чужой территоріи есть незаконный актъ, который можетъ повлечь къ столкновенію между государствами. Такой принципъ особенно ясно и навсегда установился послѣ громкаго случая въ 1853 году съ Мартиномъ Костою, венгерцемъ, врагомъ австрійскаго правительства, принявшемъ подданство сѣверо-американскихъ Соединенныхъ штатовъ. Въ 1853 году Коста прибылъ въ Смирну, гдѣ въ то время стоялъ на

Digitized by Google

рейдѣ австрійскій фрегатъ. Капитанъ фрегата захватилъ Косту. Но турецкія власти сейчасъ-же протестовали, а командиръ одного изъ сѣверо-американскихъ кораблей, послѣ того какъ его требованія не были уважены австрійцами, отправился на фрегатъ и силою освободилъ Косту (командиръ Инграамъ). — Австрійское правительство сдѣлало случай этотъ предметомъ особой циркулярной ноты; но министръ иностранныхъ дѣлъ въ Америкѣ (Марси) опровергъ доводы австрійскихъ дипломатовъ о мнимомъ нарушеніи международнаго права, отвѣтивъ слѣдующимъ образомъ: «Не видно, на чемъ основано право Австріи призывать къ отчету правительство сѣверо-американскихъ штатовъ за такія дѣйствія американскаго агента, которыя касаются территоріальныхъ правъ одной Турціи. Если-бы это дѣло подлинно нарушало интересы и права султана, то штаты должны были бы дать ему удовлетвореніе: онъ — исключительный судья и единственная сторона, здѣсь потерпѣвшая. Но султанъ разсмотрѣлъ это дѣло и оправдалъ дѣйствія сѣверо-американскихъ штатовъ» [1].

Между основными правами государства находится еще право самоохраненія. Это одно изъ важнѣйшихъ правъ: общество, отказывающееся отъ него, подрываетъ въ корнѣ цѣль своего существованія. Изъ этого фундаментальнаго или основнаго права вытекаютъ слѣдующія права: 1) право усиленія фортификаціонной системы; 2) право увеличенія крѣпостей; 3) право увеличенія арміи, флота и измѣненія системы арміи, на-сколько это удобно для государства; 4) право учреждать военныя школы, академіи и т. п. для улучшенія системы вооруженія арміи, и 5) право искать оборонительныхъ союзовъ на случай войны. Такъ говоритъ

[1] *Halleck*, IV. § 17. Ср. *Twiss*, I. § 152. P. 217: «When, therefore, it is said that the sovereign Power of a Nation may bind by its Law its natural born or naturalised members everywhere, it must be understood that this attribute of *personal* Sovereiguity is subordinate to the attributes of *territorial* Sovereiguity etc.

Digitized by Google

теорія. — Но и здѣсь нельзя ограничиться одною абстрактною постановкою вопроса: если государство, съ одной стороны, обязано нравственно и юридически отстаивать себя, свою самостоятельность; то, съ другой стороны, между средствами и мѣрами для этой цѣли есть различіе. Ничего нѣтъ легче, какъ перевести средства оборонительныя въ наступательныя. — Но какъ установить черту, за которою количество арміи, флота, крѣпостей и т. д. опасно для другихъ государствъ? И есть ли возможность постановить абсолютное правило, что коль-скоро существуетъ опасность отъ вооруженій извѣстной державы; то нужно сейчасъ-же потребовать ограниченій? Допускать это невозможно, даже при теперешнемъ состояніи ученія о вмѣшательствѣ (см. выше). — Но ограниченія бывали — и нѣтъ причинъ отвергать ихъ — въ силу особыхъ соглашеній, безъ всякаго отношенія къ какому-либо абсолютному принципу. Приведемъ здѣсь нѣсколько примѣровъ: по статьямъ трактатовъ 1748 и 1763 годовъ, Франція обязана была срыть укрѣпленія Дюнкирхена, и такое обязательство оставалось до 1783 года. Въ 1831 году предписано было срыть нѣсколько бельгійскихъ крѣпостей, построенныхъ въ 1815 году. Въ 1856 году русское правительство приняло обязательство не держать арсенала въ Николаевѣ, не имѣть черноморскаго флота и не возводить укрѣпленій на Аландѣ, а въ 1867 году было постановлено срыть укрѣпленія Люксембурга (Голланд.).

Есть мнѣніе Филимора, которое даетъ абсолютную силу праву государства охранять себя отъ опасностей; вотъ что говоритъ Филиморъ: «допустимъ, что въ извѣстномъ государствѣ началась и свирѣпствуетъ гражданская война; положимъ, что инсургенты, побитые въ территоріи этого государства, переходятъ за границу, водворяются тамъ, строятъ крѣпости и отсюда воюютъ. Какъ быть въ этомъ случаѣ? Здѣсь государству непремѣнно должно быть предоставлено право, — сохраняя мирныя отношенія къ державѣ, въ землѣ которой водворились инсургенты, — перейдти границу

Digitized by Google

и вести войну съ ними». Но это мнѣніе оспаривается многими другими писателями, между прочими и Галлекомъ, который, находя воззрѣніе Филимора противнымъ его-же ученію о самостоятельности государствъ, говоритъ слѣдующее: «Филиморъ забываетъ здѣсь свои собственныя слова о томъ, что политика, желающая утвердить одинъ принципъ во вредъ другимъ, вредна, такъ-же какъ это бываетъ и въ частной морали, когда одинъ принципъ устанавливается въ ущербъ другимъ началамъ. Если приложимъ на практикѣ мнѣніе Филимора, то выйдетъ абсурдъ: одно дружественное государство ведетъ войну въ территоріи другаго, сосѣдняго и мирнаго государства; здѣсь смѣшиваются самыя азбучныя понятія: при мирѣ — война, это — нѣчто странное, чему нѣтъ названія». Кальво тоже находитъ, что Филиморъ зашелъ далеко, но полагаетъ, что въ подобномъ случаѣ государству, изъ котораго вышли инсургенты, слѣдуетъ сдѣлать извѣстное представленіе сосѣднему правительству, и если это дѣйствіе не поведетъ ни къ чему, то, признавъ инсургентовъ пиратами, перейдти за границу и стать уже врагомъ того государства, гдѣ инсургенты водворились. Въ такомъ случаѣ опредѣлится по крайней мѣрѣ состояніе войны, которому можетъ и не предшествовать оформленное объявленіе [1].

Къ основнымъ правамъ государствъ принадлежитъ еще право государствъ на равенство — égalité des états, по которому всѣ государства, безъ соображенія ихъ территоріальнаго объема и формы правленія, равны, т. е. надѣлены одинаковыми правами, обязанно-

---

[1] Ср. *Phillimore*, I. Chapt. X. Self-Preservation, § 213, 214, гдѣ англійскій публицистъ принимаетъ извѣстное мнѣніе *Ваттеля*, Livr. III. Chap. VII. § 133. «Ce pays (nation) ne doit pas donner retraite à des troupes, pour attaquer de nouveau leurs ennemis». — Ср. *Halleck*, IV; §§ 20—27. *Calvo* §§ 131, 132. — Къ настоящему вопросу идетъ, въ качествѣ общаго правила, слѣдующее замѣчаніе Ульдмана: «The discretion of a Statesman is properly employed in determining, whether a state exercises the right it has; but to assume a right which it has not is mere usurpation». (I. P. 50).

Digitized by Google

стями и способны къ международнымъ обязательствамъ. Отсюда вытекаютъ слѣдующіе выводы: 1) что законно для одного государства, то законно для другихъ, и на-оборотъ; 2) правители имѣютъ право на титулы, т. е. каждое государство можетъ объявить себѣ извѣстный титулъ, и другимъ державамъ нельзя этому препятствовать, хотя не признавать титулы и можно. Примѣры послѣдняго рода были очень часты: такъ, въ 1701 году Россія объявила себя имперіею; но ее не признавали до 1745 г. Франція, до 1749 г. Испанія, и до 1764 г. Польша; однако Россія все-таки была имперіею. Въ 1701 г. Пруссія также объявила себя королевствомъ, и хотя папа, глава католической церкви, не признавалъ ее до 1786 г., однако членомъ международнаго и политическаго союза Европы считалось и это новое королевство.

Мы сказали, что всѣ государства равны между собою; но это начало равенства можетъ измѣняться трактатами и обычаями, вытекающими изъ федеративныхъ связей. И теперь возникаютъ иногда вопросы о предсѣдательствѣ и первенствѣ государствъ — préséance des états, хотя на практикѣ въ настоящее время они потеряли уже свой мѣстническій, острый характеръ, какимъ обладали въ XV, XVII и даже XVIII ст. Первенство или предсѣдательство получаетъ практическое значеніе при встрѣчѣ государей и посланниковъ, и такъ называемые международные causes célèbres прежнихъ временъ (замѣчательные случаи) полны ими. Примѣрами такихъ столкновеній могутъ служить: случай съ испанскимъ и французскимъ послами въ Лондонѣ при Людовикѣ XIV въ 1660 году, о чемъ уже упоминалось выше, и менѣе серіёзный по своимъ слѣдствіямъ случай въ Прагѣ между генуэзскимъ и венеціанскимъ посланниками. Послѣдній случай имѣетъ комическій характеръ: два посланника, встрѣтившись на мосту и не желая уступить другъ-другу дорогу, простояли цѣлый день[1]. Но хотя вопросы о первенствѣ потеряли теперь

[1] *Halleck*, Chapt. V. § 7.

Digitized by Google

прежнее свое значеніе, однако-же и современное международное право не можетъ ихъ игнорировать. На вѣнскомъ конгрессѣ было постановлено, что папа и его представители имѣютъ первенство въ сношеніяхъ съ католическими правительствами; отсюда нунцій папы еще и до сихъ поръ считается какъ-бы старшиною дипломатическаго корпуса въ католическихъ государствахъ: къ нему первому обращаются обыкновенно государи на торжественныхъ аудіенціяхъ, и онъ имѣетъ право перваго голоса въ отвѣтныхъ рѣчахъ отъ цѣлаго корпуса дипломатовъ государю страны. Такъ бывало всегда на знаменитыхъ пріемахъ Наполеона III, въ день новаго года, въ залахъ тюильрійскаго дворца.

Вообще новѣйшая практика международнаго права, приблизилась къ наиболѣе полному примѣненію начала равенства между всѣми правительствами: оттого царскія и королевскія почести (honneurs royaux) воздаются всѣмъ владѣтельнымъ особамъ, хотя бы онѣ и не были императорами или королями; прежнее отличіе между императорами и королями сгладилось совершенно[1]. Если и остались такія отличія; то они практикуются слѣдующимъ образомъ: владѣтельныя особы, которыя имѣютъ право на королевскія почести (honneurs royaux), предсѣдательствуютъ и первенствуютъ на конгрессахъ предъ тѣми, которыя, обладая королевскими почестями, не коронованы; эти же послѣднія имѣютъ пер-

[1] Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ прочесть хотя-бы слѣдующій параграфъ у *Блунчли* (§ 21): «Jeder Staat ist als Rechtsperson dem andern Staate gleich. An dem Völkerrecht haben alle Staaten gleichen Antheil und gleichen Anspruch auf Achtung ihrer Existenz». Почти то-же высказываетъ Ваттель, который стоитъ однакоже цѣлымъ столѣтіемъ ближе къ XVII-му вѣку, переполненному распрями и переговорами о титулахъ: «Toute nation, tout état souverain et indépendant mérite de la considération et du respect, par ce qu'il figure immédiatement dans la grande société du genre humain. Le souverain représente sa nation entière; il en réunit dans sa personne toute la majesté» etc. (L. II. Ch. III, § 35). Что касается первенства (préséance), то и здѣсь Ваттель видитъ «déférences de pur cérémonial, qui n'otent point au fond l'égalité... La forme du gouvernement est naturellement étrangère á cette question» (§§ 37, 38).

Digitized by Google

венство предъ особами, не имѣющими королевскихъ почестей. Слѣдовательно, хотя, по существу, президентъ американской республики — совершенно владѣтельное лицо, но въ вопросахъ почетнаго церемоніала онъ уступаетъ королямъ и императорамъ, такъ-какъ не коронованъ.—До вѣнскаго конгресса была совершенная неопредѣленность въ трактатахъ по вопросу о томъ, въ какомъ отношеніи стоятъ, по международному церемоніалу, республики къ монархіямъ. Нельзя сказать, чтобы эта неопредѣленность вполнѣ разсѣялась и теперь, но за-то въ настоящее время по серьезнымъ вопросамъ всѣ республики и монархіи равны, какъ члены международнаго союза [1].

На церемоніальное первенство государствъ вліяетъ моментъ ихъ самостоятельности и несамостоятельности; владѣтель полусамостоятельнаго государства, состоящаго подъ чьимъ-нибудь протекторатомъ, долженъ занимать второй рангъ послѣ государя самостоятельной державы, особенно той, отъ которой онъ зависитъ. Но даже полусамостоятельное государство можетъ пользоваться первенствомъ относительно постороннихъ державъ, не связанныхъ съ нимъ узами феодальнаго господства или покровительства. Вообще здѣсь трудно выводить общее правило.

Въ настоящее время для предупрежденія споровъ и пререканій придумали такое средство: если приходится заключать договоры между равными государствами, то для соблюденія международной вѣжливости слѣдуетъ прибѣгать къ такъ называемому

[1] *Галлекъ*, C. V, § 12, замѣчаетъ: «Republics have no definitive rank assigned to them by the rules of ceremonial etiquette in Europe». Дѣйствительно, въ засѣданіи 9 февр. 1815 (Ср. *Klüber*, Acten etc. T. VIII, p. 108), уполномоченные Россіи, Пруссіи, Швеціи, Франціи и Австріи, допустивъ раздѣленіе всѣхъ государствъ на три разряда, не сошлись между собою о томъ — въ какой разрядъ слѣдуетъ занести большія республики? Но обычай, въ настоящемъ случаѣ, служитъ закономъ, въ силу котораго американская и швейцарская республики пользуются тѣми-же почестями (honneurs royaux), какія предоставлены императорамъ, королямъ, великимъ герцогамъ бывшаго германскаго союза и т. д.

Digitized by Google

альтернату (Alternat), т. е. каждое изъ договаривающихся государствъ подписывается первымъ въ одной изъ копій трактата; чаще впрочемъ, въ послѣднее время, всѣ подписываются по алфавиту, какъ это и было въ вѣнскомъ трактатѣ. — Что касается до титуловъ царственныхъ особъ, то они зависятъ отъ обычаевъ и различныхъ историческихъ обстоятельствъ, и намъ не представляется никакого интереса распространяться объ этомъ предметѣ[1]. Во взаимныхъ отношеніяхъ между государями практика и международная вѣжливость установили извѣстные церемоніальные обычаи: такъ, владѣтельныя особы называютъ другъ друга (въ перепискѣ) — «братъ» и «сестра»; но эти выраженія употребляются только между равными государями, а въ отношеніи медіатизированныхъ владѣтелей существуетъ выраженіе — «cousin». Лица частныя, обращаясь къ владѣтельнымъ особамъ, должны употреблять слова: «Sire» (государь). Папа называетъ королей и государей «многолюбезными сыновьями» (Fils très-aimé, dilectissime fili—въ зват. падеж.). До XVIII ст., были еще такъ называемые притязательные титулы, т. е. титулы, выражавшіе притязаніе тѣхъ или другихъ государей на извѣстныя владѣнія. Таковъ былъ титулъ: «король кипрскій и іерусалимскій»; англійскіе короли долго не отказывались отъ своихъ правъ на французскій престолъ, возникшихъ въ XIV и XV столѣтіяхъ, и въ ихъ титулъ входилъ титулъ властителей Франціи[2].

---

[1] Титулъ составляетъ одну изъ такъ называемыхъ *королевскихъ почестей* (honores regii, honneurs royaux), къ которымъ относятся еще права на корону, гербъ, власть посылать дипломатическихъ агентовъ перваго разряда и нѣкот. другія.—Само собою разумѣется, что титулъ долженъ быть, по-возможности, отвѣчающимъ силѣ и политич. значенію государства. См. у *Ваттеля* (II, Ch. III, § 41) нѣсколько вѣрныхъ замѣчаній по этому предмету. О современномъ значеніи «императорскаго» титула Ср. *Блунчли* (L. C. 85, 86).—*Гефтеръ*, §§ 28, 53.

[2] Сравн. между прочимъ у *Филлимора*, I, 263, и у *Кальво*, § 179, надпись, сдѣланную на Фокландскихъ островахъ англійскимъ лейтенантомъ Эгмонтомъ, 22 мая 1774 года: «Qu'il soit notoire à toutes les nations que les isles de

Digitized by Google

Что касается до формъ дипломатической переписки между государями, то формы эти слѣдующія: 1) письма канцлерскія или государственно-совѣтскія (lettres de chancellerie, lettres de conseil). Это такія письма, въ которыхъ употребляется выраженіе: «Мы, Божьею милостью» и всѣ титулы адрессата и адрессанта; они контрасигнируются министромъ иностранныхъ дѣлъ и скрѣпляются государственною печатью. 2) Кабинетныя письма (lettres de cabinet), — гдѣ только прикладывается кабинетная печать и гдѣ нѣтъ ни всего титула, ни министерской контрасигнировки; здѣсь обращеніе проще, а именно: «Monsieur mon frère», «Madame ma sœur», «cousin»; и 3) письма автографныя — lettres autographes, въ которыхъ собственно извѣщаютъ объ изъѣстныхъ событіяхъ, совершившихся во владѣтельной фамиліи (рожденіе, смерть и т. п.). Они называются нотификаціонными (notification).—Супруги царственныхъ особъ пользуются всѣми титулами и преимуществами своихъ мужей-вѣнценосцевъ; но супругъ англійской королевы не пользуется правами государскими, онъ только prince consort, т. е. мужъ царственной особы. — Автографныя письма рѣдко заключаютъ въ себѣ какой-нибудь предметъ государственной важности, по-крайней-мѣрѣ это можно сказать относительно государствъ конституціонныхъ. Противные этому примѣры бывали въ государствахъ, управляемыхъ единолично. Но въ Англіи это немыслимо, такъ-какъ вопросы о внѣшней политикѣ (напр. о войнѣ) разсматриваются, съ одной стороны, особою коллегіею при королевѣ, а съ другой стороны (съ финансовой, а это самое важное) — парламентомъ.

Гораздо важнѣе всѣхъ этихъ формальностей права государей, вытекающія изъ того начала, что, уважая самостоятельность, неприкосновенность и честь государства, какъ члена международ-

---

Falckland.... appartiennent de droit uniquement à Sa Très-Sacrée Majesté Georges III, roi de la Grande Bretagne, de *France* et d'Irlande» etc.

Digitized by Google

наго союза, слѣдуетъ дѣлать то-же самое и относительно физическихъ лицъ, которыя, обладая властію, служатъ представителями государства и націи. Отсюда возникло много обычаевъ, установившихъ личную неприкосновенность (sacrosanctitas) государей. Эта неприкосновенность выработалась окончательно, какъ норма положительнаго международнаго права, лишь въ XVII столѣтіи. Въ болѣе ранній періодъ, примѣры Ричарда Львинаго Сердца, Конрадина Гогенштауфена, Маріи Стюартъ и многихъ другихъ показываютъ намъ иное. Съ XVII ст. изъ принципа личной неприкосновенности, sacrosanctitas personæ regiæ, вытекло право внѣземельности, экстерриторіальности государей. Это—извѣстная уже намъ фикція, по которой государи, пребывая за границею, считаются какъ-бы живущими у себя въ отечествѣ, а потому изъяты отъ подсудности мѣстнымъ властямъ и тому государю, въ предѣлахъ территоріи котораго они находятся. Впрочемъ, на практикѣ требуется обыкновенно согласіе одного государя на въѣздъ въ его государство другого. Обычай такой имѣетъ тотъ мотивъ, что иностранный государь, пользуясь правомъ внѣземельности, можетъ предпринять въ чужомъ государствѣ что-либо опасное для послѣдняго. Наслѣдники царственныхъ особъ также пользуются правомъ внѣземельности или экстерриторіальности.—Что касается до того, пользуются ли имъ тѣ лица, которыя de facto, если не de jure, потеряли свои владѣнія; то этотъ вопросъ въ отдѣльныхъ случаяхъ рѣшался практикою, и послѣдняя, по-видимому, желаетъ распространить внѣземельность даже на этихъ лицъ. Здѣсь можетъ быть примѣромъ неаполитанскій король, потерявшій тронъ послѣ извѣстнаго предпріятія Гарибальди. Но неаполитанскій король, живя въ Римѣ, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, поддерживалъ въ предѣлахъ бывшаго своего королевства гражданскую войну. А потому есть много причинъ склоняться здѣсь къ отрицательному отвѣту, а именно: что правитель, потерявшій свое царственное положеніе, разсматривается какъ частный человѣкъ въ чужомъ

Digitized by Google

государствѣ[1]. Изъ права внѣземельности слѣдуетъ то, что всѣ дѣйствія лица, пользующагося такимъ правомъ, будутъ безотвѣтственны и безконтрольны. А между-тѣмъ, въ нашемъ примѣрѣ, дворецъ неаполитанскаго ex-короля въ Римѣ былъ притономъ бандитовъ. Ясно, что энергическое вмѣшательство полиціи въ подобныхъ случаяхъ составляетъ интересъ не одной только международной вѣжливости: для государствъ, которыя даютъ убѣжище, не безопасно оставаться со связанными руками въ виду дѣйствій, которыя могутъ подвергнуть ихъ нравственной отвѣтственности, если уже не составить casus belli.

Съ внѣземельностью связана неподсудность судебнымъ и неподвѣдомственность полицейскимъ учрежденіямъ; но здѣсь представляются слѣдующія исключенія: 1) владѣтельное лице можетъ отказаться совершенно отъ своихъ правъ и объявить себя частнымъ человѣкомъ; тогда дѣйствуетъ то римское правило, по которому — nemo jure suo uti cogitur; 2) кромѣ добровольнаго отказа отъ внѣземельности, поступленіе одного государя на службу другого есть фактъ, по которому привилегія эта пріостанавливается; 3) если какой-нибудь владѣтельный государь пріобрѣтаетъ, на правахъ частной собственности, земли и вообще недвижимое имущество въ предѣлахъ территоріи другого государя, то пріобрѣтенныя имѣнія подлежатъ законамъ своего мѣстонахожденія (lex loci rei sitæ), и владѣлецъ ихъ подчиняется, какъ собственникъ, налогамъ, сборамъ, судебной, полицейской и государственной власти мѣстнаго правительства; наконецъ, 4) исключеніе изъ начала внѣземельности бываетъ отъ совпаденія владѣтельныхъ правъ коронованныхъ лицъ съ положеніемъ члена царственнаго дома, а слѣдовательно и подданнаго въ другомъ государствѣ. Такъ, принцъ Карлъ гогенцоллернскій, властвующій теперь въ Молдавіи и Валахіи, можетъ подчиниться суду короля прусскаго, но—какъ членъ гогенцоллернской фамиліи, глава которой

[1] Ср. *Bluntschli*, § 130.

Digitized by Google

есть прусскій король. Случались примѣры, что однимъ государемъ вчинались иски противъ другихъ владѣтельныхъ лицъ, своихъ родственниковъ; такъ, въ Англіи былъ допущенъ искъ противъ ганноверскаго короля на томъ основаніи, что онъ былъ членомъ англійскаго королевскаго дома и чрезъ это — подданный королевы великобританской [1]. При возникновеніи споровъ между государями, практика выработала для разбирательства ихъ особые третейскіе суды, куда государи, большею частію, посылаютъ своихъ агентовъ. Послѣдніе должны подчиняться, какъ уполномоченные, состоявшимся рѣшеніямъ судовъ,—и подчиненіе это обязательно для самихъ довѣрителей. Правомъ неподсудности пользуются также и президенты, если они являются въ чужомъ государствѣ какъ представители республикъ, которыя находятся въ международномъ союзѣ [2].

---

[1] Ср. *Phillimore*, II. App. IV. S. 589.—*Bluntschli*, § 140.—*Calvo*, § 509.

[2] Ср. *Bluntschli*, L. C. §§ 134, 135—158. Само собою разумѣется, что пребываніе incognito въ чужомъ государствѣ, устраняя лишь церемоніалъ при встрѣчахъ, установленный международнымъ обычаемъ, не отмѣняетъ дѣйствія внѣземельности, какъ внѣшняго, пластическаго выраженія начала независимости и верховенства самостоятельныхъ державъ. — Не составляетъ отмѣны обычая внѣземельности личное задержаніе экстерриторіальнаго лица, въ случаѣ открытыхъ, враждебныхъ дѣйствій послѣдняго противъ иностраннаго государства, въ предѣлахъ котораго это лицо находится. Справедливо замѣчаютъ по этому поводу публицисты, что здѣсь дѣло сводится не къ осуществленію уголовной юрисдикціи надъ лицомъ внѣземельнымъ, но къ праву войны.—Не ослабляютъ также общаго правила о внѣземельности, но лишь вводятъ его въ извѣстные предѣлы, въ видахъ согласованія законныхъ правъ, достоинства и верховенства всѣхъ членовъ международнаго союза, тѣ принципы относительно гражданской подсудности, которые выработаны практикою главнымъ образомъ французскихъ и англійскихъ судовъ. Выше уже было замѣчено (въ текстѣ лекціи) о томъ, при какихъ условіяхъ англійская юриспруденція допускаетъ принятіе гражданскихъ исковъ противъ внѣземельныхъ лицъ. Предсѣдатель суда (Court of Rolls) постановилъ 1844 г., въ дѣлѣ бывшаго герцога брауншвейгскаго противъ короля ганноверскаго (онъ-же—герцогъ кёмберлэндскій и тивіотдэльскій), такое рѣшеніе: «Я убѣжденъ, что его величество король ганноверскій изъятъ и долженъ быть изъятымъ отъ подсудности судамъ Англіи, какъ владѣтельное лицо и какъ король ганноверскій; но, будучи въ то-же время подданнымъ коро-

Digitized by Google

Съ правомъ государствъ и правительствъ на равенство и на честь связанъ вопросъ о морскомъ и военномъ церемоніалѣ. Было время, когда несоблюденіе правилъ этого церемоніала вызывало споры, разжигало страсти и даже вело къ войнамъ между государствами. Такъ, когда при Іаковѣ I-мъ англійское правительство издало декретъ, по которому всѣ иностранные корабли должны были салютовать англійскимъ, спуская свои національные паруса и флаги, но не получая отвѣтныхъ салютовъ (salut), то сейчасъ-же послѣдовали протестъ и запрещеніе со стороны Филиппа II испанскаго; въ случаѣ крайности, приказывалось испанскимъ морякамъ лучше пускать корабль ко дну, чѣмъ салюто-

---

левы великобританской, онъ долженъ быть подсуденъ трибуналамъ страны этой по всѣмъ тѣмъ актамъ и сдѣлкамъ, въ которыхъ онъ принимаетъ участіе, какъ подданный ея величества». — Что англійская практика твердо держится разъ установленныхъ началъ, на это указываютъ случаи, приводимые въ новѣйшихъ учебникахъ по международному праву (см. *Calvo*, pp. 636 etc.); такъ, судъ лорда-мэра лондонскаго призналъ невозможнымъ принять искъ противъ португальской королевы по дѣлу, гдѣ это экстерриторіальное лицо являлось бы въ роли «государыни португальскаго народа». — Такое-же рѣшеніе послѣдовало въ той-же инстанціи по иску, предъявленному противъ испанской королевы.—Но англійская судебная практика (съ 1828 г.) безпрепятственно допускаетъ коронованныхъ лицъ, пользующихся привилегіею внѣземельности, къ начатію ими самими исковъ противъ частныхъ лицъ, компаній и проч. отвѣтчиковъ. При этомъ соблюдается начало равенства передъ закономъ въ томъ смыслѣ, что владѣтельныя особы, начавшія искъ или тяжбу, подчиняются общимъ правиламъ судопроизводства касательно средствъ защиты, отводовъ, обезпеченій, дачи свидѣтельскихъ показаній подъ присягою и проч. На это указываетъ рядъ рѣшеній (приводимыхъ почти всѣми публицистами) въ искахъ колумбійскаго правительства противъ дома Ротшильда (1826),—въ дѣлѣ испанскаго короля противъ дома Гёллета и Уиддера—Hullet and Widder (1833 г.), въ дѣлѣ императора бразильскаго, выступавшаго передъ судомъ «скамьи королевской», въ качествѣ участника въ торговой операціи, противъ Робинсона и К° (1837), и, наконецъ, въ дѣлѣ португальской королевы противъ лондонскаго дома Ротшильда. Между прочимъ, въ искѣ бразильскаго императора, судъ обязалъ его внести денежное обезпеченіе на судебныя издержки, на томъ основаніи, что «такъ поступаетъ всякое частное лицо, выступающее въ роли истца». Въ данномъ случаѣ («dans l'espèce», какъ говорятъ французскіе адвокаты) императоръ бразильскій, принявши на себя участіе въ коммерческой операціи, изъ которой

Digitized by Google

вать. Ордонансъ Людовика XIV, въ 1689 г., предписывавшій французскимъ военнымъ кораблямъ вынуждать силою салюты отъ иностранныхъ судовъ всѣхъ флаговъ, былъ однимъ изъ поводовъ къ войнѣ между Англіею и Франціею, кончившейся рейсвикскимъ миромъ. Въ XVII столѣт. мы можемъ найдти рядъ трактатовъ, которыми закрѣплялись права Англіи и другихъ державъ на морскіе салюты. Только въ XVII стол. обнаружились первые признаки болѣе разумной системы, и здѣсь нужно указать на трактатъ Россіи съ Швеціею 1721 г., признавшій полное равенство между флагами и обязательность перваго выстрѣла отъ кораблей въ честь крѣпостей и портовъ договаривающихся сторонъ. Трак-

возникло спорное дѣло, этимъ самымъ актомъ добровольно снялъ съ себя привилегію внѣземельности и тѣмъ совершенно приравнялъ себя къ частному лицу, ищущему правосудія. Слѣдовательно, здѣсь вынудительному требованію суда не могли уже препятствовать соображенія политическаго и международнаго характера, имѣющія свое законное основаніе во многихъ другихъ случаяхъ (ср. *Bluntschli*, § 139). — Не менѣе интересны случаи изъ практики судовъ французскихъ. Изъ этихъ случаевъ, въ искѣ одного частнаго лица (un sieur Solon, 16 avril 1847; см. подробно въ Gazette des tribunaux 17 апр. того-же года; сжато—у *Кальво* рр. 637, 638) противъ вице-короля египетскаго, съ особенною ясностію высказаны сенскимъ трибуналомъ первой инстанціи тѣ начала, которыя разсматриваетъ теорія международнаго права въ ученіи о внѣземельности. Вотъ текстъ этого приговора: «Attendu que, selon les principes du droit des gens, les tribunaux français n'ont pas juridiction sur les gouvernements étrangers, *à moins qu'il ne s'agisse d'une action à l'occasion d'immeuble possédé par eux en France comme particuliers, ce qui porte attribution territoriale et exécution*;—attendu qu'en matière de déclinatoire (т. е. отвода, exceptio), le juge doit avant tout consulter les termes de la demande;—attendu que l'action de Solon est une action personnelle, qu'il motive sur un prétendu engagement dont la rupture lui aurait causé un préjudice;—attendu que toutes les expressions de la demande lui donnent le caractère personnel et révèlent *qu'elle est dirigée contre le gouvernement égyptien et non contre un particulier, ayant pour cause un intérêt privé, mais un acte administratif et gouvernemental*...;—attendu que la demande ne tend pas seulement à faire valider des saisies-arrêts pratiquées sur des marchandises appartenant soit au gouvernement égyptien, soit à Méhémet-Ali personnellement, mais d'abord et avant tout préjudiciellement à obtenir contre ce gouvernement la somme de 100.000 fr. de dommages-intérêts:

Reçoit Méhémet-Ali opposant au jugement rendu par défaut, le 25 août 1846, et, faisant droit, déclare le dit jugement non avenu».

Digitized by Google

татъ Россіи съ Франціею 1787 г., воспроизведенный въ штокгольмской и копенгагенской конвенціяхъ, вовсе отмѣнилъ салюты въ открытыхъ моряхъ и регламентировалъ ихъ только въ портахъ.

Изъ всѣхъ трактатовъ, которые заключались по этому предмету, публицисты вывели, въ настоящее время, такія правила: 1) купеческія суда не дѣлаютъ салютовъ другъ другу, такъ-что снятіе флаговъ и опусканіе парусовъ предоставляется доброй волѣ капитановъ. 2) Всѣ государства безусловно равны въ дѣлѣ салютовъ; частныя отличія, проявляющіяся иногда на практикѣ, не возводятся въ общее правило и не выражаютъ собою ни подчиненія, ни неравенства. 3) Салюты даже для военныхъ кораблей, при отсутствіи особыхъ соглашеній по этому предмету, не обязательны: они суть дѣло международной вѣжливости — comitas juris gentium, и несоблюденіе ея не считается обидой и тѣмъ болѣе не составляетъ casus belli. Но 4) гдѣ салюты опредѣлены международными правилами, тамъ они обязательны. Такъ, при встрѣчахъ между военными кораблями обычай требуетъ перваго салюта съ той стороны, гдѣ находится командиръ младшаго ранга; при встрѣчахъ одного военнаго корабля съ эскадрой, обязателенъ первый салютъ для корабля; въ обоихъ случаяхъ салюты возвращаются выстрѣлъ за выстрѣлъ. 5) Корабли, на палубѣ которыхъ находятся члены царскихъ фамилій или дипломатическіе агенты, должны получать первые салюты. 6) Обязательны салюты въ честь крѣпостей, но и такія привѣтствія должны быть отплачиваемы взаимною вѣжливостью. — Изъ внутреннихъ законовъ Европы и Америки по этому предмету можно указать съ одобреніемъ на французскій декретъ 20 мая 1868 г., такъ-какъ въ немъ законодательство наиболѣе приблизилось къ принципу равенства. Вотъ главное содержаніе его: 1) французскіе военные корабли, получая салюты отъ иностранныхъ, обязаны отдать ихъ въ равномъ количествѣ выстрѣловъ, не смотря на рангъ офи-

Digitized by Google

цера, командующаго иностраннымъ кораблемъ, и 2) французскіе военные корабли обязаны отвѣчать даже на салюты торговыхъ кораблей, но двумя выстрѣлами менѣе. — Что касается до регламентаціи по этому предмету англійскими законами, то она весьма неудовлетворительна: здѣсь нѣтъ никакой ясности, все сжато и темно. — Регламентація Соединенныхъ штатовъ, напротивъ, очень полна различнаго рода правилами, относящимися даже къ рангамъ офицеровъ, командующихъ судами. Надо замѣтить, что случаи столкновеній между американскими и европейскими офицерами бываютъ очень часты, такъ-какъ трудно перевести на европейскіе ранги названія американскихъ морскихъ чиновъ, напр. рангъ командора [Подобныя столкновенія произошли въ Мексикѣ, въ 1839 г., между однимъ американскимъ командиромъ и французскимъ вице-адмираломъ (Bodin), и въ 1830 г. въ Тулонѣ между англійскимъ капитаномъ и американскимъ командиромъ]. Совершенно справедливо высказываютъ желаніе, чтобы салюты, если уже они необходимы, имѣли значеніе не личныхъ салютовъ въ честь того или другого офицера, а происходили въ честь націи и ея флага. Тогда отнимется одинъ изъ поводовъ къ столкновеніямъ изъ-за церемоніала.

Территоріальная власть государствъ. — Способы пріобрѣтенія и отчужденія территоріи.

§ 21. Важность вопроса о территоріальной власти ясна изъ общаго понятія государства, которое немыслимо безъ извѣстнаго географическаго пространства, для возникновенія политическаго союза и для достиженія имъ своихъ цѣлей. Народъ и отечество безъ земли есть абсурдъ. Наконецъ государство, какъ юридическое лице, имѣетъ извѣстныя права и обязанности, и осуществленіе ихъ представляетъ тѣ логическія основанія, изъ которыхъ вытекаетъ, какъ нѣчто необходимое, право государства имѣть собственность. Совокупность правъ государствъ, какъ юридиче-

Digitized by Google

скихъ лицъ, на извѣстныя вещи, въ извѣстныхъ географическихъ предѣлахъ, и притомъ правъ, исключающихъ постороннее вмѣшательство, такая совокупность правъ даетъ понятіе о domaine international (международной собственности). Территорія государства есть одна изъ составныхъ или интегральныхъ частей международной собственности. — Но тѣмъ не менѣе территоріальная власть не есть dominium по гражданскому праву: государи и правители обладаютъ всѣмъ по началу imperium, но не вотчиннаго владѣнія. «Частныя лица владѣютъ вещами по началу dominium; государь обладаетъ всѣмъ посредствомъ imperium». Omnia Rex imperio possidet, singuli dominio, говорятъ публицисты. Съ одной стороны, территоріальная власть обнимаетъ даже ту массу вещей, которыя изъяты изъ гражданскаго оборота (commercium juris) между частными людьми. Субстратъ территоріальной imperium представляется болѣе широкимъ, чѣмъ субстратъ права частной собственности, по гражданскимъ законамъ. Всѣ вещи, quæ extra commercium sunt, по гражданскому праву — publicæ, communes — составляютъ предметъ государственной собственности. Съ другой стороны, территоріальная власть какъ-бы возвышается надъ правомъ частной собственности — dominium — тѣмъ, что можетъ распоряжать имуществомъ отдѣльныхъ лицъ путемъ отчужденій въ видахъ общественной пользы (Expropriation pour cause de bien public — у французскихъ юристовъ).

Но для насъ существенно то, что территоріальная власть проявляется и должна проявляться главнымъ образомъ въ юрисдикціи, и такимъ образомъ она не есть обладаніе съ правомъ безграничнаго распоряженія вещами по существу, съ произволомъ касательно пользованія и даже злоупотребленія — uti et abuti. Территоріальная власть есть выраженіе или формула для законнаго владычества и распоряженія надъ всѣмъ, находящимся въ предѣлахъ извѣстнаго государства, — и владычество это не только не исключаетъ, но охраняетъ имущественныя права частныхъ лицъ. «*Quid-*

Digitized by Google

quid est in territorio, est etiam de territorio» — говорятъ публицисты. Различіе между вещами движимыми и недвижимыми, тѣлесными и безтѣлесными примѣняется и къ международному праву. — Само собою разумѣется, что среди вещей, способныхъ быть объектомъ международнаго права, занимаетъ самое видное мѣсто земля или территорія, такъ-какъ безъ нея немыслимо существованіе націи и государства. Видъ или форма территоріи — ея округленность или растянутость, ея цѣльность или черезполосность — совершенно безразличны: вся сущность дѣла въ томъ, чтобы была территорія, подчиненная одному закону и опредѣленному правительству. Однимъ словомъ, подъ международною собственностью (domaine international) нужно разумѣть: общую и исключительную принадлежность государству какъ самой территоріи, такъ и извѣстныхъ вещей, тамъ находящихся[1]. Право совладѣнія — condominium — двухъ правительствъ на одну и ту-же государственную область (примѣры чего представлялись иногда въ средневѣковой и даже болѣе близкій къ намъ періодъ исторіи Европы) не уничтожаетъ понятія и факта международной собственности. — *Личность подданныхъ не можетъ быть предметомъ права собственности*, высказалъ еще Г. Гроцій.

И такъ, территоріальная власть не есть вотчинное и патримоніальное обладаніе; но представляетъ особаго рода господство, главнымъ выраженіемъ котораго служатъ, при устраненіи чужаго распоряженія, самостоятельное политическое властвованіе и юрисдикція. Что таковъ характеръ территоріальной власти — въ этомъ можно убѣдиться примѣромъ французскихъ государственныхъ законовъ: Франція до 1789 г. была государствомъ неограничен-

[1] Ср. *Ortolan*, «Du domaine international», pp. 20, 21. «On peut dire... que c'est le droit qui appartient à une nation d'user, de prendre les produits, de disposer d'un territoire à l'exclusion des autres nations, et d'y commander comme pouvoir souverain, indépendamment de toute Puissance extérieure: droit qui emporte, pour les autres Etats, l'obligation correlative de ne point mettre obstacle à l'emploi que fait de son territoire la nation propriétaire».

Digitized by Google

нымъ въ полномъ смыслѣ слова; но тѣмъ не менѣе однимъ изъ наиболѣе твердыхъ основныхъ законовъ ея было начало неотчуждаемости государственныхъ доменовъ. — Но если даже абсолютная власть правительства не можетъ дать ему вотчиннаго права не только надъ лицами, но и надъ вещами; то территоріальная власть есть власть особаго рода, чѣмъ dominium по гражданскому праву[1]. Въ качествѣ довода, который можетъ подкрѣпить собою выставленное положеніе, замѣтимъ, что государи могутъ пріобрѣтать себѣ земли на правахъ частнаго владѣнія не только въ чужихъ государствахъ, но и въ своемъ собственномъ. Здѣсь они разсматриваются какъ и всѣ другіе хозяева по гражданскому праву. Если-бы не было различія между domaine international и гражданскимъ или частнымъ dominium; то подобнаго рода явленіе было бы немыслимо.

Но территоріальная власть, проявляясь, какъ синонимъ высшаго владычества надъ всѣмъ, находящимся въ государствѣ, встрѣчаетъ для себя физическіе предѣлы въ границахъ государства, которыя опредѣляются или естественно, или искусственно. Наука до сихъ поръ не выяснила, что такое естественные предѣлы различныхъ націй, и едва-ли было бы желательно установленіе догматовъ въ этомъ отношеніи. Примѣръ Франціи и Германіи показываетъ эту опасность: при абсолютной теоріи естественныхъ границъ, для Франціи вытекало бы право на извѣстную часть Германіи; а для Германіи явилось бы право завладѣть Бельгіею и даже Голландіею, которая есть аллювій Рейна. Тѣмъ не менѣе часто границами государствъ служатъ моря, горы, степи и рѣки, хотя послѣднія и не всегда могутъ считаться границами, такъ-какъ онѣ не раздѣляютъ націй, а, напротивъ, служатъ жилами, соединяющими ихъ[2]. Но гдѣ рѣки — границы, тамъ примѣняются опредѣ-

[1] Ср. *Блунчли*, § 270 etc.: «In der Gebietshoheit liegt nicht das Eigenthum an dem Boden».

[2] О границахъ см. между прочимъ *Блунчли*, §§ 296—303. Здѣсь мы читаемъ

Digitized by Google

ленія римскаго права о владѣніи прибрежныхъ собственниковъ. Иногда русло рѣки или фарватеръ служатъ границами. — Чаще установленіе предѣловъ территоріи государства есть дѣло искусственное, опредѣленное въ документахъ, въ актахъ; причемъ линіи границъ могутъ быть представлены только математически. Вообще значеніе границъ очень важно, потому-что юрисдикція не можетъ простираться за предѣлы государства. Извѣстно уже, что колоніи, признавшія связь свою съ метрополіею или удержавшія ее при самомъ основаніи своемъ, считаются частью территоріи, хотя-бы и были отдѣлены большимъ пространствомъ отъ государства — метрополіи [1].

Способы пріобрѣтенія права собственности имѣютъ значеніе не въ одномъ гражданскомъ правѣ. Хотя въ настоящее время не возможны многіе способы пріобрѣтенія территоріи, которые употреблялись прежде, — хотя многіе способы, ведущіе свое начало отъ римскаго права, теперь значительно измѣнились; но, въ общихъ чертахъ, и къ международному праву приложимо раздѣленіе на способы первоначальные и производные — modi acquirendi originarii et modi acquirendi derivativi. Послѣ длиннаго ряда переворотовъ отъ вторженія германцевъ въ римскую имперію до вѣнскаго конгресса, конечно, occupatio, т. е. завладѣніе вещами, никому непринадлежащими, какъ способъ пріобрѣтенія территоріи, немыслимъ теперь въ Европѣ; но нельзя сказать того-же относительно территоріальныхъ завладѣній въ другихъ частяхъ свѣта. Приведемъ слова, сказанныя недавно (въ генварѣ 1874 г.) С.

---

1) въ случаѣ споровъ, при естественной границѣ въ видѣ горнаго кряжа, межою считается высшая линія горнаго хребта и водораздѣлъ; 2) при границѣ въ видѣ рѣки — середина ея, при судоходности рѣкъ — ихъ фарватеръ; 3) при перемѣнѣ теченія, границу составляетъ прежнее русло; 4) то-же правило, что дѣйствуетъ относительно рѣкъ, примѣняется къ пограничнымъ озерамъ.—Ср. *Гроцій*, II. 3; 17, 18.—*Ваттель* I, p. XXII. § 266 etc.

[1] Ср. *Heffter*, § 68, гдѣ ученый германскій причисляетъ къ территоріи государственной, сверхъ колоній, всѣ вещныя права, всѣ недвижимости, сервитуты и узуфрукты въ чужой области.

Digitized by Google

Самуиломъ Бэкеромъ, извѣстнымъ изслѣдователемъ Африки и героемъ только-что закончившейся экспедиціи къ верховьямъ Нила: «Лишь нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ — говоритъ С. Сам. Бэкеръ — флагъ нашъ поднятъ на берегахъ М. Гвинеи. Но гораздо раньше, Австралія была присоединена лишь вслѣдствіе одного желанія нашего присоединить ее. Если-бы кто изъ крейсеровъ ея брит. величества усмотрѣлъ какой-нибудь новый, только-что поднявшійся изъ воды островъ, то, прежде чѣмъ послѣдній успѣлъ бы обсохнуть отъ морскихъ волнъ, флагъ нашъ былъ бы уже поднятъ на немъ..... Развитіе варварскихъ странъ всегда проходитъ извѣстныя ступени: прежде всего ихъ открываютъ; затѣмъ занимаютъ; причемъ занятіе часто оканчивается войною: побѣда ведетъ къ умиротворенію вновь занятой страны, а затѣмъ уже начинается прогрессивное развитіе путемъ торговли»[1]. Вотъ почему всѣ современные публицисты серьезно занимаются разработкою вопроса объ occupatio, какъ международнаго способа пріобрѣтенія территорій. «Государство, — говоритъ Галлекъ, — можетъ пріобрѣтать домены различными путями: занятіемъ, открытіемъ, побѣдою, заключеніемъ формальныхъ трактатовъ или даже tacito consensu прежняго владѣльца — дареніемъ, мѣною и т. д., т. е. всѣми способами, какіе существуютъ и для пріобрѣтенія частной собственности». Въ-частности, касательно давности, usucapio или præscriptio, нужно сказать, что она на столько-же, если не болѣе, желанна въ приложеніи къ праву международному какъ и къ гражданскому. Основаніе для давности, raison d'être usucapio по гражданскому праву, есть уменьшеніе споровъ — litium minuendorum causa; но для между-

[1] Ср. почти ту-же мысль у *Ортолана* (L. C. P. 43). «...Des intérêts actuels se rattachent encore à ces controverses (т. е. о законныхъ условіяхъ и юридич. послѣдствіяхъ занятія, occupatio, территорій); les découvertes qui ont été faites (depuis Vasco-Gama, Colomb), celles qui peuvent avoir lieu encore en offrent ou peuvent en offrir de nouvelles applications».—См. у того-же автора p. 97.

Digitized by Google

народнаго права основаніе это усиливается тѣмъ простымъ соображеніемъ, что, по извѣстнымъ причинамъ, споры и несогласія между государствами влекутъ за собою гораздо бо́льшія невыгоды и потрясенія, чѣмъ гражданскія тяжбы[1]. Кальво говоритъ вслѣдъ за Ваттелемъ, что если-бы разбирать основанія и титулы правъ на государственныя территоріи, то едва-ли бы нашелся одинъ правитель, который удержался бы въ своихъ владѣніяхъ; международный миръ при такомъ положеніи дѣлъ оказался бы невозможною химерою. Треверсъ Твиссъ (I. 178) замѣчаетъ: «Истеченіе времени отнимаетъ доказательство на прежнія владѣнія у націй такъ-же, какъ и у частныхъ лицъ». Но при этомъ нельзя не обратить вниманія на слѣдующія слова Ваттеля: «Вопросъ о международной давности представляетъ много затрудненій, и потому-то особенно можно желать, чтобы сосѣднія націи установляли по трактатамъ правила касательно срока давности; на основаніи одного естественнаго права нельзя вывести никакой опредѣленной нормы по этому предмету». Но такое требованіе до сихъ поръ не выполнено, и нѣтъ надежды на скорое его удовлетвореніе[2].

Теперь разсмотримъ прочіе виды способовъ пріобрѣтенія международной собственности. Клюберъ говоритъ: «Государства могутъ пріобрѣтать вещи, никому непринадлежащія, — res nullius, — посредствомъ занятій или завладѣній, а вещи, имѣющія хозяевъ, — посредствомъ соглашеній»[3]. Занятіе и завладѣніе истари получили признаніе въ Европѣ, хотя давно уже перестали придавать какое-либо значеніе исключительнымъ притязаніямъ

[1] Ср. *Wattel*, II. XI, §§ 147, 148, 149, 150, 151. — *Grotius*, II; IV; §§ 1; 3—8. — *Phillimore*, I; pp. 271—281.

[2] Теоретическія и практическія трудности вопроса о международной давности очень ясны у *Ортолана*, L. C. §§ 171—203, также у *Гефстера* § 11. — «Hundert Jahre Unrecht — говоритъ Геффтеръ — ist noch kein Jahr Recht». — *Филлиморъ* допускаетъ давность; но отрицаетъ возможность и цѣлесообразность установленія однообразнаго срока и т. д.

[3] Droit des gens. L. II, c. 1. § 125.

Digitized by Google

на завладѣніе тою или другою частію материка, какъ это было съ испанцами и португальцами послѣ буллы папы Александра Борджіо. Теперь правомъ завладѣнія могутъ пользоваться на равныхъ правахъ всѣ государства Европы и Америки, лишь бы самый актъ завладѣнія или occupatio отвѣчалъ извѣстнымъ требованіямъ, которыя строго обязательны. Теорія международнаго права такъ опредѣляетъ эти условія: во 1-хъ, для завладѣнія или занятія нужна, какъ говорятъ юристы, præsumptio juris et de jure о томъ, что данная территорія есть res nullius, или безхозяйная; во 2-хъ, нужна нотификація — оповѣщеніе сосѣднихъ государствъ и всего образованнаго міра о томъ, что данная территорія занята извѣстнымъ государствомъ. Для нотификаціи недостаточно словъ или манифестовъ, заявленію должно предшествовать дѣйствительное занятіе территоріи. Мартенсъ[1] говоритъ: «нужно, чтобы фактъ occupatio (завладѣнія) совпадалъ съ явною, открытою волею — пріобрѣсти данную землю». Другими словами, требованія теоріи международнаго права подходятъ къ условіямъ владѣнія по римскому праву, т. е. animus et corpus possidendi[2].

Но трудно опредѣлить — какіе должны быть внѣшніе знаки, чтобы доказать совмѣстное существованіе воли и намѣренія владѣть, animus et corpus possidendi, въ данномъ случаѣ завладѣнія. Было время, когда этимъ вопросомъ занимались очень много; но, послѣ Бенкерсгука и Мартенса, никто уже не станетъ въ подробности разбирать: достаточно-ли какому-нибудь (полож. англійск.) капитану водрузить крестъ на занятой землѣ, или флагъ, или иной знакъ съ надписью, что «такая-то территорія принадлежитъ ея британскому величеству». Подобные пріемы при завла-

---

[1] Précis du droit des gens, § 37.

[2] Положенія эти составляютъ одинъ изъ тѣхъ основныхъ пунктовъ, по которымъ нѣтъ разногласія между публицистами, отъ предшественниковъ Гроція до нашихъ временъ.—Ср *Филлимора*, I. § 229, p. 245 etc.

Digitized by Google

дѣніяхъ были очень распространены въ XV и XVI ст.[1]. Бенкерсгукъ, разъ навсегда, сдѣлалъ невозможнымъ основывать занятіе территорій на одной обрядовой или формальной сторонѣ вопроса. Разбирая примѣчанія Томазія къ одному ученому трактату Ульриха Губера (голланд. юриста), Бенкерсгукъ замѣчаетъ: «Конечно, можно удержать владѣніе занятою территоріею, а при непрерывности владѣнія пріобрѣсти и полное право собственности, всѣми тѣми способами, какіе перечисляетъ Томазій. *Но лучше всего доказывается владѣніе обработкою земли и заботою о ней.* (Cultura itaque et cura agri possessionem quam maxime indicat). Не желаю я — да и никогда не желалъ — чтобы тотъ лишь признавался владѣльцемъ, кто носитъ на спинѣ, подобно черепахамъ, всѣ пожитки свои, или кто сидитъ, словно курица на яйцахъ, на недвижимомъ своемъ имуществѣ. Кромѣ намѣренія, требуется еще удержаніе, *но въ какой хотите формѣ, лишь бы она доказывала, что не прекратилось фактическое обладаніе.* (Præter animum, possessionem desidero, sed qualemcunque, quæ probet me nec corpore desiisse possidere)»[2]. И такъ, открытіе, за которымъ слѣдуетъ дѣйствительное занятіе (occupatio), составляетъ законный способъ и твердое основаніе или titulus для пріобрѣтенія территоріи. Обычай заставляетъ признать права на извѣстную территорію за даннымъ государствомъ, если за нотификаціею не послѣдовало сей-часъ заселеніе при той презумціи, что скоро послѣдуетъ фактиче-

---

[1] Ср. между прочимъ у Фи лимора, а также у Кальво (P. 300) вышеупомянутую надпись капитана Клэйтона въ 1774 году, при покинутіи англичанами Малуинскихъ или Фокландскихъ острововъ, въ эпоху споровъ съ Испаніею изъ-за обладанія этою колоніею.

[2] См. *Bynkershock*, De dominio maris. Cap. I. De origine dominii. p. 126. Op. Omn. Edit. 1767. Ср. ту-же мысль у *Цицерона* De Rep. L. 1. c. 17: Quam est hic fortunatus putandus, cui soli vere licet omnia, non Quiritium, sed sapientium jure pro suis vindicare! Nec civili nexo, sed communi, lege naturæ, *quæ vetat ullam rem esse cujusquam, nisi ejus qui tractare et uti sciat*».

Digitized by Google

ское занятіе (cura et cultura)[1]. Само собою разумѣется, что совершенно достаточно, если заселеніе, пользованіе и охрана происходили только на извѣстныхъ пунктахъ занятой территоріи; не нужно, чтобы на всѣхъ частяхъ ея находились знаки осуществившейся cultura и cura. Если на какомъ-либо островѣ главныя позиціи заняты и охраняются фортами, то подчиненіе прочихъ мѣстностей слѣдуетъ уже, подобно accessorium ad principale, само собою, ratione vicinitatis (по причинѣ сосѣдственнаго положенія остальныхъ частей). Ratio vicinitatis дѣйствуетъ также въ частныхъ вопросахъ о правѣ на рѣку, на острова, въ устьяхъ ея находящіеся, на землю прибившуюся къ берегу или оторванную отъ нея (alluvio, avulsio). Относительно острововъ въ устьѣ рѣки ratio vicinitatis подкрѣпляется необходимостью защиты[2].

Спрашивается теперь, какъ разсматривать тотъ случай, когда извѣстный островъ занятъ только въ своихъ окраинахъ? Европейцы часто владѣютъ только прибрежною полосою земли, а внутри острововъ живутъ дикія племена. Международное право, прилагая здѣсь принципъ, высказанный Бенкерсгукомъ, говоритъ: не смотря на то, что лишь однѣ окраины заняты европейцами, весь островъ долженъ считаться ихъ собственностію, потому что, владѣя берегами, легко защищать весь островъ и недопускать обитателямъ внутренней части его никакихъ сношеній. Правительству, завладѣвшему окраинами, принадлежитъ полная юрисдикція, а гдѣ есть послѣдняя, тамъ есть и владѣніе по международному праву, хотя-бы и не было экономической эксплуатаціи всей территоріи. — Другой вопросъ:

[1] См. лондонскую конференцію 1826 г. между американскимъ и англійскимъ правительствами по поводу занятій послѣднимъ извѣстныхъ территорій.

[2] Ср. *Филлимора* I. § 232. p. 247, 248. О ratio vicinitatis, объ его значеніи и о тѣхъ злоупотребленіяхъ, которыя дозволяли себя морскія державы Европы и Америки при толкованіи общаго правила, которое, по существу своему, всегда будетъ страдать отсутствіемъ желанной точности. «In truth, говоритъ Филлиморъ, it is impossible to more than lay down a broad general rule» etc.

Digitized by Google

достаточно ли одного заселенія территоріи для пріобрѣтенія на нее права собственности помимо открытія и завладѣнія, — тоже разрѣшается положительно; притомъ, если заселеніе длится долгое время, то и пріобрѣтается прямо право международной собственности. Срокъ же и здѣсь неопредѣленъ, какъ замѣчено это выше по общему вопросу о давности.

Въ связи съ occupatio стоитъ вопросъ о земляхъ дикихъ племенъ, которыя до послѣдняго времени считались какъ res nullius. Этотъ предметъ имѣетъ особенное значеніе въ Америкѣ, а также для насъ (въ Туркестанѣ, Хивѣ и т. д.). Само собою разумѣется, теперь никто не станетъ признавать принципа тордезильскаго договора, по которому христіане имѣютъ не только человѣческое, но и божеское право завладѣвать землями язычниковъ съ цѣлью обращенія ихъ въ христіанство. Еще предшественникъ Гроція Витторія (въ своемъ соч. De Indiis) отвергъ такую теорію. Однако же Ваттель говоритъ: «Вся земля предназначена къ тому, чтобы кормить своихъ обитателей; но она не можетъ удовлетворять такому назначенію, если ее оставляютъ безъ обработки. И такъ, каждая нація обязана, по естественному праву, воздѣлывать ту страну, которая выпала ей на долю... Народы, которые, занимая плодоносныя земли, пренебрегаютъ ихъ обработкою и предпочитаютъ жить грабежемъ, не выполняютъ обязанностей по отношенію къ самимъ себѣ, оскорбляютъ своихъ сосѣдей и достойны того, чтобы ихъ истребляли какъ дикихъ звѣрей. *Есть и такія племена, которыя, избѣгая труда, хотятъ жить одною охотой или своими стадами.* Кто, сохраняя такой образъ праздной жизни, захватываетъ болѣе земли, чѣмъ сколько было бы нужно при честномъ трудѣ, тотъ не можетъ жаловаться, если другія націи, болѣе трудолюбивыя, но въ то-же время тѣсно населенныя, придутъ и заберутъ части территорій» (I. VII. § 81). — Но, принявъ въ соображеніе, что для цивилизаціи и прогресса важнѣе всего обработывать землю и извле-

Digitized by Google

кать изъ нея болѣе продуктовъ, пришлось бы вслѣдъ за Ваттелемъ сдѣлать такой выводъ: можно и должно отнимать земли у дикарей посредствомъ эмиграцій и переселеній. Однако-же такого ученія въ настоящее время не признаетъ ни теорія, ни практика, и американецъ Уитонъ сурово порицаетъ господствовавшую политику по аграрному вопросу у дикарей[1]. Вотъ что можно бы сказать вслѣдъ за Уитономъ и отчасти Маршалемъ объ этой политикѣ: «европейцы, и за ними американцы, признали извѣстныя правила о томъ, какъ завоевывать территоріи, но, сталкиваясь съ дикими, они забываютъ собственныя постановленія и принципы: т. е. убиваютъ, спаиваютъ, развращаютъ и вообще дѣйствуютъ вѣроломно; а подобныхъ пріемовъ нельзя оправдать ни съ христіанской точки зрѣнія, ни съ точки зрѣнія основныхъ началъ международнаго права».— Въ настоящій моментъ, этотъ вопросъ поставленъ иначе въ Америкѣ, и нѣкоторыя дикія племена выговорили уже себѣ право родоваго владѣнія на извѣстныхъ территоріяхъ.

Что касается до Россіи и ея политики относительно кочевниковъ, то здѣсь самый строгій и безпристрастный судья долженъ отнестись одобрительно. У Россіи земли много; она не наполнена эмигрантами, не населена народомъ, подобнымъ янки, которые не даютъ удержа своимъ пріобрѣтательнымъ инстинктамъ и страстямъ; вотъ почему въ Россіи не было столкновеній по аграрному вопросу съ инородцами. Сколько извѣстно, наше правительство, требуя признанія своей юрисдикціи отъ калмыковъ и другихъ номадовъ, предоставляетъ имъ въ пользованіе огромное количество земли.

Что касается до modi acquirendi derivativi (производныхъ способовъ); то, въ настоящее время, въ отдѣлѣ этомъ особенно многое измѣнилось сравнительно съ прошлыми вѣками. Прежде, но не теперь, можно было признать мнѣніе о томъ, что существуетъ совер-

[1] Ср. *Pillimore*, I. §§ 245, 246. Мнѣніе Маршала у *Тр. Твисса*, I. § 129.

Digitized by Google

шенное тождество между произвольными способами пріобрѣтенія права собственности въ гражданскомъ и международномъ правѣ. Не только въ средніе вѣка, но и позже (въ XVIII ст.) случались часто примѣры отчужденія территорій посредствомъ продажи, дареній, etc. (въ 1768 г. Корсика заложена Франціи), потому-что тогда смотрѣли на государство какъ на вотчину. Но теперь патримоніальный характеръ власти уступилъ мѣсто иному началу, болѣе сообразному съ достоинствомъ государства и подданныхъ его. Уступка подданныхъ въ видѣ купли-продажи не мыслима въ тотъ вѣкъ, который гордится окончательнымъ изгнаніемъ крѣпостнаго права во всей Европѣ[1]. Сама дипломатія заговариваетъ о желаніяхъ и политическихъ симпатіяхъ населенія. Въ этомъ насъ могутъ убѣдить даже слѣдующіе трактаты: туринскій (объ отчужденіи Савоіи), лондонскій 1863 года (объ уступкѣ іоническихъ острововъ Греціи), пражскій 1866 года (объ уступкѣ Голштиніи Пруссіи) и вѣнскій (объ уступкѣ Венеціи сначала Франціи, а потомъ о переуступкѣ ея Италіи 24 авг. и 3 окт. 1866 г.). Во всякомъ случаѣ, теперь безвозвратно прошла пора патримоніальныхъ сдѣлокъ[2]. Даже тогда, когда

---

[2] *Bluntschli*, L. C. § 292, 293 о мѣнѣ, куплѣ-продажѣ, денежныхъ рентахъ и наслѣдственныхъ правахъ династій. Ср. *Heffter*, §§ 71, 72. *Phillimore*, Vol. I. *Chapt.* XIV, гдѣ представлено весьма много историческихъ примѣровъ. *Calvo*, §§ 180—187. *Grotius*. II. Cap. VI.

[1] *Ortolan*, «Du domaine international» etc., p. 69. «Sans doute, une nation a le droit de céder une portion de territoire; mais a-t-elle pu changer la nationalité des habitants sans leur propre consentement? Cette idée ne répugnait pas beaucoup au moyen age, alorsque le seigneur cédait des terres avec les serfs attachés à la glèbe, alorsqu'on était habitué à voir les provinces passer de famille en famille, par suite de mariages ou de testaments des princes; mais aujourd'hui, on doit reconnaitre en principe que le consentement des habitants d'un territoire est nécessaire pour pouvoir opérer leur changement de nationalité etc. — Ср. *Grotius*, Livr. II. Ch. VI. § 4 (перев. Прадье-Фодера): «Pour l'aliénation d'une partie de l'État on requiert quelque autre chose de plus: c'est que la portion qu'il s'agit d'aliéner y consente. Car ceux, qui se réunissent pour former un État, contractent une sorte d'association sans interruption et éternelle, à l'égard des parties, qui sont dites intégrantes» etc.

Digitized by Google

происходитъ отчужденіе земель по трактатамъ, обыкновенно постановляютъ, что жители присоединяемыхъ территорій имѣютъ право выселяться изъ нихъ въ опредѣленное время (это есть и въ трактатѣ о присоединеніи къ Германіи Эльзаса-Лотарингіи. См. Staatsarchiv, XX B., № 4443. Текстъ трактата 10 мая 1871 г., ст. 2). При такихъ условіяхъ бываютъ и въ наше время уступки

Vattel, I. §§ 263, 264. 265. «Une nation se doit conserver elle même; elle doit conserver tous ses membres.... Elle n'est donc point en droit de traliquer de leur état et de leur liberté pour quelques avantages qu'elle se promettrait d'une pareille négotiation» etc. В. § 264, Ваттель признаетъ даже за отчуждаемою частью право сопротивленія: Séparée de la société dont elle étoit membre, elle rentre dans tous les droits; et s'il lui est possible de défendre sa liberté contre celui qui voudrait la soumettre, elle lui résiste légitimement etc. Здѣсь мы видимъ крайній выводъ изъ ученія, построеннаго Гроціемъ на понятіи обществ. договора, который лежитъ въ основѣ взглядовъ его на государство.— Новѣйшіе писатели далеки отъ рѣшительнаго тона Ваттеля. Ср. *Holtzendorff*, L. C. 785, 786. «Als entscheidend in völkerrechtlicher Beziehung kann indessen nur der Wille der betheiligten Staatsgewalten angesehen werden; doch kehrt hier die bereits einmal besprochene Streitfrage wieder: ob die unterlassene oder verweigerte Genehmigung einer staatsgrundsätzlich dazu berufenen Volksvertretung das Rechtsgeschäft hinterher ungültig machen würde? *Keinenfalls kann vom Standpunkt der heutigen Entwickelung aus behauptet werden, dass eine Zustimmung der Mehrheit einzelner Individuen in den abzutretenden Gebietsstücken erforderlich sei;* noch viel weniger, dass gegen den Willen der Staatsgewalt eine Vereinigung abgefallener Provinzen mit fremden Mächten einfach zu dulden sei würde».—*Блунчли* (L. C. § 286 etc.) сильнѣе Гольцендорфа настаиваетъ на значеніи открытаго согласія или же, по крайней мѣрѣ, молчаливаго признанія совершившейся перемѣны со стороны населенія отчуждаемой территоріи. Подвергая юридическому анализу сущность уступочныхъ сдѣлокъ о населенныхъ территоріяхъ, гейдельбергскій профессоръ признаетъ, по-видимому, за essentiale negotii, согласіе или «признаніе со стороны того, надѣленнаго политическими правами, населенія, которое обитаетъ въ уступаемой области и переходитъ въ составъ новаго государства» (§ 286). Но здѣсь же читаемъ оговорку такого рода, что «достаточно признанія одной *необходимости*, и нѣтъ нужды (хотя бы это и было желательно) въ свободномъ и радостномъ (freie und freudige) согласіи населенія. И необходимость, которой подчиняются неохотно и противъ воли, какъ чему-то неизбѣжному, создастъ новое право въ публичныхъ отношеніяхъ».—Рѣшительнѣе высказывается Блунчли въ пользу согласія населенія, касаясь тѣхъ случаевъ, когда область одного государства переходитъ къ другой державѣ безъ передачи, или traditio, со стороны прави-

Digitized by Google

извѣстныхъ частей территоріи, похожія на купли; такъ, въ 1867 или 1868 г. Данія уступила Соединеннымъ штатамъ изъ Антильскаго архипелага острова св. Іоанна и св. Томаса (Ѳомы) за семь съ половиною милл. долларовъ; Россія уступила свои американскія владѣнія Соединеннымъ штатамъ за 7.200.000 долларовъ.

тельства, а именно: въ силу простаго отреченія подлежащей верховной власти отъ господства (соотвѣтственно съ rei derelictio въ римскомъ правѣ), въ слѣдствіе отложенія самихъ жителей — отложенія, обоснованнаго достаточными причинами — отъ прежняго государства и присоединенія къ государству новому и, наконецъ, въ силу подчиненія «культурной необходимости» содѣйствовать развитію новаго національнаго государства (sic), (§ 288... «In Folge des nothwendigen Fortschrittes in der Entwickelung eines nationalen Staates»). Во всѣхъ этихъ случаяхъ, признаніе новой государственной власти населеніемъ присоединенной области составляетъ необходимое условіе правомѣрнаго пріобрѣтенія территоріи.—Но здѣсь подымается вопросъ: какимъ принципомъ, свободы или необходимости, руководствоваться въ томъ случаѣ, если населеніе области, существенно-необходимой по мнѣнію руководящихъ и могущественныхъ политиковъ для развитія новаго національнаго государства, не будетъ сознавать своего «культурнаго призванія» и откажетъ въ согласіи? Является столкновеніе двухъ началъ —свободнаго согласія жителей и культурной потребности содѣйствовать развитію національнаго государства, — и, кажется намъ, что формула Блунчли оказывается здѣсь весьма-эластичною. Вопросъ неизбѣжно будетъ разрѣшенъ силою (mit Blut und Eisen), тѣмъ болѣе, что самъ-же Блунчли принимаетъ «такую необходимость, которой подчиняются неохотно и противъ воли, но которая однако же создаетъ право въ публичныхъ отношеніяхъ» (см. выше).—Съ другой стороны, согласились ли бы національно-либеральные политики Германіи на принятіе вышеуказаннаго правила касательно suffrage universel по отношенію къ славянской народности, если-бы она сознала «культурную необходимость содѣйствовать развитію новаго національнаго государства»?. Выдержало ли бы себя, хотя-бы относительно славянской Познани, правило Блунчли: «Indem sich die Nation als Eins fühlt und zum Volke wird, schafft sie sich *mit Recht* die Bedingungen ihres staatlichen Gesammtlebens, und es steht den Theilen das Recht nicht zu, das Leben des Ganzen zu verhindern»? Ясно, что во всемъ данномъ предметѣ мы имѣемъ дѣло съ однимъ изъ тѣхъ вопросовъ, гдѣ принципъ останавливается на полусловѣ передъ силою, гдѣ коренное право подчинается въ своемъ дѣйствіи оговоркѣ «clausula rebus sic stantibus», вызывая безконечные споры публицистовъ и питая скептицизмъ относительно международнаго права. — Какъ-бы то ни было, но, въ принципѣ, самодержавное государство можетъ отчуждать части своей территоріи, какъ властно дѣлать это всякое правоспособное лицо въ гражданскихъ отношеніяхъ. На практикѣ же, отчужденіе территорій обставлено многими условіями

Digitized by Google

О территоріальномъ владѣніи надъ морями.

§ 22. Только два съ половиною вѣка прошло со времени полемики Гуго Гроція съ Сельденомъ. Послѣдній опровергалъ главныя положенія Гроція, высказанныя имъ въ его Mare liberum (1609 г.), и замѣчалъ, что океанъ великъ, но не безпредѣленъ. такъ-какъ параллельные круги и меридіанъ представляютъ такія же пограничныя линіи, какъ и горы, рѣки и т. п. на сушѣ. По его мнѣнію, океанъ можетъ и долженъ принадлежать на правѣ dominii; если и позволяется многимъ народамъ плаваніе по океану, то это не болѣе какъ сервитутъ, которымъ пользуются государства, не владѣющія океаномъ. Сельденъ подкрѣплялъ свою теорію многочисленными примѣрами, затрогивая географію, исторію и цѣлую массу юридическихъ актовъ. Но не смотря на громадную эрудицію Сельдена, не смотря на поддержку пар-

---

и требованіями конституціоннаго характера. Совершенно справедливо замѣчаніе публицистовъ, что было бы опасно дать правительствамъ, особенно въ слабыхъ государствахъ, безграничную свободу касательно отчужденія территоріи: формою трактата не трудно прикрыть «нравственное давленіе» со стороны сильнаго сосѣда, тѣмъ болѣе, если послѣдній повинуется, освященной самою школою, «культурной необходимости». Поэтому общимъ правиломъ должно быть начало неотчуждаемости государственной территоріи, при допущеніи рѣдкихъ исключеній уступки съ исполненіемъ всѣхъ формъ и требованій, устанавливаемыхъ основными или конституціонными законами. Подобный актъ уступки, если онъ состоится, получаетъ совсѣмъ иную форму и другое содержаніе, чѣмъ различные способы отчужденія въ гражданскомъ правѣ. Чаще всего совершается уступка государственной территоріи по мирнымъ трактатамъ послѣ войны, сдѣлавшей необходимымъ отказъ извѣстнаго правительства отъ своей области. Травэрсъ Твиссъ называетъ такіе случаи «непрямою уступкою» (indirect cession), различая ихъ отъ совершенно-добровольной уступки (direct cession), вызываемой различными государственными соображеніями, хотя бы, напримѣръ, желаніемъ предупредить войну, сильнѣе скрѣпить существующій уже союзъ и т. д. Само собою разумѣется, что мотивы подобныхъ сдѣлокъ, въ частности, могутъ быть весьма разнообразны и, въ этомъ смыслѣ, они остаются вопросами факта, не подлежащими ни перечисленію, ни опредѣленію въ теоріи. Ясно, что уступки Савоіи, іоническихъ острововъ и ломбардо-венеціанской территоріи не могутъ быть сведены къ однимъ и тѣмъ же поводамъ и причинамъ.

Digitized by Google

ламента, напечатавшаго въ англійскомъ переводѣ трактатъ «Mare clausum», не смотря на милости Карла Стюарта: въ скоромъ будущемъ весь цивилизованный міръ сталъ на сторону Гроція. Сами правительства приняли на себя защиту начала справедливости въ вопросѣ о владычествѣ надъ морями. «Съ развитіемъ международнаго права, говоритъ Трэверсъ Твиссъ (I. 242), все образованное человѣчество признало слѣдующія положенія: океанъ или открытое море не способны, по природѣ своей, подлежать чьей бы то ни было власти; на поверхности океана не можетъ быть никакой осѣдлости; никакой флотъ не можетъ его ни занять, ни помѣшать занятію его другими; кто плаваетъ по океану, тотъ не причиняетъ никому вреда. Вотъ почему сама природа вещей противится установленію права частной собственности на такія вещи, относительно которыхъ по ихъ безграничности возможно пользованіе для всякаго».

Но если море свободно и есть nullius territorium, то, слѣдовательно, не можетъ быть исключительной юрисдикціи надъ нимъ ни для какого-либо одного государства, ни для цѣлаго союза государствъ. «Я считаюсь владыкою міра, — говоритъ Антонинъ Пій, — но надъ морями владычествуетъ тотъ родійскій законъ, который издавна установленъ для мореходства». Въ этомъ отрывкѣ изъ дигестовъ (L. XIV Dig. tit. II. fr. 9) видно, что римскіе юристы сознавали принципъ свободы морей, гдѣ власть самаго императора находитъ для себя предѣлъ въ старинныхъ законахъ, дѣйствовавшихъ въ греко-римскомъ мірѣ, подобно тому какъ дѣйствовало Consolato del mare въ средневѣковой Европѣ. Вотъ почему и морскіе разбойники, пираты признавались изстари какъ враги (hostes) всего человѣческаго міра, которые могутъ быть преслѣдуемы и наказываемы руками каждаго человѣка[1].

---

[1] Сущность мнѣній Г. Гроція и Сельдена изложена кратко въ исторіи *Уитона*, I, 198—200. — Еще сжатье у *Массэ (Massé*, Le droit commercial dans ses

Digitized by Google

Разсмотримъ теперь слѣдующій вопросъ: весь ли океанъ (разумѣя подъ нимъ цѣлую массу морскихъ водъ, обтекающихъ земной шаръ) изъятъ отъ исключительнаго подчиненія какому-либо государству? Если нѣтъ, то гдѣ и на какихъ основаніяхъ можно дѣлать исключенія изъ общаго правила? Ограниченія принципа свободы морей неизбѣжны, потому что, какъ говоритъ Ваттель, для безопасности и блага государствъ важно недавать безграничной свободы военнымъ кораблямъ приближаться къ берегамъ настолько, на-сколько это мѣшаетъ навигаціи и торговлѣ приморскихъ государствъ. Отсюда у нейтральныхъ государствъ является право воспрещать воюющимъ сторонамъ сражаться на морѣ ближе извѣстнаго разстоянія отъ береговъ, т. е. ближе пушечнаго выстрѣла. Однимъ словомъ: гдѣ оканчивается сила оружія, тамъ прекращается и территоріальная власть государства надъ моремъ. Такъ опредѣляли черту юрисдикціи государства надъ моремъ Гротъ, особенно-же Бенкерсгукъ, а за ними Галльяни, Клюберъ и другіе, до нашего времени[1]. Многіе трактаты подтверждаютъ эти правила, и между прочимъ трактатъ Россіи съ сѣверо-американскими Соединенными штатами въ 1794 г. Но разстояніе пушечнаго выстрѣла есть понятіе относительное и измѣнчивое. Въ большей части трактатовъ это разстояніе опредѣляется одною морскою лигою или тремя милями (lieue, лье). Такъ было опредѣлено въ англо-

---

rapports avec le droit les gens etc. I. §§ 103, 104).—Но за-то собственное изложеніе Массэ почти цѣликомъ воспроизводитъ доводы Гроція въ пользу свободы морей.—Ученіе Сельдена съ особенною полнотою изложено у *Кальво*, § 210. Ср. также для ознакомленія съ литературою о свободѣ морей *Прадье Фодерэ*, 1-й т. перевода «De Jure belli ac pacis», стр. 396—400. *Bluntschli*, §§ 304—305. Ср. также извѣстныя сочиненія *Пютфеля*, *Кошй* (по морскому международному праву). У *Ваттеля* (L. C.) объ этомъ предметѣ вся XXIII глава первой книги.

[1] Ср. *Bynkershoek*, De dom. maris, cap. II. (Op. omnia. Ed. 1767. P. 127) «.... Eo potestatem terræ extendi, quousque tormenta exploduntur, eatenus quippe cum imperare, tum possidere videmur... Alioquin generaliter dicendum esset, potestatem terræ finiri, ubi finitur armorum vis.

Digitized by Google

американскомъ трактатѣ 1818 года, англо-французскомъ 1839 года и въ нѣкоторыхъ внутреннихъ таможенныхъ законахъ (напр. въ бельгійскомъ 1832 г.). Но не всѣ государства, какъ говоритъ объ этомъ еще Бенкерсгукъ, держались одной мѣры: Испанія признавала 6 минъ, а Англія 4 лиги. До перечисленныхъ трактатовъ первой половины XIX столѣт. преобладалъ размѣръ въ 2 мили; но итальянскіе писатели старыхъ школъ держались мѣры въ 100 миль, а французскіе (XVI ст.) до 60 миль (Іоаннъ Боденъ). Вообще, здѣсь все зависитъ отъ успѣха артиллерійскаго искусства, и если будутъ изобрѣтены болѣе дальнострѣльныя орудія, то понятно, что прежняя мѣра уже не будетъ годиться, и что линія территоріальной власти государства надъ моремъ отодвинется далѣе.

Но каково бы ни было на практикѣ разрѣшеніе этого вопроса, самая юрисдикція государства признается, и, слѣдовательно, теорія международнаго права имѣетъ право говорить, что государственная территорія состоитъ изъ воды и земли, разумѣя не только внутреннія или закрытыя моря; но и части океана, со включеніемъ заливовъ, бухтъ, гаваней и т. п. Примѣрами закрытыхъ морей могутъ служить Мертвое и Каспійское моря, хотя къ берегамъ послѣдняго прилежитъ Персія и имѣютъ доступъ нѣкоторыя дикія орды; но ни Черное, ни Балтійское въ Ботническомъ заливѣ не могутъ быть названы закрытыми морями. XI статья парижскаго трактата постановила, что Черное море нейтрализуется, т. е. открывается для торговыхъ судовъ всѣхъ націй. Но въ 1871 году отмѣнены статьи XI, XIII и XIV парижскаго трактата о нейтрализаціи Чернаго моря.

Примѣчаніе. Статьи парижскаго трактата, отмѣненныя на лондонской конференціи $18^{70}/_{71}$ года, заключали въ себѣ слѣдующее: *Art. XI.* La Mer Noire est neutralisée: ouverts à la marine marchande de toutes les nations, ses eaux et ses ports sont formellement et à perpétuité interdits au pavillon de guerre, soit des Puis-

Digitized by Google

sances riveraines. soit de toute autre Puissance etc.—*Art. XIII* касается уничтоженія арсеналовъ на берегахъ Чернаго моря въ Россіи и въ Турціи.—*Art. XIII* упоминаетъ объ особой конвенціи для опредѣленія числа, силы и размѣра тѣхъ военныхъ судовъ (bâtiments légers), которые дозволялось Россіи и Турціи имѣть на водахъ Чернаго моря (См. статью 2-ю конвенціи 30 марта 1856 г., составляющей приложеніе къ тексту главнаго трактата: Les Hautes Parties Contractantes se réservent d'entretenir chacune, dans cette mer, 6 bâtiments à vapeur de 50 mètres de longueur à la flottaison, d'un tonnage de 800 tonneaux au maximum, et 4 bâtiments légers à vapeur ou à voile d'un tonnage qui ne dépassera pas 200 tonneaux chacun) Трактатъ, выработанный и заключенный на лондонской конференціи $18^{70}/_{71}$ года, коснулся слѣдующихъ пунктовъ: I) формальной отмѣны стат. XI, XIII, XIV тракт. 30 марта 1856 года, а также особой конвенціи между Оттоманскою портою и Россіею, въ приложеніи къ статьѣ XIV вышеупомянутаго главнаго трактата. II) Удержанъ принципъ закрытія Босфора и Дарданельскаго пролива, высказанный еще въ трактатахъ 1809, 1841 г. и подтвержденный въ трактатѣ 1856 года, съ тѣмъ однако, что султанъ можетъ открыть эти воды, въ мирное время, военнымъ судамъ дружественныхъ державъ, если это необходимо потребуется для обезпеченія выполненія статей парижскаго трактата. (Dans le cas où la Sublime Porte le jugerait nécessaire pour sauvegarder l'éxécution des stipulations du traité de Paris).

«Современное международное право», говоритъ Блунчли (стр. 179), «не допускаетъ закрытія отъ всемірнаго оборота такихъ морей, которыя естественно соединены съ океаномъ или же сдѣлались доступными для плаванія усиліями человѣческими, посредствомъ искусственныхъ каналовъ, хотя-бы всѣ берега составляли территорію какого-либо одного государства»[1]. Но разъ допустивши, что никакое государство не можетъ закрыть для всемірнаго оборота такія моря, нужно будетъ признать от-

[1] См. Das moderne Völkerrecht. L. C. § 305. *Wildman*, I. PP. 70 etc. *Kent* (изд. 1866), PP. 108—117. *Heffter*, §§ 73—76. *Bluntschli*, §§ 304—310.

Digitized by Google

носительно ихъ право на свободную, безпрепятственную навигацію и на рыбную ловлю для всѣхъ націй.

И такъ, теорія международнаго права признаетъ слѣдующее положеніе: территоріальной власти, т. е. юрисдикціи государства, подлежатъ: 1) извѣстныя части или полосы моря, обстрѣливаемыя съ береговъ, 2) порты, 3) бухты и 4) гавани, — въ эти части моря государство властно закрыть входъ для иностранныхъ (особенно военныхъ) кораблей[1]. Могутъ встрѣтиться такія исключительныя обстоятельства, что запрещеніе это распространится и на торговыя суда. Не такъ давно еще могущественныя морскія державы старались всячески разширять категорію «закрытыхъ» морскихъ водъ[2]. Здѣсь нужно разумѣть не только Испанію съ Португаліею въ тордезильскомъ договорѣ, но особенно Англію, которая очень долго поддерживала притязанія на полное господство въ такъ называемыхъ «узкихъ моряхъ» (narrow seas) и въ частяхъ прибрежныхъ морей, которыя зовутся у моряковъ «королевскими камерами» (King's chambers). Подъ «узкими» морями слѣдуетъ разумѣть тѣ моря, которыя прилегаютъ къ берегамъ Англіи, но въ-сущности составляютъ широкіе проливы въ-родѣ канала св. Георгія, и даже Ламаншъ, который отъ Роттердама до устьевъ Темзы очень

[1] Есть примѣры, довольно близкіе къ нашему времени, что государства опредѣляли то число военныхъ кораблей, которое можетъ быть допускаемо единовременно въ порты (отъ 3-хъ до 6-ти, не болѣе). Право территоріальныхъ властей не допускать иностранцевъ въ морскіе арсеналы, военныя гавани, доки и проч. безусловно; оно опредѣлялось многими трактатами отъ XVII столѣт. до конца XVIII вѣка.

[2] Въ настоящемъ случаѣ можно напомнить дипломатическіе споры между Англіею и Испаніею, а также между Россіею и сѣверо-американ. штатами. Послѣднее дѣло возникло въ 1821 году и длилось до 1825 года по поводу притязаній русскаго правительства на исключительное господство въ моряхъ отъ Берингова пролива до 54° сѣверн. широты. Запрещалось въ указѣ иностраннымъ судамъ приближаться на разстояніе менѣе 100 миль отъ русскихъ береговыхъ поселеній на материкѣ, а также на островахъ Алеутскихъ и Курильскихъ (отъ южнаго мыса до 15° 15′ сѣв. ш.).

Digitized by Google

длиненъ и широкъ, а съуживается только между Англіею и Франціею. Но такія притязанія, идущія въ-разрѣзъ съ началами, высказанными еще у Гуго Гроція, и построенныя на эгоистическихъ, хотя и ловкихъ, доводахъ Сельдена, не выдерживаютъ никакой критики; теорія и практика протестовали здѣсь противъ Англіи. — Что касается королевскихъ камеръ, то подъ ними нужно понимать тѣ части моря, которыя заключаются между двумя ближайшими мысами и прямою линіею, которую можно провести съ оконечности одного мыса до другого. Собственно говоря, это — бухта и заливъ, отрѣзанные искусственною, воображаемою чертою отъ моря. Надъ такими иногда очень обширными частями моря Англія требовала для себя безграничной юрисдикціи. Но теперь и эти притязанія оставлены Англіею. — Въ настоящее время изъ территоріальной власти надъ извѣстными частями морей выводятся и допускаются наукою и практикою слѣдующія правила: 1) государство имѣетъ право и обязанность защищать себя и свою территорію; слѣдовательно, оно можетъ противиться всякимъ враждебнымъ попыткамъ противъ своего флота и купеческихъ судовъ въ мѣстахъ, подлежащихъ его юрисдикціи[1]; мало того, государство, противудѣйствуя такимъ попыткамъ, вправѣ запрещать въ предѣлахъ своей территоріи враждебныя дѣйствія и между кораблями посторонннихъ государствъ; такимъ образомъ, государство, будучи нейтральнымъ, имѣетъ власть выгнать вооруженною силою два флота, которые бы захотѣли дать битву въ предѣлахъ его морской территоріи, подобно тому, какъ оно можетъ удержать отъ столкновенія на своей землѣ два отряда сосѣднихъ воюющихъ державъ; 2) государству принадлежитъ еще юрисдикція въ

[1] Любопытно въ этомъ вопросѣ воззрѣніе сѣверо-американскихъ штатовъ. Ср. *Kent*, L. C. P. 113 etc. «It is certain that their government would be disposed to view with some uneasiness and sensibility, in the case of war between other maritime powers, the use of the waters of their coast, *far beyond the reach of cannon shot, as cruising ground far belligerent purposes*».

Digitized by Google

другихъ отношеніяхъ, а именно: право надзора за тѣмъ, чтобы не было никакихъ безпорядковъ и правонарушеній въ подлежащихъ его территоріальной власти мѣстахъ[1], т. е. государству принадлежитъ власть полиціи охранительной и предупредительной и мѣропріятія въ видѣ спроса иностранныхъ кораблей о цѣли ихъ плаванія; 3) право административныхъ распоряженій о рыбной ловлѣ, которую государство властно или совсѣмъ запрещать, или дозволять съ извѣстными условіями, и 4) государству принадлежитъ право налагать, въ извѣстныхъ случаяхъ, embargo — эмбарго (т. е. задержаніе или арестованіе) на корабли, находящіеся въ предѣлахъ территоріальной юрисдикціи, а также учреждать крейсеровъ съ цѣлью недопущенія контрабанды, разбоя и т. п.[2].

---

[1] Отсюда такъ называемые «hovering or roving laws» въ Англіи, при Іаковѣ 1-мъ и Карлѣ II-мъ Стюартахъ, имѣвшіе цѣлью защиту англійскихъ торговыхъ судовъ отъ иностранныхъ военныхъ кораблей, крейсировавшихъ (точнѣе — бродившихъ, roving) вдоль береговъ, гаваней, бухтъ и заливовъ Британіи. Здѣсь-же источникъ законодательнаго акта 1736 г. (Hovering Act.), запретившаго безпошлинную перегрузку иностранныхъ товаровъ въ морскомъ районѣ на 4 лиги отъ берега.

[2] Само собою разумѣется, что въ территоріальныхъ водахъ прибрежныя государства еще энергичнѣе и успѣшнѣе могутъ бороться противъ пиратовъ и негроторговцевъ, которыхъ приравниваютъ между собою многіе трактаты и законы. — Захватъ обломковъ разбитыхъ кораблей и присвоеніе выкинутыхъ бурею товаровъ (средневѣковое *droit de bris*, *Strandrecht*, *jus naufragii*) немыслимы теперь для цивилизованныхъ народовъ Европы и Америки. Изъ исторіи иностранныхъ учрежденій и законодательствъ извѣстны запрещенія этого наиболѣе варварскаго вида разбоя: стоитъ припомнить имена папы Гильдебрандта и франц. короля Людовика IX. Тѣмъ не менѣе до XVIII вѣка встрѣчались случаи осуществленія берегового права (на сѣверѣ Европы, вдоль прусск. береговъ), хотя еще на вестф. конгрессѣ *droit de bris* было замѣнено такъ назыв. *droit de sauvetage* (т. е. правомъ на вознагражденіе тому, кто спасъ экипажъ или грузъ корабля). И въ настоящее время торговые законы европ. государствъ занимаются опредѣленіемъ размѣра вознагражденія за спасеніе груза (1/3 цѣнности, въ рѣдкихъ случаяхъ — 1/2). Въ Англіи и повсюду въ Европѣ существуютъ теперь частныя общества для спасенія погибающихъ, нерѣдко подъ покровительствомъ царственныхъ лицъ. Но признается международною обязанностію для государства — содержать въ опасныхъ мѣстахъ маяки, стражу,

Digitized by Google

Но если таковы права, вытекающія изъ принципа юрисдикціи государствъ надъ извѣстными частями морей, то государство не можетъ безусловно запрещать и затруднять плаваніе по заливамъ и проливамъ, омывающимъ ихъ берега, въ родѣ Бельта и Зунда. Такое притязаніе осуществляла, до послѣдняго времени, Данія. По трактатамъ XVII и XVIII стол. датское правительство захватило себѣ право сбора зундскихъ пошлинъ со всѣхъ кораблей, идущихъ въ Балтійское и Нѣмецкое моря. Но въ 1848 г. Соединенные штаты высказали первый протестъ противъ стѣснительнаго права Даніи, а въ 1857 году сѣверо-американскіе штаты вмѣстѣ съ Россіею, Англіею, Франціею, Швеціею, Пруссіею, Бельгіею, нѣкоторыми сѣверо-германскими государствами и бывшими ганзейскими городами добились прекращенія зундскихъ пошлинъ за извѣстное вознагражденіе (90 слишкомъ милліон. франковъ).—Что касается до такихъ соединяющихъ два открытыя моря проливовъ, которые могутъ быть очень узкими, то они должны быть свободны, если только плавающіе корабли не подвергаются опасности отъ выстрѣловъ съ берега. Къ этой категоріи свободныхъ проливовъ надо относить Гибралтарскій; но нельзя сказать того-же самаго относительно проливовъ, ведущихъ изъ нашихъ южныхъ предѣловъ чрезъ Черное и Мраморное моря къ Эгейскому и Средиземному[1]. Во всякомъ случаѣ, не отрицая права Турціи держать эти проливы подъ своею юрисдикціею, международная практика и наука должны стремиться къ тому, чтобы сдѣлать

спасительныя лодки (canot de sauvetage), амбары для храненія выкинутыхъ или спасенныхъ грузовъ и т. п. Въ Англіи (по зак. 1854 г. § 477) установлена круговая отвѣтственность для жителей прибрежныхъ общинъ за цѣлость и неприкосновенность такого имущества. Существуютъ особые чиновники (Receivers), имѣющіе власть и обязанность принимать мѣры къ спасенію людей и грузовъ при кораблекрушеніяхъ. Всему образованному міру извѣстны интересные разсказы Альфонса Эскироса о береговой стражѣ въ Англіи (Coast Guard).

[1] См. выше статьи, редактированныя 1871 года на лондонской конференціи въ отмѣну статей парижскаго трактата о нейтрализаціи Чернаго моря.

Digitized by Google

эти проливы свободными для мирнаго и безвреднаго прохожденія торговыхъ иностранныхъ судовъ[1].—Что касается до большихъ внутреннихъ озеръ, то, очевидно, они подходятъ подъ понятіе территоріальнаго, закрытаго моря, и здѣсь не можетъ быть рѣчи о какомъ-нибудь соучастіи въ обладаніи или юрисдикціи для нѣсколькихъ государствъ. Но американскія озера, окруженныя берегами различныхъ государствъ и имѣющія широкій каналъ—рѣку Св. Лаврентія, конечно, составляютъ исключеніе изъ правила о закрытыхъ и территоріальныхъ моряхъ. Здѣсь прилагаются уже начала свободнаго плаванія для кораблей прибрежныхъ державъ и устраняется возможность исключительной юрисдикціи какого-либо одного государства.

Острова, образовавшіеся наносомъ, per alluvium, принадлежатъ тому государству, земли и воды котораго способствовали ихъ образованію; также острова, близкіе къ берегамъ извѣстныхъ государствъ, хотя и не образовавшіеся per alluvium, все-таки считаются какъ-бы принадлежностью, accessoria, земель этихъ государствъ и слѣдовательно тянутъ къ главной территоріи, sequuntur sua principalia. Но если островъ великъ и не особенно близко отстоитъ отъ береговъ даннаго государства, или если онъ уже занятъ какимъ-либо другимъ правительствомъ, то подобный островъ не можетъ болѣе считаться принадлежностью, accessorium, ближняго государства; главное здѣсь—осуществившійся фактъ чужого владѣнія. Вообще, къ завладѣнію отдаленными отъ земли островами приложимы правила о первоначальныхъ способахъ пріобрѣтенія территоріи.—Въ 1856 г. американское правительство высказало по этому вопросу нѣсколько частныхъ правилъ: 1) всякій пунктъ, скала и даже утесъ, открытые какимъ-либо подданнымъ республики, считаются территоріею Америки, и къ нимъ приложимы правила о защитѣ и достоинствѣ флага сѣверо-американскихъ штатовъ; 2) пре-

[1] Ср. *Heffter*, §§ 73 etc. *Bluntschli*, § 310.

Digitized by Google

ступленія, совершаемыя въ этихъ мѣстахъ, разсматриваются какъ преступленія, учиненныя на сѣверо-американскихъ корабляхъ, и 3) острова съ гуано, служащимъ для удобренія земель, объявляются также подъ покровительствомъ сѣверо-американской республики подъ тѣми условіями, если владѣльцы этихъ острововъ отправляютъ значительную часть гуано въ Америку и ведутъ торговлю, сообразно съ законами Соединенныхъ штатовъ [1].

Что касается до международныхъ рѣкъ, то, по принципу и съ перваго взгляда, эти рѣки могутъ быть поставлены въ одну категорію съ открытыми морями, и основанія здѣсь окажутся сходными. Море есть органъ сообщеній между людьми, которые обмѣниваются своими благами; но и большая рѣка тоже представляетъ собою жилу, которая служитъ и должна служить связью между людьми, для ихъ общихъ, торговыхъ и иныхъ интересовъ. Но такова теорія, а практика расходится съ нею. И дѣйствительно, полнаго тождества между моремъ и рѣкою быть не можетъ. Рѣки текутъ чрезъ различныя территоріи; но значительныя части ихъ теченія выпадаютъ цѣликомъ на долю отдѣльныхъ государствъ. Отсюда понятно убѣжденіе нѣкоторыхъ ученыхъ и политиковъ въ томъ, что территоріальныя права государствъ надъ рѣками, протекающими чрезъ ихъ владѣнія, неоспоримы. Вообще, здѣсь могутъ возникать сложные и запутанные вопросы. Изъ исторіи международныхъ отношеній мы видѣли, что принципъ свободы международныхъ рѣкъ впервые былъ затронутъ Іосифомъ II австрійскимъ. Трактаты вестфальскій и другіе, слѣдующіе за нимъ до конца XVIII стол., не поднимали этого вопроса, и контрагенты этихъ соглашеній безпрекословно и безусловно подписывались подъ признаніемъ международныхъ рѣкъ закрытыми. Только трактаты 1814 и 1815 г. окончательно признали свободу навигаціи и торговли по между-

[1] Ср. *Calvo*, §§ 212, 213. *Halleck*, Ch. VI, § 17, 18. *Wildman*, I, pp. 69, 70. *Ortolan*, Dom. International. pp. 58, 59. — *Phillimore*, I. p. 256 etc.

Digitized by Google

народнымъ рѣкамъ; по-крайней-мѣрѣ таковъ былъ принципъ, твердо и ясно постановленный въ этихъ договорахъ[1].—Содержаніе ихъ по настоящему вопросу можетъ быть кратко изложено слѣдующимъ образомъ: 1) навигація на всѣхъ международныхъ рѣкахъ свободна, отъ пунктовъ, гдѣ плаваніе возможно, до впаденія рѣкъ въ море; 2) осуществленіе правъ государственнаго самодержавія (droit de souveraineté) въ прирѣчныхъ мѣстностяхъ не должно мѣшать свободѣ навигаціи; слѣдовательно, государство, имѣя извѣстныя права въ предѣлахъ своей территоріи, не можетъ устраивать складочныхъ мѣстъ для перегрузокъ и т. д. съ цѣлью фискальныхъ сборовъ, какъ это было прежде; 3) навигаціонныя пошлины, на-сколько онѣ допускаются новыми постановленіями по этому предмету, не должны взиматься по цѣнности товаровъ, но сообразоваться съ тарифомъ 1815 г., не переходя ни въ какомъ случаѣ за maximum его; 4) рѣчная полиція должна быть устроена однообразно посредствомъ соглашеній между прирѣчными государствами; измѣненія въ однажды введенномъ уставѣ могутъ быть только по особымъ международнымъ конвенціямъ, и всякій иной способъ считается

[1] Ср. для этого вопроса: *Клюбера*, «Acten des Wiener Congresses», особенно т. III. — Здѣсь видная роль принадлежитъ Вильгельму Гумбольдту, который изложилъ въ своемъ знаменитомъ мемуарѣ общія начала для разрѣшенія цѣлаго вопроса. См. *Klüber*, L. C., pp. 24, 25 и слѣд. «Mémoire préparatoire sur le travail de la Commission de navigation». — Весьма полное изложеніе исторіи признанія и примѣненія начала свободы къ международнымъ рѣкамъ можно найдти: у *Уитона* (Histoire, II. pp. 184—199. Изд. 1853 г.), *Филлимора*, (I. Chapt. V. Rivers, pp. 167—186), *Кальво*, (§§ 217—228). Въ актахъ вѣнскаго конгресса (Acte final du Congrès de Vienne) главное значеніе для настоящаго предмета имѣетъ «приложеніе XVI» (Annèxe), особенно статьи 108—117. Для пріисканія трактатовъ и конвенцій по вопросу о международныхъ рѣкахъ въ сборникахъ международныхъ актовъ и соглашеній (Дюмона, Венка, Мартенса, Мургардта, Замвера, Гертслета, Деклерка и др.), очень полезна работа: «Répertoire des traités de paix, d'alliance, de commerce etc. depuis la paix de Westphalie jusqu'à nos jours, par *Tétot*». — Изъ монографическихъ работъ можно указать на книгу *Каратеодори* (*Carathéodory*, Le droit international concernant les grands cours d'eau. 1861).

Digitized by Google

нарушеніемъ международнаго права; наконецъ, 5) на прирѣчныя государства падаютъ извѣстныя повинности относительно содержанія береговъ, мѣстъ для выгрузокъ и т. п.

Но эти разумныя начала не сразу получили выполненіе, и долго еще оставались слѣды средневѣковыхъ правилъ: такъ, Рейнъ сдѣлался свободнымъ только послѣ конвенцій въ Майнцѣ 1831 г. и въ Мангеймѣ 1868 года; Шельда была признана свободною послѣ трактатовъ 1839 и 1863 г. (1-й между Бельгіею и Голландіею, 2-й между Бельгіею, американскими и европейскими государствами); далѣе, Эльба только въ 1861 году освободилась отъ тѣхъ сборовъ, которые изстари взимало ганноверское правительство въ Штаде; пошлины эти были выкуплены за 2,857,338 тал. — Рѣка По освободилась въ 1849 и 1859 гг. отъ нѣкоторыхъ частныхъ ограниченій, мѣшавшихъ полной свободѣ навигаціи; съ 1866 г. рѣка это сдѣлалась воднымъ путемъ единаго италіянскаго королевства. — Дунай только въ 1856 г. сдѣлался вполнѣ свободною международною рѣкою, вслѣдствіе отмѣны нѣкоторыхъ правъ и привилегій, принадлежавшихъ здѣсь Россіи по бухарестскому (1812) и адріанопольскому (1829) трактатамъ. Но въ 1857 г. Баварія, Вюртембергъ и Австрія заключили между собою конвенцію, по которой, въ видахъ покровительства пароходству компаніи Ллойда, австрійское правительство постановило, что торговля и навигація между дунайскими портами можетъ происходить только на австрійскихъ пароходахъ. Такое соглашеніе между придунайскими государствами вызвало протестъ со стороны Англіи и Франціи, и теперь всякія ограниченія свободы плаванія по Дунаю уничтожены[1]. — Изъ американскихъ рѣкъ, Миссисипи была свободна еще

[1] По трактату 1856 года, европейскія державы приняли на себя совмѣстную обязанность — совершить работы, необходимыя для очищенія устьевъ или гирлъ дунайскихъ, отъ Исакчи до моря. Назначены были двѣ коммисіи (européenne et riveraine), изъ которыхъ одна, европейская, т. е. составленная изъ уполномоченныхъ отъ всѣхъ державъ, участвовавшихъ въ парижскомъ конгрессѣ, окон-

Digitized by Google

въ концѣ прошлаго столѣтія по трактату 1795 г. въ Санъ-Лоренцо (тогда она принадлежала, по частямъ, Испаніи, Англіи и позже—сѣверо-американскимъ штатамъ); когда нынѣшній южный штатъ Луизіаны былъ пріобрѣтенъ 1783 г. отъ Испаніи Франціею, то вопросъ о Миссисипи сдѣлался спорнымъ; но теперь рѣка эта свободна, такъ-какъ она вся протекаетъ во владѣніяхъ Соединенныхъ штатовъ. Рѣка Св. Лаврентія, послѣ долговременныхъ споровъ Англіи и Соединенныхъ штатовъ, была объявлена свободною для прирѣчныхъ государствъ по вашингтонскому трактату 1854 года. Отъ 1851 и 1853 г. до нашихъ дней, заключены многія конвенціи о свободѣ всѣхъ рѣкъ южной Америки[1].

чила свои труды по очищенію гирлъ въ 1865. Но другая комиссія (прирѣчная, составленная изъ уполномоченныхъ отъ державъ, черезъ территоріи которыхъ протекаетъ Дунай) существуетъ до сихъ поръ. На лондонской конференціи $18^{70}/_{71}$ года, по вопросу о нейтрализаціи Чернаго моря, существованіе этой комиссіи продолжено до 24 апрѣля 1883 года. Цѣль комиссіи изъ депутатовъ прирѣчныхъ державъ: выработать правила навигаціи и рѣчной полиціи, устранить препятствія къ полному примѣненію вѣнскаго трактата, наблюдать за инженернымъ работами, необходимыми въ интересахъ навигаціи, и проч.

[1] Особенно-подробно изложена новѣйшая исторія признанія свободными южно-американскихъ рѣкъ у Кальво, такъ-какъ для южной Америки, отечества этого публициста, вопросъ о международныхъ рѣкахъ имѣетъ громадное значеніе по самымъ мѣстнымъ и экономическимъ условіямъ страны. Въ настоящее время, рѣки Бразиліи, аргентинской республики, Перу, Боливіи, даже Парагвая подчинены полному примѣненію началъ вѣнскаго трактата. Тѣмъ не менѣе задержались еще нѣкоторые остатки неравенства въ самой Америкѣ, если всмотрѣться въ частности южно-американскихъ трактатовъ сравнительно съ трактатами сѣверно-американскими. Нельзя также сказать, чтобы вопросъ былъ порѣшенъ, вполнѣ и во всѣхъ своихъ частностяхъ, въ какой теоріи. До сихъ поръ еще встрѣчаются разногласія въ мнѣніяхъ о правахъ государствъ на международныя рѣки, протекающія въ ихъ владѣніяхъ. Расходясь съ Г. Гроціемъ (кн. 2, гл. 2, §§ 12—14), нѣкоторые публицисты, громко-извѣстные въ литературѣ XIX стол., высказывали и доказывали возгрѣнія, противоположныя теоріи автора «De jure belli ac pacis», а именно: будто государство имѣетъ право полной собственности на части международной рѣки, протекающей черезъ его предѣлы, и ничѣмъ не обязано въ отношеніи къ другимъ прирѣчнымъ государствамъ (Ср. сводъ нѣсколькихъ мнѣній у Кальво, § 216, стр. 329—331). Но въ настоящее время, кажется, можно безъ ошибки признать, что большин-

Digitized by Google

Законодательная власть и юрисдикція государствъ. Случаи столкновенія той и другой власти между различными государствами.

§ 23. Власть издавать гражданскіе и уголовные законы и власть судить есть одно изъ основныхъ правъ независимыхъ и самодержавныхъ государствъ; всякое ограниченіе этого права силою извнѣ, т. е. со стороны какой-либо державы, есть умаленіе; а полное отрицаніе — составляетъ уничтоженіе самодержавія государствъ. Такія государства, которыя подвергаются отрица-

---

ство мнѣній стоитъ за общій интересъ цивилизованнаго міра, отбрасывая въ сторону заботу о частныхъ и эгоистическихъ разсчетахъ мѣстной политики. Всѣ понимаютъ важность начала свободы большихъ рѣкъ, — начала, съ которымъ связано столько интересовъ, и которое (начало) лучше всего выражаетъ собою космополитическій характеръ современнаго международнаго союза. Трудно удовлетвориться школьными формулами о томъ, что плаваніе по международнымъ рѣкамъ есть сервитутъ (Jus in re aliena), ограничивающій полное право собственности прирѣчныхъ владѣтелей: твердыхъ основъ слѣдуетъ искать въ высшемъ законѣ всемірнаго общенія народовъ. Исторія приводитъ къ такому выводу, что, при устойчивости и постоянствѣ проявленія торговой и промышленной дѣятельности у передовыхъ націй, съ каждымъ десятилѣтіемъ ростетъ зависимость однихъ народовъ отъ другихъ въ дѣлѣ взаимнаго обмѣна различныхъ произведеній, необходимыхъ для самаго существованія извѣстныхъ государствъ и обществъ. Нарушенія или даже колебанія этого закона солидарности и общенія интересовъ влекутъ за собою кризисы и страданія для такихъ странъ, гдѣ изъ общей цифры ввоза и вывоза приходятся десятки рублей на каждаго человѣка во много-милліонномъ населеніи (напр. въ Голландіи, въ Великобританіи, въ Швейцаріи, въ Бельгіи). Никакая внѣшняя сила, никакіе законы и учрежденія не могутъ остановить теченія, принятаго разъ навсегда всею исторіею цивилизаціи отъ глубины среднихъ вѣковъ до нашего времени. И само собою разумѣется, что какъ теорія, такъ и практика международнаго права только выиграютъ отъ того, если онѣ будутъ, выводя свои общія формулы и ставя частныя опредѣленія, опираться на требованія экономическаго и политическаго прогресса. Не въ одномъ естествознаніи, повсюду наука можетъ повелѣвать природою вещей, лишь изучая и примѣняя высшіе законы данныхъ вещей или общественныхъ явленій. Вотъ почему для современной эпохи немыслимо принятіе иныхъ принциповъ, кромѣ свободы, въ данномъ вопросѣ о правахъ государствъ на большія рѣки, о которыхъ Блунчли (§ 314) замѣчаетъ, что «онѣ принадлежатъ, какъ органы всемірнаго общенія, къ океану, и что свобода послѣдняго дѣйствуетъ на свободу первыхъ» (т. е. рѣкъ, текущихъ къ океану).

Digitized by Google

нію этихъ правъ, лишены самыхъ существенныхъ своихъ аттрибутовъ; они теряютъ свою волю и перестаютъ быть правоспособными юридическими лицами, такъ-какъ не могутъ выполнять своихъ договоровъ и обязательствъ, а слѣдовательно и вести международный оборотъ. Но такое неограниченное право издавать законы и отправлять юрисдикцію, на основаніи политическаго устройства отдѣльныхъ государствъ, осуществляется только въ предѣлахъ своей территоріи. Конечно, каждое государство можетъ и обязано опредѣлять общія условія для дѣйствія своихъ законовъ касательно движимыхъ и недвижимыхъ имуществъ, контрактовъ, послѣдствій ихъ и т. д.; и каждое государство, далѣе, властно опредѣлять правила судоустройства и процесса. Но въ наше время, при усиленіи международныхъ сношеній, при усиленіи торговыхъ связей между подданными и юридическими лицами различныхъ государствъ, — въ наше время космополитскихъ связей между націями, уже нельзя ставить, какъ нѣчто безусловное, то право государства издавать законы и творить юрисдикцію, которое вытекаетъ изъ территоріальнаго начала. — «Строгая территоріальность», говоритъ женевскій профессоръ Шарль Брошѐ [1], «есть врагъ, противъ котораго приходится упорно бороться международному праву: въ этомъ началѣ заключается самое сильное препятствіе къ гармоніи, которой должно домогаться международное право..... Лишь окруживъ себя непроницаемою стѣною, могло бы государство претендовать на безусловное и исключительное вѣденіе и направленіе всѣхъ тѣхъ дѣйствій и актовъ, которые осуществляются въ его предѣлахъ». Вотъ почему принципъ самодержавія государства ослабляется въ своей неограниченности тѣмъ, что, въ извѣстныхъ случаяхъ, признаются сила и авторитетъ законовъ, административныхъ и судебныхъ актовъ иностранныхъ правительствъ.

---

[1] Ch. *Brocher*, Théorie du droit international privé, Chap. VI.

Digitized by Google

Само собою разумѣется, что подобное признаніе не можетъ быть вынуждаемо, а дѣлается оно или по явному, или же подразумѣваемому согласію заинтересованныхъ сторонъ (т. е. самостоятельныхъ государствъ). Явное, такъ сказать, формальное согласіе можетъ быть выражено или въ законахъ, или въ международныхъ трактатахъ и соглашеніяхъ; согласіе же подразумѣваемое, т. е. implicite существующее, выражается тѣмъ, что извѣстныя рѣшенія административной и судебной власти иностраннаго государства признаются прямо и въ другомъ какомъ-либо государствѣ. Здѣсь безусловно не можетъ быть рѣчи о необходимости признанія силы иностранныхъ законовъ или актовъ помимо воли государства, прямой или подразумѣваемой. Правительства, дающія прямое или косвенное согласіе на это, руководствуются только соображеніями общей пользы и взаимнаго уваженія народовъ (ex comitate, ad reciprocam utilitatem gentium). Ежедневная практика показываетъ, что какъ для государствъ, такъ и для частныхъ лицъ существуетъ положительный интересъ признавать чужіе законы. «Для однихъ», говоритъ Кальво, «представляется здѣсь средство соблюсти общіе интересы и создать для себя возможность воспользоваться выгодами взаимности; для другихъ обезпечиваются такимъ путемъ свобода самыхъ разнообразныхъ сдѣлокъ, вѣрность заграничныхъ обязательствъ, въ которыя они вступаютъ то какъ должники, то какъ кредиторы».

Нѣсколько наглядныхъ примѣровъ могутъ еще болѣе убѣдить насъ въ необходимости отступленія отъ строго-территоріальнаго начала въ законодательствѣ и юрисдикціи: предположимъ, что извѣстное лице, заключившее договоръ о поручительствѣ въ своемъ отечествѣ, не ставитъ въ договорѣ статью, что отвѣтственность прежде всего падаетъ на главнаго должника, такъ-какъ подразумѣвается самъ собою такой общій порядокъ въ государствѣ, гдѣ заключенъ данный договоръ. Но

Digitized by Google

за-тѣмъ поручитель переѣзжаетъ въ другое государство, и здѣсь противъ него вчинается искъ, такъ-какъ мѣстнымъ законодательствомъ практикуется старое германское правило: «хватайся прежде за поручителя» (Den Bürger soll man würgen). Спрашивается, на основаніи какихъ законовъ рѣшать данный случай? Чувство справедливости, внутренняя сущность положительнаго права, здравый смыслъ и выгоды международнаго общенія диктуютъ такое мнѣніе, что поручитель имѣетъ право и даже обязанность протестовать противъ подобнаго иска, ссылаясь на свой отечественный законъ. И едва-ли хорошо сдѣлаетъ судъ иностраннаго государства, если рѣшитъ дѣло по своему мѣстному закону, на основаніи строго территоріальнаго начала[1].—Возьмемъ другой примѣръ: извѣстное лицо вступаетъ въ супружество тамъ, гдѣ бракъ признается гражданскимъ договоромъ, и переѣзжаетъ въ такое государство, гдѣ бракъ считается религіознымъ таинствомъ. Спрашивается теперь: будетъ ли признанъ здѣсь такой бракъ законнымъ, или нѣтъ? На основаніи какого изъ двухъ законовъ долженъ разсматриваться этотъ случай? Ясно, что и здѣсь судъ долженъ руководствоваться національнымъ закономъ супруговъ и признать бракъ дѣйствительнымъ. Въ данномъ случаѣ и во многихъ другихъ, можно руководствоваться такимъ мнѣніемъ: каковы бы ни были причины подобныхъ столкновеній между иностранными законами, нужно отличать актъ созданія и цѣлостнаго уста-

[1] Ср. *R. v. Mohl*, L. C. I. S. 446.—*Fölix*, Traité du droit international privé etc. (Ed. 1856). I, P. 22, 23. «Les législateurs, les autorités publiques, les tribunaux et les auteurs, en admettant l'application des lois étrangères se dirigent non pas d'après un devoir de nécessité, d'après une obligation dont l'exécution peut être exigée, mais uniquement d'après des considerations d'utilité et de convenance réciproque entre les nations (ex comitate, ob reciprocam utilitatem).... Chaque nation a trouvé ses avantages dans ce mode de procéder» etc.—Даже тѣ юристы, которые отвергаютъ, какъ неопредѣленное понятіе, comitas gentium, приходятъ, съ другой стороны, къ необходимости признавать силу и значеніе иностранныхъ законовъ въ территоріи своего государства. (Ср. *Bar*, Das Internationale Privat- und Strafrecht, 1862. SS. 57, 58, 59).

Digitized by Google

новленія того отношенія, которое запрещается или не разрѣшается мѣстнымъ закономъ, отъ принятія юридическихъ послѣдствій отношенія, правильно установившагося за границею. Иное дѣло допустить возникновеніе полигамическаго брака въ странѣ, управляемой хрістіанскимъ закономъ, и иное дѣло — признать законною супругою четвертую жену турка или перса, вступившихъ въ легальный бракъ на своей родинѣ.

Эти случаи рѣшаются правилами, составляющими цѣлый отдѣлъ въ наукѣ международнаго права, который называется частнымъ международнымъ правомъ. Литература его весьма обширна, и это едва-ли не самый трудный отдѣлъ международнаго права, такъ-какъ для разработки и даже для изученія его нужно знать не только государственныя учрежденія, но гражданскіе, уголовные законы и судопроизводство различныхъ государствъ[1].

[1] Литература частнаго международнаго права хорошо изложена и разобрана Молемъ въ его «Исторіи литературы государственныхъ наукъ». Ср. T. I. (Internationales Recht der Privaten, SS. 441—454). Между прочимъ на стр. 444 мы читаемъ: «Was nun zuerst die allgemeinen wissenschaftlichen Bearbeitungen betrifft.... So ist wohl kaum in irgend einem Theile des Völkerrechtes ein Abschluss so ferne, als eben hier. *Selbst Savigny hofft nur einen Beitrag zur Weiterbildung einer noch nicht reifen Lehre geben zu können. Von einer irgendwie allgemein* anerkannten Doctrin ist noch gar keine Rede... Die früheren Theorien, welche wesentlich auf dem Unterschiede von statuta personalia, realia und mixta, beruhten, sind jetzt durchweg verlassen, da sie weder vollständig noch immer zutreffend sind. Eben weil eine neue Grundlage gesucht wird, ist jetzt der Umfang und die Verschiedenheit der Thätigkeit so gross».—Въ самомъ дѣлѣ, противорѣчія и полемика встрѣчаются въ литературѣ настоящаго отдѣла по всѣмъ, какъ общимъ, такъ и частнымъ вопросамъ. Если Бёрджъ (*Burge*, Commentaries on colonial and foreign laws etc. 1838), Стори (*Story*, Commentaries on the conflict of laws etc. 1834—1841), Рокко (*Rocco*, Dell'uso e autorità delle leggi del Regno delle due Sicilie etc. 1837—1843), Фёликсъ (*Phölix*, L. C.) и нѣкоторые другіе строятъ частное международное право на началѣ comitas juris gentium, видя въ послѣднемъ основаніе для ограниченія безусловной независимости государства въ дѣлѣ законодательства и суда: то найдутся теоріи, которыми внутренній законъ признанъ общею нормою для всѣхъ правоотношеній, не различая между иностранцами и собственными подданными извѣстнаго государства [Сюда относятся: голландецъ Гартогъ (*Hartogh*, De regula juris: locus regit actum, 1838), нѣмецкіе ученые—Шют-

Digitized by Google

Какъ же рѣшаются вообще случаи столкновенія законовъ? Здѣсь существуютъ различныя системы: одни государства допускаютъ въ

теръ (*Pütter*, Das Practische Europ. Fremdenrecht, 1845; также Arch. f. civ. Praxis, Bd. XXXVII, H. 3), Шефферъ (Das Princip des Internationalen Privatrechts, 1851.— Ср. оцѣнку ихъ, кромѣ Р. Ф. Моля, U. S., въ первомъ отдѣлѣ вышеприведеннаго и превосходнаго сочиненія *Бара:* Erste Abtheilung. Geschichte, Litteratur und Princip des intern. Privat- und Strafrechts, SS. 8—63).—Здѣсь же сдѣлано самое подробное перечисленіе всей литературы предмета, отъ средневѣковыхъ писателей XIV и XV столѣтій (Albericus de Rosate, †1356, Baldus Ubaldus, Bartolus etc.) до новѣйшихъ англійскихъ, французскихъ, американскихъ, италіанскихъ и германскихъ юристовъ]. Какъ основную книгу по настоящему предмету можно рекомендовать: *Савиньи* (8-й томъ извѣстной его системы римскаго права); ближе другихъ писателей стоятъ къ Савиньи: *Тёль*, *Герберъ*, *Блунчли* и *Вэхтеръ* (*Wächter*, Ueber die Collision der Privatrechtsgesetze verschiedener Staaten. Archiv f. civil. Praxis. Bd. XXV, XXVI).—Основной взглядъ Савиньи можетъ быть выраженъ такъ: судья прежде всего обязанъ примѣнять отечественные свои законы, но лишь въ отношеніи къ тѣмъ именно лицамъ и случаямъ, для которыхъ прямо и ясно изданъ законъ: нельзя держаться распространительнаго толкованія касательно примѣненія отечественнаго права, если есть сомнѣніе относительно того: дѣйствительно ли прилагается данное правило къ извѣстному случаю? Нужно, чтобы судья руководствовался тою нормою, которая идетъ именно къ конкретному отношенію, не обращая вниманія на иностранное происхожденіе нормы, покрывающей собою данный случай, если только тому не препятствуютъ запретительные законы внутри извѣстнаго государства. Такимъ образомъ, приложеніе иностранныхъ законовъ внутри государства является у Савиньи отвѣтомъ на требованіе, вытекающее изъ внутренней природы положительнаго права (dass bei jedem Rechtsverhälniss dasjenige Rechtsgebiet aufgesucht werde, worin das Rechtsverhältniss seinen Sitz hat)—требованіе, поддерживаемое духомъ международнаго союза цивилизованныхъ государствъ.— Наконецъ, третья категорія ученыхъ думаетъ, что слѣдуетъ предоставлять безусловную силу и давать исключительное примѣненіе чужеземнымъ источникамъ при разборѣ всѣхъ иностранныхъ правоотношеній. Съ различными оттѣнками въ частностяхъ, сюда принадлежатъ: *Штруве*, какъ наиболѣе рѣзкій защитникъ этой теоріи (*Struve*, Ueber das positive Rechtsgesetz in seiner Beziehung auf räumliche Verhältnisse etc. 1834), *Шефнеръ*, опирающійся главнымъ образомъ на обычномъ правѣ (Entwickelung des internationalen Privatrechts, 1841), и нѣкоторые другіе. Изъ англійскихъ и американскихъ сочиненій, кромѣ *Кента*, *Стёри* и *Филлимора* (у послѣдняго весь IV томъ посвященъ частному международному праву), можно еще указать *Уэстлэка* (*Westlake*, A treatise on private international law, 1858). Нѣкоторыя другія сочиненія и статьи будутъ поименованы при дальнѣйшемъ изложеніи. Англичане и американцы стоятъ на общемъ началѣ comitas juris genti-

Digitized by Google

теоріи и на практикѣ начало полной взаимности и правоваго равенства собственныхъ поддаиныхъ съ иностранцами; другія государ-

um.—Разнорѣчія и борьба мнѣній еще нагляднѣе представляются въ частностяхъ. Возьмемъ для примѣра институтъ наслѣдованія (ab intestato и завѣщательнаго). Здѣсь возникаетъ такой рядъ вопросовъ: чѣмъ опредѣляются юрисдикція, подсудность и подвѣдомственность случаевъ наслѣдованія иностранцевъ: мѣстонахожденіемъ (lex loci rei sitæ) наслѣдственнаго имущества, или же мѣстожительствомъ (domicilium) наслѣдодателя и наслѣдника? Затѣмъ, установивши мѣсто или forum юрисдикціи, какимъ именно закономъ опредѣлять: правоспособность и дѣеспособность наслѣдодателя ex testamento? форму завѣщанія? содержаніе послѣдняго? По какому закону толковать завѣщаніе? Какъ опредѣлять права наслѣдниковъ въ случаяхъ перехода наслѣдства ab intestato?—Здѣсь встрѣчаются такія категоріи мнѣній: 1) все наслѣдство какъ universitas juris подчиняется закону послѣдняго мѣстопребыванія (lex domicilii) наслѣдодателя. Такое начало, преобладающее въ законодательствахъ и въ наукѣ Германіи, гдѣ въ настоящее время считается за болѣе отвѣчающій цѣлямъ развитаго гражданскаго оборота римскій принципъ универсальнаго наслѣдованія (Nihil aliud est hæreditas quam successio in universum jus quod testator habuit. Hæreditas non hæredis personam, sed defuncti sustinet. Ср. Preussisches Allg. Land-Recht. I. 2. § 34. I. 9. § 310. I. 17. § 127 etc.—Osterreich. Allg. G. B. §§ 532, 547, 548). 2) Радикально-противоположно первой системѣ ученіе, подчиняющее наслѣдованіе иностранцевъ началу или закону мѣстонахожденія всѣхъ наслѣдуемыхъ вещей (lex loci rei sitæ), при чемъ возможно предположить, какъ сдѣлалъ это Савиньи (S. 320), совмѣстное примѣненіе четырехъ и болѣе законодательствъ къ одному и тому-же субстрату наслѣдства (мѣстнаго прусскаго, обще-германскаго, римскаго и французскаго). Здѣсь-же является совершенно-нерѣшеннымъ вопросъ о преимуществѣ въ долгахъ и обязательствахъ умершаго наслѣдодателя. 3) Закону мѣстонахожденія (территоріальн. началу) подчиняются вещи недвижимыя; но вещи движимыя идутъ въ наслѣдованіе по принципу послѣдняго мѣстожительства наслѣдодателя (юриспруденція Англіи, сѣверной Америки и значительнаго большинства французскихъ писателей). Ср. статью 3-ю, 2-е опредѣленіе французскаго кодекса: Les immeubles, même ceux possedés par des étrangers, sont régis par la loi française). 4) Наслѣдство универсальное (какъ universitas juris въ римскомъ смыслѣ) подчиняется legi domicilii; наслѣдство сингулярное—legi loci rei sitæ; но наслѣдство изъ движимостей всегда разсматривается какъ universitas, слѣдовательно къ движимымъ вещамъ примѣнимо только начало domicilii умершаго наслѣдодателя (ученіе *Бара* L. C. S. 376 etc. § 107). Наконецъ недавно 5) женевскій профессоръ *Брошеръ* (Théorie du droit intern. privé, Chap. IX. Ср. Revue de dr. int. 1873, № III) устраняетъ оба начала: мѣстонахожденія имущества (lex loci rei sitæ) и мѣстожительства наслѣдователя и предлагаетъ нормировать правоотношеніе наслѣдованія иностранцевъ принципомъ національности, одинаково въ случаяхъ

Digitized by Google

ства считаютъ извѣстныя, напримѣръ политическія, права, установленныя мѣстнымъ законодательствомъ, принадлежностью только однихъ своихъ гражданъ и подданныхъ; въ большинствѣ государствъ допускается примѣненіе иностранныхъ законовъ съ ограниченіями, которыя требуются самостоятельностью государствъ и интересами ихъ подданныхъ. — Еще голландецъ Губеръ и другіе писатели старыхъ школъ установили слѣдующія положенія: I) законами даннаго государства управляются вещи и лица, не пользующіяся привилегіею внѣземельности, живущія въ территоріи его, безъ различія подданства и безъ различія того — навсегда или временно пребываютъ они въ этомъ государствѣ, и II) контракты, законно заключенные гдѣ бы то ни было, имѣютъ силу, если не нарушаютъ законовъ государства, правъ казны и правъ частныхъ лицъ. — Законы извѣстнаго государства управляютъ, какъ сказано, всѣми вещами, находящимися въ его территоріи, — и въ этомъ отношеніи (т. е. на сколько они опредѣляютъ имущественныя права на вещи, особенно недвижимыя) называются реальными статутами — Statuta realia. Реальные статуты опираются на начало самодержавія или самостоятельности, по которому государство властно опредѣлять условія и правила для пріобрѣтенія, обладанія и отчужденія различныхъ вещей. Вотъ почему въ литературѣ встрѣчается такое правило, что недвижимыя имущества подчиняются своему мѣстному закону; технически это выражается такъ: относительно имуществъ недвижимыхъ дѣйствуетъ lex loci rei sitæ, — и отсюда переходъ имущественныхъ правъ на недвижимую собственность изъ одной страны въ другую происходитъ по ученію прежнихъ школъ непремѣнно на основаніи начала или закона мѣстонахожденія имущества.

наслѣдства ab intestato и по завѣщанію, согласно ст. 6, 8 и 722 новаго гражданскаго уложенія въ Италіи.

Digitized by Google

Примѣчаніе. Впрочемъ выше мы видѣли уже, что относительно наслѣдованія въ недвижимыхъ имуществахъ ново-изданный кодексъ итальянскаго королевства отступилъ отъ территоріальнаго начала: по ст. 8, наслѣдованіе ab intestato и завѣщательное опредѣляются *національнымъ закономъ* наслѣдодателя, изъ какихъ бы имуществъ ни состояло и въ какихъ бы земляхъ ни лежало открывающееся наслѣдство.—Галлекъ (Гл. VII. § 2) говоритъ: что теперь повсюду абсолютное начало независимости государства въ отношеніи законодательства и юрисдикціи ограничивается, и распоряженіе недвижимыми имуществами въ одномъ государствѣ совершается при извѣстныхъ условіяхъ и въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ на основаніи законовъ другихъ государствъ. Ср. *Tucci* Principes du droit public. 2-e partie, 63: о примѣненіи законовъ къ иностранцамъ. Такая система ограниченій территоріальнаго начала постепенно принята во всемъ международномъ союзѣ, за исключеніемъ Англіи и С. штатовъ, гдѣ до нашихъ дней держались строгія правила въ духѣ территоріальнаго принципа; въ Англіи это объяснялось феодальными законами—Escheat или droit d'aubaine—правомъ на наслѣдство чужестранца; въ Америку же территоріальное начало перешло преемственно изъ Англіи. Но въ 1870 г., въ Англіи былъ проведенъ актъ о принятіи подданства иностранцами, и пріобрѣтеніе иностранцемъ имуществъ по наслѣдству совершается теперь безпрепятственно, съ однимъ условіемъ, что иностранецъ не получаетъ никакихъ политическихъ правъ и не можетъ быть не только членомъ парламента, но даже и членомъ муниципальнаго управленія. Въ Америкѣ до сихъ поръ держатся съ формальной стороны принципа lex loci rei sitæ, и случаи столкновенія законовъ иностранныхъ государствъ разрѣшаются законами и обычаями каждаго отдѣльнаго штата. Говоримъ «съ формальной стороны», потому что законы всѣхъ штатовъ по этому предмету очень либеральны и вполнѣ отвѣчаютъ современнымъ требованіямъ. Практика с.-америк. судовъ не отказывается теперь выполнять извѣстныя формальности и обряды, если они даже установлены волею имѣвшихъ на то право лицъ и необходимы для дѣйствительности иностранныхъ актовъ на имущества въ американскихъ штатахъ.

Digitized by Google

Относительно движимыхъ имуществъ старинные юристы говорили: что «mobilia sequuntur personas et ossibus (earum personarum) inhærent» (движимыя имущества слѣдуютъ за лицами и какъ-бы связаны съ ихъ тѣломъ, т. е. личностію). Отсюда, правила, опредѣляющія отношенія между иностранцами по вопросамъ о правахъ на движимыя имущества, должны были существенно отличаться отъ правилъ касательно недвижимостей. Такимъ образомъ, сдѣлки и контракты относительно движимостей подчинялись закону мѣстопребыванія лицъ — lex loci domicilii, — и судьбу движимаго имущества рѣшалъ законъ того мѣста, гдѣ, въ моментъ своей смерти, имѣлъ domicilium хозяинъ его. Такова была теорія и практика большинства государствъ, со включеніемъ Англіи. Еще въ послѣднее время, случались такія дѣла, что парламентъ, въ качествѣ высшей инстанціи, подтверждалъ начало lex loci domicilii. Такъ, извѣстенъ случай, въ которомъ предъявленъ искъ и начата тяжба противъ завѣщанія, составленнаго въ Индіи шотландцемъ на движимыя имущества, остававшіяся на родинѣ (т. е. въ Шотландіи). Парламентъ въ апелляціонномъ порядкѣ постановилъ, что толковать завѣщаніе нужно на основаніи законовъ того мѣста, гдѣ было domicilium завѣщателя-шотландца, и оставилъ безъ послѣдствій искъ, оспаривавшій завѣщаніе. Кромѣ этого, было еще много другихъ примѣровъ, изъ которыхъ видно, что англійская практика все еще держится, въ извѣстныхъ предѣлахъ, того правила о примѣненіи начала lex loci domicilii къ движимымъ имуществамъ, которое (правило) безусловно проводилось и прилагалось старинными юристами[1].

Исключенія изъ спорнаго теперь принципа — mobilia sequuntur personas et ossibus earum inhærent — допускаются даже

[1] См. мнѣніе лорда Росслина у Уэстлека, ср. 245. Тамъ-же, въ книгѣ Уэстлека, можно найдти подробности касательно юридическаго положенія движимыхъ имуществъ въ англійскомъ правѣ.

Digitized by Google

защитниками этого ученія (напр. Феликсомъ[1]). И понятно, откуда происходятъ многія исключенія. Не вездѣ и не во всѣхъ случаяхъ названіе и законное свойство недвижимыхъ имуществъ отвѣчаютъ дѣйствительному свойству и природѣ ихъ. Есть вещи и цѣнности, которыя удобны къ перенесенію и вообще, по физическому строенію своему, подходятъ къ вещамъ движимымъ; но тѣмъ не менѣе имъ искусственно и по закону приданъ характеръ недвижимой собственности. Послѣднее бываетъ очень часто: такъ, по шотландскимъ законамъ, всѣ поземельныя ренты суть недвижимыя имущества. Къ той-же категоріи относятся, по другимъ европейскимъ законодательствамъ, особаго рода государственныя ренты (Rentes sur l'état érigées en majorat), акціи многихъ обществъ и публичныхъ банковъ, процентные дивиденды отъ различныхъ предпріятій, — т. е. такія вещи, которыя имѣютъ громадное практическое значеніе въ международномъ — коммерческомъ и финансовомъ оборотѣ. Такъ-какъ онѣ считаются недвижимостями; то во многихъ случаяхъ столкновенія между законами приходится примѣнять lex loci rei sitæ, но не lex loci domicilii[2].

---

[1] См. *Fölix*, Traité du droit intern. privé etc. I. § 62.

[2] *Fölix*, Ibidem. §§ 63, 64. Les meubles devenus immeubles par destination sortent légalement de la classe des meubles; on ne peut donc plus leur appliquer le statut personnel.... L'étranger dans la patrie duquel les rentes ou créances sont réputées immeubles, ne pourra disposer de celles qui lui sont dues en France qu'autant qu'il est capable d'aliéner les immeubles». — Сравн. сходное замѣчаніе Бара, несогласнаго однако-же съ Феликсомъ по коренному вопросу о statuta realia и personalia, а особенно по вопросу о подчиненіи движимыхъ имуществъ legi domicilii, § 62, стр. 205, 206. — Вообще, и въ настоящемъ вопросѣ (о началахъ, которыми управляются недвижимыя и движимыя имущества въ частномъ международномъ оборотѣ) замѣчается вышеуказанная черта шаткости и спорности ученій. Такъ, между прочимъ, при рѣдкомъ согласіи ученыхъ, объясняемомъ исторіею поземельныхъ отношеній западной Европы, касательно приложенія lex rei sitae къ недвижимостямъ, замѣчается поразительное несходство мнѣній относительно *юридическихъ основаній* для господства этого правила, выраженнаго еще голландцемъ *Губеромъ*: «Communis et recta sententia est, in rebus immobilibus servandum esse jus loci in quo bona sint sita». Одни выводятъ это правило изъ понятія верховенства

Digitized by Google

Въ-заключеніе, присоединимъ мнѣніе Кальво и многихъ другихъ юристовъ, что дополнительныя «формальности, необходи-

государствъ; другіе видятъ въ немъ законъ естественный, вытекающій изъ природы вещей; третьи прибѣгаютъ въ гипотезѣ добровольнаго подчиненія мѣстному закону всѣхъ тѣхъ, которые осуществляютъ свои права на вещи, находящіяся въ извѣстныхъ территоріальныхъ предѣлахъ (напр. *Савиньи*, VIII. § 366. Между прочимъ знаменитый берлинскій профессоръ отвергаетъ, по отношенію къ вещамъ недвижимымъ и движимымъ, примѣненіе иныхъ общихъ правилъ, кромѣ lex rei sitae; только по исключенію — стр. 178, 179 — можно допустить приложеніе lex domicilii къ движимымъ имуществамъ). *Баръ*, отвергающій объясненія *Савиньи* и другихъ касательно основаній для господства lex rei sitae, примиряется только отчасти съ ученіемъ *Тёля* и *Вехтера* (Die leiten die Geltung der Lex rei sitae aus der Absicht der Gesetzgebung ab), облекая это ученіе въ слѣдующую болѣе полную схему: «..Bezielt... das Sachenrecht die Lehre von den Rechtsverhältnissen, welche durch die factische Existenz einer Sache nothwendig bedingt sind, und dadurch entstehen, dass irgend welche Personen durh factische Berührung Handlungen mit einer Sache vornehmen, und kann eine factische Berührung der Sache immer nur da eintreten, wo sich die Sache augenblicklich befindet, so ergiebt sich für unsere Frage die Consequenz, dass die Beurtheilung der Rechte an Sachen nach den Gesetzen des Landes erfolgen muss, wo die Sache zur Zeit derjenigen Handlung sich befunden hat, welche den Erwerb oder Verlust eines bestimmten dinglichen Rechtes bewirkt haben soll» Отсюда видно, что формула Бара построена на идеѣ необходимости, отвергнутой имъ въ смыслѣ естественнаго права, но принятой въ смыслѣ логическаго вывода изъ сущности существующихъ правоотношеній и изъ цѣлей положительнаго законодательства. — Что касается подробностей, не входящихъ въ программу настоящаго сжатаго изложенія, относительно приложенія началъ lex rei sitae, то объ этомъ см.: *Феликсъ* (I. tit. 2. §§ 56—66); *Савиньи* (VIII, §§ 367, 368).—Для англійской и отчасти американской теоріи и практики ср. *Уэстлэка* (*Westlake*, §§ 69—99), а также *Филлимора* (IV, Ch. XXVIII. §§ 581—594). См. также образцовый анализъ у *Бара* §§ 57—65. Здѣсь сведены и разобраны съ рѣдкимъ мастерствомъ глубокаго и остроумнаго анализа всѣ мнѣнія, отъ Бартола до послѣдняго времени, а также постановленія законодательствъ—американскаго, англійскаго, французскаго, германскихъ, австрійскаго и др. Но едва-ли чье изложеніе можетъ превзойдти ясностію и простотою тѣ немногія страницы, которыя посвящаетъ настоящему отдѣлу частнаго международнаго права Савиньи. Вотъ, по его мнѣнію, тѣ предметы или вопросы имущественнаго права, которые подлежатъ, при столкновеніи законовъ, дѣйствію мѣстнаго закона въ каждомъ независимомъ государствѣ (lex rei sitae): 1) Способность лица пріобрѣтать и отчуждать собственность; 2) способность вещей быть объектомъ права собственности; 3) способы пріобрѣтенія (посредствомъ завладѣнія — occupatio)

Digitized by Google

мыя для законной силы иностранныхъ актовъ о движимыхъ имуществахъ, должны быть выполнены по точному смыслу законовъ и того государства, гдѣ акты предъявлены къ исполненію». Слѣдовательно, въ этомъ отношеніи мы видимъ согласованіе, путемъ взаимныхъ уступокъ, начала территоріальнаго (въ обрядахъ и формальностяхъ судебнаго исполненія) съ началомъ иностраннымъ (въ содержаніи и въ распорядительной части акта— dispositif du testament).

Примѣчаніе. См. *Phillimore*, IV, P. 631, § 871, гдѣ англійскій писатель сравниваетъ въ этомъ отношеніи теорію и практику англо-американскую съ практикою континентальной Европы, отдавая предпочтеніе послѣдней передъ первою въ частномъ вопросѣ о формѣ завѣщаній: «The Jurisprudence of the continent wisely, justly and philosophically allows an option to the testator to adopt: either the form required by the lex loci actus, or the form required by the lex domicilii... though the general maxim be locus regit actum. — England and the North Amer. Un. St. unwisely, arbitrarily and unphilosophically compel the testator to adopt the form prescribed by the lex domicilii». — Ср. *Savigny*, VIII, § 381, 382. *Folix*, I, P. 145. — См. также 9-ю статью (titre préliminaire, въ переводѣ Gandolfi) итальянскаго кодекса: «Les formes

---

многихъ разрядовъ вещей, и притомъ движимыхъ, причемъ однажды пріобрѣтенное право собственности въ одной государственной территоріи по закону lex rei sitae должно быть признаваемо въ другихъ государствахъ; 4) формы или способы отчужденія (или добровольной передачи—traditio) вещи отъ одного лица другому, такъ-что traditio между двумя французами относительно движимыхъ вещей, находящихся въ Берлинѣ, совершится по правилу о реальномъ вручніи вещи; но, съ другой стороны, одинаковая сдѣлка между двумя берлинцами въ Парижѣ получитъ полную свою силу въ-слѣдствіе одного заключенія договора (per solum consensum); 5) отысканіе или виндикація права собственности на вещь производится по правилу касательно forum rei sitae, причемъ однакоже *Савиньи* допускаетъ возможность обращаться, въ извѣстныхъ случаяхъ, къ forum domicilii; 6) сервитуты (особ. servitutes praediorum), эмфитевтическое и суперфиціарное право; 7) ипотечныя отношенія; 8) ленныя и фидеикоммисарныя отношенія; 9) наконецъ поссессіонныя отношенія, такъ-какъ possessio, будучи фактомъ, а не правомъ, естественно должно подчиняться закону мѣсто-нахожденія вещи. — Почти той-же системы держится *Баръ*, хотя онъ расходится во многихъ частностяхъ съ *Савиньи*.

Digitized by Google

extrinsèques des actes entre vifs ou de dernière volonté sont déterminées par la loi du lieu où ils sont faits. Cependant les personnes qui disposent ou qui contractent ont la faculté de suivre les formes de la loi de leur nation, pourvu que celle-ci soit commune à toutes les parties contractantes». Ясное и точное правило это опирается на весьма твердую базу и счастливо рѣшаетъ старинные споры о различныхъ законахъ, которые могутъ сталкиваться съ законами того мѣста, гдѣ акты предъявлены къ исполненію.

Относительно контрактовъ существуетъ такое правило: контрактъ и нерѣдко его содержаніе, въ-особенности формальную сторону его, опредѣляетъ мѣсто его совершенія — lex loci contractus, или locus regit actum. Мотивъ и здѣсь такой: если-бы не было этого правила, то частныя лица, пребывающія за границею, потеряли бы возможность кредита и вообще имущественнаго оборота, а для націй и государствъ существуетъ нравственная обязанность поддерживать между собою добрыя сношенія и правильный экономическій оборотъ. Значитъ, необходимо допустить принципъ: locus regit actum. Такъ смотрятъ и Кальво, и Стори, и Вестлэкъ и Геффтеръ. Стори говоритъ: «Государство, отвергнувъ это правило, исключило бы себя отъ международнаго общенія и потеряло бы право на communio juris prœhendi et repetendi (юридическое общеніе въ поддержкѣ чужаго и въ охранѣ права собственнаго)». Но здѣсь однако бываютъ исключенія: 1) такъ-какъ statuta realia должны подлежать правилу о подчиненіи закону мѣстонахожденія вещей— lex loci rei sitæ; то, при столкновеніи съ контрактами, которые управляются правиломъ — lex loci contractus, они исключаютъ послѣднее правило, и 2) принципъ — locus regit actum — ограничивается statutis personalibus, т. е. тѣмъ отдѣломъ законодательства, въ которомъ опредѣляются, какъ предметъ juris publici quod privatorum pactis mutari non potest, права состоянія лицъ въ данномъ государствѣ, и куда вхо-

Digitized by Google

дятъ вопросы о возрастѣ, о брачномъ или безбрачномъ состояніи, о правоспособности и т. д. Statuta personalia подчиняются тому правилу, что они inhærent personis, такъ-какъ, дѣйствительно, было бы вредно для международнаго общенія считаться, напримѣръ, въ данномъ государствѣ совершеннолѣтнимъ, а, переѣхавши въ другое, сдѣлаться несовершеннолѣтнимъ и отказаться отъ юридическихъ послѣдствій законнаго признанія себя правоспособнымъ лицомъ въ своемъ отечествѣ. Вотъ почему statuta personalia, сталкиваясь съ иностранными контрактами, ограничиваютъ управляющее ими правило — locus regit actum. 3) Далѣе, Стори и другіе публицисты совершенно основательно замѣчаютъ, что исполненіе договоровъ можетъ быть явно или implicite назначено въ другомъ мѣстѣ, а не тамъ, гдѣ они совершились; — значитъ, здѣсь сама воля контрагентовъ можетъ отмѣнять начало — locus regit actum и замѣнять его другимъ. Такое послѣдствіе логически вытекаетъ изъ начала полной свободы лицъ при заключеніи договоровъ[1]. 4) Начало — locus regit actum подлежитъ ограниченію къ томъ случаѣ, если контрактъ, заключенный въ иностранномъ государствѣ, противорѣчитъ нравственнымъ, юридическимъ и правовымъ понятіямъ той страны, гдѣ онъ долженъ исполняться (si contractus contra bonos mores ac pietatem essent). — Французское законодательство относится очень строго къ подобнымъ контрактамъ, и, напримѣръ, въ 1829 г. приговоромъ окружнаго суда парижскаго департамента былъ уничтоженъ искъ о взысканіи по билетамъ одной лоттереи съ выигрышами; такія лоттереи вообще не пользуются нравственною репутаціею[2]. — Савиньи, въ томъ отдѣлѣ своего труда, который посвященъ анализу начала locus regit actum, поднимаетъ вопросъ: какъ смотрѣть на силу и дѣйстви-

[1] Ср. *Story*, L. C. §§ 242—246. *Fölix*, Livre II. PP. 142, 143. «Les lois qui régissent les actes de l'homme».

[2] *Calvo*, P. 358.

Digitized by Google

тельность брака, который заключенъ подданными государства, гдѣ бракъ есть таинство, если лицо заключило его по мѣстнымъ правиламъ въ странѣ, гдѣ бракъ, какъ таинство, безусловно отвергается? Савиньи думаетъ, что бракъ здѣсь не можетъ быть признанъ дѣйствительнымъ и нуждается въ освященіи церковными обрядами. Но спрашивается: имѣетъ ли силу гражданскій бракъ, заключенный подданными государства, допускающаго это, если чета переѣзжаетъ въ государство, гдѣ гражданскій бракъ не дозволяется? Здѣсь уже нельзя отвергать правила locus regit actum, потому что нѣтъ такихъ началъ нравственности и благочинія, которыя бы заставляли разсматривать, какъ нѣчто неправильное, бракъ, заключенный по договору, согласно мѣстнымъ законамъ другого государства. — Нигдѣ, какъ въ подобныхъ случаяхъ отрицанія, не выставилось бы во всей своей яркости то мнѣніе, что территоріальное начало, доведенное до строгой послѣдовательности, есть злѣйшій врагъ самыхъ дорогихъ интересовъ международнаго права. И если, какъ замѣчено уже выше, нельзя одному государству съ моногамическимъ принципомъ брачнаго права отрицать юридическихъ послѣдствій полигамическаго союза, законно заключеннаго въ магометанскомъ государствѣ, то, a fortiori, нельзя отвергнуть силу и значеніе брака гражданскаго, заключеннаго по дѣйствующему закону иностраннаго государства, тамъ, гдѣ супружество безусловно считается таинствомъ. 5) Правило — locus regit actum — ограничивается по мнѣнію нѣкоторыхъ юристовъ еще тогда, когда на судѣ, гдѣ требуется исполненіе какого-либо контракта, предъявляются отводы съ цѣлью остановить выполненіе. 6) Въ категорію ограниченій принципа locus regit actum нужно занести то обстоятельство, когда давность, истекшая по закону, погашаетъ обязательство. Судъ можетъ признать освобожденіе отъ обязательства такого должника, для котораго прошла давность, установленная въ его государствѣ; здѣсь буквально будетъ при-

Digitized by Google

мѣняться правило, что «истецъ управляется законами судопроизводства въ отечествѣ отвѣтчика» (Actor sequitur forum rei). 7) Сюда же относится тотъ случай, когда иностранцы одной національности, живя въ извѣстномъ государствѣ, заключаютъ между собою какой-либо договоръ. Такія лица могутъ и даже должны принимать въ соображеніе свои отечественные законы; и сущность обязательства, наконецъ, экономическая цѣнность контракта — все это можетъ быть опредѣлено по ихъ національному праву[1]. Наконецъ, по мнѣнію Феликса, оспариваемому Савиньи, 8) правило locus regit actum не дѣйствуетъ, если договоръ заключается въ чужомъ государствѣ извѣстными лицами съ цѣлью обхода ихъ собственнаго законодательства (in fraudem legis), напримѣръ,—съ цѣлью избѣжать высокихъ пошлинъ и т. п.

Что касается вопроса: какой юрисдикціи подчиняются обязательства и контракты? какіе мѣстные законы имѣютъ къ нимъ приложеніе?—то они разрѣшены слѣдующимъ образомъ у Савиньи: 1) Подсудность и рѣшеніе дѣлъ по обязательствамъ и договорамъ, при столкновеніи различныхъ законовъ, опредѣляется волею сторонъ, опредѣлившихъ явно или подразумѣваемо (expresse vel tacite), гдѣ должно имѣть мѣсто исполненіе (solutio) по обязательству. Правило это, признаваемое многими новѣйшими юристами, устраняетъ старинное мнѣніе о совпаденіи юрисдикціи съ мѣстомъ совершенія и заключенія договоровъ (forum contractus), служа, въ то-же время, наглядньмъ выраженіемъ принципа, что, при существенной важности момента solutio въ обязательствѣ, главною ареною обязательственнаго отношенія (Sitz der Obligation) должно служить мѣсто исполненія обязательства, возникающаго изъ договора или изъ другихъ основаній. 2) При отсутствіи опредѣленія подсудности волею

[1] *Fölix*, I. P. 143. *Phillimore*, IV, 478.

Digitized by Google

сторонъ, можетъ быть рѣшено дѣло въ судахъ той мѣстности, гдѣ обязанная сторона (должникъ по обязательству) имѣетъ какое-либо ремесло, торговлю и проч., послужившее поводомъ къ возникновенію обязательства. Другими словами, здѣсь имѣемъ мы подсудность по дѣловому мѣстожительству (которое можетъ быть временнымъ и даже скоропреходящимъ) отвѣтчика. 3) Можетъ происходить судъ съ постановкою рѣшенія въ мѣстѣ возникновенія и заключенія обязательства, если только мѣсто это есть въ то-же время domicilium должника. 4) Безъ этого совпаденія, мѣсто заключенія обязательства можетъ служить какъ forum obligationis лишь въ такомъ случаѣ, если изъ обстоятельствъ дѣла видно, что здѣсь-именно, а не въ другой какой-либо мѣстности, предполагалось исполненіе по обязательству. 5) Во всѣхъ остальныхъ случаяхъ подсудность и весь вопросъ о юрисдикціи разрѣшается мѣстожительствомъ должника.

Таковы правила о юрисдикціи по обязательствамъ, въ случаяхъ столкновенія законовъ, вытекающія изъ подробнаго разсмотрѣнія всего этого вопроса у Савиньи[1]. Тамъ-же можно найдти разрѣшеніе вопроса о томъ—какіе мѣстные законы имѣютъ приложеніе къ судебному разбору международныхъ дѣлъ по гражданскимъ обязательствамъ[2]. Здѣсь мы можемъ, при сжатомъ изложеніи, замѣтить только, что, не смотря на частыя совпаденія вопросовъ о мѣстныхъ законахъ съ вопросами мѣстной юрисдикціи, между тѣми и другими есть существенное различіе. Дѣло въ томъ, что выборъ мѣста юрисдикціи (forum speciale —по точному смыслу договора, или даже forum generale—по общему и болѣе стѣсняющему волю истца правилу: actor sequitur forum rei) отчасти зависитъ отъ воли стороны, имѣющей право требованія (иска). Между-тѣмъ, въ отношеніи выбора мѣстныхъ законовъ для обсужденія конкретнаго обязательственнаго отношенія,

[1] См. VIII. § 370, 371. Gerichtsstand der Obligation, SS. 205—245.

[2] См. особ. § 372.

Digitized by Google

нѣтъ и не можетъ быть такой свободы у истца-контрагента: вопросъ о нормѣ, подъ которую подводится данное дѣло, всегда долженъ быть разрѣшенъ объективно: или по закону мѣста solutionis, или по закону мѣста возникновенія обязательства, или, наконецъ, по закону мѣстожительства должника-отвѣтчика, причемъ существуетъ презумція, что должникъ добровольно подчинился дѣйствію и силѣ извѣстнаго мѣстнаго закона. Такое предположеніе можетъ быть уничтожено или открытымъ заявленіемъ противнаго, или же доказательствомъ того факта, что по смыслу извѣстнаго мѣстнаго закона признается недѣйствительнымъ данное обязательство, въ которое вступили между собою контрагенты.

Само собою разумѣется, что всѣ эти правила подлежатъ исключеніямъ и вызывали многочисленныя возраженія и несогласія въ литературѣ частнаго международнаго права. Но разсмотрѣніе и обсужденіе ихъ вывело бы насъ за предѣлы сжатаго очерка коренныхъ, или, строго говоря, наименѣе спорныхъ научныхъ положеній.

Теперь скажемъ нѣсколько словъ о statuta personalia. Уже было замѣчено, что это суть законы, опредѣляющіе личныя права, извѣстныя качества, условія правоспособности или дѣеспособности лицъ, и что statuta personalia inhærent personis (т. е. такіе законы всегда и повсюду слѣдуютъ за подданными своего государства).

Терминологія эта дошла къ намъ изстари: начало ея, вмѣстѣ съ зародышами частнаго международнаго права, положено еще Бартоломъ, слѣдовательно не много спустя послѣ процвѣтанія итальянской школы глоссаторовъ. Въ 14 отдѣленіи комментарія своего на первый титулъ первой книги Кодекса Юстиніана (Cod. L. I. t. 1. De summa trinitate et fide catholica et ut nemo de ea publice contendere audeat), Бартолъ подготовляетъ тройственное раздѣленіе положительнаго законодательства на стату-

Digitized by Google

ты (или уставы): личные, имущественные и смѣшанные (statuta personalia, realia, mixta), — раздѣленіе, окончательно установившееся въ XVI столѣтіи[1]. Выше уже были сдѣланы замѣчанія и приведены цитаты (напр. мнѣніе Р. Моля), изъ которыхъ видно отрицательное воззрѣніе современныхъ писателей на теорію личныхъ, реальныхъ и смѣшанныхъ статутовъ. Главное возраженіе противъ этой теоріи заключается въ томъ, что она оставляетъ въ совершенной неопредѣленности вопросъ: что-же именно опредѣляютъ отдѣльные статуты? Когда и съ какой стороны касаются они лицъ, и когда вещныхъ правоотношеній? Убѣдиться въ справедливости воззраженія этого можно всякому, кто знакомъ хотя-бы съ примѣчаніями одного Деманжа на извѣстное сочиненіе Феликса. Далѣе, съ точки зрѣнія метода, противъ теоріи статутовъ возражаютъ въ томъ смыслѣ, что они (статуты) представляютъ собою недостаточно-провѣренныя обобщенія частныхъ опредѣленій, извлеченныхъ средневѣковою схоластическою школою и ея позднѣйшими продолжателями изъ содержанія мѣстныхъ источниковъ права. Здѣсь облечено въ форму логической необходимости и сдѣлано всеобщимъ то, что имѣло значеніе конкретнаго опредѣленія, напримѣръ, въ институтахъ наслѣдственнаго права или въ имущественныхъ отношеніяхъ между супругами по нѣкоторымъ германскимъ законодательствамъ. Установлена невѣрная и слишкомъ широкая аналогія между физическими и юридическими свойствами лицъ и вещей, тогда какъ очевидно, что любое изъ юридическихъ свойствъ лицъ и вещей (положимъ, правоспособность и дѣеспособность лицъ, годность или негодность вещей къ цѣлямъ гражданскаго оборота) не можетъ

[1] См. въ Исторіи литературы частнаго международнаго права у Моля и особенно у Бара упоминаніе французскаго писателя *D' Argentré (Bertrand)*, который написалъ въ половинѣ XVI столѣтія комментарій на бретанское обычное право — Comment. in patrios Britonum leges, seu consuetudines generales ducatus Britanniæ.

Digitized by Google

получить всеобщаго примѣненія (такъ-какъ имѣетъ это мѣсто для физическихъ свойствъ: непроницаемости вещей и т. п.), даже въ предѣлахъ одного общества и государства.—Но тѣмъ не менѣе, теорія статутовъ принимается за основаніе въ громадной литературѣ и, кромѣ того, теорія эта весьма-сильно повліяла на развитіе обычаевъ и законовъ, управляющихъ въ настоящее время отношеніями частнаго международнаго права. Отсюда упоминаніе о личныхъ и вещныхъ статутахъ и даже употребленіе терминологіи ихъ является чѣмъ-то неизбѣжнымъ: въ этомъ сознается между прочимъ Филлиморъ, серіёзно понимающій недостатки старинной теоріи[1], и къ терминологіи статутовъ прибѣгаетъ иногда, volens—nolens, самъ Баръ, наиболѣе сильный противникъ остатковъ средневѣковаго ученія въ частномъ международномъ правѣ современной науки.

Важность отдѣла о statuta personalia видна даже изъ тѣхъ подробностей, съ которыми излагаютъ его всѣ писатели;—и дѣйствительно, иначе нельзя относиться къ системѣ правовыхъ началъ, опредѣляющихъ личную правоспособность иностранца въ чужомъ государствѣ. Сюда входятъ такъ-называемыя у насъ права состоянія иностранцевъ, вопросы наслѣдственной правоспособности, значеніе пола и возраста, малолѣтства, несовершеннолѣтія, ученіе о гражданской чести, о послѣдствіяхъ вступленія въ монашескіе ордена, и сюда-же относится важный вопросъ о международномъ признаніи, въ ихъ правоспособности и дѣеспособности, юридическихъ лицъ.

Остановимся сначала на послѣдней рубрикѣ. Наука и отчасти практика современнаго международнаго права стремятся къ рас-

---

[1] *Phillimore*, IV, P. 233. «Any work on the jus gentium which omitted all notice of this ancient and celebrated division would be censurable on the double ground of historical imperfection and of omitting to explain to its readers the meaning of technical terms without a knowledge of which the writings of jurists would be, for the most part, unintelligible» etc.

Digitized by Google

пространенію и утвержденію начала равенства между лицами, какъ субъектами правъ, въ частномъ оборотѣ, безъ различія между иностранцами и подданными каждаго отдѣльнаго государства. Но юридическія лица и общества, болѣе или менѣе приближающіяся къ типу этого учрежденія, имѣютъ безспорное значеніе при теперешнемъ состояніи и при усиливающемся космополитическомъ общеніи націй. Слѣдовательно, можно и должно желать полнаго приравненія, въ отношеніяхъ правоспособности и дѣеспособности, юридическихъ лицъ иностранныхъ съ отечественными въ международномъ оборотѣ. Дѣйствительно, юридическія лица одного государства признаются теперь, какъ таковыя, во всѣхъ другихъ государствахъ, причемъ устройство этихъ лицъ или институтовъ опредѣляется по началу legis domicilii (т. е. устройство остается согласнымъ съ тѣмъ, которое дано юридическому лицу въ его отечествѣ). Само собою разумѣется, что международное признаніе юридическихъ лицъ возможно лишь при законности и дозволительности ихъ въ предѣлахъ собственной страны: и здѣсь дѣйствуетъ начало legis domicilii. Значитъ, далѣе, на этомъ-же принципѣ должна покоиться формула для правоспособности и дѣеспособности юридическихъ лицъ, если вопросъ этотъ подымается въ какомъ-либо иностранномъ государствѣ. Извѣстно, что многіе цивилисты дѣлятъ права юридическихъ лицъ на необходимыя или общія, безъ которыхъ невозможно самое существованіе этихъ лицъ, и на положительныя или установленныя законодательною властію права, которыя не составляютъ, какъ первая категорія, существеннаго условія для бытія и дѣйствія юридическаго лица согласно присущимъ ему цѣлямъ. (Сюда, конечно, войдетъ разрядъ многочисленныхъ привилегій, privilegia favorabilia et odiosa). Отсюда, должны быть признаваемы всѣми государствами въ международномъ общеніи права необходимыя, но могутъ — и нерѣдко даже должны быть непризнаваемы — привилегіи юридическихъ лицъ, допущенныхъ въ

Digitized by Google

иностранныя государства. Въ самомъ дѣлѣ, не трудно представить себѣ возможность такихъ привилегій, которыя нарушаютъ своимъ монопольнымъ характеромъ правильность и цѣлесообразность международнаго оборота (хотя бы, напримѣръ, регальныя права — jura regalia — казны во многихъ государствахъ, или привилегіи римскаго фиска, поставленнаго внѣ правила: nemo plus juris in alium transferre potest quam ipse habet), — и мысль, выше высказанная, становится яснѣе. — И такъ, не вредитъ общему началу международнаго признанія юридическихъ лицъ и различныхъ, болѣе или менѣе подходящихъ къ нимъ обществъ, исключеніе, по которому не всегда предоставляются иностраннымъ юридическимъ лицамъ привилегіи, данныя имъ въ отечествѣ, равно какъ и тѣ привилегіи, которыя уступлены своимъ мѣстнымъ юридическимъ лицамъ въ иностранномъ государствѣ. Современная практика не дѣлаетъ исключеній лишь относительно благотворительныхъ учрежденій (pia corpora), которымъ предоставляются всѣ права и преимущества однородныхъ отечественныхъ институтовъ[1].

Что-же сказать о правоспособности и дѣеспособности физическихъ лицъ въ иностранныхъ государствахъ? на-сколько можетъ примѣняться теперь правило, что «statuta personalia inhaerent personis», или, что то-же, на-сколько имѣетъ силу lex domicilii? — Что касается Англіи и сѣверо-американскихъ штатовъ, то здѣсь огромное большинство писателей признаетъ то дѣйствіе въ личныхъ статутахъ мѣстнаго, отечественнаго права (lex domicilii), къ которому склоняется между прочимъ и Савиньи. Не мало и такихъ мнѣній, которыя дополняютъ это положеніе[2] слѣдующимъ

---

[1] *Bar*, L. C. § 41. S. 137.

[2] System. VIII. §§ 359, 363 etc. Ср. *Fœlix*, S. 27: «La loi personnelle de chaque individu, la loi dont il est sujet quant à sa personne et celle de la nation dont il est membre... la loi de cette nation est sa loi personnelle, depuis le premier moment de son existence» etc.

Digitized by Google

образомъ: «если природное мѣстожительство оставлено и пріобрѣтено новое, тогда законъ послѣдняго будетъ опредѣлять собою личныя права (statuta personalia) иностранца»[1].

Но изъ сказаннаго не слѣдуетъ заключать о безспорномъ признаніи и единогласномъ рѣшеніи даннаго вопроса какъ въ Америкѣ, такъ и въ Англіи и на континентѣ Европы. Судебная практика и теорія англо-американскихъ правовѣдовъ страдаютъ множествомъ противорѣчій и во многихъ частностяхъ совершенно расходятся съ судебною практикою и учеными мнѣніями континентальныхъ европейскихъ юристовъ. Извѣстный писатель Сторі вовсе отказывается отъ возможности вывести какія-либо общія начала; Филлиморъ съ смущеніемъ указываетъ на непослѣдовательность практиковъ и на принципіальное разнорѣчіе, по многимъ пунктамъ, между англо-американскою и европейскою наукой[2]. Въ общемъ результатѣ относительно Англіи и Америки оказывается, что здѣсь нѣтъ повсемѣстнаго признанія начала личныхъ статутовъ (lex domicilii), но что, напротивъ, встрѣчаются многія, не всегда объяснимыя, уклоненія и ограниченія. Въ англійской и американской практикѣ, по указаніямъ Сторі, преобладаетъ lex loci actus vel contractus[3].

Едва-ли покажется новостью то замѣчаніе, что до сихъ поръ еще не выясненъ въ европейской литературѣ вопросъ о томъ: на какихъ основаніяхъ покоится начало «legis domicilii» въ дѣй-

---

[1] *Филлиморъ*, IV, гл. XVII, 245. Ср. тамъ-же ссылки на французскій кодексъ, на рѣшенія судовъ и мнѣнія правовѣдовъ: Пардессю, Феликса, Тулье, Мерлена и друг., развивающихъ ученіе «lex domicilii» въ примѣненіи къ данному вопросу, а также на законодательства бельгійское, швейцарское (кантоновъ женевскаго, бернскаго и водтскаго—Genève, Vaud, Berne), австрійское, прусское, баварское и баденское.—Тамъ-же, какъ контрастъ по своимъ началамъ, законодательство голландское и русское.—Ср. также *Барда*, стр. 158, ноту 8.

[2] *Phillim.* L. C. § 382. Сравн. *Story*, 4 гл. «On the capacity of persons». *Westlake*, Chap. XIII, PP. 379 etc.

[3] *Story*, SS. 102, 103.

Digitized by Google

ствующихъ законодательствахъ и въ наукѣ? Шаткое и неопредѣленное положеніе этого уголка международнаго правовѣдѣнія особенно ясно изъ критическихъ замѣчаній Бара, которому однакоже легче далась критика, чѣмъ установка формулы, окончательно и вѣрно рѣшающей вопросъ[1]. — Здѣсь трудно винить кого бы то ни было. Дальнѣйшая судьба настоящаго предмета, какъ и многихъ другихъ предметовъ международнаго права, зависитъ отъ причинъ и дѣйствій, лежащихъ внѣ предѣловъ одной науки, а именно: рѣшающимъ моментомъ должны быть — принципъ національности, принципъ яснѣе понятый, точнѣе формулированный и удачнѣе согласованный съ космополитическимъ приравненіемъ многихъ сторонъ въ политической и экономической сферѣ международнаго союза. — До сихъ поръ, представляется намъ, съ личной нашей точки зрѣнія, необходимымъ ограниченіе начала legis domicilii въ примѣненіи къ личной правоспособности иностранцевъ, — и необходимость эта, поддерживаемая кореннымъ фактическимъ различіемъ въ политическихъ и гражданскихъ законахъ многихъ государствъ, естественно вытекаетъ изъ того желаннаго и искомаго начала «равенства между подданными и иностранцами», къ которому — какъ сказано выше — стремится современная наука и практика. Въ самомъ дѣлѣ: возможно-ли допустить безусловное примѣненіе «legis domicilii», когда еще не вездѣ уничтожено рабство, когда лишь недавно образованная республика новаго свѣта признавала этотъ возмутительный институтъ «домашнимъ учрежденіемъ»? — Ясно, что здѣсь должно дѣйствовать правило, по которому: «рабъ или крѣпостной человѣкъ не считается таковымъ, пребывая въ государствѣ, которое уничтожило невольничество». Отсюда также правило о свободной эмиграціи невольниковъ и о пріобрѣтеніи ими гражданской правоспособности въ тѣхъ, отрицающихъ рабство, обществахъ, гдѣ водворились эмигранты. — Ясно, далѣе, что privile-

[1] См. *Bar*, L. C. §§ 43—46.

Digitized by Google

gia odiosa на основаніи различій вѣры, происхожденія (въ родѣ, напримѣръ, тѣхъ законовъ, которые когда-то запрещали во Франціи денежныя сдѣлки евреевъ съ христіанами), что законы о гражданской смерти, объ уменьшеніи или потерѣ гражданской чести, что многія привилегіи особыхъ классовъ съ болѣе или менѣе кастовымъ устройствомъ, что законы объ опекѣ надъ женщинами и т. д. не могутъ имѣть притязанія на международную санкцію по строгому началу legis domicilii.—Во всѣхъ такихъ случаяхъ, конечно, можно отдать предпочтеніе началу legis loci actus vel contractus. Но могутъ быть такія мѣстныя постановленія извѣстныхъ государствъ, въкоторыхъ (постановленіяхъ) изданы ограниченія касательно дѣеспособности, въ интересахъ охраны отдѣльныхъ лицъ (напримѣръ постановленія объ опекѣ надъ расточителями); здѣсь уже нѣтъ основаній противиться примѣненію начала legis domicilii: по-крайней-мѣрѣ таково мнѣніе почти всѣхъ правовѣдовъ и публицистовъ Европы[1].

Вслѣдъ за общими замѣчаніями касательно личной правоспособности иностранцевъ, можно коснуться, въ предѣлахъ сжатаго очерка, главнѣйшихъ положеній по одному изъ важнѣйшихъ конкретныхъ проявленій гражданской правоспособности, а именно: при какихъ условіяхъ и съ какими послѣдствіями допускаются браки между иностранцами? — За тѣми исключеніями, о которыхъ будетъ сказано далѣе, дѣйствуетъ въ европейскихъ государствахъ правило, что брачныя отношенія подчиняются законамъ мѣстожительства (lex domicilii), т. е., согласно извѣстнымъ опредѣленіямъ гражданскаго права, закономъ дѣйствующимъ будетъ здѣсь lex domicilii мужа[2].—Само собою разумѣется, что изъ этого-же общаго начала можно и нужно выводить правила и опредѣленія ка-

---

[1] Ср. *Bar*, L. C. § 54. S. 175.—*Savigny*, U. 8.—*Phillimore*, IV, P. 255 etc.

[2] Ср. *Savigny*, § 379. Ueber den wahren Sitz des ehelichen Verhältnisses ist kein Zweifel; es ist anzunehmen an dem Wohnsitz des Ehemannes etc.—*Bar*, § 90.

Digitized by Google

сательно различныхъ частностей, а именно: относительно условій для вступленія въ бракъ, относит. формъ брака, развода, дѣеспособности жены, брачныхъ договоровъ (pacta nuptialia) между супругами и нѣкот. др. — Тѣмъ не менѣе законодательства, судебная практика и юриспруденція Европы и Америки не представляютъ собою желаннаго единства и въ этомъ, важномъ для обитателей сосѣднихъ образованныхъ государствъ, вопросѣ.

Всѣ частныя и существенныя различія можно свести къ слѣдующимъ главнымъ группамъ: 1) Группа законовъ и обычаевъ, возникшихъ и установившихся подъ вліяніемъ началъ французскаго кодекса на европейскомъ континентѣ и въ нѣкоторыхъ колоніяхъ новаго свѣта (напр. кодексъ Гаити, гдѣ воспроизводятся стт. 170 и 171 наполеоновскаго гражд. уложенія,— статьи, имѣющія капитальное значеніе для французскаго законодательства о бракахъ съ иностранцами). — Сущность французской системы можно выразить такъ: въ дѣлѣ брака съ иностранцами, вопросъ о формѣ рѣшается закономъ мѣста заключенія союза (locus regit actum примѣняется въ данномъ случаѣ, какъ при заключеніи всѣхъ договоровъ); но вопросъ *объ условіяхъ* для лицъ брачущихся подлежитъ дѣйствію закона мѣстожительства (lex domicilii) главы семейства, т. е. мужа. Отсюда возможно слѣдующее столкновеніе: бракъ французскаго подданнаго за границею, положимъ въ Россіи и съ русскою подданною, правильно совершенный по обрядамъ и формамъ русскаго законодательства, можетъ быть кассированъ, если не исполнено требованій 182 статьи наполеоновскаго кодекса[1]. Съ другой стороны, бракъ во Франціи и съ французскою подданною 18-лѣтняго иностранца, отечественное законодательство котораго установляетъ брачное совершеннолѣтіе

[1] Art. 182. «Le mariage contracté sans le consentement des père et mère, des ascendans ou du conseil de la famille dans le cas, où ce consentement était nécessaire, ne peut être attaqué que par ceux dont le consentement était requis, ou par celui des deux époux qui avait besoin de ce consentement».

Digitized by Google

только въ 25 лѣтъ,— такой бракъ недѣйствителенъ, хотя-бы соблюдены были всѣ формальности, упоминаемыя статьями 170 и 171 франц. гражд. уложенія.

Итакъ, французская система допускаетъ совмѣстное дѣйствіе двухъ началъ — «lex domicilii» и «lex loci contractus vel locus regit actum», и столкновеніе ихъ влечетъ за собою уничтоженіе брачнаго союза, если только, даже при соблюденіи legis loci contractus, нарушены опредѣленія legis domicilii[1]. Предпочтеніе, оказываемое французскимъ законодательствомъ началу legis domicilii передъ закономъ мѣста, гдѣ заключенъ бракъ, усматривается изъ многихъ интересныхъ рѣшеній французскихъ судовъ (напр. изъ рѣшеній парижскаго императорскаго суда 1856 г. по дѣлу Лефевръ[2]). Здѣсь особенно-ясно видно правило, что несоблюденіе нѣкоторыхъ формальностей, in specie поименованныхъ въ стт. 63, 74, 166, 167, 170 и 171 гражданскаго уложенія, не влечетъ за собою недѣйствительности брака, ни во Франціи, ни за границею заключеннаго[3].—На такой юриспруденціи основанъ выводъ, что бракъ французскаго подданнаго совершеннолѣтняго, получившаго дозволеніе родителей и пр., положимъ въ Россіи, съ виртембергскою подданною, удовлетворившею требованію своего отечественнаго закона 4 сентября 1818 г. о формальномъ дозволеніи на бракъ со стороны національнаго виртембергскаго правительства, будетъ имѣть полную силу во Франціи, если-бы даже женихомъ не были соблюдены предписанія касательно формы публикаціи по статьѣ 63-й наполеонскаго граждан. уложенія. Бракъ

---

[1] Ср. in extenso изложеніе франц. системы у *Фёликса*, II, pp. 361—390.

[2] «Affaire Lefebvre», Gazette des tribunaux, 2 Mars 1856.

[3] «Attendu qu'il résulte du texte et de l'ésprit de loi que le défaut de publications avant le mariage contracté à l'étranger n'est pas, à lui seul, une cause de nullité de mariage; que le défaut de publications ne peut contribuer à faire prononcer la nullité d'un mariage que lorsque ce mariage a été entaché d'une véritable clandestinité... déclare Lefebvre mal fondé en sa demande» etc.

Digitized by Google

кассируется лишь въ томъ случаѣ, если будетъ доказано, что онъ заключенъ какъ намѣренно-потаенный союзъ, и притомъ съ цѣлью уклониться отъ дѣйствія французскихъ законовъ [1]. — Въ дополненіе замѣтимъ, что, не смотря на молчаніе наполеоновскаго кодекса о бракахъ, заключаемыхъ иностранцами во Франціи съ французскими подданными иныхъ державъ, къ подобнымъ случаямъ можно примѣнить вышеуказанныя общія правила французской системы, т. е.: а) вопросы о формѣ (обрядахъ и проч.) брачнаго союза рѣшаются законами и обычаями мѣста заключенія брака (т. е. Франціи, по началу — locus regit actum); б) вопросы о существѣ брачнаго союза (о личной правоспособности status супруга и пр.) рѣшаются по отечественному законодательству (или, какъ говоритъ Брюше, по національному закону супруговъ). Такое примѣненіе вышеуказанныхъ правилъ къ даннымъ случаямъ вытекаетъ изъ общаго начала, что современная цивилизація требуетъ юридическаго равенства между подданными и иностранцами, въ видахъ соблюденія коренныхъ цѣлей и существенныхъ задачъ международнаго общенія.

Примѣненіе этихъ правилъ не представляетъ особенныхъ затрудненій, если оба брачущіеся имѣютъ одно и то-же domicilium (если, напр., вступаютъ между собою въ бракъ на французской территоріи русскіе подданные, или подданные Вюртемберга, Баваріи, итальянскаго королевства); но вопросъ дѣлается спорнымъ и запутаннымъ при различномъ мѣстожительствѣ (domicilium) брачущихся (если напр. вступаютъ въ бракъ во Франціи русскій подданный съ гражданкою швейцарской республики, положимъ, женевскаго или бернскаго кантона). Здѣсь мнѣнія юри-

[1] См. примѣчаніе *Демангжа* къ Феликсу (P. 376, 377, Nota a), гдѣ приведенъ приговоръ бордоскаго суда, отъ 14 марта 1850 г., «d'après lequel — говоритъ Демангжа — l'omission des publications n'entraine la nullité du mariage, que lorsqu'elle a eu lieu à dessein et en vue d'éluder les dispositions de la loi française».

Digitized by Google

стовъ раздѣляются: большинство (и въ числѣ ихъ Уитонъ, Вэхтеръ и Савинья) склоняются въ пользу закона мѣстожительства мужа; другіе (въ числѣ ихъ и Баръ) предлагаютъ принимать въ соображеніе законъ мѣстожительства обоихъ супруговъ.

Скажемъ нѣсколько словъ о разводѣ сначала вообще, а потомъ по французской системѣ. Вопросъ этотъ составляетъ одну изъ труднѣйшихъ частей въ цѣломъ ученіи частнаго международнаго права, такъ-какъ имъ затрогиваются слѣдующія, далеко еще не рѣшенныя, стороны дѣла: 1) какой юрисдикціи или какому суду (forum) считать подвѣдомственными бракоразводныя дѣла между супругами различнаго (иностраннаго) происхожденія? Считать ли здѣсь компетентною юрисдикцію подлежащихъ учрежденій и властей въ мѣстѣ продолжавшагося, до момента иска о разводѣ, брачнаго сожительства? Или же признавать таковою юрисдикцію мѣста заключенія брака? Наконецъ, возможно ли здѣсь держаться правила объ юрисдикціи по мѣстожительству одного мужа? 2) Какимъ закономъ руководствоваться при разрѣшеніи дѣла по существу: закономъ мѣста подсудности (lex fori), или же закономъ мѣстожительства? И если принять за норму послѣднее начало, тогда можно ли здѣсь довольствоваться взглядомъ Савиньи на рѣшеніе вопроса по закону мѣстожительства мужа? 3) Можетъ ли государство, не дозволяющее развода, признать разводъ, сдѣланный подданными посторонней державы на основаніи дѣйствующихъ тамъ законовъ? 4) Можетъ ли государство, не дозволяющее развода, допустить и признать такой актъ, совершенный собственными подданными въ территоріи иностранной державы? и т. д.

Въ теоріи частнаго международнаго права, по-видимому, господствуетъ взглядъ, что вообще въ дѣлахъ бракоразводныхъ должно дѣйствовать начало legis domicilii супруговъ[1], и что территоріальныя законодательства вовсе не должны заботиться

[1] *Bar*, L. C. § 92.

Digitized by Google

о тѣхъ условіяхъ, при которыхъ возможно допустить прекращеніе разводомъ брачнаго союза иностранцевъ. Въ дѣлахъ бракоразводныхъ — говоритъ далѣе теорія международнаго права — единственнымъ судьею можетъ быть judex domicilii[1], само собою разумѣется, если нѣтъ противъ того положительныхъ запрещеній въ данномъ территоріальномъ законѣ. Свободный выборъ сторонами (т. е. мужемъ и женою) мѣста юрисдикціи и закона для совершенія развода не допускается, если разводящіеся супруги не установили себѣ опредѣленнаго и осѣдлаго мѣстожительства въ данной странѣ передъ вчинаніемъ тамъ иска о разводѣ. Слѣдовательно, недѣйствительно рѣшеніе о разводѣ, произнесенное инымъ судьею, кромѣ judex domicilii; приговоры такіе не имѣютъ силы въ иностранныхъ государствахъ, такъ-какъ международное признаніе за ними законнаго значенія и дѣйствительности повело бы къ обходу свѣтскихъ предписаній, а также церковныхъ и нравственныхъ правилъ о бракахъ во всѣхъ христіанскихъ государствахъ. — Наконецъ, брачное отношеніе разсматривается многими юристами какъ институтъ juris publici[2]; слѣдовательно, здѣсь вступаетъ въ полную силу правило: jus publicum privatorum pactis mutari non posse, а съ этимъ положеніемъ имѣетъ логическую связь выводъ о безусловномъ подчиненіи супруговъ юрисдикціи извѣстныхъ учрежденій и властей въ мѣстѣ ихъ жительства, какъ органу правосудія и законности, господствующаго надъ частною ихъ волею, государственнаго порядка. Наконецъ, изъ нѣсколькихъ domicilia, въ случаѣ предшествовавшихъ разводу перемѣнъ мѣстожительства, должно быть принимаемо въ соображеніе, для приложенія вышеуказанныхъ правилъ, послѣднее по времени мѣстожительство, т. е. domicilium обоихъ супруговъ, установившееся cum animo remanendi въ самый моментъ вчинанія бракоразводнаго иска.

---

[1] *Savigny*, VIII. § 379. S. 337.

[2] См. *Баръ*, § 92. стр. 329.

Digitized by Google

При этомъ, пользуясь случаемъ, считаемъ необходимымъ указать на слѣдующее раціональное и справедливое основаніе для ограниченія in concreto правила о безусловномъ, по мнѣнію Савиньи, примѣненіи legis domicilii одного мужа, а именно: мужъ можетъ перемѣнить, передъ вчинаніемъ женою иска о разводѣ, прежнее свое мѣстожительство (законы котораго дозволяли женѣ требовать развода по причинѣ безнравственной жизни мужа) и переселиться въ такую страну, гдѣ подобные иски не дозволяются, и гдѣ, на-оборотъ, существуетъ одна репудіація для мужа. Спрашивается: есть-ли здѣсь основаніе для теоріи международнаго права отказывать женѣ въ признаніи у нея права иска о разводѣ по закону domicilii, только-что оставленнаго мужемъ, особенно-же, — если жена не проявила твердаго намѣренія слѣдовать за мужемъ въ новое мѣстожительство, гдѣ юридическое положеніе оскорбленной супруги измѣняется къ худшему, гдѣ нѣтъ у жены никакой гарантіи противъ мужа, открыто уничтожающаго нравственное значеніе и святость брачнаго союза? Едва-ли. Значитъ, in specie, совершенно-основательно ограничить исключеніемъ, для нѣкоторыхъ случаевъ, явно говорящихъ объ обращеніи къ внутренней справедливости, или æquitas, общее правило о томъ, будто во всѣхъ отношеніяхъ, касающихся существа брачныхъ правоотношеній, безусловно дѣйствуетъ и долженъ дѣйствовать лишь одинъ lex domicilii мужа.

Что касается вопроса о разводѣ во Франціи, то законодательство страны этой не допускаетъ, съ 1816 года, такого способа прекращенія брака. Значитъ, здѣсь нечего ожидать какихъ-либо подробныхъ предписаній касательно развода и условій его для иностранцевъ. Тѣмъ не менѣе нѣкоторые юристы[1] толкуютъ 14-ю статью французскаго кодекса въ такомъ смыслѣ, что француженъ-

[1] *Феликсъ*, за нимъ *Филлиморъ*, IV, § 498.

Digitized by Google

ка, вышедшая за мужъ за иностранца, можетъ обратиться къ національному (т. е. французскому) суду съ искомъ о прекращеніи брачнаго ея контракта[1]. — Итакъ, въ частныхъ и своеобразныхъ случаяхъ вышеуказанной категоріи, французское законодательство и судебная практика признаютъ за компетентный органъ юрисдикціи для бракоразводныхъ дѣлъ отечественный трибуналъ жены; законъ, имѣющій здѣсь приложеніе, есть lex fori, т. е. національное право жены. — Но спрашивается: признается ли во Франціи разводъ съ юридическими послѣдствіями его въ томъ случаѣ, если онъ совершенъ по законамъ другаго государства, допускающаго такое средство прекращенія брака? Какъ смотритъ судебная практика на вторичные браки разведенныхъ супруговъ, если браки эти совершаются во Франціи? Здѣсь, между прочимъ, представляются двѣ серіи весьма любопытныхъ столкновеній: во-первыхъ, мы имѣемъ въ данныхъ случаяхъ коллизію французскаго закона, отрицающаго разводъ, съ иностранными, допускающими его; во-вторыхъ, тутъ-же приходится примирять ученіе о нерасторжимости брачнаго договора съ тѣмъ началомъ сохраненія личныхъ правъ своихъ иностранцами, которое (начало) выводятъ французскіе юристы и признаетъ судебная практика въ качествѣ вывода изъ 3-го подраздѣленія 3-ей статьи французскаго кодекса[2].

---

[1] Code civil, L. I. Chapt. 1. Art. 14. «L'étranger même non résidant en France pourra être cité devant les tribunaux français pour l'exécution des obligations par lui contractées en France avec un français; il pourra être traduit devant les tribunaux de France pour les obligations par lui contractées en pays étranger envers des Français».—Ср. *Fölix*, I. p. 337 и тамъ-же примѣчаніе (b), сдѣланное Дсманжа.

[2] Code civ., Titre prélim. Troisième alinéa: «Les lois concernant l'état et la capacité des personnes régissent les français, même résidant en pays étranger».—Отсюда Мерленъ (Merlin) вывелъ слѣдующее заключеніе, вѣрно отвѣчающее началамъ и стремленіямъ народнаго права (т. е. гражданскому равенству иностранцевъ и собственныхъ подданныхъ кажд. госуд.), а именно: «Du principe—говоритъ Мерленъ,—que les lois françaises concernant l'état et la ca-

Digitized by Google

Но столкновеніе различныхъ законовъ и собственныхъ началъ французскаго законодательства въ данномъ случаѣ не разрѣшается, по нашему убѣжденію, удовлетворительно ни теоріею, ни практикою во Франціи. Теорія и практика французскихъ юристовъ одинаково далеки отъ того начала, которое выставляется современною наукою, а именно: правоотношенія, которыя имѣютъ по существу своему, болѣе или менѣе постоянный характеръ, должны быть признаваемы въ тѣхъ юридическихъ своихъ послѣдствіяхъ, устранить или выдѣлить которыя невозможно, не производя глубокихъ измѣненій и потрясеній въ самомъ организмѣ правоотношенія. За-тѣмъ, каждое государство властно запретить возникновеніе тѣхъ или другихъ правоотношеній внутри собственной территоріи; но сомнительною является власть государства — не признавать во что бы то ни стало юридическихъ послѣдствій отъ отношенія постояннаго, установившагося въ легальномъ порядкѣ по законамъ другаго государства. Такимъ образомъ, разводъ за границею двухъ супруговъ, бывшихъ французскихъ подданныхъ, добровольно эмигрировавшихъ и принявшихъ подданство посторонней державы, допускающей такое средство прекращенія брака, долженъ бы былъ повсюду признаваться имѣющимъ юридическую силу и всѣ связанныя съ этимъ послѣдствія для личнаго и имущественнаго status людей. — Между-тѣмъ французская практика представляетъ самыя рѣзкія противорѣчія. Съ одной стороны (отъ 1818 до 1848 г.) можно указать рядъ рѣшеній[1], гдѣ признается, что «иностранецъ, законно разведенный въ своемъ отечествѣ, можетъ быть однако-же допущенъ ко

---

pacité des personnes régissent les Français même résidant en pays étranger, il suit tout naturellement que, par réciprocité, les lois qui régissent l'état et la capacité des étrangers les suivent en France, et que c'est d'après ces lois que les tribunaux français doivent juger s'ils ont ou n'ont pas tel état.— Выводъ этотъ принимаютъ — Феликсъ, Деманжа, Прудонъ, Валеттъ, Соломанъ, Мальэ-де-Шассà (Mailher de Chassat), Гандъ (Gand), Цахаріэ и нѣк. др.

[1] См. *Foelix*, I. pp. 65—67.

Digitized by Google

вступленію въ новый бракъ во Франціи, не смотря на то, что тамъ отмѣненъ разводъ». Съ другой стороны, французская практика представляетъ примѣры, что разводъ англійскихъ подданныхъ, совершенный съ утвержденія подлежащихъ властей въ Великобританіи, отрицался въ послѣдствіяхъ своихъ по приговору судебныхъ мѣстъ Франціи[1]. Рѣшенія, противорѣчащія одни другимъ, укладываются въ одинъ и тотъ-же промежутокъ времени.—Но, кажется, въ настоящее время, можно считать твердо установившимся во Франціи такое правило, въ силу котораго «французскіе суды не признаютъ ни развода, ни послѣдствій его, хотя-бы актъ этотъ совершился въ такой странѣ, гдѣ разводъ допускается, если только находится въ живыхъ прежній супругъ разведшагося лица». Слѣдовательно, бракъ, заключенный при такомъ положеніи дѣла, кассируется, и рожденныя отъ него дѣти признаются незаконными.—Далѣе, случаи, когда супруги, французскіе подданные, приняли бы швейцарское или американское подданство и тамъ сдѣлали бы разводъ, должны быть рѣшаемы французскою практикою въ смыслѣ отрицанія всѣхъ юридическихъ послѣдствій развода, и вторичный бракъ такихъ, легально разведенныхъ за границею, лицъ подлежалъ бы кассаціи

---

[1] Ср. *Phillimore*, IV, pp. 330. 331. «Sir John Milley Doyle had been divorced by an act of the English legislature. His divorced wife sought to be married in France to a Frenchman. The Maire refused to marry these parties. They had recourse to the Tribunal de premi're instance du département de la Seine, which affirmed the Maire's refusal. They appealed to the Cour Royale of Paris, which affirmed the sentence of the inferior Courts.—Ср. также знаменитый въ исторіи французской практики приговоръ по дѣлу Mary Bryan.—Деманжа пригодитъ случай (1848 г., рѣшенный приговоромъ суда въ Шуатье), выходящій изъ ряда уже по одному тому, что разводу въ Швейцаріи между женою француженкою и мужемъ, единолично-причявшимъ швейцарское подданство, предшествовало separatio a mensa et thoro во Франціи съ прежнею женою, и что бывшій французъ, принявшій швейцарское подданство съ очевидною цѣлью поступить in fraudem legis, пріѣхалъ на родину и женился тамъ, при жизни первой жены своей, на француженкѣ.—См. *Demangeat*, въ примѣч. (a) на стр. 66, 67 къ *Феликсу*, Кн. I, тит. 1-й, § 32.

Digitized by Google

со стороны подлежащихъ властей во французской территоріи. Statuta personalia иностранца погашались бы здѣсь дѣйствіемъ мѣстнаго закона, т. е. наполеоновскаго кодекса, построеннаго однако-же, по мнѣнію первоклассныхъ французскихъ юристовъ, на теоріи неприкосновенности личныхъ статутовъ иностранцевъ.

Вторая главная группа или система захватываетъ собою законодательства и практику Америки и Англіи. Въ сѣверо-американскихъ штатахъ дѣйствуетъ такой широко-поставленный принципъ, что бракъ иностранцевъ, по существу и со стороны формы, подлежитъ дѣйствію закона того мѣста, гдѣ заключенъ супружескій союзъ, т. е., говоря технически: въ сѣверо-американскихъ штатахъ всѣ правоотношенія, вытекающія изъ брака иностранцевъ, опредѣляются lege loci contractus, но не lege domicilii[1].

Отсюда слѣдуетъ такой выводъ, что американская практика признаётъ дѣйствительными браки иностранцевъ, заключенные согласно законамъ какой бы то ни было страны. Для американской практики, далѣе, не мыслимо разслѣдованіе обстоятельствъ и формальностей, предшествовавшихъ брачному союзу американскихъ подданныхъ или иностранцевъ за границею, — разслѣдованіе съ тою цѣлью, чтобы опредѣлить: былъ ли бракъ совершенъ при соблюденіи «завѣдомой потаённости», что составляетъ не малую заботу для французскихъ властей при обсужденіи вопроса о признаніи или непризнаніи каждаго отдѣльнаго случая, какъ это видно изъ вышеупомянутаго дѣла Лефевра.

Изъ общаго начала о безусловномъ примѣненіи legis loci contractus, или locus regit actum, вытекаетъ еще такое заключеніе, что для американской практики должны быть безразличны противоположные взгляды иностранныхъ теорій и законодательствъ на брачный союзъ, съ одной стороны, какъ на актъ религіозный,

---

[1] См. *Bar*, L. C. §§ 90, 91. *Phillimore*, IV, § 433.

Digitized by Google

съ другой стороны—какъ на договоръ, или контрактъ[1]. Формальная сторона—подчиненіе каждаго отдѣльнаго случая положительному законодательству какого бы то ни было государства, находящагося въ составѣ международнаго союза, рѣшаетъ все дѣло и не дозволяетъ никакихъ сомнѣній о юридической силѣ и о такихъ-же послѣдствіяхъ брака, заключеннаго за границею. Въ Америкѣ, бракъ есть личный согласительный договоръ sui generis, гдѣ къ элементу частному или гражданскому привходятъ элементы политическій и нравственный, и какъ таковой контрактъ, подчиняющійся только одному legi loci, имѣетъ онъ полную силу повсюду[2]. Слѣдовательно, бракъ, законно совершенный за границей по обрядамъ и правиламъ какого бы то ни было государства, получаетъ полную силу относительно личныхъ и имущественныхъ отношеній между супругами, въ объемѣ и на основаніи сводовъ и уложеній отдѣльныхъ штатовъ, причемъ вопросъ о недвижимой собственности подлежитъ дѣйствію территоріальнаго начала — lex rei sitæ (извѣстно между прочимъ, какое значеніе имѣло римское право въ штатѣ Луизіанѣ, тогда какъ въ другихъ частяхъ территоріи сѣверо-американскихъ штатовъ дѣйствовали законы и обычаи Англіи). Американское начало—lex loci contractus vel locus regit actum—частію устраняетъ, частію же значительно упрощаетъ вопросы о коллизіи

---

[1] Ср. *Halleck*, Ch. VII. § 10. «By the laws of some country, marriage is considered in no other light than as a civil contract, while in others it becomes a religious as well as a natural or civil contract, *for, it is a great mistake*— says Story — *to suppose that because it is the one, therefore it may not likewise be the other*».

[2] «... If valid in the place where it is celebrated, it is valid everywhere and if invalid there, it is equally invalid everywhere»—гов. Галлекъ (L. C.). У *Филлимора* приведено слѣдующее положеніе сѣверо-американской юриспруденціи: A marriage settlement, executed in another state, where the parties at the time resided, and where the property was situated, if valid by the laws of the place where made, cannot be affected by the subsequent dwelling of the parties in another states.

Digitized by Google

правилъ касательно подсудности, подвѣдомственности судамъ и законамъ въ случаяхъ браковъ иностранцевъ; для американскихъ судовъ не имѣетъ смысла вопросъ о непризнаніи развода, совершеннаго по законамъ иностраннаго государства, а слѣдовательно нѣтъ здѣсь и препятствій къ признанію вторыхъ и третьихъ браковъ въ самой Америкѣ для разведенныхъ иностранцевъ подъ условіемъ, конечно, строгаго соблюденія мѣстнаго (американ.) закона (lex loci contractus). Такимъ образомъ французъ, достигшій развода съ женою своею, принявши, съ обходомъ отечественнаго закона, швейцарское подданство, можетъ, полагаемъ мы, вступать въ новый бракъ, со всѣми юридическими послѣдствіями этого союза, въ предѣлахъ американской территоріи. Но отсюда-же слѣдуетъ, что американская система должна дозволять совершеніе разводовъ, со всѣми юридическими послѣдствіями ихъ, въ территоріи сѣверо-американскихъ штатовъ для иностранцевъ, не обращая вниманія на то, гдѣ заключенъ былъ расторгнутый бракъ, а также допускать значеніе и силу разводовъ между собственными подданными (гражданами сѣверо-американской республики), совершившими разводъ за границею, по закону и обрядамъ какого-либо чужеземнаго государства. Въ силу этого, браки, заключенные во Франціи, гдѣ безусловно запрещается разводъ, могутъ безпрепятственно подвергаться прекращенію такими способами въ сѣверо-американскихъ штатахъ: говоря технически, statutum personale теряетъ здѣсь всякую силу при столкновеніи своемъ съ закономъ мѣстной юрисдикціи, принявшей искъ о разводѣ. Мало этого, при перемѣнѣ мѣстожительства въ американской территоріи мужемъ, какъ однимъ изъ членовъ разводящейся французской четы, жена всегда можетъ лично опредѣлить мѣсто подсудности своего бракоразводнаго дѣла, избравши себѣ domicilium, или, какъ говорятъ американскіе юристы, «судебное мѣстожительство» (a forensic

Digitized by Google

domicil, for the purposes of obtaining justice against her husband) [1].

Что-же сказать объ англійской системѣ? Въ настоящее время, кажется, можно признать, что въ отношеніи брака англійское право еще болѣе отошло отъ прежняго своего подчиненія источнику Common Law и опирается главнымъ образомъ на статутахъ. Многочисленность послѣднихъ заставляетъ публицистовъ прибѣгать къ установленію отдѣльныхъ разрядовъ или категорій статутарныхъ законоположеній [2]. Въ-особенности же дополнены постановленіями 30-хъ, 40-хъ и 50-хъ годовъ настоящаго столѣтія правила о формальностяхъ при совершеніи брака между лицами англиканскаго и другихъ вѣроисповѣданій. Такъ, по знаменитому въ исторіи англійскаго права закону о бракахъ (Marriage Act. 6, 7 Will. IV, c. 85), дополненному и измѣненному позднѣйшими статутами, умножены способы заключенія брака. За исключеніемъ браковъ по квакерскому и еврейскому обряду, лица, вступающія въ супружество, могутъ обращаться, по своему усмотрѣнію, къ той или другой формѣ брака, и не признается обязательнымъ — ни заявленіе о вѣроисповѣданіи, ни соблюденіе какихъ-либо установленныхъ обрядовъ (parties marrying may adopt any of the prescribed forms of marriage they think fit, no declaration of faith, or observance of established ritual being requisite [3]). Такимъ образомъ бракъ въ Англіи можетъ быть заключенъ, по волѣ имѣющихъ на то право лицъ, или какъ гражданскій договоръ, или какъ религіозный обрядъ, или же соединять въ себѣ оба элемента — гражданскій и рели-

[1] См. ссылки на *Bishop's* «On marriage and divorce». PP. 729—732 у *Филлимора*, IV, § 497. Уэстлэкъ (§ 365) подробно излагаетъ мнѣніе Бишопа.

[2] General Marriage statutes, Statutes regulating the marriages of dissenters, Statutes on the invalidity of marriages contracted within the prohibited degrees of affinity, Statutes on the royal marriages.

[3] Ср. *Friedberg*, Das Recht der Eheschliessung, 1865. (IV B. — SS. 412—419 etc.).

Digitized by Google

гіозный. Во всякомъ случаѣ, по послѣдствіямъ своимъ, бракъ въ Англіи разсматривается какъ контрактъ или договоръ, по которому жена, въ имущественномъ и въ нѣкоторыхъ другихъ отношеніяхъ, теряетъ отчасти свою юридическую индивидуальность и подчиняется мужу [1].

Стремленіе новѣйшаго законодательства уменьшить формальности и облегчить дороговизну англійскаго брака имѣетъ также цѣлью окончательно прекратить старинное историческое зло Англіи — тайные и неправильные браки, которые совершались, при отсутствіи всякихъ обрядовъ, въ различныхъ пограничныхъ мѣстностяхъ Шотландіи [2] и на островѣ Джѐрси (Jersey). Браки неправильные, т. е. безъ публикаціи надлежащихъ удостовѣреній и формъ, которые заключались въ Шотландіи, тѣмъ не менѣе признавались всегда дѣйствительными въ Англіи, на томъ основаніи, что отдѣлъ шотландскаго законодательства по вопросу о брачныхъ обрядахъ имѣетъ историческую связь съ постановленіями каноническаго права, еще предшествовавшаго тридентскому собору; при томъ средне-вѣковыя правила и обычаи шотландцевъ не отмѣнены были парламентскими актами, касавшимися (какъ напр. извѣстный Hadrwicke's act) только Англіи и княжества валлійскаго [3].

И такъ, столкновеніе законовъ о брачномъ союзѣ имѣетъ мѣсто въ Великобританіи прежде всего между британскими пра-

[1] Англійскіе практическіе юристы говорятъ: «... The wife... becomes incorporated with and subordinate to her husband. Upon this principle, a man cannot grant anything to his wife without the intervention of trustees ... for the grant would be to covenant with himself».

[2] Особенно-громкою извѣстностью въ исторіи тайныхъ браковъ пользуется въ литературѣ мѣстечко Гретна-Гринъ (Gretna-Green); но славу эту раздѣляютъ съ Гретна-Гринъ многія другія пограничныя деревушки Шотландіи. См. перечисленіе ихъ у *Фридберга*, IV. Стр. 425. — Тамъ-же можно найдти любопытную статистику англійскихъ браковъ, тайно заключенныхъ по упрощеннымъ обрядамъ въ 1850, 1851, 1852 годахъ, а именно: 1091; 1093; 1110.

[3] См. между прочимъ мнѣніе лорда Стоуэля въ знаменитомъ дѣлѣ Дальримпля и миссъ Гордонъ, 1808 г., у Фридберга, Филлимора, Уэстлэка и др.

Digitized by Google

вилами, требующими публикаціи, заявленій въ извѣстные сроки, въ извѣстныхъ мѣстахъ и передъ опредѣленными гражданскими и духовными лицами [1], и — между обычаями шотландскими, которые вытекаютъ изъ буквальнаго и крайне-послѣдовательнаго примѣненія того положенія, что consensus facit nuptias (для брака главное дѣло составляетъ согласіе) [2]. Не смотря на то, что съ XVIII стол. началось и до нашихъ дней продолжается въ Англіи движеніе противъ неправильныхъ браковъ, заключенныхъ (per verba de futuro, какъ говорили канонисты), шотландцы упорно стоятъ за гретна-гринскіе брачные союзы. Только лорду Бруму удалось провести, уже при королевѣ Викторіи, статутъ (St. 19, 20 Victor. c. 96), по которому признается обязательнымъ хотя для одного изъ лицъ, вступающихъ въ бракъ въ Шотландіи, пребываніе въ этой странѣ, передъ заключеніемъ союза, не менѣе 21 дня [3]. За-тѣмъ нѣсколько ранѣе этого статута королевы Викторіи, постановившаго ограниченіе старинныхъ англійскихъ правилъ—locus regit actum при столкновеніи различныхъ законовъ о бракахъ, сдѣлана была попытка къ объединенію и реформѣ (однимъ изъ послѣдствій которыхъ неизбѣжно является умеиьшеніе и облегченіе трудностей при коллизіи правилъ англійскихъ и шотландскихъ): мы разумѣемъ законъ 7 авг. 1854 (Stat. 17, 18 Vict. c. 80) о реестрахъ или актахъ состоянія [4].

Вопросъ о бракахъ, заключенныхъ за границею, былъ довольно-часто и тщательно обсуждаемъ въ англійскихъ законода-

---

[1] Ср. *Fölix*, II. 463 etc. *Friedberg*. L. C.

[2] См. обстоятельную, строгую и вѣрную оцѣнку шотландской системы у *Фридберга* (IV, 451—453).

[3] No irregular marriage contracted in Scotland by declaration, acknowledgment or ceremony shall be valid; unless one of the parties had at the date thereof his or her usual place of residence there, or had lived in Scotland for twenty-one days next preceding such marriage etc.

[4] Act to provide for the better registration of births, deaths and marriages.

Digitized by Google

тельныхъ учрежденіяхъ. Вся сущность нынѣ дѣйствующихъ правилъ опредѣлена въ промежутокъ времени отъ 1823 года по 1849 г.[1].

Къ какимъ же принципамъ можно свести англійское право по вопросу о бракахъ англійскихъ подданныхъ за границею и о брачныхъ союзахъ иностранцевъ? Изъ основнаго понятія о бракѣ, какъ контрактѣ,—и притомъ контрактѣ, по замѣчанію Уэстлека (318), исполненіе котораго не связано ни съ какимъ опредѣленнымъ мѣстожительствомъ или domicilium—для всякаго юриста будетъ понятно: почему юриспруденція и судебная практика въ Англіи, въ большинствѣ случаевъ, держатся правила, сходнаго съ сѣверо-американскими, т. е. что браки иностранцевъ и англичанъ, заключенные за границею, нормируются законами мѣстозаключенія союза, или что locus regit actum (выраженіе, равносильное афоризму—lex loci contractus)[2]. Еще по статуту Георга IV, о которомъ сказано выше, признаются законными и дѣйствительными браки, заключенные за границею по законамъ и обрядамъ тѣхъ странъ, гдѣ они имѣли мѣсто. По закону Викторіи (1849 г.) сдѣланы облегченія для заграничныхъ браковъ англійскихъ подданныхъ въ томъ отношеніи, что предписано консуламъ совершать формальности, необходимыя для юридической силы и законности брака, за границею заключеннаго, при возвращеніи супруговъ въ отечественную территорію.— Съ другой стороны, англійское законодательство не препятствуетъ духовнымъ лицамъ приступать къ совершенію брачныхъ обрядовъ надъ иностранцами, лишь-бы только послѣдними вы-

[1] Мы разумѣемъ законъ: Stat. 4. Geo. IV c. 91. «An act to relieve his Majesty's subjects from all Doubt concerning the validity of certain marriages solemnized abroad», и законъ, изданный при королевѣ Викторіи: Stat. 12, 13. Vict. c. 68.

[2] *Phillimore*, IV, P. 261. «The courts in England have decided that a marriage valid between parties according to the lex loci contractus is valid everywhere». Cp. *Westlake* § 338 etc.—*Fölix*, II. 493.

Digitized by Google

полнялись предписанія англійскаго закона. И такъ, и въ настоящемъ случаѣ мы видимъ, что дѣйствуетъ, при столкновеніи statuta personalia съ англійскими нормами права, начало: locus regit actum, vel lex loci contractus.

Но спрашивается: такъ-ли далеко идетъ примѣненіе этого начала въ Англіи, какъ и въ Америкѣ? Разсуждая чисто-дедуктивно и даже отчасти a posteriori, если принять въ соображеніе судебную практику по нѣсколькимъ отдѣльнымъ случаямъ (съ браками гретна-гринскими[1], можно бы отвѣчать утвердительно), а именно: всякій бракъ, заключенный за границею rite, то есть по правиламъ и обрядамъ данной страны, непремѣнно законенъ и дѣйствителенъ, хотя бы правила и обряды иностранные противорѣчили англійскимъ. Но съ 1857 года, англійская практика, по-видимому, рѣшительно вступила на путь, который, будучи выдержанъ послѣдовательно, долженъ отдалить англійскую систему отъ сѣверо-американской и приблизить ее къ континентально-европейской. Мы разумѣемъ здѣсь, знаменитое въ исторіи англійскихъ судебныхъ прецедентовъ, рѣшеніе судьи Крессуэля (Justice Creswell въ дѣлѣ Brook v. Brook), гдѣ постановлено: признать недѣйствительнымъ бракъ, заключенный съ соблюденіемъ мѣстныхъ обрядовъ и законовъ въ Альтонѣ вдовцемъ Брукомъ съ роднею сестрою умершей жены, такъ-какъ свойство въ этой степени считается препятствіемъ къ браку по англійскому праву[2]. Такимъ образомъ бракъ, законный въ тогдашнихъ датскихъ владѣніяхъ, уничтоженъ при столкновеніи иностраннаго закона съ отечественнымъ или національнымъ закономъ четы[3]. Слѣдовательно, бракъ, незаконный по смыслу ан-

[1] Дѣла Dalrymple v. Dalrymple, Harford v. Morris, Macgregor v. Macneil, David M'Krie v. Margaret Fergusson, Taylor v. Kello и нѣкоторыя другія.

[2] См. объ этомъ рѣшеніи и о значеніи его у *Филлимора*, *Уэстлэка* и друг.

[3] Мотивъ Крессуэля можетъ быть выраженъ такъ: «As the law forbids the marriage with a deceased wife's sister, the law of foreign country cannot prevail».

Digitized by Google

глійскаго права, не обратится въ законный не смотря на санкцію положительныхъ, дѣйствующихъ нормъ въ сосѣднемъ и даже въ христіанскомъ государствѣ. Въ корнѣ такого брака есть, съ точки зрѣнія англійскихъ юристовъ, порокъ, и объ немъ можно бы составить такой афоризмъ: Quod initio vitiosum est, tractu temporis et loci mutatione non potest convalescere. — Что будетъ дальше съ англійскою практикою по настоящему вопросу, сказать трудно, такъ-какъ не одни французскія кассаціонныя и судебныя рѣшенія страдаютъ иногда противорѣчіями отъ непослѣдовательности и недосмотра. По крайней мѣрѣ, намъ извѣстенъ уже рѣшительный отказъ того-же судьи Крессуэля примѣнить правило, легшее въ основу рѣшенія по дѣлу Брука, къ такому случаю, когда потребовалось, по мнѣнію Филлимора, признать недѣйствительнымъ бракъ французскихъ подданныхъ, заключенный въ Англіи согласно съ законами этой страны, но нарушающій постановленія гражданскаго уложенія во Франціи. По нашему мнѣнію, самоотреченіе англійскихъ практиковъ грѣшитъ вдвойнѣ: противъ общихъ началъ отечественной юриспруденціи и противъ основнаго начала частнаго международнаго права о возможно-большемъ приравненіи собственныхъ подданныхъ съ иностранцами [1].

Что касается вопроса о международномъ значеніи разводовъ, то трудный предметъ этотъ представляется едва-ли не въ болѣе запутанномъ и безпорядочномъ состояніи въ Англіи, чѣмъ въ какой-либо другой странѣ Европы и Америки. Стоитъ только прочесть приговоры даже такихъ знаменитыхъ юристовъ какъ лордъ Стоуэль, чтобы убѣдиться въ безчисленныхъ затрудненіяхъ и юри-

[1] *Баръ* (§ 27, S. 64) прекрасно выражаетъ мысль эту: «Das neuere internationale Recht stellt den Grundsatz auf, dass in privatrechtlicher wie in strafrechtlicher Beziehung, wo nicht besondere Ausnahmen ausdrücklich gemacht sind, der Fremde dem Unterthanen nicht nachgesetzt wird, vielmehr mit diesem gleiche Rechtsfähigkeit geniesst».

Digitized by Google

дическихъ опасностяхъ для судейской логики[1]. Практика колебалась и противорѣчила себѣ: то отрицая всякую силу у иностранныхъ приговоровъ о разводѣ (a vinculo matrimonii) относительно браковъ, которые были заключены на родинѣ своей, но прекращены за границею англійскими подданными, то признавая полную дѣйствительность разводовъ, состоявшихся въ Шотландіи. Между тѣмъ лордъ Брумъ, въ одномъ изъ рѣшенныхъ имъ дѣлъ (Warrender v. Warrender, 1835), высказывалъ мнѣніе, что «приговоръ о разводѣ *a vinculo matrimonii*, произнесенный въ странѣ, гдѣ имѣла свое domicilium разведенная чета (хотя-бы и англійской національности), долженъ имѣть силу въ Великобританіи по началамъ comitas». За-тѣмъ тотъ-же лордъ Брумъ, сдѣлавшись канцлеромъ, говоритъ противъ признанія въ Англіи дѣйствительными иностранныхъ приговоровъ о разводѣ. Наконецъ, судьи съ такими познаніями и достоинствами какъ докторъ Лёшингтонъ (Dr. Lushington), постановляя рѣшеніе противъ приговора о разводѣ англійскаго брака въ Шотландіи, отказывались идти далѣе одного частнаго случая и устанавливать какое-либо общее правило.

Въ 1857 и 1858 годахъ, законодательство Англіи признало разводъ въ предѣлахъ собственнаго государства, изъявши вопросы о расторженіи и прекращеніи брака изъ вѣдомства церковныхъ судовъ (учрежденъ для бракоразводныхъ дѣлъ особый трибуналъ — Court of divorce). Каково будетъ вліяніе этого но-

[1] Напр. лордъ Стоуэль, въ дѣлѣ *Sinclair v. Sinclair* по вопросу о признаніи силы иностраннаго рѣшенія касательно separatio a mensa et thoro, говоритъ: «Adultery and its proofs are nearly the same in all countries. The validity of marriage, however, must depend, in a great degree, on the local regulation of the country where it is celebrated. *A sentence of nullity of marriage, therefore, in the country where it was solemnized, would carry with it great authority in this country;* but I am not prepared to say that a judgment of a third country, on the validity of a marriage, not within its territories, nor had between subjects of that country, would be universally binding».

Digitized by Google

ваго законодательства на международную практику — про то скажетъ будущее. Но полагаемъ, что теперь нѣтъ уже въ Англіи одной изъ самыхъ важныхъ трудностей при столкновеніи отечественныхъ законовъ о разводѣ съ иностранными тѣхъ государствъ, гдѣ, по контрасту съ Англіею, разводъ признается однимъ изъ законныхъ средствъ къ прекращенію брачнаго союза. Значитъ, въ будущемъ можно ожидать меньшихъ препятствій къ признанію дѣйствительности рѣшеній о разводахъ,— рѣшеній, произнесенныхъ за границею надъ супругами-англичанами во время пребыванія ихъ въ какомъ-либо государствѣ Европы или Америки, допускающемъ divortium a vinculo matrimonii. — Само собою разумѣется, что признаніе англійскою юриспруденціею законной силы divortii a vinculo рѣшаетъ въ положительномъ смыслѣ вопросъ о томъ: можно ли ожидать въ англійской практикѣ признанія иностранныхъ приговоровъ касательно separatio a mensa et thoro относительно англійскихъ подданныхъ католическаго исповѣданія? Все это — одни ожиданія или предположенія; практика же англійскихъ судовъ до сихъ поръ еще не рѣшила — да и не могла рѣшить окончательно, по сравнительной краткости времени — вопроса: слѣдуетъ ли считать имѣющими, въ предѣлахъ Англіи, законную силу иностранные приговоры о разводѣ англійскихъ подданныхъ во время осѣдлаго пребыванія послѣднихъ въ заграничныхъ государствахъ?

Таковы сжато-изложенныя положенія касательно нѣкоторыхъ сторонъ и вопросовъ частнаго международнаго права. Подробное разсмотрѣніе всѣхъ частностей и даже всѣхъ безъ исключенія главныхъ предметовъ этого отдѣла выходитъ за предѣлы настоящаго очерка и откладывается нами до будущаго случая, т. е. до предстоящаго еще разъ чтенія лекцій по международному праву на юридическомъ факультетѣ харьковскаго университета.

Digitized by Google

Желающихъ и любознательныхъ отсылаемъ къ вышеисчисленнымъ сочиненіямъ европейскихъ и американскихъ писателей.

Для болѣе яснаго пониманія довольно трудныхъ правилъ о коллизіи законовъ, здѣсь можно резюмировать слѣдующія начала въ томъ видѣ, какъ принимаютъ ихъ, съ оговорками и sub clausula rebus sic stantibus, въ учебникахъ, не исключая Геффтера: 1) statuta personalia, т. е. всѣ тѣ правила, которыя касаются правоспособности и дѣеспособности лицъ, опредѣляются національными законами. Мало этого, не смотря на пребываніе свое въ иностранной землѣ, подданные извѣстнаго государства подчиняются jurisdictio voluntaria своего отечества. Такъ, назначеніе опекуна можетъ быть разрѣшено данному лицу не иначе, какъ по смыслу его отечественнаго закона. Въ нѣкоторыхъ трактатахъ (между Пруссіею и Саксоніею) формально сказано, что перемѣна мѣста и переходъ въ иностранныя государства не вліяютъ на качества совершеннолѣтія, требуемыя для лица по его отечественному закону. Но многія государства не признаютъ этого правила, хотя есть сильныя основанія, которыя говорятъ въ пользу всеобщаго принятія его. Принципомъ, который обнимаетъ исключенія, можетъ быть выставлена такая формула: гдѣ законодательство не выставляетъ открыто и прямо (какъ въ законодательствахъ русскомъ, въ бывшемъ кодексѣ обѣихъ Сицилій и ганноверскомъ), что иностранцы подлежатъ, во всѣхъ отношеніяхъ, дѣйствію мѣстныхъ законовъ, тамъ существуетъ презумція о вышесказанномъ дѣйствіи statuta personalia. Большинство законодательствъ вмѣстѣ съ публицистами признаютъ разумность и практичность такого начала; 2) имущества недвижимыя, а по мнѣнію нѣкоторыхъ писателей—и всѣ движимыя подлежатъ дѣйствію мѣстныхъ законовъ: statuta realia legem loci sequuntur; но гдѣ нѣтъ формальнаго запрещенія, тамъ акты на недвижимыя имущества иностранцевъ, совершонные по національнымъ законамъ—за границею, имѣютъ силу, лишь-бы были соблюдены

Digitized by Google

формы, необходимыя для пріобрѣтенія недвижимыхъ имуществъ въ странѣ, гдѣ послѣднія находятся[1]; 3) относительно движимыхъ имуществъ до сихъ поръ еще многіе писатели прилагаютъ начала lex loci domicilii; но во многихъ странахъ этотъ принципъ ограничивается дѣйствіемъ другихъ началъ и правилъ, напр.: во Франціи — дѣйствіемъ принципа en fait des meubles la possession vaut titre; у насъ — дѣйствіемъ однороднаго принципа движимыя вещи почитаются собственностію того, кто ими владѣетъ, доколѣ противное не будетъ доказано (534 ст. 1 ч. X т.). Но по нѣкоторымъ кодексамъ, — по баварскому законодательству, по законодательству кантоновъ ваадтландскаго (canton de Vaud) и бернскаго, — движимыя имущества подчиняются территоріальному началу, т. е. къ нимъ прилагаются законы, дѣйствующіе въ мѣстахъ нахожденія движимыхъ имуществъ; 4) относительно формы и своихъ послѣдствій, контракты между частными и юридическими лицами подлежатъ господству законовъ, дѣйствующихъ въ мѣстѣ совершенія ихъ — lex loci contractus. Исключенія изъ этого правила уже показаны. Но толкованіе, но процессуальный разборъ и исполненіе контрактовъ совершаются по закону судовъ, гдѣ вчинаются иски по этимъ контрактамъ, и здѣсь дѣйствуетъ начало, технически выражаемое такъ — lex fori, т. е. законъ даннаго суда. Далѣе, касательно obligationes quasi ex contractu, можно поставить, вслѣдъ за Геффтеромъ и такъ-же сжато, какъ дѣлаетъ это берлинскій профессоръ (§ 39), слѣдующее правило: obligationes quasi ex contractu разрѣшаются частью по соображенію statuta personalia, частью по соображенію законовъ той мѣстности, гдѣ возникла causa obligationis; при отсутствіи же этого факта — дѣйствуетъ lex domicilii. Относительно obligationes ex delicto, одни стоятъ за приложеніе закона того государства, гдѣ возникъ самый фактъ —

[1] См. выше сдѣланное указаніе на открытое признаніе національнаго принципа въ ново-италіянскомъ кодексѣ.

Digitized by Google

factum delicti, а другіе (напр. Геффтеръ) признаютъ здѣсь начало—lex domicilii.

Переходя къ вопросу о гражданской юрисдикціи государства, мы напомнимъ, что государство судитъ, законодательствуетъ, и что эти двѣ власти солидарны и параллельны между собою. По общему правилу, обѣ власти одинаково независимы. Относительно собственныхъ подданныхъ юрисдикція государства безусловна и безконтрольна; но каково отношеніе отечественной юрисдикціи къ подданнымъ государства, пребывающимъ за границей? Можетъ ли эта національная юрисдикція вліять, не говоря уже объ указанныхъ случаяхъ jurisdictionis voluntariæ, и въ другихъ отношеніяхъ, дѣйствуя еще сильнѣе и полнѣе на права, обязанности и обязательства своего подданнаго въ то время, когда онъ пребываетъ за границею? Это — очень трудный вопросъ, и почти всѣ публицисты (Феликсъ, Галлекъ, Геффтеръ и др.) даютъ такой отвѣтъ: здѣсь все зависитъ отъ взаимнаго уваженія, и отдѣльные случаи рѣшаются, по соображенію взаимной пользы, какъ quæstio comitatis juris gentium et reciprocæ utilitatis. Такимъ образомъ, рѣшеніямъ иностранныхъ судовъ даютъ силу подъ условіемъ полной взаимности и непротиворѣчія съ законами и коренными учрежденіями даннаго государства, хотя нѣкоторые новые юристы отбросили въ-сторону средневѣковую теорію, объяснявшую признаніе иностранныхъ судебныхъ рѣшеній ex comitate juris gentium, и ищутъ для нея чисто-юридическихъ основаній. Такъ, напр., если-бы въ одномъ какомъ-либо государствѣ состоялся приговоръ о конфискаціи имуществъ какого-либо частнаго лица, то изъ этого не слѣдуетъ, что и государства, непризнающія у себя конфискаціи, обязаны выполнять этотъ приговоръ; напротивъ, они властны отвергнуть его. Сюда подходитъ также случай изъ французской судебной практики такого рода, что парижскій судъ безусловно отказалъ, буквально выполняя статью закона 8 мая 1816 г., отмѣнившую

Digitized by Google

разводъ, исполнить рѣшеніе швейцарскихъ судовъ о разводѣ супруговъ — подданныхъ гельветической республики. Между прочимъ Франція и Швейцарія заключили договоръ (18 іюля 1828 года) объ исполненіи приговоровъ по гражданскимъ дѣламъ въ территоріяхъ обоихъ государствъ; мало этого: все исполненіе по приговору заключалось въ томъ, чтобы вынудить одну изъ разведенныхъ сторонъ къ возмѣщенію судебныхъ издержекъ, по процессу, оконченному въ швейцарскихъ, компетентныхъ и правильно привлеченныхъ къ разбору дѣла, судахъ[1]; интересенъ случай непризнанія, 26 апрѣля 1841 г., сардинскимъ сенатомъ судебнаго рѣшенія марсельскаго торговаго суда.

Въ общихъ результатахъ, теорія и практика современнаго международнаго права не только допускаютъ, но даже требуютъ признанія и исполненія, подъ извѣстными условіями и при извѣстныхъ ограниченіяхъ, иностранныхъ рѣшеній по гражданскимъ дѣламъ. Практика германскихъ государствъ допускаетъ это, подъ условіемъ взаимности произнесенія иностранныхъ приговоровъ подлежащими, имѣющими на то власть, судебными учрежденіями и властями.

Нельзя сказать, чтобы въ литературѣ и на практикѣ былъ теперь разрѣшенъ удовлетворительно вопросъ о томъ: при какихъ требованіяхъ и условіяхъ опредѣляется компетентность судовъ, рѣшенія которыхъ признаются и исполняются за границей? Иногда требуется компетентность только въ смыслѣ законодательства и учрежденій того государства, гдѣ постановляется рѣшеніе, подлежащее признанію и исполненію за границею; иногда же присоединяется требованіе о компетентности по законамъ той иноземной державы, гдѣ нужно получить признаніе и исполненіе судебному приговору. Англійская, шотландская и американская практика держится такихъ пріемовъ и правилъ, которые отвѣ-

[1] *Филлиморъ*, IV, § 931, стр. 672. См. еще у *Бара*, § 125, Nota 19.

Digitized by Google

чаютъ самымъ широкимъ и свободнымъ началамъ теоріи; здѣсь сила иностраннаго судебнаго рѣшенія, какъ exceptio rei judicatæ, признается независимо отъ допущенія или отрицанія другими государствами принципа взаимности въ дѣлѣ признанія и исполненія рѣшеній иностранныхъ судовъ. Такой духъ англійскаго законодательства и судебной практики остается неизмѣннымъ отъ Іакова I-го до нашихъ дней [1].

Рѣзкую противоположность представляетъ и здѣсь, какъ въ вопросѣ о разводахъ, судебная практика во Франціи, а именно: не признается въ принципѣ сила иностранныхъ судебныхъ рѣшеній [2]. Феликсъ, а за нимъ Массэ видятъ въ судебной практикѣ своего отечества противорѣчіе съ духомъ законодательства, т. е. со смысломъ ст. 121 ордонн. 1629 года, ст. 546 устава гражд. судопроизводства (Code de procédure civile), а также статей 2123 и 2128 гражданскаго кодекса (Code Civil), гдѣ однако-же отрицаются сила и юридическія послѣдствія судебныхъ рѣшеній по гипотечнымъ и контрактовымъ (обязательственнымъ) отношеніямъ. Но если-бы даже Феликсъ и Массэ были правы относительно истинныхъ началъ французскаго права въ данномъ вопросѣ, то несомнѣнно, что французская практика безусловно отрицаетъ силу иностранныхъ рѣшеній по гражданскимъ дѣламъ въ случаѣ возраженій одной изъ сторонъ въ тяжбѣ, и что рѣшеніямъ этимъ большею частію приписывается значеніе однихъ доказательствъ для будущаго разсмотрѣнія дѣла [3].—Что касается приговоровъ или рѣшеній посредническихъ судовъ, то здѣсь Феликсу, Массэ, а за нимъ и другимъ юристамъ (Баръ) пришлось выводить правила по аналогіи, имѣя въ виду основныя начала

[1] См. *Филлиморъ*, IV, § 941. Тамъ-же, §§ 949 и 955 нѣсколько, частныхъ замѣчаній объ американскихъ системахъ. Болѣе матеріала у *Бара*, § 126, стр. 485.

[2] La jurisprudence refuse, говоритъ Феликсъ, II. § 347, aux jugements étrangers l'autorité de la chose jugée, ainsi que l'éxécution sur les biens et sur la personne du débiteur en France.

[3] *Филлиморъ*, IV, § 940. См. *Баръ*, § 125, стр. 460.

Digitized by Google

частнаго международнаго права, а именно: приговоры при посредничествѣ добровольномъ (въ видѣ третейскаго суда по свободному соглашенію и выбору сторонъ) разсматриваются и исполняются какъ статьи договоровъ или контрактовъ; приговоры же посредническихъ судовъ по назначенію закона должны, по мнѣнію Феликса, быть подведены подъ понятіе судебныхъ рѣшеній иностраннаго государства, а потому и подлежатъ всѣмъ установленнымъ для этого правиламъ въ различныхъ странахъ Европы и Америки. Форма и способъ исполненія иностранныхъ рѣшеній, разъ они допущены и приняты въ чужомъ государствѣ, подчиняются законамъ мѣста, гдѣ происходитъ самое исполненіе (lex loci).

Общее правило касательно юрисдикціи надъ иностранцами таково, что судамъ того государства, гдѣ они живутъ, подлежатъ иски имущественные и къ обязательствамъ относящіеся. Но этими правилами не рѣшается, какъ это видно изъ предыдущаго, вопросъ: какой законъ будетъ примѣненъ къ данному случаю, т. е. мѣстный или національный (иностранный)? Компетентными въ международномъ смыслѣ считаются: 1) суды государства, гдѣ находится мѣстожительство (domicilium) отвѣтчика, по всѣмъ искамъ личнымъ и даже вещнымъ (относительно движимыхъ имуществъ), кромѣ тѣхъ случаевъ, когда и движимыя вещи подчиняются закону мѣстонахожденія; 2) суды государства, по законамъ котораго долженъ обсуждаться какой-либо договоръ по вопросу объ обязательствахъ, изъ него вытекающихъ, если должникъ пребываетъ въ территоріи этого государства или владѣетъ тамъ имуществомъ; 3) суды государства, въ предѣлахъ котораго совершены преступленіе или проступокъ, по вопросу о вознагражденіи, вытекающемъ изъ обязательства ex delicto; 4) суды государства, въ предѣлахъ котораго наложенъ арестъ на какія-либо вещи для обезпеченія извѣстнаго требованія по долгу, вызвавшему арестъ: 5) суды государства по

Digitized by Google

всѣмъ вещнымъ искамъ относительно имуществъ движимыхъ и недвижимыхъ, въ данной территоріи находящихся; 6) суды того государства, юрисдикціи котораго добровольно подчинятся сами спорящія стороны. Такое правило находится даже во французскомъ законодательствѣ, которое допускаетъ разборъ дѣлъ иностранцевъ въ своихъ судахъ и въ томъ случаѣ, если дѣла эти касаются обязательствъ, заключенныхъ во Франціи или хотя-бы и за границею, но между французомъ и иностранцемъ[1].

Вообще во Франціи, какъ и во всѣхъ образованныхъ государствахъ, иностранецъ допускается въ роли истца противъ природнаго француза (régnicole). Феликсъ[2] справедливо усматриваетъ въ такомъ опредѣленіи гражданскаго кодекса постановленіе, удовлетворяющее естественной справедливости и отчасти возмѣщающее тѣ стѣсненія международнаго оборота, которыя неизбѣжно вытекаютъ изъ извѣстнаго уже намъ законодательства о силѣ и дѣйствіи рѣшеній иностранныхъ судовъ. Статья уложенія, допускающая иностранцевъ вчинать иски во Франціи, воспроизведена въ тѣхъ кодексахъ, которые возникли, подъ вліяніемъ наполеоновскаго законодательства, въ различныхъ государствахъ Европы (въ Баденѣ, въ кантонѣ Ваадтѣ и пр.). Статья 15-я примѣняется независимо отъ того — наблюдаютъ ли то-же начало иноземныя государства, подданные которыхъ вчинаютъ иски на французскихъ судахъ противъ прирожденныхъ обывателей страны, а также, по распространительному толкованію, противъ иностранцевъ, принявшихъ французское поддан-

[1] По мнѣнію Тиссо, французскіе суды могутъ принять искъ одного англичанина противъ другого по договору, заключенному обоими въ своемъ отечествѣ. Но въ такомъ случаѣ приговоръ по дѣлу долженъ получить обязательную силу въ отечествѣ обоихъ тяжущихся. Мало этого: если, въ данномъ случаѣ, тяжущіеся сами пожелали безапелляціоннаго приговора, то исполненіе его въ Англіи должно совершиться безъ предварительнаго пересмотра.

[2] II. § 128.

Digitized by Google

ство, хотя-бы иски были и по долговымъ сдѣлкамъ, совершоннымъ до натурализаціи отвѣтчиковъ за границей.

Существуетъ впрочемъ и здѣсь privilegium odiosum для иностраннаго истца на французскихъ судахъ, а именно: по 16-й ст. гражд. уложенія[1] и по ст. 166 устава гражд. судопроизводства, иностранный истецъ обязанъ вносить обезпеченіе по требованію отвѣтчика, заявленному при самомъ началѣ процесса, для возмѣщенія издержекъ и для уплаты вознагражденія и убытковъ, вытекающихъ изъ процесса. Истецъ, далѣе, обязанъ даже увеличить размѣръ обезпеченія (augmenter la caution) по требованію отвѣтчика, въ случаѣ переноса дѣла по апелляціи. Исключенія постановлены лишь на тотъ случай, если истецъ-иностранецъ владѣетъ во Франціи недвижимою собственностью такой цѣнности, которою могли бы покрыться издержки, или если искъ идетъ по какому-либо торговому дѣлу. Но само-собою разумѣется, что исключенія имѣютъ мѣсто и тогда, когда они постановлены путемъ трактатовъ для подданныхъ какого-либо государства (напр. трактатъ Франціи съ Сардиніею 1760, того-же государства съ Швейцаріею 1828 г.). Что касается положенія иностранца-отвѣтчика, то положеніе это опредѣляется по началу actor sequitur forum rei, съ нѣкоторыми исключеніями по французскому кодексу,

---

[1] Ст. 16 Code Civil говоритъ: «En toutes matières autres que celles de commerce, l'étranger qui sera demandeur, sera tenu de donner caution pour le paiement des frais et dommages — intérêts résultant du procès, à moins qu'il ne possède en France des immeubles d'une valeur suffisante pour assurer ce paiement». — *Фликсъ*, на стр. 270 тома I, говоритъ: «Le motif de l'obligation de donner caution est, en thèse générale, de garantir le régnicole contre les procès téméraires entrepris par les étrangers qui, après avoir succombé, n'offriraient pas au régnicole le moyen de se remplir des avances et frais du procès». — «Aux termes de l'art. 166 du Code de proc. civ. — замѣчаетъ далѣе (§ 138) *Фликсъ* — l'obligation de donner caution... est subordonnée à la réquisition qu'en fait le défendeur français avant toute autre exception. En d'autres termes, la caution doit etre demandée in limine litis, et le Français appellant ne peut proposer cette exception devant la Cour royale, s'il ne l'a pas fait valoir en première instance».

Digitized by Google

установляющему неравенство относительно гражданской правоспособности между иностранцами и французскими подданными[1].

Но особенно-своеобразно и неодобрительно содержаніе французскаго законодательства по вопросу объ искахъ и тяжбахъ, гдѣ съ обѣихъ сторонъ являются, въ роли истца и отвѣтчика, иностранцы, не имѣющіе мѣстожительства (domicilium) во Франціи, а именно: французскіе суды не признаютъ себя компетентными вѣдать и рѣшать подобныя дѣла, за исключеніемъ случая торговаго разбирательства и тѣхъ иностранцевъ, относительно которыхъ подвѣдомственность ихъ французской юрисдикціи выговорена по трактатамъ[2]. Однако-же общее осужденіе лучшихъ отечественныхъ юристовъ и реторсіи, къ которымъ прибѣгали иногда, въ видѣ протеста, другія государства Европы, безусловно допускающія юрисдикцію своихъ судовъ по дѣламъ всѣхъ иностранцевъ, пребывающихъ въ ихъ территоріи, нѣсколько повліяли на новѣйшую практику. По-крайней-мѣрѣ теперь замѣтна наклонность расширить число исключеній изъ общаго правила о некомпетентности французскихъ судовъ по дѣламъ, гдѣ истцомъ и отвѣтчикомъ являются иностранцы, неимѣющіе постоянной осѣдлости (domicilium) въ предѣлахъ Франціи[3].

---

[1] Ср. in extenso у *Феликса*, I, §§ 167—208.

[2] Ср. *Massé*, S. 167. «Quant aux actions personnelles et mobilières la tendance générale de la jurisprudence actuelle est de n'admettre la compétence des tribunaux français entre étrangers d'une manière absolue qu'en matière commerciale. En matière et même pour les engagements passés en France, on éxige que les tribunaux français soient compétents, que l'un des étrangers soit domicilié en France ou y jouisse des droits civils».—Мнѣніе Фѣликса объ этихъ постановленіяхъ французскаго законодательства очень рѣзко выражено въ слѣдующемъ замѣчаніи: «Cette jurisprudence, qui prive l'étranger non domicilié de la faculté de traduire devant les tribunaux français un autre étranger également non domicilié, nous semble contraire au droit des gens européen» (I. § 146. p. 285). Ср. *Филлиморъ*. IV, § 893.

[3] Ср. замѣчаніе (a), сдѣланное *Дэманжа* къ тексту *Феликса*, I, p. 293, а также вышеприведенную ноту изъ *Тиссо* о разборѣ дѣла между двумя англичанами, по договору, заключенному ими въ Англіи.

Digitized by Google

Американская и преимущественно англійская практика, опираясь на законодательства своихъ странъ, безусловно расходится, по настоящему вопросу, съ практикою французскою. Особенно въ Англіи принято за правило — безпрепятственно принимать къ разбору всѣ иски и требованія иностранцевъ, хотя бы по сдѣлкамъ, заключеннымъ за границею, будутъ ли иски предъявляться къ великобританскимъ подданнымъ, или къ иностранцамъ,—будутъ ли стороны имѣть осѣдлость въ Англіи (domicilium), или же нѣтъ. Притомъ англійская практика судовъ Common Law не допускаетъ никакихъ privilegia odiosa въ видѣ разсмотрѣннаго нами требованія судовъ французскихъ и нѣкоторыхъ другихъ государствъ Европы касательно представленія обезпеченія. Только въ судахъ канцлерскихъ (Courts of Equity), при совершенно-свободной юрисдикціи относительно иностранцевъ, дозволяютъ взимать обезпеченіе въ томъ случаѣ, если истецъ-иностранецъ, начавшій искъ въ Англіи черезъ повѣреннаго, находится самъ за границею[1].

Резюмируемъ теперь правила для гражданской юрисдикціи: 1) юрисдикція эта осуществляется безусловно и во всѣхъ государствахъ по дѣламъ о недвижимыхъ имуществахъ, находящихся въ предѣлахъ территоріи; 2) точно такъ-же ей подлежатъ дѣла о движимыхъ имуществахъ, находящихся въ государствѣ; 3) юрисдикціи этой подсудны всѣ смѣшанныя дѣла, т. е. касающіяся какъ недвижимыхъ, такъ и движимыхъ имуществъ; 4) юрисдикціи этой подлежатъ не во всѣхъ государствахъ иски о личныхъ правахъ и иски, возникающіе изъ договоровъ и обязательствъ ex contractis, ex delictis, quasi ex contractis et quasi ex delictis, притомъ безразлично — будутъ ли истцы и отвѣтчики собственноподданные или нѣтъ; но за-то, съ другой стороны, никто изъ иностранцевъ не можетъ быть принужденъ разбирать свои дѣла въ судахъ даннаго государства. Такъ смотритъ и

[1] Ср. *Phillimore*, IV, §§ 898, 899.

Digitized by Google

французское законодательство, которое какъ мы видѣли отклоняется отъ разбора подобныхъ дѣлъ за исключеніемъ исчисленныхъ выше случаевъ. Но если иностранецъ подчиняется, какъ отвѣтчикъ, или же добровольно, по соглашенію съ противною стороною — своимъ соотечественникомъ или мѣстнымъ жителемъ, юрисдикціи французскаго суда: то вообще онъ не имѣетъ права претендовать на разборъ своего дѣла по инымъ законамъ, формамъ и обрядамъ кромѣ французскаго. Изъ этого общаго правила допускается исключеніе: «когда рѣчь идетъ объ обязательствѣ, говоритъ Тиссо, заключенномъ за границею по иностранной формѣ или даже вовсе безъ указанныхъ формъ; то, при честности и добросовѣстности контракта, судьи могутъ взять за основаніе для рѣшенія естественную справедливость или иностранный законъ. Судья не можетъ отклонить разборъ дѣла подъ предлогомъ собственнаго невѣдѣнія» etc.[1]; 5) процессъ, форма и роды доказательствъ (письменные документы, свидѣтели, присяга, торговыя книги, презумціи и проч.) опредѣляются большею частію законами той страны, гдѣ вчинается искъ; 6) по частному международному праву принято взаимное содѣйствіе и помощь всѣхъ государствъ касательно слѣдственныхъ дѣйствій, ex comitate juris gentium, въ формѣ такъ-называемыхъ «Commissions rogatoires» и «Lettres requisitoriales»[2]; 7) рѣшенія исполняются въ мѣстахъ ихъ постановленія и за-тѣмъ повсюду, если это гарантировано трактатами и опредѣлено обычаями. — По мнѣнію нѣкоторыхъ писателей, во всякомъ другомъ государствѣ, хотя-бы послѣднее не было связано трактатами и не признавало этихъ обычаевъ, на законное рѣшеніе иностраннаго суда должно смотрѣть, какъ на своего

---

[1] Application des lois aux étrangers. Livr. I. 50.

[2] См. О commissions rogatoires и о доказательствахъ у *Филлимора*, IV, Глава XLIV и глава XLV; особенно подробно изложено это у *Феликса*, L. C. I, II.

Digitized by Google

рода контрактъ между сторонами, а отсюда вытекаетъ обязанность выполнить его по началу lex loci contractus.

Само собою разумѣется, что здѣсь приложимы всѣ ограниченія указаннаго начала, даже въ большей степени. Это видно, напр., изъ того, что суды всѣхъ государствъ, несвязанныхъ особыми трактатами, предварительно подвергаютъ иностранныя рѣшенія внимательному разсмотрѣнію (со стороны компетентности судовъ, постановившихъ приговоры, со стороны правильности судопроизводства и главнымъ образомъ со стороны того, нѣтъ ли какихъ противорѣчій между иностранными рѣшеніями и отечественными законами). Тѣ-же правила примѣняются къ посредническимъ рѣшеніямъ и къ отводамъ.

Вопросъ о судебныхъ рѣшеніяхъ иностранныхъ трибуналовъ и о международной силѣ далеко еще не разработанъ. Есть публицисты, которые полагаютъ, будто съ точки зрѣнія права не можетъ быть и тѣни сомнѣнія касательно обязательности правильныхъ и законныхъ рѣшеній по гражданскимъ дѣламъ одного государства въ другомъ[1]. По ихъ мнѣнію, весь споръ сводится къ тому: на-сколько полезно подобное правило въ международной жизни? А также, говоритъ Броше, споръ стоитъ и на томъ, чтобъ опредѣлить: какъ далеко простирается право государства провѣрять, предварительно исполненія, приговоръ иностраннаго суда? Къ сожалѣнію, опредѣленнаго отвѣта на это у Броше не находится. Но едва-ли вѣрно, какъ это легко сообразить изъ вышеизложенныхъ замѣчаній, положеніе этого юриста, будто jus strictum безусловно рѣшаетъ вопросъ въ смыслѣ обязательной силы иностранныхъ рѣшеній. Здѣсь-то играетъ главную роль начало взаимной пользы. А оно — условно и перемѣнчиво. Даже трактатъ, если-бы онъ сдѣлалъ обязательнымъ для *извѣстныхъ* государствъ исполненіе судебныхъ рѣшеній, не можетъ установить общаго и неизмѣннаго начала для *всѣхъ* членовъ международнаго союза.

[1] *Charles Brocher.* L. C.

Digitized by Google

Относительно уголовныхъ случаевъ надо сказать, что они подлежатъ закону мѣста совершенія преступленія; слѣдовательно здѣсь дѣйствуетъ принципъ — lex fori delicti commissi. Но нѣкоторыя преступленія даже въ новѣйшемъ международномъ правѣ теряютъ свой мѣстный характеръ и могутъ разсматриваться и судиться вездѣ, гдѣ только захотятъ вчинать противъ нихъ иски (пиратство)[1]. Далѣе, уголовной юрисдикціи государства подлежатъ преступленія, совершаемыя на военныхъ и торговыхъ корабляхъ въ открытомъ морѣ или океанѣ. Правило это подтверждено многими рѣшеніями. Самый любопытный случай былъ въ 1841 г. на американскомъ кораблѣ «Креолъ», экипажъ котораго, состоящій изъ негровъ, умертвилъ своего капитана и нѣсколькихъ офицеровъ. Буря занесла корабль въ одинъ изъ англійскихъ портовъ, гдѣ американскій консулъ сейчасъ-же заявилъ о совершившемся преступленіи своему правительству. Между-тѣмъ англійскіе мѣстные суды вмѣшались въ это дѣло и, арестовавъ негровъ, начали слѣдствіе. Американскій консулъ протестовалъ и завязался дипломатическій споръ между Америкою и Англіей. Дѣло это продолжалось отъ 1841 до 1853 г., при чемъ полемика велась знаменитымъ американскимъ дипломатомъ Д. Вебстеромъ. Англичане должны были отказаться отъ своихъ притязаній. Имъ было доказано, что только американскіе суды могли вчинать и вести подобное дѣло, такъ-какъ корабль составляетъ плавучее продолженіе государственной территоріи. Все что можно было дозволить англійскимъ судамъ, это — собраніе и констатированіе фактовъ для слѣдствія на судѣ сѣверо-американской республики. Военные корабли въ иностранныхъ портахъ, подобно войскамъ на материкѣ, подлежатъ дѣйствію правила о юрисдикціи своего національнаго правительства; въ нѣкоторыхъ случаяхъ оно распространяется на частные иностранные суда.

[1] См. *Bluntschli*, Das mod. V. R. § 351. Особенно подробно разсмотрѣнъ вопросъ о пиратствѣ у *Кальво*, §§ 267, 268, 269, 270, 272, 273, 274, 275.

Digitized by Google

Вопросъ о томъ, когда именно преступленія, совершонныя на частныхъ иностранныхъ судахъ, подлежатъ дѣйствію мѣстныхъ законовъ (т. е. законовъ того иностраннаго порта, гдѣ суда эти находятся) рѣшается по соображенію характера и мѣста преступленія. Не представляютъ затрудненій выборъ и опредѣленіе юрисдикціи въ тѣхъ случаяхъ, когда преступленіе совершается въ открытомъ морѣ,—здѣсь даже частныя или торговыя суда считаются продолженіемъ отечественной территоріи; слѣдовательно, разборъ и судъ по данному дѣлу принадлежатъ властямъ и учрежденіямъ того государства, подъ флагомъ котораго плаваетъ корабль. Такимъ образомъ русскій подданный, совершившій на бортѣ французскаго корабля въ открытомъ морѣ преступленіе противъ француза или, положимъ, противъ подданнаго чилійской республики, подлежалъ бы суду французскихъ судовъ; на-оборотъ, французъ или чилійскій подданный, совершившіе преступленіе, при вышеуказанномъ условіи мѣста, на русскомъ кораблѣ противъ пруссака, были бы судимы русскимъ уголовнымъ судомъ.

Но затрудненія отъ столкновенія statuta personalia съ иностранными законами возникаютъ и увеличиваются въ томъ случаѣ, если корабль, служившій мѣстомъ преступленія, находился въ моментъ совершенія убійства на водахъ, подлежащихъ юрисдикціи какого-либо государства. Въ подобныхъ случаяхъ сталкиваются между собою два принципа: во-первыхъ, начало, по которому иностранный корабль считается продолженіемъ территоріи своего государства, — принципъ, о приложеніи котораго даже къ торговымъ судамъ такъ сильно заботилась англійская юриспруденція и судебная практика; во-вторыхъ, то начало, по которому юрисдикція государства простирается и надъ извѣстными, подлежащими военной и полицейской власти прибрежной державы, частями моря (ubi finitur armorum vis).

Digitized by Google

Спрашивается: какъ-же примиряется это столкновеніе? Къ какимъ правиламъ пришли въ этомъ отношеніи юриспруденція, судебная практика и трактаты различныхъ государствъ — членовъ христіанскаго международнаго союза? — Особеннаго соображенія заслуживаетъ, по данному вопросу, французская юриспруденція, которая принята во многихъ трактатахъ и которая обращаетъ вниманіе на различіе между преступленіями и проступками, нарушающими порядокъ и полицейскія правила даннаго мѣста, и между такими правонарушеніями, которыя противны внутреннему порядку и дисциплинѣ кораблей. Первыя подлежатъ мѣстному суду или территоріальной юрисдикціи того порта, рейда и проч., гдѣ находился частный корабль во время совершенія преступленія; вторыя разбираются и судятся властями и учрежденіями государства, подъ флагомъ котораго плаваетъ данный корабль[1].

Многочисленные случаи, упоминаемые во всѣхъ нижеприведенныхъ сочиненіяхъ и имѣвшіе мѣсто отъ начала до 60-хъ годовъ настоящаго столѣтія, послужили матеріаломъ для тѣхъ рѣшеній, изъ которыхъ выведены общія правила. Особенно замѣчательно мнѣніе французскаго государственнаго совѣта 1806 годъ (20 ноября), гдѣ признана была юрисдикція американскихъ консуловъ надъ экипажемъ судовъ, стоявшихъ въ портахъ имперіи. Можно сказать, что мнѣніе это, особенно-подробно приведенное у Кальво и у Блунчли, служитъ лучшимъ выраженіемъ доктрины французскихъ правовѣдовъ.

Но въ послѣднее время были во Франціи дѣла, которыя, по нашему мнѣнію, представляютъ распространительное толкованіе правила о подвѣдомственности мѣстной юрисдикціи тѣхъ преступленій и проступковъ на корабляхъ, которыми (преступленіями) нарушаются общественный порядокъ иностраннаго государ-

[1] Ср. *Bar*, § 345. S. 574. — *Bluntschli*, Das M. V.-R. §§. 185, 186 etc. — *Phillimore*, I, § 449 etc. — *Massé*, II. NN 41—42. — *Calvo*, §§ 259—266.

Digitized by Google

ства, въ водахъ котораго находился, въ моментъ преступленія, корабль подъ иноземнымъ флагомъ. Въ 1859 г., во французскомъ портѣ — Гаврѣ, на одномъ американскомъ суднѣ былъ убитъ матросомъ секундъ-капитанъ. Не смотря на протестъ американскаго консула, французскія власти начали слѣдствіе, продолжали его, а приговоръ по этому дѣлу былъ обвинительный. Кассаціонный судъ, разсматривавшій дѣло, вслѣдствіе протеста американскаго консула, при участіи генералъ-прокурора Дюпена, призналъ, что «французскіе суды могутъ вмѣшиваться въ подобныя серьезныя дѣла, и устранить въ такихъ случаяхъ мѣстную юрисдикцію нѣтъ никакой возможности». По общему правилу, допускается безпрекословно участіе мѣстной юрисдикціи въ такихъ уголовныхъ дѣлахъ, которыя затрогиваютъ кого-либо изъ мѣстныхъ подданныхъ[1].

Не всегда территоріальная юрисдикція можетъ разбирать подлежащій уголовный случай, по причинѣ бѣгства преступника въ чужое государство. Здѣсь поднимается вопросъ о выдачѣ преступниковъ, или объ extraditio. Предметъ этотъ до сихъ поръ еще очень споренъ, и публицисты даютъ ему не всегда сходныя рѣшенія; но, не смотря на это, можно сказать, что большинство новѣйшихъ писателей склоняется въ пользу extraditio и признаютъ въ ней юридическій элементъ. Выдача составляетъ одно изъ тѣхъ учрежденій международнаго права, которыя опредѣляются трактатами и дѣйствуютъ какъ положительная норма между государствами. За выдачу стоятъ Кентъ, Стори, лордъ Брумъ, Корнваль Льюизъ, Фостенъ-Эли (знаменитый кримина-

[1] Новѣйшіе публицисты (напр. Кальво) замѣчаютъ, что въ послѣднее время случаи столкновенія юрисдикціи различныхъ государствъ по вопросамъ подобнаго рода становятся все рѣже и рѣже, такъ-какъ важнѣйшія морскія державы успѣли заключить между собою конвенціи и трактаты. «L'esprit en est le même: elles consacrent généralement la distinction entre les faits accomplis par les hommes de l'équipage entre eux et à bord, et les faits qui ont des conséquences extérieures ou qui concernent des étrangers» (P. 382).

Digitized by Google

листъ французскій). За-то въ числѣ противниковъ extraditio, какъ обязанности quand même, находится Миттермайеръ. Любопытно однакожъ, что Беккарія былъ сторонникомъ выдачи преступниковъ[1]. Вообще нельзя считать выдачу — extraditio пра-

[1] Литература по вопросу о выдачѣ преступниковъ, обширная и обильная противорѣчивыми взглядами, перечисляется у Геффтера, Феликса, Бара, Роб.-ф.-Моля, Кальво и проч.—Между важнѣйшими спеціальными работами выставляются: *Cosman*, De delictis extra civitatis fines admissis. Amst. 1829;—*Provó Cluit*, De deditione profugorum, Lugd. Bat. 1829;—*Witte*, Meditationes de jure criminali respecto juris internationalis instituta. Dorp. 1851;—*Berner*, Wirkungskreis der Strafgesetze nach Zeit, Raum und Personen. Berl. 1853;—*Mohl*, Die völkerrechtliche Lehre vom Asyle (Staatsrecht, Völkerrecht und Politik. Erst. Band, Tübing. 1860);—*Bulmerincq*, Das Asylrecht u. die Auslieferung flüchtiger Verbrecher. Dorp. 1853;—*Villefort*, Des crimes et des délits à l'étranger. Par. 1855;—*Arnold*, Verbrechen der Inländer im Auslande etc. (Gerichtssaal. 1855, B. 1. S. 329 fg.);—*Pözl*, *Dollmann* und *Bluntschli* in Bluntschli's Staatswörterbuch, B. 1, 1857;—*Amman* und *Marquardsen*, in dem Art. Asylrecht;—*Rotteck* und *Marquardsen*, in dem Art. Auslieferung in Welcker's Staatslexicon, 3 Aufl. BB. I, II, 1857;—*Samhaber*, Ueber Staatsverbrechen bayerlichen Unterthanen gegen auswärtige Staaten, 1858;—*Lewis* (Sir G. Cornewall), On foreign jurisdiction and the extradition of criminals. Lond. 1859.—Кромѣ того, обзоръ мнѣній по этому вопросу, отъ Гроція, Ваттеля, лорда Кока до Фостена Эли и Миттермайера, помѣщенъ у *Кальво* (Livre IX, De l'extradition, pp. 470 etc.), въ книгѣ котораго глава о выдачѣ преступниковъ обработана съ особенною тщательностію и полнотою матеріала, извлеченнаго изъ всѣхъ важнѣйшихъ европейскихъ и американскихъ трактатовъ. — Ср. также *Bar*, L. C., § 147, S. 582 f. Die Auslieferung.—*Heffter*, Das E. V.-R. § 63.—*Phillimore*, I, Chapt. XXX, §§ 360—885.—*Foelix*, II, titre IX, Chap. VII, NN 608—610.—*Faustin Hélie*, Traité de l'instr. crim. Liv. 2, Ch. 5, § 132.—*Bluntschli*, Das m. V. R. NN 394—401. — Различныя мнѣнія и построенныя на нихъ ученія могутъ быть сведены къ слѣдующимъ категоріямъ: I) Выдача, или extraditio, можетъ имѣть мѣсто лишь по договору, заключаемому по усмотрѣнію политической мудрости и по соображенію взаимной пользы между сосѣдственными государствами; слѣдовательно, здѣсь не можетъ быть и рѣчи о вынуждаемой обязанности. Такъ думалъ еще Пуффендорфъ (J. N. et G. VIII, 6; § 12); въ нашемъ столѣтіи и въ послѣднее время, таковъ взглядъ Клюбера, Клюйта, Мартенса, Сторя, Филлимора, Геффтера, Феликса и др. — У *Феликса*, между прочимъ, мы читаемъ: «... Toute extradition est subordonnée à des considérations de convenance et d'utilité réciproque; les autorites d'un État ne sont pas obligées à accorder l'extradition d'un délinquant, à moins qu'il n'existe entre les deux États des traités formels applicables à la matière». — II) Выдача преступниковъ вовсе и

Digitized by Google

вомъ въ смыслѣ jus strictum; но практическое значеніе ея въ международномъ оборотѣ весьма-велико. Вѣрно замѣчаніе Геффтера, что въ большинствѣ случаевъ выдача, или extraditio, опредѣляется трактатами, соображеніями comitatis juris gentium, но не есть обязанность или повинность, вынуждаемая по строгимъ началамъ международнаго права. Многія государства, напримѣръ Англія, Швейцарія, Соединенные штаты и другія, установили у себя правила не выдавать государственныхъ преступниковъ, и это, какъ мы знаемъ, противорѣчитъ практикѣ, господствовавшей во время Гуго Гроція и до сихъ поръ задержавшейся въ нѣкоторыхъ государствахъ.

безусловно отрицается; допускается нѣкоторыми публицистами только преслѣдованіе обвиненныхъ въ той территоріи, гдѣ они нашли себѣ убѣжище. Ср. *Schmalz*, Völkerrecht, S. 158, и особенно *Pinheiro-Ferreira* (Cours de droit public. II. pp. 32, 33. 179). — III) Выдача преступниковъ не только допускается, но признается обязательною. Подъ такимъ мнѣніемъ можно прежде всего подписать имя Гроція (см. выше, изложеніе содержанія трактата его—De J. B. ac P.). За Гроціемъ слѣдовали нѣкоторые юристы прежнихъ столѣтій (напр. *Буддеусъ*, *Кокцей)*, а въ настоящее время за обязательность выдачи или extraditio стоятъ: *Кентъ* (Commentaries, p. 37) и *Бернеръ* (L. C. 181, 182). Кентъ говоритъ: It is the duty of government to surrender up fugitives on demand after the civil magistrate shall have ascertained the existence of reasonable ground for the charge, and sufficient to put the accused on his trial. For the guilty party cannot be tried and punished by any other jurisdiction than the one whose laws have been violated, therefore the duty of surrendering him applies as well to the case of the subjects of the power demanding the fugitives».—Приведенный намъ отрывокъ любопытенъ въ томъ отношеніи, что представляетъ самое послѣдовательное примѣненіе территоріальнаго начала къ данному вопросу: Кентъ не задумывается признать необходимою выдачу даже собственныхъ подданныхъ (régnicoles, по выраж. франц. юристовъ), если они совершили преступленіе за границею, такъ-какъ компетентною можно считать, по мнѣнію американскаго юриста, только юрисдикцію судовъ мѣста совершенія преступленія (forum delicti commissi).—IV) *Блунчли* (Staatswörterbuch, I, S. 517 etc. также Das M. V.-R. № 395, Nota) указываетъ на основанія, которыми можно оправдать выдачу преступниковъ, и видитъ эти основанія въ нравственной обязанности одного государства содѣйствовать другому для достиженія цѣлей правосудія и для борьбы противъ всеобщаго распространенія зла — contre l'ubiquité du mal, какъ выражается гейдельбергскій профессоръ словами Руэра, бывшаго министра второй французской имперіи. Мнѣніе Блунчли представляетъ

Digitized by Google

Съ XVIII стол. (со 2-й половины его) европейскія державы заключили особенно много цѣльныхъ трактатовъ и конвенцій объ extraditio. Едва-ли не наибольшая доля ихъ принадлежитъ Франціи съ различными государствами Европы и Америки. Англія (по трактату съ Франціею 1852 г.) увеличила число (до 20) преступленій (не-политическихъ), по которымъ выдача допускается. Но считая даже конвенцію съ Даніею 1862 г. и Пруссіею 1864 г., Англія все-таки заключила очень мало трактатовъ по этому предмету. — Сѣверо-американскіе штаты заключили нѣсколько трактатовъ съ Англіею, Франціею, Австріею, Мексикою, скандинавскими государствами etc. (1849—1862 гг.). Но политическія преступленія исключаются отъ extraditio[1]. — Россія, отъ 1815 — 1857 г., имѣла только картели съ Австріею и Пруссіею о выдачѣ дезертировъ. Теперь есть конвенціи съ Даніею, Голландіею, Баваріею (1866—1869 г.). Въ послѣднюю не включены политическія преступленія.

Правила для выдачи, установившіяся болѣе или менѣе однообразно въ различныхъ государствахъ Европы и Америки путемъ конвенцій и обычаевъ, заключаются въ слѣдующемъ: I) Только высшее

среднюю величину между двумя крайними теоріями: нѣтъ и не должно быть ни безусловнаго права убѣжища (jus asilii) для преступника, ни безусловной обязанности касательно выдачи его для иностраннаго государства, допустившаго преслѣдуемаго въ свои предѣлы. Гдѣ нѣтъ трактатовъ, тамъ рѣшаетъ дѣло усмотрѣніе государства, давшаго убѣжище, при соображеніи и соблюденіи общихъ правовыхъ началъ (wenn keine Verträge binden, so muss man sich an die allgemeinen Rechtsgrundsätze halten etc. Das M. V.-R. S. 226, № 395). Наконецъ, Р. ф. *Моль* выводитъ понятіе о пользѣ и юридическомъ значеніи выдачи изъ необходимости для государствъ взаимно отстаивать общій правовой порядокъ цивилизованныхъ обществъ. Въ концѣ концовъ, большинство писателей имѣющихъ серіезное значеніе, допускаютъ выдачу въ принципѣ и на практикѣ, при извѣстныхъ условіяхъ и ограниченіяхъ, напр. относительно политическихъ преступленій.

[1] См. превосходный разборъ всѣхъ трактатовъ, заключенныхъ отъ XVIII ст. до 1870 года у *Кальво* §§ 359—404. Никто не разработалъ лучше американскаго публициста громадный матеріалъ отъ 1765 г. до 1869 и 1870 г. — Ср. также *Phillimore*, L. C. p. 417 etc.

Digitized by Google

правительство можетъ требовать дипломатическимъ путемъ выдачи за значительныя преступленія.—II) Роль судей и подчиненныхъ властей есть второстепенная (даже въ Англіи и въ Америкѣ).—III) Не принято выдавать, за исключеніемъ Англіи и Америки, собственныхъ подданныхъ, хотя-бы они и совершили, предъ бѣгствомъ въ отечество, преступленіе въ иностранномъ государствѣ; такихъ преступниковъ судятъ національные суды. IV) Подлежатъ выдачѣ: подданные тѣхъ государствъ, которыя требуютъ выдачи,—иностранцы, изъ какого-либо третьяго государства. V) Нельзя было выдавать невольниковъ (негровъ) правительствамъ, которыя не уничтожили рабства (до послѣдняго времени Бразилія и испанскія колоніи; теперь и тамъ состоялась реформа).—VI) За немногими исключеніями, не выдаютъ политическихъ преступниковъ. Между всѣми европейскими государствами заключено множество конвенцій о дезертирахъ.—VII) Выдача возможна лишь въ пользу такихъ государствъ, которыя достигли правильнаго устройства правосудія. Весьма важно также убѣжденіе, что государство, требующее выдачи, имѣетъ законное и справедливое основаніе дѣлать это, и что дѣяніе, за которое происходитъ преслѣдованіе, наказуемо по законамъ обоихъ государствъ,—т. е. какъ давшаго убѣжище, такъ и требующаго выдачи, или extraditio.—VIII) Теорія международнаго права не можетъ одобрять выдачу, зная достовѣрно, что, въ данномъ случаѣ, выдаваемаго ожидаетъ безчеловѣчное, варварское наказаніе. Карательная мѣра должна быть именно тою, какая опредѣлена за извѣстное специфически, точно выраженное преступленіе.—IX) Выдача не имѣетъ мѣста въ томъ случаѣ, если протекла давность, погашающая уголовное преслѣдованіе по законамъ того государства, гдѣ нашелъ себѣ убѣжище преступникъ.—X) Выдача не имѣетъ мѣста или откладывается въ томъ случаѣ, если требуемое къ выдачѣ лицо совершило на мѣстѣ своего убѣжища преступленіе, за которое подлежитъ это лицо

Digitized by Google

суду и наказанію территоріальныхъ властей. — XI) До сихъ поръ еще практика трактатовъ не опредѣлила правилъ для разрѣшенія вопроса относительно столкновеній совмѣстныхъ требованій о выдачѣ со стороны нѣсколькихъ государствъ. Теоретики разногласятъ между собою: одни говорятъ, что въ подобныхъ случаяхъ нѣтъ и не можетъ быть мѣста для выдачи; другіе рѣшаютъ вопросъ по соображенію національности преступника, по сравнительной важности преступленій и т. п. Есть даже мнѣніе, дѣйствительно весьма-удобное въ виду щекотливости вопроса, что слѣдуетъ отдавать предпочтеніе тому государству, которое прежде прочихъ заявило требованіе о выдачѣ, по правилу: prior tempore, potior jure. — Нерѣшеннымъ также, до сихъ поръ еще, долженъ быть признанъ вопросъ: какъ поступать въ томъ случаѣ, если съ преступленіемъ (crime), за которое допускается выдача, тѣсно связанъ проступокъ (délit), по поводу котораго, по законодательству и трактатамъ нѣкоторыхъ государствъ, не имѣетъ мѣсто выдача? — XII) Выдача производится обыкновенно между подлежащими властями на границѣ; при этомъ, по смыслу многихъ трактатовъ, передаются обыкновенно вещи, имѣющія связь съ преступленіемъ, какъ corpus delicti, и необходимыя для установленія и доказательства судебной истины. — Издержки большею частію падаютъ на государство, потребовавшее выдачи; исключенія въ обратномъ смыслѣ очень рѣдки[1]. — XIII) Наконецъ, практика до сихъ поръ еще не рѣшила важнаго вопроса объ обратной силѣ (effet rétroactif) трактатовъ о выдачѣ по отношенію къ преступленіямъ, совершеннымъ до подписанія и ратификаціи международныхъ договоровъ касательно extraditio, пока не протекла погасительная давность въ государствахъ, давшихъ убѣжище.

Относительно рѣшеній по уголовнымъ дѣламъ (иностранныхъ государствъ) и примѣненія ихъ въ другихъ иностран-

[1] См. между прочимъ трактатъ Франціи съ Испаніею 26 авг. 1850 у *Мартенса-Замвера*, III, p. 484.

Digitized by Google

ныхъ государствахъ, нужно сказать, что судебно-уголовное рѣшеніе одного государства не можетъ исполняться въ другомъ государствѣ: преступникъ, подлежащій по рѣшенію русскаго суда отвѣтственности за убійство, не подвергается исполненію этого рѣшенія во Франціи. Но и здѣсь есть одно ограниченіе: дозволяется давать силу гражданскимъ послѣдствіямъ рѣшеній по уголовнымъ дѣламъ. За-тѣмъ, всѣми государствами обыкновенно оказывается другъ другу содѣйствіе въ уголовныхъ дѣлахъ.

О ПОДДАНСТВѢ И О СОСТОЯНІИ ИНОСТРАНЦЕВЪ ВООБЩЕ.

§ 24. При разсмотрѣніи вышеизложенныхъ вопросовъ, часто упоминалось о юрисдикціи государства надъ подданными и иностранцами. Поэтому нужно хотя кратко разсмотрѣть отличительный характеръ лицъ того и другого рода въ международномъ правѣ.

Подданство или національность лица опредѣляется фактомъ рожденія (природное подданство), или же добровольнымъ принятіемъ (подданство пріобрѣтенное) посредствомъ такъ называемой натурализаціи. Лица женскаго пола пріобрѣтаютъ извѣстную національность въ силу брака. Таковы общія положенія. Но въ настоящемъ вопросѣ, какъ и во всѣхъ другихъ, возникаютъ многія частности, имѣющія интересъ не только въ теоріи, но и на практикѣ. Не всѣ законодательства разрѣшаютъ одинаково вопросы о рожденіи, бракѣ и натурализаціи. Для однихъ государствъ и народовъ, важнѣе всего фактъ рожденія въ его территоріи: дитя, произшедшее на свѣтъ въ предѣлахъ извѣстнаго государства, считается *eo ipso* его подданнымъ (такъ называемый территоріальный принципъ, представителемъ котораго служили, до послѣдняго времени, Англія и отчасти Америка). Но большинство государствъ отбросили эти остатки феодальной зависимости человѣка отъ земли, какъ

Digitized by Google

принадлежности отъ главнаго, и установили принципъ: «Считается подданнымъ то законное дитя, отецъ котораго, въ моментъ рожденія, былъ подданнымъ извѣстнаго государства», безъ всякой зависимости отъ мѣста рожденія. Во главѣ такихъ законодательствъ считается французское [1].

До 1870 г., когда прошелъ билль, во многомъ измѣнившій юридическое положеніе иностранцевъ, Англія держалась радикально-противоположнаго принципа, именно: «дѣти, рожденныя отъ иностранца на британской почвѣ, считаются природными англійскими подданными» (natural born subjects). Правило это осталось и послѣ закона 1870 г., но съ ограниченіемъ, по которому лицо, рожденное отъ иностранца на британской территоріи, можетъ выбрать, по достиженіи имъ совершеннолѣтія, подданство англійское или же той націи, къ которой принадлежали его родители. Относительно дѣтей незаконныхъ, національность повсюду, за исключеніемъ Англіи, опредѣляется подданствомъ матери, а именно: въ законодательствахъ французскаго типа по началу личному («дитя, рожденное гдѣ бы то ни было, внѣ брака, отъ француженки, есть французъ»); въ Англіи по началу территоріальному — «дитя, рожденное внѣ брака на британской территоріи, хотя бы отъ иностранки, считается англійскимъ подданнымъ». Тамъ, гдѣ дозволяется узаконеніе дѣтей, внѣ брака рожденныхъ, національность ихъ опредѣляется національностью отца [2]. — Найденыши считаются подданными того государства, на территоріи котораго они найдены.

---

[1] См. ст. 10-ю гражданскаго кодекса: «дитя, рожденное отъ француза въ иностранной землѣ, есть французъ».

[2] См. *Westlake*, P. 18. § 18 — *Foelix*, I, P. 53, NN 27—30. «... En règle générale, l'enfant fait partie de la nation à laquelle appartient son père, s'il est né en légitime mariage, ou de la nation de sa mère, si celle-ci n'est pas mariée, à moins que, dans la même hypothèse, l'enfant ait été reconnu par le père appartenant à une autre nation, au quel cas il fait partie de la nation du père: en effet, la voix du père, même naturel, doit être prépondérante» etc. — *Phillimore*, I, Chapt. XVIII, pp. 345, 346 etc. — Ср. *Vattel*, Droit des

Digitized by Google

Бракъ сообщаетъ подданство женѣ въ большинствѣ государствъ; но Англія (до закона 1870 года) и здѣсь составляетъ исключеніе, согласно территоріальному началу своего законодательства: англичанка, вышедшая за мужъ, никогда не теряетъ своей національности; но въ то-же время иностранка, вступившая въ бракъ съ великобританскимъ подданнымъ, дѣлается англичанкою. Въ нѣкоторыхъ южно-американскихъ государствахъ бракъ иностранца съ мѣстною гражданкою даетъ мужу право подданства [1].

---

gens I; §§ 212, 213. — *Westlake*, pp. 10, 11 etc. — «To this day, not only are all persons born within the United Kingdom ipso facto entitled to all the civil privileges conferred by the british character, but our law holds that they cannot divest themselves of that character by any act of theirs». — Территоріальный принципъ, столь ярко выступающій въ англійскомъ законодательствѣ, объясняется исторически феодальнымъ вліяніемъ. Изъ исторіи англійскаго права извѣстно, что лишь при Эдуардѣ III-мъ (25 Edw. 3, St. 2) разрѣшенъ былъ въ утвердительномъ смыслѣ вопросъ: можетъ ли наслѣдовать корону сынъ короля, родившійся за границей? — Отсюда выведено было правило, что всѣ вообще дѣти, рожденныя отъ англійскихъ подданныхъ внѣ предѣловъ королевства, имѣютъ наслѣдственную правоспособность. — Во Франціи феодализмъ уступилъ во многомъ элементу римскому, такъ-что и въ этомъ отношеніи наполеоновскій сводъ представляетъ собою примиреніе (компромиссъ) между обоими началами. Въ самомъ дѣлѣ, если статья 9-я (Livre 1-er, titre 1-er, De la jouissance et de la privation des droits civils) близка, по духу своему, съ постановленіями англійскаго законодательства о пріобрѣтеніи подданства посредствомъ рожденія въ предѣлахъ территоріи, за-то ст. 10-я напоминаетъ римское правило, что «законный сынъ свободнаго гражданина слѣдуетъ состоянію своего отца», гдѣ бы онъ ни родился. Извѣстенъ также законъ 12 февраля 1851 г. во Франціи, по силѣ котораго дитя, родившееся во Франціи отъ иностранца, который также рожденъ въ территоріи этой страны, считается французскимъ подданнымъ, если только имъ не заявлено въ теченіе года по достиженіи совершеннолѣтія о волѣ своей остаться иностранцемъ. Ср. *Tripier*, Les codes français. — Относительно незаконныхъ дѣтей, рожденныхъ отъ англичанокъ за границею, Уэстлэкъ замѣчаетъ, что и здѣсь дѣйствуетъ начало территоріальное, и дитя не имѣетъ правъ британскаго подданнаго: «In the United Kingdom, as it is only by statute that any born without the realm have been admitted to the benefit of allegiance, the illegitimate children of british mothers born abroad must be excluded, for no statute exists which can be construed in their favour». (P. 19. § 18).

[1] Ср. *Foelix*, II, pp. 493, 494. — *Calvo*, Livr. VIII, §§ 307 — 335. — *Bluntschli* Das M. V.-R. NN 365, 366. — *Heffter*, § 59.

Digitized by Google

Обратимся теперь къ натурализаціи, или принятію подданства. Натурализація представляется актомъ свободнаго соглашенія между правительствомъ государства и частнымъ лицемъ, оставившимъ свою родину. Слѣдовательно, въ большинствѣ случаевъ, принятіе подданства предполагаетъ эмиграцію или переселеніе. Государственныя и юридическія науки давно уже признаютъ, въ теоріи, право эмиграціи. На практикѣ, право это также осуществляется въ громадныхъ размѣрахъ. (Даже писатели реакціонной школы, какъ Галлеръ, не отвергали jus emigrationis). Отсюда: всякое независимое государство властно признать, при извѣстныхъ условіяхъ и требованіяхъ своего законодательства, натурализацію или принятіе въ подданство иностранца. При этомъ родина того, кто оставилъ ее, теряетъ относительно эмигрировавшаго прежнія права свои. (При извѣстныхъ условіяхъ и обстоятельствахъ, права эти могутъ однако-же быть возстановлены). Одна Англія держалась, до послѣдняго времени, территоріальнаго, исключительнаго принципа и въ настоящемъ вопросѣ. Объявляя неразрывную связь свою съ природными подданными, Англія крайне затрудняла натурализацію иностранцевъ. Но послѣ 1870 г. сдѣланы уступки въ томъ и другомъ отношеніи: a) англійскій уроженецъ можетъ сдѣлаться подданнымъ другого государства; b) иностранецъ, доказавшій 5-лѣтнее пребываніе или службу свою въ Англіи, принимается въ великобританское подданство. Послѣдствія такого акта очень широки: предоставлена полная правоспособность — не только гражданская, но и политическая (jus honorum).

Сѣверо-американскіе штаты долгое время держались преданій, завѣщанныхъ англійскимъ законодательствомъ. Но удержать территоріальный принципъ странѣ, могущество которой во многомъ зависитъ отъ эмиграцій, оказалось невозможнымъ. Суды американскіе установили мало-по-малу доктрину, вполнѣ

Digitized by Google

благопріятную для свободы переселенія и натурализаціи въ республику. Иностранецъ, имѣющій намѣреніе принять гражданство сѣверо-американскихъ штатовъ, заявляетъ о томъ на судѣ подъ присягою. Чрезъ два года послѣ такого акта, онъ можетъ требовать окончательной натурализаціи. Въ 1868 г. сѣверо-американскіе штаты заключили съ Пруссіею договоръ, по которому подданный сѣверо-германскаго союза, пріобрѣвшій права американскаго гражданина и прожившій 5 лѣтъ въ территоріи республики, освобождается отъ всякихъ связей съ бывшею своею родиною. Уничтожается обязательность военной повинности, кромѣ того случая, если эмиграція сопряжена была съ умышленнымъ уклоненіемъ отъ несенія этой повинности на родинѣ. Законодательства южно-американскихъ государствъ весьма либеральны въ отношеніи натурализаціи; здѣсь все какъ-бы разсчитано на наибольшее привлеченіе эмигрантовъ. — Въ Австріи, подданство сообщается отправленіемъ нѣкоторыхъ должностей. — Во Франціи, по закону 1867 года, опредѣлены такія условія: возрастъ — 21 г., 3-лѣтнее пребываніе во Франціи съ разрѣшенія властей; но для окончательной натурализаціи нуженъ декретъ главы государства, по особому докладу министра юстиціи, съ заключенія государственнаго совѣта (3-лѣтній срокъ понижается до 1 года въ случаѣ какой-либо важной услуги правительству, обществу, наукамъ etc.). — Въ Россіи натурализація допускается на основаніи правилъ, въ законахъ о состояніяхъ изложенныхъ. Требуется присяга на вѣрность. Существуютъ особыя соглашенія съ нѣкоторыми государствами (съ сосѣдн. Австр. и Прусс.). См. ст. о принятіи подданства въ отдѣл. Св. Зак. «объ иностранцахъ». Подданство принятое можетъ быть оставлено[1].

---

[1] См. in extenso весьма обстоятельное изложеніе у *Кальво*, L. VIII, §§ 314, 315 etc. *Bluntschli*, pp. 211—217. *Halleck*, Ch. XXIX. — *Westlake*, § 20. — *Foelix*, I, NN 34—55. — *Heffter*, U. S. (§ 59 a).

Digitized by Google

Кромѣ иностранцевъ, принявшихъ подданство, могутъ быть еще такіе, которые только владѣютъ недвижимымъ имуществомъ въ территоріи извѣстнаго государства (sujets mixtes). Ясно, что они лишь въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ подчиняются законамъ подданства, т. е. на-столько, на-сколько послѣднее вытекаетъ изъ принадлежащихъ имъ правъ недвижимой собственности. — Въ настоящее время законодательства стремятся достигнуть бо̀льшей опредѣленности въ этомъ, когда-то запутанномъ, вопросѣ: не допускается смѣшаннаго подданства, но требуется выборъ какого-либо одного государства.

Характеръ подданства въ международномъ правѣ опредѣляется слѣдующими признаками: 1) государство защищаетъ своихъ подданныхъ за границею, вслучаѣ оскорбленій, отказа въ правосудіи и прч. (Jus protectionis civilis, jus representationis omnimodo); 2) государство имѣетъ право вызывать своихъ подданныхъ изъ-за границы (jus avocandi). Но нѣтъ права требовать въ такихъ случаяхъ содѣйствія иностраннаго правительства. 3) Подданный связанъ съ законами и юрисдикціею своего отечества даже за границей (Ограниченія statuta personalia etc. см. выше). 4) Подданный извѣстнаго государства не можетъ вызывать иностранное вмѣшательство въ отношенія свои къ національному правительству. — Иностранцы, временно-пребывающіе въ государствѣ: 1) подчиняются дѣйствію конституціи, администраціи мѣстныхъ законовъ и полиціи. Подсудны уголовной юрисдикціи, съ исключеніемъ по началу внѣ-земельности; могутъ быть высланы (droit de renvoi). 2) Не платятъ личныхъ налоговъ, не несутъ военной повинности. Но 3) обязаны уплачивать непрямые налоги, и несутъ повинности реальныя по недвижимымъ имуществамъ, имъ за границею принадлежащимъ, акцизные сборы, крѣпостныя, гербовыя пошлины etc. 4) Политическія права (почетные титулы etc.) иностранца только уважаются ex comitate juris gentium, но государственнаго и

Digitized by Google

юридическаго значенія въ чужой территоріи они не имѣютъ; исключеніе — для уполномоченныхъ. Иностранецъ можетъ во всякое время оставить чужое государство. Прежнія стѣсненія въ видѣ droit d'aubaine, особыхъ пошлинъ за вывозъ имущества etc. или отмѣнены, или подлежатъ скорому исключенію изъ тѣхъ кодексовъ, гдѣ они еще задержались [1].

О ПРАВѢ ПОСОЛЬСТВА И О СВЯЗАННЫХЪ СЪ НИМЪ УЧРЕЖДЕНІЯХЪ.

§ 25. Право посольства, jus legationis, есть одинъ изъ существенныхъ аттрибутовъ самостоятельности государствъ. Отсюда явилось учрежденіе такихъ лицъ, которыя представляютъ — подъ различными наименованіями и съ различными титулами — государства, охраняютъ ихъ интересы, поддерживаютъ дружбу между державами и прч. Важность посольскаго права не сомнѣнна: еще Бенкерсгукъ сказалъ, что нѣтъ сколько-нибудь цивилизованнаго народа, который не уважалъ бы посольскаго права; даже у дикарей есть инстинктивное чувство уваженія къ посламъ. Въ настоящее время, въ западной Европѣ выработалась новая система посольскаго права, совершенно отличная отъ системы древнихъ легатовъ и средневѣковыхъ папскихъ нунціевъ. Посольское право, получившее свое начало съ XV вѣка, развилось только во 2-й половинѣ XVII ст., послѣ вестфальскаго мира, и тогда вполнѣ выработалось учрежденіе дипломатическаго корпуса — corps diplomatique [2].

[1] Ср. *Bluntschli*, NN 375—393. *Heffter*, §§ 60—62.

[2] Литература этого предмета весьма обширна; она перечислена у Гефтера (во всѣхъ его изданіяхъ, также и въ изданіи 1867 г.); то-же мы находимъ и въ другихъ сочиненіяхъ по международному праву; спеціально же разобрана новая монографическая литература посольскаго права Молемъ въ сочиненіи, на которое мы многократно ссылались въ предыдущемъ изложеніи. См. *Robert von Mohl*, Gesch. und Litteratur der Staatswissenschaften, I, SS. 404—408.—Здѣсь мы приведемъ слѣдующія главныя пособія: *Albericus Gentilis*, De legationibus libri tres; *Grotius*, Lib. II, Cap. XVIII, De legationum jure; *Wickefort*, De

Digitized by Google

Общія основанія посольскаго права могутъ быть выражены рядомъ такихъ положеній: I) посылать дипломатическихъ агентовъ различныхъ категорій имѣютъ право — и при томъ такое, которое называется jus perfectum — государства самостоятельныя и иногда полусамостоятельныя. Но на практикѣ II) никакое государство не обязано непремѣнно пользоваться этимъ правомъ — jus legationis, такъ-что послѣднее чаще всего можетъ оказаться на практикѣ — jus imperfectum. Можно только сказать, что въ настоящее время и обычай, и comitas juris gentium установили систему постоянныхъ посольствъ, на которую смотрятъ, какъ на доказательство желанія государствъ поддерживать мирныя международныя сношенія. — III) Отозваніе пословъ и упраздненіе посольскаго мѣста разсматривается, слѣдовательно, какъ нежеланіе оставаться въ международной дружбѣ, если тѣ государства, которыя упразднили посольства свои, во 1-хъ, имѣютъ серьезные международные интересы и, во 2-хъ, на-столько богаты, что для нихъ не составляетъ особенной тягости содержаніе постоянныхъ посольствъ. Тѣ-же государства, которыя не имѣютъ такихъ международныхъ интересовъ или которыя очень ничтожны, обыкновенно не посылаютъ своихъ пословъ, и на это никто не станетъ смотрѣть, какъ на нежеланіе поддерживать международную дружбу.

Второй вопросъ, могущій здѣсь возникнуть, касается посольскаго права для полусамостоятельныхъ государствъ. Конечно, вопросъ о томъ, имѣютъ ли они посольское право и въ какой степени, въ какомъ размѣрѣ, — рѣшается конституціею государ-

---

legato (перев. по франц. Барбейракомъ), 1681; 1746 г. посл. изд. (Ambassadeur et ses fonctions). — *Bynkershoek*, De foro competente legatorum (помѣщ. въ Quæstiones juris publici). *Vattel*, L. IV, Chap. 5—9; *Miruss*, Das europ. Gesandtschaftsrecht, 1847; *Merlin*, Répert. ministre public; *Comte de Garden*, Traité de diplomatie etc. 1833; *Martens*, Manuel diplomatique etc. 1822. — Нѣкоторыя другія сочиненія будутъ указаны далѣе.

Digitized by Google

ства и тѣми трактатами, которые ставятъ одно государство въ протекторальную или вассальную и федеральную зависимость отъ другого. Сѣверо-американская конституція безусловно отнимаетъ jus legationis у отдѣльныхъ штатовъ; швейцарская конституція 1815 и даже 1848 г. не вполнѣ отнимаетъ у кантоновъ право сношенія съ другими кантонами и съ иностранными государствами. Отдѣльные кантоны по конституціи 1848 г. лишены оффиціальнаго права посольства лишь по дѣламъ, касающимся цѣлой федераціи; но по хозяйственнымъ и полицейскимъ дѣламъ, по вопросамъ, вытекающимъ изъ сосѣдскихъ отношеній, каждый кантонъ имѣетъ самостоятельное право сношеній, подъ условіемъ, чтобы послѣднія никакимъ образомъ не вредили интересамъ союза и отдѣльныхъ кантоновъ, а также не противорѣчили законамъ государства. — Акты 1815, 1820, 1866 гг. не отнимаютъ jus legationis у отдѣльныхъ членовъ германской федераціи. Нельзя сказать, что̀ будетъ дальше въ этомъ отношеніи въ Германіи, хотя съ большою вѣроятностью можно думать, что, при сильномъ скученіи Германіи и при перевѣсѣ значенія Пруссіи, этотъ вопросъ будетъ рѣшенъ въ пользу и въ интересахъ послѣдней[1]. — Что касается до Молдаво-Валахіи и дунайскихъ княжествъ, то онѣ также имѣютъ съ 1774 г. jus legationis, но — въ тѣсныхъ и опредѣленныхъ размѣрахъ; Молдаво-Валахія при вѣнскомъ и константинопольскомъ дворахъ имѣетъ своихъ chargés d'affaires (повѣренныхъ въ дѣлахъ — низшая категорія дипломатическихъ агентовъ); но константинопольскій дворъ разсматриваетъ ихъ ниже, чѣмъ chargés d'affaires остальныхъ государствъ. — На дняхъ, почти на-канунѣ визита императора австрійскаго въ Россію, вѣнское правительство согласилось принять дипломатическаго агента отъ сербскаго кня-

[1] *Bluntschli*, Das M. V.-R. № 160.—*Heffter*, § 200.—*Phillimore*, II, Chapt. II, §§ 114—242.—*Calvo*, Liv. X. pp. 556—584.—*Halleck*, Chapt. VIII, pp. 182—199.

Digitized by Google

за Милана.—Третій вопросъ, который можетъ быть поставленъ въ ряду нашихъ положеній, есть вопросъ о томъ: кто въ государствѣ посылаетъ дипломатическихъ агентовъ и принимаетъ ихъ? Этотъ вопросъ рѣшается конституціею государствъ: иначе въ монархіи, чѣмъ въ республикѣ,—иначе въ республикѣ простой, чѣмъ въ федеральной. Въ монархіи это право принадлежитъ тому, кто, на основаніи фундаментальныхъ законовъ, имѣетъ власть. Относительно республикъ здѣсь могутъ быть различія. По общему правилу, исполнительная власть посылаетъ пословъ; но, по конституціи напр. с.-америк. республикъ, президентъ обязанъ заручиться предварительно мнѣніемъ $^2/_3$ состава сената; принимать же пословъ съ ихъ кредитивами можетъ президентъ, не ожидая и не требуя мнѣнія $^2/_3$ членовъ сената.

Что касается до нѣкоторыхъ видовъ дипломатическихъ агентовъ, напр. chargés d'affaires, или простыхъ повѣренныхъ, то посылка ихъ происходитъ, въ монархіяхъ даже, по распоряженіямъ министровъ иностранныхъ дѣлъ. Иногда право посылать агентовъ предоставляется, какъ это бываетъ въ Остъ-Индіи, Австраліи и въ голландскихъ колоніяхъ, вице-королямъ и даже генералъ-губернаторамъ и правителямъ провинцій; но на это надо смотрѣть, какъ на непрямую делегацію со стороны тѣхъ лицъ, которыя имѣютъ исключительно право осуществлять jus legationis[1].—Къ кому же должны посылаться дипломатическіе

[1] *Delegatus non potest delegare*—вотъ правило, которое рѣшаетъ всѣ частные случаи. Слѣдовательно, лица, уполномоченныя отъ министровъ, не могутъ считаться дипломатическими агентами sensu stricto. Даже Г. Гроцій, получившій свое полномочіе отъ канцлера Оксенштирна, былъ принятъ во Франціи не какъ агентъ канцлера, но какъ представитель Швеціи.—Право регентовъ, во время малолѣтства государя, посылать посланниковъ не подлежитъ сомнѣнію. Ср. *Vattel*, l. IV, c. IV. 42.—Практика, по которой предоставляется jus legationis вице-королямъ, правителямъ провинцій и проч., ведетъ свое начало изстари. Уже въ XVI стол. насчитывается много примѣровъ. Ср. *Merlin*, Ministre public.—Смотр. также *Bynkershoek* (De foro competente legatorum). Q. J. P. L. II, C. III, гдѣ голландскій юристъ говоритъ о jus legationis у торговыхъ компаній Нидерландовъ, Франціи и Англіи.

Digitized by Google

агенты? Въ странѣ, куда аккредитованы послы, можетъ начаться гражданская война, революція; возлѣ правительства, имѣющаго титулы исторической законности, можетъ возникнуть правительство узурпаторовъ и т. п. Какъ быть въ этихъ случаяхъ?—По строгой теоріи международнаго права, слѣдовало бы сейчасъ-же отозвать посланниковъ изъ того государства, гдѣ разгорѣлась гражданская война; но опытъ нѣсколькихъ вѣковъ показалъ другую, болѣе цѣлесообразную политику: держаться нейтралитета, выжидать — кому достанется власть: новому ли правительству, или прежнему, и сохранять тѣхъ агентовъ, которые были при прежнемъ правительствѣ.

Пятый вопросъ мы можемъ поставить о томъ: имѣетъ ли право одно государство отказать въ принятіи дипломатическихъ агентовъ другому государству? Здѣсь отвѣтъ долженъ быть положительный. По крайней-мѣрѣ практика такова, что многія государства часто отказываются отъ принятія иностранныхъ дипломатическихъ агентовъ. Тутъ можетъ быть много причинъ, не исключая личнаго характера агента. Отказъ отъ принятія дипломат. агентовъ не есть ни оскорбленіе, ни тѣмъ менѣе поводъ къ войнѣ — casus belli. Въ исторіи международныхъ сношеній были весьма часты подобные примѣры: французское правительство отказалось однажды принять папскаго легата, такъ-какъ стремленія папской власти никакъ не ладили со свободою галликанской церкви, установившейся окончательно при Людовикѣ XIV. Даже республиканское правительство сѣверо-американскихъ штатовъ не принимаетъ такихъ дипломатическихъ агентовъ, которые состоятъ въ подданствѣ штатовъ. Недавно — въ 1870 или 1871 году—сѣверо-американское правительство отказалось принять министра-резидента отъ республики Гондурасъ, потому-что агентъ этотъ былъ подданнымъ Соединенныхъ штатовъ. По той-же причинѣ, въ 1868 г., вашингтонскимъ кабинетомъ было отказано въ принятіи китайскаго министра-резидента. Франція издавна — еще съ XVIII,

Digitized by Google

XVII и даже съ XVI стол. — держится, по замѣчанію Бенкерсгука, Мерлена и Декальера, того-же правила. Швейцарія высказала то-же самое. Германская конфедерація подтвердила это начало. По-видимому, здѣсь согласна современная практика всѣхъ государствъ, хотя самое правило не было еще высказано формально Россіею, Испаніею и Италіею. Гдѣ, по исключенію, допускаютъ принятіе дипломатическихъ агентовъ, хотя и своихъ подданныхъ, тамъ ставится непремѣннымъ условіемъ, что такіе дипломаты остаются подвластными территоріальной юрисдикціи въ нѣкоторыхъ личныхъ и имущественныхъ правахъ. Слѣдовательно, тогда само собою вытекаетъ ограниченіе привилегій относительно подсудности и внѣземельности [1].

Что касается до разрядовъ дипломатическихъ агентовъ, то вопросъ этотъ потерялъ теперь свою прежнюю практическую важность. Многіе публицисты, какъ наприм. Геффтеръ, высказываютъ, что въ принципѣ нѣтъ различія между классами дипломатическихъ агентовъ. Но придворный церемоніалъ и кое-какія формальности, въ международной практикѣ, личныя права и преимущества агентовъ, — все это даетъ еще нѣкоторое основаніе говорить о классахъ дипломатическихъ агентовъ. — Опираясь на актъ 1815 г. ахенскаго конгресса и на дополненія его въ 1818 году, можно признать слѣдующіе 4 разряда: 1) послы — les ambassadeurs, папскіе легаты и нунціи; 2) чрезвычайные посланники и полномочные министры — les ministres plénipotentiaires; 3) министры-резиденты — ministres résidents, которые установлены по акту 1818 г. — Одна статья этого акта говоритъ: для избѣжанія

[1] *Филлиморъ* (II. P. 150) замѣчаетъ по этому вопросу слѣдующее: «One very good reason for refusing such a diplomatic agent, is the expediency o avoiding the very difficult question which may arise from a possible conflict between his privileges, as a foreign ambassador, with his present and former obligations contracted as a subject; for it will be seen, that a class of these privileges is founded upon fact, that the bearer of them is not a subject of the country in which he is residing as an ambassador».

Digitized by Google

непріязненныхъ споровъ между правительствами, пять державъ постановляютъ, что министры-резиденты будутъ составлять особый классъ, посредствующій между двумя первыми, съ одной стороны, и chargés d'affaires — съ другой, и 4) chargés d'affaires — повѣренные по дѣламъ государства.

Какія же отличія, хотя-бы и чисто-церемоніальныя, внѣшнія, принадлежатъ этимъ категоріямъ?[1]. Послы (les ambassadeurs), папскіе легаты a latere et de latere и нунціи преимущественно считаются представителями не только интересовъ и дѣлъ, но и самой личности своихъ государей: ils sont revêtus du caractère représentatif par excellence, т. е. они облечены въ усиленной степени представительнымъ характеромъ. Идея такого представительства, возникшая и имѣвшая возможность возникнуть только въ монархіяхъ и при взаимныхъ сношеніяхъ единоличныхъ, самодержавныхъ правительствъ, была однакоже усвоена и приложена на практикѣ республиками. Отсюда обычай, что дипломатическіе агенты перваго разряда могутъ быть посылаемы лишь государствами, имѣющими право на королевскія почести (honneurs royaux), будутъ ли такія государства устройства монархическаго или республиканскаго. Но и другіе дипломаты, наприм. чрезвычайные посланники 2-го разряда, также имѣютъ представительный характеръ повѣреннаго по дѣлу, слѣдовательно, вышеприведенное замѣчаніе, собственно говоря, не исчерпываетъ трудно-проводимаго различія между 1-мъ и 2-мъ разрядами. Гораздо важнѣе здѣсь то, что, при встрѣчахъ и различнаго рода церемоніалахъ, посламъ 1-го разряда воздаютъ почти такія-же почести, какъ-бы самимъ ихъ государямъ[2]. — Иногда

[1] См. по-русски объ этомъ предметѣ статью *Каченовскаго* «Агенты дипломатическіе», въ Энциклопедическомъ словарѣ.

[2] См. *Merlin* (Répert. Ministre public. S. 1): «Nous disons que, dans un tel ministre, la représentation est presque parfaite, car elle ne l'est pas absolument: quels que soient les honneurs qu'on rend à un ambassadeur, ils n'égalent jamais et nulle part ceux qu'on rendrait à un souverain en personne; et c'est l'em-

Digitized by Google

послы 1-го разряда отправляются къ иностраннымъ дворамъ только въ особыхъ, торжественныхъ случаяхъ; многія государства, какъ напр. Пруссія, избѣгаютъ назначать агентовъ этого разряда. За-тѣмъ въ небольшихъ и среднихъ государствахъ, заботящихся объ экономіи, принято за правило посылать *общихъ посланниковъ*. — И такъ, нужно согласиться съ Кальво и нѣкоторыми другими, что дипломатическіе агенты 2-го разряда имѣютъ почти тѣ-же аттрибуты, какъ и агенты 1-го разряда, и что отличіе между ними (очень тонкое) остается лишь въ іерархическомъ отношеніи, по титулу и церемоніалу[1]. — За-то съ формальной стороны существуетъ великое различіе между первыми двумя категоріями и между третьею и четвертою: chargés d'affaires и аккредитуюся, и принимаются не государями, а министрами иностранныхъ дѣлъ. Министры-резиденты, хотя кредитуются при государяхъ, тѣмъ не менѣе только ведутъ дѣла пославшаго ихъ правителя той или другой державы. — При послахъ бываетъ свита, въ составѣ которой нужно считать секретарей и всю канцелярію. Прежде въ свиту пословъ входили особые духовники, врачи и другія лица; но теперешняя практика избѣгаетъ этого. Но, кажется, на практикѣ до сихъ поръ удержались посольскія аптеки. Кромѣ канцеляріи, есть еще такъ называемые attachés, т. е. attachés d'ambassade — причисленные

---

barras de l'étiquette, à l'égard d'un souverain se trouvant en pays étranger, qui a fait imaginer l'incognito» etc.

[1] Ср. *Phillimore*, II, P. 220, § 221: «These different orders of ministers.... can only be distinguished by the ceremonial honours accorded to them... For if, upon this principle of distinction, it were asked why the ambassador enjoyed greater honours than the envoy, it must be answered, because the former belongs to the first, and the latter to the second class; and if it were asked why the former belonged to the first, and the latter to the second class, it must be answered, because the former is an ambassador and the latter an envoy». См. *Heffter*, § 208.—*Calvó*, § 441: «A nos yeux, les agents des deux premières classes sont éxactement sur la même ligne au point de vue du caractère comme à celui des attributions» etc.

Digitized by Google

къ посольству — изъ молодыхъ людей, которые ищутъ себѣ карьеры и знакомятся съ практикою дипломатіи. Объ архиваріусахъ, драгоманахъ и т. п. лицахъ скажемъ только, что драгоманы бываютъ на востокѣ, гдѣ даже самымъ образованнымъ людямъ при посольствѣ не возможно знать всѣхъ нарѣчій.

Документы, необходимые для начала и узаконенія миссіи дипломатическихъ агентовъ, слѣдующіе: 1) вѣрительная или кредитивная грамата — lettre de créance; это — актъ, на которомъ основывается представительный характеръ того или другого дипломатическаго агента. Кредитивы подписываются государями и контрасигнируются министрами[1]. Lettres de créance такой формы даются дипломатическимъ агентамъ первыхъ 3-хъ разрядовъ, а chargés d'affaires получаютъ кредитивы отъ министра иностранныхъ дѣлъ. Обыкновенно эти акты даются въ двухъ экземплярахъ. Папскіе кредитивы называются буллами. 2) Посланникамъ выдается еще общее или частное полномочіе (le plein pouvoir), въ которомъ опредѣляется предметъ и объемъ ихъ власти для текущихъ или довѣренныхъ имъ дѣлъ. Если дипломатическіе агенты посылаются для заключенія какихъ-либо трактатовъ, то полномочіе называется патентомъ — lettre patente; на основаніи патента, дипломатическіе агенты заключаютъ международные договоры, но подъ условіемъ ратификаціи со стороны ихъ правительства. 3) Составляются также инструкціи, которыя въ большинствѣ случаевъ бываютъ тайными, и тѣ прави-

[1] Кредитивъ имѣетъ важное значеніе какъ въ международномъ, такъ и въ юридическомъ смыслѣ: съ момента выдачи кредитива, получаетъ извѣстное лицо всѣ права и привилегіи дипломатическаго агента.—Практикуется еще извѣщеніе (нотификація) министра иностранныхъ дѣлъ чужеземнаго государства объ назначеніи и отправленіи посла или посланника. Со времени этого оффиціальнаго извѣщенія считается старшинство и установляются разряды дипломатическихъ агентовъ. См. протоколъ 19 марта 1815 г., статья IV. «Les employés diplomatiques prendront rang entre eux dans chaque classe d'après la date de la notification officielle de leur arrivée».

Digitized by Google

тельства, куда аккредитованы дипломатическіе агенты (съ подобными инструкціями), не имѣютъ права требовать предъявленія ихъ. Наконецъ, 4) къ документамъ, выдаваемымъ для пословъ, относится еще sauf-conduit — охранная, опасная грамата. Sauf-conduit особенно нужны въ случаѣ войны. Прежде они требовались съ величайшею строгостью; и были примѣры, что посланники, не запасшись ими, попадали въ плѣнъ, какъ это случилось съ маркизомъ Бельвилемъ — посланникомъ Людовика XIV.

Что касается прекращенія дипломатической миссіи, то здѣсь обычай установилъ цѣлый рядъ правилъ, которыя однакоже, по замѣчанію нѣкоторыхъ публицистовъ, не возвышаются до значенія и достоинства законовъ[1]. Здѣсь нужно обращать вниманіе на продолжительность, на цѣль и характеръ самой миссіи. При срочныхъ миссіяхъ, прекращеніе ихъ опредѣляется наступленіемъ извѣстнаго времени. Въ случаѣ миссій чрезвычайныхъ (по одному какому-либо дѣлу), выполненіе того, что̀ было поручено, влечетъ за собою, ipso jure, конецъ посольства. — Постоянныя посольства прекращаются вслѣдствіе особаго акта — отозванія дипломатическаго агента посредствомъ отзывнаго письма (lettre de rappel), которымъ уничтожаются сила и значеніе кредитива. Отозваніе можетъ быть или по волѣ аккредитовавшаго правительства, или же по требованію государственной власти той державы, гдѣ дипломатическій агентъ былъ аккредитованъ. — Едва-ли можно сказать (какъ дѣлаетъ это Филлиморъ), будто смерть или отреченіе отъ престола государей державъ, посылающихъ отъ себя дипломатическихъ агентовъ, *непремѣнно* влечетъ за собою прекращеніе силы посольскихъ кредитивовъ. Но за-то въ большинствѣ случаевъ практикуется выдача новыхъ кредитивовъ къ наслѣднику престола, если умретъ государь страны, принявшей посланника. При революціонномъ переворотѣ въ государствѣ, гдѣ дипломатическій агентъ аккреди-

[1] См. *Филлиморъ*, II. стр. 230, § 234.

Digitized by Google

тованъ, утверждается прежній кредитивъ, если уполномоченіе было дано не при лицѣ государя, а при правительствѣ. Въ случаѣ оскорбленій, послы могутъ требовать паспортовъ для выѣзда и объявлять оконченною свою миссію. Съ другой стороны, возможно врученіе паспортовъ отъ того правительства, гдѣ посолъ былъ аккредитованъ.—Возведеніе дипломатическаго агента въ новый рангъ обыкновенно влечетъ за собою перемѣну кредитива. — При отозваніи посла или посланника, дается нерѣдко торжественная аудіенція, гдѣ отзываемый сообщаетъ lettre de rappel (отзывное письмо), и гдѣ онъ получаетъ отъ иностраннаго правителя документъ, называемый lettre de récréance.

Права и прерогативы пословъ въ странахъ, гдѣ они аккредитованы, вытекаютъ изъ того представительнаго значенія, которое они имѣютъ. Въ-силу этого значенія и солидарности дипломатическихъ агентовъ съ своими правительствами, ихъ личныя права, права чести, суть права тѣхъ государствъ, откуда они аккредитованы. Отсюда правило или даже принципъ дипломатической неприкосновенности. Не только древніе образованные римляне и греки, но даже дикари признавали этотъ принципъ: и у нихъ герольды неприкосновенны. Правительства, къ которымъ аккредитуются послы, должны строго наблюдать, чтобы права и достоинства послѣднихъ были соблюдаемы въ предѣлахъ ихъ территорій, и всякое покушеніе на личныя права дипломатическихъ агентовъ предупреждается и карается съ большою строгостью. Во всѣхъ кодексахъ [1], преступленія такого рода относятся къ государственнымъ. Начало неприкосновенности, de l'inviolabilité, раздѣляется семьею, движимостью посольскихъ отелей, экипажами и свитою дипломатическихъ агентовъ. Однако теперь не можетъ быть и рѣчи о правѣ убѣжища — jus asylii, которымъ прежде пользовались послы, и противъ котораго такъ сильно воз-

[1] Между многими другими, смотр. 25 art. de Code pénal, 29 ст. прусск. кодекса и 139 ст. саксонск. кодекса.

Digitized by Google

ставалъ Бенкерстукъ въ своемъ сочиненіи о посланникахъ. Но до сихъ поръ еще осталась franchise de l'hôtel, т. е. неподсудность самого дома посланниковъ. Это значитъ, что домъ, гдѣ живетъ какой-либо дипломатическій агентъ, не подлежитъ полицейскимъ мѣрамъ, и для обыска въ него нельзя войдти безъ разрѣшенія самого посланника — хозяина дома. Неприкосновенность посланниковъ заключается между прочимъ еще въ томъ, что они имѣютъ неограниченную свободу вести переписку съ своимъ правительствомъ. Но практика не всегда держалась на высотѣ теоріи: всѣмъ хорошо извѣстенъ черный кабинетъ при Людовикѣ XIV во Франціи, когда нисколько не стѣснялись тайною перепиской. За-тѣмъ выше было указано (въ исторіи вестфальскаго конгресса) перехватываніе курьеровъ съ депешами.

Права неприкосновенности и свободы переписки не даютъ однако дипломатическимъ агентамъ права злоупотреблять ими. — Теперь уже нельзя бить мирныхъ гражданъ, буйствовать въ тавернахъ и т. п., что было такъ часто прежде. Ясно, что самосудъ никакъ не можетъ быть позволенъ дипломатическимъ агентамъ. Въ настоящее время посланники не имѣютъ ни уголовной, ни гражданской юрисдикціи, которая сохранилась у нихъ только въ нѣкоторыхъ странахъ востока. — Въ разрядѣ правъ, которыми надѣлены дипломатическіе агенты, нужно поставить внѣземельность, или неподсудность ихъ властямъ и судамъ той страны, гдѣ они аккредитованы. Таково правило и относительно уголовной подсудности; оно примѣняется безусловно. Если какой-нибудь дипломатическій агентъ приметъ участіе въ заговорѣ противъ властей, то правительство, гдѣ агентъ аккредитованъ, высылаетъ его изъ предѣловъ страны для суда надъ нимъ передъ отечественною его юрисдикціею. — Что касается до гражданской подсудности, то здѣсь внѣземельность подлежитъ ограниченіямъ. Практика и теорія установили правило, по которому дипломатическіе агенты не могутъ пріобрѣтать недвижимаго имущества

Digitized by Google

съ привилегіями экстерриторіальности и неподсудности въ томъ государствѣ, гдѣ они аккредитованы; но посольства имѣютъ свои дома, и каждый посланникъ пользуется имъ, съ изъятіемъ отъ подсудности мѣстной юрисдикціи, какъ имуществомъ юридическаго лица — посольства [1]. Значитъ, сдѣлки и договоры, касающіеся недвижимыхъ и движимыхъ имуществъ, и связанные съ ними гражданскіе иски возможны для посланника. И дѣйствительно, почему дипломатическому агенту не имѣть взысканія по неисправному взносу ренты арендаторомъ его земли, или по векселю на подданнаго той страны, гдѣ онъ аккредитованъ? А если такъ, то въ данномъ случаѣ посланникъ можетъ и долженъ подчиниться порядку судопроизводства, переходу изъ одной инстанціи въ другую и приговору суда гражданскаго или даже коммерческаго, который разбиралъ искъ по неоплаченному век-

[1] Вообще изъятія и иммунитеты не распространяются на частную собственность дипломатическаго агента, которая принадлежитъ ему независимо отъ предмета, цѣлей и интересовъ его миссіи, согласно общему правилу, высказанному еще Бенкеркукомъ: «Omnia legatorum privilegia, quibus utuntur ex tacito gentium consensu, non alio fine comparata sunt, *quam ut tuto, sine remora, sine impedimento cujusquam officio suo fungantur*» etc. — Слѣдовательно, недвижимыя и даже движимыя имущества дипломатическаго агента, какъ и всякаго частнаго лица изъ иностранцевъ, могутъ подвергаться описямъ и продажѣ по взысканіямъ за долги согласно общимъ правиламъ мѣстнаго судопроизводства. Соблюдаются только нѣкоторыя смягченія и фикціи, по обычаю, установленному ex comitate juris gentium, для того, чтобы возможно болѣе сохранять уваженіе къ независимости и достоинству представителей дружественныхъ государствъ. (Les actions — гов. Кальво, p. 663. 664 — sont censées se poursuivre par défaut»). Въ случаѣ сомнѣнія о принадлежности вещи къ посольскому дому, или же самому посланнику, съ давнихъ поръ практикуется предположеніе о существованіи принадлежности перваго рода (т. е. миссіи, а не лицу агента), какъ высказалъ это между прочимъ Бенкеркукъ: «Fortasse æquius melius erit, quia *in causa dubia... pro legato solemus respondere*» etc. (De for. leg. Cap. XVI). Извѣстно, какую роль игралъ голландскій юристъ, какъ судья и писатель, въ установленіи того правила, что «дипломатическій агентъ, вступившій въ торговыя и промышленныя предпріятія въ странѣ, гдѣ онъ аккредитованъ, подлежитъ гражданской отвѣтственности на общемъ основаніи, со всѣми другими кредиторами».

Digitized by Google

селю. — За-тѣмъ, въ ученіи о посольскомъ правѣ, Бенкерсгукомъ былъ поднятъ вопросъ: могутъ ли дипломатическіе агенты отказываться отъ своихъ правъ неприкосновенности и внѣземельности? Но отвѣтъ самого-же Бенкерсгука отрицательный: нѣтъ, не могутъ, потому что эти права принадлежатъ дипломатическому агенту, какъ юридическому лицу и представителю государства [1].

Консульства.

§ 26. Консульство есть одно изъ самыхъ древнихъ и важныхъ учрежденій въ системѣ международнаго права. Литература этого предмета изложена подробно Робертомъ фонъ-Молемъ; въ Россіи тоже было нѣсколько сочиненій: такъ, въ 1807 — 1812 г. французъ Борель издалъ въ Петербургѣ — «О происхожденіи и обязанностяхъ консульствъ»; въ Москвѣ, Наумовъ написалъ диссертацію — «Консульское право въ Европѣ и Америкѣ», 1856 г., а болѣе новое и весьма обстоятельное сочиненіе — «О консулахъ и консульской юрисдикціи на востокѣ», 1873 г., принадлежитъ петербургскому проф. Мартенсу [2].

Происхожденіе консуловъ относится не къ Риму и Греціи, но къ среднимъ вѣкамъ, когда они были выборными и частными торговыми судьями съ обширною юрисдикціею. Одинъ вестготф-

---

[1] De F. L. Cap. XXIII. «Legatus an jurisdictionem prorogare et fori privilegio renunciare possit?... Ego vero, quidquid earum rerum sit, non ausim dicere, legatum, inconsulto principe, juri suo renunciare posse.... *Magis igitur haec privilegia pertinent ad causam Principis, quam ipsius legati* etc.

[2] У *Роберта ф. Моля* литература изложена въ 1-мъ томѣ подъ рубрикою: «Diplomatische Agenten», T. 1-й, стр. 408 — 418. См. въ-особенности работы: *Miltitz*, Manuel des Consuls etc. 1837 — 1839 г. — *Neumann*, Handbuch des Consulatswesens etc. 1854. *König*, Preussens Consular-Reglement etc. 1854. — *Ribeiro dos Santos et Castillo Barreto*, Traité du consulat, 1839. — *Quehl*, Das preussische und deutsche Consulatwesen im Zusammenhange mit der inneren und äusseren Politik, 1865. — *Genevois*, Histoire de la juridiction consulaire, 1866. — Ср. *Heffter*, §§ 244, 245 etc. — *Halleck*, Chap. X. — *Bluntschli*, Das M. V.-R. NN 244 — 272. *Calvo*, §§ 471 etc. *De Clercq et Vallat*, Guide pratique des Consulats, 3-ème éd. Paris. 1868, и мн. др.

Digitized by Google

скій законъ VIII ст. высказываетъ такое правило, что «всѣ торговые люди ведутъ сами по личнымъ законамъ дѣла о своихъ спорахъ, и въ разборъ этихъ дѣлъ не мѣшаются наши судьи». Это въ духѣ, во 1-хъ, германской системы личныхъ правъ и, во 2-хъ, средневѣковой эпохи; такъ-какъ тогда не было ни административной, ни судебной, ни законодательной централизаціи. Различные цехи пользовались большею или меньшею автономіею, купцы входили въ составъ городовъ, которые были надѣлены муниципальными правами, гдѣ состояла на первомъ планѣ собственная юрисдикція. Вотъ почему является афоризмъ: гдѣ три купца, тамъ одинъ изъ нихъ можетъ быть консуломъ. Въ институтѣ консульства оказалась еще большая потребность, когда европейскіе купцы перешли за предѣлы Европы и основали свои факторіи на дальнемъ востокѣ. Здѣсь, на востокѣ, въ византійской имперіи давно уже были различныя учрежденія по торговымъ дѣламъ, и судьи назначались отъ правительства. Когда начались крестовые походы, когда, по особымъ причинамъ, въ торговомъ движеніи приняли усиленное участіе итальянскіе города; тогда возникли капитуляціи или конвенціи между европейскими правительствами, съ одной стороны, и азіатскими правительствами — съ другой; въ капитуляціи включались и постановленія касательно консульской юрисдикціи. Государства, основанныя крестоносцами, не могли игнорировать этого учрежденія, и подтвердили въ своемъ законодательствѣ о торговыхъ судахъ тѣ-же правила, которыя были имъ извѣстны въ феодальной Европѣ [1].

---

[1] Консульскіе спеціально-коммерческіе суды возникаютъ отъ X до XIII столѣтія въ городахъ южной Европы, на берегахъ Средиземнаго моря и Адріатики. Ср. вышеуказанное сочиненіе петербургскаго профессора *Мартенса*, стр. 53 etc., гдѣ можно найдти, во всей полнотѣ, подробности по исторіи консуловъ, особенно на востокѣ. — У *Филлимора* (1-е изд., II, стр. 235—239) и у *Гефштера* (въ началѣ отдѣла о консулахъ) помѣщены сжатые историческіе очерки. — У Филлимора приведены различныя названія средневѣковыхъ консуловъ: Governors,

Digitized by Google

Такъ, въ нѣкоторыхъ хартіяхъ говорится о необходимости консуловъ и повторяется афоризмъ: гдѣ 3 купца, тамъ 1 можетъ быть консуломъ. Іерусалимскіе ассизы подтверждаютъ консульскій институтъ и даютъ ему надлежащее устройство. Но не только въ бассейнѣ Средиземнаго моря распространились консульскіе суды; они были и на сѣверѣ Европы, въ тѣхъ далекихъ Балтійскомъ и Нѣмецкомъ моряхъ, которыя были менѣе доступны для торговаго движенія средневѣковой эпохи. Ганзѣ съ ея могущественною организаціею очень пригодились консульскіе суды, тѣмъ болѣе, что они близко подходили къ ея собственнымъ учрежденіямъ: ганзейскіе альдермены, адъюнкты, conservatores— въ сущности были консулами. Компетенція консульскихъ судовъ, распространившихся въ XII и XIII ст., была очень обширна, захватывая, какъ сказано уже, и торговую и гражданскую юрисдикцію. Если припомнить, что постоянныя посольства явились не ранѣе XV стол. и утвердились окончательно не ранѣе XVII стол., то можно убѣдиться, что въ Азіи и Африкѣ консульства должны были замѣнять постоянныя дипломатическія миссіи.

Но такое положеніе дѣлъ не могло удержаться долго: уже въ XVI стол. произошли событія, которыя должны были измѣнить средневѣковой институтъ консуловъ. Европейскіе короли покончили свои разсчеты съ феодализмомъ; появились централизованныя и сильныя государства; политическое объединеніе національностей пошло рука объ руку съ административнымъ объединеніемъ, а слѣдовательно и судебная юрисдикція не могла оставаться въ прежнемъ видѣ. — Консульская власть, въ средневѣковомъ ея объемѣ, не могла поладить съ административнымъ объединеніемъ ново-европейскаго государства. И общимъ стремленіемъ коро-

---

Protectors, Anciens, Aldermen, Syndics, Jurats, Prévosts, Capitouls, Echevins. Во Франціи извѣстны названія: Consuls de mer, Consuls-conservateurs, Consuls d'outre mer etc.

Digitized by Google

левской политики было подчинить иностранную торговлю и купцовъ мѣстнымъ судамъ. Это доказывается учрежденіемъ консульскихъ судовъ на иныхъ началахъ, какъ спеціально-торговой инстанціи во Франціи въ XVI столѣт.—Учрежденіе постоянныхъ посольствъ послѣ вестфальскаго мира имѣло своимъ послѣдствіемъ еще большее ограниченіе компетентности и вліянія консуловъ, у которыхъ осталось главнымъ образомъ торговое вѣдомство; кромѣ того имъ была предоставлена, въ видѣ исключенія, юрисдикція надъ своими соотечественниками. Но на востокѣ организація консульскаго института сохранила свой прежній характеръ.

Каково же современное устройство этого учрежденія? Каковы обязанности и права консуловъ въ Европѣ, Америкѣ и на востокѣ? Ни одинъ консулъ въ Европѣ и Америкѣ не можетъ быть назначенъ безъ выдачи ему особаго патента: Lettre de provision по-французски, или Commission по-англійски. Кромѣ патента, нуженъ еще другой актъ — утвержденіе консула тѣмъ правительствомъ, въ страну котораго онъ аккредитуется,—такъ называемый exequatur, который дается съ соблюденіемъ извѣстныхъ правилъ. Въ Бельгіи, для выдачи экзекватуры нуженъ личный указъ короля; въ Англіи этотъ указъ тоже исходитъ отъ королевы, но контрасигнируется министромъ иностранныхъ дѣлъ. За-тѣмъ, въ нѣкоторыхъ государствахъ экзекватурою считается простое увѣдомленіе отъ правительства, назначившаго консула, къ правительству страны, куда онъ аккредитуется. Но каковы бы ни были формальности, безъ exequatur нѣтъ консула, хотя-бы извѣстное лице и надѣлено было патентомъ. — Ясно, что правительства, властныя принимать или непринимать пословъ, властны принимать или непринимать консуловъ, дать или недать извѣстному консулу экзекватуръ, или, давъ его, взять назадъ. Случаи отказовъ отъ принятія консуловъ весьма часты, и при томъ даже въ конституціонныхъ и республикан-

Digitized by Google

скихъ государствахъ. Такъ, недавно англійское правительство отказало въ exequatur американскому консулу Гаггерти (Haggerty), родомъ ирландцу, за участіе его въ предпріятіяхъ феніевъ.

Консуловъ подраздѣляютъ на нѣсколько классовъ, или категорій: 1) генеральные консулы, 2) консулы, 3) вице-консулы и 4) консульскіе или торговые агенты. Генеральные консулы назначаются и пребываютъ въ важныхъ торговыхъ пунктахъ; вѣдомству ихъ подчинены нѣсколько другихъ городовъ. Впрочемъ, разряды консуловъ не отличаются другъ отъ друга съ особенною ясностью и точностью[1]. Многія правительства назначаютъ прямо простыхъ консуловъ, а никогда не назначаютъ ни генеральныхъ, ни вицеконсуловъ. — Въ Англіи генеральный консулъ имѣетъ важное и серьезное значеніе: онъ назначаетъ вице-консуловъ, съ утвержденіемъ министра внутреннихъ дѣлъ. За-то въ нѣкоторыхъ другихъ государствахъ прямо высказывается, что различіе между разрядами консуловъ есть чисто внѣшнее. — Всѣ консулы имѣютъ свои канцеляріи, особую печать, выставляютъ флаги съ гербомъ своего правительства, хранятъ архивы и непосредственно сносятся съ министромъ иностранныхъ дѣлъ того правительства, которое ихъ назначило.

Обязанности консуловъ заключаются въ слѣдующемъ: 1) они сообщаютъ своему правительству свѣдѣнія о торговомъ, экономическомъ и финансовомъ положеніи того государства, куда они назначены; консуламъ даются нерѣдко особыя порученія политическаго характера, хотя ихъ дѣйствія и сообщенія по такимъ порученіямъ существенно отличаются, по значенію и по вліянію своему на междугосударственныя отношенія, отъ дѣйствій и сообщеній пословъ, посланниковъ и резидентовъ[2]; 2) консулы,

[1] *Bluntschli*, N 271.

[2] См. главу X-ю Устава для россійскихъ консуловъ въ Европѣ и Америкѣ. §§ 88—94.

Digitized by Google

далѣе, должны наблюдать за точнымъ исполненіемъ торговыхъ и навигаціонныхъ трактатовъ; 3) обязаны ходатайствовать предъ подлежащими судами тѣхъ странъ, гдѣ они живутъ, по дѣламъ торговымъ и навигаціоннымъ въ случаѣ нарушенія правъ ихъ соотечественниковъ; 4) обязаны вѣдать паспорты подданныхъ своего правительства, вести иматрикуляцію въ спискахъ и дѣлать визы (visà), т. е. отмѣтки о предъявленіи паспортовъ, при чемъ взимается извѣстный сборъ. Многія государства не принимаютъ иностранцевъ, если на паспортахъ ихъ нѣтъ консульской визировки; Франція въ 1860-хъ г. особенно строго держалась этого правила; 5) на обязанности консуловъ лежатъ содѣйствіе и подача помощи своимъ соотечественникамъ[1]; 6) консуламъ подлежитъ посредническій разборъ по спорамъ между отечественными шкиперами, мореходцами и купцами[2]. Наконецъ,

---

[1] Сравн. герман. законъ 1867 г. ст. 25 (Allgem. Dienst-Instruction, S. 29). Въ уставѣ для россійскихъ консуловъ (Глава 1-я, § 2-й) мы читаемъ: «Онъ (консулъ) по долгу службы есть, по крайней-мѣрѣ, временный опекунъ и попечитель малолѣтнихъ дѣтей и вдовъ россійскихъ подданныхъ, умершихъ въ его округѣ, и заступаетъ мѣсто повѣреннаго ихъ отсутствующихъ наслѣдниковъ».— Ср. *Bluntschli*, L. C. N 254 (von den Consuln), а также NN 255, 256, 257, 264 — объ охраненіи наслѣдствъ, движимыхъ имуществъ, о ходатайствѣ передъ мѣстными судами, о протестахъ, жалобахъ и о пособіи недостаточнымъ соотечественникамъ для возвращенія ихъ на родину, о мѣропріятіяхъ при кораблекрушеніи и проч. Ср. также (*Kent*'s Commentaries, I, pp. 42—43) законы сѣвероамер. штатовъ по этому предмету.—Въ Англіи, смотр. инструкціи государственнаго секретаря по иностр. дѣламъ, 1846-го, а именно: Sect. 7. Advice and assistance to be given to British subjects.—Очень-важны также обязанности консула въ отношеніи отечественныхъ судовъ и ихъ экипажа. Ср. Уст. для росс. конс. §§ 20—46. Весьма-полныя указанія на рѣшеніе этого вопроса въ иностранныхъ уставахъ сдѣланы въ монографіи петербург. проф. *Мартенса* (стр. 570 и пр.).

[2] См. Уст. для росс. консуловъ, §§ 99—106.—Ср. *Bluntschli*, § 253.—О разборахъ дѣлъ не на посредническихъ правахъ, тамъ-же, 259.—Kent (L. C.) говоритъ: «The consular convention between France and this country, in 1778, allowed Consuls to exercise police over all vessels of their respective nation, within the interior of the vessels, and to exercise a species of civil jurisdiction» etc. — Весьма-важна роль консуловъ въ случаяхъ бѣгства матросовъ съ военныхъ и купеческихъ судовъ подъ отечественнымъ флагомъ. См. Уст. Р. К.

Digitized by Google

7) у нихъ—jurisdictio voluntaria, т. е. они могутъ и обязаны принимать къ удостовѣренію и утвержденію своею скрѣпою и печатью консульства различные гражданскіе акты, наприм. завѣщанія. «Юрисдикція эта» — замѣчаетъ Броше[1], — «имѣетъ въ большинствѣ случаевъ одну только цѣль: констатировать фактъ или заявленіе воли и сообщить какому-либо акту законную и доказательную силу» (une certaine force probante). Консулы принимаютъ мѣры къ описи наслѣдствъ, оставшихся послѣ ихъ соотечественниковъ; они же составляютъ описи корабельныхъ имуществъ въ случаяхъ крушенія. По нашему русскому уставу для консуловъ, отъ послѣднихъ зависитъ разрѣшеніе договора бодмереи, или займа подъ закладъ самого судна, товаровъ или груза (§ 68). Консулы выслушиваютъ, подъ присягою, мнѣнія экспертовъ при осмотрѣ или оцѣнкѣ аварій.—Консулъ, далѣе, обязанъ наблюдать, по русскому уставу, за продажею и покупкою судовъ (§§ 57, 58).

Но на востокѣ (включая сюда Турцію, Египетъ, Японію, Китай, Персію, Сіамъ, владѣнія имама маскатскаго и др.) консуламъ принадлежитъ, сверхъ дѣлъ исполнительнаго, полицейскаго, торговаго и нотаріальнаго вѣдомства, уголовная юрисдикція; кромѣ того, самые разнообразные гражданскіе иски и споры разрѣшаются консулами, какъ первою инстанціею. Нѣкоторые трактаты между европейскими и азіатскими правительствами установляютъ апелляціонную инстанцію для консульскихъ судовъ на европейскомъ материкѣ или въ колоніяхъ. Такъ, для Сіама, Японіи и Китая французскій апелляціонный судъ находится въ Пондишери по силѣ закона 8 іюля 1852 г.—Объемъ и степень карательной власти консуловъ на востокѣ опредѣляются длиннымъ рядомъ трактатовъ, или, какъ называются они съ XVI стол., ка-

---

§§ 34—39, 82, пунктъ 1-й. — Ср. *Bluntschli*, § 261. — *Heffter*, § 247.—*Calvo*, § 491 etc.—*Halleck*, Ch. X, § 16.

[1] L. C. Chap. XI.—Ср. Уст. Р. К. §§ 16—19.

Digitized by Google

питуляцій, если начать счетъ этихъ соглашеній отъ 1149 года, т. е. отъ договора пизанцевъ съ арабскимъ королемъ Валенсіи. По тѣмъ источникамъ, которые имѣетъ въ своемъ распоряженіи современная наука и которыми съ такою полнотою и добросовѣстностью воспользовался авторъ русской монографіи «О консулахъ на востокѣ», видно, что главная роль въ заключеніи капитуляцій принадлежала итальянскимъ республикамъ и Франціи почти до послѣднихъ годовъ прошедшаго и до начала настоящаго столѣтія [1]. По примѣру Франциска I, заключившаго съ Солиманомъ Великимъ знаменитую капитуляцію 1535 г., обнаружили мало-по-малу стремленія къ той-же цѣли прочія государства христіанской Европы. Австрія, Англія, Голландія и Россія, имѣя въ виду статьи капитуляцій 1535 г. и другихъ до 1740 г., вступали, при каждомъ удобномъ случаѣ, въ переговоры съ Оттоманскою портою по вопросу о гарантіяхъ для своихъ подданныхъ въ турецкихъ владѣніяхъ. Такъ, между прочимъ, заключенъ былъ Россіею и Турціею, знаменитый въ исторіи торговаго и консульскаго права, трактатъ 1783 года.—Черезъ всѣ капитуляціи проходитъ одна и та-же идея о полномъ выдѣленіи христіанъ-иноземцевъ изъ подсудности и подвѣдомственности мѣстнымъ (мусульманскимъ) учрежденіямъ и властямъ; другими словами, всѣ договоры эти стоятъ на началѣ полной внѣземельности относительно юрисдикціи и административной власти консуловъ. — Контрагенты, вступившіе въ 1-й половинѣ XIX вѣка въ международныя соглашенія съ Турціею по данному предмету— т. е. Сардинія, сѣверо-американскіе штаты, Бельгія, Греція и ганзейскіе города — не только закрѣпили старинныя льготы и иммунитеты; но съумѣли расширить ихъ, гдѣ только было это возможно. — Въ подробномъ разборѣ этихъ договоровъ въ книгѣ петербургскаго профессора Ф. Мартенса (стр. 271) можно про-

[1] См. *Ф. Мартенса* вышеприведенное изслѣдованіе, 1873, стр. 114—262.

Digitized by Google

честь слѣдующую любопытную замѣтку о статьяхъ трактата сѣверо-американскихъ штатовъ съ портою 1830 года: «граждане Соединенныхъ штатовъ — говоритъ ст. 4-я этого акта — мирно занимающіеся торговлею, и не обвиняемые и не обличенные въ какомъ-либо преступленіи или проступкѣ, не должны быть никакимъ образомъ притѣсняемы. Если даже они совершили какой-либо проступокъ (délit), мѣстныя власти не имѣютъ права арестовать ихъ или заключать въ тюрьму, *ибо они должны быть судимы ихъ посланникомъ или консуломъ и наказываемы согласно винѣ*». Въ послѣднихъ словахъ выражается коренное положеніе или принципъ, изъ котораго, дѣйствительно, можно заключить, что «если даже потерпѣвшимъ отъ преступленія лицомъ оказывается турецкій подданный, и тогда обвиненный гражданинъ Соединенныхъ штатовъ все-таки подсуденъ только своему консулу или посланнику». — Даже тѣ договоры, которыми отмѣнялись нѣкоторыя статьи капитуляцій (о сборахъ и пошлинахъ, т. е. трактаты 1838 г. Англіи и Франціи, а также трактатъ 1846 г. Россіи съ Оттоманскою портою),—и такіе договоры подтверждали «права, преимущества и льготы» консуловъ; наконецъ, ровно черезъ 6 лѣтъ послѣ парижскаго трактата, въ 1862 году, снова подтверждено было Россіею и Турціею древнее начало внѣземельности консульской юрисдикціи на востокѣ.

Въ связи съ вышеуказанными международными актами, въ нѣкоторыхъ европейскихъ государствахъ издавались законы и правительственныя распоряженія, закрѣпившія конституціонною санкціею права, преимущества и подсудность христіанскихъ консуловъ на востокѣ. Мы разумѣемъ здѣсь англійскій статутъ 1843 г. (6, 7 Vict. c. 94) и приказы тайнаго королевскаго совѣта (orders in Council) о гражданской и уголовной юрисдикціи британскихъ консуловъ въ Левантѣ[1], отъ 1844-го до 1864 года.

[1] См. *Phillimore*, II ed. 1855. § 277. — *Kent* (Abdy's edit.), pp. 150 — 154 — *Ф. Мартенсъ*, стр. 305 — 312.

Digitized by Google

По смыслу этихъ позднѣйшихъ законоположеній и административныхъ распоряженій (особенно приказа совѣта 1864), организація консульскихъ учрежденій Великобританіи въ Турціи представляетъ собою слѣдующія главныя черты: I) юрисдикція консуловъ, какъ и всѣхъ другихъ трибуналовъ въ королевствѣ, должна быть отправляема согласно дѣйствующимъ англійскимъ законамъ (Statute law), обычаямъ и правиламъ справедливости (the rules of equity and Common law). II) Въ Константинополѣ или въ какомъ-либо другомъ мѣстѣ Оттоманскихъ владѣній учреждается верховный консульскій судъ, подъ предсѣдательствомъ судьи, съ присоединеніемъ особаго секретаря (one Law-Secretary) и другихъ лицъ (officers and clercs) въ такомъ количествѣ, какое будетъ признано цѣлесообразнымъ по усмотрѣнію высшей администраціи великобританскаго королевства (as shall seem good to one of Her Majesty's Secretaries of state). III) Для занятія должности предсѣдателя В. К. суда (на которой можетъ, но не долженъ быть, по одному своему званію, генеральный консулъ той мѣстности, гдѣ судъ находится) требуются слѣдующія условія: подданство (англійское), профессіональное образованіе (7-лѣтнее пребываніе въ составѣ адвокатскаго сословія Великобританіи), а также особое утвержденіе со стороны правительства. IV) Обязанности секретаря весьма сложны и серіёзны: онъ отправляетъ должность вице-консула; онъ есть регистраторъ суда (registrar of the court); онъ выполняетъ прокурорскія обязанности подъ руководствомъ судьи-предсѣдателя (to prosecute in criminal matters under the direction of the judge) и рѣшаетъ дѣла гражданскія по искамъ извѣстной цѣнности, съ-вѣдома и полномочія предсѣдателя. V) Въ дополненіе къ главному или центральному консульскому суду, учреждаются трибуналы провинціальные, подъ предсѣдательствомъ генеральныхъ консуловъ, консуловъ и вице-консуловъ, съ допущеніемъ въ составъ суда

Digitized by Google

извѣстнаго числа ассесоровъ, съ приложеніемъ къ разбору дѣла англійскаго способа жюри или присяжныхъ. (Опредѣлены условія, цензъ и проч. для составленія жюри изъ 5 человѣкъ, рѣшающихъ дѣла). VI) По гражданскимъ дѣламъ, консульскимъ судамъ предписывается, по возможности, роль посредниковъ-примирителей (to facilitate the amicable settlement of suits and refer, if necessary, suits or proceedings to arbitration)[1]. Здѣсь-же вѣдаются банкротскія и брачныя дѣла (matrimonial and bankruptcy causes). Провинціальные суды находятся въ апелляціонной зависимости отъ суда центральнаго по искамъ цѣностію отъ 50 фунт. стерл. и выше. VII) Въ уголовныхъ дѣлахъ, юрисдикціи консульскихъ судовъ подлежатъ всѣ преступленія британскихъ подданныхъ, въ округѣ этихъ трибуналовъ совершонныя. При этомъ, важныя преступленія (capital crimes) судятся не иначе, какъ въ верховномъ консульскомъ судѣ; но приговоры въ случаѣ осужденій на-смерть не приводятся въ исполненіе прежде утвержденія ихъ высшимъ правительствомъ, которому представляются они черезъ одного изъ государственныхъ секретарей королевы[2].—Таковы главныя черты организаціи консульскихъ судовъ по одному изъ позднѣйшихъ законоположеній Англіи. Въ 1865 году, Order in Council 30 ноября 1864 былъ приведенъ въ исполненіе, и мѣстомъ центральной консульской юрисдикціи для турецкой имперіи избранъ Константинополь, гдѣ существуетъ теперь «верховный консульскій судъ для владѣній высокой порты Оттоманской» (Her Britannic Majesty's Supreme Consular Court for the dominions of the Sublime Ottoman Porte).—На однородныхъ началахъ и въ одно и то-же время, построена консульская юрисдикція въ Китаѣ съ

---

[1] Ср. *Kent*, Abdy's edit. p. 153.

[2] A report... to be sent to one of Her Majesty's Secretaries of state, for his direction as to the punishment actually to be imposed. См. *Kent*, Abdy's edit. p. 154.

Digitized by Google

центральнымъ судомъ въ Шанхаѣ, а также въ Японіи и даже во владѣніяхъ занзибарскаго султана[1].

Еще въ 1843 году, Англія заключила съ Китаемъ договоръ, которымъ было вновь подтверждено начало внѣземельности консульской юрисдикціи, согласно духу и содержанію всѣхъ капитуляцій на востокѣ[2]. Въ томъ-же году, изданъ былъ законъ (Statute at large), гдѣ особенно-ясно высказанъ взглядъ великобританскаго правительства на объемъ и степень юрисдикціи англійскихъ властей въ земляхъ востока. Права короны, пріобрѣтенныя въ силу капитуляцій и договоровъ, также крѣпки, по выраженію статута королевы Викторіи, какъ будто бы они были пріобрѣтены посредствомъ завоеванія или перешли по наслѣдству.

Французская система не представляетъ собою такого единства, какое видѣли мы въ англійскомъ устройствѣ консульской юрисдикціи на востокѣ, по силѣ законоположеній и приказовъ отъ 1843 до 1864—65 года[3]. Напротивъ, не рѣдко обнаруживаются разнообразіе и противорѣчія, во многихъ существенныхъ пунктахъ, въ однородныхъ, по назначенію своему, учрежденіяхъ.

Во 1-хъ, самые законы, на которыхъ построена организація французскихъ консульскихъ судовъ на востокѣ, относятся къ двумъ

[1] Взаимныя отношенія этихъ судовъ и порядокъ судопроизводства не могутъ быть помѣщены въ предѣлахъ принятой здѣсь сжатой программы. Подробное и очень ясное изложеніе этихъ предметовъ сдѣлано по-русски петербургскимъ профессоромъ Мартенсомъ (См. моногр. «О консулахъ» и проч.).

[2] Ср. *Calvo*, § 498.—*Phillimore*, II, § 277.

[3] См. для подробностей монографію петерб. профессора Ф. *Мартенса*, гдѣ обстоятельное изложеніе опирается на богатую литературу источниковъ и пособій, а именно: Ordonnance de la marine;—*Dalloz*, Jusispr. générale, t. XII;—*De Clercq et Vallat*, Guide pratique des Consulat. Paris. 1868 (3-e édit.);—*Genevois* (См. цитату о литературѣ); — *Merlin*, Répért. III;—*Laget de Podio*, De la juridiction des Consuls de France à l'étranger. Paris. 1826;—*Devoulx*, Les Archives du Consulat de France à Alger, 1865;—*Féraud-Giraud*, De la juridiction française dans les échelles du Levant; — *Lachaud*, Juridiction des consuls de France;—Reports respecting the Consular services of Foreign Countries. London. 1872.—Филлиморъ, Кальво, Геффтеръ, Кентъ и друг. не даютъ по этому вопросу никакого матеріала.

Digitized by Google

отдѣльнымъ періодамъ, разчлененнымъ между собою революціею. Юрисдикція по гражданскимъ и торговымъ дѣламъ въ консульствахъ Леванта происходитъ отчасти на основаніи законовъ, изданныхъ при Людовикѣ XVI (1778 и 1781 г.), — законовъ, имѣющихъ историческую связь съ болѣе древними памятниками положительнаго права во Франціи (Ordonn. sur la marine, 1681) и не отмѣненныхъ во многихъ отношеніяхъ самыми позднѣйшими законами 1833 года. Но уголовная юрисдикція консуловъ опредѣляется по закону новаго періода, а именно: изданному 1836 года для Леванта и Варварійскихъ владѣній, но имѣющему силу на всемъ востокѣ. — Во 2-хъ, организація консульскихъ судовъ (по гражданскимъ торговымъ дѣламъ, съ одной стороны, и по дѣламъ уголовнымъ — съ другой) разнятся между собою въ коренныхъ чертахъ устройства: въ гражданскихъ и торговыхъ судахъ консуловъ задержались (хотя въ ослабленномъ и значительно-измѣненномъ видѣ) начало коллегіальное и выборное; дѣла рѣшаются консуломъ-предсѣдателемъ вмѣстѣ съ двумя засѣдателями (старинное французское соединеніе Juge-Consul съ извѣстнымъ числомъ именитыхъ и выборныхъ представителей французской корпораціи или націи, Les notables de la nation). Въ уголовной юрисдикціи есть дѣла (Contraventions de police), которыя разсматриваются и рѣшаются консуломъ единолично; но если дѣла болѣе серіёзныя (délits и crimes, не влекущія за собою наказаній тяжкихъ или позорныхъ — peines afflictives et diffamantes) и рѣшаются консуломъ съ участіемъ двухъ членовъ суда, за-то члены эти назначаются самимъ консуломъ. Ясно, что, при подобномъ условіи, едва-ли можетъ быть рѣчь о серіёзномъ примѣненіи начала коллегіальнаго.

Примѣчаніе. Изъ всего сказаннаго вытекаетъ коренное различіе между французскою и англійскою системами въ томъ существенномъ пунктѣ, что послѣдняя (англійская система) допускаетъ судъ присяжныхъ, а первая (французская система) отвергаетъ эту форму суда на востокѣ. Кто здѣсь правъ и кто вино-

Digitized by Google

вать — есть дѣло личнаго мнѣнія, а подробное разсмотрѣніе взглядовъ сторонниковъ и противниковъ суда присяжныхъ на востокѣ выходитъ за предѣлы сжатаго изложенія общихъ очертаній предмета.

Въ 3-хъ, французская система не представляетъ ничего подобнаго центральному консульскому суду для англійскихъ подданныхъ въ предѣлахъ Оттоманской имперіи. Напротивъ, въ Константинополѣ, со времени закона 1842 года, учреждено консульское разбирательство, совмѣстное для гражданскихъ и уголовныхъ дѣлъ, тогда-какъ въ другихъ мѣстностяхъ востока вѣдѣніе гражданскихъ и уголовныхъ дѣлъ на консульскихъ судахъ спеціализируется у различныхъ лицъ (для гражданскихъ дѣлъ засѣдатели выборные, по законамъ 1781 и 1833 г., а для уголовныхъ дѣлъ они назначаются самимъ консуломъ, по закону 1836 года). Мало этого: консульская юрисдикція въ Константинополѣ отправляется единолично [почетнымъ консуломъ, состоящимъ въ качествѣ секретаря посольства, но можетъ быть назначено и другое лицо отъ французскаго правительства]. Сомнительно: достигаетъ ли здѣсь цѣли сосредоточеніе всей консульской юрисдикціи въ рукахъ одного чиновника, который, сверхъ судейскихъ своихъ занятій, можетъ имѣть много дѣлъ какъ секретарь посольства въ одномъ изъ важнѣйшихъ дипломатическихъ пунктовъ на востокѣ? — Можетъ статься, лучшій отвѣтъ на вопросъ о цѣлесообразности устройства юрисдикціи французскихъ консуловъ въ Константинополѣ дало само-же французское правительство, организовавъ, въ 1863 году, на иной ладъ однородное учрежденіе въ Александріи: здѣсь, въ помощь консулу, назначается особый консулъ-судья (Consul Juge), который или самостоятельно разбираетъ всѣ дѣла (при отсутствіи, по законнымъ причинамъ, консула), или же присутствуетъ вмѣстѣ съ нимъ въ качествѣ перваго засѣдателя. Къ такому составу присоединяется еще одинъ засѣдатель изъ нотаблей (почетныхъ французскихъ подданныхъ). — И такъ, во

Digitized by Google

французской системѣ мы видимъ, что, въ однихъ мѣстахъ, подсудность различныхъ дѣлъ (гражданскихъ и уголовныхъ) смѣшивается, въ другихъ обособляется; и здѣсь-же мы видимъ однородное колебаніе съ началомъ коллегіальности. — При консульскихъ судахъ французской системы состоятъ секретари; они же исполняютъ обязанности судебныхъ приставовъ. Апелляціонная зависимость консульскихъ судовъ отъ отечественныхъ, по дѣламъ важнымъ, замѣчается и во французской системѣ; а именно: апелляціонную инстанцію для Оттоманской имперіи и Персіи составляетъ судъ въ Эксѣ (Aix, въ южной Франціи, старинная римская колонія Aquæ Sextiæ, мѣстопребываніе одного изъ важнѣйшихъ провинціальныхъ парламентовъ до революціи 1789 г.).

Такъ-какъ право внѣземельной юрисдикціи Франціи на востокѣ распространяется на Японію, Китай, Сіамъ, маскатскій имаматъ (при чемъ относительно Китая права эти были провозглашены въ трактатахъ 1844 и 1858 г.); то и здѣсь пришлось позаботиться объ организаціи консульскихъ судовъ. Законъ 1836 г. признанъ тою нормою, которою должны руководствоваться французскіе консулы въ Китаѣ, Японіи и въ другихъ мѣстахъ при разборѣ подлежащихъ дѣлъ. — Такое значеніе закона 1836 подтверждалось нѣсколько разъ (1852, 1858, 1862 г.), и права консуловъ были даже расширены въ Китаѣ и Маскатѣ. — Закономъ 1852 года установлены апелляціонныя инстанціи въ Пондишери для Китая, Японіи и Сіама, и на островѣ «Соединенія» (Réunion) для отзывовъ на рѣшенія консуловъ въ территоріи маскатскаго имама[1].

Апелляціонные отзывы на рѣшенія итальянскихъ консуловъ подаются, для мѣстностей Африки за исключеніемъ Египта, въ королевскій судъ Генуи; для Египта тому-же назначенію слу-

[1] О трактатахъ европейскихъ государствъ съ имамомъ маскатскимъ, Японіею и Персіею см. *Calvo*, § 499.

Digitized by Google

жить судъ въ Анконѣ. Таково опредѣленіе закона 1865 года. Почти въ то-же время (1866) вышелъ законъ, организовавшій суды итальянскихъ консуловъ на востокѣ. Подобно французскимъ трибуналамъ, консульскіе суды Италіи состоятъ изъ предсѣдателя-консула и двухъ судей, выбираемыхъ консуломъ изъ мѣстнаго населенія, на правахъ засѣдателей. Различіе отъ французскихъ консульскихъ судовъ (весьма существенное) заключается въ томъ, что выборъ консула можетъ пасть и на иностранцевъ-христіанъ извѣстной мѣстности. Отсюда особенная, чисто-космополитическая физіономія итальянскихъ консульскихъ судовъ, — черта, имѣющая немаловажный интересъ для международнаго права, стремящагося къ достиженію наибольшей близости и взаимности образованныхъ націй. — Въ составѣ итальянскихъ консульскихъ судовъ находятся секретари. Приставовъ нѣтъ: обязанности ихъ исполняютъ сами консулы. Допускаются, по усмотрѣнію консула, адвокаты къ защитѣ; при значительномъ количествѣ дѣлъ, можетъ быть присоединенъ, сверхъ консула, особый судья въ родѣ того Consul-Juge, о которомъ сказано было, когда излагалось устройство французской консульской юрисдикціи въ Александріи.

По французскому типу устроены консульскіе суды Австріи[1]. Въ Испаніи, по закону 1854 г., личный составъ консульскаго суда на востокѣ напоминаетъ трибуналы этого рода по французскому закону 1836 года. Но изслѣдователи вопроса о консульской юрисдикціи совершенно-основательно обращаютъ вниманіе на своеобразныя и вмѣстѣ цѣлесообразныя правила, предусматривающія различные случаи отвода консуловъ, какъ судей[2].

Что касается Германіи и ея консульствъ на востокѣ, то предметъ этотъ опредѣленъ въ законодательномъ порядкѣ въ

---

[1] См. *Neumann* и его сочиненіе, приведенное выше при перечисленіи литературы. У *Ф. Мартенса*, по-русски, стр. 317.

[2] См. Ф. *Мартенсъ*, «Консулы» и пр. стр. 317, 318.

Digitized by Google

1865 и 1867 годахъ. — Юрисдикція осуществляется по началу параллелизма между единоличнымъ и коллегіальнымъ производствомъ: или судитъ въ извѣстныхъ случаяхъ одинъ консулъ, или же дѣла разсматриваются и рѣшаются трибуналами изъ консула-предсѣдателя и двухъ засѣдателей; назначеніе послѣднихъ консуломъ изъ наиболѣе уважаемыхъ германскихъ подданныхъ напоминаетъ французскій законъ. Асессоры или засѣдатели даютъ присягу передъ вступленіемъ въ должность. — При сильномъ вліяніи консуловъ на вопросъ о допущеніи къ защитѣ дѣлъ, существуютъ адвокаты. Консульскіе суды, имѣя положеніе трибуналовъ первой инстанціи, подчинены, во 1-хъ, по мѣстонахожденію своему, посольствамъ, а во 2-хъ — министру юстиціи.

Выше уже было замѣчено о трактатахъ настоящаго столѣтія, гдѣ контрагентами являются сѣверо-американскіе штаты и государства болѣе или менѣе отдаленнаго востока. Между прочимъ въ 1844 году (3-го іюля) заключенъ былъ, при посредствѣ Кёшинга (Cushing), договоръ съ Китаемъ, гдѣ выговорено самое широкое право юрисдикціи для американскихъ консуловъ [1]. Въ 1858 и 1859 годахъ, были удержаны безъ измѣненія разъ установленныя основанія для внѣземельнаго суда американскихъ консуловъ въ предѣлахъ китайской имперіи. — Само собою разумѣется, что тѣ-же начала и цѣли проводятся американцами въ другихъ государствахъ востока (напр. въ Японіи). Наконецъ, устройство консульскихъ судовъ сѣверо-американскихъ штатовъ представляетъ, въ общихъ чертахъ, сходство съ извѣстнымъ

[1] См. *Martens - Murhard*, t. VII, p. 134; Archives diplomatiques 1861, t. 1. p 296. «Art. XXI. Les sujets chinois qui commettront des actes criminels envers les citoyens des Etats-Unis *seront punis seulement par le consul des Etats-Unis* autorisé à cet effet par les lois de son pays, et, afin de prévenir toute controverse et inimitié, il sera fait bonne et équitable justice envers l'une et l'autre justice etc. Ср. у *Ф. Мартенса*, «Консулы» и проч. стр. 319, 356, 357, 420 и слѣд. въ отдѣлѣ судопроизводства консуловъ по дѣламъ гражданскимъ, торговымъ и уголовнымъ.

Digitized by Google

уже типомъ этого важнаго института для международнаго общенія націй [1].

Такимъ оставалось до послѣдняго времени, въ общихъ чертахъ и почти на всѣхъ пунктахъ восточнаго міра, устройство и объемъ консульской юрисдикціи. Что будетъ на цѣломъ востокѣ впереди — сказать трудно. Но еще въ 1856 году проявился симптомъ чего-то новаго въ одномъ мѣстѣ: мы разумѣемъ ловкое предложеніе Али-Паши на парижскомъ конгрессѣ о необходимости пересмотра торговыхъ трактатовъ порты съ другими державами. Въ предложеніи этомъ implicite затронутъ вопросъ о консульской юрисдикціи, которая, однакоже, какъ мы видѣли, развивалась, но не умалилась въ значительной прогрессіи, послѣ парижскаго конгресса, на многихъ пунктахъ востока.—Тѣмъ не менѣе, недавно новый ударъ въ-сторону капитуляцій и древней консульской юрисдикціи направленъ энергическою рукою египетскаго хедива и его министровъ. Въ 1867 году опять послѣдовало предложеніе Нубара-Паши, имѣвшаго въ виду добыть національному правительству, сдѣлавъ необходимѣйшія уступки, въ принципѣ право территоріальной юрисдикціи. Египетскій министръ заявлялъ лишь намѣреніе ограничить чрезмѣрное распространеніе консульской юрисдикціи, привлекающей къ иностранному суду множество туземцевъ, благодаря тому правилу actor sequitur forum rei, которое проводилось во всѣхъ трактатахъ.—Тѣмъ не менѣе назначеніе въ 1867 году во Франціи коммиссіи подъ предсѣдательствомъ одного изъ лучшихъ юристовъ (Duvergier) не привело французское правительство къ такимъ мѣрамъ, которыя были желательны для египетскаго хедива.—По настоянію послѣдняго, въ 1869 году созвана была въ Каирѣ новая международная коммиссія, чтобы изучить на-мѣстѣ и во всѣхъ подробно-

[1] Русскіе консульскіе суды, ихъ устройство и разборъ тѣхъ недостатковъ, которые здѣсь представляются, изложены (стр. 319—325) Г. Ф. *Мартенсомъ*. Будучи стѣснены временемъ и предѣлами программы общаго курса, мы отсылаемъ любознательныхъ къ вышеуказанной монографіи.

Digitized by Google

стяхъ планъ реформъ, предложенныхъ министромъ Нубаръ-Пашою. Франція, Англія, Германія, Австрія, Италія, Россія и сѣверо-америк. штаты имѣли тамъ своихъ представителей.—Въ дебатахъ, которые происходили здѣсь и о которыхъ доходили, лишь по-временамъ, отрывочные слухи до людей, интересовавшихся международными вопросами, доказаны были защитниками плановъ египетскаго паши многія неудобства отъ существующаго порядка консульской юрисдикціи. Сдѣлать это было нетрудно, имѣя подъ рукою матеріалъ изъ каждодневныхъ и постоянныхъ столкновеній между юрисдикціею 17 консульствъ различныхъ національностей. Немаловажнымъ аргументомъ служили указанія на тѣ факты, что въ послѣднее время устроенъ суэзскій каналъ, установилась обширная торговля и дарованы иностранцамъ права на недвижимую собственность въ Египтѣ. Ясно, по словамъ Нубара-Паши и его адвокатовъ, что страна сдѣлала шаги къ культурному усовершенію, что она положила твердыя основанія къ установленію взаимности съ образованными націями Европы, а потому имѣетъ право на возвышеніе территоріальныхъ прерогативъ своихъ по отношенію къ юрисдикціи.—Но доводы эти находили себѣ противниковъ, особенно со стороны Франціи: главнымъ пунктомъ спора была уголовная юрисдикція консуловъ. И только къ концу 1874 года выработанъ былъ проектъ закона о судебной реформѣ въ Египтѣ, который (проектъ) не замедлитъ сдѣлаться предметомъ международныхъ соглашеній[1].—

[1] Въ настоящее время, т. е. въ 1875 году, когда заключены уже конвенціи по этому вопросу, извѣстны общія основанія проекта судебной реформы въ Египтѣ. Учреждаются три суда первой инстанціи—говоритъ проектъ, представленный версальскому національному собранію въ дек. 1874 года—въ Александріи, Каирѣ, Загазигѣ (Zagazig) и одинъ апелляціонный трибуналъ въ Александріи. Личный составъ каждаго суда первой инстанціи изъ 7 членовъ: 4-хъ иностранцевъ и 3-хъ туземцевъ. Апелляціонный судъ состоитъ изъ 11 членовъ, между которыми 4 туземца и 7 иностранцевъ. Президентское званіе можетъ принадлежать de jure только сановнику-иностранцу. Предположено установить такую очередь (roulement) въ составленіи камеръ, при которой (очереди) было

Digitized by Google

Принятіе этого проекта европейскими державами поставитъ на иную почву весь вопросъ о консульской юрисдикціи въ одной изъ наиболѣе значительныхъ мѣстностей востока.

Замѣчательно, что предположено представить на разсмотрѣніе заинтересованныхъ державъ новый египетскій кодексъ, по которому должны будутъ судить трибуналы, установленные согласно проекту, выработанному въ международныхъ коммиссіяхъ по почину хедива и его способныхъ министровъ.

Литература международнаго права до сихъ поръ представляетъ рѣзкія разногласія по одному изъ существеннѣйшихъ вопросовъ относительно консуловъ, а именно — по вопросу о томъ, принадлежитъ ли консуламъ свойство правительственныхъ и въ особенности дипломатическихъ агентовъ или органовъ? Если для Деклерка и Валла (Guide etc.) ясно и несомнѣнно, что консулы суть правительственные и политическіе агенты, то для Твисса (Law of nation, I, § 206) не менѣе ясно и несомнѣнно, что консулы, по общему правилу и съ исключеніемъ для од-

---

бы облегчено присутствіе въ засѣданіяхъ хотя одного судьи той національности, къ которой принадлежитъ подсудимый. Иностранные судьи назначаются въ установленномъ числѣ съ утвержденія подлежащихъ правительствъ. Вѣдомству и подсудности новыхъ трибуналовъ принадлежатъ дѣла гражданскія и торговыя смѣшаннаго характера (affaires mixtes), исключая вопросовъ, касающихся statuta personalia иностранцевъ. Подсудны всѣ дѣла о недвижимой собственности, хотя-бы и между одними иностранцами.—Въ отношеніи уголовныхъ случаевъ, подсудны новымъ трибуналамъ лишь одни полицейскія нарушенія (contravention de simple police); если подсудимый есть иностранецъ, то судьею не можетъ быть египетскій подданный; лишь по исключенію, новые трибуналы вѣдаютъ и рѣшаютъ дѣла о преступленіяхъ и проступкахъ, совершенныхъ какимъ-либо изъ членовъ суда, или же противъ этихъ лицъ, во время исправленія ими своихъ обязанностей, а также при исполненіи судебныхъ рѣшеній и приговоровъ. Составъ присутствія въ такихъ особенныхъ случаяхъ слѣдующій: три судьи (изъ нихъ 2 иностранца) и четыре засѣдателя изъ иностранцевъ (изъ нихъ 2 одной національности съ подсудимымъ).—Въ обыкновенныхъ уголовныхъ ассизахъ, коллегія составляется изъ трехъ сановниковъ (изъ нихъ 2 иностранца). Присяжные (въ числѣ 12) должны быть непремѣнно изъ иностранцевъ, причемъ обязательна половина (т. е. 6) изъ одной національности съ подсудимымъ. Впрочемъ, послѣднему предоставляется выборъ національности присяжныхъ засѣдателей.

Digitized by Google

ного востока, не дипломатическіе, но чисто-торговые агенты. Того-же воззрѣнія держатся почти всѣ прочіе англо-американскіе писатели (Уитонъ, Кентъ[1], Уильдманъ, Филлиморъ—послѣдній, между прочимъ, въ извѣстной консультаціи 3 мая 1860 г. по дѣлу о превышеніи власти англійскимъ консуломъ въ Парагваѣ).

Есть, правда, и среднія мнѣнія, въ которыхъ указывается на соединеніе политическихъ и торговыхъ функцій въ рукахъ консуловъ и на облеченіе ихъ, для извѣстныхъ цѣлей, дипломатическимъ характеромъ, съ тѣмъ, чтобы обосновать такимъ образомъ выводъ, примиряющій элементъ частно-торговый съ элементомъ государственно-дипломатическимъ въ лицѣ консула[2].

Съ нашей личной точки зрѣнія, теорія международнаго права не должна была бы смотрѣть на консуловъ иначе, какъ на правительственныхъ агентовъ, дѣятельность и значеніе которыхъ нельзя сводить къ однимъ торговымъ интересамъ, даже по буквѣ наименѣе полныхъ и удовлетворительныхъ консульскихъ уставовъ Европы и Америки. Конечно, нѣтъ и не можетъ быть тожества между посланниками (употребляя не совсѣмъ точно это выраженіе въ общемъ смыслѣ представителя государства) и консулами. Но нельзя забывать, что послѣдніе являются *представителями и охраните-*

---

[1] Напримѣръ у *Кента* (Abdy's edit. P. 136), мы читаемъ: «Consuls are *commercial* agents appointed to reside in the seaports of foreign countries with a commission to watch over the commercial right and privileges of the nation deputing them».

[2] Ср. *Bluntschli*, Das M. V.-R., № 250: «Die Consuln sind insofern auch politische und diplomatische Agenten, als sie a) beauftragt sind über die Erfüllung der Handels- und anderer Verkehrsverträge zu wachen .. b) als ihnen von ihrer Regierung aufgetragen wird, über die offentlichen Zustände auch des fremden Landes Bericht zu erstatten; c) als sie besondere politische Vollmachten erhalten» etc.—См. *Calvo* §§ 480 и 486, гдѣ приведены мнѣнія Меншa *(Mensch)*, Мозера и Стекка *(Steck)*, причемъ самъ Кальво старается выйдти, но неудачно, изъ затрудненія, отдѣляя консульскія права *личныя* (statut personnel) отъ правъ по должности (qui correspondent à leur emploi etc.), отчего является у южно-американскаго публициста весьма-сложная классификація консуловъ по 4 разрядамъ.

Digitized by Google

лями всѣхъ правъ и интересовъ (со включеніемъ торговли) частныхъ лицъ, членовъ извѣстной націи, за границею. Значитъ, задача консула гораздо шире, въ нее неизбѣжно входитъ политическій и очень часто дипломатическій элементъ,—и здѣсь главная причина, связанная со многими культурными и великими интересами международнаго союза, почему нельзя согласиться съ англо-американскою доктриной.

Кромѣ того, англо-американское ученіе не прилаживается, въ послѣднее время, къ новымъ тенденціямъ законодательствъ и не всегда согласно съ дипломатическою практикою этихъ государствъ. Если оставаться послѣдовательнымъ въ воззрѣніи на консула, какъ на коммерческаго агента, то за-чѣмъ же обнаруживать наклонность къ ограниченію свободы торговыхъ операцій для консула?[1]. Строго говоря, на подобную законодательную политику имѣютъ право лишь тѣ государства, которыя признали, что консулъ sensu stricto есть правительственный органъ для защиты и развитія частныхъ интересовъ въ предѣлахъ международнаго общенія націй. — За-тѣмъ, если, съ одной стороны, налагать арестъ на архивъ и кассу французскаго генеральнаго консула въ Лондонѣ (случай 1860 г.) и подвергать подоходному налогу (income tax) суммы консульскихъ сборовъ и пошлинъ: то за-чѣмъ, съ другой стороны, поднимать дипломатическую ссору изъ-за того, что у англійскаго консула въ Америкѣ отрицали право быть представителемъ великобританскаго правительства?[2]. — Далѣе, подходитъ ли къ вышеуказанной доктринѣ, опирающейся на законодательство и на судебную

[1] Книга *Кента* (Abdy's edition, P. 142, Nota 2) заключаетъ въ себѣ слѣдующее замѣчаніе: «The inclination of modern legislation in England however is opposed to the continuance of this liberty to trade, and this privilege.... is being gradually discontinued, in consequence of a recommendation of the House of Commons, of July 1858... *The prohibition against engaging in mercantile pursuits is now rigidly enforced in the United States*».

[2] См. меморандумъ *лорда Джона Росселя* отъ 10 окт. 1860 г. Archives diplomatiques, 1862, t. II. pp. 423—439. — *Calvo*, § 473.

Digitized by Google

практику (практику, допускающую арестъ и обложеніе налогомъ консульской кассы), такое новѣйшее правило, по которому «всѣ консульскія пошлины (британскихъ консуловъ) поступаютъ въ казну, подобно тому, какъ и всѣ другіе правительственные органы собираютъ пошлины и подати не въ свою собственную пользу?»[1].

Въ сказанномъ видна одна изъ причинъ, отчасти объясняющихъ разногласія теоретиковъ и шаткость практики, которая не всегда находитъ для себя опору въ законодательствѣ и въ его толкованіи (и притомъ въ interpretatio authentica). — Выводъ общаго правила изъ сравнительнаго обзора многихъ законодательствъ также не облегчитъ и не разрѣшитъ задачи: если по англійскому закону консулъ есть не болѣе какъ коммерческій агентъ; если по американскимъ законамъ и практикѣ можно арестовать и привести силою консула, отказывающагося дать личное свидѣтельское показаніе на судѣ: то въ Испаніи (по закону 17 ноября 1852) консулы состоятъ подъ покровительствомъ военныхъ властей, изъяты отъ всякихъ личныхъ и муниципальныхъ повинностей и имѣютъ привилегію — не являться на суды для дачи свидѣтельскихъ показаній, ограничиваясь показаніями на-дому. Португалія дозволяетъ консуламъ даже то jus asilii, которое было въ старину привилегіею дипломатическихъ агентовъ.

Однимъ словомъ, будущему времени (и быть можетъ недалекому отъ насъ) предстоитъ еще немало работы, и въ научномъ и въ практическомъ мірѣ, надъ вопросами консульскаго права. Можно только пожелать, чтобы законодатели и дипломаты приняли за исходный пунктъ въ дальнѣйшемъ развитіи института тѣ, немногія правда, положенія касательно наилучшей организаціи консульскихъ учрежденій, и чтобы законодатели и дипломаты не упустили тѣхъ многочисленныхъ указаній на

[1] См. Ф. *Мартенс* «Консулы» и проч. стр. 589, 590.

Digitized by Google

существующіе недостатки, которыя (указанія и положенія) представляетъ современная литература во всѣхъ образованныхъ странахъ Европы и Америки.

Въ общихъ чертахъ и со стороны формъ учрежденія, организація консульствъ придерживается, въ большинствѣ государствъ и законодательствъ, французскаго образца, а именно: консульская іерархія состоитъ изъ генеральныхъ консуловъ, консуловъ 1-го и 2-го разрядовъ, вице-консуловъ (во Франціи есть еще кандидаты на консульскую должность — élèves consuls); за-тѣмъ существуютъ такъ называемые консульскіе и торговые агенты (agents consulaires et commerciaux). Въ составѣ консульствъ находятся секретари (chanceliers), имѣющіе большое значеніе для дѣлъ судебныхъ (тамъ, гдѣ юрисдикція дозволяется консуламъ), такъ-какъ секретари, или ведутъ протоколы и другіе акты при дѣлопроизводствѣ, или отправляютъ обязанности пристава, нотаріуса, кассира, приходорасходчика въ консульствѣ[1]. При восточныхъ консульствахъ есть драгоманы. — Не вездѣ однако-же сходны правила касательно назначенія консуловъ и даже секретарей консульскихъ. Есть основанія (развиваемыя и доказываемыя авторами лучшихъ монографическихъ работъ по настоящему предмету) желать назначенія консуловъ отъ правительства подъ условіемъ, по-возможности, серіёзнаго умственнаго и дѣловаго ценза и при полной обезпеченности содержанія отъ короны. Пользованіе пошлинами, на-манеръ древнихъ судей и тіуновъ, вызываетъ справедливое осужденіе. (Во Франціи требуются для кандидатовъ на консульскую должность: возрастъ отъ 21—25 лѣтъ, дипломы магистра правъ и баккалавра естественныхъ наукъ; при такихъ только условіяхъ допускаются кандидаты къ особому испытанію при министерствѣ иностранныхъ

[1] Les chanceliers sont agents comptables des recettes et des depenses qu'ils effectuent en leur qualité officielle, comme des dépôts et des consignations qu'ils reçoivent et qu'ils inscrivent sur des registres spéciaux—говор. *Калво.*

Digitized by Google

дѣлъ; за-тѣмъ уже слѣдуетъ практическій искусъ — нѣчто въ родѣ адвокатскаго stage, только гораздо продолжительнѣе послѣдняго [1]).

Раздѣленіе консуловъ на генеральныхъ, на консуловъ 1-го и 2-го ранговъ и проч. примѣняется безразлично къ лицамъ, назначаемымъ на должность изъ своихъ подданныхъ (Consules missi), и къ лицамъ, выбираемымъ изъ подданныхъ или изъ обывателей той страны, куда назначаются консулы (Consules electi [2]). Изъ этого класса (Consules electi) выступаютъ консулы-торговцы, т. е. тотъ разрядъ консульскихъ агентовъ, который доставляетъ (и вѣроятно, долгое время еще будетъ доставлять) наиболѣе затрудненій и «скользкихъ вопросовъ» (questions scabreuses) какъ для теоріи, такъ и для практики консульскаго права [3]. — Іерархія или постепенность лицъ консульскаго корпуса не имѣетъ ни безусловнаго, ни строго — бюрократическаго характера [4]. Впрочемъ, генеральный консулъ считается главою консульскаго института въ извѣстной странѣ. — Консулы 1-го и 2 разрядовъ управляютъ отдѣльными департаментами или округами (у Кальво они называются — chefs des départements ou arrondissements) и могутъ сноситься непосредственно съ тѣмъ министерствомъ, которому подчинены по закону страны, назначившей консуловъ. Въ крайнемъ случаѣ можно признать у генеральныхъ консуловъ контроль, но никакимъ образомъ не власть административнаго приказанія въ отношеніи къ консуламъ. —

---

[1] Замѣчанія о Германіи, Италіи, Испаніи, Англіи и Россіи см. въ весьма обстоятельномъ изложеніи Ф. *Мартенса*.

[2] Ср. *Bluntschli*, N 244. — *Heffter*, § 246. — *Holtzendorf*, L. C. § 52, S. 803. — *Calvo*, § 486. — Ф. *Мартенса* стр. 579. У послѣдняго автора изложены тѣ неудобства, которыя вытекаютъ изъ такого порядка вещей.

[3] *Calvo*, 479, 487, 494, со ссылками на Мартенса (автора Guide etc.), Гардена, Баррето, Белло и друг.

[4] Ср. *Bluntschli*, № 271. «Die Unterscheidungen... haben grossen Theils ihre Bedeutung in der verschiedenen Rangstufe, weniger in der Verschiedenheit der Functionen und Aufgaben».

Digitized by Google

Гораздо болѣе зависимости представляется во взаимныхъ отношеніяхъ вице-консуловъ и консуловъ. Послѣднимъ предоставляется иногда право отзывать вице-консуловъ отъ исправленія должности. За-тѣмъ, вице-консулы, по общему правилу, не имѣютъ права непосредственныхъ сношеній съ министромъ. — Консулы, наконецъ, по своему усмотрѣнію, могутъ назначать, вполнѣ зависящихъ отъ нихъ, «консульскихъ агентовъ» въ различныхъ мѣстностяхъ и портахъ подвѣдомственнаго имъ округа.

Въ заключеніе, мы можемъ сдѣлать такое общее замѣчаніе о консулахъ, при теперешнемъ состояніи законодательства и практики. Они не изъяты отъ подсудности мѣстнымъ властямъ не только по гражданскимъ, но и по уголовнымъ дѣламъ. — Архивы консуловъ подлежатъ, въ случаѣ нужды, полицейскимъ обыскамъ и осмотрамъ; консулы. далѣе, платятъ подати, налоги, муниципальные сборы, акцизы, различнаго рода взносы, установленные для частныхъ дѣлъ, которыми они могутъ заниматься (во многихъ государствахъ теперь не дозволяется генеральнымъ консуламъ заниматься торговлею; такъ, этого не допускаетъ нашъ консульскій уставъ 1858 года). Консулы не имѣютъ ни титуловъ, ни préséance, ни представительства; но имъ предоставлено право прибивать гербъ и вывѣшивать флагъ своего государства надъ домомъ, гдѣ они живутъ. Консулы сверхъ того изъяты отъ обязанностей участвовать въ присяжныхъ коммиссіяхъ на судахъ съ институтомъ жюри; не несутъ они и военной повинности тамъ, гдѣ она введена, какъ національное ополченіе. То и другое требуетъ продолжительнаго отвлеченія отъ главныхъ ихъ занятій. Вопросъ объ участіи въ воинской повинности и въ судѣ присяжныхъ возникаетъ потому, что консулы могутъ быть назначаемы какъ изъ подданныхъ тѣхъ государствъ, откуда они посылаются, такъ и изъ подданныхъ странъ, куда они назначаются; въ послѣднемъ случаѣ является особенно важнымъ и труднымъ опредѣлить: какія права и обязанности лежатъ на

Digitized by Google

консулахъ по ихъ подданству и какія — по оффиціальному ихъ званію. Если консулъ изъ чужихъ подданныхъ не имѣетъ въ своемъ отечествѣ никакой профессіи, никакихъ имущественныхъ интересовъ, то вопросъ рѣшается проще; въ противномъ случаѣ дѣло усложняется: права и интересы консула могутъ сталкиваться съ правами и интересами его, какъ подданнаго государства. Къ сожалѣнію, многія законодательства не даютъ ничего для разрѣшенія подобныхъ случаевъ на практикѣ [1].

О международныхъ трактатахъ и соглашеніяхъ.

§ 27. Къ понятію самостоятельности государствъ, кромѣ всего вышеприведеннаго, имѣетъ близкое отношеніе право негоціаціи и заключенія договоровъ, или трактатовъ. Такое право существуетъ и должно существовать до тѣхъ поръ, пока само государство не ограничитъ его по собственной волѣ, уступивъ его, положимъ, при возникновеніи федераціи въ руки союзнаго правительства. «Во всѣ эпохи», замѣчаетъ Геффтеръ (§ 81), «трактаты, при отсутствіи общаго закона надъ націями, служили юридическою связью народамъ дикимъ на-равнѣ съ образованными».

Трактаты суть такіе договоры, которые заключаются между правительствами отдѣльныхъ и независимыхъ государствъ отъ лица цѣлаго народа. Какъ всякая сдѣлка, трактатъ вліяетъ на извѣстныя отношенія между государствами, видоизмѣняя, дополняя, ограничивая или вовсе отмѣняя эти отношенія. Слѣдовательно, трактатами опредѣляются права и обязанности независимыхъ государствъ. Опираясь на извѣстное начало, что договоръ есть «duorum vel plurium in idem placitum consensus»,

[1] Ср. *Heffter*, § 248. — *Phillimore*, II (edit. 1855), § 246. — *Twiss*, I, pp. 316—319. *Calvo*, §§ 483, 485 (въ послѣднемъ § приведены случаи, изъ французской практики — Affaires: *Alaunza* (1842), *Soller* (1843); изъ англійской практики — Cases: *Barlui* (1717), *Harthfield* v. *Clifton* (1767); *Clarke* v. *Cretico* (1808); *Viveash* v. *Becker* (1814); *Henderson* (1860), съ мнѣніемъ Филлимора).

Digitized by Google

трактаты поддерживаютъ международный порядокъ и, въ свою очередь, находятъ для себя главную гарантію въ созданной ими политической системѣ. «Акты воли отдѣльныхъ лицъ, какъ и государствъ» — замѣчаетъ Блунчли — «не есть первая, а лишь вторая причина въ правовомъ творчествѣ. Единичная воля создаетъ право только сообразно извѣстному правовому порядку» и проч.

Ясно однако-же, что въ международномъ правѣ не можетъ быть тѣхъ гарантій для исполненія договоровъ, какія есть въ правѣ гражданскомъ. «Соблюденіе трактатовъ» — замѣчаетъ Бернардъ[1] — «составляетъ предметъ нравственной обязанности, или, говоря иначе, оно основано на общемъ здравомъ правилѣ, что народы должны выполнять, сознательно принятыя на себя, обязанности, подобно тому какъ и частные люди должны блюсти правду въ словахъ своихъ и уважать чужую собственность. Но нравственная обязанность..... не имѣетъ внѣшней, матеріальной поддержки, — и здѣсь международная мораль является въ невыгодномъ положеніи сравнительно съ индивидуальною нравственностію..... Самая власть заключать трактаты легко поддается злоупотребленіямъ. Націи могутъ быть вынуждаемы къ заключенію тяжкихъ и несправедливыхъ обязательствъ. Наконецъ, международныя соглашенія часто обнимаютъ слишкомъ обширные интересы и касаются будущаго, которое непроницаемо для человѣческаго предвидѣнія».

Но слѣдуетъ ли отсюда выводъ, что трактаты не имѣютъ и не должны имѣть никакой силы? Ни въ какомъ случаѣ! Научныя сомнѣнія законны и даже необходимы: они часто даютъ трезвость взгляда на истинную суть дѣла и внушаютъ осторожность при приложеніи извѣстныхъ началъ. Важность взаимнаго довѣрія, безъ котораго немыслима человѣческая жизнь, достаточно охраняетъ силу договоровъ. — «Безъ этого принципа

[1] Lectures on diplomacy.

Digitized by Google

(взаимнаго довѣрія), какъ основы для практическаго дѣйствія договоровъ, невозможны никакія отношенія, такъ-какъ лишь это начало можетъ послужить интересамъ всѣхъ и каждаго», замѣчаетъ Геффтеръ: «Международные договоры имѣютъ извѣстное значеніе, хотя они и лишены гарантій учрежденнаго права. Pacta sunt servanda — таково было всегда коренное положеніе публичнаго права». Истину эту понималъ и прекрасно выразилъ, послѣ Г. Гроція, Бенкерсгукъ: «договоры частныхъ лицъ опираются на гражданскомъ правѣ; договоры народовъ — на взаимномъ довѣріи. Уничтожается довѣріе, рушатся отношенія, а съ ними вмѣстѣ и международное право».

Обсуждая трудный вопросъ о силѣ международныхъ договоровъ, Бернардъ не закрываетъ глазъ на слабыя стороны предмета и говоритъ слѣдующее: «въ ученіи о международныхъ трактатахъ есть внутренній разладъ теоріи съ практикою..... Съ одной стороны, общее правило объ обязательной силѣ договоровъ ставится здѣсь съ большею широтою, чѣмъ въ отношеніяхъ частныхъ лицъ; съ другой — нѣтъ такой власти, на которую можно было бы возложить осуществленіе контроля на практикѣ. Гдѣ-же надежда умалить такой разладъ? И если есть такая надежда, то въ чемъ она заключается? Нужно быть осторожнымъ и такъ-сказать бережливымъ въ осуществленіи власти заключать трактаты. Слѣдуетъ избѣгать трактатовъ неосмотрительныхъ, неопредѣленныхъ или слишкомъ отдаленныхъ въ выполненіи, — неясныхъ и двусмысленныхъ по выраженію. Въ этомъ отношеніи, до извѣстной степени, можно положиться на здравый смыслъ государственныхъ людей. Но здѣсь — не все. Причины, дѣйствующія мало-по-малу, стремятся къ уменьшенію числа и запутанности трактатовъ. Общіе интересы повсюду берутъ верхъ надъ фамильными или династическими. Развитіе общественнаго мнѣнія идетъ въ такомъ-же направленіи, — а какъ-бы ни было неясно упованіе, которое возлагаютъ на развитіе об-

Digitized by Google

щественнаго мнѣнія, значеніе послѣдняго въ международномъ правѣ таково-же, какъ и въ прочихъ дѣлахъ человѣческихъ». — Однимъ словомъ, трактаты до сихъ поръ составляютъ необходимую и важную часть международнаго порядка, а потому-то наука имѣетъ право и обязанность подвергать ихъ, какъ существенный фактъ, своему изслѣдованію.

Есть нѣсколько видовъ международныхъ договоровъ: 1) трактаты, т. е. такія соглашенія, контрагентами которыхъ являются правительства отъ лица своихъ націй. Трактаты имѣютъ торжественную форму, требуютъ контрасигнировки министровъ и влекутъ за собою отвѣтственность цѣлыхъ націй. 2) Личные договоры между правителями государствъ о дружбѣ, о родствѣ и т. п.; они заключаются отъ имени правителей. Но ясно, что и подобные договоры, не будучи трактатами sensu stricto, должны имѣть значеніе для всего народа, такъ-какъ всегда существуетъ сильная связь между страною и ея государемъ; значитъ, отвѣтственность здѣсь ложится также на всю націю. Примѣромъ личнаго договора служитъ s. alliance (священный союзъ), который былъ заключенъ безъ участія дипломатическихъ агентовъ, непосредственно между государями. Тѣмъ не менѣе священный союзъ затрогивалъ такіе существенные международные интересы, что имѣлъ значеніе и для націй, которыя много отвѣтили, въ разное время, по этому договору. Другимъ примѣромъ личнаго договора представляется фамильное соглашеніе въ прошломъ столѣтіи между французскою и испанскою линіями бурбонскаго дома. 3) Соглашенія и договоры правительствъ съ частными и юридическими лицами, подданными другихъ государствъ. Примѣромъ такого договора можетъ служить разошедшееся теперь соглашеніе персидскаго шаха съ Рейтеромъ. 4) Договоры между подданными различныхъ государствъ. Сразу можетъ показаться, что такіе договоры, столь далекіе отъ типической формы трактата, относятся всецѣло къ гражданскому

Digitized by Google

праву; но они не могутъ разсматриваться какъ чисто-гражданскіе. Если такого рода договоры и не встрѣчаютъ никакихъ препятствій въ законахъ и учрежденіяхъ иностранныхъ націй, то правительства все-таки обязаны охранять связанные съ такими соглашеніями интересы и права своихъ подданныхъ.

Эти четыре вида договоровъ составляютъ causæ obligationum, т.е. изъ нихъ вытекаютъ обязанности иногда для правительствъ съ обѣихъ сторонъ, иногда для правительства съ одной стороны, иногда, наконецъ, для правительствъ въ пользу частныхъ лицъ, и на-оборотъ. Въ международномъ правѣ, по аналогіи съ гражд., есть обязательства quasi ex contractu; напр., извѣстныя правительства вступаютъ между собою въ договоръ для войны; одерживается побѣда и пріобрѣтается извѣстная территорія, на которую союзныя правительства имѣютъ какъ-бы condominium. Здѣсь для нихъ вытекаютъ извѣстныя права и обязанности, какъ-бы изъ контракта. Но государства, вступающія въ такого рода отношеніе, могутъ заранѣе заключить особый трактатъ и напередъ опредѣлить свои права и обязанности на случай раздѣла завоеванной территоріи, добычи и т. п.

Международное право знаетъ и такія causæ obligationum, которыя сходны съ delictum; напр., извѣстное государство нарушаетъ права другого, оскорбитъ иностраннаго государя, захватитъ чужую территорію и т. п., — въ такихъ случаяхъ вытекаютъ изъ самаго факта извѣстныя обязанности касательно вознагражденія.

Особенности международнаго трактата, сравнительно съ гражданскимъ договоромъ, не сомнѣнны, хотя между ними и существуетъ, въ общихъ чертахъ, сходство[1]. Не говоря уже о нѣ-

[1] См. *Holtzendorf*, L. C. § 37. «Soweit die Regeln des Obligationenrechts auf der Freiheit der menschlichen Person beruhen und die Uebereinstimmung des vernünftigen sittlichen Willens als die den Rechtsverkehr der einzelnen Menschen bestimmende Macht im Vertragsrechte anerkennen, *kann eine Uebertragung der Grundsätze auf das Volkerrecht unbedenklich* erscheinen etc. *Phillimore*, II (изд. 1855 г.). §§ XLVIII, XLIX.

Digitized by Google

которыхъ причинахъ происхожденія, самыя условія дѣйствительности трактатовъ подходятъ въ общихъ чертахъ подъ ученіе объ условіяхъ дѣйствительности договоровъ въ гражданскомъ правѣ: 1) въ международномъ правѣ, какъ и въ гражданскомъ, умѣстно и необходимо то правило, что договоры заключаются тѣми субъектами, которые имѣютъ правоспособность и дѣеспособность, это — личныя условія; 2) относительно объективныхъ условій въ международномъ трактатѣ опять есть сходство съ гражданскимъ договоромъ: международный трактатъ также опирается на обоюдность и свободу согласія, и 3) международный договоръ, заключенный лицами, имѣющими на то право, и опирающійся на обоюдность согласія, долженъ быть возможенъ къ выполненію. Но отсюда никакъ нельзя выводить заключеніе о полномъ тождествѣ договоровъ гражданскаго права съ международными трактатами. Тѣ-же самыя начала, примѣняемыя въ общихъ чертахъ и здѣсь и тамъ, существенно видоизмѣняются; особенно это можно сказать касательно условій 2 и 3 категорій. Международный договоръ, какъ и контрактъ въ гражданскомъ правѣ, не можетъ быть безъ объекта; но дѣло въ томъ, что предметъ обязательствъ, вытекающихъ изъ трактатовъ, только по исключенію и въ весьма рѣдкихъ случаяхъ, подойдетъ подъ извѣстную норму для объекта гражданскихъ договоровъ, а именно: лишь то можетъ быть предметомъ обязательства, что оплачивается деньгами, quæ pecunia lui præstariqne possunt. Большинство интересовъ, опредѣляемыхъ международными договорами, не подлежитъ переводу на денежную цѣнность, т. е. несоединимо съ постояннымъ эквивалентомъ, какъ бываетъ это во всѣхъ гражданскихъ соглашеніяхъ.

Что касается въ-частности условій личныхъ, то здѣсь вопросъ о томъ, кто имѣетъ право заключать трактатъ—рѣшается политическимъ устройствомъ того или другаго государства. Конечно, государство должно быть независимо, чтобы считаться полноправнымъ

Digitized by Google

субъектомъ для заключенія трактатовъ; но, по разнообразію формы государствъ, различныя лица являются обладателями этого права при различныхъ условіяхъ: такъ, въ неограниченныхъ государствахъ этимъ правомъ обладаетъ царствующій государь, который отъ своего имени заключаетъ всѣ договоры; подобный порядокъ существуетъ у насъ и былъ во Франціи, по конституціи 1852 года. — Въ отношеніи полусамостоятельныхъ государствъ, états demi-souverains, не можетъ быть и рѣчи о безграничной свободѣ заключенія договоровъ: государства протекторальныя или вассальныя, безъ дозволенія своихъ протекторовъ или сюзереновъ, не могутъ вступать въ международныя соглашенія. Тѣмъ не менѣе, не имѣя активнаго права заключать трактаты по своей единоличной и самостоятельной волѣ, полунезависимыя государства могутъ и даже должны признавать силу договоровъ, совершонныхъ полноправными и компетентными субъектами. — То-же замѣчаніе относится и къ федеральнымъ государствамъ, соединеннымъ по началамъ Bundesstaat или Staatenbund. Здѣсь примѣромъ можетъ служить каждый отдѣльный штатъ сѣверо-американской республики, который, будучи по-видимому самостоятельнымъ цѣлымъ, не можетъ однако заключать международныхъ трактатовъ. Но германская конституція 1815-го, 1848 и 1866 годовъ не отнимала безусловно этого права у отдѣльныхъ государствъ союза, а подвергала его лишь частнымъ ограниченіямъ. — Относительно конституціонныхъ государствъ нужно сказать, что здѣсь въ заключеніи и утвержденіи договоровъ участвуютъ представители отъ цѣлой націи. Но такъ называемые личные договоры подлежатъ въ конституціонныхъ государствахъ меньшимъ ограниченіямъ; для этихъ договоровъ достаточно контрасигнировки министра. Международное право не отрицаетъ у самыхъ узурпаторовъ власти заключать государственные трактаты, пока длится узурпація. Съ другой стороны, законный владѣтель, лишенный власти, не можетъ быть признанъ пра-

Digitized by Google

воспособнымъ субъектомъ для заключенія такихъ трактатовъ[1]. Въ республикахъ, напр. сѣверо-американской, договоры заключаются президентомъ съ участіемъ сената, конгресса. (Государи въ немногихъ случаяхъ, какъ это было при заключеніи sainte alliance, осуществляютъ лично свое право вести негоціаціи, а для негоціацій или переговоровъ обыкновенно служатъ дипломатическіе агенты). Государи и дипломаты собираются на конгрессахъ. Конгрессами, гдѣ заключали международные трактаты сами государи, были вѣнскій и аѳенскій. Собранія изъ однихъ дипломатовъ чаще назывались конференціями.

При заключеніи трактатовъ лицами, имѣющими на то право по делегаціи отъ правителей государствъ, имѣетъ большое значеніе ратификація или утвержденіе верховною властію трактатовъ, заключенныхъ дипломатическими агентами. Ратификація имѣетъ серьезную цѣль и составляетъ вполнѣ раціональное учрежденіе: она существуетъ для того, чтобы исправить и предупредить ошибки въ трактатахъ. Ратификація есть особый дополнительный актъ, которымъ обмѣниваются стороны, чтобы окончательно утвердить свое соглашеніе. Форма ратификаціи у насъ слѣдующаго рода: «ради того (т. е. прежде слѣдуетъ изложеніе причинъ) Мы, признавая пользу сего трактата, утверждаемъ его за насъ и наслѣдниковъ нашихъ». Еще съ VII ст. по Р. Х. вводится ратификація; но въ средніе вѣка и особенно въ новые она составляетъ conditio sine qua non на практикѣ[2].—Но и здѣсь были до послѣдняго времени спорныя стороны въ теоріи. Ратификація, составляя теперь несомнѣнный обычай, вызывала у публицистовъ такой вопросъ: можетъ ли государь отказать въ ратификаціи? Гроцій и Пуффендорфъ даютъ отрицательный отвѣтъ,

[1] См. *Heffter*, §§ 49, 82.—*Bluntschli*, Das M. V.-R. (изд. 1868), № 116, 404.

[2] Еще Бенкершукъ замѣтилъ (Quaest. J. P. Lib. II. Cap. VII, P. 251. Edit. 1767. Lugduni Batavorum), что въ его время: «Omnino non erraverit, qui omnia, quæ cum Legatis acta gesta sunt ex generali mandato, sine ratihabitione Principum, nihil hodie valere existimet».

Digitized by Google

находя, что къ заключенію трактатовъ прилагаются правила о римскомъ договорѣ—mandatum[1]. Слѣдовательно, разъ государь далъ своему уполномоченному точную инструкцію, и договоръ заключенъ сообразно съ послѣднею; то для государя обязательна ратификація. Но аналогія въ данномъ случаѣ римскаго права съ международнымъ и подведеніе подъ то-же начало одного и другаго не выдерживаютъ критики. Еще Бенкерсгукъ удачно опровергъ теорію Гроція и Пуффендорфа, окончательно отброшенную послѣ работъ Вурма и Гефтера[2]. Полномочія, которыя даютъ от-

---

[1] Гроцій въ латинскомъ текстѣ своего сочиненія (De jure belli, L. III, C. 14), принимая положеніе, высказанное еще Джентилли, говоритъ: «In generali præpositione accidere potest, ut nos obliget, qui præpositus est, *agendo contra voluntatem nostram, sibi soli significatam*, quia hi distincti sunt actus volendi: unus, quo *nos obligamus, ratum habituros, quicquid ille in tali negotiorum genere fecerit*, alter, quo illum nobis obligamus, ut non agat nisi ex præscripto, sibi, non aliis, cognito». Вслѣдъ за Гроціемъ, *Пуффендорфъ* (De Jure naturæ et gentium, Libri VIII. III, IX, § 12), *Ваттель* (Droit des gens, Livre II, chap. XII, § 156, P. 377, édit. de 1839), *Клюберъ* (Droit des gens moderne de l'Europe, § 142, P. 181), *Мартенсъ* (Précis du droit des gens moderne de l'Eur., § 48, 1864, t. I, P. 157) не считаютъ ратификацію необходимою. Такъ, между прочимъ, у Ваттеля мы находимъ замѣчаніе: «Tout ce qu'a conclu le ministre, demeurant sans force jusqu'à la ratification du prince, *il y a moins de danger à lui donner un plein pouvoir*» etc. Отсюда видно, что Ваттель предпочитаетъ правилу о ратификаціи такой порядокъ, когда дипломатическому агенту дается полномочіе cum libera potestate: связывать волю довѣрителя обязательствомъ принять то, что сдѣлано. Ср. также *Wicquefort*, L'ambassadeur et ses fonctions. II. Sect. 15: «Comme les lois civiles obligent le particulier à ratifier ce que son mandataire a fait en vertu de sa procuration, ainsi le droit des gens oblige le Prince à ratifier ce que son ministre a fait en vertu de son pouvoir: surtout si le pouvoir est plein et absolu, sans clause et sans condition, qui le limite ou le restreigne» etc.

[2] Работа *Вурма*, о которой сказано въ текстѣ, есть его монографическое изслѣдованіе: «Die Ratification von Staatsvertragen», напечатанное въ Vierteljahrsschrift. 1845, I, 168). По-русски сущность ученія Вурма довольно-полно, хотя и въ сжатой формѣ, изложена у *М. Капустина:* «Обозрѣніе предметовъ международнаго права» (Москва, 1859) § 8, стр. 58 и слѣд.—Доктрина Бенкерсгука изложена въ главѣ VII-й (An valent quod Legatus egit contra arcanum mandatum?). Quæst. Jur. publ. Lib. II. Изложивъ мнѣнія Гроція и Пуффендорфа, Бенкерсгукъ замѣчаетъ: «Non placet... sequi Auctores, qui ita, ut dixi, præ-

Digitized by Google

дѣльныя правительства своимъ агентамъ, не всегда бываютъ открытыми; существуютъ еще тайныя, обязательныя для агентовъ, инструкціи, которыя не показываются остальнымъ контрагентамъ и держатся дипломатами въ ихъ шкатулкахъ. Такимъ образомъ есть отличіе обыкновеннаго повѣреннаго отъ дипломатическаго агента, и безразсудно было бы предоставлять произволу какого-нибудь дипломата судьбу цѣлой націи.—Послѣдствія отказа въ ратификаціи таковы, что трактатъ не получаетъ никакой силы, является только подготовительнымъ объясненіемъ, и самое международное отношеніе, затронутое имъ, in integrum restituitur, т. е. обращается къ прежнему своему виду.—Но возможно ли вступленіе въ силу договоровъ до ихъ ратификаціи? По-видимому, это неумѣстный вопросъ; но однако

---

iverunt, nam quod illi ajunt, ex Jure gentium, quod nunc obtinet, non usquequaque verum puto: *quodcumque enim Legatus contra mandatum agit, male agit, adeoque mandantem obligare nequit*, quia hic non obligatur nisi ex consensu suo qui nullus est, ubi nullum vel contrarium est mandatum». Т. е. Бенкершукъ, расходясь съ Гроціемъ, Пуффендорфомъ, Джентилли, Викефоромъ, Зёчемъ (Zouch, Zucheus), отрицаетъ всякое значеніе у договора, заключеннаго вопреки смыслу и объему полномочія и инструкціи; слѣдовательно, самъ по себѣ, безъ ратификаціи, договоръ не можетъ имѣть силы, по ученію голландскаго юриста. Далѣе, Бенкершукъ соглашается съ вышеприведенными авторами лишь въ такомъ случаѣ, если кредитивъ посланника (mandatum publicum) былъ такъже подробенъ, какъ инструкція (arcanum mandatum), въ противность обычаю, по которому: «mandata illa generalia nihil fere... præbent quam potestatem agendi, *minime vero agendi ex arbitrio contra ipsa Principis mandata secretiora*». При подробномъ кредитивѣ существуетъ ясное согласіе довѣрителя-государя на извѣстное дѣйствіе in specie; слѣдовательно имѣется основаніе для возникновенія обязательства по заключенному договору. Мало того: въ подобномъ случаѣ была бы безнравственность и безчестность со стороны довѣрителя, давшаго подробный кредитивъ, который заключаетъ въ себѣ и полномочіе и инструкцію, а за-тѣмъ собственною рукою ниспровергавшаго свой актъ какими-нибудь тайными наставленіями. И такъ, по мнѣнію Бенкершука, можно и должно порицать государя, не давшаго ратификаціи такому договору, который заключенъ согласно съ инструкціями, во всей ихъ точности; но лишь только инструкціи нарушены, то возникаетъ основаніе — или отложить ратификацію, или же вовсе отказать въ ней (Optimo jure poterit Princeps vel differe ratihabitionem, vel plane negare).

Digitized by Google

такіе случаи бывали нѣсколько разъ. За-тѣмъ, случалось еще, что ратификація давалась предварительно — per anticipationem. Впрочемъ, подобная ратификація не можетъ быть одобрена практикою и тѣмъ болѣе теоріею международнаго права; она противорѣчитъ понятіямъ международнаго договора, противорѣчитъ своей собственной цѣли и можетъ быть вредна для международныхъ отношеній.

Касательно объективныхъ условій для трактатовъ вообще, надо сказать, что требованіе свободы и непринужденности согласія для международныхъ трактатовъ не можетъ быть поставлено на одну точку съ однородными требованіями для гражданскихъ договоровъ. Въ исторіи были примѣры, что государи, попадая въ плѣнъ, подписывали весьма невыгодныя обязательства; испанскій король, изъ линіи Бурбоновъ, заключилъ такой договоръ съ Наполеономъ, и на основаніи его отказался отъ престола въ пользу брата Бонапарта; подобный же трактатъ заключилъ Францискъ I въ плѣну у Карла V. Примѣръ Петра Великаго при Прутѣ, когда онъ слалъ приказаніе въ Петербургъ не исполнять ничего, что онъ подпишетъ въ договорѣ съ великимъ турецкимъ визиремъ, составляетъ здѣсь исключеніе. Вообще плѣнъ, если не сопровождается истязаніями и физическимъ насиліемъ, не считается кассаціоннымъ поводомъ для уничтоженія договора. — Возможно ли, послѣ всего этого, полное уподобленіе условій — свободы и независимости согласія для международныхъ трактатовъ съ такими-же условіями для гражданскихъ договоровъ? Далѣе: можно ли считать вполнѣ свободнымъ — согласіе на заключеніе такого договора, который совершается и ратифицируется послѣ ряда несчастныхъ войнъ? Можно ли, напр., считать невынужденнымъ франкфуртскій договоръ, вырванный страшными потерями и истощеніемъ Франціи? Строго говоря, этотъ договоръ нельзя считать невынужденнымъ, хотя, съ формальной стороны, противъ него не можетъ быть никакихъ спо-

Digitized by Google

ровъ и онъ долженъ исполняться[1].—Что касается до вліянія ошибки и обмана, который въ гражданскомъ правѣ служитъ основаніемъ для признанія договора недѣйствительнымъ, то въ международныхъ отношеніяхъ правило это подлежитъ оговоркамъ и ограниченіямъ. Встрѣчались впрочемъ попытки установить различіе между видами обмана и провести правило, что на уничтоженіе трактата вліяетъ лишь такой обманъ, который совершонъ прежде исполненія договора.

Касательно условій для физической, нравственной и юридической возможности выполненія договора нужно сказать, что, во 1-хъ, распространяться относительно физической выполнимости договоровъ нѣтъ никакой надобности. Это аксіома, къ которой легко привязать нѣсколько примѣровъ. Что касается до юридической невозможности, то здѣсь могутъ быть такіе случаи, когда извѣстный договоръ нарушаетъ законныя права третьихъ лицъ, или противорѣчитъ съ прежними договорами, или сталкивается съ основными законами извѣстнаго государства. Если-бы, напр., французскій король, даже до 1789 г., уступилъ по договору

[1] Ср. *Grot.* De J. B. ac P. libri 3. II; XVII, § 19. Его-же L. III; XIX; §§ 4, 5.—Весьма замѣчательны, въ виду недавнихъ европейскихъ событій 1870—1871 г. и только-что успокоившейся (въ маѣ 1875) тревоги изъ-за ожидавшагося новаго столкновенія Франціи съ Германіею, слѣдующія слова Ваттеля: «On ne peut se dégager d'un traité de paix en alléguant qu'il a été extorqué par la crainte ou arraché de force... Si jamais l'exception de la contrainte peut être alléguée, c'est contre un acte qui ne mérite pas le nom de traité de paix, contre une soumission forcée à des conditions qui blessent également la justice et tous les devoirs de l'humanité. Qu' un avide et injuste conquérant subjugue une nation, qu'il la force à accepter des conditions dures, honteuses, insupportables, la necessité la contraint à se soumettre. *Mais ce repos apparent n'est pas une paix: c'est une oppression que l'on souffre tandis qu' on manque de moyens pour s'en délivrer, et contre laquelle des gens de coeur se soulèvent à la première occasion favorable*».—Блунчли говоритъ (Das M. V.-R. № 408. Edit. 1868): «Im Privat-Recht hindert eine ernste Drohung und die gewaltsame Nöthigung die Gültigkeit des Vertrags. *Im Völkerrecht aber wird angenommen, der Staat selbst sei alle Zeit frei und willensfähig, wenn nur seine Vertreter persönlich frei sind*».

Digitized by Google

государственный доменъ, то выполненіе подобнаго трактата оказалось бы юридически невозможнымъ, потому-что во французскомъ законодательствѣ стоитъ непотрясаемымъ начало неотчуждаемости государственныхъ доменовъ. Договоры, впадающіе въ противорѣчіе съ другими, еще неотмѣненными, не лишаются безусловно всякаго значенія: послѣднее имѣетъ мѣсто и договоры считаются non avenus лишь въ такомъ случаѣ, если противъ нихъ возразитъ государство, пріобрѣвшее права по раньше заключенному трактату.—Понятіе юридической и нравственной невозможности едва-ли можетъ быть формулировано съ желанною и строгою точностію. И дѣйствительно, у лучшихъ писателей мы встрѣчаемъ или общія выраженія[1], или перечисленіе нѣсколькихъ отдѣльныхъ примѣровъ, когда трактаты противорѣчатъ—правиламъ объ уничтоженіи рабства, о равноправности и свободѣ иностранцевъ, о свободѣ плаванія по международнымъ рѣкамъ, о свободѣ вѣроисповѣданія, а также когда трактаты стремятся къ установленію всемірной монархіи, къ насильственному подавленію мирнаго и «жизнеспособнаго» (lebensfähig) государства. Такъ прилагаетъ *Блунчли* (NN 410—412) къ международному праву римское начало: Impossibilium nulla est obligatio. Но отяготительность договоровъ, которая очень часто граничитъ съ невозможностью, не есть поводъ или основаніе къ невыполненію ихъ[2]. Здѣсь можетъ служить примѣромъ опять тотъ-же франкфуртскій трактатъ.

---

[1] См. *Гефштеръ*, § 83.

[2] Трудность установленія общей и точной формулы въ данномъ случаѣ видна изъ слѣдующаго положенія у того-же писателя: «Auch ungünstige Vertragsbestimmungen und lästige Versprechen sollen gehalten werden. *Vorbehalten bleibt das Recht eines States, sich von Verträgen loszusagen, welche mit seiner Existenz oder seiner nothwendiger Entwickelung unverträglich sind*».—Но спрашивается: гдѣ и какой именно масштабъ опредѣляется для того, чтобы рѣшить въ отдѣльныхъ случаяхъ необходимость чего-либо для развитія того или другого государства? Ясно, что здѣсь могутъ сталкиваться между собою, опираясь на эту формулу, самыя противоположныя воззрѣнія и стремленія: Франція и Германія одинаково властны разсматривать Эльзасъ и Лотарингію въ

Digitized by Google

Внѣшняя форма и языкъ международныхъ трактатовъ давно уже опредѣлены практикою и о нихъ можно не распространяться въ сжатомъ изложеніи. Начиная съ Людовика XIV, трактаты пишутся большею частію на французскомъ языкѣ, хотя иногда могутъ употребляться и другіе языки. Форма же трактата, непремѣнно писаннаго документа и выражающаго обоюдное согласіе, по нашимъ русскимъ международнымъ обычаямъ, такова: трактатъ начинается призываніемъ Бога (если трактатъ заключается съ не-христіанами, то благословеніе испрашивается у всемогущаго Бога; а если съ христіанскими государствами, то призывается Св. Троица), потомъ слѣдуютъ: исчисленіе титуловъ, поводовъ заключенія договора, именъ дипломатическихъ агентовъ, и за-тѣмъ самое содержаніе: главныя статьи и прибавочныя (articles additionnels); наконецъ, подписи, печати и въ заключеніе — секретныя и дополнительныя статьи[1]. Въ послѣднихъ могутъ встрѣчаться иногда противорѣчія съ главными статьями самаго трактата. Кромѣ главныхъ контрагентовъ трактата, могутъ еще быть привлечены и третьи лица, или стороны, какъ добрые посредники, медіаторы sensu stricto, соучастники; наконецъ, третья сторона иногда участвуетъ въ трактатахъ въ качествѣ гарантовъ.

Классификація трактатовъ не представляетъ собою предмета, установившагося въ литературѣ. Разнообразіе матеріала, входящаго въ содержаніе трактатовъ, составляло и до сихъ поръ составляетъ одну изъ причинъ для появленія самыхъ различныхъ и не всегда удачныхъ классификацій. Вопросъ рѣшался, большею частью, съ

качествѣ необходимого условія для своего политическаго и экономическаго развитія. Гдѣ-же тогда основаніе проповѣдывать непреложность франкфуртскаго трактата?

[1] См. между многими примѣрами, *Ф. Мартенса*, «Собраніе трактатовъ и конвенцій» и проч. I (Трактаты съ Австріею), стр. 145, N 17. Трактатъ окончательнаго союза между россійскимъ императорскимъ дворомъ и императрицею Маріею Терезіею».

Digitized by Google

точки зрѣнія автора той или другой юридико-философской или политической системы. Одни обращали вниманіе на то отношеніе, въ которомъ находятся трактаты къ началамъ «естественнаго» международнаго права, установляя отдѣльныя категоріи: для трактатовъ, выражающихъ общія начала (принципы) этого права, — для трактатовъ, дополняющихъ указанные принципы права извѣстными обязанностями, — для трактатовъ, выражающихъ точно и ясно начала международнаго права въ примѣненіи къ отдѣльнымъ случаямъ. — Другіе подраздѣляли трактаты по различному дѣйствію ихъ во времени, а именно: принимали трактаты скоропреходящіе, относящіеся къ какому-либо одному случаю, и трактаты, дѣйствующіе постоянно или, по-крайней-мѣрѣ, разсчитанные на болѣе или менѣе продолжительное время. — Третьи выставляли на-видъ равенство или неравенство положенія сторонъ въ сдѣлкѣ односторонность или двусторонность трактатовъ. — Четвертые, отвергая всѣ предыдущія дѣленія, думали, что лучше всего можно установить разряды или категоріи договоровъ, принимая въ соображеніе степень силы всеобщаго, международнаго элемента въ содержаніи трактата; отсюда — одна категорія договоровъ, опредѣляющихъ какіе-либо интересы, права и обязанности только двухъ государствъ (напр. пограничные вопросы, союзы и проч.); за-тѣмъ другая категорія — договоры о выдачѣ преступниковъ, о вопросахъ юрисдикціи, объ охранѣ литературной собственности[1].

Но здѣсь нельзя не спросить: существуетъ ли возможность опредѣлить, не только разъ навсегда, но и въ большинствѣ отдѣльныхъ случаевъ, какіе вопросы и отношенія имѣютъ общій международный интересъ, а какіе не имѣютъ его? Развѣ споры о правѣ содержать гарнизоны въ незначительной крѣпости не грозили разгораться во всеобщую войну? Развѣ вопросъ о храненіи ключей палестинскихъ церквей не вызвалъ кровопролитій,

[1] *Holtzendorff*, L. C. § 38. S. 792.

Digitized by Google

окончившихся трактатомъ обще-европейскаго интереса? Развѣ не представилъ бы такого-же интереса въ настоящее время союзъ, положимъ, Франціи съ Россіею, или пограничный договоръ съ уступкою территоріи отъ Франціи къ Германіи? Однимъ словомъ, понятіе международной важности или неважности не есть нѣчто устойчивое, а тѣмъ болѣе безусловное,—и потому едвали можно строить на немъ сколько-нибудь прочную классификацію. Если принять вышеприведенную систему, то однородные договоры пришлось бы помѣщать въ двухъ различныхъ категоріяхъ, или даже переводить ихъ изъ одного разряда въ другой, повинуясь тѣмъ внѣшнимъ событіямъ, которыя будутъ видоизмѣнять или вовсе уничтожать признаки, входящіе въ установленную рубрику научной системы.

Изъ всѣхъ раздѣленій трактатовъ на виды, наиболѣе простымъ и цѣлесообразнымъ представляется намъ двойственная система такъ-называемыхъ *конвенцій* и *трактатовъ* въ собственномъ смыслѣ слова. Сущность этого раздѣленія давно была извѣстна подъ другими неточными выраженіями (напр., конвенціи назывались иногда *вещественными* договорами, въ отличіе отъ другихъ, *личныхъ* и т. п.).

Въ самомъ дѣлѣ, есть международные договоры, которые, будучи разъ заключены, сейчасъ-же получаютъ полное свое дѣйствіе въ жизни націй и въ отношеніяхъ государствъ; до извѣстной степени, можно сказать, что здѣсь договоръ «re perficitur», и что посредствомъ этихъ международныхъ соглашеній установляется чье-нибудь реальное право на вещи (само собою разумѣется, что сторонами или контрагентами предполагаются здѣсь государства). Таковъ тотъ разрядъ договоровъ, который принято называть конвенціями, напр. о размѣнѣ территорій, объ опредѣленіи границъ, о правахъ литературной собственности, о почтовомъ, телеграфномъ тарифѣ и т. д.—Конечно, абсолютной силы не имѣютъ и конвенціи; но дѣйствіе ихъ, осуществившееся

Digitized by Google

единовременно, продолжается до новой конвенціи или до войны, которая сама пріостанавливаетъ, но не уничтожаетъ силу договоровъ этого рода.

Но могутъ быть международныя соглашенія, объектомъ которыхъ служитъ не реальное право на вещи извѣстнаго рода, но дѣйствія или обязательства, требующія постояннаго ихъ выполненія извѣстными лицами, предполагая, въ качествѣ условія, существованіе постоянныхъ же и обосновавшихъ извѣстныя дѣйствія отношеній. Здѣсь не можетъ быть рѣчи о единовременномъ исполненіи того, что составляетъ предметъ договора, какъ въ конвенціяхъ; напротивъ, приложеніе соглашенія къ каждому отдѣльному случаю вызываетъ запросы, анализъ, особое подведеніе факта подъ договорное право. Для примѣра, укажемъ на договоры о союзахъ (alliances), о мирѣ, о торговлѣ и множество другихъ, неисчисляемыхъ in specie, постоянныхъ отношеній между народами. Само собою разумѣется, что и здѣсь контрагентами предполагаются только государства или правительства: даже договоры царственныхъ лицъ о своихъ личныхъ или династическихъ интересахъ, а въ-особенности договоры правительствъ съ иностранными частными лицами составляютъ, по мнѣнію систематиковъ, категорію, отличную отъ трактатовъ sensu stricto (Блунчли называетъ послѣдніе — Staatenverträge). Скажемъ теперь подробнѣе о нѣкоторыхъ видахъ конвенцій.

Соглашенія или конвенціи о литературной, художественной собственности и проч. Навигаціонные акты.

§ 28. Между трактатами въ томъ видѣ, который принято называть конвенціями, особенно важное мѣсто занимаютъ конвенціи по вопросамъ просвѣщенія и такъ-называемой (авторской) литературной и ученой собственности; потому-что въ настоящее время успѣхи образованія, наукъ и промышленности представляютъ настоятельную потребность въ международной ихъ

Digitized by Google

охранѣ. — Вопросъ образованія есть болѣе дѣло внутренняго законодательства; и до сихъ поръ еще неизвѣстны такого рода конвенціи, которыя бы, напр., дозволяли молодымъ людямъ извѣстнаго государства воспитываться въ иностранныхъ высшихъ или среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Но нельзя сказать того-же относительно авторской и литературной собственности. Здѣсь интересы отдѣльныхъ лицъ и государствъ сталкиваются съ интересами всѣхъ націй. Извѣстное литературное произведеніе не есть только предметъ для національной гордости того или другого народа; а должно быть достояніемъ всѣхъ націй, да и пользованіе произведеніями ученаго и литературнаго труда возможно лишь тогда, когда они дѣлаются общимъ умственнымъ достояніемъ.

Отсюда можно видѣть важность конвенцій по вопросу объ ученой, литературной и художественной собственности. Конечно, предоставить автору право полной собственности на его произведенія невозможно; но, съ другой стороны, было бы крайнею несправедливостью отнять у него, какъ творца, право на законныя выгоды отъ своего труда. Цѣль международныхъ конвенцій объ ученой, литературной и художественной собственности состоитъ въ обезпеченіи, до извѣстной степени, отъ нарушеній, въ иностранныхъ государствахъ, правъ авторовъ и въ запрещеніи поддѣлки или contrefaçon — контрафакціи (это слово до сихъ поръ еще не имѣетъ надлежащаго перевода на иностранные языки). — Этотъ вопросъ появился только со времени распространенія книгопечатанія. Первый внутренній законъ по этому предмету былъ не ранѣе XVII стол., именно въ Саксоніи, а за-тѣмъ уже въ XVIII стол. въ Англіи. Но прошло много времени, пока вопросъ о литературной собственности изъ внутренняго законодательства перешелъ въ международную практику. Французское правительство декретомъ 1793 года провозгласило авторскимъ правомъ то, что было только привилегіями авторовъ по старымъ французскимъ, саксонскимъ и англійскимъ законамъ. Но волненія

Digitized by Google

и войны, идущія отъ 1792-го и 1793 годовъ, помѣшали установиться окончательно этому правилу въ Европѣ, и лишь въ 1815 г. ему было придано международное значеніе и то — въ предѣлахъ одного германскаго союза. За-тѣмъ, къ принципу охраны авторской собственности приступили: Данія въ 1828 г., Англія въ 1838 г., Швеція въ 1844 г., Австрія въ 1846 году.

Въ настоящее время, по замѣчанію Кальво, вопросъ о литературной и ученой собственности получилъ чрезвычайно широкое значеніе: даже лекціи, рѣчи въ различныхъ собраніяхъ, рѣчи обвинительныя, прокурорскія, адвокатскія, различнаго рода комментаріи, мемуары, компиляціи, географическія карты, планы, картины, эстампы, анонимныя и посмертныя сочиненія — все это составляетъ матеріалъ вопроса о литературной и ученой собственности. Всякія перепечатки перечисленныхъ произведеній являются особымъ преступленіемъ или, по нѣкоторымъ законодательствамъ, проступкомъ — délit контрафакціи.

Новѣйшія постановленія французскаго законодательства по вопросу о такъ-называемой ученой и литературной собственности заключаются въ законѣ 25 марта 1852 года[1]. Этотъ законъ провозгласилъ «принципъ безусловнаго уваженія правъ литературной и ученой собственности» и объявилъ, что контрафакція есть проступокъ, délit. Что касается до сроковъ, установленныхъ для авторскаго права, то еще по декрету 1793 года, сверхъ пожизненнаго обладанія и пользованія (для самихъ авторовъ), опредѣленъ 20-лѣтній періодъ для ихъ наслѣдниковъ, successores. Къ наслѣдникамъ приравниваются и всѣ тѣ лица, которыя законнымъ способомъ пріобрѣли права на извѣстное литературное,

[1] Старинное законодательство Франціи по этому предмету ведетъ свое начало отъ муленскаго ордоннанса 1566 года и нѣкоторыхъ другихъ памятниковъ XVI столѣтія. Затѣмъ, до революціоннаго періода, можно еще указать на постановленія 1618, 1665, 1682, 1686, 1723 и особенно 1761 г., по которому привилегія внуковъ, по смерти дѣда, продолжалась до 66 лѣтъ.

Digitized by Google

ученое или художественное произведеніе отъ авторовъ или ихъ родственниковъ. Кальво приводитъ (стр. 742) законъ 14 іюля 1866 г., по которому срокъ для наслѣдниковъ расширенъ до 50 лѣтъ.

Англійское законодательство далеко не такъ опредѣленно, какъ французское: здѣсь нѣтъ провозглашенія принципа авторскихъ правъ[1]. Права эти спеціализируются по различію самыхъ произведеній. Такъ напр., по англійскимъ законамъ, вѣчнымъ правомъ литературной собственности пользуется правительство на извѣстные акты; за-тѣмъ, такимъ-же правомъ относительно мемуаровъ, ученыхъ записокъ и т. п. пользуются университеты и различныя ученыя общества. Для всѣхъ остальныхъ лицъ, имѣющихъ авторскія права, назначается пожизненный срокъ, а для наслѣдниковъ автора англійское законодательство прибавляетъ только 7 лѣтъ; иногда впрочемъ эта прибавка можетъ быть и болѣе, чѣмъ на 7 лѣтъ, но съ тѣмъ условіемъ, чтобы въ-сложности право пользованія, какъ для авторовъ, такъ и для наслѣдниковъ ихъ, не переходило за 42-лѣтній срокъ, считая со времени первой публикаціи. Тотъ-же срокъ (42-лѣтній) установленъ и относительно посмертныхъ изданій для наслѣдниковъ; англійское законодательство, далѣе, требуетъ относительно всѣхъ ученыхъ произведеній инрегистраціи, т. е. предварительнаго внесенія ихъ въ реестръ лондонской корпораціи книгопродавцевъ, за-тѣмъ — представленія извѣстнаго количества экземпляровъ въ лондонскій музей и во всѣ университеты. Что касается до гравюръ, эстамповъ и фотографій, то для нихъ назначенъ срокъ въ 28 лѣтъ со времени первой публикаціи. За-тѣмъ англійское законодательство назначаетъ 14-лѣтній срокъ для скульптурныхъ произведеній и моделей, а относительно картинъ на полотнѣ совершенно умалчиваетъ. — Въ Гол-

[1] Ср. *Phillimore*, IV, § 580 (изд. 1861).

Digitized by Google

ландіи и Бельгіи, которыя управляются еще однимъ законодательствомъ относительно литературной и ученой собственности, для авторовъ назначается пожизненный срокъ, а для наслѣдниковъ — 20-лѣтній post mortem auctoris, т. е. по смерти автора-наслѣдодателя. Что касается до посмертныхъ произведеній, то вдовы и наслѣдники авторовъ пользуются авторскимъ правомъ пожизненно.

Въ Австріи, кромѣ пожизненнаго срока для авторовъ, и для наслѣдниковъ установлены: 20-лѣтній срокъ относительно литературныхъ произведеній, а 50-лѣтній относительно ученыхъ трудовъ. Но австрійское правительство имѣетъ право или, лучше сказать, прерогативу, продолжать узаконенный срокъ. Статья эта даетъ австрійскому законодательству о литературной собственности характеръ неопредѣленности. — Въ Германіи, по вопросамъ ученой и литературной собственности, дѣйствовало до 1870-го года, съ нѣкоторыми исключеніями, законодательство федеративнаго союза [1]. Въ пользу авторовъ назначенъ пожизненный срокъ, а для наслѣдниковъ — 30-лѣтній post mortem auctoris. Такой-же срокъ существуетъ и для посмертныхъ, анонимныхъ сочиненій, записокъ и мемуаровъ различныхъ ученыхъ

[1] Ср. *Calvo*, § 619. — *Heffter*, § 242. — *Robert v. Mohl*, I, 435 etc. Тамъ-же библіографическія указанія по вопросу о перепечаткѣ, а именно: *Jolly*, Lehre vom Nachdruck. Heidelberg. 1852. (См. также: Archiv für die civilist. Praxis, B. XXXV). — *Ad. Enslin*, Ueber internationale Verlagsverträge. Berlin. 1855. — Для Италіи — Zeitschrift für ausländische Gesetzgebung, B. XII, S. 461. — Для Великобританіи — *Burke*, The law of international copyright etc. 1851. *Quain* — The right of Foreigners to acquire Copyright in England. 1854. Для Франціи *Renouard*, Des droits d'auteur. Paris. 1838. — *Delalain*, Législation française et belge de la propriété littéraire et artistique. 1854. — *Villefort*, De la propriété littéraire et artistique au point de vue international, 1851. — *Muquart*, De la propriété littéraire internationale. 1851. — Ср. обзоръ различныхъ теорій: *Ortloff*, Das Autor- und Verlags-Recht (Jahrbücher für die Dogmatik der Rechts. 1861, B. 5, S. 263 etc.). — Національно-экономическая сторона вопроса у *Шеффле (Schäffle)*, Die nationalökonomische Theorie der ausschiessenden Absatzverhältnisse, 1867. — На русскомъ языкѣ были напечатаны недавно въ «Вѣстникѣ Европы» интересныя статьи В. Д. *Спасовича*.

Digitized by Google

обществъ, корпорацій и университетовъ. Прусское законодательство нѣсколько отступаетъ отъ этихъ правилъ и ограничиваетъ постановленія о срокахъ однимъ литературнымъ произведеніями; для псевдонимныхъ и анонимныхъ сочиненій въ Пруссіи срокъ уменьшенъ на-половину (т. е. 15-лѣтній, а для художественныхъ произведеній даже 10-лѣтній). Кромѣ этого, въ различныхъ мѣстныхъ законодательствахъ Германіи встрѣчались и до сихъ поръ не отмѣнены другія значительныя уклоненія. (Въ Брауншвейгѣ, Гессенъ-Дармштадтѣ, Мекленбургъ-Шверинѣ и въ герцогствѣ Ангальтъ-Дессау принято было за общее правило, что правительство само назначаетъ сроки — какъ привилегіи для пользованія правомъ ученой и литературной собственности. Въ Саксоніи правительство тоже можетъ продолжать эти сроки). — Что касается до русскихъ законовъ объ авторской собственности, то для авторовъ существуетъ пожизненный срокъ, а для ихъ наслѣдниковъ — 50-лѣтній; такой-же срокъ назначенъ и для посмертныхъ произведеній. При преемственномъ переходѣ правъ художественной собственности срокъ для наслѣдниковъ уменьшенъ до 25 лѣтъ; но онъ можетъ быть продолженъ еще на 10 лѣтъ (35 л.) въ отношеніи авторской собственности гравюръ и эстамповъ, если позднѣйшая перепечатка ихъ произошла въ послѣднее пятилѣтіе 25-лѣтняго срока. За-тѣмъ, русскіе авторы и ихъ наслѣдники имѣютъ такія-же права и относительно сочиненій, изданныхъ за границею.

Теперь перечислимъ международные акты по вопросамъ ученой и литературной собственности. Первый изъ нихъ относительно государствъ Германіи былъ заключенъ въ 1815 году; частныя измѣненія его сдѣланы въ 1832 — 1837, 1841-омъ, 1845-омъ и 1856 гг. Австрія начинаетъ свою международную практику по этому предмету конвенціею 22 мая 1840 г. съ Сардиніею[1], но

[1] Ср. *Calvo*, p. 752 и ссылки на *Нейманна* (IV, p. 441); *Мартенса-Мургарда*, I. p. 84. — У *Тэтб* (*Tétot*, Répertoire des traités etc. Partie alphabétique, см. «Autriche» p. 40, N 4,655).

Digitized by Google

на эту конвенцію справедливо нападаютъ за ея неполноту и неопредѣленность, которыя и побудили Австрію и Сардинію заключить въ 1866 г. новое, болѣе полное соглашеніе. — Франція начинаетъ большинство своихъ трактатовъ съ 1840 годовъ, и первый изъ нихъ, именно съ Сардиніею, относится къ 1843 г.; съ этою-же страною была заключена конвенція въ 1862 году. До 1870 года Франція имѣла конвенціи по вопросамъ литературной и ученой собственности со всѣми государствами, кромѣ скандинавскихъ, а также Греціи и Оттоманской имперіи. — У насъ съ Франціею была конвенція въ 1857 году. — Англія ведетъ свои менѣе многочисленные трактаты тоже съ 1840 года: въ 1846 году она заключила конвенцію съ Пруссіею, а въ 1857-мъ съ Испаніею. — Бельгія, по извѣстной причинѣ, т. е. потому что для иностранныхъ, особенно французскихъ, сочиненій она представляетъ мѣсто оживленной контрафакціи, заключила много трактатовъ отъ 1854-го до 1866 года. У насъ съ Бельгіею было соглашеніе въ 1862 года. — Пруссія заключила также немало трактатовъ отъ 1846-го до 1862 и 1863 гг., когда у нея состоялись конвенціи съ Франціею, Россіею и Бельгіею[1].

Вотъ общее содержаніе этихъ трактатовъ: 1) они всѣ безъ исключенія держатся начала взаимности, т. е. каждое государство признаетъ за иностраннымъ авторомъ такія права, какія вообще предоставляются въ данной странѣ; 2) касательно сроковъ, въ нѣкоторыхъ трактатахъ пользованіе авторскими правами для извѣстнаго лица въ иностранномъ государствѣ не можетъ переходить за срокъ, который установленъ въ его отечествѣ; въ нѣкоторыхъ же конвенціяхъ установлены особо-опредѣленные сроки: напр., въ договорѣ 1853 г. между Испаніею и Франціею для прямыхъ наслѣдниковъ автора установленъ 20-лѣтній срокъ, а для боковыхъ 10-лѣтній; конвенція Россіи съ Франціею приняла тѣ-же сроки —

[1] См. у *Кальво*, §§ 620, 621, подробное перечисленіе этихъ трактатовъ съ указаніемъ тѣхъ собраній, гдѣ можно найдти ихъ въ подлинникѣ.

Digitized by Google

20 л. для прямыхъ и 10 л. для боковыхъ наслѣдниковъ. 3) Всѣ трактаты, о которыхъ идетъ рѣчь, кромѣ вопроса о правѣ литературной собственности на оригинальныя сочиненія, заключаютъ еще статьи о пользованіи правомъ перевода, о музыкальныхъ, драматическихъ и иныхъ художественныхъ произведеніяхъ. Относительно переводовъ не всѣ конвенціи согласны между собою: однѣ назначаютъ пятилѣтній срокъ пользованію правомъ перевода для автора; другія же, именно — конвенція Россіи съ Франціею и Бельгіею, приравниваютъ права авторовъ на переводъ съ правами на оригинальныя сочиненія.

Вопросомъ объ обезпеченіи правъ ученой и литературной собственности занимались не одни только внутреннія законодательства, не одни дипломаты въ конвенціяхъ, но собирались еще для обсужденія того-же предмета ученые и писатели на конгрессы. Такой конгрессъ состоялся въ Брюсселѣ въ 1858 году; онъ любопытенъ въ томъ отношеніи, что здѣсь указано было — чего не достаетъ и внутреннимъ законодательствамъ, и трактатамъ. Конгрессъ 1858 года провозгласилъ абсолютное право на обезпеченіе ученой и литературной собственности и постановилъ, что желательно проведеніе этого принципа во всѣхъ трактатахъ между государствами. — Далѣе, конгрессъ 1858 г. провозгласилъ полное равенство авторовъ иностранныхъ съ отечественными; слѣдовательно, онъ безусловно осудилъ всѣ отягощенія касательно формальностей при судебномъ преслѣдованіи иностранными авторами противъ нарушителей правъ своихъ; и, наконецъ, брюссельскій конгрессъ выразилъ необходимость однообразнаго законодательства по предмету авторской собственности.

Кромѣ конвенцій для обезпеченія литературной собственности, есть въ этомъ разрядѣ международныхъ соглашеній много другихъ по предметамъ неменьшей важности для соціальныхъ и государственныхъ интересовъ всѣхъ образованныхъ націй. Такъ,

Digitized by Google

большинство державъ европейскихъ и американскихъ заключали договоры для охраненія интересовъ и правъ промышленности и торговли: а именно сюда подходятъ особыя конвенціи или только отдѣльныя статьи въ коммерческихъ трактатахъ о фабричныхъ и торговыхъ клеймахъ, печатяхъ, шифрахъ и проч. между Франціею и сѣверо-американскими штатами (спеціальное соглашеніе 16 апрѣля 1869 г.),—далѣе, соглашенія между Франціею же и Саксоніею, Португаліею, Италіею, Швейцаріею и Таможеннымъ союзомъ, въ дополнительныхъ статьяхъ къ другимъ договорамъ (торговымъ, о литературной и художественной собственности)[1].

Желѣзныя дороги, почты и телеграфы имѣютъ въ настоящее время значеніе, понятное каждому образованному человѣку безъ подробныхъ объясненій, которыя могли бы показаться съ нашей стороны повтореніемъ общихъ мѣстъ. Франція и Бельгія имѣютъ первенство по времени въ исторіи желѣзно-дорожныхъ конвенцій. За этими державами послѣдовали другія: германскія государства, Голландія, Испанія, Сардинія и проч. — Статьи конвенцій касались: вопросовъ о наиболѣе удобномъ способѣ передвиженія вагоновъ и локомотивовъ изъ одного государства въ другое, въ связи съ извѣстнымъ устройствомъ, съ шириною рельсовъ и съ эксплуатаціей пограничныхъ линій и вѣтвей желѣзныхъ дорогъ. Касались они также устройства (въ важныхъ для пограничныхъ государствъ пунктахъ) мостовъ, віадуковъ, станцій, распорядка поѣздовъ на общихъ дебаркадерахъ (съ цѣлью согласованія и приспособленія движенія иностранныхъ линій), перемѣны вагоновъ, таможеннаго осмотра багажей на границѣ, если есть остановка поѣздовъ, или же въ мѣстѣ назначенія внутри иностраннаго государства, если идутъ поѣзды прямые и спѣшные изъ одной стороны въ другую и т. д.—Цѣлый рядъ конвенцій заключаемъ былъ, отъ конца 40-хъ годовъ настоя-

[1] Они находятся въ собраніи *Деклерка*, тт. VI — IX; ср. *Кальво* и его подробныя указанія, § 638.

Digitized by Google

щаго столѣтія до нашихъ дней, касательно серіёзнаго практическаго вопроса о перегрузкѣ товарныхъ вагоновъ[1].

Одинаково-важно и практично въ международномъ союзѣ значеніе телеграфовъ. Отсюда многочисленность соглашеній касательно разрядовъ, касательно передачи и тарифа депешъ, снарядовъ, тайныхъ корреспонденцій между всѣми европейскими государствами. Извѣстно, что въ 1850 году состоялась конвенція австро-германскаго телеграфнаго союза, дополненная статьями 1851-го и 1853 годовъ. Еще важнѣе телеграфныя конвенціи 1865-го и 1868 годовъ, такъ-какъ эти договоры касаются государствъ всей Европы, со включеніемъ Турціи, а за-тѣмъ привлекаютъ къ союзу Персію и индійскія владѣнія Англіи[2]. — За-тѣмъ конвенціи о подводныхъ телеграфахъ заключались нѣкоторыми европейскими державами между собою и съ южно-американскими правительствами.

Благодаря такимъ соглашеніямъ, уже установлено однообразное устройство и обезпечено правильное отправленіе телеграфныхъ сообщеній въ Европѣ, Азіи и Африкѣ, а также учреждено «международное бюро телеграфовъ», на которое возлагается: собираніе и сосредоточеніе свѣдѣній всякаго рода касательно телеграфовъ, выработка тарифовъ, редактированіе (на французскомъ языкѣ) спеціальнаго телеграфнаго журнала и т. д.

Оставляя въ-сторонѣ, частію по причинѣ большой близости къ особымъ спеціальностямъ факультетскаго преподаванія, частію по необходимости сжатаго изложенія, конвенціи касательно объединенія монетной системы (uniformité monétaire), касательно соблюденія уставовъ карантинныхъ, таможенныхъ, лѣсныхъ, сельскихъ и объ охотѣ[3], — мы остановимся здѣсь нѣсколько подроб-

[1] Между Бельгіею и Пруссіею 1848 г., Бельгіею и Голландіею 1852 и проч.

[2] Весьма-интересны ожидаемые результаты международнаго телеграфнаго конгресса, который назначенъ въ С.-Петербургѣ на 1875-й годъ и ведетъ работы свои въ настоящее время.

[3] См. исторію этихъ конвенцій до 1870 г. у *Кальво*, §§ 653—660.

Digitized by Google

нѣе на почтовыхъ конвенціяхъ. Послѣднія встрѣчаются еще въ началѣ настоящаго столѣтія; но особенно учащаются въ послѣдніе годы (отъ 50-хъ до 70-хъ годовъ XIX вѣка). Главная цѣль, которую преслѣдовали современныя правительства, весьма разумна и важна для общественнаго оборота между образованными народами, а именно: облегченіе почтовыхъ сношеній посредствомъ объединенія и удешевленія тарифа, взамѣнъ той сложной и дорогой системы, которая завѣщана была фискальнымъ духомъ и взаимнымъ недовѣріемъ правительствъ и націй добраго стараго времени. Въ послѣдніе годы, международный почтовый союзъ раздвинулся далеко за предѣлы Европы: на бернскомъ конгресѣ, 15 сент. 1874 года, собрались представители всѣхъ, кромѣ Франціи, европейскихъ государствъ и сѣверо-американской республики[1]. Въ октябрѣ того-же года, подписанъ былъ трактатъ объ установленіи «всеобщаго почтоваго союза» (Union générale des postes), куда вошли (за указаннымъ исключеніемъ) всѣ государства европейскія, С.-А. штаты и Египетъ. Вышеназванныя государства, для дѣла почтоваго, составляютъ какъ-бы единую территорію, внутри которой долженъ дѣйствовать тарифъ, однообразный на-столько, на-сколько дозволяетъ это различіе въ монетной системѣ и въ другихъ внутреннихъ условіяхъ отдѣльныхъ членовъ союза.—Сверхъ техническихъ частностей (касательно тарифа за письма, за почтовыя карты—cartes postales—и за другіе предметы, пересылаемые изъ одного государства въ другое и т. п.), бернскій трактатъ 1874 года опредѣляетъ слѣдующіе пункты: условія для сношеній членовъ союза съ государствами, внѣ его стоящими,—устройство между-

[1] Присоединеніе Франціи къ этому союзу составляетъ вопросъ нѣсколькихъ мѣсяцевъ, по законопроекту только-что обнародованному въ нѣмецкихъ *MM.* журналовъ 1875 года. Статья 1-я законопроекта опредѣляетъ: «Le président de la république est autorisé à ratifier, et, s'il y a lieu, à faire éxécuter, à partir du 1-er Janvier 1876, le traité concernant la création d'une union générale des postes» etc.

Digitized by Google

народнаго почтоваго бюро[1], — способъ допущенія въ составъ союза новыхъ членовъ. Въ томъ-же трактатѣ опредѣлено: собираться конгрессу черезъ каждые три года; наконецъ, мѣстомъ будущаго конгресса (1877 г.) избранъ Парижъ.

Скажемъ еще въ-частности о навигаціонныхъ трактатахъ. Въ настоящее время свобода торговли во всѣхъ видахъ имѣетъ горячихъ защитниковъ между самыми правительствами. Такія государства, какъ Англія, прежде столь суровая къ свободѣ торговли, дали сильное движеніе противуположному ученію. Но честь почина въ освобожденіи торговли принадлежитъ Италіи и Голландіи. Съ ними сильно боролась Англія, и это лучше всего видно изъ навигаціоннаго акта Ол. Кромвеля 1651 г., который былъ построенъ на рѣзкихъ притязаніяхъ Англіи въ исключительныхъ ея интересахъ; цѣлью навигаціоннаго акта было подавить торговлю другихъ государствъ, особенно Голландіи. И Кромвель достигъ этого, благодаря слѣдующимъ постановленіямъ акта 1651 года: 1) запрещено было торговать со всѣми иностранными судами, если $^3/_4$ состава ихъ экипажа не были изъ англійскихъ матросовъ; то-же самое относилось и къ колоніальнымъ судамъ; 2) колоніальные товары могли привозиться только на судахъ тѣхъ колоній, которыя ихъ производили, но и на этихъ судахъ должно быть $^3/_4$ экипажа изъ матросовъ - англичанъ; 3) всѣ сырыя произведенія могли привозиться только на англійскихъ судахъ. — Актъ Кромвеля былъ отмѣненъ только въ 1845 году, подъ вліяніемъ идей Брайта и Кобдена. Любопытно, что такіе представители науки, какъ Смитъ и Маколэ, оправдываютъ актъ 1651 года, и, конечно, съ ними нельзя спорить въ томъ отношеніи, что Англія убила торговлю своихъ соперниковъ. Но когда хлѣбные законы были отмѣнены, когда англійская промышленность стала на такую высоту, что не чего уже

[1] См. выше о бюро телеграфномъ.

Digitized by Google

было опасаться конкурренціи со стороны иностранныхъ державъ, тогда Англія перемѣнила свою точку зрѣнія, — и новымъ закономъ 1849 г. совершенно отмѣнила актъ 1651 г. Ограниченія здѣсь коснулись только каботажной торговли, которую могли производить одни англійскіе подданные; для другихъ видовъ торговли принята система пошлинъ и тарифа. Все обусловлено взаимностью. Къ акту 1849 года приступили скоро Голландія, Швеція, Италія, Данія и Соединенные штаты.

Перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію нѣкоторыхъ другихъ видовъ трактатовъ sensu stricto особо отъ конвенцій. Виды эти чрезвычайно многообразны, такъ-какъ нѣтъ такого международнаго отношенія, которое не могло бы сдѣлаться предметомъ трактата, а именно: гарантія, протекторатъ, нейтралитетъ, союзы временные — оборонительные или наступательные, союзы постоянные — федераціи, отношенія церкви къ государству, устройство дипломатическаго и консульскаго института, судоустройство международныхъ трибуналовъ и подсудность имъ, по извѣстнымъ правиламъ судопроизводства для лицъ различныхъ національностей и т. п.

Что касается, въ-частности, трактатовъ о гарантіи, то предметъ этотъ заслуживаетъ болѣе подробнаго разсмотрѣнія, уже по одной связи своей съ вопросомъ объ обезпеченіи трактатовъ.

Отъ глубокой древности до XVII и XVIII столѣтій, употреблялась клятва, какъ одинъ изъ главныхъ способовъ обезпеченія договоровъ, такъ-что Гроцій имѣлъ полное право написать извѣстное свое замѣчаніе объ этомъ предметѣ [1], но послѣдній примѣръ присяги, какъ способа обезпеченія обязательствъ, вытекающихъ изъ трактата, относится къ 1777 году (мы разумѣемъ договоръ о союзѣ между Франціею и Швейцаріею). Много вреда практическому приложенію этого обычая нанесли

[1] Apud omnes populos et ab omni ævo circa pollicitationes, promissa et contractus maxima semper vis fuit jusjurandi.

Digitized by Google

папы, съ легкостію дававшіе королямъ освобожденіе отъ обязательствъ, закрѣпленныхъ присягою [1]. Отсюда оговорки въ нѣкоторыхъ трактатахъ, заранѣе отрицавшія всякое значеніе папскихъ «разрѣшеній», или абсолюцій [2]. Древне-германскій и рыцарскій способъ закрѣпленія трактатовъ честнымъ словомъ контрагентовъ также потерялъ практическую силу, послѣ многихъ громкихъ примѣровъ нарушенія этого нравственнаго, но не юридическаго вида обезпеченія трактатовъ.

О заложникахъ встрѣчаются статьи въ европейскихъ трактатахъ только до первой половины XVIII столѣтія (1748 г., при заключеніи ахенскаго трактата, съ цѣлью обезпечить условленную уступку территоріи отъ Англіи въ пользу Франціи). Разсматривая вопросъ о заложникахъ главнымъ образомъ съ исторической точки зрѣнія, современная теорія международнаго права выставляетъ здѣсь требованіе о томъ, что сущность заложничества, допускаемаго лишь въ военное время или же въ отношеніи къ необразованнымъ народамъ, должна ограничиваться однимъ временнымъ стѣсненіемъ свободы.

Обезпеченіе трактатовъ посредствомъ заклада движимыхъ цѣнностей (напр. коронныхъ брилліантовъ, какъ это было однажды между Польшею и Пруссіею) не имѣетъ теперь никакого практическаго значенія. То-же можно сказать о случавшихся въ прежнія времена гипотекахъ, или обезпеченіяхъ трактатовъ посредствомъ залога части территоріи.—Послѣдовательное примѣненіе патримоніальнаго начала приводило иногда, въ подобныхъ случаяхъ, къ переходу залога въ полную собственность стороны, право которой обезпечивалось гипотечною сдѣлкой: кромѣ при-

---

[1] См. *Phillimore*, II, § 54-й.—*Calvo*, § 592.

[2] Ср. тамъ-же текстъ испанскаго договора 1703 года: «....Fidem nostram... solemniter adstrinximus, nullo unquam tempore aut modo... infringendam omni quorumlibet, qualiumque contradictione, exceptione generali ac speciali restitutione, *dispensatione* ac absolutione etiam pontificia» etc.

Digitized by Google

веденнаго уже прежде пріобрѣтенія Корсики Франціею, такимъ путемъ присоединенъ былъ ваатландскій кантонъ (pays de Vaud) отъ Савоіи къ Берну и Фрейбургу. — Въ настоящее время, возможны (только временныя) военныя занятія территоріи, какъ обезпеченіе выполненія извѣстныхъ статей договора, при чемъ новѣйшіе трактаты упоминали иногда о замѣнѣ территоріальнаго обезпеченія «финансовою гарантіею»[1].

Изъ всего сказаннаго уже достаточно ясна важность трактатовъ о гарантіи, вошедшей въ употребленіе съ XVI вѣка, какъ особый способъ обезпеченія договоровъ, обязательствъ и правъ, существующихъ въ международномъ союзѣ. — Такимъ образомъ гарантія можетъ служить двоякой цѣли: или ею подкрѣпляется и обезпечивается сила другого договора, въ родѣ того, какъ существуетъ это для нѣкоторыхъ придаточныхъ договоровъ (pacta accessoria) по отношенію къ главному договору въ гражданскомъ правѣ. Тогда гарантія является одною изъ тѣхъ юридическихъ формъ, посредствомъ которыхъ осуществляется участіе третьихъ лицъ или сторонъ въ отношеніяхъ по международному обязательству. — Или же гарантія возникаетъ и дѣйствуетъ для того, чтобы оградить и обезпечить существованіе какого-либо права или важнаго интереса въ международномъ союзѣ (напр. вѣчнаго нейтралитета территорій, свободы извѣстнаго моря или какой-либо рѣки, государственнаго устройства и территоріи націи, свободы вѣроисповѣданія подданныхъ и т. п.). Здѣсь значеніе гарантіи независимѣе, чѣмъ въ первомъ случаѣ и, большею частію, бываютъ

[1] Мы разумѣемъ франкфуртскій трактатъ 10 мая 1871 г., ст. 7. Ср. также трактатъ 26 февраля 1871 г. (прелиминаріи мира между Франціею и германскою имперіею), Art. III, а именно: «L'évacuation des départements, situés entre la rive droite de la Seine et la frontière de l'est... s'opérera graduellement après la ratification du traité de paix définitif et le paiement du premier demi-milliard de la contribution» etc.... «*Sa Majesté l'Empereur sera disposé à substituer à la garantie territoriale consistant dans l'occupation partielle du territoire français une garantie financière*» etc.

Digitized by Google

важнѣе самые предметы и цѣль, служащіе объективомъ установившагося отношенія международной охраны.

Само собою разумѣется, что субъектами отношенія гарантіи могутъ быть только независимыя государства, и притомъ въ такомъ числѣ, какое опредѣляется при каждомъ конкретномъ случаѣ: вестфальскій трактатъ гарантированъ всѣми своими контрагентами; въ ахенскомъ трактатѣ 1748 года была взаимная гарантія всѣхъ восьми контрагентовъ; въ лондонскомъ трактатѣ 1832 года (касательно независимости Греціи) говорится о гарантіи «трехъ дворовъ» европейскихъ (..The guarantee of the three Courts); по договору 19 апрѣля 1839 г., нейтралитетъ Бельгіи поставленъ подъ гарантію пяти державъ, и т. п.—Далѣе, гарантіи временныя или вѣчныя, какъ разъяснилъ это еще Клюберъ (§ 159), могутъ быть *общими* и *частными*, т. е. или касаться всѣхъ вообще статей извѣстнаго договора, всѣхъ правъ и территорій того или другаго государства, или же только части статей, правъ и территорій[1].

Гарантія должна быть строго-международною по характеру, по цѣлямъ и по средствамъ своимъ. Иначе ей легко прикрыть своею формою незаконное вмѣшательство во внутреннія дѣла государствъ: такъ, между прочимъ, понимаютъ опасность отъ распространительнаго толкованія объ гарантіи политическаго устройства нѣкоторые новѣйшіе публицисты. Другими словами: гарантія политическаго устройства должна имѣть въ виду лишь охрану отъ нарушеній, направленныхъ извнѣ, со стороны какого-либо другого государства[2].—Кромѣ того, теорія междуна-

[1] Les garanties sont générales ou spéciales selon que tous les droits d'une espèce determinée... ou bien une partie seulement de ces droits... sont garantis. Tantôt elles sont stipulées pour toujours, tantot pour un temps déterminé etc.

[2] Ср. *Travers Twiss*, I, pp. 369 — 373, по нашему убѣжденію, достаточно ясно опровергающій ученіе *Филлимора* (L. C., II, §§ 56—63) о гарантіи «Contra quoscunque».

Digitized by Google

роднаго права ставитъ еще такія требованія отъ гарантіи, примѣняя здѣсь общія условія для дѣйствительности и возможности трактатовъ: гарантія не должна нарушать правъ третьяго государства, — гарантія не можетъ дѣйствовать отрицательно по отношенію къ обще-принятымъ началамъ международнаго права: свободы рѣкъ, океана, запрещенія торга неграми и т. п.

Послѣдствія гарантіи весьма серіёзны: въ связи съ нею, при неуспѣхѣ добрыхъ услугъ, представленій и посредничества, можетъ стоять вопросъ о войнѣ. Гарантъ долженъ быть однако же строго легаленъ и не простирать своихъ требованій далѣе того, на что имѣетъ право охраняемая сторона. Помощь, оказываемая гарантомъ, должна быть въ соотвѣтствіи съ условіями, при которыхъ кѣмъ-либо принята на себя гарантія. Гарантъ всегда имѣетъ право, въ случаѣ призыва къ поданію помощи, обсудить характеръ того случая, который послужилъ поводомъ къ заявленію требованія. Сама заинтересованная сторона вольна освободить гаранта отъ обязанностей помощи, если только не охраняется право, составляющее общій интересъ для всѣхъ членовъ международнаго союза. При гарантіи, какъ дополнительномъ договорѣ, гарантъ принимаетъ на себя обязательство вынудить у неисправнаго контрагента исполненіе того, что условлено по трактату; объ абсолютномъ выполненіи условленнаго, хотя бы и изъ своихъ собственныхъ денежныхъ или территоріальныхъ средствъ, не можетъ быть и рѣчи для гарантовъ. Отсюда видна существенная разница международной гарантіи, какъ предмета особыхъ трактатовъ, отъ поручительства по договорамъ въ гражданскомъ правѣ.

Съ трактатами о гарантіи весьма близко связаны трактаты о союзахъ, по которымъ (трактатамъ) одно государство обязывается оказать другому свое содѣйствіе и помощь. Различіе бытовыхъ международныхъ отношеній, разнообразіе цѣлей, неравенство средствъ и другія (мѣстныя, политическія, этнографическія

Digitized by Google

и проч.) особенности въ положеніи государствъ создаютъ цѣлый рядъ отдѣльныхъ видовъ трактатовъ о союзѣ. Коснемся главнѣйшихъ изъ нихъ.

Трактаты о союзахъ, установляя между націями и государствами отношеніе, которое представляетъ отдаленное сходство съ договоромъ товарищества (societas) между частными лицами, могутъ имѣть въ виду или цѣли мирныя, или военныя, — могутъ, далѣе, заключаться на опредѣленное или же на неопредѣленное время (такъ-называемые вѣчные союзы, alliances perpétuelles). Исторія знаетъ еще примѣры личныхъ, династическихъ союзовъ (въ родѣ знаменитаго фамильнаго договора Бурбоновъ, 1701 г., а также священнаго союза 1815 г.). Въ послѣднемъ случаѣ, причину или основаніе союза (casus fœderis) составляли не столько международные интересы, сколько вопросы внутренней политики въ территоріяхъ каждаго изъ контрагентовъ.

Но каковъ бы ни былъ предметъ союзовъ разнаго рода, всѣ союзные трактаты сходятся въ томъ отношеніи, что заключаютъ въ себѣ взаимныя обязательства объ употребленіи извѣстныхъ средствъ (равныхъ или неравныхъ) для достиженія предположенной, in specie опредѣленной цѣли. Неравенство средствъ и усилій можетъ доходить до значительной степени, если на то будетъ воля контрагентовъ. Трудно было бы теоріи и практикѣ отвергнуть, разъ допустивъ принципъ свободы сторонъ при заключеніи сдѣлокъ, союзный трактатъ такого рода, что одинъ изъ контрагентовъ заранѣе принимаетъ на себя всѣ заботы касательно выполненія и достиженія цѣли, съ другой стороны — предоставляетъ воспользоваться всѣми выгодами отъ полученнаго.

Далѣе, къ общимъ правиламъ касательно всѣхъ союзныхъ трактатовъ можно присоединить такое положеніе, что «должна существовать постоянная зависимость между дѣйствіями и обязательствами сторонъ и между цѣлью союза», т. е. можно достигать извѣстными средствами лишь того, что условлено или опре-

Digitized by Google

дѣлено, въ качествѣ casus fœderis, при самомъ заключеніи союза (здѣсь, in concreto, коренится основаніе — осуждать переходъ оборонительнаго союза въ завоевательный). — При отсутствіи особыхъ договорныхъ статей, видоизмѣняющихъ отношенія сторонъ, можно поставить правило, что союзникъ обязанъ употреблять всѣ зависящія отъ него средства къ достиженію предположенной общей цѣли. Это начало важно при разрѣшеніи (дедуктивнымъ путемъ) вопроса: на чемъ основываться при разверстаніи общихъ выгодъ и совмѣстныхъ потерь союзниковъ? Справедливость и здравый смыслъ требуютъ, по нашему крайнему разумѣнію, распредѣленія того и другого соразмѣрно затратѣ средствъ и усилій, употребленныхъ союзниками. Что практика можетъ представлять иные примѣры, гдѣ сила рѣшаетъ вопросъ по началу societas leonina, про то ясно говоритъ исторія шлезвигъ-голштинскихъ дѣлъ между Австріею, Германскимъ Союзомъ и Пруссіею.

Выше было сказано, что, различные по цѣлямъ и предметамъ своимъ, союзы, могутъ быть временными и постоянными. Въ исторіи французской дипломатіи особенно много было союзовъ, имѣвшихъ въ виду образовать политическую систему изъ нѣсколькихъ государствъ, главнымъ образомъ для борьбы противъ Габсбурговъ. Гораздо малочисленнѣе и незначительнѣе по силѣ своей были союзы Англіи въ прошломъ и въ текущемъ столѣтіяхъ. Но, въ настоящее время, едва-ли можно стоять въ рядахъ защитниковъ постоянныхъ союзовъ. Выгоды отъ нихъ имѣются; но выгоды эти перевѣшиваются многими неудобствами и даже положительнымъ вредомъ. Публицисты не безъ основанія замѣчали, что постоянные союзы, продолжая существовать по силѣ инерціи и подъ вліяніемъ личныхъ отношеній политическихъ особъ, скоро переставали приносить, при такихъ условіяхъ, какую-либо пользу государству. Часто внушали они неосновательную мысль о силѣ и безопасности тамъ, гдѣ не было ни того, ни другаго, — и результатомъ являлись безпечность и близорукость государственныхъ людей, порождавшія,

Digitized by Google

въ свою очередь, роковыя послѣдствія. Вообще же, при системѣ постоянныхъ союзовъ, которымъ до сихъ поръ рѣдко удавалось найдти твердую опору въ истинныхъ и устойчивыхъ интересахъ государствъ и націй, едва-ли могутъ сохраниться независимость и свобода дѣйствія въ политикѣ, столь желанныя для вліятельныхъ и цивилизованныхъ правительствъ.

Но, произнося главнымъ образомъ осудительный приговоръ надъ теоріей постоянныхъ союзовъ, нельзя поступать такимъ-же образомъ относительно союзовъ вообще, если цѣлью послѣднихъ бываетъ достиг. уть какого-либо опредѣленнаго предмета, если нѣтъ въ виду установленія per fas et nefas общей политической системы внутри и внѣ государствъ, какъ стремились къ тому дипломаты временъ кардинала Ришельё и священнаго союза.

Стоя на такой свободной и опредѣленной почвѣ, союзъ можетъ имѣть могущественное и вмѣстѣ благотворное вліяніе, уравновѣшивая силы, предупреждая или же карая нарушенія законно-пріобрѣтенныхъ правъ и общепризнанныхъ началъ въ международныхъ отношеніяхъ. Подъ такую категорію въ-особенности подойдутъ союзы съ цѣлью обороны противъ могущественныхъ и честолюбивыхъ государствъ и сосѣдей. Но нельзя относиться съ безусловнымъ одобреніемъ къ союзамъ наступательнымъ: они, на практикѣ, чаще бывали орудіемъ честолюбія, чѣмъ полезнымъ факторомъ для интересовъ и цѣлей международнаго союза. Конечно, теорія международнаго права выставляетъ и здѣсь требованія относительно справедливости предпринимаемой войны: но, при наступленіи войною съ большими средствами, гораздо легче выставить, чѣмъ соблюсти желаніе на-счетъ умѣренности, законности и внутренней справедливости способовъ и цѣлей.

Едва-ли можно серіёзно оспаривать такое положеніе, что заключеніе союзныхъ оборонительныхъ трактатовъ есть вполнѣ свободный актъ со стороны каждаго независимаго государства. Всѣ публицисты, начиная отъ Гроція, соглашаются въ томъ, что за-

Digitized by Google

ключеніе союзнаго трактата о помощи вполнѣ законно, если война справедлива. Присоединеніе союзника къ одному изъ воюющихъ въ борьбѣ уже начавшейся не есть вмѣшательство въ томъ типическомъ его видѣ, который отвергается большинствомъ современныхъ публицистовъ: дѣло идетъ о внѣшнемъ международномъ вопросѣ — объ оборонѣ и нерѣдко спасеніи одного государства изъ рукъ раздраженнаго и неумѣреннаго побѣдителя, — но не о внутреннемъ интересѣ посторонней державы. Только коалиціи могли спасти, наконецъ, Европу отъ владычества Наполеона. — Вотъ почему нельзя не замѣтить преувеличенія въ одномъ изъ мнѣній Бенкерсгука, который отрицаетъ, опираясь на примѣры современной ему исторіи, у государствъ, бывшихъ нейтральными, право вступать въ оборонительные союзы съ однимъ изъ воюющихъ[1]. Но намъ кажется, что Бенкерсгукъ совершенно правъ, доказывая невозможность прежняго, нейтральнаго поло-

[1] Quest. J. P. I. C. XXV, § X. «Ut iniquum est, principem invitum ad bellum cogere, ita et ad pacem.... His injuriis prætexitur studium conservandæ pacis, quod et ipsum prætexitur injuriis, longe adhuc majoribus, quæ potissimum ab aliquot retro annis invaluerunt, quum nempe principes mutuis pactis de aliorum principum Regnis et Ditionibus ex animi sententia statuunt, atque si de re sua statuerunt. Has injurias peperit et adhuc parit *Ratio*, quam vocant, *Status*, quam ipse definio: *Monstrum horrendum informe, ingens, cui lumen ademptum*. Huic monstro si semel cedas, semelque tibi indulgeas, aliena non alio loco habere, quam tua, jam frustra est omnis disputatio de jure gentium et publico». — Но, во-первыхъ, иное дѣло вынуждать къ войнѣ, а иное приводить нравственнымъ давленіемъ союза къ миру. Во-вторыхъ, не отрицая крайностей, до которыхъ можетъ доходить *raison d'état*, нужно согласиться, что едва-ли, въ принципѣ, политика можетъ обходить *ratio status*, противъ котораго такъ энергически возстаетъ Бенкерсгукъ. Въ-третьихъ, примѣръ вступательства на правѣ союзниковъ Англіи, Франціи и Голланд. штатовъ 1659 г. въ войну Швеціи съ Даніею не имѣетъ отношенія къ злоупотребленію государственными соображеніями въ корыстныхъ видахъ; напротивъ, самъ-же Бенкерсгукъ говоритъ, что союзники — равно и ужественные къ обѣимъ державамъ — должны были спасать Данію отъ вѣрной погибели: «Ereptо sic Daniæ Rege *mediis ex faucibus Orci*, in quas se præcipitaverat, *vicino potentiore in se concitato*» etc.

Digitized by Google

женія для тѣхъ государствъ, которыя вступили въ союзъ, направленный противъ одного изъ воюющихъ[1].

Но можетъ случиться, что оборонительный союзъ заключенъ заранѣе и вообще, на-случай будущей войны. Здѣсь-то въ-особенности прилагается правило Гроція о томъ, что война, при которой имѣетъ въ-послѣдствіи осуществиться casus fœderis, должна быть справедливою. Требованіе Гроція повторяютъ Ваттель[2] и нѣкоторые другіе[3]. «Трактатъ, заключенный для безчестной и несправедливой цѣли, безусловно не имѣетъ никакого значенія... Такъ и оборонительный союзъ, заключенный съ тою цѣлью, чтобы ограбить націю, отъ которой не нанесено никакого оскорбленія, и такой союзъ можетъ или даже долженъ быть уничтоженъ», замѣчаетъ Ваттель[4].

Спрашивается: какъ-же именно велика обязательная сила союзно-оборонительнаго трактата? Имѣетъ ли послѣдній своимъ послѣдствіемъ непремѣнное участіе союзника подачею помощи во всякой войнѣ, безъ оговорокъ и соображеній о свойствѣ войны, служащей въ качествѣ casus fœderis (т. е. объ дозволенности или недозволенности, законности или незаконности войны)?

Разрѣшеніе вопроса этого не одинаково у публицистовъ, потому что не всѣ между ними согласны съ Гроціемъ, Ваттелемъ и отчасти съ Бенкерсгукомъ въ отрицательномъ взглядѣ на право государствъ подавать помощь, на положеніи союзниковъ, въ несправедливой войнѣ. Кто принимаетъ ученіе Гроція, тотъ, очевидно, долженъ требовать особенно-тщательнаго обсужденія характера войны, составившей casus fœderis: подавать помощь можетъ союзникъ лишь тогда, когда онъ убѣжденъ, что война справедлива. Оказать пособіе по союзному трактату въ несправ-

[1] Q. J. P. IX: manente enim amicorum nomine bellum gerere, non potest non esse impium.

[2] II; 12, § 168.

[3] Между прочимъ — Блунчли, № 447.

[4] II; 12; § 161.

Digitized by Google

ведливой войнѣ значило бы допускать и заключеніе несправедливыхъ обязательствъ, а подобный договоръ невозможенъ. — Но кто не принимаетъ ученія Гроція, полагая, что всякій договоръ, однажды заключенный, долженъ быть непремѣнно и во что бы то ни стало исполненъ, тотъ придетъ къ иному выводу въ данномъ вопросѣ, а именно: коль-скоро союзный трактатъ состоялся, то онъ подлежитъ исполненію, какъ-только доказано возникновеніе casus fœderis.

Намъ кажется, что за взглядъ Гроція стоятъ болѣе сильные доводы, почерпнутые изъ практики и подкрѣпляемые основными началами международнаго права. Отъ XVII столѣтія до нашихъ дней, обсужденіе casus fœderis при оборонительной войнѣ союзникомъ, предварительно исполненія трактата о помощи, составляло общее правило для всѣхъ государствъ Европы и Америки. И дѣйствительно: можно ли поступать иначе государствамъ, т. е. политическимъ единицамъ, совершенно-независимымъ? Есть ли возможность дѣйствовать другимъ путемъ, кромѣ предварительнаго обсужденія даннаго casus fœderis, для правительствъ, которыя несутъ отвѣтственность за судьбу своего народа, которыя не могутъ, очертя голову, идти на-встрѣчу непровѣренныхъ международныхъ столкновеній и неопредѣленныхъ опасностей? Не найдется такихъ публицистовъ (даже между тѣми, кто отвергаетъ ученіе Гроція), которые оспаривали бы положеніе, особенно-ясно высказанное Ваттелемъ: «Нѣтъ обязанности давать помощь, если союзникъ не въ-силахъ оказать ее, или же если союзникъ ставитъ себя въ опасное положеніе»[1].

Если даже принять, дѣйствительно необходимую, оговорку о томъ, что опасность должна быть близкою и серіёзною, то все-

[1] См. *Vattel*, III, 6; § 92. «Si l'état, qui a promis un secours, ne se trouve pas en pouvoir de le fournir, il en est dispensé par son impuissance même; et *s'il ne pouvait le donner* sans se mettre lui-même dans un danger évident, il en serait dispensé encore. *Ce serait le cas d'un traité pernicieux à l'Etat, lequel n'est point obligatoire*» etc.

Digitized by Google

таки отсюда implicite вытекаетъ заключеніе о *невозможности* приступать къ исполненію союзнаго договора безъ обсужденія casus fœderis, а съ этимъ, далѣе, связана *возможность* отрицательнаго рѣшенія касательно исполненія договора о союзѣ. Нетрудно представить себѣ такой случай, когда союзникъ для оборонительной войны усмотритъ въ данномъ casus fœderis всѣ признаки войны нападательной, худо-прикрытой мотивами самообороны; извѣстно, что оборонительная война можетъ быть начата съ цѣлью отклонить или предупредить нападеніе, ожидаемое въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ, причемъ лучшимъ средствомъ къ предупрежденію или отклоненію нападенія представится, по логическимъ и культурнымъ основаніямъ, завоеваніе обширныхъ провинцій, потеря которыхъ окончательно убьетъ сосѣднее государство, имѣющее важное значеніе въ политической системѣ Европы. Спрашивается: неужели и въ такихъ случаяхъ нужно государству, заключившему союзъ объ оборонѣ, идти вслѣдъ за союзникомъ? Затѣмъ, договоръ о союзѣ, по нашему мнѣнію, не подлежитъ исполненію, если случай, менѣе важный по своему политическому значенію, представляется безнадежнымъ кровопролитіемъ.

Однимъ словомъ, до сихъ поръ не удавалось—да и едва-ли удастся когда-нибудь въ-послѣдствіи—отнять у самостоятельнаго государства, вступившаго въ военный оборонительный союзъ, право отказаться отъ принятаго на себя обязательства, при дѣйствительномъ убѣжденіи въ несправедливости, упорствѣ, непомѣрномъ распространеніи въ видахъ честолюбія, или въ крайней опасности союзной войны.—Постановка противоположнаго начала, во всякомъ случаѣ, совершенно-безполезна: какая власть можетъ, безъ войны, принудить отступающаго отъ договора союзника—продолжать принятое на себя обязательство? Кто можетъ предписать дипломатическимъ путемъ этому союзнику то или другое воззрѣніе на casus fœderis, доказавъ, бывшему сотоварищу въ войнѣ, что чужой взглядъ на дѣло вѣрнѣе собственнаго?—Говоря такимъ образомъ, мы не ду-

Digitized by Google

имемъ провозглашать доктрину Гроція и другихъ безусловною истиною: общее положеніе объ отказѣ отъ союза на основаніи «несправедливости войны», составляющей casus fœderis, можетъ быть на практикѣ предлогомъ къ уклоненію отъ договора и тогда, когда нѣтъ къ тому серіёзныхъ основаній; ненарушимость трактатовъ, взаимное довѣріе между націями и государствами, интересы какой-либо воюющей державы могутъ быть не уважены въ нѣсколькихъ отдѣльныхъ случаяхъ. Но ясно будетъ, что здѣсь виною окажется не внутренняя слабость принциповъ науки и правилъ практики о соблюденіи договоровъ, о вѣрности данному слову, но отсутствіе или слабость чувства государственнаго достоинства, при недостаткѣ убѣжденія и политическаго такта, у правительствъ, руководящихъ такими націями, которыя забываютъ, что «fides servanda est». Противъ такого зла, возможнаго при выполненіи всякихъ договоровъ и обязательствъ, какъ бы ясно и опредѣленно они ни составлялись, едва-ли примѣнимы какія-либо иныя мѣры, кромѣ протестовъ общественнаго мнѣнія и войны, какъ крайняго аргумента, по правилу: «бездна бездну призываетъ».—Но нетрудно убѣдиться, что къ тому-же тяжкому исходу, т. е. къ войнѣ между бывшими союзниками еще съ большею скоростію можетъ привести осуществленіе теоріи объ обязательности для союзника помогать своему контрагенту во что бы то ни стало, безъ обсужденія casus fœderis, а слѣдовательно безъ права отступаться отъ однажды заключеннаго трактата объ оборонительномъ союзѣ.—И такъ, видя недостатки и въ теоріи гроціевскаго происхожденія по вопросу объ обязательности союзно-оборонительныхъ трактатовъ, мы останавливаемся на ней, какъ на такой, которая болѣе отвѣчаетъ началу независимости государствъ во всѣхъ заключаемыхъ ими сдѣлкахъ и договорахъ, допуская и даже требуя смягченія этой независимости передъ принципомъ святости договоровъ, заключенныхъ ясно, честно и въ истинныхъ интересахъ международнаго союза.

Digitized by Google

Наконецъ принципъ независимости и свободы дѣйствій, поставленный Гроціемъ и удержанный, съ нѣкоторыми оговорками, до настоящаго времени у большинства писателей, дастъ легкій выходъ изъ слѣдующихъ вопросовъ: Какъ быть въ томъ случаѣ, если извѣстное государство находится въ союзѣ съ двумя державами, вступившими въ непріязненныя отношенія другъ съ другомъ? Затѣмъ: можетъ ли союзникъ, уже принявшій участіе въ войнѣ, заключать отдѣльный миръ съ противною стороною?—Въ первомъ случаѣ, очевидно, не мыслимы ни устраненіе себя отъ обоихъ союзниковъ, ни единовременная помощь тому и другому союзнику: помощь должна и можетъ быть оказана лишь одному изъ двухъ, при внимательномъ обсужденіи поводовъ и свойствъ войны—справедливости или несправедливости ея, по техническому и старинному выраженію Гроція и Бенкерсгука[1].—Во второмъ случаѣ, еще проще примѣняется правило о независимости контрагентовъ,—независимости, лишь на-время и при извѣстныхъ условіяхъ ограниченной по договору извѣстными дѣйствіями, выполняемыми въ интересахъ союзнаго государства. Такимъ образомъ при убѣжденіи, что вести дальше войну значило бы содѣйствовать мщенію, честолюбію и завоевательнымъ планамъ контрагента-союзника, и что, заключивъ миръ, есть уже возможность достигнуть главной цѣли—обороны отъ угрожавшей опасности, удовлетворенія за обиду и т. п.: при такомъ убѣжденіи, всегда

[1] Ср. *Bynkershœk*, Q. J. P. I. Cap. IX. P. 209 «De fœderatis et sociis longe alia inspectio est.... Si invicem bella gerant, an utrique succurram, an uni, et cui potius? de hac quæstione non minor pugna est inter interpretes, quam inter ipsas gentes... Sane utrique fœderato non mittat copias auxiliares, si vel ex foedere debeantur, quia perabsurdum esset utrique mittere milites meos, ut invicem pugnent et se mutuo confodiant... Quo vero sive fœderati mei adversus exteros agant, sive adversus se invicem, *unice distinguendum reor, an et uter ex his justam belli gerendi causam habeat.* Si uterque justum bellum gerat contra exteros, utrique præstabo, quod ex fœdere debeo, si alter tantum, alteri negabo. *Si duo mihi fœderati se invicem aggrediantur, ex fœdere satisfaciam ei, qui justiorem causam habet, et ipse ejus rei arbiter ero*» etc.

Digitized by Google

можно начать открыто (но не потаенно) мирные переговоры одному изъ союзниковъ отдѣльно отъ другого, предувѣдомивъ послѣдняго.

Отъ союза на правахъ какъ-бы полнаго товарищества (societas) и участія въ войнѣ, нужно отличать союзные трактаты о вспоможеніяхъ или субсидіяхъ, когда только прямо обозначается количество войска, снарядовъ, денегъ и иныхъ матеріальныхъ средствъ въ-пособіе отъ одного государства другому. Здѣсь лишь вспомогательный отрядъ, отданный въ распоряженіе другой державы, непремѣнно считается непріятелемъ, но не всегда самое государство, давшее субсидію: вспоможеніе или субсидія до войны не ставитъ въ положеніе непріязненной державы, какъ дѣлаетъ это субсидія, оказанная послѣ начала войны.

Ни къ одному изъ случаевъ и видовъ союза не подходитъ практика, бывшая когда-то въ употребленіи, а именно: наемъ подданныхъ извѣстнаго государства въ войска другой державы[1]. При такомъ обычаѣ, доставлявшемъ барыши для устройства загородныхъ дворцовъ, въ родѣ знаменитаго Вильгельмсгёэ близъ Касселя, деспотическимъ и мелкимъ владѣльцамъ Германіи прошедшаго столѣтія и позорившемъ учрежденія швейцарской республики, возможно было возмутительное явленіе взаимной борьбы подданныхъ одного государства подъ двумя враждебными и чужими знаменами.

Изъ прочихъ видовъ международныхъ соглашеній можемъ мы, въ настоящемъ академическомъ году, позволить себѣ нѣсколько замѣчаній относительно конкордатовъ. Такъ называются *особые трактаты или соглашенія* для опредѣленія взаимныхъ отношеній между папою, какъ главою католической церкви, и свѣтскими государями. Само собою разумѣется, что папа, какъ кон-

[1] *Бенкерсгукъ* (L. C.), замѣтивъ о нелѣпости кровопролитій между войсками одной націи, прибавляетъ: «Qui militares suos locant, saepe quidem sunt in pari causa, sed ea huc non pertinet».

Digitized by Google

трагентъ конкордатовъ, могъ и долженъ былъ выступать не какъ свѣтскій правитель, но только какъ первосвященникъ. Договоры папскаго правительства о предметахъ свѣтскихъ заключались независимо отъ названія, формы и содержанія конкордатовъ и касались нерѣдко даже военныхъ вопросовъ.

Здѣсь не мѣсто и не время излагать исторію папской власти и организацію церковныхъ учрежденій католицизма; едва-ли подходило бы къ спеціальной и сжатой программѣ нашей описаніе порядка и обрядовъ при избраніи папъ въ конклавахъ. Подробности объ этомъ можно найдти, кромѣ сочиненій по исторіи западнаго христіанства, у Филлимора[1]. Замѣтимъ только, что заключеніе конкордатовъ, начавшееся съ 1123-го (вормскій конкордатъ императора Генриха V съ Каллистомъ II по вопросу объ инвеституръ) и представляющее далѣе оригинальный примѣръ конкордата 1289 года португальскаго короля съ епископами собственнаго государства, учащается съ того времени, какъ особенно окрѣпла и установилась за папами государственная власть ихъ въ римской территоріи (т. е. съ XVI вѣка, отъ воинственнаго и честолюбиваго Юлія II-го).

Вестфальскій трактатъ имѣлъ и здѣсь огромное значеніе: съ этого момента заключается особенно-много конкордатовъ по той причинѣ, что въ средѣ европейскаго общества умножились отношенія и народились, въ небываломъ дотолѣ количествѣ, вопросы, которые требовали для себя опредѣленія именно въ такой формѣ соглашеній. Увеличилось число независимыхъ государствъ; — достигли большей зрѣлости и видныхъ результатовъ національныя стремленія церквей; — галликанизмъ во Франціи, опираясь на парламентскую магистратуру и на Appel comme d'abus, энергически отстаивалъ независимость отечественнаго епископата, какъ мѣстнаго и законнаго представителя вселенской церкви, возвышаю-

[1] L. C. II, Chapt. X. «The electors, ministers and Courts of the Pope, considered in theis relations to foreign states».

Digitized by Google

щейся надъ папою; — въ Англіи успѣла окрѣпнуть со времени первыхъ Тюдоровъ епископальная церковь, признававшая своимъ главою короля, хотя и опиралась церковь эта въ своихъ обрядахъ на католицизмъ, въ догматахъ — на ученія святыхъ отцевъ и на постановленія вселенскихъ соборовъ; — протестантскія государства въ Германіи, реформаты и кальвинисты въ Голландіи и Швейцаріи разорвали всякую связь съ Римомъ; — наконецъ, восточная церковь еще рѣзче отдѣлилась отъ міра латинскаго, послѣ неудачныхъ и не всегда политически-разумныхъ попытокъ папъ къ объединеніямъ, въ XV столѣтіи, и не смотря на тяжкія страданія восточныхъ христіанъ подъ турецкимъ гнётомъ. — Во всѣхъ этихъ земляхъ и государствахъ были римско-католики; повсюду существовали римско-церковные интересы. Теперь намъ яснѣе, почему высказалась особенная нужда въ конкордатахъ послѣ важныхъ событій, выше нами указанныхъ.

Еще въ XVI ст., заключенъ былъ единоличною волею государя первый конкордатъ первенствующей католической державы съ Римомъ. Мы разумѣемъ то церковно-политическое соглашеніе, которое состоялось между Франциском 1-мъ и Львомъ X, 1516 года, о которомъ соглашеніи такъ остроумно замѣтилъ старинный французскій историкъ Мэзерэ, что «здѣсь папа — власть духовная — взялъ себѣ дѣла свѣтскія и уступилъ дѣла духовныя государю свѣтскому» [1]. Въ сущности, конкордатъ 1516 г., во многомъ отступившій отъ прагматическихъ санкцій 1268 и 1438 годовъ (Людовика IX Свят. и Карла VII), былъ политическою и экономическою сдѣлкою христіаннѣйшаго короля со святѣйшимъ отцомъ и объясняется болѣе всего «злобою дня», текущими собы-

[1] «... Le Pape, puissance spirituelle, prit le temporel pour lui, et donne le spirituel à un prince temporel». Ср. *Perrens*, L'Eglise et l'Etat en France, etc. I. P. 47 etc.

Digitized by Google

тіями и временными интересами контрагентовъ [1]. Въ концѣ концевъ, выигрышъ былъ неравенъ для обѣихъ сторонъ: поступаясь древнимъ выборнымъ началомъ галликанской церкви, обходя молчаніемъ вопросъ объ отношеніяхъ папы къ соборамъ, король взялъ себѣ назначеніе епископовъ (nomination des évêques), а папѣ отдалъ лишь каноническое утвержденіе лицъ, указанныхъ свѣтскою властью. Такимъ образомъ, абсолютная власть короля одинаково распространилась надъ духовнымъ, какъ и надъ свѣтскимъ населеніемъ королевства, съ правомъ взимать денежныя выгоды отъ духовенства [Réserves, grâces expectatives, отъ которыхъ отказался папа]. Римская курія вознаградила себя лишь дозволеніемъ получать за каноническое утвержденіе годовые доходы отъ церковныхъ помѣстьевъ новопоставленныхъ прелатовъ (такъ назыв. аннаты). Сопротивленіе генеральныхъ штатовъ, парламента, упорно признававшаго закономъ однѣ санкціи, и университета — сопротивленіе до-того энергическое, что ректоръ, подъ страхомъ наказаній, запрещалъ типографщикамъ и книгопродавцамъ латинскаго квартала печатать и продавать текстъ королевскаго соглашенія съ папою — не имѣло никакихъ серіёзныхъ послѣдствій. — Конкордатъ 1516 года остался во Франціи закономъ до революціи.

Послѣ революціи и «гражданскаго устройства духовенства» (Constitution civile du clergé), первый консулъ заключилъ съ папою Піемъ VII конкордатъ 15 іюля 1801 года. Исполненіе его, не смотря на ратификацію, послѣдовало лишь весною слѣдующаго года. Конкордатъ Бонапарта опирается на общія начала конкордата 1516 г., а именно: первый консулъ назна-

[1] «Le Concordat fut un accord entre deux, fait par les deux et pour les deux», замѣчаетъ Перренсъ (L. C.). Но далѣе (P. 48) мы читаемъ: «Quant à Francois 1-er, il ne faisait qu'un sacrifice apparent, celui du concile, puissance collective qui pouvait se tourner contre lui et avec laquelle il était moins aisé de s'entendre qu'avec la papauté... A y regarder de près, ... Léon X se paie de fumée; François 1-er s'attache aux réalités» etc.

Digitized by Google

чаетъ архіепископовъ и епископовъ; папа даетъ имъ каноническое утвержденіе въ 6-мѣсячный срокъ; иначе — утверждаютъ сами французскіе епископы [1]; епископы назначаютъ священниковъ (curés), съ одобренія правительства; епископы и священники даютъ присягу на вѣрность республикѣ; римско-католическая религія объявляется религіею великаго большинства (de la grande majorité) французовъ. Буллы и прочіе акты папской куріи не приводятся въ исполненіе безъ провѣрки и безъ утвержденія ихъ правительствомъ. — Послѣднее правило подтверждено «органическими статьями», вышедшими единовременно съ конкордатомъ, а также вновь провозглашено и старинное постановленіе объ апелляціяхъ по дѣламъ о злоупотребленіяхъ духовной власти (Appel comme d'abus).

Въ 1813 г. заключенъ былъ Наполеономъ новый конкордатъ съ папою, бывшимъ въ то время плѣнникомъ въ Фонтенблò; но паденіе имперіи помѣшало исполненію акта, въ которомъ между прочимъ рѣшено было прекращеніе свѣтской власти первосвященника въ территоріи, присоединенной къ Франціи по шенбрунскому декрету (17 мая 1809 г.).

Наконецъ, уже послѣ реставраціи или возстановленія Бурбоновъ, Людовикъ XVIII и папа Пій VII заключили въ 1817

[1] См. *Chéruel*, Concordats: «Le premier consul nommait les archévêques et évêques qui recevaient du saint-siège l'institution canonique» etc. — *Gaston de Bourge*, Concordat (Dictionn. général de la Politique par *Maurice Block*, Nouvelle édition, 1873). Здѣсь особенно подробно изложено содержаніе конкордата 1801 г. — Ср. *Phillimore*, II, § 347. — *Calvo*, Liv. XII, § 577; у послѣдняго ссылки на собранія Деклерка и Мартенса. — Ср. *Pradt*, Quatre concordats, 1818. — *Lanjuinais*, L'Appréciation du projet de loi relatif aux 3 concordats (1818). — *Laboulaye*, Des rapports mutuels de l'Eglise catholique et de l'Etat, à l'occasion des attaques dirigées contre les articles organiques du concordat de 1801 (Revue de législation, Tome XXII). — La liberté religieuse et la législation actuelle. Paris, Dumineray, 1860. — *Broglie* (Albert), La souveraineté pontificale et la liberté, 1862. — Conventiones de rebus ecclesiasticis inter sanctam sedem et civilem potestatem. Moguntiæ (Майнцъ) 1870. — См. также *Warnkönig*, Die staatsrechtliche Stellung der katholischen Kirche in den katholischen Ländern des deutschen Reichs. Erlangen. 1856.

Digitized by Google

году четвертый конкордатъ Франціи съ римскою церковью,— конкордатъ, отмѣнявшій соглашенія Наполеона съ тѣмъ-же папою и возстановлявшій значительное количество упраздненныхъ архіепископствъ и епископствъ. Но оппозиція палатъ не допустила утвержденія законо-проекта. Такимъ образомъ Франція до сихъ поръ находится подъ дѣйствіемъ конкордата 1801 и дополнившихъ его органическихъ статей касательно Placitum Regium, соборовъ внѣ Франціи, общихъ соборовъ и Appel comme d'abus.

Изъ другихъ католическихъ державъ, заключались конкордаты Испаніею, Португаліею, Австріею и Баваріею. — Конкордатъ испанскій, по времени, принадлежитъ къ 1851 году и, пріостановленный въ выполненіи своемъ событіями 1868 года, представляетъ такія основныя черты: католическая религія признается единственною, господствующею вѣрою испанской націи; назначеніе на духовныя мѣста принадлежитъ правительству; каноническое утвержденіе — папѣ; опредѣляются и обезпечиваются доходы епископамъ, священникамъ; признается за церковью, какъ юридическимъ лицомъ, имущественная правоспособность и т. д. [1].

Конкордатъ португальскій (1857 г.) сходенъ съ испанскимъ и французскимъ (1801) по вопросу о назначеніи и каноническомъ утвержденіи на духовныя должности. — Къ тому же году (т. е. къ 1857-му) относится конкордатъ Вюртемберга; но баварскій конкордатъ заключенъ былъ еще въ 1817 г.; баденскій конкордатъ негоціировался въ 1859 году, но не приведенъ въ

[1] См. ссылку на State papers, vol. XLI, p. 141, у *Кальво*, § 577. По испанскому конкордату, воспитаніе и обученіе во всѣхъ коллегіяхъ, университетахъ и проч. должно быть подъ надзоромъ епископовъ «dont le devoir est de surveiller l'éducation de la jeunesse sous le rapport de la morale et de la foi».— Правительство обѣщаетъ свое содѣйствіе духовенству въ отношеніи цензуры (notamment pour empêcher la publication, introduction, circulation de livres dépravés et nuisibles).—Религіозно-благотворительные ордена монаховъ и монахинь возстановляются.

Digitized by Google

исполненіе по несогласію палатъ на ратификацію. Прусскій конкордатъ заключенъ въ іюлѣ 1821 г., ганноверскій въ мартѣ 1824 г.— Но изъ всѣхъ конкордатовъ, заключенныхъ въ 50-хъ годахъ, замѣчательнѣе другихъ по своему ультрамонтанскому направленію конкордатъ Австріи, 1855 года, когда провозглашено было «божественное право» римскаго первосвященника во всей церкви католической; отмѣнено правительственное разсмотрѣніе и утвержденіе (Placitum Regium) для буллъ и посланій папы къ австрійской паствѣ; предоставлено императору не назначеніе (nomination, какъ въ конкордатахъ Франціи), но одно лишь представленіе епископовъ на каноническое утвержденіе папы; возобновлена десятина въ пользу церкви; обезпечено духовенству большое вліяніе на воспитаніе и преподаваніе въ университетахъ, гимназіяхъ и проч.; — дана духовенству цензура книгъ; присвоена юрисдикція по брачнымъ дѣламъ и т. д. — Таковъ этотъ любопытнѣйшій изъ историческихъ памятниковъ въ международныхъ отношеніяхъ римской церкви. — Общее раздраженіе, вызванное реакціоннымъ духомъ австрійскаго конкордата 1855 г., подготовило паденіе этого акта дипломатической уступчивости государственныхъ людей Австріи передъ требованіями и притязаніями римской куріи. Въ настоящее время, послѣ недавнихъ конституціонныхъ перемѣнъ въ Австро-Венгріи, не дѣйствуетъ и не можетъ болѣе дѣйствовать конкордатъ 1855 года. Энциклики и недавній вселенскій соборъ, произносившіе анаѳему всей ново-европейской гражданственности и принявшіе догматъ непогрѣшимости папъ, ставятъ неодолимую преграду между римскою куріею и современнымъ государствомъ. Отсюда движеніе старо-католиковъ, отсюда волненія и столкновенія Швейцаріи и Германіи (особенно въ Пруссіи), гдѣ съ начала 70-хъ годовъ, все болѣе и болѣе разгорается борьба между воинствующею церковью, съ ея «non possumus», и сильно-централизованнымъ государствомъ, имѣющимъ право

Digitized by Google

сказать устами Бисмарка: «Omnia possumus». Исходъ этихъ затрудненій предстоитъ впереди и преисполненъ важнаго значенія для исторіи Европы и для ея международнаго status quo.

Итальянскія государства заключали конкордаты, которые дѣйствовали до присоединенія всѣхъ отдѣльныхъ территорій къ объединенному итальянскому королевству (отъ 1859 до 1862 г.). Въ 1870 году порѣшенъ былъ и римскій вопросъ, и 18 октября разослана нота Висконти-Веносты о присоединеніи папской территоріи къ землямъ короны Виктора Эммануила[1].—Но опредѣленіе отношеній церкви къ государству было на очереди, по яснымъ заявленіямъ королевскихъ министровъ въ самую торжественную минуту возсоединенія Рима съ Италіею. Они открыто говорили, что страна сознаетъ всю важность отвѣтственности, которую приняла она на себя, провозгласивши прекращеніе свѣтской власти папы. Отсюда обязанность передъ лицомъ всей Европы—«приложить идею права, въ самомъ широкомъ и возвышенномъ ея значеніи, къ отношеніямъ между церковью и государствомъ»[2].

Устранивъ свѣтскую власть первосвященника, какъ обветшалый остатокъ средневѣковой эпохи, итальянскіе дипломаты признали, что «личное, высокое положеніе папы не будетъ умалено; напротивъ, за святѣйшимъ отцомъ будутъ вполнѣ гарантированы его державный характеръ (son caractère de souverain), его преимущества передъ прочими католическими государями, его привилегіи внѣземельности, его дворцы, резиденціи и особый бюджетъ (Liste civile)». — Далѣе, столь-же сильныя гарантіи обѣщаны

[1] «Les populations de Rome—писалъ итальянскій министръ—ayant acquis la liberté d'exprimer solennellement leur volonté, se sont prononcées à la presque unanimité pour l'annéxion de Rome et de son territoire à la monarchie constitutionnelle de Victor-Emmanuel... Cette votation faite avec toutes les garanties de sincérité et de publicité est la dernière consécration de l'unité italienne» etc. (Staats-Archiv 20 B. № 4303).

[2] Слова вышеприведенной ноты Висконти-Веносты.

Digitized by Google

полной свободѣ сношеній папы съ вѣрующими черезъ нунціевъ, легатовъ и проч. — Иностранныя правительства будутъ, по прежнему, кредитовать дипломатическихъ агентовъ при особѣ первосвященника римско-католической церкви, которая должна быть свободною въ свободномъ государствѣ[1].

Подробнымъ развитіемъ началъ, высказанныхъ государственными людьми итальянскаго королевства, явился законъ 13 марта 1871 года, извѣстный въ актахъ современной дипломатіи подъ сокращеннымъ названіемъ «закона о гарантіяхъ»[2]. Здѣсь провозглашаются: личная неприкосновенность и священный характеръ особы первосвященника, — опредѣляются карательныя мѣры противъ преступленій и проступковъ, нарушающихъ личныя права и достоинство папы, — обезпечиваются для него царственныя почести на пространствѣ всей территоріи королевства (ст. 1—3). — Папа удерживаетъ своихъ тѣлохранителей и дворцовую гвардію. – Бюджетъ его опредѣленъ въ 3,225,000 лиръ, которые вписаны, какъ вѣчная неотчуждаемая рента, въ Большую книгу государственнаго долга. — Остаются въ обладаніи папъ дворцы ватиканскій и латеранскій съ музеями, виллами и другими принадлежностями, и все это изъято отъ сборовъ и податей, а также не подлежитъ отчужденію для цѣлей общественной пользы. — Всѣ означенныя мѣстности, составляя имущество папы, пользуются внѣземельностію и недоступны ни для чиновниковъ итальянской полиціи, ни вообще для административныхъ агентовъ иначе, какъ съ разрѣшенія самого первосвященника, конклава или собора (ст. 7, 8). — Лица, аккредитованныя при особѣ папы, пользуются всѣми правами и преимуществами дипломатическихъ аген-

[1] Ibidem: L'exercice de sa haute mission lui sera assuré... Surtout par la séparation de l'Eglise et de l'Etat.—Rien ne nous parait plus efficace que la liberté complète que nous accordons à l'Eglise sur notre territoire».

[2] Полное обозначеніе этого закона таково: «Loi du 13 mars 1871 sur les prérogatives du Souverain-Pontife et du Saint-Siège, et sur les relations de l'Etat avec l'Eglise».

Digitized by Google

товъ (ст. 11). Посланцы его святѣйшества къ иностраннымъ правительствамъ также надѣлены преимуществами и привилегіями согласно извѣстнымъ началамъ международнаго права.—Папѣ предоставлено имѣть, въ Ватиканѣ и въ прочихъ резиденціяхъ, свои собственныя почтовыя и телеграфныя бюро съ личнымъ составомъ изъ подвѣдомственныхъ его святѣйшеству чиновниковъ; курьеры папы пользуются равнымъ положеніемъ съ курьерами иностранныхъ правительствъ въ Италіи (ст. 12, 13).—Таковы главныя черты перваго титула закона, имѣвшаго въ виду установить modus vivendi итальянскаго правительства съ папою. — Второй титулъ, въ статьяхъ отъ 14—19, проводитъ начало свободной церкви въ свободномъ государствѣ. Между прочимъ отмѣняется Placitum regium — правительственное дозволеніе для обнародованія папскихъ буллъ, посланій и проч.— за исключеніемъ (впредь до изданія особаго закона) актовъ о церковныхъ имуществахъ и бенефиціяхъ, находящихся внѣ Рима и подгородныхъ мѣстностей (ст. 16). Свобода сходокъ для духовенства безусловна. Наконецъ, отъ епископовъ не требуется присяги королю Италіи.

Въ протестантскихъ государствахъ, кромѣ тѣхъ, отношенія которыхъ (какъ напр. Бадена) къ римской церкви опредѣлялись конкордатами, дѣйствуютъ еще такъ называемыя Bullæ circumscriptionis со стороны папы, согласованныя съ Placitum regium территоріальной власти.

Въ Англіи, еще съ XVI-го столѣтія признаны независимость церкви отъ Рима и верховенство свѣтскаго государя надъ церковью. Само собою разумѣется, что при такихъ условіяхъ не можетъ небыть здѣсь Placitum regium для буллъ и другихъ актовъ, исходящихъ изъ консисторіи римскаго первосвященника. Учрежденія и правила эти въ Англіи подтверждались не разъ и въ нашемъ столѣтіи (1848, 1850 г.)[1].

[1] Ср. *Phillimore*, II. Chapt. IX.

Digitized by Google

Отношенія Россіи къ римской церкви, подлежащія въ другихъ государствахъ опредѣленію конкордатами, начались со второй половины XVIII стол., т. е. съ раздѣла Польши. Но по различнымъ причинамъ, касаться которыхъ мы здѣсь не можемъ по краткости изложенія, прошли $^3/_4$ столѣтія прежде чѣмъ, послѣ безуспѣшныхъ попытокъ къ соглашенію, заключенъ былъ конкордатъ 1847 года.— Соглашенію этому предшествовало путешествіе и личное свиданіе императора Николая I-го съ папою Григоріемъ XVI.—Конкордатъ этотъ постановилъ учрежденіе 7 епархій и порѣшилъ, сходно съ французскимъ конкордатомъ 1801 года, одинъ изъ коренныхъ пунктовъ, а именно: епископы назначаются императоромъ; но папѣ предоставлено каноническое утвержденіе прелатовъ. Прямыя сношенія между папою и польскимъ духовенствомъ запрещены; обязательно обращеніе къ посредству русскаго посольства въ Римѣ, которое доводитъ дѣло черезъ министерство иностранныхъ дѣлъ въ департаментъ духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій. Папскія буллы и другіе акты могутъ быть обнародываемы только по разсмотрѣніи и дозволеніи правительства (т. е. и въ Россіи дѣйствуетъ Placitum regium).— Событія въ началѣ 1860 годовъ на западныхъ окраинахъ Россіи могли только затруднить и усложнить отношенія с.-петербургскаго кабинета къ Риму. Всѣмъ памятно, вслѣдствіе какихъ причинъ и при какихъ условіяхъ произошло неудовольствіе русскаго посланника, барона Мейендорфа, съ Піемъ IX. Русскій дипломатическій агентъ былъ отозванъ, и съ тѣхъ поръ не было новаго назначенія на мѣсто барона Мейендорфа. До 70-хъ годовъ, положеніе вопроса о конкордатѣ не измѣнилось. Комитетъ, особо составленный изъ государственныхъ людей настоящаго царствованія, едва-ли могъ согласиться на требованія папы, высказанныя послѣ конкордата 1847 года, а именно: на дозволеніе прямыхъ сношеній польскихъ епископовъ съ Римомъ, на увеличеніе числа монастырей, на учрежденіе

Digitized by Google

уніатскихъ епископствъ, на отмѣну или ослабленіе законовъ противъ католической пропаганды, а также законовъ о смѣшанныхъ бракахъ и о присягѣ.—Недавній вселенскій соборъ, догматъ папской непогрѣшимости и близкая уже, серіёзная борьба папской доктрины съ свѣтскою властью въ Германіи—такіе «признаки времени» важны и для Россіи. Вотъ почему вопросъ о конкордатѣ Россіи съ Римомъ, въ настоящую минуту, едва-ли не темнѣе и затруднительнѣе, чѣмъ въ началѣ 60 годовъ текущаго столѣтія.

Что касается до международныхъ отношеній римской церкви въ Швейцаріи и Пруссіи, то вопросъ этотъ отлагаемъ мы до будущаго чтенія лекцій по международному праву, какъ одинъ изъ неразрѣшенныхъ еще окончательно и горячихъ пунктовъ въ вѣковомъ спорѣ между духовною и свѣтскою властью въ Европѣ.

Ознакомившись съ главнѣйшими видами конвенцій и трактатовъ, мы должны еще сказать, въ заключеніе настоящаго отдѣла, нѣсколько словъ о правилахъ толкованія международныхъ договоровъ. Были мнѣнія, которыми признавалась напрасною попытка установить положительныя и опредѣленныя правила для толкованія трактатовъ[1]. Встрѣчались, напротивъ, и такіе писатели, которые вдавались въ схоластическія и запутанныя подраздѣленія различныхъ видовъ истолкованія трактатовъ[2].

Но едва-ли можно примириться съ обѣими крайностями: если схоластика только затемнитъ своими дробными дѣленіями толко-

---

[1] См. *Halleck*, Ch. XXXVI, P. 905, 906.—*Sedgwick*, «On Stat. and Con. Laws» Ch. 6: «... As vain to attempt to frame positive and fixed rules of interpretation, as to endeavor, in the same way, to define the mode by which the mind shall draw conclusions from testimony».—Ср. *Phillimore*, II, § LXVI. *Savigny*, Obligationen-Recht, II. 189.

[2] Ср. у *Галлека*, L. C. § 16, слѣдующее замѣчаніе: «... *Leiber* (Legal and political Hermeneutics) distinguishes between *interpretation* and *construction*, dividing the former into close, extensive, extravagant, limited or free, predestinated and authentic; and the latter into close, compehensive, transcendant and extravagant».

Digitized by Google

ванія на «сжатое», «экстравагантное», «трансцендентное» и проч.; то отсутствіе всякихъ правилъ введетъ произволъ и сдѣлаетъ крайне затруднительнымъ положеніе практиковъ.—Цѣль, къ которой стремится международный договоръ, дѣйствующій при извѣстныхъ условіяхъ и ограниченіяхъ какъ бы законъ (ad instar legis),—цѣль эта есть исполненіе чего-либо, честное и правильное, не по буквѣ, но по духу и по истинному намѣренію трактата. Но цѣль такая недостижима при анархическомъ состояніи вопроса о толкованіи международныхъ договоровъ. Справедливо замѣчаютъ публицисты, что многія кровопролитнѣйшія войны имѣли корень свой въ невѣрномъ или недобросовѣстномъ истолкованіи трактатовъ, и что на совѣсти старинной дипломаціи лежитъ не мало такихъ грѣховъ, когда изъ пыльныхъ архивовъ вытаскивался какой-нибудь ветхій пергаментъ, кривая интерпретація котораго поддерживала корыстную интригу или клаузу въ духѣ знаменитыхъ притязаній Людовика XIV на прирейнскія земли.

Таковы соображенія о внѣшнихъ, такъ сказать, политическихъ причинахъ и поводахъ для многихъ юристовъ отъ Гроція, Пуфендорфа, Ваттеля, Рутерфорта до Уильдмана, Филлимора, Геффтера, Кальво и мног. др., заниматься вопросами объ истолкованіи трактатовъ[1]. Но есть и другія стороны въ томъ-же вопросѣ: уже по самой юридической природѣ своей, трактаты нуждаются въ истолкова..іи, подобно договорамъ въ гражданскомъ правѣ; это ясно изъ соображеній: о несовершенствахъ письменной рѣчи, какъ способа выраженія мыслей и намѣреній человѣческихъ,—о затруднительности выразить общее правило (такъ формулируются обыкновенно статьи договоровъ) столь удачно, что-

[1] См. *Grot.* II. cap. XVI.—*Puffendorf*, V; cap. XII.—*Vattel*, II, Chap. XVII, §§ 262—322.—*Rutherforth*, Institutes, II, ch. VII.—*Wildman*, I, PP. 177—185.—*Phillimore*, II, § LXIV—XCIX.—*Heffter*, § 95.—*Calvo*, Liv. XII, §§ 596—608.

Digitized by Google

бы этимъ общимъ и широкимъ правиломъ моментально разрѣшались всѣ возникающіе частные случаи. Затѣмъ, каковы бы ни были тщательность и точность редакціи, все-таки, при исполненіи трактата, нерѣдко съ неожиданностію возникаютъ затрудненія и препятствія, которыя могутъ быть взвѣшены и улажены только въ силу истолковательнаго процесса надъ содержаніемъ международнаго акта. Наконецъ, въ такихъ практическихъ вопросахъ, какъ трактаты, затрогивающіе крупные интересы контрагентовъ, нельзя оставаться при спокойномъ оптимизмѣ, но слѣдуетъ предполагать вліяніе корысти и иныхъ чисто-политическихъ страстей; затѣмъ правило «pacta sunt servanda» (договоры должны быть свято соблюдаемы) нерѣдко остается благочестивымъ желаніемъ, а дѣйствительность вводитъ въ извѣстное международное отношеніе обманъ, хитрую уклончивость, грубую недобросовѣстность,—и трактату грозитъ опасность сдѣлаться мертвою или затемненною буквою. Здѣсь-то открывается поле для истолкованія договора, т. е. для того логическаго процесса, посредствомъ котораго мысль государственныхъ людей, дипломатовъ и судей возстановляетъ желанное согласіе намѣренія контрагентовъ съ осуществившимся исполненіемъ этого намѣренія въ мірѣ международныхъ отношеній.

Какія же лица и власти имѣютъ право и обязанность толковать трактаты? Въ принципѣ, право это должно принадлежать лишь тѣмъ учрежденіямъ и лицамъ, которыя имѣютъ, по устройству различныхъ государствъ, право заключать международныя сдѣлки. Такимъ образомъ имѣли бы мы лишь одинъ видъ толкованія трактатовъ, которое (толкованіе) близко подходитъ къ такъ-называемому а) *Interpretatio authentica* (т. е. толкованію, сдѣланному самимъ законодателемъ).—Но на практикѣ приходится высшей власти передавать право толкованія, какъ делегатамъ, дипломатическимъ агентамъ на конгрессахъ и конференціяхъ, а также подчиненнымъ властямъ и учрежденіямъ въ госу-

Digitized by Google

дарствѣ. По той причинѣ, что трактатъ, отличаясь существенно отъ закона sensu stricto, тѣмъ не менѣе представляетъ собою своеобразную норму, соединяющую въ себѣ элементы договорной сдѣлки и закона in certa materia, для извѣстныхъ случаевъ, — по этой причинѣ толкованіе трактата подлежитъ нерѣдко судебной власти. Есть такія государственныя устройства, гдѣ заранѣе опредѣляютъ въ конституціонномъ порядкѣ вѣдомство и порядокъ дѣлопроизводства въ судахъ при истолкованіи трактатовъ[1].

Во всякомъ случаѣ, въ дѣйствительной жизни возникли, а за-тѣмъ перешли въ теорію международнаго права еще такіе виды толкованія трактатовъ: b) толкованіе обычное *(interpretatio usualis)*, когда разъясненіе смысла договоровъ совершается уполномоченными или судьями на основаніи установившейся практики и предъидущихъ случаевъ (прецедентовъ); и c) толкованіе ученое *(interpretatio doctrinalis)*, когда смыслъ выраженій извѣстнаго трактата подвергаютъ научному разсмотрѣнію для опредѣленныхъ практическихъ цѣлей. — Послѣдній видъ толкованія подраздѣляютъ еще на d) грамматическое и e) логическое, смотря по тому, идетъ ли дѣло о пониманіи однихъ словъ, или же о пониманіи трактата въ его цѣлости, со стороны цѣли, мотивовъ и т. д.

Въ-частности, можно свести къ слѣдующимъ рубрикамъ правила толкованія. I) При объясненіи словъ, слѣдуетъ держаться обыкновеннаго и общеупотребительнаго значенія ихъ, избѣгая того особеннаго смысла, который могутъ давать словамъ ученые и филологи[2]. Само собою разумѣется, что въ международныхъ актахъ особенно-опасно стремленіе подвергать статьи договоровъ толкованію въ тѣхъ случаяхъ, когда не представляется нужды

[1] Такъ *Кальво*, § 608, указываетъ на конституцію сѣверо-американскихъ штатовъ.

[2] «This rule is, in fact, inculcated as a cardinal maxim of interpretation equally by civilians, and by writers on International Law» — замѣчаетъ Филлиморъ (P. 85).—Ср. *Calvo*, p. 728.

Digitized by Google

въ интерпретаціи. Такое правило прекрасно выражено еще у римскихъ юристовъ: Cum in rebus nulla ambiguitas est, non debet admitti voluntatis questio[1].—II) Слова техническія, относящіяся къ наукамъ, искусствамъ, ремесламъ и проч., составляютъ исключеніе изъ общаго вышепоставленнаго правила касательно изъясненія по простому смыслу и общепринятому значенію; здѣсь толкованіе не можетъ не опираться на научныя и всякія вообще-спеціальныя свѣдѣнія.—III) Приходится нерѣдко придавать особенныя значенія одному и тому-же слову въ текстѣ даннаго трактата[2]. Слѣдовательно, можно поставить такое правило: при толкованіи словъ, нужно обращать вниманіе на весь текстъ договора въ цѣлости, на назначеніе и приложеніе того понятія, которое выражается общеупотребительнымъ словомъ[3].—IV) При грамматическомъ истолкованіи словъ, имѣющемъ большое значеніе, не нужно однакоже забывать, еще

---

[1] *Ваттель* (II. § 263) говоритъ по этому поводу: «Quand un acte est conçu en termes clairs et précis, quand le sens en est manifeste et ne conduit à rien d'absurde, on n'a aucune raison de se refuser au sens que cet acte présente naturellement. Aller chercher ailleurs des conjectures pour le restreindre ou pour l'étendre, c'est vouloir l'éluder. *Admettez une fois cette dangereuse méthode, il n'est aucun acte qu'elle ne rende inutile*».—*Уильдманъ* (P. 177) замѣчаетъ: «The purpose of construction is to expound treaties, not to frame them».

[2] См. у *Кальво*, стр. 728, примѣръ различнаго смысла слова: «день», въ конвенціи о перемиріи на *сорокъ дней* (т. е. сутокъ), причемъ контрагенты обязаны употребить, *въ теченіе 8 дней* изъ шестинедѣльнаго срока, всѣ усилія къ заключенію мира. Ясно, что въ послѣднемъ пунктѣ *день* не означаетъ *полныхъ сутокъ*, какъ въ первомъ случаѣ, потому что невозможно вводить въ конвенцію статью, которая обязывала бы денно и нощно совершать извѣстныя дѣйствія для заключенія мира. Иначе пришлось бы поступить по схоластическому правилу: Credo, quia absurdum.

[3] Ср. *Grot.* II. XVI. § 24 (въ переводѣ *Пр. Фодэра* мы читаемъ: «...La matière dont il s'agit doit toujours être censée présente à l'esprit de celui qui parle, quand même les paroles s'étendent plus loin» etc.—*Vattel* (II. § 280), «On doit toujours donner aux expressions le sens le plus convenable au sujet, ou à la matière dont il s'agit» etc.—См. также *Уильдмана* (I, 180) примѣры толкованія словъ въ трактатахъ по связи съ цѣлымъ содержаніемъ акта.

Digitized by Google

виведеннаго римлянами, правила герменевтики, что въ законѣ внутренній смыслъ важнѣе внѣшней формы (Scire leges non est verba earum tenere), и что въ договорахъ такое-же значеніе имѣютъ намѣреніе и воля сторонъ сравнительно съ буквою сдѣлки. Отсюда-то афоризмъ, повторяемый всѣми юристами: Prior atque potentior est, quam vox, mens dicentis. — Международные договоры, какъ и сдѣлки частныхъ людей, пишутся не для филологическихъ упражненій, которымъ отведено свое обширное и научное поле дѣятельности; назначеніе трактатовъ чисто-практическое: эти акты служатъ регуляторами международнаго порядка, — одни они способны, до извѣстной степени, замѣнить отсутствіе общаго закона надъ государствами, соблюсти идею права и взаимныя выгоды среди различныхъ націй. Значитъ, въ дѣлѣ толкованія, грамматическія тонкости должны отступать на второй планъ передъ силою намѣренія сторонъ, направленнаго къ достиженію важныхъ цѣлей международнаго союза. — V) При двусмысленности или неясности словъ или статей, нужно держаться такого истолкованія, при которомъ бы трактатъ могъ имѣть наибольшую и самую полезную силу; другими словами, толкованіе должно имѣть въ виду — содѣйствовать, а не мѣшать легальному исполненію международныхъ обязательствъ и такому-же полному осуществленію взаимныхъ правъ. — VI) При столкновеніи и спорахъ по неясности опредѣленія касательно взаимныхъ правъ и обязанностей, принято дѣлать толкованіе противъ стороны, получающей выгоды по трактату, на основаніи правилъ, заимствованныхъ изъ римскаго законодательства[1]. — VII) Различіе между толкованіемъ *распространительнымъ и ограничительнымъ* (interpretatio extensiva et restrictiva) имѣетъ приложеніе въ тѣхъ случаяхъ, когда въ трактатѣ заключаются такъ называемыя *благопріятныя и неблагопріятныя* статьи (favo-

[1] In stipulationibus, quum quæritur quid actum sit, verba *contra stipulatorem* interpretanda sunt.

Digitized by Google

rabilia et odiosa), т. е. статьи, содѣйствующія приложенію началъ права, человѣколюбія, взаимныхъ выгодъ, или же статьи, карающія и ограничивающія права и проч. — Такимъ образомъ при сомнѣніяхъ касательно статьи о возстановленіи чьихъ-либо правъ, нужно принимать in integrum restitutio во всей полнотѣ этого понятія; при сомнѣніяхъ касательно размѣра и степени штрафовъ и контрибуціи, слѣдуетъ стоять за наименьшіе размѣры и степень того или другаго. — VIII) При столкновеніи статей общаго содержанія со статьями конкретными или частными, послѣдняго рода статьямъ отдается предпочтеніе передъ статьями перваго разряда. — IX) При коллизіи статей *позволяющихъ* (permissiva) со статьями *повелѣвающими и запрещающими*, перевѣсъ признается за статьями послѣдняго рода: и дѣйствительно, позволеніе условно; повелѣніе и запрещеніе безусловны, а потому и возникаетъ болѣе настоятельная обязанность держаться первенства при ихъ выполненіи. — X) Само-собою разумѣется, что статьи условныя зависятъ, при истолкованіи ихъ, отъ свойства условія: до наступленія извѣстнаго событія, условныя статьи не дѣйствуютъ; далѣе, столкновеніе статьи sub conditione suspensiva со статьею безъ присоединенія отлагательнаго условія, очевидно, направляетъ толкованіе къ предпочтенію въ пользу статьи, безусловно-постановленной въ трактатѣ. Статьи, ограниченныя условіемъ погасительнымъ, conditio resolutiva, послѣ наступленія резолютивнаго событія, не имѣютъ никакого значенія при столкновеніи съ другими, не обставленными такимъ условіемъ статьями. До наступленія же факта съ резолютивною силою, статьи условныя этой категоріи должны также отступать на второй планъ, въ случаѣ столкновенія со статьями, поставленными безусловно. — Статьи касательно безсрочныхъ выполненій получаютъ первенство передъ статьями, при которыхъ опредѣленъ срокъ на будущее время. — XI) При столкновеніи между собою статей совершенно-однородныхъ (напр.

Digitized by Google

въ равной мѣрѣ запретительныхъ или повелительныхъ), предпочтеніе при столкновеніи отдается той изъ нихъ, которая болѣе точна и частна по смыслу своему.—XII) При столкновеніяхъ по смыслу и содержанію между цѣлыми трактатами и при невозможности совмѣстнаго ихъ исполненія, припято: въ случаѣ коллизій трактатовъ различной эпохи между одними и тѣми-же контрагентами, отдается предпочтеніе договору позднѣйшему. Но при столкновеніи трактатовъ, заключавшихся между различными контрагентами, дѣйствующимъ признается трактатъ, болѣе ранній по времени. — Въ первомъ случаѣ имѣетъ силу правило: lex posterior derogat priori, а во второмъ случаѣ это немыслимо; напротивъ, первый по времени трактатъ (положимъ, между Франціею и Россіею) могъ бы установить такія права и создать такіе интересы для одного изъ контрагентовъ (напр. Россіи), которыя (права и интересы) имѣютъ для получившаго ихъ полное значеніе даже въ то время, когда Франція позднѣе заключитъ (положимъ съ Австріею) трактатъ радикально-противоположнаго содержанія по одному и тому-же предмету (напр. о морской торговлѣ).

Таковы главнѣйшія правила касательно толкованія трактатовъ.—Само собою разумѣется, что не всегда тѣ практическія цѣли, которыя преслѣдуются международными договорами, могутъ быть достигнуты однимъ толкованіемъ. Нерѣдко, для выхода изъ затрудненій, приходится измѣнить трактатъ, подвергнувъ его пересмотру, обсужденію съ обѣихъ сторонъ и дать ему новую редакцію. Смотря по числу и по важности измѣненій, послѣднія облекаются въ форму протоколовъ, дополнительныхъ статей и иногда цѣлыхъ отдѣльныхъ конвенцій.

Государства, властныя заключить или измѣнить трактатъ, властны и продлить его существованіе до той поры, пока такой фактъ будетъ совпадать со взаимными ихъ правами и выгодами. Актъ продленія трактата или совершается формально, обыкно-

Digitized by Google

венно въ видѣ особаго о томъ письменнаго извѣщенія (это — такъ называемое prorogation); или же продленіе трактата происходитъ само собою, на основаніи заключенія или логическаго вывода изъ факта незаявленія (factum concludens negativum) о прекращеніи трактата въ теченіе извѣстнаго времени до установленнаго срока (это — такъ называемое reconduction tacite)[1]. Обыкновенно о такомъ способѣ пророгаціи или продленія заранѣе вставляется особая статья въ содержаніе заключаемаго трактата.

Прекращаются трактаты или А) сами собою, или В) по волѣ сторонъ. — Первое бываетъ: когда наступаетъ или срокъ договора, или погасительное условіе, — когда уничтожается предметъ трактата, — когда выполненіе его невозможно въ физическомъ, нравственномъ и въ юридическомъ отношеніи (разумѣется при возникновеніи этой невозможности уже по заключеніи договора); — когда въ основѣ трактата распознается, съ теченіемъ времени, ошибка или заблужденіе по существу сдѣлки (in rei substantia), — наконецъ когда объявляется и начинается война, всегда пріостанавливающая дѣйствіе конвенціи и погашающая трактатъ, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда на этотъ счетъ состоялись особыя соглашенія.

Второе имѣетъ мѣсто: или по миролюбивому соглашенію, или же по открытому нарушенію и неисполненію трактата однимъ изъ контрагентовъ, а иногда и обоими. — За такимъ нарушеніемъ должно слѣдовать прекращеніе сдѣлки, если, впрочемъ, въ са-

---

[1] Примѣръ такого способа продленія представляетъ, правда — не трактатъ sensu stricto, но договоръ, между французскимъ правительствомъ и компаніею Messagéries maritimes, о денунціаціи котораго былъ поднятъ, въ іюнѣ настоящаго года, вопросъ въ національномъ собраніи однимъ депутатомъ (Guichard). По смыслу особой статьи, помѣщенной въ текстѣ договора, денунціація его должна быть сдѣлана до 22 іюля 1875 года; если-же это не будетъ выполнено, то этимъ самымъ дѣйствіе соглашенія между французскимъ правительствомъ и компаніею Messagéries maritimes продлится на 12 лѣтъ, считая отъ 22 іюля текущаго года.

Digitized by Google

момъ трактатѣ не предусмотрѣно заранѣе средствъ къ возстановленію прежнихъ отношеній между контрагентами при участіи гарантовъ, посредниковъ и проч. Миролюбивое соглашеніе о прекращеніи трактата получило, по обычаю, форму особаго письменнаго, а иногда и словеснаго извѣщенія, заблаговременно, т. е. до срока трактата, о намѣреніи одного изъ контрагентовъ — не продолжать далѣе дѣйствія договора. Это — такъ называемая денунціація (dénonciation).

О международныхъ повинностяхъ и обязанностяхъ.

а) Международныя повинности.

§ 29. До сихъ поръ мы говорили о международныхъ отношеніяхъ исключительно съ точки зрѣнія правъ, которыя вытекаютъ изъ понятія государствъ, какъ правоспособныхъ членовъ международнаго союза. Но то извѣстное положеніе, по которому всякое право предполагаетъ соотносительное (коррелативное) понятіе обязанности, составляетъ общій законъ и для международнаго союза. Самостоятельность, территоріальная независимость государствъ, равенство ихъ всѣхъ между собою и т. п.—оставались бы мертвою буквою, если-бы не было для другихъ государствъ обязанности строго уважать и блюсти эти права. Но отсюда не слѣдуетъ, чтобы права государствъ, относительно которыхъ существуетъ обязанность уваженія со стороны другихъ государствъ, оставались на практикѣ безусловно неограниченными. «Тотъ естественный фактъ», говоритъ Геффтеръ (§ 43), «что каждое государство существуетъ и развивается возлѣ другихъ, вызываетъ извѣстныя ограниченія его правъ, и отрѣшиться отъ этихъ ограниченій нельзя, не нарушивъ международнаго порядка и правилъ сосѣдства».

Изъ этого замѣчанія можно сдѣлать такое опредѣленіе международныхъ повинностей: это суть различныя формы пользованія въ чужихъ государственныхъ территоріяхъ, которыя (формы) ограничи-

Digitized by Google

ваютъ основныя права сосѣднихъ самостоятельныхъ государствъ. Такъ, напр., подданнымъ одного государства можетъ и должно быть предоставлено право проѣзда чрезъ территорію другого; или бываютъ случаи, когда имъ (подданнымъ) предоставляется право пользованія лѣсами, лугами, угодьями въ другомъ государствѣ; далѣе, между естественными международными сервитутами у публицистовъ считалась обязанность принимать воды, вытекающія изъ другого государства, и такимъ образомъ для земель государствъ нижележащихъ всегда существовалъ и существуетъ тотъ сервитутъ, что воды, естественно текущія изъ вышележащихъ странъ, принимаются ими. Вообще на международное право весьма сильно повліяло въ этомъ отдѣлѣ римское право: и въ международномъ правѣ сущность сервитутовъ состоитъ въ томъ, чтобы *pati vel non pacere* (т. е. дозволять что-либо другому государству, или не дѣлать чего-либо самому въ собственной территоріи).

Примѣры положительныхъ сервитутовъ (т. е. когда государство дозволяетъ другому что-либо дѣлать въ своей территоріи) слѣдующіе: для Брауншвейга, Ганновера и Гессена до 1866 и 1870 гг., т. е. пока они (особенно два послѣдніе) сомкнулись ближе съ прусскою монархіею, былъ обязателенъ servitus actus viæ et itineris въ рейнскія провинціи въ пользу Пруссіи; затѣмъ, если принять въ соображеніе географическое положеніе Швейцаріи и значеніе рѣки Рейна. то, очевидно, что для жителей Швейцаріи необходимъ былъ, до осуществленія начала свободы международныхъ рѣкъ, сервитутъ проѣзда по Рейну до его устья. Къ той-же категоріи положительныхъ повинностей (pati) подойдутъ дозволенія — или правительствамъ или частнымъ лицамъ, находящимся подъ охраною правительствъ - содержать почты (примѣры: русскія почты, существовавшія при Николаѣ I въ Турціи, прусскія — въ малыхъ германскихъ государствахъ и почты Турнъ-Таксисъ въ остальной германской территоріи. Старинная фамилія Турнъ-Таксисъ, родственная австрійскому

Digitized by Google

императорскому дому, получила монополію почтъ въ Германіи по актамъ 1803 и 1815 гг.). Сюда-же относится дозволеніе однимъ государствомъ другому—содержать въ извѣстныхъ пунктахъ своей территоріи гарнизоны[1].

Къ примѣрамъ повинностей 2-го рода, т. е. сервитутовъ — non facere, относятся нѣкоторыя отношенія, установленныя по утрехтскому трактату (вообще замѣтимъ, что этотъ трактатъ весьма интересенъ для вопроса о международныхъ повинностяхъ, въ-родѣ, напр., того, что не дозволялось во Франціи жить Стюартамъ; эта повинность ложилась лично на французское правительство). Сюда-же относится статья трактата между Англіею и Испаніею, которою (статьею) англійское правительство обязалось не дозволять жить въ Гибралтарѣ маврамъ и другимъ иновѣрцамъ. По тому же утрехтскому трактату, не дозволялось Франціи имѣть укрѣпленій въ Дюнкирхенѣ и въ нѣкоторыхъ другихъ городахъ. — Къ сервитутамъ non facere относятся еще случаи отказа извѣстнаго государства отъ морской торговли съ другимъ государствомъ или съ какою-нибудь компаніею — servitus non navigandi; такой сервитутъ лежалъ въ прошедшемъ столѣтіи на Австріи, относительно остъ-индской компаніи. Однимъ изъ важнѣйшихъ примѣровъ положительныхъ повинностей служитъ запрещеніе для Россіи по трактату 1856 г. содержать военный флотъ въ Черномъ морѣ, а также имѣть арсеналъ въ Николаевѣ. Но послѣ событій 1870 г. лондонская конференція возстановила права Россіи на Черномъ морѣ почти въ первопачальномъ ихъ видѣ. Вообще, прежняя международная практика и прежніе трактаты были обильнѣе примѣрами сервитутовъ, чѣмъ современная практика и позднѣйшіе трактаты.

---

[1] См. барьерные трактаты, когда Англія и Голландія обязались содержать гарнизоны на границѣ Голландіи съ Франціею; прусскіе гарнизоны въ Люксамбургѣ и гарнизоны Австріи и другихъ германскихъ государствъ въ Майнцѣ и Франкфуртѣ; наконецъ, австрійскіе гарнизоны въ 1814 и 1819 гг. въ италіанскихъ городахъ, съ цѣлію охраны папскихъ интересовъ.

Digitized by Google

Теперь коснемся нѣкоторыхъ общихъ теоретическихъ положеній въ ученіи о международныхъ сервитутахъ. Послѣдніе носятъ на себѣ всѣ признаки римской теоріи сервитутовъ; такъ, 1) субъектами международныхъ повинностей могутъ быть сосѣднія государства, хотя и не смежныя, — въ международномъ правѣ есть еще болѣе основаній, чѣмъ въ гражданскомъ, не требовать, чтобы государства были смежны. Однако сервитутъ почтъ въ пользу Турнъ-Таксисъ показываетъ, что субъектами международныхъ сервитутовъ могутъ быть и частныя лица; но въ такомъ случаѣ требуется непремѣнно, чтобы подобные исключительные субъекты состояли подъ санкціею международнаго права [Турнъ-Таксисъ находились именно въ такомъ положеніи]. 2) Въ большинствѣ случаевъ, субстратомъ или предметомъ международныхъ повинностей бываютъ территоріи и различныя территоріальныя права государствъ; слѣдовательно, въ международномъ правѣ преобладаетъ реальный характеръ сервитутовъ. Но изъ нѣкоторыхъ примѣровъ (см. обязанность для англійскаго правительства не допускать мавровъ въ Гибралтаръ, или изъ обязанности французскаго правительства не дозволять Стюартамъ жить во Франціи) мы видимъ, что международное право не исключаетъ и личныхъ повинностей. 3) Предѣломъ дѣйствія международныхъ сервитутовъ должна быть коренная и существенная обязанность однихъ государствъ уважать самостоятельность, неприкосновенность и souveraineté другихъ. – Такъ говоритъ теорія международнаго права, осуждая повинности, по которымъ одно государство подчиняется другому. Но устанавливается ли и можетъ ли быть установлена ясная раздѣлительная черта повинностей нормальныхъ отъ такихъ, которыя противорѣчатъ основнымъ началамъ и условіямъ международной жизни, это — вопросъ спорный и открытый. Мнѣнія отдѣльныхъ ученыхъ и публицистовъ допускаютъ такіе сервитуты, по которымъ извѣстное государство изъ самостоятельнаго сдѣлалось бы несамостоятельнымъ. Слѣдо-

Digitized by Google

вательно, общее правило о предѣлѣ дѣйствія международныхъ повинностей подлежитъ существеннымъ ограниченіямъ[1]. 4) Положеніе римскаго права о томъ, что «презумція не можетъ служить къ установленію сервитутовъ, но что послѣдніе (т. е. сервитуты) должны быть доказаны», и что, слѣдовательно, въ случаѣ сомнѣнія о сервитутѣ, нужно давать рѣшеніе въ пользу свободы,—приложимо и къ международному праву. Въ этомъ легко убѣдиться, взявъ во вниманіе великую важность международныхъ правъ и интересовъ, сравнительно съ правами и интересами частныхъ лицъ. Съ установленіемъ международнаго сервитута не только ограничиваются права государства; но иногда послѣднее можетъ дойдти до полусамостоятельности. Ясно, что, въ виду подобныхъ послѣдствій, должно соблюдать наибольшую осторожность. Вотъ почему сервитуты главнымъ образомъ должны устанавливаться на основаніи точныхъ и положительныхъ трактатовъ, хотя они (сервитуты) и не требуютъ акта или обряда традиціи. Международное право допускаетъ еще для установленія сервитута незапамятное пользованіе,— это нѣчто въ-родѣ римской prædscriptio; но въ сомнительныхъ случаяхъ государство, на территоріи котораго существуетъ такой сервитутъ въ пользу другого, можетъ потребовать болѣе ясныхъ и документальныхъ основаній для обладанія сервитутомъ, такъ-что здѣсь нельзя сказать: in quantum possessum, in tantum prædscriptum. 5) Что касается до преемственнаго пользованія сервитутовъ, то международное право не отрицаетъ и здѣсь общихъ началъ права; сервитуты, неограниченные срокомъ, могутъ переходить къ наслѣдникамъ и всѣмъ вообще преемникамъ въ правахъ. Но и въ этомъ случаѣ, коль-скоро возникаетъ сомнѣніе, презумція должна быть въ пользу освобожденія государствъ отъ сервитута. 6) Прекращеніе международныхъ сервитутовъ происходитъ: a) per derelictionem —

[1] Ср. *Гефftеръ*, § 43.

Digitized by Google

чрезъ оставленіе сервитута его субъектомъ; b) per consolidationem; c) per confusionem, т. е. когда извѣстное государство, пользующееся сервитутомъ въ другомъ государствѣ, дѣлается обладателемъ территоріи послѣдняго; здѣсь сервитута уже не можетъ быть по тому общему правилу, что nemini res sua servire potest.

b) *Международныя обязанности.*

Выше указано было понятіе международныхъ обязанностей, какъ коррелативовъ основныхъ правъ государствъ. По различію правъ, публицисты устанавливаютъ и различныя категоріи обязанностей; такъ-что, если мы примемъ различіе между правами коренными и второстепенными, то можемъ и должны допустить раздѣленіе обязанностей на officia perfecta (какъ коррелативы коренныхъ правъ) и на officia imperfecta (какъ коррелативы второстепенныхъ правъ). Officia perfecta суть обязанности строго-необходимыя и могутъ вынуждаться тѣми средствами, которыя допускаются въ международномъ правѣ; officia imperfecta суть такія обязанности, которыя, будучи коррелативами правилъ comitatis juris gentium (взаимнаго уваженія и вѣжливости) не могутъ быть вынуждаемы, хотя и имѣютъ существенное значеніе для международнаго союза (примѣръ—принятіе или непринятіе дипломатическаго агента). — Къ officia perfecta публицисты (Ваттель, Галлекъ, Кальво, Филлиморъ и другіе) относятъ обязанность — воздавать справедливость, оказывать уваженіе къ основнымъ правамъ другихъ государствъ. «Ни одно государство, говоритъ Галлекъ, не можетъ быть свободно отъ такой обязанности». Кальво, развивая ту-же мысль, продолжаетъ: «Выполненіе этой обязанности (здѣсь онъ почти слово въ слово повторяетъ мнѣніе Ваттеля) болѣе необходимо между націями, чѣмъ между частными лицами, такъ-какъ международная несправедливость ведетъ къ болѣе суровымъ послѣдствіямъ, чѣмъ неправда въ дѣлахъ част-

Digitized by Google

ныхъ людей; кромѣ того, при отсутствіи общаго посредническаго суда, на разсмотрѣніе котораго можно было бы внести подобные случаи, затруднительно вознагражденіе и возмѣщеніе убытковъ отъ правонарушеній въ международныхъ отношеніяхъ».

Такова отвлеченная формула для международныхъ обязанностей. Само собою разумѣется, что данная формула не остается въ бездѣйствіи на своей теоретической высотѣ; напротивъ, изъ нея могутъ быть выведены правила для многихъ практическихъ случаевъ въ международныхъ отношеніяхъ, а именно: отвѣчаетъ ли государство — и, если отвѣчаетъ, то въ какой мѣрѣ — за тѣ дѣйствія своихъ правителей, чиновниковъ, которыя (дѣйствія) нарушаютъ права другихъ государствъ? — Нѣтъ и не можетъ быть сомнѣнія, что государство и нація отвѣчаютъ за дѣйствія своихъ правителей, т. е. тѣхъ лицъ, въ чьихъ рукахъ верховная власть; не теорія, не кабинетныя увлеченія, а сама сила вещей и природа государствъ устанавливаютъ неразрывную связь (или солидарность) между правительствомъ и управляемымъ народомъ. Для международнаго права, правительство тождественно съ государствомъ. И здѣсь-то заключается причина, почему подданные несутъ тяжкія послѣдствія войнъ, предпринятыхъ или вызванныхъ личнымъ желаніемъ и усмотрѣніемъ правителей.

Но если нація отвѣчаетъ за извѣстныя дѣйствія правителей (нарушившія интересы и права другихъ государствъ); то отвѣчаетъ ли правительство за дѣйствія своихъ сановниковъ и чиновниковъ? — Рѣшая этотъ вопросъ, нужно принимать во вниманіе права и государственное положеніе чиновныхъ лицъ. Если чиновники имѣютъ представительный характеръ (т. е. если они дипломатическіе агенты), то дѣйствія такихъ лицъ влекутъ такія же послѣдствія, какъ и самихъ правителей. Когда посолъ, посланникъ, даже chargé d'affaires, дѣйствуя на основаніи кредитивовъ, нарушатъ права другихъ государствъ; то поднявшаяся война падаетъ тяжестью на націю. Но у государства есть средство отстранить отъ себя такую от-

Digitized by Google

вѣтственность, это — формально высказать порицаніе дѣйствіямъ своего дипломатическаго агента. Международное право требуетъ даже въ этомъ случаѣ наказанія противъ совершившаго правонарушеніе, — и лишь тогда уничтожается солидарность между чиновникомъ и его правительствомъ. — Правило, по которому государство и правительство отвѣчаютъ за извѣстныя дѣйствія своихъ дипломатическихъ агентовъ, примѣняется и къ военноначальникамъ, находящимся за границею съ сухопутными арміями, отрядами, или же съ флотомъ. Причины такого примѣненія основательны и понятны: военно-начальники и морскіе командиры суть представители и охранители началъ дисциплины, которыми государство не можетъ пренебрегать; они же считаются охранителями чести національнаго флага или знамени; и если эти лица совершатъ дѣйствія, нарушающія права и интересы другихъ государствъ, то ясно, что вытекающія отсюда послѣдствія вызываютъ отвѣтственность правительства.

Иностранные войска и флоты изъ военныхъ кораблей за границей, пользующіеся правомъ внѣземельности, по фикціи, представляются какъ-бы подвижною частію своей націи и территоріи; отрицать солидарность начальниковъ такихъ частей съ высшимъ правительствомъ невозможно; — слѣдовательно нужно и здѣсь допустить, въ извѣстныхъ случаяхъ, отвѣтственность для правительства за дѣйствія военныхъ и флотскихъ офицеровъ внѣ предѣловъ отечественной территоріи. Международная практика знаетъ много такихъ случаевъ; между прочимъ можно остановиться на одномъ изъ нихъ: въ 1868 г. англійское правительство приняло на себя отвѣтственность за дѣйствія командира корабля, который бомбардировалъ одинъ городъ на остр. Гаити. Вообще же англійское правительство до послѣдняго времени держалось довольно странныхъ и не совсѣмъ удобныхъ воззрѣній на этотъ вопросъ: защищая своихъ дипломатическихъ агентовъ, военно- и флото-начальниковъ, оно старалось выгородить ихъ отъ всякой отвѣтственности за ихъ

Digitized by Google

дѣйствія. Въ 1860 годахъ были случаи, поднимавшіе вопросъ объ международной отвѣтственности правительствъ, главнымъ образомъ, въ Америкѣ, такъ-какъ тамъ (въ южно-американскихъ штатахъ) постоянно бываютъ смуты и революціи; но послѣ продолжительныхъ и серьезныхъ дипломатическихъ переговоровъ, безусловно подтвержденъ принципъ полной отвѣтственности всѣхъ правительствъ за дѣйствія дипломатическихъ агентовъ, военно- и флото-начальниковъ.

Не такъ удобно опредѣлить отвѣтственность правительствъ въ тѣхъ случаяхъ, когда права иностранныхъ государствъ оскорбляются частными лицами или простыми подданными. Между подданными — частными лицами и государствомъ ихъ не такъ легко, даже a priori, установить безусловную солидарность. Есть много соображеній, которыя повидимому приводятъ къ слѣдующему правилу: такъ-какъ на правительствѣ лежитъ обязанность не дозволять своимъ подданнымъ оскорбительныхъ дѣйствій противъ правъ и интересовъ чужихъ государствъ; такъ-какъ націи обязаны взаимно уважать другъ друга и такъ-какъ, наконецъ, государства могутъ удерживать своихъ подданныхъ въ законныхъ предѣлахъ: то существуетъ и должна существовать связь между извѣстными противузаконными дѣйствіями частныхъ лицъ и ихъ правительствами, или націями. — Но было бы весьма неосновательно и несправедливо выводить такое заключеніе. Нельзя отвергать того, что правительства должны уважать другъ друга, что правительству принадлежитъ власть удерживать своихъ подданныхъ отъ незаконныхъ дѣйствій; однако не слѣдуетъ забывать и другихъ соображеній: существуетъ ли у правительства возможность — всегда услѣдить за дѣйствіями своихъ подданныхъ? И если для правительства нѣтъ такой возможности даже въ предѣлахъ его собственной территоріи, то развѣ можетъ быть она въ территоріи чужого государства? И такъ, нужно ограничивать понятіе объ отвѣтственности правительства за дѣйствія своихъ поддан-

Digitized by Google

ныхъ. Разумнѣе и основательнѣе такое правило, что отвѣтственность для правительства начинается тогда, если оно обнаруживаетъ небрежность или неспособность контролировать и наказывать преступныя дѣйствія собственныхъ подданныхъ, и особенно — если правительство одобряетъ и поддерживаетъ извѣстныя нарушенія правъ чужихъ государствъ. Если, напр., правительство видитъ (а не видѣть оно не можетъ) снаряженіе и вооруженіе флибустьерскаго парохода, который готовится сдѣлать набѣгъ на территорію чужого государства, то ясно, что оно отвѣчаетъ за послѣдствія. Итакъ, правительство обязано отвѣчать за дѣйствія своихъ подданныхъ, открыто совершонныя въ ущербъ другимъ правительствамъ, и не можетъ отказываться отъ вознагражденія за вредъ и ущербъ, происшедшія отъ этихъ дѣйствій, или же отказываться, напр., отъ выдачи виновныхъ лицъ, тогда какъ по конвенціямъ оно обязано выдавать ихъ.

Еще яснѣе будетъ отвѣтственность правительства, со всѣми ея юридическими послѣдствіями, если какія-либо общества, корпоративныя учрежденія въ его территоріи, или вся нація принимаетъ участіе въ приготовленіяхъ къ враждебнымъ дѣйствіямъ противъ другихъ правительствъ. Флибустьерская экспедиція, при такихъ условіяхъ, составляетъ положительное международное преступленіе; такъ-что Ваттель, Галлекъ, Кальво и др. имѣютъ полное основаніе приравнивать націи, дозволяющія подобныя дѣйствія, къ пиратамъ. «Здѣсь не могутъ быть допущены, говоритъ Галлекъ, такія отговорки, къ какимъ обыкновенно прибѣгаютъ, будто частныя лица, пустившіяся въ флибустьерское предпріятіе, не подданные даннаго правительства, а бѣглецы или эмигранты. Право эмиграціи существуетъ только во время мира и дозволяется для мирныхъ цѣлей; но и допустивъ неограниченное право эмиграціи, все-таки никто не станетъ доказывать, что эмигранты должны быть поставлены внѣ всякихъ законовъ. Если не вмѣнять въ преступленіе флибустьерство по-

Digitized by Google

тому, что виновны въ немъ эмигранты или refugiés, то почему же вмѣнять имъ воровство, обманъ, поддѣлку фальшивыхъ денегъ и т. п.? Эмиграція съ противузаконными цѣлями сама по себѣ есть преступленіе, за которое отвѣчаетъ правительство»[1].

Международная практика послѣднихъ десятилѣтій представляетъ не мало случаевъ, возбудившихъ вопросъ о томъ, въ какой мѣрѣ правительства отвѣчаютъ за убытки, причиненные подданнымъ другихъ государствъ отъ гражданской войны или революціи? — Отвѣтъ, который даютъ на этотъ вопросъ публицисты еще прошлаго столѣтія (напр. Рутерфортъ), — отрицательный. «Государство», говоритъ Рутерфортъ, (*Rutherforth*, 1754 г., Institutes of Law of nations), «которое дозволяетъ своимъ подданнымъ безнаказанно наносить вредъ иностранцамъ, подлежитъ отвѣтственности; но никакой отвѣтственности со стороны правительства не можетъ быть за дѣйствія лицъ, которыя возстали противъ него, или же находятся за границей». — Интересно по настоящему вопросу мнѣніе лорда Стэнли (Stanley) въ дѣлѣ о притязаніяхъ Пасифико къ греческому правительству (1849): «Я не думаю, чтобы правительства вообще были обязаны вознаграждать иностранцевъ, проживающихъ въ ихъ территоріяхъ за потери, происшедшія отъ неодолимыхъ обстоятельствъ и несчастій. Охранять всѣми средствами отъ насилія и отъ грабительскихъ дѣйствій иностранцевъ, живущихъ въ ихъ территоріи, — вотъ все, что

---

[1] *Halleck*, Ch. XI. Mutual duties of states.—*Calvo*, Livre VII. §§ 282—306.— У *Галлека* мы читаемъ еще слѣдующее замѣчаніе: «The act of the individual is not necessarily and of consequence the act of the state, nor would it be just, in all cases, to hold a state responsible for the act of each individual member of which it is composed. *The responsibility of the state results from its neglect or inability to control the conduit of its subjects, or its neglect or inability to punish the offenses and crimes which they commit*». — *Вattель* говоритъ: II, Ch. VI. § 72. «Si vous lâchez la bride à vos sujets contre les nations étrangères, celles-ci en useront de même envers vous; et au lieu de cette société fraternelle, que la nature a établi entre tous les hommes, on ne verra plus qu'un affreux brigandage de nation à nation».

Digitized by Google

они обязаны дѣлать. Допустить же, какъ принципъ, обязанность возмѣщать во всѣхъ подобныхъ случаяхъ убытки — значило бы создать для иностранцевъ привилегію, которою не пользуются даже собственные подданные; сильныя державы получили бы предлогъ угнетать слабыя, вторгаясь въ независимость территоріальной юрисдикціи».

Много случаевъ такого рода происходило въ Европѣ, и особенно въ Америкѣ, за послѣднее десятилѣтіе; послѣ долгихъ споровъ и переговоровъ, всѣ рѣшенія пришли къ тому, что нѣтъ основанія допускать обязанность — вознаграждать за убытки, понесенные иностранцами во время внутреннихъ безпорядковъ.

Между прочимъ, въ 1849 г., когда происходили волненія въ Тосканѣ и Неаполѣ, отъ этихъ волненій пострадали многіе иностранцы, и въ томъ числѣ англичане. Великобританское правительство собрало свѣдѣнія объ уронахъ, понесенныхъ его подданными, и предъявило требованія къ тосканскому правительству и австрійскому императору, какъ его протектору. Но въ отвѣтной нотѣ князя Шварценберга сильно опровергаются притязанія Англіи, ссылаясь на то, что подобное вознагражденіе, будучи допущено въ качествѣ общаго принципа, поставило бы въ невыгодное положеніе собственныхъ подданныхъ предъ иностранцами; а такихъ привилегій быть не можетъ, такъ-какъ они противны началамъ не только международнаго, но и частнаго права»[1]. Заботясь о миролюбивомъ окончаніи дѣла, тосканское правительство обратилось съ просьбою о посредничествѣ къ Россіи (въ 1850 г.); но графъ Нессельроде отклонилъ посредничество, высказавъ при этомъ слѣдующія основанія: «Въ данномъ случаѣ дѣло идетъ объ одномъ изъ самыхъ важныхъ и коренныхъ вопросовъ для независимости континентальныхъ государствъ, потому что, при удовлетвореніи требованій англійскаго правитель-

[1] См. извлеченіе изъ этой ноты у *Кальво*, стр. 415, 416.

Digitized by Google

ства, присутствіе великобританскихъ подданныхъ среди иностранныхъ націй оказалось бы совершеннымъ бѣдствіемъ (подлинныя слова: un fléau véritable)[1] и орудіемъ въ рукахъ революціонной партіи всѣхъ странъ для того, чтобы вызвать неодолимыя затрудненія для правительствъ».

И такъ, практика, подобно теоріи, устраняетъ, какъ принципъ, обязанность вознагражденія иностраннымъ подданнымъ, которые пострадали отъ гражданской войны, бунта и революціи въ территоріи какого-нибудь другаго правительства. Правило это было уже выражено въ нѣсколькихъ трактатахъ, а именно, въ трактатахъ 1850 годовъ между южною Америкою и Голландіею и между Сардиніею и ганзейскими городами. Не маловажнымъ доводомъ въ данномъ случаѣ служитъ законодательство Франціи и Бельгіи, гдѣ, отъ республики 1793 г. до 1848 г., проводились законы по такому началу: «обязанности вознаграждать иностранцевъ, пострадавшихъ отъ гражданскихъ войнъ, нѣтъ и быть не можетъ. Но правительство само, по личному усмотрѣнію и по собственнымъ соображеніямъ, по своей доброй волѣ, можетъ выдать это вознагражденіе». Впрочемъ такое вознагражденіе, какъ выразился Дюпенъ, будетъ происходить не по цнымъ основаніямъ, какъ только изъ сочувствія къ лицамъ и къ ихъ несчастію. «Было бы опасно и разорительно для государства», — замѣчаетъ Дюпенъ во время преній по этому предмету въ 1834 г., — «если-бы оно обязалось исправлять дома, пострадавшіе отъ гражданской войны; тогда ни одному гражданину не было бы никакого дѣла до революціи: я здѣсь ни при чемъ, сказалъ бы каждый изъ нихъ; правительство построитъ мнѣ домъ, если революція его разрушитъ, — и возвратитъ всѣ мои потери».

[1] «D'après les principes du droit international — писалъ графъ Нессельроде — on ne peut pas admettre qu'un souverain, forcé par la rébellion de ses sujets de reconquérir une ville occupée par les insurgés soit obligé d'indémniser les étrangers qui, au milieu de pareilles circonstances ont pu être victimes de pertes, ou de préjudices quelconques» etc.

Digitized by Google

Теперь скажемъ нѣсколько словъ касательно нѣкоторыхъ такъ-наз. несовершенныхъ обязанностей (officia imperfecta). Подъ officia imperfecta, несовершенныя обязанности, разумѣются такія, которыя не служатъ коррелативами основныхъ правъ государствъ, но которыя поддерживаются соображеніями взаимной международной справедливости — comitatis juris gentium — находя для себя лучшее выраженіе и подкрѣпленіе въ трактатахъ. Есть, напр., много политическихъ, нравственныхъ и экономическихъ соображеній въ пользу свободы торговли, въ пользу того, что корабли могутъ вездѣ плавать безпрепятственно, завязывать коммерческія сношенія, мѣняться своими богатствами и т. д. Человѣчество, прогрессъ и образованіе не потеряютъ отъ такого порядка, а только выиграютъ. Но можетъ ли одно государство, богатое, честное, стремящееся къ цѣлямъ высшаго развитія и космополитическаго общенія, принудить другое торговать съ нимъ? Такой вопросъ имѣетъ практическое примѣненіе къ отношеніямъ Англіи къ Китаю и Японіи. Публицисты, которые давали здѣсь положительный отвѣтъ, сильно ошибались и ставили науку на опасную почву. Доказательствомъ того, что сама дипломація не раздѣляетъ подобныхъ мнѣній, служатъ дѣйствія европейцевъ по вопросу объ японской торговлѣ. Дѣло это было ведено иначе, чѣмъ рѣшился въ 1840 г. вопросъ о торговлѣ Англіи съ Китаемъ.

О международныхъ спорахъ и различныхъ способахъ рѣшенія ихъ, независимо отъ войны.

§ 30. Прежде разсмотрѣнія вопроса о войнѣ скажемъ только, что она, до послѣдняго времени, представляетъ печальный, но неизбѣжный фактъ самыхъ различныхъ эпохъ и цивилизацій. Тѣмъ не менѣе правила нравственности и законы, управляющіе человѣческимъ обществомъ, сдѣлали обязательнымъ для государствъ, прежде обращенія къ оружію, испытать всѣ другіе способы для окончанія споровъ. «Такая умѣренность», говоритъ Галлекъ,

Digitized by Google

«вполнѣ основательна, такъ-какъ весьма часто, при внимательномъ обсужденіи дѣла, причиною той или другой международной обиды являются ошибки. Мало этого, оскорбительныя дѣйстія могутъ быть часто причинены подвластными лицами, неимѣющими полномочій; а при такихъ условіяхъ умѣренность и осторожность принесутъ полное удовлетвореніе потерпѣвшей сторонѣ и, напротивъ, скорыя мѣры бываютъ гибельны и приводятъ къ печальнымъ послѣдствіямъ». — Къ сожалѣнію, международная практика не даетъ особенныхъ доказательствъ подобныхъ желаній со стороны націй. Не смотря на нѣсколько примѣровъ третейскихъ судовъ, въ послѣднее время, въ большинствѣ случаевъ оказалось, — какъ совершенно справедливо замѣчаютъ друзья мира, — «что государства другъ предъ другомъ затрачиваютъ громадныя средства на вооруженія и даютъ своимъ подданнымъ — вмѣсто хлѣба пули, вмѣсто образованія — военныя упражненія, и вмѣсто удобныхъ жилищъ — казармы»[1].

Но какъ бы то ни было, еще Гроцій въ концѣ своего сочиненія приводитъ мысль древнихъ классическихъ писателей, что есть два способа рѣшенія споровъ: одинъ — свойственный животнымъ, другой — человѣку, и что послѣдній способъ надо примѣнять прежде, чѣмъ прибѣгать къ грубой силѣ. — Вотъ почему теорія, опираясь на давно уже высказанныя твердыя начала и указывая съ надеждою на многія статьи трактатовъ[2], имѣетъ полное основаніе ставить такія положенія: 1) война есть средство крайнее и 2) въ международномъ правѣ важныя причины и соображенія требуютъ употребленія иныхъ способовъ прежде, чѣмъ прибѣгать къ оружію. — Какіе же это способы и какова ихъ классификація? Хорошо извѣстна та истина, что международные споры не имѣютъ для себя такого суда, какой существуетъ для

---

[1] См. Bulletin de la société des amis de la paix. Août. 1873 г.

[2] См. между прочимъ 8 статью трактата 1856 г., которая рекомендуетъ посредническій судъ для международныхъ споровъ.

Digitized by Google

гражданскихъ споровъ, «и что», говоря словами Геффтера, «единственнымъ трибуналомъ (forum) служатъ здѣсь совѣсть и общественное мнѣніе». Отсюда вытекаютъ попытки установить такую систему мѣръ, которая бы замѣнила недостатки международнаго суда. Галлекъ на 290 стр. своего сочиненія дѣлитъ на двѣ категоріи различные способы окончанія международныхъ споровъ: 1) способы дружественные и 2) способы насильственные, которые составляютъ среднее между первыми и войною. Эти два родовыхъ понятія въ свою очередь дѣлятся на нѣсколько видовъ. Многіе изъ послѣднихъ, прежде очень вліятельные и еще не такъ давно прилагавшіеся, теперь уже не признаются не только теоріею, но и практикою; сюда относятся: ордаліи, — поединки между государями (послѣдній примѣръ поединка представляетъ вызовъ Густава IV Августа шведскаго, сдѣланный Наполеону I, который, конечно, не принялъ его), — обязательное третейское посредничество папы, репрессаліи въ видѣ частныхъ войнъ, — когда даются lettres de marque подданнымъ одного государства для нападенія на другое, — затѣмъ заложники и жребій. — Относительно послѣдняго однако замѣтимъ, что до сихъ поръ еще многіе серьезные публицисты допускаютъ жребій. У Геффтера, чрезъ всѣ изданія его сочиненія (и въ 1867 г. тоже), проведена мысль о томъ, что жребій весьма удобенъ для нѣкоторыхъ дѣлъ; такъ, по его мнѣнію, жребій особенно приложимъ въ тѣхъ случаяхъ, когда приходится дѣлить на части завоеванную территорію. Далѣе, въ прежнее время, когда имѣли важное значеніе вопросы о предсѣдательствѣ государствъ, жребій иногда являлся спасительнымъ, рѣшая — кому изъ государей подписаться первымъ подъ извѣстнымъ международнымъ актомъ. Относительно подобныхъ случаевъ Геффтеръ совершенно правъ; но распространять жребій на многіе вопросы и отношенія нельзя, потому что, гдѣ рѣшаетъ случай, тамъ нѣтъ сознательнаго, разумнаго обсужденія и окончанія дѣла.

Digitized by Google

Что касается до мирныхъ способовъ рѣшенія международныхъ споровъ; то Блунчли называетъ ихъ общимъ названіемъ «полюбовнаго разбора»[1]. Въ-частности, международное право отличаетъ примиреніе (arrangement amiable) отъ международной сдѣлки (transaction), и различіе между ними, дѣйствительно, есть: transaction состоитъ въ отказѣ отъ какихъ-нибудь выгодъ, правъ съ той или другой стороны; примиреніе же заключается въ томъ, что одна сторона отрѣшается отъ своихъ притязаній и всецѣло признаетъ права другой. Примѣромъ примиренія можетъ служить трактатъ 1842 года между Англіею и сѣверными штатами, который покончилъ ихъ споръ о правѣ осмотра (droit de visite). Примѣрами же transaction (международной сдѣлки) представляются трактаты 1842 и 46 гг., тоже между Англіею и сѣверными штатами, касательно границъ въ области орегонской и въ Менѣ.— Сущность сдѣлки и примиренія можно лучше всего понять изъ слѣдующаго замѣчанія испанца Рикельме: «когда между Мексикою и американскими штатами происходилъ споръ изъ-за Техаса, то этотъ споръ могъ разрѣшиться или такъ, что С. штаты уступили бы Техасъ цѣликомъ (здѣсь было бы примиреніе), или такъ, что мексиканское правительство удержало бы у себя одну часть Техаса, а сѣверные штаты взяли бы себѣ другую (и это была бы сдѣлка — transaction)».— Ясно, что международные споры оканчиваются такими способами только послѣ негоціацій, и весьма основательно также мнѣніе Галлека, что лучше, если-бы всѣ эти сдѣлки, хотя и миролюбивыя, были оформлены посредствомъ трактатовъ и т. д.

Кромѣ дружелюбныхъ сдѣлокъ и примиреній, есть еще медіаціи (bons offices, добрыя услуги), посредничество и т. п. Но когда ни негоціаціи, ни переговоры не приведутъ къ при-

[1] *Bluntschli*, Das M. V.-R. (edit. 1868), NN 481—487.—Ср. о медіаціи *Кальво*, §§ 123, 665. Здѣсь особенно важны примѣры медіаціи. Ср. *Wildman*, I: p. 52.— *Halleck*, Ch. XII, § 5.—*Heffter*, § 107 etc. *Twiss*, War, § 7, P. 12 etc.

Digitized by Google

миренію, не смотря на желаніе одной стороны, то сторона, желающая примиренія, можетъ по давнишнему обычаю сдѣлать воззваніе къ общественному мнѣнію посредствомъ газетъ и т. п. Въ воззваніи должны быть высказаны всѣ доказательства, которыя разъясняютъ дѣло, какъ оно есть: предметъ спора, тѣ или другія основанія взаимныхъ притязаній, наконецъ—нежеланіе противной стороны покончить дѣло миролюбиво. Подобное воззваніе имѣетъ то значеніе, что опубликовавшая его сторона не отвѣчаетъ за дальнѣйшія послѣдствія и заранѣе снимаетъ съ себя упрекъ въ вызовѣ войны, если ей придется прибѣгнуть къ послѣдней.—Медіація бываетъ большею частію въ такой формѣ, что какое-либо дружественное государство предлагаетъ свои добрыя услуги» (bons offices), чтобы разсмотрѣть извѣстный спорный случай и за-тѣмъ постановить извѣстное заключеніе съ цѣлью примиренія.—Но роль такого государства, которое принимаетъ на себя медіацію, бываетъ очень затруднительною, потому что, съ одной стороны, ему часто приходится бороться противъ грубаго эгоизма и неуступчивости, а съ другой стороны—оно не имѣетъ ничего похожаго на судебную власть. Медіаторъ можетъ дѣйствовать только нравственно; другихъ же средствъ, которыми располагаетъ каждый гражданскій судья, у него нѣтъ.

Теперь спрашивается: обязано ли всегда принимать на себя, или же можетъ извѣстное государство отстранить предложенную ему медіацію? Нѣкоторые писатели прошлаго и настоящаго столѣтій, а именно Гюбнеръ и Филлиморъ, склоняются къ такому отвѣту, что каждое нейтральное государство обязано принимать на себя, при всякомъ случаѣ, роль медіатора. Медіація, говорятъ они, есть обязанность, которая падаетъ на всѣ народы въ интересахъ общаго мира; но другіе писатели держатся противнаго мнѣнія (напр. Галіани) и не совѣтуютъ государствамъ принимать на себя столь трудную обязанность, часто не ведущую ни къ какимъ послѣдствіямъ.—Впрочемъ разсматривать этотъ во-

Digitized by Google

просъ съ такой общей точки зрѣнія нѣтъ основанія; его нельзя подвести подъ заранѣе заготовленную формулу: рѣшить его, въ каждомъ данномъ случаѣ, можетъ только заинтересованная сторона, при чемъ соображенія общихъ интересовъ всѣхъ націй, конечно, могутъ вліять на положительное рѣшеніе[1].

У медіатора, предложившаго свои услуги или оказавшаго ихъ, нѣтъ принужденія, нѣтъ внѣшнихъ средствъ для исполненія того, что постановлено имъ. Отсюда видны слабыя стороны медіаціи. Публицисты имѣютъ полное основаніе отличать отъ медіаціи посредничество (l'arbitrage). Послѣднее разнится отъ медіаціи въ томъ отношеніи, что посредникъ не предлагаетъ себя, но выбирается обыкновенно по общему согласію, и что этому выбору можетъ предшествовать нѣчто въ-родѣ взаимнаго договора (компромисса) касательно силы постановленнаго рѣшенія или, точнѣе, мнѣнія. Подобный компромиссъ рекомендуется многими публицистами, какъ conditio sine qua non всякаго посредническаго разбора. И дѣйствительно, хотя международные посредники имѣютъ нѣкоторое сходство съ посредниками гражданскими, хотя они не только стремятся къ примиренію, но главнымъ

---

[1] «Совершенно-законное дѣло со стороны независимаго государства — замѣчаетъ *Трэверсъ Твиссъ* (II, § 7, стр. 12, 13) — предложить медіацію между другими, тоже независимыми государствами, которыя или готовятся къ войнѣ, или уже дѣйствительно начали ее..... Часто бываетъ прямымъ интересомъ одной націи предупредить войну между другими націями, по той причинѣ, что иногда можетъ быть переброшена искра отъ такого пожара, который разгорѣлся у сосѣда; съ другой стороны, разореніе одного или обоихъ сосѣдей можетъ представиться опаснымъ для націи. И такъ, забота о собственной безопасности будетъ служить оправданіемъ для одной націи—предложить свои добрыя услуги другимъ ссорящимся націямъ. Такое вступательство, съ цѣлью предупрежденія войны, есть актъ совершенно-отличный отъ вмѣшательства одного государства въ домашнія дѣла другого. Тогда-какъ вмѣшательство подлежитъ порицанію въ самомъ своемъ принципѣ, будучи вторженіемъ въ законныя права независимаго политическаго союза: медіація является не только дѣйствіемъ строго-согласнымъ съ началами международнаго права, но даже *можетъ быть неотложною обязанностью такой націи, для которой есть опасность быть вынужденною къ участію въ угрожающей войнѣ*», и т. д.

Digitized by Google

образомъ постановляютъ рѣшенія; но все-таки у нихъ нѣтъ никакой принудительной силы; слѣдовательно, помочь этой слабой сторонѣ можно только тогда, когда посредническій судъ будетъ утвержденъ на предварительномъ соглашеніи подчиниться рѣшенію.

Спрашивается: кто можетъ быть посредникомъ? Прежде всего, правительство всякаго государства можетъ быть посредникомъ. Хотя обыкновенно въ посредники выбираютъ вліятельныхъ государей; но однако были случаи, что эту роль получали и не сильныя государства, даже ганзейскіе города, а въ средніе вѣка — и юридическіе факультеты итальянскихъ университетовъ. Часто въ посредники выбирались государи Россіи, Франціи, Пруссіи, Австріи, англійская королева; но не рѣдко и бельгійское правительство [1]. — Можетъ ли государство быть вынужденнымъ принять роль

[1] Съ конца прошедшаго столѣтія и до настоящаго времени, насчитывается уже длинный рядъ случаевъ посредничества, болѣе или менѣе важныхъ по своему вліянію на поддержаніе мира въ Европѣ и въ Америкѣ. Въ 1794 году посредническій разборъ трехъ коммисаровъ рѣшилъ споры и пререканія о границахъ между Англіею и только-что признанною (по трактату 1783 г.) сѣверо-американскою республикою. Отъ 1814-го до 1822 года, происходило разсмотрѣніе споровъ посредникомъ, россійскимъ императоромъ, между тѣми-же державами. Рѣшеніе, постановленное государемъ Александромъ I-мъ, было принято къ исполненію обѣими сторонами. — Въ 1835 году, прусскій король разбиралъ притязанія Соединенныхъ штатовъ къ Мексикѣ, въ силу статьи гваделупскаго трактата между этими государствами, которымъ (трактатомъ) опредѣлено: прибѣгать къ посредническому разбору особыхъ коммисаровъ или дружественной державы въ случаѣ какихъ-либо споровъ и несогласій между контрагентами. Статья такая представляетъ собою первую положительную санкцію той идеи объ обязательномъ посредническомъ разборѣ, которая зарождается въ «утопіяхъ» о вѣчномъ мирѣ С.-Пьера, Руссо и др. (см. исторію международныхъ отношеній), поддерживается Франклиномъ, Джефферсономъ, Мадисономъ, Вашингтономъ, развивается американскими и англійскими обществами «друзей мира» (Peace-Society). — Императоръ французовъ избранъ былъ посредникомъ 1852 г. между Англіею, Соединенными штатами и Португаліею, по дѣлу объ истребленіи, еще въ 1814 году, американскаго судна (General Armstrong) англійскою эскадрою въ водахъ португальскаго порта Файяля (на береговой линіи Асорскихъ острововъ). Штаты вмѣняли въ вину португальскимъ властямъ попущеніе такого вопіющаго нарушенія неприкосновенности нейтральной территоріи и требовали на

Digitized by Google

посредника? Нельзя принудить никакое государство къ посредничеству, какъ нельзя принудить его къ принятію медіаціи. Правило о томъ, что «каждое государство должно принимать посредничество, если ему его предложатъ», враждебно сталкивается съ началомъ самостоятельности и независимости государствъ.— Посредниковъ можетъ быть нѣсколько, и агентами посредничества являются не только государи, но и представители ихъ, которые обыкновенно назначаются изъ лицъ, имѣющихъ видное положеніе въ государствѣ, но не могутъ уже передавать (delegare) никому другому своихъ полномочій. Практика представляетъ примѣры, что посредническія роли выпадали на долю ди-

этомъ основаніи возмѣщенія убытковъ. Рѣшеніе Наполеона III было отрицательное.—Въ 1858 году король бельгійскій разбиралъ, въ качествѣ посредника, споръ по поводу захвата однимъ чилійскимъ адмираломъ серебряныхъ слитковъ, принадлежавшихъ сѣверо-американскому гражданину.—Въ 1843 году, состоялся приговоръ прусскаго короля по дѣлу, извѣстному подъ названіемъ «Портэндикскаго требованія», возникшаго въ-слѣдствіе захвата, еще въ 1834 и 1835 гг., французскими крейсерами англійскихъ торговыхъ судовъ на портэндикскомъ берегу въ западной Африкѣ не смотря на то, что не было сдѣлано отъ французскихъ властей установленнаго извѣщенія (notification) о блокадѣ.— Въ 1853 году смѣшанная коммисія посредниковъ разрѣшила 30 серіёзныхъ и запутанныхъ дѣлъ (въ числѣ ихъ было дѣло объ американскомъ суднѣ «Креолъ») между Англіею и С.-америк. штатами.—Въ 1851 году, король голландскій постановилъ приговоръ, вошедшій въ особый трактатъ между государствами, предложившими свое дѣло на посредническій разборъ, а именно: въ соглашеніе между Франціею и Испаніею о миролюбивомъ окончаніи взаимныхъ требованій по поводу захвата обѣими державами судовъ во время военныхъ дѣйствій 1823—1824 годовъ.—Отъ 1860 по 1863 годъ, посредническія коммисіи и король бельгійскій разсмотрѣли и рѣшили нѣсколько спорныхъ дѣлъ между Соединенными штатами, Новою Гренадою, Коста-Рикою и Перу, а также между Англіею и Бразиліею (послѣднее дѣло возникло по поводу ареста англійскихъ морскихъ офицеровъ на бразильскомъ берегу).—Въ 1864 году, гамбургскій сенатъ рѣшилъ, какъ посредникъ, притязанія Англіи къ перувіанскому правительству,—притязанія, возникшія въ-слѣдствіе заключенія въ темницу, а за-тѣмъ изгнанія англійскаго подданнаго.—Въ 1870 году, сама Англія судила, какъ посредникъ, дѣло между Египтомъ и Испаніею. — Наконецъ, мы можемъ указать на знаменитый случай посредническаго суда по дѣлу объ Алабамѣ, на основаніи вашингтонскаго трактата, и на недавній разборъ президентомъ французской республики споровъ между Англіею и Португаліею.

Digitized by Google

пломатовъ, юристовъ и т. п.—Но если посредническое рѣшеніе состоялось; то могутъ ли быть какія-либо основанія оспорить рѣшеніе и уклониться отъ него, хотя-бы и былъ заключенъ предварительный договоръ объ исполненіи? 1) Если посредники уклонились отъ сущности дѣла, какъ случилось это въ 1827 г. при разборѣ королемъ нидерландскимъ спора между Соединенными штатами и Англіею, то рѣшеніе можно отклонить и кассировать; 2) той-же участи можетъ подвергнуться рѣшеніе, въ которомъ очевидна недобросовѣстность судей; 3) рѣшеніе, при постановленіи котораго не были выслушаны всѣ замѣчанія и мнѣнія заинтересованныхъ сторонъ, подлежитъ кассаціи; наконецъ, 4) можно не признать такое рѣшеніе, которое отклонилось отъ началъ справедливости, а потому не можетъ сдѣлаться предметомъ договора.

Въ настоящее время посредничество становится вопросомъ о постоянномъ третейскомъ судѣ. Это дѣло принадлежитъ, главнымъ образомъ, Англіи и Америкѣ, которыя, какъ мы знаемъ, прибѣгали нѣсколько разъ къ третейскому суду. Постоянный третейскій судъ представляетъ уже настоящую судебную инстанцію для разрѣшенія международныхъ споровъ. Но судьба и значеніе международнаго третейскаго суда, какъ постояннаго международнаго трибунала, есть дѣло будущаго.

Особенно-горячимъ защитникомъ идеи объ учрежденіи постояннаго суда для третейскаго разбора международныхъ дѣлъ выступилъ въ послѣднее время талантливый бельгійскій публицистъ Эмиль де-Лавелэ[1]. Вопросъ этотъ связывается у него съ кодификаціею международнаго права; на послѣднемъ пунктѣ Лавелэ сходится даже съ тѣми, кто, подобно Сибому[2], относится съ нѣкоторымъ сомнѣніемъ къ международному значенію и всеоб-

[1] *Em. de Laveleye*, «Des causes actuelles de guerre en Europe et de l'arbitrage». 1873.—См. особенно главу VIII: «Avantages d'une Haute Cour internationale»; главу IX: «Réponses aux objections» etc.

[2] *Seebohm*, On international reform, 104, 123.

Digitized by Google

щей пользѣ третейскаго суда. Такъ, по мнѣнію Сибома, главное дѣло въ томъ, чтобы *предупреждать* распри, но не въ томъ, чтобы *рѣшать ихъ*, и ясно, что для первой, болѣе существенной, цѣли кондификація международнаго права всегда сдѣлаетъ болѣе, чѣмъ учрежденіе постояннаго третейскаго суда.

Замѣчаніе это въ общихъ чертахъ вѣрно: ясный по редакціи и полный по содержанію сводъ дѣйствующаго права всегда оказывалъ благотворное и успокоительное вліяніе на юридическій бытъ гражданскихъ обществъ внутри государствъ. По аналогіи и безъ всякой натяжки, можно ожидать тѣхъ-же результатовъ отъ приведенія въ извѣстность и опредѣленность права, дѣйствующаго въ международныхъ отношеніяхъ. Но, съ другой стороны, едва-ли былъ и можетъ существовать когда-либо такой кодексъ, который предупредилъ бы съ тою полнотою, какой по видимому ищетъ Сибомъ, всѣ споры и притязанія въ той или другой сферѣ международныхъ право-отношеній. Изъ исторіи законодательствъ всего образованнаго, древняго и новаго міра, знаемъ мы тотъ фактъ, что всякій поступательный шагъ кодификаціи по гражданскому или уголовному праву сопровождался дальнѣйшимъ развитіемъ тѣхъ формальныхъ частей каждаго изъ названныхъ нами правъ, которыя части именуются, технически, гражданскимъ и уголовнымъ судопроизводствомъ. — Однимъ словомъ, какъ бы ни упрощались и ни усовершались законы по ихъ содержанію, мы не можемъ устранить черезъ это всѣхъ трудностей отъ приложенія писанной нормы къ тѣмъ отдѣльнымъ случаямъ, которые создаются часто-прихотливымъ и рѣдко-угадываемымъ ходомъ бытовыхъ отношеній. Въ союзѣ международномъ, элементъ неожиданнаго и своеобразнаго ничуть не слабѣе, если даже не сильнѣе, чѣмъ во внутренней жизни отдѣльныхъ обществъ. Какой дальновидный политикъ могъ бы своевременно угадать и предупредить мексиканскую экспедицію Наполеона III? И кто взялся бы,

Digitized by Google

въ то время, опредѣлить тѣ нити причинъ и послѣдствій, которыя потянулись отъ Кверетаро до Седана и Меца?

Все сказанное отвѣчаетъ той мысли, что вопросъ о международномъ трибуналѣ вовсе не представляется такимъ праздным и утопическимъ, какъ кажется это Сибому, но въ-особенности Леруа-Больё[1]. Обдумать заранѣе и усовершить въ теоріи наилучшую и осуществимую, въ данный моментъ, форму международнаго суда есть дѣло вполнѣ практическое и достойное занять собою умы лучшихъ публицистовъ въ Европѣ и въ Америкѣ. Если кодификаціи международнаго права суждено осуществиться, то, само-собою разумѣется, обѣ реформы сейчасъ-же органически сольются между собою, и въ результатѣ можетъ получиться разрѣшеніе двухъ коренныхъ вопросовъ для современнаго международнаго союза.

Прибавимъ, что едва-ли не будетъ рѣзкимъ противорѣчіемъ — считать неосуществимымъ третейскій судъ, главнымъ образомъ, по причинѣ ревниваго чувства своей независимости у отдѣльныхъ націй, какъ дѣлаетъ это Сибомъ (стр. 105, 106 и пр.), а за-тѣмъ (стр. 123 и проч.) доказывать, что для международныхъ дѣлъ нуженъ не выборный *посредникъ*, но властный *судья*, изрекающій

[1] У Сибома мы читаемъ (на стр. 104): «But inasmuch as the proposal to submit international disputes to arbitration has sometimes been represented as a kind of Morison's Pill to cure all international disputes, it may be well to point out clearly that arbitration... is contrary to all sound political principles as a permanent substitute for law, *and as such it will not work*» etc. — Еще рѣзче Леруа-Больё: «Ce projet si célèbre de tribunal arbitral européen est, à tout considérer, un expédient assez pauvre. C'est en vain qu'il a été repris, modifié, perfectionné de nos jours par mille publicistes ingénieux; c'est en vain qu'il est devenu une des trivialités de la politique spéculative: *il est mort-né, malgré tout le bruit que l'on a fait autour de lui.* Un tel tribunal n'empêcherait pas plus les guerres que le tribunal des maréchaux autrefois n'empêchait les duels. Car quelle serait la sanction que ses jugements pourraient avoir? Cette sanction ne pourrait être autre que la force, c'est-à-dire la guerre... Ce tribunal européen en tant que tribunal coércitif, à la manière de nos tribunaux civils ou criminels, est donc une utopie» etc. (Les guerres contemporaines, pp. 286, 287).

Digitized by Google

приговоръ о томъ, что̀ такое законъ, безотносительно къ лицамъ и сторонамъ, спорящимъ по какому-либо международному вопросу[1]. Не говоря уже о томъ, что здѣсь неясно выдѣляется чисто-судебная функція отъ законодательной, для насъ остается вопросомъ: что легче съ одной стороны и утопичнѣе съ другой?— Устройство международнаго третейскаго суда, который рѣшалъ бы *нѣкоторыя* дѣла, предупреждая этимъ *многія* кровопролитія и насилія подъ видомъ войны, — или же организація и дѣятельность высшаго международнаго трибунала, произносящаго свое interpertationem authenticam относительно обще-обязательнаго и кодифицированнаго международнаго права? — Вмѣсто одной панацеи (или «Morison's Pill to cure all international disputes», по нѣсколько-памфлетному выраженію Сибома) мы имѣемъ въ данномъ случаѣ дѣло съ крайне-героическимъ средствомъ, которое, въ-добавокъ, покоится у автора на одномъ благочестивомъ желаніи, правда—въ соединеніи съ нѣсколькими формально-логическими доводами и полемическими выходками.

При доброй волѣ, при извѣстной трезвости и практичности въ исполненіи, планъ посредничества, какъ международнаго учрежденія въ духѣ 23 протокола парижскаго трактата 1856 года, не представляется намъ утопическимъ. О вынуждаемомъ подчиненіи этому суду всѣхъ государствъ и по всѣмъ дѣламъ не можетъ быть и рѣчи при теперешнемъ statu quo международныхъ отношеній и при современномъ состояніи всей нынѣшней цивилизаціи. Исторія недавней брюссельской конференціи даетъ въ этомъ отношеніи ясный, хотя и не вполнѣ желанный урокъ. Есть такіе вопросы, которые, касаясь слишкомъ близко политическаго могущества, страстей и національныхъ интересовъ государствъ, не могутъ быть подсудны разбору международнаго третейскаго суда. Можетъ ли быть, напримѣръ, предложено третейскому раз-

[1] «What is required is therefore not a court of arbitration, but something tantamount in principle to an international judicial tribunal» etc.

Digitized by Google

бору дѣло объ Эльзасѣ и Лотарингіи, если-бы какая-нибудь изъ двухъ заинтересованныхъ сторонъ задумала поставить его на первую очередь въ разрядѣ спорныхъ вопросовъ европейской политики? — Но развѣ мало остается вопросовъ, такъ сказать, второстепенныхъ, которые, не затрогивая коренныхъ условій самаго существованія и культурнаго развитія независимыхъ націй, все-таки важны для ихъ чести, благосостоянія и для многихъ другихъ существенныхъ интересовъ? Стоитъ внимательно пересмотрѣть вышеисчисленные случаи международнаго посредничества, отъ конца XVIII стол. до дѣла Алабамы, чтобы убѣдиться, что лучшимъ средствомъ миролюбиво оканчивать подобные многочисленные случаи будетъ третейскій судъ, — и что, слѣдовательно, можно и должно серіезно думать о томъ, какъ-бы цѣлесообразнѣе устроить и приложить къ дѣлу такое, несомнѣнно-полезное, учрежденіе [1].

Исторія доказала, что ничтожное недоразумѣніе способно разростаться въ губительную ссору. Между многими націями время и политическія событія накопляютъ иногда массу горючаго матеріала и вызываютъ такую натянутость отношеній, при которой одна капля переливаетъ черезъ край чашу. Здѣсь-то особенно полезна и вполнѣ осуществима роль посредическаго суда. Одни дѣла съ арестованіемъ Мэзона и Слайделля на Трентѣ и съ Алабамой, такъ счастливо оконченныя примирительнымъ разбирательствомъ, могутъ уже служить достаточнымъ доводомъ въ пользу посредническаго суда [2]. При этомъ остается непотрясае-

[1] Ср. *Goldschmidt*, Projet de règlement pour tribunaux arbitraux internationaux (P. 421 etc. Revue de Droit International, 1874, № III).

[2] «Il ne faut pas perdre de vue — говор. *Гольдшмидтъ*, L. C. P. 424 — que les grands conflits entre nations ont rarement leur pleine intensité d'emblée. Il existe, en général, des germes de peu d'importance dans l'origine, lesquels mûrissent et se développent graduellement jusqu'à devenir menaçants pour la paix. Il est donc très-possible qu'une médiation ou une décision arbitrale, intervenant en temps utile, empêche le différend de s'envenimer». Замѣчаніе это какъ нельзя болѣе идетъ къ дѣлу *Трента* и *Алабамы*.

Digitized by Google

мою истиною мысль, что для «полнаго» успѣха посредническаго суда необходима кодификація международнаго права. Если-бы идея эта осуществилась, то, конечно, отпало бы само собою одно изъ наиболѣе сильныхъ возраженій противъ третейскаго суда,—возраженій, высказанныхъ между прочимъ лордомъ Пальмерстономъ во время преній 1849 по поводу предложенія Кобдена и другихъ членовъ общества друзей мира [1].

Но допуская даже такія предположенія, что многія рѣшенія третейскаго суда будутъ невѣрны, что рѣшеніями этими не всегда будетъ достигаться полное успокоеніе сторонъ и такое-же удовлетвореніе притязаній различныхъ націй: все-таки худой миръ лучше доброй ссоры — Iniquissimam pacem justissimo bello antefero. Потери государства отъ войны болѣе чѣмъ превышаютъ вредъ, возможный отъ невѣрнаго рѣшенія посредниковъ,— рѣшенія, противъ котораго можно еще, какъ мы видѣли выше, найдти средства; а между-тѣмъ, гдѣ охрана и спасеніе противъ золъ и случайностей войны, которая можетъ дать перевѣсъ вовсе не той сторонѣ, на какой находится право? — Безповоротность рѣшеній посредствомъ одной физической силы оружія немногимъ слабѣе безповоротности рѣшеній съ помощью топора гильотины. Побѣда, купленная рядомъ коллективныхъ бѣдствій и смертей, большею частью опрокидывается въ своихъ несправедливыхъ результатахъ лишь новыми рядами такихъ-же смертей и бѣдствій. И одного этого соображенія, кажется намъ, достаточно, чтобы стараться привлечь серіёзное вниманіе и сочувствіе къ вопросу о посредническомъ и третейскомъ разборѣ международныхъ споровъ.

Въ-заключеніе замѣтимъ, что посредники, будучи избираемы въ

---

[1] «Aucun pays, говорилъ Пальмерстонъ, ne voudrait consentir aveuglement à soumettre ses droits et ses intérêts, dans toutes les occasions, à la sentence d'une tierce partie, *parce qu'il serait presque impossible de trouver un tribunal dans lequel les deux adversaires auraient également confiance*».

Digitized by Google

равномъ числѣ спорящими сторонами, дѣйствуютъ in corpore, какъ единая коллегія, что они обсуждаютъ вопросы и разсматриваютъ ихъ сообща, — рѣшаютъ дѣла большинствомъ голосовъ и т. д.[1]. При раздѣленіи голосовъ, когда не составляется абсолютнаго большинства, нѣтъ и посредническаго рѣшенія. Правило о дозволеніи въ такихъ случаяхъ самимъ посредникамъ выбирать третьяго главнаго посредника (sur-arbitre) не принято еще, по замѣчанію Геффтера, безусловно и исключительно ни въ европейскихъ кодексахъ, ни въ международной юриспруденціи, — какъ общее и неизмѣненное руководство для практики: однакоже въ новѣйшихъ трактатахъ, заключенныхъ сѣверо-американскими штатами, установлены различные способы, изъ которыхъ можно отчасти дѣлать выводъ о томъ, что было бы желательно установить, по настоящему важному и животрепещущему вопросу, въ теоріи международнаго права. Такъ, въ трактатѣ сѣверо-американскихъ штатовъ съ Венецуэлой (1866) положено, чтобы два посредника, выбранные спорящими сторонами, сами избирали добавочнаго посредника (obmann, surarbitre) на правахъ третейскаго судьи; въ случаѣ несогласія выборныхъ посредниковъ, избраніе предоставляется или швейцарскому, или русскому посланнику въ Вашингтонѣ. Въ трактатѣ съ Мексикою 1868 года, два посредника выбираютъ третьяго, какъ третейскаго судью; при несогласіи относительно одного и того-же лица для такой роли, каждый изъ несогласившихся посредниковъ выбираетъ отдѣльно своего кандидата, и жребій рѣшаетъ — кому быть третейскимъ судьею. Наконецъ, вашингтонскій трактатъ постановляетъ, что, каково бы ни было общее число посредниковъ, двое изъ нихъ должны быть избраны непремѣнно самими

---

[1] Ср. *Bluntschli*, Das M. V.-R. NN 488—499. — *Heffter*, § 100. — *Calvo*, §§ 667—668. — *Halleck*, Ch. XII, §§ 6, 7. — *Phillimore*, III, § 3, pp. 2—5. — *Wildman*, I, p. 186. — *Twiss*, II, § 5. — *Grotius*, III; 20; § 48. — *Vattel*, II, 18, § 329, pp. 55—57 (изд. 1839 года).

Digitized by Google

спорящими сторонами, а остальные (третій, четвертый, пятый) могутъ быть избраны: или всѣ вмѣстѣ по обоюдному согласію сторонъ, или же отдѣльно правителями нейтральныхъ государствъ[1].

На послѣднюю мысль — взывать съ просьбою о выборѣ посредниковъ къ нейтральнымъ государямъ — обращаютъ особенное вниманіе юристы и публицисты, занимавшіеся вопросами о посредническомъ судѣ. «Статья эта — замѣчаетъ Гольдшмидтъ въ интересномъ своемъ проектѣ устройства международнаго посредническаго трибунала — заключаетъ въ себѣ новую и плодотворную идею. Нѣтъ препятствій къ тому, чтобы посредническій трибуналъ (будетъ ли онъ состоять изъ одного или изъ многихъ лицъ со включеніемъ добавочнаго посредника на правахъ третейскаго судьи), — чтобы трибуналъ этотъ избирался во всей своей цѣлости безпристрастною третьею стороною»[2].

Собственный проектъ Гольдшмита имѣетъ такую ясность и обнаруживаетъ такое рѣдкое соединеніе таланта, знанія и практической опытности, что мы позволимъ себѣ познакомить вкратцѣ съ его содержаніемъ.

Проектъ обдуманъ и изложенъ въ строгой системѣ и касается: 1) заключенія предварительнаго компромисса между сторонами; 2) составленія посредническаго трибунала; 3) дѣлопроизводства и судопроизводства въ этомъ трибуналѣ; 4) посредническаго рѣ-

---

[1] Ср. Staatsarchiv, 21 B., 1871, N 4497. Art. I. «... Five arbitrators to be appointed in the following manner: one shall be named by Her Britannic Majesty; one shall be named by the President of the United States; His Majesty the King of Italy shall be requested to name one and His Majesty the Emperor of Brazil shall be requested to name one». — «... And in the event of the refusal or omission for two months after receipt of the request from either of the High Contracting Parties.... to name an Arbitrator.... His Majesty the King of Sweden and Norway shall be requested to name one or more persons, as the case may be, to act as such Arbitrator or Arbitrators». Ср. статьи XII, XXIII того-же трактата (L. C. SS. 82, 86).

[2] Revue de droit international, 1874, N III; P. 433.

Digitized by Google

шенія; 5) апелляцій и иныхъ дѣйствій, направленныхъ противъ состоявшагося уже рѣшенія.

Подъ посредническимъ международнымъ трибуналомъ Гольдшмидтъ разумѣетъ такое судилище, которое разсматриваетъ и рѣшаетъ юридическіе споры между государствами. Принимая это положеніе отъ Тренделенбурга [1], Гольдшмидтъ также ясно выражаетъ его, какъ и извѣстный философъ, но въ то-же время не рѣшается стѣснять своею формулою сферу дѣйствія третейскаго разбора въ международныхъ спорахъ [2]. Въ-частности, особенно подходятъ къ компетенціи посредническаго суда такъ называемые *преюдиціальные* вопросы, гдѣ не требуется кондемнаціи, но происходитъ или признаніе какой-либо претензіи (claim), или даже дѣлается одна декларація (напр. о пространствѣ спорной земли, о правильномъ истолкованіи трактата и т. д.). — Гольдшмидтъ не раздѣляетъ взгляда тѣхъ, которые устраняютъ изъ сферы посредническихъ судовъ споры поссессорнаго характера [3]. Вся суть дѣла для посредника заключается въ томъ, чтобы рѣшить споръ, вытекающій изъ несогласія заинтересованныхъ лицъ касательно той или другой юридической стороны въ данномъ отношеніи (напр. существуетъ ли на самомъ дѣлѣ извѣстное соглашеніе? Какія именно обязанности изъ него вытекаютъ

---

[1] Lücken im Völkerrecht.

[2] «Il est permis d'espérer — читаемъ мы на стр. 483 — que la clause compromissoire deviendra de plus en plus usuelle dans les traités à venir, pour les contestations qui pourraient s'élever entre les états contractants sur le contenu et l'éxécution du traité où la clause sera insérée».

[3] «Sans doute — говоритъ Г. — l'arbitre ne doit pas se borner à règler le possessoire, lorsqu'on lui demande une décision sur le droit. Mais rien n'empêche que dans la contestation sur le droit, il règle d'abord le possessoire, *et rien n'empêche non plus qu'il décide le possessoire seul, lorsque c'est sur le possessoire seul que les parties lui demandent une décision*». Сравн. Кальво, который пишетъ: «... Les arbitres n'ont donc aucun compte à tenir de la possession, de la détention matérielle, si ce n'est dans la mesure où, par l'appréciation des circonstances qui l'ont amenée, elle peut servir à dégager la question de droit et de propriété» (§ 667; P. 791).

Digitized by Google

для контрагентовъ? Въ какое время и въ какомъ мѣстѣ слѣдуетъ произвести исполненіе по обязательству, вытекающему изъ дѣйствительно заключеннаго договора? и т. п.). — Случаи, подлежащіе посредничеству въ типическомъ его понятіи (какъ arbitrium), возникаютъ сами собою; но не создаются волею сторонъ въ томъ смыслѣ и въ такой степени, что извѣстные вопросы намѣренно оставляются открытыми, при заключеніи или даже при исполненіи впослѣдствіи договора, съ цѣлью подвергнуть ихъ опредѣленію третьей стороны (напр. общій размѣръ денежной платы, размѣръ товарищескихъ долей или дивидендовъ, качество и количество доставленныхъ вещей и т. п.). Послѣднее отличается, какъ arbitratio, отъ arbitrium sensu proprio у Гольдшмидта, идущаго въ этомъ отношеніи въ-разрѣзъ съ Бульмеринкомъ и согласнаго съ Геффтеромъ и Блунчли.

Касательно предварительнаго соглашенія (или компромисса) сторонъ о посредничествѣ, сначала высказываетъ Гольдшмидтъ то-же общее замѣчаніе, которое изложено выше, по взглядамъ и мнѣніямъ другихъ правовѣдовъ и публицистовъ: Compromissum между сторонами и особое соглашеніе сторонъ съ посредниками (receptum arbitri) составляютъ существенные элементы посредническаго суда. — Важный вопросъ: можетъ ли быть заключаемъ компромиссъ напередъ, для рѣшенія всѣхъ возможныхъ дѣлъ въ будущемъ, — Гольдшмидтъ рѣшаетъ въ интересахъ наибольшаго расширенія сферы дѣйствія международнаго посредничества [1]. — За указаніемъ способа составленія посредническихъ судовъ (или по особымъ опредѣленіямъ въ компромиссѣ, или по избранію сторонами или же, наконецъ, по выбору какого-либо третьяго лица [2]) — за этими правилами, слѣдуетъ въ проектѣ опредѣле-

[1] «Nous n'hésitons pas (P. 430) à donner aux clauses compromissoires internationales la valeur la plus générale, à reconnaître en conséquence aussi celles qui ont trait à toutes contestations à venir».

[2] См. выше объ американской практикѣ по новѣйшимъ трактатамъ.

Digitized by Google

ніе того: кто можетъ быть посредникомъ? Субъективныя условія для личнаго состава посредническихъ судовъ очень свободно и широко поставлены у Гольдшмидта, который думаетъ, что посредниками могутъ быть: государи, частныя лица, юридическія лица — общины, свѣтскія или духовныя корпораціи, юридическіе факультеты, ученыя общества, а слѣдовательно и недавно-учрежденный институтъ международнаго права въ Гентѣ. Коллегія или корпорація, выбранная въ посредники, разсматривается какъ одна индивидуальная личность въ составѣ трибунала.— Въ проектѣ, между лицами, подлежащими факультативному устраненію и отводу сторонъ отъ посредничества, поставлены женщины, возлѣ несовершенно-лѣтнихъ и глухонѣмыхъ. Но въ проектѣ не разъясняется—подлежитъ ли исключенію женщина, находящаяся въ составѣ ученаго общества или корпораціи, только по тому, что она принадлежитъ къ слабому полу, по старинной римской формулѣ — propter levitatem animi?

Проектъ, далѣе, повторяетъ общепринятое положеніе о томъ, что нѣтъ и не можетъ быть принужденія къ принятію роли посредника, а за-тѣмъ упоминаетъ о формахъ и способахъ изъявленія согласія на принятіе посредническихъ обязанностей.— Любопытна та частность въ проектѣ, что авторъ желаетъ провести римское начало о вынуждаемости, а слѣдовательно и объ отвѣтственности, въ предлагаемомъ имъ устройствѣ посредническаго суда въ томъ случаѣ, если посредникъ уклоняется безъ законныхъ основаній отъ принятой на себя обязанности. Какъ ни старался смягчить мысль свою почтенный авторъ[1], но намъ

[1] Ср. L. C. P. 436, § 10. «L'arbitre qui après avoir accepté soit par déclaration écrite, soit par acte de fait, se déporte sans le consentement de tous les compromettants et sans juste motif ou se soustrait d'autre façon à l'obligation qu'il a assumée, peut être poursuivi en la voie légale devant son juge ordinaire, par chacune des parties en payement d'une indémnité correspondante aux frais qui ont été faits». Въ громадномъ большинствѣ случаевъ, статья эта будетъ неприложима къ практикѣ международнаго посредничества.

Digitized by Google

кажется, что эту деталь можно бы исключить, не только не умаляя, но даже усиливая практическое значеніе проекта. Спрашивается: какимъ способомъ исполнять правило объ отвѣтственности въ примѣненіи къ международнымъ посредникамъ, если они избраны изъ царственныхъ особъ или изъ юридическихъ лицъ? — Выбранные посредники не могутъ давать полномочій на заступленіе себя другими лицами, по правилу: delegatus non potest delegare. — Правило это не относится однако-же къ правителямъ государствъ, принявшимъ роль посредниковъ.

Мѣсто для посредническаго суда можетъ быть назначено уже въ самомъ компромиссѣ, или же въ дополнительномъ и особомъ соглашеніи между сторонами; иначе, опредѣляется оно по большинству голосовъ самихъ посредниковъ. Разъ избранное мѣсто не перемѣняется, кромѣ случаевъ рѣшительной невозможности или крайней опасности для выполненія посредническихъ обязанностей. — Правило это, строго постановленное авторомъ проекта, опирается на прецедентѣ римскаго законодательства и оправдывается практическими соображеніями о вліяніи мѣста суда на независимость и безпристрастіе посредническаго приговора.

Для порядка судопроизводства въ посредническихъ трибуналахъ авторъ проекта рекомендуетъ начало полной автономіи этихъ судовъ, если только сами стороны не предписали извѣстныхъ правилъ въ статьяхъ компромисса. Но обязательно для посредническаго суда держаться тѣхъ основныхъ началъ, которыя были уже объявлены, для примѣненія ихъ ad hoc, отъ посредниковъ спорящимъ сторонамъ. Такая статья въ проектѣ заслуживаетъ полнаго одобренія: она вытекаетъ изъ духа и коренныхъ принциповъ посредническаго суда, построеннаго на свободномъ договорѣ сторонъ (compromissum), и на такомъ-же договорѣ сторонъ съ посредниками (receptum arbitri). — Кромѣ средневѣковой практики однихъ каноническихъ (но никакъ

Digitized by Google

не свѣтскихъ) судовъ и нѣкоторыхъ новыхъ законодательствъ (французскаго — Code de procédure, art. 1009, и баварскаго — код. судопр. ст. 1332), нѣтъ примѣровъ между leges latae въ пользу процессуальныхъ стѣсненій посредническихъ судовъ. Напротивъ, практика важнѣйшихъ новыхъ трактатовъ даетъ прецеденты для выведенія общаго правила о нестѣсненіи посредническихъ судовъ хотя-бы, положимъ, предписаніемъ о безусловномъ примѣненіи законовъ судопроизводства той мѣстности, гдѣ происходитъ посредническій судъ[1].

Изъ кореннаго (свободно-согласительнаго) принципа посредническаго суда, сверхъ невозможности предварительнаго судебнаго разсмотрѣнія въ международныхъ дѣлахъ, можно выводить и оправдывать слѣдующее правило проекта: «§ 18. Посредническій трибуналъ есть судья собственной своей компетенціи». Опасность отъ чрезмѣрнаго расширенія компетенціи, по мнѣнію Гольдшмидта, опирающагося на практику высшаго торговаго суда въ Лейпцигѣ, не оправдываетъ преюдиціальнаго вмѣшательства со стороны оффиціальныхъ судовъ и въ простомъ, гражданскомъ посредничествѣ. Но въ международномъ посредническомъ судѣ

[1] Въ статьѣ X-й вашингтонскаго трактата (8 мая 1871) мы читаемъ: «The members.... shall severally subscribe a solemn declaration that they will impartially and carefully examine and decide, *to the best of their judgment and according to justice and equity*, all matters submitted to them, and shall forthwith *proceed under such rules and regulations as they may prescribe... and shall examine and decide... in such order and manner as they may think proper*, but upon such evidence or information only as shall be furnished by or on behalf of the governments of Great Britain and of the United States respectively». — Отсюда видно, что процессуальная сторона предоставляется независимому опредѣленію самихъ посредниковъ по тѣмъ свѣдѣніямъ и доказательствамъ, которыя будутъ доставлены самими спорящими государствами. Далѣе, въ статьѣ X, мы видимъ еще предписаніе касательно отдѣльнаго выслушиванія каждой спеціальной претензіи и касательно рѣшенія большинствомъ, но непремѣнно въ письменной формѣ, съ подписью каждаго члена въ отдѣльности. Въ ст. XIII вновь подтверждается общее начало, высказанное въ ст. X-й, а именно: «They (commissioners) shall investigate and decide... in such order and such manner as they may think proper» etc.

Digitized by Google

не имѣется даже такого субъекта, которому бы могло принадлежать вышеозначенное вмѣшательство, въ видахъ преюдиціальнаго производства, съ сомнительно-полезными результатами. Англо-американская практика въ гражданскихъ дѣлахъ провозглашаетъ и здѣсь начало[1], которое служитъ положительною опорою для lex ferenda объ опредѣленной компетенціи посредническихъ судовъ въ дѣлахъ международныхъ.

За-тѣмъ разсматривается важный и спорный вопросъ: чѣмъ руководствоваться посредникамъ при разсмотрѣніи и рѣшеніи дѣла? Извѣстна, между прочимъ, доктрина, что посредникъ sensu proprio (arbiter) рѣшаетъ на основаніи принциповъ права, не имѣя власти основывать свои приговоры (какъ дѣлаетъ это будто бы одинъ arbitrator) на справедливости, или æquitas.—Но едва ли можно проводить такую разграничительную черту,—и этого не дѣлаетъ Гольдшмидтъ. Во-первыхъ, есть государства, гдѣ существуетъ параллелизмъ двухъ системъ: строгаго права (jus strictum) и болѣе свободныхъ правилъ справедливости (equity). Вышеприведенныя статьи вашингтонскаго трактата между Англіею и Америкою говорятъ о судѣ по закону и справедливости (according to justice and equity), такъ-какъ существуетъ правило въ практикѣ этихъ націй: въ-случаѣ сомнѣнія, судить и рѣшать ex æquo et bono.—Во-вторыхъ, въ другихъ государствахъ, ни arbiter, ни arbitrator не могутъ и не должны основывать свои мнѣнія на чемъ-либо иномъ, кромѣ началъ и правилъ существующаго положительнаго права. Создавать самому посреднику право, какъ бывали тому примѣры на нѣкоторыхъ древнихъ судахъ востока и запада, очевидно, не представляется ни возможности, ни надобности. Слѣдовательно, и при международномъ посредническомъ разборѣ нельзя предоставлять, по общему правилу, безграничнаго произвола посредниковъ въ при-

[1] Англо-американскіе юристы принимаютъ и здѣсь: «a fair and liberal construction».

Digitized by Google

нятіи и установленіи ими самими нормы для рѣшенія спорнаго дѣла. Общее правило скорѣе можетъ быть выражено такъ: «Посредники, дѣйствуя автономически въ выборѣ формъ и порядка разбора дѣлъ, обязаны рѣшать ихъ на основаніи началъ, правилъ и обычаевъ, принятыхъ въ международномъ правѣ». Постепенность въ выборѣ источниковъ для рѣшенія Гольдшмидтъ установляетъ такимъ образомъ: сначала обязательно приложеніе постановленій трактатовъ и обычаевъ къ спорнымъ вопросамъ; за-тѣмъ можно обращаться къ принципамъ международнаго права; наконецъ, къ частностямъ спорныхъ дѣлъ, приложимы по особенности каждаго случая постановленія права публичнаго или гражданскаго того или другаго народа[1].

Таково желаніе, высказываемое однимъ изъ первоклассныхъ современныхъ юристовъ de lege ferenda, о будущемъ опредѣленіи порядка для международнаго посредническаго суда. — Но намъ кажется, что едва-ли когда-нибудь будетъ принято безусловно правило, предложенное Гольдшмидтомъ. По особенностямъ субъектовъ международныхъ отношеній, т. е. независимыхъ государствъ, всегда могутъ быть вставлены въ компромиссѣ статьи о разборѣ дѣлъ ex bono et æquo, какъ и есть уже тому примѣры въ новѣйшей исторіи трактатовъ. За-тѣмъ существуютъ и всегда будутъ существовать такіе случаи, гдѣ, по самому существу дѣла, удобнѣе предоставить посредникамъ широкое право автономически выбрать самое начало для разрѣшенія спорнаго вопроса. Какъ поступать, напримѣръ, въ томъ случаѣ, если рѣшается споръ объ *относительной* основательности притязаній того или другаго государства на извѣстную спорную границу? Какъ опредѣлить споръ о денежномъ вознагражденіи, объ убыткахъ и потеряхъ — lucrum emergens et lucrum cessans — отъ неисполненія международнаго договора? — И такъ, по нашему мнѣнію, вышеуказанное общее правило у Гольдшмидта не-

[1] L. C. P. 443.

Digitized by Google

избѣжно ограничивается исключеніемъ въ пользу разрѣшенія *нѣкоторыхъ* случаевъ ex bono et æquo, или на основаніи компромисса, или же по особенной природѣ случаевъ, подлежащихъ разбору и рѣшенію международнаго посредническаго суда.

Немаловажное значеніе для всякаго судопроизводства имѣетъ скорое отправленіе правосудія. Отсюда строгія предписанія многихъ положительныхъ законодательствъ касательно точнаго соблюденія срока или термина, установленнаго для произнесенія посредническаго рѣшенія. Въ международной практикѣ также принято назначать срокъ для посредниковъ, съ возможностію однако-же продленія его на болѣе или менѣе значительное время. Само собою разумѣется, что правило о соблюденіи срока нашло для себя мѣсто и въ разсматриваемомъ нами проектѣ.

Послѣ статей объ обязательности письменной редакціи приговора, при собственноручныхъ подписяхъ посредниковъ, помѣщена статья о силѣ посредническаго рѣшенія, при которомъ могутъ быть и небыть, по мнѣнію Гольдшмидта, мотивы (§ 30). «Приговоръ, правильно и съ соблюденіемъ формъ произнесенный, разрѣшаетъ споръ между сторонами».—Ясно, что приговоръ является и можетъ явиться лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда, послѣ разбора дѣла, получается убѣжденіе посредническаго суда въ несомнѣнной для него основательности одной изъ двухъ противоположныхъ претензій.—Правила англо-американской практики признаютъ полную силу и, обусловленный соглашеніемъ, авторитетъ rei judicatae за посредническимъ рѣшеніемъ[1].

Выше мы видѣли, что новѣйшіе писатели и публицисты устанавливаютъ довольно-широкія категоріи для тѣхъ основаній, по которымъ можно отвергнуть и непринять къ исполненію по-

[1] «The decision of an international tribunal within the scope of its authority, is conclusive and final, and is not reexaminable» (L. C. p. 446). — Ср. *Блунчли*, L. C. № 491: «Der Spruch des Schiedsgerichts wirkt für die Parteien, wie ein Vergleich».

Digitized by Google

средническое рѣшеніе. Само собою слѣдуетъ заключеніе, что апелляція на посредническія рѣшенія, долго оспариваемая, а теперь и вовсе отвергаемая юриспруденціею и уставами судопроизводства въ Германіи и Швейцаріи, не можетъ имѣть приложенія къ международному посредническому суду. Объ апелляціи, слѣдовательно, нѣтъ рѣчи и въ проектѣ Гольдшмидта. Но невозможно отрицать права сторонъ отказываться отъ исполненія такого рѣшенія, которое состоялось по условному соглашенію между сторонами. Исполненіе всякаго договора не можетъ обойдти того, что называется clausula rebus sic stantibus.—И если обстоятельства (res sic stantes), созданныя рѣшеніемъ, будутъ противны смыслу и цѣлямъ самаго посредничества,—если, далѣе, такія обстоятельства войдутъ въ непримиримое противорѣчіе съ законно-пріобрѣтенными правами націи, съ обще-принятыми началами международнаго права и положительными постановленіями трактатовъ: то, очевидно, рѣшеніе должно быть отвергнуто.

Простыя соображенія эти высказалъ еще Ваттель[1]. И они же руководятъ Гольдшмидтомъ въ тѣхъ статьяхъ его проекта, гдѣ старается онъ вывести самыя точныя правила для отверженія посредническихъ рѣшеній.

Для обращенія съ просьбою о кассаціи посредническаго рѣшенія, Гольдшмидтъ предлагаетъ сторонамъ заранѣе опредѣлять въ своемъ компромиссѣ, а также и въ дополнительномъ договорѣ, извѣстный трибуналъ, или же особо-назначенную для такой цѣли посредническую коммиссію. При молчаніи въ компро-

[1] См. *Vattel*, L. C. II; 18; § 329. «Cependant si par une sentence manifestement injuste, contraire à la raison, les arbitres s'étaient eux-mêmes dépouillés de leur qualité, leur jugement ne mériterait aucune attention; on ne s'y est soumis, que pour des questions douteuses.... On ne doit pas craindre qu'en accordant aux parties la liberté de ne pas soumettre à une sentence manifestement injuste et déraisonnable, nous ne rendions l'arbitrage inutile; et cette décision n'est pas contraire à la nature de la soummission ou du compromis» etc.

Digitized by Google

миссѣ, а также при незаключеніи дополнительнаго къ компромиссу соглашенія по этому вопросу, или же при при отказѣ трибуналовъ и коммиссіи такъ или иначе назначенныхъ сторонами, — проектъ предлагаетъ обращаться къ высшему судебному мѣсту той территоріи, гдѣ происходило разбирательство чрезъ посредниковъ.

Оканчивается проектъ подробнымъ перечисленіемъ самыхъ кассаціонныхъ категорій, которыя дѣйствительно означены, какъ desiderata для будущаго международнаго посредничества, полнѣе и опредѣленнѣе у Гольдшмидта, чѣмъ у какого-либо иного юриста или публициста, не исключая Блунчли, Геффтера, Кальво, Пьерантони и друг.[1]. «Важно опредѣлить и ограничить, возможно точнѣе, кассаціонныя причины и поводы противъ посредническихъ приговоровъ, если только желательно извлечь эти причины изъ того зародышеваго состоянія безконтрольныхъ вопросовъ и сомнѣній совѣсти (de l'état embryonaire de scrupules de conscience), въ которомъ онѣ пребываютъ теперь, и если нужно возвести эти причины на степень такихъ юридическихъ мотивовъ, которые допускаютъ ниспроверженіе постановленнаго приговора путемъ правильнаго производства», — замѣчаетъ въ заключеніе своего проекта Гольдшмидтъ. — Прибавимъ, что и для этого, весьма положительнаго и строгаго юриста, представляется необходимымъ учрежденіе высшаго трибунала для международныхъ дѣлъ и столкновеній[2], т. е. такое дѣло, о которомъ говорили лишь въ «утопіяхъ» мыслители и публицисты прошлыхъ столѣтій.

Въ ряду средствъ, которыя относятся къ мирнымъ способамъ рѣшенія споровъ, стоятъ конференціи и конгрессы. Подъ кон-

[1] Cp. in extenso, Revue de droit intrern. 1874—№ III, pp. 446—449.

[2] «...La création d'une instance supérieure est nécessaire... Les objections qu'on peut faire à une institution de cette nature n'ont plus de grand poids, du moment qu'on ne demande plus une décision matérielle de la contestation, *mais seulement un jugement sur des motifs strictement délimités qui permettent d'attaquer une sentence* (L. C. p. 451, 452).

Digitized by Google

грессомъ большею частію разумѣютъ собранія государей или, по-крайней-мѣрѣ, полномочныхъ ихъ министровъ для обсужденія и рѣшенія дѣлъ важныхъ, имѣющихъ общій интересъ. Подвести подъ немногія категоріи тѣ международныя дѣла, которыя могутъ составлять предметъ обсужденія на конгрессахъ, не такъ легко, какъ это показывается съ перваго раза. На конгрессахъ ведутся переговоры о заключеніи мирныхъ и иныхъ трактатовъ, обсуждаются послѣдствія трактатовъ заключенныхъ, разрѣшаются спорные вопросы международнаго права, провозглашаются общія начала, обязательныя для образованныхъ членовъ международнаго союза, въ родѣ напр. гарантій свободы вѣроисповѣданія, уничтоженія невольничества, свободы рѣкъ, неприкосновенности правъ нейтралитета, ненарушимости частной собственности во время войны и под. Само собою разумѣется, что при составѣ конгрессовъ изъ однихъ полномочныхъ министровъ особенно необходима ратификація правительствъ для тѣхъ трактатовъ, заключеніе которыхъ на конгрессѣ поручено было отъ государей дипломатическимъ агентамъ.

Опредѣленіе понятія конференціи и отношеніе ея къ конгрессу далеко не выяснены ни въ теоріи, ни на практикѣ. Есть мнѣніе, что конференція можетъ состоять только изъ дипломатическихъ агентовъ, но не изъ государей и даже не изъ министровъ, и что слѣдовательно въ личныхъ особенностяхъ участвующихъ дѣятелей заключается различіе конференцій отъ конгресса[1]. По другимъ взглядамъ, конференція есть простое совѣщаніе при министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, при чемъ у агентовъ ad hoc нѣтъ власти заключать международныя соглашенія: конференціи или подготовляютъ матеріалъ для будущихъ конгрессовъ, или же дѣйствуютъ, какъ особые комитеты, среди открытыхъ уже конгрессовъ[2].

[1] *Кальво*, § 670; стр. 800.

[2] *Berner*, «Kongress, Conferenz» in Deutsches Staats-Wörterbuch v. *Blun-*

Digitized by Google

Но практика новѣйшаго времени не допускаетъ возможности дать такое опредѣленіе учрежденію, которое не перестаетъ дѣйствовать на нашихъ глазахъ по весьма существеннымъ вопросамъ международнаго права. Гибкость затронутыхъ выше понятій и шаткость выражающихъ ихъ опредѣленій лучше всего доказывается тѣмъ рядомъ «лондонскихъ» конференцій, которыя порѣшили столько серіёзныхъ вопросовъ европейской политики, отъ 1830-го до 1871 г., — отъ греческаго и бельгійскаго до молдаво-валахскаго, критскаго дѣла и до вопроса о нейтрализаціи Чернаго моря. Оказывается, что и конференціи не всегда служили только подготовительнымъ комитетомъ для конгрессовъ, но что, напротивъ, онѣ сами дѣйствовали какъ конгрессы, хотя не имѣли той торжественности, какою отличались съѣзды государей и министровъ ихъ въ Эрфуртѣ, Вѣнѣ и проч. Между прочимъ, лондонская конференція 1871 года по вопросу о Черномъ морѣ выработала даже проектъ новаго трактата, съ цѣлью стиранія статей международнаго договора 1856 года (причемъ уполномоченными Россіи и Турціи *заключена особая конвенція, подлежавшая ратификаціи русскаго и турецкаго правительствъ*)[1].

Вотъ почему намъ кажется, что вопросъ о различіи конгресса отъ конференціи остается и долженъ остатся пока вопросомъ открытымъ и чисто-формальнымъ. Въ настоящее время, конференціи дѣлаютъ одно и то-же и при соблюденіи тѣхъ-же по-

---

tschli und Brater. 5 Band. (1860). Ср. *Witold Zaleski*, «Die völkerrechtliche Bedeutung der Congresse» (Dorpat. 1874). Здѣсь сведены почти всѣ мнѣнія объ этомъ предметѣ.

[1] Ср. Staatsarchiv, 20 B. 1871, S. 212. «Orientalische Angelegenheiten, Pontusfrage», № 4286. «Les plénipotentiaires de la Russie et de la Turquie annoncent qu'ils ont reçu l'autorisation de leurs Cours respectives de conclure une convention pour abroger les stipulations de celle signée à Paris le $^{18}/_{30}$ mars 1856, relative au nombre et à la force des bâtiments de guerre des puissance riveraines... Ils se proposent de communiquer cette convention à la Conférence, et *d'en échanger les ratifications* le même jour que celles du traité» etc.

Digitized by Google

рядковъ дѣлопроизводства, что дѣлали прежде конгрессы. Но если повторится еще нѣсколько случаевъ, подобныхъ эрфуртскому, вѣнскому, ахенскому, троппаускому, лайбахскому и веронскому собраніямъ государей и ихъ министровъ, то получится длинный рядъ прецедентовъ для общаго правила и, вѣроятно, въ будущемъ, названіе конгресса на-всегда останется только за особенно-торжественными собраніями, для обсужденія и рѣшенія международныхъ вопросовъ.

Здѣсь не мѣсто распространяться объ исторіи конгрессовъ, роль и главные результаты которыхъ въ-отдѣльности очерчены уже въ первой главѣ[1]. Но нельзя не упомянуть о тѣхъ мнѣніяхъ, которыя высказывались касательно общаго значенія конгрессовъ.

Ваттель, Пинейро-Ферейра, даже Филлиморъ и Бернардъ[2], принадлежатъ, въ различной степени, или къ порицателямъ или къ противникамъ конгрессовъ. Мнѣнія Ваттеля, Пинейро-Ферейры (весьма рѣзкія) и Филлимора вошли уже въ изложеніе и подверглись разбору общеизвѣстныхъ учебниковъ[3]; а потому остановимся здѣсь нѣсколько подробнѣе на воззрѣніяхъ одного оксфордскаго профессора, Бернарда.

Если глядѣть на конгрессы лишь какъ на одинъ изъ способовъ негоціаціи, говоритъ Бернардъ, то конгрессы представятъ нѣкоторыя очевидныя выгоды, до сихъ поръ неумаленныя, не только что не уничтоженныя изобрѣтеніемъ телеграфовъ. Затрудненія, неодолимыя при перепискѣ, часто сами собою устраняются

[1] См. исторію международныхъ отношеній въ различные періоды отъ вестфальскаго конгресса до нашихъ дней; кромѣ того, очень богата историческими подробностями вышеприведенная статья Бернера въ политическомъ лексиконѣ Блунчли. Сжато въ монографіи Витольда Заленскаго (см. выше).

[2] *Vattel*, II, § 330. «L' Europe a vu dans ce siècle deux congrès généraux, celui de Cambrai et celui de Soissons, ennuyeuses comédies, jouées sur le théatre politique» etc.—Ср. *Pinheiro-Ferreira;* Notes, P. 567.— *Phillimore*, I, 456, 457. III, § 3.—*Bernard*, Four Lectures etc. I; PP. 27—37.

[3] *Calvo*, § 669.

Digitized by Google

при личномъ свиданіи, когда стороны имѣютъ возможность непосредственно и точно опредѣлить взаимныя нужды, притязанія и способы ихъ удовлетворенія. Но выгоды на самомъ дѣлѣ менѣе значительны, чѣмъ это обыкновенно предполагаютъ; выгоды эти соединяются съ явными и многочисленными неудобствами. Устное обсужденіе вопросовъ въ собраніи довольно-многочисленномъ (отъ 12 до 20 особъ) необходимо теряетъ свою живость и гибкость; сталкиваются лицомъ къ лицу представители не только различныхъ, но и враждебныхъ интересовъ, причемъ просыпаются и нерѣдко разгораются съ неожиданною силой темныя и по-видимому забытыя притязанія. Иногда внезапный поворотъ преній, наконецъ утомленіе среди общаго разгара эгоистическихъ страстей, происковъ, интригъ и прч. могутъ вызвать со стороны дипломата какую-либо неблагоразумную или баэтактную уступку. За-тѣмъ, на конгрессахъ часто возникаетъ два серіёзныхъ и опасныхъ искушенія, а именно: вмѣшиваться въ тѣ дѣла, касаться которыхъ не слѣдуетъ, и заключать такія обязательства, къ принятію которыхъ не имѣется никакого существеннаго интереса. Мало этого: опредѣленія конгрессовъ, на дѣлѣ, бываютъ всегда рѣшеніями наиболѣе сильныхъ государствъ, участвующихъ въ собраніи, разумѣя подъ силою не только матеріальную мощь, но также умѣнье и рѣшимость приложить силу для достиженія желанной цѣли. Въ концѣ концовъ и въ общемъ результатѣ, исторія конгрессовъ представляетъ собою явленіе, крайне-неудовлетворительное[1].

Трудно не согласиться со многими отдѣльными частями этой общей и невеселой картины, набросанной рукою серіёзнаго ученаго и талантливаго писателя. Но нельзя не видѣть здѣсь, въ цѣломъ, извѣстной доли пессимизма и преувеличенія. Характеристика Бернарда безусловно вѣрна по отношеніи къ нѣкоторымъ

[1] «... And the history of Congresses is on the whole eminently unsatisfactory. They have seldom done great or lasting good; sometimes they have done serious evil; again and again they have done nothing at all». (L. C. p. 36).

Digitized by Google

конгрессамъ (XVIII и даже XIX столѣтія, особенно отъ 1815 до 1830 года). На конгрессахъ троппаускомъ, лайбахскомъ и веронскомъ, дѣйствительно, заключались такія соглашенія государей, для которыхъ (соглашеній) не существовало истинныхъ поводовъ и вѣскихъ «международныхъ» интересовъ; конгрессы эти, дѣйствительно, вмѣшивались туда, куда не слѣдовало. Но уже ради одного признанія свободы плаванія по рѣкамъ и ради извѣстнаго правозглашенія о торгѣ неграми, нельзя абсолютно примѣнить масштабъ Бернарда къ вѣнскому конгрессу. За-тѣмъ, развѣ вестфальскій конгрессъ, провозгласившій признаніе религіозной свободы и давшій устойчивое положеніе международному союзу до самой революціи, не оказалъ значительной и положительной услуги Европѣ? Развѣ даже на старинныхъ конгрессахъ не выяснялись и не рѣшались мало-по-малу вопросы политическаго равновѣсія, нейтралитета, военной контрабанды, свободы нейтральнаго флага и груза? Наконецъ, конгрессъ 1856 г. представляетъ собою такое международное событіе, къ которому уже безусловно не прилагается отрицательное мѣрило Бернарда. Едва-ли можно отрицать взглядъ, что конгрессъ 1856 года есть живая противоположность тому типу конгрессовъ, который слагается изъ отдѣльныхъ и непривлекательныхъ чертъ добраго стараго времени, отъ вестфальскаго мира до 1815, 1820, 1821 и 1822 годовъ нашего столѣтія. — Вообще, устное обсужденіе вопросовъ въ многочисленномъ собраніи кажется намъ менѣе опаснымъ для международныхъ интересовъ, чѣмъ разсмотрѣніе и рѣшеніе дѣлъ при маломъ числѣ лицъ (en petit comité). Здѣсь всегда возможнѣе для агентовъ подчиниться и труднѣе противодѣйствовать эгоистическому вліянію и узкому пониманію дѣла со стороны какого-либо одного двора, даже одной партіи или клики, пріютившейся подъ сѣнью могущественнаго правительства. При такихъ условіяхъ, особенно если устранены публичность и контроль парламентскихъ учрежденій и журналистики, всегда легче, чѣмъ при открытомъ столкнове-

Digitized by Google

ніи многоразличныхъ интересовъ и притязаній, проснуться и осуществиться какимъ-нибудь темнымъ и забытымъ притязаніямъ. Хуже всего въ исторіи старинныхъ конгрессовъ было дробленіе на партіи и предрѣшеніе дѣлъ въ малыхъ комитетахъ изъ представителей вліятельныхъ дворовъ.—Но гдѣ рѣзко высказываются враждебные интересы и противорѣчащія права, тамъ только и можно составить себѣ понятіе объ общей суммѣ потребностей, а также и о количествѣ средствъ къ ихъ удовлетворенію въ международномъ союзѣ. А въ этомъ непремѣнно есть своего рода польза, если-бы даже польза эта сводилась на одну діагнозу болѣзненнаго состоянія въ организмѣ политическаго союза. Постоянное и потаенное тлѣніе огня подъ пепломъ можетъ повести къ болѣе опаснымъ послѣдствіямъ, чѣмъ взрывъ пламени, если уже таковой неизбѣженъ, на одномъ опредѣленномъ мѣстѣ. Затѣмъ, на конгрессахъ, составленныхъ изъ представителей многихъ государствъ, удобнѣе, чѣмъ при отдѣльныхъ сношеніяхъ и разрозненныхъ сдѣлкахъ, опредѣлить: какіе именно вопросы международнаго права заслуживаютъ наибольшаго вниманія, и какіе изъ нихъ достигли полной зрѣлости, требуя для себя самого скораго и положительнаго разрѣшенія? Однимъ словомъ, конгрессъ, поставленный серіезно и составленный изъ людей съ политическою опытностью, знаніями и государственнымъ талантомъ, можетъ и долженъ приносить во многихъ частныхъ вопросахъ пользу международному союзу. Польза эта еще болѣе увеличится, при улучшеніяхъ въ политическомъ устройствѣ государствъ, когда установится полнѣйшая взаимность въ интересахъ между всѣми правительствами и націями, и при зоркомъ контролѣ общественнаго мнѣнія и органовъ его за дѣйствіями конгрессовъ. — Невѣжество, безправіе и произволъ, господствовавшіе въ старой Европѣ, были такими условіями, которыхъ нельзя не принимать во вниманіе, ликвидируя историческіе счеты съ прежними конгрессами. Но ослабленіе всѣхъ этихъ разрушающихъ вліяній, види-

Digitized by Google

мое для самыхъ строгихъ судей современнаго положенія дѣлъ въ Европѣ, создаетъ при постоянно-усиливающемся общеніи въ интересахъ націй, лучшія условія для дѣйствія конгрессовъ и конференцій въ будущемъ. Доказательство на-лицо: это — протоколы парижскаго конгресса объ уничтоженіи каперства, о посредничествѣ, а за-тѣмъ, въ позднѣйшее время, конференціи и съѣзды для всеобщаго принятія женевской конвенціи, для запрещенія разрывныхъ пуль и наконецъ для кодификаціи военнаго права. Дѣятельность другихъ международныхъ съѣздовъ болѣе соціальнаго, чѣмъ политическаго характера: по вопросамъ о телеграфахъ, о почтахъ, о монетѣ и проч. — все это такіе признаки, которые служатъ знаменіемъ чего-то новаго и въ исторіи политическихъ конгрессовъ и конференцій. Мало-по-малу, возлѣ вопросовъ военно-политическихъ, территоріальныхъ и династическихъ, входятъ въ программу общеевропейскихъ дѣлъ и вопросы чисто-международнаго и культурнаго характера.

Но не слѣдуетъ забывать при этомъ одного замѣчанія, вѣрно и глубоко поставленнаго Бернеромъ: «Не конгрессы творятъ міровую исторію» [1]. И дѣйствительно, по нашему мнѣнію, какъ конгрессу, такъ и положительному закону приходится только подводить итоги и ставить формулы для того, что творитъ исторія. Весь талантъ, все творчество юриста, законодателя и дипломата заключаются въ умѣньи угадать истинную потребность общества въ областяхъ права и политики и, сдѣлавъ это, дать жизненному требованію закрѣпленіе, и слѣдовательно полную возможность дѣйствовать ко благу людей въ мірѣ юридическихъ, политическихъ и международныхъ отношеній. — Но отсюда слѣдуетъ, что ошибочно и даже небезопасно было бы возлагать слишкомъ много надежды на конгрессы и чрезмѣрно усиливать вліяніе ихъ не только теперь, но и въ болѣе или

[1] L. C. S. 665 «Die Kongresse machen übrigens nicht die Weltgeschichte».

Digitized by Google

менѣе далекомъ будущемъ. При тѣхъ несовершенствахъ, которыя замѣчаются въ современныхъ отношеніяхъ Европы и даже Америки, едва-ли можно было отнестись иначе какъ съ осторожностію къ громкому предложенію Наполеона III о всеобщемъ европейскомъ конгрессѣ (1863 г.). Распредѣленіе политическихъ силъ такъ неравномѣрно и отношенія господствующихъ державъ такъ шатки, что мы считаемъ по меньшей мѣрѣ утопіею мысль о немедленномъ учрежденіи амфиктіоніи въ современной Европѣ[1].

Остается сказать нѣсколько словъ объ обрядовой сторонѣ конгрессовъ — объ ихъ созваніи, о дѣлопроизводствѣ и т. д. — Выборъ мѣста для засѣданій конгресса имѣетъ практическую важность, такъ-какъ отъ этого зависятъ, въ значительной степени, спокойное, свободное и безпристрастное веденіе и окончаніе дѣлъ. Отсюда практика — избирать, по возможности, нейтральныя территоріи. Во всякомъ случаѣ, гдѣ и когда бы ни происходилъ конгрессъ, городъ, въ которомъ идутъ засѣданія, и прилегающій округъ объявляются нейтральными (Тильзитъ, въ 1807 г.). — По общему правилу и въ теоріи, каждое государство властно возбуждать вопросъ о созывѣ конгресса, точно такъ, какъ несомнѣнно право всѣхъ заинтересованныхъ членовъ международнаго союза принимать участіе въ конгрессѣ; но практика представляла здѣсь чаще иныя явленія, а именно: починъ и преобладаніе нѣсколькихъ могущественныхъ державъ надъ мелкими и даже средними государствами. — Выборъ лицъ для представительства на конгрессъ, если въ немъ не участвуютъ сами государи, не подчиняется никакимъ обязательнымъ правиламъ: все зависитъ отъ усмотрѣнія государя. Опытъ показалъ необходимость соединенія самыхъ разнообразныхъ силъ на служеніе политическимъ интересамъ націи, а потому возлѣ полномочнаго министра — личности съ возможно большими способностями къ негоціаціи — назначаются еще люди съ сильнымъ юри-

[1] Ср. планъ *Лоримера* (Lorimer) въ Revue de droit international. 1871.

Digitized by Google

дическимъ и политическимъ образованіемъ, а также опытные редакторы дипломатическихъ бумагъ. — Различіе между открытыми и тайными, полными и неполными инструкціями (вопросъ, столь сильно занимавшій когда-то публицистовъ, напр. Бенкерстука) не имѣетъ особеннаго значенія при возможности ежедневно и даже ежечасно сноситься посредствомъ телеграфовъ. — За послѣднее полустолѣтіе, со времени вѣнскаго конгресса, все болѣе и болѣе ослабѣвало значеніе формальностей и обрядовъ, что имѣло такую громадную важность въ XVII и XVIII столѣтіяхъ [1]. Теперь идутъ обычнымъ путемъ, безъ всякихъ затрудненій и мѣстническихъ споровъ, обычные передъ началомъ конгресса визиты представителей отъ различныхъ государствъ; выбираютъ въ предсѣдатели, по правилу международной вѣжливости, большею частію министровъ или отъ правительства, принявшаго на себя медіацію, или же отъ правительства той территоріи, гдѣ происходитъ конгрессъ. За-тѣмъ слѣдуетъ обмѣнъ полномочій (l'échange des pleins pouvoirs) и распредѣленіе очередныхъ занятій (fixation des travaux à l'ordre du jour). — Порядокъ дѣлопроизводства до сихъ поръ не опредѣленъ однообразнымъ дипломатическимъ уставомъ. Дѣйствуетъ однако обычай, которому слѣдуютъ, по-крайней-мѣрѣ въ главныхъ пунктахъ, въ новомъ періодѣ конгрессовъ. За-то въ прежнее время, отъ вестфальскаго до вѣнскаго конгресса, представляется полнѣйшее разнообразіе процедуры: иногда происходили письменные переговоры черезъ медіаторовъ, иногда запрещались всякіе иные способы негоціаціи, кромѣ изустныхъ объясненій и словесныхъ преній [2]; иногда ме-

[1] См. выше § 8-й о вестфальскомъ конгрессѣ.

[2] Въ исторіи дипломатическихъ сношеній извѣстна инструкція Мазарини, запретившаго переговоры въ письменной формѣ на томъ основаніи, что «бумага и перо слишкомъ обязываютъ». «...Les déclarations que l'on fait par écrit engagent trop, ce qui n'arrive pas lorsque les instances se font de vive voix, parce qu'encore qu'on demande ou refuse des choses extravagantes, l'adresse des médiateurs fait enfin joindre les parties, et l'on peut se relâcher sans déchet de réputation».

Digitized by Google

діаторы считались необходимыми дѣятелями при переговорахъ, иногда государства сами устраняли, прямо или косвенно, участіе медіаторовъ. Раздѣленіе конгрессовъ на комитеты не составляетъ общаго правила. Это зависитъ отъ степени сложности и разнородности дѣлъ: на вѣнскомъ конгрессѣ, вся главная работа шла въ особыхъ отдѣленіяхъ; на парижскомъ конгрессѣ всѣ занятія по заключенію трактата и цѣлаго ряда конвенцій окончены были, безъ раздѣленія на бюро или комитеты, въ непродолжительный срокъ отъ 25 февраля по 30 марта 1856 г.[1].— Не установилось также (да и едва-ли можетъ установиться) общее правило о рѣшеніяхъ по большинству голосовъ; особенно трудно и опасно для самостоятельности государствъ было бы подобное правило въ примѣненіи къ важнымъ вопросамъ. Отсюда большею частію такой порядокъ: для дѣлъ второстепенныхъ и незначительныхъ допускается рѣшеніе по большинству голосовъ; но для дѣлъ коренной важности необходимо единогласное рѣшеніе. Иначе конгрессъ остается безъ результатовъ и расходится, какъ было это съ конгрессами суассонскимъ и камбрейскимъ, которыя обозваны Ваттелемъ именемъ «скучныхъ комедій».— Отсюда само собою слѣдуетъ заключеніе о власти конгрессовъ, а именно: они не имѣютъ права, хотя и имѣли бы иногда силу, вынуждать подчиненіе своимъ рѣшеніямъ со стороны государствъ, участвовавшихъ въ засѣданіяхъ и работахъ дипломатическаго съѣзда; за-тѣмъ права государствъ, отсутствовавшихъ на конгрессѣ, должны быть неприкосновенными. Въ каждомъ отдѣльномъ засѣданіи ведутся протоколы (protocoles), въ которыхъ можетъ заключаться иногда все содержаніе конвенцій и даже цѣлаго трактата[2].

---

[1] См. *Martens-Samver*, Recucil général etc. Tome II (1857). PP. 700—749. Protocoles №№ 1—19.

[2] См. напримѣръ прибавленія (Annexes), подъ №№ 1 и 2, къ протоколу засѣданія 27 марта 1856 года (*Martens-Samver*, L. C. II. PP. 745, 746).

Digitized by Google

Таковы правила и порядки при веденіи дѣла на конгрессахъ. Что касается конференцій, то и въ этомъ отношеніи нѣтъ рѣзкаго различія между ними и конгрессами. Убѣдиться въ этомъ можно, пересмотрѣвши 14 протоколовъ вѣнскихъ конференцій, отъ 15 марта по 4-е іюня 1855 года, а также — 6 протоколовъ засѣданій лондонской конференціи, отъ 17 генваря по 14 марта 1871 года[1].

Конференцій въ послѣднее время было очень много, и здѣсь рѣшались важные вопросы для международнаго союза Европы. — Къ такимъ конференціямъ относятся: конференція 1828 г. по дѣламъ Греціи, лондонскія конференціи 1831 — 1839 г. по вопросу о Бельгіи, когда послѣдняя отдѣлилась отъ Голландіи, получила конституцію и признана была нейтральною; лондонская же конференція 1864 г. по датскому вопросу, конференціи 1858 (о Молдаво-Валахіи) и 1868 г. о кандійскомъ возстаніи.

Свиданія между государями также относятся многими публицистами къ числу средствъ, которыми упрочивается миръ; но ихъ нельзя ставить на-равнѣ съ конгрессами и конференціями, такъ-какъ при встрѣчахъ царственныхъ особъ играютъ главную роль личные интересы государей.

Такова сущность всѣхъ дружественныхъ способовъ рѣшенія международныхъ споровъ. Но есть еще категорія иныхъ мѣръ, которыя занимаютъ среднее мѣсто между мирными способами и войною. Къ такимъ мѣрамъ относятся репрессаліи и реторсіи (représailles et rétorsions). Эти два вида смѣшиваются многими писателями, и понятно почему. Подъ реторсіею и репрессаліею нужно разумѣть jus talionis, примѣняемое въ международныхъ отношеніяхъ[2]. Но въ силу реторсіи, одно государство можетъ, напр., предписать стѣснительныя мѣры противъ другого госу-

[1] См. *Martens-Samver*, L. C. II, PP. 633—699. Staats-Archiv, 21 B., 1871. SS. 185—213.

[2] *Phillimore*, III, VII—XXIV.

Digitized by Google

дарства, въ возмездіе за принятыя уже послѣднимъ стѣснительныя мѣры, которыми нарушаются интересы первой державы. «Такъ[1], если одно государство издастъ законы, невыгодные и даже враждебные относительно собственности, торговли, личныхъ правъ подданныхъ другого государства; то и это послѣднее можетъ, въ свою очередь, прибѣгнуть къ подобнымъ же законамъ противъ перваго». Этотъ видъ реторсіи называется законнымъ или юридическимъ (retorsio juris). Реторсія же, которая заключается въ дѣйствіяхъ противъ лица или нѣсколькихъ лицъ, принадлежащихъ къ составу извѣстнаго государства, есть retorsio facti, и вотъ этотъ видъ ея очень близко подходитъ къ репрессаліи.—Но подъ репрессаліями обыкновенно разумѣютъ насильственныя мѣры, предпринятыя по распоряженію одного правительства противъ имуществъ другого государства или даже его подданныхъ, съ тою цѣлью, чтобъ достигнуть удовлетворенія за дѣйствительное, серіёзное и абсолютное нарушеніе права. Сюда тоже входитъ элементъ мести, но репрессалія главнымъ образомъ падаетъ на имущества государства или его подданныхъ.—Нужно однако-же сознаться, что ученіе о репрессаліяхъ и реторсіяхъ значительно выиграло бы въ ясности и опредѣленности, если retorsio facti (теперь вышедшее изъ употребленія) считать видомъ репрессаліи, а реторсію сосредоточить на возмездіи законными мѣрами. Къ сожалѣнію, лучшіе публицисты[2] продолжаютъ держаться прежнихъ опредѣленій и классификацій.

Репрессаліи прежде были очень суровы, и даже такіе люди, какъ Гуго Гротъ, подчиняясь духу времени, даютъ для нихъ

---

[1] *Галлекъ*, § 8. Глава XII.—Филлиморъ замѣчаетъ: «The *jus iniquum* of one state is to be encountered by the retorsio juris of another. *Quod quisque in alterum statuerit, ut ipse eodem jure utatur*, is the maxim of jurisprudence applicable to this case».

[2] *Галлекъ*, гл. XII «Retaliation of this kind (retorsio facti), говоритъ Галлекъ, should be confined, as a general rule, to the individuals who have committed the violation of public law».

Digitized by Google

правила, которыя показались бы теперь хуже войны. Современные публицисты, напр. Вурмъ, Филлиморъ, Кальво и другіе, дѣлятъ репрессаліи на общія (generales), которыя должны осуществляться всѣми подданными извѣстнаго государства, принявшаго эти мѣры,—это почти война[1]; и на частныя (speciales), когда правительство даетъ только извѣстнымъ лицамъ право конфискаціи имуществъ. Такимъ образомъ спеціальныя репрессаліи напоминаютъ собою феды, господствовавшія въ среднихъ вѣкахъ. Примѣръ частныхъ репрессалій былъ въ 1778 г., когда Людовикъ XV, возмущенный продѣлками британскихъ корсаровъ, далъ полномочіе бордосскимъ арматорамъ нападать на англійскія суда, грабить и захватывать ихъ.

Далѣе, публицисты дѣлятъ еще репрессаліи—1) на отрицательныя (негативныя), случай которыхъ былъ, когда Фридрихъ Великій отказался платить проценты по силезскому долгу, обезпеченному австрійскимъ правительствомъ, 2) на положительныя, состоящія въ совершеніи опредѣленныхъ дѣйствій, напр. въ захватѣ имуществъ и даже лицъ, принадлежащихъ вызвавшему репрессаліи государству. Существенныя условія для репрессалій за-

---

[1] *Филлиморъ*, L. C. P. 12, замѣчаетъ: «De Witt was quite correct in saying that he could discover no distinction between general reprisals and open war». Ср. *Hallеck*, XII, p. 299.—См. вообще по вопросу о репрессаліяхъ и реторсіяхъ: *Rob. v. Mohl*, Encyclop. der Staatswissenschaften, § 65.—*Bluntschli*, Das M. V.-R. NN 499–505.—*Calvo*, Liv. XIV, §§ 673—677.—*Twiss*, II, §§ 10; 11; 13; 14—21. — Между прочимъ Твиссъ оспариваетъ мнѣніе Корнелія де-Витта, принятое многими другими публицистами, о томъ, что общія репрессаліи равносильны войнѣ. По Твиссу, это—не болѣе, какъ *условное* (?) объявленіе войны. Но несомнѣнно, что здѣсь авторъ, обыкновенно очень ясно и практически ставящій вопросы, позволилъ себѣ классификацію, которая только запутываетъ дѣло. Англійскіе юристы и само правительство понимаютъ вопросъ согласно съ воззрѣніемъ де-Витта. Сравн. между прочимъ *Филлиморъ*, III, p. 12, замѣчаніе о приказѣ королевскаго совѣта 1854 года. — *Heffter*, §§ 110, 111, 112.—*Wildman*, I, PP. 187, 188 etc. и мн. др.—По-русски, см. о реторсіяхъ и въ-особенности о репрессаліяхъ *Ф. Мартенса*, «О правѣ частной собственности во время войны» (С.-Петербургъ. 1860) стр. 21—38.

Digitized by Google

ключаются въ слѣдующемъ: 1) имъ должно предшествовать значительное, дѣйствительно и достовѣрно извѣстное правонарушеніе, или по распоряженію, или же по явному попущенію верховной власти вызывающаго репрессалію государства; 2) за извѣщеніемъ долженъ послѣдовать отказъ въ удовлетвореніи; 3) нарушеніе должно касаться правъ безспорныхъ, недопускающихъ никакого сомнѣнія. При такихъ условіяхъ, репрессаліи могутъ найдти для себя объясненіе, если не оправданіе, въ томъ смыслѣ, что даютъ возможность повременить объявленіемъ войны[1].

Вообще же репрессаліи суть не болѣе, какъ одно изъ средствъ необходимой обороны, которое только терпимо, не смотря на существенныя смягченія, но никакъ не одобряемо теоріею международнаго права. Даже реторсія, имѣющая въ виду, косвенною мѣрою извѣстнаго стѣсненія, возстановить право или, точнѣе, справедливость, вызываетъ противъ себя много серіёзныхъ возраженій. Только ослѣпленіе доктринеровъ или іезуитизмъ, равнодушный къ средствамъ, лишь бы цѣль была достигнута, могутъ одобрять такую систему, при которой право одной стороны возстановляется и укрѣпляется искусственными, чисто-политическими и нерѣдко сознательно-несправедливыми мѣрами. Но если даже оставить въ покоѣ ученіе о безразличіи средствъ для достиженія выгодной цѣли, то оказывается болѣе чѣмъ сомнительно: даетъ ли реторсія тѣ результаты, которыхъ ожидаютъ отъ нея? Не вызываетъ ли она большаго упорства и иныхъ страстей своимъ ненавистнымъ (odiosum) характеромъ и косвеннымъ ударомъ въ принципъ политической независимости и законодательной автономіи посторонняго государства?[2].

---

[1] Ср. *Bluntschli*, L. C. № 500.

[2] *Роб. Фонъ-Моль* (L. C. S. 450) говоритъ: «Die Retorsion erscheint als gerechtfertigt, insoferne sie wirklich die Wiederherstellung der gestörten Verhältnisse bewerkstelligen kann; allein das Lob der Sicherheit gebührt ihr nicht, weil möglicher weise ein trötziger Gegner selbst noch mehr gereizt und zu neuen missliebigen Handlungen veranlasst werden kann».

Digitized by Google

Что-же можно сказать въ защиту репрессалій, гдѣ еще рѣзче проводится полуварварское начало возмездія въ международное право, — гдѣ сознательно допускается совершеніе «неправаго» дѣйствія для сведенія счетовъ, хотя-бы за неправый же поступокъ, съ противникомъ? Шаткость подобной логики яснѣе всего видна на такомъ примѣрѣ изъ частныхъ отношеній, который былъ когда-то не уродливою фикціею, какъ представляется это намъ теперь, но полною дѣйствительностію: въ періодъ частныхъ войнъ или федъ, за воровство и за грабежъ со стороны сосѣда самоуправно отплачивали воровствомъ и грабежемъ, большею частію съ квалификаціею или съ подбавкою мести въ видѣ изувѣченія и даже убійства ничѣмъ неповинныхъ вассаловъ. Позволительно спросить: чѣмъ лучше былъ знаменитый способъ репрессаліи въ формѣ lettres de marque, или каперскихъ полномочій, — способъ, имѣвшій право гражданства въ международной практикѣ отъ XII вѣка до 1856 года? Однородный вопросъ можно предложить относительно той формы репрессалій, которая, къ несчастію, повторялась и въ послѣднее время, а именно: относительно поголовнаго изгнанія мирныхъ подданныхъ другой, хотя бы и враждебной, державы.

За-тѣмъ, едва-ли найдутся и нравственныя, и экономическія, и юридическія основанія захватывать частную собственность подданныхъ за долги неисправнаго правительства. — На чемъ основать такую форму репрессалій? На римскомъ ученіи о юридическихъ лицахъ — скажутъ одни писатели, упоминается между прочимъ въ монографіи Г. Ф. Мартенса[1]. Но отрывокъ изъ Дигестовъ[2], который берутъ за основаніе для извѣстнаго вывода,

[1] О правѣ частной собственности и проч. стр. 33.

[2] См. Dig. Lib. III. t. 4. f. 7. § 1. — Universitatis sunt non singulorum veluti quæ in civitatibus sunt theatra, et stadia, et similia, et si qua alia sunt communia civitatum. Ideoque nec servus communis civitatis singulorum pro parte intelligitur sed universitatis. *Si quid universitati debetur, singulis non debetur; nec quod debet universitas, singuli debent*».

Digitized by Google

указываетъ на коренной принципъ совершенно-иного свойства, а именно: римскіе юристы обособляютъ правовую сферу юридическаго лица, какъ цѣлаго, отъ правовой сферы физическаго лица, какъ части въ составѣ этого цѣлаго; долгъ въ пользу корпораціи не есть долгъ въ пользу отдѣльныхъ ея членовъ и, съ другой стороны, долговое обязательство цѣлой корпораціи не увеличиваетъ собою пассива ни одного изъ ея членовъ. Ясно, что примѣненіе этого римскаго юридическаго начала къ ученію о государственныхъ долгахъ и объ обязательной отвѣтственности за нихъ для частныхъ лицъ, подданныхъ обанкротившагося правительства, можетъ только освободить частныя лица отъ отвѣтственности. Слѣдовательно, здѣсь-же и рушится всякое юридическое основаніе для одного изъ важнѣйшихъ видовъ репрессалій.

На началѣ солидарности государства съ подданными основано право подвергать репрессаліямъ частныя лица подданныхъ чужой державы, скажутъ другіе. Но солидарность не есть поглощеніе государствомъ всей личной и имущественной сферы частныхъ лицъ. Долгъ государства могъ бы приводить къ международному правежу надъ личностью и имуществомъ подданныхъ лишь при господствѣ такихъ законодательствъ и учрежденій, гдѣ различіе между «твоимъ» и «моимъ» падало бы въ-прахъ передъ началомъ: «*ne quid detrimenti respublica capiat*», — гдѣ понятіе фиска и государства сливались бы между собою, и гдѣ частная собственность была бы подъ постояннымъ дѣйствіемъ декретовъ объ обращеніи цѣлыхъ капиталовъ гражданъ на потребности и даже на увеселенія государственныя (греческія лейтургіи). — Но тамъ, гдѣ государство разсматривается не только какъ особое юридическое лицо, но и какъ организмъ, — тамъ, гдѣ въ составѣ этого организма допускаются разнородные общественные, болѣе или менѣе автономическіе, союзы» — гдѣ, наконецъ, признается личность гражданина и уважаются законно-пріобрѣтенныя его права: тамъ не приведетъ къ научному оправда-

Digitized by Google

нію репрессалій теорія о солидарности подданныхъ съ государствомъ.

Вотъ почему справедливъ и здѣсь Робертъ Моль, а за нимъ Блунчли и многіе другіе новѣйшіе писатели за границею и въ Россіи, когда говорятъ, что «нѣтъ возможности для теоріи международнаго права закрѣпить своимъ признаніемъ систему репрессалій»[1]. Она остается только до-поры-до-времени на практикѣ, какъ наслѣдіе стариннаго варварства, постоянно и рано отвергавшагося всякимъ сколько-нибудь культурнымъ законодательствомъ въ образованныхъ государствахъ[2].

Кромѣ репрессалій, но для одинаковыхъ цѣлей, служитъ такъ-называемое военное эмбарго, которое заключается въ томъ, что налагается въ гаваняхъ арестъ на имущества и торговые корабли, которые плаваютъ подъ флагомъ націи, вызвавшей вражду отказомъ въ удовлетвореніи претензій данной территоріальной власти.

Отсюда видна близость эмбарго къ понятію репрессаліи[3]. Эмбарго почти совершенно сливается съ репрессаліею, если бываетъ налагаемо въ случаѣ отказа въ правосудіи, послѣ безуспѣшныхъ попытокъ достигнуть чего-либо дипломатическими мѣрами. По дѣйствію своему, эмбарго есть захватъ или секвестрація чужаго имущества; но, не останавливаясь на этомъ, эмбарго огра-

---

[1] *Р. Ф. Моль* замѣчаетъ: «Dass das positive europäische Völkerrecht Repressalien nicht verwirft, ändert in dieser Auffassung nichts; vielmehr muss die Forderung gestellt werden dass diese Uebung als ein Rest ungesittigter Rachsucht aufgegeben». Ср. *Ф. Мартенса*, «О правѣ частной собственности», стр. 35, 36, 37.

[2] Особенно-ясно и возвышенно въ этомъ отношеніи—ученіе римской юриспруденціи; мы разумѣемъ извѣстное рѣшеніе императора Марка Аврелія, обобщившаго правило, которое заключалось уже въ законѣ Юліевомъ «о насиліяхъ»: «Cum Marcianus diceret: vim nullam feci, Cæsar dixit — tu vim esse putas solum, si homines vulnerentur? Vis est et tunc, quotiens quis id, quod deberi sibi putat, non per judicium reposcit» etc. (Ср. Dig. L. 4. lit. 3. fr. 13).

[3] Ср. *Гефftepъ*, § III. — *Филлиморъ*, § XXV. «...A mode of redress known to international law which stands... midway between reprisals and war».

Digitized by Google

ничиваетъ, въ большей или меньшей степени, личную свободу людей экипажа задержанныхъ кораблей. Военное эмбарго практикуется обыкновенно въ-виду предстоящихъ непріязненныхъ дѣйствій и осуществляется насильственными мѣрами[1]. Послѣдствія военнаго эмбарго, въ случаѣ дѣйствительнаго начатія непріязненныхъ дѣйствій, равняются: для задержанныхъ вещей — захвату или добычѣ непріятельскаго имущества; для задержанныхъ людей (капитановъ, матросовъ, шкиперовъ судовъ)—плѣну. Въ прежнее время, плѣнъ этотъ былъ также суровъ, какъ и въ тѣхъ случаяхъ, когда потеря свободы происходила въ открытомъ бою, на сушѣ или на морѣ. По-крайней-мѣрѣ такова была англо-американская практика, очень ясно выраженная въ другихъ частяхъ вышеприведеннаго приговора лорда Стоуэлля.

Но если, не смотря на эмбарго, война не началась, тогда дѣлается ex post иное толкованіе самому дѣйствію захвата: не было, какъ видно изъ послѣдствій, враждебныхъ намѣреній (animus hostilis); значитъ нѣтъ и не можетъ быть, ни для вещей, ни для лицъ, послѣдствій, сопряженныхъ съ военнымъ эмбарго. Освобожденіе людей, разсматриваемыхъ въ качествѣ мирныхъ иноземныхъ гостей, и возвращеніе имуществъ, съ уплатою вознагражденія, составляютъ въ такомъ случаѣ общее правило. Англо-американскіе юристы (авторитетные уже по тому, что эмбарго считается у всѣхъ писателей, вслѣдъ за Геффтеромъ, какъ изобрѣтеніе великобританское) говорятъ уже, при подобныхъ обстоятельствахъ, о гражданскомъ эмбарго (Civil embargo)[2].

---

[1] См. мнѣніе лорда Стоуэлля по дѣлу объ эмбарго на голландскіе корабли, задержанные въ портѣ Мыса Доброй Надежды: «...The ships were generally taken possession of by an armed power; it was not the mere hand of the Custom House that was laid upon them, in the civil mode of forbidding an egress, but it was a restraint and compulsion acting by the terror and use of force etc. (Ср. *Phillimore*, III, § XXVI, p. 39).

[2] Слово embargo происходитъ отъ испанскаго выраженія: embargar — задержать, захватить.

Digitized by Google

Что-же такое гражданское эмбарго? — Въ Англіи существуетъ законъ, по которому правительство можетъ задержать въ гаваняхъ королевства: во-первыхъ, всѣ отечественныя, а во-вторыхъ какія бы то ни было, въ данный моментъ находящіяся въ территоріальныхъ водахъ, суда. Причина и поводъ здѣсь — какія-либо особенно-важныя государственныя дѣла. И такъ, гражданское эмбарго есть мирная мѣра — хотя и чрезвычайная — принимаемая внутри государства, при чемъ встрѣчаются мнѣнія (напр. Филлимора), что можно распространить дѣйствіе такого эмбарго на территорію союзника (?). А отсюда слѣдуетъ, что гражданское эмбарго лишь косвенно интересуетъ международное правовѣдѣніе.

Что касается до эмбарго военнаго, то практика его, еще крайне суровая въ началѣ настоящаго столѣтія, представляетъ теперь значительныя смягченія. Такъ, въ настоящее время, осуждается наложеніе эмбарго передъ войною, не давши извѣстнаго срока судамъ къ окончанію дѣлъ своихъ въ гаваняхъ страны, имѣющей намѣреніе начать войну. Подобной практики держались государства въ 1854, 1859, 1866, 1870 годахъ.

Оцѣнка эмбарго, съ точки зрѣнія науки, приводитъ къ отрицательному приговору по тѣмъ-же началамъ и соображеніямъ, нѣсколько даже усиленнымъ, какія говорятъ противъ репрессалій[1].

Существуетъ еще одна мѣра, близкая къ военному эмбарго, а именно — такъ называемая «ангарія», т. е. захватъ всѣхъ находящихся въ гаваняхъ судовъ, безъ различія флаговъ и національностей, съ цѣлью вынудить извѣстныя работы, напр. перевозку войскъ, припасовъ и т. д. Самое названіе «ангарій» изобрѣтено французскими юристами[2]. Людовикъ XIV считалъ право ангарій однимъ изъ преимуществъ власти королевской. Мѣра эта особенно-возмути-

[1] Ср. in extenso Ф. *Мартенса*, вышеприведенное сочиненіе, стр. 38 — 46.

[2] Jus angariæ, отъ слова angaria—тягло и всякая принужденная публичная работа.

Digitized by Google

тельна и, по характеру своему, крайне-произвольному и вѣроломному, составляетъ практику той эпохи, когда война и безправіе были синонимами. — Не смотря на попытки защищать ангаріи со стороны Массэ и Филлимора, между новѣйшими писателями большинство были и всегда будутъ противниками такой мѣры, которая можетъ заставить хотя-бы и за деньги, не только союзнаго, но и нейтральнаго, наконецъ даже подданнаго той самой державы, противъ которой предпринимается война, подвозить войско, артиллерію и фуражъ въ тѣ пункты, которые указаны стратегическими соображеніями непріятельскаго генеральнаго штаба.

Въ-заключеніе этого отдѣла, замѣтимъ, что употребляется еще послѣ безуспѣшныхъ дипломатическихъ попытокъ къ удовлетворенію извѣстныхъ притязаній, въ мирное время, блокада — иногда въ качествѣ репрессалій, иногда же какъ средство предупредить новыя нарушенія международнаго права. Называется эта блокада, первый примѣръ которой относится къ 1827 году, мирною по той причинѣ, что, будучи объявляема и осуществляема при мирныхъ отношеніяхъ между государствами, мѣра эта не приводитъ *непремѣнно* къ открытой борьбѣ. Цѣль ея иная: только достигнуть возстановленія нарушеннаго права или интереса; вообще предполагается получить удовлетвореніе по извѣстному международному требованію, не прибѣгая къ кровопролитію, однимъ косвеннымъ давленіемъ на мореходныя и торговыя выгоды вызвавшаго блокаду государства [1].

Но главная сущность вопроса заключается въ томъ, что отъ блокады неизбѣжно страдаютъ многія другія государства, помимо того, которое составляетъ непосредственную мишень полувраждебной мѣры, называемой однако-же «мирною» блокадой.

---

[1] *Bluntschli*, § 506.—*Calvo*, § 683.—*Heffter*, § III.—По-русски, см. Ф. *Мартенса*, О. С. Стр. 47 и слѣд. Здѣсь-же приведены и разсмотрѣны мнѣнія Отфёля, Кошн, Пистуà и Дюверди, Гесснера, Видàри, Денегрина *pro* и *contra* мирной блокады.

Digitized by Google

Блокада «мирная» точно такъ-же прерываетъ всѣ сношенія съ портами данной страны, какъ и блокада военная. При продолжительности ея и при важности торговыхъ связей, узлами которыхъ можетъ служить блокируемая страна, неизбѣжно должно слѣдовать за «мирною» блокадою множество неисчислимыхъ потерь и несчастій: такъ, блокада русскихъ портовъ въ Черномъ и Азовскомъ моряхъ способна, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, усилить до степени голода недостатокъ хлѣба въ западной Европѣ; такъ, блокада американскихъ портовъ, откуда вывозится хлопокъ, можетъ вызвать, кромѣ безчисленныхъ частныхъ бѣдствій, общественныя волненія и соціальные перевороты въ Англіи и т. д. [1]. За-тѣмъ совершенно справедливо замѣчаніе, что подобный образъ дѣйствій доступенъ только могущественнымъ державамъ противъ слабыхъ, такъ-какъ сильное государство не допуститъ себя, не начавъ открытой борьбы, до унизительнаго положенія — выносить всѣ страданія и тягости войны при провозглашеніи звонкихъ фразъ о мирѣ и дружбѣ со стороны блокирующей державы. За-тѣмъ самая блокада затрудняется географически при значительности береговой линіи въ территоріи и та-же блокада облегчается въ обратномъ случаѣ, т. е. опять-таки относительно небольшого государства. — Наконецъ, мирная блокада, падаетъ всею тяжестью своею на частныхъ подданныхъ — мирныхъ торговцевъ и моряковъ, не отвѣчающихъ за государство и его правительство своею личностію и имуществомъ, какъ во времена древне-греческой андролепсіи и ксенеласіи, — поражаетъ законныя права и громадные матеріальные интересы многихъ державъ, непричастныхъ спору и взаимнымъ притязаніямъ

[1] «It is not only — говоритъ Сибомъ (On international reform, P. 34) — that a million or two of men, women and children have become dependent on the cotton trade and that this fact has placed us in the awkward predicament, that, although we annually spend upon our armes and navy ± 25,000,000 sterling, *the blockade of a few ports 3,000 miles away, which we have no right to break*, inflicts almost as great *an injury on us as on the blockaded states*».

Digitized by Google

немногихъ государствъ,—увеличиваетъ практику самоуправства и самосуда. По всѣмъ этимъ соображеніямъ, мирная блокада должна подвергнуться строгому осужденію науки международнаго права.

О правѣ войны.—Общія понятія о войнѣ. Различныя категоріи войнъ.

Съ перваго раза можетъ показаться парадоксальнымъ говорить о «правѣ войны», и были писатели, издавна высказывавшіе эту точку зрѣнія, полагая, что при громѣ оружія молчатъ законы (inter arma silent leges). Богословы, моралисты и казуисты, съ пятикнижіемъ въ рукахъ, старались доказать, что война есть самое полное безправіе. Мартенсъ называетъ войну «продолжительнымъ состояніемъ неопредѣленныхъ насилій». Въ послѣднее время одинъ прусскій генералъ высказалъ, что въ войнѣ «сила господствуетъ надъ правомъ».—Но есть и поклонники войны. Намъ извѣстно уже парадоксальное изрѣченіе, что «война служитъ полезнымъ упражненіемъ». Расходясь съ Руссо, Бэнтамомъ, Кантомъ и Фихте (два послѣднихъ предложили проекты вѣчнаго мира съ постояннымъ конгрессомъ), — извѣстный философъ Гегель учитъ, что «вѣчный миръ былъ бы нравственнымъ застоемъ для народовъ». «Лучшія проявленія человѣческой природы», говоритъ Жозефъ Деместръ, — «искусства, науки, высокія мысли и предпріятія, мужественныя доблести,— все это зависитъ отъ войнъ. Націи достигаютъ высшей степени своего величія лишь послѣ продолжительныхъ и кровопролитныхъ войнъ. Однимъ словомъ, можно сказать, что кровь служитъ лучшимъ удобреніемъ для растенія, именуемаго геніемъ». Но теократическій писатель Деместръ забылъ, что, по св. Евангелію, по естественному праву и человѣческимъ законамъ, миръ призываетъ благословеніе на землю, а не война. Еще Платонъ сказалъ, что хорошее государство (civitas bona) будетъ жить

Digitized by Google

мирно; если же государство дурно (si mala sit), то оно будетъ вести войны и извнѣ и внутри (Leg. VIII). Обоготворять войну, какъ Деместръ, или, по примѣру Гоббса, видѣть въ ней только грубую силу: какъ то, такъ и другое — крайности.

Конечно, война есть такое явленіе, къ которому неизбѣжно привито злое начало. Ахиллъ Моренъ[1] говоритъ, что въ XIX столѣтіи война скосила 10 милліоновъ людей. Бывали войны, которыя унижали націи на цѣлые вѣка, въ то-же время, принижая нравственно самихъ побѣдителей, ставили и ихъ въ весьма грустное положеніе, не смотря на торжество. Но, не смотря на все это, бывали и такія войны, которыя въ нравственномъ значеніи возвышали націи (такова отечественная война 1812 года). И Либеръ, т. е. одинъ изъ благороднѣйшихъ представителей Германіи въ области политическихъ наукъ, замѣтилъ, что войны часто были средствомъ цивилизаціи и нерѣдко пробуждали тотъ или другой народъ отъ летаргическаго сна. «Война есть борьба и страданіе», говоритъ Либеръ, — «но, едва-ли безъ нихъ выпадаетъ какое-бы то ни было благо на долю человѣка». — Во всякомъ случаѣ, война, будучи необходимымъ зломъ въ мірѣ международныхъ отношеній, не можетъ и не должна исключать совершенно идею о правѣ. «Война, по выраженію Блунчли, будучи вооруженною борьбою государствъ изъза государственныхъ вопросовъ, содержитъ въ себѣ непремѣнно правовые элементы и представляетъ совокупность дѣйствій, ко-

[1] *Achille Morin*, Les lois relatives à la guerre. 1872 г.—*Leroy Beaulieu*, «Les guerres contemporaines». Deuxième partie (Recherches statistiques sur les pertes d'hommes et de capitaux. PP. 95 etc.). «Ce fut donc près de 800,000 hommes que la guerre d'Orient aurait dévorés. La consommation de capitaux ne fut pas moins énorme... 8 milliards et demi ont grevé... les finances de l'Europe; mais à combien s'élèvent toutes ces pertes indirectes que nous avons notées et une foule d'autres qui nous ont échappé: le calculer est impossible»... Война итальянская стоила 1½ милліарда, при потерѣ 50,000 убитыми и умершими отъ болѣзней въ трехъ арміяхъ (франц., австр., итальян.). Война американская истребила 630,000 человѣкъ и поглотила 3 милліарда, 180 милліоновъ долларовъ.

Digitized by Google

торыми извѣстная нація стремится достигнуть уваженія къ своимъ правамъ». Слѣдовательно, война для войны, какъ цѣль, безусловно осуждается, но, какъ средство къ защитѣ права и упроченію мира, она должна быть допущена, при несовершенствѣ современной нашей цивилизаціи. Война можетъ быть терпима лишь потому, что европейскіе народы еще слабо связаны между собою узами права, нравственности и справедливости.

Понятно, что наука, которая допускаетъ войну только какъ средство и которая старается подвести это необходимое зло подъ начала, наиболѣе нравственныя и человѣчныя, что такая наука заслуживаетъ полнаго уваженія. «Въ сущности», замѣчаетъ Ахиллъ Моренъ (см. выше), «военное право означаетъ совокупность юридическихъ правилъ, которыми опредѣляются степень и мѣра приложенія силы къ борьбѣ противъ непріятеля». Но прилагая такіе принципы, нельзя однако искоренить того присущаго войнѣ порока, что она фатально рѣшаетъ иногда дѣло въ пользу того, кто не имѣетъ права. Конечно, и въ частныхъ спорахъ не можетъ быть единовременно права на обѣихъ сторонахъ, и судебное рѣшеніе не застраховано противъ заблужденій и ошибокъ, — но аргументъ этотъ не есть отрицаніе сказаннаго о международномъ правѣ.

Разсмотримъ теперь взглядъ публицистовъ на раздѣленіе войнъ. Война есть такое крупное явленіе, что классификація его не могла не заинтересовать ученыхъ, и они выставили такія категоріи: 1) по мѣсту своего дѣйствія (по театру военныхъ дѣйствій), войны дѣлятся на континентальныя или сухопутныя, и морскія; 2) по качеству и числу борящихся сторонъ, войны бываютъ: a) гражданскія, b) международныя, c) народныя, когда противъ врага возстаетъ не только правительство, но и вся нація; 3) по своимъ мотивамъ и цѣлямъ, войны дѣлятся еще на множество видовъ: a) войны изъ-за политическаго равновѣсія, b) — изъ-за религіозныхъ цѣлей, за свободу совѣсти

Digitized by Google

(эти два вида прежде были очень часты), c) — за вопросы публичнаго права, какъ выразился Блунчли, d) — наступательныя, e) — оборонительныя и т. д. Но названія «оборонительная» и «наступательная» нельзя принимать въ буквальномъ смыслѣ слова; иногда одно государство нападаетъ на другое, будучи вызвано со стороны другого; и здѣсь будетъ въ-сущности оборонительная война, а не наступательная.

Вопросы о томъ, на-сколько законны войны изъ-за политическаго равновѣсія, изъ-за религіозныхъ побужденій и т. п., подымаются еще и теперь, и напр. Тиссо посвящаетъ этому вопросу довольно много страницъ своего сочиненія (Principes du droit public. 1872 года). Въ прежней же литературѣ, всѣ ученые трактаты по международному праву неизбѣжно заключали въ себѣ разсужденія о законности подобныхъ войнъ[1]. Те-

[1] Литература по праву войны составляетъ наибольшій процентъ въ цѣлой массѣ книгъ, написанныхъ по международному праву отъ Витторія, Гентилиса, Гуго-Гроція, Бенкерсгука и пр. до нашихъ временъ. *Ompteda*, II. S. 614 fg. *Kamptz*, S. 317 fg.—Въ послѣднее время, дѣятельность «друзей мира» и недавнія войны еще болѣе увеличили число большихъ и мелкихъ сочиненій по этому интересному вопросу. — Ср. *Vattel*, Liv. 3 (Edit. 1839), pp. 77—298. *Koch*, Europäisches Land- und Seekriegsrecht. Erl. 1778. — *Martens* (G. F.), Edition de Pinheiro-Ferreira (1831), «Précis du droit des gens moderne etc. Chapitre III; §§ 263—304. — *Heffter*, L. C. §§ 114—143; 144—176;—192. — *Wildman*, II. Chapters I—X. — *Phillimore*, III, §§ 51—185. — *Travers-Twiss*, II, Chapt. 1—12. — *Bluntschli*, Das M. V.-R. NN 510—741. — *Halleck*, Chapters XIII—XXVIII, XXX—XXXV. — *Rob. v. Mohl*, Encyclopädie etc. §§ 67; 73; 74. — *Villiaumé*, Esprit de la guerre etc. (3-e éd. 1864). — *Proudhon*, La guerre et la paix, 1869. *Laveleye*, Des causes actuelles de guerre en Europe etc. 1873. — *Kent*'s Commentaries (Abdy's edit.), pp. 186, 187 etc., и мн. др.—По-русски: *Лохвицкій*, «О плѣнныхъ по древне-русскому праву», 1855.—Особенно замѣтна литература наша по предмету морской войны; здѣсь можно указать: *Каченовскаго*, «О каперахъ и призовомъ судопроизводствѣ», 1855; *Ф. Мартенса*, «О правѣ частной собственности во время войны», 1869. — Работа Каченовскаго вышла на англійскомъ языкѣ въ Лондонѣ 1867 г., въ переводѣ доктора *Пратта* и съ нѣкоторыми добавленіями, подъ заглавіемъ: «Prize Law: particularly with reference to the duties and obligations of belligerent and neutrals». — Въ книгѣ г-на Ф. Мартенса, кромѣ подробнаго разсмотрѣнія главной темы, изложенъ историче-

Digitized by Google

перь исторія даетъ намъ право отнестись равнодушно къ тѣмъ сомнѣніямъ, которыя высказывались по этому поводу прежними публицистами. Никто, конечно, не будетъ, въ настоящее время, отрицать войны за свободу совѣсти, и нельзя сказать, чтобы вопросы о войнѣ изъ-за политическаго равновѣсія потеряли теперь свою острую силу. Правда, на политическое равновѣсіе въ наше время уже не такъ смотрятъ какъ прежде: равновѣсіе это не считаютъ всемогущимъ средствомъ противъ всяческихъ золъ; но жизнь до-того разнообразитъ вопросы, такъ неожиданно создаетъ различные интересы, раздѣляя ихъ и сталкивая между собою, что нельзя безусловно отрицать, въ будущемъ, возможности войнъ изъ-за политическаго равновѣсія. Мнѣнія публицистовъ по этому предмету раздѣляются. Если, съ одной стороны, Тиссо внимательно и серьезно разсматриваетъ вопросъ, то, съ другой стороны, Геффтеръ считаетъ его праздным для теоріи международнаго права, такъ-какъ всякій отдѣльный случай разрѣшается, кромѣ принциповъ, соображеніями особенныхъ интересовъ и положенія каждой націи.

За-то существуетъ и никѣмъ не отвергается различіе войны международной или внѣшней — государственной, отъ гражданской, или внутренней. Послѣдняя отличается какъ отъ первой, такъ и отъ простого волненія или бунта противъ властей и правительства, потому что при гражданской войнѣ всегда предполагается раздѣленіе страны на два болѣе или менѣе сильныхъ враждебныхъ лагеря. Иногда даже, правительство въ гражданской войнѣ стоитъ на одной сторонѣ, а на другой — инсургенты, представляющіе цѣлую половину населенія (гражданская война при Кар-

---

скій очеркъ развитія права войны.—Работы гг. Лешкова, Спассовича и Реннекампфа относятся главнымъ образомъ къ ученію о нейтралитетѣ.—Въ 1870 г. вышла еще книга, съ которою мы не имѣли случая познакомиться, а именно: *Базинера*, «Неприкосновенность частной собственности въ международныхъ войнахъ» (Одесса).

Digitized by Google

лѣ I-мъ Стюартѣ). Но можетъ случиться и такъ, что правительство, не стоя ни на одной изъ враждующихъ сторонъ, будетъ однако-же такъ обезсилено волненіемъ, что de facto окажется какъ-бы нейтральною стороною. — Спрашивается: какъ смотритъ наука на гражданскія войны, какія правила предписываетъ она правительству и сторонамъ относительно другъ друга? Никто не можетъ ограничить или отнять у правительства строгаго права поступать съ инсургентами по всей суровости законовъ: такое право вытекаетъ изъ принципа верховности государства. Но наука требуетъ, чтобы правительства, по соображенію своей собственной пользы, по соображенію своихъ же интересовъ, не обращались безпощадно съ инсургентами. Суровость здѣсь должны сдерживать и разсчеты гуманности, и разсчеты политики. Разсчеты политическіе состоятъ въ томъ, что, коль-скоро инсургенты покорились силѣ, то они уже составляютъ интегральную часть государства. Власть, которая есть представительница націи, не можетъ, не посягая на себя-самое, истощать и убивать органическую часть народа. Тѣ времена прошли, когда правительства могли декретировать варварскія мѣры противъ народа; теперь бы эти мѣры возмутили даже самое тупое чувство гуманности.

Вотъ почему въ сочиненіяхъ о войнѣ мы находимъ такое положеніе: во всѣхъ актахъ гражданской войны обѣ стороны должны держаться тѣхъ обычаевъ, которые установлены для борьбы цивилизованныхъ націй; съ плѣнными должно обращаться, какъ вообще они третируются у образованныхъ народовъ; сражающихся нужно отличать отъ несражающихся; осады, картели, капитуляціи и т. д., — все это должно происходить по обычаямъ, установленнымъ для войны вообще. Слѣдовательно, въ гражданской войнѣ одна сторона (хотя-бы правительство) должна de facto дѣйствовать такъ, какъ будто-бы противники (инсургенты) признавались воюющею стороною. — Но такое поведеніе

Digitized by Google

не ведетъ за собою формальнаго признанія инсургентовъ воюющею стороною; – этого никто и не требуетъ. Было бы крайне предосудительно и вредно для международныхъ интересовъ, если-бы само правительство признало инсургентовъ воюющею стороною. Лишь de facto и tacite имъ должны быть предоставлены всѣ права воюющихъ.

По мнѣнію Галлека, инсургенты, покоренные силою оружія, должны быть судимы и отвѣчать по внутреннимъ законамъ государства; предоставленіе имъ de facto правъ воюющей стороны нисколько не ослабляетъ этого правила. Однако современная теорія требуетъ въ этомъ отношеніи наибольшей гуманности, а потому соглашается лишь съ тѣмъ, чтобы одни главные виновники отвѣчали по всей строгости законовъ. — Отъ гражданской нужно отличать частную войну: частная война ведется не именемъ одной части націи противъ другой, — противъ правительства; но это есть простая феда между нѣсколькими лицами. Ясно, что подобная война не что иное, какъ видъ пиратства или разбоя; слѣдовательно, виновные въ поднятіи частной войны не имѣютъ права пользоваться положеніемъ воюющей стороны.

Что касается до формальныхъ условій для военныхъ дѣйствій, то между ними на первомъ планѣ стоитъ объявленіе войны. Право объявлять войну принадлежитъ тѣмъ, которые имѣютъ jus belli. Было время, когда формальности объявленія войны были очень сложны; въ средніе вѣка требовалось особенное, торжественное объявленіе войны; послѣдній случай такого акта былъ въ 1735 году, но послѣ этого года уже не встрѣчается такой практики. Теперь достаточно даже одного манифеста о войнѣ, издаваемаго въ своей территоріи. Иногда одно правительство объявляетъ другому войну посредствомъ декларації чрезъ своего дипломатическаго агента, причемъ эта декларація можетъ быть условною или безусловною, и въ послѣднемъ случаѣ сейчасъ - же за объявленіемъ начинаются военныя дѣй-

Digitized by Google

ствія. Если же декларація условна, то война наступаетъ по исполненіи условія, которое входило въ декларацію. Впрочемъ, международная практика допускаетъ заявленія мира и послѣ декларацій; въ случаѣ ихъ успѣха, военныя дѣйствія останавливаются. Кромѣ того средствами для объявленія о войнѣ служатъ: отзывъ подданныхъ со стороны извѣстнаго правительства изъ территоріи того государства, которому объявляется война; запрещеніе своимъ подданнымъ всякихъ сношеній съ подданными враждебнаго государства, изгнаніе подданныхъ враждебнаго государства изъ своей территоріи и т. п. Послѣдній случай такихъ изгнаній былъ въ 1735 г. англичанъ изъ Франціи, и въ войнѣ 1870 г. французскимъ правительствомъ было предложено нѣмецкимъ подданнымъ выѣхать изъ Франціи. Однако въ осажденномъ Парижѣ мотивъ былъ совсѣмъ другой: здѣсь дѣйствовала не фанатическая вражда французскаго правительства противъ враговъ, а скорѣе забота объ ихъ безопасности, такъ-какъ французскій народъ былъ крайне возбужденъ противъ нѣмцевъ и правительство не могло ручаться за ихъ неприкосновенность. Передъ войною, какъ мы видѣли это выше, накладываютъ нерѣдко, съ точнымъ обозначеніемъ сроковъ, эмбарго на корабли и объявляютъ блокаду портовъ и береговъ, согласно общимъ, нынѣ дѣйствующимъ, правиламъ этого института.

Дѣйствія войны на лица и вещи. О законныхъ врагахъ. Театръ войны. Торговыя связи подъ вліяніемъ военныхъ дѣйствій.

§ 32. Вліяніе или дѣйствіе войны (т. е. послѣдствія ея касательно лицъ и вещей — подданныхъ непріятельскаго государства и ихъ имуществъ) составляетъ весьма серьёзный вопросъ. И здѣсь мы прежде всего разсмотримъ: кто считается непріятелемъ или законнымъ врагомъ? Законнымъ врагомъ могла бы считаться вся нація, оказавшаяся виновною въ нарушеніи законныхъ

Digitized by Google

правъ другой націи. Но такое опредѣленіе очень широко и вмѣстѣ весьма сурово; теперешнее международное право не можетъ удовлетвориться имъ. Нельзя возлагать на каждую единичную личность въ составѣ націи отвѣтственность, которую несетъ правительство, какъ представитель особаго и самобытнаго юридическаго лица — государства. Есть мнѣніе, будто законнымъ врагомъ должно считать только одни правительства, но и такое съуживаніе не можетъ быть принято на-равнѣ съ вышеприведеннымъ расширеніемъ вопроса. Если законными врагами считать одни правительства, хотя-бы они были и очень многочисленны, то что же будетъ съ арміями и флотами? Развѣ ихъ возвести въ роль простыхъ машинъ? Но вѣдь и машины, которыя вредятъ кому-либо, разрушаются; слѣдовательно, армія и флотъ суть такія силы, которыя неизбѣжно должны быть объявлены законными врагами, такъ-какъ лишь съ этими силами можетъ вести войну государство противъ государства. — Итакъ, международное право должно поставить слѣдующее положеніе: законнымъ врагомъ считается та часть націи, которая открыто и по распоряженію правительства принимаетъ непосредственное участіе въ войнѣ. Слѣдовательно, если-бы во время войны явилось, по призыву верховной власти, народное ополченіе въ территоріи извѣстнаго государства, то никакая воюющая сторона не имѣетъ права третировать организованныхъ ополченцевъ, какъ незаконныхъ враговъ; словомъ, извѣстные поступки пруссаковъ съ вольными стрѣлками въ-началѣ франко-прусской войны должны быть безусловно осуждены[1].

---

[1] См. текстъ отвѣта французскаго военнаго министра графу Бисмарку, который объявилъ, что «будутъ судиться военнымъ судомъ» (а слѣдовательно и разстрѣливаться) «всѣ тѣ, которые не могутъ быть признаны, на разстояніи ружейнаго выстрѣла, за солдатъ: «La garde nationale mobile et *les francs-tireurs qui y sont assimilés par leur organisation, ou qui ont été formés après des autorisations régulières représentent une force constituée, en vertu de la loi française*» etc. *Rolin-Jacquemyns*, La guerre actuelle dans ses rapports avec le droit international. Gand. 1870.

Digitized by Google

Если можно и должно считать законнымъ врагомъ только тѣхъ подданныхъ враждебнаго государства, которые взялись за оружіе, то остальные жители его должны признаваться нейтральными, неприкосновенными къ войнѣ, хотя необходимость войны заставляетъ взимать съ нихъ различнаго рода контрибуціи[1]. Кромѣ солдатъ и флота, участвовать въ войнѣ могутъ еще союзники[2]. Союзныя войска подлежатъ всѣмъ послѣдствіямъ войны, какимъ подлежатъ и главныя воюющія стороны; и непріятельское правительство всегда можетъ объявить войну тому государству, которое подало помощь, дало напр. войска или субсидіи его врагу.

Касательно имуществъ, подпадающихъ дѣйствію войны, надо сказать, что къ нимъ относятся не только государственные домены, но, въ случаѣ необходимости, de facto, и общинныя и частныя недвижимости, поля, сады, дома, лѣса; движимости и кредитныя бумаги и т. п. Международное право, конечно, желаетъ спасать частную собственность не только въ сухопутныхъ, но и въ морскихъ войнахъ; однако, при всяческой гуманности воюющихъ, трудно устранить недвижимыя имущества отъ случайностей борьбы, которая заурядъ сопровождается пожарами, губящими различныя зданія, а съ ними и милліоны состояній. Даже имущества подданныхъ нейтральныхъ государствъ, если эти имущества находятся въ территоріи воюющихъ державъ, подлежатъ многимъ роковымъ послѣдствіямъ войны. Слѣдовательно, тотъ благородный и цивилизующій принципъ, по которому международное право устраняетъ частную собственность отъ послѣдствій войны, не имѣетъ еще полнаго и безусловнаго примѣненія на практикѣ[3].

---

[1] См. далѣе «о дозволенныхъ и недозволенныхъ дѣйствіяхъ на войнѣ.

[2] См. «о союзныхъ договорахъ», далѣе, въ отдѣлѣ трактатовъ, имѣющихъ отношеніе къ войнѣ.

[3] Текстъ лекціи стенографированъ былъ въ мартѣ 1874 года; тогда мы не имѣли еще возможности привести постановленіе брюссельской конференціи, гдѣ впервые провозглашено *всѣми представителями европейскихъ государствъ, что*

Digitized by Google

При обсужденіи вопросовъ военнаго права нужно имѣть въ виду слѣдующія основныя начала, высказанныя новѣйшею теоріею: если война и уничтожаетъ нѣкоторыя отношенія, то война правильная у цивилизованныхъ народовъ не можетъ быть абсолютною и безграничною: она имѣетъ свои предѣлы, и гдѣ оканчиваются эти границы, тамъ развивается во всей полнотѣ сфера неприкосновенныхъ правъ. Слѣдовательно, война должна довольствоваться указаннымъ для нея театромъ непріязненныхъ дѣйствій, и большею частію этотъ театръ (т. е. мѣсто, гдѣ происходитъ война) ограничивается территоріею воюющихъ государствъ, внутренними водами воюющихъ и океаномъ. — За этими предѣлами идутъ нейтральныя территоріи непричастныхъ борьбѣ государствъ, гдѣ никто не можетъ начинать военныхъ дѣйствій, и если какой-нибудь корпусъ арміи перешелъ бы въ нейтральные районы, то его сейчасъ-же можно обезоружить (какъ былъ обезоруженъ корпусъ Бурбаки за швейцарскою границею).

Спрашивается, что бываетъ, если въ войнѣ участвуютъ союзническіе корпуса, принадлежащіе тѣмъ государствамъ, съ которыми одна воюющая сторона заключила трактатъ о нейтралитетѣ его территоріи? Въ такихъ случаяхъ дозволяется преслѣдовать союзническіе корпуса даже въ ихъ собственной территоріи, не смотря на то, что между государствомъ, давшимъ вспомогательный корпусъ, и одною изъ воюющихъ сторонъ заключенъ трактатъ о нейтралитетѣ. — Изъ того-же принципа, что война не можетъ быть безгранична, объясняется стремленіе многихъ трактатовъ ограничить и тѣснѣе опредѣлить театръ войны. Примѣры такіе недалеки отъ насъ: греческая война, когда въ нее вмѣшивались европейскія государства, была локализирована къ

разореніе и захватъ непріятельской собственности вообще не дозволяется, за исключеніемъ только случаевъ крайней и неизбѣжной военной необходимости. См. «Сборникъ государст. знаній» I. Стр. 215. Ст. *Мартенса* «Брюссельск. международ. конфер. 1874 года».

Digitized by Google

извѣстной мѣстности; подобная же локализація происходила во время войны изъ-за несогласій между турецкимъ султаномъ и египетскимъ пашею. Но нельзя сказать, чтобы международная практика послѣдняго времени всегда согласовалась съ правилами трактатовъ о локализаціи войны: въ нашей крымской войнѣ театръ военныхъ дѣйствій захватывалъ, кромѣ Чернаго моря, берега Балтійскаго и даже Бѣлаго моря. За-то франко-прусская война была локализирована, и военныя дѣйствія не переходили за предѣлы Франціи.

Изъ принципа, что война не есть нѣчто абсолютное, слѣдуетъ далѣе правило, которое такъ хорошо выразилъ Портали съ: что война происходитъ между правительствами, а не между частными лицами, и даже не между націями. Слѣдовательно, подданные воюющихъ государствъ враждуютъ между собою случайно и не какъ граждане, а только какъ солдаты. На этомъ построены правила о разграниченіи между воюющими и невоюющими. Выше уже было сказано, что къ воюющимъ или къ законнымъ врагамъ относятся: сухопутныя силы и военные флоты; но сюда-же причисляются и каперы, послѣдніе однако-же тамъ, гдѣ они допускаются послѣ трактата 1856 г. (Здѣсь кстати замѣтимъ, что, по декларації 16 апрѣля 1856 г., всѣ государства, кромѣ Америки и Испаніи, отказались отъ каперства). Далѣе, къ законнымъ врагамъ кромѣ регулярной арміи относятся: ополченіе, ландверъ, ландштурмъ и вольные стрѣлки, но подъ условіемъ дозволенія и приказанія ихъ правительства взяться имъ за оружіе, носить извѣстный мундиръ, соблюдать правила и обычаи войны и дѣйствовать, подъ начальствомъ извѣстныхъ вождей, открытыми отрядами. Если правительство считаетъ нужнымъ обратиться къ поголовному ополченію для войны, то лишь тогда вся нація такого государства должна считаться законнымъ врагомъ, со всѣми послѣдствіями, вытекающими изъ этого положенія на основаніи военной практики и началъ международнаго права.

Digitized by Google

Изъ принципа, что война не есть нѣчто безграничное, слѣдуетъ, что она не уничтожаетъ всѣхъ правъ даже по отношенію къ открытымъ врагамъ—и между воюющими сторонами все-таки остаются извѣстныя мирныя отношенія; если ихъ уничтожить совершенно, то правильная война, война цивилизованная, обратится въ безобразную свалку, въ рѣзню между варварскими народами. Какъ-же и кѣмъ установлены такія исключенія? Ихъ установили—наша цивилизація, чувство гуманности, совѣсть и ясное сознаніе общихъ интересовъ. Но внушенныя и вызванныя такими мотивами, эти исключенія тогда увеличиваютъ силу, когда они доказаны ясными, очевидными способами. Доказательствами для этого служатъ обычаи, и лучшее доказательство — конвенціи.

Съ вышесказаннымъ соединены весьма серьезные вопросы о вліяніи войны на договорныя и обязательныя связи между народами. Слѣды прежнихъ суровыхъ воззрѣній на этотъ предметъ видны и у новыхъ публицистовъ преимущественно англійской школы. Такъ, Галлекъ говоритъ, что объявленіе войны производитъ абсолютный перерывъ всякихъ сношеній и сдѣлокъ между подданными двухъ враждебныхъ державъ[1]. За-тѣмъ, переходя къ мнѣнію Кента о томъ, что «торговыя и гражданскія отношенія невозможны между подданными воюющихъ державъ, за исключеніемъ развѣ тѣхъ, которыя ясно и точно разрѣшены по волѣ правительствъ», Галлекъ продолжаетъ: «хорошо извѣстно англійской юриспруденціи, что единовременно нельзя вести и войну, и мирныя, торговыя сношенія; согласно этому англійскіе и американскіе суды объявляютъ недѣйствительными всякіе контракты между подданными враждующихъ государствъ, запрещаютъ стра-

[1] *Halleck*, L. C. Ch. XV, §§ 8, 9.—*Phillimore*, III, § 70: «But all contracts with the enemy are null and void» etc.; но Галлекъ невѣрно думаетъ, будто и Геффтеръ смотритъ точно такимъ-же образомъ на послѣдствія объявленія войны. См. *Heffter*, § 722.

Digitized by Google

хованія непріятельскихъ имуществъ, передачу и покупку векселей подданными одного государства у подданныхъ другого, ему враждебнаго, запрещаютъ передачу денежныхъ капиталовъ въ звонкой монетѣ, въ обязательствахъ, депозиты». — Однимъ словомъ почти всѣ обязательства и контрактныя сдѣлки по бумагамъ au porteur, коммерческія ассоціаціи или торговыя товарищества, которыя имѣютъ такое огромное значеніе въ современной системѣ международныхъ сношеній, опять-таки, по ученію названныхъ публицистовъ, расторгаются ipso facto belli. По тѣмъ контрактамъ, которые не могутъ прекращаться даже войною (т. е. контракты, за-долго до войны заключенные и послѣдствія которыхъ несомнѣнны), право истца вчинать дѣло пріостанавливается.

Также строго смотрятъ и теорія, и практика англо-американскихъ судовъ на сдѣлки, вести которыя задумали бы союзники съ подданными враждебнаго государства. «Незаконно и несправедливо», говоритъ Кентъ, «вести союзникамъ торговлю съ враждебнымъ государствомъ... и одна изъ воюющихъ сторонъ имѣетъ право схватить имущество того подданнаго союзническаго государства, который торгуетъ съ гражданами противной ей стороны»[1]. Не менѣе правильнымъ считаетъ Кентъ захватъ имуществъ тѣхъ лицъ, которыя въ моментъ объявленія войны находятся въ территоріи государства, объявившаго войну

[1] Такія положенія совершенно сходятся съ слѣдующими замѣчаніями: «When war is duly declared, it is not merely — гов. Kent (См. Commentaries, Abdy's edit. P. 142 etc.) — a war between this and the adverse government in their political characters. Every man is, in judgment of law, a party to the acts of his own government, and *a war between the governments of two nations is a war between all the individuals of which tho other nations are composed*» etc. Дальше, у того-же автора, мы читаемъ: «But however strong the current of authority in favour of the modern and milder construction of the rule of national law on this subject, the point seems no longer open for discussion in America; *and it has become definitely settled in favour of the ancient and sterner rule, by the Supreme Court of the United States*» etc. (P. 196).

Digitized by Google

ихъ правительству.—Но не смотря на такія ученія, новѣйшая практика и теорія во многомъ ограничиваютъ и ослабляютъ всѣ эти понятія. Между прочимъ и въ Соединенныхъ штатахъ были такіе юристы, какъ напр. Маршаль (Marschall), которые стояли за нѣкоторое смягченіе законовъ о конфискаціи частной собственности въ непріятельской территоріи, и основывали это правило на принципахъ нравственнаго закона и гуманности.

Къ сожалѣнію, новый принципъ неприкосновенности частной собственности не вошелъ повсюду и безусловно въ положительные законы и трактаты, такъ-что примѣненіе его зависитъ отъ воли правительства и отъ взаимнаго осуществленія другими государствами. Итальянецъ Эрколо Видари[1] выступаетъ столь же энергическимъ защитникомъ свободы частной собственности во время войны, какъ Маршаль, Геффтеръ и многіе другіе европейскіе публицисты. Впрочемъ въ войнѣ 1854 г. даже Турція подала примѣръ гуманности и умѣреннаго обращенія съ непріятелемъ, такъ-какъ, при переходѣ чрезъ Дунай, турки не наложили немедленнаго embargo на русскіе корабли, стоявшіе въ турецкихъ портахъ. Россія, конечно, по началу взаимности, сдѣлала то-же самое относительно турецкихъ судовъ и дала имъ опредѣленный срокъ для выхода изъ русскихъ портовъ. Франція и Англія не могли не послѣдовать этому примѣру, и такимъ образомъ даже Англія отступила отъ своей прежней политики, всегда болѣе суровой, чѣмъ во Франціи. Французская декларація 1854 г. дала русскимъ кораблямъ, находящимся во французскихъ портахъ, шестинедѣльный срокъ для выгрузокъ и окончанія всѣхъ дѣлъ; тѣ русскіе корабли, которые не находились во французскихъ портахъ въ моментъ объявленія войны, т. е. 27 марта 1854 года, куда бы они ни прибыли, до 9-го мая

[1] *Ercolo Vidari* — 1867 г. О неприкосновенности непріятельской собственности во время войны (Del rispetto della proprieta privata tra gli stati in guerra).

Digitized by Google

пользовались тѣми-же правами выгрузки и т. д.—Англія въ 1854 г. издала такой-же точно декретъ[1]. Въ послѣднюю франко-прусскую войну выдержано было то-же начало гуманнаго обращенія съ частною собственностью иностранцевъ, подданныхъ воюющихъ государствъ. По французскому декрету 21 іюля 1870 года, данъ былъ 30-дневный срокъ нѣмецкимъ торговымъ судамъ, находившимся въ портахъ имперіи во время объявленія войны.

Что же сказать по вопросу о торговлѣ между воюющими? Торговля, во время войны, какъ мы видѣли, прежде безусловно отвергалась; больше всего суровости по этому вопросу до сихъ поръ можно найдти у англичанъ и у американцевъ; теперь-же публицисты склоняются къ тому мнѣнію, что во время войны нельзя не ограничивать торговлю, особенно такую, которая вліяетъ на ходъ войны; но независимо отъ того, что война не уничтожаетъ всѣхъ частныхъ правъ, едва-ли можно ее запретить безусловно, при техническихъ улучшеніяхъ, при всѣхъ условіяхъ, данныхъ матеріальнымъ прогрессомъ нашего времени, допуская даже серіёзное желаніе на этотъ счетъ воюющихъ правительствъ. Если-бы, положимъ, правительство установило кордоны, чтобы не допускать торговыхъ сношеній, то есть нейтральныя границы, чрезъ которыя торговля можетъ косвенно достигнуть территоріи враждебныхъ государствъ, принявъ только другой, болѣе долгій и несомнѣнно бо-

[1] Англія, не смотря на суровость своей практики, имѣетъ весьма отдаленные, по времени, хотя и немногочисленные прецеденты для гуманнаго обращенія съ непріятелемъ и его имуществами послѣ объявленія войны. Мы разумѣемъ общеизвѣстное постановленіе «Великой хартіи» о личной и имущественной неприкосновенности иностранныхъ купцовъ подъ условіемъ взаимности относительно торговцевъ Англіи за границею (*Филлиморъ*, III, § 28, P. 40, 41. Edit. 1857). По статуту Эдуарда III-го, иностранцамъ дается 40-дневный срокъ (*Галлекъ*, Глав. XV, § 14).—См. также гуманныя правила у *Ваттеля:* «Le souverain qui déclare la guerre ne peut retenir les sujets de l'ennemi qui se trouvent dans ses Etats au moment de la déclaration, non plus que leurs effets» etc. III, Cap. IV. § 63.

Digitized by Google

лѣе дорогой путь. Въ виду этого и многихъ другихъ соображеній, едва-ли можно или должно запрещать торговлю, конечно, за исключеніемъ случаевъ, которые прямо врѣзываются въ интересы воюющихъ государствъ. Сама исторія убѣждаетъ насъ, что государства, наиболѣе рѣзко запрещавшія торговлю во время войны, въ то-же время смягчали, если не отмѣняли вовсе свою систему: такъ, выше мы видѣли изъ исторіи международныхъ отношеній, что, во время борьбы Наполеона съ Англіею и другими европейскими державами, правительства выдавали дозволенія или лиценціи (licenses) на торговлю не только частнымъ лицамъ, но и компаніямъ. По этому вопросу послѣдняя франко-прусская война представляетъ собою явленіе, вполнѣ отвѣчающее требованіямъ и истинамъ международнаго права: нейтральность торговыхъ французскихъ кораблей была объявлена безусловною, независимо отъ того, будетъ-ли соблюдаема взаимность другою стороною (18 іюля 1870). Любопытно, что въ адресѣ, поданномъ торговою палатою Гавра министрамъ императора (27 іюля 1870), проводится начало полной солидарности интересовъ французскихъ и нѣмецкихъ негоціантовъ и судохозяевъ[1]. Вотъ почему нельзя уже теперь поставить общаго правила, что съ объявленіемъ войны implicite связано запрещеніе торговли между подданными воюющихъ державъ; напротивъ, болѣе презумцій говорятъ въ пользу дозволенности торговли. Всѣ мѣры, ограничивающія, отмѣняющія и контролирующія эту торговлю, должны быть установляемы или внутренними законами или даже предварительными конвенціями (соглашеніями) державъ на случай войны. (Государства могутъ заключать въ мирное время трактаты о торговлѣ и вносить въ нихъ правила о томъ, какъ поступать во время войны).

Нельзя также сказать, чтобы теперешнія войны уничтожали всѣ трактаты между воюющими государствами и договоры между ихъ

[1] «La marine française — говоритъ текстъ адреса — souffrira de toutes les atteintes portées à la marine marchande ennemie».

Digitized by Google

частными подданными, хотя здѣсь и неизбѣжны ограниченія касательно пользованія правомъ иска, о чемъ мы уже говорили выше. Объявленіе войны ipso facto уничтожаетъ мирные договоры о дружбѣ, о союзѣ, договоры навигаціонные и, пожалуй, торговые, за исключеніемъ тѣхъ статей, которыя включены именно на случай войны. Есть даже еще договоры, которые заключаются спеціально на случай войны, напр. договоры о томъ, что, въ теченіе извѣстнаго срока, подданные одной изъ воюющихъ сторонъ имѣютъ право оставаться въ территоріи другой и оканчивать всѣ свои торговыя и др. дѣла; сюда-же принадлежатъ договоры относительно многихъ вопросовъ касательно правъ частной собственности, движимой и недвижимой. Всѣ такіе договоры сохраняютъ свою силу въ самомъ разгарѣ войны; отступленіе отъ этихъ договоровъ разсматривается какъ нарушеніе международнаго довѣрія и взаимной честности. Вотъ почему нельзя сказать, чтобы война уничтожала, по увѣренію поклонниковъ старыхъ и суровыхъ началъ, ipso facto, всѣ юридическія связи, omnia juris vincula, всѣ мирныя отношенія между враждебными державами.—Далѣе, юридическія отношенія, возникшія по конвенціямъ до войны и вошедшія въ силу, продолжаютъ существовать, и ихъ можно измѣнить или отмѣнить только новыми постановленіями въ другихъ соглашеніяхъ. Обязательства quasi ex contractu, установленныя подъ вліяніемъ comitas juris gentium и обычаевъ, не прерываются; воюющее государство обязано оказывать знаки уваженія другому государству, соблюдать международный церемоніалъ и т. д.

Что касается до частныхъ отношеній по договорамъ между подданными воюющихъ государствъ, то запрещенія касательно векселей, депозитныхъ бумагъ, торговыхъ предпріятій — одобряются англо - американскими юристами. Тѣмъ не менѣе практика сдѣлала здѣсь нѣкоторыя ограниченія: долговыя отношенія, возникшія между подданными воюющихъ государствъ *до объявленія войны*, не кассируются и не уничтожаются; они, по вы-

Digitized by Google

раженію публицистовъ, остаются in statu dormienti, т. е. только пріостанавливаются и сейчасъ-же возникаютъ сами собою по окончаніи войны. Такого правила новѣйшей теоріи мы не находимъ у древнихъ писателей: его нѣтъ не только у римскихъ, у еврейскихъ, или у средневѣковыхъ ученыхъ, но даже въ сочиненіяхъ Грота и Бенкерсгука. Лишь Ваттель заговорилъ о смягченіи. Надо замѣтить, что Бенкерсгукъ вообще очень суровъ въ своихъ воззрѣніяхъ: по его мнѣнію, война прекращаетъ всѣ связи и дѣлаетъ законными всякія мѣры противъ врага[1]. Выше было указано, что слѣды прежней суровой системы остались въ юриспруденціи американскихъ судовъ, и здѣсь jus strictum дозволяетъ конфискацію касательно долговъ непріятельскимъ подданнымъ, по распоряженію правительства. Но практическія соображенія международныхъ интересовъ, уваженіе взаимныхъ отношеній, начала comitas juris gentium не дозволяютъ осуществлять этого права.—Что касается англійской юриспруденціи, то здѣсь тоже признаютъ за jus strictum конфискацію относительно частныхъ долговъ. Но и англійскіе юристы говорятъ, что соображенія взаимной пользы не позволяютъ осуществлять права конфискаціи въ тѣхъ размѣрахъ, въ какихъ оно дозволено по всей строгости неотмѣненныхъ еще правилъ.—То начало, что политическіе и взаимные интересы запрещаютъ правительству конфискацію частныхъ долговъ, выражено было въ нѣкоторыхъ трактатахъ; между прочимъ въ трактатѣ 1794 г. между Англіею и Соединенными штатами[2].

---

[1] Однимъ изъ многихъ примѣровъ можетъ служить выдержка изъ «Quæst. juris publici», Cap. XXI: «Justissimum id videri poterat, quia in singulis belli indictionibus quisque tantum hostibus damni inferre jubetur quantum potest... Quod hostibus est utile... omni ratione prohibendum» etc.

[2] Ср. *Wildman*, II, Chap. I «Of the state of war».—*Phillimore*, III, PP. 132—135.—*Kent* Abdy's edit. PP. 199 etc.—Ср. *Vattel*, III, V, § 77.

Digitized by Google

Вліяніе войны на территорію. Военное положеніе etc. Дозволенныя и недозволенныя средства вредить врагу.

§ 33. Одно изъ весьма важныхъ послѣдствій войны есть объявленіе всей территоріи или части ея на военномъ положеніи, или, какъ говорятъ, провозглашеніе военнаго закона — loi martiale. Это послѣдствіе мы назвали «весьма серьезнымъ» по законнымъ основаніямъ: въ странѣ, объявленной на военномъ положеніи, уже не дѣйствуютъ гражданскія власти; здѣсь всѣ гарантіи въ области суда отмѣняются, многія дѣла разбираются по особеннымъ правиламъ и рѣшенія соединяются съ болѣе суровыми наказаніями.—Есть впрочемъ государства и законодательства, которыя не объявляютъ формально военнаго положенія. При сравненіи законодательствъ Германіи, Франціи и Россіи съ англійскимъ и американскимъ, можетъ показаться, что Англія и Америка не признаютъ, вовсе и по существу, военнаго положенія; однако и въ законодательствахъ этихъ государствъ постановлены мѣры объ отмѣнѣ Habeas corpus, т. е. самой главной гарантіи личной свободы, чѣмъ и создается порядокъ, очень близкій къ военному положенію.—Отмѣна Habeas corpus неодинаково совершается въ Англіи и въ Америкѣ: въ послѣдней, для этой мѣры достаточно распоряженія президента; въ Англіи же необходимо участіе парламента. Это весьма замѣтная разница. Но если въ Соединенныхъ штатахъ такого рода прерогатива предоставлена президенту, то онъ властенъ осуществлять ее только въ случаяхъ войны какъ внѣшней, такъ и гражданской. Что же касается до Англіи, то здѣсь распоряженіе объ отмѣнѣ Habeas corpus можетъ совершиться даже независимо отъ внѣшнихъ или внутреннихъ войнъ: какое-нибудь волненіе, отдѣльныя вспышки — результатъ агитаціи феніевъ и т. п. — все это считается поводомъ къ отмѣнѣ Habeas corpus. Но тѣмъ не менѣе та черта

Digitized by Google

англійской конституціи, что требуется участіе парламента, должна быть отмѣчена съ полнымъ уваженіемъ.

Французскій законъ (принятый и въ Испаніи) существенно отличается отъ двухъ первыхъ: здѣсь état de guerre (военное положеніе) отдѣляется отъ état de siège (осаднаго положенія): тѣ части территоріи, которыя находятся на военномъ положеніи, несовершенно изъемлются отъ подсудности гражданской власти; гдѣ же существуетъ осадное положеніе, тамъ въ полномъ смыслѣ silent leges civiles и безусловно господствуетъ военное право съ суммарнымъ своимъ характеромъ.

Относительно почтовыхъ сообщеній во время войны нужно замѣтить, что они большею частью подлежатъ ограниченіямъ между воюющими государствами; въ это время почтовые секреты не соблюдаются; непріятельскія письма и пакеты вскрываются. Даже когда были между воюющими государствами особыя соглашенія касательно безпрепятственныхъ почтовыхъ сношеній (соглашенія между Голландіею и Швейцаріею, Испаніею и Португаліею, постановленіе сѣверо-американскаго правительства), и тогда почтовые секреты не соблюдались. Во время франко-прусской войны почтовыя сношенія не запрещались; но они встрѣчали значительныя затрудненія. Многіе обвиняютъ въ этомъ безусловно прусское правительство; но едва-ли недобросовѣстность пруссаковъ была здѣсь главною причиною: нужно вспомнить какъ сильна была блокада, въ которой прусскія войска держали Парижъ. Послѣдній былъ такъ оцѣпленъ, что для сообщенія съ внѣшнимъ міромъ приходилось пускать голубей и вылетать на баллонахъ.

Теперь разсмотримъ военную практику, т. е. изложимъ правила о томъ: что дозволяется и чего не дозволяется въ войнѣ? Какія права принадлежатъ воюющимъ и невоюющимъ,— это коренной вопросъ, рѣшаемый не одинаково въ различныя времена. Въ римскій періодъ, права воюющихъ были безграничны, суровы и жестоки; воюющіе имѣли право смерти надъ плѣнны-

Digitized by Google

ни, и самое рабство — servitus, какъ показываетъ филологическое значеніе этого слова, является здѣсь благодѣяніемъ (Imperatores captivos non cædere, sed servare solebant, отсюда — servitus). А ясно, что такое положеніе, гдѣ лишеніе человѣческой свободы представляется явленіемъ отраднымъ, ужасно. Средневѣковыя войны также не отличались гуманнымъ направленіемъ въ дѣлѣ войны: ни рыцари, ни другія учрежденія средневѣковой эпохи не создали того, что называютъ цивилизованною manière de guerre. Но Гуго Гротъ, не говоря о предшественникахъ его, вполнѣ усвоилъ и удачнѣе другихъ высказалъ начала, заключающіяся implicite въ христіанскихъ и философскихъ ученіяхъ; онъ старался вкоренить то правило, что и въ военную борьбу надо проводить чувство гуманности, умѣренности и справедливости, подобно тому, какъ при наказаніи преступника нужно обращать вниманіе на смягчающія обстоятельства.

И такъ, даже въ войнѣ, въ приложеніи грубой силы, должны имѣть мѣсто нравственныя правила; однѣ только варварскія войны могутъ уничтожать всѣ юридическія связи — vincula juris между воюющими. Цѣль войны состоитъ въ томъ, чтобы достигнуть мира и разрѣшить спорный вопросъ государственнаго права, какъ прибавляетъ, позже Канта, Блунчли. Слѣдовательно, средства вредить врагу должны быть такими, которыя отвѣчали бы цѣли войны — полному примиренію. Вліяніе этихъ идей проглядываетъ также въ военныхъ инструкціяхъ сѣверо-американскихъ штатовъ, изданныхъ во время войны южанъ съ сѣверянами при участіи профессора Либера († 1873 г.). Вотъ какъ опредѣляютъ эти инструкціи понятіе о военной необходимости: § 14. «Военная необходимость, понимаемая цивилизованными націями, состоитъ въ настоятельности употребленія такихъ мѣръ, которыя неизбѣжны въ видахъ достиженія цѣли войны, и которыя могутъ признаваться законными согласно современнымъ правиламъ и обычаямъ войны». (... Which are lawful according to the modern law and usages of

Digitized by Google

war)[1]. Но это одна общая формула, а частности мы читаемъ въ § 15: 1) «Военная необходимость допускаетъ всякое непосредственное разрушеніе жизни и изувѣченіе вооруженныхъ непріятелей и другихъ лицъ, которыхъ уничтоженіе неизбѣжно и необходимо во время вооруженнаго столкновенія между націями; 2) военная необходимость допускаетъ взятіе въ плѣнъ непріятелей и всѣхъ враговъ, имѣющихъ значеніе для правительства или для лицъ, берущихъ ихъ въ плѣнъ; 3) военная необходимость допускаетъ разрушеніе собственности, порчу дорогъ, каналовъ, остановку поѣздовъ съ вагонами, везущими припасы, и присвоеніе на непріятельской территоріи всего необходимаго; 4) наконецъ военная необходимость допускаетъ военныя стратагемы, если онѣ не нарушаютъ bona fides, честности между сторонами, такъ-какъ люди, взявшіеся за оружіе, не перестаютъ быть нравственными существами, которыя должны отвѣчать предъ своею совѣстью и Богомъ». § 16-й инструкціи говоритъ: «Военная необходимость не допускаетъ жестокостей, т. е. не дозволяетъ нанесенія такихъ страданій, которыя дѣлаются ради муки и истязанія въ-родѣ причиненія увѣчій и т. п.; возможно лишь то зло, которое причиняется борющимися открыто — грудь съ грудью. Тѣмъ болѣе военная необходимость не допускаетъ никакихъ увѣчій и пытокъ въ отношеніи тѣхъ, которые не участвуютъ въ войнѣ. Далѣе, военная необходимость не дозволяетъ употребленія яда, отравленія колодцевъ, безцѣльнаго истребленія территорій и т. п. Она допускаетъ обманы военные — стратагемы, но отнюдь не вѣроломные акты, а только такіе обманы, которые дѣлаютъ возможнымъ впослѣдствіи возстановленіе полнаго довѣрія и мира».

---

[1] Текстъ лекціи, читанной весною 1874 года, не могъ быть, къ сожалѣнію, и при печатаніи сверенъ съ актами брюссельской конференціи, имѣвшей мѣсто въ іюлѣ того-же года. Но статья проф. *Мартенса* заставляетъ насъ предполагать, что протоколъ засѣданія 30 іюля близокъ къ инструкціямъ *Либера* въ пониманіи «военной необходимости».

Digitized by Google

И такъ, военныя инструкціи Соединенныхъ штатовъ открыто провозглашаютъ начала гуманности, нравственности и справедливости, не прерывая вмѣстѣ съ войною всякаго сообщенія съ непріятелемъ. Практика, развивающаяся на подобныхъ началахъ, могла бы вполнѣ удовлетворить самую возвышенную и человѣческую теорію.

Военные статуты европейскихъ государствъ, допуская стратагемы, обусловливаютъ ихъ такими-же требованіями, какія находятся въ инструкціяхъ Сѣверо-америк. штатовъ: военныя стратагемы, будучи хитростью, направленною къ извѣстной цѣли, не должны походить на вѣроломство. Слѣдовательно, надѣвать чужой мундиръ, совершать стратегическія передвиженія подъ чужимъ знаменемъ съ цѣлью запутать общій планъ непріятеля и завлечь его въ засаду — есть хитрость, переходящая въ вѣроломство, и безусловно осуждается. Но иногда бываетъ довольно трудно установить черту между вѣроломствомъ и дозволенною хитростью; напр. военныя правила всѣхъ образованныхъ государствъ запрещаютъ надѣвать чужіе мундиры и пользоваться чужимъ знаменемъ; но не знаемъ, считаетъ ли военная практика вѣроломнымъ такой маневръ: захвативъ трубача-сигналиста въ плѣнъ, вынудить у него раскрытіе сигналовъ, и, вынудивъ, конечно насильственно, секретъ, воспользоваться непріятельскими сигналами для того, чтобы ввести въ заблужденіе врага и тѣмъ приготовить вѣрное его пораженіе. Здѣсь, на частномъ случаѣ, особенно понятна важность кодификаціи военнаго права.

Касательно запрещенія яда, отравленія источниковъ и колодцевъ не можетъ быть уже ни вопросовъ, ни сомнѣнія; если сводъ Ману и прочія древнія законодательства (напр. еврейское) запрещали это, то тѣмъ болѣе — современное международное право. Но были случаи, когда не считали недозволеннымъ средствомъ бросать известь въ воду; а известь, какъ извѣстно, очень вредна, хотя и не влечетъ моментальной смерти. Старались

Digitized by Google

оправдывать это такъ: ядъ трудно открываемъ, — его нельзя замѣтить, и та увѣренность, съ которою жертва пьетъ отравленную воду, болѣе всего возмущаетъ противъ злой и коварной воли врага-отравителя; когда же вода испорчена известью, что можно легко замѣтить по вкусу и цвѣту жидкости, то здѣсь цѣль — не истребить отрядъ, а подвергнуть его жаждѣ, не давъ ему напиться. Даже въ инструкціяхъ Либера есть одна статья, по которой за воюющими признается право дѣйствовать на непріятеля голодомъ и жаждою [1]. Но, строго говоря, международное право имѣетъ полное основаніе осуждать подобныя дѣйствія, — когда цѣлый отрядъ лишается воды или пищи и подвергается чрезъ это напраснымъ мученіямъ, усиливающимъ и безъ того немалую долю страданій и трудностей, падающихъ на военнаго человѣка.

Между правилами, давно вошедшими въ manière de guerre, мы находимъ предписанія военныхъ уставовъ и нормы обычаевъ, которыя запрещаютъ воюющимъ употреблять оружія, наносящія сильныя мученія врагу: зазубренныя стрѣлы, мелкіе куски дроби, толченое стекло, закладываемое въ дуло орудій, и т. п. Конвенція 1868 года, которая имѣла свои засѣданія въ Петербургѣ, запретила употребленіе разрывныхъ пуль. За-тѣмъ, международное право говоритъ, что къ недозволеннымъ средствамъ вредить врагу слѣдуетъ отнести цѣпныя ядра. — Но запрещая ихъ и такъ-называемыя colonnes de feu (огненныя колонны), международное право ничего не говоритъ о тѣхъ смертоносныхъ орудіяхъ, которыя практикуются теперь. Между тѣмъ, осуждая цѣпныя ядра, слѣдовало бы осудить и митральезы: при Гравелотѣ одинъ батальонъ былъ моментально истребленъ

[1] *Instructions for the government of armies of the U. S. in the field*, § 17: «War is not carried on by arms alone. It *is lawful to starve* the hostile belligerent, armed or unarmed, so that it leads to the speedier subjection of the enemy».

Digitized by Google

картечью изъ митральезъ, кромѣ нѣсколькихъ человѣкъ съ капитаномъ; многіе солдаты умирали стоя, — такъ-быстро было дѣйствіе картечи; никакое цѣлное ядро не можетъ произвести ничего подобнаго. Конечно, теоретики военнаго дѣла оправдываютъ, съ своей точки зрѣнія, употребленіе такихъ адски-истребительныхъ орудій: пусть войны будутъ страшны, — говорятъ они, за-то онѣ будутъ скоры; пусть боль будетъ острая, за-то она быстро оканчивается смертью. — Такой способъ рѣшенія напоминаетъ собою разсѣченіе гордіева узла; забыто одно, а именно: матеріаломъ, надъ которымъ происходитъ операція съ помощью острой стали, служитъ несчастное человѣчество въ лицѣ цѣлыхъ націй, нерѣдко вовлекаемыхъ въ международныя столкновенія рядомъ ошибокъ и эгоистическихъ разсчетовъ правителей вродѣ Карла XII и Наполеона [1]. Войны будутъ производить въ какія-нибудь 2 — 3 недѣли страшныя опустошенія. Доказательствомъ этому могутъ служить: война нѣсколькихъ недѣль между Австріею и Пруссіею и особенно франко-прусская война; послѣдняя впрочемъ затянулась на довольно долгое время: но самыя продолжительныя средне-вѣковыя войны не вели за собою такого пролитія крови человѣческой.

Американскія военныя инструкціи, любопытныя во многихъ отношеніяхъ, дѣлаютъ строгое отличіе между законными врагами и лицами, непричастными къ войнѣ [2]. Въ §§ отъ 21 до 25-го мы читаемъ слѣдующее: «гражданинъ или уроженецъ непріятель-

[1] Не объ одномъ Наполеонѣ, кажется намъ, можно сказать словами г-жи *Сталь*: «Il regarde une créature humaine comme un fait ou comme une chose, mais non comme son semblable. Il ne hait pas plus qu'il n'aime; il n'y a que lui pour lui; tout le reste des créatures sont des chiffres... Il n'a pas plus d'envie de verser le sang qu'un homme raisonnable n'a envie de dépenser de l'argent quand cela n'est pas nécessaire; mais ce qu'il appelle la nécessité, c'est son ambition, et lorsque cette ambition était compromise, il n'admettait pas un moment qu'il pût résiter à sacrifier les autres à lui; et ce que nous nommons la conscience, ne lui a jamais paru que le nom poétique de la duperie».

[2] Общее понятіе о тѣхъ и другихъ см. выше.

Digitized by Google

ской страны есть врагъ, такъ-какъ онъ составляетъ интегральную часть непріятельской націи, и потому долженъ подлежать бѣдствіямъ войны. Но такъ-какъ цивилизація сдѣлала шагъ впередъ и, совмѣстно съ этими успѣхами, установлено различіе между частными лицами и между правительствами и ихъ арміями; то поэтому долженъ быть признанъ слѣдующій принципъ: невооруженнаго гражданина слѣдуетъ щадить лично, въ имуществѣ, въ собственности и въ чести его». — «Частный гражданинъ (§ 23) не можетъ быть ни убитъ, ни лишенъ свободы, ни отвезенъ въ отдаленныя части территоріи. Безобидное частное лице не можетъ быть тревожимо въ своемъ владѣніи, хотя-бы по приказанію кого-либо изъ военныхъ командировъ». § 24. «Почти всеобщимъ правиломъ древнихъ народовъ было, что даже частныя лица должны терпѣть всякія бѣдствія войны; здѣсь покровительство и защита были только исключеніемъ; теперь же покровительство безобиднымъ гражданамъ во враждебномъ государствѣ есть общее правило, а нарушенія его частныхъ интересовъ составляютъ печальныя исключенія».

Но, передавая послѣднее правило, слѣдуетъ замѣтить, что современная европейская практика далеко не отвѣчаетъ возвышенному принципу его. По-крайней-мѣрѣ это нужно признать касательно франко-прусской войны. Правда, мы не должны относиться безъ критики къ разсказамъ объ этой войнѣ французскихъ газетъ и французскихъ писателей[1]. Дѣло въ томъ, что англійскія и итальянскія газеты также помѣщали о крайностяхъ военныхъ строгостей такія извѣстія, которыя производили тяжелое впечатлѣніе. Конечно, письму герцога Фицъ-Джемса въ газетѣ Times отъ 15 сентября 1870 г. о Базейлѣ и о расправѣ тамъ баварскихъ войскъ противопоставлено опроверженіе въ той-же газетѣ, сдѣланное самимъ военнымъ министромъ Баваріи (баро-

[1] *Fournier*, «Les Prussiens chez nous» и мн. др.

Digitized by Google

номъ Пранкъ) въ такомъ смыслѣ: что расправа, *строгости которой не отрицали*, была вполнѣ справедлива и вызывалась жестокостями обывателей противъ раненныхъ нѣмецкихъ солдатъ. Но защищая ярость солдатъ дисциплинированной и образованной арміи тѣми доводами, что увлеченія и крайности неизбѣжны при внезапномъ нападеніи «людей невоеннаго ремесла», не мѣшаетъ прилагать такую-же систему смягчающихъ обстоятельствъ и къ противной сторонѣ. Въ концѣ концевъ, намъ кажется, что если извинять неудержимостью порывовъ въ отрядахъ регулярной арміи истребленіе цѣлыхъ деревень, положимъ, вызванное нападеніемъ и враждою жителей, то можно и должно не усиливать безъ всякой мѣры виновность невѣжественныхъ крестьянъ за нарушеніе неизвѣстнаго имъ международнаго права. Не смотря на всю свою осторожность, на мягкость относительно Пруссіи и на отсутствіе симпатіи къ французамъ, самъ Ролленъ-Жэкминсъ находитъ излишнею и систематическою суровостью: предписаніе военнымъ судамъ о приговорахъ, не иначе какъ къ смертной казни, за извѣстныя дѣянія враждебныя германской арміи, а также—распоряженія касательно двойной и круговой отвѣтственности общинъ, по мѣсту совершенія того, что признавали прусскія власти правонарушеніемъ, и по мѣстожительству виновнаго. Въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ и въ каждой изъ двухъ общинъ долженъ былъ взиматься штрафъ, равняющійся годовому окладу всего поземельнаго налога[1].

---

[1] Ср. *Rolin-Jacquemyns*, «La guerre actuelle» etc. PP. 28, 29.—Вотъ почему не считаемъ мы вымышленнымъ слѣдующій фактъ въ книгѣ Фурнье («Les Prussiens chez nous», P. 275), взятый изъ журнала «Recueil administratif de la préfecture d'Eure-et-Loir»: «Il y a dix jours, le pont de la Moselle, près Fontenoy, a été détruit en partie par une bande de francs-tireurs de 400 hommes accompagnée d'ingénieurs. Par ordre de l'Empereur, une contribution de 10,000,000 a été imposée pour ce fait de brigandage au territoire du gouvernement de la Lorraine et, par ordre du gouvernement militaire, le village de Fontenoy a été brûlé et incendié jusqu'à la dernière maison».

Digitized by Google

Если даже и справедливо, будто суровое предписаніе это смягчено на практикѣ генералами, все-таки въ новѣйшей исторіи войны остался фактъ: подлинное предписаніе вышеуказаннаго содержанія съ именемъ главнокомандующаго германскою арміею въ 1870 году. — Едва-ли, далѣе, можно одобрить, съ политической и даже съ военной точки зрѣнія, практику выжиганія деревень, хотя-бы и въ-видѣ репрессалій, за дѣйствительное нарушеніе одного изъ правъ и интересовъ воюющаго. Но такая практика, вѣроятно, поселившая на многіе годы неумолимую вражду между націями, была въ полномъ ходу во время франко-прусской войны, какъ это видно, между прочимъ, изъ нижеприведенной выписки, по тексту оффиціальнаго журнала, о дѣйствіи прусской военной системы въ Лотарингіи. — Независимо отъ ярости и возможныхъ увлеченій солдатъ, среди которыхъ однако-же были доктора правъ и философіи, тяжелѣе всего наблюдать во всѣхъ этихъ недавнихъ событіяхъ какое-то холодное и систематическое презрѣніе къ жизни человѣческой у высшихъ представителей нѣмецкой арміи. Неужели и для вождей образованнѣйшей націи въ Европѣ человѣческое существо есть «не болѣе, какъ простой фактъ, какъ вещь или цифра», по логикѣ ненавистнаго для Германіи Наполеона? Но какъ иначе объяснить безразличное примѣненіе смертной казни къ дѣйствіямъ, которыя неизбѣжно должны были имѣть различныя оттѣнки преступности? Какими другими причинами оправдать поведеніе нѣмецкихъ властей въ Реймсѣ, Виссамбургѣ и проч., гдѣ сажали въ вагоны нотаблей извѣстной мѣстности, чтобы сдѣлать ихъ, на поученіе и страхъ патріотическимъ землякамъ, первою жертвою несчастія отъ умышленной и враждебной для германской арміи порчи желѣзной дороги[1].

[1] См. у *Ролена* (L. C. p. 32) текстъ прокламаціи, въ Виссамбургѣ: «Cette mesure est rendue nécessaire par suite des fréquentes destructions de lignes de chemins de fer et est portée à la connaissance de tous les habitants, afin

Digitized by Google

Можно было бы, на основаніи книгъ Фурнье, Морена и многихъ другихъ, привести еще цѣлую массу фактовъ. Но, по причинамъ вышеозначеннымъ, приходится воздержаться отъ болѣе подробнаго изложенія тѣхъ печальныхъ событій, которыя совершались еще слишкомъ недавно и на нашихъ глазахъ въ международной войнѣ двухъ, безспорно передовыхъ, націй Европы.

Необдуманно и запальчиво начатая Франціею борьба 1870—1871 годовъ ведена была съ излишествомъ и крайностями обѣими сторонами. Достаточно припомнить, что, за исключеніемъ осаждаемаго Парижа, нигдѣ во Франціи нельзя было оправдывать изгнанія мирныхъ нѣмецкихъ семействъ, издавна водворенныхъ въ странѣ. — И здѣсь мы видимъ, со стороны Франціи, одну изъ тѣхъ политическихъ ошибокъ, которыми проводятся глубокія борозды раздѣленія между націями, — борозды, большею частію заливаемыя только кровью солдатъ и засыпаемыя пепломъ городовъ, предназначенныхъ къ развитію мирнаго труда на благо всѣхъ людей. — Никогда еще, какъ въ 1870 и 1871 годахъ, борьба военныхъ силъ не представлялась въ такой ясной и возмутительной картинѣ, и никогда не чувствовался столь отчетливо недостатокъ точно опредѣленныхъ, извѣстныхъ каждому солдату въ арміи правилъ и всѣми принятыхъ обычаевъ войны. Если американскія инструкціи Либера обставляютъ всяческими обезпеченіями жизнь и личное достоинство заложниковъ: то рейнская прокламація нѣмецкихъ генераловъ обращаетъ, на средневѣковой ладъ, меровъ и иныхъ нотаблей въ военныхъ заложниковъ, въ видахъ производства надъ ними опасныхъ опытовъ на испорченныхъ желѣзныхъ дорогахъ. — Если въ Америкѣ пишутъ о войнѣ согласно тому наблюденію, что въ разгарѣ войны нельзя, во всякое время и при всякихъ обстоятельствахъ, сохранять мундиръ въ цѣлости и неприкосновенности, и что могутъ поль-

que ceux-ci apprennent que leurs propres citoyens seront victimes des dégâts commis sur les chemins de fer» etc.

Digitized by Google

зоваться правами воюющихъ дѣйствительные волонтеры даже въ крестьянскихъ костюмахъ[1]: то прокламаціи Бисмарка грозили смертью и каторжными работами всякому вольному стрѣлку Франціи, не имѣющему такого мундира, который бы можно было распознавать на разстояніи ружейнаго выстрѣла. Ясно, что выйдти изъ такихъ противорѣчій можно лишь путемъ той кодификаціи международнаго права, о которой много разъ приходилось уже говорить на страницахъ работы нашей.

Изъ соображенія сказаннаго до сихъ поръ очевидно, почему современная наука стремится, съ одной стороны, расширить систему гуманныхъ правилъ касательно военныхъ средствъ и стратагемъ, съ цѣлью опредѣлить то, что называется règles et manière de guerre; а съ другой — ограничить и по возможности поставить въ тѣсные предѣлы военную необходимость — raison de guerre. — Въ этомъ отношеніи особенно замѣчательны постановленія женевскаго конгресса 1864 г. Между постановленіями конгресса, вызванными желаніемъ очеловѣчить войну, слѣдуетъ указать на слѣдующія статьи съ дополненіями, сдѣланными на петербургской конференціи 1868 года: 1) амбулаторныя, походныя носилки (les brancards) и военные госпитали объявляются нейтральными, — неприкосновенность ихъ должна быть уважаема всѣми воюющими; 2) личный составъ госпиталей — врачи, помощники ихъ, аптекари, носильщики носилокъ съ ранеными и священники-духовники пользуются нейтралитетомъ при исполненіи своихъ обязанностей; 3) установлены особое однообразное знамя и знаки (на бѣломъ фонѣ красный крестъ), которые называются поручнями (brassard); этими знаками имѣютъ право и обязанность пользоваться всѣ лица, принадлежащія къ санитарнымъ учрежденіямъ, съ разрѣшенія отдѣльныхъ военноначальниковъ.

[1] См. извлеч. изъ сочин. *Либера:* «On guerilla and guerilla parties» (New-York, 1862) у *Ролена* (L. C. p. 26, 27).

Digitized by Google

Любопытно, что въ 1867 г. (во время парижской выставки) уполномоченные различныхъ обществъ попеченія о раненныхъ постановили слѣдующее заключеніе касательно современныхъ огнестрѣльныхъ орудій: «Дѣйствія ихъ, говорили они, таковы, что если и провозгласить нейтральными извѣстныя госпитальныя зданія и т. п.; то привести въ исполненіе это провозглашеніе никакъ нельзя». Замѣчанія эти были потомъ облечены въ форму особыхъ представленій на петербургской конференціи 1868 года. Судьба этихъ замѣчаній намъ неизвѣстна.

Говорятъ съ обѣихъ враждебныхъ сторонъ, будто, во время французско-прусской войны, войска противниковъ злоупотребляли знаками, установленными для санитарныхъ учрежденій женевскимъ конгрессомъ; между прочимъ и нѣмцы надѣвали поручни и знамена, чтобы въ виду непріятеля подвезти припасы и снаряды къ мѣстамъ, надъ которыми были выкинуты подобные флаги, и прикрывались ими, работая надъ своими укрѣпленіями, рвами и т. п.[1]. Едва-ли такой способъ обращенія съ женевскими знаками можетъ быть подведенъ подъ понятіе дозволенной стратагемы: это даже болѣе злокачественный, болѣе вѣроломный обманъ, чѣмъ вышеуказанное злоупотребленіе надъ непріятельскими сигналами, которыми противныя стороны выучивали своихъ солдатъ отъ плѣнныхъ и пользовались для заманыванія вражескихъ отрядовъ въ засады.

Нельзя не сравнить съ подобною manière de guerre тѣхъ правилъ, которыя мы находимъ въ 115, 116 и 117 ст. инструкціи сѣверо-американскихъ штатовъ; вотъ эти правила: «Слѣдуетъ признать за обычай — обозначеніе особыми флагами (желтыми) госпиталей въ мѣстахъ, подвергаемыхъ бомбардированію, для того, чтобы непріятель могъ не направлять въ ту сторону свои выстрѣлы. Того-же правила нужно держаться

[1] Ср. Revue des cours littéraires, 1871 г., лекція *Bonnier*; такъ-же *Achille Morin*, L. C. I. 302. *Rolin-Jacquemyns*, La guerre actuelle etc. P. 41, 42.

Digitized by Google

въ битвахъ на открытыхъ поляхъ относительно передвижныхъ госпиталей. Честные воюющіе часто сами просятъ и должны просить, чтобы госпитали, находящіеся въ районѣ военныхъ дѣйствій, были отмѣчены особыми знаками. Дѣйствія, противныя вышеизложенному (т. е. выстрѣлы), должны считаться безчестными, демонски-злыми актами и не могутъ быть допущены между цивилизованными націями» (117). — Вообще, трудно опредѣлить мѣру и степень той важности, которую имѣетъ вопросъ о средствахъ вредить врагу при теперешнемъ положеніи дѣлъ въ Европѣ, когда войны все болѣе и болѣе дѣлаются народными, когда принципъ національности, единства расы, ставится въ основаніе многихъ позднѣйшихъ перемѣнъ въ политической системѣ. Не будетъ смѣлымъ предсказаніемъ, если мы замѣтимъ, что Европа со-временемъ раздѣлится на нѣсколько громадныхъ государствъ и отдѣльныхъ народностей. Вотъ почему можно согласиться съ тѣми публицистами, которые говорятъ: «Въ прошедшіе вѣка» войны происходили не такъ, какъ теперь: народъ не принималъ въ нихъ участія, потому что главными мотивами войнъ были династическіе интересы. Теперь же, когда правительства не могутъ такъ дѣйствовать, когда общенаціональные интересы вызываютъ войны, — послѣднія, если и бываютъ болѣе рѣдкими, то все-таки онѣ страшны, именно потому, что принимаютъ народный характеръ. Когда войны будутъ предприниматься въ интересахъ націй, то равнодушіе и вялость, которыми отличались націи въ войнахъ прошлаго вѣка и начала настоящаго, перейдутъ въ горячее участіе, въ энтузіазмъ, а отъ этого недалеко и до совершеннаго ожесточенія. Спрашивается, можно ли ожидать отъ такихъ войнъ умѣренности? Конечно, нельзя, и здѣсь совершенно справедливо такое замѣчаніе: если народъ будетъ холодно относиться къ войнѣ, то, по окончаніи ея, онъ подвергнется упрекамъ, позору и мщенію со стороны общественнаго мнѣнія и даже правительства».

Digitized by Google

Въ такомъ положеніи дѣла есть нѣчто фатальное, и наукѣ остается только надѣяться, что, можетъ быть, разовьется гуманность, когда кодифицируются и усилятся на практикѣ юридическія начала въ войнѣ, что подымется нравственный уровень людей, что наконецъ, когда народъ in corpore будетъ рѣшать войну,— то ему нужно будетъ подумать хорошенько прежде, чѣмъ предпринимать борьбу. При этомъ можно пожелать, чтобы законодательства о народномъ ополченіи не забывали того вопроса: есть ли возможность для главнокомандующаго удержать своихъ солдатъ отъ жестокостей, если возстанетъ вся нація съ оружіемъ въ рукахъ? — Вотъ почему государство, которое признаетъ народное ополченіе, заранѣе принимаетъ на себя тяжкую отвѣтственность. Но, по тѣмъ-же соображеніямъ, нельзя оправдывать политики террора у прусскаго правительства, — той политики, по которой всякій стрѣлокъ, попавшійся въ плѣнъ съ ружьемъ въ рукахъ, считался мародеромъ и подвергался разстрѣлянію. До какихъ крайностей можетъ приводить эта система — показываетъ слѣдующій разсказъ, передаваемый нами sous toutes reserves и помѣщенный въ одномъ нумерѣ Moniteur'a (4 декабря 1870 г.): при проходѣ прусскаго отряда чрезъ какую-то французскую деревню, былъ убитъ офицеръ. Чтобы наказать за это крестьянъ, прусскіе уланы загнали ихъ въ церковь и велѣли бросить жребій — кому быть разстрѣляннымъ. Тогда изъ толпы крестьянъ выдѣлились три молодыхъ человѣка и пожелали безъ жребія подвергнуться смерти, такъ-какъ случайный выборъ могъ выпасть на семейныхъ людей, жизнь которыхъ была нужнѣе. Всѣ трое юношей были разстрѣляны. Но если здѣсь и предположить преувеличеніе, то не было преувеличенія въ разсказахъ объ экзекуціи въ Базейлѣ и во многихъ другихъ мѣстностяхъ, занятыхъ нѣмецкими войсками. Вотъ почему произвела, въ свое время, такое сильное впечатлѣніе французская дипломатическая нота, разосланная по всей Европѣ, гдѣ было ска-

Digitized by Google

зано, что пруссаки своимъ терроризмомъ хотѣли парализовать патріотическій взрывъ французовъ («On a voulu frapper de terreur les populations et paralyser en elles tout élan patriotique»....). Что такого взгляда держались не одни французы, служатъ слова англійскаго публициста Гаррисона (автора статьи «Бисмаркизмъ» въ Двухнедѣльномъ Обозрѣніи — Fortnightly Review): «На нѣмцахъ, на ихъ дѣтяхъ будетъ тяготѣть проклятіе за то, что они, въ современной Европѣ, вызвали самыя кровавыя воспоминанія древнихъ временъ своею системою избіенія частныхъ лицъ, истребленія ихъ имуществъ».

Переходя къ дальнѣйшему и общему изложенію вопроса, слѣдуетъ указать на обязанности человѣколюбія въ войнѣ, которыя сводятся къ обычаямъ и правиламъ: 1) касательно убитыхъ, 2) касательно раненыхъ и 3) касательно плѣнныхъ.

I. Относительно убитыхъ давно уже установился обычай погребать ихъ, и теперь эта обязанность существуетъ даже для непріятелей. Еще древніе философы и средневѣковые ученые, а за ними Гуго Гроцій и Венкерсгукъ называли такой обычай священною обязанностію, вытекающею изъ естественнаго права[1]. Но только въ послѣднее время были формулированы правила о защитѣ мертвыхъ и оставленныхъ на полѣ битвы тѣлъ отъ грабежа. — II. Что касается до раненныхъ, то уходъ за ними есть отрадная черта новѣйшей цивилизаціи[2]. Еще въ XVII и особенно въ XVIII стол. встрѣчались, какъ напримѣръ въ трактатѣ 7 сентября 1759 г. Франціи съ Пруссіею, попытки обезпечить, путемъ международныхъ договоровъ, нейтралитетъ госпиталей и другихъ санитарныхъ учрежденій, что

[1] Ср. *Bynkershoek* (Quæst. J. P. I, Cap. III, P. 196): «.. De cadaveribus hostium quid dicemus? Olim quidem feris et avibus projiciebantur, sed nunc vel victores sepeliunt, vel victis ad sepulturam concedunt. Quinimo et plus datur humanitati».

[2] Ср. *A. Morin*, L. C., I. 538.—*Bluntschli*, Das M. V.-R. NN 586, 587, 588, 589, 590, 591, 592.

Digitized by Google

тѣсно связано съ вопросомъ о раненныхъ. Но до крымской войны не было того, что можно было бы назвать опредѣленною системою; за-то, въ эпоху столкновенія Россіи съ Франціею и Англіею на таврическомъ полуостровѣ, не только сестры милосердія ex officio, но и многія частныя лица изъ богатыхъ фамилій въ Англіи, напримѣръ знаменитая миссъ Найтингель, совершали чудеса самоотверженія въ походныхъ лазаретахъ арміи союзниковъ. Крымская и итальянскія войны особенно сильно подвинули дѣло организаціи международныхъ учрежденій для раненныхъ. Швейцарскіе медики и филантропы играютъ здѣсь видную роль, и особенная заслуга принадлежитъ Дюнану (Dunant) и Муанье (Moynier; послѣдній — президентъ женевскаго общества призрѣнія раненныхъ). Дюнанъ далъ толчекъ всему дѣлу своею знаменитою брошюрою «Souvenir de Solferino» (Воспоминаніе о сольферинской битвѣ); вмѣстѣ съ Маунье, они выработали правила для конгресса 1864 года, о которомъ мы уже упоминали (въ немъ приняло участіе и швейцарское правительство вмѣстѣ съ Баденомъ, Бельгіею, Вюртембергомъ, Даніею, Великобританіею, Гессенъ-Дармштадтомъ, Италіею, Испаніею, Нидерландами, Португаліею, Пруссіею, Саксоніею, Сѣверо-американскими штатами, Швеціею и Норвегіею, Франціею и Швеціею; Австрія приступила въ 1866 году; Россія въ 1867 г.). Касательно раненныхъ, на женевскомъ конгрессѣ 1864 г. постановлено слѣдующее: a) раненные должны поступать въ госпитали безъ всякаго различія національностей, т. е. на-равнѣ съ соотечественниками слѣдуетъ принимать и непріятелей; b) офицеры и начальники на аванпостахъ должны немедленно выдавать раненныхъ для отправленія ихъ въ госпитали; c) дома и всѣ вообще зданія съ женевскимъ флагомъ считаются неприкосновенными и свободными отъ постоя. Кто принимаетъ къ себѣ въ домъ раненнаго — говоритъ 5 ст. женевскаго трактата — тому этотъ раненный служитъ охраной. d) Раненные выздоро-

Digitized by Google

вѣвшіе отпускаются, причемъ отъ непріятельскихъ раненныхъ требуется обязательство—не участвовать въ войнѣ во все время продолженія кампаніи.

III. Что касается плѣнныхъ, то состояніе плѣна уже извѣстно въ своемъ юридическомъ содержаніи: это есть потеря свободы, уступленной однимъ непріятелемъ другому. Потеря свободы имѣетъ мѣсто или тогда, когда захватывается безъ всякаго сопротивленія раненный и ослабленный врагъ; или же тогда, когда сражающійся непріятель, потерявъ возможность сопротивляться, самъ проситъ пощады. Война даетъ право лишать жизни себѣ подобныхъ въ моментъ борьбы и пока врагъ сопротивляется и не проситъ о пощадѣ. Гуманность и обычаи всѣхъ націй требуютъ, чтобы такія просьбы о пощадѣ исполнялись. Цѣль войны здѣсь бываетъ вполнѣ достигнута.—Есть лица, которыя считаются способными къ плѣну; есть такія, которыя не должны подвергаться плѣну; и есть, наконецъ, такія, которыя не могутъ пользоваться плѣномъ, такъ-какъ послѣдній былъ бы для нихъ незаслуженнымъ благодѣяніемъ. Къ первымъ относятся всѣ законные враги[1]; далѣе, государи или правители воюющихъ берутся также въ плѣнъ, хотя личность ихъ обставлена серьезными гарантіями. Если въ ихъ свитѣ попадаются женщины и дѣти, то послѣднихъ отпускаютъ на свободу. За-тѣмъ, есть лица, которыя, по нѣкоторымъ уставамъ (наприм. по § 53 сѣверо-американскихъ инструкцій 1863 г.), не должны браться въ плѣнъ, кромѣ особенныхъ обстоятельствъ (при свалкѣ, штурмѣ или по именному приказанію военно-начальниковъ); сюда относятся: духовники, хирурги, маркитанты, квартирмейстеры и т. п. Но не пользуются гарантіями плѣна по современному международному праву и подлежатъ смертной

[1] См. выше это понятіе.

Digitized by Google

казни: лазутчики и шпіоны, хотя они — обычные дѣятели военной практики[1].

Лазутчики суть лица, которыя, тайно переодѣтыя и подъ ложными предлогами, вкрадываются въ непріятельскія арміи, развѣдываютъ о нихъ и сообщаютъ свѣдѣнія противнику, изъ корыстныхъ цѣлей. — Случались примѣры, что лазутчиками были люди, дѣйствовавшія по возвышеннымъ мотивамъ патріотизма, безъ всякихъ денежныхъ разсчетовъ, напримѣръ: маіоръ Андрѣ, во время войнъ сѣверо-американскихъ штатовъ за независимость. Но и маіоръ Андрѣ былъ судимъ и повѣшенъ, по приказанію самого Вашингтона. Въ послѣдней прусско-французской войнѣ, лазутчики играли немалую роль и были по большей части изъ мѣстныхъ крестьянъ, какъ говорили нѣмецкія газеты. — Переодѣтые курьеры, не имѣющіе съ собою проѣздныхъ и охранныхъ листовъ — sauf conduits, приравниваются къ лазутчикамъ, хотя и могутъ въ извѣстныхъ случаяхъ судиться военнымъ судомъ. — Распространеніе ложныхъ слуховъ, съ цѣлью обмануть непріятеля, считается такимъ поступкомъ, который уничтожаетъ для виновнаго, если онъ взятъ непріятелемъ, состояніе законнаго плѣна; но можно замѣтить, что были такіе примѣры, когда сами начальники войскъ, осаждавшихъ извѣстную крѣпость, сообщали осажденнымъ ложныя свѣдѣнія. Такъ, говорятъ, случилось во время осады Метца; но дѣло это не вполнѣ разъяснено; нѣмецкія газеты категорически опровергаютъ подобныя обвиненія. — Въ прежнее время, при Наполеонѣ I-мъ, встрѣчались такіе случаи, что нарочно фабриковались ложные нумера газетъ и сообщались въ непріятельскій лагерь; но это уже — открытое вѣроломство, и виновные въ немъ должны приравниваться къ лазутчикамъ и шпіонамъ.

---

[1] «The spy is punishable with death — говоритъ инструкція Либера 1863 г. — by hanging by the neck, whether or not he succeed in obtaining the information or in conveying it to the enemy».

Digitized by Google

Въ послѣднюю войну, многихъ публицистовъ занималъ вопросъ — какъ смотрѣть на воздухоплавателей. Пруссаки приравнивали ихъ къ шпіонамъ и говорили, что противъ нихъ должны быть употреблены самыя энергическія средства: обыкновенно пруссаки пускали въ аэростаты сильные заряды изъ дальнострѣльныхъ орудій. Но дѣло въ томъ, что шпіонъ обыкновенно прячется и вывѣдываетъ съ корыстными цѣлями; въ открытыхъ же и крайне-опасныхъ дѣйствіяхъ, какимъ является поднятіе на аэростатѣ, не можетъ быть ни обмана, ни вѣроломства. При такомъ взглядѣ на дѣло, нѣмецкая теорія приравненія воздухоплавателей къ лазутчикамъ не выдерживаетъ критики.— Къ лицамъ, не пользующимся состояніемъ плѣна, относятся также дезертиры (déserteurs), т. е. тѣ лица въ арміи воюющей державы, которыя оставляютъ національное знамя и перебѣгаютъ къ непріятелю; съ ними принято поступать суммарно по всѣмъ военнымъ уставамъ, даже въ американскихъ инструкціяхъ Либера (§ 48). Къ той-же категоріи относятся мародеры (maraudeurs), самовольно грабящіе во время войны. Ихъ нужно отличать отъ такихъ солдатъ, которые, имѣя дозволеніе и даже приказаніе властей, открыто идутъ къ частнымъ лицамъ и берутъ у нихъ вещи, необходимыя для продовольствія арміи.

Примѣчаніе о плѣнныхъ[1]. Въ древности состояніе плѣна

[1] См. о плѣнѣ и о положеніи лицъ, въ такомъ состояніи находящихся: *Grotius*, III. Cap. XI, § 13. — Cap. XIV, §§ 1—9. — *Vattel*, Liv. III, Chap. VIII, §§ 148—154.—*Bynkershoek*, Q. J. P. Cap. III, PP. 105—197. «De statu belli inter hostes».—*Martens*, Précis du D. d. G. etc. I. §§ 275—277 (Edit. 1831).—*Heffter*, §§ 126—129. — *Wildman*, II, PP. 25, 26, гдѣ сжато изложено ученіе объ этомъ предметѣ по Гроцію и Бенкерсгуку.—*Twiss*, II, §§ 177—179.—*Phillimore*, III. PP. 143—145 (Edit. 1857). — *Halleck*, Ch. XVIII, §§ 7—20. Галлекъ, какъ военный человѣкъ, очень подробно и съ практической стороны разсматриваетъ вопросъ о плѣнныхъ. Только въ случаѣ крайней необходимости — опасности возстанія или бѣгства—допускаетъ Галлекъ власть подвергнуть плѣннаго заключенію или наложить на него оковы. Далѣе, по вопросу объ освобожденіи плѣнныхъ на честное слово, Галлекъ говоритъ, что «побѣдитель можетъ ставить свои условія лишь на опредѣленное время или, въ крайнемъ случаѣ,

Digitized by Google

было очень сурово и только какъ исключенія допускались нѣкоторыя смягченія. У римлянъ плѣнъ возникъ, какъ было уже сказано, изъ корыстныхъ цѣлей вождей, которые не убивали плѣнныхъ, но сохраняли ихъ (servare). Извѣстно уже, какъ отнеслась христіанская церковь къ плѣну: постановленіями 3 го латеранскаго собора въ 1179 г. и одного собора на востокѣ въ 1260 г., запрещена продажа плѣнныхъ въ рабство. Въ средніе вѣка, подъ вліяніемъ феодализма, практиковался выкупъ плѣнныхъ, который сохранился до послѣдняго времени (очень часто происходили такіе выкупы въ XVI и XVII ст. до вестфальскаго мира). Теперь-же выкупъ плѣнныхъ совершенно вышелъ изъ употребленія. Съ 1648 года практикуется обмѣнъ по такъ-наз. картелямъ. Въ современномъ международномъ правѣ положеніе плѣнныхъ таково: они лишаются свободы и отвѣчаютъ за преступленія и проступки, совершонныя противъ побѣдителя какъ до наступленія плѣна, такъ и во время плѣна; за послѣднія плѣнный сей-часъ же подвергается военному суду (См. инструкцію сѣверо-американскимъ арміямъ). Положеніе плѣнныхъ офицеровъ теперь особенно-хорошо сравнительно съ древними обычаями: ихъ обязываютъ только честнымъ словомъ не бѣжать и даютъ имъ содержаніе по рангамъ — при-

---

до окончанія войны»; за этими сроками не можетъ быть и рѣчи для отпускаемаго плѣнника отказываться, напримѣръ, отъ права и обязанности сражаться противъ своего бывшаго освободителя.- Давши честное слово, плѣнные могутъ еще нѣкоторое время быть оставлены въ территоріи освободившаго ихъ побѣдителя.—Отечественное правительство, по мнѣнію Галлека, одного изъ героевъ сѣверо-американской войны, обязано заботиться о своихъ плѣнныхъ даже въ такомъ случаѣ, если-бы, по какимъ-нибудь обстоятельствамъ, воюющее государство не пожелало воспользоваться предложеніемъ объ обмѣнѣ.—Деньги, издержанныя на плѣнныхъ побѣдителемъ, могутъ составить предметъ требованія о возмѣщеніи, по окончаніи плѣна, мирнымъ договоромъ, размѣномъ и проч.— Галлекъ признаетъ «безчестнымъ» (infamous) того генерала, который позволилъ бы себѣ умертвить плѣнныхъ подъ тѣмъ предлогомъ, что они затрудняютъ военныя передвиженія или угрожаютъ опасностью самому побѣдителю.—Ср также *Bluntschli*, Das M. V.-R. NN 593, 594 etc. до 626 включительно, между прочимъ, въ примѣчаніи I къ № 594-му, Блунчли считаетъ возможнымъ и правомѣрнымъ взятіе въ плѣнъ «враждебно-настроенныхъ» журналистовъ и предводителей партій (feindlich gesinnte Journalisten und Parteiführer).—Въ инструкціяхъ Либера, о плѣнныхъ см. § 49 etc. (Section III, PP. 481—488, въ концѣ книги *Блунчли* Das M. V.-R.)

Digitized by Google

мѣнительно къ окладамъ военныхъ должностей въ непріятельской землѣ. — Что касается русской практики; то многимъ еще памятна война 1853, 1854 и 1855 гг., когда и Харьковъ заключалъ въ себѣ много плѣнныхъ офицеровъ и солдатъ всѣхъ непріятельскихъ армій. Каждый можетъ сказать, что у насъ къ плѣннымъ относились вообще гуманно, хотя въ извѣстныхъ слояхъ общества — съ грубымъ любопытствомъ. — Что касается до положенія плѣнныхъ солдатъ, то теперь англичане уже не заключаютъ своихъ плѣнныхъ на понтоны (т. е. на старыя, разставленныя на Темзѣ и въ портахъ суда) какъ это было прежде. Испанцы, французы и другія европейскія націи еще въ XVI ст. заключали плѣнныхъ на галеры. Послѣдняя франко-прусская война представляетъ небывалые еще примѣры плѣна цѣлыхъ армій — седанской и мецкой. За все время, въ Германію было доставлено 375,000 плѣнныхъ французовъ. — Практика, которой держались побѣдители въ этомъ случаѣ, заслуживаетъ, по своему человѣколюбію, безусловнаго одобренія и подражанія на будущее время. Организовано было бюро при военномъ министерствѣ въ Берлинѣ для справокъ о плѣнныхъ, которымъ составили точные и полные списки. Почтовыя конторы безплатно принимали и передавали корреспонденцію плѣнныхъ французовъ. Въ Берлинѣ же, организовался особый комитетъ для доставленія книгъ (на отечественномъ языкѣ) французскимъ плѣннымъ, при участіи публицистовъ, профессоровъ и книгопродавцевъ Германіи, Бельгіи и Швейцаріи. — Офицеры пользовались личною свободою на честное слово — не предпринимать бѣгства. Солдаты и унтеръ-офицеры были размѣщены по крѣпостямъ и лагерямъ. За вознагражденіе, которымъ они пользовались какъ своею полною собственностію, нижніе чины работали на поляхъ и фабрикахъ. Но такой-же образъ дѣйствій относительно плѣнныхъ предписываетъ самый человѣколюбивый изъ военныхъ уставовъ, т. е. инструкція Либера[1].

Окончаніе плѣна происходитъ по миру, по желанію плѣннаго вступить въ государственную службу и по размѣну. Если плѣнный отпускается раньше окончанія войны, то съ него обыкновен-

[1] См. § 76. «Prisoners of war shall be fed upon plain and wholesome food... and treated with humanity. They may be required to work for the benefit of the captor's government, according to their rank and conditions.

Digitized by Google

но берутъ честное слово — не принимать участія въ непріязненныхъ дѣйствіяхъ. Случаи подобныхъ отпусковъ плѣнныхъ были довольно часты въ франко-прусскую войну; но говорятъ, что французскіе офицеры не держали своего слова и снова вступали въ ряды сражающихся. Такой образъ дѣйствій достоинъ серіёзнаго порицанія, особенно если нарушенія слова были сдѣланы съ вѣдома и при потворствѣ національнаго правительства. Только полуварварскія націи (напр. мексиканцы) держались подобной практики во время войны съ сѣверо-американскими штатами. Но американскій генералъ Скоттъ (Scott) объявилъ, что будетъ вѣшать всякаго, кто будетъ взятъ вторично въ плѣнъ не смотря на данное слово несражаться въ теченіе кампаніи.

О правахъ воюющихъ на имущество непріятеля.

§ 34. Вопросъ о правахъ воюющихъ на имущество непріятеля представляетъ нѣкоторыя трудности. Значительная часть публицистовъ, самъ Гуго Гроцій, не говоря уже о Бенкерсгукѣ, рѣшая этотъ вопросъ, находится подъ вліяніемъ римскихъ понятій; а извѣстно, что юристъ Гай сказалъ: римляне считаютъ лучшимъ способомъ пріобрѣтенія — захватывать вражескую собственность (Omnium maxime sua esse credebant, quæ ex hostibus cepissent). Конечно, никто изъ современныхъ писателей не станетъ теперь ни защищать всего того, что логически вытекаетъ изъ подобнаго правила, ни еще менѣе — доказывать, будто непріятель властенъ подвергать конечному истребленію вражескія имущества. Напротивъ, Блунчли (§ 644) говоритъ: «И теперь еще, за государствомъ признается извѣстнаго рода право добычи (Eine Art Beuterecht) на-столько, на-сколько можетъ быть отнимаема и пріобрѣтаема публичная или государственная собственность отъ врага. Но юридическое основаніе этого права на добычу не заключается въ томъ взглядѣ, будто вещь, отнятая у врага есть res nullius: нѣтъ, теперь, на-оборотъ, разсуждаютъ о правѣ добычи на непріятельскую вещь именно потому, что она принадлежитъ извѣстному и при томъ враждебному государству».

Digitized by Google

Но найдутся и теперь еще такіе публицисты, а еще болѣе такіе практики, которые идутъ далѣе Блунчли, смѣшивая occupatio bellica (т. е. военное занятіе) съ завладѣніемъ и даже съ полнымъ господствомъ государства надъ непріятельскими вещами и территоріями. Если мы возьмемъ даже Галлека, то и у него мы замѣтимъ слѣдующія мысли:[1] «Утверждаютъ иногда, будто право воюющихъ на имущество врага должно быть ограничено вещами движимыми, или вообще удобными къ перенесенію. Доказываютъ, что война есть временное отношеніе между націями, и что съ такимъ характеромъ самаго отношенія должна согласоваться практика военныхъ дѣйствій. Такимъ образомъ всѣ недвижимыя имущества, захваченныя на войнѣ, возвращаются, jure post liminii, къ своимъ прежнимъ владѣльцамъ и вовсе не могутъ быть пріобрѣтены завоевателемъ, пока длится война.... Но для насъ не видно, въ чемъ заключается сила и основательность подобныхъ доводовъ. Необходимость самосохраненія и власть наказать непріятеля, лишивъ его при этомъ средствъ вредить, лежитъ въ основѣ правила, по которому воюющій имѣетъ право на всѣ безъ различія имущества своего противника». Отсюда видно, что Галлекъ допускаетъ весьма-широкое право военной добычи[2]. — Но есть и такіе публицисты, которые выставляютъ слѣдующее крайнее мнѣніе: «мы считаемъ, говорятъ они, право завоеванія (droit de conquête) за совершенную безсмыслицу; права завоевывать не существуетъ и не можетъ существовать»[3].

Слѣдовательно, вопросъ этотъ разсматривается совершенно различно подъ вліяніемъ противоположныхъ воззрѣній и предвзятыхъ идей. Лозанскій профессоръ Брошеръ, въ одной изъ статей своихъ въ журналѣ международнаго права и сравнительнаго законодательства за 1873 годъ, говоритъ: «закон-

[1] См. XIX. § 3. Ср. *Grot.* III. Cap. 6. § 1. *Vattel*, III, 119. § 160.
[2] Ср. *Twiss*, II, §§ 63, 64, 66, 67, 68, 69.
[3] См. Revue de droit international. Année 1871, p. 536.

Digitized by Google

ность реквизицій есть вопросъ факта на-столько, на-сколько и права». И это замѣчаніе, одинаково вѣрное и для остальныхъ вопросовъ, связанныхъ съ завоеваніемъ, объясняетъ лучше всего, гдѣ главная трудность предмета. Не легко наукѣ выводить общія правила и поддерживать принципъ тамъ, гдѣ грубый фактъ врывается въ сферу права. Геффтеръ, въ своемъ сочиненіи (§ 131), говоритъ: «Невозможно начертать точныхъ и опредѣленныхъ правилъ о томъ, на-сколько воюющія державы властны захватывать непріятельскія имущества, такъ-какъ во время войны націи не признаютъ надъ собою никакого высшаго суда».

Тѣмъ не менѣе мы замѣтимъ слѣдующее: Конечно, надъ воюющими, какъ и надъ мирными государствами нѣтъ высшей судебной инстанціи, существованіе которой было бы очень желательно во многихъ случаяхъ; но отсутствіе международнаго суда не мѣшаетъ тому, чтобы извѣстныя права, существующія уже, продолжали существовать. И въ области гражданскаго права суды не создаютъ правъ, а только подтверждаютъ и провозглашаютъ ихъ. Слѣдовательно, не смотря на всѣ теоретическія и фактическія трудности, наука международнаго права не можетъ уклониться отъ разсмотрѣнія юридической и нравственной стороны, входящей въ каждую часть ея матеріала, не исключая и войны.

И такъ, посмотримъ: какія правила можно высказать по вопросу о правахъ воюющихъ на собственность непріятеля?—Международное право, не смотря на ученія англо-американской школы, стоитъ твердо на томъ началѣ, что война не есть нѣчто абсолютное и безграничное, а потому и не должна прерывать правовыхъ отношеній далѣе, чѣмъ это нужно для цѣли ея — побѣдить врага. Никогда также не слѣдуетъ забывать, что послѣдствіе войны есть миръ,[1] и что тѣ преимущества и льготы,

[1] См. *Ad. Lasson*, «Prinzip und Zukunft des Völkerrechts». «Der Krieg wird mit Rücksicht auf den zu schliessenden Vertrag geführt; Raub- und Rachezüge staatsloser Horden sind keine Kriege» etc. (S. 72).

Digitized by Google

которыми международное право обставляетъ лицъ, изъятыхъ отъ войны, были бы тщетными, если-бы онѣ не распространялись на имущества, такъ-какъ послѣднія необходимы для существованія людей. Слѣдовательно, у побѣдителя не можетъ быть никакихъ абсолютныхъ правъ на всякаго рода собственность (движимую и недвижимую)[1], и есть основаніе различать военное завладѣніе какъ отъ завоеванія, такъ и отъ полнаго территоріальнаго господства. Occupatio bellica (военное завладѣніе) частью или даже цѣлою территоріею само по себѣ не уничтожаетъ de jure ни прежняго правительства, ни государства, пока есть шансы на продолженіе борьбы, подобно тому, какъ никакой цивилистъ не сталъ бы утверждать, что послѣ захвата частнаго недвижимаго имущества сей-часъ же слѣдуетъ право собственности на него захватившему.

Такимъ образомъ публицисты въ международномъ правѣ, какъ и юристы въ гражданскомъ правѣ, не могутъ обращать грубый фактъ въ юридическій титулъ; и въ международномъ правѣ должно быть также правило, по которому spoliatus ante omnia restituendus (лишенный права прежде всего долженъ быть возстановленъ въ немъ). Законы войны даютъ праву завладѣнія извѣстною территоріею временный, условный и неполный характеръ, — это какъ-бы jus in re, и притомъ вытекающее изъ военной необходимости. А намъ извѣстно уже, какъ опредѣленно и гуманно понимаетъ *необходимость* современное международное право: это не та прежняя военная необходимость, которая уничтожала всякое право; напротивъ, военное завладѣніе есть не столько законный титулъ для установленія правъ побѣдителя, сколько средство добыть извѣстныя пособія и вещи, существенно важныя для войны. — Это замѣчаніе вѣрно даже тогда, когда occupatio извѣстною территоріею продолжается долго. Пока не произошла окончательная побѣда — debellatio или ultima

[1] См. выше мнѣніе Галлека.

Digitized by Google

victoria, пока побѣдитель не вынудилъ согласія побѣжденнаго, что занятая земля отходитъ къ нему; пока это согласіе не выразится въ особомъ трактатѣ: до тѣхъ поръ существуетъ оговорка о сохраненіи прежнихъ правъ — reservata sunt jura; — и если судьба отвернется отъ оккупатора, если онъ будетъ побѣжденъ; то право на занятую территорію должно быть возстановлено у прежняго ея хозяина. — Слѣдовательно, до осуществленія указанныхъ трехъ моментовъ, побѣдитель, занимающій всю территорію или часть ея, можетъ только секвестровать государственные домены, захватывать государственныя имущества, завладѣвать извѣстными доходами прежняго правительства, пользоваться военною казною, магазинами съѣстныхъ припасовъ, военныхъ и артилерійскихъ снарядовъ, — однимъ словомъ, всѣми *государственными*, но не *частными* богатствами, которыя имѣютъ прямое отношеніе къ военнымъ цѣлямъ; весь интендантскій составъ можетъ быть имъ захваченъ; на томъ-же основаніи побѣдитель можетъ пользоваться общественными зданіями, полями, лѣсами и другими недвижимыми государственными имуществами. Но военное завладѣніе не даетъ окончательнаго права даже относительно государственной собственности, пока бывшее правительство не лишено всякой возможности вести войну и пока оно не заключитъ трактата съ узурпаторомъ объ уступкѣ послѣднему захваченной имъ территоріи. — Далѣе, современное международное право положительно высказывается противъ захвата имуществъ со стороны узурпатора — отъ различныхъ благотворительныхъ учрежденій (pia corpora), — церквей, школъ, университетовъ, обсерваторій и т. п. Въ этомъ отношеніи можно отнестись съ полнымъ уваженіемъ къ инструкціямъ сѣверо-американскихъ штатовъ 1863 года, которыя устанавливаютъ всѣ указанныя изъятія. Блунчли также признаетъ открытымъ варварствомъ всякое умышленное разрушеніе благотворительныхъ учрежденій (pia corpora), и это правило со всѣми вытекающими

Digitized by Google

изъ него частностями воспроизведено въ §§ 34, 35, 36 и 37 сѣверо-американскихъ инструкцій.

Правда, современное международное право не высказало еще столь-же категорическаго запрещенія въ интересахъ собраній изящныхъ искусствъ[1]. Прежняя практика, до первой четверти XIX столѣтія, была въ этомъ отношеніи безсовѣстна: всѣмъ извѣстно, какъ дѣйствовалъ въ Италіи Наполеонъ, который ограбилъ и частныхъ лицъ, и церкви и правительства; онъ перевезъ статуи и другія произведенія изящныхъ искусствъ въ Парижъ. То-же самое дѣлалъ онъ съ маршалами своими въ Испаніи. До 1815 г. не было еще постановленій, которыя ограничивали бы въ этомъ отношеніи право завоеванія. Конечно, Наполеонъ могъ иногда опереться на то, что побѣжденныя правительства заключали съ нимъ конвенціи, куда включались согласительныя статьи объ уступкѣ произведеній искусствъ. Но въ теоріи никакъ нельзя оправдать и подобнаго образа дѣйствій, такъ-что международное право, не имѣя возможности запретить положительно, должно все-таки осудить его. Захватъ можетъ быть допущенъ лишь относительно тѣхъ принадлежащихъ враждебному государству вещей, которыя существенно необходимы для цѣлей войны. Но за-чѣмъ же отнимать произведенія генія и таланта у тѣхъ, кому судьба послала ихъ не для эгоистическаго, а для общаго, всѣмъ и каждому доступнаго, пользованія? Ни для кого, какъ извѣстно, не закрыты собранія произведеній изящныхъ искусствъ, и самыя грубыя правительства дѣлали исключеніе въ этомъ отношеніи, допуская народъ къ осмотру сокровищъ искусства, находящихся у нихъ при дворцахъ. Вотъ почему теперь можно надѣяться, что въ будущемъ

[1] Слова лекціи въ текстѣ сказаны были до брюссельской конференціи, гдѣ выражено было категорически правило, согласное со смысломъ сѣверо-американской инструкціи и съ тѣми требованіями, какія можно найдти у Блунчли. Ср. *Мартенса* (Ѳ. Ѳ.), «Брюссельская международная конференція», стр. 223, 224, Т. 1-й, Сборника госуд. знаній, 1874 г.

Digitized by Google

не предстоитъ обращенія съ памятниками изящныхъ искусствъ въ духѣ Наполеона.

Но что дѣлать съ произведеніями искусствъ политическаго характера, т. е. такими, которыя имѣютъ цѣлью, напр., напомнить побѣду одного правительства надъ другими? Всѣ столицы имѣютъ подобные памятники. Какъ же поступать съ ними, — и можно ли, напр., оправдать прусскаго генерала Блюхера, когда онъ хотѣлъ взорвать въ Парижѣ іенскій мостъ, напоминающій пораженіе пруссаковъ? (Извѣстно, что только императоръ Александръ I-й удержалъ этотъ излишекъ патріотизма у прусскаго генерала). Международное право высказываетъ порицаніе такимъ дѣйствіямъ. Хотя политическіе и военные памятники, дѣйствительно, заключаютъ въ себѣ отчасти признакъ шовинизма, какъ говорятъ французы, хотя надъ ними можно иногда и посмѣяться, если они ставятся на всѣхъ переулкахъ для постояннаго напоминанія великимъ націямъ объ ихъ непобѣдимости; но вѣдь это дѣло нравовъ и общественнаго мнѣнія образованныхъ людей, и ни въ какомъ случаѣ не возможно давать право одному народу взрывать національные памятники другой націи, напоминающіе ему одно изъ возможныхъ для каждаго пораженій.

Occupatio bellica, т. е. военное завладѣніе, со всѣми послѣдствіями, которыя выводитъ изъ него и считаетъ ихъ возможными международное право, есть только временное занятіе страны и существенно отличается отъ завоеванія. Завоеваніе предполагаетъ полную побѣду (debellationem, ultimam victoriam), отсутствіе сопротивленія, бѣгство и удаленіе изъ государственной территоріи бывшаго правительства. Если къ этимъ признакамъ присоединится еще твердое намѣреніе продолжать владѣніе, animus habendi, со стороны оккупатора; то явится тотъ фактъ въ международныхъ отношеніяхъ, который называютъ узурпаціею, а завоеватель, сидящій на извѣстной территоріи при такихъ условіяхъ, именуется узурпаторомъ. Если же нѣтъ этихъ условій,

Digitized by Google

если завоеваніе длится хотя и при отсутствіи сопротивленія прежняго правительства, но безъ animus habendi vel possidendi, то является временное правительство (такое временное правительство было при первомъ вторженіи союзниковъ во Францію въ 1814 году). — Что касается до узурпатора, то онъ очень походитъ de facto на настоящаго государя и можетъ потребовать присягу на вѣрность отъ подданныхъ завоеванной территоріи. При современныхъ международныхъ обычаяхъ и политическихъ понятіяхъ, даже жителямъ окончательно уступленной страны дается полная свобода эмиграціи. Такъ, при уступкѣ въ пользу Германіи Эльзаса-Лотарингіи, дозволено было въ извѣстный срокъ переселиться изъ этихъ мѣстъ, — и, дѣйствительно, многія семейства эмигрировали во внутренніе департаменты Франціи и въ Алжиръ. Слѣдовательно, теперь никто не рѣшается сказать, будто присяга узурпатору обязательна, и принужденіе къ ней было бы варварствомъ. — Далѣе, узурпаторъ можетъ позволить себѣ такія законодательныя и административныя дѣйствія, которыя сближаютъ его съ государемъ; онъ властенъ располагать государственными имуществами съ бо́льшею полнотою, чѣмъ при простомъ военномъ занятіи страны, можетъ даже отчуждать ихъ; ему не запрещается издавать законы, производить реформы; слѣды такихъ реформъ во время наполеоновской узурпаціи задержалась прочно въ нѣкоторыхъ частяхъ Европы. Но, несмотря на то, что узурпаторъ можетъ потребовать отъ жителей присяги, издавать законы и дѣлать административныя постановленія: все-таки jus reservatum est, и право прежняго владѣльца не уничтожено; для послѣдняго нужно полное отреченіе отъ права посредствомъ трактата.

Какова же власть вторгнувшагося непріятеля на частную собственность? И здѣсь, война не есть нѣчто абсолютное; она не относится къ частнымъ лицамъ и ихъ имуществамъ, не исключая имѣній, принадлежащихъ удалившемуся правителю: война, какъ говоритъ Портализъ, есть relation d'état à état (отноше-

Digitized by Google

ніе государства къ государству); слѣдовательно, во время войны частная собственность должна бы оставаться неприкосновенною. Но военная необходимость, если и не rumpit omnem legem (не разрушаетъ всякій законъ), то все-таки ограничиваетъ de facto частное право, которое подчиняется извѣстному вліянію завладѣнія непріятелемъ, поддается многимъ неотразимымъ послѣдствіямъ осуществившагося факта вторженія. Въ-точности опредѣлить ту мѣру, до которой можетъ доходить въ отдѣльныхъ случаяхъ такое ограниченіе частной собственности отъ факта вторженія, никто не можетъ [1]. Воюющій, вторгнувшійся въ извѣстную страну, очевидно, нуждается въ территоріи на-столько, на-сколько необходимо размѣстить на ней свои войска, производить различные марши, контръ-марши, требуемые стратегикою и т. п.; а ясно, что отъ этого страдаютъ поля, виноградники и сады. Точно такъ-же изъ соображенія военной необходимости вытекаетъ право вторгнувшагося на извѣстныя зданія для его отрядовъ, кому бы эти зданія ни принадлежали. Если, положимъ, въ извѣстномъ домѣ засѣли непріятельскіе стрѣлки; то пунктъ этотъ нельзя обойдти изъ теоретическаго уваженія къ частной собственности: его нужно взять, и разсуждать о томъ, кому этотъ домъ принадлежитъ, нельзя. При аттакѣ, домъ можетъ погибнуть. Мало этого, частная собственность можетъ быть прямо и заблаговременно уничтожена: положимъ, стоитъ извѣстное зданіе, въ которомъ легко было бы со-временемъ укрѣпиться непріятельскимъ войскамъ; понятно, что въ такихъ случаяхъ военнымъ начальствомъ отдается приказъ срыть или сжечь зданіе. Слѣдовательно, отчасти necessitas bellica frangit legem, подъ усло-

[1] См. между прочимъ статью г. *Мартенса* (С. Г. З.), стр. 215: «Разореніе или захватъ непріятельской собственности вообще не дозволяется за исключеніемъ только случаевъ крайней военной необходимости». Въ такой весьма общей формулѣ выразила брюссельская конференція принципъ неприкосновенности частной собственности, при вторженіи и захватѣ непріятельскомъ.

Digitized by Google

віемъ однакоже сохраненія права, какъ права, а также будущаго вознагражденія убытковъ, если только сдѣлаютъ это возможнымъ финансовыя средства государства.

При этомъ для международнаго права вообще и для права войны въ-частности совершенно безразлично — кому, чьимъ подданнымъ принадлежитъ извѣстная собственность въ занятой войсками территоріи. Кому бы ни принадлежали извѣстный домъ, извѣстное поле, лѣсъ и т. п., — если военная необходимость требуетъ ихъ уничтоженія, то они и должны погибнуть. Однако это есть не болѣе какъ грубый фактъ, но ничуть не юридическое дѣйствіе, имѣющее кассирующую силу относительно существа самаго права частной собственности. Принципы же юридическіе остаются и имѣютъ полную силу, а именно: 1) Право частной собственности ненарушимо въ своемъ существѣ, безъ различія того, будутъ ли субъектомъ этого права природные обиватели или иностранцы, коль-скоро послѣдніе приняты подъ защиту мѣстнаго закона и считаются собственниками въ извѣстной странѣ. 2) Не смотря на молчаніе положительныхъ законодательствъ и на финансовыя затрудненія, наука должна провозглашать обязательнымъ для государства вознагражденіе. 3) Безусловно запрещается грабежъ, и его замѣняютъ реквизиціи, т. е. захватъ частной движимой собственности, подъ условіемъ настоятельнѣйшей необходимости, при извѣстныхъ легальныхъ условіяхъ. Обыкновенно реквизиціи производятся отрядами войскъ съ отвѣтственными при нихъ лицами, имѣющими инструкціи отъ командировъ, причемъ они должны реквизировать только то, что, будучи возможно для жителей, strictissime необходимо для завоевателя, и при томъ подъ условіемъ будущаго вознагражденія. — Далѣе, не возбуждаютъ сомнѣнія повинности квартирная, постойная и подводная; но весьма спорно возведеніе въ общее правило повинности — подвозить военные припасы непріятелю, хотя практика все-таки рѣшаетъ это по-своему, т. е. допускаетъ подобную повинность

Digitized by Google

въ пользу вторгнувшихся непріятелей. За-то не подлежитъ сомнѣнію, что ни наука, ни чувство справедливости не можетъ признать у завоевателя права заставлять жителей занятой страны производить различныя военныя работы, — копать, положимъ, рвы, мины противъ отечественныхъ крѣпостей, и т. п. Подобныя дѣйствія побѣдителя будутъ безнравственными, не юридическими и не политичными. Каждая воюющая сторона должна уважать привязанность непріятельскихъ подданныхъ къ ихъ правительству, живую связь съ государствомъ, иначе будетъ разрушенъ принципъ законности властей и ниспровергнуто чувство патріотизма, безъ котораго нѣтъ и не можетъ быть націи въ истинномъ смыслѣ слова. Далѣе этимъ возбуждается только непримиримая вражда и колеблется миръ не только внѣ, но и внутри государствъ. Положимъ, что жители занятой страны выполняютъ по принужденію всѣ требованія завоевателя. Какъ тогда посмотритъ на это ихъ правительство? Найдутся ли такія гуманныя правительства, которыя скажутъ, что ихъ подданныхъ заставляли къ этому насильственно? Можетъ быть. Но возможны и такія правительства, которыя заплатятъ за это местью и наказаніями.

Вопросъ о контрибуціяхъ имѣетъ органическую связь съ вопросомъ о реквизиціяхъ, представляя собою, на-равнѣ съ послѣднимъ, одно изъ ограниченій права частной собственности во время войны. — Примѣры контрибуцій извѣстны каждому изъ исторіи послѣднихъ войнъ, когда прусскіе генералы налагали, по своему личному усмотрѣнію, на мирное населеніе занятыхъ германскими войсками мѣстностей обязанность внести извѣстную сумму денегъ. (Выше указано, какъ наложена была контрибуція въ 10 милліоновъ на жителей города Фонтенуа въ Лотарингіи). Война 1866 года также представила факты, подтверждающіе заключеніе, что контрибуціи, отъ которыхъ такъ страдала Германія при Наполеонѣ, крѣпко задержались и теперь въ системѣ первенствующихъ военныхъ державъ.

Digitized by Google

Каково-же относится къ этому важному предмету ученая литература? Чего можетъ желать наука международнаго права? Вся англо-американская школа и отчасти публицисты другихъ націй (Филлиморъ, Кентъ, Твиссъ, Галлекъ, Готфель, Массэ, Эрколо-Видари и др.) допускаютъ, руководствуясь различными соображеніями и мотивами, контрибуціи въ правѣ войны[1]. Между прочимъ Трэверсъ-Твиссъ, сходясь съ Кентомъ, видитъ основаніе для контрибуцій въ обязанности вознаграждать завоевателя за спасеніе жителей отъ грабежа[2]. Это почти то-же объясненіе, что встрѣчается у Ваттеля[3].—Геффтеръ также признаетъ и старается объяснить фактъ контрибуцій обязанностію подданныхъ «отвѣчать за невыполненіе обязательствъ своего правительства относительно завоевателя» (§ 131). Другіе публицисты выводятъ право контрибуціи изъ той фактической власти управлять занятою страною, которая (власть) дается завоеваніемъ; притомъ, какъ и всякая повинность, контрибуціи не отрицаютъ права частной собственности въ существѣ, а скорѣе доказываютъ его a contrario. (Взглядъ Эрколо-Видари).

Но здѣсь намъ лично представляется неопровержимымъ такое возраженіе: ни у завоевателя, ни даже у узурпатора нѣтъ и не можетъ быть иныхъ правъ, какъ у прежняго правительства. Но у цивилизованныхъ народовъ не существуетъ для правительствъ безграничнаго распоряженія частною собственностію, какъ было это возведено въ теорію при Людовикѣ XIV крайними представителями феодально-вотчиннаго начала, т. е. такъ называемыми «доманистами» (у нихъ основное положеніе таково:

---

[1] Изложеніе и разборы ихъ мнѣній, in extenso, изложено по-русски въ монографіи Г. *Мартенса* (О. С. стр. 212—219).

[2] *Travers-Twiss*, II, P. 124: «In consideration for which their actual property is guaranteed from pillage».

[3] *Vattel*, III; 9; § 165: «Au pillage de la campagne... on a substitué un usage en même temps plus humain et plus avantageux. C'est celui des contributions» etc.

Digitized by Google

Est de la mouvance du roi tout ce que se trouve dans les confins du royaume). При самомъ полномъ отожествленіи завоевателя съ законнымъ государемъ, противъ права перваго — облагать произвольными поборами частную собственность — говоритъ одно изъ основныхъ началъ римской юриспруденціи, а именно: Nemo plus juris in alium transferre potest, quam ipse habet. А слѣдовательно, для юриста нѣтъ никакихъ правовыхъ основаній въ той практикѣ, которая существуетъ до сихъ поръ у генераловъ наиболѣе образованныхъ націй Европы и Америки. Значитъ, и наука международнаго права можетъ только отрекаться отъ обычая, къ которому вполнѣ примѣняется цицероновскій терминъ: jus iniquum (правила дѣйствующаго, но противнаго справедливости). — Изъ современныхъ представителей германской науки съ особенною силою возстаетъ противъ контрибуцій Блунчли. Отвергая доводы прежнихъ писателей въ пользу этого обычая, гейдельбергскій профессоръ не затруднился[1] осудить образъ дѣйствій прусскихъ генераловъ въ 1866 году. «Современное международное право — заключаетъ свою замѣтку Блунчли — не можетъ болѣе примириться съ подобными остатками прежняго военнаго варварства; такою безполезною и несправедливою суровостью глубоко и за-живо оскорбляютъ мирное населеніе непріятельской страны».

Спрашивается: можно ли допустить, какъ легальный поступокъ съ точки зрѣнія науки, захватъ такой недвижимой собственности, которой хозяинъ не находится на-лицо въ моментъ военнаго завладѣнія? Есть ученые, которые отвѣчаютъ на этотъ вопросъ утвердительно, ссылаясь на то, что хозяинъ своимъ отсутствіемъ какъ-бы доказываетъ намѣреніе не владѣть: нѣтъ corpus possidendi, — нѣтъ, значитъ, и animus possidendi. Но это — не такъ. И въ гражданскомъ правѣ, отсутствіе владѣльца не всегда доказываетъ

[1] См. Das M. V.-R. № или § 654, изд. 1868 года.

Digitized by Google

оставленіе намѣренія владѣть, animus possidendi, а война, какъ-бы она ни была умѣренна, все-таки разгоняетъ многихъ людей, заставляя ихъ бросать все; значитъ, касательно оставленныхъ имуществъ имѣются всѣ презумціи, что у хозяевъ есть animus possidendi на будущее время, по окончаніи военныхъ смутъ. А слѣдовательно, въ систему международнаго права нельзя внести правила о безпрепятственномъ захватѣ частной собственности, оставленной хозяиномъ. Практика прибѣгаетъ въ этомъ отношеніи къ пользованію частною собственностью; но мы оставимъ этотъ фактъ, какъ онъ есть, ограничивая его неотложными и необходимыми цѣлями воюющихъ. Изъ всего сказаннаго видно, что частная собственность остается для теоріи нашей науки ненарушимою, какъ право, и ограничивается лишь фактически — въ своей матеріальной сторонѣ — въ отношеніи пользованія, взиманія плодовъ, usus et usufructus. Но оканчивается военное завладѣніе — и право частной собственности вновь является во всей прежней полнотѣ своей. — Военное завладѣніе и даже узурпація безсильны также уничтожить, по теоріи международнаго права, законную принадлежность частной собственности государей, удаленныхъ войною съ престола.

Что касается долговъ, лежащихъ на подданныхъ побѣдителя въ пользу жителей побѣжденной территоріи, то, спрашивается, можетъ ли узурпаторъ уничтожить эти долги? Ясно, что такая власть въ отношеніи долговыхъ обязательствъ не можетъ быть допущена по самымъ простымъ соображеніямъ гражданскаго и государственнаго права. — Далѣе, можетъ ли узурпаторъ потребовать себѣ уплату частнаго долга, который слѣдовалъ прежнему государю, и можно ли международному праву, если эта уплата состоится, признать ее за дѣйствительный фактъ, съ которымъ соединяется законное выполненіе обязательства — solutio obligationis? Нѣтъ: обязательство есть актъ свободной воли; вступить въ роль кредитора можно лишь по уступкѣ per cessionem, или

Digitized by Google

по преемству; здѣсь же ни преемства, ни цессіи нѣтъ и, слѣдовательно, подобный поступокъ узурпатора представляетъ собою ни болѣе, ни менѣе какъ грубый фактъ, не имѣющій никакого юридическаго значенія.

Относительно добычи современные писатели, напр. Блунчли, думаютъ, что это, строго говоря, есть грабежъ и что международное право должно отвергать право добычи. И дѣйствительно, трудно для науки отыскать такіе принципы, на которыхъ бы можно было построить «право добычи». На чемъ здѣсь основываться, спрашиваетъ Блунчли?—На томъ старинномъ заблужденіи, что непріятель безправенъ? Но непріятель все-таки остается человѣкомъ, а каждый человѣкъ правоспособенъ.—На представленіи, что въ войнѣ сила господствуетъ надъ правомъ? Но призваніе нашей науки заключается въ томъ, чтобы ограничить юридическими узами самую военную силу.—На убѣжденіи, что существо военнаго права требуетъ нанесенія вреда непріятелю? Но частныя и мирныя лица—не непріятели, и частная собственность неможетъ подвергаться произвольнымъ нарушеніямъ.—На общемъ согласіи народовъ? Но цивилизованнѣйшія націи отвергаютъ право на добычу, какъ и право на грабежъ.

Вполнѣ сочувствуя словамъ почтеннаго гейдельбергскаго профессора и сознавая, вмѣстѣ съ нимъ, трудность задачи установить научное основаніе для права добычи, мы думаемъ однакоже, что едва-ли можно искать въ практикѣ опроверженій противъ возмутительнаго обычая отнимать частную собственность на войнѣ; напротивъ, новѣйшая практика показала, что цивилизованнѣйшія націи не отвергаютъ еще права добычи. Припоминая событія нѣкоторыхъ новѣйшихъ кампаній, напр. франко-китайской экспедиціи, мексиканской и прусско-французской войны, можно бы примѣнить къ практической сторонѣ вопроса «о добычѣ у цивилизованнѣйшихъ» народовъ слѣдующія слова Бенкерсгука: «Humanitatem, clementiam, ceterasque animi magni

Digitized by Google

virtutes in bello exercere gloriosum est; sed oppido putidum, solis verbis ludere, quid enim nisi verbis ludis, cum indoles conflagrationi urbis, quam ipse cuperes incendere?».

Въ самомъ дѣлѣ, къ несчастію и къ стыду современнаго международнаго права, не существуетъ на дѣлѣ полнаго согласія между образованнѣйшими народами по вопросу о добычѣ,—и если нѣкоторые нѣмецкіе ученые, справедливо отрѣшаясь отъ практики, называютъ добычу чѣмъ-то близкимъ къ грабежу, то англійскіе, американскіе и нѣкоторые французскіе писатели стоятъ, опираясь на римское право, на упрямомъ фактѣ и въ такомъ духѣ сводятъ частности къ общимъ правиламъ[1].

Даже Гефтеръ, какъ ни противорѣчитъ этотъ обычай его чувству справедливости (§ 135), опредѣляетъ добычу «общепринятымъ способомъ пріобрѣтенія во всѣхъ континентальныхъ войнахъ». Къ добычѣ, по мнѣнію берлинскаго профессора, относятся всѣ вещи движимыя и тѣлесныя, отнятыя у непріятельской арміи, а также, *по исключенію*, у лицъ, не входившихъ въ составъ арміи. Исключенія эти составляютъ особенно опасный пунктъ для теоріи международнаго права въ вопросѣ о добычѣ, если мы сообразимъ, что сюда подойдутъ имущества частныхъ лицъ — жителей городовъ и крѣпостей, взятыхъ приступомъ. Порицая со всею возможною энергіею такія явленія, нельзя не признать того, что они до сихъ поръ составляютъ фактъ, послѣдствія котораго опредѣляются закоснѣлою военною практикою во всѣхъ международныхъ войнахъ. Лишь послѣдняя война Франціи съ Пруссіею, если не ошибаемся, не представила ни одного случая взятія города приступомъ.

Добыча, будучи на практикѣ, но не передъ лицомъ науки, общепринятымъ способомъ пріобрѣтенія, не даетъ однако-же сразу

---

[1] См. сочиненія Кента, Твисса, Филлимора, Уильдмана, Галлека, Готфеля и другихъ.

Digitized by Google

права полной собственности: напротивъ, для юриста добыча устанавливаетъ только фактическое удержаніе вещи, нѣчто въ родѣ detentio cum animo possidendi, до тѣхъ поръ пока не пройдетъ извѣстная давность, или пока не заключится трактатъ, которымъ будутъ погашены всѣ притязанія прежняго владѣльца. На такомъ шаткомъ и неопредѣленномъ положеніи права добычи основано все ученіе de jure postliminii. Нѣтъ такого *общаго* принципа въ международномъ правѣ, которымъ (принципомъ) придавалось бы завладѣнію въ формѣ добычи значеніе безповоротнаго и неоспоримаго отношенія новаго удержателя (detentor) къ захваченной вещи. Отсюда возможность для хозяина, потерявшаго вещь путемъ добычи, примѣнять правило, похожее на римское: Ubi rem meam invenio, ibi eam vindico. Иначе нельзя себѣ объяснить то, на что̀ указываетъ и Гефтеръ, т. е. ничѣмъ неотрицаемаго права хозяина — снова взять вещь, отнятую у него на войнѣ, на нейтральной или на собственной территоріи, незанятой непріятелемъ, хотя бы даже по заключеніи такого мирнаго трактата, которымъ ясно не закрѣплено право на вещи, пріобрѣтенныя добычею [1].

Далѣе, нѣтъ еще до сихъ поръ общаго закона, которымъ бы опредѣлялось однообразное правило о моментѣ, съ которымъ связано окончательное пріобрѣтеніе права добычи. Нѣкоторые кодексы держатся стариннаго (римскаго) правила, что «добыча считается пріобрѣтенною съ того момента, какъ внесена она въ лагерь или въ другое безопасное мѣсто; до тѣхъ поръ пока длится преслѣдованіе, добыча можетъ быть обратно взята прежнимъ собственникомъ» [2]. У другихъ націй, вошелъ въ употребленіе обычай

---

[1] По вопросу о правѣ хозяина брать свою вещь на нейтральной территоріи существуетъ полное разногласіе между Гефтеромъ и англо-американскими юристами.

[2] См. у *Гефтера*, ссылка на «Allgem. Landrecht für die preussischen Staaten» (I. 9, §§ 201, 202).

Digitized by Google

о завладѣніи въ силу 24-часовой давности. Несомнѣнно, что удобнѣе всего примѣненіе этого правила тамъ, гдѣ дѣйствуетъ начало: «En fait de meubles, la possession vaut titre».

Можно принять за общее правило, что «добыча принадлежитъ государству». Дѣлается она его именемъ, и военныя власти и лица являются лишь орудіемъ высшей и общей воли. Слѣдовательно, для отдѣльныхъ лицъ между военными, право на извѣстную часть добычи, способъ и форма ея присуждены: все это зависитъ отъ воли подлежащаго правительства. По крайней мѣрѣ таковъ порядокъ въ Англіи, во Франціи и въ Америкѣ, по статутамъ 23 апрѣля 1800-го и 10 апрѣля 1806 года. Инструкціи Либера, осуждая, какъ безчестный поступокъ, отнятіе движимыхъ вещей у плѣнника, какъ добычи, допускаютъ однакоже обращеніе на потребности арміи излишка отъ значительныхъ суммъ, найденныхъ у плѣнника (§ 72).

Блунчли (№ 657) вычисляетъ такія категоріи или виды, практикуемой теперь добычи: 1) имущества завоеваннаго государства; 2) оружіе, лошади и все вообще вооруженіе побѣжденнаго непріятеля; 3) вещи, пріобрѣтенныя на штурмѣ крѣпостей; 4) контрабанда; 5) морская добыча, или призы[1].

---

[1] Ср. вообще по вопросу о добычѣ: *Hallek*, Ch. XIX, §§ 20, 21.—*Twiss*, II, § 71.—*Phillimore*, III, PP. 185—200.—*Grotius*, lib. 3, cap. 6.—*Bynkershoek*, Q. J. P. I. Cap. IV, V, VI.—*Vattel*, III; 9,§ 164.—*Мартенсъ*, О правѣ частн. собств. § 183—206.

Digitized by Google

О морской войнѣ*.

§ 35. До сихъ поръ еще не удалось примѣнить къ морской войнѣ тѣ правила, которыя отчасти ограничиваютъ суровыя послѣдствія континентальной войны. Не въ томъ состоятъ большія, сравнительно съ континентальною, суровости и жестокости морской войны, что въ ней преслѣдуются и уничтожаются военные корабли, что при захватѣ этихъ кораблей берутся въ плѣнъ офицеры и экипажи ихъ, что захватываются не только военные снаряды, но и все имущество на государственныхъ корабляхъ и т. д. Военные корсары и другія средства вредить вооруженному непріятелю на морѣ не представляютъ никакихъ особенностей отъ средствъ континентальной войны. Но дѣло въ томъ, что чрезъ всю исторію морскихъ войнъ проходитъ практика грубаго насилія надъ правомъ частной собственности; можно даже сказать, что морскія войны начались главнымъ образомъ захватомъ и истребленіемъ частной собственности. «Хотя морская война ведется противъ государствъ, — говоритъ Блунчли, — хотя по естественной справедливости и гуманности международное право и здѣсь требуетъ уваженія частной собственности, однако практика не соотвѣтствуетъ теоріи; и теперь еще военные корабли, пользуясь правомъ на морскую добычу, захватываютъ непріятельскія частныя суда и всѣ товары на нихъ».

Нельзя однакоже сказать, чтобы въ наше время не было нѣкоторыхъ смягченій и попытокъ гуманизировать право войны на морѣ, — и здѣсь прежде всего придется указать объ отмѣнѣ каперства (каперскихъ полномочій) — декларацією 1856 года. О каперахъ намъ уже извѣстно: такъ назывались тѣ частныя

---

* Иностранная литература этого отдѣла обозначена уже прежде, въ различныхъ мѣстахъ книги нашей, въ историческомъ и догматическомъ отдѣлахъ. См. однакоже по-русски: *Каченовскаго* «О каперахъ», «*Мартенса* «О правѣ частной собственности» и проч. Въ этихъ двухъ работахъ можно найдти самыя полныя библіографическія указанія по настоящему спеціальному отдѣлу.

Digitized by Google

лица, которыя получали отъ своихъ правительствъ полномочія или lettres de marques, дававшія имъ право нападать на частные нейтральные и непріятельскіе корабли, осматривать, захватывать ихъ и конфисковать грузъ. Каперы, какъ частныя лица, снарядившіяся на свои средства, но получившія lettres de marque, отличаются формально, по мнѣнію нѣкоторыхъ писателей, отъ корсаровъ, которые снаряжены съ тою же цѣлію, но отъ имени и на счетъ правительства. Слѣдовательно, въ каперахъ и корсарахъ представляется слѣдующая сторона, заслуживающая безусловнаго осужденія: это суть частные люди, привлекаемые къ войнѣ самыми грубыми инстинктами человѣческой природы — жаждой добычи, и ведущіе борьбу противъ мирныхъ торговцевъ подданныхъ другаго государства. Война при такихъ условіяхъ, — когда частныя лица получаютъ полномочія бросаться на всѣхъ и каждаго, — есть настоящій грабежъ, морское разбойничество подъ покровительствомъ государства. Войны XVIII ст. — колоніальныя, изъ-за морскаго владычества, и войны революціонныя нашего столѣтія отличаются страшными злоупотребленіями, благодаря этимъ каперскимъ полномочіямъ, и только парижскій конгрессъ 1856 г. безусловно осудилъ выдачу lettres de marque и отмѣнилъ каперство, будемъ надѣяться, что навсегда. Но не всѣ государства признали эту отмѣну: Соединенные штаты, Мексика и Испанія отказались отъ принятія декларацiи 1856 г. Правительство Соединенныхъ штатовъ отказалось отъ отмѣны каперства не по тому, чтобы оно не сочувствовало этой политикѣ, а по другимъ болѣе уважительнымъ причинамъ; именно, оно считало эту мѣру недѣйствительною, пока не будетъ уничтожено вообще право добычи на морѣ, — право снаряжать корсаровъ отъ правительства, имѣющихъ полномочія нападать на частныя непріятельскія суда[1].

[1] Текстъ декларацiи 16 апрѣля 1856 г., въ главныхъ статьяхъ ея, таковъ: «1°) La course est et demeure abolie; 2°) Le pavillon neutre couvre la marchandise ennemie, à l'exception de la contrebande de guerre; 3°) La marchandise

Digitized by Google

Но, во всякомъ случаѣ, даже такое частичное примѣненіе началъ, ограничивающихъ жестокость и безправіе войны, можетъ быть отмѣчено какъ явленіе прогрессивное.

Вынуто одно изъ главныхъ звеньевъ въ той вредной системѣ, противъ которой открыто заговорили представители европейской интеллигенціи еще съ половины и съ конца прошлаго вѣка (аббатъ Бонно де-Мабли, аббатъ Гальяни, адвокатъ Симонъ-Николай Лингѐ — извѣстный своими громкими процессами и столкновеніями съ парижскимъ парламентомъ, также Бюшъ, Тотце, Ламприди, Георгъ-Фридрихъ Мартенсъ и нѣкоторые другіе[1]. Съ порицаніемъ отнеслись къ каперству и политическіе люди перваго періода французской революціи, когда нѣкоторые депутаты (Керсэнъ, Эммери) предложили отмѣну каперскихъ полномочій и провозгласили, что война есть борьба государствъ, а не частныхъ лицъ (идея, развитая въ-послѣдствіи Порталисомъ), и что по этому частная соб-

---

neutre, à l'exception de la contrebande de guerre, n'est pas saisissable sous pavillon ennemi; 4°) Les blocus pour être obligatoires doivent être effectifs, c'est à dire maintenus par une force suffisante pour interdire réellement l'accès du littoral de l'ennemi». (См. *Martens-Samver*, Recueil, II, P. 767, 768).— Отказъ Сѣверо-американскихъ штатовъ былъ мотивированъ, 28 іюля 1856 г., въ нотѣ Мàрси, министра иностранныхъ дѣлъ, къ Сартижу, французскому посланнику въ Вашингтонѣ. Отдавъ полную справедливость просвѣщеннымъ и гуманнымъ цѣлямъ и основаніямъ парижскаго конгресса, Мàрси высказалъ, что декларація остановилась на полдорогѣ: слѣдовало признать полную неприкосновенность частной собственности нà морѣ, какъ и на сушѣ. Только при такомъ условіи Сѣверо-американскіе штаты согласились бы на отмѣну каперства, такъже какъ и на другіе пункты въ декларацiи. Далѣе, нота Мàрси указывала на то обстоятельство, что вся система военной защиты въ Сѣверо-американской республикѣ основана на употребленіи волонтеровъ въ сухопутной и корсаровъ въ морской войнѣ. Наконецъ, нота Мàрси указываетъ на тѣ опасности, которымъ подвергнутся морскія державы, обладающія лишь торговымъ флотомъ при столкновеніи съ могущественными державами, имѣющими сильный военный флотъ. (См. *Aegidi und Klauhold*, «Frei Schiff unter Feindes Flagge» etc. Beilage zum Staatsarchiv, 1866, SS. 9—18).

[1] См. *Каченовскаго* (О. С. Стр. 156, 157 etc.).— *Aegidi und Klauhold* (L. C. Einleitung, S. V etc.).— Ф. *Мартенса* (О. С. Стр. 318, 319 и слѣд. въ отдѣлѣ: «О каперствѣ по началамъ науки»).

Digitized by Google

ственность должна оставаться неприкосновенною. Даже Наполеонъ явился въ этомъ дѣлѣ защитникомъ частной собственности противъ безправія и жосткаго торгашества. — Что практическое значеніе отмѣны каперства велико, на то можетъ указать громадная цифра убытковъ, причиненныхъ Сѣверо-американской торговлѣ подвигами корсаровъ Алабамы, Флориды, Георгіи и Шенандоа [1]. Но еще важнѣе нравственное и политическое значеніе отмѣны каперства, для дальнѣйшаго развитія права морской войны, если даже разсматривать этотъ фактъ какъ minimum желанныхъ усовершеній. Есть, несомнѣнно, историческая логика въ событіяхъ; и что пріобрѣтено однажды въ интересахъ истины и справедливости, отъ того не могутъ отказаться, и въ главномъ существѣ вопроса и въ его послѣдствіяхъ, образованныя націи, не смотря ни на какія временныя колебанія и ошибки государственныхъ людей. Вѣдь объявилъ же одинъ изъ дипломатовъ Англіи (лордъ Нэпиръ) [2], что никакой великобританскій министръ не дозволитъ отступленія отъ началъ парижскаго конгресса? Но разъ это направленіе усвоено политикою Англіи, то очевидно, что каперство осуждено навсегда, при усиливающемся сознаніи у англійскихъ судохозяевъ и негоціантовъ относительно вреда отъ средне-вѣковыхъ обычаевъ морской войны для торговли. — За-тѣмъ, при господствѣ началъ полной свободы нейтральнаго флага и груза, первенствующія морскія и торговыя державы могутъ только потерять, если то-же начало безусловной свободы небудетъ приложено въ морскихъ войнахъ къ частной собственности непріятеля. Но объ этомъ скажемъ еще нѣсколько словъ впереди.

---

[1] См. *Calvo*, «Examen des trois règles de droit international proposées dans le traité de Waschington». (Mémoire présenté à l'Institut de droit international, Session de Genève 1874. Помѣщенъ въ Revue de droit international, NN III, IV 1876).

[2] Ср. *Aegidi und Klauhold* (L. C. Einleitung. S. XXXVII).

Digitized by Google

Кромѣ того издавна была признана неприкосновенность рыбачьихъ лодокъ и снарядовъ, а также судовъ, хотя-бы и военныхъ, потерпѣвшихъ отъ бури. Что касается до неприкосновенности рыбачьихъ лодокъ и снарядовъ; то она примѣняется вездѣ почти безусловно и ведетъ свое начало съ XVI ст.: еще въ 1521 г. между Франциской I и Карломъ V состоялось въ Кале (тогда англійскомъ городѣ) соглашеніе по этому предмету. Въ 1800 г., во время войнъ Наполеона съ Англіею, корсарамъ и каперамъ обѣихъ сторонъ были даны инструкціи, подтверждавшія соглашеніе 1521 г. Однако въ ту пору сама Англія отказалась отъ этого подъ тѣмъ предлогомъ, будто рыбачьи лодки французовъ перевозили военные снаряды. Но теперь ни одна изъ державъ не станетъ, не позоря себя, нападать на рыбачьи лодки. — Что касается до кораблей, потерпѣвшихъ аваріи и крушеніе, то даже въ XVIII ст. были случаи рыцарскаго обхожденія съ судами, загнанными бурею въ непріятельскіе порты. Такъ, во время войны между Англіею и Испаніею въ 1746 г., одинъ англійскій корабль былъ загнанъ бурею въ испанскую гавань, Гаванну, и когда командиръ судна хотѣлъ сдаться, то комендантъ порта не принялъ отъ него шпаги. Въ началѣ XIX ст., во время войнъ Франціи съ Англіею и другими континентальными державами, французы отпустили одинъ непріятельскій военный корабль, загнанный бурею. Но въ 1800 г., французскіе суды признали призомъ прусскій корабль, по такой-же причинѣ попавшій во французскій портъ. Впрочемъ, всѣ французскіе публицисты порицаютъ подобный образъ дѣйствій, говоря, что «несчастіе должно устанавливать перемиріе между врагами» (Le malheur opère de plein droit une trève). — Еще въ прошломъ столѣтіи признана неприкосновенность кораблей, снаряженныхъ для ученыхъ и кругосвѣтныхъ экспедицій. Такъ, въ 1776 г., когда Кукъ предпринялъ свое знаменитое путешествіе, французскій морской министръ Де-Сартинъ (De-Sartine), не смотря на войну

Digitized by Google

съ Англіею, распорядился, чтобы во всѣхъ мѣстахъ оказывали полное уваженіе къ флагу корабля Кука — Галлекъ, сухой военный человѣкъ, съ увлеченіемъ говоритъ объ этомъ: «подобно священному кораблю, посланному съ годичными жертвами въ храмъ Делоса, судно Кука уважалось всѣми націями, такъ-какъ цѣль его путешествія болѣе направлена къ благу человѣчества».

Но несмотря на указанныя нами смягченія, положеніе вопроса о неприкосновенности мирнаго флага и частной собственности въ морской войнѣ теперь таково, что нужно считать законнымъ призомъ для корсаровъ всѣ непріятельскія имущества на корабляхъ враждебной націи, принадлежащія какъ правительству такъ и частнымъ лицамъ. Послѣ парижской декларації, нѣтъ каперовъ, получающихъ полномочія захватывать частные купеческіе корабли и тревожить свободу нейтральной торговли, но военныя суда воюющихъ могутъ еще преслѣдовать и отнимать на морѣ частную собственность купцовъ — подданныхъ непріятельскаго государства. Нелогичность и несправедливость этого правила видна между прочимъ изъ того, что право морской добычи существуетъ только относительно судовъ и товаровъ на морѣ; но тѣ-же товары на берегу не могутъ быть законнымъ призомъ. «Доки и магазины въ портахъ», замѣчаетъ Блунчли, «спасаютъ частную собственость непріятеля, но корабли предаютъ ее.... А между-тѣмъ корабль есть плавающая часть территоріи. Купеческое судно можетъ разсматриваться какъ пловучій магазинъ. Пусть бы еще захватывали одни суда, такъ-какъ ихъ можно приспособить къ военнымъ цѣлямъ. Но за что же отвѣчаютъ товары мирныхъ купцовъ?». Дѣйствительно, трудно объяснить это явленіе чѣмъ-либо другимъ, кромѣ эгоистической политики, застарѣлыхъ предубѣжденій и закоренѣлыхъ привычекъ вредить врагу per fas et nefas. Никакія иныя соображенія не дадутъ намъ объясненія для политики, господствовавшей до послѣдняго времени въ Англіи. Уитонъ, въ своемъ догматическомъ сочиненіи по международному

Digitized by Google

праву, хорошо высказалъ тѣ побужденія, которыми руководилась практика въ морской войнѣ относительно частной собственности: «неравенство между континентальною и морскою войнами», говоритъ Уитонъ, «зависитъ отъ того, что морская война имѣетъ своею цѣлью главнымъ образомъ уничтоженіе торговли непріятельской» [1]. Но такая аргументація давно уже нашла себѣ осужденіе: война никакъ не можетъ быть легальнымъ грабежемъ частной собственности не потому, что этого требуютъ одни филантропы и кабинетные теоретики, а потому, что она есть споръ о правѣ между государствами и что въ нашъ вѣкъ между націями установилась полная взаимность или солидарность интересовъ. Если война пойдетъ къ тому, чтобы съ корнемъ уничтожить торговлю, которая имѣетъ всемірно-экономическое значеніе для всѣхъ націй, то она этимъ нанесетъ главный вредъ тому государству, которое ведетъ ее съ подобною разрушительною цѣлью. Примѣры солидарности между націями на нашихъ глазахъ: война между сѣверянами и южанами въ Америкѣ была съ злорадствомъ встрѣчена тогдашними кабинетами Англіи и Франціи. Но что же оказалось? Прекратился подвозъ хлопка, и сейчасъ-же разразился кризисъ, закрылись фабрики, сотни тысячъ рабочихъ остались безъ куска хлѣба, пошли банкротства, и правительствамъ пришлось сдѣлать громадныя пожертвованія, чтобы спасти отъ голодной смерти своихъ подданныхъ, а націи потеряли громадные милліоны, которые должны были, при иномъ ходѣ дѣлъ, производительно увеличить собою массу общаго благосостоянія. — Далѣе, война есть преходящее явленіе: цѣль ея устранить правонарушеніе, подавшее поводъ къ столкновенію, и утвердить миръ на прочныхъ основаніяхъ. Но можно ли ожидать достиженія существенныхъ ея цѣлей отъ такой войны, которая произведетъ страшныя нарушенія главнымъ образомъ од-

[1] ...The object of maritime war is the destruction of the enemy's commerce and navigation» etc.

Digitized by Google

нихъ частныхъ интересовъ? Все, что можно предоставить морской войнѣ, если глядѣть на нее какъ на нѣчто неизбѣжное, это — уничтоженіе и разбитіе военныхъ флотовъ, блокаду портовъ, высадки на берега и бомбардированіе крѣпостей. Однимъ словомъ, при нормальномъ положеніи дѣла, морская война должна быть серьезнымъ продолженіемъ континентальной, а не ненавистнымъ нарушеніемъ частныхъ интересовъ судохозяевъ и купцовъ, не уничтоженіемъ началъ, на которыхъ твердо стоятъ международное общеніе и прогрессивное развитіе націй.

Позволительно спросить: есть-ли въ настоящее время какія-либо надежды на полное освобожденіе частной собственности въ морской войнѣ, подобно тому, какъ существовало убѣжденіе о скорой отмѣнѣ каперства за нѣсколько времени до парижскаго конгресса? «Теперь, когда непріязненныя дѣйствія болѣе и болѣе ограничиваются регулярными флотами — читаемъ мы (на стр. 173, 174) въ монографіи проф. Каченовскаго, — когда каперство съ каждымъ годомъ ослабѣваетъ и падаетъ, нѣтъ ни малѣйшаго основанія думать, что средневѣковые обычаи конфискаціи останутся неизмѣнными. Воюющіе имѣютъ менѣе повода отдавать купеческіе призы въ полную собственность крейсерамъ,... высказываютъ полную готовность смягчить для частныхъ лицъ бѣдствія, происходящія отъ морской войны. Это высокое стремленіе христіанскихъ государствъ, какъ самая твердая гарантія успѣховъ рода человѣческаго, должно возбудить горячую симпатію каждаго истиннаго филантропа. Будемъ надѣяться, что рано или поздно оно достигнетъ своей спасительной цѣли!».

Черезъ 14 лѣтъ послѣ того, какъ написаны были эти слова русскимъ профессоромъ, имѣвшимъ счастіе, рѣдкое для спеціалиста въ государственныхъ наукахъ, видѣть скорое осуществленіе того, къ чему клонился выводъ изъ добросовѣстной и серіёзной работы, — другой соотечественникъ нашъ видитъ въ будущемъ возможность, желаннаго для науки, разрѣшенія вопроса

Digitized by Google

о полной свободѣ частной собственности въ морской войнѣ. « Вообще говоря — замѣчаетъ г. Мартенсъ (О. С. стр. 357) — парижскій конгрессъ составляетъ, и въ литературѣ настоящаго вопроса, дѣйствительную эпоху. Мнѣнія Мабли, Гальяни и Мартенса, требовавшихъ уже въ прошломъ столѣтіи уничтоженія каперства, одержали блистательную побѣду. Теперь не достаетъ только санкціи государствъ категорическому требованію тѣхъ-же писателей о неприкосновенности частной собственности на морѣ. *Тѣсная связь между каперствомъ и судьбою купеческихъ кораблей во время войны должна по уничтоженіи каперства роковымъ образомъ повліять на захватъ частной собственности на морѣ* ».

Думаемъ, что послѣдняя мысль совершенно вѣрна, и что осуществленіе ея, въ смыслѣ роковомъ для остатковъ старинаго варварства, но благотворномъ для международныхъ отношеній, доказывается многими признаками. Во 1-хъ, несомнѣнно, что идеи и убѣжденія всегда рѣшаютъ рано или поздно, согласно своему содержанію, судьбу частно-правовыхъ, политическихъ и международныхъ учрежденій. Но, во 2-хъ, несомнѣнно такъ-же, что идеи и убѣжденія націй, играющія столь видную роль въ правосознаніи, направляются теперь — и могутъ направляться впереди — только къ принципу свободы частной собственности. Какъ бы ни были вѣски и авторитетны имена отдѣльныхъ противниковъ этого принципа, мнѣнія ихъ безсильны противъ высшихъ законовъ, управляющихъ экономическими и соціальными основами и пружинами между-государственной жизни. Эти законы указываютъ на постоянное усиленіе взаимной зависимости націй, — зависимости, коренящейся въ *естественныхъ* условіяхъ для самаго ихъ существованія. Исторія, въ этомъ отношеніи, неуклонно шла, въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ, одними и тѣми-же путями, которые всегда опредѣлялись географическими, этнографическими, умственными и иными факторами ци-

Digitized by Google

вилизаціи у англичанъ, французовъ и др. народовъ. Теперешнія націи торговыя, промышленныя, земледѣльческія, военныя и т. д. обозначились уже въ своемъ главномъ характерѣ отъ глубины среднихъ вѣковъ. Занимая поперемѣнно то первенствующую, то второстепенную роль въ политической системѣ, Голландія и Англія никогда не переставали быть торговыми государствами; и едва-ли наступитъ когда-нибудь такой моментъ, когда бы Франція отказалась, не смотря на всѣ свои успѣхи въ техническомъ, промышленномъ и торговомъ развитіи, отъ роли и обязанностей сильной военной державы.

И такъ, раздѣленіе культурнаго труда и взаимная зависимость, обусловливающія не только прогрессъ, но и самое существованіе націй, суть факты всемірно-историческіе, въ свою очередь обусловленные причинами и вліяніями, близкими по силѣ своей къ дѣйствію естественнаго закона. Противъ дальнѣйшаго теченія въ томъ-же направленіи — и теченія ускореннаго — всей европейской исторіи безсильны фискальный произволъ и вліяніе отдѣльныхъ личностей, хотя-бы они были гигантами политики и военнаго дѣла, въ родѣ Карла Великаго и Наполеона. Послѣдній далъ блестящій примѣръ, отвѣчающій нашей мысли, въ полномъ fiasco своей континентальной системы. — Но, далѣе, если взаимная зависимость, связанная съ раздѣленіемъ производительной и умственной дѣятельности, есть законъ, котораго не обойдетъ никакая сила въ современной и въ будущей исторіи: то равное значеніе и положеніе имѣетъ *начало полной свободы мирныхъ и частныхъ сношеній между націями*. Лишь такая свобода общенія можетъ быть средствомъ къ достиженію высшей, культурно-исторической цѣли всей существующей гражданственности; другими словами, лишь такая свобода можетъ и должна быть положительнымъ, дѣйствующимъ началомъ въ томъ правѣ, у котораго столько причинъ называться «международнымъ».

Digitized by Google

Слѣдовательно, имѣетъ право на долгую и полезную жизнь въ международномъ союзѣ все то, что содѣйствуетъ и вмѣстѣ повинуется кореннымъ законамъ въ развитіи государствъ и націй,—все то, что наиболѣе примиряетъ частное съ общественнымъ, единичное съ цѣлымъ, воздавая «Кесарево Кесарю», но не допуская ни поглощенія личности гражданина юридическимъ лицомъ государства, ни подавленія одного государства коаліціею другихъ державъ. И на-оборотъ, нѣтъ внутренней силы и будущности у того, что, опираясь даже на авторитетъ извѣстныхъ мнѣній, властей и государственныхъ учрежденій, вредитъ правильному развитію человѣческой личности, общества, государства и международнаго союза, такъ давно уже установившагося среди націй съ какимъ-нибудь удѣльнымъ вѣсомъ для исторіи человѣчества.

Вотъ почему имѣетъ такое значеніе въ исторіи международнаго права вопросъ о нейтралитетѣ, который неминуемо навелъ практиковъ и публицистовъ на критическую провѣрку начала свободы торговли и правъ воюющихъ державъ. Вотъ откуда объясняется и колоссальная роль Гроція, заговорившаго о правѣ, предпочтительно передъ силою, въ международныхъ отношеніяхъ. Вотъ гдѣ, наконецъ, залогъ будущаго успѣха мнѣній публицистовъ, ратующихъ, отъ Мабли́, Мартенса, Реневаля и проч. до Коши́, Эрколо-Видари, Эгиди, Блунчли и мн. др., за равную и полную неприкосновенность частной собственности въ войнѣ какъ сухопутной, такъ и морской.

Но этого мало: мнѣнія и идеи, отвѣчающія высшимъ законамъ культурнаго развитія государствъ и ихъ учрежденій, международнаго союза и его обычаевъ,—мнѣнія эти совпадаютъ съ отдѣльными и матеріальними выгодами людей, вліятельныхъ въ передовыхъ государствахъ Европы и Америки. Купцы и судохозяева Великобританіи, Америки и, пожалуй, Франціи не станутъ слушать ораторовъ въ духѣ Эммери́, извѣстнаго депутата

Digitized by Google

отъ Дюнкирхена въ національномъ собраніи 1789 г.; они не поймутъ философствованій Мабли или Гальяни: но эти купцы и судохозяева превосходно уразумѣли Линдсея, когда тотъ показалъ имъ, со счетами въ рукахъ, что, при теперешнемъ положеніи дѣла въ трактатахъ, первая открывшаяся или даже угрожающая война противъ Англіи возвыситъ премію морскаго застрахованія на суда и передастъ торговлю британскихъ милліонеровъ въ руки нейтральныхъ. «Янки заберетъ каштаны, изжаренные руками Джона-Булля»: вотъ аргументъ, которымъ, при всей его грубости, лучше всего можно подѣйствовать на массу, избирающую представителей и рѣшителей вопросовъ международнаго права въ англійскомъ парламентѣ.

Въ сказанномъ видимъ мы одно изъ надежныхъ условій для успѣшной агитаціи въ пользу свободы и неприкосновенности частной собственности среди торговыхъ людей Англіи, Германіи, Франціи, Бельгіи, Голландіи и т. д.[1] Особенно замѣчательна по энергіи своей агитація въ ганзейскихъ городахъ, обозначившаяся въ усиленныхъ размѣрахъ съ 1859 года.

Наконецъ, за исключеніемъ Англіи, правительства всѣхъ другихъ государствъ—малыхъ, среднихъ и большихъ—видимо сочувствуютъ принципу полной свободы частной собственности въ морской войнѣ. Такое сочувствіе имѣетъ уже свою исторію и рядъ доказательствъ, если вспомнить, что, послѣ знаменитаго трактата 1785 г. Пруссіи съ сѣверо-американскими штатами, заключена была въ 1823 году конвенція, признававшая права частной собственности между Франціею и Испаніею. Въ томъ-же духѣ заключенъ, въ 1851 году, трактатъ Бразиліи съ Уругваемъ. Къ 1857 году относится трактатъ Коста-Рики и Новой Гранады о полной неприкосновенности частной собственности въ

[1] См. объ этой агитаціи *Aegidi und Klauhold* (L. C. Einleitung. I—XXXVIII). По-русски очень подробно у г. *Мартенса* (О. С. стр. 340—351).

Digitized by Google

морскихъ войнахъ. Въ 1861 году, у Россіи готовъ былъ однородный трактатъ съ сѣверо-американскими штатами,—и не отъ нашего правительства зависѣлъ неуспѣхъ этого соглашенія. Англія и Франція, совмѣстно объявивъ войну Китаю, признали въ дипломатическихъ нотахъ (1859) неприкосновенность частной собственности китайскихъ подданныхъ.—Въ одинъ и тотъ-же годъ (1866), признали въ своихъ законоположеніяхъ вышеозначенный принципъ Италія, Австрія и Пруссія. И всѣ великія войны послѣднихъ десяти лѣтъ были ведены при заявленіяхъ о принципѣ неприкосновенности частной собственности на морѣ.

Различіе между войнами 1866-го и 1870—71 гг. выразилось лишь въ одной чертѣ: въ 1866 г. неприкосновенность частной собственности ограничена была, въ Италіи, Австріи и Пруссіи, условіемъ *взаимности;* но въ 1870 году, сѣверо-германскій союзъ, съ Пруссіею во главѣ, провозгласилъ полную и безусловную (независимо отъ взаимности) неприкосновенность частной собственности[1].

Таковы соображенія, доводы и факты, дающіе, и по нашему личному взгляду, большую силу убѣжденію о неизбѣжномъ наступленіи, въ срокъ неподдающійся угадыванію, того момента, когда исправится неполнота декларація парижскаго конгресса и когда вовсе упразднится дѣятельность призовыхъ судовъ, дѣйствовавшихъ столь долговременно въ практикѣ всѣхъ государствъ Европы и Америки.

Но что-же такое призовые суды? Кому принадлежитъ юрисдикція? Какими правилами руководствовались судьи? Захваченные корабли постоянно подлежали юрисдикціи особыхъ судовъ, называемыхъ призовыми, которые дѣйствовали на основаніи правилъ особаго (призового) судопроизводства. Призовые суды могли учреждаться только въ территоріяхъ воюющихъ

[1] См. *Rolin-Jaecquemyns,* «La guerre orientale» etc. PP. 47—50.

Digitized by Google

государствъ, но не въ нейтральныхъ, хотя и дозволялось на время заводить захваченные суда и товары въ нейтральные порты. Судьями призовыми не могутъ быть ни консулы (тѣмъ болѣе нейтральныхъ государствъ), ни дипломатическіе агенты высшихъ разрядовъ. Случались примѣры, что французское правительство предоставляло своимъ консуламъ призовую юрисдикцію, но императорскій декретъ 1854 г. уничтожилъ такое отступленіе отъ прежней политики и общаго порядка во Франціи.— Цѣль и назначеніе призовыхъ судовъ состоитъ въ контролѣ надъ правомъ морской добычи. Процессуальная сторона (порядокъ судопроизводства), самыя начала, по которымъ признаются призы, все это было главнымъ образомъ дѣло практики и внутренняго законодательства[1]. Но тѣмъ не менѣе, призовые суды надѣлены такими функціями, которыя сдѣлали ихъ международнымъ институтомъ, и многіе писатели считаютъ рѣшенія призовыхъ судовъ однимъ изъ важныхъ источниковъ международнаго права.

---

[1] «Понятія Вилл. Скотта о международномъ правѣ темны и сбивчивы—говоритъ *Каченовскій* («О каперахъ», стр. 112): онъ обращается не къ трактатамъ, не къ обычаямъ, соблюдаемымъ государствами, а къ регламентамъ Англіи, къ каперскимъ инструкціямъ, къ Orders of Council, къ мнѣніямъ своихъ предшественниковъ, начиная отъ *Кока* до *Маррiота*. Отсюда шаткость выводовъ англійскаго судьи» и проч.—См. тамъ-же (стр. 85) перечисленіе матеріаловъ для изученія англійской призовой практики: 1) Рапорты *Робинсона* съ дополненіями *Эдвардса* и *Добсона* (London, 1800); 2) Рѣшенія адмиралт. судовъ *Актона* (Reports of cases etc. 1811,); 3) адмиралтейскія дигесты *Причарда* (Analytical Digest of all the reports and cases etc. London. 1847). Вообще отдѣлъ о призовыхъ судахъ едва-ли не лучшій въ монографіи Каченовскаго.—Ср. *Halleck* XX, §§ 4—21, гдѣ очень внимательно разсмотрѣны и возможно-ясно изложены запутанные вопросы призовой юрисдикціи.—Ср. *Travers Twiss*, II, 9. §§ 166—186.— *Wildman*, II, 9; PP. 295—378. Изложеніе Уильдмана даетъ особенно полное понятіе о сущности англійской призовой юрисдикціи.—*Phillimore*, III, PP. 423 etc. Особенно Chapt. IV, PP. 449, 450 etc. — *Kent's* Commentaries etc. (Abdy's Edit.) PP. 271, 272 etc.—*Jouffroy*, Droit maritime, P. 57 etc.—*Merlin* (Repertoire, au mot: *Prises maritimes*).— *Pistoye* et *Duverdy*, Droit des prises maritimes, 1855.— *Hautefeuille* «Des nations neutres» etc. lit. 7, ch. 1, 2.— *Heffter*, §§ 137—139.

Digitized by Google

Противъ призовыхъ судовъ заявляются однакоже сильныя возраженія: указываютъ на суммарный характеръ судопроизводства, на отсутствіе состязательности[1], на недостатокъ тѣхъ гарантій, которыя сдѣлались теперь азбучными требованіями отъ всякаго цивилизованнаго суда.—Все здѣсь сводится къ рѣшенію слѣдующихъ двухъ вопросовъ: какова національность даннаго корабля, и кому принадлежатъ найденныя на немъ вещи? И коль-скоро доказано, что корабль принадлежитъ непріятелю, что товаръ составляетъ имущество непріятельскихъ подданныхъ, то приговоръ суда объявляетъ и корабль, и товары законнымъ призомъ.—Но вопросы призовой юрисдикціи далеко не на-столько легки на практикѣ, какъ можетъ показаться изъ только-что высказаннаго замѣчанія: на самомъ дѣлѣ встрѣчаются громадныя затрудненія, такъ-какъ, при извѣстной тенденціи англо-американскихъ судей, далеко не все равно — опредѣлять право собственности на корабли и товары во время мира и во время войны. Во время войны, встрѣчается у нихъ масса исключеній изъ того общаго правила, по которому «характеръ или свойство вещи зависитъ отъ національности ея хозяина»; у англо-американскихъ судей нейтральные товары легко могутъ получить оттѣнокъ товаровъ непріятельскихъ. А коль-скоро оказываются обстоятельства совершенно внѣшнія и произвольно объясняемыя, которыя придаютъ такой характеръ извѣстнымъ товарамъ, то они сей-часъ же разсматриваются какъ непріятельскій грузъ.—Призовые суды вызываютъ еще большія возраженія (независимо отъ суммарности, неопредѣленности и шаткости понятій о томъ, какъ опредѣлять принадлежность кораблей и товаровъ нейтраль-

[1] См. напр. *Travers Twiss*, L. C. P. 330; и положеніе, что: «Enemies have no locus standi in a Prize Court». Весьма характерны также мнѣнія Стёри и Кента по вопросу о принадлежности товаровъ нейтральнымъ или воюющимъ. Эти мнѣнія (*Галлекъ*, стр. 475, 476) лучше всего показываютъ, каково было положеніе нейтральныхъ передъ призовыми судьями.

Digitized by Google

нымъ или воюющимъ) вслѣдствіе самыхъ постановленій морскаго права о срокѣ для законности приза, съ которыми (постановленіями), конечно, наука не можетъ согласиться[1]. Въ самомъ дѣлѣ: можно-ли признать раціональнымъ право собственности на извѣстную вещь у захватившаго ее, лишь на томъ основаніи, что по правилу, взятому изъ лонгобардскихъ законовъ, прошло 24 часа отъ захвата, или — что вещь перенесена въ безопасное мѣсто?[2]. А между-тѣмъ, по постановленіямъ морскаго права различныхъ государствъ, добыча при такихъ условіяхъ считается законнымъ призомъ.

Вотъ почему многіе писатели, напримѣръ Геффтеръ, относятся съ сильнымъ скептицизмомъ къ призовому судопроизводству. Бывали примѣры, что корсары и каперы, не имѣя возможности достигнуть мѣста, въ которомъ захваченное ими дѣлалось законнымъ призомъ, уничтожали на дорогѣ и корабли и товары; такъ напримѣръ поступали каперы, снаряженные южанами, во время американской войны 1861 — 63 годовъ. Но подобный образъ дѣйствій составляетъ нарушеніе основныхъ началъ международнаго права и разсматривается какъ варварское отягченіе и безъ того тяжкой войны на морѣ. — Современная теорія международнаго права высказываетъ нѣкоторыя положенія въ-видахъ улучшенія призовыхъ судовъ: 1) полагаютъ (и совершенно основательно), что смѣшанные призовые суды (изъ судей различныхъ націй) были бы лучше призовыхъ судовъ изъ юристовъ одного какого-либо государства; соображенія, вліяющія на это желаніе, такъ просты, что о нихъ не чего и распространяться. 2) Считаютъ издав-

---

[1] См. у *Каченовскаго*, стр. 89—97, полную характеристику судебныхъ доказательствъ въ призовыхъ судахъ.

[2] Ср. *Grot.* De jure belli ac pacis. III, cap. 6, § 111. I, объ условіяхъ для пріобрѣтенія права собственности на призы.—Оказывается, что правило о 24-часовомъ срокѣ составляло при Гроціи «новѣйшую» практику; до того времени господствовалъ римскій порядокъ: «capta dicantur ubi intra fines, id est præsidia hostium, perducta fuerint».

Digitized by Google

на уже средствомъ улучшенія призовыхъ судовъ соблюденіе того правила, что добыча или призы составляютъ принадлежность государства или короны (Bello parta cedunt reipublicæ). Слѣдовательно, современная теорія международнаго права должна безусловно осуждать выдачу премій корсарамъ; въ самомъ дѣлѣ, такая система весьма безнравственна: корсары, имѣя въ виду долю отъ захваченныхъ имуществъ, будутъ, понятно, дѣйствовать какъ грабители; если же добыча вся будетъ считаться принадлежностью короны, то и корсары будутъ дѣйствовать съ большею осторожностью, и, слѣдовательно, съ меньшимъ вредомъ для частной собственности. Въ такомъ смыслѣ высказаны были многія рѣшенія призовыхъ судовъ и мнѣнія лордовъ Брума и Стоуэля. 3) Современная теорія международнаго права считаетъ также средствомъ улучшенія призоваго судопроизводства приложеніе къ морской добычѣ правила, что только миръ устанавливаетъ окончательно право на захваченную собственность, и что до заключенія мира отношеніе захватившаго къ добычѣ есть временное или провизорное. 4) За-тѣмъ, само собою разумѣется, что международное право допускаетъ репризы подъ условіемъ соблюденія права собственности законнаго хозяина отбытаго приза.

Трактаты и конвенціи, имѣющіе отношеніе къ военному праву.

§ 36. — I. На первомъ планѣ между ними надо поставить трактаты союзническіе, или трактаты о помощи, о которыхъ было уже подробнѣе сказано выше. Трактаты о помощи, какъ мы видѣли, сводятся къ двумъ категоріямъ: A) Къ первой категоріи ихъ относятся такіе трактаты, по которымъ одно государство принимаетъ на себя обязанность помогать другому въ войнѣ, всѣми зависящими отъ него средствами. Подобное соглашеніе имѣетъ большую аналогію съ римскимъ договоромъ о товариществѣ — societas, и при томъ о societas totorum bonorum vel fortunarum.

Digitized by Google

Чаще всего такіе трактаты заключаются между государствами предварительно (на-случай войны) и иногда имѣютъ связь съ гарантіею: кто принимаетъ на себя обязанность гаранта, тотъ очень часто дѣлается, въ случаѣ войны, союзникомъ. Трактаты о союзѣ могутъ быть или оборонительными или наступательными, смотря по характеру самыхъ войнъ. Договоръ о помощи вступаетъ въ силу, какъ-только осуществляется casus foederis— причина союза (напр., вторженіе или угроза вторженія со стороны врага). Отсюда можетъ показаться, что осуществленіе союзнаго трактата не представляетъ никакихъ препятствій: оно происходитъ тогда, когда наступаетъ casus foederis. Но на практикѣ встрѣчаются затрудненія касательно того, дѣйствительно ли данный casus есть casus foederis; или же затрудненія могутъ возникать въ томъ отношеніи, что между союзникомъ и государствомъ, противъ котораго подается помощь, былъ заключенъ мирный союзъ и дружественный договоръ и т. п. Далѣе, изъ извѣстныхъ уже началъ самостоятельности и независимости государствъ, надъ которыми нѣтъ никакой общей высшей власти, слѣдуетъ, что у союзнаго государства никто не можетъ отнять права, прежде подачи помощи, разсмотрѣть — дѣйствительно ли справедлива данная война? И здѣсь-то союзникъ властенъ, даже обязанъ, вникнуть въ соотвѣтствіе между предстоящею войною и casus foederis, въ видахъ котораго предполагается союзъ.—Выше было замѣчено, что союзническій договоръ имѣетъ сходство съ римскимъ societas totorum bonorum vel fortunarum, и вотъ въ чемъ выражается это сходство: между подобными союзниками существуетъ полная солидарность въ выгодахъ и потеряхъ, и даже случайная потеря (casus) дѣлится ими по-поламъ, если casus имѣетъ прямое отношеніе къ войнѣ. Союзническія правительства обязаны наблюдать за своими общими интересами; слѣдовательно, они не должны допускать такихъ дѣйствій (со стороны третьихъ лицъ), которыя ограничиваютъ

Digitized by Google

эти интересы. Союзники дѣлятъ вмѣстѣ потери и добычу; но лишь такія потери, которыя логически вытекаютъ изъ принятаго союзниками положенія; потери же, неимѣющія связи съ поводомъ и причиною союза, падаютъ на того, кто испыталъ ихъ, по общему правилу — casum sentit dominus.

B) Кромѣ полныхъ союзовъ, могутъ быть еще конвенціи или союзническіе договоры о помощи спеціальнаго характера. Здѣсь нѣтъ обязанности для союзниковъ содѣйствовать другъ другу всѣми средствами, но одно государство должно содѣйствовать другому на войнѣ въ видѣ какихъ-либо опредѣленныхъ дѣйствій: послать вспомогательный отрядъ, флотъ, выдать денежныя субсидіи, помочь припасами и т. п. Ясно, что такой частный договоръ не влечетъ за собою послѣдствій, какія вытекаютъ изъ договора первой категоріи; здѣсь не можетъ быть полной солидарности въ выгодахъ и невыгодахъ, хотя почти всегда подводится подъ категорію врага то государство, которое дало противнику помощь спеціальнаго характера (см. выше). Но иногда и при такихъ условіяхъ территорія союзника можетъ оставаться нейтральною.

II. *Военныя конвенціи* представляютъ собою наглядное доказательство того, что анархическое, по-видимому, состояніе войны не перерываетъ всѣхъ юридическихъ связей между воюющими націями, такъ-какъ подразумѣваемыя нами конвенціи суть соглашенія, которыя заключаются именно во время и на время войны. — Не всѣ эти конвенціи одинаково важны; иногда ими опредѣляются постоянныя отношенія между воюющими, иногда же извѣстныя краткосрочныя дѣйствія, единовременно выполняемыя. Смотря по этому, конвенціи можно дѣлить на слѣдующіе виды: 1) Картели между воюющими по различнымъ предметамъ, на-примѣръ по вопросу о почтовыхъ сообщеніяхъ, касательно принятія парламентеровъ, о парламентерскихъ сигналахъ, картели касательно обращенія съ плѣнными, объ употребленіи или неупо-

Digitized by Google

требленіи извѣстныхъ оружій и т. д. — Остановимся на парламентерахъ. Парламентеры суть агенты военныхъ сношеній, которые имѣютъ аналогію съ дипломатическими агентами, хотя между ними нѣтъ тождества. Парламентеры посылаются для передачи какихъ-либо сообщеній, для болѣе или менѣе важныхъ переговоровъ. Но не будучи тождественными съ дипломатическими агентами, парламентеры пользуются тѣми-же правами неприкосновенности, которыя давно установлены наукою и практикою для дипломатовъ: парламентеры не могутъ быть взяты въ плѣнъ, личность ихъ, съ поднятіемъ парламентерскаго бѣлаго флага, неприкосновенна — sacrosancta, какъ выражаются инструкціи Либера, и всякое оскорбленіе этой неприкосновенности, sacrosanctitas, есть нарушеніе началъ международнаго права. Но бывали случаи, что парламентеровъ не всегда щадили: газеты 1870 годовъ и сочиненія, вышедшія послѣ этого года (о франко-прусской войнѣ), приводятъ подобные факты. Вотъ одинъ изъ такихъ разсказовъ, обвиняющій пруссаковъ и напечатанный 17 марта 1871 года въ одномъ журналѣ: французская батарея, стоявшая не далеко отъ Сенъ-Клу, имѣя депешу отъ американскаго резидента (посланника) для передачи по назначенію, выкинула бѣлый флагъ. Французскіе артиллеристы и стрѣлки на одной линіи съ баттареей, замѣтивъ это, сей-часъ же прекратили огонь; но прусская батарея, доминируя надъ этою мѣстностью, т. е. будучи помѣщена такъ, что легко было замѣтить бѣлый флагъ, продолжала стрѣлять, и отъ этой стрѣльбы погибли нѣсколько французовъ, между прочимъ одинъ штабъ-офицеръ, полковникъ и еще другіе. Съ другой стороны, пруссаки и баварцы обвиняли французовъ въ неуваженіи къ парламентерскому флагу подъ Мецомъ, Тулемъ, Вердюномъ и проч. [1]. Рѣшить окончатель-

[1] См. извлеченіе изъ Staats-Anzeiger 26 августа 1870 года и изъ циркуляра г-на Тилс у *Ролена-Жэкминса* (L. C. P. 43). Но трудности, которыя должны возникать на практикѣ при разсмотрѣніи и обсужденіи отдѣльныхъ случаевъ, видны изъ слѣдующаго замѣчанія Блунчли (L. C. N 684: «.... Würde man

Digitized by Google

но, какая изъ двухъ сторонъ справедливѣе въ данномъ случаѣ— намъ не приходится. Несомнѣненъ одинъ печальный фактъ: нарушеніе цивилизованными арміями старинныхъ и коренныхъ правилъ войны. — Кромѣ поименованныхъ картелей, могутъ быть заключаемы еще конвенціи о нейтралитетѣ извѣстнаго округа на театрѣ военныхъ дѣйствій, и въ такомъ случаѣ ни одна изъ воюющихъ сторонъ не можетъ переступать за нейтральный районъ.

2. Переходя отъ картелей, опредѣляющихъ постоянныя отношенія, къ такимъ, которыя имѣютъ своимъ предметомъ краткосрочныя дѣйствія, мы должны указать прежде всего—на a) договоры о sauvegarde (или объ охранительной стражѣ) въ интересахъ извѣстныхъ лицъ съ тѣмъ, чтобы ихъ избавить отъ опасностей и непріятностей войны. Въ силу такихъ договоровъ, эти лица съ извѣстною стражею имѣютъ право безпрепятственно и безопасно проѣзжать по театру войны. b) Сходны съ ними договоры о saufconduit (охранныя грамоты), которыя имѣютъ своимъ послѣдствіемъ возможность для извѣстныхъ лицъ, не получая охраны, циркулировать по мѣсту военныхъ дѣйствій. c) Сюда-же относятся лиценціи (licences de navire et de cargaison), или позволительныя свидѣтельства, по которымъ извѣстныя лица на извѣстныхъ корабляхъ (licence de navire) могутъ перевозить торговые товары (licence de cargaison). d) Къ этой-же (второй) категоріи картелей относятся конвенціи о контрибуціяхъ, заключаемыя воюющимъ непріятелемъ съ жителями извѣстной страны (о доставленіи ими извѣстныхъ припасовъ, извѣстныхъ вещей). Конечно, публицисты, отвергающіе контрибуціи, будутъ отвергать и конвенціи о нихъ; но практика до сихъ поръ еще не даетъ намъ права на это при изложеніи

genöthigt, in allen Fällen sobald ein Parlamentär sich zeigt, den Kampf abzubrechen, so würde vielleicht der entscheidende Moment des Sieges unbenützt vorübergehen und der Sieg selbst wieder verloren oder die Verfolgung gelähmt werden. In solchen Fällen darf die Annahme des Parlamentars verweigert oder trotz der Unterhandlung mit demselben der Kampf durchgeführt werden».

Digitized by Google

существующихъ обычаевъ въ международной войнѣ. Если эти конвенціи заключены болѣе или менѣе честно и умѣренно, то онѣ будутъ служить ручательствомъ тому, что извѣстное количество припасовъ доставлено жителями, и что больше отъ нихъ не слѣдуетъ требовать. Правда, обжалованіе жителями нарушеній со стороны военныхъ начальниковъ весьма трудно: легче сказать, чѣмъ исполнить то, что во время пребыванія непріятельскаго корпуса въ данной странѣ можно жителямъ обращаться съ исками на начальниковъ о невыполненіи послѣдними договора. — e) Конвенціи о выкупѣ кораблей заключаются правительствами или агентами той націи, у которой захвачены корабли, съ тою стороною, которая захватила ихъ; причемъ, съ одной стороны, слѣдуетъ выкупная цѣна, а съ другой — обязанность давать охрану и покровительство выкупленнымъ кораблямъ отъ возможныхъ будущихъ нападеній, обязанность дать стражу для провода ихъ въ безопасное мѣсто и т. п. f) Существуютъ еще конвенціи о размѣнѣ плѣнныхъ, которыя собственно и называются картелями въ тѣсномъ смыслѣ (cartels) и встрѣчаются еще въ XVII стол.—Картельными судами называются корабли, приспособленные къ цѣлямъ размѣна плѣнныхъ.—Картельные комиссары, производящіе размѣнъ плѣнныхъ, на основаніи конвенціи, пользуются неприкосновенностью и имѣютъ, подобно парламентерамъ, бѣлый флагъ.

g) Конвенціи о капитуляціяхъ имѣютъ огромное значеніе: капитуляція есть актъ, по которому отрядъ войска, корпусъ или даже цѣлая армія сдаются въ руки непріятеля, слѣдовательно, такія конвенціи выходятъ изъ ряда всѣхъ другихъ. Обыкновенно онѣ излагаются тою стороною, которая намѣрена сдаться, съ условіями сдачи, и на эти пункты побѣдитель даетъ согласіе или несогласіе. Почетныя капитуляціи, т. е. такія, при которыхъ побѣжденные выходятъ съ распущенными знаменами, не оставляя ничего побѣдителю, были очень рѣдки въ послѣднюю войну; разъ только въ Лотарингіи, именно— въ Бель-

Digitized by Google

форѣ, выпала подобная честь отряду одного капитана (Данфера), высказавшему отчаянную храбрость; обыкновенно же пруссаки захватывали все у побѣжденныхъ.—Спрашивается: такъ-какъ капитуляціи очень важны, то нужно ли ратификовать ихъ,— есть ли для нихъ ратификація такое-же conditio sine qua non, какъ и для многихъ другихъ договоровъ? Нѣтъ, для капитуляціи не требуется этого условія, и ратификація должна быть только тогда, когда съ капитуляціями связана уступка территоріи, или когда военноначальникъ обязуется впредь не сражаться съ своею арміею.

h) Перемирія суть такіе договоры между воюющими, по которымъ обѣ воюющія стороны обязываются воздерживаться, на извѣстное время, отъ военныхъ дѣйствій. Перемиріе (la trève, l'armistice) можетъ быть общимъ и частнымъ; т. е. оно можетъ захватывать всю армію или только извѣстные отряды ея; далѣе, перемиріе можетъ быть — на опредѣленное или на неопредѣленное время. Теперь обыкновенно стороны опредѣляютъ сроки перемирій весьма полно и точно: не только—отъ дня до дня, но даже и отъ часа до часа. Самыя перемирія бываютъ въ настоящее время не только краткосрочныя, но и на нѣсколько дней, даже недѣль. — Что касается до послѣдствій и дѣйствія перемирія, то это — вопросъ спорный: одни публицисты говорятъ, будто для перемирій достаточно, если стороны сохраняютъ свой status quo, какой они имѣли до перемирія; но при этомъ, какъ думаетъ Геффтеръ, имъ можно улучшить свои позиціи. Однако Ваттель, Пинейро-Ферейра и другіе писатели болѣе стѣсняютъ свободу дѣйствія сторонъ во время перемирій; такъ Пинейро-Ферейра говоритъ: во время перемирій «не должно дѣлать ничего такого, запрещеніе чего составляетъ интересъ непріятеля и что онъ воспретилъ бы, если-бы не было перемирія»[1]. Если слѣдовать такому правилу, то мнѣніе

[1] См. *Heffter*, § 142.

Digitized by Google

Геффтера о томъ, что можно укрѣплять позиціи на мѣстѣ военныхъ дѣйствій во время перемирія — несостоятельно. Вообще, едва-ли Геффтеръ правъ въ этомъ случаѣ[1]. Мнѣніе Ваттеля и Пинейро-Ферейра болѣе отвѣчаетъ цѣли перемирія, т. е. такого момента, когда должно быть полное воздержаніе отъ всего непріязненнаго, отъ всѣхъ дѣйствій, имѣющихъ въ виду вредить врагу[2].

Спрашивается: возможно ли вести торговлю во время перемирія? Отвѣчая на этотъ вопросъ утвердительно, надо замѣтить, что однако не всегда бываетъ удобно ее вести. Во время крымской войны французы и англичане устроили цѣлый городъ въ одной мѣстности (Камышъ), и русскіе офицеры и солдаты многое покупали здѣсь во время перемирій. — За-тѣмъ, во время перемирій, принято между воюющими держаться взаимной вѣжливости. — Вопросъ о контрибуціяхъ представляется спорнымъ даже во время самого разгара войны; тѣмъ болѣе, нельзя допустить взиманія военныхъ поборовъ во время перемирій. — Что касается до нарушеній конвенцій о перемиріи, то онѣ подлежатъ строгимъ правиламъ: отвѣтственность здѣсь беретъ на

---

[1] Ваттель, расходясь отчасти съ Гроціемъ (III, 21), говоритъ: «Profiter de la cessation d'armes pour éxécuter sans perils des choses qui portent préjudice à l'ennemi et que l'on n'aurait pu entreprendre avec sûreté au milieu des hostilités, c'est vouloir surprendre et tromper l'ennemi avec qui l'on contracte, c'est rompre la trève!» (III; 16; § 246). Такимъ образомъ, по Ваттелю: нельзя продолжать осадныя работы, исправлять бреши, вводить въ лагерь или въ крѣпость вспомогательные отряды (за исключеніемъ перемирія для погребенія убитыхъ), нельзя захватывать въ плѣнъ непріятелей и проч.

[2] Мнѣніе Галлека,—генерала, игравшаго такую видную роль въ войнѣ сѣвера съ югомъ,—имѣетъ особенную важность въ данномъ случаѣ; но общее правило Галлека ближе къ мнѣнію Ваттеля, чѣмъ Геффтера: смыслъ перемирія по Галлеку таковъ, что «все, находящееся на непосредственномъ театрѣ военныхъ дѣйствій, должно оставаться въ такомъ положеніи, въ какомъ было въ моментъ заключенія перемирія» (CLXXVII, § 6). «The besieged cannot construct or repair works of defense, if he could not safely have done this in case the hostilities had continued» etc.

Digitized by Google

себя каждый начальникъ, какъ-только онъ извѣщенъ о перемиріи. — Въ выполненіи конвенцій требуется большая скорость; справедливо сказалъ Уитонъ: «въ военныхъ конвенціяхъ время — все»; слѣдовательно, конвенція будетъ считаться нарушенною и тогда, когда промедлятъ въ выполненіи ея; но разъ одна сторона промедлила, то другая уже можетъ невыполнять конвенціи. Есть однакожъ извѣстныя гарантіи для ихъ выполненія: обыкновенно занимаютъ болѣе выгодныя мѣста, чтобы не дать врагу воспользоваться перемиріемъ, берутъ заложниковъ, какъ часто это дѣлали пруссаки, и т. п. Но теорія международнаго права осуждаетъ взятіе заложниковъ.

Нейтралитетъ.

§ 37. Характеръ и сущность нейтралитета ясны изъ немногихъ соображеній: война необходимо заключается въ извѣстныхъ предѣлахъ, за которыми господствуютъ мирныя отношенія; въ войнѣ участвуютъ только извѣстныя стороны и лица, а всѣ остальныя государства, невоюющія, остаются въ мирѣ и дружбѣ не только между собою, но и съ воюющими. Эти послѣднія государства и называются нейтральными. Слѣдовательно, нейтралитетъ есть такое состояніе, при которомъ извѣстное государство пребываетъ въ одинаково дружественныхъ отношеніяхъ ко всѣмъ и каждому изъ воюющихъ. Таковъ настоящій смыслъ слова—нейтралитетъ. Понятно, что здѣсь нельзя ограничиться только тѣмъ опредѣленіемъ,—«что нейтральнымъ будетъ тотъ, кто заявитъ себя ни другомъ, ни недругомъ воюющихъ сторонъ»; напротивъ, въ понятіи нейтралитета есть элементъ болѣе положительный, а именно: безпристрастное, по дѣйствіямъ, отношеніе къ обѣимъ воюющимъ сторонамъ. «Понятіе нейтралитета», замѣчаетъ Филиморъ [1], «очень хорошо выражено словами—in bello medius.... Сущность нейтралитета состоитъ въ томъ, что лице нейтральное, не имѣя само jus

[1] *Phillimore*, III, § 137.

Digitized by Google

belli, обладаетъ правомъ продолжать мирныя отношенія съ тѣми, конечно, ограниченіями и измѣненіями, которыя вытекаютъ изъ общаго, измѣненнаго (войною) состоянія вещей. Нейтральный не долженъ дѣлать ничего такого, черезъ что положеніе одного изъ воюющихъ сдѣлалось бы лучше или сильнѣе — quo validior fiat». — Съ этимъ связанъ логически такой выводъ, что состояніе нейтралитета, будучи мирнымъ, не есть буквальное продолженіе того положенія, въ которомъ находилось государство до войны. У Гроція и Ваттеля принимаются здѣсь въ соображеніе моменты справедливости и несправедливости войны; такъ, Гроцій говоритъ, что государству можно оставаться нейтральнымъ, когда оно убѣждено въ справедливости данной войны, и, слѣдовательно, на-оборотъ, можно не оставаться пейтральнымъ, если оно не убѣждено въ справедливости ея. Ваттель повторяетъ мнѣніе Гроція. Но Бенкерсгукъ разсуждаетъ иначе: будетъ ли данная война справедливою или несправедливою, нейтральныя государства должны быть безпристрастными ко всѣмъ воюющимъ [1].—

Важность нейтралитета неоспорима, и это выражаютъ многіе писатели: по мнѣнію Геффтера, нѣтъ ничего болѣе существеннаго для обезпеченія правомѣрнаго и мирнаго порядка вещей, какъ ясное и точное опредѣленіе правъ и обязанностей нейтралитета. При этомъ только условіи миръ станетъ нормальнымъ состояніемъ. Гольцендорфъ говоритъ то-же самое. «Ничто такъ не высказываетъ прочнаго развитія международнаго права, какъ строгое

[1] См. Q. J. P. Lib. I. Cap. IX, p. 208: «Nescio, an satisfaciant quæ Grotius dixit L. III. De J. B. ac P. 17. § 3.....Si recte judico, belli justicia vel injusticia nihil quicquam pertinet ad communem amicum, *ejus non est, inter utrumque amicum, sibi invicem hostem, sedere judicem,* et ex causa nequiore æquiore, vel iniquiore huic illive plus minusve tribuere vel negare» etc. — Ту-же мысль выразилъ позже Клюберъ, когда сказалъ: «Un état neutre n'est, dans les guerres ni juge, ni partie». Droit des gens, § 284. — Ср. *Vattel*, III, 7; § 106. — Но Ваттель прибавляетъ: «Quand elles (les nations) voient de quel côté est la justice, il reste encore à examiner, s'il est du bien de l'Etat de se mêler de cette affaire et de s'embarquer dans la guerre».

Digitized by Google

уваженіе и осуществленіе правъ и обязанностей нейтралитета». Но надо замѣтить, что подобныя требованія отъ нейтралитета встрѣчаютъ большія затрудненія на практикѣ. Независимо отъ того, что безпристрастіе, справедливость и равная дружба къ обѣимъ сторонамъ—условія, существенно необходимыя для нейтралитета—сталкиваются со страстями правительствъ и народа, есть еще такія услуги, не только активныя, но и пассивныя, которыя, будучи оказаны одному изъ воюющихъ, кладутъ на нейтральное государство, оказавшее ихъ, извѣстный оттѣнокъ пристрастія. Такъ, если извѣстное нейтральное государство подчиняется страдательно вступленію одного изъ воюющихъ государей въ свою территорію,—то подобная терпимость кладетъ уже пристрастный оттѣнокъ на положеніе нейтральной державы.

Спрашивается: кто можетъ установить для себя положеніе нейтралитета? Отвѣтъ, какъ кажется съ перваго раза, довольно простъ: государство полноправное, т. е. независимое и пользующееся правами самодержавія. Но вѣдь существуютъ еще полусамостоятельныя, протекторальныя, инкорпорированныя государства,—и здѣсь отвѣтъ уже нѣсколько усложняется. Полусамостоятельное государство не имѣетъ полной свободы дѣйствій, такъ-какъ оно зависитъ отъ другого; значитъ, такое государство не можетъ объявлять себя нейтральнымъ и, подобно тому, какъ accessorium sequitur suum principale, оно должно идти въ политикѣ за тѣмъ государствомъ, отъ котораго находится въ зависимости. Но на практикѣ случается, что и полусамостоятельныя государства остаются нейтральными, независимо отъ войны своихъ протекторовъ; примѣромъ можетъ служить положеніе іоническихъ острововъ въ крымской войнѣ.— Относительно государствъ федеративныхъ дать отвѣтъ не трудно, а именно — отвѣтъ отрицательный: члены федеративнаго государства не имѣютъ права на провозглашеніе себя нейтральными въ томъ случаѣ, когда все государство объявитъ войну; такое провозглашеніе противорѣчило бы существу и цѣлямъ самой феде-

Digitized by Google

раціи. Мало того: изъ федеративнаго союза вытекаетъ обязанность взаимной гарантіи для членовъ его; послѣдніе не имѣютъ права уклоняться отъ подобныхъ обязательствъ. Члены швейцарской и американской республикъ обязаны отстаивать взаимныя права, а, слѣдовательно, они не могутъ объявлять себя нейтральными, если одно изъ государствъ ихъ федераціи объявитъ войну. — Вопросъ о правѣ инкорпорированныхъ государствъ объявлять себя нейтральными независимо отъ той державы, къ которой онѣ инкорпорированы, рѣшается отрицательно, если это соединеніе полное. Но при соединеніи личномъ — unio personalis (Швеція и Норвегія) — нѣтъ абсолютной необходимости одному изъ соединенныхъ государствъ слѣдовать за войною или нейтралитетомъ другого. Будучи актомъ совершенно свободнымъ для самостоятельныхъ государствъ, не стѣсненныхъ ни инкорпоративными, ни федеративными условіями, нейтралитетъ можетъ установляться по особымъ международнымъ соглашеніямъ или договорамъ.

Но есть случаи необходимаго нейтралитета, и сюда подойдетъ такъ-называемый «вѣчный нейтралитетъ» Швейцаріи. Послѣдняя, еще трактатами до революціи 1789 г., была объявлена нейтральною державою; но во время войнъ Наполеона 1-го нейтралитетъ ея былъ грубо нарушенъ. Конгрессъ 1815 года разсмотрѣлъ этотъ вопросъ снова, а международное соглашеніе (1815 г.) признало и обставило крѣпкими гарантіями принципъ вѣчнаго нейтралитета Швейцаріи. — По конвенціямъ отъ 1831-го по 1839 г., Бельгія также была объявлена нейтральною, при чемъ гарантами ея нейтралитета сдѣлались великія державы европейскія, между прочимъ и Англія. Между добровольнымъ и необходимымъ нейтралитетомъ есть различіе: дѣйствіе перваго, который установляется самостоятельно подъ вліяніемъ различныхъ обстоятельствъ, менѣе стѣсняетъ свободу государства. Дѣйствіе же нейтралитета второго рода отчасти ее стѣсняетъ.

Digitized by Google

Государства, пользующіяся положеніемъ вѣчнаго нейтралитета, не могутъ входить по этой причинѣ во всѣ тѣ договоры, которые сталкиваются съ обязанностями нейтралитета.

Публицисты дѣлятъ еще нейтралитетъ на neutralitas perfecta et neutralitas imperfecta, т. е. нейтралитетъ полный и нейтралитетъ несовершенный, неполный, или, какъ его называетъ Галлекъ, квалифицированный. Подъ различными названіями нейтралитета второго рода нужно разумѣть одно и то-же: квалифицированный нейтралитетъ допускаетъ опредѣленныя пособія со стороны нейтральнаго государства одному изъ воюющихъ; слѣдовательно, здѣсь нѣтъ полнаго безпристрастія. Такія аномаліи въ нейтралитетѣ устанавливаются главнымъ образомъ трактатами: объявляя себя нейтральнымъ съ однимъ изъ воюющихъ, извѣстное государство все-таки помогаетъ другому, вслѣдствіе особыхъ соглашеній, заключенныхъ раньше войны. Такъ, Данія въ 1788 г. оставалась нейтральною съ Швеціею во время войны послѣдней съ Россіею, но тѣмъ не менѣе оказала помощь Россіи на основаніи прежнихъ трактатовъ. Десятью годами раньше, Франція выговорила для своихъ каперовъ и корсаровъ право, исключительно предъ всѣми другими націями, входить съ призами въ порты Соединенныхъ штатовъ, т. е. Франція получила отъ Соединенныхъ штатовъ такое право, которымъ не могло пользоваться никакое государство, хотя-бы и нейтральное для сѣверо-американскихъ штатовъ[1]. Но это соглашеніе вызвало протесты со стороны Англіи и Голландіи. — Вообще едва-ли такому роду отношеній можетъ быть присвоено, по всей строгости, названіе «нейтралитета»: скорѣе это неполная союзническая помощь, — и справедливо замѣчаютъ нѣкоторые публицисты, что начать или не начать противъ такого «нейтральнаго» войну зависитъ отъ личнаго усмотрѣнія противной стороны, и что въ

[1] Ср. *Галлекъ*, XXII, § 2.

Digitized by Google

правѣ ся поступить такимъ образомъ не можетъ быть и сомнѣнія. Филлиморъ, слѣдуя за извѣстною уже намъ логическою аргументаціею Бенкерсгука, говоритъ, что « нельзя приносить пользу обоимъ, нанося вредъ одному изъ двухъ », а слѣдовательно, и раздѣленіе нейтралитета въ сказанномъ смыслѣ не отвѣчаетъ сущности дѣла [1]. Но любопытно, что, по Филлимору, есть факты « менѣе пристрастные », чѣмъ союзническое пособіе, и такіе факты, осуществляясь, нимало не квалифицируютъ чистое понятіе нейтралитета, а именно: дозволеніе нейтральнаго правительства каперамъ вводить въ свои порты захваченныя на морѣ суда. Гефтеръ, допуская возможность несовершеннаго нейтралитета, требуетъ строгаго опредѣленія границъ его in concreto.

Но можно ли допустить состояніе неполнаго нейтралитета въ обѣ стороны, т. е. такое положеніе, когда нейтральное государство дѣлаетъ для одной стороны то, что дѣлаетъ для другой? Съ перваго раза, это можно признать совершенно логичнымъ: чаши вѣсовъ не перевѣшиваются ни на одну сторону; но на практикѣ подобное положеніе нейтральнаго государства тяжело, запутанно, не цѣлесообразно. Какъ и кому опредѣлить, что данное государство оказываетъ дѣйствительно равное пособіе для обѣихъ враждующихъ сторонъ? Да и можно ли сказать, что пособія, хотя бы матеріально равныя, всегда приносятъ одинаковую пользу какъ той, такъ и другой сторонѣ? Для одной извѣстныя субсидіи могутъ быть полезнѣе, чѣмъ для другой, и сторона, для которой онѣ полезнѣе, можетъ скорѣе своего противника воспользоваться ими и поразить своего врага. И такъ, состояніе нейтралитета равно-неполнаго въ обѣ стороны подлежитъ осужденію. Если искать логическаго, яснаго и научнаго опредѣленія, то можно и должно говорить о нейтралитетѣ, какъ о такомъ состояніи государствъ, при которомъ они находятся въ одина-

[1] III, § 138.

Digitized by Google

ково, безусловно-мирныхъ отношеніяхъ съ воюющими[1]. — Есть еще такъ-называемый вооруженный нейтралитетъ, примѣры котораго намъ уже извѣстны (изъ 1-й главы). Спрашивается: не противорѣчитъ ли самое названіе «вооруженный» понятію и принципамъ нейтралитета, какъ состоянія совершеннаго безпристрастія и полнаго мира между нейтральными и воюющими государствами? Здѣсь нѣтъ никакого противорѣчія: нейтралитетъ есть право, а всякое право нуждается въ охранѣ со стороны матерьяльной силы. Въ какой же формѣ, какъ не въ военныхъ мѣрахъ, можетъ выразиться эта охрана въ международномъ союзѣ?

Перейдемъ теперь къ частностямъ нейтралитета, къ правамъ и обязанностямъ его. Къ категоріи правъ нейтралитета относятся слѣдующія: 1) право самостоятельнаго объявленія себя нейтральнымъ. Ни одно государство не обязано давать отчета въ мотивахъ и побужденіяхъ, по которымъ оно объявило себя нейтральнымъ, — это вытекаетъ изъ понятія самодержавія государства. 2) Для каждаго нейтральнаго государства вытекаетъ право защищать свой нейтралитетъ отъ всякихъ нарушеній. 3) Государство, пребывающее нейтральнымъ, имѣетъ право продолжать свои мирныя и торговыя отношенія, конечно, съ

---

[1] Странно, что даже у Блунчли есть положеніе (762), гдѣ не считается нарушеніемъ обязанностей нейтралитета въ строгомъ его понятіи дозволеніе обоимъ воюющимъ производства набора. Такія-же мнѣнія встрѣчались и раньше, у писателей XVIII столѣтія. Но еще Бенкершукъ, по нашему мнѣнію, навсегда опровергъ такія толкованія, имѣющія большое практическое значеніе, если, по аналогіи, распространить тотъ-же шаткій и неопредѣленный взглядъ на вопросъ о флибустьерахъ, о снаряженіи каперскихъ судовъ и т. д. Вотъ слова Бенкершука: «Sed, ajes, utrique mittam quicquid mihi videretur, et sic postulat ratio amicitiae; si quod alteri miseram, ille utatur in necem alterius, quid ad me? At tu noli sic sapere... *Praestat cum utroque amicitiam conservare, quam alteri in bello favere, et sic alterius amicitiae tacite renunciare*» (Q. J. P. Lib. Ср. IX).

Digitized by Google

исключеніями, установляемыми войною[1]. 4) Государство нейтральное имѣетъ право на сохраненіе во всей неприкосновенности всѣхъ тѣхъ своихъ международныхъ правъ, которыми оно, какъ государство, владѣетъ; верховная власть въ территоріальномъ отношеніи, въ дѣлѣ юрисдикціи, законодательства, международной полиціи, почетныя права, титулы и т. д.,—все это остается неприкосновеннымъ. Нельзя, далѣе, нейтральному государству дозволять воюющимъ непріязненныхъ дѣйствій въ своей территоріи; слѣдовательно: 5) оно имѣетъ право преслѣдовать такія дѣйствія; оно даже обязано такъ поступать, потому что пассивное поведеніе въ подобныхъ случаяхъ кладетъ на положеніе нейтралитета оттѣнокъ вражды и пристрастія. —Писатели прошлаго столѣтія, между прочимъ Ваттель, слѣдуя за Гроціемъ, склонялись къ тому мнѣнію, что для воюющихъ можно допускать безвредный проходъ «passage innocent» чрезъ нейтральную территорію; но Геффтеръ, Готфёль (Hautefeuille), Маннингъ, Галлекъ, Гольцендорфъ и нѣкоторые другіе думаютъ, что дозволеніе такого, хотя и «безвреднаго (невиннаго) прохода» есть открытая поблажка одному изъ воюющихъ. — Бенкерсгукъ, который, по-видимому, не раздѣляетъ убѣжденія Ваттеля и Гроція о безвредномъ проходѣ, допускаетъ однако одному изъ воюющихъ, когда пылаетъ еще борьба, въ разгарѣ битвы (dum fervet opus), какъ онъ говоритъ, взойдти на территорію нейтральнаго государства, не нарушая этимъ нейтралитета, и преслѣдовать здѣсь врага[2].

Но и такое мнѣніе Бенкерсгука отвергается новѣйшими публицистами, совершенно основательно требующими, чтобы выдержи-

---

[1] «Quamvis enim libera sint cum amicorum nostrorum hostibus commercia, говоритъ Бенкерсгукъ, usu tamen placuit... ne alterutrum his rebus juvemus, quibus bellum contra amicos nostros instruatur et foveatur». (L. C. P. 208).

[2] См. l. C. Cap. VIII. PP. 206, 207. «An hostem liceat aggredi, vel persequi in amici territorio vel portu?». Мнѣнія противъ взгляда Бенкерсгука сведены у Галлека (См. XXII. § 6).

Digitized by Google

валось полное состояніе нейтралитета: разъ допустить, — говорятъ они, — что въ пылу битвы можно входить воюющимъ въ нейтральную территорію, и тогда этимъ вхожденіямъ не будетъ конца. Да, кромѣ того, тогда можно будетъ не только преслѣдовать непріятеля, но и давать ему правильныя битвы на территоріи нейтральныхъ государствъ. — Дипломатическая практика по этому вопросу въ настоящемъ столѣтіи совершенно-однообразна. Такъ, въ 1838 году произошелъ серьезный случай съ пароходомъ «Каролиною» въ Канадѣ, бунтовавшей въ ту пору противъ англійскаго правительства. Каролина перевозила инсургентамъ снаряды и припасы и, окончивъ эту перевозку, стала въ одной изъ бухтъ нейтральной территоріи сѣверо-американскихъ штатовъ, думая, что тамъ она совершенно безопасна отъ преслѣдованія англійскихъ кораблей. Но капитанъ находившагося здѣсь англійскаго судна подошелъ къ «Каролинѣ» и, послѣ короткаго сопротивленія послѣдней, взялъ ее и сжегъ. Такой поступокъ подалъ поводъ къ протесту сѣверо-американскаго правительства и къ оживленной дипломатической перепискѣ его съ англійскимъ кабинетомъ, въ которой принялъ участіе Даніилъ Вебстеръ. Послѣ сильныхъ возраженій американскаго кабинета, великобританское правительство согласилось, что поступокъ англійскаго капитана нарушилъ нейтралитетъ, и удовлетворило сѣверо-американское правительство извиненіемъ. — Другой случай былъ въ 1864 году. Сѣверо-американскіе корсары захватили корабль южанъ «Флориду» въ Багіа (Bahia), портѣ Бразиліи (нейтральнаго государства), и сѣверо-американское правительство признало своихъ агентовъ (корсаровъ) виновными въ нарушеніи нейтралитета.

Военные корабли и корсары, снаряженные съ цѣлью преслѣдовать контрабанду и частныя суда во время войны, могутъ быть не допускаемы въ порты нейтральныхъ государствъ; это вытекаетъ изъ понятія территоріальной независимости каждаго

Digitized by Google

государства. Но, какъ необходимое условіе для нейтралитета, здѣсь должно быть полное безпристрастіе, и если не допускаются корсары одной изъ воюющихъ сторонъ, то не должны быть допущены и корсары другой. Кромѣ этого условія безпристрастія, отъ нейтральной державы требуется еще предварительная прокламація о томъ, что она имѣетъ въ-виду недопускать корсарскія суда воюющихъ въ свои воды, иначе подразумѣвается, что она дозволяетъ это. — Вообще нужно установить различіе между правомъ убѣжища для кораблей и правомъ убѣжища для сухопутныхъ военныхъ отрядовъ. Независимо отъ прокламаціи, хотя бы она и состоялась, — въ случаѣ бури или преслѣдованія со стороны непріятелей, военные корабли могутъ, спасаясь, зайдти въ порты нейтральнаго государства, и человѣколюбіе, взаимная comitas juris gentium установляютъ нравственную обязанность непрепятствовать этому[1]. Но разъ такое jus asylii осуществилось, нейтральное государство имѣетъ право потребовать отъ спасшагося корабля, чтобы съ его стороны не было предпринимаемо и даже подготовляемо никакихъ непріязненныхъ дѣйствій, пока онъ находится въ портѣ[2]. Слѣдовательно, если-бы такой корабль сталъ бортъ-о-бортъ съ кораблемъ, на которомъ поднятъ непріятельскій флагъ, и тогда онъ не смѣлъ бы начинать борьбу; иначе нейтральное государство можетъ вмѣшаться, силою заставить его прекратить враждебныя дѣйствія и, если нужно, уничтожить самый корабль.

---

[1] См. ст. 25 трактата сѣверо-американскихъ штатовъ съ Англіею 1794 г.

[2] См. St.-Archiv, 21 B. 1871. S. 80, Art. VI (Вашингтонскій трактатъ). Здѣсь одно изъ трехъ правилъ, которыми должны были руководствоваться посредники, формулируетъ слѣдующимъ образомъ одну изъ главныхъ обязанностей нейтральныхъ государствъ: «A neutral government is bound—Not to permit or suffer either belligerent to make use of its ports and waters as the base of naval operations against the other, or for the purpose of the renewal of military supplies or arms or the recruitment of men».

Digitized by Google

Не дозволяется выходить изъ порта нейтральнаго государства ранѣе 24 часовъ послѣ отплытія непріятельскихъ судовъ, въ тѣхъ видахъ, чтобы ослабить шансы встрѣчи и битвы съ врагомъ въ открытомъ морѣ. Спасшіеся такимъ образомъ (въ нейтральныхъ бухтахъ) корабли, — если они выполняютъ свои обязанности и не нарушаютъ нейтралитета, — пользуются во всѣхъ отношеніяхъ правомъ внѣземельности; слѣдовательно, всѣ уголовные случаи, которые могутъ произойдти на ихъ палубѣ въ это время, не подлежатъ разбору мѣстныхъ властей, но только — на ихъ палубѣ; если же кто изъ экипажа вступитъ въ пререканія и ссоры съ кѣмъ-либо изъ подданныхъ нейтральнаго государства, въ бухтѣ котораго эти корабли спаслись, то тутъ уже мѣстное правительство можетъ вмѣшаться.

Что касается до сухопутныхъ войскъ, которыя также могутъ перейдти за нейтральныя границы, когда ихъ преслѣдуетъ непріятель, то обязанности человѣколюбія и уваженіе одного государства къ другому не даютъ права останавливать ихъ, предоставляя возможность непріятелю довершить дѣло истребленія. Впрочемъ, спасшіеся отряды не пользуются правомъ внѣземельности: у нихъ отбираются знамена и оружіе на все время пребыванія ихъ въ территоріи нейтральнаго государства, а солдаты и офицеры размѣщаются по усмотрѣнію мѣстнаго правительства.

Спрашивается: можно ли воюющимъ державамъ снаряжать для себя суда въ нейтральныхъ портахъ съ тою цѣлью, чтобы чрезъ извѣстное время пустить ихъ для борьбы? Здѣсь надо дать отрицательный отвѣтъ: еще практика прошлаго столѣтія (трактаты сѣверо-американскаго правительства отъ 1778-го до 1793 и 1794 г.) установила тотъ принципъ, согласный ученію Вольфа, Ваттеля и всѣхъ другихъ публицистовъ, что нейтральное государство не можетъ позволить ничего подобнаго въ своей области [1].

[1] Въ этомъ пунктѣ важно дѣло Алабамы, Флориды, Георгіи и Шенандоа и связанный съ этимъ cause célèbre вашингтонскій трактатъ. Три правила VI-й статьи

Digitized by Google

Такой-же отвѣтъ слѣдуетъ и на вопросъ о томъ, имѣютъ ли право воюющія державы чрезъ частныхъ вербовщиковъ набирать себѣ солдатъ въ нейтральныхъ государствахъ? — Однако относительно Швейцаріи нужно замѣтить, что она до 1860 годовъ

этого соглашенія даютъ новое подкрѣпленіе такой нормѣ, которую давно уже отстаивали въ своихъ ученіяхъ писатели по международному праву.—«Отъ конца XVII столѣтія, говоритъ Кальво «Examen des trois règles de droit international proposées dans le traité de Washington», Mémoire présenté à l'institut de droit international. Session de Genève 1874. См. Revue de droit international 1874, № III; PP. 453 etc): отъ конца этого столѣтія, нѣтъ ни одного публициста, который не занимался бы вопросомъ о нейтралитетѣ, и всѣ они согласны между собою въ томъ, что существеннымъ условіемъ нейтралитета должно быть непринятіе участія въ войнѣ; единственныя разногласія въ ихъ мнѣніяхъ касаются лишь большаго или меньшаго объема, который придаютъ они правамъ и обязанностямъ нейтральныхъ... Но, въ концѣ концевъ, они всѣ согласны въ томъ, что нейтралитетъ налагаетъ на государства, сторонящіяся отъ войны, особенныя обязанности, а именно тѣ самыя, которыя заключаются въ трехъ правилахъ вашингтонскаго трактата. По силѣ общепринятыхъ правилъ, обязанности эти сводятся къ тому, чтобы не мѣшаться во враждебныя отношенія воюющихъ, не доставлять оружія, припасовъ, военныхъ принадлежностей и субсидій борющимся сторонамъ; уважать неприкосновенность портовъ и городовъ, составляющихъ стратегическіе пункты, запрещать собственнымъ подданнымъ принимать какое-либо участіе (прямое или косвенное) въ борьбѣ и, наконецъ, препятствовать тому, чтобы въ территоріальныхъ водахъ нейтральныхъ государствъ продавались или даже чтобы туда вводились призы, сдѣланные корсарами воюющихъ». За-тѣмъ слѣдуютъ извлеченія изъ слѣдующихъ писателей, занимавшихся вопросами о нейтралитетѣ: *Клюбера*, Droit des gens moderne de l'Europe, § 284.—*Мартенса (Фридриха-Георга)*, Précis du droit des gens moderne de l'Europe, Liv. VIII, Chap. VII, § 306. — *Fiore*, Nouveau droit international public, pte 2, liv. 3, ch. 3. — *Pando*, Elementos del derecho internacional, § 186. — *Bello*, Principios del derecho de gentes, pte 2, Cap. 7, § 1.— *Cussy*, Phases et causes célèbres etc., liv. 2, ch. 32, § 2. — *Hautefeuille*, Des droits et des devoirs des nationes neutres etc. I, p. 259. — *Heffter*, Das E. V.-R. § 147. — *Bluntschli*, Das M. V.-R., § 763. — *Ortolan*, Règles etc. II, p. 291.— *Kent*, Commentaries. I, p. 124. — *Gessner*, Les droits des neutres sur mer (1865) p. 65. — *Halleck*, XX, § 12. — M. W. E.—*Hall* (англійскій адвокатъ и авторъ недавно изданнаго сочиненія «о правахъ и обязанностяхъ нейтральныхъ»), на стр. 56. Послѣдній авторъ употребляетъ почти тѣ-же выраженія, которыя читаются въ текстѣ 2-го правила VI-й статьи вашингтонскаго трактата: «нейтральное государство не можетъ дозволять, чтобы территорія его обращалась въ театръ враждебныхъ дѣйствій, направленныхъ противъ одного изъ воюющихъ».

Digitized by Google

сплошь и рядомъ давала цѣлые отряды своихъ солдатъ различнымъ государствамъ по договорамъ найма, и, что особенно заслуживаетъ порицанія, у швейцарскихъ юристовъ является стремленіе оправдать это. Такъ, лозаннскій профессоръ Брошѐ говоритъ: «конечно, правительство каждаго государства имѣетъ верховныя права надъ своими подданными; но ни у одного изъ правительствъ нѣтъ возможности услѣдить за всѣми ихъ дѣйствіями; а коль-скоро у правительства нѣтъ возможности безусловно стѣснять свободу личности своихъ подданныхъ, слѣдовательно — можно оправдать вербовку»[1]. Но, вѣдь, это все равно, что одною рукою объявлять себя нейтральнымъ, а другою подавать помощь воюющимъ. Удержался ли бы при дальнѣйшемъ дѣйствіи такой системы вѣчный нейтралитетъ Швейцаріи, провозглашенный на вѣнскомъ конгрессѣ?

Можно ли считать нарушеніемъ нейтралитета прохожденіе или проѣздъ кораблей чрезъ морскую территорію нейтральнаго государства? Нѣтъ, нельзя, и примѣры, подтверждающіе этотъ отрицательный отвѣтъ, опять — у насъ подъ рукою: во время крымской войны, которая, кромѣ Чернаго, захватывала Балтійское и Бѣлое моря, англійскіе и французскіе эскадры проѣхали чрезъ Зундъ, принадлежащій дружественной тогда для Россіи державѣ, и даже сама Россія, больше всѣхъ здѣсь заинтересованная, не сочла это нарушеніемъ нейтралитета.

Законодательства нѣкоторыхъ государствъ признаютъ и международнымъ, и внутреннимъ преступленіемъ всякое уклоненіе отъ обязанностей нейтралитета для каждаго изъ своихъ отдѣльныхъ подданныхъ. Такой смыслъ особаго акта по этому предмету при Георгѣ III въ Англіи. Мы разумѣемъ здѣсь законъ 1819 года, по которому опредѣлялись наказанія: за принятіе на себя

[1] См. также *Bluntschli*, ослабляющій вмѣненіе проступка противъ международнаго права въ томъ случаѣ, если вербовка происходитъ въ пользу обоихъ воюющихъ (Das M. V.-R. 762).

Digitized by Google

комиссіи, за вербованіе, за принятіе на бортъ корабля навербованныхъ людей, наконецъ за снаряженіе и вооруженіе судовъ морскихъ противъ одной изъ дружественныхъ державъ. Въ 1870 году, вышелъ, еще до заключенія вашингтонскаго трактата, новый дополнительный законъ къ акту 1819 года (такъ-называемый Foreign Enlistment Act). Здѣсь объявляется преступнымъ дѣйствіемъ «самая постройка», даже простое обязательство относительно постройки или порученія о постройкѣ корабля для иностраннаго государства въ войнѣ съ дружественною къ Англіи державою. — Въ Америкѣ завербованіе себя на службу и нарушеніе нейтралитета суть преступленія (misdemeanor qualified), противъ которыхъ предоставлена, въ видахъ предупрежденія, особая власть президенту. Во Франціи[1] запрещена вербовка на службу иностраннаго государства безъ разрѣшенія правительства, а также всякія враждебныя дѣйствія противъ иностраннаго дружественнаго государства, — дѣйствія, способныя вызвать войну или репрессаліи. Кодексы австрійскій, баварскій, датскій, голландскій, бельгійскій, итальянскій и другіе содержатъ въ себѣ однородныя постановленія. — Но въ 1861 г. не была остановлена экспедиція судовъ, снаряжавшихся въ англійскихъ портахъ, такъ-что изъ нихъ вышли завѣдомо построенныя суда корсаровъ. Отсюда — знаменитое алабамское дѣло, польза котораго заключалась въ томъ, что по поводу его разъяснены были правила о правахъ и обязанностяхъ нейтральныхъ государствъ.

Нейтральныя государства имѣютъ право и обязанность охранять имущества, принадлежащія воюющимъ и ихъ подданнымъ, если эти имущества находятся на ихъ территоріи. Слѣдовательно, власти нейтральныхъ націй должны возвращать захваченные на ихъ территоріи призы законнымъ хозяевамъ (практика призовыхъ судовъ требуетъ здѣсь рекламаціи ней-

[1] Стт. 84, 85 уголовнаго кодекса, а также 2 ст. кодекса гражданскаго.

Digitized by Google

тральнаго государства, какъ стороны, обиженной дѣйствіемъ капера или корсара воюющей державы). Не разсматривается, какъ нарушеніе нейтралитета, пособіе со стороны нейтральнаго государства въ видѣ доставленія врачей и аптекарей для одной или для обѣихъ воюющихъ сторонъ. Здѣсь даже можетъ быть допущено участіе цѣлой коллегіи медиковъ.

Торговля нейтральныхъ государствъ. Права нейтральнаго флага. Контрабанда. Блокада. Осмотръ кораблей.

§ 38. Торговля между нейтральными государствами никогда не оспаривалась; но война есть такой фактъ, который неизбѣжно вліяетъ на ограниченіе принципа свобо́ды нейтральной торговли. Спрашивается: возможно ли вывести правила, которыя бы точно формулировали права и обязанности относительно торговли между нейтральными государствами во время войны? Ученые и публицисты дѣлятся по этому вопросу на два лагеря: одни относятся благосклонно къ нейтральной торговлѣ; другіе, напротивъ, враждебно, и эти два крайнія направленія отразились въ литературѣ. Изъ ученыхъ и публицистовъ — Гюбнеръ, Галлекъ, Бюшъ, Рейневаль, Готфёль, кромѣ многихъ другихъ, стоятъ на сторонѣ принципа свободы нейтральной торговли; но и на другой сторонѣ выдѣляются громкія имена Бенкерсгука, Лампреди, Дженкинсона, Редди и нѣкот. др. преимущественно англійскихъ публицистовъ. Новѣйшія сочиненія Коши́, 1862 г., Гесснера — 1865 года, конечно, не говорятъ ничего противнаго принципу свободной торговли[1]. Практика до послѣдняго времени повиновалась

[1] *Cauchy*, Le droit maritime international considéré dans ses rapports avec les progrès de la civilisation. 2 tom. 1862.—*Gessner*, Les droits des neutres sur mer, 1865.—Ср. по этому вопросу *Hautefeuille*, Histoire des origines, des progrès et des variations du droit maritime international. 1858.—*Sötbeer*, Sammlung officieller Actenstücke in Bezug auf Schiffart und Handel in Kriegszeiten. Grund-

Digitized by Google

праву сильнаго, интересы же слабыхъ оставались неогражденными. Законодательства различныхъ государствъ диктовались главнымъ образомъ соображеніями политическими, не заботясь о справедливомъ рѣшеніи дѣла, такъ, чтобы могли быть сохранены права и соблюдены выгоды всѣхъ членовъ международнаго союза, безъ отличія слабаго отъ сильнаго. Вотъ почему Геффтеръ, Гольцендорфъ и другіе ученые считаютъ наитруднѣйшимъ дѣломъ установить какія-нибудь общія правила о нейтральной торговлѣ и отказываются совершенно примирить здѣсь теорію съ практикою. «Единственную точку опоры» — замѣчаетъ Геффтеръ — «составляютъ правила взаимности, дѣйствующія между государствами; тамъ только, гдѣ эти правила молчатъ, приходится обращаться къ общимъ началамъ, выставленнымъ теоріею».

Есть нѣсколько системъ въ исторіи международнаго права, опредѣлявшихъ вопросъ о правахъ воюющихъ на непріятельскую собственность въ открытомъ морѣ. А) Извѣстная уже намъ система Consolato del mare строго отдѣляетъ собственность непріятеля отъ нейтральной: непріятельская собственность конфискуется, гдѣ бы она ни была; напротивъ того, признается полная свобода нейтральныхъ имуществъ, хотя бы они и находились на непріятельскихъ корабляхъ[1]. Эту систему защищали Гроцій, Джентилли, Бенкерсгукъ и Ваттель. Во многихъ трактатахъ XV и отчасти XVI стол. замѣтны уже отступленія отъ системы Consolato del mare, такъ-какъ она несомнѣнно вредно дѣйствовала на нейтральную торговлю; послѣдняя не могла счи-

---

zûge des Seevölkerrechts der Gegenwart. 1855. Дополненія по этому труду 1857, 1859.—F. W. *Russel*, The new maritime law. New-York, 1856.—*Heffter*, §§ 151 etc. до 175 включительно. См. у него-же подробную библіографію вопроса въ примѣчаніи къ § 153. — Кромѣ того, см. сочиненія Галлека, Филлимора (III), Твисса (II), Уильдмана (II), Кента (Abdy's Edit. Chapters VIII, IX). — По русски—приводимыя прежде работы гг. Лешкова, Спассовича, Качеповскаго, Мартенса, Ренненкампфа.

[1] Le pavillon ne couvre pas la cargaison et ne la confisque pas.

Digitized by Google

таться свободною, при дозволеніи капёру конфисковать повсюду непріятельское имущество. Далѣе, на основаніи Consolato del mare, если захваченное нейтральное судно откажется везти за фрахтовую плату грузъ свой туда, куда укажетъ ему непріятельскій корсаръ; то послѣдній можетъ даже потопить (couler à fond, couler bas) корабль съ грузомъ, принявъ только мѣры къ спасенію экипажа.—Но какъ ни была груба эта система, исторія выставила другую, еще болѣе жестокую. Въ Consolato del mare не все направлено противъ нейтральныхъ: хозяину корабля уплачиваются корсаромъ фрахтовыя деньги за провозъ до мѣста, указаннаго захватителемъ; нейтральные собственники имѣютъ право выкупить товаръ свой на непріятельскомъ кораблѣ, попавшемъ въ руки корсарамъ. Мы разумѣемъ, какъ болѣе суровую сравнительно съ правилами Consolato del mare, B) такъ называемую французскую систему, которая сложилась окончательно въ ордонансахъ 1543-го, 1584-го, отмѣненныхъ 1650 г., и даже въ 1681 г., когда былъ изданъ знаменитый морской уставъ (Ordonnance de la marine), которымъ такъ сильно восхищался Valin. Система 1681 г. высказала полное смѣшеніе между непріятельскою и нейтральною собственностію. «La robe de l'ennemi confisque celle d'ami». Дозволяется капёрамъ самовластно захватывать извѣстныя вещи — droit de pillage. Конфискуется не только непріятельскій грузъ, но и нейтральное судно, которое перевозило его; то-же дѣлается и съ нейтральнымъ грузомъ на непріятельскомъ кораблѣ. О фрахтовой платѣ нейтральному за провозъ не могло быть и рѣчи. Владѣніе въ продолженіе сутокъ считается достаточнымъ основаніемъ для пріобрѣтенія права собственности на добычу. Ясно, что между такою системою и Consolato del mare существуетъ громадная разница, невыгодная для первой, т. е. французской, системы. Напрасны были старанія самихъ призовыхъ судей смягчить эти безпощадныя правила; французскіе правители сильно стояли за ordonnance de la marine. Они

Digitized by Google

прибавили въ эпоху испанской (за наслѣдство престола) войны къ правилу «la robe de l'ennemi confisque celle d'ami» новое отягченіе, а именно: конфисковали даже такіе товары, кому бы они ни принадлежали, которые только привозились изъ непріятельской земли или обработывались на непріятельскихъ фабрикахъ (marchandises du cru ou de la fabrique de l'ennemi).—

С) Система утрехтскаго трактата, на которую повліяли Голландія и скандинавскія государства, издавна защищавшія свободу нейтральной торговли, держится строгаго отдѣленія непріятельскаго флага отъ нейтральнаго; этотъ принципъ выражается слѣдующимъ афоризмомъ: le pavillon couvre la cargaison et la confisque (Флагъ, если онъ нейтральный, защищаетъ грузъ и въ то-же время, если онъ непріятельскій, конфискуетъ его). Такимъ образомъ товары подъ нейтральнымъ флагомъ свободны; за то товары, хотя-бы и нейтральные, становятся жертвою каперовъ, коль-скоро они находятся подъ флагомъ воюющей державы. Система эта гораздо лучше двухъ первыхъ, такъ-какъ при ней впервые сдѣлалась возможною, хотя ограниченная, свобода нейтральной торговли. Послѣ невыносимыхъ и долголѣтнихъ страданій нейтральной торговли подъ дѣйствіемъ эдиктовъ испанскихъ (1718, 1740), вполнѣ воспроизводившихъ французскую систему Ордоннанса XVI и XVII стол., а также эдиктовъ Швеціи (въ Сѣверную войну), но въ-особенности отъ дѣйствій Англіи съ ея знаменитымъ правиломъ 1756 года[1]. Ее (систему утрехтскаго трактата) принялъ вооруженный нейтралитетъ, во главѣ котораго, какъ уже извѣстно, стояла Россія.— Революціонныя войны и страсти, господствовавшія во время ихъ, отбросили, какъ изложено было это въ исторіи международныхъ отношеній, систему утрехтскаго мира, которая была замѣнена

[1] См. выше, глав. 1-ю, §§ 10, 11.—In extenso, по русски, см. монографіи гг. Лешкова, Спассовича, Каченовскаго и Ф. Мартенса.

Digitized by Google

правилами, далеко превзошедшими ордоннансы 1543-го, 1584 и даже 1681 годовъ. Но въ 1815 году представляются лучшія условія для начала свободы нейтральнаго флага: на очереди сталъ вопросъ о свободѣ нейтральнаго груза. Достиженіе этого важнаго шага въ улучшеніи международныхъ сношеній сдѣлалось возможнымъ во время восточной войны. Къ 1854 году относится ордеръ британскаго правительства, гдѣ Англія отказалась отъ своего вѣковаго безправія, подъ видомъ легальнаго права — захватывать непріятельскіе товары на корабляхъ нейтральныхъ націй. — D) Трактатъ 1856 г. уничтожилъ навсегда каперовъ. Система парижскаго трактата можетъ быть названа такою, которая, сравнительно съ предъидущими, наиболѣе обезпечиваетъ свободу нейтральной торговли и нейтральнаго флага. Кромѣ отмѣны каперства, конгрессъ 1856 г. установилъ слѣдующія начала: a) Нейтральный флагъ прикрываетъ всякій непріятельскій товаръ, за исключеніемъ военной контрабанды; b) нейтральные товары, за исключеніемъ контрабанды, не подлежатъ конфискаціи, даже на непріятельскихъ корабляхъ. — Но отсюда слѣдуетъ, что право военной добычи принадлежитъ корсарамъ по отношенію къ непріятельскимъ судамъ съ непріятельскимъ товаромъ, хотя-бы эти суда принадлежали частнымъ лицамъ. Вотъ почему с.-американское правительство имѣло полное основаніе считать отмѣну каперства полумѣрою и предложило идти далѣе — уничтожить вообще право военной добычи на морѣ, объявивъ полную свободу частной собственности. Но европейскія правительства, вѣроятно, подъ вліяніемъ Англіи, не согласились на это, и с.-американское правительство, въ-видѣ retorsio juris, отказалось подчиниться постановленію парижскаго конгресса. Такой-же отказъ послѣдовалъ и со стороны Испаніи и Мексики. Значеніе этого отказа и положеніе связаннаго съ нимъ вопроса о полномъ освобожденіи частной собственности въ морской войнѣ указаны выше.

Digitized by Google

Кромѣ всего, что сказано о системахъ, которыя ограничивали свободу нейтральной торговли, до измѣненій 1854 и 1856 гг., исторія представляетъ много такого, что справедливо вызываетъ осужденіе науки и теоріи. Сюда принадлежитъ, во 1-хъ, практика воюющихъ государствъ — запрещать нейтральную торговлю по всей своей береговой линіи. Конечно, намъ могутъ сказать, что это запрещеніе никогда не было возведено въ общій принципъ; но однако до сихъ поръ нѣтъ ни одного правила, которое бы прямо и формально запретило такой образъ дѣйствій; и если откроется борьба между существующими теперь въ Европѣ государствами, то кто-же можетъ поручиться, что Франція, Англія или какая-нибудь другая держава не запретитъ нейтральнымъ торговли по своимъ берегамъ? 2) За-тѣмъ, нѣтъ до сихъ поръ опредѣленныхъ правилъ, которыя бы запрещали всѣ стѣснительныя мѣры касательно торговли съ колоніями. И опять-таки никто не поручится, что, въ случаѣ войны, тѣ или другія государства не запретятъ этой торговли, хотя мы и можемъ надѣяться, что цивилизованныя націи не захотятъ унизить себя подобными дѣйствіями передъ общественнымъ мнѣніемъ Европы. Наконецъ, сознаніе собственной выгоды, если не требованія здраваго смысла и справедливости, не позволитъ имъ поступать подобнымъ образомъ. Но все это — одни предположенія и пожеланія. 3) Далѣе, исторія представляетъ такъ-называемое jus præemtionis — право перекупки для корсаровъ на все, что найдено ими на палубѣ корабля, возлѣ контрабанды, не исключая нейтральнаго груза. Наконецъ, 4) въ современную практику даже перешло jus angariæ, — право вынуждать нейтральныя суда къ повинности транспортированія солдатъ, припасовъ и военныхъ снарядовъ воюющихъ государствъ.

Разсмотримъ теперь вопросъ о контрабандѣ. Подъ актомъ контрабанды (военной) разумѣется нарушеніе нейтральнымъ своихъ обязанностей въ формѣ доставленія борющимся сторонамъ воен-

Digitized by Google

ныхъ снарядовъ и вообще такихъ вещей, которыя прямо и непосредственно служатъ цѣлямъ войны. Но не смотря на то, что общее опредѣленіе контрабанды довольно вѣрно,—не смотря на то, что предметомъ контрабанды служатъ лишь такія вещи, которыя именно нужны для цѣлей войны, все-таки опредѣленіе это составляетъ предметъ горячихъ споровъ между воюющими и нейтральными государствами. Со времени Г. Гроція установлены слѣдующія категоріи вещей, составляющихъ предметъ контрабанды: 1) вообще не могутъ считаться контрабандою бумаги, книги, предметы роскоши и т. п.; но предметъ контрабанды составляютъ: 2) вещи, безусловно имѣющія прямое отношеніе къ войнѣ, напр. оружіе, порохъ, военные снаряды и военные корабли, и 3) вещи, называемыя Гроціемъ и многими другими публицистами res ancipitis usus, т. е. вещи двойственнаго характера, которыя могутъ служить, смотря по обстоятельствамъ, мирнымъ интересамъ или же цѣлямъ войны (напр. сѣра, машины и т. п.)[1].—Относительно первой категоріи вещей, не имѣющихъ никакого отношенія къ войнѣ, не можетъ быть сомнѣнія о томъ, что ихъ нельзя считать контрабандою. Совсѣмъ противоположное надо сказать о вещахъ, которыя, по самой формѣ своей, наглядно, имѣютъ отношеніе къ войнѣ, напр. оружіе, военные снаряды и т. п. Всѣ эти вещи считаются контрабандою, хотя бы онѣ везлись и на нейтральныхъ корабляхъ. Относительно же такъ-называемыхъ res ancipitis usus существуетъ масса сомнѣній и вопросовъ, которые еще не разрѣшены надлежащимъ образомъ. Спрашивается: какъ-же быть съ сырыми произведеніями, напр. съ мукой, хлѣбомъ? Вѣдь, подвозъ громаднаго количества хлѣба одному изъ воюющихъ государствъ можетъ измѣнить самый ходъ войны. Далѣе, что дѣлать, напр., съ корабельнымъ лѣсомъ? Его можно обратить на мирныя постройки, но

[1] *Grot.*, De J. B. ac P. III, I. § 5, 2.

Digitized by Google

изъ него также можно построить и военные корабли, мониторы и т. п. Подвозъ золота, серебра и другихъ металловъ равнымъ образомъ можетъ вліять на войну. Всѣ эти res ancipitis usus, дѣйствительно, заставляютъ серьезно задумываться. Воюющія и морскія государства, раздражаемыя войною и увлекаемыя корыстными разсчетами, относятъ всѣ эти предметы безусловно къ категоріи контрабандныхъ; но международное право говоритъ: развѣ возможно современной цивилизаціи сбойдтись безъ желѣза, машинъ, каменнаго угля, благородныхъ металловъ и проч.? И что же станется съ торговлею тѣхъ государствъ, которыя производятъ и вывозятъ только res ancipitis usus, т. е. сырые продукты?

Вотъ почему публицисты говорятъ, что единственный выходъ изъ тѣхъ трудностей, которыя представляетъ отвѣтъ на такіе вопросы, есть точное и положительное разрѣшеніе его въ трактатахъ на основаніи твердыхъ началъ, выработанныхъ правосознаніемъ націй и формулированныхъ уже съ достаточною ясностію наукой. Злоупотребленія могущественныхъ морскихъ державъ въ теченіе цѣлаго ряда вѣковъ, при безчисленныхъ противорѣчіяхъ и путаницѣ въ трактатахъ по вопросу о контрабандѣ, наконецъ опредѣлившееся международное положеніе нейтральныхъ даютъ теперь возможность держаться, въ практикѣ соглашеній между націями, возможнаго ограниченія военной контрабанды. Коренное понятіе послѣдней заключаетъ въ себѣ представленіе о вещахъ запретныхъ именно на томъ основаніи, что вещи эти пособляютъ *непосредственно* цѣлямъ воюющихъ. Ясно, что, правильно развивая идею основнаго понятія, не приходится переходить въ частныхъ случаяхъ за предѣлы его. Вотъ почему вѣрнѣе всего держаться взгляда и метода, проведенныхъ еще Бенкерсгукомъ, т. е. разъясняя въ данномъ случаѣ международное право «разумомъ и обычаемъ», стремиться къ установленію того простаго, но яснаго и логически-вѣрнаго, взгляда, что свойство контрабанды можетъ и должно быть присвоено только вещамъ военнымъ, или же та-

Digitized by Google

кимъ, которыя по «существу своему непосредственно годны для войны». Нѣтъ надобности заботиться о томъ, что извѣстныя военныя вещи могутъ служить и не для военныхъ цѣлей, или на-оборотъ. «Мечъ носимъ мы для украшенія, мечомъ же наказываемъ преступниковъ». (Enses gestamus ornamenti causa, gladiis animadvertimus in facinorosos,—говоритъ Бенкерсгукъ) [1]. Иначе въ практикѣ, подъ предлогомъ политической или торговой необходимости, появится произвольное запесеніе вещей въ разрядъ контрабанды и такой произволъ, гдѣ *сторона* будетъ въ то-же время и *судьею* въ своемъ собственномъ дѣлѣ; введутся въ международное право такія запрещенія, при которыхъ будетъ невозможна какая-либо торговля [2]. — Напротивъ, чѣмъ точнѣе и проще опредѣленіе контрабанды, тѣмъ яснѣе будетъ для каждаго и тѣмъ тверже установится юридическое основаніе ея, покоющееся на коренномъ принципѣ нейтралитета, т. е. на полномъ безпристрастіи нейтральныхъ, на безусловномъ неучастіи ихъ въ войнѣ, откуда, при нарушеніи этихъ обязанностей, яв-

---

[1] Q. J. P. Lib. I. Cap. X. P. 210, 211, 212. «Jus gentium commune in hanc rem non aliunde licet discere, quam ex ratione et usu... Excute pacta gentium, quae diximus, excute et alia quae alibi extant, et reperies, *omnia illa appellari contrabanda, quae uti hostibus suggeruntur, bellis gerendis inserviunt, sive instrumenta bellica sint, sive materia per se bello apta*». Расширеніе такого понятія отечественнымъ своимъ законодательствомъ (эдиктомъ 1667) Бенкерсгукъ объясняетъ «особенными причинами» (singularem rationem habet) и цѣлями реторсіи. Но, сдержанный относительно законовъ «генеральныхъ штатовъ» голландской республики, Бенкерсгукъ безпощадно и весьма остроумно караетъ меркантильныя и политическія страсти другихъ націй, бывшихъ главными бичами для интересовъ торговли и мореплаванія нейтральныхъ: «De Tabacco magnis animis inter Hispanos et Anglos quaesitum esse refert Zouchaeus.... et ab Hispanis judicatum inter res vetitas esse, adeo propterea indignantibus Anglis, ut etiam contra Hispanos repressalias concesserint, sed an ea controversia de tabaco tandem in fumum abierit, nescio».

[2] «Si omnem materiam prohibeas, ex qua quid bello aptari possit, ingens esset catalogus rerum prohibitarum, quia nulla fere materia est, ex qua non saltem aliquid, bello aptum, facile fabricamus. Hac interdicta, tantum non omni commercio interdicimus, quod valde esset inutile» etc. (U. S. P. 212).

Digitized by Google

ляется у воюющаго, убѣдившагося въ нарушеніи правильнымъ разборомъ дѣла на судѣ, право конфисковать то, что̀ провезено противъ запрещенія (contra bannum, отсюда — contrabanda)[1].

Въ самомъ дѣлѣ, — опредѣленіе того, что̀ такое контрабанда, чрезвычайно трудно, даже невозможно, если разсматривать, какъ военную контрабанду, res ancipitis usus по причинѣ *случайнаго* приспособленія ихъ къ военнымъ цѣлямъ, или потому, что искусство и трудъ человѣка могутъ со-временемъ передѣлать ихъ въ вещи, служащія для цѣлей войны. И тѣмъ воюющимъ державамъ, которыя, увлекаясь своими интересами во время войнъ, издаютъ безмѣрно строгія правила о контрабандѣ, не мѣшаетъ подумать, что эти правила представляютъ собою орудіе обоюдоострое въ томъ случаѣ, когда сами онѣ должны будутъ стать въ положеніе нейтральныхъ при возникновеніи войны между двумя сильными и дружественными къ нимъ государствами. — Отъ такого метода, дѣлать классификацію по случайнымъ соображеніямъ, до сихъ поръ нѣтъ удовлетворительной формулы для опредѣленія военной котрабанды; и тщетны были всѣ попытки публицистовъ устранить, придерживаясь Гроціевскаго взгляда на контрабанду, путаницу и неопредѣленность вопроса: они лишь усложняли затрудненія, отъ которыхъ страдали международныя отношенія. — Вообще, вопросъ о контрабандѣ есть, какъ говорятъ, вопросъ открытый. Такъ, въ трактатахъ XVIII и XIX стол. контрабандою считаются военные снаряды и лошади. Прусскій законъ относитъ къ контрабандѣ всякихъ вообще лошадей, но американскіе законы и практика причисляютъ къ контрабандѣ только лошадей кавалерійскихъ; послѣднее, конечно, болѣе благопріятно для торговли. Однако-же большинство государствъ держится прусской системы.

---

[1] Ср. *Heffter*, § 158, ссылка на *Carpentier* «Glossarium novum» I, col. 1123. *Twiss*, II, § 121, — Самое раннее употребленіе этого термина относится къ половинѣ XV вѣка. У Гроція онъ не встрѣчается, хотя говорится о сущности вещей — предмета контрабанды.

Digitized by Google

Нѣкоторые англійскіе трактаты XIX стол. относятъ къ контрабандѣ сырые матеріалы — res ancipitis usus, — на томъ основаніи, что легко обратить ихъ въ продукты, служащіе для цѣлей войны, а также — деньги. Но вопросъ о томъ, — есть ли эти вещи контрабанда, — опредѣляется назначеніемъ того или другого груза: если послѣдній будетъ направленъ къ порту дружественной державы, то это не контрабанда; если же грузъ назначается въ одинъ изъ портовъ воюющихъ государствъ; то онъ считается контрабандою и подлежитъ всѣмъ послѣдствіямъ такого признанія[1]. Нужно впрочемъ замѣтить, что, при всѣхъ противорѣчіяхъ въ трактатахъ, большинство послѣднихъ слѣдуетъ смыслу статей 19 и 20-й утрехтскаго трактата, гдѣ начало это было провозглашено Франціею. То-же правило найдемъ мы въ декларации вооруженнаго нейтралитета, въ трактатѣ іюня 1801 года между Россіею и Англіею, и далѣе, во многихъ трактатахъ, заключенныхъ послѣ 1815 года между европейскими и американскими державами[2]. — Декларации англійскихъ и французскихъ правительствъ 1854 г. упоминаютъ о контрабандѣ, но не опредѣляютъ съ точностію, въ чемъ она заключается. Недостатокъ этотъ восполненъ британскимъ Order of Council 1854 г. (18 февр.), и любопытно, что здѣсь Англія, ставши въ положеніе нейтральной державы, отступила отъ своего вѣковаго правила расширять списокъ контрабандныхъ вещей (объявлены контра-

---

[1] Кентъ (Commentaries, 1866, P. 358) такъ оправдываетъ это правило англійской доктрины о контрабандѣ: «As it is impossible to ascertain the final use of an *article ancipitis usus*, it *is not* an injurious rule which deduces the final use from the immediate destination» etc.

[2] См. *Heffter*, § 160. *Hallek*, Ch. XXIV. §§ 1—28 — *Kent*, Commentaries. Abdy's edit. PP. 353, 363. — Особенно хорошо разработана исторія контрабанды у Твисса, отъ 1628 года (соутгемтонскій трактатъ) до 1785 и 1799 годовъ, когда заключенъ былъ договоръ съверо-американскими штатами и Пруссіею, отмѣнившій конфискацію контрабандныхъ вещей и дозволившій лишь задержку корабля съ контрабандою; по-русски — *Мартенсъ*, стр. 391.

Digitized by Google

бандой: оружіе, аммуниція, порохъ, военные и морскіе снаряды, пароходныя машины, колеса, цилиндры, котлы и вообще всѣ выдѣланные желѣзные продукты, годные для морскихъ вооруженій). О каменномъ углѣ ничего не постановлено; но въ прокламаціи 1859 г. матерьялъ этотъ признанъ вещью «ancipitis usus»[1]. Парижскій трактатъ обошелъ молчаніемъ вопросъ объ опредѣленіи контрабанды. Но практика послѣднихъ войнъ рѣшительно склонилась къ правилу объ ограниченіи контрабанды предметами, которые непосредственно пригодны для военныхъ цѣлей на сушѣ и на морѣ. Къ контрабандѣ относятся еще — транспортированіе матросовъ и солдатъ, перевозка (буксировка) снаряженныхъ для воюющихъ государствъ кораблей, перевозка депешъ и т. п. — Какія же послѣдствія контрабанды? Послѣдствіемъ контрабанды служитъ déclaration de bonne prise — объявленіе ея законнымъ призомъ (т. е. конфискація ея). Но теперь не можетъ быть уже и рѣчи о конфискаціи кораблей или судовъ, везущихъ контрабанду, какъ не можетъ быть и рѣчи объ личной отвѣтственности капитановъ судовъ: капитанъ судна сдаетъ только корсару всѣ контрабандныя вещи, теряетъ, конечно, свой фрахтъ, теряетъ право на полученіе издержекъ за перевозку, и — болѣе ничего. Jus præemptionis можетъ быть еще и въ настоящее время, напр. по англо-американской практикѣ, хотя наука безусловно осуждаетъ это право вынужденной, предпочтительной купли.

Что касается до блокады, — этого третьяго и весьма серьезнаго ограниченія нейтральной торговли, то ее можно опредѣлить такъ: блокада есть осада или занятіе кораблями входа въ гавань, рѣку или въ извѣстный портъ; а также обложеніе крѣпостей и береговъ непріятеля; цѣль ея, какъ и всякой осады, прервать сообщеніе блокируемыхъ мѣстъ съ нейтральными для вынужденія къ миру, или къ сдачѣ; послѣдствія блокады заключаются въ томъ, что съ нарушившимъ ее обращаются какъ

[1] Ср. *Кентъ*, О. С. стр. 360.

Digitized by Google

съ законнымъ врагомъ; кромѣ того могутъ быть допущены и репрессаліи. Но, конечно, наукѣ нельзя ограничиваться однимъ этимъ опредѣленіемъ. Наука не признаетъ всякую блокаду мѣрою раціональною, такъ-какъ она наноситъ существенный ударъ торговлѣ, и международное право имѣетъ полное основаніе задаваться вопросомъ о томъ, — возможно ли, при обезпеченіи законныхъ правъ воюющаго, сколько-нибудь ограничить вредное дѣйствіе блокады для неменѣе законныхъ интересовъ и правъ морской торговли, и нельзя ли оградить послѣднюю? Средствомъ для этого служитъ опредѣленіе времени, съ котораго начинается, и способа, которымъ производится блокада. Блокада начинается со времени дипломатическаго объявленія объ ней (notification de blocus), но лишь тогда, когда она еще объявлена въ-частности и притомъ есть дѣйствительная блокада (blocus effectif), а не мнимая, на бумагѣ (blocus sur papier), какъ остроумно называютъ этотъ способъ блокады портовъ. Такой взглядъ на блокаду долго не входилъ въ практику, благодаря эгоистическимъ стремленіямъ сильныхъ морскихъ державъ; впервые его выставилъ актъ 1780 г. (вооруженный нейтралитетъ). За-тѣмъ онъ былъ повторенъ въ актѣ 1800 г., въ актѣ 1854 г. и затѣмъ окончательно онъ былъ установленъ на конгрессѣ 1856 г. Одна изъ статей парижской декларації 16 апрѣля говоритъ: «та только блокада считается дѣйствительною, которая установлена фактически и поддерживается силою; простое же объявленіе блокады не считается препятствіемъ для движенія торговыхъ судовъ». Слѣдовательно, нельзя имъ входить только въ такой портъ, который дѣйствительно запертъ. — Если спросить: нужно ли опредѣленное число кораблей для дѣйствительной блокады, то отвѣтъ на это долженъ зависѣть отъ размѣра блокируемой гавани, отъ очертанія ея береговъ, и, слѣдовательно, это есть вопросъ факта. Но были трактаты, которые полагали необходимымъ для дѣйствительной блокады наличность или двухъ,

Digitized by Google

или шести кораблей. — Блокада прекращается только отступленіемъ или бѣгствомъ блокирующаго флота, и если блокирующія суда отойдутъ отъ порта лишь на короткое время, то блокада все-таки продолжаетъ существовать, а прорвавшіе ее подлежатъ всѣмъ послѣдствіямъ нарушенія. Но нарушителемъ блокады считается только тотъ, относительно котораго можно доказать, что онъ зналъ о блокадѣ изъ дипломатической и частной нотификаціи, и притомъ это лицо должно быть поймано in flagrante delicto, а одного подозрѣнія, хотя-бы и сильнаго, не достаточно для обвиненія въ нарушеніи блокады. Вообще международное право старается какъ можно больше ограничить злоупотребленія правомъ блокады и подчинить его гуманнымъ правиламъ; такъ, оно позволяетъ выходъ нейтральнымъ судамъ изъ блокируемой бухты, причемъ только нужно, чтобы былъ осмотрѣнъ ихъ балластъ или грузъ (droit de visite).

Такою представляется блокада въ практическомъ приложеніи своемъ къ отдѣльнымъ случаямъ международной жизни. Мы очертили положительный фактъ, дѣйствующій институтъ. Но позволительно спросить: въ чемъ заключается юридическое основаніе, а также — каковы правовые элементы международнаго института блокады? — Опирается ли блокада на пріобрѣтеніе блокируемой мѣстности завоевателемъ, причемъ блокирующій осуществляетъ территоріальное господство надъ моремъ, гдѣ стоятъ блокирующіе корабли? Или же нѣтъ здѣсь ничего, кромѣ военной необходимости? — Вопросы эти, очень важные для настоящаго предмета, были уже подняты и монографически разсмотрѣны въ русской литературѣ по международному праву[1]. Поэтому мы выскажемъ здѣсь, при сжатомъ

---

[1] Ср. монографія г. *Мартенса* «О правѣ частной собственности» стр. 426, 427 и слѣд., гдѣ приводятся и разбираются доводы главнѣйшихъ представителей двухъ различныхъ мнѣній, а именно: а) защитниковъ теоріи завоеванія и осуществленія территоріальной верховности—*Гюбнера, Готфёля, Массэ, Ортолана, Клюбера, и Видари;* б) защитниковъ теоріи необходимости—отъ *Г. Гро-*

Digitized by Google

и общемъ изложеніи, лишь слѣдующее: нельзя принять теоріи пріобрѣтенія территоріальнаго господства блокирующимъ надъ занятою имъ частію моря. Замѣчаніе Блунчли (§ 827, примѣч. 1), что «свободное» море не подлежитъ ничьему пріобрѣтенію, представляетъ собою очень вѣскій доводъ: если свобода моря есть общепринятый принципъ въ международномъ правѣ (а это такъ), то непонятно, какъ можно пріобрѣтать верховныя права въ какой-либо части моря за предѣлами береговой линіи, на разстояніи пушечнаго выстрѣла? Или море никому не можетъ принадлежать на правахъ верховнаго обладанія — и тогда только море свободно; или море «пріобрѣтается» съ правами юрисдикціи и проч. на разстояніе пушечнаго выстрѣла отъ борта перваго корабля подъ флагомъ какой-либо націи; но тогда нѣтъ принципа свободы моря, а является, напротивъ, нѣчто въ родѣ совмѣстнаго обладанія, крайне-неопредѣленнаго, всѣхъ націй надъ океаномъ. Въ такомъ случаѣ, блокирующій корабль имѣетъ не болѣе правъ, какъ и нейтральный корабль: и послѣдній, значитъ, можетъ претендовать на верховное обладаніе и на юрисдикцію, на разстояніе пушечнаго выстрѣла отъ своего борта, въ любомъ мѣстѣ «свободнаго» моря, хотя бы и по направленію къ блокируемому берегу, порту и т. д. На пушечный выстрѣлъ, нейтральный можетъ отвѣтить пушечнымъ выстрѣломъ, и правымъ окажется тотъ, кто одолѣетъ. При столкновеніи сильной нейтральной флоттиліи съ блокирующими, но менѣе сильными, кораблями, блокада можетъ быть прорвана, — и нѣтъ противъ такого дѣйствія легальныхъ возраженій: нынче jus summum, крайнее право одного (воюющаго), уничтожено такимъ же правомъ другой стороны (нейтральнаго государства): завтра можетъ быть иначе, и т. д.

ція, Бенкерсгука и Ваттеля до Лукези Палли, Коши, Гёсснера, Блунчли и Бишофа (послѣдній въ своемъ Internationales Seerecht, § 38).

Digitized by Google

И такъ, вмѣсто международныхъ, опредѣленныхъ нормами обычая, отношеній воюющаго къ нейтральному, мы увидѣли бы какую-то анархію: нѣтъ ни блокады, ни правъ воюющихъ, ни обязанностей нейтральныхъ; есть только право верховнаго обладанія, на разстояніе пушечнаго выстрѣла, съ бортовъ кораблей различныхъ націй. Прибавимъ, что съ берега продолжаетъ владычествовать, также на разстояніе пушечнаго выстрѣла, государство, выносящее блокаду, — и хаосъ отъ теоріи верховенства съ борта кораблей достигаетъ крайнихъ предѣловъ. Иногда воюющія государства будутъ запрещать безусловно всякую торговлю нейтральнымъ націямъ; иногда коалиція нейтральныхъ, занявъ своими флотами береговую линію, разгромитъ блокаду и открыто начнетъ провозить контрабанду. — Значитъ, нужно искать другихъ юридическихъ основаній для правъ блокирующаго и для подчиненія имъ нейтральнаго. Но гдѣ-же? Говорятъ о военной необходимости. Но справедливо возраженіе, что *необходимость и право — понятія* вполнѣ различныя. Въ одной видится слѣпое, матеріальное и неодолимое принужденіе; въ другомъ — нравственная сила, опредѣляющая сферу дѣйствія *одного* въ интересахъ *всѣхъ и каждаго*. Если власть воюющаго цѣликомъ основана на необходимости, то напрасно говорить о правахъ нейтральныхъ. Гдѣ предѣлъ для дѣйствія того, что мы назвали слѣпою, матеріальною и неодолимою силою?

И такъ, нельзя говорить ни о пріобрѣтеніи части свободнаго моря и господства надъ нимъ, ни о военной необходимости какъ о юридическихъ основаніяхъ блокады. Война есть фактъ вызывающій блокаду для извѣстныхъ цѣлей, признанныхъ за нѣчто законное въ международномъ союзѣ лишь въ такомъ случаѣ, когда этотъ фактъ осуществляется не нарушая ничьего права, не уничтожая никакого обще-признаннаго принципа ни въ обществѣ, ни въ государствѣ, ни въ международномъ союзѣ. Для блокады нѣтъ надобности пріобрѣтать въ собственность вещь, безусловно свободную

Digitized by Google

отъ такой абсолютной власти: достаточно *занять ее на-время, для извѣстной цѣли*, какъ занимаетъ частное лицо извѣстное пространство рѣки государственной для рыбной ловли, какъ пользовался, по римскому праву, каждый гражданинъ священною дорогою для проѣзда и прохода и т. п.— Кто *пдетъ* на лодкѣ и останавливается въ извѣстномъ мѣстѣ для ловли *рыбы*, тотъ, очевидно, *не пріобрѣтаетъ* ни единой доли рѣки въ свое господство; но онъ имѣетъ право на принужденіе противъ того, кто помѣшалъ бы производить законный трудъ — рыболовство на рѣкѣ, составляющей, всегда и для всѣхъ, общее государственное достояніе, — rem publicam. — Значитъ, юридическимъ основаніемъ блокады является *временное занятіе*, на правахъ срочнаго и условнаго военнаго владѣнія, при которомъ не можетъ быть намѣренія считать вещь своею.

Право осмотра подало поводъ, благодаря иниціативѣ Гюбнера, къ долгимъ спорамъ между учеными. Не трудно увидѣть, что осмотръ имѣетъ большое практическое значеніе для свободы нейтральной торговли, и что безъ осмотра немыслимо соблюденіе международныхъ законовъ о контрабандѣ. Отсюда раннее появленіе опредѣленій касательно осмотра въ памятникахъ морскаго права и въ трактатахъ отъ XVII ст. до нашего времени. Близость, по существу дѣла, между осмотромъ и вопросами свободы флага и груза объясняетъ, почему объ осмотрѣ помѣщены статьи въ трактатѣ пиренейскомъ и утрехтскомъ. Ясно, что, по общему правилу, осмотръ есть право воюющихъ относительно нейтральныхъ; слѣдовательно, и право осмотра разсматривается наукою главнымъ образомъ въ военное время. — Юридическое основаніе права осмотра заключается въ принципѣ, возведенномъ до степени международнаго закона, что «нельзя допустить вѣроломнаго нарушенія обязанностей безпристрастности и не-участія въ войнѣ, прикрывая нейтральнымъ флагомъ дѣйствія, враждебныя по своему существу». Но если обязанности всѣхъ нейтральныхъ равны

Digitized by Google

и тождественны, то и права воюющихъ, коррелативомъ которыхъ (правъ) служатъ названныя обязанности, должны быть тождественны и однородны. Отсюда положеніе относительно права осмотра для воюющаго не нуждается для своего осуществленія въ особомъ полномочіи отъ государей нейтральныхъ кораблей, подлежащихъ осмотру: право это есть общепризнанная въ международномъ союзѣ власть или возможность дѣйствовать (facultas faciendi), подлежащая опредѣленію и ограниченію только въ способѣ своего осуществленія. — За-то въ мирное время право осмотра можетъ быть допущено лишь по опредѣленнымъ договорамъ; такъ, въ конвенціяхъ между Франціею, Англіею и Соединенными штатами по вопросу о торговлѣ неграми было выговорено это droit de visite.

Такъ-какъ право осмотра кораблей имѣетъ весьма серьезныя послѣдствія, благодаря которымъ свобода навигаціи можетъ получить довольно чувствительные удары; то международное право старается подчинить его извѣстнымъ правиламъ и говоритъ, что осмотру должны подлежать корабли или въ открытомъ океанѣ, или въ территоріальныхъ моряхъ воюющихъ державъ; въ нейтральныхъ же моряхъ осмотръ кораблей безусловно запрещается. Далѣе, осмотру подлежатъ только частныя суда, военные же корабли изъяты отъ него; наконецъ, международное право разрѣшаетъ производство осмотра только извѣстнымъ лицамъ, начальникамъ военныхъ кораблей и флотовъ — капитанамъ, адмираламъ; но никакъ не каперамъ. Цѣль осмотра заключается въ томъ, чтобы убѣдиться — нѣтъ ли въ данномъ случаѣ чего-нибудь такого, что относится или къ контрабандѣ, или къ нарушенію блокады, — т. е. не старается ли извѣстное судно совершить непріязненное дѣйствіе подъ прикрытіемъ нейтральнаго флага. При осмотрахъ судовъ руководствуются обыкновенно корабельными бумагами, т. е. корабельною крѣпостью (документъ о томъ, гдѣ выстроенъ и кому принадлежитъ корабль), цертификаціею

Digitized by Google

(certification de navire — документъ о національности корабля); коносаментомъ (документъ о принадлежности груза и о мѣстѣ назначенія его) и журналомъ путешествія. Журналъ путешествія имѣетъ особенно важное значеніе въ дѣлѣ осмотра: опытный морякъ сейчасъ-же можетъ судить обо всемъ, касающемся корабля, по его журналу. — Осмотръ судовъ не дѣлается теперь такъ, какъ прежде: въ доброе старое время онъ равнялся насилію; теперь же обыкновенно дается сигналъ кораблю, который нужно осмотрѣть, чтобы онъ остановился, и посылается шлюпка съ нѣсколькими людьми для самаго осмотра. Злоупотребленія правомъ осмотра (а именно обыскъ), которыя позволяли себѣ Англія и Франція, вызвали очень рано практику морскаго конвоя; голландцы первые стали употреблять это средство для огражденія своихъ торговыхъ судовъ, посылая съ своими торговыми флотиліями «эскортъ» изъ вооруженныхъ кораблей. Это право конвоированія, опредѣленное трактатомъ 1780 г., не отмѣнено еще до сихъ поръ[1].

Мирные трактаты. — Jus postliminii.

§ 39. Выше и неоднократно высказывалось положеніе, что войну слѣдуетъ разсматривать какъ ненормальное и переходящее отношеніе, которое должно прекратиться, коль-скоро устраняются причины, породившія борьбу, и достигается цѣль ея, т. е. опредѣленіе и установленіе какого-либо вопроса публичнаго права между государствами. Еще Гроцій и Ваттель проводили такія идеи, что государства даже обязаны принимать миръ, достаточно обезпечивающій законные ихъ интересы послѣ войны. И писатели — сторонники вмѣшательства — считаютъ самымъ сильнымъ и разумнымъ поводомъ къ интервенціи тѣ случаи, когда, по выра-

[1] См. *Kent*, L. C. Ch. IX, pp. 389—398.—*Bluntschli*, NN 819, 820 etc. *Halleck*, XXV, §§ 1—30. *Heffter*, § 167.—*Ortolan*, Diplomatie de la mer, 2, Ch. 7. *Phillimore*, III, §§ 322—344 (изд. 1857) и многія другія сочиненія о нейтралитетѣ; по-русски, см. указанныя работы: Проф. Каченовскаго, Мартенса и другихъ.

Digitized by Google

женію Галлека, «война, хотя-бы и справедливо начатая, беззаконно переходитъ за предположенные и надлежащіе предѣлы»[1]. Способы окончанія войны и возстановленія мира слѣдующіе: 1) безусловное подчиненіе одного воюющаго другому; 2) общее фактическое (de facto) прекращеніе военныхъ дѣйствій и возстановленіе прежнихъ отношеній, существовавшихъ до войны; 3) формальное заключеніе мирнаго трактата. — Что касается перваго способа, то Геффтеръ справедливо указываетъ на массу историческихъ примѣровъ, когда войны приводили націи и государства къ полной потерѣ ихъ самостоятельности и сліянію съ побѣдителями. Подчиненіе можетъ быть условное и безусловное. Обязательно, по требованію науки международнаго права, самое гуманное толкованіе хотя-бы и безусловнаго подчиненія одного государства другому. Пріобрѣтая верховную власть надъ покоренною страною, побѣдитель не можетъ, по законамъ современной войны, безусловно распоряжаться личными и имущественными правами отдѣльныхъ гражданъ. Вся суть дѣла большею частію заключается въ присоединеніи завоеванной территоріи, хотя, конечно, отъ внутреннихъ законовъ страны, гдѣ господствуетъ завоеватель, зависитъ вопросъ о какомъ-либо иномъ способѣ распоряженія пріобрѣтенною землею; по-крайней-мѣрѣ, исторія представляетъ не мало примѣровъ, что государи распоряжались завоеванными территоріями или по личному усмотрѣнію, или же въ интересахъ членовъ собственной фамиліи. — Второй способъ — фактическое прекращеніе войны безъ формальнаго трактата и eo ipso возстановленіе прежнихъ отношеній — имѣетъ примѣръ съ 1716 года, когда окончилась такимъ образомъ война Швеціи съ Польшею. Status quo ante bellum возстановляется, въ подобныхъ случаяхъ, подразумѣваемо (tacite). Но взаимное

[1] XXXIV. § 1.... When a war, though lawfully begun, is unlawfully continued beyond the just objects of its inception.

Digitized by Google

соглашеніе часто бываетъ необходимо для устраненія возможныхъ недоразумѣній.—Третій способъ—формальное заключеніе мира—должно быть разсмотрѣно нами подробнѣе.

Мирные трактаты суть торжественные договоры или соглашенія, въ которыхъ стороны, объявляя войну оконченною, удерживаютъ взаимную независимость. Но, справедливо замѣчаютъ публицисты, въ послѣдней чертѣ представляется существенное различіе мирнаго трактата отъ безусловнаго или условнаго подчиненія (deditio). Къ мирнымъ трактатамъ примѣнимы общія правила касательно международныхъ соглашеній, но есть и особенныя. I) Власть объявлять войну не всегда влечетъ за собою неограниченное право заключать мирные трактаты, хотя то и другое близко связано между собою. Иначе рѣшается вопросъ о заключеніи мирныхъ трактатовъ въ республиканскомъ или конституціонномъ государствѣ, чѣмъ въ неограниченной монархіи[1]. II) Но никакая власть въ государствѣ не возводила до сихъ поръ въ общее правило—обязанность вознаграждать частныя лица за послѣдствія войны, не исключая потерь и убытковъ отъ раздробленія территоріи. III) Публицисты ставятъ такое положеніе, что право заключать мирный трактатъ органически связано съ правомъ опредѣлять условія мира, хотя-бы между послѣдними была уступка извѣстной части территоріи. «Не подлежитъ сомнѣнію, говоритъ Кентъ, что власть, компетентная для заключенія международнаго соглашенія, можетъ отчуждать государственную собственность по договору». Частности и ограниченія опредѣляются внутренними конституціонными законами различныхъ государствъ. IV) Не смотря на желаніе нѣкоторыхъ громко-извѣстныхъ публицистовъ, весьма трудно провести на практикѣ такое общее правило, что «главная сторона, именемъ которой ведена была война, не можетъ, по справедливости, заключать миръ безъ своихъ союзни-

[1] См. выше—общія положенія о правѣ негоціаціи и заключенія международныхъ соглашеній.

Digitized by Google

ковъ». Это—нравственный принципъ, не болѣе. Можно, конечно, пожелать, чтобы война, предпринятая совмѣстно, кончалась для всѣхъ единовременно. Но государства не теряютъ своей самостоятельности, заключая между собою военный союзъ, а слѣдовательно они могутъ всегда продолжать войну даже въ томъ случаѣ, когда главная сторона заключила миръ, на-сколько такой образъ дѣйствій не противорѣчитъ обязанностямъ союзника. V) Мирные трактаты заключаются на конгрессахъ или на конференціяхъ[1]. Съѣзду на конгрессъ или на конференцію предшествуетъ обыкновенно взаимное и непосредственное предложеніе условій[2]. Иногда предложеніе дѣлается посредствомъ добрыхъ услугъ или медіаціи другихъ государствъ. Опредѣляютъ пункты касательно мѣста, способовъ переговоровъ, обезпечивается личность дипломатическихъ агентовъ, если мѣстомъ переговоровъ служитъ непріятельская территорія. Все это составляетъ такъ называемыя предварительныя статьи, или прелиминаріи трактата (préliminaires du traité). Прежняя практика допускала заключеніе предварительнаго перемирія, а также мира на нѣсколько лѣтъ. Теперь господствуетъ иное правило, основанное на томъ убѣжденіи, что война есть преходящее и ненормальное, а миръ постоянное и правильное отношеніе между государствами и націями. Но VI) кѣмъ бы ни заключался трактатъ — самими государями или дипломатическими агентами, — каковы бы ни были статьи договора въ смыслѣ отяготительности ихъ для государства: разъ соглашеніе состоялось и получило ратификацію, оно должно быть исполнено. — Заключеніе мирнаго трактата несовмѣстно съ какими бы то ни было непріязненными дѣйствіями, въ-родѣ, напр., взиманія контрибуцій, даже взыскиванія недоимокъ по военнымъ сборамъ, наложеннымъ въ моментъ occupatio bellica, захвата при-

---

[1] См. выше о значеніи того и другаго слова.

[2] См. дипломатическій терминъ: faire les ouvertures de la paix.

Digitized by Google

зовъ, продолженія блокады, преслѣдованія контрабанды и пр. Но частныя обязательства, заключенныя отдѣльными лицами относительно непріятеля, сохраняютъ свою силу по мнѣнію нѣкоторыхъ публицистовъ[1]. Всѣ споры и недоразумѣнія между государствами прекращаются: иначе былъ бы не миръ, но перемиріе. Вотъ почему въ каждомъ мирномъ трактатѣ помѣщается такъ-называемая *амнистія*, т. е. забвеніе всего, что служило поводомъ къ войнѣ[2]. Значеніе амнистіи весьма велико[3]. Тамъ, гдѣ амнистія не выражена явно, она подразумѣвается. Не включаются въ амнистію: a) законныя обязательства частныхъ лицъ, подданныхъ замирившихся государствъ, заключенныя во время войны; b) обязательства между самими государствами, заключенныя до и независимо отъ войны; c) обязательства третьихъ лицъ и сторонъ относительно одного изъ воюющихъ; d) частныя требованія и законные иски одного изъ воюющихъ противъ кого-либо изъ подданныхъ другого государства[4]. — Вообще, мирный трактатъ долженъ установлять извѣстное, вполнѣ опредѣленное территоріальное состояніе между государствами, такъ-какъ только войнѣ приличествуетъ шаткость и спорность отношеній: или трактатъ

---

[1] Ср. *Гефстера* § 180.

[2] См. вестф. конгресъ: Gravamina politica et ecclesiastica.

[3] См. у *Гефстера* § 180 цитату изъ одного публициста (*Gudelin*, De pace. C. 3): «In amnestia consistit substantia pacis, et absque illa nequit esse pax, atque adeo paci ista lex inesse intelligitur». См. также *Уильдмана*, I. 141, 142 и слѣд.

[4] *Уильдманъ* (I, 143) говоритъ: «Private demands accruing before or during war may be recovered in time of peaces, for war does not extinguish the right, but only suspends the remedy». Ср. *Kent*, Comm. on intern. law, PP. 413, 414: «Миръ не касается частныхъ правъ, неимѣющихъ отношенія къ войнѣ. Долги, заключенные *передъ войною*, обиды и правонарушенія, совершонныя *до войны*, остаются нетронутыми (remain entire), если только ни долги, ни обиды эти не имѣли никакой доли вліянія на предпринятіе войны. Бываютъ даже случаи, когда получаютъ исковую силу долги по договорамъ или ex delicto, возникшіе между подданными воюющихъ державъ во время войны, напр. долги плѣнныхъ за квартированіе и проч. въ непріятельской землѣ, долги по коммерческимъ векселямъ, если торговля дозволялась по лицензіямъ» и т. п.

Digitized by Google

возстановляетъ status quo ante bellum, или же дѣлаетъ уступки, точно и подробно обозначенныя въ самомъ актѣ, instrument de la paix. — Плѣнные отпускаются. Возможны, но не необходимы условія касательно вознагражденія военныхъ издержекъ. Къ мирному договору, заключающему въ себѣ что-либо касающееся постороннихъ державъ, можетъ состояться (если нѣтъ повода къ протесту) присоединеніе постороннихъ, но заинтересованныхъ государей (Acte d'accession et d'acceptation). VII) Мирные трактаты входятъ въ силу съ момента подписанія ихъ компетентными лицами, имѣющими полномочіе. Продолженіе непріязненныхъ дѣйствій, хотя бы и можно было доказать незнаніе лица въ томъ виновнаго, составляютъ casus reparationis (основаніе къ вознагражденію) со стороны государства, которое принимаетъ на себя обязанность и отвѣтственность касательно своевременнаго извѣщенія о мирѣ начальниковъ армій, отрядовъ, флота, эскадръ etc. Нарушеніе трактата не принято считать кассаціею его. Здѣсь только возникаетъ основаніе къ вознагражденію или къ репараціи. Споры касательно толкованія рѣшаются или переговоромъ, или медіаціею, даже формальнымъ посредничествомъ другихъ державъ.

Одинъ изъ труднѣйшихъ вопросовъ въ этомъ отдѣлѣ касается того, каково дѣйствіе другихъ трактатовъ, кромѣ мирнаго, послѣ войны? Споры по этому вопросу возникали, и въ теоріи, и на практикѣ, почти до нашихъ дней[1]. Публицистовъ и дипломатовъ особенно затрудняло молчаніе мирнаго трактата о статьяхъ прежнихъ договоровъ, такъ-какъ только формальная отмѣна или ясное упоминаніе предыдущихъ трактатовъ даетъ твердое основаніе или для отрицательнаго, или же для утвердительнаго заключенія. Въ настоящее время, наиболѣе суровые публицисты

[1] См. между прочимъ у Уитона, 2 т., споръ между Англіею и сѣверо-американскими штатами о томъ—отмѣнены ли, по мирному трактату 1814 г. послѣ второй войны американцевъ съ Великобританіею, статьи версальскаго договора 1783 г. о привилегіи рыбной ловли въ пользу сѣверо-американцевъ.

Digitized by Google

не станутъ доказывать, какъ было это въ эпоху вестфальскаго конгресса, что война «rumpit omnem vinculum juris» (разрываетъ всѣ юридическія связи, а слѣдовательно и трактаты) между націями[1]. Въ-частности къ мирному трактату прилагается правило, что «Lex posterior derogat priori» (позднѣйшій законъ отмѣняетъ предыдущій), лишь въ случаѣ противорѣчія статей его съ предыдущими договорами. Равнымъ образомъ мирный трактатъ влечетъ за собою отмѣну прежнихъ трактатовъ, если послѣдніе были обусловлены такими обстоятельствами, которыя уничтожены войною (Contractus cum clausula rebus sic stantibus). За-тѣмъ общее правило, нынѣ дѣйствующее, очень хорошо выражаетъ американскій юристъ Кентъ: «Если трактаты (говоритъ онъ) имѣютъ въ виду постоянное опредѣленіе и установленіе извѣстныхъ правъ между государствами (a permanent arrangement of national rights), или если трактаты, по смыслу статей своихъ, заключены именно на случай войны, то было бы противнымъ всякому здравому толкованію считать подобные трактаты прекращенными войною. Они возобновляются, какъ-бы воскресая вновь, если не отмѣнены формально, или же не сталкиваются по существу съ содержаніемъ статей въ мирномъ трактатѣ». Такой взглядъ, раздѣляемый почти всѣми публицистами, не допускаетъ теперь споровъ, происходившихъ столь часто въ эпоху Ваттеля и другихъ публицистовъ XVIII столѣтія[2].

Подъ jus postliminii у римлянъ разумѣлась, по мнѣнію большинства писателей, та юридическая фикція, по которой лицо, а иногда и вещи, захваченныя непріятелемъ, возвращались къ своему прежнему законному состоянію (status legalis), какъ-

---

[1] См. выше общія положенія о вліяніи войны на договорныя отношенія государствъ.

[2] *Halleck*, XXIV, § 22.—*Heffter*, § 181.—*Kent's* «Commentaries on American Law», I, P. 177.

Digitized by Google

только попадали вновь во власть націи, обладавшей ими до войны. Такимъ образомъ «фингировалось», будто римлянинъ, возвратившійся изъ плѣна, никогда не переставалъ быть гражданиномъ (Postliminium fingit eum qui captus est in civitate semper fuisse). Такъ, у римлянъ, плѣнный сынъ sub potestate patris, по возвращеніи изъ непріятельской страны на родину, опять, ipso jure, подчинялся власти домовладыки и не могъ быть самостоятельнымъ лицомъ (persona sui juris). За-тѣмъ, права, принадлежавшія кому-либо до плѣна, сами собой возстановлялись послѣ законнаго прекращенія плѣна. То-же общее правило о возстановленіи прежняго состоянія — status legalis, съ немногими исключеніями, и ограниченіями, прилагалось и къ вещамъ, бывшимъ добычею, но взятымъ обратно у непріятеля [1]. — Постановленія законодательства и начала науки правовѣдѣнія у римлянъ повліяли весьма сильно на ученіе о jus postliminii въ современномъ международномъ правѣ [2]. И теперь, подъ jus postliminii нужно разумѣть систему или совокупность правилъ, дѣйствующихъ между народами для опредѣленія и возстановленія силы и дѣйствія отношеній (публичныхъ и частныхъ), измѣненныхъ и даже прекращенныхъ войною. Какъ самыя правила jus postliminii, такъ и приложеніе ихъ представляютъ значительныя трудности.

Jus postliminii прилагается къ отношеніямъ публичнымъ и частнымъ. Опирается оно на началѣ, что законно-пріобрѣтенныя права не могутъ быть уничтожены фактомъ войны и имѣютъ силу даже послѣ войны, если только противъ подобнаго дѣйствія правъ не постановлено заранѣе прямаго и яснаго или даже не прямаго, подразумѣваемаго запрещенія [3]. «Существуя само по себѣ, какъ естественное право между государствами, jus postliminii можетъ

---

[1] Ср. Instit. Lib. I, tit. 12, § 5.

[2] Ср. *Гефстера* § 187; *Галлекъ* XXXV. § 2 etc.

[3] См. однако-же *Галлекъ* § 4, гдѣ высказано весьма спорное положеніе, будто «jus postliminii не имѣетъ мѣста послѣ заключенія мирнаго трактата».

Digitized by Google

однако-же подвергаться различнымъ измѣненіямъ и ограниченіямъ въ законахъ и трактатахъ», говоритъ Геффтеръ. А) Что касается отношеній публичнаго права, то здѣсь приложеніе jus postliminii имѣетъ мѣсто: во-первыхъ, когда какая-либо территорія или часть ея, подвергшаяся занятію непріятелемъ, возвращается къ состоянію, въ которомъ пребывала она до войны— status quo ante bellum, т. е. къ независимости и самостоятельности, тогда прежній государь вступаетъ въ права свои самъ собою или съ согласія иностранной державы (послѣднее — въ томъ случаѣ, если непріятель прогнанъ войсками этого государства). — Если занятіе страны непріятелемъ переходило на извѣстное время въ узурпацію, то II) уничтожаются всѣ государственныя (конституціонныя) учрежденія, которыя установлены узурпаторомъ, и, напротивъ, прежнее устройство (конституція) входитъ снова въ законную силу. Само собою разумѣется, что отъ воли возстановленнаго правительства зависитъ удержать часть конституціи узурпатора или даже сохранить ее во всей полнотѣ. — Спрашивается: что постановляетъ международное право на тотъ случай, когда какое-либо государство освобождается отъ завоевателя и узурпатора при помощи другой, союзной или несоюзной державы? Въ обоихъ случаяхъ, jus postliminii имѣетъ мѣсто относительно того государственнаго устройства, которое было до момента занятія, завладѣнія и узурпаціи. Международное право безусловно осуждаетъ присвоеніе себѣ какихъ-либо завоевательныхъ или верховныхъ правъ со стороны освободителя. «Отрицаніе jus postliminii въ подобныхъ случаяхъ — замѣчаетъ Галлекъ[1] — противорѣчитъ международному праву и составляетъ нарушеніе общественной морали. Вотъ почему всѣ публицисты безусловно порицаютъ поведеніе Англіи, когда держава эта, изгнавши своими войсками, подъ командою

[1] U. S. § 10, 11.

Digitized by Google

лорда Бентинка въ 1814 г., узурпатора (Францію) изъ Генуи, уступила Сардиніи территорію республики, существовавшей въ системѣ европейскихъ государствъ до 1797 года»[1]. III) Возвратившійся государь имѣетъ безусловное право уничтожить административныя учрежденія и отмѣнить административные акты узурпатора, возстановить, во всей цѣлости, законы, порядокъ управленія и организацію подлежащихъ властей въ прежнемъ ихъ видѣ. Но международное право стоитъ—a) за неприкосновенность частныхъ правъ и ненарушимость судебныхъ приговоровъ, постановленныхъ и установившихся въ періодъ узурпаціи; b) нельзя также требовать отъ подданныхъ вторичной уплаты государственныхъ долговъ, податей и повинностей, взнесенныхъ и уплаченныхъ узурпатору, хотя недоимки въ податяхъ и повинностяхъ, которыя уплачивались узурпатору, могутъ быть истребованы возвратившимся государемъ по началу тожества государствъ и преемственности различныхъ правительствъ. IV) Особый и часто спорный вопросъ составляло, почти до конца первой четверти настоящаго столѣтія, отчужденіе государственныхъ доменовъ узурпаторомъ. Международная практика представила по этому вопросу нѣсколько знаменитыхъ случаевъ послѣ низложенія Наполеона I, а именно—въ бывшемъ вестфальскомъ королевствѣ, созданномъ Бонапартомъ по тильзитскому миру для брата своего Іеронима (Jérome Bonaparte—отецъ нынѣшняго принца Бонапарта). Курфирстъ гессенскій, 1818 г., издалъ декретъ, которымъ приказалъ отобрать въ казенное вѣдомство домены государственные, проданные частнымъ лицамъ при королѣ Іеронимѣ. Завязалось дѣло, занимавшее нѣсколько лѣтъ всю Европу и разсматривавшееся нѣсколькими судами и юридическими факультетами Германіи. Большинство рѣшеній держалось, и совершенно-основательно, на-

[1] См. *Hallek*, L. C. § 11.—*Wheaton*, Histoire etc. pp. 487, 488.—*Klüber*, Acten des Wiener Congresses, b. 7 §§ 420—433 etc.

Digitized by Google

чала неприкосновенности гражданскихъ правъ, законно и дѣйствительно, а не фиктивно пріобрѣтенныхъ частными лицами въ періодъ узурпаціи. Но были и противоположныя мнѣнія[1]. Дѣло окончено миролюбивымъ соглашеніемъ, при чемъ были вознаграждены за потери свои лишь меньшинство частныхъ лицъ, которыя пріобрѣли на законномъ основаніи участки государственныхъ доменовъ отъ правительства короля вестфальскаго. V) Международное право требуетъ также, чтобы возвратившійся государь принималъ на себя законныя государственныя обязательства по реальнымъ договорамъ и конвенціямъ временнаго или промежуточнаго правительства узурпатора: начало для такого правила понятно, а именно — тожественность націи и государства, какъ отдѣльнаго политическаго союза, при всякомъ правительствѣ. Само собою слѣдуетъ, что возвратившійся государь властенъ прекратить трактатъ, заключенный узурпаторомъ, въ общемъ легальномъ порядкѣ касательно денонціаціи и проч.

B. Въ частныхъ отношеніяхъ, jus postliminii касается или лицъ или имуществъ и возникаетъ съ того момента, когда извѣстныя лица или имущества возвратятся отъ непріятеля въ собственную территорію, а такъ-же перейдутъ въ руки начальниковъ и агентовъ собственнаго или союзнаго правительства. Относительно вещей непріятельскихъ, внесенныхъ на нейтральную территорію, по мнѣнію нѣкоторыхъ писателей, не можетъ быть jus postliminii; но послѣднее дѣйствуетъ относительно лицъ даже въ предѣлахъ нейтральнаго государства[2]. За-то смягченія, которыя сдѣланы современною цивилизаціею относительно

[1] См. у Геффтера ссылку на мнѣніе ольденбургскаго правительства, представленное германскому сейму 1823 года.

[2] Ср. *Kent*, Comm. on intern. law, Chapt. VI, P. 281.—*Галлекъ*, L. C. §§ 5, 6. The right of postliminy, with respect to things, do not take effect in neutral countries, because the neutral is bound to consider every acquisition made by either country as a lawful acquisition, unless the capture itself is an intringment of his own neutral jurisdiction or rights» etc.

Digitized by Google

плѣна, имѣли своимъ результатомъ самое полное примѣненіе всѣми писателями juris postliminii къ плѣннику, возвратившемуся въ отечество.—Отбрасывая, какъ излишнія усложненія, фикціи въ духѣ римскаго права, международное право приравниваетъ плѣнъ къ юридическому состоянію «временнаго отсутствія»; слѣдовательно права плѣнныхъ охраняются и предполагаются существующими до тѣхъ поръ, пока не явятся основанія заключить о безвѣстномъ отсутствіи. Впрочемъ, плѣнникъ не теряетъ власти назначить попечителей, опекуновъ и повѣренныхъ для управленія его дѣлами во время самаго плѣна.— Исключенія изъ этихъ правилъ опредѣляются внутренними законами или особыми трактатами (между прочимъ не пользуются jure postliminii плѣнные, выданные собственнымъ правительствомъ непріятелю за неисполненіе даннаго слова несражаться). И такъ, плѣнный, возвратившійся въ отечество, вступаетъ, eo ipso, во всѣ политическія и гражданскія права, которыя принадлежали ему и которыя онъ осуществлялъ, до момента плѣна. (Ограниченіе общаго правила о возстановленіи всѣхъ правъ по вопросу о томъ: въ какой мѣрѣ возвратившійся плѣнный можетъ разсчитывать на возстановленіе въ правахъ своихъ по должности — рѣшается внутренними законами). — Бракъ военно-плѣннаго существуетъ, пока не явится убѣдительныхъ доказательствъ смерти или безвѣстнаго отсутствія. Имущественныя и другія вещныя права только пріостанавливаются въ своемъ осуществленіи. Слѣдовательно, оказывается нужнымъ пріобрѣтать вновь владѣніе, которое немыслимо безъ соединенія animi cum corpore possidendi. Обязательства, вытекающія изъ законныхъ договоровъ и изъ другихъ causae obligationum, сохраняютъ свою силу въ періодъ плѣна и подлежатъ полному дѣйствію juris postliminii съ момента возвращенія военно-плѣннаго, будетъ ли онъ кредиторомъ или должникомъ по извѣстному обязательству. — Исключаются изъ вещей, подлежащихъ

Digitized by Google

juri postliminii, такія движимости, которыя сдѣлались законною добычею, по общепринятымъ обычаямъ международнаго права или по внутреннимъ законамъ различныхъ государствъ. Но многіе изъ новѣйшихъ публицистовъ безусловно отвергаютъ въ данномъ случаѣ примѣненіе началъ римскаго права и оспариваютъ, какъ мы видѣли, самое право добычи. Все вышесказанное примѣняется къ частнымъ правамъ государей и членовъ владѣтельныхъ фамилій. Узурпаторъ, властный отчуждать съ законными послѣдствіями государственные домены, не можетъ сдѣлать того же относительно частныхъ имѣній государя etc. Здѣсь, по возстановленіи независимости страны и націи, дѣйствуетъ во всей силѣ jus postliminii и происходитъ in integrum restitutio, возстановленіе правъ во всей прежней полнотѣ ихъ[1].

Въ-частности, jus postliminii представляетъ особенно-много трудностей, до сихъ поръ еще не рѣшенныхъ окончательно ни наукою, ни практикой, по вопросу о такъ-называемыхъ репризахъ или отбояхъ, имѣвшемъ особенно-важное практическое значеніе до 1856 г.

Вотъ въ чемъ здѣсь сущность дѣла: нейтральное судно (съ грузомъ или безъ груза), захваченное корсаромъ или каперомъ, могло быть вновь отбито воюющимъ или его союзникомъ (отсюда и названіе — репризъ). Спрашивается: какая же судьба постигала отбитое судно съ грузомъ, т. е. кому принадлежало

---

[1] См. «Jus postliminii» у *Г. Гроція*, J. B. P. Lib. III. Cap. IX. §§ 1—19. — *Ваттель*, II. Ch. 14. §§ 204—222. — *Венкерсгукъ*, Q. J. P. I; 16. «De jure postliminii varia. PP. 220—222. —Глава эта менѣе интересна, чѣмъ прочія въ Quæstiones J. P.; она наполнена большею частію историческими примѣрами XVI и XVII столѣтій. — *Martens (G. F.)*, Précis du droit des gens etc. (Ed. 1831), § 283. — *Klüber*, Droit des gens moderne, §§ 256—258. — *Kent*, Comment. on intern. law (Abdy's edit.). Здѣсь заключается краткое изложеніе постановленій о postliminium по законодательствамъ — французскому, испанскому, голландскому, датскому, португальскому и шведскому, а также разсматривается англійская и американская практика. — *Phillimore*, III, Chap. VI. §§ 403—432 (Ed. 1857). — *Halleck*, Ch. XXXV, §§ 1—28.

Digitized by Google

право собственности на репризъ: прежнему ли хозяину, или тому, кто совершилъ отбой? И если у отбившаго призъ нѣтъ собственности, то каковы-же, въ данномъ случаѣ, права его? Дѣйствуетъ ли здѣсь jus postliminii, въ чью именно пользу и по прошествіи какого времени?

Всѣ публицисты понимаютъ и болѣе или менѣе единогласно высказываютъ затруднительность опредѣленныхъ отвѣтовъ на вопросы эти[1]. Говорятъ иногда: «если отбитый корабль съ грузомъ принадлежитъ хозяину — подданному одного государства съ тѣмъ, кто взялъ репризъ, — тогда дѣло просто и рѣшается на основаніи внутреннихъ и отечественныхъ ихъ законовъ». Но напрасно было бы искать однообразія и согласія въ постановленіяхъ различныхъ законодательствъ, не исключая постановленій агло-американскихъ по этому вопросу: если французскія и испанскія правила сойдутся между собою, то датскія, голландскія etc. представятъ полнѣйшую противоположность. Значитъ, здѣсь не чего и говорить о приложеніи какой-либо общей нормы международнаго характера[2]. Такой характеръ пріобрѣтаютъ случаи репризовъ только тогда, когда взявшій репризъ и хозяинъ отбитаго корабля съ грузомъ принадлежатъ къ различнымъ національностямъ. Но дѣло въ томъ, что главный вопросъ для примѣненія jus postliminii въ подобныхъ случаяхъ (т. е. вопросъ о времени, съ котораго отбитый призъ дѣлается законною добычею корсара)

---

[1] *Heffter*, §§ 191, 192. «Разбросанныя статьи, которыя встрѣчаются касательно права репризовъ во многихъ государственныхъ договорахъ, не представляютъ матеріала, достаточнаго для цѣльной доктрины объ этомъ предметѣ. Практика судовъ руководствуется политическими соображеніями болѣе, чѣмъ юридическими началами».

[2] Ср. *Halleck*, XXXV, P. 879. «It is thus seen that the municipal laws of the United States relating to recaptures are essentially different from the British statutes on the same subject». etc. Далѣе (P. 883): «It appears, that there is no uniform or fixed rule as to the quantum of salvage allowed in cases of recapture of a foreign vessel or foreign goods, *the rates being different in different countries and even in the same (country), in different cases*».

Digitized by Google

не нашелъ для себя окончательнаго рѣшенія ни въ трактатахъ, ни въ судебной призовой практикѣ. Даже публицисты, за немногими исключеніями, спорятъ между собою: достаточно ли, для установленія права законной добычи, одного захвата корабля, нарушившаго такъ или иначе законы нейтралитета? Нужно ли для этого истеченіе 24-часоваго срока (французско-испанская система), или же достаточно одного отвода реприза въ безопасное мѣсто — perductio infra praesidia, по выраженію старинныхъ памятниковъ морскаго права? Необходимо ли, наконецъ, для установленія законной добычи, произнесеніе законнаго рѣшенія въ призовомъ судѣ? (такова англійская система, по которой jus postliminii въ пользу хозяина корабля и груза дѣйствуетъ въ случаѣ репризовъ только до постановленія приговора надлежащихъ трибуналовъ; при чемъ взявшему репризъ выдается вознаградительная плата — salvage, $^1/_8$ цѣнности корабля съ грузомъ).

Тѣмъ не менѣе, опираясь на мнѣніе согласныхъ между собою публицистовъ прошлаго и настоящаго столѣтій — Лингѐ, Жуффруа, Мартенса, Геффтера, Блунчли и нѣкоторыхъ другихъ защитниковъ правъ частной собственности въ морской войнѣ, наука международнаго права высказываетъ такія положенія: «Слѣдуетъ признать неприкосновенность и ненарушимость правъ первоначальнаго хозяина корабля и груза. Законы войны не должны надѣлять воюющаго ни чѣмъ похожимъ на абсолютное право собственности относительно кораблей и грузовъ, безъ отличія враговъ отъ нейтральныхъ. Все, что актъ реприза даетъ тому, кто совершилъ отбой, это — право на извѣстное вознагражденіе за спасеніе имущества отъ первоначальнаго и законнаго хозяина. Дружественныя и нейтральныя державы должны на-всегда удержать право требовать возвращенія отнятыхъ у нихъ имуществъ, гдѣ бы послѣднія ни находились».

Однимъ словомъ, наука международнаго права клонилась издавна, въ интересахъ нейтральныхъ націй, и должна теперь клониться,

Digitized by Google

въ интересахъ полнаго и скораго признанія свободы и неприкосновенности частной собственности, *къ осужденію* старинной и жестокой *системы призовъ и безповоротныхъ репризовъ*. Это доказываетъ, что, отъ Гроція и Монтескьё до нашихъ дней, наука международнаго права оставалась вѣрною той истинѣ, съ упоминанія которой начата была настоящая работа (см. выше стр. 3), а именно: «что въ войнѣ цивилизованные народы должны причинять другъ другу наименьшее количество зла». Кто отвергаетъ нравственную силу идеи о правѣ, вѣруя въ одну силу въ международныхъ отношеніяхъ, тому мы можемъ привести здѣсь слѣдующія слова издателя Г. Гроція—Прадье-Фодерэ: конечно, съ того времени, когда рука Гроція написала призывъ къ миру и взаимному довѣрію между государствами, много крови пролилось на свѣтѣ и немало еще прольется ея впереди. Голосъ права былъ часто заглушаемъ... Но по крайней мѣрѣ нашла себѣ доступъ, черезъ науку, на совѣты государей и на поля битвъ идея человѣколюбія, солидарности и взаимной честности; идея эта пустила ростки и дала уже тѣ плоды, которые составляютъ сущность цивилизаціи и прогресса современной эпохи. Будущее, кажется, обѣщаетъ болѣе рѣшительныя измѣненія. Если только принимать въ разсчетъ стремленія народовъ, дружное содѣйствіе мыслящихъ людей всѣхъ странъ и, наконецъ, самыя тенденціи нѣкоторыхъ правительствъ, то недалека минута, когда съ пользою осуществится изреченіе Наполеона I-го: «Есть только двѣ силы на свѣтѣ: сабля и умъ человѣческій... Въ концѣ концовъ, сабля всегда была побиваема умомъ человѣка».

Digitized by Google

ПРИЛОЖЕНІЕ.

(Къ §§ 27 и 28).

Перечень собраній трактатовъ и конвенцій, заключенныхъ отъ древнѣйшей эпохи до нашего времени.

Совершенно-излишнее дѣло распространяться о важномъ значеніи собраній, заключающихъ въ себѣ столь вѣскій матеріалъ для науки международнаго права, какъ трактаты. Доказательствомъ того, что была издавна сознаваема потребность подобныхъ собраній, служитъ рядъ изданій во всѣхъ европейскихъ государствахъ, отъ Annales ecclesiastici Баронія, 1588 года, до нашихъ дней. — Книга Г. Гроція «De Jure belli ac pacis libri tres» не осталась безъ вліянія на собираніе матеріала для международнаго права, хотя одно изъ самыхъ раннихъ изданій этого рода (Jean de Saint-Gelais, 1622, Paris) предупредило нѣсколькими годами появленія труда Гроціева. За-то, послѣ Гроція, мы можемъ указать: Theatrum europaeum (1635—1782); Mercurio di *Vittorio Siri* (1644—1682); *Leibnitz*, Codex juris gentium diplomaticus. Hannover. 1693; его-же (Лейбница) Mantissa Codicis juris gentium diplomatici. Hannover. 1700. — *Bernard* (Jacques), Recueil des traités de paix, de trêve, de neutralité, de suspension d'armes, de confédération, d'alliance, de commerce, de garantie etc. (depuis 536 — jusqu'à 1700). Amsterdam — Haye. 1700. TT. I—IV. (Это изданіе извѣстно также подъ названіемъ: изд. голландца Мутьенса (Moetjens), одного изъ книгопродавцевъ, пожертвовавшихъ денежныя

Digitized by Google

средства на ученое предпріятіе. Тотъ-же Мутьенсъ обнародовалъ извлеченіе, extrait, изъ бернардовскаго собранія подъ названіемъ: Recueil des divers traités etc. Haye. 1707; 2 vol. in 8°). См. in extenso: *Ompteda*, Literatur des Völkerrechts, I, 311 etc. 429 etc. — *Kamptz*, Neue Litteratur des Völkerrechts, SS. 68 ff. und 381 ff.

Болѣе извѣстны и до сихъ поръ встрѣчаются въ ссылкахъ у новыхъ авторовъ: 1) *Jean Dumont*, Corps universel diplomatique du droit des gens, contenant un recueil des traités d'alliance, de paix, de trêve etc. faits en Europe depuis Charlemagne jusqu'à présent (depuis 800 jusqu'à 1731). Amsterdam — Haye. 1726 — 1731. TT. I — VIII; fol.

2) Supplément au corps universel diplomatique etc. de Dumont par *Barbeyrac* et *Rousset*. TT. I — IV; fol. — Первый изъ этихъ четырехъ томовъ заключаетъ въ себѣ исторію древнихъ трактатовъ отъ 1496 г. передъ Р. Х. до 813 г. христіанской эры (Барбейрака); второй и третій томы (Руссе) содержатъ трактаты до 1738 года.

3) Еще одно дополненіе къ собранію Дюмона сдѣлано въ Амстердамѣ, 1735 г., подъ названіемъ: *Jean-Yves de Saint-Prest*, Histoire des traités de paix et autres négotiations du XVII siècle (1597 — 1679); TT. I, II. fol.

4) *J. J. Schmauss*, Corpus juris gentium academicum (1096 — 1731). Lips. 1730. TT. I, II. in 8°.

5) *F. A. Wenck*, Codex juris gentium recentissimi (1735 — 1772). Lips. T. I. 1781; II. 1786; III, 1795. in 8°.

6) *G. F. Martens*, Recueil des principaux traités d'alliance, de paix, de trêve, de neutralité etc. (1761 — 1801). Первое изданіе геттингенское, отъ 1791 до 1817 г., заключаетъ въ себѣ 7 томовъ. Второе изданіе, въ Геттингенѣ же, отъ 1817-го до 1835 г., состоитъ изъ 8 томовъ. — Оцѣнку этого общеизвѣстнаго изданія, съ указаніемъ достоинствъ и недостатковъ, сдѣ-

Digitized by Google

лалъ, между прочимъ, *Робертъ фъ. Моль*, См. Geschichte und Litteratur der Staatswischenschaften. I. S. 454.

7) Тѣмъ-же авторомъ (G. F. Martens) издано: «Supplément au Recueil des principaux traités etc. TT. I—IV (1701—1807)». Göttingue. 1802 — 1808. — За-тѣмъ въ 1817 и 1818 гг. изданы томы: V, VI, VII (1808 — 1818). Отъ пятаго тома дополненій къ первому изданію и отъ девятаго тома втораго изданія (сдѣланы 1818 г.) оба изданія соединяются въ одно цѣлое, подъ названіемъ: «Nouveau Recueil de traités». — Продолжали послѣдовательно и ведутъ до нашего времени это изданіе, начатое барономъ Георгомъ-Фридрихомъ Мартенсомъ, слѣдующія лица: Карлъ *Мартенсъ* (племянникъ перваго), *Кюсси*, *Заальфельдъ*, *Мургардъ*, *Пингасъ* (*Pinhas*) и *Замверъ* (*Samver*). См. между прочимъ изданіе *Мартенса* (*Карла*) и *Кюссѝ*: «Recueil manuel et pratique des traités, conventions etc. depuis l'année 1750 jusqu'à l'époque actuelle». I — V. 1846. До 1866 года, изданіе *Мартенса* и его продолжателей заключало уже въ себѣ: такъ называемое Nouveaux suppléments, 13 vol.

Murhard, — 13 vol.

Samwer, — 5 vol.

Ср. *Tétot*, Bibliothèque diplomatique. Répertoire des traités de paix, de commerce, d'alliance etc. depuis la paix de Westphalie jusqu'à nos jours. Paris. 1866. — Смотр. у *Robert von Mohl*, L. C. I. 455 etc. замѣчанія объ изданіяхъ: *Гилланн* (*Ghillany* Diplomatisches Handbuch etc. 1854 — 55); *Галло* (*Gallo*, Trattati e convenzioni di commercio et di navigazione fra Stati esteri. Triest. 1845); *Смидта* (*Smidt*, Handels- und Schiffahrtsverträge der freien Hänsestädte und Bremen's insbesondere. Bremen. 1842); *Зётбера* (*Sœtbeer*, Schiffahrtsgesetze, so wie Handels- und Schiffahrts-Verträge verschiedener Staaten im J. 1847. — Hambg. 1848). — Послѣднія два изданія отличаются большими достоинствами и имѣютъ обще-

*

Digitized by Google

европейскую извѣстность къ литературѣ международнаго права.

Кромѣ общихъ, есть еще частныя собранія трактатовъ для отдѣльныхъ государствъ. Такъ I) *Австрія* имѣетъ трудъ: а) *Фонъ-Пюттлингена (Vesque von Puttlingen*, Uebersicht der Verträge Oesterreichs mit auswärtigen Staaten von dem Regierungsantritte Maria Theresia's angefangen bis auf die neueste Zeit. Wien. 1854; достоинства и недостатки этого изданія см. у Роб. Ф. Моля O. C. I, стр. 457); б) *Неймана (Neumann*, Recueil des traités et conventions conclus par l'Autriche avec les puissances étrangères depuis 1763 jusqu'à 1856. — 6 волюмовъ in 8°, лейпцигское изданіе). — II) Трактаты *латино-американскихъ государствъ* собраны *Кальво (Calvo*, Recueil complet des traités, conventions, capitulations, armistices et autres actes diplomatiques de tous les Etats de l'Amerique latine, compris entre le golfe de Méxique et le cap Horn, depuis 1493 jusqu'à nos jours. Paris), 1862 — 1869, II vol. in 8. — Ср. того-же автора: Annales historiques de la révolution de l'Amérique latine, depuis l'année 1808 jusqu'à la reconnaissance par les Etats européens de l'indépendance de ce vaste continent. Paris. 1864 — 1867. 5 vol. in 8°). — III) Трактаты *Бельгіи: Гарсіи де-ла-Вега (Garcia de-la-Vega*, Recueil des traités et conventions concernant le royaume de Belgique. Bruxelles. 5 vol. in 8°). — IV) Трактаты *Испаніи: Кантильо (Del Cantillo*, Tratados, convenios y declaraciones de paz y de commercio que han hecho con las potencias estranjeras los monarcas españoles de la casa de Borbon, desde el anno de 1700 hasta el dia; puestos en orden é illustrados muchos de ellos con la historia de sus respectivas negociaciones. Madrid. 1843. 4°. То есть: «Трактаты, конвенціи и декларацiи о мирѣ и о торговлѣ, заключенные съ иностранными державами государями изъ династіи Бурбоновъ отъ 1700 года до нашихъ дней; приведены

Digitized by Google

въ порядокъ и многіе изъ нихъ разъяснены исторіею относящихся къ нимъ переговоровъ». — V) *Англійскіе* трактаты см. у *Гертслета* (*Hertslet*, Collection of the treaties and conventions at present subsisting between Great Britain and foreign powers relating to commerce and navigation etc. 1810—1859 (II vol. in 8°). — Одно изъ лучшихъ старинныхъ изданій англійскихъ и при томъ морскихъ трактатовъ принадлежитъ *Чамерсу* (George *Chalmers*, A collection of maritime treaties. London. 1790. T. I, II; 8°). — Есть также изданіе, сдѣланное *Дженкинсономъ* въ Лондонѣ 1750 г., всѣхъ трактатовъ отъ 1648 до 1783 г. (т. е. до парижскаго мира. «Collection of all the treaties... from the treaty signed at Münster in 1648 to the treaties signed at Paris 1783 etc. Наконецъ пользуется большимъ уваженіемъ у историковъ и публицистовъ собраніе *Раймера* (*Thomæ Rymeri*, Foedera, conventiones etc. 1101—1654). Первое изданіе въ Лондонѣ, 1704—1735. Vol. I—XX, составляетъ теперь библіографическую рѣдкость. Третье изданіе, съ нѣкоторыми дополненіями, сдѣлано въ Гаагѣ, 1739. — VI) Трактаты *Греціи* см. у *Сутцо* (*J. Soutzo*, Recueil des documents authentiques relatifs au droit public extérieur de la Grèce, publié par ordre et approbation du département de la maison royale et des affaires extérieures, I vol. gr. in 8°. Athènes. 1838.— VII) Трактаты *Голландіи:* кромѣ старыхъ собраній *Схельта* и *Клюйта*, можно указать новѣйшее изданіе *Лагеманса* (*Lagemans*, Recueil des traités et convention etc. depuis 1813 jusqu'à nos jours, 4 vol. in 8°. La Haye. 1858—1859). — VIII) Трактаты *Италіи*, сверхъ старинныхъ изданій *Люнига* и *Паоло* (*Lunigii*, Codex Italiæ diplomaticus. Francof. et Lips. 1725 — 1735. T. I — IV. Fol. — *Paolo*, Codice diplomatico del sacro militare Ordine Gerosolimitano. Lucca. 1733, 1734. Vol. I, II, fol.). См. изданіе: «Traités publics

**

Digitized by Google

de la royale maison de Savoie avec les puissances étrangères depuis la paix de Cateau-Cambrésis jusqu'à nos jours, publiés par ordre du roi» (Tomes 1 — 8, in 4°). Turin. 1836 — 1861. — IX) *Пруссія* и ея трактаты: кромѣ стараго изданія графа *Герцберга* (Berlin — Hamburg, 1788 - 1795), см. *Роршейда* (*Rohrscheid*, Preussens Staatsverträge. Berlin. 1852). Ср. оцѣнку этого прекраснаго труда у Роберта ф. Моля, O. C. стр. 457, 458. — X) Обще-германскій интересъ имѣетъ собраніе *Камптца* (*Kamptz*, Die Handels- und Schiffahrtsverträge des Zollvereins etc. Braunschweig. 1845). — Старинныя изданія германскихъ трактатовъ: *Люнига* (Lünig's Teutsches Reichs-Archiv. Leipz. 1710 — 1722. Bd. I — XXIV; fol.) — Его-же: Codex Germaniae diplomaticus. Lips. 1732 — 33. B. I, II (fol.). — (См. также вышеприведенное собраніе Шмаусса). — XI) *Порта оттоманская* и ея трактаты см. у *Тесты* (*Testa*, Recueil des traités de la Porte ottomane etc. Depuis le premier traité conclu en 1536 ... jusqu' à nos jours. Tomes 1, 2. gr. in 8°, Paris, 1865). — XII) Для собранія *русскихъ* трактатовъ сдѣлано уже немало, отъ извѣстныхъ работъ *Чулкова* (Историческое описаніе россійской коммерціи, С.-Петербургъ и Москва. 1781 — 1787 г.) и *Доброклонскаго* (Указатель трактатовъ и сношеній Россіи съ 1462 по 1826 гг.) до нашихъ дней. Укажемъ здѣсь главнѣйшіе сборники и источники: а) *Румянцевское* Собраніе государственныхъ грамматъ и договоровъ и проч. Москва 1813. б) Полное собраніе законовъ россійской имперіи. в) Памятники дипломатическихъ сношеній древней Руси съ державами иностранными, по Высочайшему повелѣнію изданные II-мъ отдѣленіемъ С. Е. И. В. Канцеляріи 1854 — 65 г. в) Документы для исторіи дипломатическихъ сношеній Россіи съ западно-европейскими державами, отъ заключенія всеобщаго мира въ 1814 г. до конгресса въ Веронѣ въ 1822 г. Изда-

Digitized by Google

ніе министерства иностранныхъ дѣлъ 1823 г. (2 т.) г.) Собраніе трактатовъ, конвенцій и другихъ актовъ, заключенныхъ Россіею съ азіатскими державами, а также съ сѣверо-американскими штатами. Изданіе гидрографическаго департамента 1855 г. д) Договоры Россіи съ Востокомъ политическіе и торговые (*Юзефовича*). е) Ф. *Мартенса*, Собраніе трактатовъ и конвенцій, заключенныхъ Россіею съ иностранными державами. Составлено по порученію министерства иностранныхъ дѣлъ 1874 года (первый томъ заключаетъ въ себѣ договоры съ Австріею отъ 1648 — 1762). Изданіе это будетъ продолжаться, при участіи нашихъ отечественныхъ дипломатовъ, и въ немъ имѣютъ быть помѣщены «всѣ международные акты, заключенные Россіею съ Австріею, Англіею, Пруссіею, Франціею и Турціею» (см. стр. X-ю предисловія къ I-му тому). Остальныя государства будутъ слѣдовать въ алфавитномъ порядкѣ. — Планъ, предпринятый гг. издателями, представляется намъ вполнѣ цѣлесообразнымъ. Очень полезны будутъ историческія примѣчанія, предпринятыя по методу, отчасти напоминающему испанское изданіе Кантильо. Если начатый трудъ будетъ продолжаться, то разработка исторіи дипломатическихъ сношеній Россіи получитъ богатый матеріалъ первыхъ рукъ и сдѣлается возможною даже вдали отъ столичныхъ нашихъ библіотекъ и архивовъ. — XIII) *Соединенные штаты* и трактаты этой республики см. у *Эллиота* (*Elliot*, American diplomatic code, embracing the Treaties and Conventions between the United States and foreign powers from 1778 to 1834. 2 vols. in 8°. Washington, 1834. — XIV) Трактаты *Франціи* собраны: у *Леонарда* (Recueil des traités etc. 6 vols in 4°. Paris. 1693), совершенно замѣненное извѣстнымъ уже намъ изданіемъ Дюмона (см. выше). — Нѣкто *Девалъ* (*Deval*) издалъ въ французскомъ переводѣ «Капитуляціи Франціи съ Портою», 1770 г. — *Деклеркъ* издалъ въ 1864 — 68

Digitized by Google

гг., при содѣйствіи *Друэнъ-Демюиза*, собраніе французскихъ трактатовъ: « Recueil des traités de la France etc. 9 voll. gr. in 8°. — Текущіе международные акты этой державы см. въ изданіи Archives diplomatiques, Staatsarchiv, Bulletin des lois, Moniteur etc. — XV) Содержаніе *швейцарскихъ* трактатовъ см. въ сборникѣ, оффиціально изданномъ отъ 1832 до 1849 г.— « Recueil officiel des pièces concernant le droit public de la Suisse etc. (3 voll. in 8°. Berne).

Digitized by Google

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ.

Стран.	*Строк.*	*Напечатано:*	*Слѣдуетъ:*
6	6 *сверху*	енергическія	энергическія
81	1 *снизу*	Lützelburg.	Luxemburg.
122	1 *снизу*	d'Avo	D'Avaux
131	14 *сверху*	къ югу отъ пиренейскихъ горъ	къ югу, вдоль пиренейскихъ горъ,
192	9 *сверху*	забулжденіе;	заблужденіе;
222	7 *снизу*	вѣнскими конгрессами	вѣнскимъ конгрессомъ
373	4 *сверху*	Bürger	Bürgen

Digitized by Google

Digitized by Google